Т4(2РОС)
А874

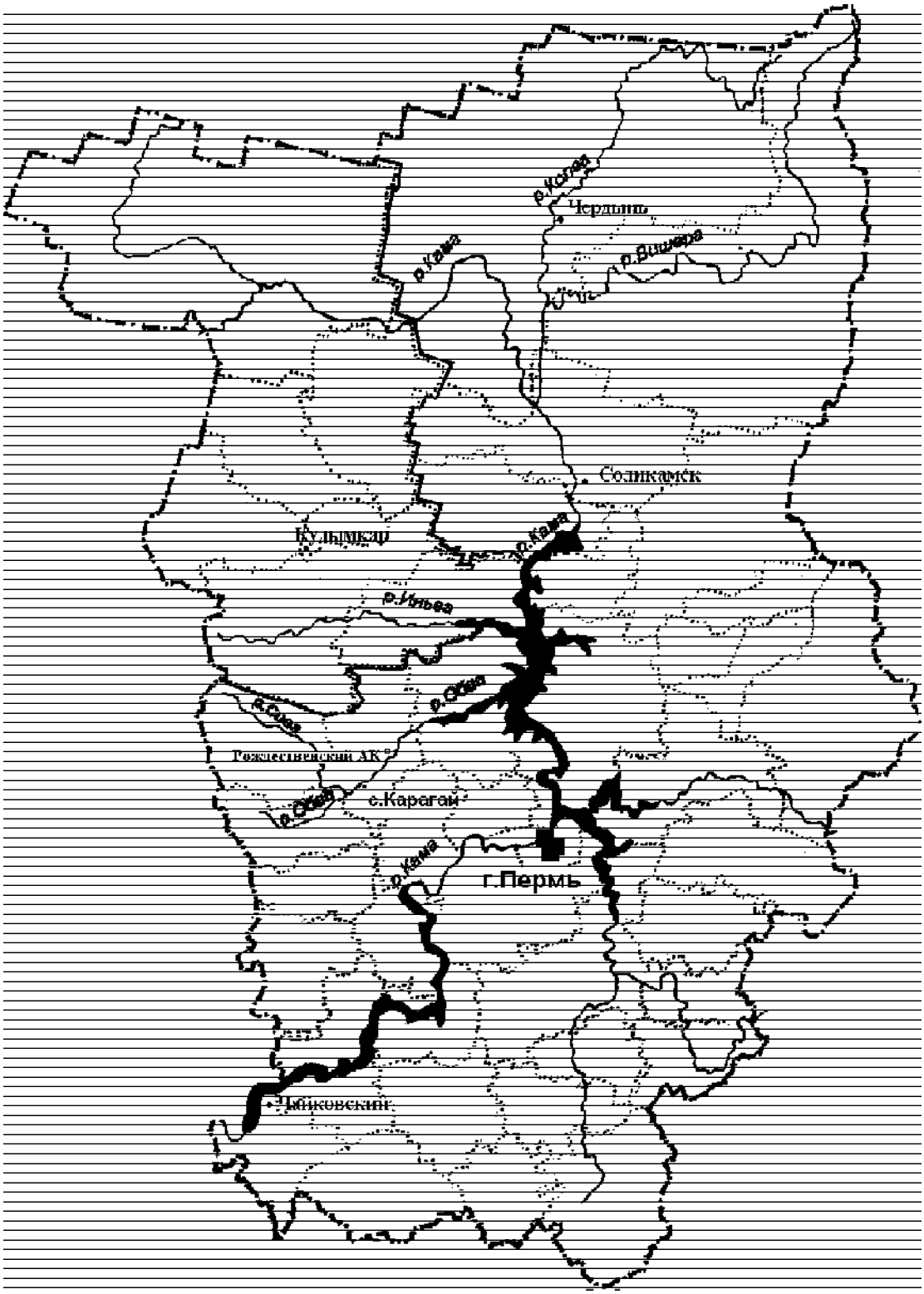
АРХЕОЛОГИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

А.М. Белавин
Н.Б. Крыласова

ДРЕВНЯЯ АФКУЛА

АРХЕОЛОГИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

С В О Д
археологических источников
выпуск I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Уральское отделение
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ

АРХЕОЛОГИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

С В О Д
археологических источников
Выпуск I

Пермь 2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова

ДРЕВНЯЯ АФКУЛА:

археологический комплекс у с. Рождественск

Пермь 2008

УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Б 43

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Ф.Ш. Хузин; отдел славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН)

БЕЛАВИН А.М., КРЫЛАСОВА Н.Б.

Б 43 **ДРЕВНЯЯ АФКУЛА:** археологический комплекс у с.Рождественск **: Монография**/ Перм. гос. пед. ун-т.–Пермь, 2008.– 603 с.: ил. 218 + Прил. (36 с.), табл..–Библиогр. с. 543-563.

В монографии впервые полностью публикуются материалы многолетних раскопок комплекса средневековых памятников у с.Рождественск Карагайского района Пермского края. В издании обобщаются результаты полевых исследований, систематизируется материальная культура, определяется социально-экономическая и культурнно-историческая роль указанного комплекса.

Книга адресована специалистам-археологам, студентам исторических факультетов, учителям, искусствоведам.

Ил. 218, табл. 60, библиогр. 352 назв.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Издание осуществляется в рамках технического задания НТП Рособразования " Музей как образовательно-научный центр вуза" при финансовой поддержке Министерства науки и нноваций Пермского края

ISBIN 978-5-85218-25-0

© Белавин А.М., Крыласова Н.Б., текст, иллюстрации, оформление и макет, 2008.
© ГОУ ВПО "Пермский государственный педагогический университет", 2008.
© Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, 2008.

Уважаемый читатель! Научная проза не терпит лирики, однако авторы не могут удержаться от лирического вступления, ведь археология, пожалуй, по сию пору остается одной из самых романтичных наук, какой делает ее полевая романтика – палатки, песни у костра всю ночь, пыль веков, которую ветер несет всегда в лицо, споры, ссоры, любовь и дружба. Многие проносят дружбу, родившуюся в экспедиции, и верность археологии через всю жизнь. Есть еще и лабораторная романтика – возможность через многие века заглянуть в прошлое, почувствовать прикосновение давно ушедших, совершенно не знакомых, но уже таких близких тебе древних людей.

За многие сезоны на раскопках Рождественского комплекса побывали сотни студентов и школьников. Многие из приобщившихся к Великому Рождественскому движению навсегда связали свою жизнь с археологией. Это Андрей Старков, Евгения Святова, Наталья Брюхова, Светлана Абдулова, Артем Рубцов, Андрей Данич, Ольга Сафрошенко; кандидаты наук Оксана Игнатьева, Илья Бочаров, Андрей Кудрин и многие другие. Все "рождественцы" помнят Великого и Ужасного мэнээса Вадика Шабалова и его песни. Его "Вадимовская," или "Летний вечер," стала своеобразным лирическим гимном пермских археологов и широко разошлась по экспедициям региона. Лучшим пиротехником и вырезателем посвященческих идолов-"болванов" был Анатолий Фримерман, нашим вечным картографом и Великим рождественским геодезистом был Андрей Замятин, а Лена Ложкина (теперь Замятина) была нашим добрым "духом", песенником-бояном и психотерапевтом – недаром она теперь известный в Перми педагог-дефектолог. Любимые шоферы "всех времен и народов" Фарид Ибраев и Алексей Коновалов по прозванью Есаул, и наши завхозы Володя Сокол и Миша Халачев и лучшие "рождественские" повара Мариночка Шинакова и Инночка Денисова, камеральщик Лена Ежова, виртуозы-раскопщики Толя Шартогашев, Иришка Тотьмянина, Снежана Кирпилева, Марина Парахина, Дамир Ибраев, Руслан Шартогашев, Лена Черемных, Олег Нечаев, "поставщики дрова" Эдик Эрман и Миша Созинов и многие другие – все они внесли неоценимый вклад в изучение Рождественского комплекса.

На Рождественском комплексе было наше "Лукоморье". Там рос и до сих пор зеленеет гигантский тополь (действительно вековой, вероятно, росший еще в период расцвета деревни Постаноговой). Он был нашим "Дубом", на его могучем суку вечно кто-нибудь готовился к экзаменам, писал письма, или пел, как наша Багира, она же Елка, она же Лена Ложкина. Был там и "Курорт миллионеров" под соснами на берегу Обвы, где Анатолий Голдобин придумал новую игру "шишминтон" – бадминтон, в который играли вместо волана горстью шишек, а Добрый Змей Володя Сокол впервые учинил особый пляж для купания "по-царски".

В раскопках комплекса участвовали студенты исторического факультета Пермского государственного педагогического университета, школьники – учащиеся "Школы юных археологов" Пермского городского Дворца творчества юных. Дважды археологическую практику, совмещенную с пленером, проходили здесь студенты-прикладники и архитекторы Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества. Из последних стоит вспомнить Марину Еркович – художника-прикладника, Катю Угрюмову и Галю Борисову – архитекторов.

Всем тем, кого мы здесь упомянули и тем, имена которых не названы, принимавшим участие в Великом Рождественском движении — наша огромная благодарность!

Отдельная благодарность старшему участковому уполномоченному в с.Рождественск, подполковнику милиции М.А. Горбунову, который оберегает объект археологического наследия от лихих людей.

Авторы также выражают свою благодарность коллегам, с которыми обсуждались проблемы полевых исследований и основные идеи этой книги: В.А. Иванову, М.Г. Ивановой, Е.М. Черных, И.Ю. Пастушенко, Ф.Ш. Хузину, А.М. Губайдулину, К.А. Руденко, А.Н. Кирпичникову, О.А. Щегловой, Н.А. Макарову, С.В. Белецкому.

В книге использовались не только материалы из раскопок КАЭЭ ПГПУ, в ней описаны и опубликованы результаты исследований и материалы Ю.А. Полякова, В.А. Оборина, А.П. Зыкова, П.А. Косинцева, В.В. Туганаева – авторы выражают им свою признательность. Материалы Ф.А. и А.Е. Теплоуховых и Н.Н. Новокрещенных, хранящиеся в Рукописном архиве и Фотоархиве ИИМК, Пермском краевом и Свердловском областном музеях, стали доступны нам благодаря труду и помощи Г.В. Длужневской, Н.А. Беловой, А.Н. Лепихина, Н.В. Кулябиной, В.П. Денисова, С.Н. Паниной.

7 января 2008г.

А.Белавин, Н.Крыласова

МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПЛЕКСА И ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Рождественский археологический комплекс (рис.1, 2) занимает несколько выступов коренного левого берега р. Обвы, правого притока р. Камы, в 1300-1900 м к юго-западу от центральной части с. Рождественск (Рождественское) Карагайского района Пермского края (58 градусов 30 минут северной широты, 56 градусов 14 минут восточной долготы) (цв. вкл. А). Комплекс включает в себя Филипповское (малое) и Рождественское (большое) средневековые городища, мусульманский домонгольский могильник, примыкающий к восточной части оборонительных сооружений большого городища, и обособленный от него средневековый языческий некрополь. В состав комплекса также включается Волгинское святилище (клад), находившееся в 3,5 км к северо-западу от Рождественского городища в верховьях ручья Лаштовка, левого притока р. Обвы.

Свое название Рождественское городище получило по упомянутому выше с. Рождественск, второе наименование городища — Постаноговское, под этим именем Рождественское городище упоминается иногда в Дневнике Теплоуховых, а также в некоторых списках археологических объектов, составленных краеведами в XIX веке. Это второе имя происходит от починка Постаногово (Пыстаногово, Пастаногово), расположенного с XVI-XVII веков в 300-500 м к В от восточной оконечности вала городища. В начале XIX в. починок превратился в деревню, которая просуществовала до середины XX столетия. Именно постройками этой деревни причинен наибольший ущерб языческому некрополю, находящемуся на этом месте. Филипповское городище получило свое наименование по д. Филипповой, которая до 1990-х гг. находилась примерно в километре к западу от указанного городища. Волгинское святилище (клад) именуется по существующей и ныне д. Волгиной, около которой и найден клад 1851 года.

Рождественское городище представляет собой центральную часть комплекса. Это одно из наиболее крупных средневековых городищ Пермского края, размеры его площадки: 256 м по краю обрыва, 141 м от края обрыва до вала. Площадь территории, ограниченной валом с севера, составляет более 36 тыс. кв. м, а с учетом площади вала – 38 тыс. кв. м (3,8 га). Высота площадки городища над р. Обвой — 35 м от края обрыва, которым площадка ограничена с юга, до вала площадка повышается еще на 6 м. Обрыв крутой и все время размывается Обвой, несколько меняющей свое русло. При сравнении планов XIX в. с планами середины и конца XX в. заметно, как сокращается в результате обрушений эта часть площадки. Интенсивность подмыва городищенского обрыва отмечал еще Н.Н. Новокрещеных в 1898 году. С площадки городища открывается великолепный вид на широкую правобережную обвинскую пойму, ширина обзора до 10-15 км, с юга обзор ограничивает Обвинская возвышенность с высотами от 160 до 226 м, до которой от с. Рождественск около 30 км (цв. вкл. А). Площадка имеет перегиб, который делит её на восточный и западный склоны, и горизонт обзора с любого края площадки ограничен этим перегибом, полнос-

тью площадку можно обозревать лишь с центральной, наивысшей точки вала. В настоящее время длина вала не превышает 200 м, его северо-западный и восточный концы сильно подрезаны для прохода на городище сельскохозяйственной техники в тех местах, где еще, по наблюдениям В.А. Волегова, с севера и востока имелись крестьянские въезды на площадку. Ширина вала от 6 до 12 м в основании, высота в центральной, наиболее хорошо сохранившейся части, 3,7 м с напольной стороны и 1,8 м со стороны площадки. Рва вдоль большей части вала не наблюдается, он заметен только у его западной оконечности. Это связано с существованием жилой части городища, не защищенной валом, т. н. "посада". Его следы в виде пятна черного слоя на свежей пашне в поле перед валом хорошо заметны при весенней распашке, в пятне встречается разнообразный подъемный материал: фрагменты керамики, бронзовые украшения, железные изделия и даже монеты. Площадь "посада" около 30 тыс. кв. м, раскопки 1991 г. показали наличие здесь достаточно мощного и неасыщенного находками культурного слоя.

С восточной стороны площадка частично ограничена логом, его северная часть, судя по его неразвитости, образовалась относительно недавно, а в древности здесь имелся лишь вал, к которому примыкала площадка, занятая мусульманскими захоронениями. В более позднее время здесь постепенно образовался водоток, который вел в южную часть восточного лога, и стала формироваться ложбина, отделяющая в настоящее время площадку городища от мусульманского могильника в районе бывшего гумна б. д. Постаногово.

С запада площадку Рождественского городища ограничивает глубокий лог шириной 50-150 м, называющийся Шиловским, который отделяет Рождественское городище от Филипповского. Его склоны имеют выходы известняка, в настоящее время он порос ельником. Поражают акустические свойства этого лога, на площадке Филипповского городища, в особенности на ее северной оконечности и на валу, прекрасно слышны разговоры, ведущиеся на западной части площадки Рождественского городища.

Филипповское городище расположено непосредственно за Шиловским логом. Высота площадки над уровнем Обвы 32-35 м, с севера и юга она ограничена логами, с запада укреплена рвом и валом, южный конец которого срезан для прохода на городище сельскохозяйственной техники и животных. Длина сохранившейся части вала около 35 м, в центре имеется древний проход шириной до 2,5 м — "ворота", которые описывали все, кто осматривал это городище. Южный и особенно восточный края площадки постоянно подмываются р. Обвой и имеют сильные обрушения. Так, только в 1990 г. при нас рухнуло примерно 300 кв. м. Площадь городища вместе с валом и рвом составляла в 1990 г. около 6 тыс. кв. м, в настоящее время она не превышает 5. Южный лог демонстрирует ряд останцов площадки, отделенных от неё отвесными расщелинами, на их краях хорошо заметен черный слой мощностью до полуметра – остатки культурного слоя городища. На самой площадке в 1930-1950-х гг. располагались силосные траншеи, которые после завершения срока эксплуатации были ликвидированы. При этом культурный слой городища и часть материкового слоя были ссыпаны в эти траншеи, площадка городища была нивелирована, и в настоящее время её ровную поверхность покрывают травы "первого слоя": чертопо-

лох, вика, осот. Таким образом, на площадке идет процесс повторного формирования дернового слоя.

В целом размеры жилой части комплекса составляют существенно более 70 тыс. кв. м (не считая площади незаселенного Шиловского лога, разделяющего Филипповское и Рождественское городища).

За южным логом Филипповского городища уступ коренного берега р. Обвы начинает понижаться, здесь находилась д. Филиппова, по которой именуется городище. Коренной берег отсюда начинает резко отступать к северу, образуя левобережную пойму р. Обвы, в северо-восточной оконечности уступа на берегу ручья Лаштовка расположена д. Волгина, рядом с которой был найден одноименный клад, представляющий, на наш взгляд, остатки святилища.

За восточным, так называемым Постаноговским, логом Рождественского городища уступ коренного берега плавно изгибается к северу, образуя три мыса, разделенных небольшими логами. На ближнем к городищу некогда находился мусульманский могильник, на третьем – языческий некрополь комплекса. Этот мыс в XVII-XIX вв. был занят жилыми постройками д. Постаногово, которые нанесли значительный ущерб могильнику.

Далее на северо-восток край террасы коренного берега порос лесом, который постепенно, по мере приближения к южной оконечности с. Рождественск становится достаточно густым сосновым бором. Именно таким лесом в древности был покрыт весь край коренного берега р. Обвы.

Археологический комплекс у с. Рождественское играет важную роль в современной жизни Карагайского района. Это один из наиболее заметных археологических объектов в районе, давно ставший местом экскурсий, объектом краеведческой деятельности, местом отдыха жителей не только с.Рождественск, но и всего района.

При подготовке этой книге к изданию, по нашей просьбе студенткой исторического факультета ПГПУ Т.В. Субботиной, проживающей в с.Карагай, был проведен опрос жителей с.Рождественск, соседних деревень и с.Карагай, с целью выявления представлений об археологическом комплексе, отношения к нему, его охране и изучению.

Часть тех, с кем проводились беседы, вкратце описывали данное место как красивый и интересный объект, вблизи которого они часто рыбачат и отдыхают. Сюда приезжают "на природу" даже жители Карагая, хотя можно найти немало красивых мест и гораздо ближе к этому районному центру. Многие объясняют это присутствием здесь какой-то особой ауры и необъяснимой притягательности как самого угора, так и открывающегося с него вида на долину р. Обвы.

К примеру, очень живописное описание дал один из респондентов, ученик 9-го класса средней школы с. Рождественск Кирилл Данилов: "Мы с папой очень любим рыбачить на утренней зорьке, берем лодку и плывем по реке Обве в сторону городища. Красота неописуемая. На золотом фоне утреннего солнца видны зеленые ветви сосен, яркие пятна осин, белые стволы берез. Кусты ивы тянутся вдоль реки. И тишина навеивает о чем-то далеком, волшебном. Невольно придумываешь различные истории о жизни людей, которые жили, воевали, трудились, охотились, рыбачили в этих местах. Как "Солнечный город" возвышался над рекой Обвой, и какие прекрасные, мужественные, статные люди здесь жили".

Разумеется, когда в местности существует такой значимый объект, о нем неминуемо возникают разнообразные легенды и былички. Одной из важнейших задач проведенного исследования был сбор этой информации, которая может представлять интерес не только для местных жителей, но и для ученых-исследователей Рождественского археологического комплекса.

При опросе пожилых людей, проживающих в селе Рождественск и близлежащих деревнях, выяснилось, что несколько долгожителей помнят истории, которые слышали еще от своих прадедов.

А.Ф. Вотинова вспоминала такую легенду, которую якобы слышала от своей бабушки: "Жили люди небольшого роста — "племя чуди"— небольшими племенами, когда стало заселение края другими народностями, то они сами себя уничтожили. Жили они в землянках, деревянные сваи подпирала потолки. И когда враг приблизился к поселению, жители подрубили эти сваи и погибли. Еще говорили, что чудные были эти люди, умели находить клады и сокровища".

Интересно, что данная легенда является одним из вариантов распространенных у жителей Северо-Восточной Европы преданий о чуди. Нельзя исключать того, что рассказчица узнала ее вовсе не от предков, а из научно-популярной литературы или школьных уроков. Но ценным для нас обстоятельством является то, что в данном случае рассказчица сопоставила известную легенду с конкретным историческим объектом, расположенным в ее родных местах.

Подобные легенды и раньше рассказывали исследователям местные жители. В одном из отчетов А.М. Белавина отмечается: "Городище хорошо известно местным жителям. По местным преданиям здесь проживали древние жители Обвы – чудь или чуди. Городище было ставкой князя и торговым городом, и однажды было разрушено "татарами", приплывшими по Обве" [Белавин. Отчет за 1985 г., с.3].

Интересное предание о городище рассказала еще одна жительница с. Рождественск Т.С. Гуляева: "Давно это было. Очень давно. Жили, воевали, рыбу ловили. Огородились, чтобы враг не напал, стража всегда стояла день и ночь. Место было выбрано удачное: вода рядом, лес кругом, дрова рядом. В лесу дичи полно, в реке – рыбы всякой. Дикий мед в лесу искали, на охоту ходили, женщины одежду из меха шили, еду на кострах готовили. А сейчас вот раскопки на том месте ученые ведут. А место интересное, люди сказывали – голоса там слышают, разные силуэты встают над городищем. Не всякий человек туда отважится ночью пойти. Все прошло. Время скоротечно".

Как это часто бывает, когда люди встречаются с чем-то непонятным для них и таинственным, им свойственно придумывать разнообразные "страшилки", которые, с одной стороны, пугают, но, с другой стороны, вызывают пиитетное отношение к объекту, формируют у населения своего рода "табу," запрещающие кощунственные поступки по отношению к древнему поселению и могильнику. В основном опрашиваемые упоминали о том, что на городище ночью появляется призрак или черт.

Например, в беседах опрашиваемыми приводились следующие "былички":

Рыбак С.К. Теплоухов поведал о том, что в реке вблизи городища ловится много рыбы: щука, плотва, лещ, карась, язь, окунь, налим. "С давних времен

славится здесь рыбалка, место это привлекательное для рыбаков, со всего района приезжают сюда за рыбой. Но ночью немного страшновато, как будто тени над угором кажутся, силуэты, звуки. И обычно на ночь мы тут не останавливаемся. А красота здесь необыкновенная, величественная, вот, наверное, поэтому люди и выбрали это место для городища."

"Когда остаешься там с ночевкой, то слышно, как за твоей спиной раздаются какие-то шорохи, как будто кто-то стоит за спиной."

"Там ночью ходит человек в виде черта, охраняет городище."

А.И. Югова рассказала: "У мамы дедушка был, а у дедушки дедушка, он был лесовщик. Вот пошел он в деревню Филипповка через городище. Ниоткуда возьмись гроза. Загремело, загремело. А он встал под дерево у берега реки. Глядит, а в реке черт купается. Вскоре он и умер. Рыбаки рассказывают, что русалок в реке видят: "выходят из воды, как телушки".

В ряде бесед упоминался существующий на городище подземный ход:

Ученица 8 кл. Рождественской школы Настя Горбунова рассказывала, что с друзьями ходила на Рождественское городище, она ничего не нашла, а мальчишки находили разные штучки. "Весной, когда река становится меньше, то везде — человеческие кости. Слышала, что есть какой-то подземный ход. Ночью слышны какие-то звуки. Страшно оставаться здесь на ночлег".

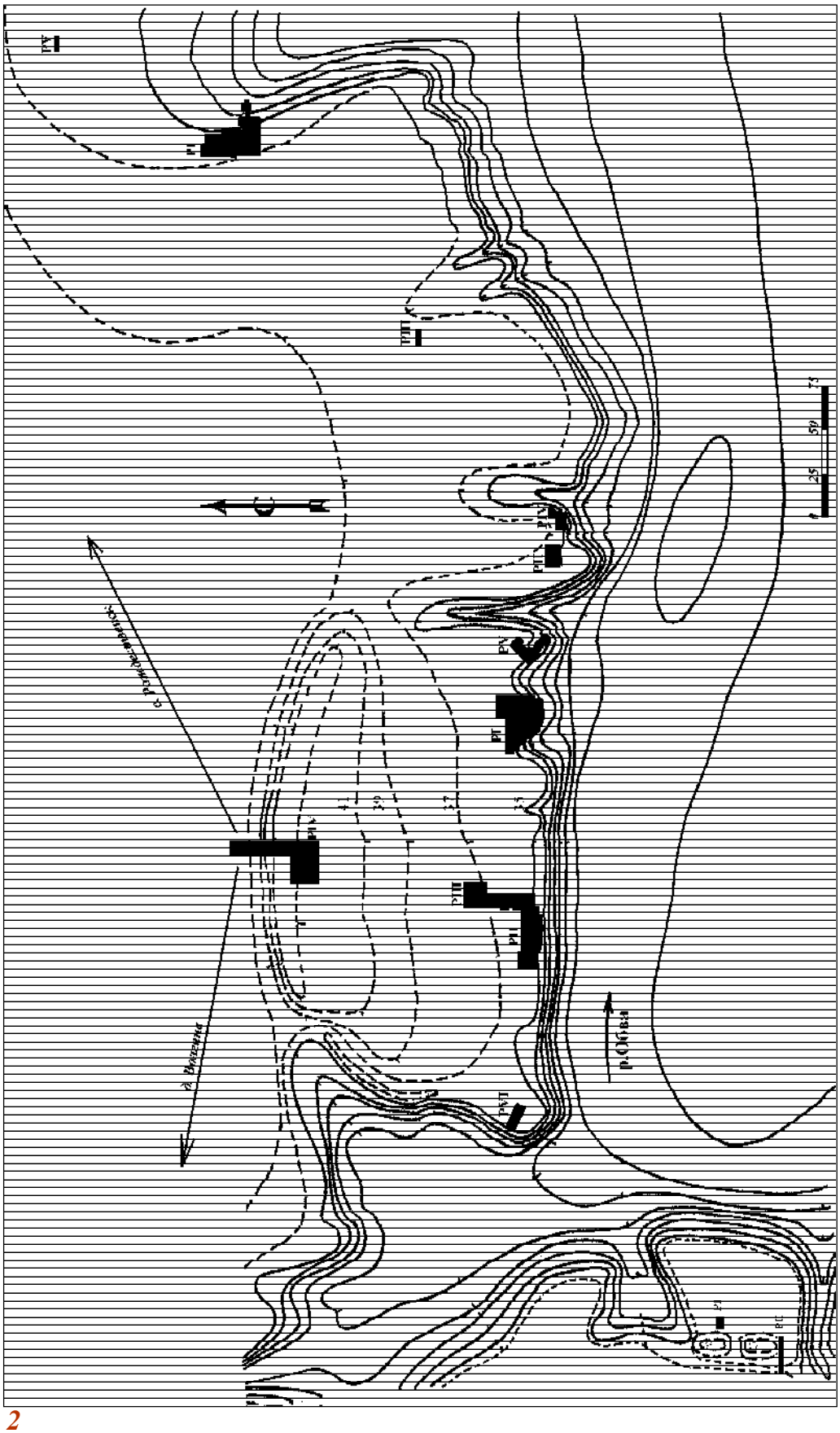
"Там есть подземный ход, в который заходить опасно".

Легенды о существовании поземных ходов в крепостях, церквях, на городищах распространены повсеместно, но, как правило, в большинстве случаев они не подтверждаются никакими конкретными фактами. Рождественское городище в этом отношении является исключением. Здесь в реальности был обнаружен и изучен поземный ход. Причем, нашли его местные жители: "В 1975 г. весной, после очередного обвала в 8-12 м от уровня бичевника в коренной породе обрыва открылся кусок лаза. По сообщениям местных жителей, лаз выходил в овраг, по которому тек ручей из родника. Длина открывшегося участка лаза составила 3-4 м при высоте 70-90 см и такой же ширине. Лаз имел огнивший крепеж из плах и бревен и ступенчатый пол. На полу лаза лежал костяк человека с железным наконечником стрелы в черепе. Перед скелетом лежал разбитый глиняный кувшин. Чуть позже, летом того же года, открывшийся участок лаза обвалился, слои, перекрывавшие его, также опустились, образовав провал на поверхности площадки городища" [Белавин. Отчет за 1990 г., с.7]. Правда, старожилы с. Рождественск (Ф.П. Первухин и Н.Д. Постаногов) в 1990 г. сообщили А.М. Белавину, что указанный провал образовался гораздо раньше – еще в начале 40-х гг. XX в., когда площадку городища стали распахивать тракторами. Интенсивность обрушений в последующие годы возрастала. В полевой сезон 1990 г. археологами совместно с географом А. Замятиным был произведен осмотр склона обрыва городища. В его восточной части в 12-15 м над подножием обрыва был выявлен арочновидный вход в подземный ход размерами 160 см в высоту, 60-80 см в ширину. Ход прослеживался на 2,5 м в глубину, поднимаясь вверх на 25 градусов. По мнению А. Замятина, этот ход являлся негативом – вторичным образованием, повторяющим очертания подлинного хода, располагавшегося на 5-6 м ниже, и полностью обвалившегося.

Примечательна и река, на которой расположен археологический комп-

лекс. В современных документах и на современных картах она именуется "Обва". Это правый приток р. Камы. Извилистое русло р. Обвы шириной 20-30 м лежит в широкой долине, являющейся частью Обвинско-Инвенской низменности. В прошлом река была судоходной до с. Обвинск и выше. По замечанию А.А. Вологодина, еще в 1870 г. в селах по Обве строили баржи для продажи местным купцам Серебряниковым [Вологодин 1930, с.4], местные купцы пытались даже завести пароходство, но после опустошительных рубок лесов в верховьях — в дачах Всеволожских и в хозяйствах купцов Максимовых и Крестьянского банка река стала мелеть. Рубки в верхнем и среднем течении продолжаются и по сию пору.

Документы дают возможность проследить изменения в наименовании реки. Так, в документах XVIII столетия она именуется рекой *Об* или *Обна* [ГАПО,ф.176, оп.1, д.74]. В XIX в. фиксируется наименование *Ыбва*, а с конца того же столетия устойчиво используется имя *Обва*. По мнению А.С. Кривощековой-Гантман, это название не этимологизируется из финно-пермских языков, в его основе лежит иранский гидроним *Об* — река, которое попало в Прикамье через посредников — волжских тюрок или западно-сибирских угров [Кривощекова-Гантман 1983, с.127-128]. А.К. Матвеев предпочитает финно-пермскую этимологию, выводя, однако, название не от *Об* — тетка (коми-перм.), а от *Ыб* — поле, луг (т. о. Обва — Луговая вода) [Матвеев 1980, с.191]. Мнение Матвеева подтверждается указаниями документов XIX столетия. В пользу суждения Кривощековой-Гантман о более раннем происхождении первой части названия через тюрок или угров из иранских языков говорят зафиксированные названия реки в документах XVIII в. (т. о., Обва — река-река). Кроме того, интересен факт, что в бассейне Обвы вообще много тюркских топонимов: *Карагай, Тюмень, Мантурово*. Одним из истоков Обвы является р. *Большая Тюмень*.

Р IV
Р III
Р II
Р I
Р V
Р VI
Р VII
Р VIII
Р IX
Р X
Р XI
Р XII
Р XIII
Р XIV
Р XV
Р XVI
Р XVII
Р XVIII
Р XIX
Р XX
Р XXI
Р XXII
Р XXIII
Р XXIV
Р XXV
Р XXVI
Р XXVII
Р XXVIII
Р XXIX
Р XXX
Р XXXI
Р XXXII
Р XXXIII
Р XXXIV
Р XXXV
Р XXXVI
Р XXXVII
Р XXXVIII
Р XXXIX
Р XL
Р XLI
Р XLII
Р XLIII
Р XLIV
Р XLV
Р XLVI
Р XLVII
Р XLVIII
Р XLIX
Р L
Р LI
Р LII
Р LIII
Р LIV
Р LV
Р LVI
Р LVII
Р LVIII
Р LIX
Р LX
Р LXI
Р LXII
Р LXIII
Р LXIV
Р LXV
Р LXVI
Р LXVII
Р LXVIII
Р LXIX
Р LXX
Р LXXI
Р LXXII
Р LXXIII
Р LXXIV
Р LXXV
Р LXXVI
Р LXXVII
Р LXXVIII
Р LXXIX
Р LXXX
Р LXXXI
Р LXXXII
Р LXXXIII
Р LXXXIV
Р LXXXV
Р LXXXVI
Р LXXXVII
Р LXXXVIII
Р LXXXIX
Р XC
Р XCI
Р XCII
Р XCIII
Р XCIV
Р XCV
Р XCVI
Р XCVII
Р XCVIII
Р XCIX
Р C
Р CI
Р CII
Р CIII
Р CIV
Р CV
Р CVI
Р CVII
Р CVIII
Р CIX
Р CX
Р CXI
Р CXII
Р CXIII
Р CXIV
Р CXV
Р CXVI
Р CXVII
Р CXVIII
Р CXIX
Р CXX
Р CXXI
Р CXXII
Р CXXIII
Р CXXIV
Р CXXV
Р CXXVI
Р CXXVII
Р CXXVIII
Р CXXIX
Р CXXX
Р CXXXI
Р CXXXII
Р CXXXIII
Р CXXXIV
Р CXXXV
Р CXXXVI
Р CXXXVII
Р CXXXVIII
Р CXXXIX
Р CXL
Р CXLI
Р CXLII
Р CXLIII
Р CXLIV
Р CXLV
Р CXLVI
Р CXLVII
Р CXLVIII
Р CXLIX
Р CL
Р CLI
Р CLII
Р CLIII
Р CLIV
Р CLV
Р CLVI
Р CLVII
Р CLVIII
Р CLIX
Р CLX
Р CLXI
Р CLXII
Р CLXIII
Р CLXIV
Р CLXV
Р CLXVI
Р CLXVII
Р CLXVIII
Р CLXIX
Р CLXX
Р CLXXI
Р CLXXII
Р CLXXIII
Р CLXXIV
Р CLXXV
Р CLXXVI
Р CLXXVII
Р CLXXVIII
Р CLXXIX
Р CLXXX
Р CLXXXI
Р CLXXXII
Р CLXXXIII
Р CLXXXIV
Р CLXXXV
Р CLXXXVI
Р CLXXXVII
Р CLXXXVIII
Р CLXXXIX
Р CXC
Р CXCI
Р CXCII
Р CXCIII
Р CXCIV
Р CXCV
Р CXCVI
Р CXCVII
Р CXCVIII
Р CXCIX
Р CC
Р CCI
Р CCII
Р CCIII
Р CCIV
Р CCV
Р CCVI
Р CCVII
Р CCVIII
Р CCIX
Р CCX
Р CCXI
Р CCXII
Р CCXIII
Р CCXIV
Р CCXV
Р CCXVI
Р CCXVII
Р CCXVIII
Р CCXIX
Р CCXX
Р CCXXI
Р CCXXII
Р CCXXIII
Р CCXXIV
Р CCXXV
Р CCXXVI
Р CCXXVII
Р CCXXVIII
Р CCXXIX
Р CCXXX
Р CCXXXI
Р CCXXXII
Р CCXXXIII
Р CCXXXIV
Р CCXXXV
Р CCXXXVI
Р CCXXXVII
Р CCXXXVIII
Р CCXXXIX
Р CCXL
Р CCXLI
Р CCXLII
Р CCXLIII
Р CCXLIV
Р CCXLV
Р CCXLVI
Р CCXLVII
Р CCXLVIII
Р CCXLIX
Р CCL
Р CCLI
Р CCLII
Р CCLIII
Р CCLIV
Р CCLV
Р CCLVI
Р CCLVII
Р CCLVIII
Р CCLIX
Р CCLX
Р CCLXI
Р CCLXII
Р CCLXIII
Р CCLXIV
Р CCLXV
Р CCLXVI
Р CCLXVII
Р CCLXVIII
Р CCLXIX
Р CCLXX
Р CCLXXI
Р CCLXXII
Р CCLXXIII
Р CCLXXIV
Р CCLXXV
Р CCLXXVI
Р CCLXXVII
Р CCLXXVIII
Р CCLXXIX
Р CCLXXX
Р CCLXXXI
Р CCLXXXII
Р CCLXXXIII
Р CCLXXXIV
Р CCLXXXV
Р CCLXXXVI
Р CCLXXXVII
Р CCLXXXVIII
Р CCLXXXIX
Р CCXC
Р CCXCI
Р CCXCII
Р CCXCIII
Р CCXCIV
Р CCXCV
Р CCXCVI
Р CCXCVII
Р CCXCVIII
Р CCXCIX
Р CCC
Р CCCI
Р CCCII
Р CCCIII
Р CCCIV
Р CCCV
Р CCCVI
Р CCCVII
Р CCCVIII
Р CCCIX
Р CCCX
Р CCCXI
Р CCCXII
Р CCCXIII
Р CCCXIV
Р CCCXV
Р CCCXVI
Р CCCXVII
Р CCCXVIII
Р CCCXIX
Р CCCXX
Р CCCXXI
Р CCCXXII
Р CCCXXIII
Р CCCXXIV
Р CCCXXV
Р CCCXXVI
Р CCCXXVII
Р CCCXXVIII
Р CCCXXIX
Р CCCXXX
Р CCCXXXI
Р CCCXXXII
Р CCCXXXIII
Р CCCXXXIV
Р CCCXXXV
Р CCCXXXVI
Р CCCXXXVII
Р CCCXXXVIII
Р CCCXXXIX
Р CCCXL
Р CCCXLI
Р CCCXLII
Р CCCXLIII
Р CCCXLIV
Р CCCXLV
Р CCCXLVI
Р CCCXLVII
Р CCCXLVIII
Р CCCXLIX
Р CCCL
Р CCCLI
Р CCCLII
Р CCCLIII
Р CCCLIV
Р CCCLV
Р CCCLVI
Р CCCLVII
Р CCCLVIII
Р CCCLIX
Р CCCLX
Р CCCLXI
Р CCCLXII
Р CCCLXIII
Р CCCLXIV
Р CCCLXV
Р CCCLXVI
Р CCCLXVII
Р CCCLXVIII
Р CCCLXIX
Р CCCLXX
Р CCCLXXI
Р CCCLXXII
Р CCCLXXIII
Р CCCLXXIV
Р CCCLXXV
Р CCCLXXVI
Р CCCLXXVII
Р CCCLXXVIII
Р CCCLXXIX
Р CCCLXXX
Р CCCLXXXI
Р CCCLXXXII
Р CCCLXXXIII
Р CCCLXXXIV
Р CCCLXXXV
Р CCCLXXXVI
Р CCCLXXXVII
Р CCCLXXXVIII
Р CCCLXXXIX
Р CCCXC
Р CCCXCI
Р CCCXCII
Р CCCXCIII
Р CCCXCIV
Р CCCXCV
Р CCCXCVI
Р CCCXCVII
Р CCCXCVIII
Р CCCXCIX
Р CD
Р CDI
Р CDII
Р CDIII
Р CDIV
Р CDV
Р CDVI
Р CDVII
Р CDVIII
Р CDIX
Р CDX
Р CDXI
Р CDXII
Р CDXIII
Р CDXIV
Р CDXV
Р CDXVI
Р CDXVII
Р CDXVIII
Р CDXIX
Р CDXX
Р CDXXI
Р CDXXII
Р CDXXIII
Р CDXXIV
Р CDXXV
Р CDXXVI
Р CDXXVII
Р CDXXVIII
Р CDXXIX
Р CDXXX
Р CDXXXI
Р CDXXXII
Р CDXXXIII
Р CDXXXIV
Р CDXXXV
Р CDXXXVI
Р CDXXXVII
Р CDXXXVIII
Р CDXXXIX
Р CDXL
Р CDXLI
Р CDXLII
Р CDXLIII
Р CDXLIV
Р CDXLV
Р CDXLVI
Р CDXLVII
Р CDXLVIII
Р CDXLIX
Р CDL
Р CDLI
Р CDLII
Р CDLIII
Р CDLIV
Р CDLV
Р CDLVI
Р CDLVII
Р CDLVIII
Р CDLIX
Р CDLX
Р CDLXI
Р CDLXII
Р CDLXIII
Р CDLXIV
Р CDLXV
Р CDLXVI
Р CDLXVII
Р CDLXVIII
Р CDLXIX
Р CDLXX
Р CDLXXI
Р CDLXXII
Р CDLXXIII
Р CDLXXIV
Р CDLXXV
Р CDLXXVI
Р CDLXXVII
Р CDLXXVIII
Р CDLXXIX
Р CDLXXX
Р CDLXXXI
Р CDLXXXII
Р CDLXXXIII
Р CDLXXXIV
Р CDLXXXV
Р CDLXXXVI
Р CDLXXXVII
Р CDLXXXVIII
Р CDLXXXIX
Р CDXC
Р CDXCI
Р CDXCII
Р CDXCIII
Р CDXCIV
Р CDXCV
Р CDXCVI
Р CDXCVII
Р CDXCVIII
Р CDXCIX
Р D
Р DI
Р DII
Р DIII
Р DIV
Р DV
Р DVI
Р DVII
Р DVIII
Р DIX
Р DX
Р DXI
Р DXII
Р DXIII
Р DXIV
Р DXV
Р DXVI
Р DXVII
Р DXVIII
Р DXIX
Р DXX
Р DXXI
Р DXXII
Р DXXIII
Р DXXIV
Р DXXV
Р DXXVI
Р DXXVII
Р DXXVIII
Р DXXIX
Р DXXX
Р DXXXI
Р DXXXII
Р DXXXIII
Р DXXXIV
Р DXXXV
Р DXXXVI
Р DXXXVII
Р DXXXVIII
Р DXXXIX
Р DXL
Р DXLI
Р DXLII
Р DXLIII
Р DXLIV
Р DXLV
Р DXLVI
Р DXLVII
Р DXLVIII
Р DXLIX
Р DL
Р DLI
Р DLII
Р DLIII
Р DLIV
Р DLV
Р DLVI
Р DLVII
Р DLVIII
Р DLIX
Р DLX
Р DLXI
Р DLXII
Р DLXIII
Р DLXIV
Р DLXV
Р DLXVI
Р DLXVII
Р DLXVIII
Р DLXIX
Р DLXX
Р DLXXI
Р DLXXII
Р DLXXIII
Р DLXXIV
Р DLXXV
Р DLXXVI
Р DLXXVII
Р DLXXVIII
Р DLXXIX
Р DLXXX
Р DLXXXI
Р DLXXXII
Р DLXXXIII
Р DLXXXIV
Р DLXXXV
Р DLXXXVI
Р DLXXXVII
Р DLXXXVIII
Р DLXXXIX
Р DXC
Р DXCI
Р DXCII
Р DXCIII
Р DXCIV
Р DXCV
Р DXCVI
Р DXCVII
Р DXCVIII
Р DXCIX
Р DC
Р DCI
Р DCII
Р DCIII
Р DCIV
Р DCV
Р DCVI
Р DCVII
Р DCVIII
Р DCIX
Р DCX
Р DCXI
Р DCXII
Р DCXIII
Р DCXIV
Р DCXV
Р DCXVI
Р DCXVII
Р DCXVIII
Р DCXIX
Р DCXX
Р DCXXI
Р DCXXII
Р DCXXIII
Р DCXXIV
Р DCXXV
Р DCXXVI
Р DCXXVII
Р DCXXVIII
Р DCXXIX
Р DCXXX
Р DCXXXI
Р DCXXXII
Р DCXXXIII
Р DCXXXIV
Р DCXXXV
Р DCXXXVI
Р DCXXXVII
Р DCXXXVIII
Р DCXXXIX
Р DCXL
Р DCXLI
Р DCXLII
Р DCXLIII
Р DCXLIV
Р DCXLV
Р DCXLVI
Р DCXLVII
Р DCXLVIII
Р DCXLIX
Р DCL
Р DCLI
Р DCLII
Р DCLIII
Р DCLIV
Р DCLV
Р DCLVI
Р DCLVII
Р DCLVIII
Р DCLIX
Р DCLX
Р DCLXI
Р DCLXII
Р DCLXIII
Р DCLXIV
Р DCLXV
Р DCLXVI
Р DCLXVII
Р DCLXVIII
Р DCLXIX
Р DCLXX
Р DCLXXI
Р DCLXXII
Р DCLXXIII
Р DCLXXIV
Р DCLXXV
Р DCLXXVI
Р DCLXXVII
Р DCLXXVIII
Р DCLXXIX
Р DCLXXX
Р DCLXXXI
Р DCLXXXII
Р DCLXXXIII
Р DCLXXXIV
Р DCLXXXV
Р DCLXXXVI
Р DCLXXXVII
Р DCLXXXVIII
Р DCLXXXIX
Р DCXC
Р DCXCI
Р DCXCII
Р DCXCIII
Р DCXCIV
Р DCXCV
Р DCXCVI
Р DCXCVII
Р DCXCVIII
Р DCXCIX
Р DCC
Р DCCI
Р DCCII
Р DCCIII
Р DCCIV
Р DCCV
Р DCCVI
Р DCCVII
Р DCCVIII
Р DCCIX
Р DCCX
Р DCCXI
Р DCCXII
Р DCCXIII
Р DCCXIV
Р DCCXV
Р DCCXVI
Р DCCXVII
Р DCCXVIII
Р DCCXIX
Р DCCXX
Р DCCXXI
Р DCCXXII
Р DCCXXIII
Р DCCXXIV
Р DCCXXV
Р DCCXXVI
Р DCCXXVII
Р DCCXXVIII
Р DCCXXIX
Р DCCXXX
Р DCCXXXI
Р DCCXXXII
Р DCCXXXIII
Р DCCXXXIV
Р DCCXXXV
Р DCCXXXVI
Р DCCXXXVII
Р DCCXXXVIII
Р DCCXXXIX
Р DCCXL
Р DCCXLI
Р DCCXLII
Р DCCXLIII
Р DCCXLIV
Р DCCXLV
Р DCCXLVI
Р DCCXLVII
Р DCCXLVIII
Р DCCXLIX
Р DCCL
Р DCCLI
Р DCCLII
Р DCCLIII
Р DCCLIV
Р DCCLV
Р DCCLVI
Р DCCLVII
Р DCCLVIII
Р DCCLIX
Р DCCLX
Р DCCLXI
Р DCCLXII
Р DCCLXIII
Р DCCLXIV
Р DCCLXV
Р DCCLXVI
Р DCCLXVII
Р DCCLXVIII
Р DCCLXIX
Р DCCLXX
Р DCCLXXI
Р DCCLXXII
Р DCCLXXIII
Р DCCLXXIV
Р DCCLXXV
Р DCCLXXVI
Р DCCLXXVII
Р DCCLXXVIII
Р DCCLXXIX
Р DCCLXXX
Р DCCLXXXI
Р DCCLXXXII
Р DCCLXXXIII
Р DCCLXXXIV
Р DCCLXXXV
Р DCCLXXXVI
Р DCCLXXXVII
Р DCCLXXXVIII
Р DCCLXXXIX
Р DCCXC
Р DCCXCI
Р DCCXCII
Р DCCXCIII
Р DCCXCIV
Р DCCXCV
Р DCCXCVI
Р DCCXCVII
Р DCCXCVIII
Р DCCXCIX
Р DCCC
Р DCCCI
Р DCCCII
Р DCCCIII
Р DCCCIV
Р DCCCV
Р DCCCVI
Р DCCCVII
Р DCCCVIII
Р DCCCIX
Р DCCCX
Р DCCCXI
Р DCCCXII
Р DCCCXIII
Р DCCCXIV
Р DCCCXV
Р DCCCXVI
Р DCCCXVII
Р DCCCXVIII
Р DCCCXIX
Р DCCCXX
Р DCCCXXI
Р DCCCXXII
Р DCCCXXIII
Р DCCCXXIV
Р DCCCXXV
Р DCCCXXVI
Р DCCCXXVII
Р DCCCXXVIII
Р DCCCXXIX
Р DCCCXXX
Р DCCCXXXI
Р DCCCXXXII
Р DCCCXXXIII
Р DCCCXXXIV
Р DCCCXXXV
Р DCCCXXXVI
Р DCCCXXXVII
Р DCCCXXXVIII
Р DCCCXXXIX
Р DCCCXL
Р DCCCXLI
Р DCCCXLII
Р DCCCXLIII
Р DCCCXLIV
Р DCCCXLV
Р DCCCXLVI
Р DCCCXLVII
Р DCCCXLVIII
Р DCCCXLIX
Р DCCCL
Р DCCCLI
Р DCCCLII
Р DCCCLIII
Р DCCCLIV
Р DCCCLV
Р DCCCLVI
Р DCCCLVII
Р DCCCLVIII
Р DCCCLIX
Р DCCCLX
Р DCCCLXI
Р DCCCLXII
Р DCCCLXIII
Р DCCCLXIV
Р DCCCLXV
Р DCCCLXVI
Р DCCCLXVII
Р DCCCLXVIII
Р DCCCLXIX
Р DCCCLXX
Р DCCCLXXI
Р DCCCLXXII
Р DCCCLXXIII
Р DCCCLXXIV
Р DCCCLXXV
Р DCCCLXXVI
Р DCCCLXXVII
Р DCCCLXXVIII
Р DCCCLXXIX
Р DCCCLXXX
Р DCCCLXXXI
Р DCCCLXXXII
Р DCCCLXXXIII
Р DCCCLXXXIV
Р DCCCLXXXV
Р DCCCLXXXVI
Р DCCCLXXXVII
Р DCCCLXXXVIII
Р DCCCLXXXIX
Р DCCCXC
Р DCCCXCI
Р DCCCXCII
Р DCCCXCIII
Р DCCCXCIV
Р DCCCXCV
Р DCCCXCVI
Р DCCCXCVII
Р DCCCXCVIII
Р DCCCXCIX
Р CM
Р CMI
Р CMII
Р CMIII
Р CMIV
Р CMV
Р CMVI
Р CMVII
Р CMVIII
Р CMIX
Р CMX
Р CMXI
Р CMXII
Р CMXIII
Р CMXIV
Р CMXV
Р CMXVI
Р CMXVII
Р CMXVIII
Р CMXIX
Р CMXX
Р CMXXI
Р CMXXII
Р CMXXIII
Р CMXXIV
Р CMXXV
Р CMXXVI
Р CMXXVII
Р CMXXVIII
Р CMXXIX
Р CMXXX
Р CMXXXI
Р CMXXXII
Р CMXXXIII
Р CMXXXIV
Р CMXXXV
Р CMXXXVI
Р CMXXXVII
Р CMXXXVIII
Р CMXXXIX
Р CMXL
Р CMXLI
Р CMXLII
Р CMXLIII
Р CMXLIV
Р CMXLV
Р CMXLVI
Р CMXLVII
Р CMXLVIII
Р CMXLIX
Р CML
Р CMLI
Р CMLII
Р CMLIII
Р CMLIV
Р CMLV
Р CMLVI
Р CMLVII
Р CMLVIII
Р CMLIX
Р CMLX
Р CMLXI
Р CMLXII
Р CMLXIII
Р CMLXIV
Р CMLXV
Р CMLXVI
Р CMLXVII
Р CMLXVIII
Р CMLXIX
Р CMLXX
Р CMLXXI
Р CMLXXII
Р CMLXXIII
Р CMLXXIV
Р CMLXXV
Р CMLXXVI
Р CMLXXVII
Р CMLXXVIII
Р CMLXXIX
Р CMLXXX
Р CMLXXXI
Р CMLXXXII
Р CMLXXXIII
Р CMLXXXIV
Р CMLXXXV
Р CMLXXXVI
Р CMLXXXVII
Р CMLXXXVIII
Р CMLXXXIX
Р CMXC
Р CMXCI
Р CMXCII
Р CMXCIII
Р CMXCIV
Р CMXCV
Р CMXCVI
Р CMXCVII
Р CMXCVIII
Р CMXCIX
Р M
Р MI
Р MII
Р MIII
Р MIV
Р MV
Р MVI
Р MVII
Р MVIII
Р MIX
Р MX
Р MXI
Р MXII
Р MXIII
Р MXIV
Р MXV
Р MXVI
Р MXVII
Р MXVIII
Р MXIX
Р MXX
Р MXXI
Р MXXII
Р MXXIII
Р MXXIV
Р MXXV
Р MXXVI
Р MXXVII
Р MXXVIII
Р MXXIX
Р MXXX
Р MXXXI
Р MXXXII
Р MXXXIII
Р MXXXIV
Р MXXXV
Р MXXXVI
Р MXXXVII
Р MXXXVIII
Р MXXXIX
Р MXL
Р MXLI
Р MXLII
Р MXLIII
Р MXLIV
Р MXLV
Р MXLVI
Р MXLVII
Р MXLVIII
Р MXLIX
Р ML
Р MLI
Р MLII
Р MLIII
Р MLIV
Р MLV
Р MLVI
Р MLVII
Р MLVIII
Р MLIX
Р MLX
Р MLXI
Р MLXII
Р MLXIII
Р MLXIV
Р MLXV
Р MLXVI
Р MLXVII
Р MLXVIII
Р MLXIX
Р MLXX
Р MLXXI
Р MLXXII
Р MLXXIII
Р MLXXIV
Р MLXXV
Р MLXXVI
Р MLXXVII
Р MLXXVIII
Р MLXXIX
Р MLXXX
Р MLXXXI
Р MLXXXII
Р MLXXXIII
Р MLXXXIV
Р MLXXXV
Р MLXXXVI
Р MLXXXVII
Р MLXXXVIII
Р MLXXXIX
Р MXC
Р MXCI
Р MXCII
Р MXCIII
Р MXCIV
Р MXCV
Р MXCVI
Р MXCVII
Р MXCVIII
Р MXCIX
Р MC
Р MCI
Р MCII
Р MCIII
Р MCIV
Р MCV
Р MCVI
Р MCVII
Р MCVIII
Р MCIX
Р MCX
Р MCXI
Р MCXII
Р MCXIII
Р MCXIV
Р MCXV
Р MCXVI
Р MCXVII
Р MCXVIII
Р MCXIX
Р MCXX
Р MCXXI
Р MCXXII
Р MCXXIII
Р MCXXIV
Р MCXXV
Р MCXXVI
Р MCXXVII
Р MCXXVIII
Р MCXXIX
Р MCXXX
Р MCXXXI
Р MCXXXII
Р MCXXXIII
Р MCXXXIV
Р MCXXXV
Р MCXXXVI
Р MCXXXVII
Р MCXXXVIII
Р MCXXXIX
Р MCXL
Р MCXLI
Р MCXLII
Р MCXLIII
Р MCXLIV
Р MCXLV
Р MCXLVI
Р MCXLVII
Р MCXLVIII
Р MCXLIX
Р MCL
Р MCLI
Р MCLII
Р MCLIII
Р MCLIV
Р MCLV
Р MCLVI
Р MCLVII
Р MCLVIII
Р MCLIX
Р MCLX
Р MCLXI
Р MCLXII
Р MCLXIII
Р MCLXIV
Р MCLXV
Р MCLXVI
Р MCLXVII
Р MCLXVIII
Р MCLXIX
Р MCLXX
Р MCLXXI
Р MCLXXII
Р MCLXXIII
Р MCLXXIV
Р MCLXXV
Р MCLXXVI
Р MCLXXVII
Р MCLXXVIII
Р MCLXXIX
Р MCLXXX
Р MCLXXXI
Р MCLXXXII
Р MCLXXXIII
Р MCLXXXIV
Р MCLXXXV
Р MCLXXXVI
Р MCLXXXVII
Р MCLXXXVIII
Р MCLXXXIX
Р MCXC
Р MCXCI
Р MCXCII
Р MCXCIII
Р MCXCIV
Р MCXCV
Р MCXCVI
Р MCXCVII
Р MCXCVIII
Р MCXCIX
Р MM
Р MMI
Р MMII
Р MMIII
Р MMIV
Р MMV
Р MMVI
Р MMVII
Р MMVIII
Р MMIX
Р MMX
Р MMXI
Р MMXII
Р MMXIII
Р MMXIV
Р MMXV
Р MMXVI
Р MMXVII
Р MMXVIII
Р MMXIX
Р MMXX
Р MMXXI
Р MMXXII
Р MMXXIII
Р MMXXIV
Р MMXXV
Р MMXXVI
Р MMXXVII
Р MMXXVIII
Р MMXXIX
Р MMXXX
Р MMXXXI
Р MMXXXII
Р MMXXXIII
Р MMXXXIV
Р MMXXXV
Р MMXXXVI
Р MMXXXVII
Р MMXXXVIII
Р MMXXXIX
Р MMXL
Р MMXLI
Р MMXLII
Р MMXLIII
Р MMXLIV
Р MMXLV
Р MMXLVI
Р MMXLVII
Р MMXLVIII
Р MMXLIX
Р MML
Р MMLI
Р MMLII
Р MMLIII
Р MMLIV
Р MMLV
Р MMLVI
Р MMLVII
Р MMLVIII
Р MMLIX
Р MMLX
Р MMLXI
Р MMLXII
Р MMLXIII
Р MMLXIV
Р MMLXV
Р MMLXVI
Р MMLXVII
Р MMLXVIII
Р MMLXIX
Р MMLXX
Р MMLXXI
Р MMLXXII
Р MMLXXIII
Р MMLXXIV
Р MMLXXV
Р MMLXXVI
Р MMLXXVII
Р MMLXXVIII
Р MMLXXIX
Р MMLXXX
Р MMLXXXI
Р MMLXXXII
Р MMLXXXIII
Р MMLXXXIV
Р MMLXXXV
Р MMLXXXVI
Р MMLXXXVII
Р MMLXXXVIII
Р MMLXXXIX
Р MMXC
Р MMXCI
Р MMXCII
Р MMXCIII
Р MMXCIV
Р MMXCV
Р MMXCVI
Р MMXCVII
Р MMXCVIII
Р MMXCIX
Р MMC
Р MMCI
Р MMCII
Р MMCIII
Р MMCIV
Р MMCV
Р MMCVI
Р MMCVII
Р MMCVIII
Р MMCIX
Р MMCX
Р MMCXI
Р MMCXII
Р MMCXIII
Р MMCXIV
Р MMCXV
Р MMCXVI
Р MMCXVII
Р MMCXVIII
Р MMCXIX
Р MMCXX
Р MMCXXI
Р MMCXXII
Р MMCXXIII
Р MMCXXIV
Р MMCXXV
Р MMCXXVI
Р MMCXXVII
Р MMCXXVIII
Р MMCXXIX
Р MMCXXX
Р MMCXXXI
Р MMCXXXII
Р MMCXXXIII
Р MMCXXXIV
Р MMCXXXV
Р MMCXXXVI
Р MMCXXXVII
Р MMCXXXVIII
Р MMCXXXIX
Р MMCXL
Р MMCXLI
Р MMCXLII
Р MMCXLIII
Р MMCXLIV
Р MMCXLV
Р MMCXLVI
Р MMCXLVII
Р MMCXLVIII
Р MMCXLIX
Р MMCL
Р MMCLI
Р MMCLII
Р MMCLIII
Р MMCLIV
Р MMCLV
Р MMCLVI
Р MMCLVII
Р MMCLVIII
Р MMCLIX
Р MMCLX
Р MMCLXI
Р MMCLXII
Р MMCLXIII
Р MMCLXIV
Р MMCLXV
Р MMCLXVI
Р MMCLXVII
Р MMCLXVIII
Р MMCLXIX
Р MMCLXX
Р MMCLXXI
Р MMCLXXII
Р MMCLXXIII
Р MMCLXXIV
Р MMCLXXV
Р MMCLXXVI
Р MMCLXXVII
Р MMCLXXVIII
Р MMCLXXIX
Р MMCLXXX
Р MMCLXXXI
Р MMCLXXXII
Р MMCLXXXIII
Р MMCLXXXIV
Р MMCLXXXV
Р MMCLXXXVI
Р MMCLXXXVII
Р MMCLXXXVIII
Р MMCLXXXIX
Р MMCXC
Р MMCXCI
Р MMCXCII
Р MMCXCIII
Р MMCXCIV
Р MMCXCV
Р MMCXCVI
Р MMCXCVII
Р MMCXCVIII
Р MMCXCIX
Р MMCC
Р MMCCI
Р MMCCII
Р MMCCIII
Р MMCCIV
Р MMCCV
Р MMCCVI
Р MMCCVII
Р MMCCVIII
Р MMCCIX
Р MMCCX
Р MMCCXI
Р MMCCXII
Р MMCCXIII
Р MMCCXIV
Р MMCCXV
Р MMCCXVI
Р MMCCXVII
Р MMCCXVIII
Р MMCCXIX
Р MMCCXX
Р MMCCXXI
Р MMCCXXII
Р MMCCXXIII
Р MMCCXXIV
Р MMCCXXV
Р MMCCXXVI
Р MMCCXXVII
Р MMCCXXVIII
Р MMCCXXIX
Р MMCCXXX
Р MMCCXXXI
Р MMCCXXXII
Р MMCCXXXIII
Р MMCCXXXIV
Р MMCCXXXV
Р MMCCXXXVI
Р MMCCXXXVII
Р MMCCXXXVIII
Р MMCCXXXIX
Р MMCCXL
Р MMCCXLI
Р MMCCXLII
Р MMCCXLIII
Р MMCCXLIV
Р MMCCXLV
Р MMCCXLVI
Р MMCCXLVII
Р MMCCXLVIII
Р MMCCXLIX
Р MMCCL
Р MMCCLI
Р MMCCLII
Р MMCCLIII
Р MMCCLIV
Р MMCCLV
Р MMCCLVI
Р MMCCLVII
Р MMCCLVIII
Р MMCCLIX
Р MMCCLX
Р MMCCLXI
Р MMCCLXII
Р MMCCLXIII
Р MMCCLXIV
Р MMCCLXV
Р MMCCLXVI
Р MMCCLXVII
Р MMCCLXVIII
Р MMCCLXIX
Р MMCCLXX
Р MMCCLXXI
Р MMCCLXXII
Р MMCCLXXIII
Р MMCCLXXIV
Р MMCCLXXV
Р MMCCLXXVI
Р MMCCLXXVII
Р MMCCLXXVIII
Р MMCCLXXIX
Р MMCCLXXX
Р MMCCLXXXI
Р MMCCLXXXII
Р MMCCLXXXIII
Р MMCCLXXXIV
Р MMCCLXXXV
Р MMCCLXXXVI
Р MMCCLXXXVII
Р MMCCLXXXVIII
Р MMCCLXXXIX
Р MMCCXC
Р MMCCXCI
Р MMCCXCII
Р MMCCXCIII
Р MMCCXCIV
Р MMCCXCV
Р MMCCXCVI
Р MMCCXCVII
Р MMCCXCVIII
Р MMCCXCIX
Р MMCCC
Р MMCCCI
Р MMCCCII
Р MMCCCIII
Р MMCCCIV
Р MMCCCV
Р MMCCCVI
Р MMCCCVII
Р MMCCCVIII
Р MMCCCIX
Р MMCCCX
Р MMCCCXI
Р MMCCCXII
Р MMCCCXIII
Р MMCCCXIV
Р MMCCCXV
Р MMCCCXVI
Р MMCCCXVII
Р MMCCCXVIII
Р MMCCCXIX
Р MMCCCXX
Р MMCCCXXI
Р MMCCCXXII
Р MMCCCXXIII
Р MMCCCXXIV
Р MMCCCXXV
Р MMCCCXXVI
Р MMCCCXXVII
Р MMCCCXXVIII
Р MMCCCXXIX
Р MMCCCXXX
Р MMCCCXXXI
Р MMCCCXXXII
Р MMCCCXXXIII
Р MMCCCXXXIV
Р MMCCCXXXV
Р MMCCCXXXVI
Р MMCCCXXXVII
Р MMCCCXXXVIII
Р MMCCCXXXIX
Р MMCCCXL
Р MMCCCXLI
Р MMCCCXLII
Р MMCCCXLIII
Р MMCCCXLIV
Р MMCCCXLV
Р MMCCCXLVI
Р MMCCCXLVII
Р MMCCCXLVIII
Р MMCCCXLIX
Р MMCCCL
Р MMCCCLI
Р MMCCCLII
Р MMCCCLIII
Р MMCCCLIV
Р MMCCCLV
Р MMCCCLVI
Р MMCCCLVII
Р MMCCCLVIII
Р MMCCCLIX
Р MMCCCLX
Р MMCCCLXI
Р MMCCCLXII
Р MMCCCLXIII
Р MMCCCLXIV
Р MMCCCLXV
Р MMCCCLXVI
Р MMCCCLXVII
Р MMCCCLXVIII
Р MMCCCLXIX
Р MMCCCLXX
Р MMCCCLXXI
Р MMCCCLXXII
Р MMCCCLXXIII
Р MMCCCLXXIV
Р MMCCCLXXV
Р MMCCCLXXVI
Р MMCCCLXXVII
Р MMCCCLXXVIII
Р MMCCCLXXIX
Р MMCCCLXXX
Р MMCCCLXXXI
Р MMCCCLXXXII
Р MMCCCLXXXIII
Р MMCCCLXXXIV
Р MMCCCLXXXV
Р MMCCCLXXXVI
Р MMCCCLXXXVII
Р MMCCCLXXXVIII
Р MMCCCLXXXIX
Р MMCCCXC
Р MMCCCXCI
Р MMCCCXCII
Р MMCCCXCIII
Р MMCCCXCIV
Р MMCCCXCV
Р MMCCCXCVI
Р MMCCCXCVII
Р MMCCCXCVIII
Р MMCCCXCIX
Р MMCD
Р MMCDI
Р MMCDII
Р MMCDIII
Р MMCDIV
Р MMCDV
Р MMCDVI
Р MMCDVII
Р MMCDVIII
Р MMCDIX
Р MMCDX
Р MMCDXI
Р MMCDXII
Р MMCDXIII
Р MMCDXIV
Р MMCDXV
Р MMCDXVI
Р MMCDXVII
Р MMCDXVIII
Р MMCDXIX
Р MMCDXX
Р MMCDXXI
Р MMCDXXII
Р MMCDXXIII
Р MMCDXXIV
Р MMCDXXV
Р MMCDXXVI
Р MMCDXXVII
Р MMCDXXVIII
Р MMCDXXIX
Р MMCDXXX
Р MMCDXXXI
Р MMCDXXXII
Р MMCDXXXIII
Р MMCDXXXIV
Р MMCDXXXV
Р MMCDXXXVI
Р MMCDXXXVII
Р MMCDXXXVIII
Р MMCDXXXIX
Р MMCDXL
Р MMCDXLI
Р MMCDXLII
Р MMCDXLIII
Р MMCDXLIV
Р MMCDXLV
Р MMCDXLVI
Р MMCDXLVII
Р MMCDXLVIII
Р MMCDXLIX
Р MMCDL
Р MMCDLI
Р MMCDLII
Р MMCDLIII
Р MMCDLIV
Р MMCDLV
Р MMCDLVI
Р MMCDLVII
Р MMCDLVIII
Р MMCDLIX
Р MMCDLX
Р MMCDLXI
Р MMCDLXII
Р MMCDLXIII
Р MMCDLXIV
Р MMCDLXV
Р MMCDLXVI
Р MMCDLXVII
Р MMCDLXVIII
Р MMCDLXIX
Р MMCDLXX
Р MMCDLXXI
Р MMCDLXXII
Р MMCDLXXIII
Р MMCDLXXIV
Р MMCDLXXV
Р MMCDLXXVI
Р MMCDLXXVII
Р MMCDLXXVIII
Р MMCDLXXIX
Р MMCDLXXX
Р MMCDLXXXI
Р MMCDLXXXII
Р MMCDLXXXIII
Р MMCDLXXXIV
Р MMCDLXXXV
Р MMCDLXXXVI
Р MMCDLXXXVII
Р MMCDLXXXVIII
Р MMCDLXXXIX
Р MMCDXC
Р MMCDXCI
Р MMCDXCII
Р MMCDXCIII
Р MMCDXCIV
Р MMCDXCV
Р MMCDXCVI
Р MMCDXCVII
Р MMCDXCVIII
Р MMCDXCIX
Р MMCM
Р MMCMI
Р MMCMII
Р MMCMIII
Р MMCMIV
Р MMCMV
Р MMCMVI
Р MMCMVII
Р MMCMVIII
Р MMCMIX
Р MMCMX
Р MMCMXI
Р MMCMXII
Р MMCMXIII
Р MMCMXIV
Р MMCMXV
Р MMCMXVI
Р MMCMXVII
Р MMCMXVIII
Р MMCMXIX
Р MMCMXX
Р MMCMXXI
Р MMCMXXII
Р MMCMXXIII
Р MMCMXXIV
Р MMCMXXV
Р MMCMXXVI
Р MMCMXXVII
Р MMCMXXVIII
Р MMCMXXIX
Р MMCMXXX
Р MMCMXXXI
Р MMCMXXXII
Р MMCMXXXIII
Р MMCMXXXIV
Р MMCMXXXV
Р MMCMXXXVI
Р MMCMXXXVII
Р MMCMXXXVIII
Р MMCMXXXIX
Р MMCMXL
Р MMCMXLI
Р MMCMXLII
Р MMCMXLIII
Р MMCMXLIV
Р MMCMXLV
Р MMCMXLVI
Р MMCMXLVII
Р MMCMXLVIII
Р MMCMXLIX
Р MMCML
Р MMCMLI
Р MMCMLII
Р MMCMLIII
Р MMCMLIV
Р M

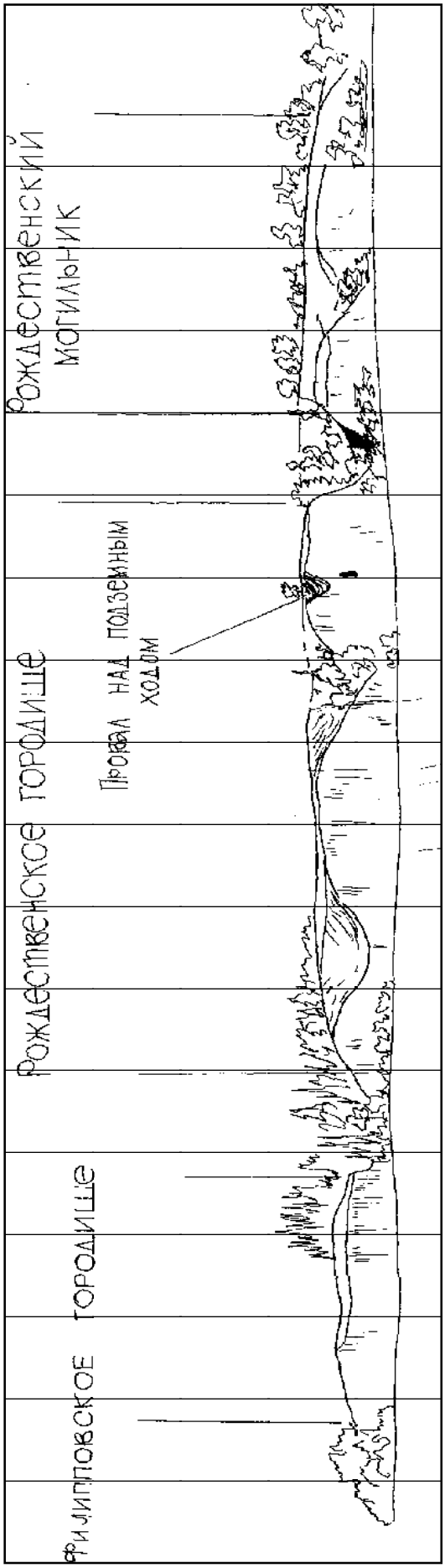

Рис.2. Вид на Рождественский комплекс из поймы правого берега р.Обва
Рисунок 1990 г. по фотографии. Авт. - Н.Б. Крыласова

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Анализируя историю открытия и исследований Рождественского археологического комплекса, можно смело утверждать, что он представляет собой один из наиболее известных и хорошо изученных археологических объектов Пермского Предуралья. История его изучения насчитывает почти три с половиной столетия, и отражает все этапы развития археологии в Пермском крае.

Первые сведения об археологических объектах в районе с. Рождественск на р. Обве приводит перепись князя Ф.Ф. Бельского 1678-1679 гг., проведенная как часть всероссийской подворной переписи: "... на Сискоре городище на р. Обва...".

По сведениям Е.Н. Шумилова, под именем Сискор, Сисикар, Сыкыскор в документах XVII — перв. пол. XIX вв. упоминался починок, а позже деревня Постаногово (Пыстаногово), расположенная на территории Рождественского могильника неподалеку от вала Рождественского городища, а также само Рождественское городище. Так, в Рождественской отказной книге 1785 г. Главного управления заводами и имением наследников А.В. Всеволожского (завод Пожевской Соликамского уезда Пермской губернии) при описании д. Постаногова (Сыкыскор) упомянуты "... над Обной и ключе 2 кора...)" [ГАПО, ф.174, оп.1, д.74]. Таким образом, здесь учтены Рождественское и Филипповское городища. Интерес представляет само название "Сискор". Топоформант "кор"— "город, городище" указывает на его относительно позднее коми-пермяцкое происхождение. "Сісь, Сіска" по коми-пермяцки "гниль, гнилой". Таким образом, Сискор можно понимать как "гнилое, старое" городище или город. Вероятно, этот название было дано объекту в тот период, когда накануне русского освоения Прикамья на берегах Обвы после ухода угров формируется коми-пермяцкое население. Коми-пермяки застают Рождественский археологический комплекс уже заброшенным, но хорошо заметным сооружением. Жить непосредственно в нем невозможно по идеологическим соображениям ("чудское поселение"), поэтому русско-пермяцкие починки и деревни основываются рядом с его укреплениями, а не внутри их.

Первое развернутое описание Рождественского археологического комплекса дал российский путешественник капитан Н.П. Рычков, сын известного ученого, члена-корреспондента Петербургской Академии наук П.И. Рычкова, фактический первооткрыватель сего памятника. В 1770 г. по заданию Академии наук он совершил путешествие по ряду местностей России, посетив в том числе и Пермскую провинцию. "Там имел я случай осмотреть различные городища, оставшиеся от древних обитателей той земли. Первое и самое лучшее из них есть то, которое находится за две версты не доезжая до с. Рождественского на восточном берегу р. Обвы. Кроме возвышенных валов, хотя там нет никаких остатков древности, однако внутри укрепления сего видимо множество дикаго камня, кирпича и муравленых

плит, которые видно составляли какое-нибудь каменное здание. Сказывают, что 50 лет от сего времени находились среди валов врата из дикаго камня сооруженные, по чему можно заключить, что в сем месте было жилище владетелей древнего народа. Там находят различных видов вещи, из которых некоторую часть нынешние жители сего места, видя меня любопытствующего, немедля ко мне снесли. Все сии находки состояли из меди, хрусталя, бисера, и из цветных каменьев, которые без сомнения по обыкновению северных народов употребляли Чудские женщины. Из числа принесенных ко мне вещей примечания достойны два небольших петушка, слитые из меди, покрытые полудой; на груди оных вдеты малые отвесы или гири, сделанные из сего же металла. Странные сии изображения представляли какое-нибудь божество древнего народа или служили домашними украшениями...

С ними же вместе найден пояс, украшенный множеством медных блях, сделанных наподобие сердечек, что все являет простоту древнего художества и грубый вкус тогдашнего века народов. Принесшие ко мне сии находки уверили меня, что не редко находят они в градских развалинах золотые и серебряные кольца, перстни, серьги и тому подобные женские уборы, которыми обыкновенно награждают они серебряков, живущих в тамошних местах.

... отец его копая некогда погреб позади восточной части градских валов, где ныне их селитьба, нашел статую слитую неведомого из какого металла, представляющую вид взрослого младенца, сидящего на коне... положил завет не разглашать о месте, где его нашел.

Отсель прошед западное укрепление сего достопамятного городища, находятся глубочайшие каменные расщелины, а позади оных на высоте той же горы видимо другое валами укрепленное место, которых твердость по ныне еще непоколебима; и сей по без сомнения был замок древнего селения. Он сделан на подобие круга, имеет с западной стороны осыпавшиеся земляные врата, ведущие внутрь градского укрепления. Вошед в оные найдешь там множество камней и муравленых плит, но достопамятных развалин никаких там не находится. Пространство оного замка весьма малое ибо вся окружность его не составляет более 50 сажен, напротив того первое укрепление занимает место близь версты"[Рычков 1772, с.74-78]. Таким образом, Рычков осмотрел и описал Рождественское и Филипповское городища и Рождественский (языческий) могильник, а также находки с них.

В 1848 г. для сбора сведений о "чудских урочищах" на территории Пермской губернии с целью "сделать историческое, по возможности, разыскание о народе Чуди" под руководством директора пермских училищ Ивана Фроловича Грацинского при участии профессора Казанского университета Н.А. Иванова была составлена своеобразная анкета, и циркулярами направлена всем штатным смотрителям уездных училищ [Бушмаков].

Среди небольшого количества донесений, поступивших в ответ, в Пермском облархиве имеется донесение штатного смотрителя Николая Матвеева, который сообщал о существовании у с. Рождественск Соликамского уезда урочища под названием "Чудское городище". "... от Рождественского села верстах в 2-х или 3-х к юго-западу на весьма возвышенном берегу р. Обвы, между деревнями Филипповой и Пастаноговой ... в нем находят вещи грубой работы, серебряные вещи, как то: серьги, кольца,

обручи" [ГАПО, ф.672, оп.1, д.261, л.12].

В сентябре 1848 г. в с.Рождественск по поручению И.Ф. Грацинского был командирован учитель русского языка Соликамского уездного училища Илья Любимов с целью осмотра урочища и сбора о нем сведений у местных жителей. В его донесении от 22 октября 1848 г. приводится подробное описание Рождественского городища: "Чудское городище лежит к юго-западу на весьма возвышенном левом берегу р. Обвы, между деревнями Филипповой и Пастаноговой, отстоящими от с.Рождественск в 1 версте.

Грацинский Иван Флорович (1800-1887) — почетный гражданин Перми, директор мужской гимназии, директор народных училищ Пермской губернии.

Родился в семье сельского священника, окончил Казанский университет по факультету словесности (1823 г.), работал в различных гимназиях Казани и Симбирска. В 1844 г. назначен директором Пермской мужской гимназии и директором народных училищ. Ему пришлось фактически строить заново разрушенную пожаром 1842 г. гимназию и постепенно расширять её. В 1868 г. по инициативе И.Ф. в Перми открывается братство св. Стефана, он содействовал также открытию в Перми Мариинского женского училища.

Грацинский награжден многими орденами, имел чин тайного советника, в 1873 г. за свои заслуги перед пермским обществом стал почетным гражданином Перми. Похоронен на кладбище почетных граждан.

Пространства занимает городище в длину около 200 сажен, в ширину около 150 (т.е. 426 х 300 м. — *А.Б.*). Высота сего урочища, уже осыпавшегося от времени с уровня земли в нескольких местах простирается на половину сажени, а в других и более (вероятно, имеется в виду высота вала городища. — *А.Б.*).

Крестьяне д.Пастаноговой с давних времен обратили место это в рабочее поле для посева хлеба, который конечно родится в изобилии и гораздо больше, чем в окружающих местах" [ГАПО, ф. 672, оп. 1, д. 248, л. 20].

К сожалению, никаких удовлетворительных устных сведений (преданий, ради которых и была запущена анкета) и никаких древних вещей от местных жителей ему получить не удалось, хотя со стороны Любимова предлагались "пожертвования". Любимов также сообщил, что "таковых урочищ... по иньвенским селениям считается более одиннадцати. Все они расположены на высоких местах и близ рек". В связи с тем, что на некоторых из них были найдены человеческие скелеты, обращенные головами к югу и "вещи изображения языческих божков", Любимов заключил, что все они, включая Рождественское городище, возведены "жившими прежде под именем чудаков язычниками".

Определенную лепту в сбор археологического материала с Рождественского городища внесли главноуправляющий Пермским нераздельным имением графов Строгановых в с. Ильинское Василий Алексеевич Волегов (1806-1864) и его старший брат Федот (1790-1856) — управляющий Пермским имением Строгановых в с. Новое Усолье, которые с 1846 г., по указанию графа Сергея Григорьевича Строганова (1794-1882) — основателя и первого президента Императорской Археологической комиссии (ИАК), стали со-

бирать археологические находки из Прикамья. Часть из них осела в эрмитажной коллекции Строгановых, а другая часть положила начало самой крупной археологической коллекции Прикамья в с. Ильинское, которую продолжили собирать Теплоуховы. Описание Рождественского городища Василий Волегов приводит в своем письме к И.Ф. Грацинскому в декабре 1848 г.: "... чудское городище находится в ведомстве села Рождественского господ Всеволожских у самой д. Пастаноговой местность коего находится с полдню от р. Обва на возвышении 10 сажен с Востоку и Западу между двумя логами глубиной в 10 сажен, а с Северу небольшой ложчик, у которого берег со стороны чудского жилища окопан и представляет с наружной стороны вид стены или земляного вала возвышенного с 1 сажени. На означенном городище с Севера и с Востока имеются два въезда; в настоящее время находится пространства чудского городища в длину с Востоку на Запад около 120 сажен и в ширину с Полдня на Север около 80 сажен – пространство этой земли занято под крестьянскую пашню. Жители деревень Пыстаноговой и Филипповой сказывают, что тому лет 30 действительно на городище находили разные чудские серебряные вещи, показанных в письмах Вашего Высокородия, - и сверх того, рекой Обвой из берегу городища вымывало человеческие кости. Находимые вещи жители никаких не объявляют, кроме имеющего у крестьянина д. Пастаногово Марка Пастаногова железного изржавленного сошника, на фигуру которого при сем имею честь приложить чертеж" [ГАПО, ф. 672, оп.1, д.261, л. 25].

В 1851 г. неподалеку от с. Рождественск крестьянином Ипполитом Ужеговым был найден клад различных серебряных вещей в 5,5 фунтов весом. Материалы клада поступили в Лазаревский институт восточных языков в Москве и в 1860 г. были опубликованы профессором Казанского университета С.В. Ешевским [Ешевский 1860, с.35-38], однако вскоре материалы клада были украдены из института.

Сбор материалов из Рождественского археологического комплекса предпринимал Александр Ефимович Теплоухов (1811-1885), главный управляющий Пермским нераздельным имением графов Строгановых.

Первое упоминание городища у с. Рождественск на Обве в археологическом Дневнике Теплоуховых приводится под июнем 1869 г., здесь записаны итоги осмотра этого городища, проведенного Теплоуховым при участии служащих Рождественской волости Соликамского уезда Константина Ниловича Чернова и Авенира Ивановича Касимова: "Городище состоит из трех частей, разделенных глубокими логами, разбито им на 3 мыса. Начинается у д. Постаноговой (б. д. г. Всеволожских) и доходит вверх по крутому обрывистому левому берегу р. Обвы до ближайшего поворота вверх по течению, где части продлеваются до д.Филипповой (б. д. г. Лазаревых). Валы выглядят превосходно, валы малого городища одеты дерном, в них ворота или проезд через ров. Вещи попадают под обрывом реки, в полях верст на 5 и в д. Постаноговой" [РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр.1, с.16]. Тогда же по поручению Теплоухова К.Н. Черновым был снят первый план городища, хранящийся ныне в Пермском областном краеведческом музее. В дальнейшем вещи из Рождественского городища, как это следует из регулярных записей в Дневнике, три десятка лет практически ежегодно присылает Теплоухову именно К.Н. Чернов. Последним были сделаны важные наблюдения, позволившие позже Н.Н. Новокрещенных точно определить

место расположения одного из могильников в составе археологического комплекса. О находках человеческих костяков и черепов – "чудских голов" — во время рытья ям и погребов в д. Постаноговой Чернов сообщал Теплоухову в 1879 и 1880 годах. В Дневнике имеется следующая запись: "1883 г. От Чернова ... в размытым Обвой обрыве берега крестьянами были обнаружены остатки человеческих захоронений и обломки человеческих челюстей... Гвоздей тоже нет, ибо гробы делались из колод, вырабатываемых из цельного обрубка дерева. Г-н Чернов писал, что черепов человека не могли достать, так как вымываемый костяк весь разрушенный" [РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр.XI. с.414]. Череп, который везли к Теплоухову, рассыпался при перевозке, и изучить его антропологию не представилось возможным.

Александр Ефимович Теплоухов родился 21 августа 1811 г. в семье крепостных горнозаводских служащих графов Строгановых Ефима Николаевича и Екатерины Ивановны Теплоуховых в с. Карагай Соликамского уезда Пермской губернии. В 1830 г. он закончил Петербургскую школу сельскохозяйственных и горнозаводских наук по горному отделению с аттестатом высшего разряда, а затем Тарантскую лесную академию в Германии.

В 1864 г. А.Е.Теплоухов становится главным управляющим пермским майоратом графов Строгановых. С этого же года он продолжил собирать археологическую коллекцию Волеговых.

Интерес к археологии был вызван открытием в окрестностях с. Ильинского Ильинского «костища». В 1875 г., в возрасте 64 лет, еще полный творческих сил, он уходит на пенсию, и посвящает себя археологическим исследованиям. В 1880-х гг. Теплоухов начал научную обработку собранных материалов, занимался изучением прошлого оседлых жителей западных предгорий Урала в бассейне р. Камы.

А.Е. Теплоухов являлся автором 50 научных работ, принимал участие во всех всероссийских археологических съездах, членом российских и иностранных археологических обществ. Свои археологические изыскания и наблюдения Теплоухов отражал в «Археологическом Дневнике», который вел с 1867 г. и до конца своих дней (хранится теперь в Рукописном архиве ИИМК РАН , Санкт-Петербург).

Кроме К.Н. Чернова вещи из городища и могильника Теплоуховым присылали П.М. Плюснин, Г.И. Кузьмин, И.А. Бушуев, лесничий С.А. Басов, генерал Миддендорф и ряд других людей: священники, купцы, крестьяне, проезжие путешественники. Были, однако, и примеры обратного рода. Так, под июнем 1874 г. А.Е. Теплоухов пишет в Дневнике, что купец П.А. Степанов из Ильинского специально ездит в с. Рождественск, дабы скупать старые вещи из серебра и золота. А.Е.Теплоухов дал интересное пояснение судьбе предметов, скупаемых купцами: "Находимые в Пермской губернии серебряные вещи привозили в Вятку, где, как сказал И. Кривощеков, братья Агафоновы в иной год перерабатывали до 30 пудов серебра и 20 пудов золота на разные образки и прочие вещи. По их словам, серебряные вещи, находимые в земле, из хорошего серебра, лучше, чем наше, оно лучше плавится

и меньше чернеет на воздухе. Поэтому находчики серебряных вещей и перекупщики везут его в Вятку" [РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр. V, с.194]. Именно поэтому, несмотря на то, что крестьянам за их находки обязательно платили, они зачастую предпочитали сдавать "найдушки" не К.Н. Чернову, а местным дельцам, которые переправляли их в качестве лома на переплавку.

В 1872 г. по просьбе А.Е.Теплоухова были проведены первые в истории Пермской археологии анализы бронзовых изделий. Им подверглись украшения из Рождественского городища.

Состав "чудского" металла определял ассистент химии Казанского университета Петр Аркадьевич Петров. Результаты оказались следующими: медь — 92,8, олово — 7, посторонние примеси 0,8%.

Работы отца продолжил Федор Александрович Теплоухов (1845-1905). Рождественский комплекс особенно интересует его. Ф.А. Теплоухов не только получает вещи от Чернова, но и совершает регулярные поездки в Рождественскую волость, скупая или выменивая находки с Рождественского комплекса памятников у местных крестьян: "2.11.1887 г. посетил д. Филиппову. У одного солдата было штук 15 находок с Рождественского городища, но он их продал местному купцу-еврею, который сбыл их на ярмарке в Нижнем. Крестьяне обязались собирать "найдушки" впредь для меня" [РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр.XIV. с.500]; "1887 г. куплена в деревнях Сивковой, Постаноговой и Филипповой следующая мелочь с Рождественского городища (25 наименований): ромбовидная поделка из камня со следами орнамента темно-синего оттенка; бусы; пронизки бронзовые; гирьковидная привеска; наконечник ремня; игольница вроде найденной в Пермской даче и Кыласовом, но ушки

В 1858-1863 гг. Ф.А.Теплоухов учится в Пермской гимназии, по окончании которой поступает в Тарантскую лесную академию, а по возвращении из Германии заканчивает Петровскую академию земледелия и лесоводства в Москве.

22 января 1873 г. Ф.А.Теплоухов возвращается в с. Ильинское помощником главного лесничего, а со 2 декабря 1875 г. становится главным лесничим Строгановых.

Пополняя коллекцию отца и продолжая вести Дневник, Ф.А. Теплоухов с 1886 г. начал обработку имеющихся материалов. К 1899 г. он завершил большое исследование, оставшееся неопубликованным – «Период древнейших костищ». Им проведены разведки и раскопки на Верхней Каме, написаны обобщающие работы по истории древнего земледелия, торговли и торговых путей, религиозных представлений «Камской чуди», опубликованы материалы по каменному и бронзовому веку. Он совместно с А.А.Спицыным осуществил подготовку атласа «Древностей пермской чуди по коллекции Теплоуховых» — отобрал характерные экспонаты, заказал несколько сотен рисунков. В 1902 г. атлас вышел в свет как один из томов «Материалов по археологии России».

Деятельность Федора Александровича была высоко оценена при его жизни. Он являлся членом-корреспондентом Московского археологического общества,членом Петербургского археологического общества и др.

по бокам сплошные; головка конька (обломок); накладки; обломок медного браслета; гусиные лапки; колокольчики; фрагменты цепочек; медные шлаки" [РА ИИМК, ф.48, д.1-2, тетр.XIV, с.508].

С тех пор, как Ф.А. Теплоухов распорядился продавать "найдушки" исключительно ему, вещи с Рождественского городища стали поступать в коллекцию во все большем объеме. Большинство находок было собрано жителями деревень, непосредственно примыкающих к городищу – Постаноговой, Филипповой, Сивковой.

Интересно, что для того чтобы у крестьян не пропал интерес поставки находок с городища, Ф.А. Теплоухов покупал у них даже незначительные обломки, не представляющие для него никакого интереса. Так, 25.XII.86 в Дневнике была сделана следующая запись (рис.3): "В июле 1885 г. один старик из д. Постаноговой Рождественской волости (около Рождественского городища) принес мне в нескольких мешочках массу обломков кусков различных чудских вещей с Рождественского городища. В них, по-видимому, не было ничего нового, и платить деньги в живую мне тоже не стоило. Но чтобы не отучить Рождественцев приносить вещи, я все таки купил принесенное. Разбирая ныне этот хлам я однако же нашел и кое что интересное" [РА ИИМК, тетр.XIII, с.429].

В результате частых поездок и постоянной переписки борьбе Теплоухова за сохранность находок с городища и могильников стала активно помогать местная общественность, в том числе, представители полиции, тем более, что по просьбе министра Императорского двора, в ведении которого находилась Императорская археологическая комиссия, МВД распоряжается, чтобы чины полиции взяли на себя контроль за законностью сборов и раскопок на памятниках археологии. В фонде ИАК в Рукописном архиве ИИМК имеется копия письма, которое 16 февраля 1898г. за подписью гофмейстера Двора Его Величества графа Бобринского (председатель ИАК) было направлено на имя пермского губернатора. В письме ИАК по просьбе Н.Н. Новокрещенных (председатель Пермской комиссии УОЛЕ и Пермской губернской ученой архивной комиссии) объявлялась благодарность полицейскому уряднику Лавру Егоровичу Короваеву, проживающему в с. Рождественск, за ревностную охрану им местных городищ от незаконных раскопок [РА ИИМК, ф.1, д.90, л.18].

Активную роль в сборе коллекций из различных археологических памятников Прикамья играл младший брат Ф.А. Теплоухова – Александр Александрович, который регулярно ездил в с. Рождественск скупать находки у крестьян. На страницах Дневника Ф.А. Теплоухов неоднократно отмечает эту роль брата: "1887 г. летом брат привез большое количество мелких обыкновенных вещей с Рождественского городища (д. Постаногово и Филиппово): 83 предмета, в т. ч. бронзовая часть огнива, серебряная монета с 2 дырочками 338 г. хиджры Зияриди Вашмегир Джорджан..." [РА ИИМК ф.48, д.1-2, тетр.XV, с.514]; "...1891 г. брат привез из д. Постаноговой и д.Филипповой 55 предметов, в т. ч.: гусь плоский, накладки на ремень, наконечники ремней, бубенчики и прочие мелкие бронзовые предметы, костяную рукоять, костяной фрагмент с орнаментом, булгарскую керамику..." [РА ИИМК ф.48, д.1-2, тетр.XVII, с.607]. Именно А.А. Теплоухов разрешил загадку о месте находки т. н. "Рождественского клада 1851 г.". В 1889 г., будучи в с. Рождественск, А.А. Теплоухов встретил самого находчика этого клада, крестья-

нина Рождественской волости Ипполита Ужегова, который был в это время, по словам Ф.А. Теплоухова "уже 84-летним старцем, питавшемся подаянием" [Теплоухов 1895, с.15]. Александру Теплоухову удалось установить со слов Ужегова, который хорошо помнил все вещи и сами обстоятельства находки, что найдены они не на Рождественском городище, как полагал это публикатор клада профессор С.В. Ешевский, а верстах в 3 от него в верховьях ручья Лаштовка близ д. Волгиной Рождественской волости. Вероятно, уместнее именовать клад "Волгинским" (рис.7).

В 1894 г. состоялась выставка материалов коллекции Теплоуховых, или, как она именуется с 1885 г., "Собрание пермских древностей наследников А.Е. Теплоухова". Выставка состояла почти исключительно из предметов с Рождественского городища, их было 557 экземпляров. В одном из писем Спицына к Теплоухову читаем: "Ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района". [ГАПО, ф. 613, оп. 2, д.807]. Она послужила основой для создания атласа "Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых", вышедшего в 1902 г. с предисловием и систематизацией А.А. Спицына (впоследствии член-корреспондент АН СССР).

В этом атласе на 117 рисунках представлены вещи из Рождественского комплекса. Коллекция Теплоуховых была подготовлена к изданию А.А. Спицыным во время его поездки в Пермскую губернию в 1898 году.

Николай Никифорович Новокрещенных родился 24 ноября 1842 г. в Юговском заводе Пермского уезда в семье унтер-шихтмейстера. В 1863 г. окончил Петербургский технологический институт с аттестатом 1-го разряда, был распределен на Пермские казенные заводы.

В декабре 1888 г. в связи с сильным ухудшением здоровья Николай Никифорович выходит в отставку и переезжает в Пермь. С этого времени начинается активная общественная деятельность Новокрещенных, посвященная, в частности, исследованиям прошлого Пермского края. Он занимал многие важные общественные посты.

Наиболее важной явилась его деятельность на посту председателя Пермской ученой архивной комиссии (1893-1901 гг.) и Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (1890-1899). Он был одним из создателей Пермского краеведческого музея, огромную роль он сыграл в становлении пермской археологии. Им были налажены связи с Императорской Археологической комиссией, получены первые Открытые Листы на производство раскопок, которые и начались в 1893 году. На свои личные средства он раскопал один из самых знаменитых археологических памятников Урала – Гляденовское костище, материалы которого были обработаны и опубликованы А.А. Спицыным и самим Новокрещенных.

Заметную роль в исследовании рождественских древностей сыграл Н.Н. Новокрещенных.

Например, судя по записи в Дневнике (рис.6), в 1895 г. Новокрещенных передал в коллекцию набор весьма интересных предметов, собранных им на Рождественском городище в 1892 г. (скребница для ухода за лошадьми, удила, медальон с изображением воина, гирька, гребешок, манок, ко-

стяная застежка-коромыслице, глиняные пряслица, бронзовые пряжки и совершенно уникальная фигурная застежка, ювелирные накладки, фрагмент бронзовой вилки и пр.) [РА ИИМК, тетр. XIX, с.663-665]. К сожалению, в Дневнике не указано, каково происхождение этих вещей, но, вероятнее всего, Н.Н. Новокрещенных, как это было принято, приобрел их у местных жителей.

30 июня 1897 г. Г.А. Вологодин в обрыве над Обвой на соседнем с городищем мысу у Постаногова лога обнаружил человеческий костяк. В начале августа того же года, используя Открытый Лист, данный ИАК на 1897 г. на Пермскую губернию, председатель Пермской ученой архивной комиссии и Пермской комиссии УОЛЕ Николай Никифорович Новокрещенных производит раскопки могильника. Отчет об этих раскопках в 1898 году поступил в ИАК, и к нему приложен Открытый Лист за 1897 г. (рис.4, 5). В таком виде отчет "О раскопках Н. Новокрещенных в Пермской губернии" хранится в РА ИИМК в фонде №1 в деле №29 за 1898 год. Описание погребений из этого отчета приводится в главе о могильнике, а общую часть считаем необходимым привести здесь.

"3 августа к вечеру приехал в с. Рождественск.

4 августа. Рабочих взял 2-х взрослых и 4-х подростков. В рисунках у меня был план городища, снятый инструментально с наименованием найденных костей человека и животных. Двоих рабочих я оставил при себе, а подростков заставил перерывать слой культурной земли городища в обнажениях обрывов (коллекция находок с городища обнаружилась в фондах Свердловского областного краеведческого музея — рис.5. — *Н.К.*). Сделав краткий осмотр городища, которое я ранее не видел, я нашел не то городище, каких обыкновенныя, т. е. с обрывами с двух сторон и валом с третьей, — нет, это было высокое плато с одной стороны оборванное рекой с крайне крутыми обрывами до 15 сажен (ок. 32 м. – *А.Б.*) вертикальной высоты и с вымоинами новейшего образования. Обрыв к реке занимает всю южную часть, а с северной ограничивается уступом до 2,5 сажен (более 4 м. – *А.Б.*) вертикальной высоты. Вероятно, прежде здесь был вал, впоследствии распаханный, а за валом – ров, еще и теперь заметный. Это искусственная выемка, из которой земля пошла на вал и вал охватывал городище полукругом. И вид и форма его напоминает Майкарское городище. С западной стороны старинный овраг, за которым второе городище. И здесь вал, в западной части которого предельный конец вала упирается в правильно отделанный ров, врезавшийся далеко в гору. От обоих городищ на север – пашни со значительным подъемом, из-за которого не видать ни села, ни церкви сельской. Вал второго городища имел, по-видимому, в конце башню, с которой отлично можно было наблюдать, как за западным оврагом, так и за рвом главного городища. Недалеко (до 40 шагов) от этого пункта остались следы ворот в виде сильно выдающихся возвышений, которые, как и угловой пункт, я первоначально принял за огромные курганы.

С восточной стороны главное городище имеет скат к югу, приблизительно сажен 80 (более 170 м. — *А.Б.*). Этот-то скат, на котором находится деревня Постаногова из 4 домиков, окруженная пашнями и составляет чудское кладбище. Как в главном городище, так и вокруг него – чернозем – культурная земля до 8 вершков (более 35 см. – *А.Б.*) толщиной, а на скосах и 2 аршин (ок. 1,5 м. – *А.Б.*), тогда как во втором Западном городище

внутри его красная песчаная глина. Это второе городище расположено по дуге реки Обвы до 30 сажен (ок. 64 м. – *А.Б.*) шириной и до 60 сажен (ок. 140 м. – *А.Б.*) длиной по обрыву реки, не считая длины углов.

Ров между городищем и гумном настолько одернился, что дальше его не размывает. Обва против городища не более 10 сажен (ок.22 м. – *А.Б.*) в межень и глубиной на переборах 10-12 вершков (45-52 см. – *А.Б.*), в весенний разлив сильно вспучивается и делая изгиб против городища обрывает его берег настолько, что на памяти стариков оборвало уже до 70 сажен (ок. 150 м. – *А.Б.*).

Этим старикам много доверять нельзя, их так много расспрашивали, что догадки они принимают за истину. Я не буду приводить примеров, да и к истории городища это ничего не прибавит, а введет лишь путаницу. Для меня важно лишь то, что Обва сильно убавила городище, которое далеко вдалось в сторону реки. На этой-то выдающейся части было кладбище, отсюда смывает бронзовые и другие вещи, наполнявшие коллекцию Теплоуховых и разошедшиеся по России и ушедшие в тигель на переплавку...

Рабочие говорили, что когда копали яму у гумна, то нашли костяк... Гумно около вала. Около него я пробил узкую поверхностную полосу, но ничего не нашел.

Находки случайно попадали около домов д. Постаноговой, около гумна и масса разной бронзы по за валу с северо-восточной стороны и с северной. По моим догадкам богатые погребения именно там и были...

Массу находок дает весной и летом р. Обва. Берег обрывается, глинистая и торфяная часть сносится, а бронза остается на месте и рабочие, сбрасывая в сторону гальки, находят около них бронзу и железо. Нашли даже небольшой рог лося. Кроме того, раскапывают берега обрывов. Подростки нашли в числе других костей гребень из оленьего рога и свисток для подманки рябчиков из птичьей ноги. Тут же находят и кресты.

Наследники Хотимского – теперь Полежаева – жиды, поселившиеся в Рождественском селе в виде управляющих смотрителей скупают найдушки и отправляют в Нижний. Один из жидов говорил, что купил найдушек на 25 копеек, а продал в Нижнем за 3 рубля.

Открой же я теперь богатое погребение – то за осень поля бы были взрыты. Тут нужно сесть надолго и если что найдется, покончить начисто!".

В результате работ Н.Н. Новокрещенных было выявлено и вскрыто 14 погребений, в которых в разной степени сохранились костяки, лежащие на глубине 10-14 вершков (45-65 см. – *А.Б.*) головой на запад, на правом боку с поворотом лицевого отдела черепа к югу, левая рука согнута и лежит на бедрах, правая вытянута вдоль тела. В голове и ногах погребенных находились железные гвозди ("крючки" неизвестного назначения, по Н.Н. Новокрещенных). Ф.А. Теплоуховым, посетившим эти раскопки, самим Н.Н. Новокрещенных, а позже и А.А. Спицыным эти погребения были расценены как совершенные по мусульманскому обряду. Н.Н. Новокрещенных писал: "Ни в голове, ни в ногах ничего не оказалось. Ни золы, ни углей – точно голый был положен прямо в глину" [РА ИИМК, ф.1, д.29 за 1898, л.11]. В Отчетах Археологической комиссии за 1897 г. А.А. Спицын указывает: "Близ известного по многочисленным находкам Рождественского городища Соликамского уезда Н.Н. Новокрещенных обнаружил и частью исследовал 2 поздних могильника. Костяки лежали здесь

в ямах на глубине до 0,65 м головой на Запад, на правом боку, т. е. лицом на Юг. В головах и ногах некоторых скелетов найдено по железному гвоздю; никаких других предметов при этих погребениях не оказалось. По всей вероятности, это мусульманский обряд" [ОАК за 1897, с. 51]. О мусульманской принадлежности этих погребений Спицын указал еще раз в "Сводке древностей Пермской губернии" (ок. 1901г.) [РА ИИМК, ф.5, д.175, л.77].

Почти полстолетия после работ Новокрещенных археологи не посещали Рождественский археологический комплекс. В 1949 г. тогда еще студенты исторического факультета Пермского госуниверситета Владимир Антонович Оборин и Владимир Петрович Денисов в ходе глобальной разведки по территории Пермской (Молотовской) области осмотрели памятники, входящие в состав комплекса, составили его глазомерный план, произвели зачистку обнажений, собрали подъемный материал. Результаты разведки и большая часть материалов из коллекции Теплоуховых, относящихся к Рождественскому комплексу, в 1953 г. были опубликованы В.А. Обориным в статье "Рождественское городище и могильник" [Оборин 1953, с.161-177].

По описанию В.А. Оборина, Рождественское городище находится в 1 км юго-западнее с. Рождественского Карагайского района Молотовской области, в 200 м от свинофермы (б. д. Постаногова), на берегу р. Обвы (рис.8). Городище расположено на высоком левом берегу реки, над обрывом в 60°, на высоте 26 м над уровнем реки. Длина городища по обрыву была оценена в 305 м. Общая площадь около 25000 кв. м. С северной напольной стороны городище защищено валом дугообразной формы, который упирается своими концами в края двух глубоких оврагов, выходящих к р. Обве (рис.8). Площадка городища была искусственно приподнята подсыпкой земли с южной стороны. Рва не обнаружено. Длина вала, по оценке В.А. Оборина, 160 м, ширина от 2,7 до 3 м, высота (с искусственно приподнятой площадкой) от 2,2 до 3 м.

В.А. Обориным и В.П. Денисовым были сделаны три зачистки — на южном склоне, в центре и у вала. Культурный слой четко отделяется от подстилающей глины — это темноватый суглинок с содержанием булгарской и позднеродановской керамики, костей животных и костяных орудий. На бечевнике под городищем участниками разведки 1949 г. были найдены выпавшие из культурного слоя обломки керамики, железный нож и медная пластинка. В центре городища культурный слой в результате трехсотлетней распашки почти снят пахотой и не превышает 10-15 см, к валу он утолщается до 50 см и наиболее мощный на склоне к р. Обве — до 1,7 м.

В 150 м западнее городища, за глубоким оврагом лежит еще одно небольшое городище, которое В.А. Оборин назвал Филипповским (в 0,5 км от бывшей д. Филипповой). Филипповское городище расположено на 25 м над уровнем р. Обвы, между двумя оврагами. Овраги имеют боковые ответвления, в края которых упираются концы вала городища. Вал имеет длину 30 м. Его западная часть распахана. В середине он имеет проход — "ворота" — шириной 4 м и длиной 10 м. Высота вала 1,8-2 м, ширина — 8-10 м. На западном конце площадки сохранилась небольшая насыпь, отделенная от ворот пашней. Площадь Филипповского городища — 4000 кв. м. За валом сохранились остатки небольшого рва шириной около 4 м, глубиной 0,5-0,7 м и длиной 15-18 м.

Вся поверхность городища распахана, и культурный слой сохранился только в центре в виде светло-серого пятна на фоне окружающей

красноватой глины. Мощность его не более 30 см. На пашне и на зачистках была найдена русская керамика, кости животных и медное кольцо.

По сообщению В.А. Оборина, население называет место городища "Царскими воротами," и говорит, что за этим валом русские отбивались от чуди. По мнению В.А. Оборина, Филипповское городище отнесится к ранним русским поселениям в Прикамье.

Могильник, по оценке 1949 г., располагался на месте д. Постаногово между двумя оврагами, и считался к этому времени практически уничтоженным.

Учитывая распределение находок на этой площади и результаты работ Н.Н. Новокрещен-ных, В.А. Оборин предположил, что на западном краю площадки могильника находились погребения бедных членов общины, а на восточном краю – богатых, именно поэтому в самой деревне встречались вещи, а в раскопках Новокрещенных ничего кроме гвоздей от гробовищ не выявлено.

В целом Рождественский комплекс, по мнению В.А. Оборина, был датирован следующим образом. Рождественское городище отнесено к концу XII-XIV вв., по его имени О.Н. Бадером было предложено именовать поздний этап родановской культуры [Бадер 1953, с.79]. Могильник был датирован VI-IX и X-XIV вв., причем, по мнению Оборина, основная масса вещей с могильника относится к XII-XIV вв. (по А.А. Спицыну – так написано у В.А. Оборина) [Оборин 1953, с.177]. Сохранность городища была определена как крайне плохая, пригодной для раскопок частью признан только край обрыва, а могильник сочтен практически уничтоженным, хотя, по мнению В.А. Оборина, можно было надеяться что "при тщательных поисках могут быть обнаружены новые погребения" и это "смогло бы значительно уточнить наши выводы".

Владимир Антонович Оборин (1929-1995), родился 15 июля 1929 г. в семье профессора Пермского университета. Увлекся археологией еще будучи школьником, в школьном возрасте принял участие в I Уральском археологическом совещании. В 1952 г. заканчивает Пермский университет по специальности «история-археология». Затем учится в аспирантуре Государственного исторического музея г.Москвы, где под руководством крупного советского археолога-финно-угроведа А.П. Смирнова успешно защищает кандидатскую диссертацию "Коми-пермяки в IX-XV вв. (Родановская культура)".

С 1956 г., после отъезда О.Н. Бадера в Москву, В.А. Оборин становится руководителем Камской археологической экспедиции ПГУ. В 1986 г. в Уральском госуниверситете он блестяще защищает докторскую диссертацию "Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVIII вв.".

С 1973г. — заведующий кафедрой древней и новой истории России. С 1987 г. — профессор ПГУ. Автор около 200 научных и научно-популярных работ. В научный оборот ввёл значительное число археологических и письменных источников. Ученики В.А.Оборина работают в Пермском государственном университете, Пермском государственном педагогическом университете, в учреждениях УрО РАН.

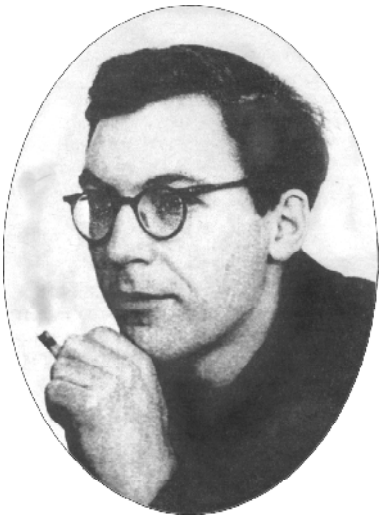
Имя В.А. Оборина носит отдел археологии ПОКМ, где хранятся его научный архив и библиотека.

Таким образом, к середине XX столетия Рождественский археологи-

ческой комплекс был признан эталонным для Прикамской археологии эпохи средневековья. Однако его регулярные археологические исследования начались только в 1980-1990-х годах.

В 1981 г. раскопки Рождественского городища были предприняты доцентом Пермского государственного университета Ю.А. Поляковым.

На городище было заложено три раскопа, располагавшихся на краю обрыва площадки над р. Обвой, общей площадью 218 кв. м, а также траншеей метровой ширины прорезан вал. Раскопками было изучено 14 ям различного назначения, в одной из которых располагался булгарский гончарный горн.

Юрий Алексеевич Поляков (1932-1992) родился 21 февраля 1932 г. в Москве. В 1950 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Пермского университета, специализировался по археологии у О.Н. Бадера.

В 1955 г. Юрий Алексеевич работает по распределению в школе Алтайского крайя. Осенью 1956 г. он начинает работу в качестве научного сотрудника в Кунгурском краеведческом музее.

В 1960 г. Юрий Алексеевич переходит на работу в ПГУ в качестве научного сотрудника Камской археологической экспедиции, а в 1962 г. становится преподавателем.

Проводил раскопки и разведки в разных районах Пермской области, начиная с северных Чердынского, Гайнского, Красновишерского районов, кончая южными Бардымским, Частинским.

С 1963 г. изучал гляденовскую культуру в Среднем и Верхнем Прикамье. Им было открыто и обследовано более 150 новых археологических памятников, в основном относящихся к этой культуре, которой была посвящена его кандидатская диссертация "Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н.э. — середина VI в. н.э.)", защищенная в 1980 г. в Институте археологии АН СССР.

В ходе раскопок была собрана довольно представительная коллекция древностей, основную массу которых составила булгарская гончарная неполивная и поливная керамика. Исследованные сооружения и находки, сделанные Ю.А. Поляковым, будут описаны совокупно с материалами раскопок последующих лет.

Следует отметить, что Ю.А. Поляков по результатам раскопок не согласился с датировкой городища, предложенной В.А. Обориным, и считал, что памятник может быть датирован IX-XIV вв., но более точно установить его дату без дальнейших исследований невозможно.

Раскопки городища продолжились в 1985 году. К работам на памятнике приступила Камская ар-хеолого-этнографическая экспедиция ПГПУ под руководством А.М. Белавина. В 1985 г. исследованию подверглись участки края городища, которые примыкали к раскопам Полякова. Они дали богатый материал, было исследовано несколько десятков ям разной конструкции, второй гончарный горн, остатки круглого колодца. Среди находок этого года имелась монета X в. и круглая ажурная литая пластина с изображением зверей в пермском зверином стиле, которая впоследствии стала своеобразным символом Рождественского отряда экспедиции педагогического университета.

После перерыва, вызванного необходимостью хоздоговорных исследований, изучение городища продолжилось в 1990-1993 гг. и в 1997 году.

В 1990-1993 гг. работы на городище были продолжены А.М. Белавиным, а в 1997 г. — под руководством Н.Б. Крыласовой. В 1991 г. был впервые составлен полный инструментальный план археологического комплекса, включавший Филипповское, Рождественское городища и Рождественский могильник. В целом на Рождественском городище вскрыто более 2,5 тыс. кв. м. Раскопы располагались главным образом по краю обрыва, что преследовало спасательные цели, так как берег активно разрушается. Здесь изучено два гончарных горна, остатки косторезной мастерской, расположенной в землянке, вход в подземный лаз (ход), несколько крупных ям-кладовок, несколько наземных жилищ и прочие объекты. Среди материалов, полученных с данной части городища, имеются обломки тиглей, керамические ложки-льячки, литейные формы и бракованные бронзовые изделия, что свидетельствует о существовании здесь бронзолитейных мастерских. Обнаружены также бракованные бусины и крупный кусок стеклянной пасты, что подтверждает наличие стеклодельного ремесла. Конструкция производственных сооружений и состав материала городища свидетельствуют о том, что большинство ремесленников были выходцами из Волжской Болгарии.

В результате раскопок первых лет сложилось мнение о том, что вдоль обрыва располагались в основном хозяйственные и производственные сооружения, а жилые постройки, вероятно, находились у вала. В 1991 г. был еще раз исследован вал Рождественского городища и небольшая часть площадки перед валом. На этом раскопе были выявлены остатки третьего гончарного горна в небольшом наземном сооружении — мастерской. За валом ров не фиксируется — здесь находился неукрепленный посад с довольно мощным культурным слоем. Таким образом, вероятно, внутри городища располагались наиболее ценные для его обитателей мастерские, кладовые и т. п., а жилые сооружения были вынесены за пределы укреплений.

Весной 1990 г. в обрыве мыса, примыкавшего к восточному (Постаноговскому) логу было обнаружено обнажившееся погребение с хорошо сохранившимся костяком, поэтому с 1990 г. было продолжено изучение могильника, начатое еще Н.Н. Новокрещенных. С 1949 г. могильник считался разрушенным. В 1990 г. на территории б. д. Постанового были обнаружены скопление бронзовых украшений и фрагменты человеческого черепа, таким образом, и здесь была выявлена не разрушенная часть могильника. Изучение могильника проводилось под руководством Н.Б. Крыласовой. Установлено, что он состоял из двух частей, отличающихся по погребальному обряду. На мысу, непосредственно примыкающему к восточным оборонительным сооружениям городища, находилась мусульманская часть могильника. Здесь в 1990-1991 гг. на двух раскопах вскрыто 11 погребений, совершенных с соблюдением кыблы. Языческая часть находилась на 500 м восточнее городища. Здесь в 1990-1993, 1997 гг. было вскрыто 550 кв. м, изучено 100 погребений X-XI веков.

Помимо предметов, связанных с могильником, во время раскопок обнаружен интересный комплекс вещей, относящихся к существовавшей здесь д. Постаногово. Из наиболее выразительных находок следует отметить серебряные копейки-чешуйки, 2 старообрядческих нательных крестика XVII в., серебряные серьги с хрустальной бусиной XVII в., фрагменты чугунной печной заслонки с рельефным орнаментом.

В 1997 г. в 200 м к СВ от раскопа № 1 на пашне и полевой дороге были обнаружены фрагменты костей, железные предметы, бусы и бронзовые украшения. Примерно на этом же месте в 1985 и 1990-1993 гг. регулярно находили бронзовые накладки, бубенчики, детали шумящих подвесок, фрагменты трубчатых костей.

Это свидетельствует о том, что границы могильника значительно шире, чем это предполагалось ранее. На месте наибольшего скопления подъемного материала был заложен раскоп № V площадью 20 кв. м. Материалы этого раскопа позволяют датировать данную часть могильника более поздним временем — XII-XIII вв. — и считать, к сожалению, почти полностью уничтоженной распашкой.

Площадь Рождественского некрополя X-XIII вв. составляет около 3,5 га. С учетом плотности размещения захоронений (около 4 кв. м на погребение) можно думать, что здесь было погребено около 8,5 тыс. человек.

В 1990 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и в 1993 г. под руководством А.М. Белавина были впервые предприняты раскопки Филипповского городища. Всего на этом памятнике вскрыто 84 кв. м площади, изучены вал и ров. В результате доказана одновременность Рождественского и Филипповского городищ, что изменило сложившееся с 1949 г. мнение о более позднем периоде существования Филипповского городища.

***

Результаты раскопок комплекса в разное время частично публиковались авторами, однако полная, исчерпывающая публикация всех материалов, накопленных с конца XVIII столетия, предпринимается впервые.

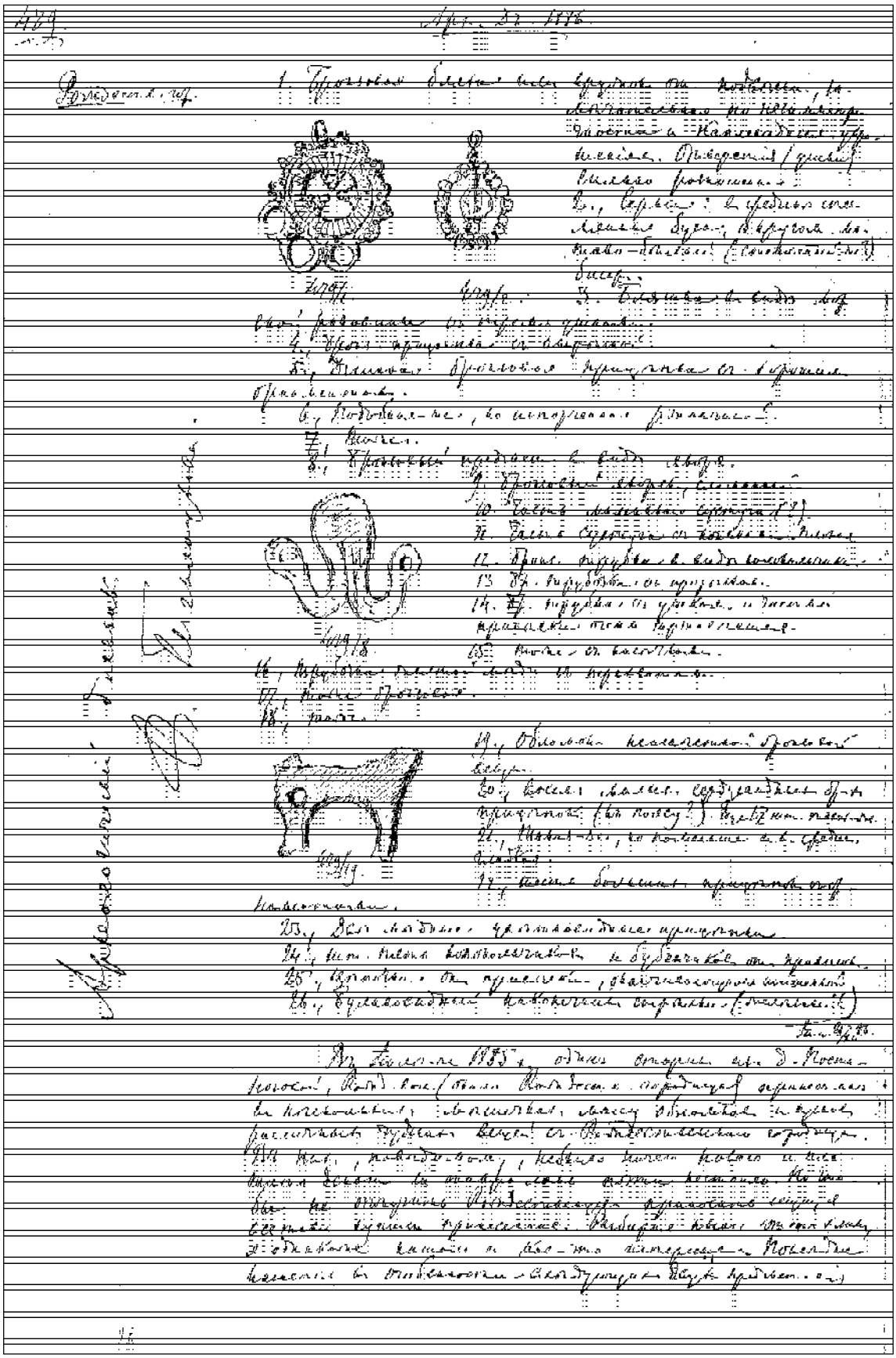
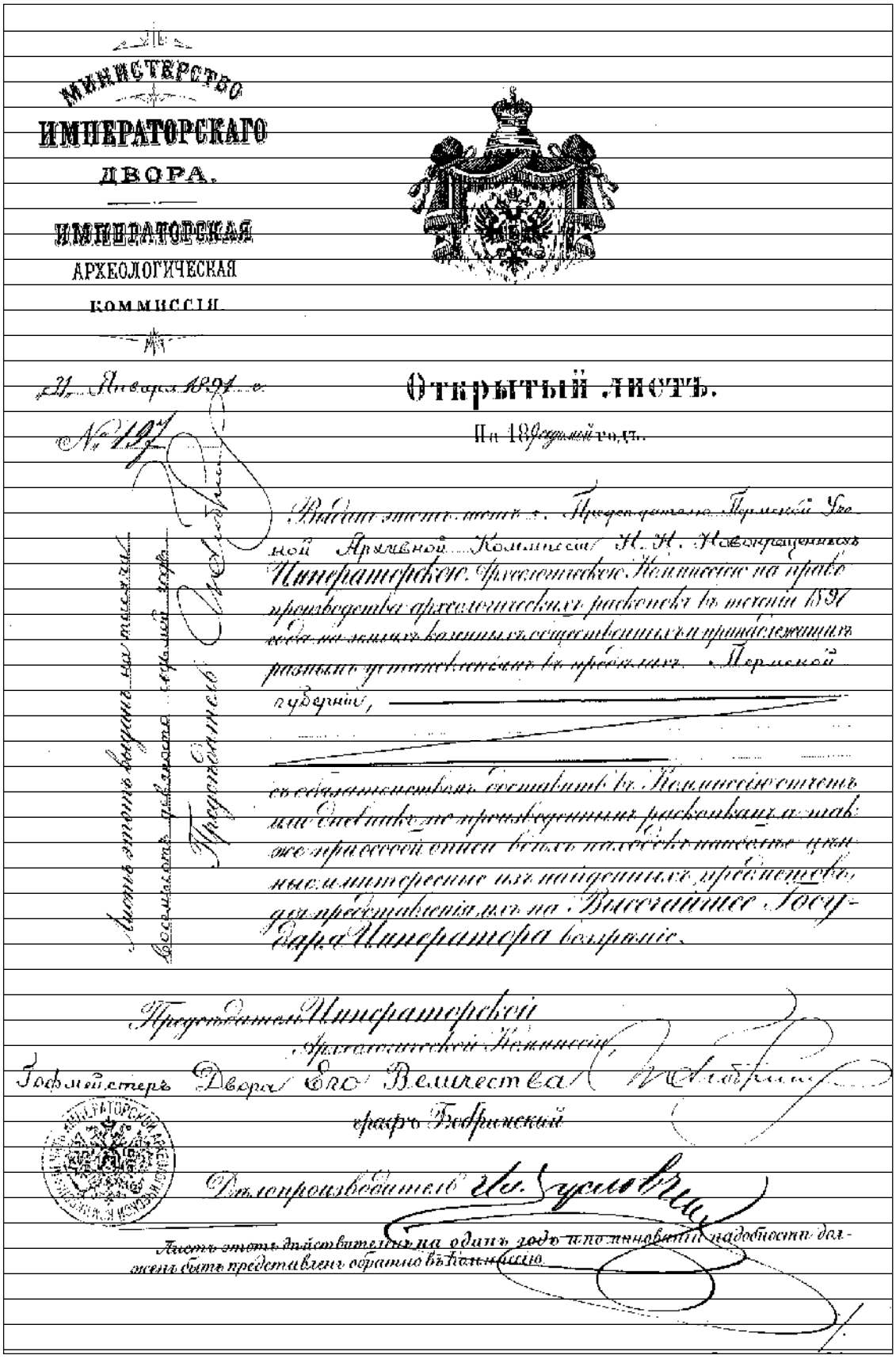

Рис.3. Образец страницы из Археологического Дневника Теплоуховых с записью об очередных находках из Рождестенского городища РА ИИМК. Ф.48, арх№1, л.298

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ.

11 Января 1898 г.

№ 197

Открытый Листъ.

На 1898 годъ.

Выдан этотъ листъ г. Преподавателю Пермской Уѣздной Архивной Коммиссіи Н. Н. Новокрещенныхъ Императорское Археологическое Общество на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіи 1898 года на земляхъ казенныхъ, существовавшихъ и существующихъ ранѣе христіанскаго времени, Пермской губерніи,

съ обязательствомъ составить въ Коммиссіи отчетъ или сообщеніе о произведенныхъ раскопкахъ и представить при отчетѣ полное описаніе всѣхъ найденныхъ предметовъ, для пріобщенія ихъ къ Высочайше Госуд. Двора Императора собранію.

Председатель Императорской Археологической Коммиссіи,
Гофмейстеръ Двора Его Величества графъ Бобринскій

Делопроизводитель

Листъ этотъ дѣйствителенъ на одинъ годъ и по истеченіи надобности долженъ быть представленъ обратно въ Коммиссію.

Лист этот выдан на тысяча восемьсот девяносто седьмой год. Председатель

Рис.4. Открытый Лист, выданный ИАК Н.Н. Новокрещенных на раскопки Рождественского городища и могильника РА ИИМК, ф.1, 1898 г. Арх № 29, л.25

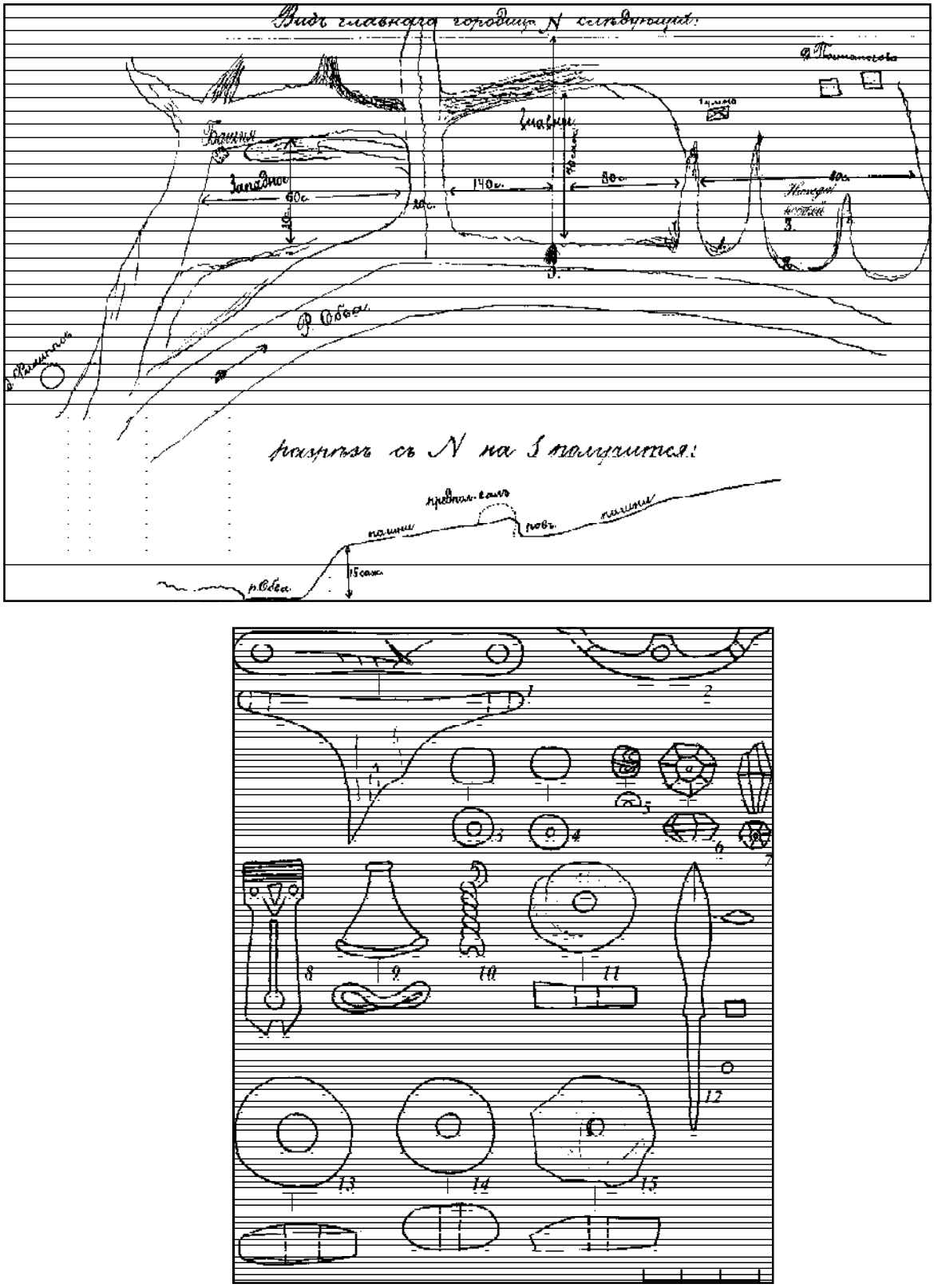

Рис.5. План Рождестенского комплекса и рисунки вещей, собранных на городище, из отчета Н.Н. Новокрещенных за 1898 год РА ИИМК, ф.1, 1898 г. Дело №29, л.10 Вещи хранятся в Свердловском областном краеведческом музее

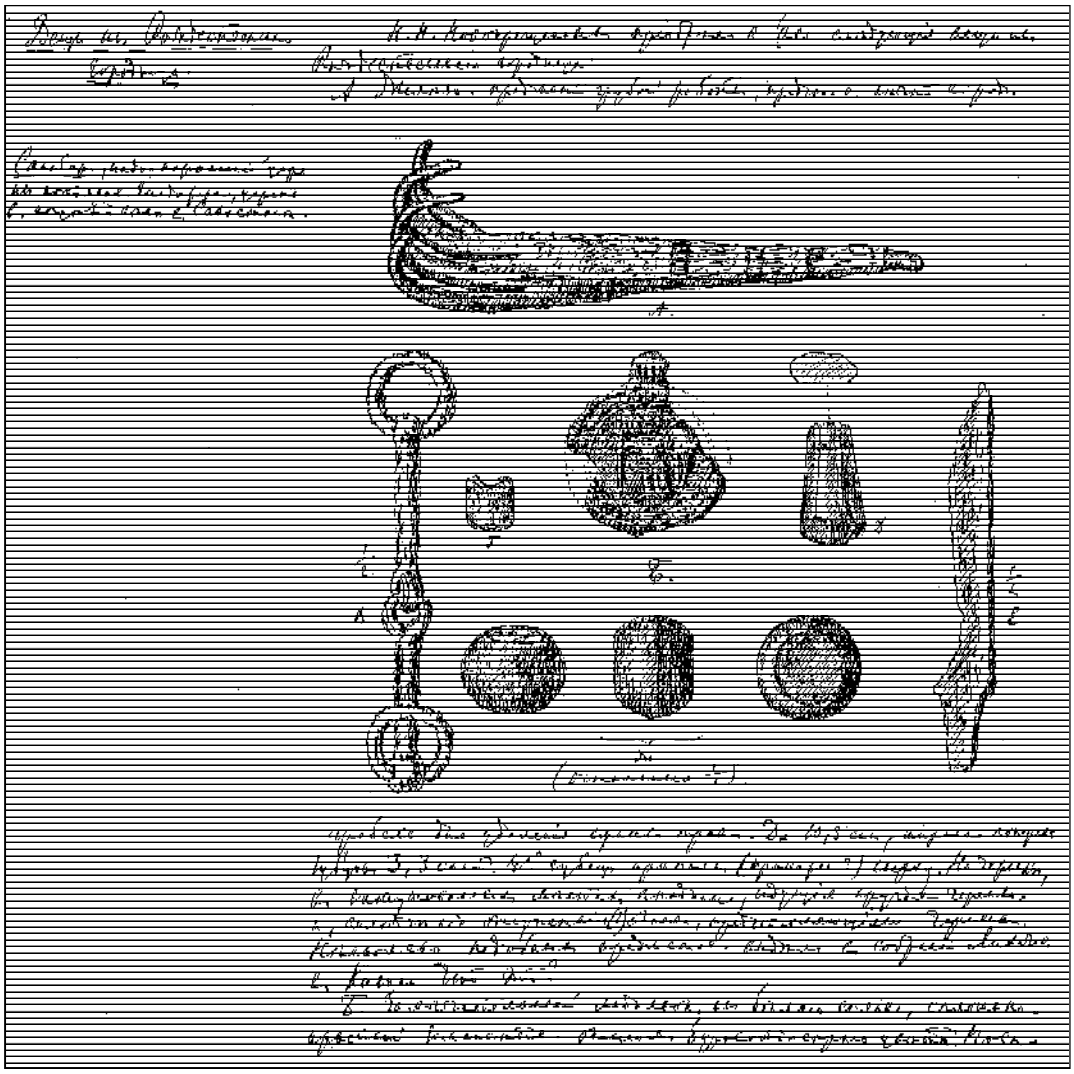

Рис.6. Фрагмент странички из Археологического Дневника Теплуховых с записью о вещах, доставленных с Рождественского городища Н.Н. Новокрещенных РА ИИМК. Ф.48, арх.№ 2, л.398

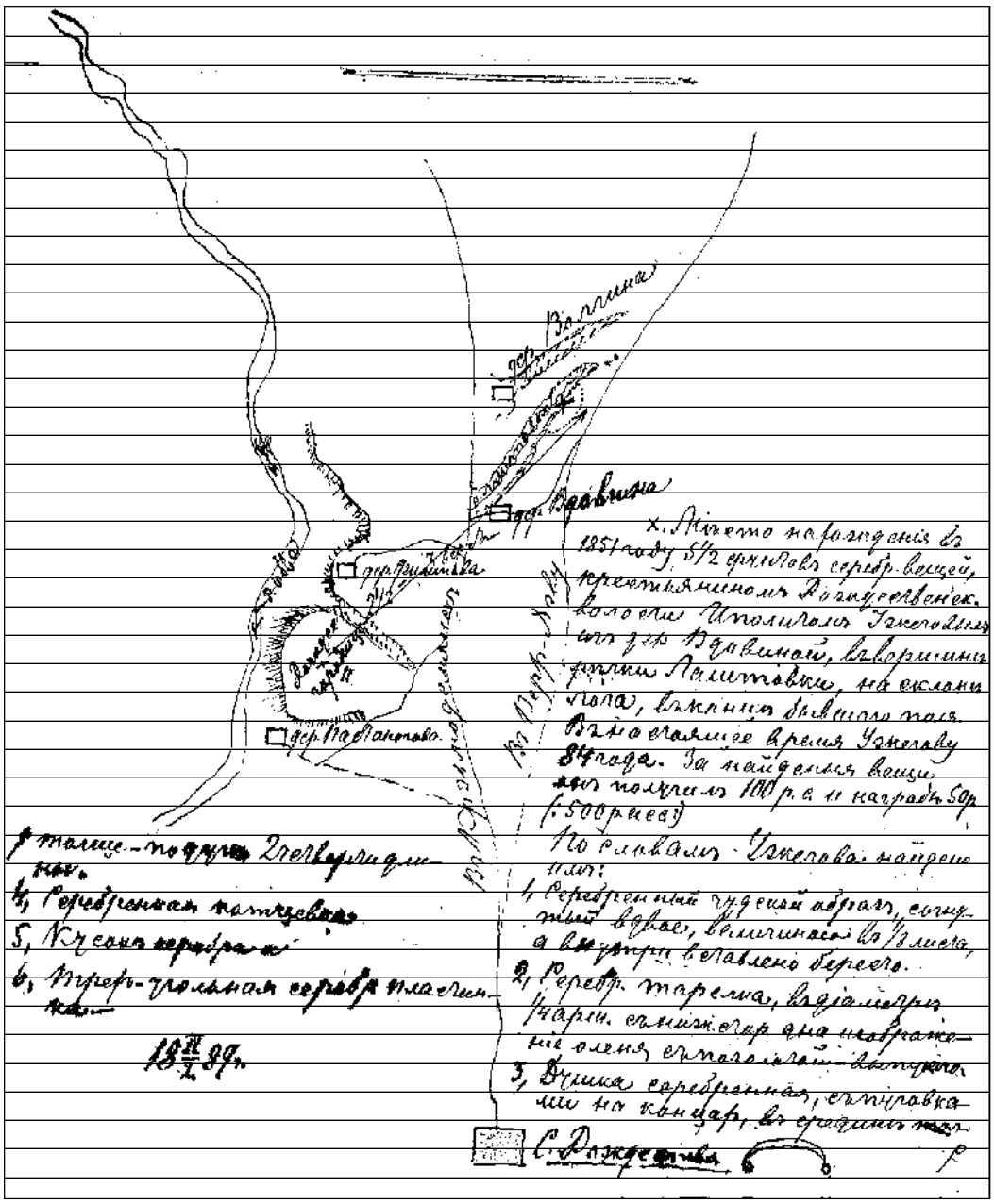

Рис.7. Записка А.А. Теплоухова о Волгинском кладе
из Археологического Дневника Теплоуховых
РА ИИМК. Ф.48, арх.№2, тетр. XVI, л.352

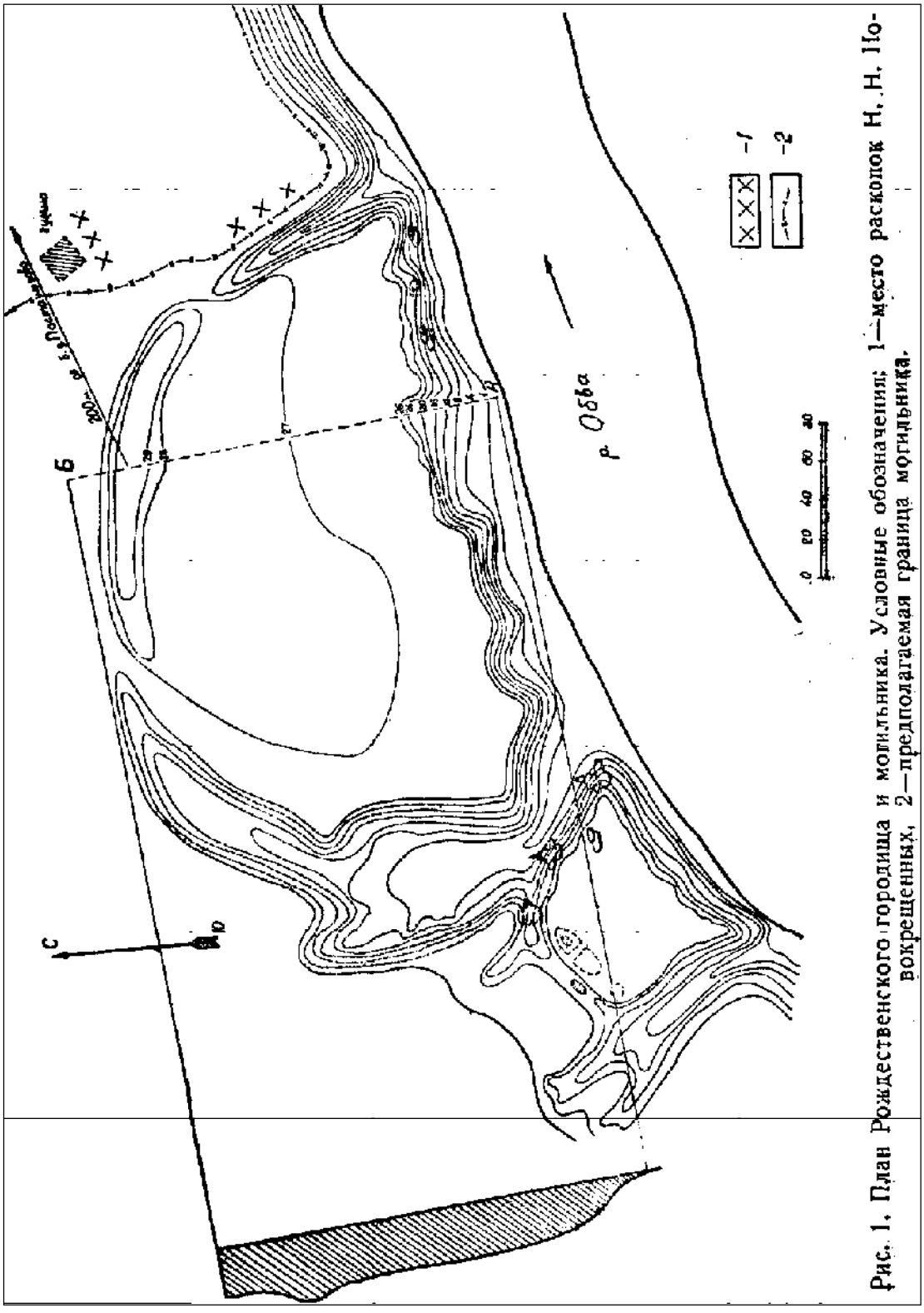

Рис.8. План Рождественского и Филипповского городищ по публикации В.А. Оборина [Оборин 1953, рис.1]

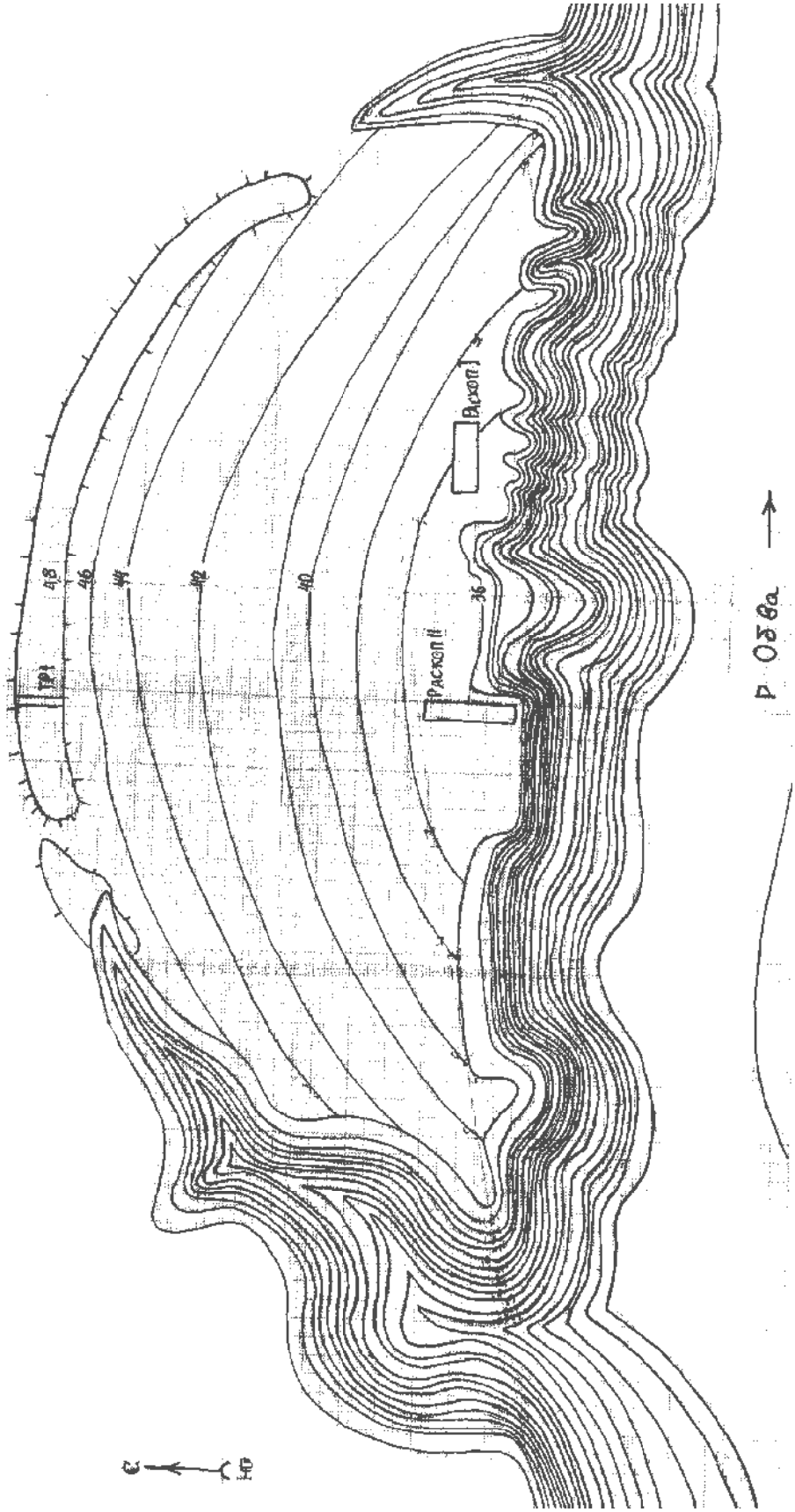

Рис.9. План Рождественского городища, составленный Ю.А. Поляковым в 1981 году

ПЛАНИГРАФИЯ РАСКОПОВ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ И ФИЛИППОВСКОМ ГОРОДИЩАХ

Рождественское городище раскапывалось многократно. Всего на городище вскрыто 2450 кв. м шестью раскопами, исследователями которых были Ю.А. Поляков, А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова.

Раскоп № I изучался в 1981, 1985, 1991 и 1997 годы. Он располагался на краю обрыва в 80 м к западу от Постаноговского лога. Площадь, вскрытая за 4 года раскопок, составила 624 кв. м (рис.10). Площадка, занятая раскопом, имела выраженный уклон в юго-западном направлении, общий перепад высот (квадраты Г'/57 – Ш/69) составил 245 см, менее выражен скат в юго-восточном направлении, здесь перепад высот составляет 145 см (квадраты З'/68 – Ш/69).

Стратиграфия раскопа представляет собой следующую картину:

вся площадь раскопа была перекрыта слоем дерна мощностью 2-5 см;

под дерном практически на всей площади раскопа располагался слой с находками керамики и предметов (верхний культурный слой) мощностью от 10 до 54 см, который в западной оконечности раскопа имел темно-серый, почти черный цвет, а в восточной оконечности — вкрапления материковой красной глины. К югу мощность слоя постепенно нарастала и на участках Б-В/54-55 составляла до 104 см. В западной части мощность темно-серого суглинка составила 10-18 см, к востоку слой утолщался до 54 см, в этой части раскопа он (слой № 2 на соответствующих чертежах) подстилался слоем светло-серого рыхлого суглинка с находками (нижний культурный слой) мощностью до 80 см (слой № 8 на соответствующих чертежах);

нижний культурный слой, а в западной части раскопа, где его не зафиксировано, и верхний культурный слой, подстилался рыжим суглинком с вкраплением серого, темного серого цвета и материковой глины, этот слой имел мощность от 6 до 24 см, постепенно выклиниваясь к западу, в целом он создавал впечатление материка, перемешанного с культурным слоем, в нем изредка встречались находки лепной керамики, этот слой мы посчитали возможным обозначить как предматериковый (слой № 24);

предматериковый слой подстилался красной материковой плотной глиной, из которой сложен данный участок коренного берега р.Обвы.

Раскоп №I дал много разнообразных и интересных сооружений, к числу наиболее важных из них относятся два гончарных горна, выявленных при раскопках 1981 г. (горн №1, Ю.А. Поляков) и 1985 г. (горн №2, А.М. Белавин); жилище №1, выявленное в 1985 г. и примыкавшее к горну №2; крупных размеров сооружение неизвестного назначения, расположенное в юго-западной части раскопка (выявлено в 1997 г. Н.Б. Крыласовой).

Горн №1 (рис.11; цв. вкл. Б) был открыт по время раскопок 1981 г. под руководством Ю.А. Полякова. Горн был углублен в землю и помещался в Т-образной яме при максимальной глубине широкой части до 186 см. Широкая часть ямы имела вид прямоугольника размерами 280 х 200 см, стенки ямы крутые, отвесные. Ее верхняя часть была заполнена рыхлым

черным слоем с углем и осколками обожженной глины от разрушенного свода горна. Стенки ямы были обложены хворостом и обожжены для укрепления. На глубине 1,2 м здесь располагались глинобитная подочажная площадка 160 х 120 см и горн, стоящий на ней. Стенки горна из обожженной глины и сырцовых блоков сохранились на высоту 65 см, их толщина 20-30 см, внутреннее пространство горна имеет размеры 110 х 80 см, внешние размеры — 130-104 см. Горн делился на два яруса. Высота нижнего яруса не превышала 30-40 см. Остатки перекрытия нижнего яруса сохранились в виде выступов по стенкам горна, основная часть перекрытия рухнула под тяжестью заполнения. В северной стенке нижнего яруса имелось топочное отверстие прямоугольной формы размерами 29 х 20 см, прослежены также остатки самой камеры (устья), выдвинутой перед горном. На этом месте зафиксированы куски глиняной обмазки от стенок. Меньшая часть горновой ямы заполнена кусками угля, золой, комками сырой глины; вероятно, это строительный мусор, вынесенный из основной части горновой ямы. Судя по заполнению горновой ямы, в котором встречены бронебойный наконечник стрелы с короткой пирамидальной головкой ромбического сечения и длинной шейкой – тип 84, обломки и целые железные ножи коленчатого типа, фрагменты бронзовых украшений, горн был заброшен не ранее XII века. По мнению Ю.А. Полякова, горн не был достроен.

Горн №2 (рис.14; цв. вкл. Б) был исследован в 1985 г. А.М. Белавиным; он расположен в нескольких метрах к северу от горна №1. Горн почти полностью разрушен в процессе эксплуатации. Диаметр его основной части - 140 см, в южной стенке имелось топочное отверстие, прослежены остатки топочной камеры размером 54 х 40 см. Нижний ярус горна заполнен углем так же, как и топочная камера. Южная часть ямы использовалась как подготовительная, подсобная площадка. Здесь зафиксированы скопление топлива — древесного угля и фрагменты необожженного кувшина. Стенки горна, вырезанные в слое глины, были частично обложены изнутри глиняными блоками неправильной прямоугольной и трапециевидной формы, которые после обжига в процессе эксплуатации сооружения приобрели твердость кирпича. Судя по украшениям, найденным в горновой яме, он функционировал в XI веке. Таким образом, этот горн был сооружен ранее горна №1, и после его разрушения началось строительство первого горна.

Оба горна представляют собой углубленную в землю конструкцию с двумя ярусами без опорного столба с удлиненным устьем топочной камеры. Наиболее близки описанные горны к простейшим двухъярусным горновым печам с горизонтальной перегородкой без опор, известным как горны 1-го типа из Волжской Булгарии. По наблюдениям Н.А. Кокориной, подобные горны имели широкое распространение у городских и сельских ремесленников Болгарии [Кокорина 1983, с.63-67].

Жилище №1 (рис.10) прямоугольной формы площадью около 60 кв.м, выявленное на раскопе I Рождественского городища в 1985 г., было ориентировано с запада на восток. Вход, вероятно, располагался в восточной части, разрушенной сооруженным в XI в. гончарным горном. Северная граница жилища определяется по канавке длиной 8 м, шириной 0,7 м, южная граница – по ряду из трех небольших ям, из которых, возможно, бралась земля для завалинки. Заполнение в канавке и ямах аналогичное – серо-коричневый суглинок с редкими находками костей и мелких фрагментов

керамики. У западной оконечности канавки обнаружены две ямки от столбов, которые, возможно, укрепляли угол жилища, как это отмечалось на городище Шудьякар. Вдоль осевой линии жилищной площадки в ее восточной части прослеживается два ряда столбовых ямок диаметром 0,15-0,2 м, вероятно, от опорных столбов кровли. Расстояние между рядами 1,5 м. Вдоль северной стенки жилища на расстоянии 0,6 – 0,7 м от канавки зафиксирован ряд столбовых ямок небольшого диаметра, которые, скорее всего, оставлены опорами пристенной лавки или нар. Очаг в жилище, вероятно, располагался в разрушенной восточной части, а у западной стенки находилась большая прямоугольная кладовая яма (рис.13). В средней части заполнения ямы прослеживались прослойка с большим содержанием угля, золы и отдельные куски тонких обгоревших плах – возможно, от крышки ямы или, как считает А.М. Белавин, остатки рухнувшей крыши [Белавин. Отчет за 1985 г., с.7]. Таким образом, жилище, судя по всему, сгорело. Яму-кладовку засыпали в XII-XIII вв., и на ее месте был сооружен небольшой открытый очаг, с которым связана расположенная южнее приочажная яма с присутствием в заполнении золы, угольков, комков обожженной и сырой глины, фрагментов лепной керамики. С поздним гончарным производством, очевидно, связана расположенная в пределах жилищной площадки прямоугольная яма, на дне которой обнаружены крупные обгорелые камни и пятна сырой белой глины. В двух метрах западнее жилища выявлена еще одна яма-кладовка № 27-85 (рис.15) со ступенчатым входом с севера.

В юго-западной части раскопа работами 1997 г. обнаружены остатки **крупного сооружения** непонятного назначения (рис.10; цв. вкл. Б). Его граница четко обозначилась с глубины 50-60 см, где оно прорезает материк, и вертикальными стенками уходит на глубину до 240-280 см от поверхности, размеры выявленной части сооружения 9 х 9 м, стенки сходятся под углом 60 градусов.

На квадратах Ю/56-55 зафиксированы остатки **ямы № 1-97** с вертикальными стенками глубиной до 186 см от поверхности, заполненной в основном объеме светло-серым рыхлым суглинком с находками (второй культурный слой). В западной части яма имела ступеньку на глубине 80 см шириной 76 см, перекрытую темно-серым суглинком (первый культурный слой) с линзовидными вкраплениями второго культурного слоя и сырой материковой глины. Ширина ямы 190 см, дно ровное. На дне ямы на ступеньке обнаружены остатки широких обугленных толстых плах. Эту яму можно трактовать как некий вход в исследованное углубленное сооружение. К западу и северо-западу от этой ямы-входа обнаружено скопление столбовых ямок, расположенное тремя рядами, возможно, столбы составляли основу какого-либо навеса над входом.

Основной объем сооружения заполнен культурным слоем, который из-за повышенной влажности и большого количества органики имеет почти черный цвет. В придонной части сооружения этот слой подстилался оподзоленным светло-серым суглинком, количество золы и пепла в нем настолько высоко, что на воздухе слой превращался в тонкий пылящий серо-белый порошок. Мощность этого слоя примерно составляла 40-60 см.

Ровное, несколько понижающееся к югу (в сторону обрыва) дно сооружения частично перекрыто слоем серо-коричневого суглинка с остатками древесного тлена, угольками и берестой. Мощность этого перекрытия 24-45 см,

вероятно, это остатки какого-либо деревянного покрытия пола. Общая мощность напластований на южных квадратах у обрыва составляла до 240-280 см от поверхности.

Возможно, что описанные слои и яма №1-97 образовывали в древности какое-либо большое, углубленное в материк сооружение, однако в результате оползней и смыва культурного слоя с края площадки определить его возможное назначение затруднительно.

В южной части раскопа (исследования 1981 г.) вокруг горна №1 выявлено скопление крупных ям правильных прямоугольных очертаний. Наибольший интерес представляют **ямы №1-81 и №5-81** (рис.12). **Яма №1-81** зафиксирована на глубине 40 см на уровне предматерика. На этой глубине её размеры 280 х 200 см, на глубине 1 м от поверхности размеры ямы составили 270 х 160 см, максимальная глубина 125 см, дно ровное и плоское, стенки вертикальные. Яма заполнена темно-серым суглинком с находками (второй культурный слой), в центральной части ямы на глубине 65-70 см от поверхности зафиксировано овальное пятно из твердой прокаленной оранжевой глины толщиной 6-7 см, представляющее собой очажную площадку, частично перекрытую нетолстым слоем с высоким содержанием золы, также имевшим вид неправильного овала, свидетельствующем о его образовании в результате выдува, кроме золы на поверхности очажной площадки встречены скопления угольков. Под очажной площадкой объем ямы заполнен слоем с высоким содержанием угольков, дно выстилала угольная прослойка мощностью 4-5 см.

В 20-30 см к западу от ямы №1-81 находилась **яма №5-81**, также зафиксированная на глубине 40 см от поверхности. Яма имеет прямоугольную форму размерами 280 х 230 см, ее глубина 163 см, западная стенка имеет вход в виде двух уступов, остальные стенки почти вертикальные. На дне ямы лежит рыхлый черный слой с комками обожженной глины и углями. Мощность этого слоя 50-60 см, у дна переходит в сплошной слой угля. Дно ровное. Вертикальные не осыпавшиеся стенки ям свидетельствуют о том, что они имели деревянное крепление изнутри, сплошные угольные прослойки на дне также указывают на наличие деревянного пола. В заполнении ям встречены на разных глубинах (в основном в средних частях заполнения) железные наконечники стрел, ножи, железный рыболовный крючок, бусины из стекла. Судя по материалу, ямы были засыпаны в XII-XIII вв., возможно, они каким-либо образом связаны с гончарным горном.

Южнее горна №1 исследовано еще три ямы, сходные по устройству с описанными. В 50 см к востоку от горна исследовано небольшое прямоугольное углубление в материке размерами 170 х 180 см, заполненное сырой красной глиной с небольшой примесью мелкотолченой раковины и песка, мощность слоя глины до 30 см. Вероятно, это яма для отмучивания глины или составления гончарного теста.

Раскопы № II и III (рис.16, 19; цв. вкл. Е) находились в 96 м к западу от раскопа №I, изучались в 1981, 1985, 1990-1993 годах. Общая вскрытая площадь — 564 кв. м. Поверхность раскопа имеет выраженный уклон к югу, перепад высот между углами квадратов Я/1 и М/21 составляет 208 см.

Стратиграфия раскопов достаточно простая. Практически по всей поверхности раскопов (за исключением части южных квадратов раско-

па II 1981 г.) распространялось оба культурных слоя. Верхняя часть пачки культурных отложений представлена темно-серым плотным суглинком с находками (слой №2 на соответствующих чертежах), его мощность составляла от 15-25 см в северной части раскопа II 1981 г. до 35-50 см на раскопе II 1993 года. Он подстилался слоем светло-серого рыхлого суглинка с находками (нижний культурный слой), мощность этого слоя составляла от 0 на южных квадратах раскопа II 1981 г. до 80 см на раскопе II 1993 г. и раскопе III 1985 г. и до 210-240 см. Общая мощность культурных отложений вне сооружений на этом участке площадки городища составила, таким образом, от 15-25 см до 280-300 см на южных и юго-западных участках раскопа II 1993 года.

На раскопах выявлено несколько жилищ, колодец и иные сооружения. Фрагменты **жилища №2** (рис.16) с канавкой были обнаружены на раскопе II на участках Щ-Ы/1-5. Это жилище, в отличие от предыдущего, было ориентировано по линии С-Ю. Южная часть данного жилища изучена раскопами А.М. Белавина 1991, 1993 годов. Здесь на глубине 0,95-1,05 м были зафиксированы остатки пола в виде темной супеси со значительной примесью угля, частично обгорелого дерева, древесного тлена и крупных кусков полуобгорелых плах толщиной до 4 см, длиной до 0,6-2,0 м, шириной 0,15-0,24 м. Все взятые для пробы образцы плах, как показало определение кафедры ботаники ПГПУ, представлены елью. Плахи располагались достаточно бессистемно, но на одном участке они сохранили вид частично состыкованного пола [Белавин. Отчет за 1993 г., с.10]. Общая ширина площадки 7 м, таким образом, площадь жилища могла составлять около 60кв. м. Вдоль западной границы данной площадки прослеживалась неглубокая канавка шириной до 0,4 м, в заполнении которой содержалось большое количество золы и угольков. У восточной стенки жилища находилось два больших очага, возможно, разновременных. Первый очаг овально-подпрямоугольной формы размерами 1,30 х 1,90 м был зафиксирован на глубине 0,6 м – он поднимался над полом на высоту до 0,4 м. Подушка очага состояла из слоев прокаленной и сырой глины, светлого суглинка с примесью песка и мощной углистой прослойки толщиной до 0,2 м [Белавин. Отчет за 1993 г., с.9]. Другой очаг располагался в ЮВ углу постройки, он имел форму овала размерами 0,8 х 1,8 м, представлял собой глинобитную подушку со слоями прокаленной глины розового и оранжевого цвета мощностью до 0,4 м [Белавин. Отчет за 1991 г., с.10]. В заполнении жилища в 1991 г. был обнуруен крупный кусок из двух слоев толстой бересты, сшитых широкими стежками (цв. вкл. Е). Маты, сшитые из отдельных пластов бересты могли применяться для покрытия кровли [Крыласова 2007, с.89].

На раскопе II сохранилась также северная часть подобного **жилища №3** (рис.16) на участках Ю-Я/6-8, но без канавки (южная часть разрушена береговым обрывом). Восточная граница жилища находилась на раскопе 1990 г., она прослеживается по прямому ряду из довольно крупных камней. На раскопе 1991 г. обнаружена углистая полоса шириной до 0,4 м, параллельная выкладке из камней, вероятно, сгоревший нижний венец западной стенки и СЗ угол сооружения. Расстояние между углистой полосой и кладкой из камней – 6 м. В сохранившейся части жилища обнаружены большой очаг и яма-кладовка. Очаг вплотную примыкал к западной стенке. Он, вероятно, имел деревянный каркас, о чем свидетельствует углистая

прослойка под глинобитной подушкой мощностью до 0,5 м. Вокруг очага распространялось зольное пятно размерами 3,4 х 1,8 м. У восточной стенки находилась прямоугольная яма-кладовка № 4-90 размерами 2 х 2,8 м, глубиной до 1,55 м. К северу от нее прослеживались остатки обугленных плах, вероятно, остатки пола жилища. Яма связана с нижним (серым) культурным слоем, который датируется X веком. В средней части ее заполнения на гл. 0,7 м этот слой перекрывался прослойкой песка с высоким содержанием бело-серой золы и мелких угольков, над ним находился верхний (черный) культурный слой, в котором найдены ключ от булгарского замка, скопления булгарской гончарной керамики и прочие вещи XI-XIII веков. Таким образом, данное жилище, вероятно, было построено на раннем этапе существования городища и по своим размерам и типу вполне соответствует жилищам, характерным для этого времени.

Остатки, несомненно, долговременного **жилища №4** (рис.16) столбовой конструкции были частично исследованы Ю.А. Поляковым на раскопе II 1981 г. на участках Ч-Щ/16-18 [Поляков. Отчет за 1981 г.]. Жилищная площадка, включавшая 3 прямоугольные хозяйственные ямы и очаг, была ограничена с севера и юга двумя параллельными линиями столбов диаметром 0,15-0,25 м. Расстояние между линиями 6,5 м, расстояние между столбами в ряду – 1-2 м. Западная и восточная части жилища располагались за пределами раскопа. Судя по тому, что южная линия столбов продолжалась на запад на раскопе А.М. Белавина 1990 г., очаг, вероятно, находился в центре жилища. Очаг (№13-81 — рис.17) был заключен в прямоугольную раму размерами 1,7 х 1,45 м, представлял собой глинобитную подушку толщиной 10 см. Вдоль осевой линии жилища на глубине 0,25-0,3 м была выявлена площадка аморфных очертаний с большим содержанием золы, угольков, кусочков обожженной глины – пол жилища. Вдоль южной стенки эта прослойка фиксируется только по краям ямы №12 (рис.18), здесь, вероятно, находились нары. Характер находок в ямах и на полу (железные замки булгарского типа, ушки медных котлов, бронзовые украшения, бусы, ножи, наконечники стрел) позволяет относить жилище к домонгольскому периоду (XI-XIII вв.) и связывать его с верхним слоем городища [Поляков. Отчет за 1981 г.].

За пределами южной стенки постройки, почти вплотную к ней, в пределах раскопа 1990 г. находилась одновременная **полуземлянка** размерами в верхней части 6 х 3 м, глубиной до 1,94 м (яма №2-90). Она была ориентирована аналогично жилищу № 4 – с запада на восток, с восточной стороны имелся вход со ступенькой. Основное дно ровное, уплотненное. На нем было расчищено 10 толстых (до 4 см) плах. В дне выявлено несколько десятков ямок от столбиков-кольев, на которых крепились перегородки, выделявшие внутри несколько камер-кладовок. По краям котлована выявлены следы от крупных опорных столбов, вероятно, для крепления забирок и крыши. В центре котлована, ближе к его западной стенке, был устроен очаг на глинобитной подушке. В заполнении котлована, особенно в его придонной части, собрано большое количество фрагментов трубчатых костей и обрезков лосиного рога, найдено несколько костей с надрезами и надпилами, собраны железные инструменты: ножи, сверло, обломок пилки.

Вероятно, жилище №4 и описанная полуземлянка составляли единый комплекс-усадьбу мастера-костореза. К северу от жилища №4 в пределах

раскопа №III (рис.19) находился целый комплекс ям-кладовок достаточно стандартного вида. **Яма № 7-81** (рис.20) имела форму прямоугольника размерами 160 х 150 см, в ее западной стенке имелся выступ длиной до 120 и шириной 95 см, он служил входом. Глубина дна ямы 86 см от поверхности, дно ровное, стенки крутые и имеют следы тонких деревянных укреплений в виде тонкой углистой прослойки. В выступе-входе на разрезе видны остатки ступеньки. В южной части ямы на глубине 50 см сохранилась подпрямоугольная глинобитная подочажная площадка. Верхняя часть ямы заполнена темно-серым плотным суглинком с находками (первый культурный слой), нижняя часть – рыхлым влажным черным слоем с большой примесью угля. Среди комочков угольков попадаются обугленные зерна. На ровном дне ямы также отмечено несколько тонких углистых прослоек с остатками каких-то органических волокон. На дне ямы найден железный ключ от замка булгарского типа XI-XII века.

Южнее этой ямы исследована **яма №8-81** (рис.21). Она также имела прямоугольную форму, её размеры 260 х 160 см при глубине ровного дна до 105 см от поверхности раскопа. В западной части ямы имелся вход в виде углубленного выступа длиной 150 и шириной 100 см. Разрез ямы показал наличие во входе двух ступенек. Структура заполнения аналогична яме №7-81. В восточной части ямы на глубине 60 см от поверхности находилось округлое скопление комков обожженной глины, на дне ямы найдено несколько тонких углистых прослоек, также содержащих остатки обугленных волокон и зерен. В придонной части найдены железный нож и два наконечника стрел, которые датируют яму XI-XIII веками.

К западу от описанной ямы находилась **яма №9-81** (рис.22). Он имела прямоугольную форму, её размеры 220 х 145 см при глубине дна до 113 см. Дно ямы ровное, в северо-западном углу обаружен углубленный выступ, служивший входом. Его размеры 100 х 85 см, разрез показал наличие двух ступенек. В юго-восточном углу изучено овальное скопление кусков обожженной глины, его размеры 85 х 72 см, скопление исследовано на глубине 60 см от поверхности. Заполнение ямы почти аналогично заполнению ям 7 и 8, с той только разницей, что в придонной части имеется рыхлый темно-коричневый супесчаный слой. На дне ямы найдены развалы гончарного красноглиняного булгарского сосуда типа горшка и лепного сосуда, а также два железных ральника. Одни ральник целый, другой сломан. Оба ральника однотипны, имеют широкую (до 10 см) и короткую (6 см) трубицу, длина лопасти 13 см, ширина в самой широкой части 13 см, лопасть имеет вид равностороннего треугольника, рабочий конец закруглен. Яма может быть датирована XI-XIII веками.

На участке раскопа III, вскрытом в 1985 г., исследовано три крупные ямы, остатки сооружения типа канавки, 19 столбовых ям и несколько десятков ямок от кольев (рис.19).

Яма №28-85 располагалась на квадратах Н-О/16-17 и была зафиксирована на глубинах 25-30 см от поверхности в виде темного аморфного пятна на фоне окружающего серого культурного слоя, в восточной части ямы на глубине 45 см найдена круглая железная крица диаметром 18 см. С востока к яме примыкало небольшое углубление овальной формы, заполненное сильно оподзоленным светло-серым белесым культурным слоем с угольными прослойками мощностью 1,5-2 см. С северо-востока этот золь-

ник окружала глинобитная площадка, частично его подстилающая. Мощность глины 6-8 см. С глубин свыше полуметра яма 28-85 приобрела четкие прямоугольные очертания, вытянутые по линии восток-запад шириной 238 и длиной 260 см. С глубины около 100 см выделилась наиболее углубленная в материковый слой часть ямы размерами 170 х 140 см с ровным дном на глубине 183-187 см. В придонной части ямы и на её дне имелось несколько углистых прослоек, придонная часть заполнения была насыщена железными шлаками, фрагментами глиняной обмазки, ошлакованными железными шлаками, фрагментами железных криц. У северной стенки ямы на глубине 170 см найден череп собаки в хорошей сохранности. Возможно, что его захоронение на дне этой ямы связано как-либо с её гипотетическим металлургическим назначением (некая ритуальная жертва). Подобные строительные и производственные жертвы хорошо известны в финно-угорском, тюркском и славянском мире Восточной Европы.

В двух метрах к северо-востоку от описанной выше ямы исследована **яма №29-85**. На уровне фиксации (30-35 см) она имела подпрямоугольную форму и размеры 360 х 260 см. С глубины около одного метра яма приобрела еще более четкие прямоугольные очертания, с южной стороны обозначился вход в виде ступеньки. Максимальная глубина ямы 206 см, дно ровное, стенки вертикальные, за исключением восточной, которая имела небольшой заплыв, вызванный естественным разрушением заброшенного сооружения. Основной объем ямы был заполнен темно-серым плотным суглинком с включениями линз песка, серой глины, угольков. В заполнении встречены фрагменты лепной и гончарной керамики, обломки костяных и железных поделок, сырые кости. Период функционирования ямы, скорее всего, приходится на X век.

На восточной линии квадратов Н-П/20-21 исследована **яма №30/85** (рис.23), её очертания были зафиксированы на глубине 20-25 см от поверхности как пятно темного влажноватого суглинка. На этом уровне яма частично перекрывалась глинобитной площадкой-вымосткой мощностью до 8-10 см. Профиль ямы фиксировался как по восточной стенке раскопа, в которую она частично уходит, так и по разрезу по линии север-юг по центру ямы. По стенке раскопа максимальная глубина ямы составила 168 см. От уровня 80-85 см в центре ямы четко обрисовалось углисто-пестроцветное с остатками обугленного дерева кольцо диаметром 115 см, толщина углисто-пестроцветного кольца составляла 14-16 см, его внутренний диаметр был заполнен пестроцветным влажным слоем с фрагментами обугленных кусочков дерева и древесной коры. С уровня 100-105 см заполнение ямы приобрело характер суглинистого пестроцвета с большим содержанием полусгнивших углистых кусочков дерева. В центральной части ямы глубина общего дна составила 124 см, далее продолжал выбираться только объем кольца, четко выделившегося на фоне материковой красной глины. Постепенно углисто-пестроцветное суглинистое заполнение становилось все более влажным и более темным, на уровне свыше 240 см стали несколько оплывать зачищенные стенки, наконец, когда углубление достигло 280 см, после очередного ночного дождя оно оказалось заполненным водой на полтора метра. После вычерпывания воды выяснилось, что внутренний объем обрушился на большую часть глубины и продолжать разборку оказалось невозможным.

На наш взгляд, яма №30-85 представляла собой остатки водозаборного **колодца**. Полных аналогий этому сооружению нам найти не удалось, хотя остатки колодцев известны на ряде памятников Восточной Европы. Углистые прослойки по краям углубления колодца представляли собой остатки сгнившего деревянного крепежа стенок (вероятно, в виде некой оплетки), заполнение колодезного углубления не содержало каких либо находок, изучить конструкцию дна колодца не представилось возможным в связи с описанными выше событиями. Судя по находкам в верхней части заполнения ямы № 30-85 железного рыболовного кружка, нескольких железных коленчатых ножей, фрагмента костяной рукояти шила и фрагментов бронзовых украшений, датировать сооружение можно X-XII веками.

Ямы №31 и №32 этого раскопа представляют собой небольшие углубления верхнего культурного слоя, уходящие в северную и восточную стенки раскопа.

Раскоп №IV в 1991 г. (рис.24) был заложен в предвальной части площадки по её условной осевой линии. Раскоп занимал площадь 96 кв. м на предвальной части площадки, затем он сужался до 3 м в ширину и в виде траншеи прорезал вал городища, вплотную примыкая к траншее через вал Ю.А. Полякова (1981 г.) шириной 1 м, и далее с напольной стороны, расширялся до 4 м. Таким образом, этим же раскопом было изучено 24 кв. м площади неукрепленного "посада" городища. Сложная стратиграфия и планиграфия вала описаны в разделе "Оборонительные сооружения". Остальные части раскопа IV имеют не менее сложную *стратиграфию культурных напластований*, чем раскоп IV вообще отличается от остальных участков городища.

Под слоем дерна залегал слой светло-коричневого плотного суглинкамощностью до 40 см с находками, имеющего следы распашки.

Под слоем пашни на большей части раскопа залегал темный супесчаный культурный слой, достаточно однородный по всей своей толщине (от 15 до 50 см). На юго-западных участках раскопа в слое темной супеси зафиксированы площадки из прокаленной глины мощностью до 25 см. На северо-западных участках супесчаный слой местами прерывался сильно оподзоленным слоем и слоями прокаленной глины.

На юго-восточных участках серый супесчаный слой подстилался рыхлым темно-коричневым суглинком, а на северо-западных участках — слоем до 47 см из коричневого плотного суглинка с находками.

Вдоль северной стенки раскопа IV залегали мощные оподзоленные слои, толщиной до 80 см. Этот сухой слой вскоре после расчистки превращался в мелкую пыль с высоким содержанием золы.

Вдоль южной стенки за серым супесчаным слоем следовал слой светло-серого слегка оподзоленного песка с находками мощностью до 35 см.

Далее почти по всей площади раскопа, за исключением некоторых западных участков, залегал слой модностью до 60 см состоящий из серого суглинка с большим содержанием древесного тлена. В этом слое встречены прослойки полусгнившей коры. В слое встречались небольшие линзы сырой глины.

У северной стенки этот слой подстилался слоем серого мелкого песка с находками, а у южной стенки — коричневым плотным суглинком с пест-

роцветными вкраплениями.

Почти по всей площади раскопа от 140-160 см начинался 10-20-сантиметровый слой пестроцветной плотной глины с включениями ортзанд — предматерик, который отсутствовал на самых западных квадратах. Затем на глубинах от 168 до 180 см начинался материк — красная плотная глина. В юго-западном углу раскопа прослежена естественная западина глубиной до 260 см, заполненная слоем с большим содержанием древесного тлена.

Планиграфия раскопа IV очень сложная, раскоп насыщен пятнами зольников, прокаленной глины, глиняного и суглинистого пестроцвета. Хотя фиксация пятен и очертаний велась через каждые 10 см слоя, не удалось выявить отчетливых следов каких-либо сооружений типа жилищ, хотя в Прикамской археологии традиционно считается, что у валов городищ располагаются жилища. В то же время, следует отметить комплекс ям 3-91/IV и 4-91/IV и сопровождавший их комплекс органических остатков и стратиграфических явлений. Вероятно, этот комплекс (описан ниже) может являться остатками какого-либо сооружения либо производственного (гончарная мастерская?), либо жилого характера.

Наиболее показательны очертания пятен на VI-VII горизонтах (-60, -70 см от поверхности). На южных секторах раскопа на этом уровне зафиксированы остатки прокалов, два крупных зольника располагались у северной стенки раскопа. На участках Щ"/25-26 также зафиксирован зольник, внутри которого выделяется округлое пятно древесного тлена с углем. Зольник переходит в широкую дуговидную полосу, протянувшуюся вплоть до восточной стенки.

Основным культурным слоем на этом уровне раскопа был слой темно-коричневого рыхлого суглинка. Вдоль стенки по линии Ч" прослеживалась полоса зольника с высоким содержанием угля.

Особенностью раскопа является большое количество фиксированных на разных уровнях столбовых ямок диаметром от 7 до 25 см. На уровне 70 см от поверхности с линии 22 по линию 26 протянулся ряд столбовых ямок диаметром 10-12 см. Вероятно, это следы какой-либо изгороди. Более короткая линия столбовых ямок диаметром 8-5 см протянулась по квадрату Ь"/26. Возможно, что это следы какой-либо выгородки, о чем свидетельствует маленький диаметр столбиков.

На раскопе IV выявлено 6 ям.

Яма №1-91/IV зафиксирована на участке Ч"/22 на глубине 1,1 м в виде пятна темно-серого цвета неправильной подпрямоугольной формы на фоне окружающего серого мелкого песка. Размеры зафиксированных очертаний 140 х 78 см при максимальной глубине 148 см от поверхности. Дно неровное имеет два углубления разделенных невысокой перемычкой, боковые стенки крутые. Яма заполнена темно-серой супесью с находками костей и керамики.

Яма №2-91/IV (рис.26, цв. вкл. Б), зафиксирована на участках Ч"/23-24 в виде пятна темно-серой супеси неправильной подпрямоугольной формы. Глубина фиксации 1,1 м от поверхности. Яма имеет уступ-ступеньку шириной от 80 см в северо-восточном углу до 23 см у западной стенки. Ступенька эта фиксировалась на глубине 125-135 см от поверхности. От этих глубин яма приобрела Т-образный характер, расширяясь к северу. Очертания ямы имеют аналогии с ямами, в которых располагались горны №1

и 2 раскопа I. Глубина широкой части до 140-150 см. В узкой части ямы располагался **гончарный горн №3**. Внешний диаметр округлого горна — 128 см, диаметр внутреннего пространства 104 см. Глубина внутренней части горна 192 см. Толщина стенок из обожженной глины 8-12 см. Толщина дна горна до 18 см. У его южной стенки обнаружена столбовая ямка диаметром 13 см, ее сечение имеет конусовидную форму, а максимальная глубина 196 см от поверхности. В ямке зафиксированы остатки обугленного дерева – остатки столба. Верхняя часть свода горна отсутствует, она разрушена и упала внутрь, заполнив остатки свода горна до половины. Максимальная сохранившаяся высота горна у его южной стенки — до 82 см. На уровне 24 см от дна по всем стенкам горна обнаружен валик – остатки внутреннего перекрытия горна (яруса). Толщина валика, сохранившегося от внутреннего яруса, до 10 см. В глиняном обожженном дне горна сохранились обугленные остатки плах шириной 12-15 см, толщиной до 6 см — вероятно, это следы технических приемов сооружения горна. В вертикальных стенках горна также обнаружены остатки обугленного лозовичного каркаса. Вероятно, в процессе сооружения на дно горновой ямы были положены плахи, облицованы глиной, после чего был сооружен лозовичный каркас, затем он был облицован глиной до 24 см высоты и на него были также уложены плахи, остатки которых прослеживаются в стенках горна. На этих плахах был сформирован внутренний ярус горна, после чего облицовка стенок была продолжена. Затем горн был полностью заполнен топливом, обложен им снаружи и обожжен. На уровне 12 см от дна горна в его стенке исследовано отверстие топочной камеры, ориентированное устьем на северо-восток. Размеры топочного отверстия: 22 см в ширину, 25 см в высоту. Прослежены разрушенные остатки топочной камеры на длину до 30 см в виде скопления кусков обожженной глиняной обмазки арочной формы.

Во внутреннем пространстве горна собрано большое количество почти целых и обломков кирпичей размерами 120 х 60 х 40 мм из обожженной красной глины. Из таких кирпичей был сложен, вероятно, свод верхней части горна. Горн, возможно, разрушился во время очередного обжига посуды. В его внутреннем пространстве собраны остатки почти десятка сосудов отличной выделки, сосудов, изготовленных на гончарном круге. Все они имеют незавершенный обжиг, на изломе черепки демонстрируют полоску не прокаленной глины. Кроме сосудов в заполнении 5 штук пряслиц овально-подпрямоугольного сечения, изготовленных из серо-коричневого теста с примесью раковины. Пряслица обжигались вместе с керамикой. На той же глубине (-185 см от поверхности) был найден фрагмент оселка из серого сланца.

После разрушения горн был засыпан серым супесчаным культурным слоем и слоями плотного суглинистого пестроцвета. Как ранее описанные первый и второй горны, данное сооружение относится к двухъярусным горновым печам с горизонтальной перегородкой без опор, известным как горны 1-го типа из Волжской Болгарии.

Яма №3-91/IV (рис.27) зафиксирована на участке Ч"-Ш"/25-26 на глубине 1,2 м от поверхности в виде подпрямоугольного пятна темно-серого супесчаного культурного слоя на фоне окружающего серого мелкого песка. Её размеры 180 х 130 см при максимальной глубине до 160 см от поверхности. Вдоль восточной и частично северной и южной стенок яма имеет уступ-

ступеньку шириной до 50 см и высотой над дном ямы до 30 см. В центральной части ямы на уровне фиксации лежало несколько крупных плоских слегка обгорелых камней и две не широкие обугленные плахи. Основной объем ямы заполнен темно-серым супесчаным культурным слоем, западная стенка крутая. В яме собраны фрагменты болгарской керамики, железных изделий и обломки костей.

Яма №4/91-IV (рис.27) зафиксирована на участке Ч"/27 и соседних участках в виде подпрямоугольного пятна сильно оподзоленного мелкого песка. Размеры ямы 210 х 156 см при глубине 132 см от поверхности. Глубина фиксации 120 см. Стенки вертикальные, дно ровное. В заполнении ямы собраны обгорелые косточки птиц.

Эти две ямы на глубинах 25-40 см от поверхности перекрыты несколькими мощными обугленными плахами толщиной до 10-12 см. Как показало определение кафедры ботаники ПГПУ, плахи изготовлены из сосны. Возможно, плахи составляли конструкцию перекрытия (навес ?) над неким **производственным сооружением,** связанным с расположенным несколько западнее горном №3.

Яма №5-91/IV (рис.28) зафиксирована на участке Ь"/27 как подпрямоугольное пятно коричневого плотного пестроцвета на фоне пестрой плотной глины с включениями ортзанд (предматерик). Глубина фиксации — 120 см от поверхности раскопа, размеры 240 х 150 см при максимальной глубине 158 см от поверхности. Дно ямы неровное, в центре ее имеется углубление, западная и восточная стенки крутые, северная стенка пологая, южная стенка уходит за южную стенку раскопа. Основной объем заполнен пестроцветным суглинком, в южной части прослежены включения слоя с высоким содержанием древесного тлена. В заполнении ямы встречены фрагменты лепной и гончарной керамики, обломки костей, железные изделия, обломки бронзовых шумящих украшений.

Яма №6-91/IV (рис.28) выявлена на участке Ъ"/26 как пятно серого суглинка с большим содержанием древесного тлена, размерами 235 х 156 см при максимальной глубине 160 см от поверхности. Глубина фиксации 120 см, очертания подпрямоугольные правильные. Дно ямы ровное, стенки вертикальные. На уровне фиксации почти вся площадь ямы оказалась заполнена обгорелыми камнями, представляющими собой выкладку, напоминающую каменное основание очага, у западной стенки, ближе к северо-западному углу, на уровне фиксации найден развал лепного сосуда. Возможно, что данная яма и яма №5-91/IV представляют собой остатки **какого-либо сооружения**, возведенного почти на материке, т. е. в начальный период существования городища.

Помимо описанных ям на этом уровне зафиксировано несколько десятков столбовых ямок диаметром от 5 до 24 см, которые заполнены остатками дерева, обугленного либо во время пожара, либо под воздействием времени. Большинство столбовых ямок разбросано хаотично, за исключением 11 ямок, расположенных вдоль южной стенки ямы 2-91/IV.Вероятно, эти столбики представляли собой какое-либо укрепление стенки ямы. 15 ямок различного диаметра тянутся полосой по квадратам линии Ь"/22-25, и представляют собой остатки какой-либо изгороди, возможно, ограничивающуей участок с производственным сооружением, связанным с горном №3.

Небольшой участок, изученный на "посадской" стороне городища, по-

казал отсутствие рва и достаточно равномерный по толщине и структуре культурный слой – темно-серый плотный суглинок (слой № 2) с находками керамики, костей и железных предметов. Этот слой прорезался несколькими прослойками золы и песка, и, постепенно утончаясь, доходил почти до гребня вала с его внешней стороны. Со стороны поля на северной стенке раскопа мощность слоя составила почти 120 см. На участках О"-П"/27 отмечены хаотичные скопления столбовых ям 14-19 см в диаметре и ямок от кольев небольшого диаметра, скопления камней и несколько крупных фрагментов остатков обугленных плах или бревен, последние, возможно, представляют собой части рухнувшей деревянной стенки вала, а столбовые ямки – остатки укрепленного предполья. Тем не менее, этот небольшой изученный участок доказал, что причиной прекращения использования вала в конце XII — нач. XIII в. стало распространение жилого поселка на напольную сторону.

Раскоп №V 1992 г. (рис.29) был заложен в восточной части берегового обрыва южного края площадки городища по западному и северному краю оврага, образовавшегося на месте обвалившегося в 1975 г. подземного хода (лаза). Площадь раскопа 165 кв. м. Поскольку этот участок выбивается из общей сетки раскопок памятника, для нумерации его квадратов была принята новая система, каждый квадрат получил номер, обозначенный латинской цифрой от I до XL1IV, с учетом нумерации неполных квадратов на крайней западной линии, где проходит край обрыва площадки.

Южный край раскопа также не полный, так как раскопом перекрыт небольшой выступ площадки между двумя оврагами. Вскоре после раскопок, как показал регулярный мониторинг комплекса, данный участок практически полностью обвалился.

Поверхность раскопа имеет общий наклон к обрыву (к югу), перепад поверхности составил до 285 м.

Раскоп был разделен на три сектора бровками. Сектор А занимал участки с I по XIV, сектор Б — участки с XVI по XXX, остальные участки приходятся на сектор В.

Сектор А — крайний южный сектор, он занимал перемычку между двумя оврагами, поэтому часть его квадратов не полная. Также неполными являются часть квадратов сектора В.

Стратиграфия раскопа V прослежена по всем стенкам и бровкам. Мощность дернового слоя имеет разную величину, и колеблется от 5 до 11 см. В дерне встречены фрагменты керамики и различные артефакты.

Под дерном по всей поверхности раскопа залегал культурный слой - супесь серо-черного цвета. При высыхании слой серел и отвердевал. В северо-западной части сектора Б слой супеси подстилался слоем с сильной примесью белесой золы мощностью от 4 до 12 см. При высыхании слой золы превращался в тонкую светло-серую пыль. Мощность культурного слоя примерно равномерна по всей площади раскопа — от 20 до 45 см. На большей части поверхности культурный слой подстилался слоем материковой красно-коричневой глины. Поверхность материковой глины имеет несколько естественных западинок аморфной формы. Мощность культурного слоя в этих местах увеличивалась до 45-60 см. Общая насыщенность культурного слоя находками в этой части памятника относительно низкая.

На секторе А исследованы два очага и 6 древних столбовых ям диаметром от 18 до 44 см. 7 ямок с остатками сгнивших колышков диаметром 6-8 см, образующих линию, тянущуюся наискосок через весь сектор, можно интерпретировать как остатки плетня XIX – нач. XX вв., огораживающего выход на край обрыва.

Очаг №1 располагался на участке I, представлял собой углубленный в материк участок прокаленной глины овальной формы, размерами 75 х 165 см. С юго-западной стороны имеелся небольшой зольник шириной до 10 см — следы выдува. Мощность прокала 16 см, дно очага имело форму корытца.

По всей видимости, это подочажная площадка — следы очага (костра), существовавшего здесь в начальный момент формирования культурного слоя.

Очаг № 2 (рис. 31) находился на участках VI и VIII сектора А. Представлял собой сооружение из глины подквадратной формы, окруженное канавкой, заполненной углем и золой. Возведен на материке, зафиксирован на глубине 30 см (мощность слоя с учетом дерна в этом месте составляет около 45 см). Канавка, окружающая подочажную площадку, углублена в материк на 5-6 см. В центре подочажной площадки имелось углубление овальной формы, заполненное культурным слоем с небольшой примесью угольков и золы. Это углубление окружено небольшой стенкой из прокаленной глины, из нее же сложена и остальная часть подподочажной площадки. Размеры очага 145 х 140 см, в углублении несколько камней. В 50 см к югу от очага № 2 находилась столбовая яма диаметром 34 см, имеющая конический разрез глубиной до 30 см в материке. В 3 м к западу от очага имелась столбовая яма диаметром 42 см и глубиной до 50 см в материке.

Четыре других столбовых ямки образуют скопление на участке II сектора А.

Сектор Б занимал квадраты с XVI по XXX. На нем исследованы две ямы, 7 древних столбовых ямок и 11 ямок с полусгнившими колышками — остатки изгороди XIX-XX веков. Последняя проходила двумя параллельными рядами наискосок через раскоп с запада на восток.

Яма №1 (рис.29) находилась на квадратах XXI, XXII, XXVI, XXVII. В центре на квадрате XXI с глубины 40 см от поверхности под тонким слоем золы выделилась подквадратная яма размерами 180 х 80 см. Яма заполнена культурным слоем. Глубина центральной части ямы до 98 см, дно не ровное. Находки в яме представлены фрагментами керамики и сырых костей, в 20-50 см к юго-западу от ямы, на глубине 30 см, зафиксирована углистая прослойка мощностью до 5 см в виде пятна овальной формы.

Яма №2 (рис.29) находилась на квадрате XXX сектора Б и XXXI сектора В. Зафиксирована на глубине 27 см от поверхности в виде пятна темного слоя подпрямоугольной формы размерами 160 х 134 см. Глубина ямы до 56 см от поверхности, углублена в материковый слой на 30 см. До границ с материковым слоем заполнена культурным слоем с находками фрагментов керамики, сырых и жженых костей. Среди прочего в яме найдены костяная бусина, бронзовая поясная накладка, бронзовый слиток. Слиток имеет вид скрученной полосы бронзы, костяная бусина сделана из рыбьего позвонка диаметром 18 мм, накладка имеет форму сердечка и датируется X-XI веками. Дно ямы неровное и повышается к западу. Поперечный профиль ямы представлен на профиле северной стенки раскопа.

Столбовые ямки (от №7 до №13) имеют диаметр от 15 до 28 см и углублены в материк на 20-45 см. Профиль разреза имеет, как правило, коническую форму.

Объемы столбовых ямок заполнены культурным слоем с примесью обугленных волокон дерева. Вдоль восточного края ямы № 1 расположено 5 столбовых ямок, которые образуют две линии с севера на юг. Расстояние между столбами от 26 до 40 см – возможно, они образовывали основу для какой-либо стенки или навеса.

Сектор В занимал квадраты с XXXI по XLIV и примыкал к восточному краю сектора Б. На этом секторе изучена яма №3, очаг №4 и сооружение с очагом №3 и приочажной ямой, а также более 50 столбовых ямок разного диаметра, большинство из которых сосредоточено в яме №3, и несколько десятков столбовых кольев XIX-XX вв. (остатки изгороди).

Очаг №4 (рис.29) находился на квадрате XL и представлял собой подочажную площадку овальной формы с размерами изученной части 59 х 70 см. Он зафиксирован в толще культурного слоя на глубине 20 см от поверхности в виде пятна обожженной глины мощностью до 8 см. Подстилается пятно также культурным слоем.

Сооружение, получившие номер 1 (рис.31), располагалось на участках XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXVI-XXXVIII и представляло собой, видимо, какое-либо производственное сооружение, организующим центром которого был очаг с приочажной ямой. Зафиксировано сооружение на глубине 30 см на границе с материковой глиной в виде пятна аморфной формы. Однако с глубины 35-40 см от поверхности, когда стал выклиниваться материковый слой, очертания очага №3 с приочажной ямой проявились четче.

На этой глубине сооружение №1 представлялось восьмеркообразным пятном длиной 396 см, шириной 170 см в узкой половине восьмерки и 260 см в широкой (западной) части. Восточная (меньшая) часть 170 х 185 см представляла собой подочажную площадку из прокаленной глины оранжевого цвета, западная часть – предочажную часть (яму). Разрез показал, что глубина предочажной ямы составляет до 75 см от поверхности, мощность напластований очага — до 65 см от поверхности. Подочажная площадка в разрезе представляла собой слоистую структуру со слоем прокаленной глины в верхней части, мощностью от 8 до 15 см. Прослойкой с сильной примесью мелких угольков мощностью 3-4 см она отделялась от слоя глинистого пестроцвета мощностью от 28 до 10 см с мелкими гальками. Дно углубления, занятого очагом, покато понижалось к востоку и выстлано тонкой (до 4 см) прослойкой утля.

В дне подочажной площадки в центре обнаружено пятно от столбовой (?) ямки, заполненное глинистым пестроцветом. Диаметр пятна 16 см, углублено в материк на 14 см. Южный и юго-восточный углы подочажной площадки имеют четкие следы бревен диаметром 12-14 см или плах такой же ширины (толщины). Ими были выложены борта подочажной площадки. Следы прослежены в виде полос с примесью древесных волокон вдоль бортов (южного и восточного) площадки и в виде выступов за ее пределы, аналогичные следы, только более аморфные, зафиксированы в северном углу площадки. В 20 см от восточной стенки за пределами сооружения находилась столбовая ямка диаметром 20 см, углубленная в материк до 45 см. С запада подочажная площадка отделена от приочажной ямы стенкой из

обожженной глины. По своей конструкции указанный очаг весьма напоминает очаги жилищ, исследованных М.В. Талицким в верхнем слое Родановa городища [Талицкий 1956], а также очаги и остатки печей в жилищах на городище Иднакар, исследованные М.Г. Ивановой. Приочажная яма находилась к западу от очага, была заполнена слоями золы, угля, глинистого пестроцвета с примесью угля и золы, кусками обожженной глины, прослойками обожженной и сырой глины мощностью от 3 до 13 см. Дно предочажной ямы полого углублялось к очагу. В этой яме найдены стеклянная бежевая бусина, железная дужка от болгарского навесного замка, зеленая глазчатая бусина, небольшой железный крючок, железный ключ от булгарского замка, фрагменты керамики, куски костей, обгорелые камни. Приочажная яма служила для очистки очага от мусора.

С севера и запада яма окружена многочисленными столбовыми ямками разного диаметра. Возможно, в целом сооружение №1 связано с остатками жилища, сооруженного на материковом слое.

Яма №3 (рис.30; цв. вкл. Б) зафиксирована на участках XLI и XLIV в виде округленного с северной стороны пятна на глубине 35 см от поверхности. На глубине фиксации она представляла собой пятно округлой формы с выступами прямоугольной формы. Его размеры 310 х 330 см. Разборка ямы осуществлялась по частям. Вначале была разобрана северная часть ямы, снят профиль её разреза, затем разобрана южная половина. При разборке выявились особенности конструкции ямы. На глубине 100 см от поверхности выявлена ступенька шириной 40-60 см, опоясывающая яму с севера, запада и юга. С северной стороны на этом уровне, а с восточной стороны и ниже стенки ямы были облицованы легкой деревянной конструкцией. С южной стороны стенки ямы были тоже облицованы конструкцией из тонких плах, которые обгорели, и частично обрушились на ступеньку.

На глубине 175-180 см выявлена еще одна ступенька шириной от 40 см до метра, опоясывающая объем ямы с востока и севера. Вдоль северного края этой ступеньки выявлен ряд столбовых ямок диаметром 10-45 см, которые поддерживали какую-то легкую деревянную конструкцию, крепившую ступеньку, а возможно, и кровлю. На поверхности ступеньки в восточной части расчищены остатки тонких плах.

На глубине 245 см от поверхности выявлена еще одна ступенька, опоясывавшая весь объем ямы. Ее ширина от 40 см в северной части до 10 см. Вдоль западной стенки ступеньки имеется 7 столбовых ямок диаметром 6-10 см от столбиков, укреплявших вероятно, этот край ступеньки. Глубина дна около 3 м, однако, в южной стенке наблюдалось включение темного слоя высотой до 50 см от дна, здесь же имелось углубление, свидетельствующее, что это лишь очередная ступенька. В центре дна выявлена столбовая ямка диаметром 15 см – остаток крепи.

Объем ямы заполнен кусками обгорелых и истлевших плах и бревен, включенных в культурный слой в ее верхней части, который с глубины более 100 см сменился слоем пестроцвета. Поверхность ступенек, вырезанных в материке, во многих местах покрыта тонким слоем песка, имеющего зеленый цвет. Следы плах и бревен представляют, видимо, остатки рухнувшего в яму навеса и перекрытий. То, что данная яма расположена в центре северного края провала, образовавшегося на месте рухнувшего в 1975 г. подземного лаза, на наш взгляд, позволяет трактовать ее как **вход в этот**

подземный лаз. Раскопки оставшейся перемычки шириной в 4 м между краем раскопа и верхним концом оврага, запланированные на следующий полевой сезон, оказались не возможны из-за окончательного обрушения этого участка обрыва. Таким образом, Рождественское городище является первым средневековым поселением в Приуралье, имеющим тайный подземный лаз с площадки городища к его подножью. Вероятно, в древности этот лаз выходил в небольшой овраг у подножья обрыва, поросший кустами и деревьями, и служил для добычи воды в случае осады городища и для внезапных вылазок против врага.

Раскоп №VI (рис.32) площадью 48 кв. м был заложен на краю площадки у западного лога. Целью данного раскопа было изучение мощности культурных напластований у западного края площадки и выявление гипотетических боковых укреплений на ней.

На склоне лога здесь четко выделяется подрезка площадки, при которой склон лога был сделан круче, чем естественный наклон, — ниже края площадки примерно на 8-10 м.

В целом поверхность раскопа ровная. *Стратиграфия раскопа* изучена по всем его стенкам. Дерновый слой мощностью 10 см перекрывал всю поверхность раскопа. Под ним по всей площади раскопа залегал темно-серый (практически черный) супесчаный культурный слой с находками различных предметов (слой № 2 на соответствующих чертежах). При высыхании слой серел и образовывал мелкую пыль. Мощность слоя составила от18 до 30 см с постепенным увеличением к западу. Под культурным слоем практически по всей поверхности раскопа залегал слой мощностью от 8 до 26 см с большой примесью золы, местами у северной стенки переходящий в светло-серый слой сплошной золы. При высыхании слой сильно пылил. В этом слое также сделаны различные находки.

Под слоем с золой по всей площади раскопа залегал слой суглинистого пестроцвета мощностью до 50-60 см с находками фрагментов лепной и гончарной керамики, костей и различных предметов. В верхней части пестроцвет имел примесь золы и мелких углей. Под этим слоем залегал коричневый суглинистый слой с находками, его мощность составляла от 10 до 50 см с утолщением к востоку. Этот культурный слой по всей поверхности раскопа, кроме северо-западного угла, подстилался слоем коричнево-красного суглинка с примесью ортзанд и редкими находками фрагментов керамики. Материковый слой — красная глина. Общая мощность культурных отложений — до 120 см.

На раскопе №VI изучены 3 очага (подочажные площадки), яма и несколько столбовых ям. **Очаг №1** (рис.32) находился на участках Л/38-39, он зафиксирован на глубине 25 см от поверхности в виде овального пятна неправильной формы. С востока к подочажной площадке из оранжевой прокаленной глины примыкало небольшое пятно сырой глины и небольшое овальное пятно угля. Мощность прокала — 14 см, профиль линзовидный. Площадка перекрыта слоем зольника. Ее размеры на глубине 34 см от поверхности — 220 х 100 см.

Очаг №2 исследован на участках М/42-41. Зафиксирован на глубине 25 см как пятно вытянутой овальной формы из прокаленной глины. На этой глубине размеры прокаленной глиняной площадки составили 120 х 50 см.

Подочажная площадка была перекрыта культурным слоем (слой №2), а подстилалась слоем золы и пестроцвета с золой. С запада к прокаленной площадке мощностью 4-10 см примыкало овальное пятно золы с большой примесью угольков. Слои прокаленной глины выявлены здесь же и на уровне 45-55 см. Таким образом, данный очаг имел слоистую структуру, типичную для поздних родановских очагов.

Очаг №3 (рис.32) расположен на участке М/38 у восточной стенки раскопа. Он зафиксирован на глубине 20 см от поверхности, был перекрыт темно-серым супесчаным культурным слоем, окружен мощными золистыми слоями и подстилался слоем пестроцвета с золой и углем. Мощность прокала — до 34 см. Размеры пятна на глубине фиксации — 140 х 50 см. У западной оконечности пятна прокаленной глины на глубине от 35 до 40 см от поверхности обнаружены остатки небольшой выкладки из плоских камней.

Подобные остатки выкладок встречены в разных местах раскопа на глубинах от 20 до 90 см и представляют собой скопления плоских камней.

В северо-западном углу раскопа изучена **яма №1** (рис.33). Она зафиксирована на глубине 60 см, когда четко обрисовалась на фоне золистого серого слоя как подпрямоугольное пятно мягкого супесчаного слоя интенсивно-черного цвета. До глубины 155-165 см от поверхности ее очертания практически не менялись, однако с указанных глубин яма стала сужаться и приобрела более четкие очертания и вертикальные стенки. Максимальная глубина ямы — 260-280 см от поверхности. Дно неровное. В придонной части выявлено несколько тонких углистых прослоек, одна из которых перекрывает все дно ямы.

Яма заполнена черным культурным слоем, который ко дну несколько осветлялся и имел выраженную примесь щепы. Судя по тому, что яма прорезала все слои, сформировавшиеся на этом участке памятника, она относительно поздняя. В заполнении встречены фрагменты родановской лепной и болгарской гончарной керамики, различные изделия из железа и кости.

Следов частокола, бокового вала или какого-либо другого укрепления западной части городища раскоп не выявил. Встреченные на раскопе столбовые ямы имеют диаметр от 10 до 30 см и расположены на разных уровнях напластований, не составляя единой системы, за исключением скопления из 8 столбовых ямок на квадрате М/39, где они расположены двумя плотными параллельными рядами. Однако сильная оподзоленность культурных напластований на раскопе, наличие большой примеси древесного угля в верхней части слоя заставляют думать, что на поверхности площадки городища здесь располагались какие-либо легкие деревянные укрепления, сгоревшие в результате каких-то событий.

Филипповское городище подвергалось изучению дважды. В 1990 г. под руководством А.М. Белавина был изучен небольшой **раскоп №1** площадью 52 кв. м, заложенный в северной части площадки непосредственно за валом. Поверхность раскопа ровная с легким уклоном к северо-востоку. *Стратиграфия раскопа* оказалось простой:

поверхность раскопа была покрыта слабо сформированным дерном мощностью до 5 см;

под дерном залегал слой серо-коричневого комковатого суглинка мощ-

ностью до 25 см – предматериковый слой;

под ним залегал материк – красная глина.

На раскопе никаких находок кроме мелкой керамической крошки с примесью раковины в глиняном тесте сделано не было, что связано с полным уничтожением культурного слоя в результате ликвидации силосных траншей. Перед валом на свежей пашне в июне 1990 г. собрано небольшое количество лепной родановской и гончарной булгарской красноглиняной керамики X-XII вв., а также крупные фрагменты русской керамики XIX-XX веков.

В 1993 г. Н.Б. Крыласовой была предпринята попытка изучить оборонительные сооружения Филипповского городища. Результаты этого исследования приводятся в разделе, посвященном описанию оборонительных сооружений.

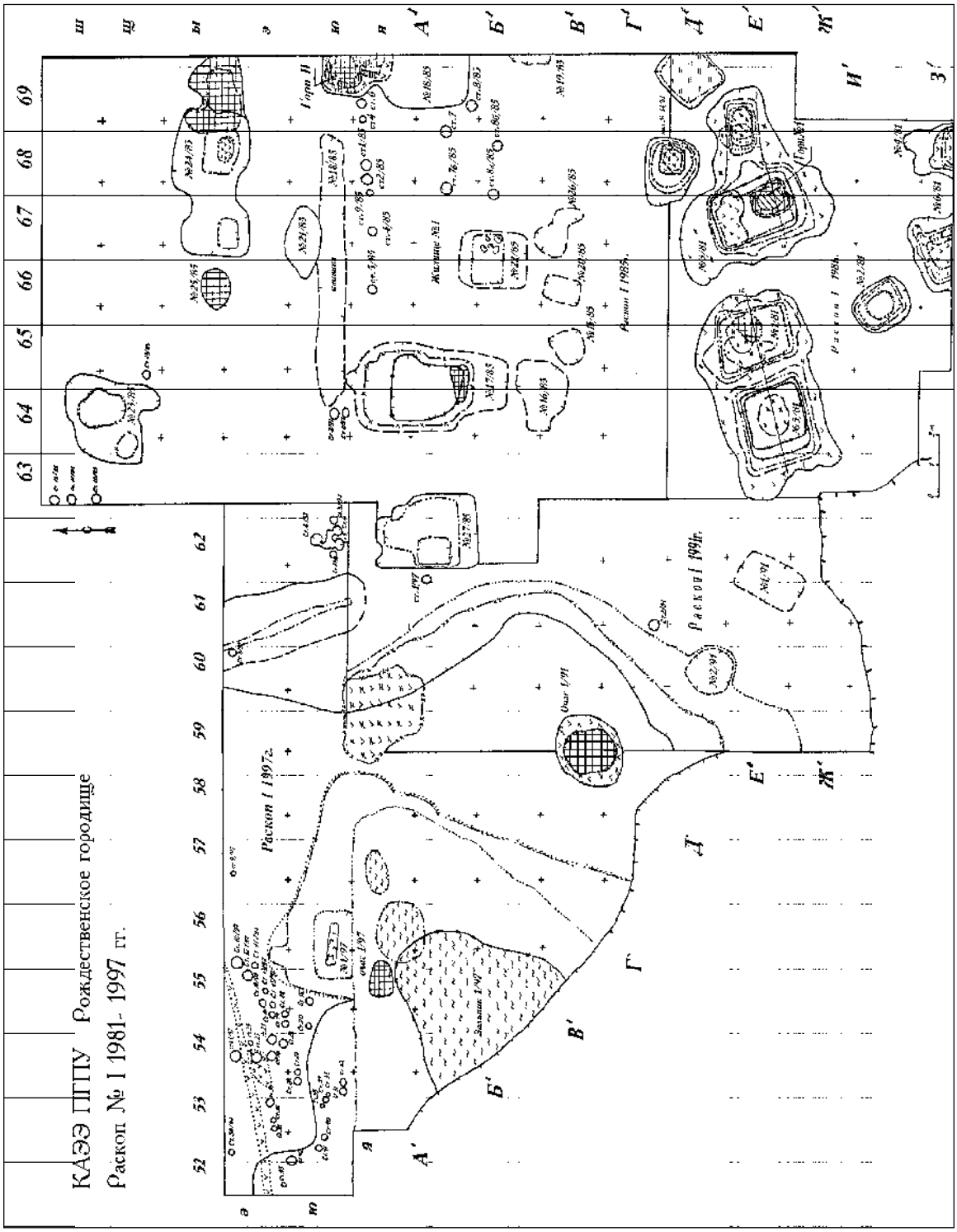

Рис.10. План раскопа № I на Рождественском городище

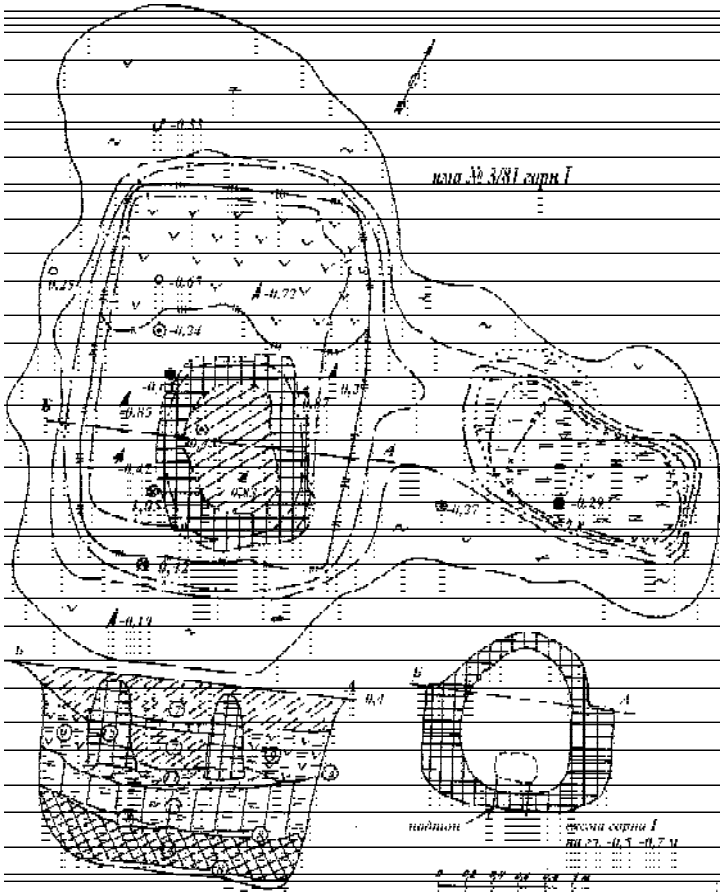

Рис.11. Яма 3-81 раскопа № I, горн № I

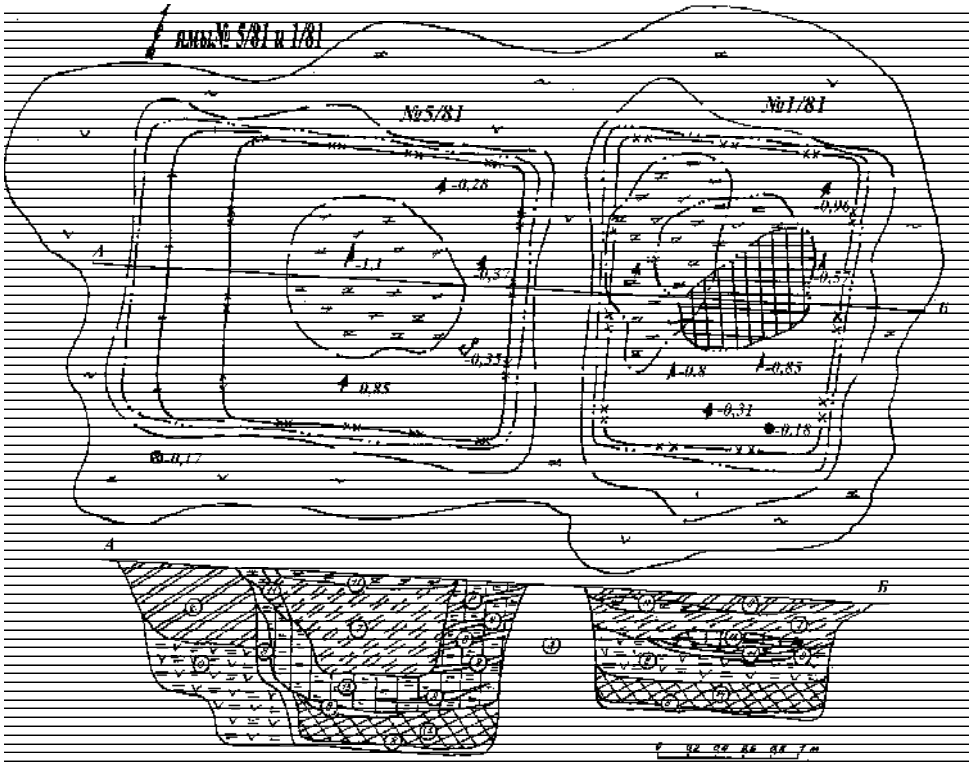

Рис.12. Ямы 1-81 и 5-81 раскопа № I

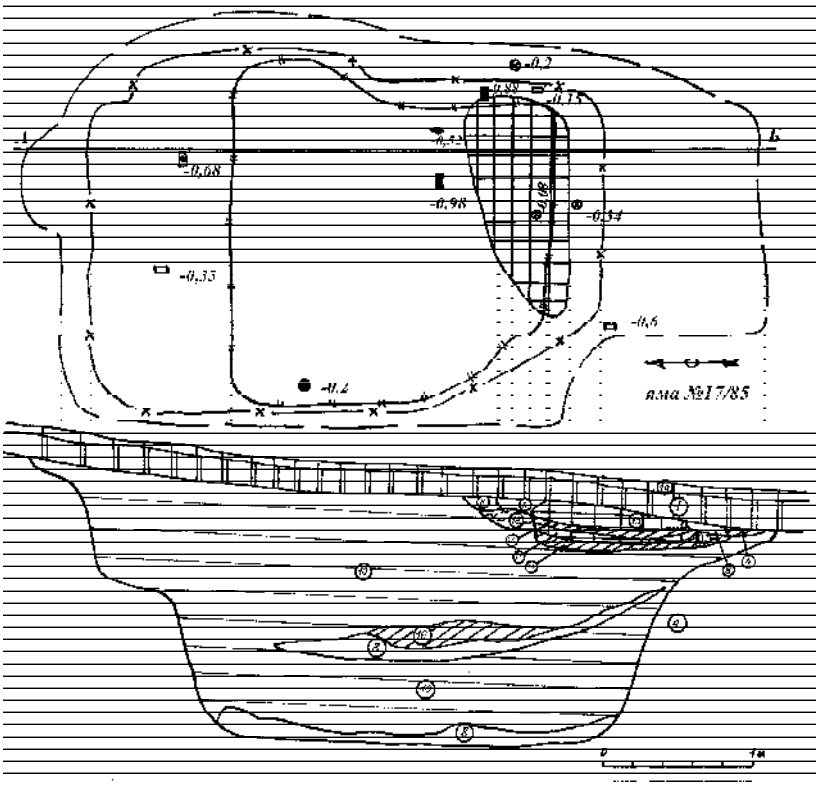

Рис.13. Яма 17-85 раскопа № I

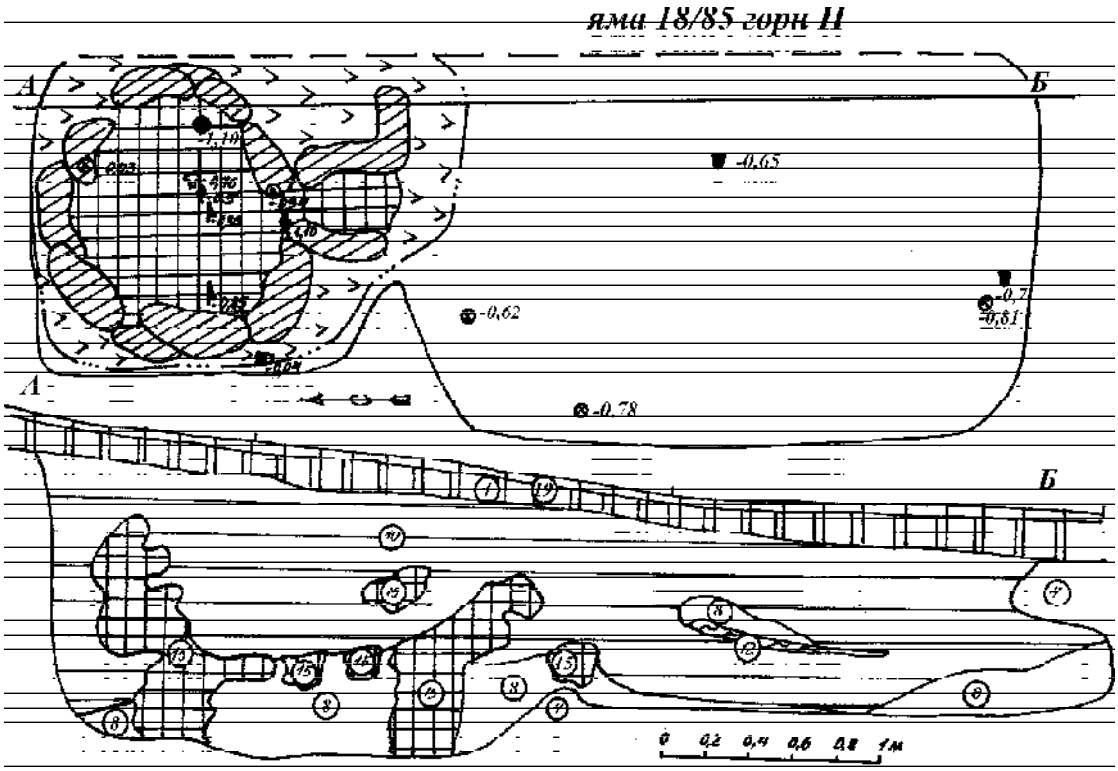

Рис.14. Яма 18-85 раскопа № I, горн № II

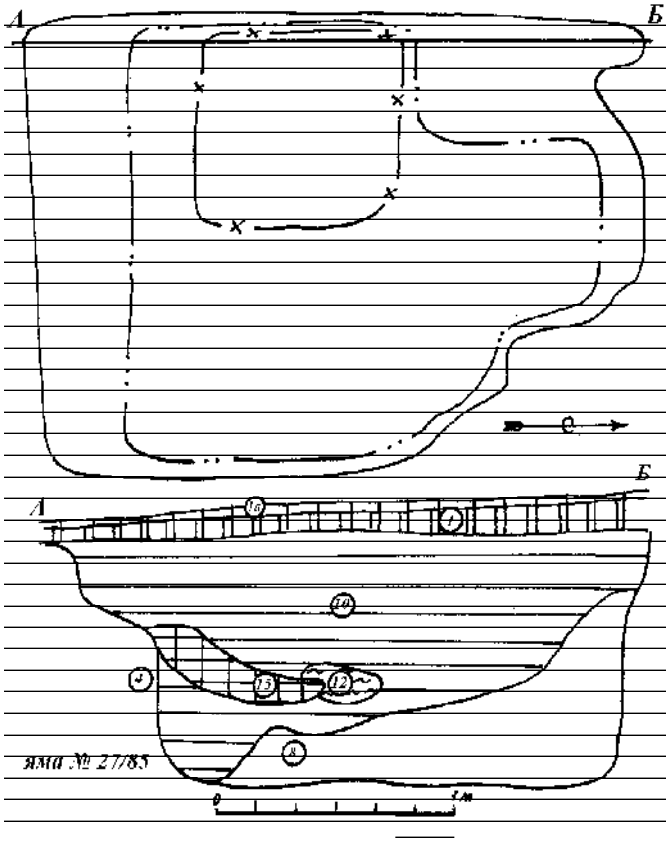

Рис. 15. Яма 27-85 раскопа № I.

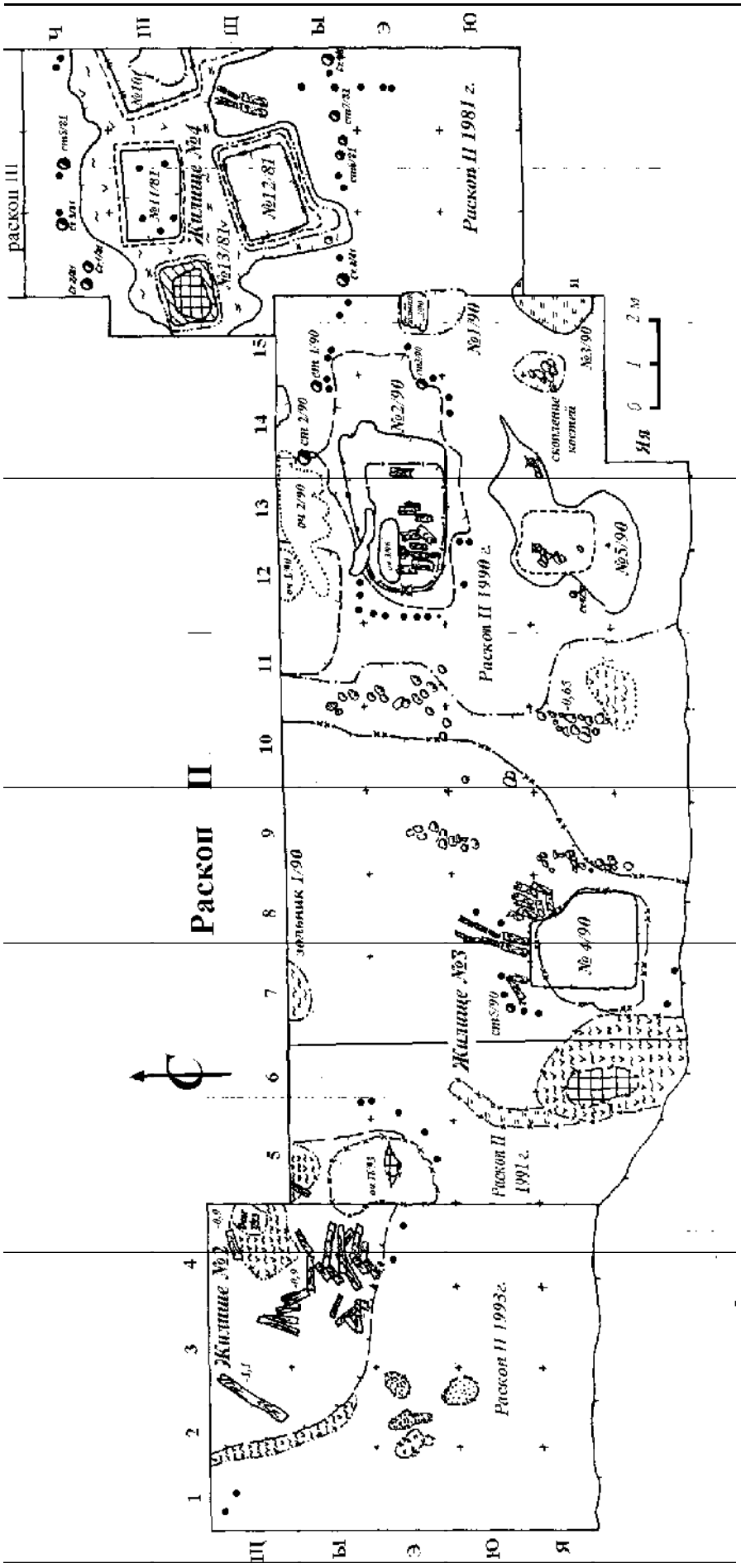

Рис. 16. План раскопа № II на Рождественском городище

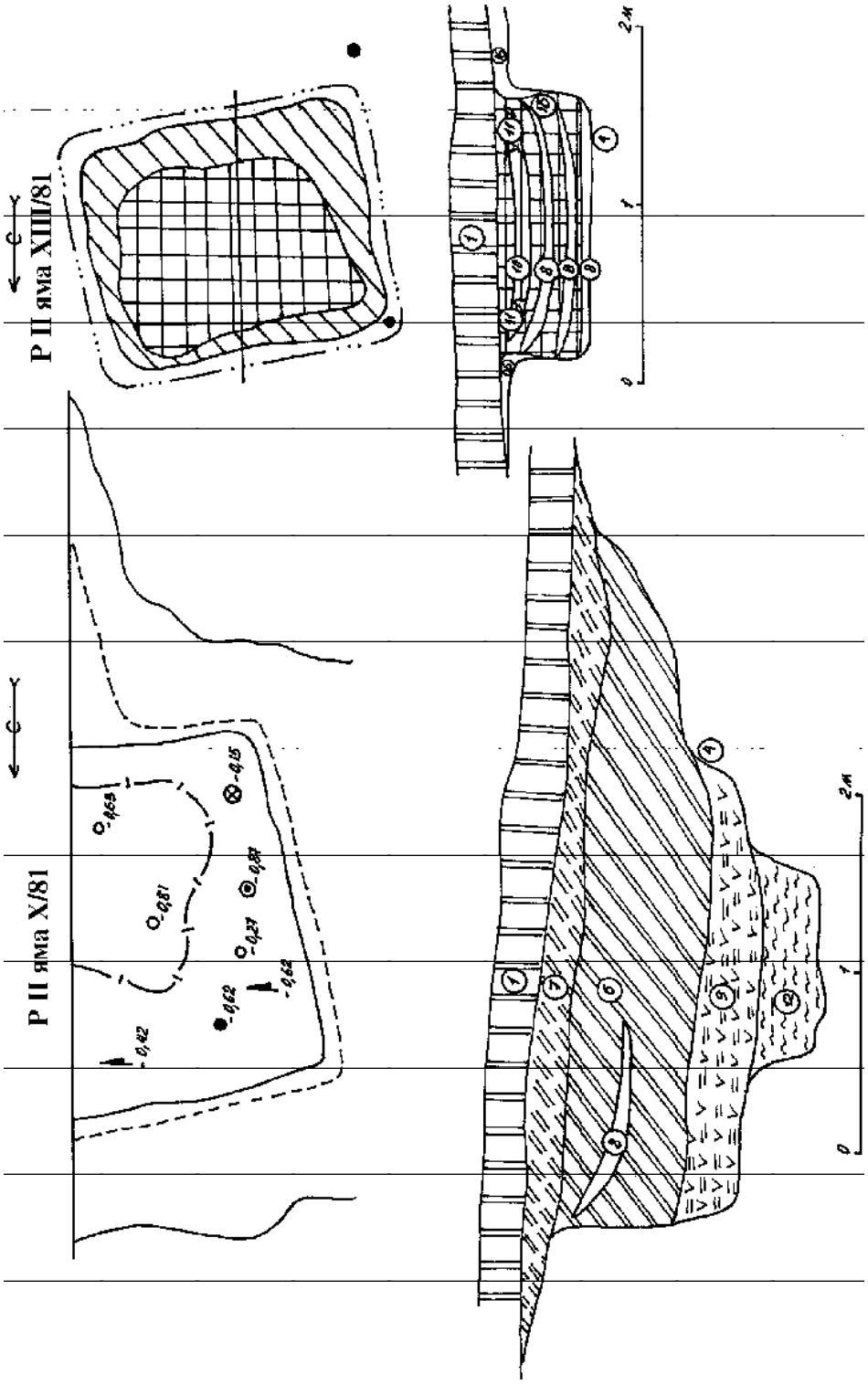

Рис. 17. Ямы 10-81 и 13-81 раскопа № II

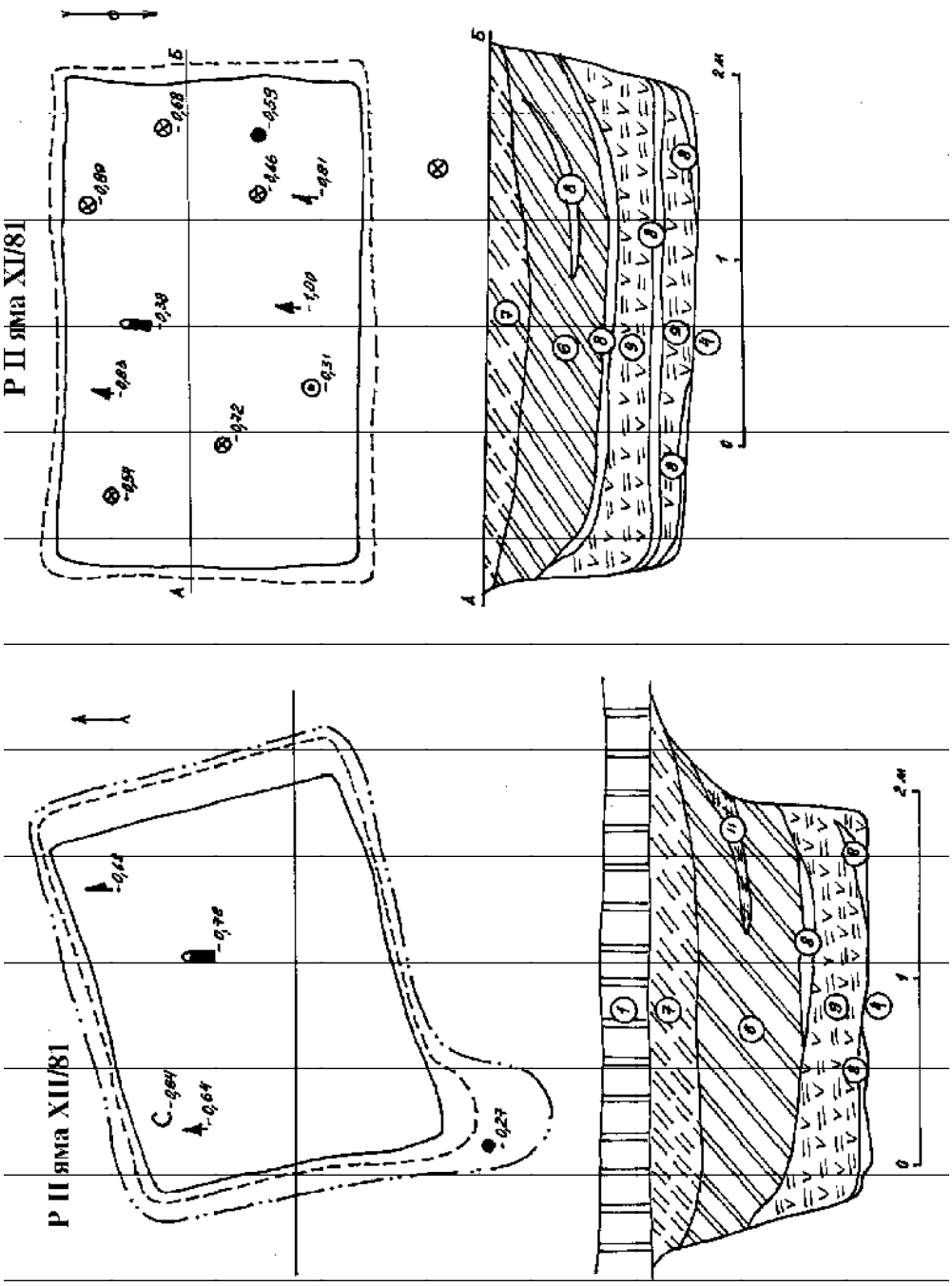

Рис.18. Ямы 11-81 и 12-81 раскопа № II

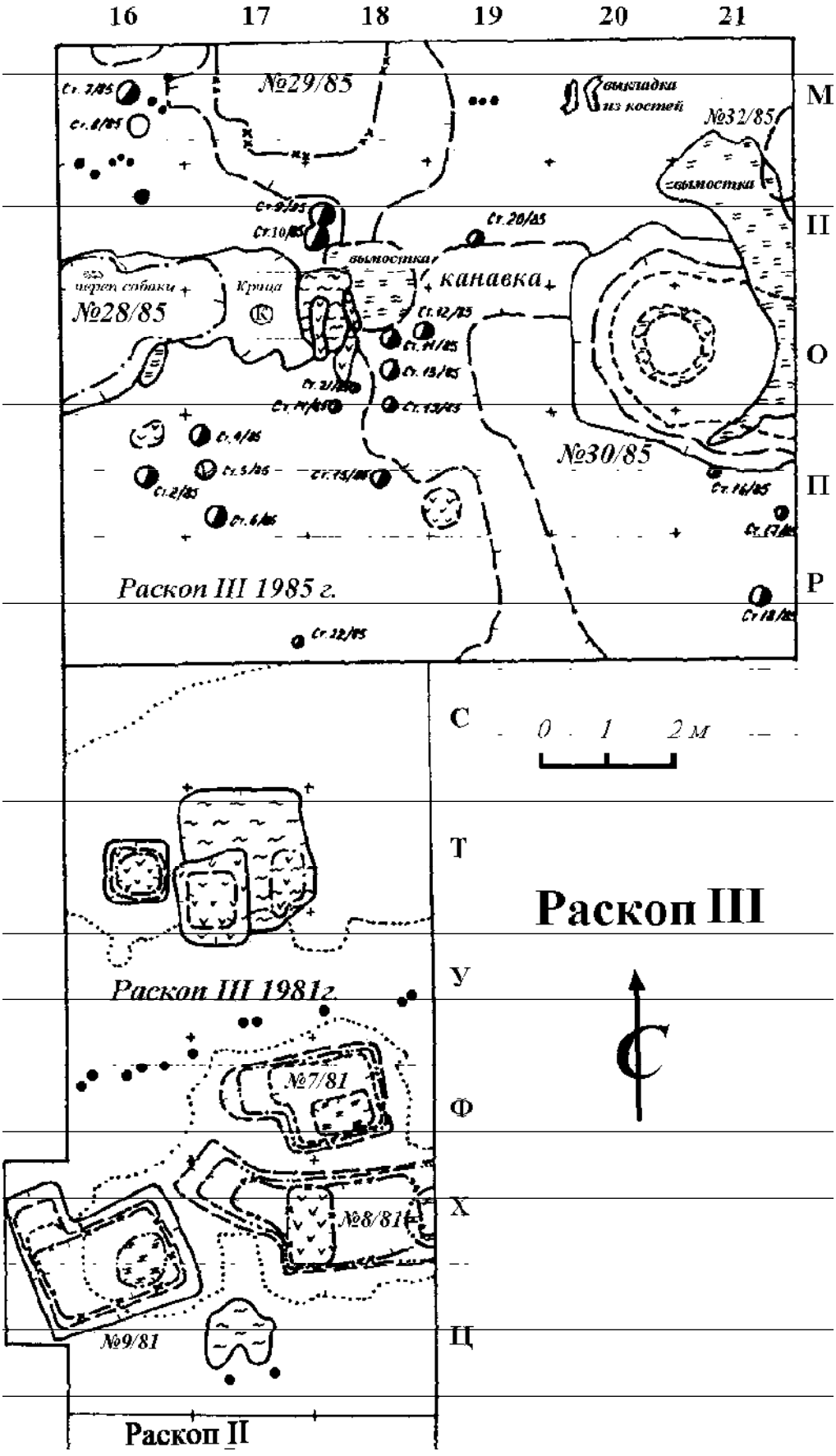

Рис. 19. План раскопа № III на Рождественском городище

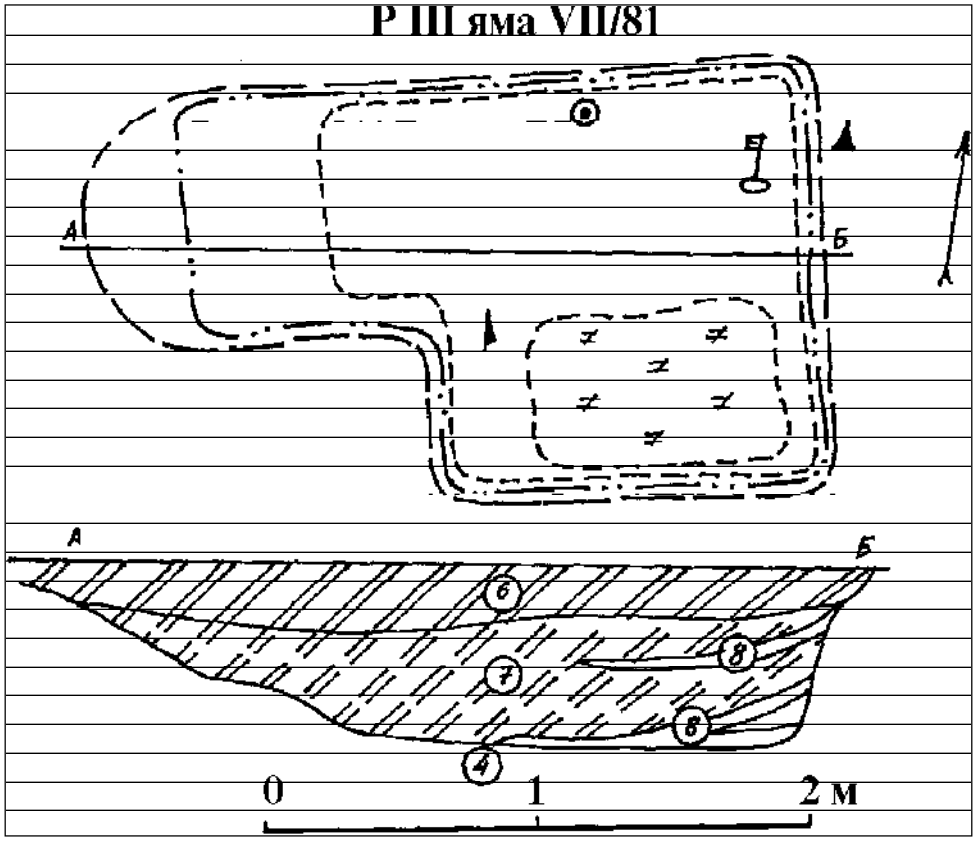

Рис.20. Яма 7-81 раскопа № III

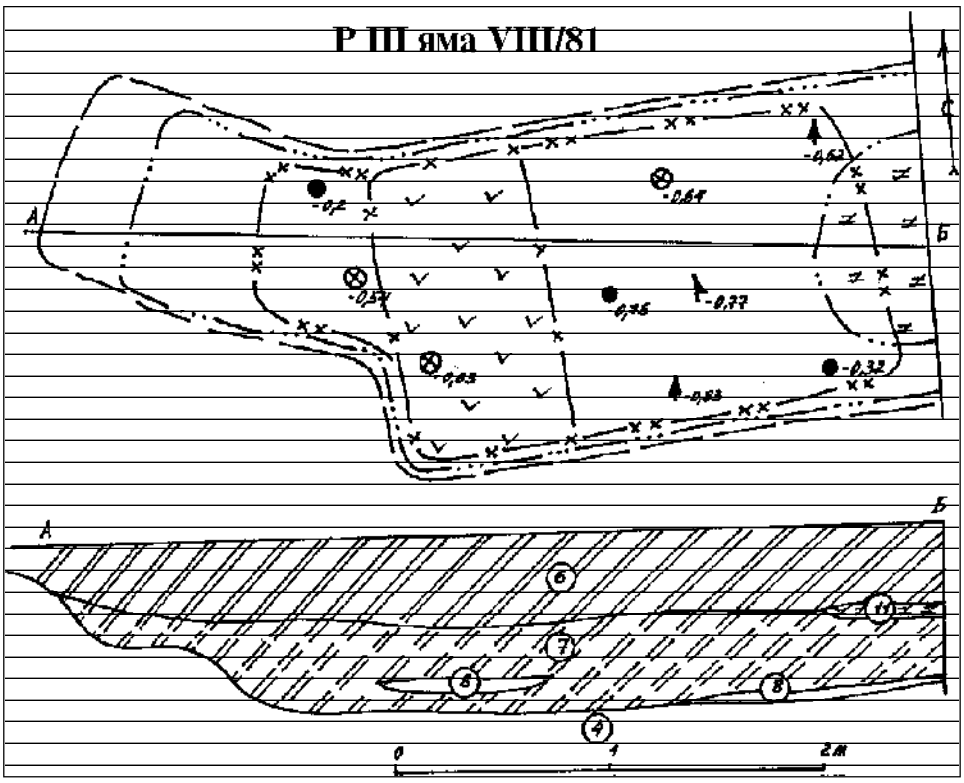

Рис.21. Яма 8-81 раскопа № III

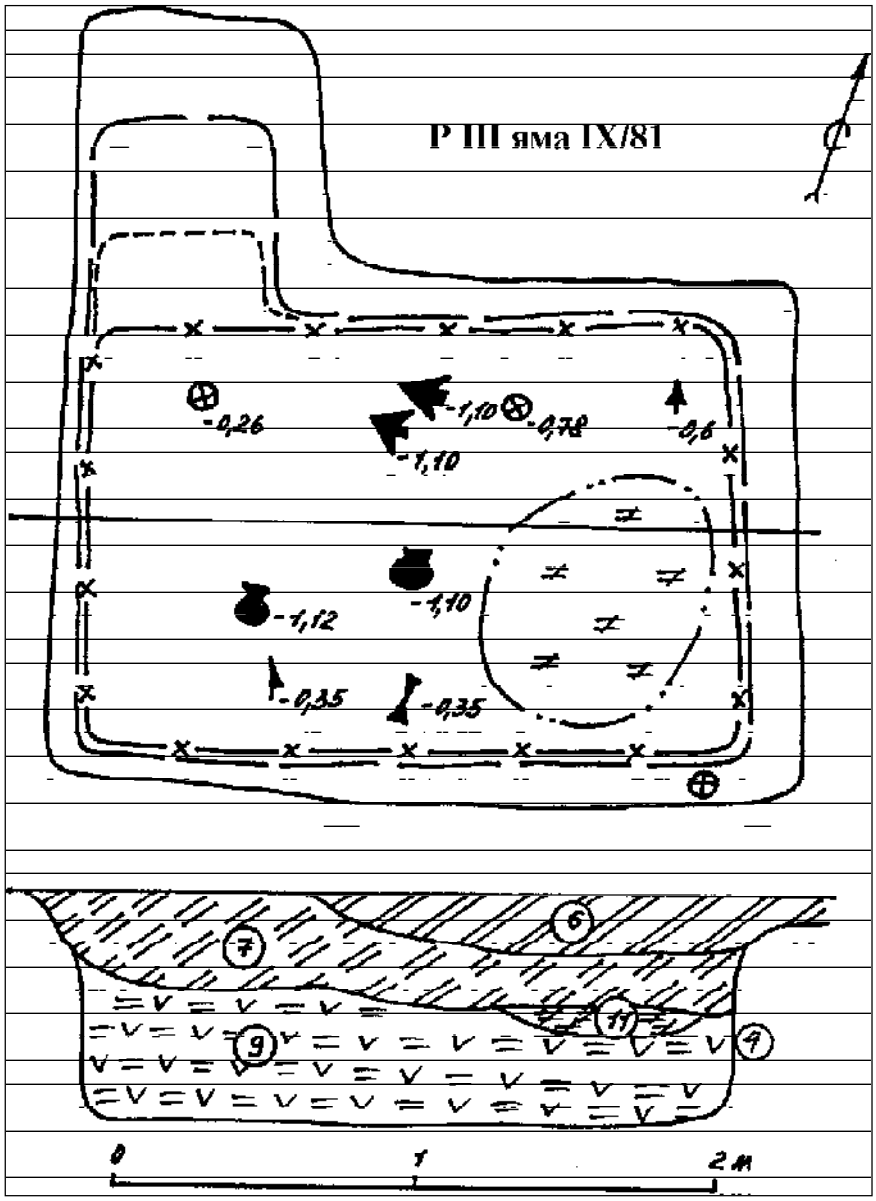

Рис. 22. Яма 9-81 раскопа № III

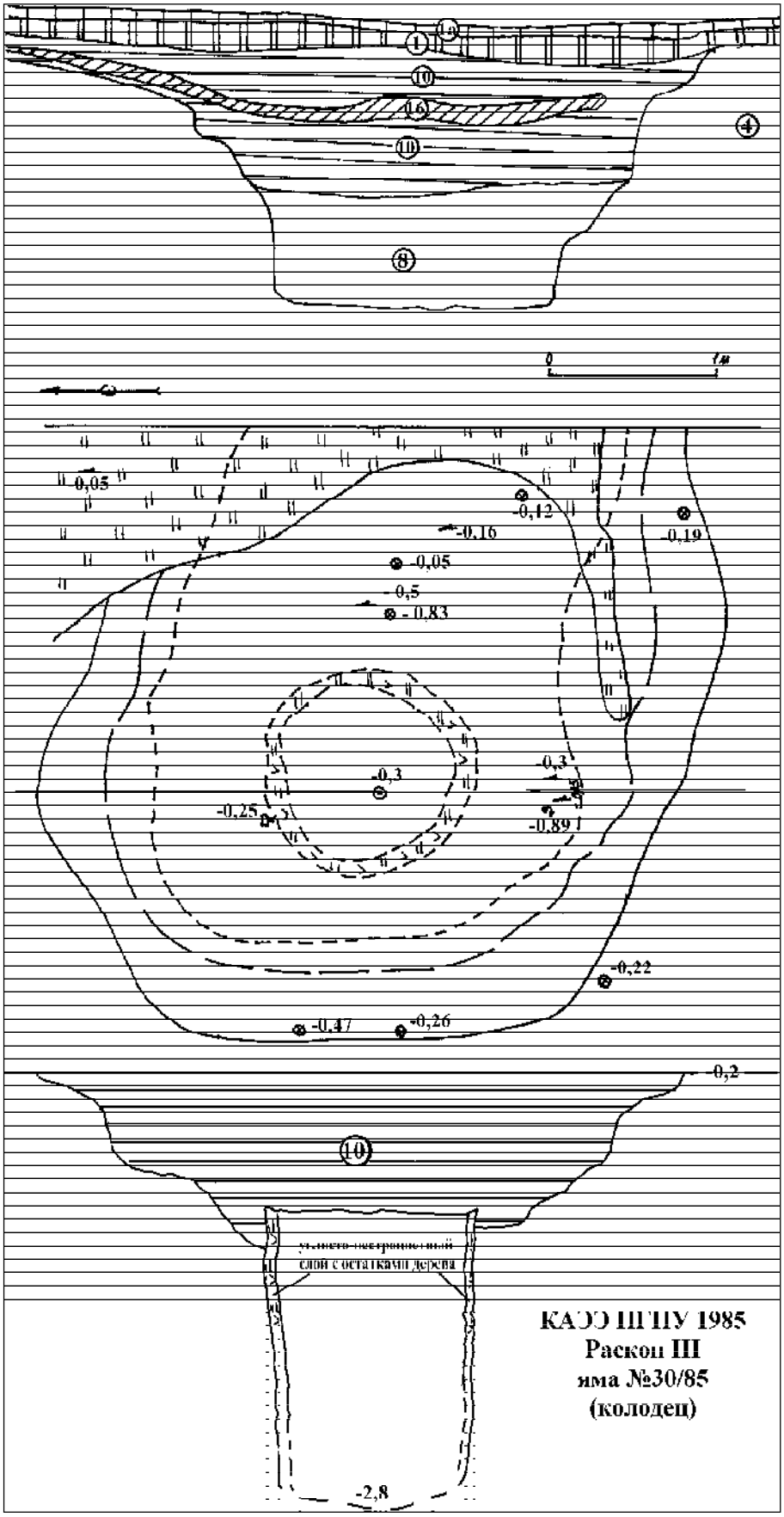

Рис. 23. Яма 30-85 раскопа № III (колодец)

Рис. 24. План раскопа № IV на Рождественском городище

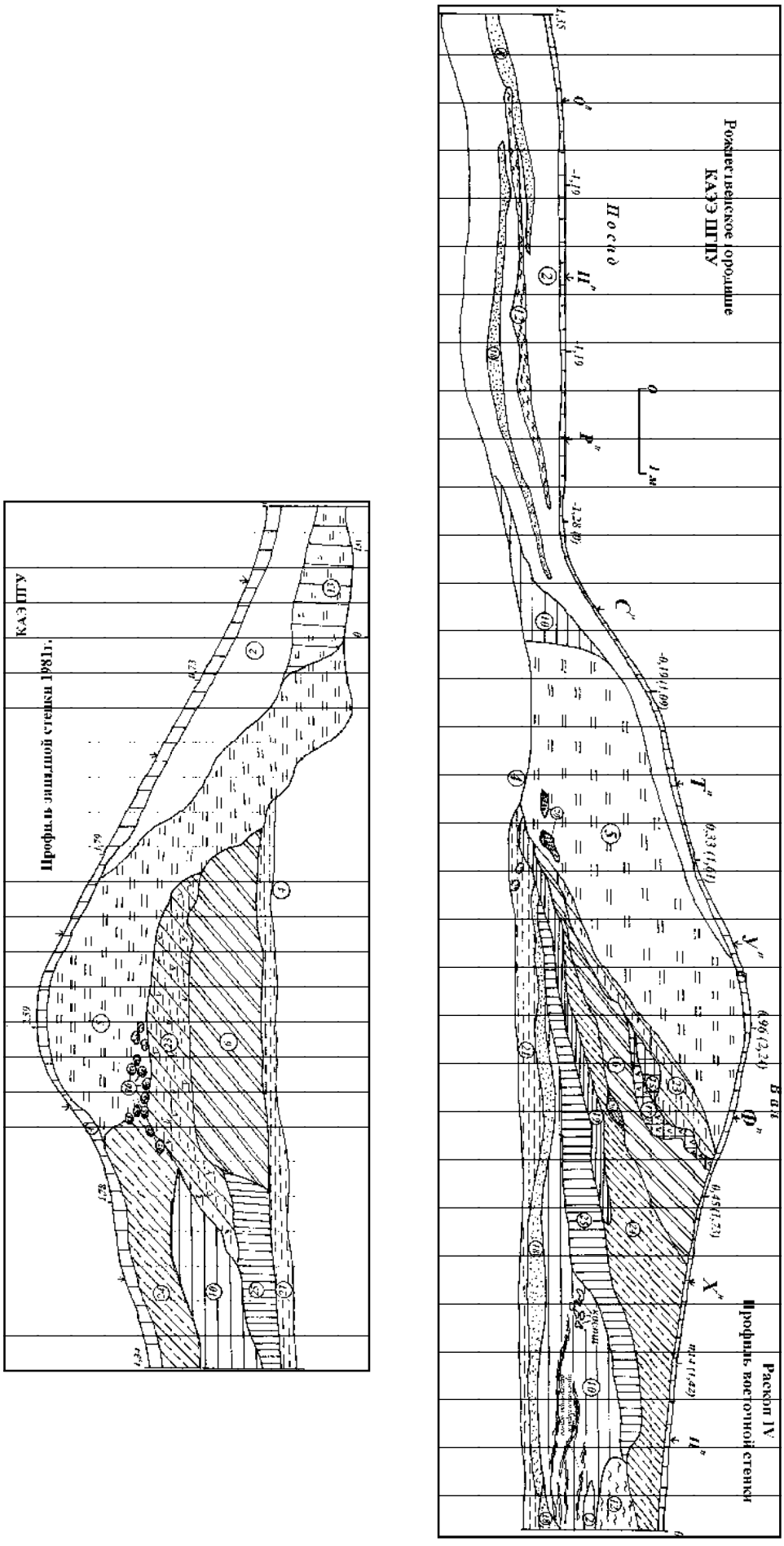
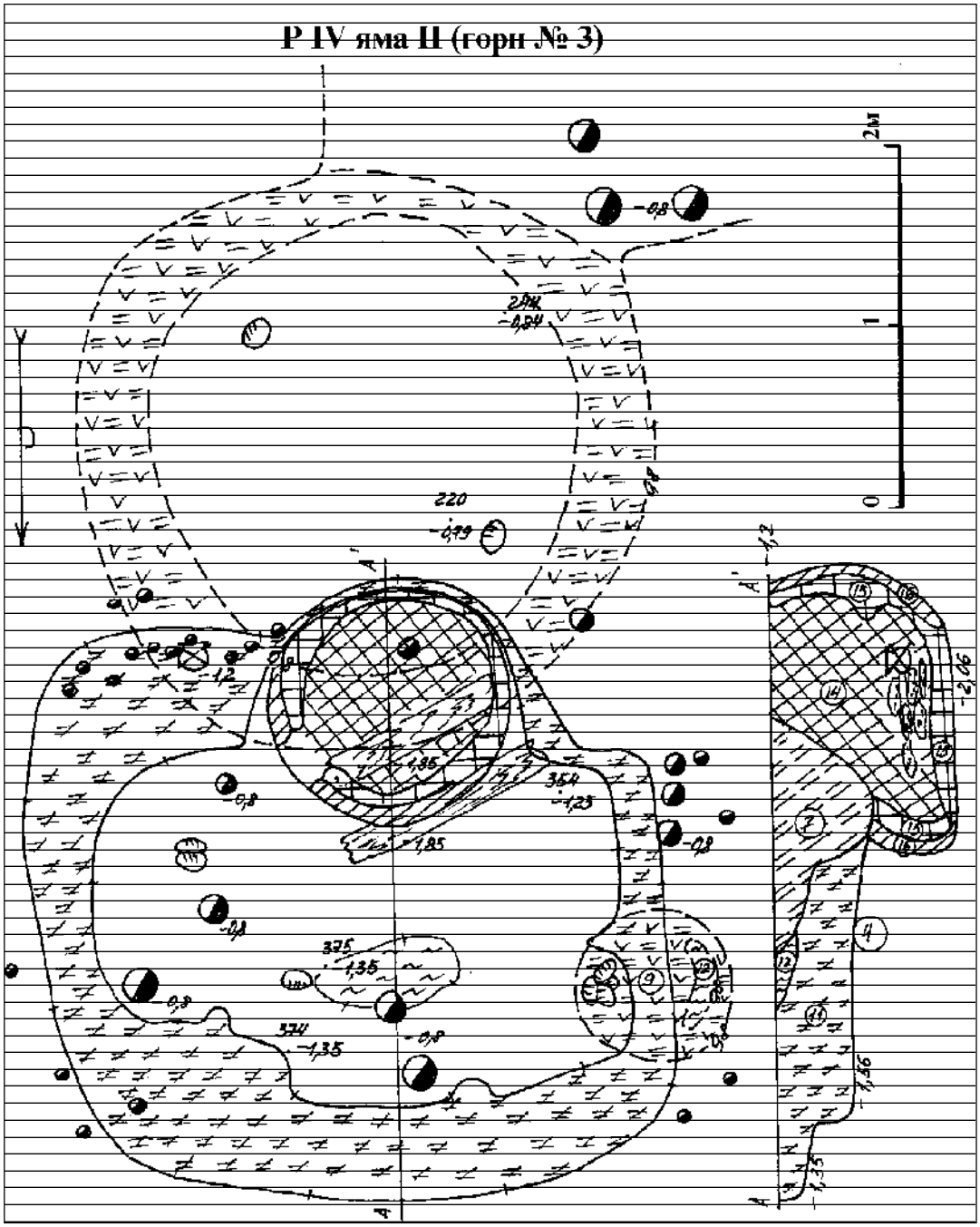

Рис.25. Профиль вала (раскоп № IV)

Р IV яма II (горн № 3)
2м
1
0
220
-0,99
-0,8
-0,9
-0,8
-0,8
-0,8

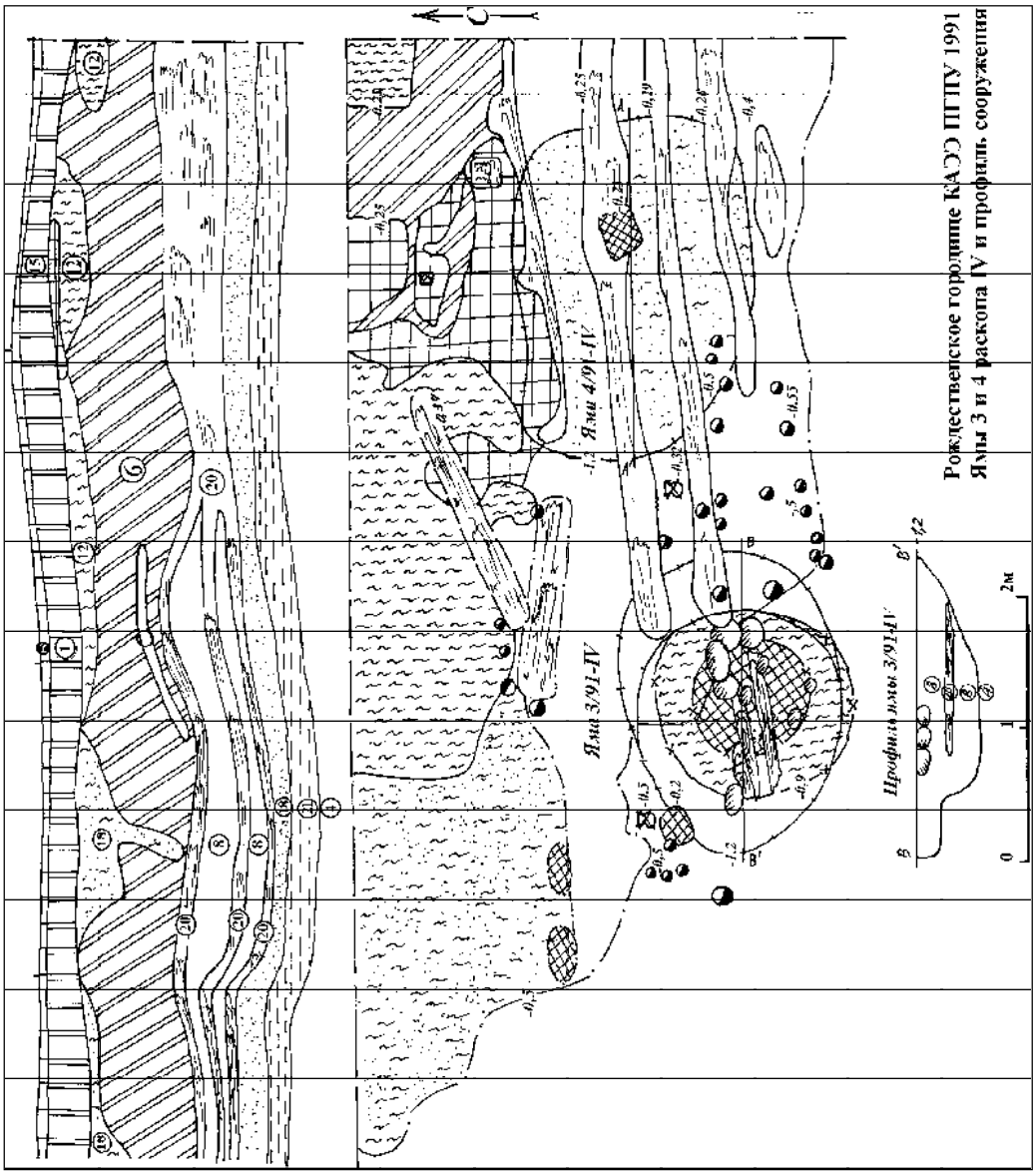

Рис. 27. Ямы 3-91 и 4-91 раскопа № IV

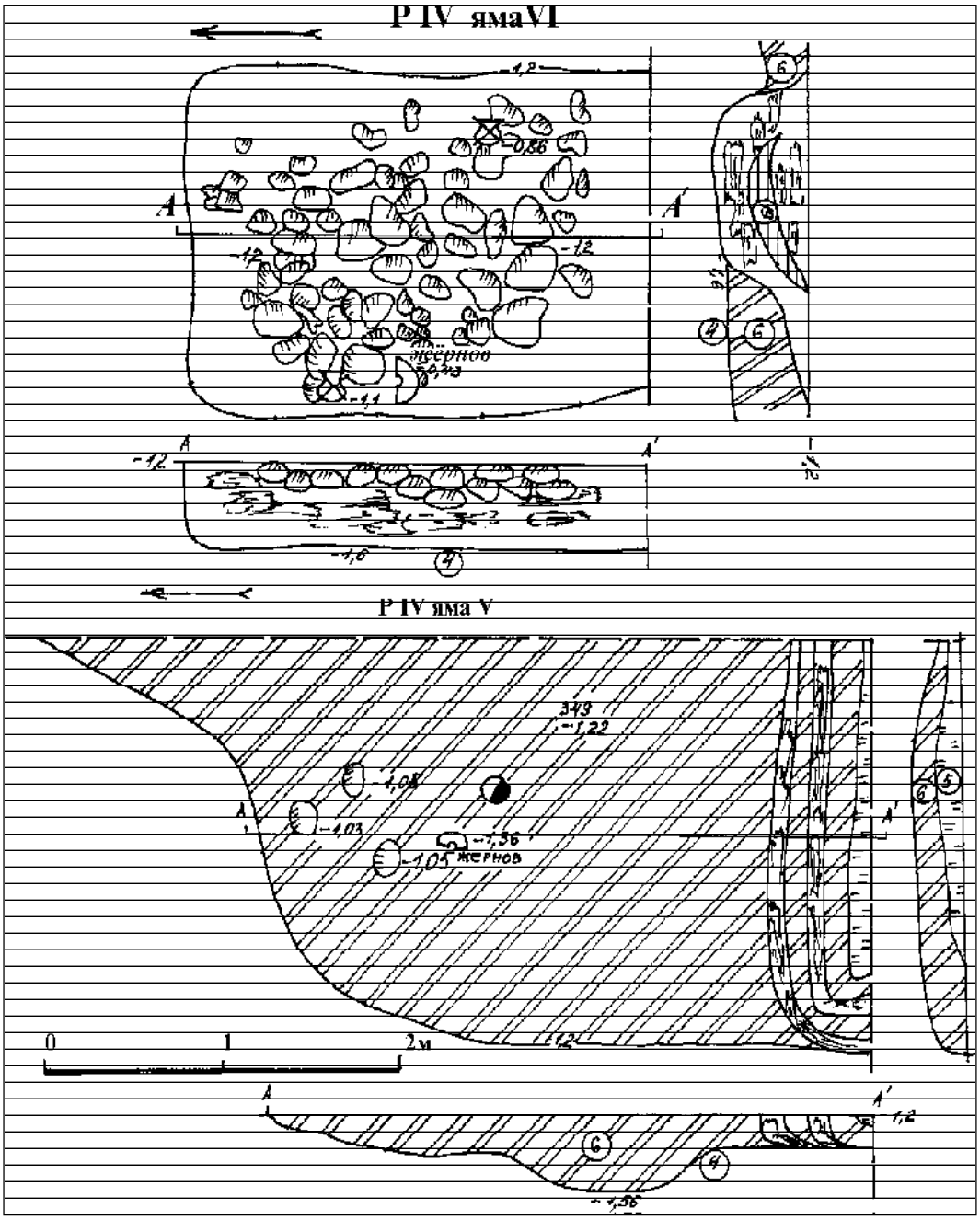
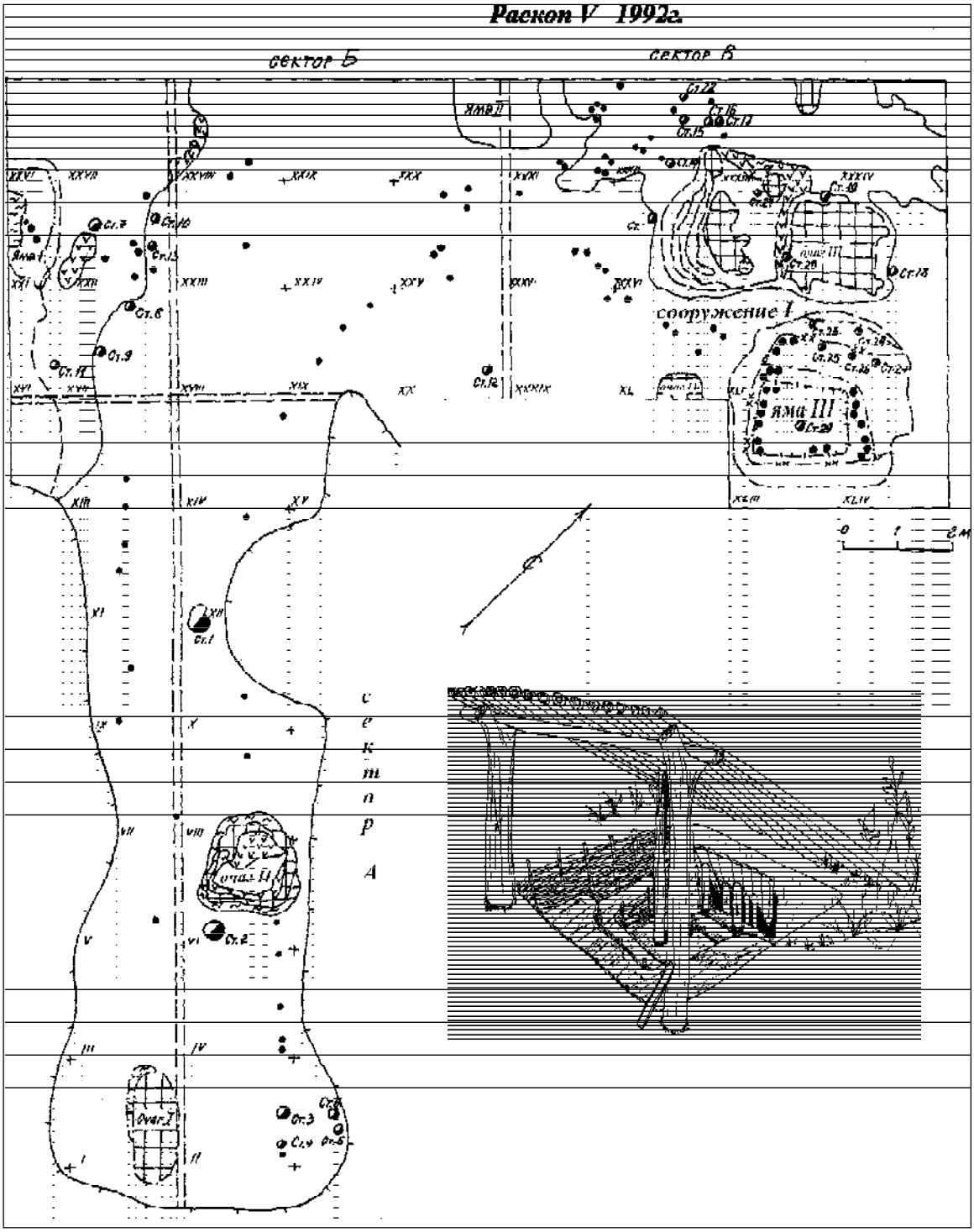

Рис.28. Ямы 5-91 и 6-91 раскопа № IV

Раскоп V 1992г.
сектор Б
сектор В
сооружение I
яма III
Ст.1
Ст.2
Ст.3
Ст.4
Ст.5
Ст.6
Ст.7
Ст.8
Ст.9
Ст.10
Ст.11
Ст.12
Ст.13
Ст.14
Ст.15
Ст.16
Ст.17
Ст.18
Ст.19
Ст.20
Ст.21
Ст.22
Ст.23
Ст.24
Ст.25
Ст.26
Ст.27
Ст.28
Ст.29
Ст.30
Ст.31
Ст.32
Ст.33
Ст.34
Ст.35
Ст.36
Ст.37
Ст.38
Ст.39
Ст.40

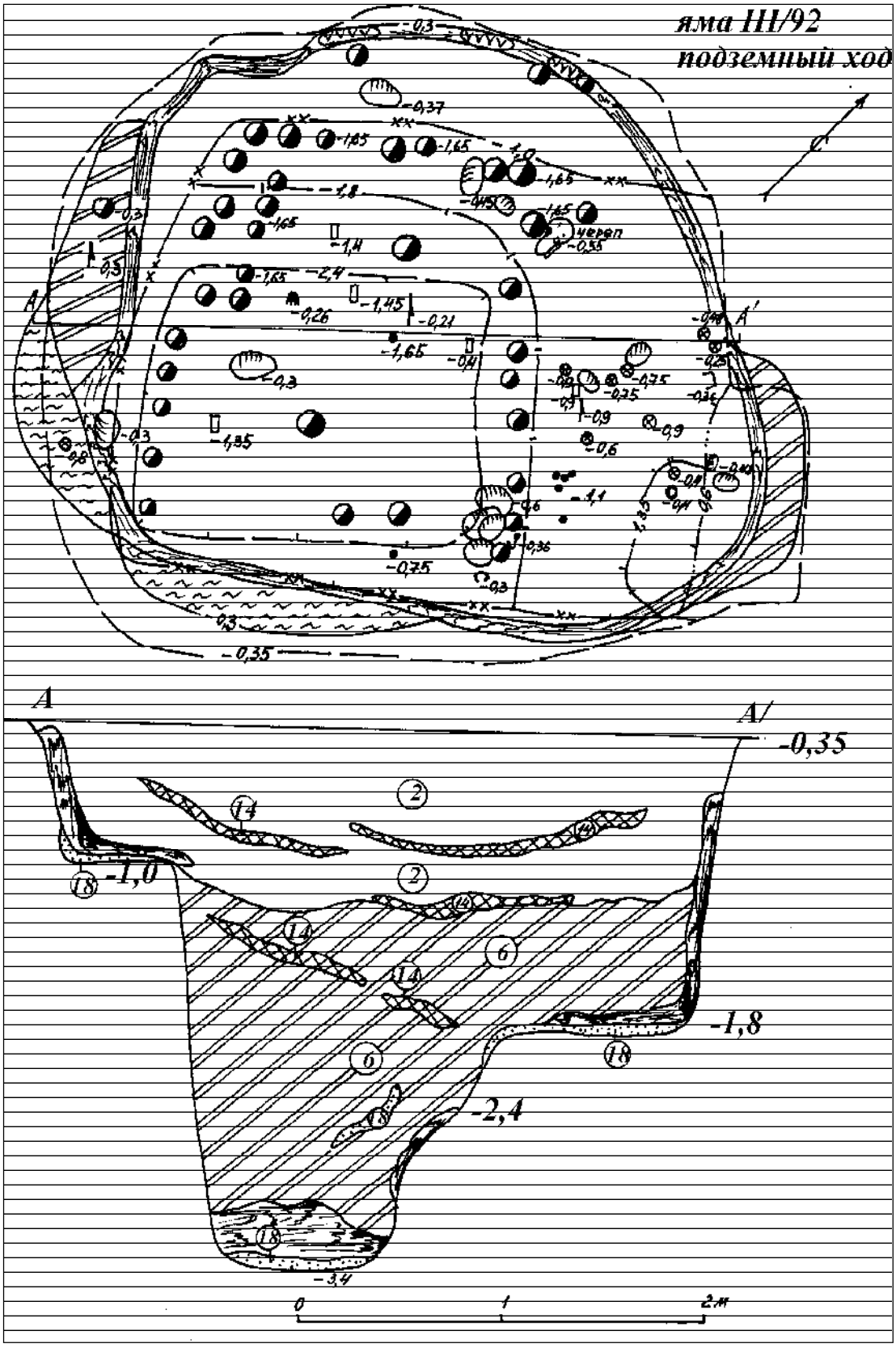

Рис.30. Яма 3-92 раскопа № V (вход в подземный ход)

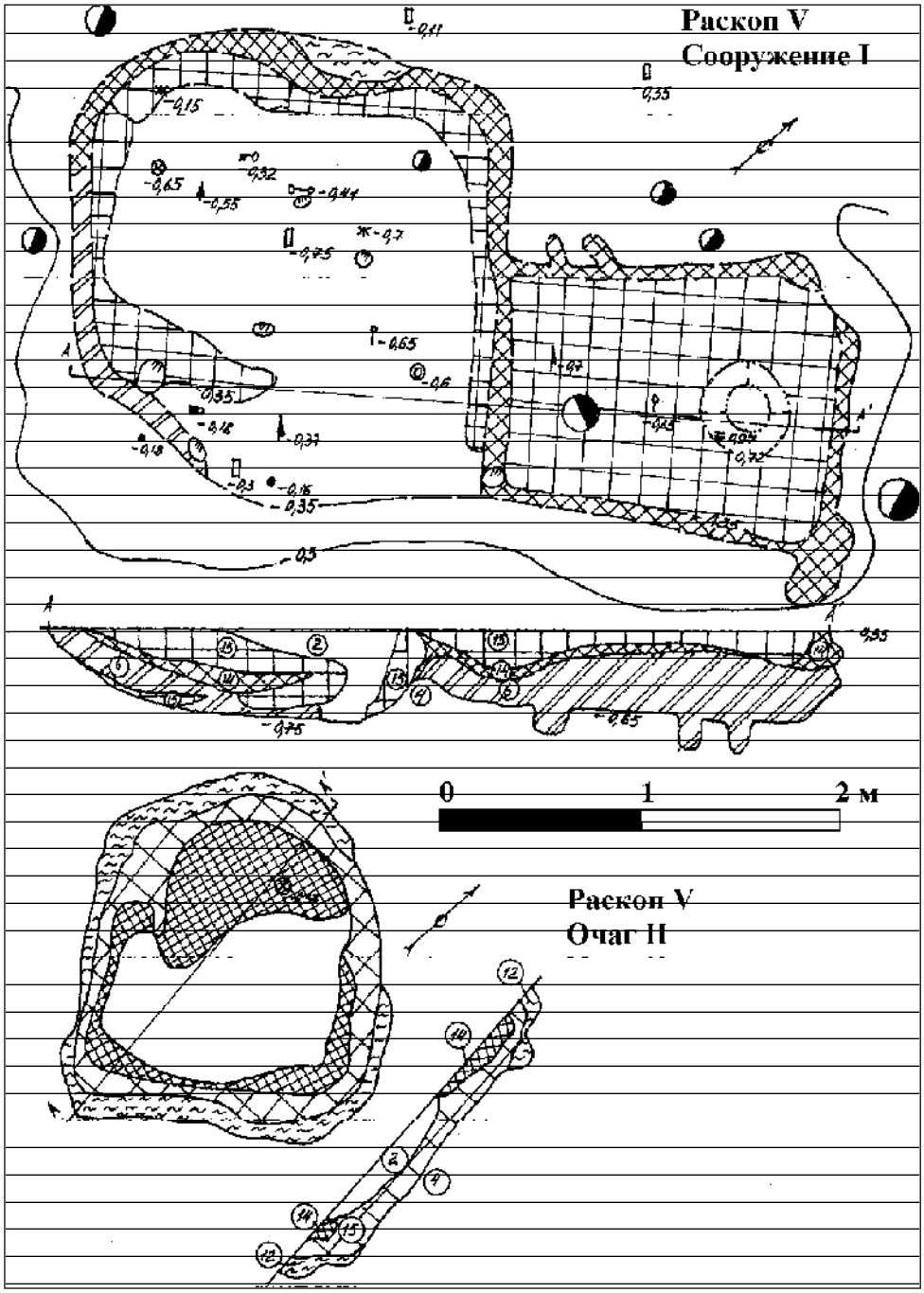

Рис.31. Сооружение 1 раскопа № V

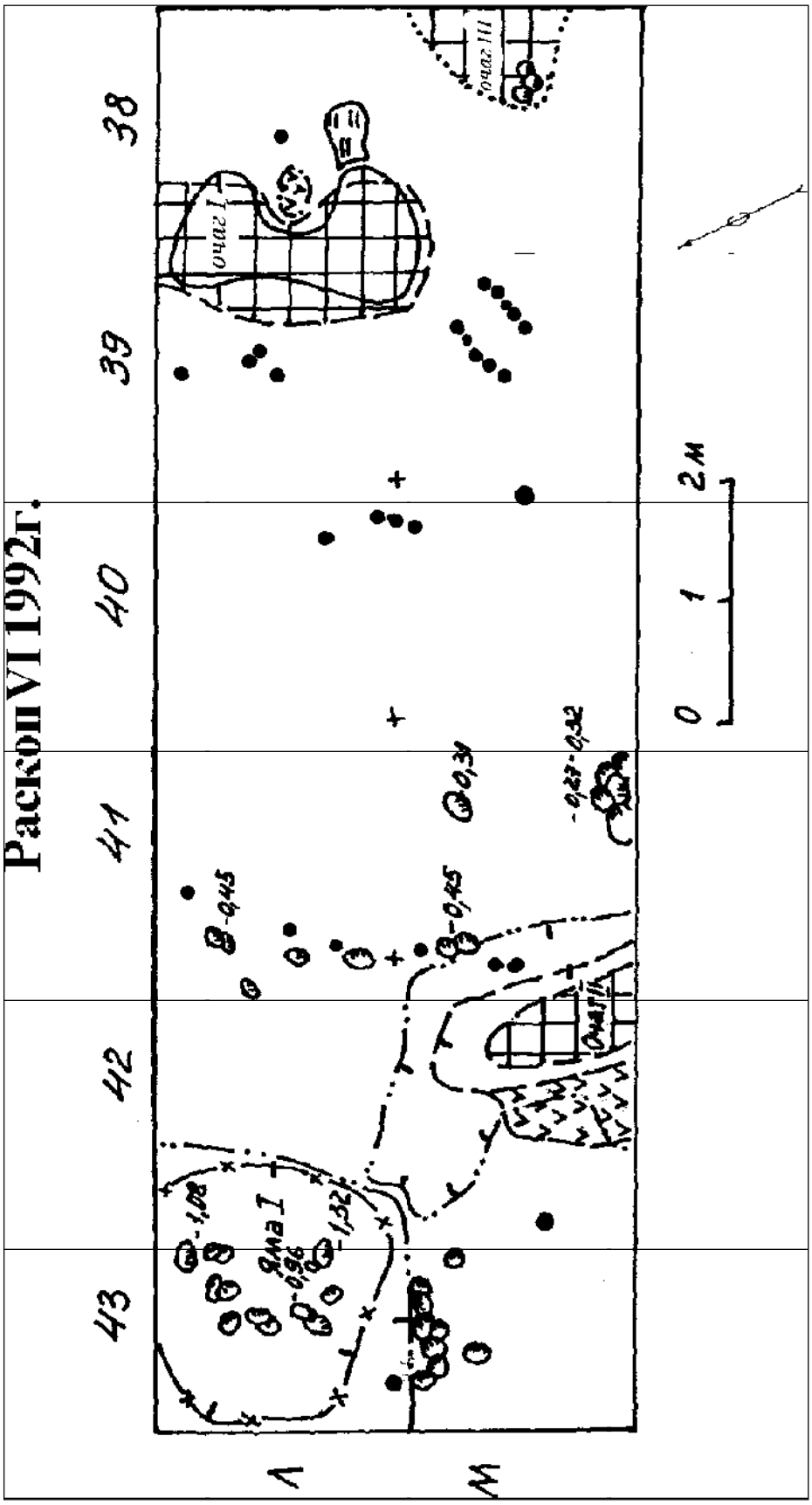

Рис.32. План раскопа № VI на Рождественском городище

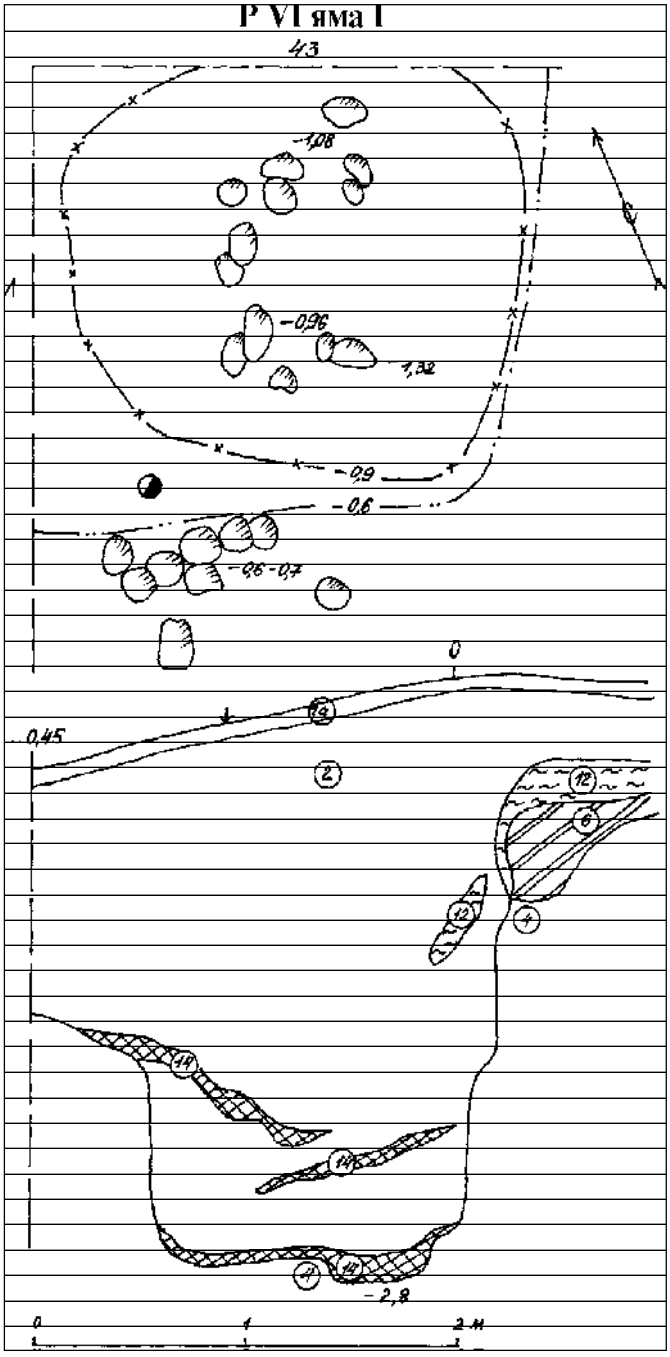

Рис.33. Яма 1-92 раскопа VI

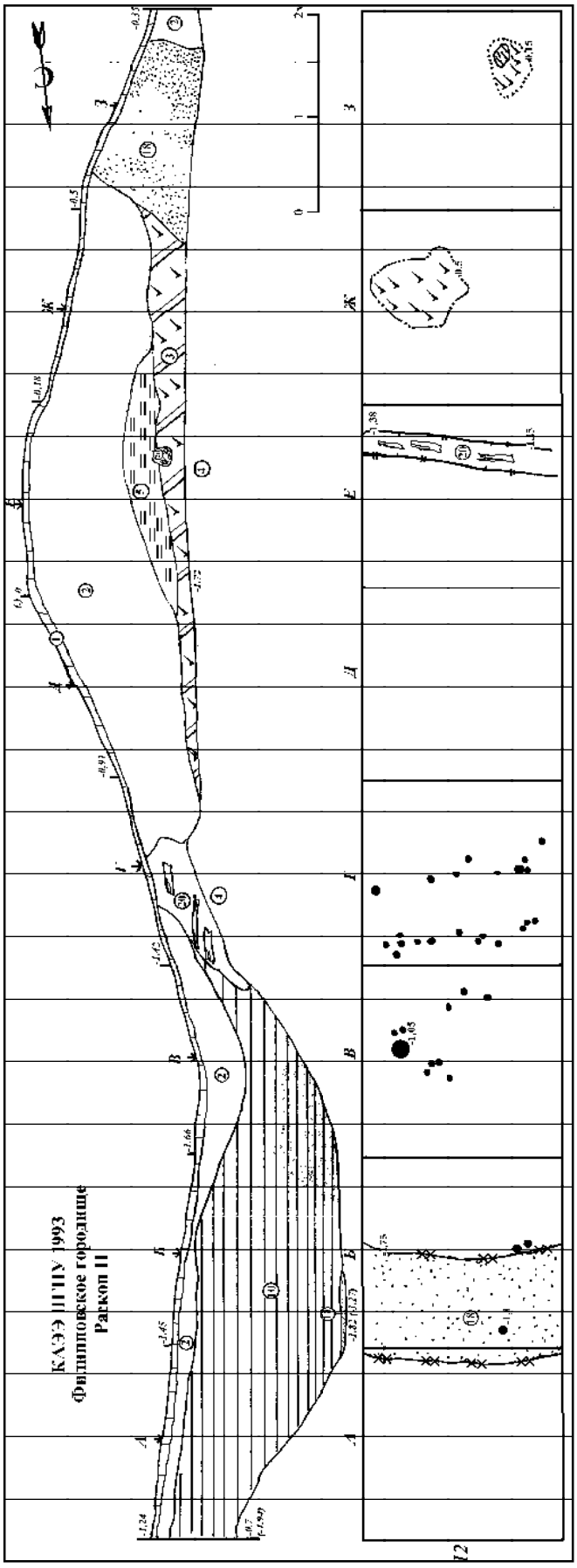

Рис.34. План и профиль раскопа № II на Филипповском городище

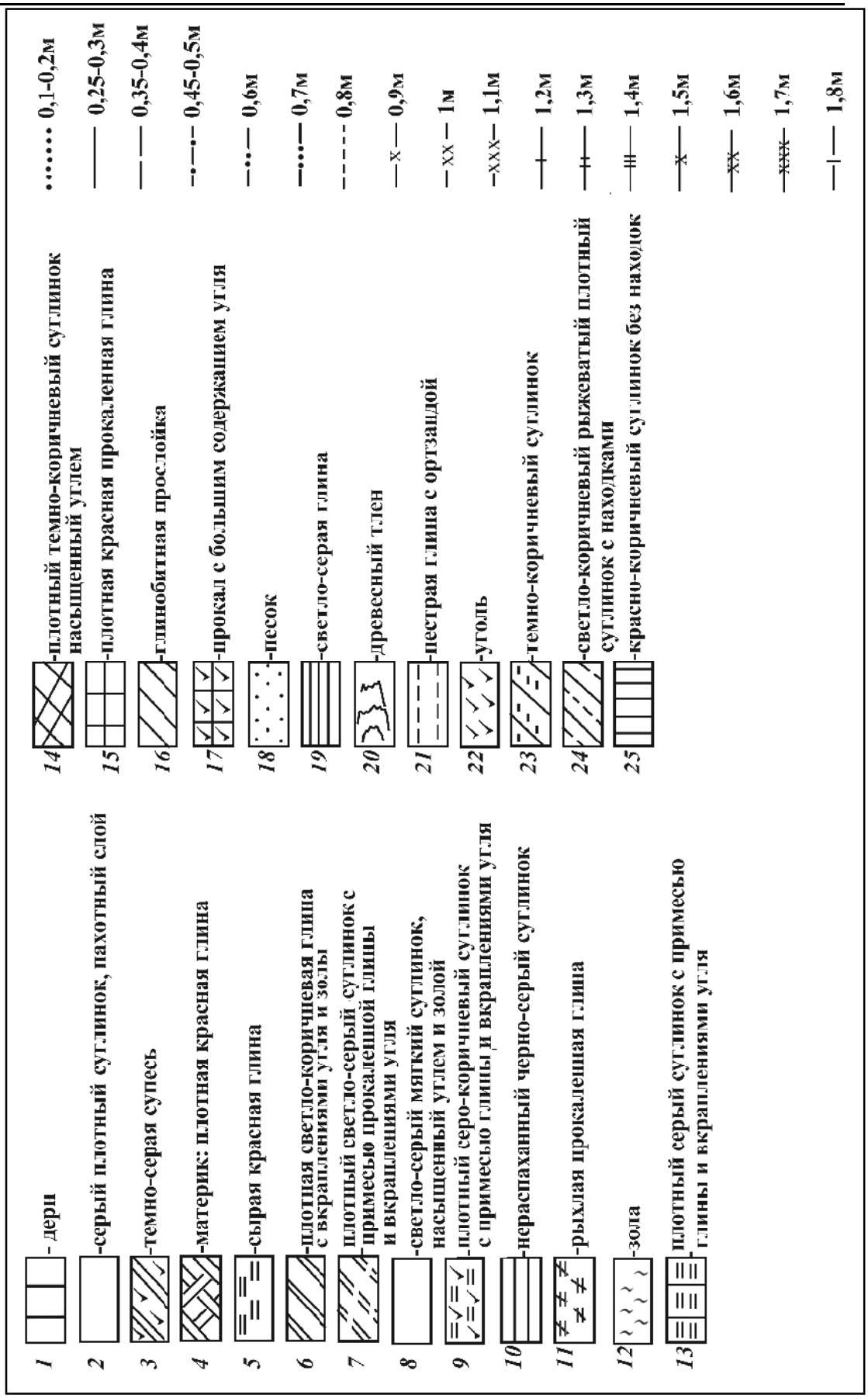

Рис. 35. Условные обозначения

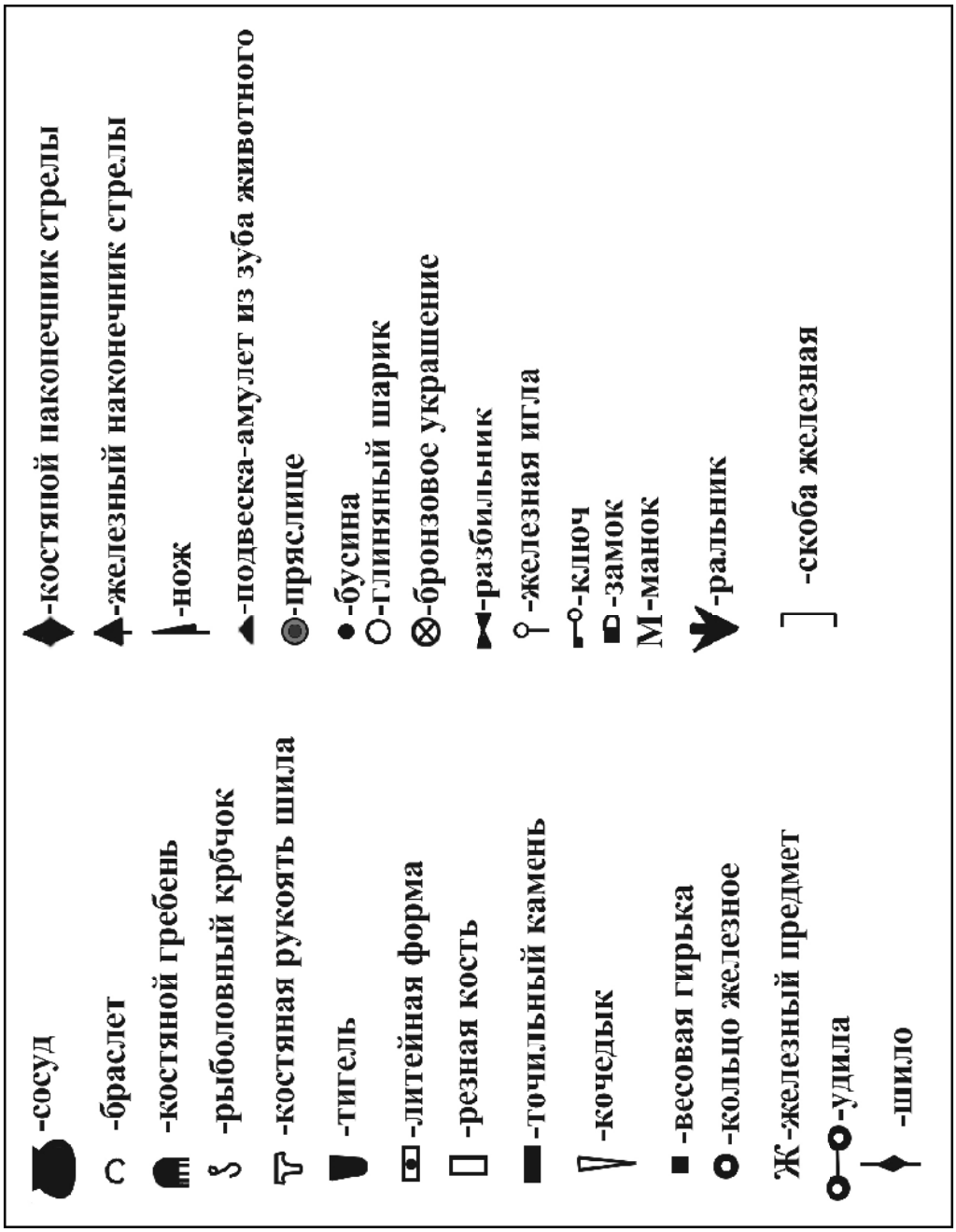

Рис.36. Условные обозначения

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В древности Рождественское и Филипповское городища составляли единую оборонительную систему Рождественского археологического комплекса. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина, укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии [Губайдуллин 2002, с.29]. Все памятники такого типа в Волжской Булгарии относятся к домонгольскому периоду, их оборонительные конструкции в достаточно большой степени подчинены рельефу местности. Следует отметить, что в Камской части Волжской Булгарии большинство укрепленных поселений относится именно к типу подчиненных рельефу местности, так же, как и большинство укрепленных поселений угорско-финского населения Предуралья.

Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки имеют Николо-Райское, Зеленовское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии. Подобная схема известна и на Руси. Так, с двух укрепленных площадок (позже известных как Кром и Средний город) начиналась история Старой Рязани, также изначально выглядели Туров, Новогрудок и другие города и городки Руси.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Оборонительная система Рождественского городища представляет собой сочетание естественного рельефа с рядом искусственных сооружений. К числу последних относится вал, который, по данным XIX в., имел в длину более 240 м, в настоящее время длина вала не превышает 200 м, его северо-западный и восточный концы сильно подрезаны для прохода на городище сельскохозяйственной техники в тех местах, где, еще по наблюдениям В.А. Волегова, с севера и востока имелись въезды на площадку. Ширина вала от 6 до 12 м в основании, высота в центральной, наиболее хорошо сохранившейся части, 3,7 м с напольной стороны и 1,8 м со стороны площадки. В древности западный и восточный концы дугообразного вала упирались в восточный "Постаноговский" и западный "Шиловский" лога. При этом западный лог имел искусственно выкопанное углубление шириной 6-8 м, которое ответвлялось от основного лога почти под прямым углом и частично охватывало северную сторону города перед валом. Этот "правильно отделанный ложчик" (по выражению Н.Н. Новокрещенных) частично наблюдается и в наши дни, хотя на большую часть своей длины он засыпан, и через него на площадку городища ведет западный проход для техники. В древности этот искусственный лог, не имеющий естественного водостока, представлял собой дополнительную часть укреплений городища, переходящую в неглубокий ров вдоль западной оконечности вала.

Восточный лог также имеет следы искусственной подрезки (эскарп) со стороны площадки городища почти на 2/3 своей длины от южного (приречного) конца. Более высокая северная часть лога, судя по его неразвитости, образовалась относительно недавно, после прекращения жизни на городище, поэтому она в верхней своей части прорезает его культурные отложения. Образование этой части лога естественное, возникшее в результате формирования здесь водостока после разрушения въезда на городище, что произошло, вероятно, пару столетий назад, когда началась распашка площадки жителями деревни Постаногово и села Рождественск. Западный склон площадки также частично эскарпирован. Вдоль края площадки, выходящей на суженную часть "Шиловского" лога, имеется небольшое (50-60 см) повышение шириной 1,5-2,5 м – следы небольшого вала или основы под какие-либо дополнительные укрепления. Следов рва практически нет, хотя перед валом с напольной стороны наблюдается небольшое понижение шириной 2-3 м. Вероятно, ров, если он и был, засыпан во время распашки полей тяжёлой техникой.

Исследование оборонительных сооружений Рождественского городища было начато в 1981 г. Ю.А. Поляковым и продолжено в 1991 г. А.М. Белавиным (цв. вкл. Б).

Ю.А. Поляковым через вал в его центре, который совпадает с максимальной высотой и шириной, была пробита траншея шириной 2 м, в 1991 г. через вал был заложен раскоп № IV шириной 4 м, который, прорезав его, выходил на напольную и предвальную части площадки, где значительно расширялся (рис.24). Это позволило изучить не только вал, но и структуру оборонительной линии в целом. В итоге оборонительные сооружения Рождественского городища в этом месте были изучены на площади 188 кв. м (рис.24).

Стратиграфия вала наглядно отражает его строительную историю (рис.25). Его поверхность покрыта слоем дерна толщиной до 10 см. Под дерном на участках Ц" и Х" залегал слой светло-коричневого плотного суглинка с примесью золы и с находками (слой №24). Мощность этого слоя до 70 см, он выклинивается в напольную сторону к северу, постепенно теряя мощность и понижаясь почти до материка за пределами гребня. Указанный слой перекрывает прослойку из красно-коричневого суглинка (слой №25) без находок мощностью до 40 см, под которой в свою очередь на участках Ц" и Х" залегал слой серого суглинка (слой №10) – культурный слой с большим содержанием угля, древесного тлена, коры и находками костей, лепной и гончарной керамики. Мощность этого слоя от 90 см до полного выклинивания на участках линии Ф".

Под этим слоем с примесью древесного тлена залегала прослойка светло-серого песка с находками костей и лепной керамики мощностью 15-20 см, которая прерывалась на участке У"слоем светло-коричневого плотного суглинка. Все описанные слои достаточно круто падают вниз, и в центре линии Т" стыкуются с материком, очерчивая, таким образом, внешний край древнего вала.

В целом пачка слоев древнего вала лежала на мощных слоях песка, пестрой глины с ортзандой и светло-серой глины, которые и составляли подушку вала первого строительного периода.

Сам вал этого строительного периода состоял из плотной утрамбованной светло-коричневой глины с вкраплением угля и золы мощностью до

90см, слоев прокаленной глины с большим содержанием угля (слой №17), плотной утрамбованной красной глины с внешней стороны – вероятно, это остатки какой-либо деревянной конструкции, располагавшейся на гребне вала. В плане вдоль этой прослойки имеется целый ряд столбовых ямок, которые укрепляли стенку из горизонтально лежащих бревен. Раскат этих сгоревших бревен диаметром 12-18 см был выявлен в основном раскопками Ю.А. Полякова, четко эта конструкция наблюдается на западной стенке его траншеи. Высота вала в древности составляла около 2,5 м, стенка, судя по остаткам сгоревших бревен, состояла из 13 бревен общей высотой более 1,9 м. Таким образом, высота вала с конструкцией с напольной стороны составляла около 4,5 метров. Следов рва нет.

После того, как вал первого строительного периода сгорел и разрушился, его сползшие в сторону площадки слои перекрыли культурный слой и мощный слой золы, образовавшийся от сгорания каких-либо построек, примыкавших к валу со стороны площадки городища. Вероятно, древний вал был сооружен не ранее X в., о чем можно судить по находкам лепной керамики и отдельных вещей в слое светло-серого песка, лежавшего на предматерике, а разрушен в конце XI — нач. XII в., о чем говорят находки общебулгарской керамики, украшений, бус, встреченные в культурном слое и в слое золы, перекрытых разрушенным и расползшимся валом. Во внешнем слое темно-коричневого суглинка (слой №23) найден бронебойный наконечник стрелы, свидетельствующий о вооруженном конфликте, который мог послужить причиной разрушения вала.

Древний вал перекрыт слоем плотной сухой темно-коричневой глины без находок. Мощность этого слоя до 1,5 м. Данный слой составляет внешнюю часть нового вала, насыпанную после того, как первый вал пришел в негодность. Слой этой глины на линии Т"стыкуется с материком.

С севера слой глины перекрывается слоем рыхлой темно-серой супеси, насыщенной находками, который на границе между линиями У" и Т" имеет толщину 20 см, а у северной стенки раскопа доходит до 126 см. Этот слой является одним из основных культурных слоев как на площадке городища, так и на территории неукрепленного посада в предвальной части. Местами его прорезают горизонтальные прослойки серого и светло-серого мелкого песка с находками. Мощность этих прослоек от 5 до 15 см.

На линии С" у стыка слоя сухой темно-коричневой глины из подсыпки вала и материка имеется линза черно-серого рыхлого суглинка с находками керамики и железных предметов.

Ров как таковой отсутствует, хотя во время сооружения вала второго строительного периода перед ним образовалась выемка шириной 2-3 м и глубиной 80-90 см, из которой была взята часть глины, пошедшей на его сооружение. По гребню этого вала наблюдаются остатки изгороди типа частокола, который, вероятно, был переплетен жердями и забутован глиной. В пользу такой версии говорят остатки древесного тлена и коры в верхней части глиняной насыпи.

Второй строительный период приходится на XII в., когда сгоревший первый вал был частично подрезан с внутренней стороны, а с внешней стороны перекрыт мощным слоем глины, которая подверглась трамбовке, о чем свидетельствует ее плотность. Мощность отложений вала вместе со второй подсыпкой от его гребня до материка в высшей точке составляет

более 2,5 м, а с учетом возможной высоты частокола и глубины рва от выемки глины — около 5 м. В пользу XII в., как даты сооружения вала, свидетельствуют и находки красноглиняной болгарской керамики в линзе темно-коричневого рыхлого суглинка на стыке второй подсыпки и материка.

Второй вал после его сооружения имел вполне величественный вид, хотя его оборонительные свойства, вероятно, были невысокими. Уже в конце XII – нач. XIII в. вал перестал использоваться как основное оборонительное сооружение, и его внешняя сторона была прикрыта культурным слоем, который продолжался на "посадской" стороне городища.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ФИЛИППОВСКОГО ГОРОДИЩА

Оборонительные сооружения Филипповского городища не подвергались широким раскопкам, однако даже их современный внешний вид заставляет согласиться с мнением капитана Н.П. Рычкова, который считал, что здесь "был замок древнего селения". Мощь и красоту валов Филипповского городища не раз описывали очевидцы: Теплоуховы, Н.Н. Новокрещенных и иные исследователи.

Современное состояние несколько, хотя и не сильно, отличается от того, что наблюдали здесь в XVIII — нач. XX века.

Длина сохранившегося вала 35 м, южная часть вала и рва разрушена и разровнена бульдозером для проезда на площадку городища сельскохозяйственной техники. Ширина вала в основании от 8 до 14 м, высота со стороны площадки 2,5-3,5 м. Перед валом расположен ров шириной 3-5 м, глубиной от 0,8 до 1,7 м. В центре вал имеет проход шириной 2,5 м, который прорезает его на всю ширину (цв. вкл. А). Это т. н. "ворота", которые описывали все, кто осматривал городище. Края прохода на верхушке вала сегодня имеют небольшие холмообразные возвышения, а северо-восточный край — круглую насыпь, поднимающуюся на высоту более 1 м на вершиной вала – т. н. земляную "башню" описываемую Н.Н. Кривощековым. С этого возвышения прекрасно просматривается и простреливается большая часть Рождественского городища (чему, правда, мешают современные деревья), а также вал и искусственный лог, укрепляющий его западную часть. Поражают акустические свойства каменистого Шиловского лога. На площадке Филипповского городища через лог, как через естественный резонатор, прослушиваются разговоры, ведущиеся на западной части площадки Рождественского городища. Таким образом, в древности между двумя городищами существовала не только зрительная, но и звуковая связь.

С юго-западной оконечности вала Филипповского городища просматривается на 4-5 км коренной левый берег р. Обвы как вдоль берега, так и вглубь, а также весьма широкие просторы правобережной поймы р. Обвы и её течение на протяжении нескольких поворотов. Вероятно, в древности Филипповское городище играло ключевую роль в обороне "кассабы Афкулы", служа своеобразным убежищем для жителей. Может быть, в силу именно такого назначения культурный слой городища был весьма тонок, что отмечали еще Н.П. Рычков и Н.Н. Новокрещенных, и был легко уничтожен при строительстве, а потом и при ликвидации двух силосных траншей,

размещавшихся на площадке этого городища с 1950-х по 1960-е годы.

Еще Н.П. Рычков и А.Е. Теплоухов описывали Филипповское и Рождественское городища как две части единого памятника, разделенные Шиловским логом. В 1990 г. нами при осмотре свежей пашни перед Филипповским городищем во рву и перед ним были найдены фрагменты лепной средневековой и красноглиняной булгарской керамики, лепная керамика найдена также на осыпающихся краях городища. В 1990 г. на Филипповском городище был исследован раскопками небольшой участок площадки городища, примыкавший к валу у восточного края "ворот". Среди невыразительных материалов, собранных на нем, был найден железный бронебойный наконечник стрелы с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний (тип 91), датирующийся X-XIV веками. Все эти находки позволяют синхронизировать Филипповское городище с Рождественским и считать мнение А.Е. Теплоухова о единстве двух этих городищ справедливым.

Филипповское городище играло роль кремля или цитадели, с площадкой Рождественского городища оно могло быть соединено навесным мостом, который можно было легко удалить в момент опасности. Площадка Филипповского городища возвышена над уровнем площадки Рождественского городища, это давало возможность простреливать последнюю в случае необходимости из лука, визуально контролировать все происходящее на ней.

В 1993 г. Н.Б. Крыласовой изучались оборонительные сооружения Филипповского городища. С этой целью через вал и ров был протянут раскоп шириной в одну линию (2 м) в юго-западной оконечности вала, где он разрушен колхозниками (рис.34). Фактически это были зачистка разрушенного вала и раскоп рва. Раскоп 1993 г., получивший № 2, занимал участки А-3/12 условной сетки раскопок памятника, составленной в 1990 году. Замер перепада высот показал невысокий вал и относительно мелкий ров, что вызвано нарушениями сооружений на этом участке тяжелой сельскохозяйственной техникой. Нулевой точкой был выбран северо-восточный угол участка Е-12 — самой высокой части вала на раскопе. Перепад высот в центре рва составил 166 см, перепад высоты вала с площадкой городища в этом месте равен 135 см. В 10 м восточнее, где кончается зона нарушений, перепад высоты вала и рва составляет более 3,5 м, а площадки и вала около 2,5 м.

Стратиграфия разреза вала и рва следующая:

1 — слой дерна мощностью 8-12 см.

2 — под слоем дерна на всем разрезе залегал слой темно-коричневого суглинка, мощностью от 14 до 105 см на гребне вала и его передней (северной) стенке (участки Ж, Д, Е). На участках А, Б, В этот слой образовался в результате сноса вершины вала техникой, при засыпке рва для прохода скота на выпасы, расположенные на площадке городища.

3 — на участках А, Б, В (ров) под слоем №2 залегал слой компоста из частично перегнивших трав и соломы. Мощность слоя компоста до 160 см, он заполняет собой всю ширину и глубину рва и образовался, вероятно, при чистках силосных ям, ранее находившихся на городище. Этот слой на данном участке залегает непосредственно на материке.

4 — на участке Г под слоем № 2 залегал слой коричневого суглинка с высоким содержанием древесного тлена и мелких угольков. Ближе к участку Д этот слой как бы утолщался, и образовывал почти вертикальное повышение. На разрезе по восточной стенке этот слой заметен как выпуклая

линза с почти вертикальным южным краем. Возможно, что он свидетельствует о каких-либо деревянных устройствах с внешней стороны вала. Мощность этого слоя от 25 до 54 см.

5 — на участке Б и частично на Д и Ж на глубине от 104 до 140 см залегала линза рыхлой материковой красно-коричневой глины шириной в основании до 206 см.

6 — по участкам Д, Е, Ж слои № 2 и 5 подстилались слоем рыхлой темно-коричневой супеси, который на участке Ж имел мощность до 44 см, и постепенно выклинивался к участку Г. Под этим слоем лежал собственно материк.

7 — на квадрате 3 все слои прерывались и замещались плотной песчаной насыпью, которая залегала от дерна до материка, и имела мощность до 100 см, далее к югу вновь продолжался слой №2. Тонкая линза песка прослежена на границе компоста и материка на участке В, где она свидетельствует о протекании здесь воды, такие отложения характерны для донных отложений сезонных ручьев на местах водосброса. На плане раскопа четко видно дно этого ручья, текшего по дну рва, до его заполнения компостом.

8 — на участке Е на глубине от 125 до 138 см между слоем материковой глины и коричневой супеси имелась прямоугольная в разрезе канавка, пересекающая в плане весь квадрат. Канавка заполнена материковой рыхлой глиной вперемежку с древесным тленом, что напоминает сгнившую деревянную конструкцию.

9 — материк — красно-коричневая плотная глина.

На участках рва и северного склона вала наблюдалось много столбовых ямок и ямок от тонких колышков. Они фиксировались на уровне материкового слоя как более светлые четко очерченные пятна.

Диаметр столбовых ямок от 10 до 16 см, они имели вытянуто-конусовидный разрез. Диаметр ямок от колышков 8-10 см. Ямки от колышков образуют три линии, протянувшиеся поперек участков Г и В. Вероятно, это следы укреплений типа частокола или плетня. Здесь же имеются углистые пятна, фиксирующиеся на фоне материка. Интересна аналогия этой системе, выявленная при изучении оборонительной системы домонгольского Булгара на Волге, где также на внешнем склоне вала выявлены параллельные ряды кольев. ЮА. Краснов склонен считать их следами кольев, поддерживавших какие-то конструкции, укреплявшие склоны вала и рва от осыпания [Краснов 1987а, с.103]. В нашем случае склоны вала Филипповского городища таким же образом защищались от оползания в ров.

В других частях раскопа помимо уже упоминавшейся канавки, протянувшейся поперек участка Е, на квадрате Ж на глубине 50 см наблюдалось углистое пятно мощностью до 5 см. Еще одно такое же пятно и следы обожженной глины обнаружены на глубине 15 см в юго-западном углу раскопа.

Таким образом, нами зафиксирован один строительный ярус оборонительных сооружений Филипповского городища. Безусловно, больший интерес представляли бы раскопки в центральной части вала, вскрытие т. н. "ворот" и башни, однако описываемые работы были необходимы с охранной точки зрения, тогда как остальные части вала городища пребывают в нормальном состоянии.

Каких-либо разнообразных культурных останков на городище не найдено, за исключением нескольких мелких фрагментов керамики с примесью раковины в тесте, обнаруженных в углистых пятнах, а также бронебойного с боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения наконечника стрелы, его длина 77 мм, длина головки 26 мм, ширина 12 мм, черешок в сечении круглый. Подобные наконечники датируются X-XIV вв., что позволяет синхронизировать Филипповское городище с Рождественским. Кроме того, в компосте, заполняющем ров, найдено два аморфных окисленных железных предмета и несколько фрагментов гончарной русской поливной посуды XIX-XX веков.

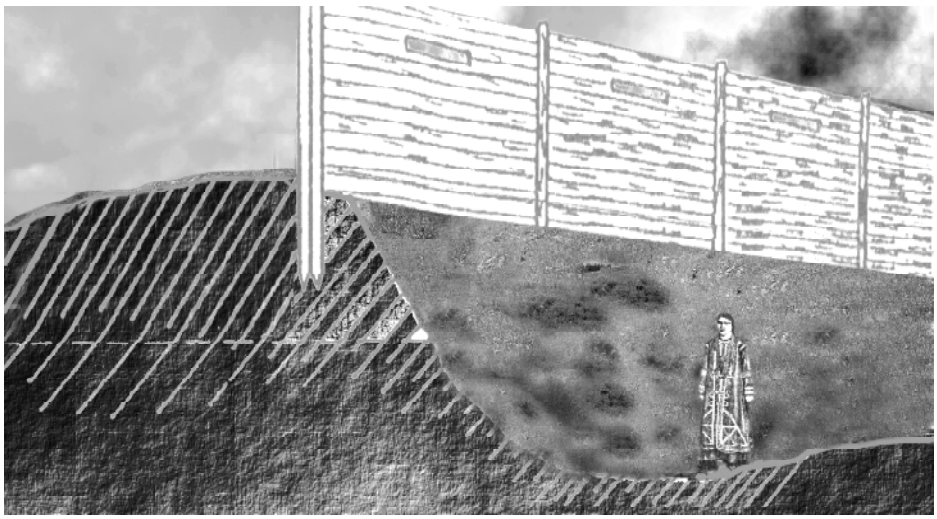

Рис.37. Возможный вариант реконструкции вала и стены столбовой конструкции на нем Рождественское городище

НЕКРОПОЛИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Возле Рождественского городища расположен некрополь, который, как выяснилось в ходе исследований, занимал три мыса коренной террасы, примыкающих с востока к городищу. Значительная часть могильника разрушена хозяйственной деятельностью жителей д. Постаногово. Сохранились лишь участки могильника, располагавшиеся на краю оврагов.

Могильник состоит из мусульманской и языческой частей, которые, по сути, представляют собой отдельные кладбища. В силу этого он вызывает повышенный интерес, так как свидетельствует о двукомпонентности населения Рождественского городища, что подтверждается и материалами раскопок городища.

Долгое время могильник считался полностью разрушенным. В 1990 г. были предприняты целенаправленные поиски остатков могильника, которые увенчались успехом. В обнажении берега р. Обвы были обнаружены остатки костяка (погр.№16), а на тропинке, ведущей с площадки памятника в распадок, — бронзовая пронизка-барашек (находчик А. Шилов). На месте этих находок были заложены раскопы I (у края распадка) и II (на мысу, примыкающем к городищу (цв. вкл. В)). Кроме этого, примерно на равном расстоянии от указанных раскопов был заложен раскоп III площадью 40 кв. м, который не дал никакого материала.Первоначально предполагалось, что в данной части памятника все погребения уничтожены д. Постаноговой [Крыласова 1991, с.13]. Однако последующие наблюдения показали, что мусульманский и языческий могильники представляют собой разные памятники, разделенные топографически, раскоп III располагался в промежутке между ними, поэтому неудивительно, что он оказался пустым.

Всего на площади могильника в 1990-1993, 1997 гг. было заложено пять раскопов в разных частях площадки. На раскопах II и IV, расположенных на краю мыса, примыкающего к восточному краю городища, изучены погребения с сохранившимися костяками, но практически не содержавшие сопровождающего инвентаря. Судя по ориентировке и особенностям положения костяков, захоронения здесь произведены по мусульманскому обряду. Раскоп I, общая площадь которого составила 560 кв. м, содержал языческие погребения с богатым инвентарем, датирующиеся второй половиной X – первой половиной XI века.

В 1997 г. на поле к северу от оконечности распадка были обнаружены многочисленные предметы (бронзовые украшения, бусы, железные предметы), датирующиеся более поздним временем, чем материалы раскопаI. Здесь был заложен небольшой раскоп V площадью 20 кв. м (рис.52), погребений на котором зафиксировать не удалось — встречены лишь разрозненные человеческие кости, но обнаруженные в раскопе предметы (кресала, украшения) позволили ориентировочно датировать данную часть памятника концом XI – нач. XIV века. Площадь языческого могильника составляет, таким образом, более 18 тыс. кв. м — вероятно, это один из самых крупных средневековых моглильников в Предуралье. С учетом средней площади каждого изученного погребального комплекса — 5,28 кв. м

можно предполагать, что в языческом некрополе Рождественского археологического комплекса имеется около 3,5 тысяч захоронений.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Прежде чем обратиться к характеристике мусульманских погребений Рождественского некрополя, резонно четко определить признаки, которые мы, вслед за Е.А. Халиковой, Ф.Ш. Хузиным, Р.Ф. Шарифуллиным и другими исследователями мусульманских захоронений Волго-Камья, считаем типичными для погребений по мусульманскому погребальному ритуалу. В Волжской Болгарии этот ритуал имел некоторые особенности, связанные с разным уровнем усвоения канонов ислама на разных этапах существования государства и с притоком населения из других частей исламского мира. Археологически наиболее четко улавливаются такие черты мусульманского обряда, как конструкция могилы, наличие или отсутствие гроба, положение тела покойного, погребальный инвентарь. Судя по выводам Е.А. Халиковой, для Волжской Болгарии домонгольского времени наиболее выраженными (археологически) чертами мусульманского погребального ритуала были следующие. Во-первых, положение покойного лицом к кыбле (к Мекке), что в широтных характеристиках Волго-Камья и Предуралья выражается в ориентации погребенного головой на запад с отклонениями на С или Ю, положением туловища с поворотом на правый бок и разворотом головы лицом вправо к югу. Отклонения от такой ориентации могут достигать 20-30 градусов, вследствие несовершенства географических измерений или погрешностями астрономического инструментария. Поворот туловища, по наблюдению Е.А. Халиковой, может быть явным или весьма легким [Халикова 1986, с.45-46], при этом он определяется общим положением костяка "на спине", слегка согнутыми ногами (иногда согнута одна левая), стопы могут быть слегка повернуты вправо, правая рука вытянута вдоль тела, её кисть может лежать на тазовой области, или рука может быть согнута в локте и лежать на груди, левая рука смещена вправо, её предплечье может лежать на ребрах грудины, а кисть на тазовой области, в области живота, либо на кисти правой руки, рука может быть согнута в локте, руки могут быть перекрещены на груди или в области таза. Положение рук не зависит от пола, возраста и принадлежности погребенного к какому либо течению ислама. Разнообразие положений особенно характерно для мусульманских кладбищ Волжской Болгарии первой половины и середины домонгольского периода (X-XII вв.). Именно легкий поворот на правый бок стал обычной позой в мусульманских некрополях Болгарии домонгольского времени [Халикова 1986, с.58]. Положение покойного на правом боку предусмотрено канонами ислама и должно рассматриваться археологами Волго-Камья, анализирующими аборигенные могильники X-XV вв., как возможное влияние исламских канонов, а не как черта, присущая языческому ритуалу или его пережиткам. Вообще соблюдение кыблы в большинстве погребений является самым типичным признаком мусульманских некрополей. Во-вторых, по канону запрещается класть с покойным какие-либо сопровождающие вещи, кроме савана. Однако и это требование ислама имело в Болгарии свои особенности. В соответствии с каноном, без

савана в своей одежде могли быть погребены воины ("меч освобождает от омовения"), мученики за веру, в том числе, путешественники в дороге и погибшие на чужбине, когда нет возможности провести каноническое омовение и закутывание в саван. Но даже в этих случаях в могилах не должно быть ничего, кроме одежды, заменившей саван, с которой срезаны (по возможности) все украшения. Однако такие отступления привели к тому, что в ряде мусульманских погребений Болгарии домонгольского времени встречены пряжки, застежки, привески и другие детали костюма. Кроме того, определенные отступления могла позволить себе знать, в первую очередь, недавно мусульманизированная и, в силу этого, еще позволяющая себе отступать от ортодоксальных норм. Примером такого рода могут служить ранние погребения знати IV мусульманского Билярского могильника, в которых встречены отдельные парадные золотые вещи [Шарифуллин 1984, рис.6, с.81]. Детали костюма и украшения встречаются на мусульманских кладбищах домонгольской и ордынской Болгарии и в засыпях погребений. Еще одной особенностью является общая волжско-болгарская традиция хоронить в относительно неглубоких ямах, что особенно характерно для конца X-XII веков. Примечательна и топография могильников. Как правило, они располагались либо на территории поселений (городов), где находились между валами оборонительных укреплений, либо примыкали к внешним стенам укрепленных поселений.

Наличие других признаков мусульманского обряда, по мнению большинства исследователей, для Волго-Камья не обязательно, хотя и встречается. К числу этих признаков относятся: глубокая могила с ляхдом-подбоем, обращенным в сторону кыблы; стенки из сырцового кирпича, отделяющие ляхд от могильной ямы; наличие гроба (в случае отсутствия ляхда); при отсутствии ляхда и гроба в могиле могут иметься заплечики для укладки помоста, отделяющего покойника от земляной засыпи. Приведенные здесь описания волжско-болграского мусульманского погребального обряда могут служить маркером для определения не только собственно мусульманских погребений Волго-Камья, но и определителем мусульманского влияния на языческий ритуал аборигенных племен.

Ограничившись этими замечаниями и зная признаки мусульманского погребального обряда, перейдем к рассмотрению тех погребений Рождественского могильника, которые считаем мусульманскими.

* * *

Первые раскопки на территории могильника были произведены в августе 1897 г. Н.Н. Новокрещенных. Исследователи конца XIX в. предполагали наличие возле Рождественского городища исключительно языческого могильника, погребения которого, по их мнению, содержали массу богатого инвентаря. В своем отчете о раскопках Рождественского комплекса в 1897 г. Н.Н. Новокрещенных упоминает, что "случайные находки попадали около домов д. Постаноговой, около гумна и масса разной бронзы по за валу с СВ стороны и с северной. По моим догадкам богатые погребения именно там и были, а дальше от городища – беднота, где находок никто не находил" [Новокрещенных 1898, л.13].

В качестве места для исследования могильника Н.Н. Новокрещенных

выбрал площадку у гумна, на основании того, что "рабочие говорили, что когда копали яму для гумна, то нашли костяк. Гумно около вала. Около него я пробил узкую поверхностную полосу, но ничего не нашел" [Новокрещенных 1898, л.13].

Раскоп, заложенный южнее гумна д. Постаногово, непосредственно у Постаноговского лога, отделяющего данную площадку, покатую к р. Обве, от Рождественского городища, оказался более интересным. Здесь было изучено 12 погребений [Новокрещенных 1901, с.115-116].

Погребения, вскрытые Н.Н. Новокрещенных, представляли собой неглубокие (40-50 см) узкие могилы, в которых зафиксированы костяки "лежащие на спине," слегка повернутые на правый бок. Костяки ориентированы головой на запад. Левая рука в 8 случаях согнута в локте и "лежит на бедре", правая — вдоль костяка или слегка согнута ("удалена вправо" по Новокрещенных), три костяка Новокрещенных назвал "скорченными" с подогнутыми ногами [Новокрещенных 1901, с.115], что соответствует положению погребенного "на правом боку", черепа развернуты вправо, т. е. на юг, в сторону Мекки. В четырех погребениях найдены железные изделия, которые Новокрещенных назвал крючками, однако, как показали наши дальнейшие исследования, это были гвозди-костыли, которые, в частности, в Волжской Булгарии применялись для изготовления гробовищ [Халикова 1976, с.39-59].

Н.Н. Новокрещенных, с одной стороны, несомненно, был расстроен тем обстоятельством, что он обнаружил совершенно безынвентарные погребения. В частности, по поводу погребения №1 он сделал запись в отчете: "Ни в голове, ни в ногах ничего не оказалось. Ни золы, ни углей — точно голый был положен прямо в глину" [Новокрещенных 1898, л.11]. Но, с другой стороны, он отмечал, что в случае обнаружения богатых захоронений могильник был бы тут же разграблен местными жителями [Новокрещенных 1898, л.13].

Эти погребения вскоре получили точную оценку. А.А. Спицын в "Сводке сведений о древностях Пермской губернии" оставляет такую запись: "...12 таких же (мусульманских) погребений вскрыл Н.Н.Новокрещенных у Рождественского городища: лежат головой на З, на правом боку, в головах у каждого по гвоздю" [Спицын 1901, л.77].

В 1949 г. могильник был осмотрен В.А. Обориным и В.П. Денисовым и был сочтен полностью разрушенным. Материалы могильника, собранные в разные годы, были опубликованы В.А. Обориным, который датировал могильник VII-XIV вв., отнес его к ломоватовской и родановской культурам, а погребения, вскрытые Н.Н. Новокрещенных, определил как безынвентарные погребения бедных общинников [Оборин 1953, с.168-180]. Но позднее В.А. Оборин признал, что на Рождественском могильнике ряд погребений совершен по болгарскому мусульманскому обряду [Оборин 1999, с. 291].

В 1990 г. экспедицией ПГПУ под руководством Н.Б. Крыласовой могильник был вновь обнаружен, и в 1990-1993 гг. проводились его раскопки.

Мусульманская часть Рождественского могильника занимала мыс коренной террасы, непосредственно примыкавший к восточным оборонительным сооружениям городища (рис.1). Между площадкой городища и могильником находится глубокий овраг (Постаноговский лог) со следами искусственной подрезки. Расположение некрополей непосредственно у городских укреп-

лений, как уже указывалось, характерно для многих домонгольских мусульманских могильников Волжской Булгарии. Раскоп Н.Н. Новокрещенных находился у западного склона мыса возле гумна, площадка которого была зафиксирована в 1990 году. Здесь в 1990-1991 гг. было заложено два раскопа (рис. 38) на краю мыса, обращенном к реке. На площади этих раскопов обнаружено 11 погребений. Всего, таким образом, в данной части могильника изучено 23 захоронения. Часть вскрытых погребений оказались нарушенными в результате оползания склона.

Все изученные здесь погребения можно классифицировать по двум группам: полные захоронения (69%) и неполные захоронения (31%).

Группа 1 – ПОЛНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ (рис.39).

Очертания могильных ям прослеживались крайне плохо, что объясняется распашкой территории могильника в период функционирования д. Постаногово. Костяки лежали на слое красной материковой глины, на глубине 0,45-0,75 м от поверхности. Ориентировались они головой на запад, черепа были развернуты лицевой частью к югу. Только в погребении №32 (нумерация погребений на могильнике сплошная, с учетом погребений родановской части) костяк лежал лицом вверх, возможно, в результате того, что затылочная часть черепа была пробита — это ранение, вероятно, и являлось причиной смерти погребенного. Костяки расположены в соответствии с позой погребенного "лежащие на спине", ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни (что зафиксировано в трех случаях) развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза (рис.39). Такая поза погребенного соответствует описанной выше кыбле.

Следов дерева от погребальных конструкций не зафиксировано. Однако в 6 погребениях встречены железные "Г-образные" гвозди (рис.41/5), которые Н.Н. Новокрещенных в своем опубликованном отчете именует "крючками". Гвозди представляли собой узкие длинные треугольные пластины длиной 5-7 см с загибом в 1-2 см у основания. Такой тип гвоздей широко применялся в Волжской Булгарии в середине — второй половине домонгольского периода (конец XI-XIII вв.) для сколачивания гробовищ [Халикова 1986, рис.17].

Группа 2 – НЕПОЛНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ (рис.40), включает погребения черепов и захоронения костей черепа и нижних конечностей.

Первое из таких погребений описал Н.Н.Новокрещенных: (погр. №10) — на глубине 10-12 вершков (45-55 см. — Н.К.) найден череп без каких-либо других частей скелета. "Точно констатировано, что была положена одна голова, нижняя челюсть лежала боком в правую сторону, теменем на запад" [Новокрещенных 1898, л.11]. Таким образом, череп был повернут лицевой частью к югу.

В 1990 г. были обнаружены еще два аналогичных погребения (№ 18 и 19). Они находились на расстоянии 20 см друг от друга и были ориентированы лицом к югу. Причем черепа располагались в вертикальном положении (рис.40/к).

Погребения № 30 и 33 представлены костями черепа и фрагментами костей ног (рис.40/з-и). Черепа в этих погребениях располагались, как и во всех других случаях, с соблюдением кыблы. Сразу же к востоку от черепа находились кости ног. Погребение №30 практически единственное, где наблюдаются четкие очертания могильной ямы в виде темного пятна пра-

вильной прямоугольной формы размерами 1,50 х 0,55 м, следов позднего перекопа нет. Обращают на себя внимание небольшие размеры погребения. Погребение №33 также достигает в длину только 1,25 м. Нет никаких оснований предполагать, что остальные кости в погребении просто истлели. Такие неполные захоронения могли быть связаны с существовавшей у болгар традицией, о которой упоминал Ибн-Фадлан: "И если увидят они человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: "Этот более всего достоин служить нашему господину". Итак они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают на дерево, пока он не распадется на куски" [Крыласова, Белавин, Ленц 2002, с.112]. Вероятно, после этого труп предавался земле, и неполные погребения, обнаруженные на Рождественском могильнике, — результат подобного погребального обряда.

Большая часть мусульманских погребений безынвентарные, за исключением погребений № 13, 14 и 32. В погребении №13 на плечевой кости правой руки была обнаружены маленькая бронзовая заклепка (рис.41/2); в засыпи погребения №14 найдена бронзовая цепочка (рис.41/1), а в засыпи погребения №32 встречен неорнаментированный фрагмент лепной керамики, и в области нижних конечностей — железный ромбовидный наконечник стрелы с упором XI-XIII вв. (рис.41/4), который, возможно, находился в теле покойного в момент погребения. В междумогильном пространстве обнаружен фрагмент бронзовой пронизки с прорезными вздутиями (рис.41/3). Этот материал и "Г"-образные гвозди, найденные нами и Н.Н. Новокрещенных, позволяют уверенно датировать данную часть мусульманского могильника серединой-второй половиной домонгольского периода (конец XI — начало XIII вв.).

Приведенное выше описание погребального обряда не оставляет сомнения в том, что перед нами мусульманское кладбище домонгольского времени. В целом погребения имеют аналогии с мусульманскими кладбищами Волжской Булгарии, наиболее полные аналогии, в том числе по деталям обряда, топографии, характеру погребений, просматриваются со II и IV Билярскими некрополями. Отметим достаточно точное соблюдение кыблы, что, вероятно, связано с инструментальными измерениями, последнее подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в "касабу Афкуль" астрономов — измерителей времени из Болгарии.

Отдельные исследователи оценивают мусульманские погребения Рождественского могильника как погребения христианизированных коми-пермяков XV-XVIII вв. [Мельничук, Коренюк 1996, с.167-168; Макаров 2000, с.18]. Так, по мнению А.Ф. Мельничука, топография Рождественского могильника близка к топографии христианского Кудымкарского могильника. Однако в реальности Кудымкарский могильник находится на значительном удалении от укреплений одноименного городища (до 3 км — на усадьбе лесотехникума), и по своей топографии (пологий склон высокого холма), скорее близок к таким позднеродановским могильникам, как Плотниковский, Телячий Брод.

О мусульманской, а не христианской принадлежности памятника свидетельствует соблюдение кыблы, чего, естественно, нет в Кудымкарском и иных православных могильниках Камы и Чепцы. Подчеркнем, что мусульманский могильник Рождественского комплекса имеет твердую дату. Безусловно, важным является и то, что мусульманские домонгольские

захоронения сейчас известны не только в Рождественском могильнике, но и у внешнего тына на стрелке городища Анюшкар. Топография мусульманского некрополя Анюшкара, таким образом, совпадает с топографией описываемого некрополя, как и характер данного поселения близок Рождественскому городищу.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТНЫХ ОСТАНКОВ МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Антропологом ПФ ИИиА УрО РАН Н.Г. Брюховой было исследовано пять костяков с Рождественского мусульманского могильника с целью определения половозрастного состава рассматриваемых останков, описания телосложения и физического развития, установления санитарного состояния группы [Брюхова 2006, с.145-148].

Общая характеристика: все исследованные костяки мужские. Возраст смерти 25-50 лет. Погребенные ориентированы головой на запад, лицевым отделом обращены на юг. Положение погребенных — вытянутое на спине с небольшим поворотом на правый бок, ноги вытянуты или полусогнуты.

У костяков из погребений №13, 17 рост выше среднего, в погр. №15 — большой. Кости средней и выше средней массивности: кости рук малой длины, кроме погребения №15, где все абсолютные величины в разряде больших и очень больших. Погребения №14 и №16 отличаются костями очень малых размеров с неразвитым мышечным рельефом — грацильные.

Зубная система страдает различными патологиями: эмалевая гипоплазия разной степени, кариес, апикальный абсцесс, парадонтопатия, зубной камень, сколы на передних зубах.

В погребении №17 заросший перелом на правой ключице, других повреждений нет.

Погребение №13 (Рис.39/а; цв. вкл. В)

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35-45 лет.

Умерший был уложен на спину, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута – лежит в области живота, ноги вытянуты: ступни развернуты вправо, что соответствует повороту на правый бок. Ориентирован погребенный головой на запад, лицевой отдел обращен на юг.

Длины костей рук малые при средней величине окружностей диафизов. Массивность плечевой кости средняя, лучевой — выше среднего. Лучеплечевой указатель малый. Длина бедренной кости средняя при большой окружности диафиза – массивность выше среднего. При малой длине б.берцовой кости её массивность выше среднего. Берцово-бедренный указатель – средний. Рост погребенного, определенный по длине бедренной кости, 167 см, по рубрикации Мартина – выше среднего.

Погребение №14 (рис.39/б)

Останки принадлежат мужчине(?), умершему в возрасте 30-50 лет.

Костяк удовлетворительной сохранности. Погребенный ориентирован головой на запад, лицевой отдел обращен на юг. В области груди кости перемешаны, отсутствуют кости стоп и большинство костей кисти. Остальные кости находятся в анатомическом соответствии. Кости очень малых размеров, грацильные. Правая плечевая кость со среднеразвитым мышеч-

ным рельефом. Бедренная кость слабо изогнута, шероховатая линия не выражена.

На вторых коренных зубах верхней челюсти кариес в области шейки зуба, на них же отмечен зубной камень и сколы (вистибюлярная часть). По затёкам эмали склонность к монголоидности.

Рост погребенного, определенный по бедренной кости, составляет 156 см, по рубрикации Мартина – малый.

Погребение №15 (рис.39/в; цв. вкл. В)

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 25-35 лет. Костяк удовлетворительной сохранности. Кости находятся в анатомическом соответствии. Умерший был уложен на спину, с небольшим разворотом на правый бок. Ориентирован погребенный головой на запад, лицевой отдел обращен на юг. Руки полусогнуты, вероятно, в запястьях были скреплены друг с другом. Ноги полусогнуты, кости левой ноги лежат на костях правой (что соответствует легкому повороту на правый бок), кости стоп находятся в анатомическом сочленении, что возможно, если на них в момент погребения была обувь или чулки.

Длины костей рук и ног большие и очень большие, кости рук средней массивности, бедренная и б.берцовая массивны. Рост погребенного – 175 см, по рубрикации Мартина – большой. Патологии: на фронтальных зубах нижней челюсти — эмалевая гипоплазия, парадонтопатия на латеральном резце, на клыке нижней челюсти — сколы.

Погребение №16 (рис.39/г; цв. вкл. В)

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 30-50 лет. Основная часть костных элементов лежит в анатомическом порядке. Часть костей утрачена в результате разрушения могильной ямы береговой абразий. Умерший был уложен на спину, с небольшим разворотом на правый бок. Ориентирован погребенный головой на запад, лицевой отдел обращен на юг. Левая нога полусогнута, дистальные концы обеих голеней сходятся – вероятно, были зафиксированы. Длины плечевой и бедренных костей малые. Окружность диафиза бедра очень малая. Рост погребенного, определенный по бедренной кости, составляет 158 см, по рубрикации Мартина – малый.

На моляре нижней челюсти эмалевая гипоплазия.

Погребение №17 (рис.39/д)

Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35-50 лет. Костяк удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен на спину, с небольшим разворотом на правый бок, правая рука вытянута вдоль тела, левая вытянута поверх рёбер и тазовых костей. Ноги вытянуты и перекрещены в голенях. Ориентирован погребенный головой на запад, лицевой отдел обращен на юг.

Длина бедренной кости средняя при большой окружности диафиза, что дало средний уровень массивности, кость уплощена в переднезаднем направлении. Длины плечевых, лучевых и б.берцовой костей — малые. Большеберцовая кость средневыгнута. Рост погребенного 167,5 см, по рубрикации Мартина – выше среднего.

На останках исследуемого человека обнаружены последствия некоторых патологических процессов: на верхних фронтальных зубах эмалевая гипоплазия, на верхнем моляре и клыке – кариес, для всех зубов отмечается парадонтопатия разной степени, в области верхнего моляра – следы

апикального процесса, на верхнем центральном резце — зубной камень, на верхнем центральном резце и на клыке – сколы. На правой ключице следы зажившего перелома.

Характеристика погребений мусульманского могильника

№ погр.	Ориент. погреб.	Положение погребенного				Пол	Возр.
		лицо	корпус	руки	ноги		
13	запад-юго-запад	на юг	небольшой разворот на правый бок	правая вытянута вдоль тела, Левая согнута – лежит в области живота	Вытянуты, ступни вправо	муж	35-45
14	запад	на юг	-	обе вытянуты	в анатомическом соответствии	муж ?	30-50
15	запад-юго-запад	на юг	небольшой разворот на правый бок	обе полусогнуты	полусогнуты	муж	20-40
16	запад	на юг	небольшой разворот на правый бок	-	полусогнуты	муж	30-50
17	запад	на юг	небольшой разворот на правый бок	правая вытянута вдоль тела, левая вытянута поверх рёбер и тазовых костей	вытянуты и перекрещены	муж	35-50
18,19		на юг	-	-	-		
30	запад-северо-запад	на юг	-	-	-		
31	запад	на юг	небольшой разворот на правый бок	обе полусогнуты	вытянуты		
32	запад	вверх	небольшой разворот на правый бок	правая вытянута вдоль тела, левая согнута – лежит в области живота	вытянуты *в области нижних конечностей найден наконечник стрелы*		
33	запад	на юг	-	-	-		

Таким образом, Рождественское городище сопровождалось мусульманским кладбищем, в возникновении которого нет ничего странного, так как

Рождественское городище играло видную роль в системе булгарской торговли по Камскому торговому пути, и, безусловно, какие-то группы булгар-мусульман постоянно проживали на городище. Судя по половозрастному составу и по особенностям исследованных костяков, здесь были захоронены мужчины-воины, возможно, охранники торговых караванов, которые отличались высоким ростом и наличием прижизненных ранений (потеря зубов, переломы). Только два погребенных (погр.№ 14, 16) отличались небольшим ростом и неразвитым мышечным рельефом – это могли быть представители профессий, не связанных с физическим трудом. Краниологическая серия Рождественского мусульманского могильника может быть охарактеризована как брахикранная, что отличает её от местных финно-угорских долихо-мезокранных типов, и сближает с краниологией собственно булгарских серий (измерской, билярской и др.). По затёкам зубной эмали у черепов из мусульманских погребений определяется склонность к монголоидности. Эти наблюдения также сближают рождественскую серию с билярскими.

ЯЗЫЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК

Языческая часть Рождественского могильника находилась в 300-500 м восточнее Рождественского городища (рис.1).

Раскоп I был заложен у восточного склона мыса. За 1990-1993, 1997 гг. на раскопе I вскрыто 560 кв.м, изучено 106 погребений (рис.42).

Погребения расположены рядами, которые в южной части раскопа вытянуты по линии З-В, ЗЮЗ-ВСВ, а в центральной и северной части раскопа – по линии ЮЗ-СВ. В целом ряды ориентированы вдоль течения р.Обвы. Ориентировка могильных ям довольно устойчива: абсолютное большинство погребений ориентировано по линии ССЗ-ЮЮВ (59,5%) или СЗ-ЮВ (16%); ряд погребений ориентирован по линии С-Ю (18%); и только три погребения ориентированы по линии ЮЗ-СВ (2,8%). Очертания трех погребений не удалось зафиксировать, их ориентировка не ясна.

Судя по расположению инвентаря и остатков костяков в захоронениях, можно говорить о том, что погребенные лежали ногами к реке. Обряд захоронения умерших ногами к реке отмечается в Прикамье с эпохи раннего железа.

Большинство погребений имеют овально-подпрямоугольную форму. Размеры могильных ям колеблются в длину от 0,85 м до 3,30 м, в ширину — от 0,48 до 1,4 м. Но в целом по размерам могильные ямы относятся к числу средних длиной 1,60-2,85 м, шириной 0,65-1,15 м (85%). Хотя есть несколько маленьких, возможно, детских, погребений длиной 0,85-1,5 м, шириной 0,48-0,6 м (9,5%), и несколько больших длиной 3,0-3,3 м, шириной 1,3-1,4 м (5,5%). Глубина могильных ям различна: от 0,32 м до 1,32 м. Возможно, глубина погребения зависела от возраста. Например, погребения № 40 и 64 Рождественского могильника имеют не только меньшие размеры, но и глубину до 0,55 м. По всей вероятности, они являются детскими.

Захоронения совершались, в основном, в простых ямах с почти отвесными стенками, плавно переходящими в обычно ровное дно, иногда слегка углубленное в центре. Такого рода погребения составляют 60% от общего

количества. Кроме того, встречаются погребения со ступеньками и заплечиками: 9,5% погребений имеют заплечик вдоль западной продольной стенки могильной ямы, 5,5% — вдоль восточной продольной стенки, 6,5% — с заплечиками вдоль обеих продольных стенок, 25,5% погребений имеют ступеньку у ССЗ торцевой стенки, 14% — у ЮЮВ торцевой стенки, 8% погребений имеют и ступеньки и заплечики. Наличие ступеньки, вероятно, связано с существованием деревянного настила, на который укладывался умерший.

Интерес представляют 16% погребений, к которым примыкал своеобразный "карман" со ступенями, спускающимися ко дну могильной ямы. Этот "карман" в большинстве случаев расположен у ЮВ или ЮЗ угла погребения (5,5%) либо в средней части западной или восточной продольных стенок ямы (7,5%). Возможно, подобные погребения имитируют жилища-полуземлянки со входом. Обычай устраивать погребения в виде полуземлянок объясняется достаточной консервативностью погребальной обрядности.

Остатки погребальных сооружений обнаружены в фрагментарной сохранности. В 22,5% встречены остатки бересты, коры, куски дерева. Иногда береста переплетена. Не исключено наличие деревянных гробов из досок. Например, в погребениях № 36, 124 выявлены продольные параллельные стенки таких сооружений.

Исходя из того, что случаи взаимонарушения погребений на Рождественском могильнике единичны, можно предполагать наличие наземных сооружений. Достаточно часто (11% погребений) по периметру могильных ям отмечаются столбовые ямки, оставшиеся, скорее всего, от наземных сооружений типа шалашей.

Кости скелета в погребениях сохраняются очень плохо. В 40% погребений встречены фрагменты черепной коробки, челюстей, коронки зубов, полуистлевшие трубчатые кости. Зубы, точнее, сохранившаяся эмаль, обычно расположены в С-СЗ части могильных ям, что и дает основание к выводу об ориентации погребенного ногами к реке. Но нередко зубы расположены по всей площади погребения или в центральной его части. Несмотря на отсутствие полных костяков, можно с уверенностью утверждать, что погребения совершены по обряду ингумации — в погребениях не встречены кальцинированные кости, прокалы, мощные углисто-золистые пятна. Следов огня нет на украшениях. Только в засыпи всех погребений содержатся мелкие угольки, что, вероятно, связано с наличием культа огня.

Засыпь могильных ям, в основном, составляет темный серо-коричневый суглинок с многочисленными вкраплениями мелких угольков. В ямах простой конструкции заполнение обычно однородное, иногда на дне прослеживаются остатки древесины. Вероятно, здесь присутствует классический вариант обряда ингумации, когда погребенный укладывался на дне могильной ямы, покрытом берестой или досками. Сопровождающий инвентарь в таких могильных ямах расположен на подобающих местах – украшения и детали костюма – там, где они носились при жизни, орудия труда – "в ногах", сосуды в виде развалов – в центральной части ямы или "в голове", реже "в ногах".

В могильных ямах с заплечиками и ступеньками заполнение обычно многослойно и включает линзы речного песка, слои, насыщенные органикой, слои рыхлой красной глины, угольки. По расположению этих слоев

можно судить о том, что какая-то конструкция обрушилась в яму. Обряд, по которому совершены данные погребения, можно реконструировать следующим образом: вырытая прямоугольная могильная яма посыпалась по дну речным песком, присутствие которого, возможно, связано с представлением о путешествии в "страну мертвых" по реке; затем насыпался слой земли с угольками, "очищенной" огнем погребального костра. Над ямой устраивался дощатый помост, и на это деревянное перекрытие укладывался труп в одежде с украшениями, которые использовались при жизни, устанавливались сосуды с заупокойной пищей, укладывалось оружие и предметы быта, которые по представлениям древних могли понадобиться умершему в загробной жизни. Тело присыпалось землей, и сверху устанавливалось сооружение в виде шалаша. Со временем настил прогнивал, и труп оседал в яму. Этим можно объяснить и чрезвычайно плохую сохранность костяков, тогда как в одновременных погребениях мусульманской части могильника в аналогичной почве костяки сохранились в хорошем состоянии, и то, что зубы и большинство находок, как правило, сосредоточены в районе центральной части погребения.

Подобный обряд погребения реконструирован Г.Т. Ленц по материалам Антыбарского могильника на р. Чусовой, которая связывает его с угорскими традициями Зауралья. Аналогичный обряд зафиксирован также А.М. Белавиным, Н.Б. Крыласовой, Н.В. Кулябиной на могильниках Телячий Брод и Огурдинском. Вероятно, такой обряд присутствует и на Мелехинском могильнике.

Все погребения изученной части языческого Рождественского могильника инвентарные, но в составе и количестве погребального инвентаря наблюдаются существенные различия. Поскольку фрагментарность костных остатков не дает возможности определения пола погребенных, половую принадлежность можно условно установить ориентировочно лишь по составу погребальных комплексов. Из 106 изученных погребений 46% можно считать женскими, 20% - мужскими, в остальных погребениях пол не определяется.

Височные украшения встречены в 40% погребений. Чаще всего они располагались в С-СЗ части могильных ям рядом с зубами. В половине случаев представлены парные височные украшения – круглопроволочные и калачевидные кольца и серьги или полые шаровидные привески. Интересно, что височные украшения представлены в 57% мужских погребений и только в 38% женских. При этом зачастую серебряные и даже золотые калачевидные и круглопроволочные грушевидные височные подвески сопровождают наиболее богатые мужские погребения, что свидетельствует об их престижности.

Украшения головных уборов зафиксированы в двух женских погребениях. В первом случае (погр. №58) это были бусы и бронзовые пронизки, которые лежали в той последовательности, как они носились при жизни. Основная часть бус была изготовлена из желтого глухого стекла, кроме которых в низке присутствовало несколько хрустальных и посеребренных бус. В затылочной части низка скреплялась медными спиралевидными пронизками. Бусы могли быть надеты на голову в виде низки, либо были нашиты на нижний край шапочки или налобную повязку. Во втором случае (погр. № 99) был обнаружен фрагмент тонкой кожи – вероятно, остаток головного убора в виде шапочки, на котором параллельно крепились

два кожаных ремешка шириной 1 см с мелкими бронзовыми сердцевидными накладками и выполненной в едином стиле с ними накладкой в виде "бантика" (рис.77).

Украшением волос являлись накосники, которые фиксируются в 37% женских погребений. Из характерных для Пермского Предуралья накосников в четырех погребениях представлены биконьковые подвески (№ 26, 35, 100, 126), в одном погребении – арочная (№ 85). Только в погребении № 26 встречены парные биконьковые подвески, в остальных случаях традиционные прикамские накосники были дополнены колесовидными, клыковидными и другими подвесками. В 10% женских погребений косы были украшены полыми шаровидными привесками. В 4% женских погребений в качестве накосников использованы флаконовидные пронизки-игольники. Наиболее характерным для Рождественского могильника типом накосников являлись накосники без подвесок (30% женских погребений), которые представляли собой в большинстве случаев низки крупных шаровидных или флаконча-тых бронзовых бус, свисающие вдоль кос или соединяющие косы. Нередко низки бус завершаются костыльковыми или якорьковыми подвесками, служившими для закрепления украшения в прическе. Оригинальный вид накосных украшений зафиксирован в погребении № 58 (рис.63). Здесь обнаружены парные украшения на остатках длинных черных волос, каждое из которых состояло из двух низок бронзовых бус и спиралек на кожаных шнурках, которые в нижней части прикреплялись к серебряным кольцам небольшого диаметра — около 3 см. Кольца были соединены между собой двумя низками мелких стеклянных бус синего, белого цвета и посеребренных. Соединение кос цепочками или низками бус и бисера было широко распространено у обских угров. При погребении косы, как правило, разъединяли. Возможно, встреченные во многих женских погребениях обрывки бронзовых цепочек являются элементами накосников.

Характерным женским украшением были ожерелья и нагрудники из стеклянных и каменных бус, бисера, с включением полых шаровидных привесок, монет и монетовидных подвесок. Бусы и бисер встречены в 90% женских погребений, в 28% они дополнялись монетами и монетовидными подвесками, в 29% — полыми шаровидными привесками.

В ряде случаев удалось зафиксировать порядок расположения элементов нагрудных украшений. В погр. № 58 (рис.63) ожерелье состояло из восьми крупных призматических бусин из дымчатого розовато-оранжевого сердолика, которые перемежались крупными бусинами из стеклянной пасты – полосчатыми, мозаичными и одноцветными. Кроме ожерелья в данном погребении найдены три серебряных монеты с отверстиями, под которыми сохранились фрагменты шелка. Монеты, вероятно, были нашиты на небольшой матерчатый воротник-ожерелок, который использовался одновременно с ожерельем из бус. В погр. №94 (рис.76) ожерелье состояло из разноцветных (желтых, синих, черных, полосчатых) стеклянных бус, шаровидных сердоликовых бус и полых шаровидных привесок. В погр.№ 26 нагрудные украшения лежали в определенном порядке, что дало возможность реконструировать нагрудник, который в центральной части был расшит бусами (преимущественно желтыми стеклянными) и медными спиралевидными пронизками, причем изображение напоминало трезубец (рис.45). Данное погребение вплотную примыкало к богатому мужскому погребению (№ 37),

где найдена подвеска со знаком Рюриковичей, поэтому вполне логично предположить, что изображение на нагруднике было скопировано с этой подвески. По краям нагрудника были нашиты серебряные монетовидные подвески: по 2 по бокам и 3 — внизу. В погребениях № 85 и 122 встречены остатки нагрудников, расшитых бисером. Причем в погребении №122 удалось даже зафиксировать фрагмент узора, в который кроме бисера были включены сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, а также шаровидные привески (рис.87).

Особенностью Рождественского могильника является присутствие небольшого количества стеклянных и каменных бус не только в женских, но и в 38% мужских погребений. Возможно, стеклянные бусы в составе мужского инвентаря являются женским даром – прижизненным или заупокойным. В богатых мужских погребениях нагрудные украшения составляли серебряные монеты или монетовидные подвески (погр. № 23, 37, 55, 120). В погребении №120 монеты перемежались полыми шаровидными привесками (рис.86). В погребении № 37 кроме трех монетовидных подвесок на груди находилась трапециевидная серебряная подвеска со знаком Рюриковичей (рис.47). Вероятно, круглые серебряные подвески на груди у мужчин подчеркивали их высокий социальный статус.

Наиболее распространенными являются металлические детали поясной гарнитуры, которые в целом представлены в 69% погребений. Зачастую детали поясной гарнитуры сосредоточены в центральной части ямы, что говорит о том, что пояс, вероятнее всего, находился на погребенном. Нередко сохраняются остатки кожаных ремней. Пояса, снабженные бронзовыми накладками, пряжками и наконечниками ремней, характерны как для женских (71%), так и для мужских (76%) погребений.

По своему составу поясные наборы чрезвычайно разнообразны.

К первой группе можно отнести пояса с пряжками, которые встречены в 21% погребений. Внутри этой группы выделяются полные наборные пояса с количеством накладок от 10 до 26 (в 9% погребений). Обычно в подобных поясах используются накладки одного-двух типов. Это может свидетельствовать о том, что местные жители приобретали готовые пояса, а не отдельные накладки. Ко второму типу можно отнести пояса, включающие пряжку и несколько накладок (от 1 до 8 шт., 7% погребений). Наиболее широко в этом типе представлены пояса, где кроме пряжки имелись 1-2 накладки с прорезями, служившими для крепления поясных привесок. И, наконец, к последнему типу данной группы относятся пояса только с пряжкой.

Ко второй группе относятся пояса без пряжек, в которых используется от 5 до 25 накладок (16 % погребений).

Третью группу составляют пояса без пряжек с 1-4 накладками (18% погребений). В данном случае накладки обычно служили основой для крепления поясных привесок.

Четвертую группу поясных наборов составляли пояса, от которых сохранились только наборы поясных привесок (19% погребений).

Пояса дополнялись привесками, которые широко встречаются во всех группах поясных наборов и характерны как для женского, так и для мужского костюма. Среди них можно выделить два основных типа: привески в виде узкого ремешка с мелкими накладками и наконечником ремня на конце (в 30% погребений), и привески в виде низки бронзовых бус и пронизок

с колокольчиком, бубенчиком или флаконовидной пронизкой на конце (в 49% погребений). В отдельных случаях в составе поясных второго типа использовались пронизки в виде птички с шумящими привесками или в виде "самоварчика"; в погребении № 26 в качестве концевой подвески поясной привески выступала бронзовая ложечка (рис.56). В поясных наборах могло присутствовать от 1 до 7 привесок, как однотипных, так и разнообразных.

В 40% погребений в районе пояса обнаружен нож. В ряде случаев сохранились остатки деревянных рукоятей и ножен. В погребении № 26 деревянные ножны были обложены бронзой. Ножны, по всей видимости, в большинстве случаев крепились к поясу с помощью кожаного ремешка, который мог быть украшен накладками или унизан бронзовыми бусами и пронизками, хотя в отдельных случаях зафиксированы цепочки с костыльковыми или якорьковыми подвесками (напр., в погр. № 26) или отдельные подобные подвески, которые служили для закрепления ножен за специальную ременную петлю на поясе.

В 18% погребений встречены детали огнива — кресала, кремни, трубочки для трута. В 6 случаях представлены кресала с зооморфными бронзовыми рукоятями (погр.№ 23, 25, 100, 102, 119, 120), которые носились напоказ на поясе. Обычные железные кресала калачевидной или овальной формы носились в поясном мешочке или сумке. Детали кошельков и сумочек представлены в 14% погребений.

Украшения рук представлены браслетами и перстнями. Браслеты обнаружены в 15% погребений. В большинстве случаев они встречены в наиболее богатых мужских и женских погребениях. Кольца и перстни обнаружены только в 9% погребений. Судя по всему, они не пользовались большой популярностью у населения, а являлись в основном определенными знаками высокого социального положения, так как преобладают в наиболее богатых мужских погребениях.

В погребальный инвентарь многих погребений входили орудия труда, оружие, детали конского снаряжения. В большинстве случаев эти предметы были сосредоточены в южной части погребений – "в ногах".

Наиболее широко встречаются наконечники стрел (38% погребений), причем они представлены не только в мужских, но и во многих женских погребениях. Нередко сохраняются не только железные наконечники, но и фрагменты древков. Наконечники копий обнаружены только в трех мужских погребениях. Довольно редки удила (3,7% погребений), стремена не встречены. С деталями конской упряжи, вероятно, связаны разделители ремней.

Богатые мужские погребения в качестве обязательного атрибута включают топор (9% погребений). Из иных орудий труда представлены мотыги (7,5% погребений), шилья (6,5% погребений), оселки (5% погребений), единично встречены резцы-ложкари, скобели. В трех женских погребениях обнаружены керамические пряслица.

Фрагменты керамических сосудов представлены в 76% погребений. Иногда в одном погребении находилось до 3 сосудов. В погребениях с простой конструкцией ямы сосуды в виде развалов встречаются в центральной части ямы или у торцевых стенок. Иногда сосуд располагался за пределами могильной ямы. Но в большинстве случаев фрагменты керамики встречаются в засыпи по всей площади погребения или в его центральной части.

В 14% погребений, преимущественно богатых мужских, встречены

фрагменты деревянных сосудов. Чаще всего они представлены серебряными обкладками, но в ряде случаев внутри обкладок сохранились фрагменты венчиков сосудов.

В 25% погребений обнаружены зубы лошади. Они встречаются по всей площади погребений. В погребении № 99 обнаружена нижняя челюсть лошади, которая располагалась в небольшом углублении в ЮВ части могильной ямы. Вероятно, и в других случаях в погребение захоранивали голову лошади, но из-за плохой сохранности костей на могильнике сохранились только зубы. В мужском погребении № 36 в области пояса найдена нижняя челюсть куницы – распространенный у финно-угров охотничий амулет.

В двух погребениях встречены серебряные погребальные маски.

По материалам ряда погребений, где расположение вещей соответствовало их месту в костюме, существует возможность реконструкции костюма.

В погребении № 48 (рис.48), определенном как женское по составу инвентаря (наличие керамического сосуда, стеклянных бус, отсутствие предметов вооружения), на талию женщины был надет богатый пояс с набором сердцевидных накладок и бронзовой пряжкой, к которому подвешивалась поясная сумочка. Правую руку украшал узкий пластинчатый браслет с точечным орнаментом. Бусы, входившие в состав погребального инвентаря (3 экз.), вероятно, служили для оформления сумочки или подвешивались к поясу.

Наиболее пышным был наряд женщины из погребения № 26 Рождественского могильника (рис.45). На ней был расшитый бусами головной убор, о чем свидетельствуют бусы, расположенные в области головы. К головному убору крепилось серебряное височное кольцо с биконической привеской, украшенной зернью. В косы были вплетены две шумящие коньковые подвески. Украшением груди служил нагрудник, расшитый в центральной части бусами, а по периметру — монетовидными подвесками. Талия перехватывалась поясом без пряжки с одной сердцевидной накладкой. У пояса справа свисала кисть из спиралевидных пронизок и бронзовых бус с подвеской-ложечкой и колокольчиком на концах, слева — нож в деревянных ножнах с бронзовой обкладкой. На левой руке был надет бронзовый прутковый браслет круглого сечения с кружковым орнаментом.

В погребении № 58 (рис.50) на женщину был надет головной убор в виде налобной повязки, расшитой желтыми пастовыми бусами, концы которой, расположенные на затылке, были украшены медными спиральками. Волосы украшали накосники в виде парных низок бронзовых бус и спиралей, сходившихся у серебряных колечек, соединенных между собой двумя низками мелких стеклянных бус. Шейный вырез рубахи закрывал шелковый воротник-ожерелье с тремя подвесками-монетами. Наряду с ним на шее находилось богатое ожерелье из крупных сердоликовых и пастовых бус. Талия была перехвачены кожаным поясом с бронзовой пряжкой, к которому справа с помощью ремня с железной пряжкой крепился нож с деревянной рукоятью. На правой руке находился бронзовый прутковый браслет круглого сечения с кружковым орнаментом.

В погребении № 37 (рис.47) основным украшением мужчины являлись висевшие на груди три круглые серебряные пластинчатые подвески и трапециевидная серебряная подвеска со знаком Рюриковичей. Слева

на поясе имелся нож и поясная сумочка с кресалом. Вероятно, в качестве разделителя ремня использовалось железное кольцо. Бронзовая флаконовидная пронизка происходит, скорее всего, из соседнего погребения — № 26, поскольку такие пронизки-игольники типичны для женских комплексов.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ РАСКОПА I РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Погребение №20. В центральной части ямы найдены фрагменты керамического сосуда и поясная привеска в виде кожаного ремешка шириной 1 см с девятью мелкими сердцевидными накладками и наконечником ремня (рис.54).

Погребение №21. В центральной части ямы на дне сохранились остатки деревянного настила из плах. Здесь же найдены фрагменты трубчатых костей рук, между ними – тлен от кожаного ремня шириной 2,5 см, покрытого кусочками серебряной и медной фольги, среди которой найдена квадратная литая бронзовая накладка с прорезью. Справа на поясе находилась плетеная берестяная сумочка, сохранившаяся в виде тлена, покрытого кусочками медной фольги. В области пояса находились также развалы трех керамических сосудов. У западной стенки ямы располагались три стрелы, от которых сохранились ромбовидные наконечники и фрагменты древков. В южной части погребения обнаружено скопление неопределенных железных предметов плохой сохранности (рис.43, 54).

Погребение №22. С запада могильная яма частично перекрыта погребением № 34. Находки, сосредоточенные, в основном, в центральной части ямы, являются деталями поясного набора – пряжка, 3 накладки и бронзовые бусы от поясной привески. В СЗ части этого скопления найдено железное кресало и фрагмент ножа, а также медная основа монетовидной подвески (рис.55).

Погребение №23. От костяка сохранились фрагменты истлевших трубчатых костей и зубы. Большинство находок сконцентрировано в центральной части ямы: бронзовая пряжка и накладки на остатках кожаного ремня шириной 1,2 см, 5 мелких накладок от поясной привески, биметаллическое кресало, две крупные призматические сердоликовые бусины, фрагмент бронзового браслета, два наконечника стрел. Интересен фрагмент железного предмета с отчетливыми отпечатками ткани простого полотняного переплетения репсовой структуры (рис.55/11). В СВ части ямы обнаружена серебряная монета-подвеска, у Ю торцевой стенки – серебряная пластина – обкладка от деревянного сосуда (рис.44, 55).

Погребение №24. Вдоль западной стенки зафиксированы остатки древесного тлена от погребальной конструкции. От костяка сохранились зубы, фрагменты черепа, полуистлевшие трубчатые кости. В состав погребального инвентаря входили серебряное височное кольцо и фрагменты кожаного кошелька с медными обоймочками по краю (рис.55).

Погребение №25. В С части ямы сохранились небольшие фрагменты черепа и зубы. Южнее обнаружены фрагмент бронзового височного кольца, две пастовые бусины, скопление неопределенных железных предметов и фрагменты уздечки – разделитель ремней и накладки. В центральной части

ямы находилось скопление деталей поясного набора – фрагмент бронзовой пряжки и 5 накладок, а также фрагмент цепочки, спиралевидная пронизка и, вероятно, фрагмент биметаллического кресала (рис.55).

Погребение №26. На дне могильной ямы сохранились участки, покрытые берестой.

В С части могильной ямы найден фрагмент серебряной височной подвески, две шумящие коньковые подвески, несколько стеклянных бусин и неопределенный железный предмет. Южнее зафиксированы остатки нагрудника – фрагмент шелковой ткани на основе из кожи, поверх которого находились желтые стеклянные, хрустальные и сердоликовые шаровидные, бронзовые зонные бусины, составлявшие узор в виде буквы "Ш". По бокам от этого скопления справа находилась прямоугольная свинцово-оловянистая пластина и тлен от серебряной монетовидной подвески, снизу – три полуистлевшие серебряные монетовидные подвески на медной основе, слева – тлен от двух серебряных монетовидных подвесок. В центральной части ямы находились детали поясного набора – сердцевидная накладка, справа поясная привеска из спиралевидных пронизок и бронзовых бус, раздваивающаяся на конце и завершающаяся колокольчиком и бронзовой ложкой, слева нож в деревянных ножнах, обложенных бронзой. Нож крепился к поясу с помощью бронзовой цепочки с костыльком. Здесь же найдены пронизки и шаровидная привеска, бронзовый браслет и фрагменты керамики (рис.45, 56).

Погребение №27. В центре ямы находились полуистлевшие остатки черепа, севернее которого найдены фрагменты серебряного калачевидного височного кольца и бронзовая бусина. В Ю части ямы обнаружен фрагмент бронзового браслета, бронзовая бусина, фрагмент керамики и серебряный слиток в виде бруска (рис.56).

Погребение №28. От костяка сохранились зубы, обнаруженные в виде скопления в С части ямы. Здесь же находился развал керамического сосуда, стеклянная бусина, сердцевидные накладки и остатки поясной привески – мелкие накладки с личинами и наконечник ремня, фрагменты неопределенных железных предметов. В центральной части ямы находились остатки поясного набора – бронзовая пряжка, накладки, бронзовые бусы и шаровидная подвеска от поясной привески, а также несколько стеклянных бус и два фрагмента серебряного височного кольца (рис.56).

Погребение №29. От костяка сохранились зубы, разбросанные по всей площади могильной ямы. В погребальный инвентарь входили 4 стеклянные бусины, 2 бронзовые пронизки, 3 шаровидные привески, фрагмент пронизки-"самоварчика", нож, фрагменты керамического сосуда (рис.56).

Погребение №34. От костяка сохранился фрагмент трубчатой кости. В северной части могильной ямы на ступеньке находились фрагмент керамического пряслица и развал сосуда. Южнее располагалось скопление, включающее более 100 стеклянных, хрустальных и сердоликовых бус и бисера, бронзовые шаровидные привески. Далее к югу найдено 6 крупных шаровидных бронзовых бусин, входивших, вероятно, в состав накосника. Рядом обнаружен фрагмент серебряной пластины и серебряный "колпачок" — фрагмент перстня. В центре ямы и в ее южной части найдены остатки поясного набора – 2 накладки, а также бронзовые бусы, пронизки и два колокольчика от поясных привесок (рис.57).

Погребение №35. В погребении встречено две шумящие подвески,

фрагмент поясной накладки, 5 бронзовых пронизок, пуговица, стеклянные и хрустальная бусины (рис.57).

Погребение №36. На дне могильной ямы сохранились остатки бересты, а вдоль продольных стенок – фрагменты досок. От костяка остался фрагмент челюсти, найденный в северной части ямы, неподалеку от него обнаружен втульчатый железный топор. В центре находилась бронзовая фибула и остатки поясного набора, состоящего из серебряных пластинчатых накладок (цв. вкл. Ж/1), несколько накладок сохранились в виде тлена, здесь же слева найден зуб лошади, просверленная нижняя челюсть куницы, железное кресало. В ЮВ части ямы обнаружено скопление железных предметов, среди которых наконечник стрелы, фрагменты керамики и желтая стеклянная бусина (рис.46, 57).

Погребение №37. От костяка сохранились зубы, расположенные в северной части ямы. Южнее них найдены три круглые пластинчатые серебряные подвески и серебряная трапециевидная подвеска со знаком Рюриковичий. В центре обнаружены флаконовидная пронизка, железное кольцо, кресало, нож, втульчатый топор. В южной части ямы находилось скопление – фрагменты деревянного сосуда с серебряными обкладками и медными гвоздями, бронзовая бусина, железный клин (рис.47, 58).

Погребение №38. Все находки сосредоточены в северной части ямы. Среди них преобладают железные предметы – наконечники стрел, нож, кресало. Найдены также две сердцевидные накладки, бронзовые бусины, гирьковидная привеска, привеска-лапка, стеклянная и хрустальная бусины, фрагменты керамики (рис.58).

Погребение №39. На дне ямы сохранился древесный тлен. В центре ямы сосредоточено скопление стеклянных бус, южнее которых найдена накладка и бронзовые бусы. В южной части погребения встречены фрагменты керамики (рис.58).

Погребение №40. В погребении найдена поясная привеска в виде кожаного ремешка шириной 1 см, украшенного сердцевидными и розетковидной накладками и наконечником (рис.58).

Погребение №41. Могильная яма в южной части перекрыта погребением № 34. У северной продольной стенки ямы находился подпрямоугольный "карман" со ступеньками, спускающимися ко дну. Вдоль западной торцевой стенки ямы располагался ряд из 8 столбовых ямок небольшого диаметра, находящихся почти вплотную друг к другу, а по углам "кармана" было по 4 ямки, и, кроме того, у его восточного угла находились две неглубокие узкие канавки, ориентированные перпендикулярно могильной яме. У западной стенки ямы обнаружено несколько стеклянных бус. Вдоль центральной оси погребения протянулась низка из бронзовых бус, в состав которой входили также 2 привески-лапки. Параллельно лежала бронзовая цепочка с костыльком. Очевидно, это остатки накосника. Рядом находился серебряный пластинчатый перстень. Восточнее у северной стенки погребения найден зуб лошади, неопределенный железный предмет и оселок, а у южной стенки – наконечник стрелы (рис.58).

Погребение №42. Все находки сосредоточены в северной части могильной ямы. Здесь обнаружен зуб человека, остатки ожерелья из 26 мелких посеребренных и полосчатых бус, фрагмент керамики (рис.59).

Погребение №43. В северной части погребения найден развал кера-

мического сосуда, вокруг которого располагалось несколько небольших фрагментов спиралевидных пронизок. В центре ямы находились детали поясного набора – пряжка, накладка, а также нож, железное кресало и два кремня, фрагмент цепочки, 3 шаровидные привески и бубенчик, 3 стеклянные бусины. В южной части ямы обнаружены фрагменты наконечника стрелы (рис.59).

Погребение №44. Остатки скелета сохранились в виде зубов, найденных в З части ямы. Рядом обнаружено серебряное калачевидное височное кольцо и две гирьковидные привески. В центре погребения находились накладка, две бронзовые бусины и бубенчик, составляющие украшения пояса, а также фрагмент бронзового пруткового браслета. В восточной части ямы найдены два ромбовидных наконечника стрел и неопределенный железный предмет. По всей площади погребения в большом количестве встречены стеклянные бусы и три керамических сосуда (рис.53, 59).

Погребение №45. В заполнении могильной ямы на разной глубине встречены фрагменты древесного тлена – остатки рухнувшего помоста. Все находки сосредоточены в центре могильной ямы. От костяка сохранились зубы и фрагменты трубчатых костей. Среди других находок – 2 лошадиных зуба, неопределенный железный предмет, фрагмент медной проволоки, фрагмент керамики (рис.59).

Погребение №46. В заполнении могильной ямы встречен фрагмент керамики.

Погребение №47. От костяка сохранился один зуб, обнаруженный в СЗ части погребения. В центре погребения найдены кремень, железная мотыжка, бронзовые пронизки и бубенчик, фрагменты керамического сосуда. В южной части ямы были сосредоточены детали поясного набора – бронзовые накладки, пронизки, а также 2 наконечника стрел (рис.59).

Погребение №48. По периметру могильной ямы наблюдались заплечики и ступеньки, в центре ее на разной глубине найдено большое количество фрагментов древесного тлена – остатки обрушенного помоста. У ЮВ угла ямы находился подпрямоугольный "карман" со ступенями, спускающимися ко дну. Погребальный инвентарь представлен поясным набором, в состав которого входили бронзовая пряжка, сердцевидные накладки на остатках кожаного ремня шириной 1,5 см и бронзовая пронизка. Справа возле пояса найден бронзовый пластинчатый браслет. Слева на поясе находилась кожаная сумка, украшенная по верхнему краю квадратными накладками с прорезями, сквозь которые были продеты ремешки шириной 0,8 см с мелкими сердцевидными накладками и наконечниками ремней; застежкой сумки служила бронзовая пряжка. В области пояса найдены 2 стеклянные бусины. В северной и южной частях погребения обнаружены небольшие фрагменты керамики (рис.48, 60; цв. вкл. В).

Погребение №49. В северной части могильной ямы обнаружены три стеклянные бусины, лежащие в ряд, фрагмент керамики и неопределенный железный предмет. Основная масса находок была сосредоточена в южной части ямы. Здесь онайдены детали поясного набора – квадратная и щитовидные накладки на остатках ремня шириной 1,8 см, мелкие сердцевидные и розетковидные накладки и наконечник ремня от поясной привески. В ЮЗ углу могильной ямы находились железные предметы – наконечник рогатины, 2 наконечника стрел, скобель и неопределенные предметы. Рядом найдены 4 серебряные пластинки-обоймочки от деревянного сосуда (рис.60).

Погребение №50. В центральной части ямы встречены фрагмент керамики, неопределенный бронзовый предмет и поясная накладка. Остальные предметы были сосредоточены в ЮВ части погребения: накладки из поясного набора, 2 каплевидные подвески, половинка шаровидной бронзовой бусины, пронизка-колокольчик, бубенчик, фрагмент керамики.

Погребение №51. В центре могильной ямы найдено 5 цилиндрических бусин из голубой стеклянной пасты с черными волнистыми полосками, которые располагались в ряд по дуге, а рядом находились 3 бубенчика и шаровидная привеска. В ЮЗ углу ямы обнаружен зуб лошади (рис.61; цв. вкл. В).

Погребение №52. К СЗ углу погребения примыкал полукруглый "карман" со ступенькой. Вдоль западной стенки могильной ямы за ее пределами находилось 3 столбовые ямки небольшого диаметра. В северной части погребения найдена серебряная маска, справа от которой отмечено скопление железных предметов, в том числе фрагмент кольца, южнее маски обнаружен серебряный колпачок со сканью и зернью. В центральной части погребения найдена маленькая стеклянная бусина и фрагмент керамики. В ЮВ углу ямы находился зуб лошади (рис.49, 61).

Погребение №53. Все находки, за исключением серебряного грушевидного височного кольца и двух стеклянных бусин, обнаруженных в ЮВ углу погребения, были сосредоточены в центре могильной ямы. Среди этого скопления обнаружен человеческий зуб. Здесь найдены серебряное височное кольцо, около 160 стеклянных, сердоликовых, хрустальных бус и бисера, которые, вероятно, составляли нагрудное украшение в виде ожерелья или нагрудника, серебряная монета, входившая в состав этого нагрудного украшения, железная пряжка, накладка, шумящая пронизка-колокольчик и большое количество бронзовых бус, часть которых могла входить в состав накосников, часть – в состав поясной привески (рис.61).

Погребение №54. В ЮВ углу могильной ямы вдоль восточной стенки в пределах погребения наблюдался ряд из 3 столбовых ямок небольшого диаметра. От костяка сохранились зубы, сосредоточенные в центре погребения. В северной части могильной ямы найдены железная пряжка и фрагмент литейной формы. Возле скопления зубов слева найдено серебряное грушевидное височное кольцо и серебряная монета, справа – золотое грушевидное височное кольцо и серебряная монета. У южной торцевой стенки ямы находилось скопление мелких неопределенных железных предметов (рис.62).

Погребение №55. В северной части могильной ямы найдена серебряная монета, вокруг нее – 4 мелкие сердцевидные накладки от поясной привески, южнее располагались детали поясного набора – накладки и 2 наконечника ремня. Здесь же слева найден нож и точильный камень. В ЮЗ углу погребения были сосредоточены 2 стеклянные бусины и 2 наконечника стрел. В центре и южной части ямы найдены фрагменты трех керамических сосудов (рис.62).

Погребение №56. В северной части могильной ямы найдена серебряная калачевидная височная подвеска, а возле нее – скопление накладок в виде полумесяца с остатками кожаного ремешка шириной 1,7 см. Вероятно, эти накладки являлись украшением головного убора. Здесь же встречена стеклянная бусина. Остальные находки были сконцентрированы в ЮВ углу погребения. Среди них – 2 сердцевидные поясные накладки, бронзовые

бусы от поясной привески, неопределенный железный предмет, фрагменты керамики (рис.62).

Погребение №57. В состав погребального инвентаря входили 11 стеклянных бус, костыльковая подвеска и две бронзовые пронизки (рис.62).

Погребение №58. Почти по всей поверхности дна могильной ямы наблюдались остатки деревянного настила. От костяка сохранились зубы, обнаруженные в северной части погребения. Севернее зубов найдено скопление желтых бусин из стеклянной пасты и медная спиралевидная пронизка – остатки головного украшения. Возле зубов лежали три серебряные монеты, одна из них с граффити в виде креста. Под монетами сохранились фрагменты шелка, очевидно, они были нашиты на матерчатую основу. Южнее в ряд располагались остатки ожерелья из 8 призматических сердоликовых бусин, перемежающихся крупными мозаичными, полосчатыми и одноцветными бусами из стеклянной пасты. По бокам от этого скопления найдены накосники с остатками черных волос – 2 пары низок из бронзовых бус и спиралевидных пронизок, завершающихся серебряными колечками. Колечки соединялись двумя низками мелких посеребренных, черных, полосчатых бусинок. В центре погребения найдена бронзовая пряжка с остатками кожаного ремня шириной 2 см. Справа от нее находились железная пряжка, нож с остатками деревянной рукояти, бронзовый браслет и бусина. В южной части ямы обнаружено лепное керамическое пряслице (рис.50, 63).

Погребение №59. В центре погребения, у западной и у северной стенки на дне сохранились остатки древесного тлена от настила. За пределами могильной ямы вдоль западной стенки располагались в ряд 3 столбовые ямки небольшого диаметра. У северной стенки погребения найдены 2 шаровидные привески. В центре могильной ямы находилось скопление железных предметов – втульчатый топор с остатками деревянного топорища, 4 наконечника стрел. Здесь же обнаружены накладки из поясного набора, бронзовый браслет, фрагменты керамики. В ЮВ углу могильной ямы найдены 2 серебряные обкладки деревянного сосуда, одна с фрагментом венчика, а также несколько неопределенных железных предметов (рис.63).

Погребение №60. В СЗ углу погребения обнаружено скопление большого количества мелких фрагментов неопределенных железных предметов и наконечник стрелы. Кроме того, здесь найдены бронзовая бусина, шаровидная привеска, фрагмент керамики. В южной части погребения обнаружены бронзовая поясная наладка и железная мотыжка.

Погребение №61. В северной части могильной ямы справа находились два овальных серебряных височных кольца, слева – серебряная монета и тлен от второй такой монеты. В центре погребения обнаружено 5 наконечников стрел, неопределенные железные предметы, бронзовые бусы и пронизки от поясной привески. В ЮЗ части погребения найдено 2 маленькие сердцевидные накладки от поясной привески. В ЮЗ углу компактной группой располагалось скопление железных предметов – наконечник рогатины, мотыжка, скобель, зубило и неопределенные бруски, фрагменты керамики, 6 стеклянных бусин (рис.64).

Погребение №62. В северной части ямы найден фрагмент керамики и несколько мелких стеклянных бусин, входивших, вероятно, в состав ожерелья. В центре погребения находились остатки поясного набора – две квадратные накладки, одна с прорезью, другая с петлей для крепления

привесок, фрагменты поясной привески в виде кожаного ремешка шириной 0,7 см с сердцевидными накладками и наконечником, низка из бронзовых литой и спиралевидных пронизок на кожаном шнурке, пронизка-уточка. Здесь же встречены мелкие фрагменты керамики (рис.64).

Погребение №63. В ЮВ части к погребению примыкал подпрямоугольный "карман"-тамбур, по краям которого на фоне материка прослеживались канавки от бревен. По углам тамбура находились столбовые ямки диаметром 7-10 см. Группы по 3 ямки, расположенные прямыми рядами, находились за пределами западной, южной и восточной стенок ямы. В центре могильной ямы обнаружены остатки древесины – следы рухнувшего помоста. Находки сконцентрированы в центральной и южной части погребения. Среди них преобладают железные предметы – 7 наконечников стрел, фрагмент ножа, фрагменты неопределенных предметов; фрагменты 4 керамических сосудов; сердцевидная накладка и наконечник ремня от поясной привески, бронзовые бусы от поясной привески, фрагмент медного проволочного (височного?) кольца, стеклянная бусина, плоская (таблетковидная) хрустальная бусина, хрустальная трапециевидная подвеска (рис.64).

Погребение №64. Находки в погребении были сосредоточены, в основном, в ЮВ углу могильной ямы. Среди них были накладки поясного ремня, накладки поясной привески, бронзовые бусы от поясной привески, 4 стеклянные и сердоликовая призматическая бусины, фрагмент бронзового браслета, фрагмент керамики (рис.65).

Погребение №65. В северной части ямы обнаружено скопление железных предметов – удила, фрагмент ножа, зубило, крюк, скобель, несколько южнее – наконечник стрелы. В южной части погребения найдены фрагменты двух керамических сосудов, две бронзовые бусины, фрагмент умбоновидной шумящей подвески (рис.65).

Погребение №66. В южной части могильной ямы на дне сохранились фрагменты древесины от настила. От скелета сохранились зубы, обнаруженные в СВ части погребения. Рядом с зубами найдено серебряное височное кольцо, второе кольцо находилось в ЮЗ углу могилы. В этом углу также находилось скопление бронзовых поясных накладок, среди которых лежал кремень (рис.65).

Погребение №67. У северной стенки могильной ямы обнаружены серебряная монета и серебряный пластинчатый перстень. Южнее находилось две шаровидные привески. В центральной части могильной ямы сосредоточены детали поясного набора – бронзовая пряжка, накладка, наконечник ремня, три круглые накладки и наконечник от поясной привески, крупные пастовые глазчатые бусины, бронзовые бусы и пронизка от поясной привески. Здесь же найдены зуб лошади и фрагменты наконечника стрелы. В ЮВ части могильной ямы обнаружена серебряная обкладка венчика деревянного сосуда, по всей площади погребения были разбросаны фрагменты керамического сосуда (рис.65).

Погребение №68. В ЮЗ части ямы к погребению примыкал подпрямоугольный "карман" со ступеньками. Вдоль края ступенек рядами располагались по 3 столбовые ямки небольшого диаметра. По всей площади погребения на разной глубине встречались фрагменты обугленной древесины – остатки обрушившегося помоста. В С части погребения найдены стеклянная бусина, фрагмент керамики, неопределенный железный пред-

мет, в центре – обломок ножа и фрагменты керамики. За пределами северной границы могильной ямы встречен бубенчик. Большинство находок сосредоточено в ЮВ части погребения, где обнаружены поясная накладка, несколько бронзовых бусин и пронизка от поясной привески, хрустальная бусина, железное кресало (рис.66).

Погребение №69. В ЮЗ части погребения отмечен округлый тамбур со ступеньками. От скелета сохранился зуб, обнаруженный в центре погребения. В южной части погребения и на ступеньках тамбура встречались фрагменты обугленной древесины – следы деревянного помоста. В северной части могилы найдены две бронзовые бусины, неопределенные железные предметы, фрагмент керамики; в центре – железное кресало, бронзовый бубенчик, бисер, несколько фрагментов керамики; в южной части – второе железное кресало, маленькая сердцевидная накладка, зуб лошади (рис.66).

Погребение №70. От костяка сохранился фрагмент челюсти, обнаруженный в центре погребения и зуб, найденный в южной его части. В СЗ части могильной ямы найдены железный наконечник стрелы, три бронзовые бусины, неопределенный бронзовый предмет, железное кольцо с продетым в него железным стержнем, фрагменты керамики. В центральной части погребения найдены поясные накладки, стеклянные бусы, бубенчик, фрагменты керамики, неопределенные железный и бронзовый предметы. Особенно много находок обнаружено в южной части погребения: 5 зубов лошади, стеклянные и бронзовые бусы, бронзовая привеска-лапка, шаровидная привеска, фрагмент бронзовой цепочки, серебряные пластинки – обкладки деревянного сосуда, фрагменты керамики (рис.66).

Погребение №71. В придонной части заполнения могильной ямы встречены куски древесного тлена. От скелета сохранились зубы, найденные в северной части погребения. Рядом с ними лежал зуб лошади. Около зубов обнаружены шаровидные привески и бубенчик, а также поясные накладки, пронизка и неопределенный железный предмет. В центре погребения были разбросаны фрагменты двух керамических сосудов. В южной части погребения найдены накладка, наконечник ремня, пронизка (рис.67).

Погребение №72. В засыпи могильной ямы встречены куски древесного тлена и обугленной древесины. В состав погребального инвентаря входили поясные накладки, бронзовые бусы, пронизка и фрагменты керамики (рис.67).

Погребение №73. От скелета сохранились зубы, найденные в центре погребения. В северной части могильной ямы встречены бронзовые и стеклянные бусы, шаровидные и гирьковидная привески, вероятно, входившие в состав ожерелья. Здесь же обнаружены неопределенный железный предмет и фрагменты керамики. В южной части ямы найдены два наконечника стрел, фрагменты неопределенных железных предметов, 8 серебряных пластин — обкладок деревянного сосуда, фрагменты двух керамических сосудов и зуб лошади (рис.67).

Погребение №74. В северной и центральной части могильной ямы обнаружено скопление мелких стеклянных бус и фрагменты бронзовой цепочки. Южнее найдено бронзовое височное кольцо, бронзовые бусы и пронизка. Часть бронзовых бус лежала в ряд, с одной стороны которого найдена серебряная монета, с другой стороны – якорьковая подвеска. В ЮЗ углу погребения встречена серебряная обкладка деревянного сосуда (рис.68).

Погребение №75. В северной части ямы обнаружены остатки доски,

лежащей поперек погребения. От скелета сохранились зубы, найденные в центре могилы. Находки также были сосредоточены в центре погребения. В северной части этого скопления преобладали стеклянные бусы, среди которых найдены гирьковидные подвески. Южнее находились детали поясного набора – накладки, бронзовые бусы и пронизки, 2 колоколовидные пронизки. Здесь же встречена серебряная подвеска от височного кольца (?), фрагмент браслета, неопределенные железные предметы, фрагменты керамики, серебряные обкладки деревянного сосуда (рис.68).

Погребение №76. Вдоль восточной стенки ямы зафиксирован заплечек, а в северной части ямы углубление, в котором наблюдалось скопление деталей ожерелья, состоящего из стеклянных и бронзовых бус и полых шаровидных привесок. В центре погребения были сосредоточены детали украшения пояса: фрагмент поясной привески с 10 накладками и наконечником ремня, бронзовые бусы и пронизки. В южной части этого скопления находился керамический сосуд. У южной стенки погребения обнаружена серебряная погребальная маска, вокруг которой зафиксировано большое количество крупных угольков (рис.68).

Погребение №77. У западной стенки ямы наблюдался заплечек. В центре погребения найдены стеклянные и бронзовые бусы, пронизки, колокольчик. В южной части ямы обнаружены фрагмент керамического сосуда и принадлежности пояса: пряжка, две круглые накладки, 4 умбоновидные подвески от поясной сумочки, бронзовые бусы. Здесь же найден железный нож (рис.69).

Погребение №78. В северной части погребения найдены щитовидные накладки из поясного набора, наконечник стрелы и фрагмент керамики. В ЮВ углу могильной ямы находилось скопление железных предметов: рогатина, скобель, топор и мотыжка (рис.69).

Погребение №78а. В ЮЗ части могильной ямы погребения № 78 на дне наблюдалась подпрямоугольная яма с большим количеством находок, которые указывают, что здесь находилось детское девичье погребение. Среди находок серебряное калачевидное височное кольцо, два серебряных дирхема – целый и резан, стеклянные бусы, расположенные в ряд, – остатки ожерелья, пронизка-уточка, браслет небольшого диаметра, керамический сосуд (рис.69).

Погребение №79. Могильная яма частично перекрывала погребение № 80. Вдоль северной торцевой стенки за пределами могильной ямы находились в ряд три столбовые ямки небольшого диаметра, еще одна ямка зафиксирована на дне могильной ямы в ее северной части. В СЗ углу погребения найдены бронзовые бусы, лежавшие в ряд, и шаровидная привеска, южнее – фрагмент бронзовой цепочки с привеской-лапкой. В центральной части могильной ямы были сосредоточены фрагменты ожерелья: стеклянные, бронзовые, керамические бусы. Здесь же найдены фрагменты бронзовой цепочки и костыльковая подвеска, серебряное грушевидное проволочное височное кольцо, неопределенные железные предметы, наконечник стрелы. Южнее обнаружены элементы поясной гарнитуры: бронзовая пряжка, поясные накладки, накладки поясной привески, бронзовые пронизки, бусы, колокольчик от поясной привески. Рядом находился серебряный дирхем. В южной части погребения найдены неопределенные железные предметы, оселок, фрагменты керамического сосуда, а также фрагменты

плохо сохранившейся берестяной сумочки с ожерельем из бронзовых бус внутри (рис.70).

Погребение №80. От скелета сохранился зуб, найденный в центре погребения. Вдоль западной стенки погребения зафиксирован заплечек, на котором находилась челюсть животного. В северной части ямы найдены стеклянная бусина, бронзовые бусы, пронизка, бубенчик и поясная накладка. Здесь же находился зуб лошади. В центре погребения многочисленные неопределенные фрагменты железных предметов, фрагмент керамики, пластинчатый бронзовый перстень (рис.70).

Погребение №81. На дне могильной ямы сохранился древесный тлен от настила. В центре погребения найдена серебряная калачевидная височная подвеска, бронзовая цепочка и набор бронзовых бус от накосника, стеклянные бусы, составлявшие ожерелье. Здесь же обнаружены три лошадиных зуба. Южнее этого скопления встречены треугольные накладки с колечками, часть из которых лежала в ряд. Эти накладки служили для украшения поясного ремня. Еще южнее встречено большое количество сердцевидных накладок, наконечник ремня, бронзовые бусы и флаконовидная пронизка от поясных привесок, среди них обнаружены серебряный дирхем и фрагмент железного ножа. В южной части могильной ямы встречены фрагменты керамического сосуда, пряслице, неопределенный железный предмет (рис.71).

Погребение №82. У северной торцевой стенки ямы наблюдалась ступенька, на которой находился раздавленный керамический сосуд, вдоль западной стенки погребения зафиксирован заплечек. От скелета сохранились зубы, обнаруженные в центре погребения. На дне могильной ямы сохранился древесный тлен от помоста. В северной части погребения найдено большое количество мелких стеклянных бус, очевидно, составлявших ожерелье, а также серебряный дирхем. Здесь же обнаружены лошадиные зубы. В центре погребения найдено 2 наконечника стрел, фрагменты неопределенных железных предметов, фрагменты керамики, зуб лошади. В ЮВ углу могильной ямы находились еще 2 наконечника стрел, железные предметы, серебряная обкладка деревянного сосуда, фрагмент бронзового браслета (рис.72).

Погребение №83. У северной торцевой стенки могильной ямы зафиксирована ступенька, возле которой найдены небольшой фрагмент человеческой кости, 2 бронзовые накладки, фрагмент серебряного проволочного височного кольца, фрагмент керамики, неопределенный железный предмет. В центре погребения находился развал керамического сосуда, бронзовый тлен, наконечник ремня, неопределенный железный предмет. Основная часть находок была сосредоточена в южной части ямы: накладки поясного набора, фрагменты кожаного поясного кошелька, бронзовые бусы от поясной привески, фрагмент бронзового перстня, серебряная обкладка деревянного сосуда (рис.72).

Погребение №84. От скелета сохранился зуб, найденный в южной части погребения. В северной части могильной ямы обнаружено скопление шаровидных привесок и фрагменты керамического сосуда. В южной части найдено большое количество стеклянных бус, а также 3 оселка, неопределенный железный предмет, фрагмент наконечника стрелы, две поясные накладки и фрагменты керамического сосуда (рис.73).

Погребение №85. У восточной стенки к погребению примыкал

подтрапециевидный "карман". В северной части могильной ямы были сосредоточены детали нагрудного украшения: бисер и стеклянные бусы. В центре погребения найдены клыковидная и арочная подвески, которые, возможно, использовались в качестве накосников. Южнее обнаружены накладки от поясной привески. В центральной и южной части могильной ямы встречены фрагменты керамического сосуда (рис.73).

Погребение №86. Основную часть погребального инвентаря составляли детали богатого поясного набора, состоящего из бронзовой пряжки, щитовидных и квадратных накладок от поясного ремня, круглые накладки и 7 наконечников ремней от поясных привесок. Сохранился также фрагмент поясного ремня шириной 2 см. Среди деталей поясной гарнитуры встречено два бронзовых бубенчика, фрагменты ножа, серебряная обкладка деревянного сосуда, фрагменты керамического сосуда. Все это скопление концентрировалось преимущественно в центре погребения. Южнее него найдены 4 стеклянные бусины и шаровидная привеска (рис.73).

Погребение №87. От скелета сохранились зубы, обнаруженные в центральной части ямы. В СЗ углу погребения было сосредоточено большое количество стеклянных, каменных, бронзовых бус и бисера. Здесь же найдены шаровидная привеска, привеска-лапка и колокольчик. В центре погребения находились несколько неопределенных железных предметов, оселок, фрагменты керамического сосуда. В ЮВ углу погребения были сосредоточены 3 бронзовые бусины и пронизки от поясной привески, и несколько мелких фрагментов керамики (рис.73).

Погребение №88. К восточной стенке погребения примыкал подтреугольный "карман" со ступенькой. Рядом на дне могильной ямы зафиксированы три столбовые ямки, расположенные в форме треугольника. От скелета сохранился зуб, найденный в центре ямы. В северной части погребения обнаружены наконечник стрелы и небольшие фрагменты неопределенных железных предметов, медный тлен и фрагменты тонких круглых серебряных пластин. Вероятно, медный тлен – это остатки основ монетовидных подвесок. Здесь же встречены фрагменты керамического сосуда. В центре погребения найдены поясные накладки, бронзовые бусы и пронизки от поясной привески, шаровидные привески. В южной части ямы найдено несколько стеклянных бус (рис.74).

Погребение №89. Вдоль продольных стенок погребения зафиксированы фрагменты деревянных плах. В центре ямы найдено серебряное проволочное кольцо. В южной части погребения находились украшения пояса: накладки и две бронзовые бусины, а также фрагмент железного ножа и зуб лошади (рис.74; цв. вкл. В).

Погребение №90. У западной стенки погребения зафиксирован подтреугольный "карман", внутри которого найдены фрагмент поясной привески с набором сердцевидных накладок, фрагменты керамического сосуда, железное кресало, наконечник стрелы и неопределенные железные предметы, две стеклянные бусины. В северной части погребения обнаружены три стеклянные бусины и несколько сердцевидных накладок. В центре погребения находился поясной набор, состоящий из восьми квадратных накладок с прорезями, от которых лучами в разные стороны расходились 4 длинные поясные привески с накладками, завершающиеся наконечниками ремней. Здесь же найдены 3 мелкие сердцевидные накладки и три наконечника

ремней от поясной сумочки, а также два колокольчика и бубенчик, которые подвешивались к поясу или сумочке. К югу от поясного набора находились развал керамического сосуда, серебряная обкладка деревянного сосуда, крупное железное кольцо (рис.74).

Погребение №91. У западной продольной стенки погребения зафиксирован подтрапециевидный "карман" с остатками древесины на дне и глубокой круглой ямой в центре. В центре погребения в виде компактного скопления были сосредоточены стеклянные и бронзовые бусы и шаровидные привески. Вокруг этого скопления найдено еще несколько стеклянных, бронзовых и каменных бусин, бронзовый бубенчик, фрагмент бронзового браслета, бронзовая пряжка с фрагментом кожи, наконечник ремня. В южной части погребения найдены фрагменты керамического сосуда, бронзовая пронизка и бусина, стеклянная бусина, серебряная обкладка деревянного сосуда, черешок наконечника стрелы с остатками древка. За пределами северной границы могильной ямы найден серебряный "колпачок" и развал керамического сосуда (рис.75).

Погребение №92. У западной стенки погребения зафиксирован небольшой подтреугольный "карман". В северной части погребения обнаружен развал керамического сосуда. Рядом находились стеклянные и каменные бусы, бисер, бронзовые бусы и шаровидные привески. Здесь же найдена небольшая бронзовая пряжка. В центре погребения располагались детали пояса: бронзовая пряжка, накладки, три бронзовых кольца, три шумящие умбоновидные подвески. Среди этого скопления вещей находились бронзовый браслет, серебряный "колпачок" – фрагмент перстня, неопределенные железные предметы (рис.51, 75).

Погребение №93. В северной части погребения найдены две шаровидные привески и три наконечника стрел. В центре могильной ямы встречены неопределенные железные предметы, фрагменты керамического сосуда, серебряная пластинка – обкладка деревянного сосуда, фрагмент поясной привески – три маленькие сердцевидные накладки и наконечник ремня. В южной части могильной ямы находились сердоликовая бусина, бронзовая пронизка, бронзовые бусы (рис.76).

Погребение №94. От костяка сохранились зубы, которые располагались в центре могильной ямы. Вокруг находились стеклянные, каменные бусы и бронзовые шаровидные привески, которые располагались по порядку, что позволило реконструировать ожерелье. Южнее находились две якорьковые подвески и две низки бронзовых бус – остатки накосника. Под подвесками сохранились фрагменты дерева от помоста. В ЮВ углу погребения найден нож. В СЗ углу погребения обнаружен зуб лошади. До момента фиксации могильной ямы в пределах ее границ найдено золотое височное кольцо (рис.76).

Погребение №95. У торцевых северной и южной стенок погребения зафиксированы ступеньки. При разборке могильной ямы находок не было, но до момента фиксации погребения в пределах его границ встречены сердцевидная накладка, две бронзовые бусины и пронизка (рис.76).

Погребение №96. От скелета сохранились зубы, которые обнаружены в северной части погребения, и фрагмент трубчатой кости, найденный у восточной стенки в центре могильной ямы. На дне ямы встречены фрагменты древесины от настила.

В северной части погребения найден фрагмент шумящей якорьковой подвески, бронзовая шаровидная привеска и фрагмент тонкой бронзовой пластинки. Возле зубов находились бронзовая бусина и 6 шаровидных бронзовых привесок. В центральной части погребения у восточной стенки обнаружено пятно древесного тлена размерами 0,4 х 0,23 м, поверх дерева сохранились фрагменты меха, которые законсервировались благодаря нашивкам из тонких штампованных серебряных пластин. Пластины находились вперемешку с тленом (вероятно бронзовым, т.к. он имел зеленоватый оттенок), который сплошным слоем покрывал пятно органики. Возможно, это остатки сумки, расшитой металлическими накладками, из которых сохранились лишь единичные экземпляры, поэтому не было возможность проследить ритм орнамента. Кроме того, в районе пятна обнаружен фрагмент железного наконечника стрелы. К западу от пятна найдены: маленькая сердцевидная накладка на коже, фрагмент железного наконечника стрелы, железный предмет и развал сосуда из черного теста, ломкого, пористого, без видимых примесей. До фиксации погребения на его территории найдены: бронзовая пронизка и бронзовая бусина (рис.76).

Погребение №97. У северной торцевой стенки погребения зафиксирована ступенька, на которой найдены 2 лошадиных зуба. Еще один такой зуб встречен у западной стенки, один — у восточной стенки могильной ямы. В южной части погребения у западной стенки обнаружены черная пастовая бусина, полосатая желто-коричневая бусина и бронзовая пронизка (рис.76).

Погребение №98. У северной торцевой стенки ямы зафиксирована ступенька, вдоль западной стенки – заплечек, на котором вдоль всей западной стенки встречались фрагменты древесного тлена, а в СЗ углу погребения – фрагмент деревянной плахи.

В северной части могильной ямы обнаружена бронзовая пронизка, бронзовая бусина, синяя стеклянная бусина. К ЮЗ от этого скопления найдено несколько мелких фрагментов неорнаментированной керамики очень плохого качества. Южнее найдены бронзовые, глазчатая пастовая и сердоликовая бусины, серебряное калачевидное височное кольцо и железный предмет, под которым сохранился древесный тлен. В центре погребения обнаружены бронзовая пряжка, фрагмент железного ножа, два наконечника стрелы, неопределенные железные предметы, железное кресало и два кремня, фрагменты керамического сосуда, остатки кожаного кошелька. Края кошелька были скреплены медными обоймочками, которые и сохранились вместе с фрагментами кожи. У восточной стенки найден зуб лошади. У западной стенки погребения обнаружена низка мелких посеребренных бус (13 шт.) и низка из 7 стеклянных бус, рядом — желтая трехчастная бусина и железный нож. В южной части погребения найдены несколько мелких фрагментов керамики, два фрагмента бронзового браслета и бронзовый тлен. До момента фиксации в районе погребения найден фрагмент бронзовой лунницы и наконечник ремня (рис.77).

Погребение №99. От костяка сохранились зубы, найденные в СЗ углу могильной ямы. В ЮВ углу погребения наблюдалось подчетырехугольное углубление, в котором находилась половина нижней челюсти лошади. Отдельные зубы лошади встречены в центре могильной ямы. В СЗ углу погребения рядом с зубами человека найдены шаровидные привески и фрагмент кожи размерами 4,7 х 2,6 см, поверх которого располагались параллельно

два кожаных ремешка шириной 0,8 см, украшенные мелкими гладкими сердцевидными накладками (8 шт.) и накладкой в виде бантика; рядом найдены 5 стеклянных и кашинных бусин, расположенных последовательно в виде низки, квадратная накладка. В районе центральной части погребения еще до момента его фиксации было обнаружено скопление деталей поясной гарнитуры: бронзовая пряжка, квадратные поясные накладки, накладки и пронизки от поясных привесок. В СВ углу погребения обнаружен фрагмент керамики, шаровидная привеска, фрагмент бронзового браслета, неопределенный железный предмет (рис.77).

Погребение №100. Вдоль СВ продольной стенки ямы зафиксирован "карман" подтрапециевидной формы. От скелета сохранились две кости (фаланги пальцев), найденные среди скопления инвентаря в районе "кармана". В северной части погребения встречен зуб лошади. В центре могильной ямы отмечалось пятно речного песка, в котором обнаружены фрагменты костей животных. В северной части погребения найдена привеска-лапка от шумящей подвески с фрагментом цепочки. Основная часть находок сосредоточена в районе "кармана". Здесь представлены детали ожерелья и поясного набора. Детали ожерелья включали сердоликовые бусы, янтарную бусину, стеклянные бусы, бисер и бронзовые шаровидные привески, которые сосредоточены южнее бус (возможно, составляли нижнюю низку ожерелья). Здесь же найден фрагмент колесовидной подвески. Юго-восточнее деталей ожерелья располагались детали поясного набора: семь широких накладок от основного ремня, южнее — 10 вытянутых накладок от поясной привески, выполненных в едином стиле, и наконечник ремня. Среди накладок основного ремня обнаружены бронзовые бусы от поясной привески. Бронзовая пряжка находилась к ЮЗ от скопления накладок основного ремня. Рядом лежало кресало с бронзовой рукоятью, а к В-СВ от него — шумящая коньковая подвеска. У ЮВ границы погребения обнаружены фрагмены керамики, ножа, фрагмент бронзовой цепочки. До фиксации могильной ямы в пределах ее границ найдены стеклянные бусы и накладки, которые хорошо сопоставляются с комплексом вещей, найденных в погребении, и, несомненно, входят в состав погребального инвентаря (рис.78).

Погребение №101. В СЗ углу ямы зафиксирована подтреугольная ступенька, в районе которой найдены бронзовая накладка, костыльковая подвеска, две бронзовые пронизки, бронзовая бусина на кожаном ремешке и бубенчик, железный предмет, два лошадиных зуба. У северной стенки погребения находилась пронизка. В центральной части погребения обнаружены наконечник ремня, 2 бронзовые накладки, 3 стеклянные бусины. В районе южной части погребения были найдены бронзовая пронизка, 4 поясные накладки со следами шелковой ткани, бронзовая заклепка и зуб лошади (рис.78).

Погребение №102. У западной стенки погребения наблюдалась ступенька полукруглой формы. Инвентарь погребения сосредоточен в северной части могильной ямы. Здесь вдоль осевой линии погребения лежал фрагмент поясной привески в виде кожаного ремешка с 11 сердцевидными накладками и наконечником. Отдельные сердцевидные накладки из этого набора встречены до момента фиксации погребения в верхних слоях заполнения и за пределами границ могильной ямы. Рядом обнаружены другие детали поясного набора: десять крупных квадратных накладок от наборного пояса, четыре крупные сердцевидные накладки, наконечник ремня, фрагменты

еще одной поясной привески — восемь мелких гладких сердцевидных накладок и соответствующий им наконечник ремня. В СЗ углу погребения найдены две бронзовые бусины, 3 бронзовые пронизки, две шаровидные привески, в северной части погребения — зуб лошади и фрагмент железного ножа. У восточной стенки могильной ямы обнаружено небольшое скопление бисера и мелких бус. Наиболее интересной находкой в погребении является кресало с бронзовой рукоятью, на которой изображены два фантастических животных, оно находилось в центре общего скопления инвентаря; под ним прослеживалась береста, рядом — древесный тлен. Рядом находился серебряный "колпачок", украшенный сканью и зернью, со вставкой из стеклянной бусины; под ним — остатки органики (кожа?). Южнее найден железный топор с остатками топорища. К востоку от кресала найден железный наконечник стрелы с остатками древка. В погребении также обнаружено несколько железных предметов и маленький фрагмент булгарской керамики (венчик) (рис.79).

Погребение №103. Находки концентрировались в центральной и южной части могильной ямы. В центральной части ямы найдены разрозненные фрагменты керамического сосуда, наконечник стрелы с остатками древка, фрагменты тонкой серебряной пластины (возможно монеты) и серебряная монета. В северной и центральной части погребения найдены костыльковая подвеска, 2 бронзовые пронизки, фрагмент бубенчика, флаконовидная пронизка, 3 поясные накладки. В центральной и южной части могильной ямы встречено несколько железных предметов, среди которых фрагмент рукояти ножа с остатками дерева и фрагмент ножа, фрагмент калачевидного кресала. В южной части погребения найдено два лошадиных зуба (рис.79).

Погребение №104. Инвентарь погребения концентрировался у ЮЗ стенки могильной ямы: в Ю углу — бронзовый бубенчик, ближе к центральной части ямы – 3 стеклянные и бронзовая бусины, три кресальных кремня, к западу от них — железный предмет, фрагмент железного ножа, фрагмент железного наконечника стрелы. В ЮВ углу ямы найдено три фрагмента керамики (рис.80).

Погребение №105. В северной части могильной ямы зафиксирована серповидная ступенька, у западной стенки – полукруглый "карман". Находки располагались в центральной части ямы: два лошадиных зуба и скопление украшений: две бронзовые пронизки с прорезными вздутиями и два бронзовых бубенчика, перекрытых остатками кожи. Один из бубенчиков крепился к пронизке кожаным шнурком, под слоем кожи находилась двучастная пронизка и монетовидная подвеска из тонкого тисненого серебра на медной основе с припаянным медным ушком, частично перекрытая остатками берестяного тлена, под которым находились двучастная и трехчастная пронизки. Под украшениями обнаружены фрагменты кожи. Скопление находилось на достаточно большом черном пятне.

К югу от скопления украшений обнаружен развал небольшого сосуда. За пределами границ могильной ямы найдены шаровидная привеска, бубенчик и бронзовая шаровидная бусина, в южной части могильной ямы — бронзовый бубенчик. Все эти находки хорошо сопоставляются с комплексом инвентаря погребения (рис.80).

Погребение №106. Вдоль восточной стенки ямы зафиксирован заплечек.

В северной части погребения находилось овальное углубление со столбовой ямкой на дне. От костяка сохранился фрагмент трубчатой кости. В ЮВ углу могильной ямы обнаружены бронзовая бусина, голубая пастовая бусина и фрагменты керамического сосуда. У СЗ угла погребения за пределами могильной ямы найден развал сосуда (рис.80).

Погребение №107. В ЮЗ углу могильной ямы обнаружена подтреугольная ступенька. Находки сосредотачивались в центральной части погребения: низка из 11 бронзовых и 2 крупных пастовых бус, две бронзовые бусины и две пастовые бусины, фрагменты керамического сосуда. За пределами границ западной стенки могильной ямы найдены железный предмет, бронзовый наконечник ремня (61, гл. 0,53), у ЮВ угла могильной ямы за пределами ее границ найдены две бронзовые поясные накладки (64, гл. 0,41; 93, гл. 0,6 м). У восточной стенки могильной ямы находился развал сосуда (рис.81).

Погребение №108. При разборке погребения находок не обнаружено. Но до момента его фиксации в пределах границ могильной ямы найдены: 2 бронзовые пронизки, бронзовая бусина, бронзовая бусина, 2 бронзовые накладки и зуб человека. У восточной границы пятна обнаружены два железных наконечника стрел и фрагмент бронзовой цепочки (рис.81).

Погребение №109. Находки в погребении сосредоточены в центральной части: серебряная калачевидная височная подвеска, 5 бронзовых бусин, керамическая бусина, 2 бронзовых бубенчика, 2 бронзовые пронизки, бронзовая фибула с шумящими привесками и фрагменты цепочки с привеской от шумящей подвески, железные предметы, фрагмент рукояти ножа, фрагмент ножа, железный нож, 2 зуба лошади, фрагменты керамического сосуда (рис.81).

Погребение №110. В ЮВ углу могильной ямы зафиксирован "карман" подтреугольной формы. От костяка сохранились два фрагмента трубчатых костей, обнаруженные в центральной части ямы. Находки были сосредоточены преимущественно в центре могильной ямы и в ее южной части. В центре ямы найдены: фрагменты керамического сосуда, половинка орнаментированной шаровидной бронзовой бусины, фрагмент бронзового височного кольца, два железных наконечника стрел. В южной части погребения найдены два железных предмета, фрагмент железного наконечника стрелы, железный топор, фрагмент железного кресала и фрагмент бронзовой поясной накладки. За пределами западной границы погребения найдены железный наконечник стрелы и железный нож (рис.82).

Погребение №111. Большинство находок, относящихся к данному погребению, было собрано до момента фиксации могильной ямы. Это детали поясного набора: в районе центральной части погребения — квадратные накладки, железный нож с остатками деревянной рукояти; южнее — 7 сердцевидных накладок на остатках кожаного ремешка, бронзовые пронизки, бронзовые бусы; фрагмент бронзовой цепочки, фрагмент бронзового браслета. За пределами восточной границы ямы, но в пределах первоначальных очертаний пятна — глазчатая бусина, железный предмет, бронзовая накладка, лошадиный зуб. В пределах погребения было также обнаружено скопление вещей с остатками органики. Сначала были выявлены остатки берестяного плетения, под ними — три шумящие умбоновидные подвески на кожаном ремешке — в центре крупная, по боками мелкие, под подвесками — крупный фрагмент шерстяной ткани саржевого переплетения.

При разборке погребения в его северной части обнаружены: фиолетовая бусина в виде трубочки, развал керамического сосуда, у южной стенки — наконечник стрелы с остатками древка (рис.82).

Погребение №112. У восточной стенки могильной ямы зафиксировано овальное углубление с остатками древесины на дне. В пределах границ могильной ямы до ее фиксации найдено семь круглых выпуклых накладок с поясками ложной скани. Большинство из них находилось над границами углубления в юго-восточной части погребения; четыре бронзовые пронизки с двумя вздутиями располагались главным образом в районе центральной части погребения, здесь же найдена пронизка-колокольчик; две пастовые бусины.

При разборке погребения в его северной части найдены детали поясной привески — наконечник ремня с сердцевидной накладкой на кожаном ремешке и 7 сердцевидных накладок. Здесь же обнаружены фиолетовая стеклянная бусина в виде трубочки и золоченая бусина, фрагменты керамического сосуда. В центральной части могильной ямы найдены фрагмент керамики, бронзовая пронизка, две бронзовых пронизки-колокольчика и бронзовая бусина. В углублении обнаружена круглая выпуклая накладка с поясками ложной скани, аналогичная собранным здесь же до момента фиксации погребения (рис.83).

Погребение №113. Часть находок собрана до момента фиксации могильной ямы: в северной части погребения — наконечник ремня и бронзовая шаровидная привеска; в районе центральной части погребения — бронзовая пронизка, синяя стеклянная бусина, бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью; в южной части погребения — бронзовая бусина и фрагмент бронзового бубенчика.

При разборке погребения в его северной части найдены два ряда человеческих зубов, рядом — серебряный тлен. Восточнее — две низки бронзовых спиралевидных пронизок, под ними — фрагмент черепной кости. Южнее располагалось скопление предметов, относящихся к ожерелью: три шаровидные привески, тлен янтарной бусины, две стеклянные синие бусины, бронзовая пронизка; южнее — бусы и привески, составляющие одну нить (с запада на восток): бронзовая шаровидная привеска, три янтарные бусины, бронзовая шаровидная привеска, синяя стеклянная бусина, далее — фрагмент серебряной монетовидной подвески с отпечатками ткани на оборотной стороне, две бронзовые шаровидные привески, четыре янтарные бусины, шаровидная привеска, бронзовая пронизка; шаровидная привеска, фрагмент бронзовой калачевидной височной подвески, серебряный предмет, фрагмент бронзовой шаровидной привески, стеклянная синяя бусина. В центральной части погребения найдены: синяя стеклянная бусина, три бронзовые шаровидные привески, обломки голубой стеклянной бусины, бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью, две синие стеклянные ребристые бусины, бронзовый бубенчик, бронзовая спиралевидная пронизка, синяя четырехчастная бусина, две синие пастовые ребристые бусины. Южнее этого скопления располагались фрагменты керамического сосуда, спиралевидная пронизка, древесный тлен (рис.83).

Погребение №114. У ЮЗ стенки могильной ямы зафиксирован полукруглый "карман". У З границы погребения найдены бронзовая бантовидная накладка, фрагмент бронзового бубенчика и бронзовая накладка.

В СЗ части погребения на его осевой линии найдены фрагменты бронзовой колесовидной подвески и бронзовая поясная петля; в центре погребения наблюдалось скопление бус, относящихся к ожерелью, расположенных в определенном порядке — желтые двучастные, стеклянная, двучастная желтая, зеленая полосатая, 4 двучастные желтые, черная полосатая, 2 зеленые полосатые, 2 двучастные желтые, зеленая полосатая, двучастная желтая, черная полосатая, желтая трехчастная, стеклянная, желтая двучастная, желтая трехчастная. Следующий ряд: желтая, желтая трехчастная, желтая двучастная, зеленая полосатая, желтая, две желтые двучастные, синяя, желтые двучастные. Среди этого скопления находились также железный предмет, фрагмент черепной кости и 2 человеческих зуба. Другое скопление вещей находилось в ЮВ части погребения, найденные здесь предметы относятся, главным образом, к деталям поясного набора: фрагмент кожаного ремня шириной 1,1 см, 30 накладок от поясной привески и наконечник ремня, здесь же под накладками сохранились следы древесного тлена, меха, ткани, небольшой фрагмент трубчатой кости. Восточнее обнаружены остатки основного пояса — фрагменты кожаного ремня шириной 1,5 см и 26 накладок, более широких, чем на поясной привеске. Вокруг пояса встречались мелкие фрагменты керамики, это позволяет предположить, что пояс был уложен в сосуд. Здесь же обнаружены следы органики — кожа, мех, дерево. К ЮВ от этого скопления найдены остатки маленького деревянного сосуда с четырьмя серебряными обкладками на венчике. Южнее найдены фрагменты керамики, фрагмент трубчатой кости, серебряная пластинка, железный предмет. В районе ступеньки найдена бронзовая накладка (рис.83).

Погребение №115. До фиксации могильной ямы в пределах ее границ найдены: бронзовая спиралевидная пронизка, бронзовая пряжка и колокольчик с петельками для шумящих привесок, фрагмент серебряного предмета (калачевидной височной подвески?) с зернью, сканью и позолотой, фрагмент серебряного круглопроволочного височного кольца и железный предмет. В районе центральной части погребения найдено два лошадиных зуба.

При разборке погребения в его СЗ части были обнаружены зуб человека и бронзовая бусина; в районе центральной части погребения — бронзовая пронизка с двумя вздутиями и щитовидная поясная накладка, а также несколько фрагментов керамики, относящихся к одному сосуду (гончарный булгарский сосуд серого цвета со следами лощения) (рис.84).

Погребение №116. До фиксации погребения в пределах его границ найдены: фрагмент железного ножа, бронзовая бусина и бронзовый спиралевидный перстень.

При разборке погребения обнаружены: у СВ стенки могильной ямы — бронзовая шаровидная привеска, три бронзовые пронизки, четыре человеческих зуба. В центральной части погребения вдоль осевой линии располагались фрагмент трубчатой кости человека и фрагмент керамики, восточнее — темно-синяя стеклянная бусина, две половинки круглодонного лепного сосуда, два железных предмета, фрагменты бронзовой лировидной пряжки, два железных наконечника стрел (рис.84).

Погребение №117. До фиксации погребения в пределах его границ найдены бронзовый наконечник ремня и фрагмент флаконовидной пронизки.

В центральной части погребения обнаружен развал крупного сосуда.

Восточнее найден наконечник стрелы, южнее — железный топор. В Ю части погребения обнаружены наконечник стрелы и железный предмет (рис.85).

Погребение №118. До фиксации погребения в пределах его границ найдены три железных предмета, 3 квадратные бронзовые поясные накладки, 5 крупных бронзовых сердцевидных накладок, развал крупного сосуда, бронзовая пронизка, железное кольцо, железный наконечник стрелы и три лошадиных зуба.

При разборке погребения в его северной части найдены: каменный оселок, железный предмет (фрагмент рукояти?), железный наконечник стрелы; в южной части погребения находилось скопление инвентаря, большая часть которого относится к деталям поясного набора: две мелкие бронзовые сердцевидные накладки, бронзовая бантовидная накладка, фрагмент квадратной накладки, фрагмент пояса — кожаный ремешок шириной 1,2 см с 4 квадратными и 1 крупной сердцевидной накладками, трехчастная бронзовая пронизка и шаровидная привеска, рядом — фрагмент еще одной квадратной накладки; севернее линии этих накладок найден кожаный ремешок шириной 0,7 см с тремя мелкими сердцевидными накладками, лежавшими лицевой стороной вниз; южнее находился еще один фрагмент пояса — кожаный ремешок с 4 квадратными накладками, перпендикулярно которому находился ремешок с 2 мелкими сердцевидными накладками, рядом — крупная сердцевидная накладка. Здесь же найдена полуистлевшая бронзовая застежка от поясной сумочки, бронзовая гирьковидная привеска и железное кольцо. К ЮЗ от всего этого скопления найден железный наконечник стрелы. В ЮВ части погребения найдены: серебряный перстень, основа шумящей якорьковой подвески, серебряный бракteат и тлен бронзовой бусины (рис.85).

Погребение №119. У восточной стенки ямы зафиксирован полукруглый "карман". До момента фиксации погребения в пределах его границ было обнаружено скопление вещей: бронзовое кольцо, железный топор, 4 бронзовые пронизки и кресало с бронзовой рукоятью. У СЗ угла погребения обнаружены бронзовая шаровидная привеска и 2 лошадиных зуба.

При разборке погребения в его северной части найден фрагмент черепной кости, в южной части - фрагмент железного ножа, железный предмет (рукоять ножа?), фрагмент керамики, бронзовая бусина (рис.86).

Погребение №120. До момента фиксации погребения в пределах его границ найдены фрагмент бронзовой поясной накладки и темно-синяя стеклянная бусина. При разборке могильной ямы в ее СЗ углу найдены фрагмент серебряной монеты, под ним — железный топор-пешня; восточнее — бронзовая шаровидная привеска и золотая калачевидная височная подвеска. Южнее этого скопления обнаружен фрагмент трубчатой кости человека с серебряной пластинкой. Восточнее найдены железное кресало и фрагмент серебряного бракteата с остатком шелковой ткани простого полотняного переплетения. Южнее обнаружены две бронзовые шаровидные привески и фрагменты серебряного бракteата; к востоку от них — серебряная калачевидная височная подвеска, к ЮВ — фрагмент железного кольца. В центральной части могильной ямы найдены два человеческих зуба, два фрагмента керамики, две бронзовые бусины на кожаном шнурке и железный наконечник стрелы. В южной части могильной ямы сосредоточены следующие предметы: древесный тлен, обломок железного ножа, железный пред-

мет, мотыжка, железный крючок; железный наконечник стрелы, железный предмет (фрагмент топора?), железный резец-ложкарь, железный скобель, фрагмент кресала с бронзовой рукоятью, серебряная обкладка с древесным тленом внутри и остатками древесного тлена вокруг (рис.86).

Погребение №121. До момента фиксации погребения в его пределах были обнаружены: фрагмент бронзовой витой гривны, кресальный кремень и фрагмент железных удил. У восточной границы могильной ямы был обнаружен развал сосуда из необоженной глины. От сосуда сохранилось только донышко, изъять его из земли не представлялось возможным.

При разборке погребения в его СЗ углу обнаружена бронзовая поясная накладка, в центральной части ямы: черная пастовая бусина, стеклянная посеребренная бусина, сердоликовая бусина, фрагмент наконечника дротика (?), лошадиный зуб и два фрагмента керамики. В районе центральной части могильной ямы у западной стенки обнаружены фрагменты полуистлевших трубчатых костей, на которые был надет бронзовый прутковый браслет. На внутренней части браслета сохранились остатки кожи от верхней одежды. Под браслетом сохранились следы древесного тлена. В южной части могильной ямы найден фрагмент керамики (рис.87).

Погребение №122. До фиксации могильной ямы в пределах ее границ найдены: развал сосуда в области СВ угла погребения, в районе центральной части погребения — бронзовая пронизка, три бронзовые сердцевидные накладки и фрагмент серебряного колечка, бронзовая пронизка-колокольчик, 9 бронзовых бусин, 3 бронзовые пронизки, 2 бронзовые костыльковые подвески.

При разборке могильной ямы в ее СЗ части обнаружено скопление бисера, бус и бронзовых шаровидных привесок, которые составляли определенный рисунок, вероятно, это фрагмент расшивки нагрудника, под ним фиксировались темные пятна (остатки органики). В состав нагрудника входили и другие вещи, сгруппированные вокруг скопления: бисер, стеклянные, сердоликовые и бронзовые бусы, 2 гирьковидные подвески, 9 бронзовых шаровидные привесок, спиралевидные пронизки. Рядом обнаружено серебряное височное кольцо и человеческие зубы. Юго-западнее этого скопления найдены кусок сердолика и бронзовая двучастная пронизка. В южной части погребения встречены: тлен от бронзовых накладок, кусок сердолика, древесный тлен, серебряная обойма с остатками дерева внутри, фрагмент бронзовой цепочки (рис.87).

Погребение №123. Находки сосредоточены в южной части погребения: фрагмент трубчатой кости, фрагменты керамики, развал маленького керамического сосудика (рис.88).

Погребение №124. До фиксации погребения в пределах его границ обнаружены маленькая накладка с изображением личины и бронзовая бусина.

При разборке могильной ямы найдены: в СВ углу погребения — золотое круглопроволочное височное кольцо, у западной границы погребения — фрагмент бронзовой щитовидной накладки, железное кольцо, бронзовая шаровидная привеска, железные наконечники стрел. В центральной части ямы найдены фрагменты керамического сосуда и бронзовая бусина. К Ю от фрагментов керамики обнаружено скопление вещей — два наконечника стрел, бронзовая и синяя стеклянная бусины (рис.88).

Погребение №125. В СЗ углу погребения найдены бронзовая пряжка, железный предмет (фрагмент ножа ?) и фрагмент керамики. В СВ углу погребения — бронзовая флаконовидная подвеска, небольшая бронзовая сердцевидная накладка, железный нож. Южнее: 2 бронзовые бусины, 3 неопределенных железных предмета, бронзовые сердцевидные накладки, 3 лошадиных зуба, бронзовая пронизка, стеклянная бусина. В районе центральной части погребения — скопление вещей: шаровидная привеска, 2 желтые бусины, 2 бронзовые бусины, звено бронзовой цепочки, бронзовая пронизка, розетковидная накладка, бронзовый колокольчик. Здесь же на глубине найдено скопление, в которое входили человеческие зубы (плохой сохранности), расположенные в ряд с севера на юг, рядом с ними — остатки волос и бронзовая цепочка, полукругом охватывающая волосы. Под волосами сохранились остатки древесного тлена. Западнее найден фрагмент дерева и бронзовая шаровидная привеска, рядом — кусочки угля. Севернее привески зафиксировано пятно костного тлена. Под всем этим скоплением встречены мелкие фрагменты древесного тлена. Южнее находились: фрагмент наконечника стрелы, бронзовые сердцевидные накладки, фрагменты бронзового наконечника ремня, бронзовая бусина, шаровидная привеска, голубой бисер и желтая двучастная бусина. Южнее зафиксировано еще одно скопление: фрагмент поясного набора, в который входили 15 сердцевидных накладок, 4 розетковидные и наконечник ремня. Накладки располагались в две линии с запада на восток. Перпендикулярно рядам накладок лежал нож с остатками деревянных ножен; на северо-восток от этого скопления была вытянута низка бронзовых пронизок (8 шт.), которая лежала на фрагменте кожи. Рядом со скоплением найдены вещи, которые, вероятно, относятся к этому же поясному набору: бронзовый бубенчик из двух половинок на шнурке с литой двухчастной пронизкой и двумя спиралевидными пронизками, бронзовый колокольчик, рядом — бронзовый тлен и 3 бронзовые пронизки на кожаном шнурке (рис.88).

Погребение №126. Инвентарь погребения включал: 5 квадратных поясных накладок, 2 желтые стеклянные бусины, 2 бронзовые бусины, фрагменты бронзовой обкладки, 2 человеческих зуба, железный предмет, бронзовую якорьковую подвеску, 2 бронзовые сердцевидные накладки на кожаном ремешке, бронзовую пряжку, бронзовый предмет, фрагмент поясного набора — наконечник ремня с сердцевидной накладкой на кожаном ремешке, под ними — четыре низки с бронзовыми спиральками, заканчивающиеся колокольчиками, в основании кисти — синяя стеклянная бусина, рядом — развал сосуда и бронзовая бусина, южнее — фрагмент поясной привески — 5 бронзовых сердцевидных накладок и наконечник ремня (рис.88).

Погребение №127. В пределах погребения найдены: бронзовый колокольчик, 3 бронзовые пронизки, 2 бронзовые бусины, бронзовая литая и спиралевидная пронизки на кожаном шнурке, двучастная бронзовая пронизка и фрагмент коньковой подвески на кожаном ремешке, бронзовая пряжка, бронзовый предмет (язычок от пряжки ?), бронзовый наконечник ремня, фрагмент бронзовой цепочки, наконечник стрелы железный, 2 неопределенных железных предмета, железная пряжка, фрагмент железного калачевидного кресала, 2 желтые стеклянные бусины, фрагмент керамики, 2 зуба лошади (рис.89).

Погребение №128. В пределах границ погребения обнаружены: железные предметы, рукоять ножа с бронзовой обкладкой, бронзовая шаровидная привеска, 3 бронзовые поясные накладки, 2 бронзовые пронизки, бронзовый бубенчик, желтая стеклянная бусина, фрагмент серебряной пластины, 2 железных предмета, фрагмент железного наконечника стрелы и зуб лошади.

Скопление №1. В южной части раскопа на линиях 65-66 слой, содержащий погребения, имел насыщенный темно-серый цвет, очертания могильных ям прослеживались в нем с большим трудом. Здесь на уч. 66/XI у южной стенки раскопа было обнаружено скопление вещей, включающее нож с остатками деревянных ножен, фрагменты поясной привески в виде узкого кожаного ремешка с 15 сердцевидными, 4 розетковидными накладками и наконечником ремня. Рядом располагалась низка литых бронзовых пронизок (8 экз.) и шаровидная бронзовая привеска. Несомненно, весь этот комплекс входил в единый поясной набор. Однако принадлежал ли он к инвентарю погребения, очертания которого были не установлены, или входил в состав жертвенно-ритуального комплекса, — сказать сложно.

В междумогильном пространстве на раскопе I Рождественского могильника встречено большое количество вещей: миниатюрные сосудики, украшения, зубы и фрагменты челюстей лошади. Часть из этих вещей, возможно, происходит из разрушенных погребений, однако наибольшее их количество, вероятнее всего, связано с поминальными обрядами, при которых вещи приносились в дар умершим родственникам и складывались либо рядом, либо на поверхность могильной ямы. Сосудики, судя по наблюдениям, располагались, как правило, в изголовье погребения в 20-30 см от него. В отличие от посуды из заполнения могильных ям эти сосудики обычно целые, они устанавливались вертикально, вероятно, в вырытую предварительно ямку. Возможно, в сосудах находилась поминальная пища. Украшения обычно располагались россыпью, реже компактными скоплениями. В трех случаях зафиксированы жертвенники, представляющие собой уложенные рядом или на поверхности погребений кошельки с украшениями.

Жертвенник №1. Находился в пределах очертаний могильной ямы погр.№111. Представлял собой кошелек из шерстяной ткани, на который был прикреплен кожаный ремешок с тремя умбоновидными подвесками. Комплекс находился в берестяной емкости (рис.89).

Жертвенник №2. Обнаружен на уч. 66/XIV. Представлял собой скопление украшений: 4 умбоновидные подвески, бубенчик на кожаном шнурке, три пронизки-колокольчика, флаконовидная пронизка, биконьковая подвеска, поясная накладка, железная пластинка, фрагменты цепочек. Скопление находилось в слое истлевшей органики. Судя по составу вещей, это была сумочка, традиционно украшенная умбоновидными подвесками и "бахромой" из бубенчиков и колокольчиков, внутри которой находился набор женских украшений (рис.89).

Жертвенник 3. Обнаружен на уч. 64/XIV. Здесь представлены фрагменты кожаной сумочки, украшенной по нижнему краю бубенчиками, которые крепились на петельках из кожаных шнурков, на которые были нанизаны спиралевидные пронизки. В составе комплекса также находился фрагмент кожаного ремешка с накладкой и наконечником ремня и две колоколовидные привески, которые могли являться частью поясного набора, находящегося внутри сумочки, или собственно ее составными частями (рис.89).

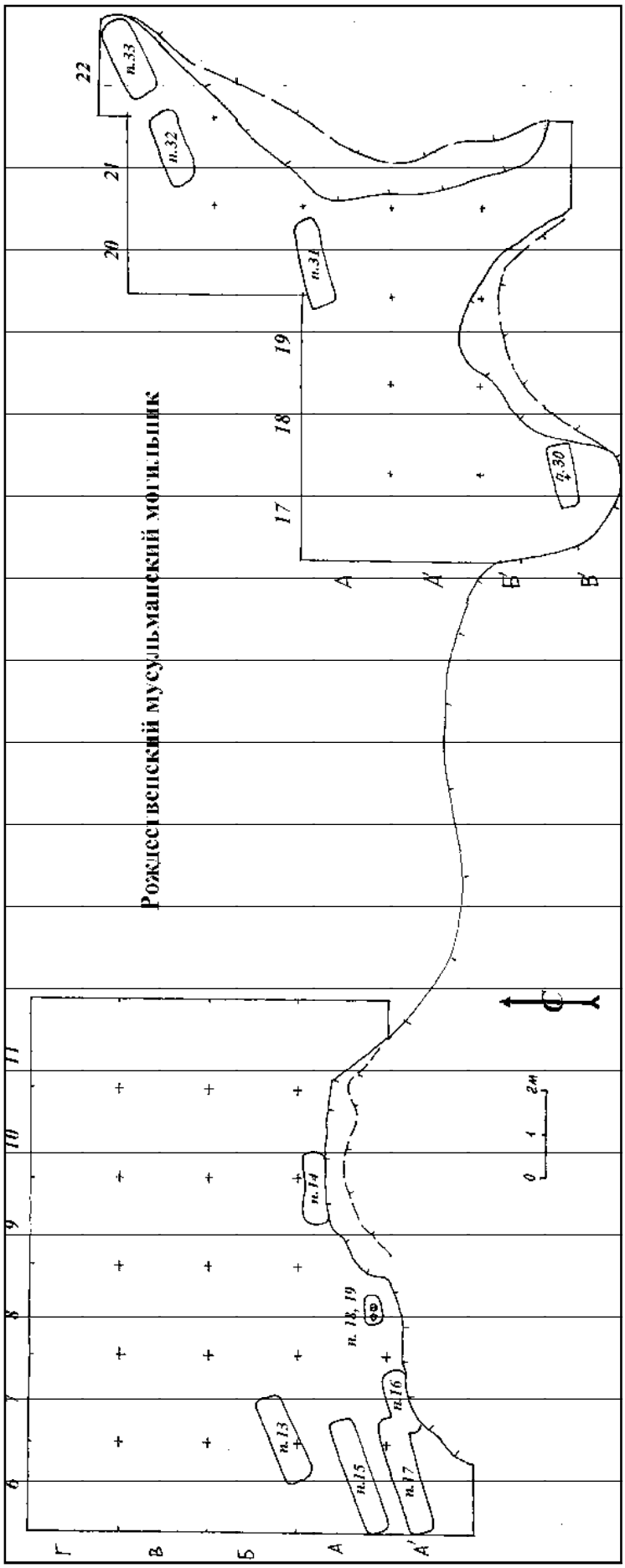

Рис. 38. План раскопов на мусульманском могильнике

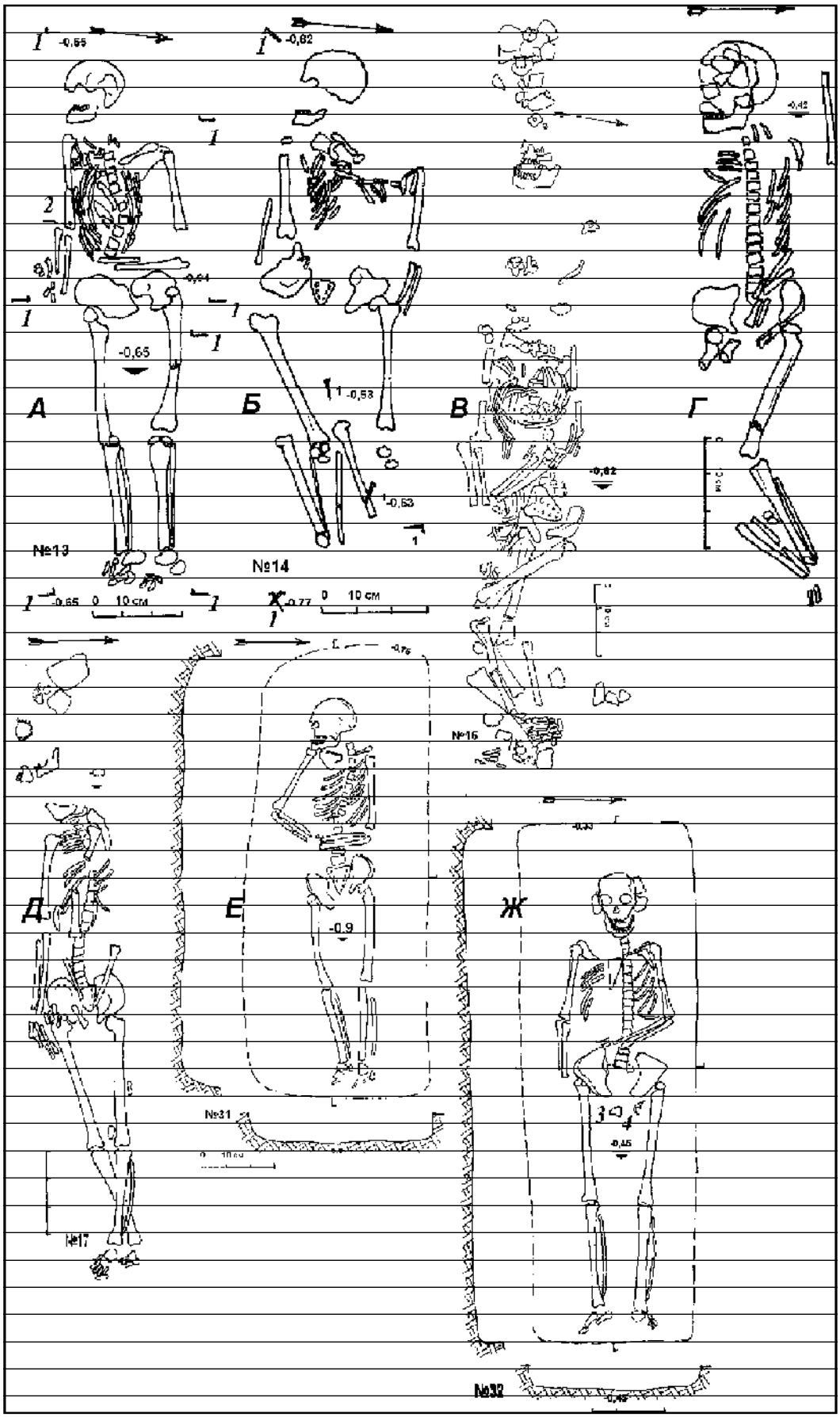

Рис.39. Мусульманские погребения Рождественского могильника. А-13, Б-14, В-15, Г-16, Д-17, Е-31, Ж-32. 1-гвоздь, 2- заклепка бронзовая, 3- фрагмент лепной керамики, 4-наконечник стрелы

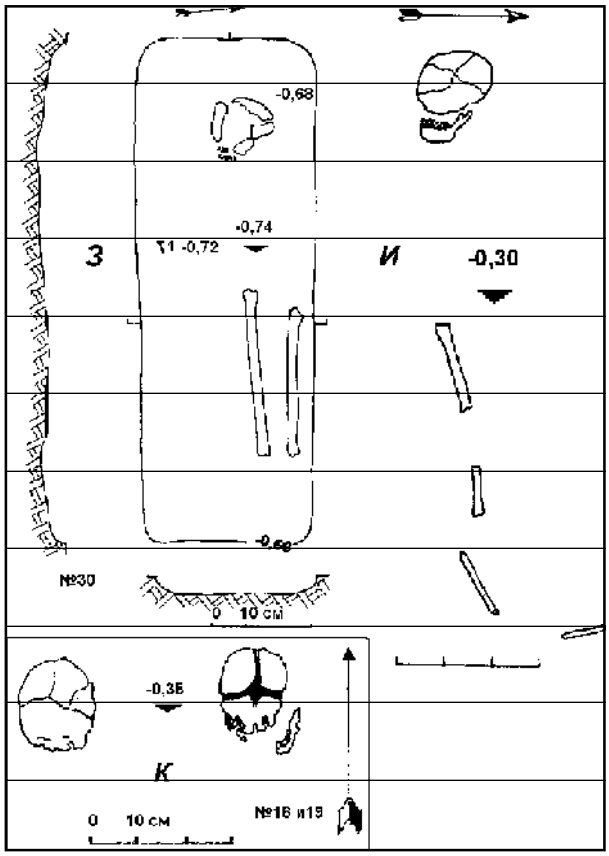

Рис.40. Неполные мусульманские погребения Рождественского могильника. З-30,

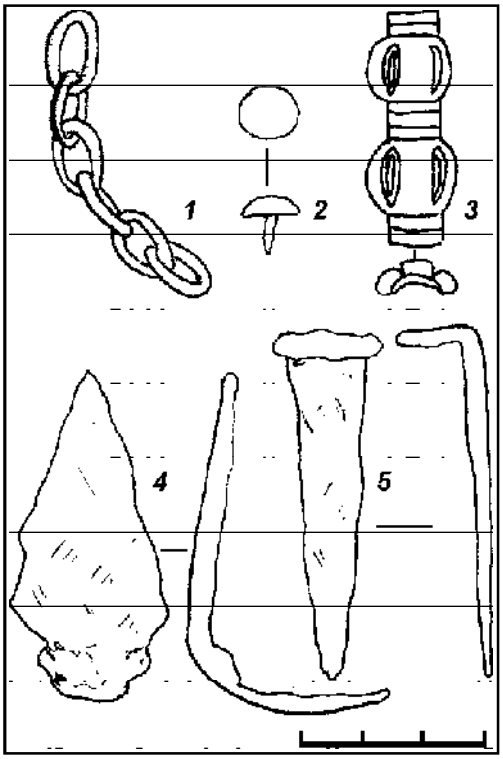

Рис.41. Находки из погребений мусульманского могильника: 1-засыпь погр.14; 2-погр. 13; 3-междумогильное пространство; 4-погр.32; 5-гвоздь (погр. 13, 14, 17, 31 и др.).

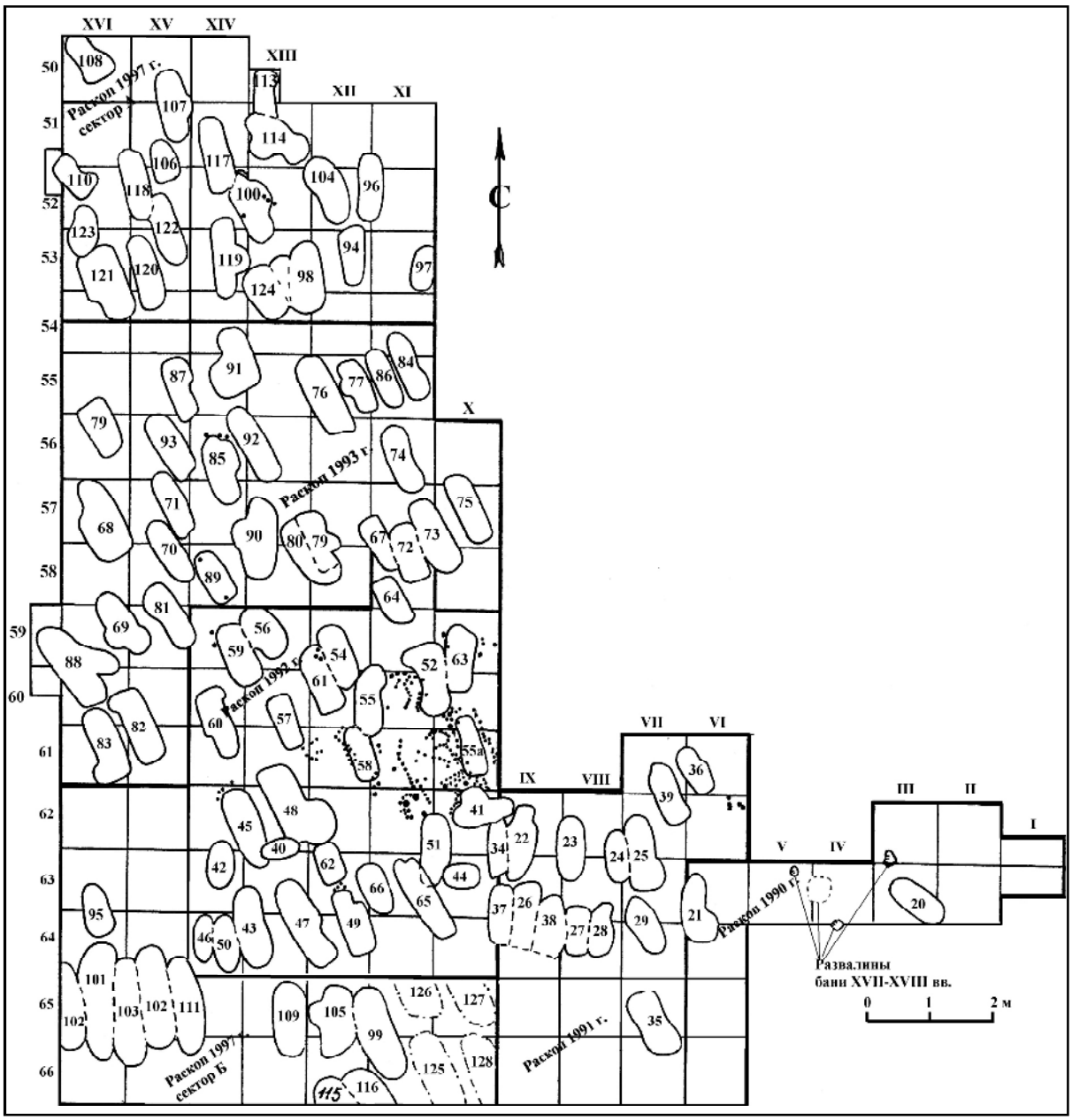

Рис.42. План раскопа I на языческом могильнике

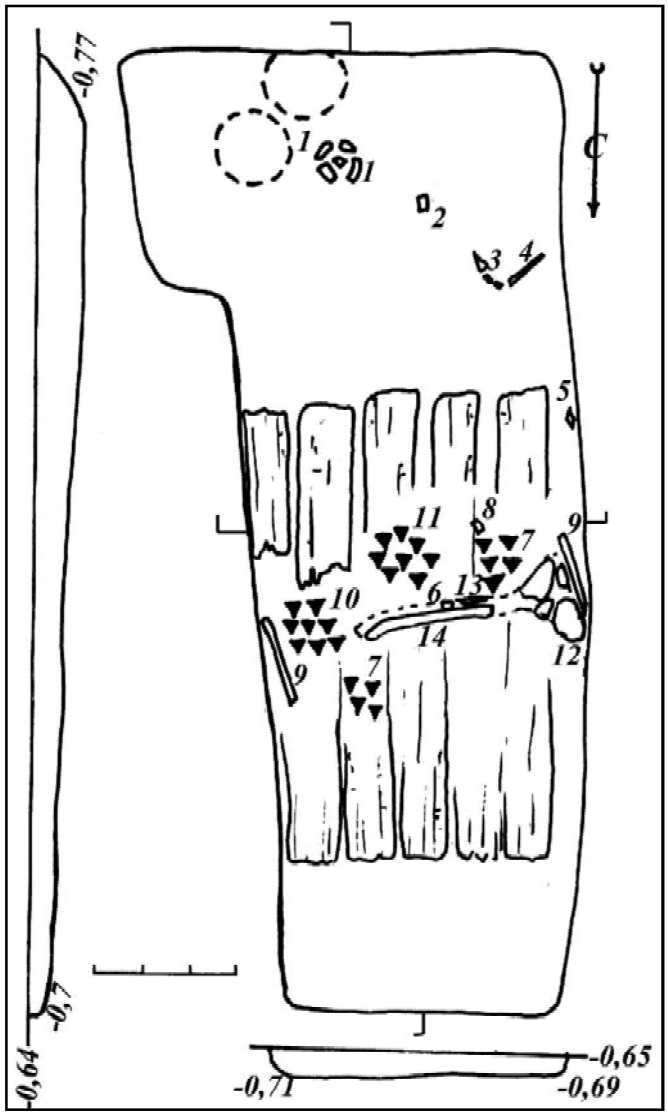

Рис. 43. Погребение 21: 1 - скопление железных предметов (9 экз.); 2, 3, 5 - наконечники стрел; 4 - древко стрелы; 6 - поясная накладка; 7, 8, 10, 11 - развалы сосудов; 9 - кости рук; 12 - береста, покрытая медным тленом; 13 - фрагмент выделанной кожи; 14 - медная и серебряная фольга

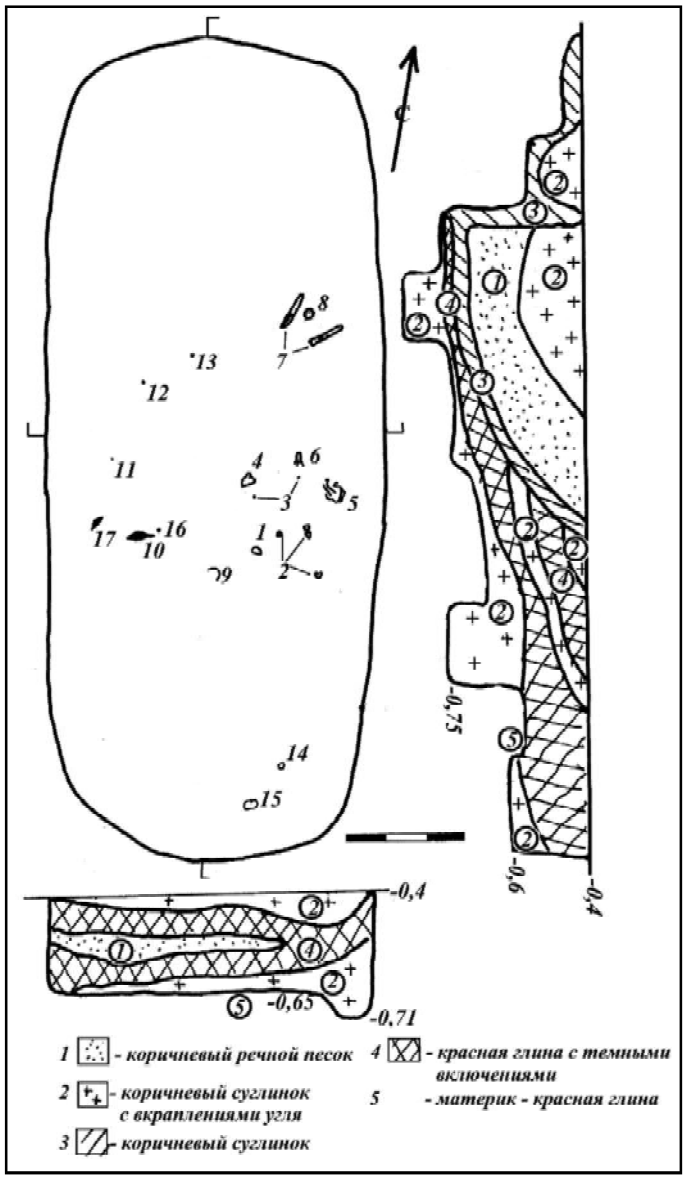

Рис. 44. Погребение 23: 1, 14 - бусина сердоликовая; 2, 4, 11, 13 - наклладки поясные; 3 - зубы человека; 5 - кресало биметалллическое; 6 - пряжка бронзовая; 7 - тлен трубчатых костей человека; 8 - монета; 9 - браслет; 10 - наконечник дротика; 15 - пластина серебряная; 16 - железный предмет; 17 - наконечник стрелы

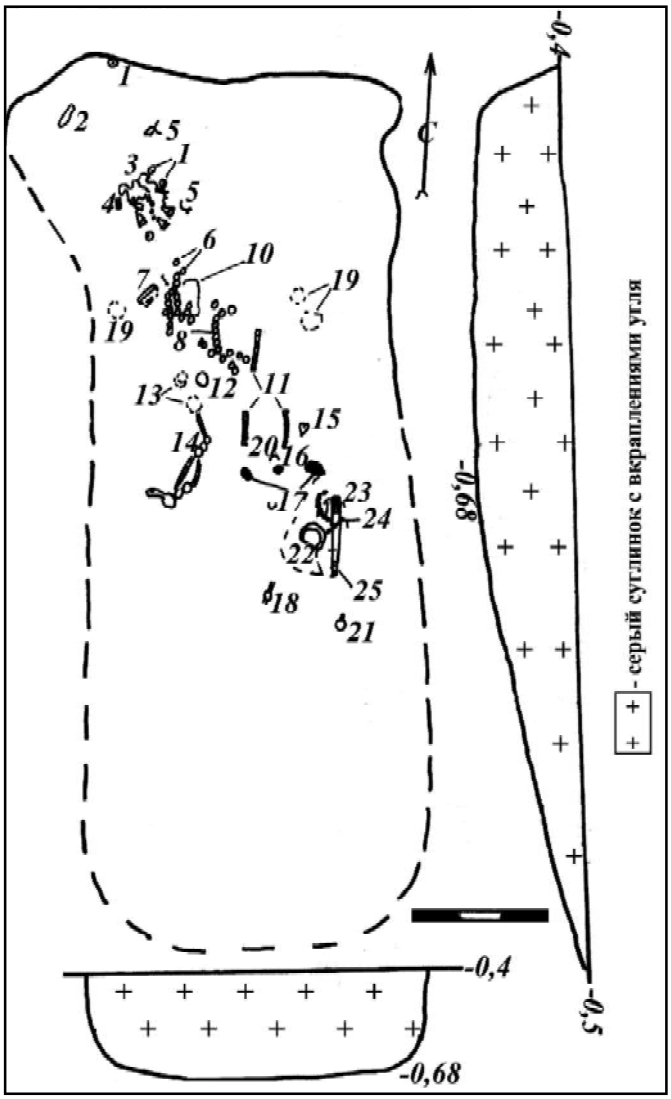

Рис. 45. Погребение 26: 1 - бусы стеклянные; 2 - пластинка железная; 3 - подвески биконьковые; 4,11 - пронизки спиралевидные; 5 - височные подвески серебряные; 6 - бисер желтый; 7 - пластинка свинцовая; 8 - ожерелье из хрустальных, сердоликовых, стеклянных, бронзовых бус; 9 - фрагмент кожи; 10 - фрагмент ткани; 12-13 - подвески монетовидные (серебро, медь); 14 - кисть из спиралевидных пронизок, бронзовых бус и подвески-ложечки; 15 - накладка поясная; 16 - бусина хрустальная; 17 - фрагменты керамики; 18 - низка из спиралевидных пронизок и бронзовой бусины; 19 - тлен от серебряных монетовидных подвесок; 20 - фрагмент серебряного кольца; 21 - фрагмент бубенчика; 22 - браслет бронзовый; 23 - береста; 24 - бронзовая цепочка с подвеской-костыльком; 25 - нож железный в деревянных ножнах с медной обкладкой

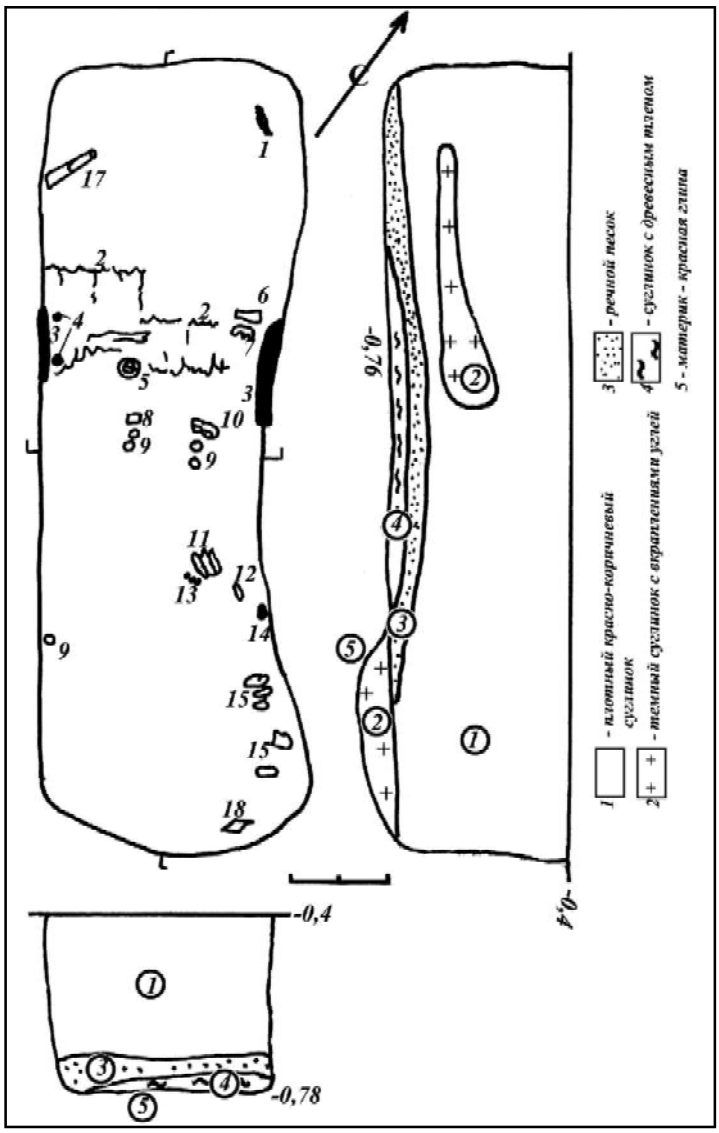

Рис.46. Погребение 36: 1 - фрагмент челюсти человека; 2 - кора древесная; 3 - фрагменты дерева; 4 - тлен от серебряной накладки; 5 - фибула бронзовая; 6 - зуб лошади; 7 - кресало железное; 8-9 - накладки поясные серебряные; 10 - челюсть куницы - амулет; 11 - железо с деревом; 12, 14 - железные предметы; 13 - бусина желтая; 15 - фрагменты керамики; 16 - наконечник стрелы; 17 - топор железный

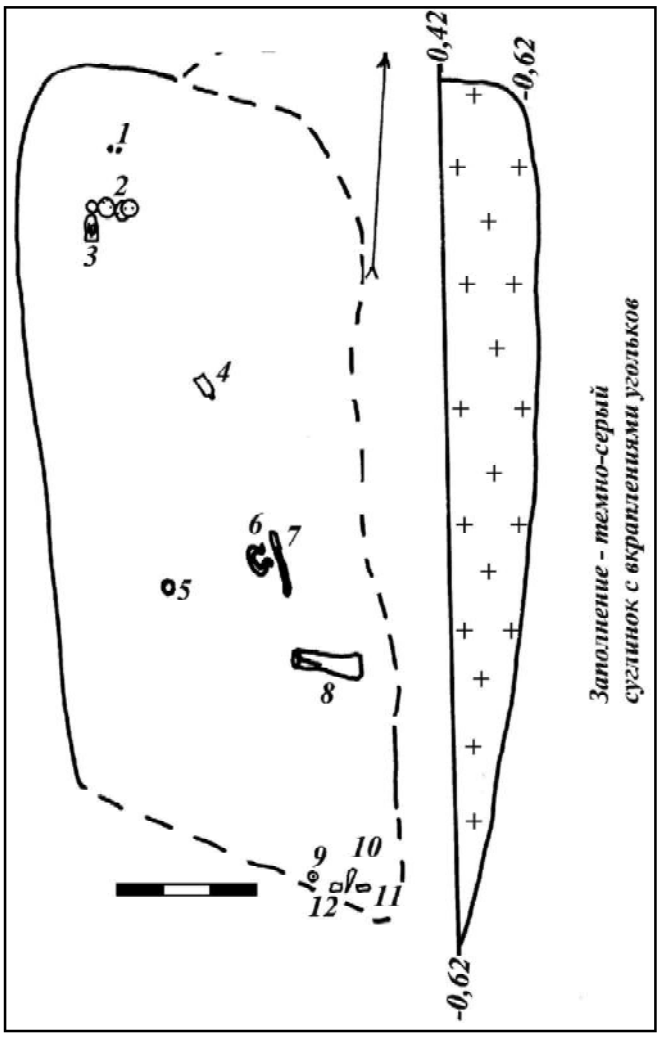

Рис. 47. Погребение 37: 1 - зубы человека; 2 - монетовидные подвески серебряные (3 экз.); 3 - подвеска серебряная со знаком Владимира Святославича; 4 - флаконовидная подвеска; 5 - кольцо железное; 6 - кресало железное; 7 - нож; 8 - топор с остатками древесины; 9 - бусина бронзовая; 10 - клин железный; 11-12 - фрагменты деревянного сосуда с медными гвоздями и серебряной обкладкой

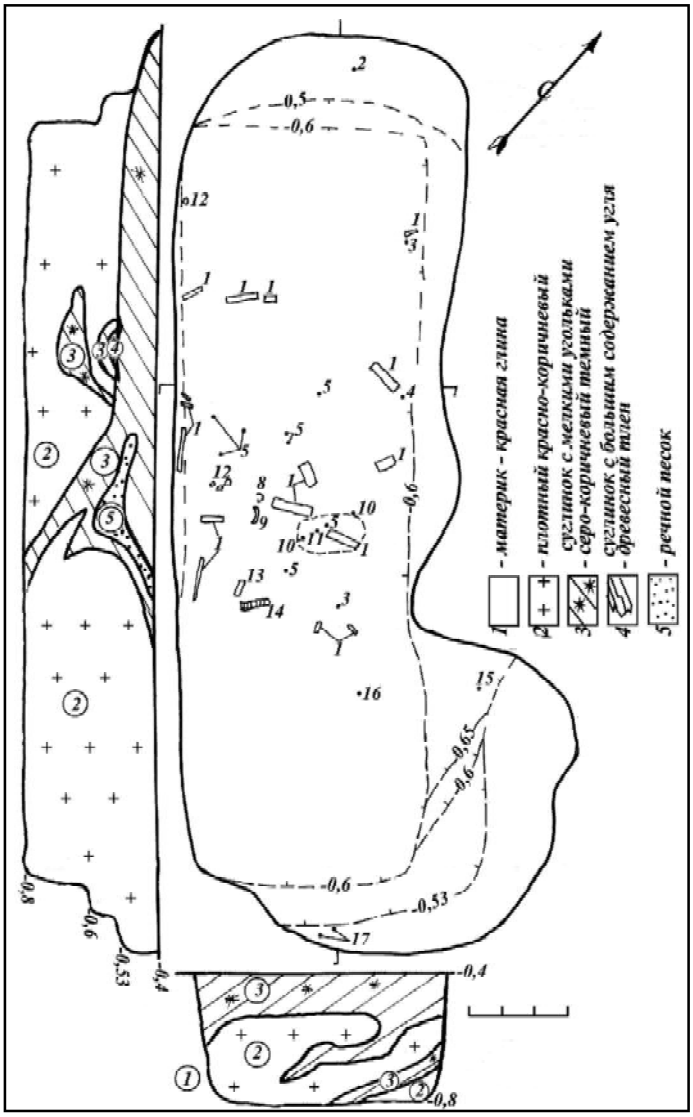

Рис. 48. Погребение 48: 1 - фрагменты древесины; 2 - пронизка бронзовая; 3 - наконечник ремня бронзовый; 4, 7, 16 - бусины; 5, 6, 10 - накладки поясные; 8 - браслет бронзовый; 9, 14 - фрагменты кожи с накладками; 11 - кожаная сумка с бронзовыми накладками; 12, 17 - фрагменты керамики; 13 - пряжка бронзовая; 15 - фрагмент бронзовой накладки

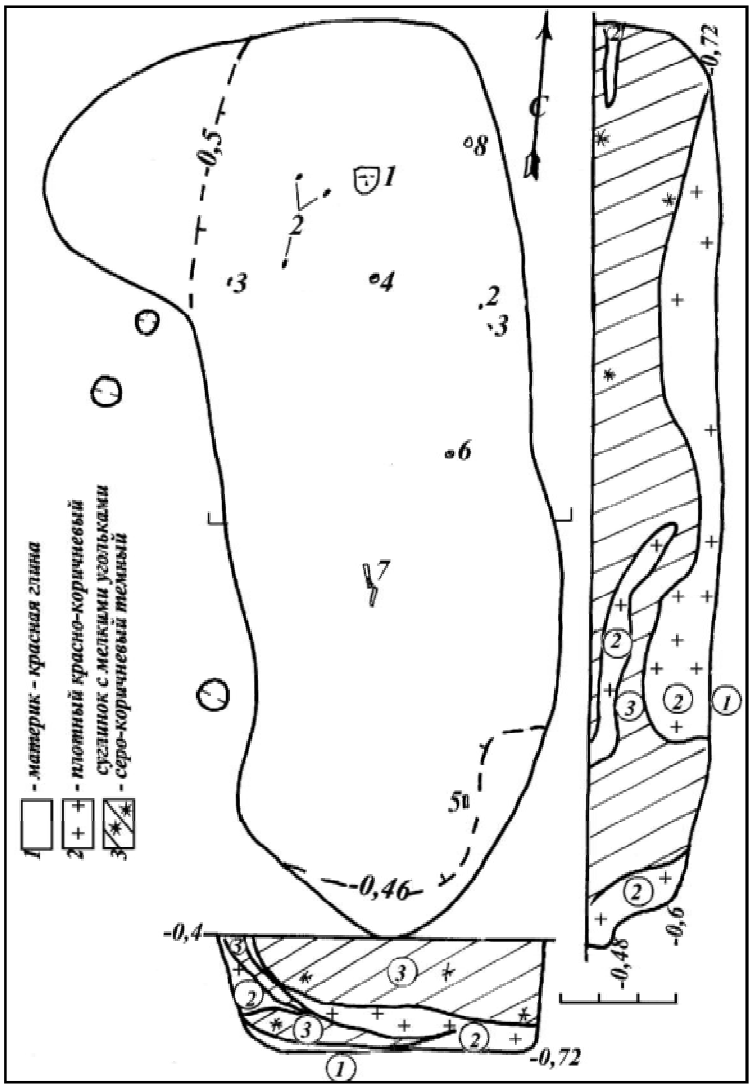

Рис. 49. Погребение 52: 1 - маска серебряная; 2-3 - фрагменты железных изделий; 4 - «колпачок» серебряный с зернью; 5 - зубы лошади; 6 - бусина; 7 - фрагменты керамики.

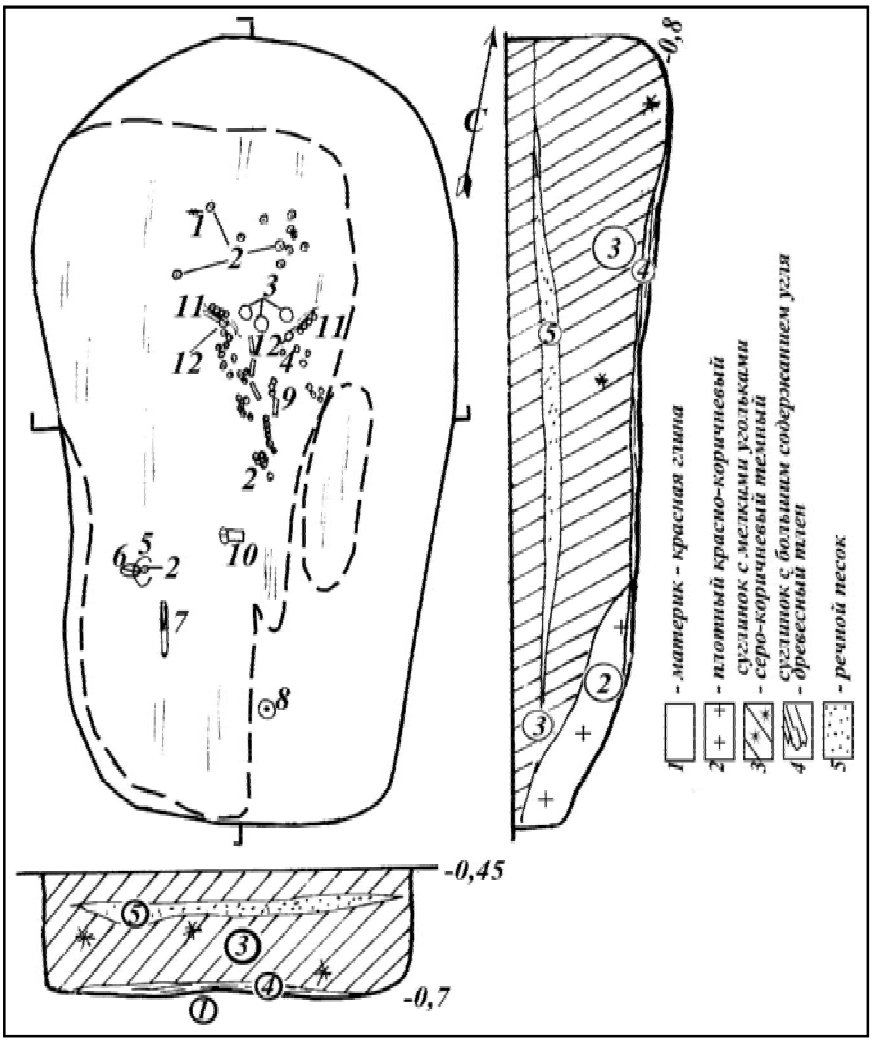

Рис. 50. Погребение 58: 1 - спиралевиднная пронизка на кожаном шнурке; 2 - бусины; 3 - дирхемы серебряные (3 экз.); 4 - зубы человека; 5 - браслет бронзовый; 6 - пряжка железная; 7 - нож с деревяннной рукоятью; 8 - пряслице глиняное; 9 - ожерелье из сердоликовых и стеклянных бус; 10 - пряжка бронзовая с фрагментом ремня; 11 - накосники из бронзовых пронизок с остатками человеческих волос; 12 - кольца серебряные

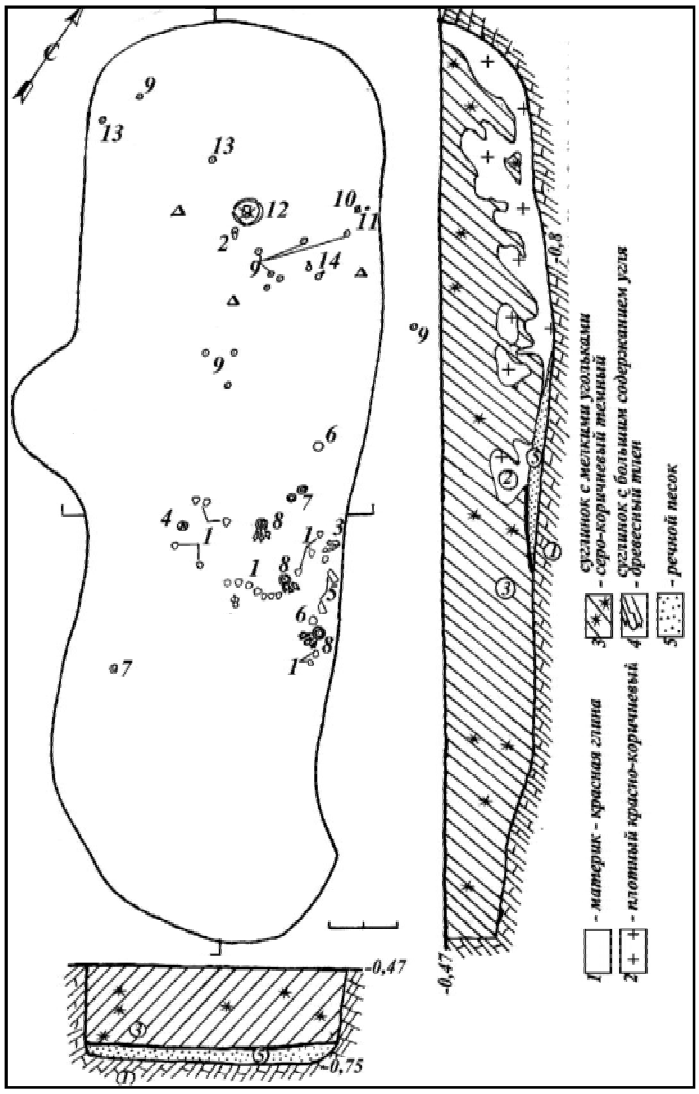

Рис.51. Погребение 92: 1 - накладка поясная; 2 - пряжка бронзовая; 3 - браслет бронзовый; 4 - «колпачок» серебряный; 5 - железные предметы; 6 - дирхемы серебряные; 7 - кольца бронзовые; 8 - шумящие умбоновидные подвески; 9 - бусы бронзовые; 10 - бусы каменные; 11 - бисер; 12 - развал керамического сосуда; 13 - бусы пастовые; 14 - привески бронзовые

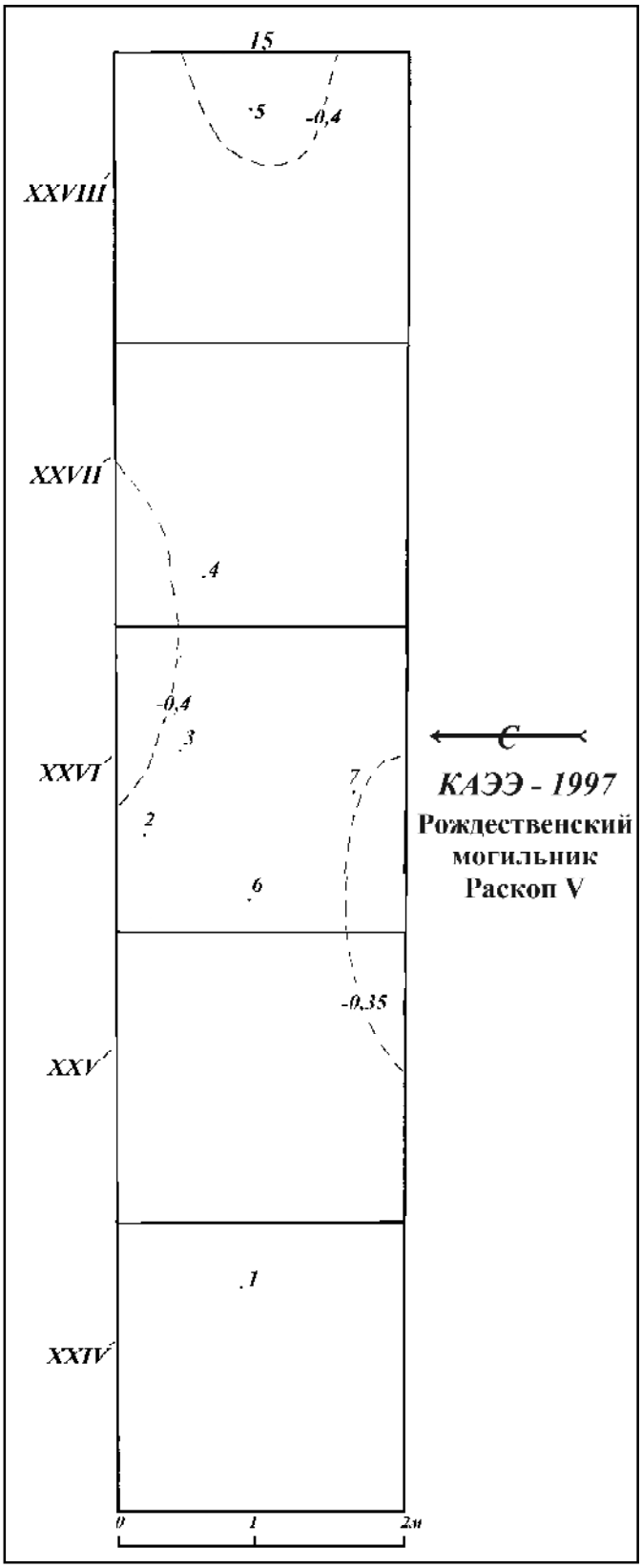

Рис. 52. План раскопа V на Рождественском языческом могильнике: 1-Бронзовая привеска-лапка кв.XXIV, гл. -7 см от пов.; 2-Фрагмент щитковой цепочки кв.XXVI, гл. -52 см; 3-Поясная накладка кв.XXVI, гл. -14 см; 4-Фрагмент цепочки бр. кв.XXVII, гл. -3 см; 5-Железное изделие кв.XXVIII, гл. -56 см; 6-Фрагмент удил железн. кв. XXVI, гл. -34 см; 7-Кресало с язычком железн. кв.XXVI, гл. -39 см.; 8-Кресало железн. кв.XXVII гл. -54 см

Рис.53. Сосуды из погребения 44

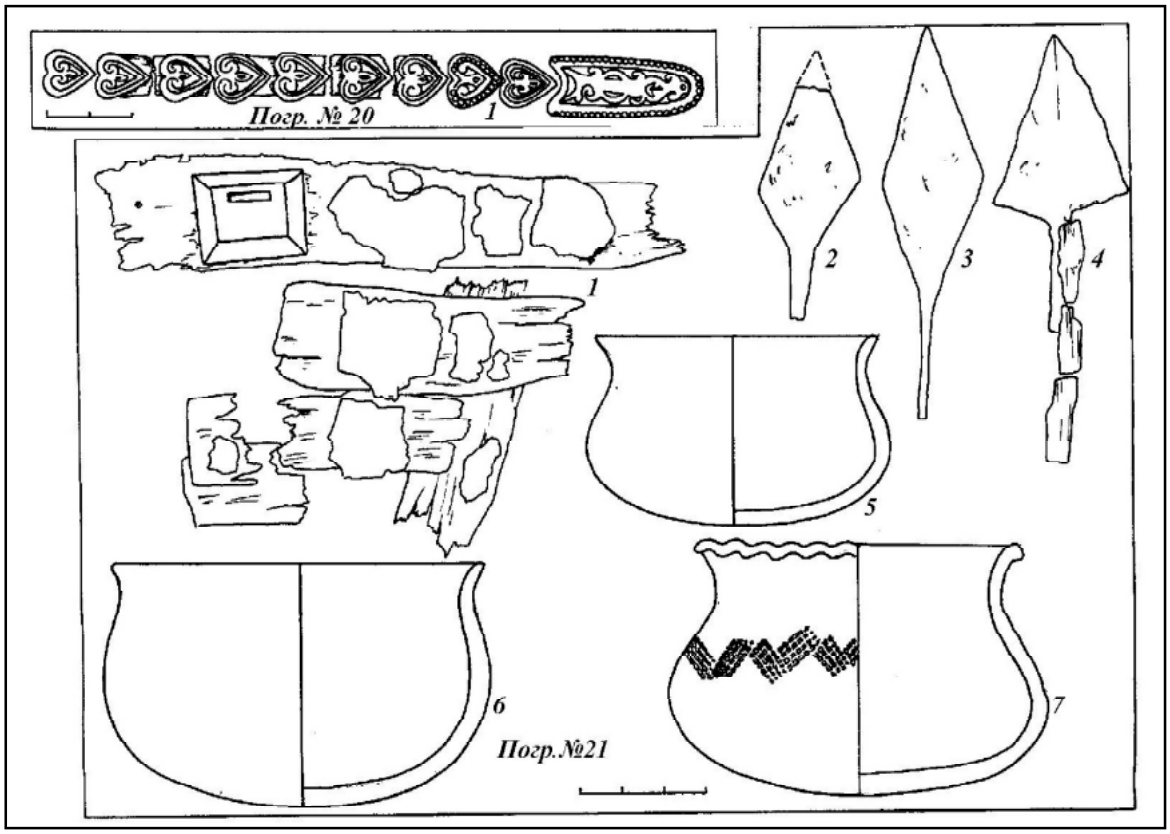

Рис.54. Комплексы инвентаря из погребений 20 и 21

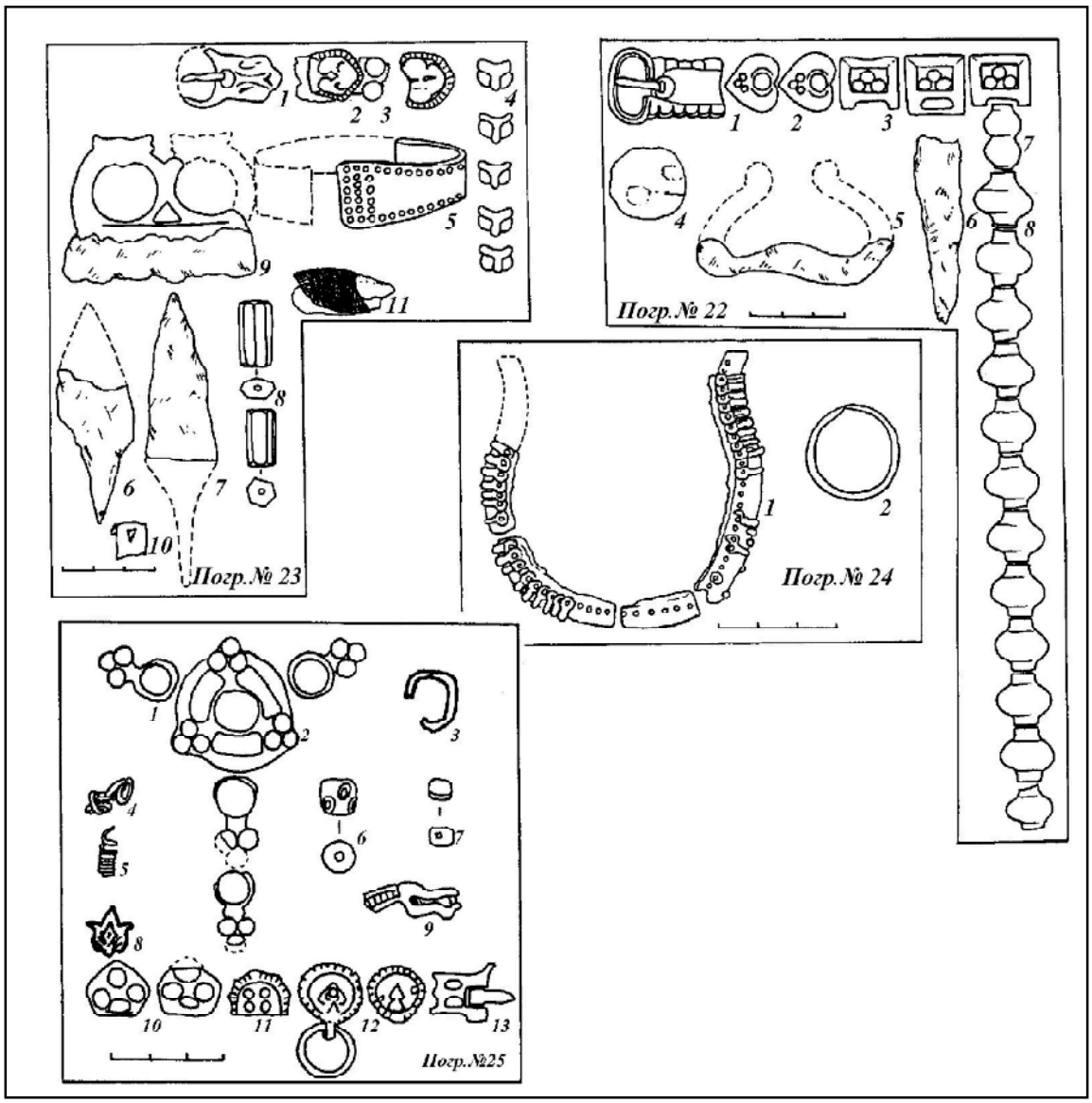

Рис.55. Комплексы погребального инвентаря из погребений 22, 23, 24, 25

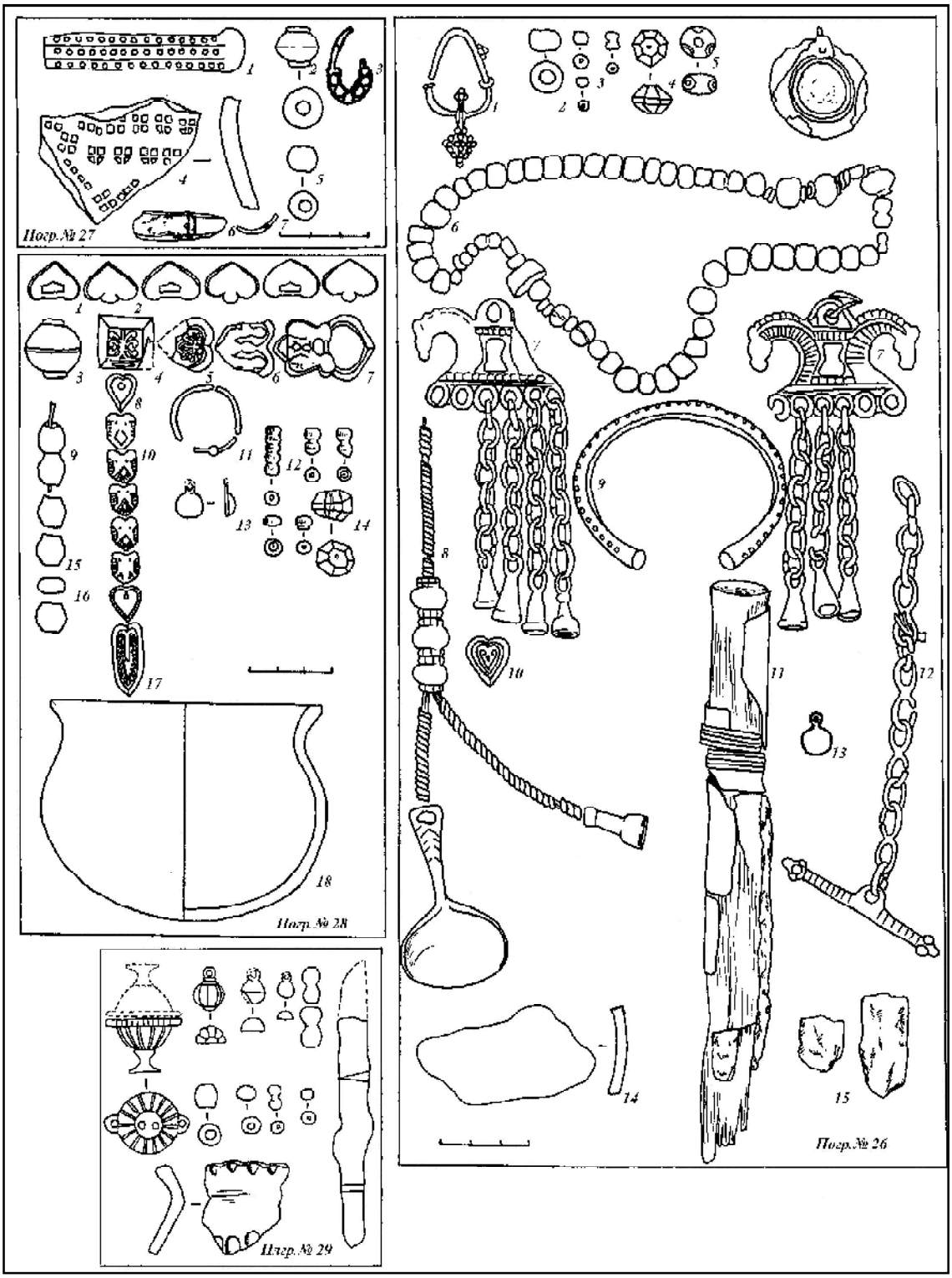

Рис.56. Комплексы погребального инвентаря из погребений 26, 27, 28, 29

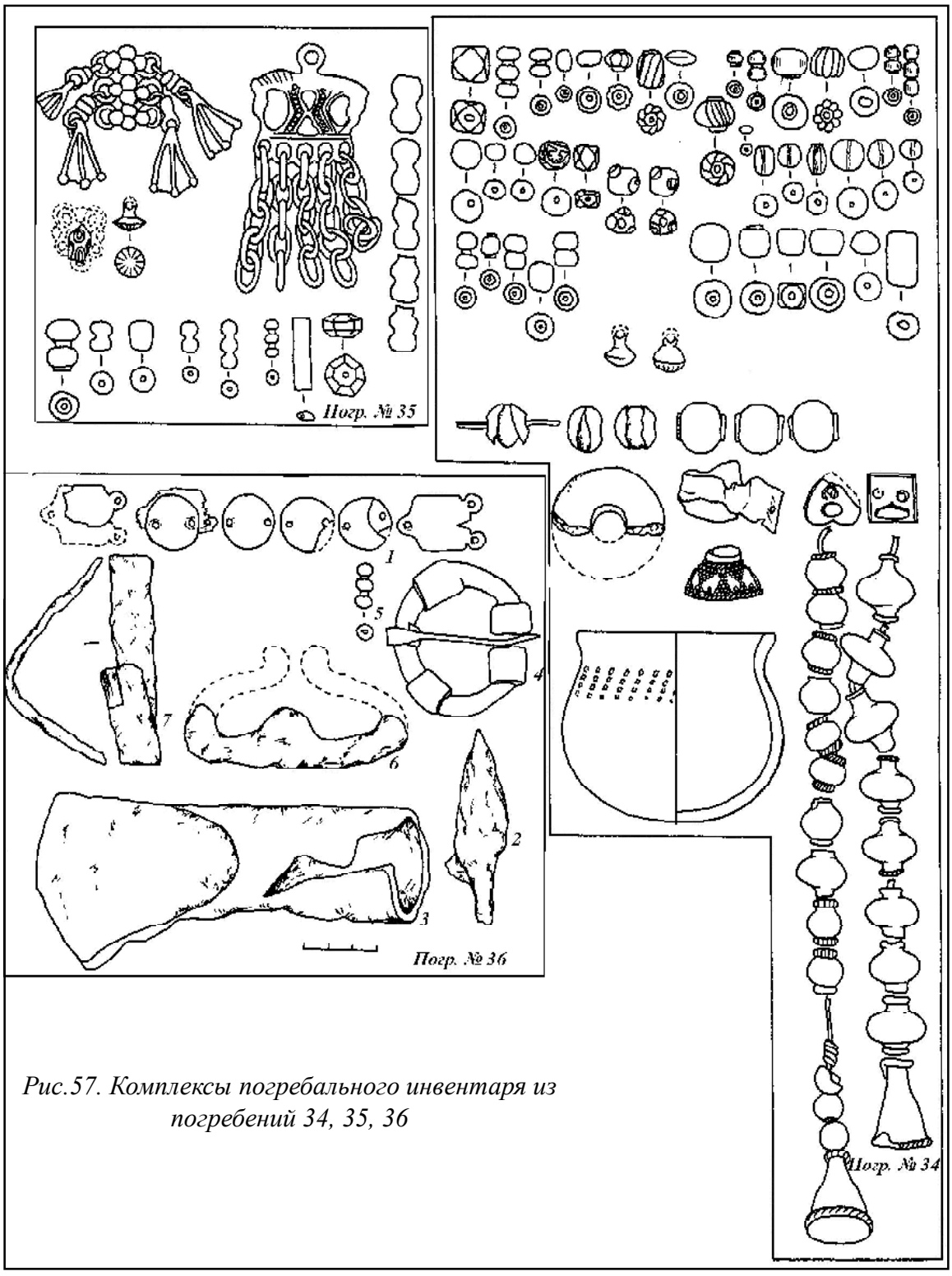

Рис.57. Комплексы погребального инвентаря из погребений 34, 35, 36

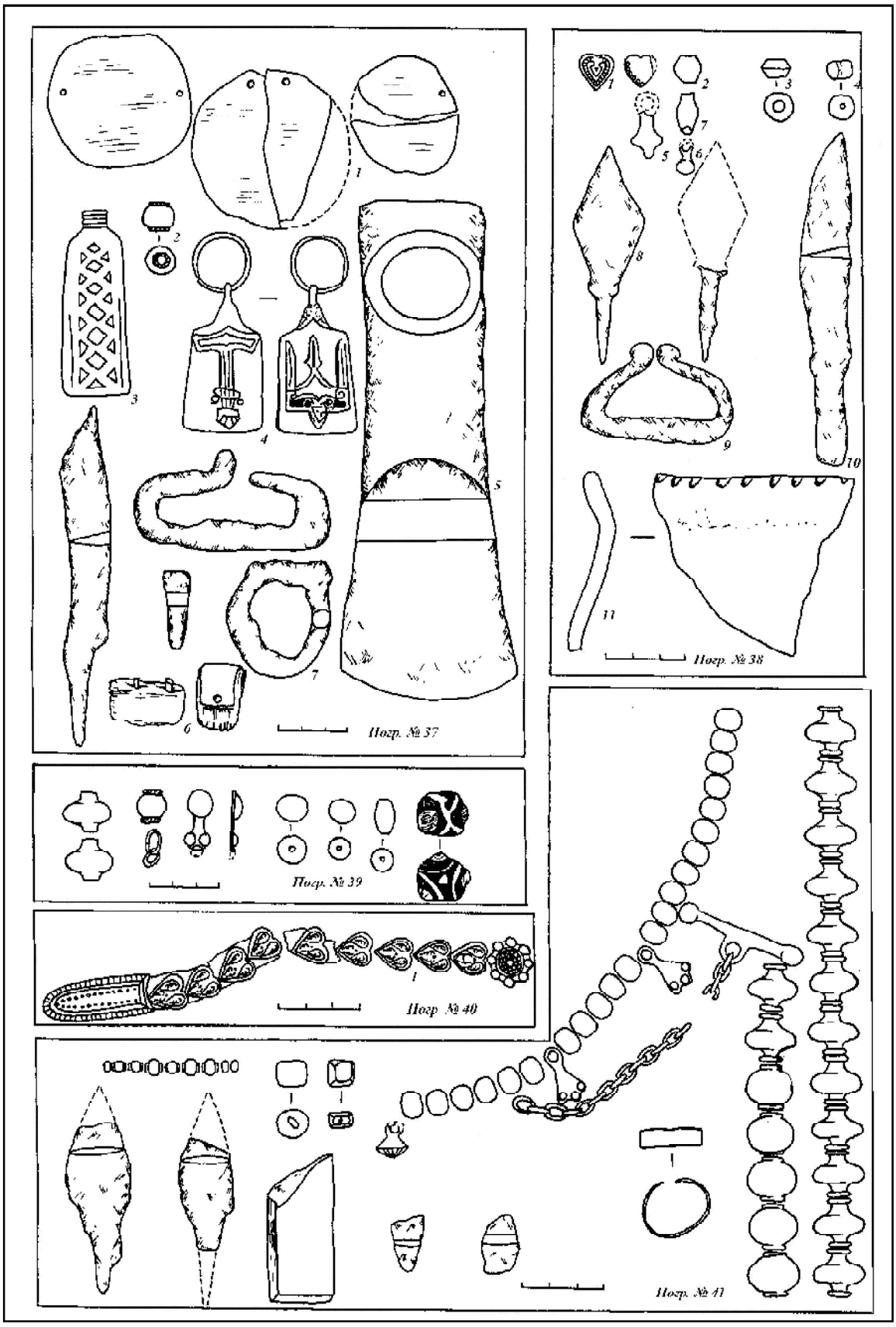

Рис.58. Комплексы погребального инвентаря из погребений 37, 38, 39, 40, 41

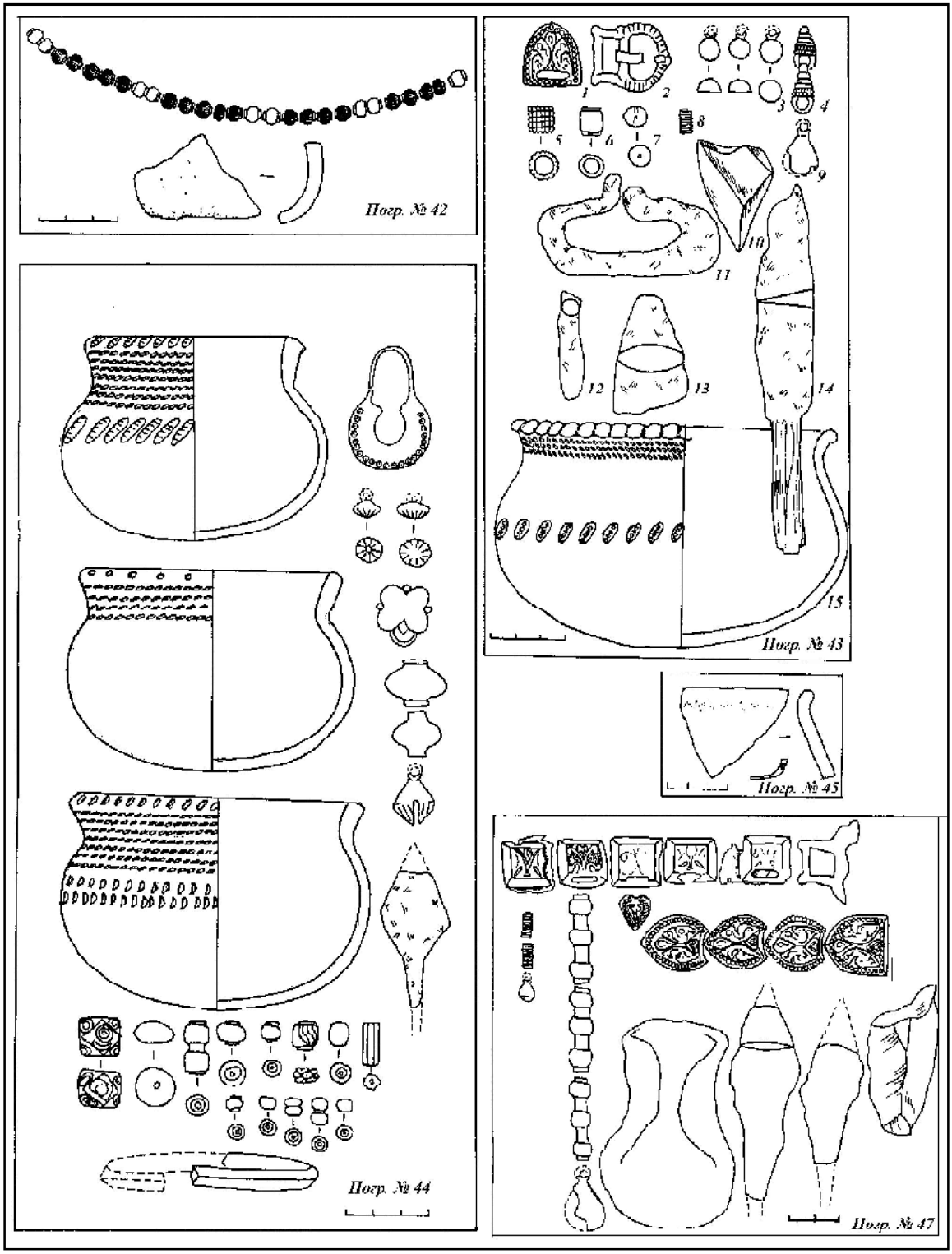

Рис.59. Комплексы погребального инвентаря из погребений 42, 43, 44, 45, 47

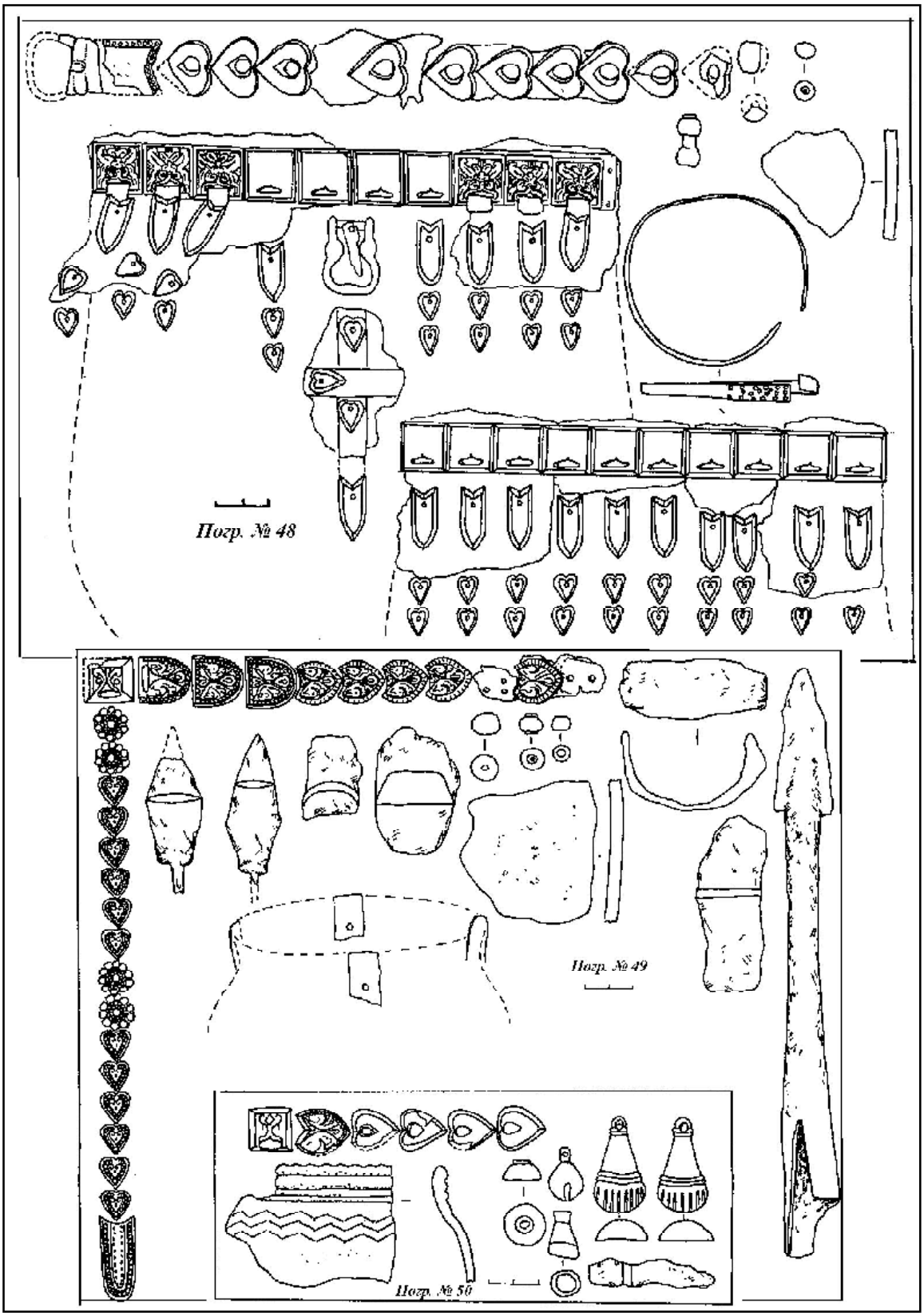

Рис.60. Комплексы погребального инвентаря из погребений 48, 49

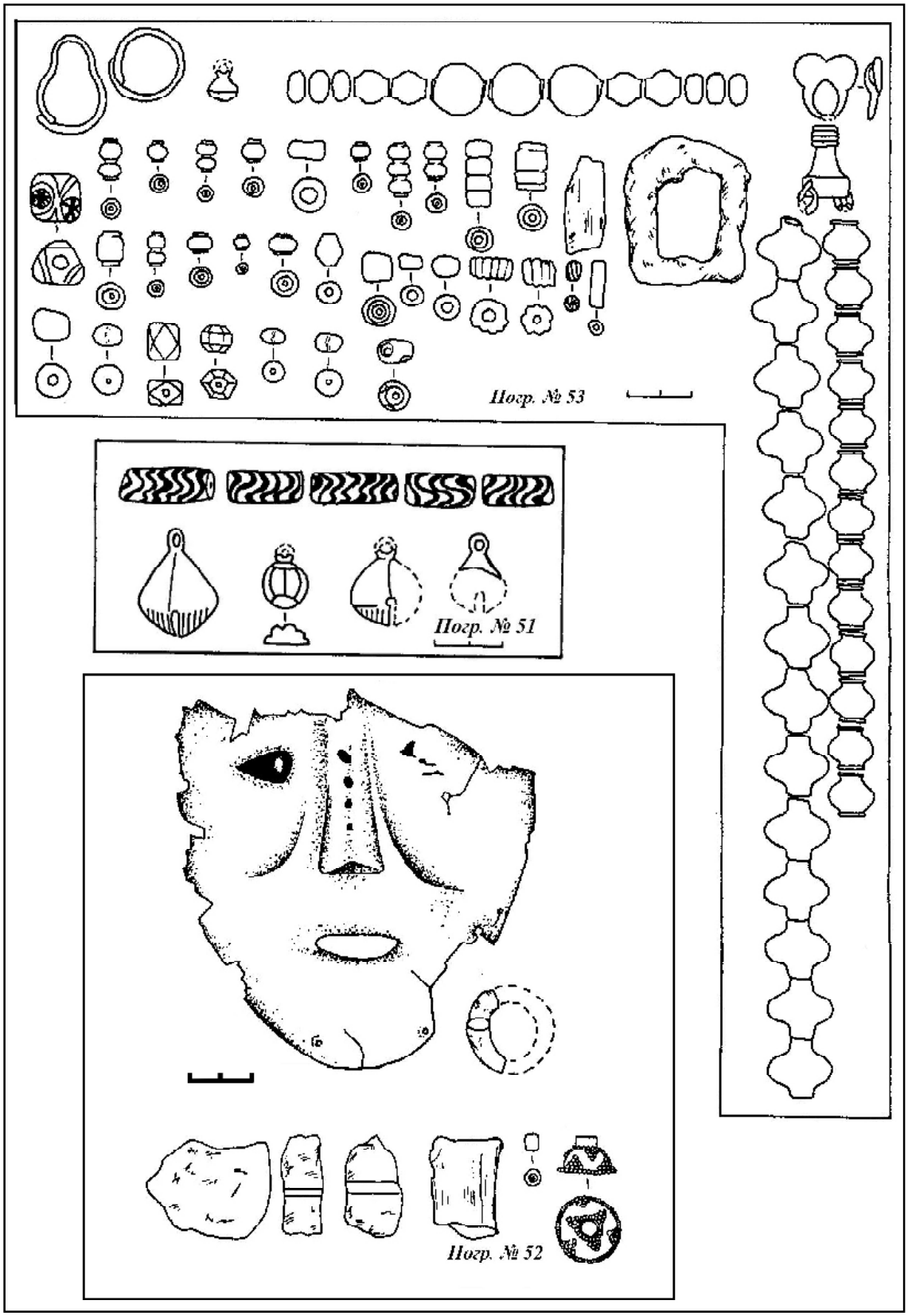

Рис.61. Комплексы погребального инвентаря из погребений 51, 52 , 53

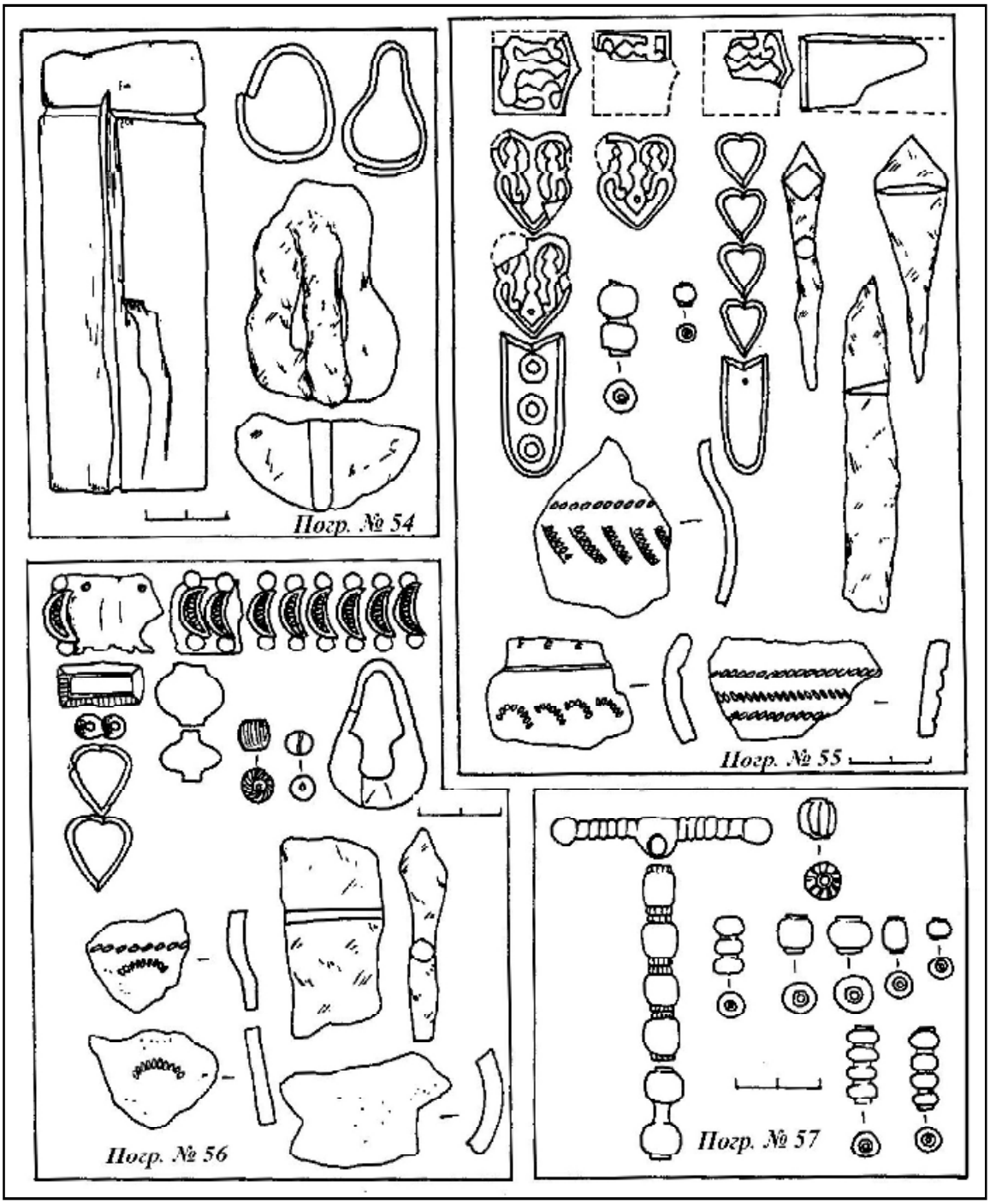

Рис.62. Комплексы погребального инвентаря из погребений 54, 55, 56, 57

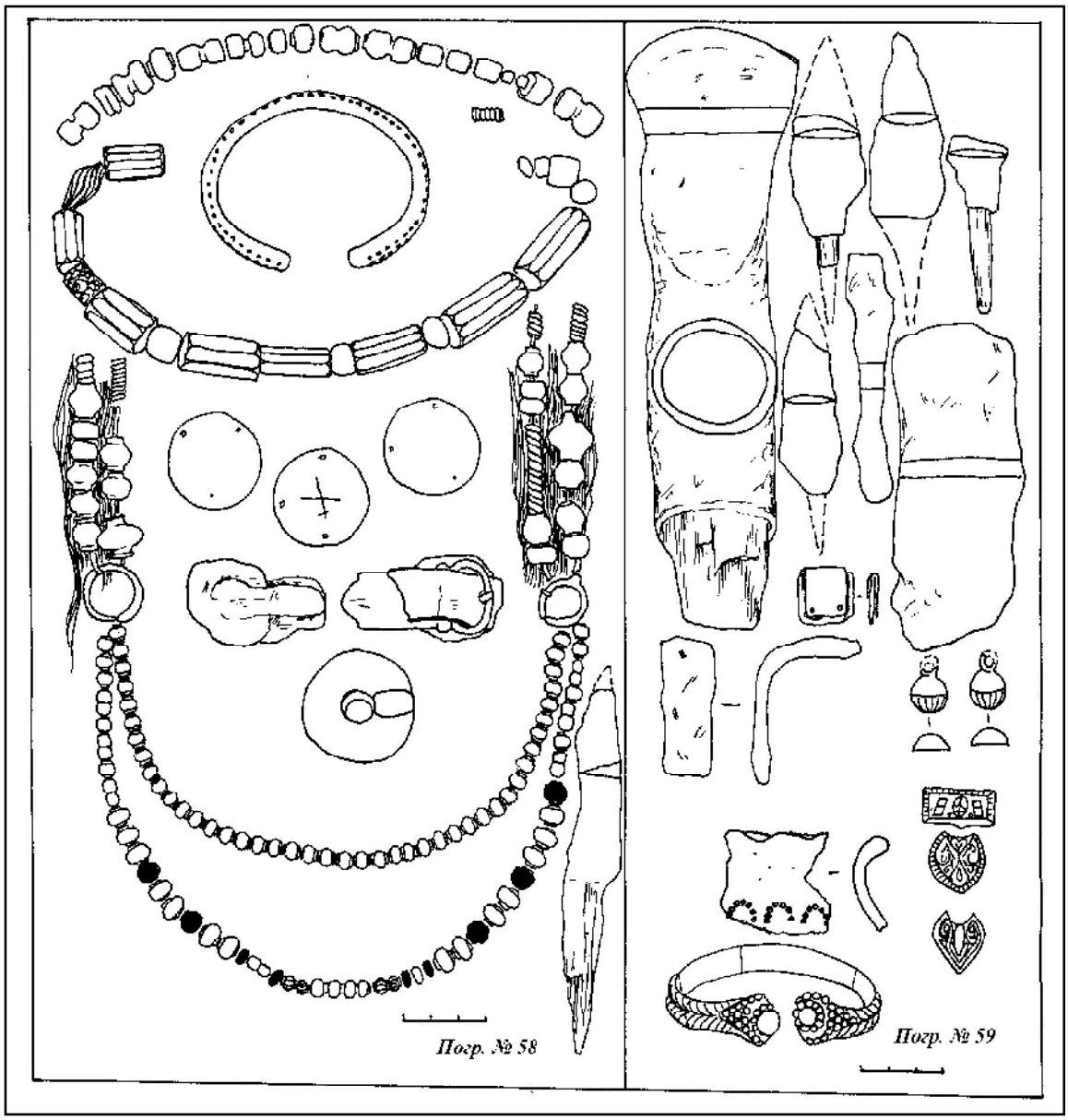

Рис.63. Комплексы погребального инвентаря из погребений 58, 59

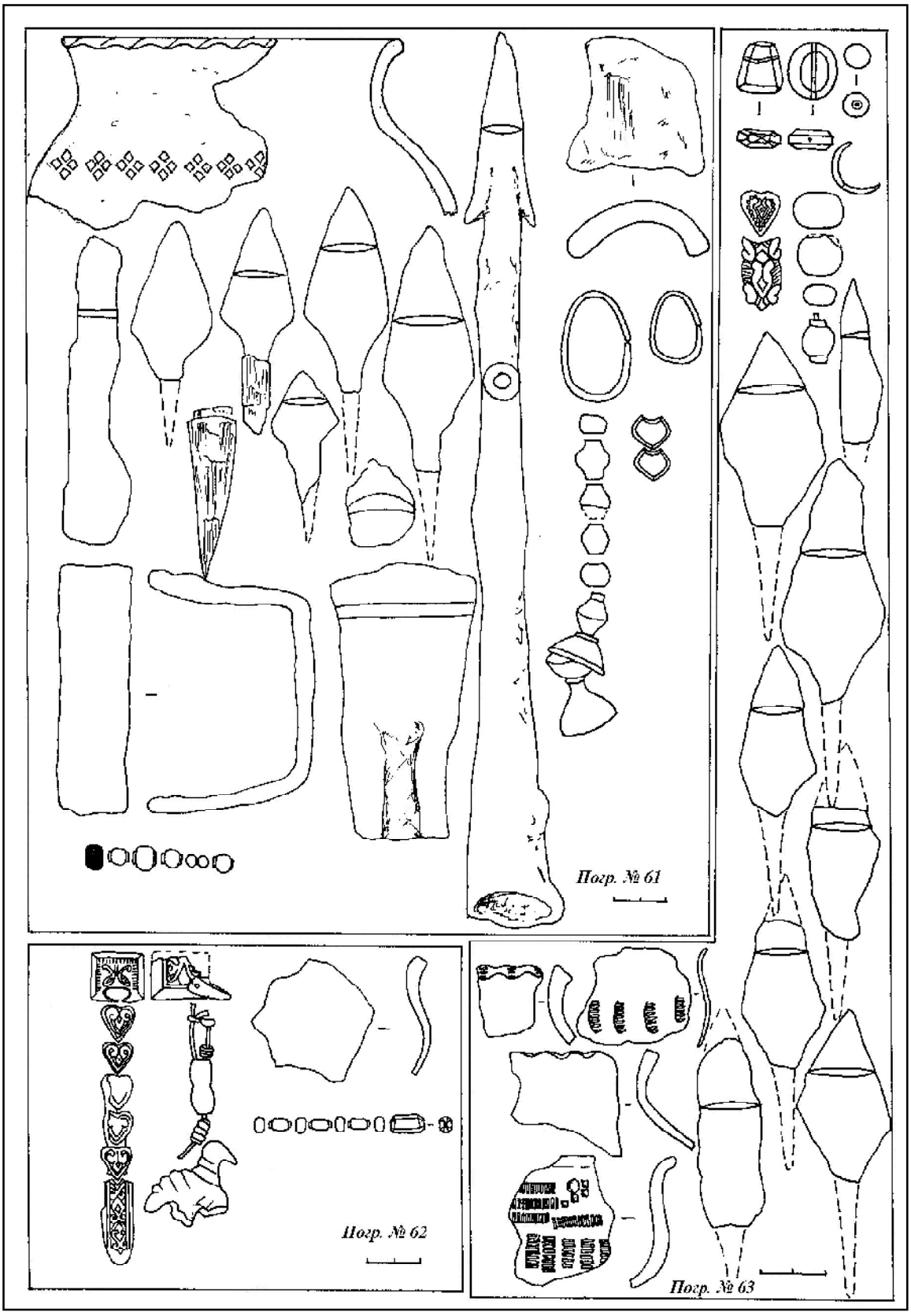

Рис.64. Комплексы погребального инвентаря из погребений 61, 62, 63

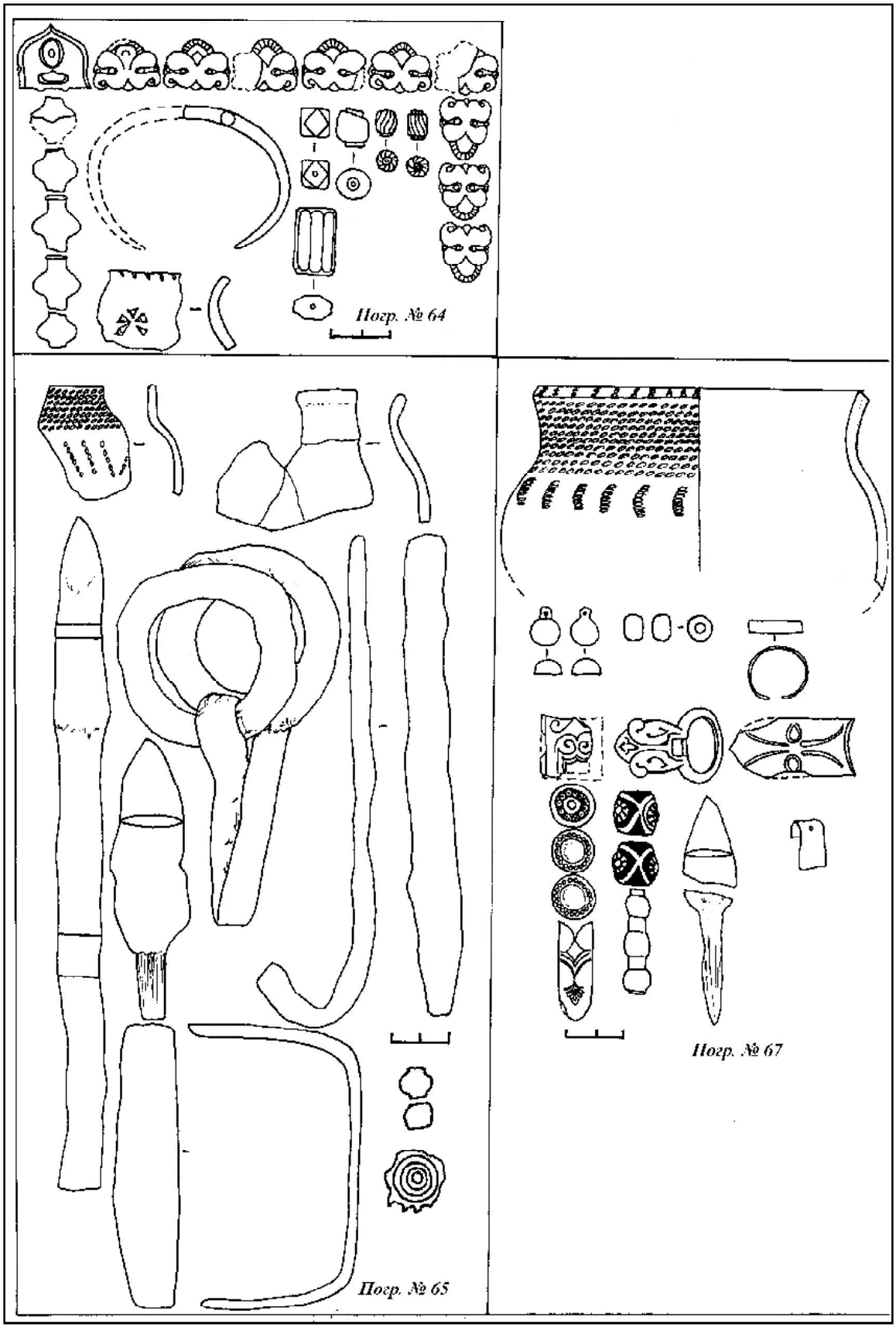

Рис.65. Комплексы погребального инвентаря из погребений 64, 65, 67

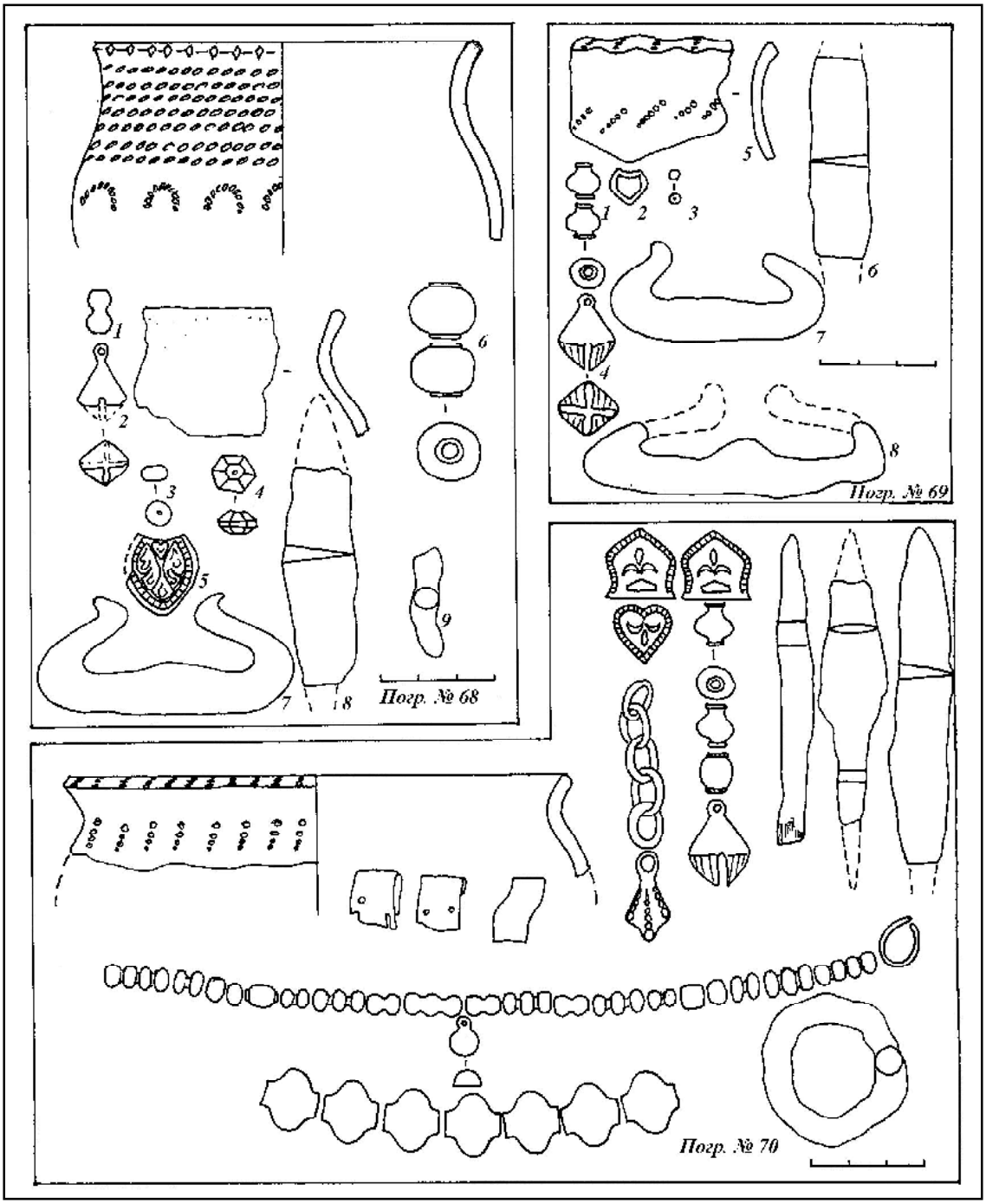

Рис.66. Комплексы погребального инвентаря из погребений 68, 69, 70

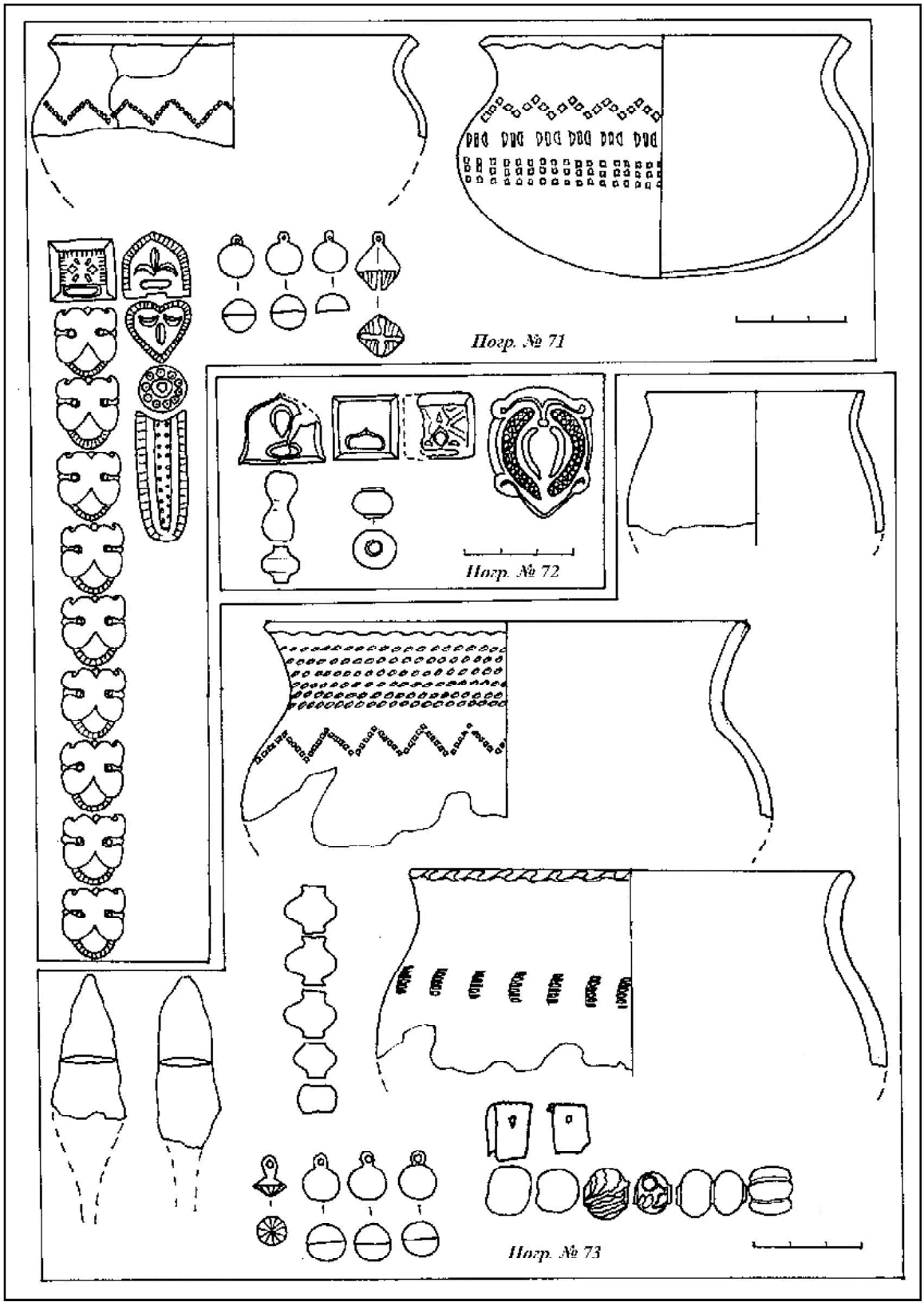

Рис.67. Комплексы погребального инвентаря из погребений 71, 72, 73

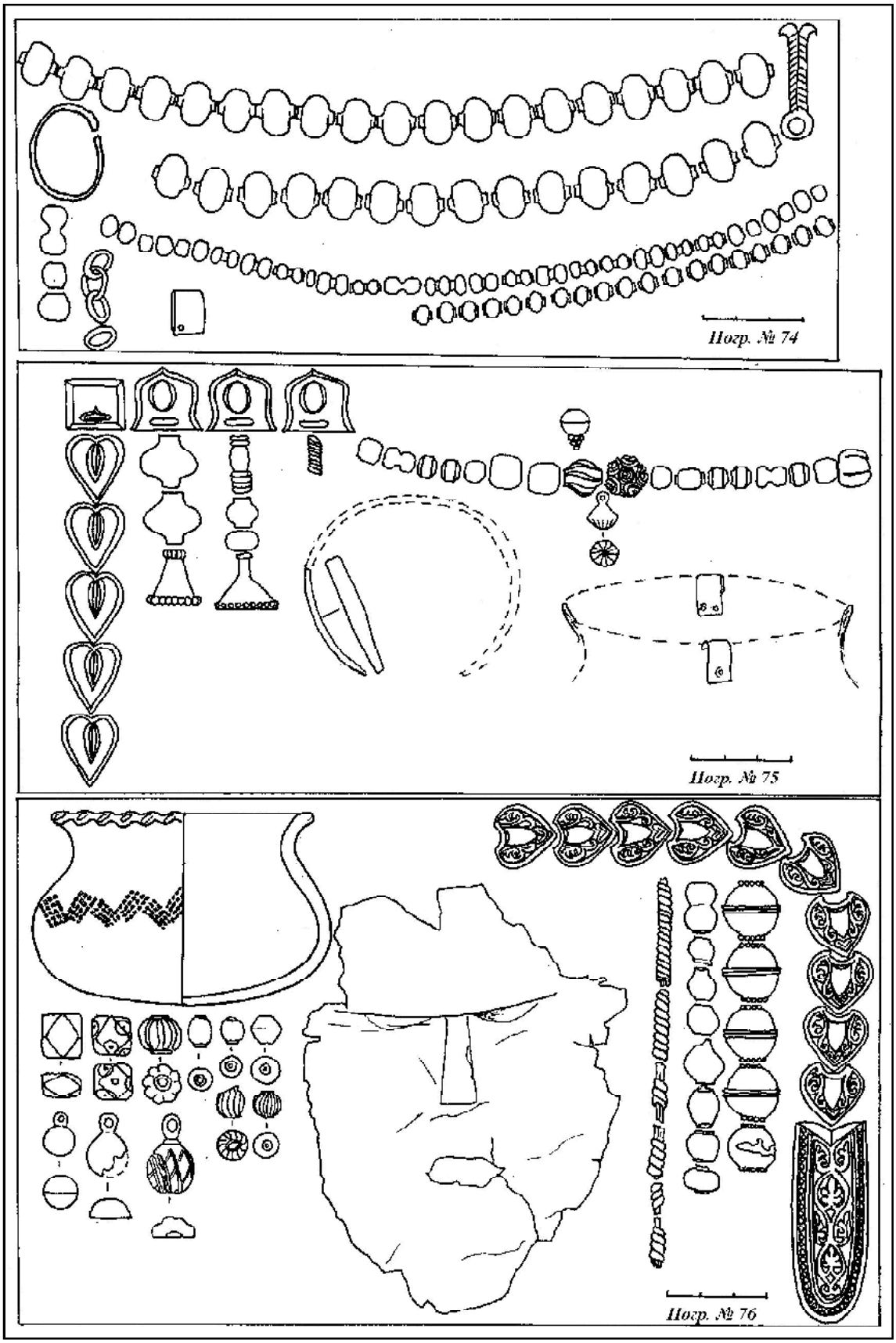

Рис.68. Комплексы погребального инвентаря из погребений 74, 75, 76

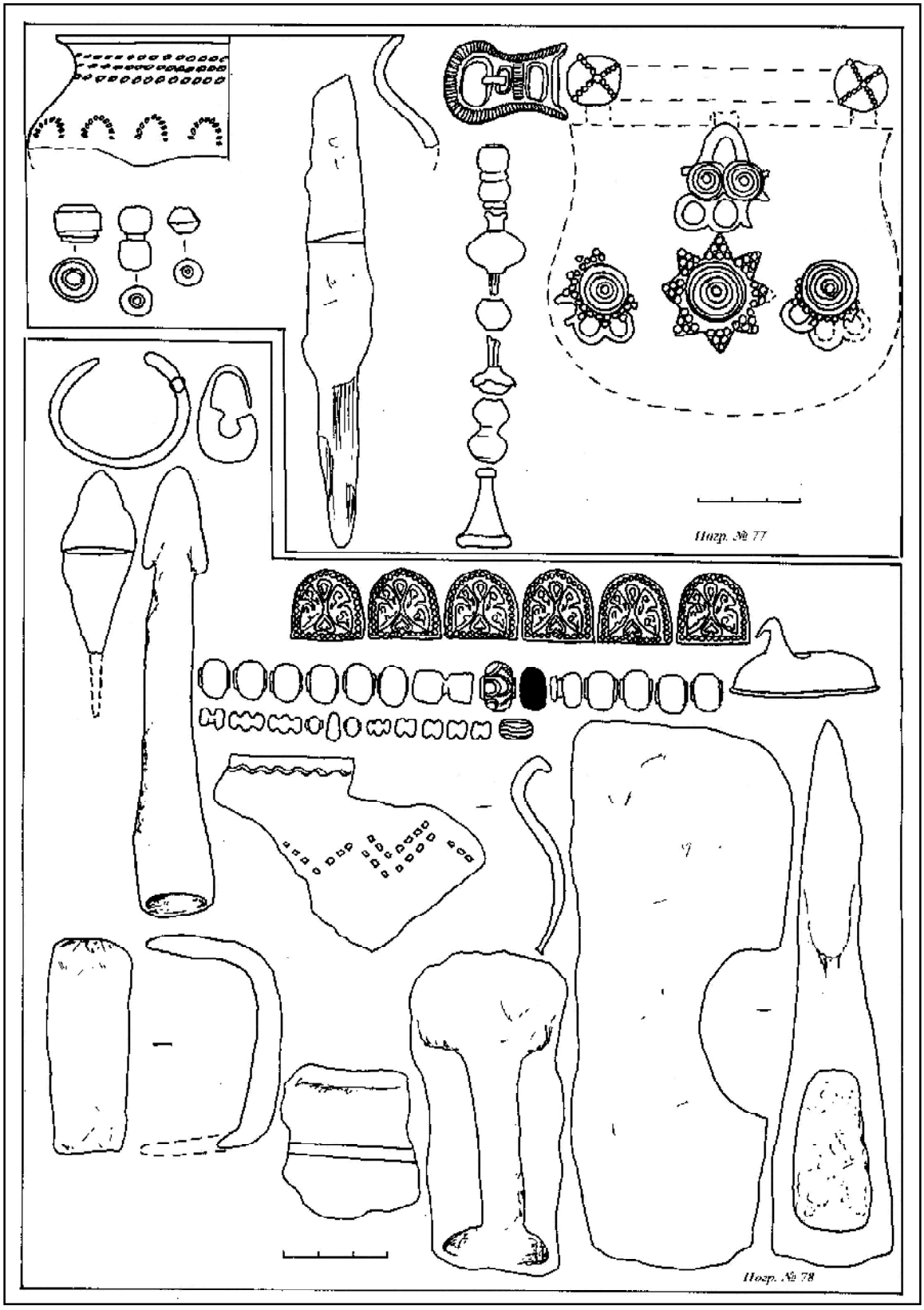

Рис.69. Комплексы погребального инвентаря из погребений 77, 78

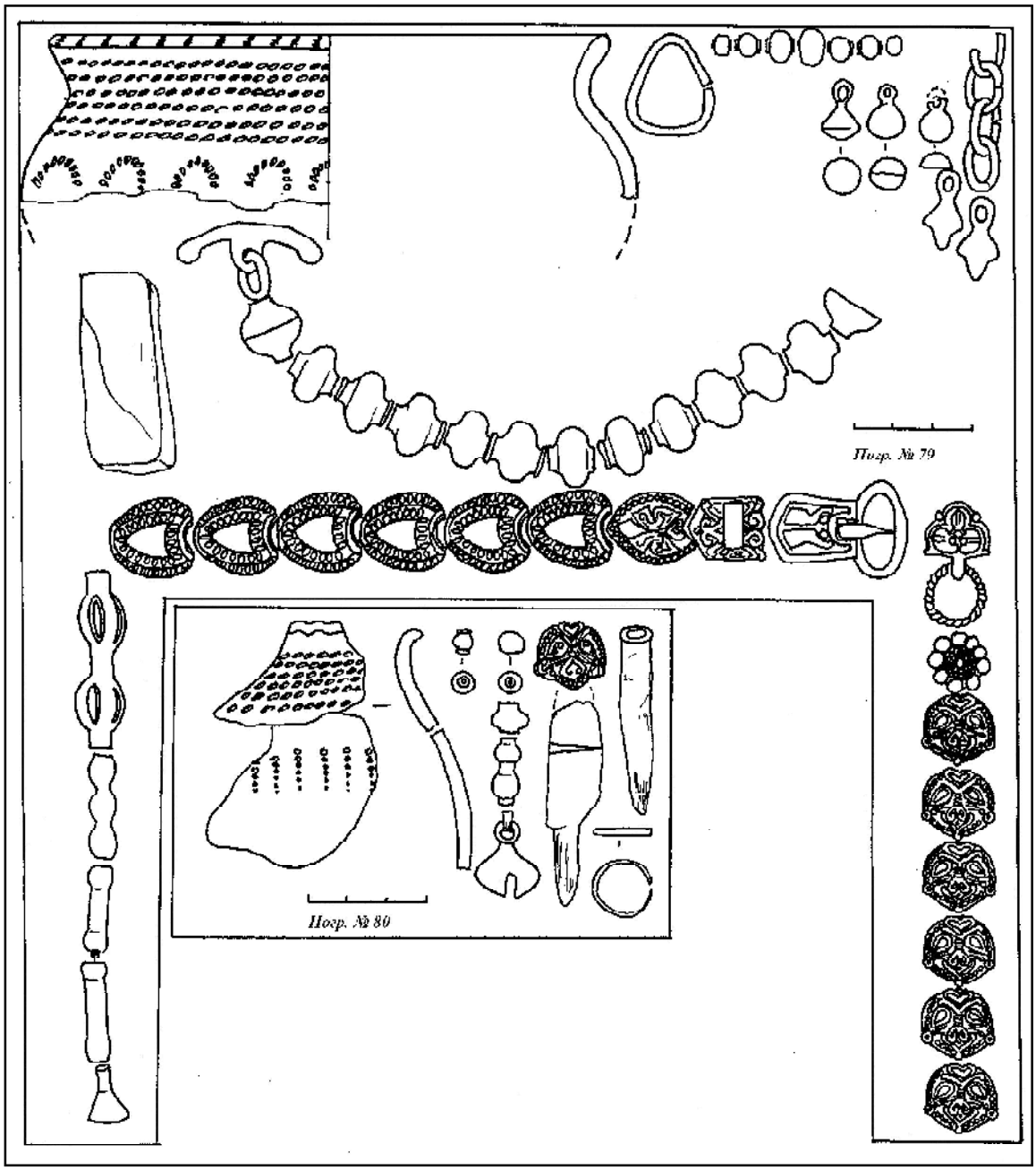

Рис.70. Комплексы погребального инвентаря из погребений 79, 80

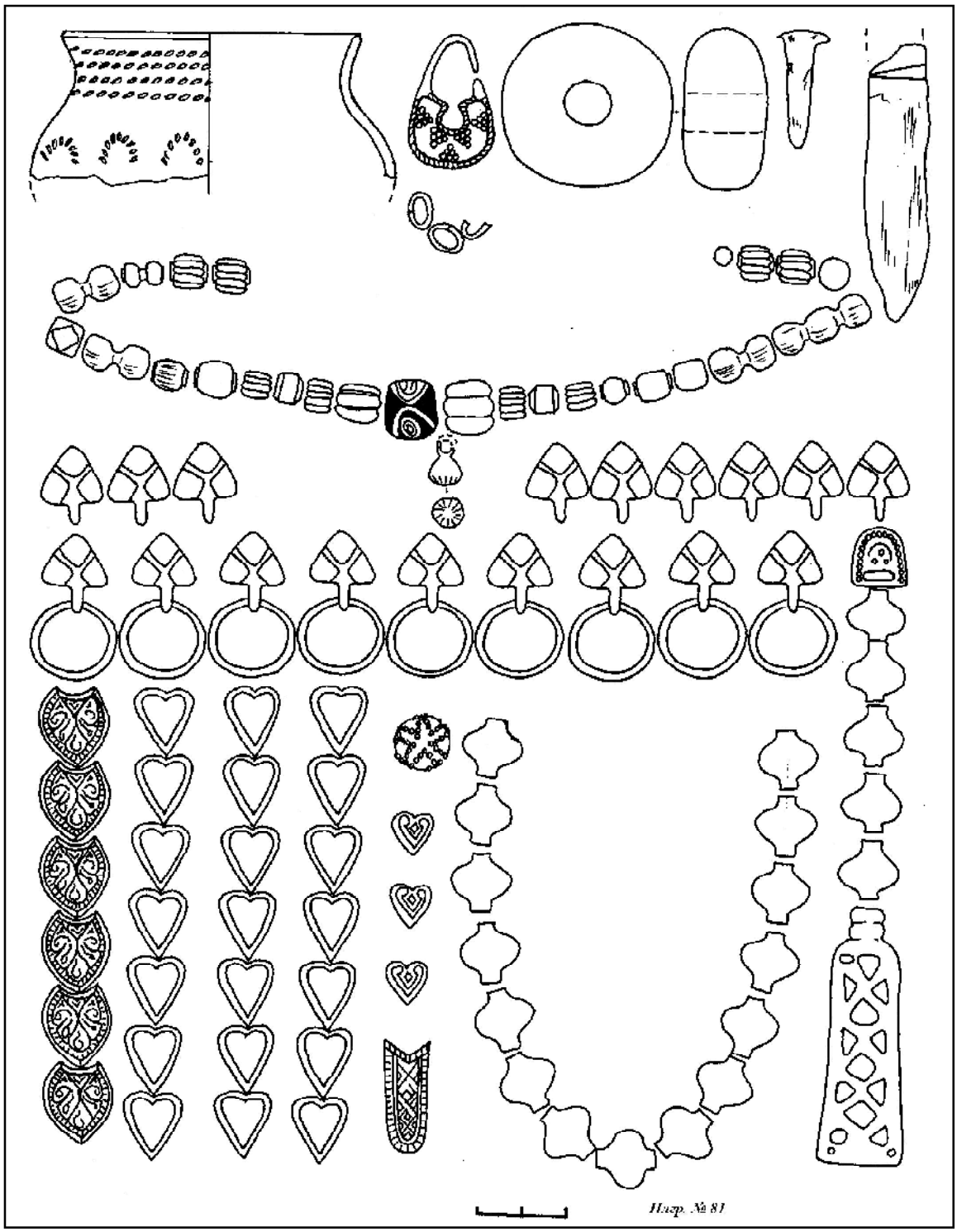

Рис.71. Комплекс погребального инвентаря из погребения 81

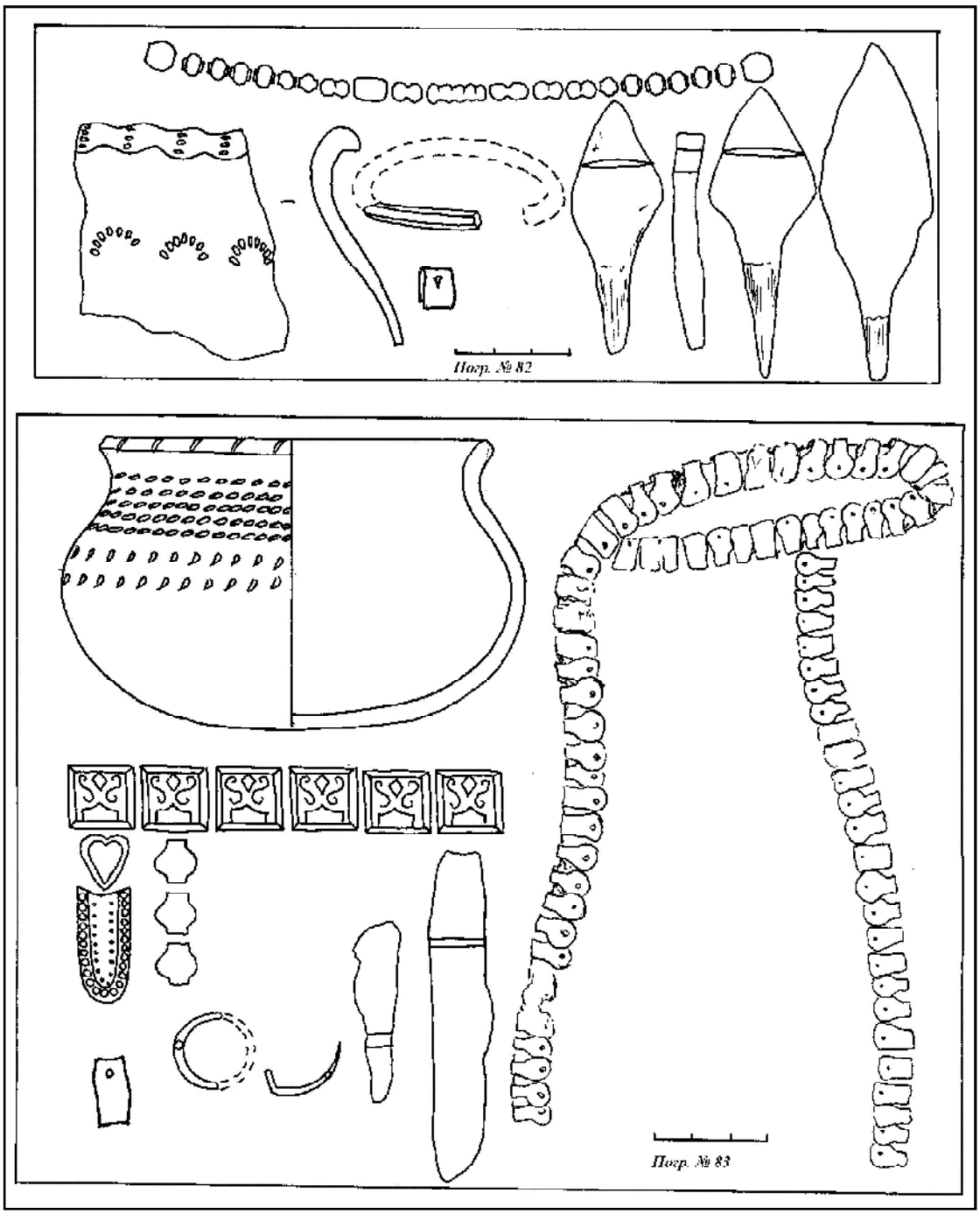

Рис.72. Комплексы погребального инвентаря из погребений 82, 83

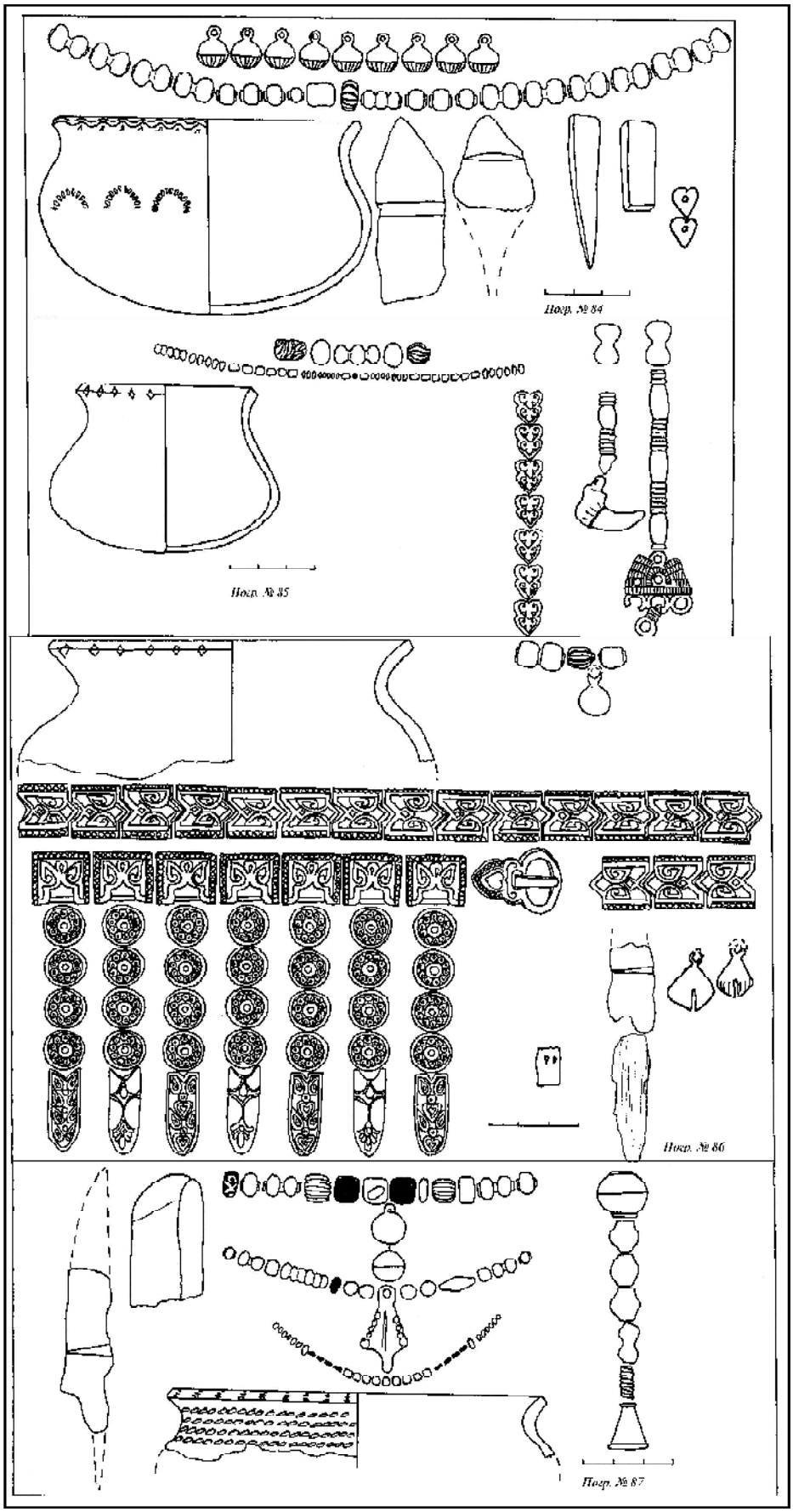

Рис.73. Комплексы погребального инвентаря из погребений 84, 85, 86, 87

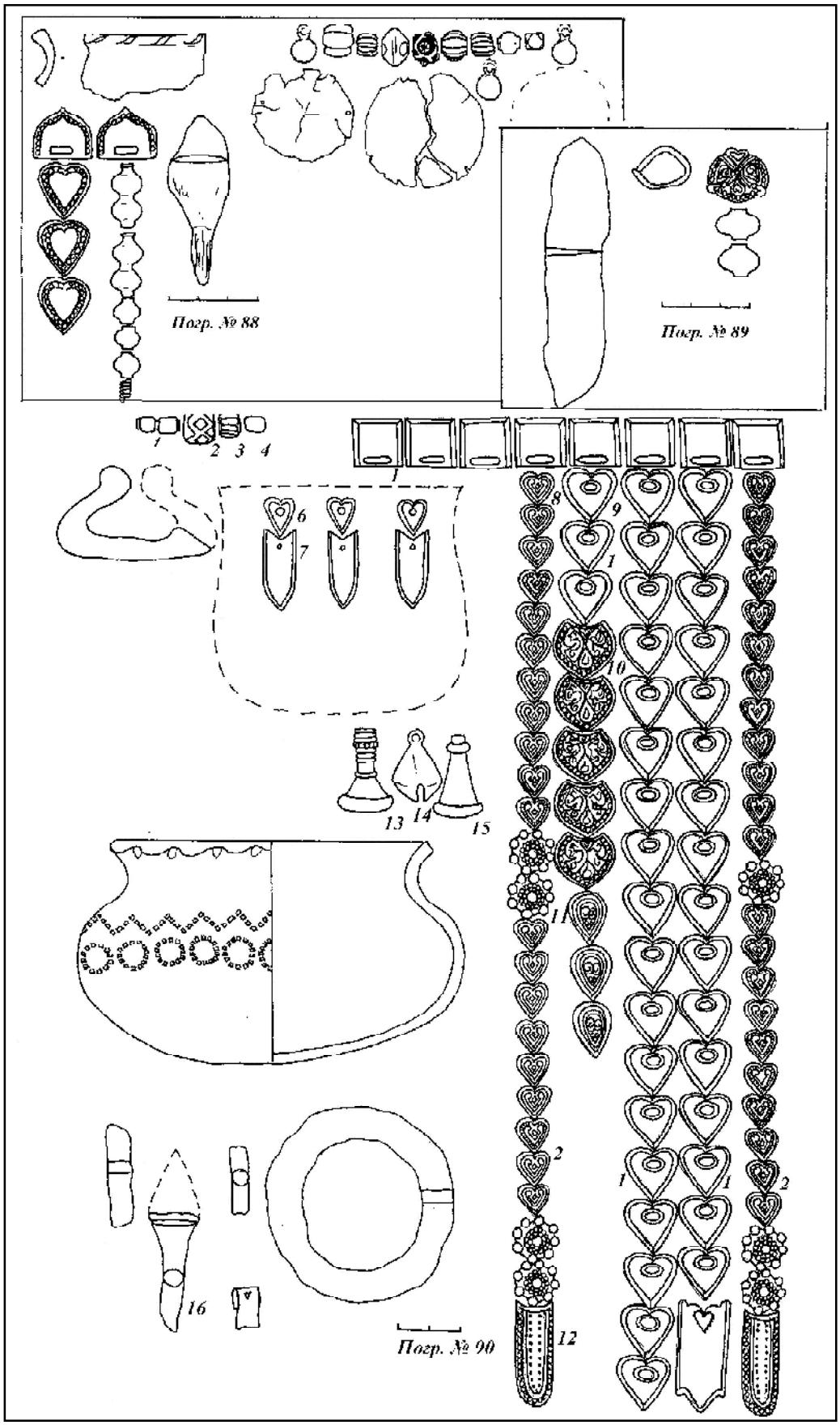

Рис.74. Комплексы погребального инвентаря из погребений 88, 89, 90

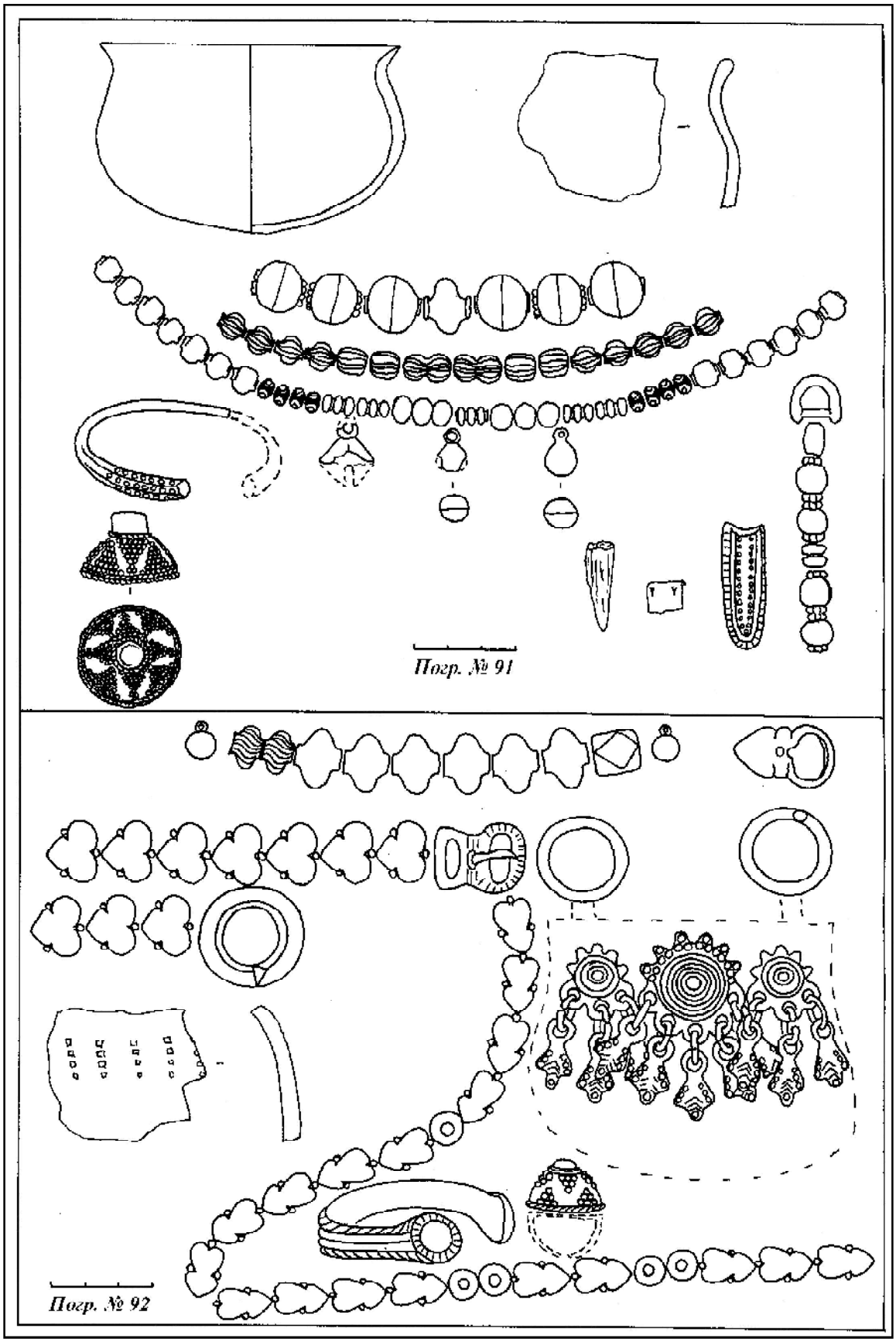

Рис.75. Комплексы погребального инвентаря из погребений 91, 92

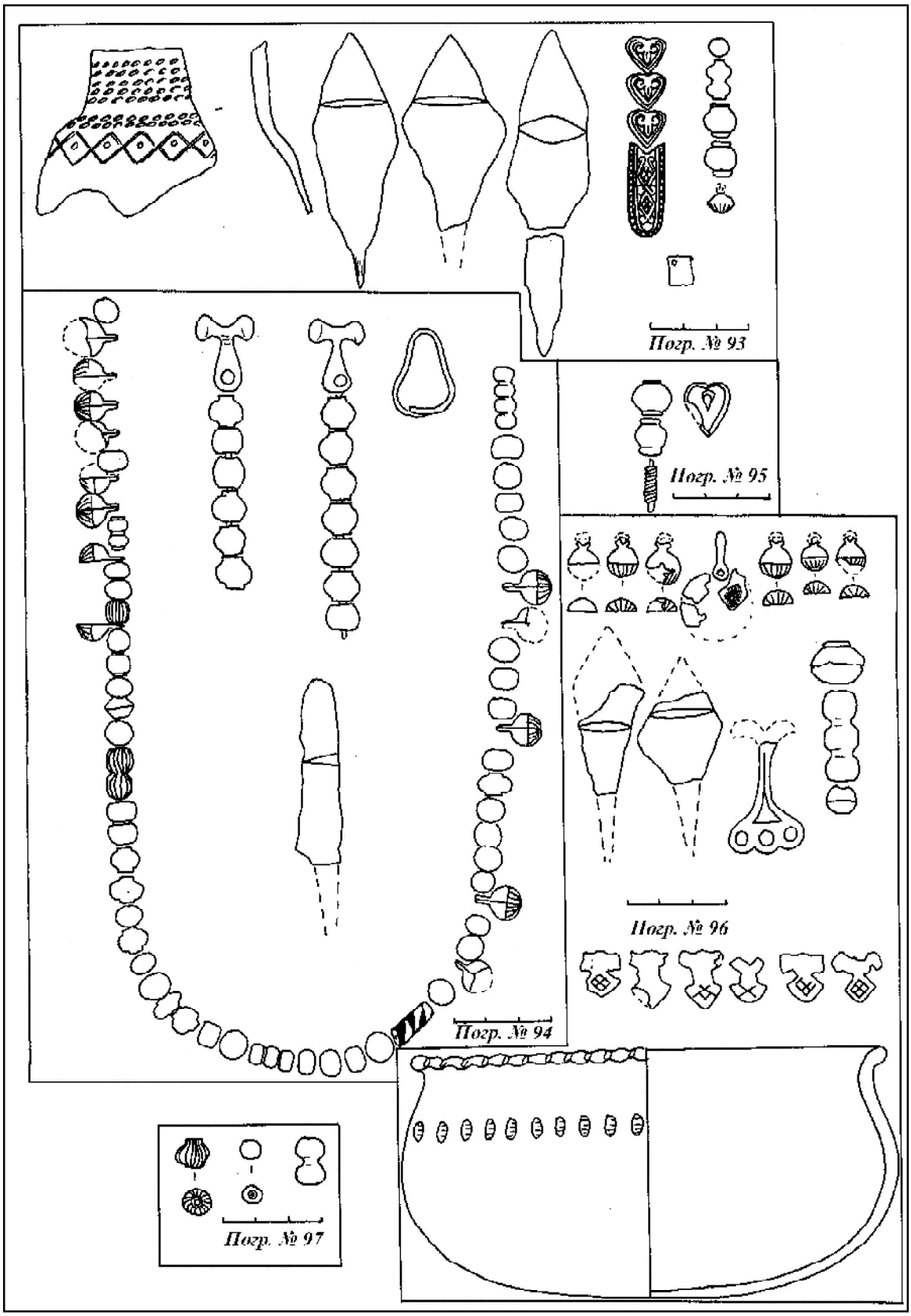

Рис.76. Комплексы погребального инвентаря из погребений 93, 94, 95, 96, 97

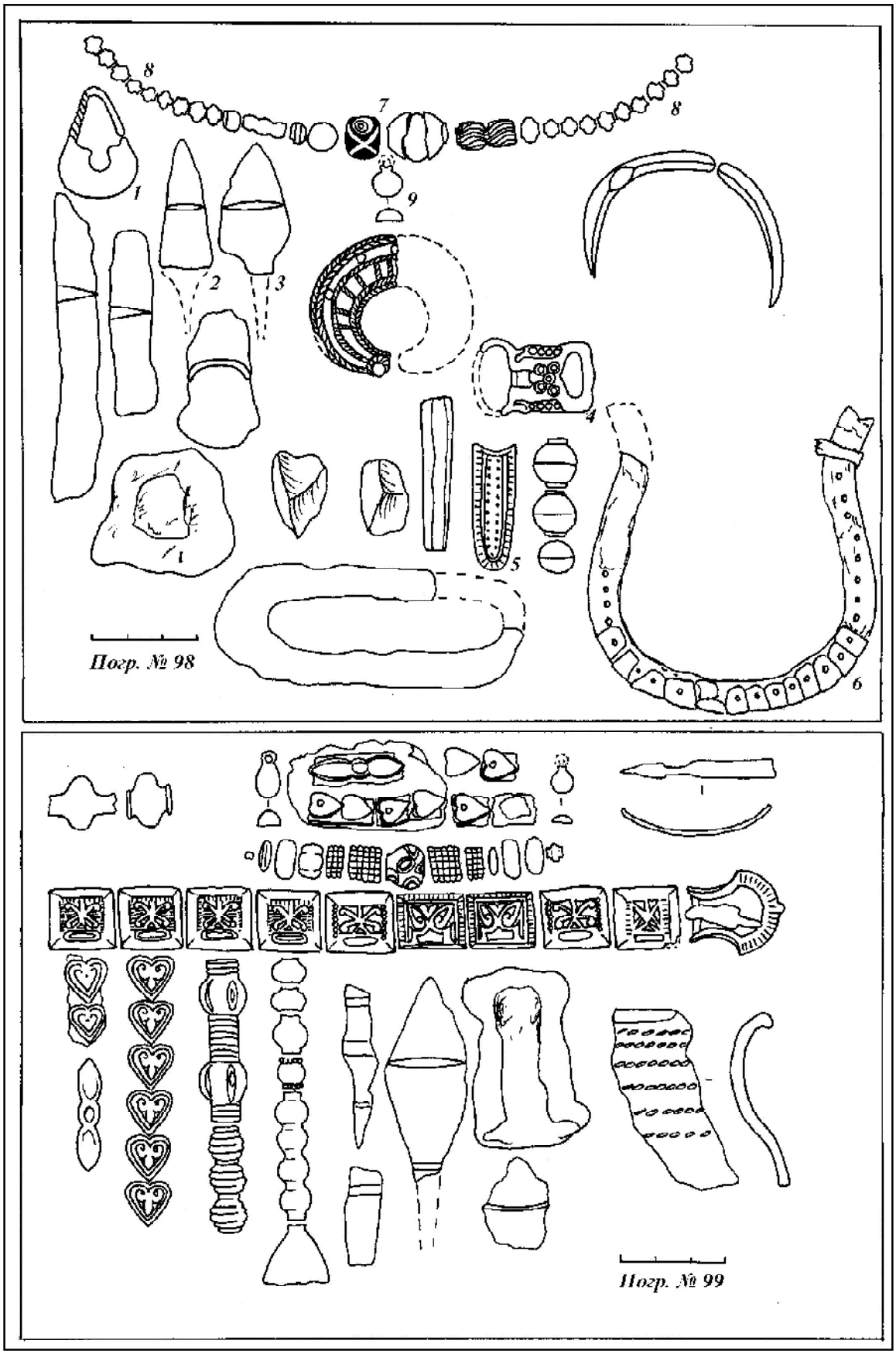

Рис.77. Комплексы погребального инвентаря из погребений 98, 99

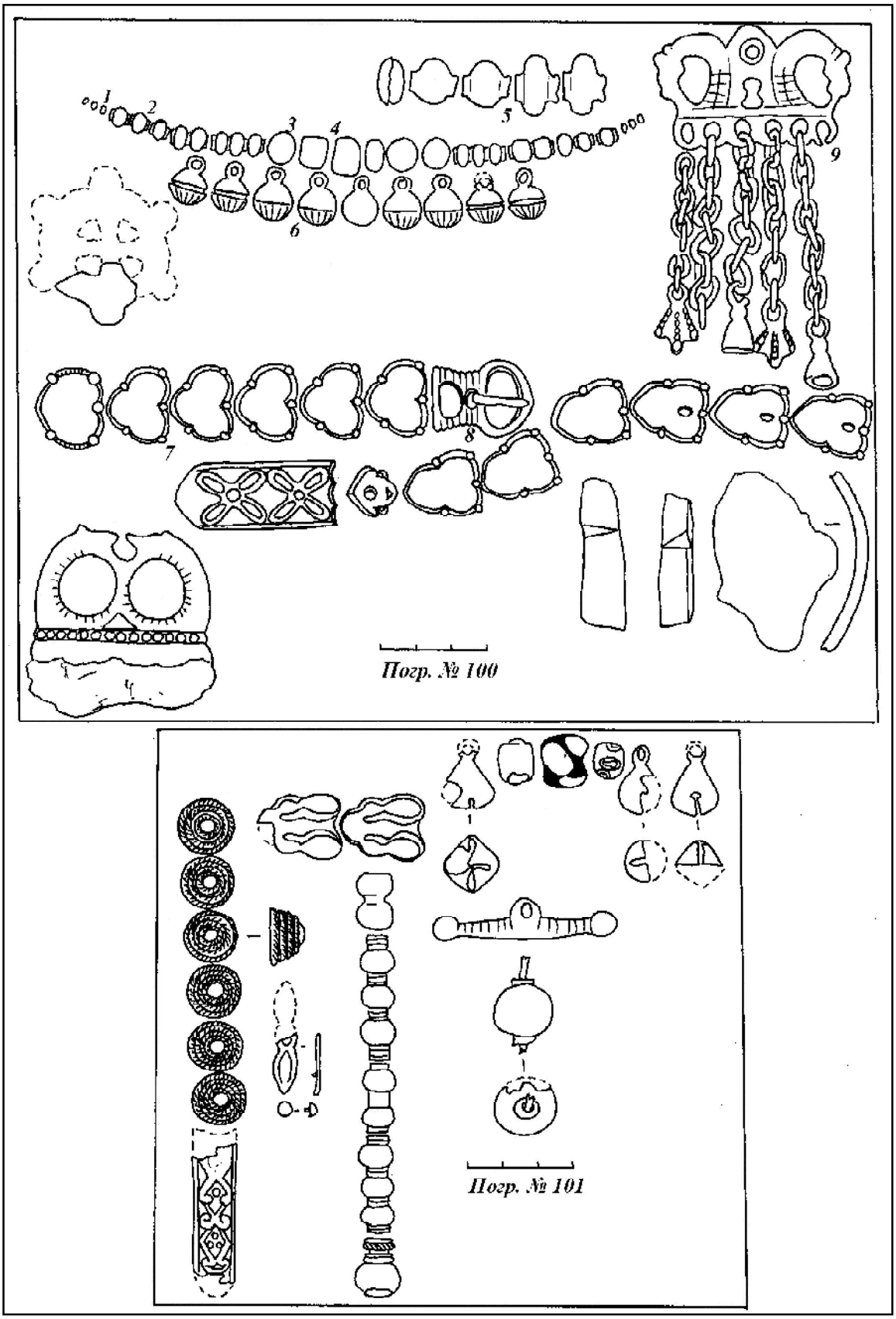

Рис.78. Комплексы погребального инвентаря из погребений 100, 101

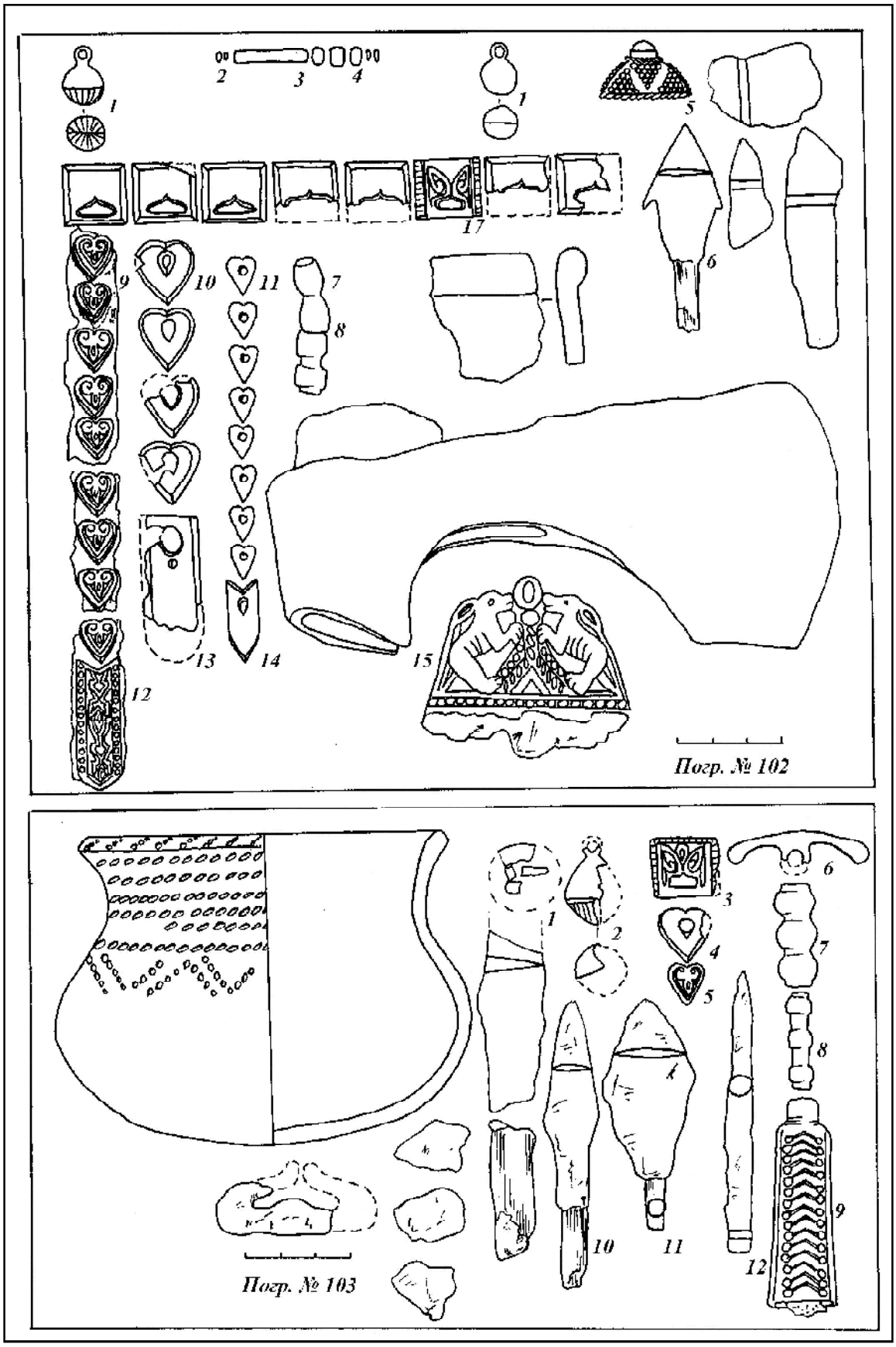

Рис.79. Комплексы погребального инвентаря из погребений 102, 103

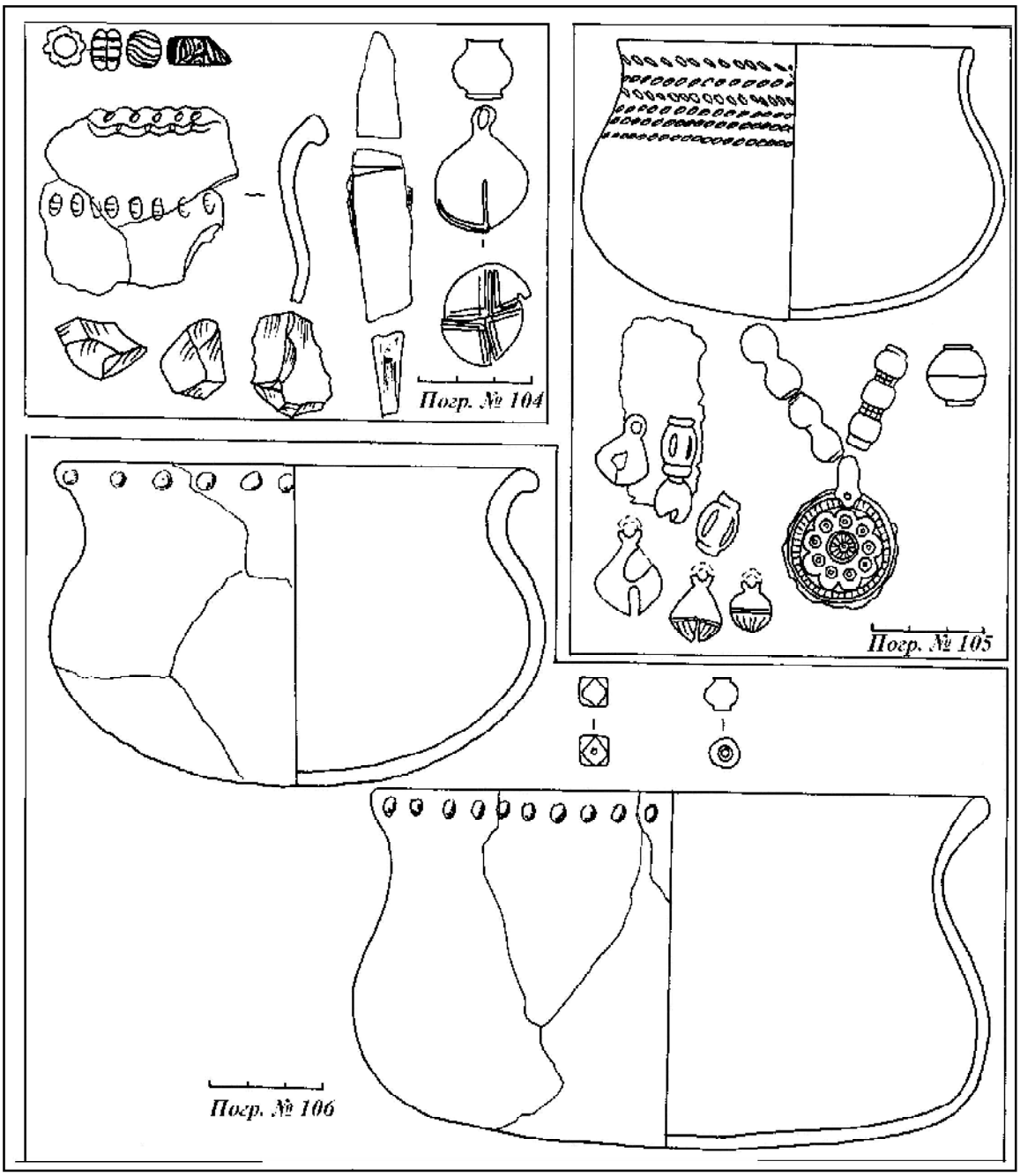

Рис.80. Комплексы погребального инвентаря из погребений 104, 105, 106

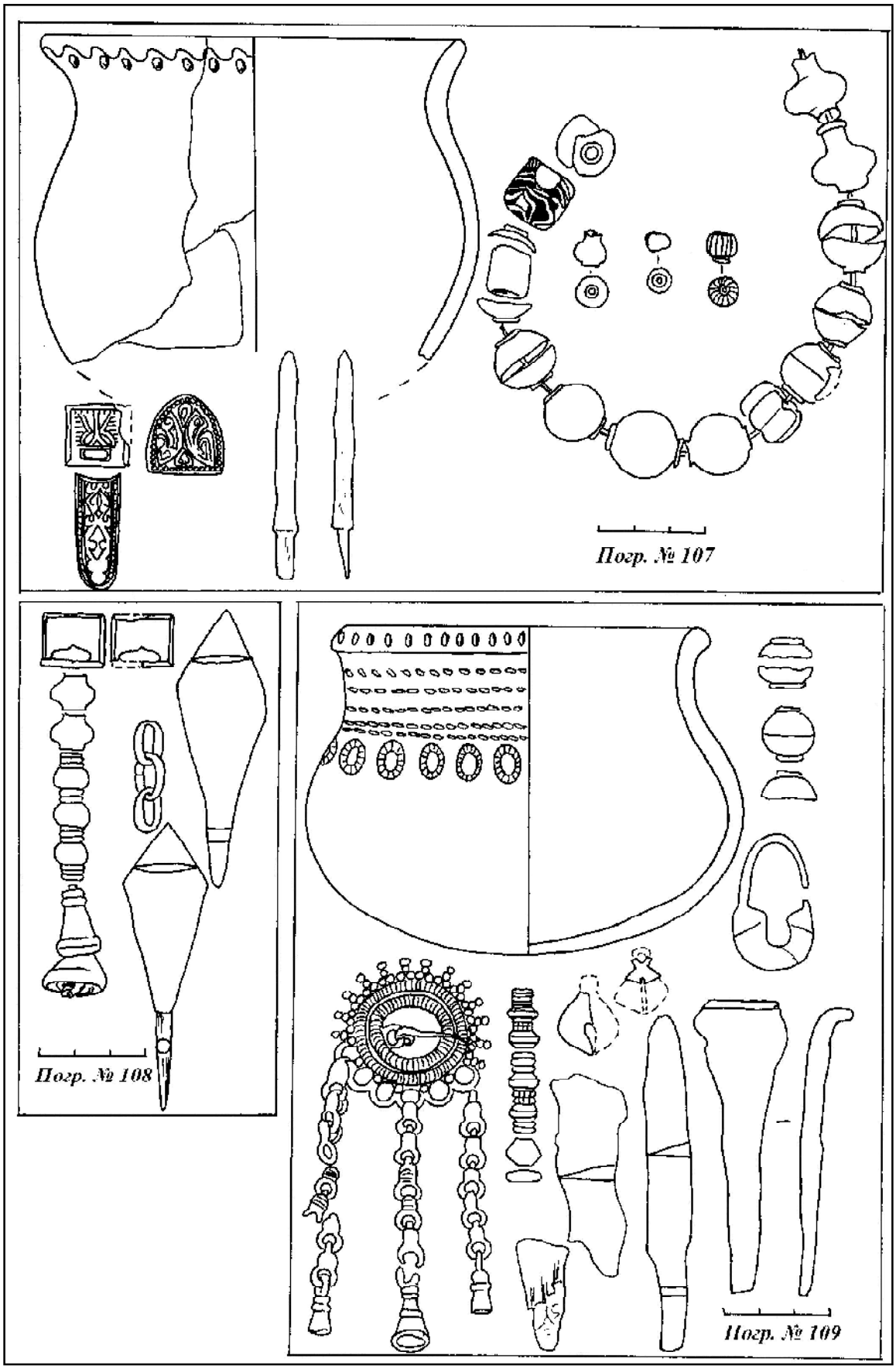

Рис.81. Комплексы погребального инвентаря из погребений 107, 108, 109

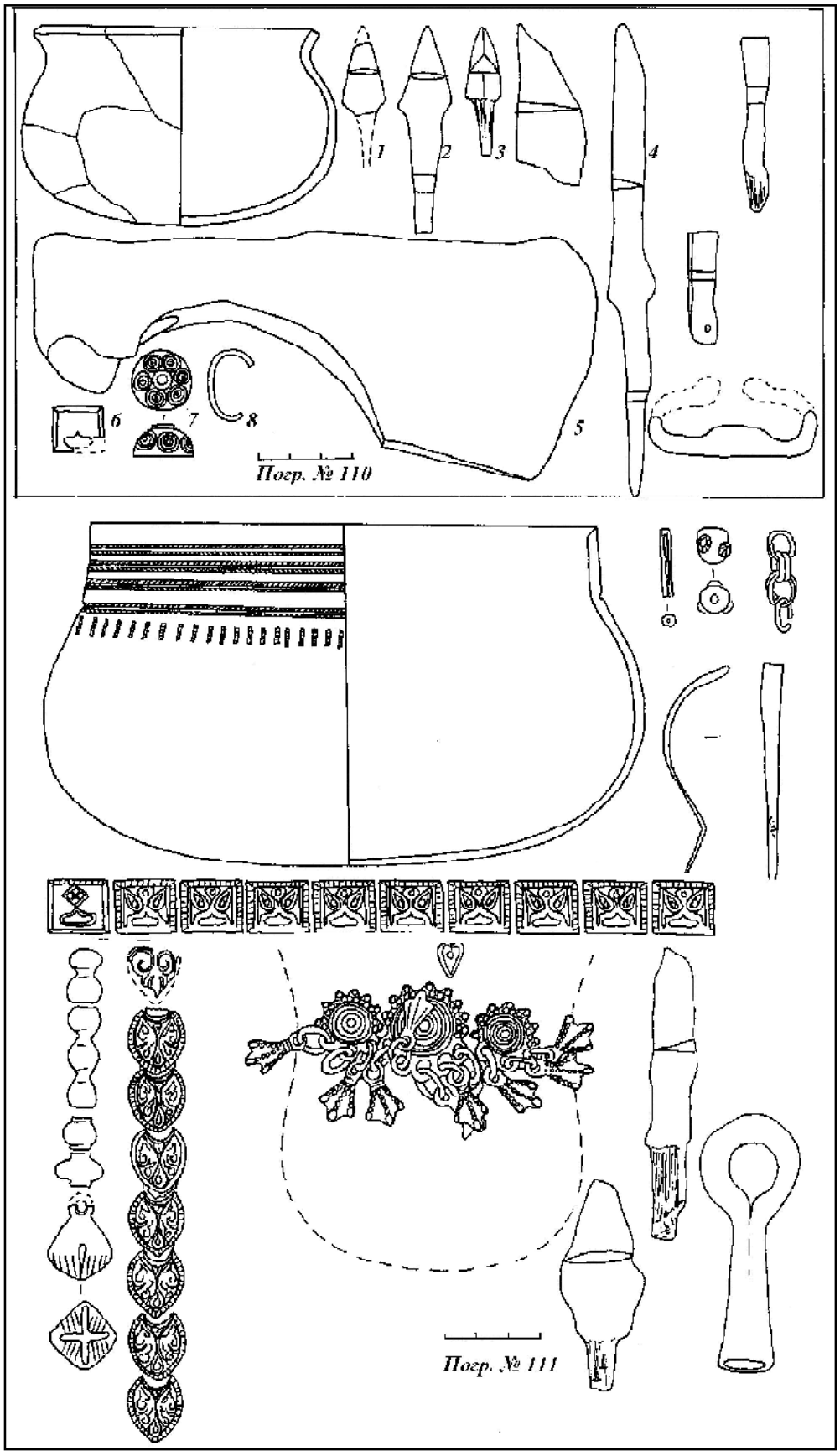

Рис.82. Комплексы погребального инвентаря из погребений 110, 111

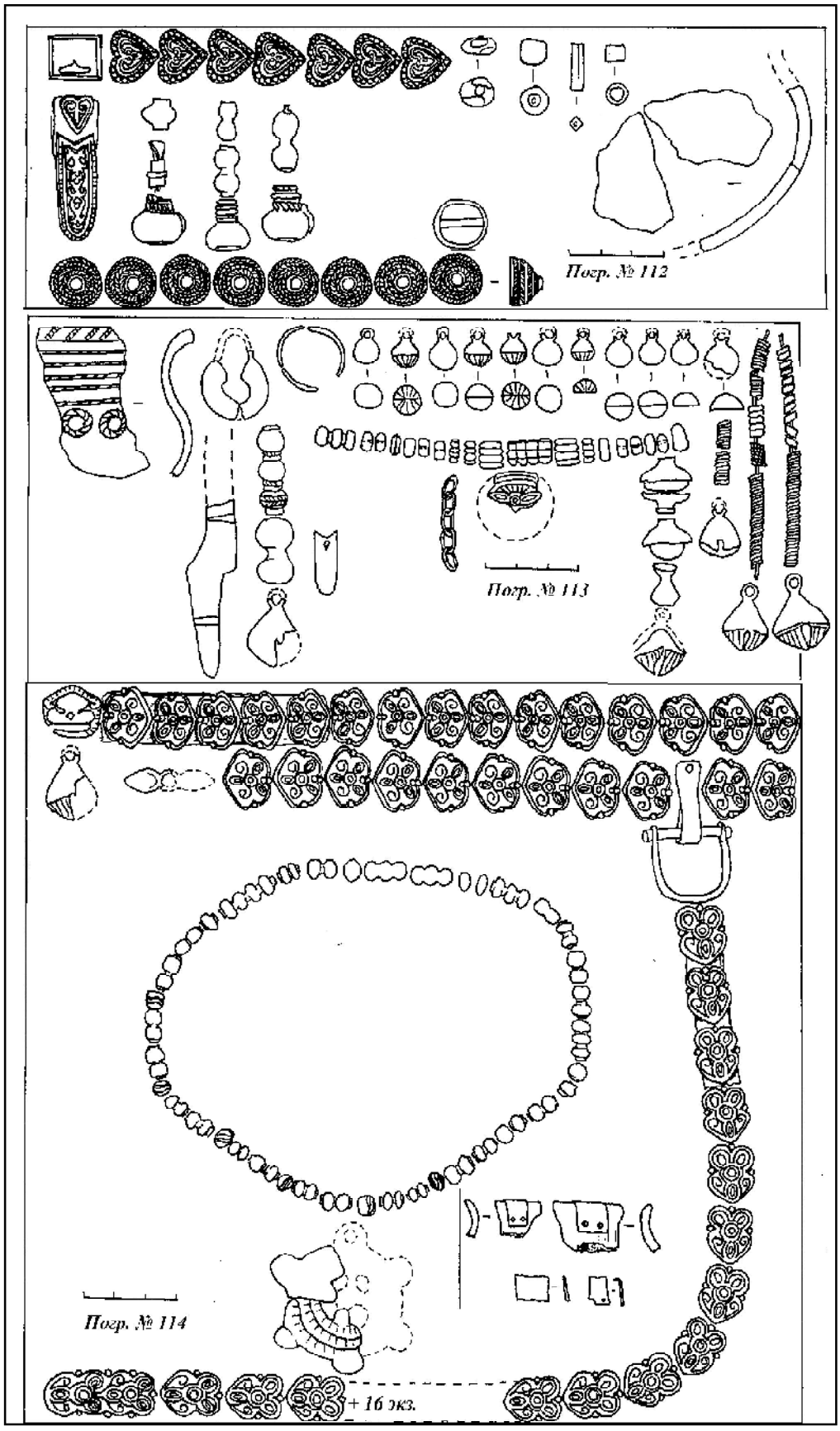

Рис.83. Комплексы погребального инвентаря из погребений 112, 113, 114

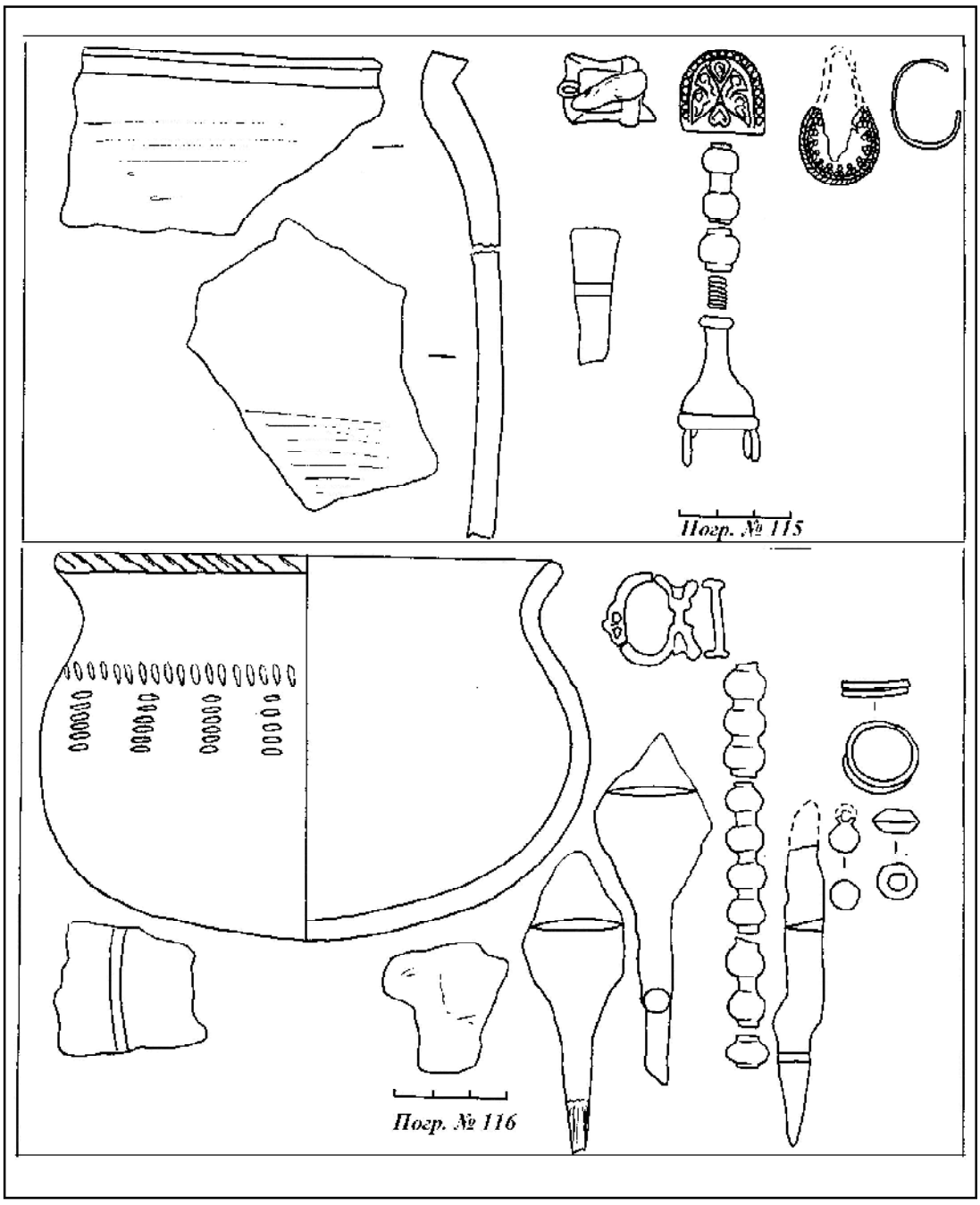

Рис.84. Комплексы погребального инвентаря из погребений 115, 116

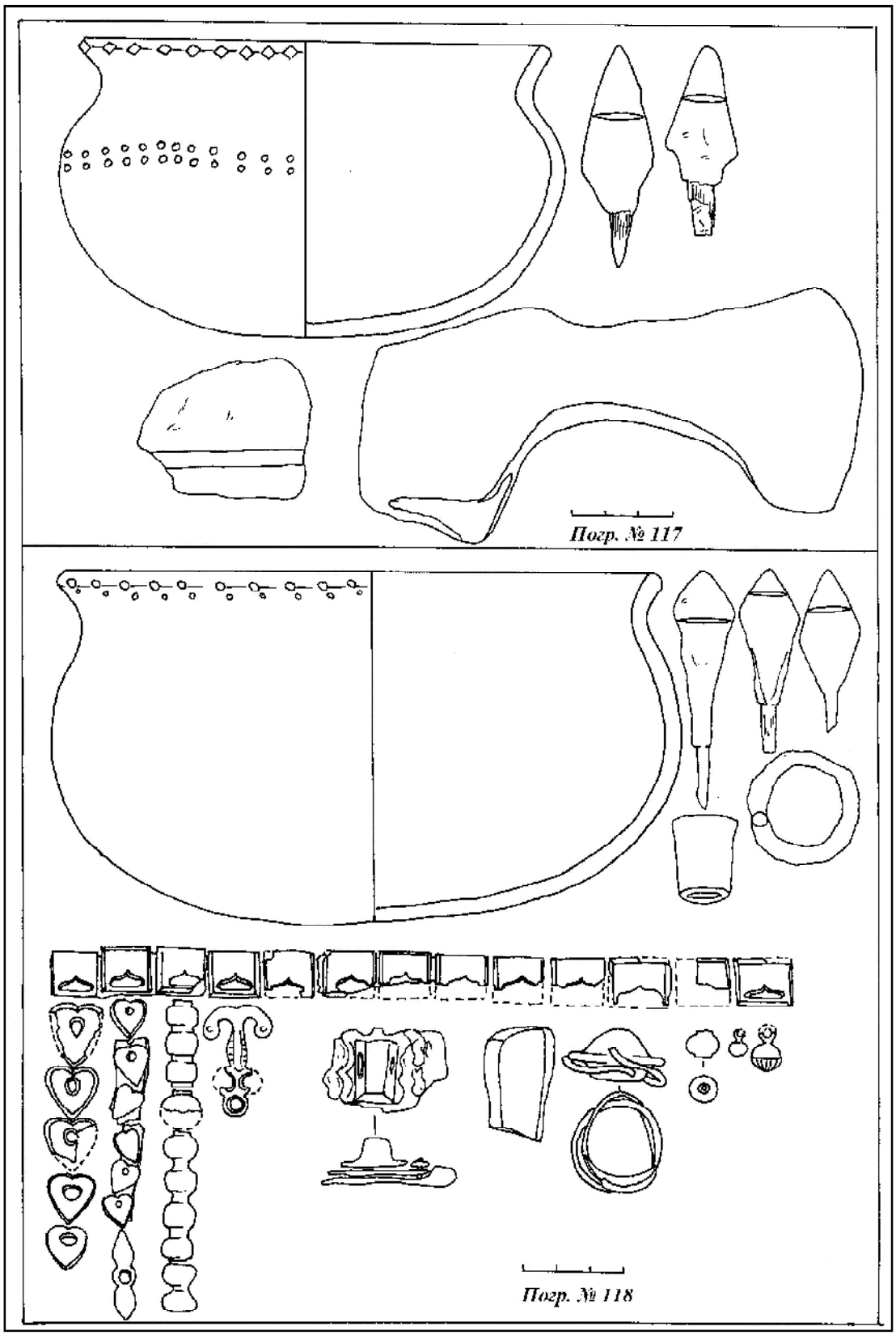

Рис.85. Комплексы погребального инвентаря из погребений 117, 118

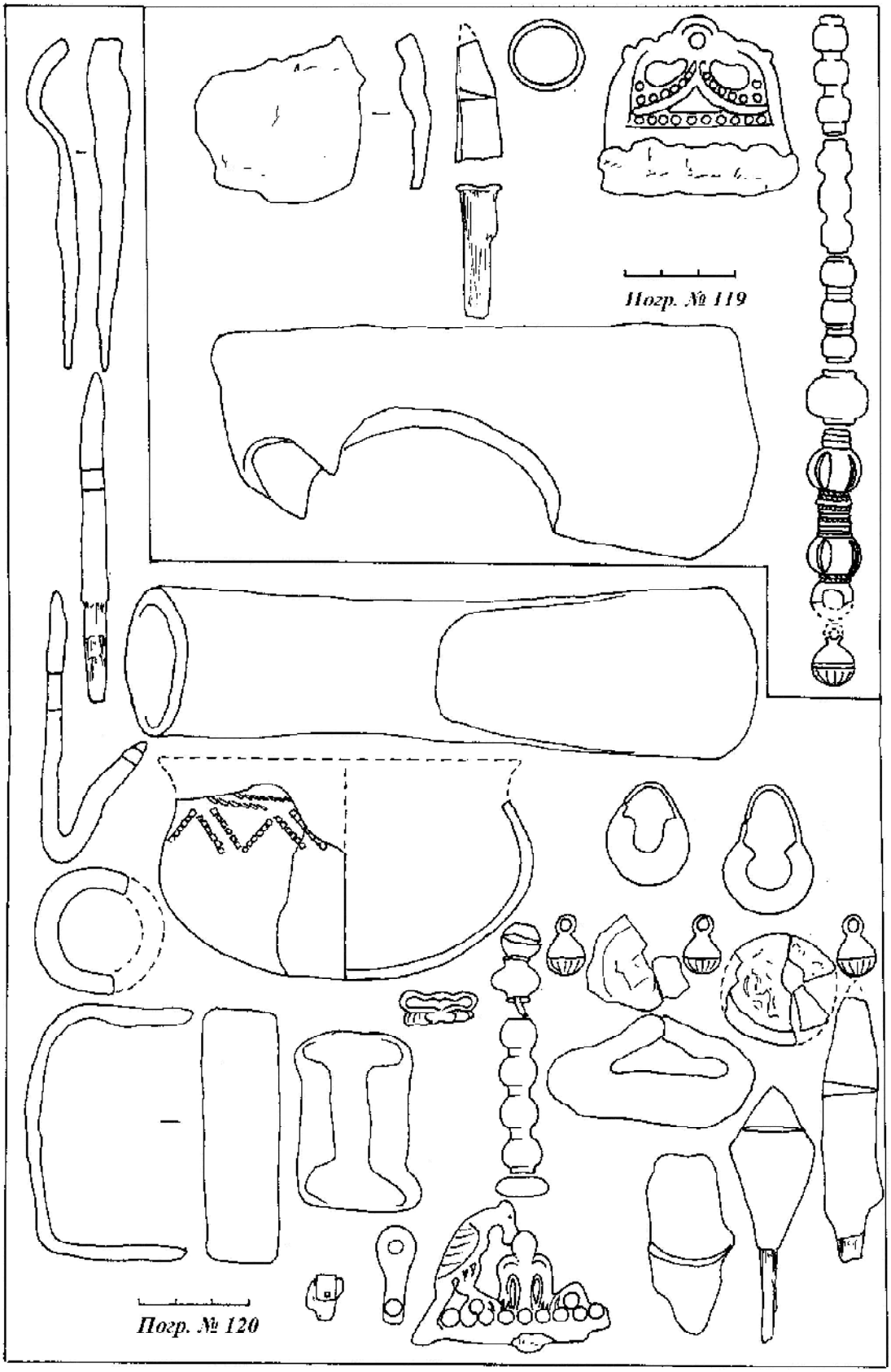

Рис.86. Комплексы погребального инвентаря из погребений 119, 120

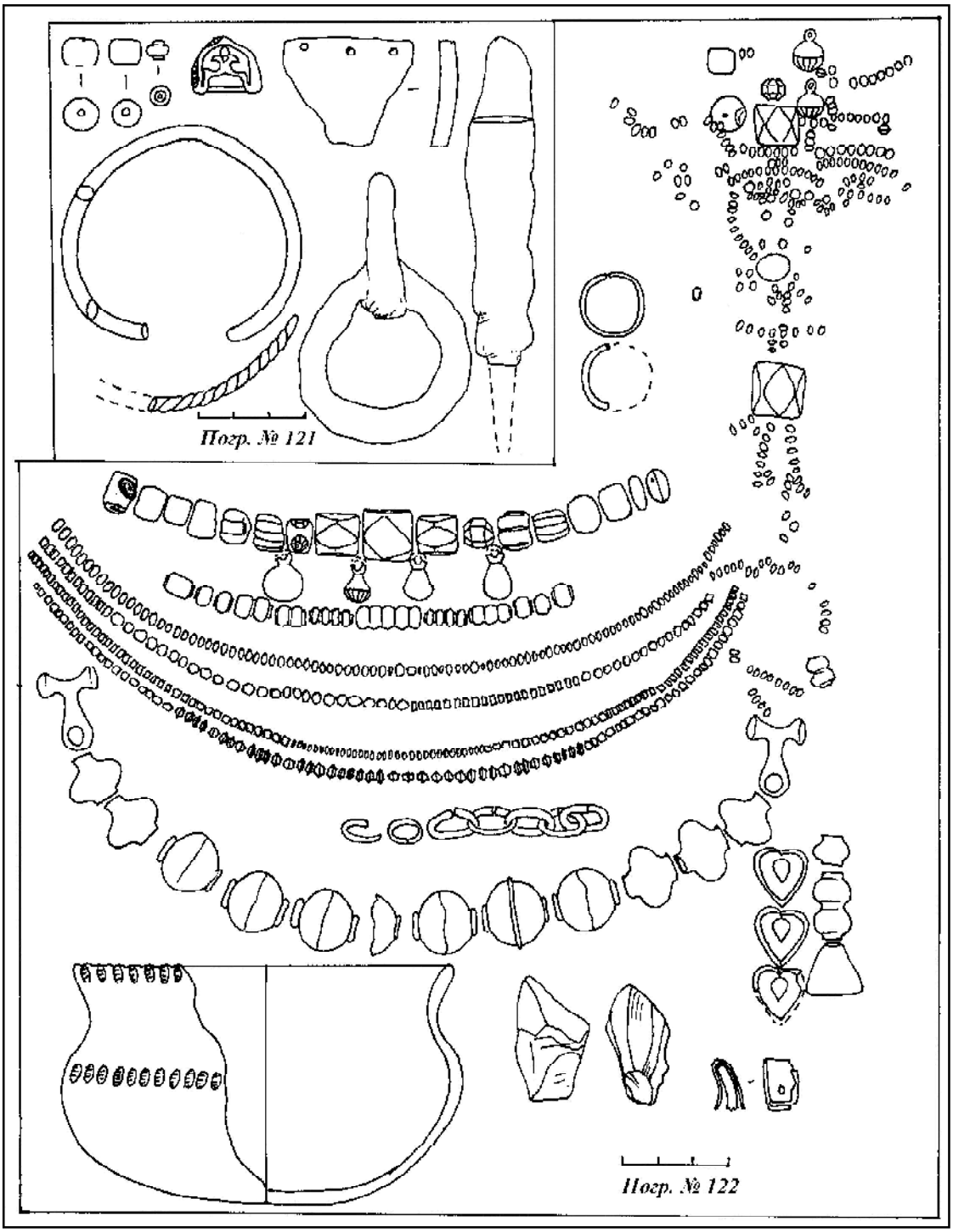

Рис.87. Комплексы погребального инвентаря из погребений 121, 122

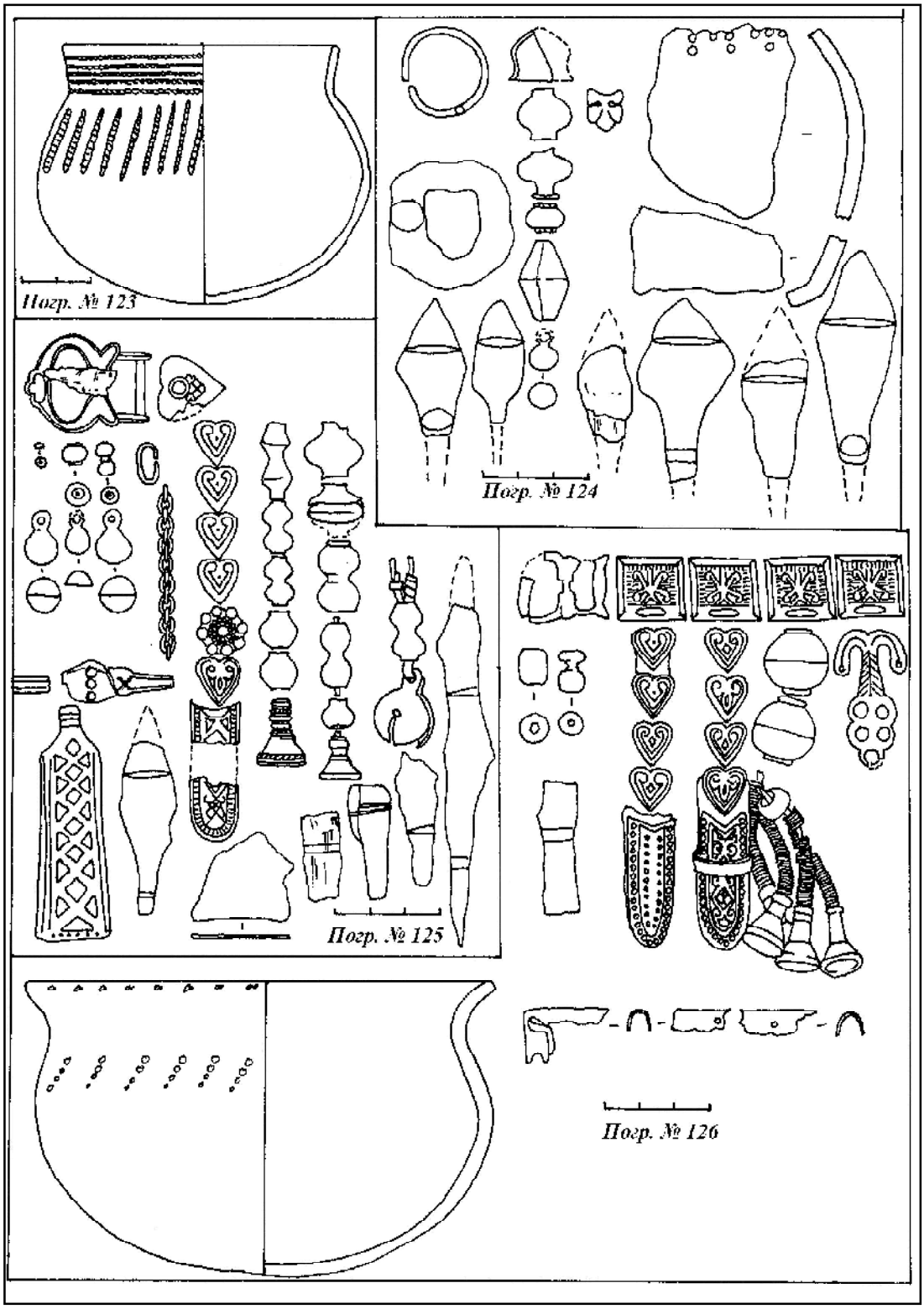

Рис.88. Комплексы погребального инвентаря из погребений 123, 124, 125, 126

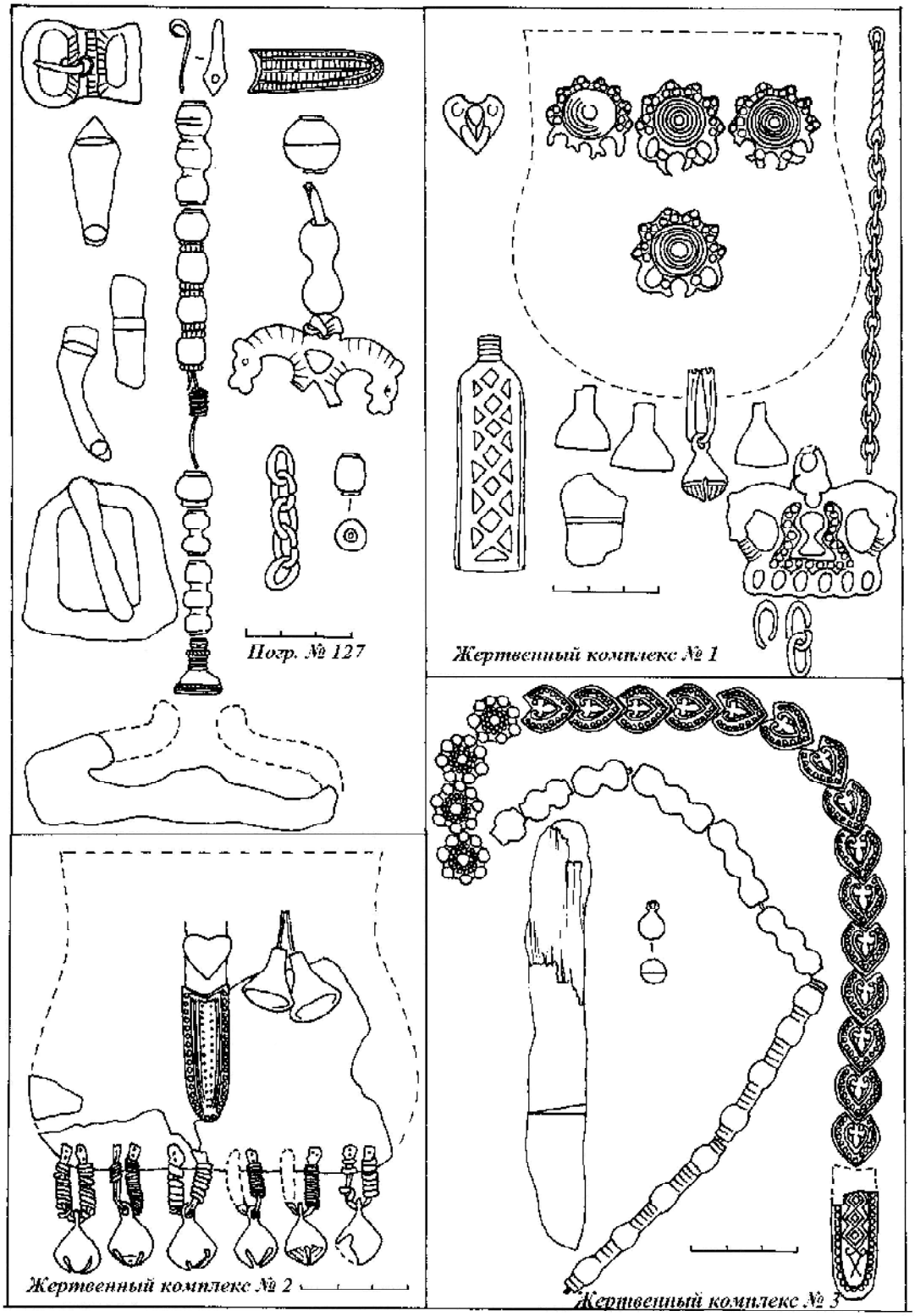

Рис.89. Комплексы погребального инвентаря из погребения 127 и жертвенных комплексов 1, 2, 3

ПОСУДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Наиболее массовым материалом на Рождественском археологическом комплексе являются фрагменты посуды.

Самой распространенной была глиняная посуда, изготовленная вручную или на гончарном круге, часты находки фрагментов металлической посуды, реже встречаются фрагменты деревянной, стеклянной, кожаной утвари.

Из числа гончарной посуды следует исключить 149 фрагментов поздней русской посуды XVIII – XIX вв. с раскопов I и III, которые собраны в дерновом слое и на пашне. Остальная масса гончарной посуды представлена булгарской керамикой.

Всего за семь лет раскопок на городище было собрано 10648 фрагментов булгарской гончарной и 6729 фрагментов лепной керамики. Среднее количество лепной посуды в культурном слое городища, таким образом, не превышает 38,7% от числа всей собранной на нем древней керамики, поэтому, с полным основанием, керамическую коллекцию Рождественского городища можно охарактеризовать как гончарную.

Весьма наглядно такую характеристику комплекса посуды демонстрирует раскоп IV, где доля булгарской гончарной керамики составила более 80%. Правда, следует оговориться, что данный раскоп дал подавляющее количество находок булгарской керамики в коллекции. По другим раскопам соотношение булгарской и родановской керамики несколько иное и количество гончарной керамики не превышает 40-45% от всей посуды остальных раскопов.

Всего в статистическую обработку керамики Рождественского городища было включено 17377 фрагментов обломков сосудов, из них – булгарских гончарных 10648 (61,3%) и 6729 (38,7%) – лепных.

горизонт	ГОНЧАРНАЯ				ЛЕПНАЯ			
	Фрагментов		венчиков		фрагментов		венчиков	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	65	65	3	75	37	35	1	25
2	60	54,5	3	75	53	45,5	1	25
3	105	47,6	7	63,6	119	52,4	4	36,4
4	267	62	11	60	166	38	11	40
5	376	67	45	70	187	33	19	30
6	471	74	56	75,6	178	26	18	24,4
7	1072	79	151	82,7	289	21	34	18,3
8	1383	88	226	87	187	12	30	13
9	1351	90	263	93,5	136	10	18	6,5
10	743	92,8	121	93	57	7,2	6	7
11-13	2120	91	400	92	215	9	35	8
всего	**8013**	**83**	**36**	**86**	**1624**	**17**	**177**	**14**

Таблица1. Соотношение гончарной и лепной керамики раскопа IV 1991 г. по условным горизонтам культурного слоя (10 см) без учета ям

ЛЕПНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Всего на Рождественском городище собрано 6729 фрагментов лепной керамики. Из них имеются три сосуда полной формы, 285 фрагментов верхней части сосудов, фрагменты ручек, ушков керамических котлов, валиков-подставок (цв. вкл. Д). Лепная посуда изготовлена вручную целиком, либо с применением вращения при формовке верхней части сосудов. Тесто преобладает с мелкими добавками – песок, шамот, толченая раковина, растительные добавки. Керамика имеет серый, серо-коричневый, красновато-коричневый или желто-коричневый цвет. В отличие от посуды раннего периода, которая преимущественно была заглажена щепкой, пучком травы, или, как предполагают исследователи керамики, гребенчатым штампом, отчего на ней достаточно четко выделялись штриховые полосы (расчесы), рождественская посуда имеет гладкую поверхность, заглаженную рукой или кожей. Сосуды с поверхностью, заглаженной грубыми материалами, представлены единично (рис.90/8; 91/18, 20; 92/20). Судя по наличию в коллекции фрагментов только округлых и округло-уплощенных днищ, плоскодонные лепные сосуды местным населением не использовались.

Группа 1 – КРУГЛОДОННЫЕ ГОРШКИ, ЧАШИ, КРУЖКИ (252 экз.). Поскольку полных сосудов удалось реконструировать единицы, мы имеем в распоряжении только верхние части, не позволяющие установить высоту тулова, и разделить горшки и чаши, обычно абсолютно одинаковые сверху, не представляется возможным. Наличие в материалах городища довольно большого количества ручек и следы отлома ручек на стенках некоторых сосудов свидетельствует о существовании кружек и сосудов с двумя ручками.

Тип 1 – относительно высокие сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее раздутой части тулова, с подцилиндрической или блоковидной шейкой, плавно переходящей в тулово (105 экз., рис.90-93; 94/1-8; 95/8, 12-15). К данному типу относятся сосуды разных объемов от маленьких, с диаметром по венчику 7-15 см, до больших, диаметр венчика которых достигает 32-34 см.

Сосуды данного типа имеют истоки в ломоватовской культуре, где они составляли от 10 до 42 % на разных памятниках [Голдина 1985, с.95, тип 1].

На Рождественском городище они составляют 37% лепных сосудов. Подавляющее большинство керамики 1 типа встречено на раскопах II-III (77%), 11,5% — на раскопе IV, 7,5% — на раскопе I, 2,8% — на раскопе V, 0,9% — на раскопе VI. Посуда этого типа использовалась местным населением на протяжении всего существования городища. По слоям она распределяется следующим образом: 19% — на глубине 1-2 м, 30% — на глубине 0,5-1 м, 51% — в верхних слоях.

В Волжской Булгарии подобные сосуды также получили довольно широкое распространение с VIII-IX по XII вв. (группа V по Т.А. Хлебниковой) [Хлебникова 1984, с.56,69,105,156,191], но главным образом они известны по памятникам раннеболгарского периода истории волжских булгар [Город Болгар 1988, с.24].

Подобные сосуды известны и в марийских могильниках X-XII вв. [Финно-угры и балты... 1987, табл.LV/6,9], в древностях вымской культу-

ры [Финно-угры и балты... 1987, табл.LVII/43, табл.LVIII/27], на Чепце [Иванова 1998, рис.94/1]. Довольно большая серия сосудов данного типа со шнуро-гребенчатым и кружковым орнаментом и с примесью толченой раковины в тесте встречена на Поповском городище в Костромском Поволжье, что, по мнению исследователей, свидетельствует о существовании связей с камским населением [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.52, рис.12/14-23].

Подтип 1.1 – сосуды с плоским или чуть закругленным не орнаментированным венчиком (50 экз., рис.90; 91/2-34, 95/8,12-13). В большинстве случаев и сами сосуды не содержат орнаментации. Только 10% сосудов данной подгруппы украшены по плечику – вертикальными оттисками гребенчатого штампа (рис.90/5), тремя рядами шнура в виде одинарных линий в одну сторону (рис.90/11), гребенчатым штампом в виде ромбов (рис.91/13), орнаментом в виде горизонтальных резных линий, покрывающих шейку и верхнюю часть плечика, завершающимся внизу гребенчатым орнаментом в виде горизонтальной елочки (рис.90/13), тремя рядами резных ломаных линий (рис.91/9).

Подтип 1.2 – сосуды с плоским или чуть закругленным венчиком, украшенным по внешнему краю защипами (8 экз., рис.94/1-8) нарезками или насечками, нанесенными палочкой с ромбическим, треугольным или овальным сечением (15 экз., рис.92/20-32; 95/15). 43,5% сосудов данной подгруппы орнаментированы по шейке или по плечикам. Один сосуд (рис. 94/1) орнаментирован по шейке горизонтальными линиями гребенчатого штампа, по плечику – наклонными отпечатками гребенчатого штампа. Два сосуда (рис.92/21, 23) оформлены по шейке шнуровым орнаментом. Четыре сосуда (рис.92/24-25, 27, 30) украшены по плечикам вертикальными или слегка наклонными оттисками гребенчатого штампа. Три сосуда (рис.92/26, 28-29) орнаментированы по плечикам резным зигзагом, в двух случаях дополненным снизу рядом наклонных коротких резных линий. На одном сосуде (рис.94/6) орнамент состоит из С-образных отпечатков.

Подтип 1.3 – сосуды с плоским венчиком, орнаментированным отпечатками штампа (49 экз., рис.91/1; 92/1-18; 93; 95/14). 43 % сосудов этой подгруппы орнаментированы по плечикам, реже — по шейке и плечикам.

Вариант 1 – венчик орнаментирован отпечатками круглого штампа (рис. 91/1; 92/13), по плечикам сосуды украшены горизонтальными рядами маленьких кружков.

Вариант 2 – венчик орнаментирован отпечатками гребенчатого штампа (рис.92/1-3, 17; рис.93/3-12), по шейке ряды шнура в виде одинарных линий в одну сторону (рис.92/1, 2, 4, 17) или прерывистые ряды гребенки (рис.93/10-12), по плечикам – наклонные отпечатки гребенчатого штампа (рис.92/1; 93/5), гребенчатый орнамент в виде горизонтальной елочки (рис.93/6-8), зигзагообразный гребенчатый орнамент (рис.93/9-11).

Сосуды данного типа с аналогичной орнаментацией являются характерными для могильников перми вычегодской [Истомина 1992, рис.3/1; Королев 1997, рис.51,55].

Вариант 3 – венчик орнаментирован "личинками" овальными или серповидными (рис.92/4-15), в одном случае шейка сосуда покрыта рядами шнура в виде одинарных линий в одну сторону, на плечиках встречается орнамент из "личинок" — в одном случае (рис.92/10) в виде фигурок, напо-

минающих стилизованные изображения плывущих уток, в двух случаях (рис.92/11-12) в виде вертикальных отпечатков вытянутых "личинок", в одном случае (рис.92/13) – в виде отпечатков серповидных "личинок".

Вариант 4 – венчик орнаментирован косой резной решеткой, плечико – гребенчатым орнаментом в виде горизонтальной елочки (рис.93/1; цв. вкл. Д/3). Сосуд снабжен двумя ручками, присоединенными в районе плечика. Ручки петельчатой формы с овальной площадкой, украшенной гребенчатым орнаментом в виде елочки.

Тип 2 – сосуды со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, чаще всего, суженым устьем, без четко выраженной или с короткой цилиндрической шейкой (24 экз., рис.96). Диаметр по венчику от 9 до 24 см. Изготовлены преимущественно из песочного теста с примесью шамота, реже – с добавлением раковины. Черепок плотный, серого, серо-коричневого или желто-коричневого цвета.

Орнаментированы сосуды данного типа редко. В трех случаях отмечалась орнаментация венчика гребенчатым штампом или нарезками (рис.96/14, 18, 19), в двух случаях (рис.96/7, 17) – защипы по плечику, в двух случаях (рис.96/16, 19) – гребенчатый орнамент в виде наклонных отпечатков и ломаной линии, и в одном случае (рис.96/14) – резной орнамент в виде наклонных полосок.

На Рождественском городище такие сосуды составляют 8,4 % лепной керамики. Из них 25 % происходят с раскопов II-III, 62,5 % — с раскопа IV, 12,5% — с раскопа I. 14,2% сосудов 2 типа обнаружены в верхних слоях – остальные на глубине 0,5-1 м.

Эти сосуды, по мнению Р.Д. Голдиной, имеют истоки в ломоватовской культуре [Голдина 1985, с.95, тип 2], где они составляли от 43 до 57 % всей посуды. Однако В.А. Оборин отмечал, что "бомбовидные сосуды с сильно раздутыми боками, с прямым цилиндрическим горлом, иногда слегка отогнутым" характерны для сылвенских памятников и "совершенно не встречаются в родановской керамике" [Оборин 1970, с.11].

Но, с другой стороны, сосуды подобной формы, хорошо известные в Волжской Булгарии с начала X в. (группа IX по Т.А. Хлебниковой), по мнению исследователей, могли быть заимствованы с Юга Казахстана или с территории турбаслинской культуры в башкирском Приуралье [Хлебникова 1984, с.118-121].

Сосуды данного типа имеют также сходство с керамикой VIII группы XII-XIII вв. [Хлебникова 1984, с.196-197, рис.111].

Сосуды подобной формы известны в ванвиздинских материалах [Финно-угры и балты... 1987, табл.LVI/33, 40].

Подтип 2.1 – сосуды с короткой (до 2 см) цилиндрической шейкой (13 экз., рис.96/1-13). Венчик плоский или округлый, не орнаментированный. Следы орнаментации в виде защипов по плечикам представлены только на одном сосуде (рис.96/7). Наименее раздутые сосуды данного подтипа были снабжены ручками (рис.96/5, 9).

Подтип 2.2 – сосуды без шейки со слегка отогнутым наружу венчиком (11 экз., рис.96/14-24). В трех случаях (27%) наблюдается орнаментация по венчику в виде насечек (рис.96/19) или оттисков гребенчатого штампа (рис.96/14-18), и в четырех случаях (36%) орнаментация по плечикам – гребенчатая (рис.96/16,19), резная (рис.96/14) и в виде защипов (рис.96/17).

Тип 3 – сосуды баночной формы с округло-уплощенным дном, с короткой резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком (85 экз., рис.97; 98; 99/1-9; 100/1-7). Сосуды данного типа отличает слабо раздутое, почти цилиндрическое тулово, наиболее расширенное либо в верхней части сосуда, либо в нижней. Изготовлены вручную, верхняя часть в большинстве случаев подправлена на гончарном круге. Диаметр по венчику составляет от 8 до 26 см, но преобладают сосуды средних размеров с диаметром по венчику 11-16 см.

Сосуды 3 типа составляют на Рождественском городище 30 % лепной керамики. 19% этих сосудов обнаружено на раскопе I, 36,5 — на раскопах II-III, 40 — на раскопе IV, 2,5 — на раскопе V. 40% керамики данного типа встречено в верхних слоях городища, 53,5 — на глубине 0,5-1 м, 6,5 — на глубине более 1 м.

Судя по характерной орнаментации, данный тип сосудов возник на основе неволинских традиций. Подобные сосуды на территории Пермского Предуралья наиболее хорошо известны в материалах Саламатовского городища и селища Телячий Брод на р. Усьве в Посучовье [Оборин, Балашенко 1968, с.42, табл.3/6; коллекция из раскопок А.М. Белавина], население которых, по мнению исследователей, являлось потомками неволинцев, переселившихся в IX-X вв. из бассейна р. Сылвы.

Сосуды схожих форм известны в вымских и чепецких материалах [Финно-угры и балты... 1987, табл.LVII/38,42; Иванова 1998, рис.94/6], но они не имеют столь резко отогнутого венчика и не орнаментированы.

Подтип 3.1 – не орнаментированные (60 экз., рис.97/1-17, 19-32, 34-43; рис.98/1-3; рис.99/2-9; рис.100/1-5, 7), отдельные экземпляры (6%) были снабжены ручками, прикрепленными в районе плечика (рис.97/2, 25, 34, 39).

Подтип 3.2 – орнаментированные (30 %). Для данного типа в основном характерна довольно стандартная орнаментация – вертикальные и горизонтальные елочки, резные или нанесенные мелким гребенчатым штампом, расположенные в верхней части сосудов; защипы по средней части тулова; и сочетание этих двух элементов (рис.98/5-10, 16-26). При этом венчик обычно украшен косой резной решеткой. Вторая распространенная группа орнаментов – плотные ряды шнура по шейке и верхней части тулова из одинарных линий в одну сторону (рис.98/11-13) или из двойных линий в виде косички (рис.98/14), венчик у данных сосудов украшен оттисками гребенчатого или овального штампа. В одном случае по плечику и по венчику сосуд был украшен "личинками" (рис.98/15). В двух случаях наблюдался только орнамент по венчику – в виде горизонтальной веревочки (рис.97/18) и в виде отпечатков овального штампа в сочетании с насечками по внешнему краю венчика (рис.97/33).

Тип 4 – сосуды из теста с примесью толченой раковины, круглодонные, с раздутым туловом и цилиндрической относительно высокой шейкой (13 экз., рис.95/1, 17; 101/1-9, 25). Диаметр по венчику составляет от 8 до 22 см. Большинство сосудов данного типа орнаментированы.

Этот тип керамики (группа VII по Т.А. Хлебниковой) имеет характерную орнаментацию в верхней части сосуда и по скошенному вовнутрь, наружу или прямому венчику. В большинстве случаев орнаментация состоит из веревочных отпечатков по горловине и гребенчатых по плечику. Скошенный или прямой край венчика орнаментирован гребенчатыми отпечатками

(рис.101/6, 25) или нарезками (рис.95/1, 17; 101/1-2, 4, 7-9). Как отмечает Т.А. Хлебникова, для сосудов данной группы характерна своеобразная "веревочная" орнаментация, которая обычно составлена спаренными рядами (рис.101/1-5, 7, 25). При спаренности вдавления имеют направления в противоположные стороны – в виде "косички" (рис.101/1) или в одну сторону [Хлебникова 1984, с.106]. На сосудах из Рождественского городища парные шнуры обычно направлены в одну сторону (рис.101/2-5, 7, 25). Гребенчатый орнамент в подавляющем большинстве случаев располагается по плечику, ниже группы шнуров, но в одном случае (рис.101/5) он покрывал шейку в виде трех ярусов, ограниченных парными "веревочками". Гребенчатый орнамент представляет собой прямые или наклонные вдавления в одну сторону (рис.101/5, 25), а чаще – ломаные линии в один или несколько рядов (рис.101/2-3, 5, 8-9). В одном случае он дополнен опускающимися вертикально отпечатками (рис.101/9).

Сосуды 4 типа составляют на Рождественском городище 4,5% от всей лепной керамики. Подавляющее большинство этих сосудов (77%) встречено на раскопах II-III, и по одному сосуду обнаружено на раскопах I, IV, V. 61,5% керамики данного типа происходит из верхних слоев городища, остальная найдена на глубине 0,5-1 м.

По мнению Т.А. Хлебниковой, происхождение VII группы керамики, которая появилась в Нижнем Прикамье с начала X в. и продолжала свою эволюцию до XII-XIII вв., следует понимать, как развитие неволинской цилиндрошеей посуды при воздействии ее с верхнекамской. Начавшееся на памятниках сылвенского бассейна (Кунгурском II, Ермаковском, Лобач городищах), это развитие продолжалось в Волго-Камье, на территории будущей Волжской Болгарии. На памятниках Нижнего Прикамья такая керамика становится ярче и выразительнее, она обильнее количественно, и получает довольно широкое распространение в последующее время у волжских булгар [Хлебникова 1984, с.109-111].

Что касается этнической принадлежности VII группы посуды, то в решении этого вопроса, по мнению Т.А. Хлебниковой, нужно исходить из определения неволинских памятников их исследователями как угорских [Хлебникова 1984, с.112]. На настоящее время эта этнокультурная принадлежность VII группы керамики, возникшей на финно-угорской почве в Верхнем Прикамье, где определяющим в бассейне р. Сылвы был угорский компонент, с последующим развитием и распространением ее в нижнем Прикамье и шире – в пределах Волжской Болгарии, достаточно обоснованна [Город Болгар 1988, с.25].

На территорию Рождественского городища такая керамика могла попасть как непосредственно с населением бассейна р. Сылвы, так и с выходцами из Волжской Булгарии.

Тип 5 – сосуды из песочного теста с добавлением мелкотолченой раковины и шамота, с крепким плотным черепком серого цвета. Форма горшковидная и близкая к чашевидной, круглодонная с подцилиндрошейной горловиной. Край венчика закруглен, иногда с утончением, и часто слегка отогнут наружу (25 экз., рис.95/2-11; 101/10-23). Диаметр по венчику от 9 до 40 см. Изготовлены от руки с подправкой на круге. Большинство сосудов этого типа не имеют орнаментации. Лишь на нескольких сосудах отмечается украшение внешнего края венчика нарезками или гребенчатыми отпечатками (рис.95/2, 3, 5).

Сосуды типа 5 встречены в основном на раскопе II (68%), 12 % происходит с раскопа I, 16 % — с раскопа IV, 4 % — с раскопа V. Большая часть керамики этого типа обнаружена на глубине от 1 до 1,5 м (52%), 20% — на глубине 0,5-1 м, остальные — в верхних слоях городища.

Т.А. Хлебникова сосуды данного типа из Волжской Булгарии относит к группе VIII.

VIII группу керамики, которая появляется в Нижнем Прикамье с начала X в. и существует до XII-XIII вв., обычно рассматривают в связи с кушнаренковской посудой, как изменение ее в Волжской Булгарии в результате воздействия других групп посуды [Хлебникова 1984, с.112]. Кушнаренковские традиции прослеживаются в характерных чертах формы, в оформлении края венчика, в технике исполнения [Хлебникова 1984, с.114].

Определение этнической принадлежности VIII группы керамики находится в прямой связи с определением этноса кушнаренковских памятников Башкирии. Большинство исследователей связывает их с угорским миром Зауралья. В пользу этого мнения свидетельствует и длительный контакт Башкирии с сылвенским бассейном Прикамья, в угорском определении памятников которого исследователи единодушны. Но в отношении VIII группы посуды булгар следует также учитывать, что ее оформление на позднекушнаренковской основе происходит в среде того многоэтничного населения, которое присуще Приуралью и Прикамью X-XI вв., и нельзя отбрасывать роль контакта с иными этнокультурными группами населения [Хлебникова 1984, с.114-116]. В итоге эта керамика обычно рассматривается как созданная угроязычным населением Волжской Болгарии, попавшим на ее территорию еще в раннебулгарское время [Город Болгар 1988, с.25].

Существуют и иные точки зрения на истоки происхождения посуды VII и VIII групп, выделенных Хлебниковой. Е.П. Казаков первоначально придерживался точки зрения о происхождении керамики VII группы от кушнаренковской керамики Башкирии, при взаимодействии ее с верхнекамской [Казаков 1971, с.127-128]. Т.А. Хлебникова подвергла критике эту точку зрения, так как все характеризующие VII группу черты – тесто, форма, орнамент вплоть до деталей – прямо увязываются с верхнекамскими памятниками и отнюдь не увязываются с кушнаренковской керамикой без помощи объяснения взаимодействия последней с верхнекамской [Хлебникова 1984, с.111].

Позднее Е.П. Казаков начал развивать идею о происхождении посуды VII-VIII типов на основе петрогромской керамики. Он утверждает, что носители постпетрогромской посуды пришли в Волжскую Болгарию в конце X в. В конце X-XI вв. специфичная по форме, орнаменту, раковинной или тальковой примеси постпетрогромская керамика в массе встречается практически на всех домонгольских поселениях Волжской Булгарии. На отдельных памятниках, несмотря на сильнейшую конкуренцию болгарской круговой керамики, постпетрогромская посуда составляет от 1,5% до 7% всего керамического комплекса. Находки такой посуды фиксируются также в Удмуртии, Кировской и Оренбургской областях. Таким образом, угорское население Среднего Урала, представленное постпетрогромской культурой, оказало заметное влияние как на формирование Волжской Булгарии, так и на соседние культуры. Постпетрогромская культура, входя в состав родственных общностей угров с гребенчато-шнуровой круглодонной посу-

дой, имеет в то же время свою специфику, и занимает в Урало-Поволжье связующее место между поломско-ломоватовскими (VI-X вв.) и чияликскими (XIII-XIV вв.) комплексами [Казаков 2004, с.120-121].

Тип 6 – горшковидные сосуды с относительно раздутым круглодонным туловом и раструбообразной довольно высокой шейкой (10 экз., рис.100/8-17). Изготовлены из песочного теста, с добавкой раковины и шамота, вручную, с подправкой на гончарном круге. Имеют крепкий на излом, плотный серый черепок. Края венчика закругленные, реже уплощенные. Большинство сосудов не орнаментированы, только два экземпляра украшены по шейке горизонтальными линиями – волнистыми резными (рис.100/13) и рядами шнура в виде одинарных линий в одну сторону, дополненных круглыми ямками в виде неглубоких вдавлений (рис.100/16).

Такие сосуды составляют 3,5% лепной керамики Рождественского городища. 80% сосудов этого типа обнаружены на раскопах II-III, остальные – на раскопе IV. Представлены они равномерно в верхних слоях и на глубине 0,5-1 м, за исключением ям, где они залегали на большей глубине.

Подобные сосуды встречаются и на памятниках Волжской Булгарии (группа VIII по Т.А. Хлебниковой), где они рассматриваются в связи с кушнаренковской посудой, как изменение ее в новой среде под воздействием других групп посуды [Хлебникова 1984, с.112]. Сосуды VIII группы с раструбообразным горлом встречаются, в основном, в более поздних домонгольских материалах [Город Болгар 1988, рис.11/4-6]. В нашем случае, с одной стороны, такие формы можно расценивать, как пришедшие из Волжской Булгарии вместе с населением, но с другой стороны, они могут являться и развитием местной керамики 1 типа под воздействием той же кушнаренковской посуды.

Группа 2 – КОТЛЫ (6 экз., рис.102; цв. вкл. Д/5). Объемные сосуды с диаметром по венчику 20-28 см, изготовлены вручную из песочного теста с примесью раковины, имеют крепкий плотный черепок светло-серого, серого и серо-коричневого цвета. Судя по известным аналогиям с более поздних памятников, таких как Саламатовское городище, селище и могильник Телячий Брод, эти сосуды имели цилиндрическое или усеченно-коническое тулово с двумя полукруглыми ручками, поднимающимися выше уровня края сосуда. Дно котлов уплощенное с плавным переходом к нему от стенок. Все котлы Рождественского городища, согласно классификации керамических котлов Пермского Предуралья, относятся к типу котлов с высокими вертикальными петлевидными ушками, которые прикреплены к венчику и являются составным элементом верхней части сосуда [Крыласова, 2007, с.43].

Этот тип сосудов составляет 2% лепной керамики на Рождественском городище. Все котлы встречены на раскопе IV на глубине 0,6-1 м.

Тип 1 – с простыми петлевидными ручками, несколько утолщенными по сравнению с венчиком, слегка отогнутыми наружу (3 экз., рис.1-2, 6). Котлы с подобными ушками являются наиболее распространенными в Пермском Предуралье и преобладают на памятниках XIII-XIV веков.

Тип 2 – с петлевидными ручками, завершающимися двумя параллельными валиками, рельефно выступающими на стенках сосудов (3 экз., рис.13/3-5). В одном случае (рис.13/5) петля оформлена резным орнаментом в виде елочки. Подобный способ оформления ушков котлов характерен в Пермском Предуралье исключительно для Рождественского городища.

Можно предполагать, что это наиболее ранний тип, который датируется XII веком [Крыласова, 2007, с.43].

Котлы, вероятно, появились в подражание медным котлам с ушками и железной дужкой. Керамические котлы, как показывают материалы раскопок могильника Телячий Брод, снабжались аналогичными железными дужками. Судя по тому, что металлические котлы на памятниках Пермского Предуралья встречаются исключительно в богатых мужских погребениях, они являлись престижными, что и могло вызвать появление керамических сосудов, копирующих их форму.

По классификации керамики Волжской Болгарии котлы входят в XVIII группу, которая датируется золотоордынским временем. Происхождение этой керамики у булгар связывают с финно-угорскими городищами Прикамья, например Кудымкарским и Анюшкар, и чепецкими городищами, такими как Иднакар и Шудьякар. Наличие такой керамики в слоях XIII – начала XV вв. на булгарских памятниках является свидетельством тесных связей населения Верхнего Прикамья с Золотой Ордой [Город Болгар 1988, с.38].

Сосуды 1 и 2 групп по своему функциональному назначению могли использоваться и как кухонная, и как столовая посуда, отдельные наиболее объемные сосуды — как емкости для хранения запасов продуктов.

Группа 3 – МИСКООБРАЗНЫЕ СОСУДЫ (12 экз., рис.94/9-13; 99/10-16).

Тип 1 – низкие сосуды с раздутым туловом и короткой блоковидной резко отогнутой горловиной (7 экз., рис.99/10-16). Изготовлены вручную, иногда с подправкой на гончарном круге, из песочного теста с примесью толченой раковины и шамота. Диаметр по венчику 11-25 см.

Орнаментация в виде ломаных линий, нанесенных гребенчатым штампом, встречена только в одном случае (рис.99/14).

Данные сосуды составляют 2,5% лепной керамики Рождественского городища. 85,5% таких сосудов встречено на раскопе IV, остальные – на раскопе II. Все они обнаружены на глубине 0,7-0,9 м.

По внешним характеристикам керамика данного типа имеет сходство с керамикой типа 3, сосуды различаются только формой тулова и функциональным назначением. Такие сосуды могли использоваться как кухонные для жарки в большом количестве жира, для чего были необходимы невысокие открытые сосуды, или как столовые.

Тип 2 – низкие сосуды без шейки с прямым или округлым венчиком (5 экз., рис.94/9-13). Один сосуд орнаментирован по венчику гребенчатым штампом (рис.94/11), другой – по тулову вертикальными оттисками гребенчатого штампа (рис.94/12). Диаметр мисок этого типа по венчику составляет от 6 до 26 см.

Сосуды данного типа составляют 1,7% лепной керамики Рождественского городища. 60% этих сосудов встречено на раскопе II, по одному сосуду — на раскопах IV и VI. Все они встречены на глубине 0,4-0,7 м.

Подтип 2.1 – с вертикальной верхней частью (2 экз., рис.94/11, 13).

Подтип 2.2 – с отогнутыми наружу стенками – открытые сосуды (2 экз., рис.94/9-10).

Аналогичные миски известны в ванвиздинских материалах [Финно-угры и балты... 1987, табл.LVI/36,37].

Подтип 2.3 – со сходящимися стенками – сосуд с закрытым устьем

(1 экз., рис.94/12).

Группа 4 – БЛЮДО (сковорода?) (1 экз., рис.94/15). Представляет собой фрагмент плоского диска диаметром 25 см из песочного теста с примесью раковины и растительности, светло-серого цвета. Край диска отогнут кверху, образуя низкий бортик, и украшен по венчику защипами. В целом сосуды подобной формы для Пермского Предуралья являются редкостью.

ОРНАМЕНТАЦИЯ ЛЕПНОЙ ПОСУДЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Как показал анализ реконструируемых сосудов Рождественского городища, большинство посуды не имело орнаментации. Всего в коллекции содержится 351 фрагмент с наличием орнамента.

Все встреченные виды орнаментов (рис.106) можно разделить на несколько основных групп.

Группа 1 – ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТ представлен на 13% орнаментированных фрагментов. В подавляющем большинстве (87%) он представляет собой одинарные горизонтальные линии шнура с наклоном в одну сторону, образующие группы от 1 до 7 линий. Фрагменты с подобной орнаментацией преобладают на раскопах II-III, на раскопах I и V встречено по 5 фрагментов со шнуром, 2 фрагмента – на раскопе IV. В остальных случаях представлены парные линии шнура с наклоном в противоположные стороны, образующие "косички". Все фрагменты с таким орнаментом происходят с раскопов II-III. Шнуровой орнамент использовался, главным образом, для оформления шейки сосудов (рис.92/2, 13, 23; 100/6, 16; 101/1-4, 7, 25) или плечика (рис.90/11; 92/1, 4; 99/11-14), в одном случае он был нанесен по венчику (рис.97/18).

Группа 2 – ГРЕБЕНЧАТЫЙ ОРНАМЕНТ представлен на 32% орнаментированных фрагментов. Использовался для оформления венчиков, шеек, плечиков сосудов.

Тип 1 – длинные горизонтальные отпечатки гребенчатого штампа, образующие разорванные линии, сгруппированные от 1 до 3. Такой вид орнамента применялся как для украшения шейки сосудов (9% от общего количества гребенчатой орнаментации, рис.93/11, 12; 94/1), так и в сочетании с другими видами орнамента по шейке и плечикам (22%, рис.93/10-11, 101/4-5). Посуда с таким орнаментом преобладает на раскопах II-III, отдельные фрагменты встречены на раскопе I.

Тип 2 – относительно короткие вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, располагались преимущественно по плечикам сосудов. Такая орнаментация представлена как сама по себе (27% от общего количества гребенчатой орнаментации, рис.90/5; 92/25; 94/12; 99/1), так и в сочетании с другими видами орнамента (6%, рис.93/8; 98/4; 101/25). Подавляющее большинство фрагментов с такой орнаментацией происходит с раскопов II-III, единичные фрагменты встречены на раскопах I, IV, V.

Тип 3 — наклонные отпечатки гребенчатого штампа. Такая орнаментация использовалась при оформлении плечиков и венчиков сосудов.

Подтип 3.1 – относительно короткие наклонные в одну сторону отпечатки.

Вариант 1 – образуют один ярус, нередко сочетаются с горизонталь-

ной гребенчатой линией или шнуром (12,5% от общего количества гребенчатой орнаментации, рис.92/1; 93/2; 94/1; 96/16). Фрагменты керамики с такой орнаментацией также преобладают на раскопах II-III, единичные фрагменты встречены на раскопах I и IV.

Вариант 2 – образуют два-три яруса, разделенных горизонтальной гребенчатой линией (3,5%, рис.101/5). Фрагменты с такой орнаментацией происходят, в основном, с раскопа I, только один фрагмент найден на раскопе II.

Подтип 3.2 – группы по 4-7 относительно длинных гребенчатых отпечатков наклонены в противоположные стороны, образуя углы (7% от общего количества гребенчатой орнаментации, рис.93/9-11). В ряде случаев орнаментальная полоса из таких "углов" ограничена сверху и снизу горизонтальными гребенчатыми линиями. Все фрагменты с орнаментом данного типа происходят с раскопа II.

Тип 4 – относительно короткие отпечатки гребенчатого штампа образуют ломаную зигзагообразную линию (30% от общего количества гребенчатой орнаментации). Керамика с такой орнаментацией практически равномерно встречается на раскопах I, II-III, V.

Подтип 4.1 – в одну линию. Такая орнаментация встречается как сама по себе (рис.92/26; 96/19), так и в сочетании с горизонтальными гребенчатыми линиями, разграничивающими ярусы из ломаных одинарных линий, или в сочетании с другими видами гребенчатого или резного орнамента (рис.93/6; 101/9).

Подтип 4.2 — повторение двух и более ломаных линий создает орнамент в виде вертикальных елочек (рис.98/8; 99/14; 101/2-3). Иногда в нижней линии в выемках помещены вертикальные отпечатки гребенчатого штампа (рис.105/5).

Подтип 4.3 – две ломаные линии пересекают друг друга, образуя косую решетку.

Тип 5 – две линии наклонных в противоположные стороны отпечатков гребенчатого штампа образуют горизонтальную елочку (30% от общего количества гребенчатой орнаментации). Такой орнамент, располагающийся в районе плечика, мог использоваться сам по себе или в сочетании с ярусом из вертикальных отпечатков гребенчатого штампа (рис.90/13; 93/1, 6-8; 98/6, 22). Подавляющее большинство фрагментов с такой орнаментацией происходит с раскопа II, несколько фрагментов – с раскопа I, единичные экземпляры встречены на раскопе IV.

Тип 6 – короткие отпечатки гребенчатого штампа образуют фигуры в виде ромбов с "хвостиком" (0,9% от общего количества гребенчатой орнаментации, рис.91/13).

Круглодонная посуда с гребенчато-шнуровой орнаментацией, которая преобладает среди орнаментированной лепной керамики Рождественского городища, является типичной для родановской культуры [Оборин 1970, с.12]. По мнению Е.П. Казакова, такая посуда характерна для системы средневековых угорских культур Урало-Поволжья [Казаков 2004, с.120].

Группа 3 – РЕЗНОЙ ОРНАМЕНТ представлен на 16,5% орнаментированных фрагментов. Использовался для оформления венчиков, шеек, плечиков сосудов.

Тип 1 – горизонтальные сплошные или прерывистые резные линии, украшавшие, преимущественно, шейку сосудов (напр., рис.90/13; 91/18; 98/18;

100/13) составляют 10 % от резной орнаментации. Фрагменты сосудов с такой орнаментацией преобладают на раскопе IV, встречаются на раскопах II-III.

Тип 2 – относительно короткие наклонные в одну сторону резные линии – 15% от резной орнаментации. Такой орнамент встречается и сам по себе, но наиболее часто — в сочетании с другими видами резного орнамента в районе плечиков сосудов (рис.92/28-29; 96/14). Фрагменты с такой орнаментацией преобладают на раскопе II, известны на раскопе IV.

Тип 3 – относительно короткие резные линии образуют ломаную зигзагообразную линию (14% от общего количества резной орнаментации). Фрагменты с подобной орнаментацией встречены на раскопах II-III, IV, V.

Подтип 3.1 – в одну линию. Такой орнамент чаще всего сопровождается рядом наклонных резных линий (рис.92/28-29).

Подтип 3.2 – в несколько линий, расположенных друг под другом так, что образуются вертикальные елочки (рис.91/9, 102/5).

Тип 4 – два ряда резных линий, наклонных в противоположные стороны, образуют горизонтальную елочку (43 % от резной орнаментации, рис.98/5, 7-10, 16, 18-21, 23-24). Такой орнамент нередко сочетается с защипами по тулову сосуда, характерен для баночных сосудов 1 группы 3 типа. Сосуды с такой орнаментацией преобладали на раскопе IV, довольно много их встречено на раскопах I, II-III, один фрагмент происходит с раскопа V.

Тип 5 – наклонные резные линии образуют косую решетку (20% резной орнаментации). Такой орнамент также часто сочетается с защипами по тулову, вдавлениями кончиком пальца, а также с рельефными валиками или выступами. Основная часть фрагментов с такой орнаментацией происходит с раскопа IV, единичные экземпляры встречены на раскопах I и II.

Резная орнаментация считается характерной для неволинской археологической культуры и для более поздних памятников бассейна р.Сылвы и Чусовой, которые возникли при участии постневолинского населения. Например, для керамики городища Лобач характерно господство резной техники при наличии ямочных вдавлений [Пастушенко 2002, с.174]. Резная орнаментация преобладает и на посуде Саламатовского городища на р. Усьве (по В.А. Оборину – до 70 % всех сосудов) [Оборин,Балашенко 1968, с.41]. В.Ф.Генинг, а позднее и Р.Д. Голдина пришли к выводу, что господство резной орнаментации посуды является свидетельством угорской этнической принадлежности оставившего ее населения [Генинг 1965, с.399; Голдина 1968, с.98].

Группа 4 – ОРНАМЕНТАЦИЯ, НАНЕСЕННАЯ ПАЛЬЦАМИ, использовалась как для оформления венчиков сосудов (защипы), так и для украшения стенок (15 % от орнаментированных фрагментов).

Тип 1 – неглубокие круглые ямки диаметром 1-1,5 см, образованные подушечками пальцев (60% от данной группы орнаментации). Располагались на значительном расстоянии друг от друга вдоль плечика сосудов (рис.100/16, 101/10). Сосуды с такой орнаментацией преобладали на раскопах II-III, единичные экземпляры встречены на раскопах I и IV.

Тип 2 – овальные ямки со следом от ногтя, нанесенные кончиком пальца (13 % от данной группы орнаментации). Такой тип орнамента нередко встречается в сочетании с резным (рис.96/17; 98/5, 8). Фрагменты керамики с такой орнаментацией встречены на раскопах I и IV.

Тип 3 – небольшие защипы, нанесенные по плечику или наиболее

раздутой части тулова (27 % от данной группы орнаментации). Такой орнамент также встречается как сам по себе, так и в сочетании с резным (рис.96/7; 98/6, 16, 25-26). Фрагменты с такой орнаментацией преобладают на раскопе IV, единичные экземпляры происходят с раскопов I, II, V.

Группа 5 – ФИГУРНЫЕ ШТАМПЫ (22 % от общего количества орнаментированных фрагментов).

Тип 1 – штамп в виде "личинки" (76% от фигурных штампов). Представляют собой фигуры в виде вытянутого овала, серповидные или С-видные, заполненные внутри мелкими частыми насечками. Такие штампы использовались для оформления венчиков и плечиков сосудов. Как правило, украшение венчика "личинками" сопровождалось и украшением стенок аналогичным штампом. Такая орнаментация характерна для керамики с раскопа II, лишь единичные фрагменты с личинками известны на раскопах I, IV, V.

Подтип 1.1 – в виде вытянутого овала (21% фигурных штампов). Чаще всего вертикальные отпечатки такого штампа в одну линию украшают сосуды по плечику. В одном случае такой штамп в сочетании с S-видными личинками образовывал фигуры в виде стилизованных плывущих птичек (рис.92/10), в одном случае группы по три таких отпечатка образовывали изображения стилизованных птичьих лапок (рис.105/9).

Подтип 1.2 – в виде слегка изогнутого овала серповидной формы (18% фигурных штампов). Чаще всего вертикальные отпечатки этого штампа образовывали орнаментальную полосу по плечику сосуда. Реже отпечатки наносились с наклоном в одну сторону (рис.92/12), в два ряда (рис.92/13), или горизонтально вплотную друг к другу так, что получалась волна (рис.92/9).

Подтип 1.3 – С-видные отпечатки в виде разомкнутой окружности (29% фигурных штампов).

Оформление посуды подобным штампом известно в бассейне р. Чепцы [Иванова 1998, рис.93/2,3].

Тип 2 – штамп в виде окружности, нанесенный полой трубчатой костью (9% фигурных штампов). Все фрагменты с таким орнаментом обнаружены на раскопе II.

Подтип 2.1 – сомкнутая окружность (5% фигурных штампов).

Подтип 2.2 – разомкнутая окружность (4% фигурных штампов).

Тип 3 – в виде зерна – овальный штамп с перемычкой по центру (5% фигурных штампов). Все фрагменты с таким орнаментом обнаружены на раскопе II.

Тип 4 – фигурные гребенчатые штампы (2,5% фигурных штампов). Фрагменты сосудов с таким орнаментом обнаружены на раскопе II.

Подтип 4.1 – штамп в виде гребенчатой окружности – "розетка" (1 экз.) использован в сочетании с резным орнаментом в виде вертикальных елочек.

Такой орнамент известен на родановской керамике, но, по мнению В.А. Оборина, "розетки" наиболее присущи керамике вычегодских памятников [Оборин 1970, с.13].

Подтип 4.2 – штамп в виде гребенчатого квадрата (1 экз.) использован в сочетании с ломаной гребенчатой линией.

В научной литературе прочно утвердилось мнение о том, что оттиски фигурного решетчатого штампа в сочетании со шнуровым и гребенчатым орнаментом являются характерной чертой орнаментации чепецкой посуды, появление которой связывается с проникновением в бассейн р. Чепцы

угорского населения в первой половине VI века. Особенно широко посуда с подобной орнаментацией была распространена во второй половине VIII – первой половине IX в., позже этот вид орнаментации постепенно стал сокращаться, хотя отдельные сосуды с решетчатым штампом встречаются вплоть до XIII в. [Иванова 1998, с.199]. Для родановских сосудов, по мнению В.А. Оборина, решетчатый штамп не характерен. Несколько фрагментов керамики чепецкого типа, встреченные на Кудымкарском городище, резко отличаются от основной массы керамики и, несомненно, являются привозными [Оборин 1970, с.13].

Тип 5 – прямоугольный штамп (2,5% фигурных штампов) – вертикальные прямоугольники образовывали два орнаментальных ряда. Фрагменты с такой орнаментацией встречены на раскопах I и II.

Тип 6 – штамп в виде "уголка" (1,2% фигурных штампов), встречен на одном фрагменте с раскопа II.

Тип 7 – штамп в виде круга с радиальными лучами (1,2% фигурных штампов), встречен на одном фрагменте с раскопа III.

Тип 8 – штамп, нанесенный пучком травы или веточек, образующий бессистемный отпечаток (2,5% фигурных штампов). Фрагменты с такой орнаментацией происходят с раскопа II.

Таким образом, можно говорить о том, что на Рождественском городище существовали участки, заселенные разноэтничным населением. На раскопах II-III преобладает орнаментированная гребенчато-шнуровая керамика, на раскопе IV – керамика с резной орнаментацией в сочетании с защипами по тулову. Раскоп I, на котором также вскрыта достаточно большая площадь, дал довольно мало орнаментированной лепной керамики, для этого участка характерна, в основном, не орнаментированная посуда.

РУЧКИ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ

В коллекции Рождественского городища имеется довольно много ручек лепных сосудов, которыми снабжались главным образом сосуды 1 группы – горшки, чаши и кружки. Судя по форме большинства ручек, они подражают ручкам круговой гончарной посуды, и, вероятно, распространились под влиянием булгарских изделий. Лепные сосуды с ручками, аналогичные представленным на Рождественском городище, в Волжской Булгарии составляют XVIII группу [Город Болгар 1988, с.35-38], относящуюся к золотоордынскому времени. В Пермском Предуралье такие сосуды становятся наиболее массовыми в период XII-XIV вв., что показывают материалы поздних памятников, таких как селище и могильник Телячий Брод, Антыбарский, Аверинский, Плотниковский могильники и др. Имеющиеся в коллекции ручки можно разделить на 3 группы.

Группа 1 – ПЕТЛЕОБРАЗНЫЕ РУЧКИ (26 экз., рис.93/1; 97/25; 103/1-24). Такие ручки крепились в верхней части сосудов с одной (рис.97/25) или с двух сторон тулова (рис.93/1).

Подгруппа 1 – ручки в виде С-образной петли круглого или овального сечения (рис.103/1-6).

Подгруппа 2 – ручки подтреугольной формы с уплощением на уровне верхнего крепления (рис.93/1; 97/25; 103/7-24).

Тип 1 – широкие ручки овального сечения, площадка вверху слабо выраженная, без специального оформления (рис.97/25, 103/7-10).

Тип 2 – с площадкой подтреугольной формы (рис.103/11-15). В одном случае (рис.103/15) на внешнем углу площадки имеется шаровидный выступ в подражание ручкам булгарской гончарной посуды.

Тип 3 – с площадкой овально-подпрямоугольной формы (рис.93/1, 103/16-24). У таких ручек площадка, как правило, сильно уплощена, сама ручка имеет округлое сечение. Нередко поверхность площадки выступает за пределы петли (рис.103/19-24). В одном случае (рис.93/1) площадка украшена гребенчатым орнаментом.

Группа 2 – "УШКИ" (6 экз., рис.102). Такими ручками, поднимающимися выше уровня края сосуда, снабжались керамические котлы. В "ушках" крепилась железная дужка, с помощью которой котел подвешивался над огнем.

Группа 3 – ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ РУЧКИ (рис.103/25-31) в виде выступа конусовидной или цилиндрической формы. В одном случае (рис.103/25) ручка на конце была слегка уплощена, и завершалась овальной площадкой. Одна ручка втульчатая. Подобными ручками в Волжской Булгарии снабжались ковши [Город Болгар 1988, с.39].

Ручки соединялись с сосудами путем закрепления цилиндрического выступа в отверстиях стенок (рис.103/22, 26).

КРЫШКИ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ

В материалах Рождественского городища имеются фрагменты двух лепных крышек.

Одна представляет собой плоский диск диаметром 22 см толщиной 1,2 см (рис.94/14). Внешний край крышки украшен защипами и подпрямоугольными вдавлениями. Лицевая поверхность ребристая, украшена резным орнаментом в виде елочки. Аналогичные крышки хорошо известны по материалам Саламатовского городища на р. Усьве в Почусовье [Оборин, Балашенко 1968, с.42, табл.3/4; коллекция из раскопок А.М. Белавина].

Вторая крышка представлена небольшим фрагментом лепного диска диаметром 18 см, толщиной 1,5 см с округлым внешним краем. Лицевая поверхность орнаментирована гребенчатым штампом (рис.94/16).

ПОДСТАВКИ-"ВАЛИКИ" ДЛЯ КРУГЛОДОННОЙ ПОСУДЫ

Значительный интерес представляют собой предметы, которые определяются нами как подставки для круглодонных сосудов, предназначенные для их установки на плоскую поверхность (цв. вкл. Д/2). Это глиняные валики с широкой подошвой, которая примазывалась к плоской поверхности стола или к куполу печи. Кверху стенки валиков либо равномерно утончаются и переходят в округлый толстый венчик (рис.104/5-9), либо переходят в невысокую цилиндрическую шейку, также завершающуюся толстым округлым венчиком (рис.104/2-4). В одном случае (рис.104/1) верхняя часть предмета имеет относительно высокую цилиндрическую шейку и округлый

слегка отогнутый наружу венчик, украшенный резным орнаментом. Диаметр по венчику составляет от 10 до 18 см. Большинство данных предметов (рис.104/2-7) происходит с раскопа II, причем два из них встречены на участке Щ/3 на X-XI горизонте (рис.104/2, 4), три предмета обнаружены в скоплении на участке Ы/4 на VI горизонте. Подобные предметы встречены также на раскопах IV (рис.104/8-9) и V (рис.104/1).

Аналогичные предметы широко представлены на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), известны на Кудымкарском и Родановом городищах [Крыласова 2007, с.32-33].

ГОНЧАРНАЯ ПОСУДА

Из числа гончарной посуды следует исключить 149 фрагментов поздней русской посуды XVIII – XIX вв. на раскопах I и III, которые собраны в дерновом слое и на пашне. Остальная масса гончарной посуды представлена булгарской керамикой.

Всего за семь лет раскопок на городище было собрано 10648 фрагментов (61,3%) булгарской гончарной керамики.

При систематизации булгарской гончарной посуды использовался статистический метод, разработанный А.П. Смирновым, А.М. Ефимовой и другими булгароведами, на основе исследования керамических коллекций памятников Волжской Булгарии. При определении формы сосудов и принадлежности к той или иной этнокультурной группе булгарской керамики использовался метод определения формы путем вычисления соотношения размеров ее деталей и метод выделения групп керамики по комплексу признаков, разработанный Т.А. Хлебниковой.

На раскопе I основная часть булгарской керамики залегает в верхних слоях памятника (I-III горизонты) на глубинах до 40 см. Среднее количество булгарской керамики по разным горизонтам культурного слоя на этом раскопе не превышает 40-46% от общего числа всех фрагментов керамики, найденных на раскопе.

Необходимо отметить скопление большого количества фрагментов гончарной керамики в ямах №17-85 и №22-85 (рис.10). Яма №22-85 связывается с производством керамики и хранением сырья, в восточной части ямы зафиксировано скопление обгорелых камней и пятна сырой глины.

Также на раскопе I были зафиксированы остатки двух гончарных горнов. Таким образом, территория, изученная раскопом I, была, вероятно, связана с производством гончарных керамических изделий.

Преобладающее количество фрагментов булгарских гончарных керамических сосудов на раскопе II найдено в I-V горизонтах, как правило, в черном культурном слое X-XIV вв. и в ямах, связанных с этим слоем.

Среднее количество булгарской керамики по разным горизонтам культурного слоя здесь, как и на раскопе I, составляет порядка 40% от общего числа всех собранных фрагментов керамики в верхних напластованиях, и не более 8-15% в нижних, где доля ее заметно уменьшается по сравнению с лепной местной керамикой.

Следует отметить большой процент (59-78%) гончарной керамики на

IV-V горизонтах по отношению к лепной керамике, но небольшое число учтенных на двух горизонтах сосудов не может говорить в пользу преобладания гончарной керамики над лепной. В целом, на раскопе сохраняется тенденция, выраженная в том, что количество гончарной булгарской керамики не превышает 40% от всей посуды.

На раскопах III, V и VI основная масса фрагментов булгарской гончарной керамики залегает на I-III горизонтах, и ее среднее количество по разным горизонтам культурного слоя не превышает 45%. Таким образом, статистический анализ соотношения гончарной и местной лепной керамики Рождественского городища дал тот же результат, что и на других раскопах, кроме раскопа IV, с которого происходит подавляющее число фрагментов булгарской керамики.

Всего с раскопа IV 1991 г. было собрано более 9,5 тысяч фрагментов керамики: из них лепной 1624 фрагмента и гончарной 8013 фрагментов. Таким образом, раскоп IV – единственный раскоп Рождественского городища, на котором было зафиксировано более 80% фрагментов гончарной керамики от всех собранных на раскопе фрагментов сосудов.

На вид керамика раскопа IV близка к керамике всех других раскопов, но здесь несколько больший процент фрагментов посуды коричневого цвета (37%) по сравнению с раскопом I (28%). В целом преобладает керамика красного (41%) и коричневого (37%) цветов, также встречается керамика бурого (12%), серого (8%) и желтого (2%) цвета.

Основная масса гончарной керамики раскопа IV залегает на III-IX горизонтах, на глубине от 30 до 110 см, среднее количество булгарской керамики по разным горизонтам культурного слоя составляет 50-60% в верхних (горизонты I-V) и более 80% в нижних (горизонты VI-XIII) напластованиях (см. табл.1).

Результаты анализа планиграфического и стратиграфического распределения булгарской гончарной керамики дают ясную картину локализации основной массы фрагментов гончарных булгарских сосудов на раскопе IV, расположенном в предвальной части площадки городища. На нем было найдено 75% от всей собранной с городища гончарной керамики.

Примечательно, что здесь собрана большая часть не только гончарной, но и лепной посуды раскопа. Датировка этого участка городища затруднена многочисленными древними перекопами и перепланировками сооружений, поэтому она может быть только обобщенной – XI-XIII века.

Остальная гончарная керамика была обнаружена на I раскопе (6% от общего числа всех фрагментов, найденных на городище), на раскопах II и III (12%), на раскопах V и VI (7%).

Гончарной керамике на всех горизонтах культурного слоя стратиграфической шкалы городища сопутствует местная лепная керамика, доля которой (по отношению к гончарной) не уменьшается на всем протяжении существования Рождественского городища и составляет 30-35% от числа всех фрагментов, найденных в верхних и нижних горизонтах культурного слоя.

Вся гончарная керамика изготовлена в основном из ровного теста с примесью мелкого (97%) и редко (0,3%) крупного песка, мелкотолченой раковины и шамота. Черепок плотный и звонкий, равномерно окрашен на изломе (85%). Равномерность прокала черепков свидетельствует о качественном горновом обжиге сосудов.

Поверхность большинства фрагментов гончарной керамики хорошо обработана, 68 % фрагментов керамики имеют следы лощения.

Изучение состава теста рождественской гончарной керамики показало наличие двух групп керамики:

1) из тонкого, хорошо промешанного очищенного теста, с примесью мелкого окатанного речного песка (98%);

2) из более грубого теста с добавкой мелкой толченой раковины и шамота (2%).

Техника формовки рождественской булгарской керамики одинакова. Она обнаруживает все признаки формовки на ручном гончарном круге медленного вращения: находки днищ (75 фрагментов) и стенок с переходами к днищу (18 фрагментов) имеют следы песочной подсыпки и наличие ободка по краю днища от подставки на диске круга. Донышек, изготовленных на ножном гончарном круге, не найдено. Ни на одном днище клейма не обнаружено.

По цвету гончарная керамика (табл. 2) Рождественского городища распределяется следующим образом:

керамика красного цвета – 52%, коричневого – 27%, серого – 14%, бурого (пережженная) – 10%, желтого – 8%.

Среди керамики красного цвета преобладает коричневато-красная, немного розоватой и совсем мало кирпично-красной. Коричневая керамика представлена образцами светлого и темного тонов, преобладают фрагменты темного оттенка. Серая керамика имеет темный и бурый оттенки, имеется в значительном количестве светло-серая стального оттенка керамика. Среди желтой имеются фрагменты с оранжевым оттенком и совсем мало фрагментов светло-желтого оттенка.

Таким образом, по цвету преобладает керамика теплых тонов, свидетельствующая об окислительном обжиге, — красная и коричневая; серодымчатого и бурого цвета керамики, ровного восстановительного обжига, немного.

По обжигу гончарная керамика подразделяется на керамику хорошего обжига (82% всех найденных фрагментов) и недообоженную, с серой прослойкой в изломе (18% от числа всех учтенных фрагментов). Встречена также керамика с перекаленным черепком (пережженная), которая также отнесена к фрагментам плохого обжига. Среди красной керамики преобладает хороший обжиг – более 80%; среди коричневой фрагментов с качественным обжигом – около 40-50%, бурая керамика преимущественно плохого обжига. Серой керамики хорошего обжига более 70%. Характерной чертой керамики желтого цвета является абсолютное преобладание некачественного обжига.

Стратиграфически особой разницы в процентном соотношении различных групп керамики по цветам не наблюдалось, за исключением некоторого увеличения в верхних слоях керамики красного цвета более хорошего обжига и, вместе с тем, уменьшения керамики желтого более слабого обжига. Что касается соотношения керамики красного и коричневого цветов, то на протяжении всего периода существования Рождественского городища, оно мало изменялось. Посуда серого цвета встречается чаще в более поздних напластованиях.

Для булгарской керамики Рождественского городища характерна обра-

ботка поверхности лощением – оно отмечено на 61% фрагментов керамики.

Кроме лощения из приемов обработки наружной поверхности встречается томление, в результате которого фрагменты с красным черепком имеют серый цвет поверхности. Этот достаточно редкий прием обработки поверхности встречается на фрагментах в очень малом количестве (1,2%).

В небольшом количестве присутствует ангобированная керамика (5 фрагментов), на наружной поверхности которой наблюдается пленка вишнево-малинового цвета. Она четко отделяется в изломе. Толщина ее менее 1 мм.

Горизонты слоя	красная	Коричне-вая	желтая	серая	бурая
Верхний	56	26	2	9	7
Нижний	50	26	7	8	9

Таблица 2. Состав керамики Рождественского городища по цвету (в %)

На некоторых фрагментах наблюдалось ее отслаивание.

Таким образом, различия в составе и цвете глиняного теста, различия по качеству обжига всех обработанных фрагментов позволили разграничить булгарскую керамику Рождественского городища на 2 группы.

К **первой группе** относятся фрагменты сосудов из тонкого, ровно промешанного очищенного теста, с примесью мелкого окатанного речного песка; красного, коричневого и желтого цвета, окислительного горнового обжига, а также фрагменты серого цвета стального оттенка. Все фрагменты отличной выделки, черепок плотный и звонкий, равномерного прокала, большинство фрагментов хорошо обожжены (70%) и покрыты лощением. Но наряду с этим значительная часть керамики I группы (30%) недостаточно обожжена — черепок слоится и имеет темную прослойку в изломе.

Ко **второй группе** относятся сосуды темно-серые и бурые со слегка шероховатой поверхностью от примеси в глиняном тесте раковины и шамота, в редких случаях крупнозернистого песка. Большей частью (до 60-70%) недостаточно обожженные, более грубого теста, чем фрагменты I группы. Нередко встречаются фрагменты пережженные, пятнистые. Лощение почти не встречается.

При типологической обработке булгарского керамического комплекса Рождественского городища по формам, ввиду отсутствия достаточного количества целиком и полностью реконструированных сосудов, не всегда было возможно обработать фрагменты по всем четырем ступеням классификации. Однако исследователями керамики памятников Волжской Булгарии была выявлена закономерная связь между оформлением венчика и его края с определенной формой сосуда [Хлебникова 1962]. Поэтому есть все основания включить в типологию и те фрагменты нашей коллекции, которые реконструируются только по верхним частям.

Из всей массы керамических фрагментов Рождественского городища полностью или частично по верхним частям было реконструировано 326 гончарных сосудов.

По форме верхних частей сосудов выделяются четыре основные категории булгарской гончарной посуды: горшковидные, кувшинообразные, миски, чаши и блюда (категории I, II, III, IV, см. табл.3; цв. вкл. Г).

Первый, самый многочисленный ОТДЕЛ включает **горшковидные сосуды** (189 экз., или 53% из общего числа сосудов), глубокие с широким коротким горлом и выпуклым (раздутым) относительно высоким туловом. Они подразделяются на **три группы**: I– корчаги и хумы, II и III – горшки (табл. 6/I А, Б, В). Выделение типов по оформлению венчика и его края производилось согласно типологии, разработанной Т.А. Хлебниковой

Группа 1. КОРЧАГИ И ХУМЫ (рис.107-108).

Корчаги и хумы составляют 68 фрагментов сосудов (20,9% от общего числа сосудов). Это толстостенные сосуды с коротким низким горлом, диаметр которого меньше или равный половине диаметра тулова. Для этой группы характерно наличие двух небольших, но массивных овальных в сечении ручек, прикрепленных к верхней части тулова. Корчаги и хумы имеют высокие пропорции, для них характерно расположение наибольшего диаметра тулова в верхней части и преимущественно небольшой диаметр горла от 10 до 20 см (хумы). Но есть и широкогорлые с массивным венчиком, диаметры горла которых колеблются от 20 до 30 и более (толстостенные корчаги). Массивные хумовидные корчаги имеют вытянутые пропорции или раздутое тулово и, в отличие от горшков и корчаг, — более низкое и узкое массивное горло и массивный фигурный венчик с отворотом наружу – это так называемый полочковидный венчик (17 тип по Т.А. Хлебниковой). Наиболее распространенный диаметр горла таких сосудов 12-15 см. Всего удалось реконструировать по верхним частям 30 экземпляров хумов и 38 фрагментов крупных корчаг и корчажек. Корчаги и хумы по форме горла подразделяются на 3 типа (табл. 6/I, А, 3).

Тип I — сосуды с формой горла в виде цилиндра (23 экз.). Для них наиболее характерными формами венчика являются: венчик утолщенный, оттянутый наружу с желобком, венчик с внутренним утолщением, закругленный (типы 17/4, 1, 2; табл. 6/I, А, 4).

Тип II — сосуды с блоковидной формой горла (26 экз.). Для таких сосудов также характерен в основном массивный с желобком тип венчика и менее распространенный тип венчика с рельефным валиком и закругленным краем.

Тип III — сосуды с горлом в виде усеченного конуса (19 экз). Единственной формой венчика для этого типа сосудов является утолщенный венчик с желобком.

Хумы и корчаги почти не имеют орнаментации. Из видов орнамента присутствует только линейный орнамент в 1-2 линии по плечику и рифление по краю.

Многие сосуды из видов украшения имеют только рельефный выступ по краю. Поверхность сосудов хорошо заглажена и обрабатывалась полосчатым лощением в виде широких плотных горизонтальных полос по горлу и тулову.

К сожалению, не сохранилось ни одного фрагмента сосудов с ручками, но в коллекции присутствуют отдельно фрагменты массивных С-видных ручек небольших размеров, которые характерны только для корчаг (рис. 122/1-25).

	Категории	I								II							III			IV			всего	
	Группы	1			2				3	1		2				3	1			1	2	3		
	Отделы Типы																							
1		4	5		15	17	1	8	1	15	1	6	2		1	5				2	3		86	26,4
2					2	3		5	2	1	2	5			1								21	6,4
3					3					20	2												25	7,7
4		2			15	5	1	3		2	1		1				2	1	1	10		3	49	15
5					3					11	1		1										16	4,9
6					3																		1	0,3
7					12	9	2	3		9	2	10	1	1	2				2	4	3	2	60	18,4
8					5		1	2	1														9	2,8
13					1																		1	0,3
14																				1			1	0,3
17		7	29	19																			55	16,9
21			2																				2	0,6
	всего	13	36	19	59	34	5	19	4	58	9	21	5	1	4	5	2	1	3	17	6	5		
	%	68-20,9%			121-37,1%					67-20,6%		31-9,5%				5 - 1,5%	6-1,8%			28-8,6%			326	100%

Таблица 3. Количественные показатели типологической обработки по формам

Группа II — ГОРШКИ (рис. 109-112).

Сосуды с диаметром горла, почти всегда превышающим половину наибольшего диаметра тулова, – 121 сосуд (37,1% от общего числа сосудов). Число горшков, вероятно, было еще большим, кроме отмеченных имеются венчики по крайне мере еще от 70 горшков, но они, к сожалению, плохо реконструируются.

Выделяются по форме горла 4 типа горшков.

Тип I – крупные и средних размеров горшки с цилиндрическим горлом и выпуклым туловом. У цилиндрошейных горшков диаметр горла равен или несколько больше половины диаметра тулова. Всего определено около 59 таких сосудов. Для них характерен относительно небольшой диаметр горла – преимущественно это горшки с нешироким горлом (9-15 см), но можно отметить и широкогорлые с диаметром горла от 16 до 27 см. Среди горшков встречаются сосуды с венчиками; 1-8 и 13 типа. Это венчики с закругленным, заостренным краем, с утолщением или без утолщения, овальные в сечении, скошенные к внутренней стороне, с прямо срезанным краем (табл.6/I, Б, 4). Помимо крупных горшков встречены горшочки маленьких размеров с диаметром горла 7-9 см (рис.123/1-5), которые можно интерпретировать, как чернильницы или сосуды иного специального назначения. Цилиндрошейные горшки в большинстве очень слабо орнаментированы, по горловине и по плечикам располагаются только несколько рядов прочерченных горизонтальных линий и рифление по краю (напр., рис.111-112). Помимо рифления по венчику и верхней части тулова, встречаются сосуды, украшенные также по горлу мелкой зыбчатой и плавной волной в один и два ряда (рис.110), гребенчатым орнаментом в виде ямок округлой и треугольной формы (рис.110/22), ямочными вдавлениями каплевидной и лунообразной формы (рис.109/32; 110/3), а также встречается орнамент в виде каннелюр по горлу (рис.111/12), насечки и наколы разных форм. Такой орнамент на горшках встречается очень редко, в основном, эти сосуды ограничиваются линейным орнаментом и рифлением верхней части сосуда, на тулово орнамент почти не наносился. Встречается очень редко из видов украшения – лощение. Обычно лощение наносилось горизонтально по шейке и по плечикам и вертикально по тулову в виде широких плотных полос. Встречен один сосуд с перекрестным орнаментальным лощением (рис.118/4).

Среди горшков изредка встречаются сосуды с двумя ручками. Один фрагмент сосуда имел вместо двух обычных – одну ручку (рис.111/9). Ручки небольшие петлевидные, располагаются в верхней части тулова ниже перехода к горлу (рис.111/8). Встречаются горшки со сливом (рис.110/7-8).

Тип II – сосуды с блоковидной (отогнутой) формой горла. Восстановлено 34 сосуда с диаметром горла от 11 до 26 см, но преобладает от 12 до 19 см. Таким образом, доминируют горшки средних размеров. Для горшков этой группы характерен закругленный, скошенный к внутренней стороне, без утолщения или с небольшим утолщением и заостренный край венчика (1, 2, 4 и 7 типы). Орнаментация сосудов также слабая. Встречается рифление по краю горла и линейный многозонный орнамент по верхней части тулова (рис.109/34-37, 39, 44-45, 49-51), многорядная зыбчатая с сильным наклоном волна (типа "джукетау"), более пологая в 1-2 ряда волна (рис.109/23, 38, 40-42, 46-48), ямочные вдавления в виде "запятых", луно-

образные ногтевидные вдавления (рис.109/32). Поверхность сосудов редко обрабатывалась лощением, из видов лощения встречается вертикальное полосчатое по тулову и горизонтальное по горлу, а также встречается сплошное. Часто встречается рельефный валик по краю горла (рис.109/24-30, 34-36). Сосуды с ручками не обнаружены. Встречаются горшки со сливом (рис.109/17).

Тип III – сосуды с горлом-раструбом, диаметром 9-18 см. Всего таких сосудов, преимущественно средних размеров, выделено 19 экземпляров. Это сосуды с формой венчика закругленной, заостренной, с утолщением, скошенной к внутренней стороне, с сильно припухлым краем (1, 2, 4, 7, 8 типы). Почти все сосуды слабо или вовсе не орнаментированы. В основном это линейный орнамент в три и более линий, а также рифление по горлу. Лощение не встречено.

Тип IV – самый малочисленный. Это сосуды с горлом в виде усеченного конуса. Всего выделено 5 экземпляров. Форма венчика закругленная, с внутренним утолщением, скошенная к внутренней стороне и сильно утолщенная (1, 4, 7, 8 типы). Из орнамента встречен линейный по верхней части тулова и резной по краю горла.

Группа III — ШИРОКОГОРЛЫЕ ГОРШКИ.

Глубокие сосуды с туловом, наибольшее расширение которого приходится почти у самого горла (табл. 6/I, В). Ко дну тулово сильно суживается. Ручек нет. По форме горла выделен 1 тип горшков.

Тип I — сосуды с цилиндрическим горлом. Всего реконструируются 4 экземпляра с диаметром горла 12-15 см.

Сосуды с формой венчика закругленной, заостренной и с сильным утолщением (1, 2, 8 типы, табл. 6/I, В, 4). Встречено на 2 сосудах рифление по краю горла.

ВТОРОЙ по общей численности (101 сосуд, или 28% из общего числа) ОТДЕЛ — **кувшинообразные сосуды.** Это сосуды удлиненных пропорций, имеющие выпуклое тулово и относительно узкую горловину подцилиндрической формы. Они подразделяются на 3 группы – кувшины, кринки и кружки (табл.6/II, А,Б,В).

Группа I — КУВШИНЫ (рис.113-117).

Глубокие сосуды с диаметром горла менее половины диаметра тулова. Всего по верхней части удалось реконструировать 67 кувшинов (20,6% от общего числа сосудов). Характерной чертой для этих сосудов является наличие одной уплощенно-овальной в сечении ручки, С-видной или Г-образной в профиле. Ручки обычно прикрепляются верхним концом к середине горла, нижним – к верхней части тулова. Некоторые из этих сосудов имеют слив. Выделяются две группы кувшинов – с широкой горловиной и сосуды со сравнительно узким горлом. Узко- и широкогорлые кувшины подразделяются по форме горла на два типа (табл.6/II, А, 3)

Тип I – цилиндрошейные, узкогорлые кувшины с диметром горла до 10 см (чаще встречается диаметр 6-8 см) и широкогорлые сосуды с диаметром от 10 до 15 см (рис.113/1-48). Широкогорлые кувшины встречаются намного реже, чем сосуды с узкой горловиной (всего из 58 кувшинов I типа фрагментов с узким горлом подавляющее большинство – 47 сосудов). Выделяется группа кувшинчиков маленьких размеров (диаметр около 4-5 см)

с обломками ручек (рис.113/35, 39). Всего таких сосудов 12 экземпляров. Встречаются кувшины с небольшими носиками-сливами. Все кувшины одноручные. Ручки крепятся одним концом к середине горла, а другим – к верхней части тулова сосуда (рис.113/39, 46-48). Ручки встречены овальные или несколько сплющенные в сечении; они подразделяются на два типа: массивные с плоской площадкой и петлевидные. Ручек первого типа больше и изготовлены они менее тщательно, чем ручки второго типа. Встречены фрагменты ручек с пуговкообразным налепом и сосковидным выступом; фигурных ручек нет. Для этого типа кувшинов характерны венчики: с наружным и внутренним утолщением, закругленные, овальные в сечении, припухлые с обоих сторон, скошенные к внутренней стороне, заостренные (типы 3, 1, 5, 7, 4, 2, табл.6/II, А, 4).

Тип II – крупные широкогорлые сосуды с блоковидной шейкой (диаметры от 10 до 18 см). Всего таких сосудов было реконструировано 9 экземпляров. Почти все фрагменты широкогорлых кувшинов со следами ручек.

Большей частью кувшины не орнаментированы. Для них характерен только рельефный валик (выступ) по краю (рис.113/1-39, рис.114/45, 56). Встречается также горизонтальные резные линии в два-три ряда по венчику или в сочетании с волнистой линией (рис.113/39; 114/6, 10-23). Наблюдается некоторая связь орнаментации с размерами сосудов. Кувшины больших размеров чаще не имеют орнаментации или имеют лишь горизонтальное рифление по горлу или рельефный валик-выступ. Сосуды средних размеров украшались еще и одной волной по краю, а также вертикальным рифлением по верхней части тулова и рядами ямочных вдавлений квадратной и луновидной формы. Маленькие кувшинчики украшались более пышно и разнообразно: встречается рифление по краю и горлышку в сочетании с однорядной волной и ямочными вдавлениями треугольной и округлой формы. В основном орнаментировалась лишь верхняя часть сосуда – горло и плечики.

Поверхность сосудов хорошо заглажена и носит следы сплошного лощения по горлу и по тулову.

Группа II — КРИНКИ.

Сосуды с диаметром горла чуть больше или равным половине диаметра тулова. Это стройные закрытые сосуды с более широким горлом, чем у кувшинов, и, иногда, с одной петлевидной ручкой, прикрепленной к верхней части сосуда. По верхним частям реконструируется 31 сосуд (9,5 % от общего числа сосудов). По форме горла выделяются 4 типа сосудов (табл.6/II, Б, 3).

Тип I — кринки с цилиндрическим горлом (21 сосуд) подразделяются на 2 подтипа.

Подтип 1.1 – кринки с ручкой – 4 фрагмента, диаметр горла от 6 до 13 см. Для них характерны петлевидные ручки.

Подтип 1.2 – преобладают кринки без ручек (17 сосудов). Диаметр горла от 6 до 20 см, но в основном преобладают сосуды с диаметром 9-15 см.

Для кринок этого типа характерна форма венчика, скошенная к внутренней стороне с утолщением или без него, закругленная и заостренная (типы 1, 2, 7, табл.6/II, Б, 4).

Тип II — сосуды с блоковидной формой горла (5 фрагментов). Диаметр горла 11-14 см. Есть 1 фрагмент с ручкой. Форма венчика таких кринок закругленная, с внутренним утолщением, овальная в сечении или припухлая с обеих сторон, а также скошенная к внутренней стороне (1, 4, 5, 7 типы).

Тип III — сосуды с формой горла в виде усеченного конуса (1 экз.). Диаметр такой кринки 17 см, форма венчика скошена к внутренней стороне (7 тип).

Тип IV — сосуды с формой горла в виде раструба (4 фрагмента). Диаметр горла 10-15 см. Характерной формой венчика для этого типа кринок является венчик закругленный, заостренный и скошенный к внутренней стороне (типы 1, 2, 7).

В отличие от кувшинов кринки имеют весьма разнообразную и пышную орнаментацию, но есть также неорнаментированные сосуды или имеющие простую орнаментацию — это кринки в основном крупных размеров. Все сосуды отличаются тщательной отделкой поверхности лощением. Встречается горизонтальное по горлу и вертикальное по тулову лощение, а также орнаментальное в виде перекрещивающихся полос. Из простых видов орнамента присутствуют украшения в виде горизонтальных резных линий по горлу и плечикам, рифления по краю (рис.114/50; 116/1-14). Встречается линейный орнамент в сочетании с волнистым (рис.114/24-28), горизонтальные полосы или волны в одну и более линий в сочетании с вертикальным рифлением по горлу и по тулову (каннелюрами) самых разнообразных форм (рис.114/24, 26-29; 115/13-22; 116/15-20), резной орнамент сочетается с отпечатками гребенчатого штампа квадратной, округлой и треугольной формы (рис.114/30-31, 47, 50; 116/21), ямочными вдавлениями палочковидной, каплевидной, лунообразной и подтреугольной формы (рис.114/48-49; 115/4; 116/23-25), а также насечек разных форм по горлу. У кринок, как и у кувшинов, встречается рельефный валик по краю и по горлу сосуда (рис.114/44, 46, 48; 115/30-31; 116/22). Есть фрагмент с пуговковидными пальчатыми вдавлениями по краю венчика (рис.115, 9).

У некоторых сосудов имеются небольшие ручки С-видные в профиле и овально уплощенные в сечении (рис.113/46; 115/23; 117/24-25), с пуговковидным налепом (рис.117/22).

Группа III — КРУЖКИ (рис.118/12-13, 17-19; 119/1).

Относительно небольшие сосуды с диаметром горла не более 10 см и обязательной ручкой в верхней части. У таких сосудов суженое горло, плавно переходящее в слабо выпуклое тулово. Сохранилось в целом виде 5 фрагментов (1,5 % от общего числа сосудов) маленьких кружечек диаметром около 10–12 см. По форме горла выделяется один тип сосудов (табл.6/II, В,3).

Тип I — кружечки с цилиндрическим горлом. Диаметр от 9 до 12 см. Характерная форма венчика – закругленная (1 тип). Поверхность сосудов залощена, орнамент встречается крайне редко. У всех сосудов имеются небольшие ручки, С-видные в профиле и овальноуплощенные в сечении, прикрепленные к венчику и плечикам. Почти не орнаментировались – по верхней части тулова проходят лишь прочерченные горизонтальные линии.

ОТДЕЛ III — мискообразные сосуды. Они составляют 1,8 % от общего числа сосудов (6 экземпляров). К мискообразным сосудам относится только **группа I – МИСКИ** (табл.6/III, А, рис.118/5-7; 120/5-31). Это сосуды с диаметром горла чуть меньше наибольшего диаметра тулова. Низкие, в основном широкие сосуды с открытым горлом. Диаметр значительно больше высоты сосуда в целом. Многие сосуды имеют небольшие ручки в верхней части. По форме горла выделяются три типа (табл6/III, А, 3).

Тип I — сосуды с цилиндрическим верхом (2 экз.).
Тип II — сосуды с блоковидным горлом (1 экз.).
Тип III — сосуды с горлом-раструбом (3 экз).

Для мисок характерна форма венчика – закругленная, заостренная, с внутренним утолщением и скошенная к внутренней стороне (типы 1, 2, 4, 7, табл.6/III, А, 4). Диаметр горла 12-18 см. Эти сосуды неглубокие низкие и имеют растянутые пропорции, а также одну петлевидную ручку. Выделяется группа маленьких мисочек с диаметром 9 см по форме напоминающих плошки (рис.120/5-8).

Орнаментированы миски в основном горизонтальным лощением – как внутри, так и снаружи, а также рифлением по краю.

ОТДЕЛ IV – чашевидные и блюдообразные сосуды (рис.120/1-4; 121). Всего реконструируются 30 сосудов (8,4 % от общего числа). Это низкие открытые сосуды без горловины. Более глубокие сосуды этой категории определяются как чаши, более мелкие – как блюда. Все сосуды подразделяются на три группы (табл.6/IV, А, Б, В).

Группа I — СОСУДЫ С ЦИЛИНДРИЧЕСКИМ ВЕРХОМ (18 экз.).
Группа II — СОСУДЫ С РАСШИРЯЮЩИМСЯ ВЕРХОМ (2 экз.).
Группа III — СОСУДЫ С ГОРЛОМ БОЧЕНКООБРАЗНОЙ ФОРМЫ (10 экз.).

Для чаш и блюд характерны венчики с внутренним утолщением, скошенные к внутренней стороне, закругленные и горизонтальные, скошенные наружу (1, 4, 7, 11 типы, табл.6/IV, 4). Размеры таких сосудов разнообразны: встречаются чаши маленьких размеров, диаметр которых составляет 7-8 см – чашечки (рис.120/11, 14, 18-19, 26-27, 32), и сосуды – глубокие чаши, достигающие 24 см (рис.120/1-3, 23). Блюда также представлены разных размеров: большие блюда диаметром до 44 см, но наиболее распространены сосуды с диаметром 19-30 см (рис.120/16-17, 22, 29; 121/1, 19-20).

Из украшений часто встречается сплошное горизонтальное лощение, рифление по краю, отпечатки гребенчатого штампа, ямочные вдавления каплевидной и округлой формы по краю. Разнообразнее украшались блюда, чаши встречаются в основном без декора.

КРЫШКИ. Всего частично или полностью реконструируются 7 крышек (рис.122/26-32). Все они преимущественно от кувшинов малых размеров с небольшой шишкообразной ручкой. Встречаются двух типов – с низкой закраиной (рис.122/27, 31) и с высокой закраиной (рис.122/26, 28-30). Диаметр таких крышек от 4,5 до 9 см, чаще встречается 6-6,5 см. В орнаментации встречается лощение, более характерны резные линии по кругу в сочетании с волнистым узором и ямочными вдавлениями округлой лунообразной формы.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОСУДЫ

Отдельного внимания заслуживает стаканообразный сосуд в единственном экземпляре, по форме определяемый как ***тувак*** (рис.124/7). Сосуд подцилиндрической формы диаметром 9 см. Поверхность обработана ангобом, из орнамента – линейный по краю.

В единственном экземпляре также представлен обломок нижней части **СФЕРОКОНУСА** (рис.124/6).

РУЧКИ ОТ СОСУДОВ сохраняются большей частью отдельно от сосудов (25 экземпляров). Ручки в основном петлевидные, С-образные, некоторые отличаются своей массивностью (рис.122). Многочисленны ручки с сосцевидным выступом и пуговкообразным налепом (рис.122/20-24).

***

Таким образом, гончарный комплекс Рождественского городища состоит из различных вариантов горшков и корчаг, кувшинов и кринок, мисок, блюд и чаш, сосудов специального назначения: стаканообразных сосудов – туваков и сфероконусов. Кроме того, имеются крышки.

Самыми многочисленными в коллекции гончарной керамики являются кухонные горшки – они составляют 37,1 % от всех сосудов. Преобладают в основном цилиндрошейные горшки. Можно выделить три группы горшков по размеру. Встречаются крупные горшки с диаметром горла, достигающим 30 см. Более распространены в группе горшков – сосуды средних размеров (диаметр горла от 10 до 15-18 см). В отдельную группу вошли горшочки маленьких размеров с диаметром горла до 10 см (рис.123/1-5). Сосуды использовались в качестве кухонных горшков для приготовления пищи. Следы нагара на большинстве из них подтверждают это. Все они отличаются сравнительно простой орнаментацией и очень редко подвергались лощению (24%). Горшки в большинстве своем имеют серый цвет. Более крупные из них служили в качестве тары для перевозки и хранения сыпучих и жидких продуктов, не исключено их использование в производственных целях. Крупные сосуды подвергались лощению чаще, чем остальные горшки. В функциональном отношении маленькие горшочки можно отнести и к столовой и к кухонной посуде, так как на стенках также встречаются следы пятнистости, по-видимому, от действия огня.

Вторая по численности группа сосудов – корчаги и хумы (20,9% от общего числа сосудов). Для корчаг характерна блоковидная форма горла. Крупные, превосходящие по всем размерам сосуды использовались в качестве тары для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов. Сосуды почти не орнаментировались, из приемов обработки поверхности встречается только лощение.

Третья по численности группа сосудов – кувшины (20,6 % от всех сосудов). Для них характерна цилиндрическая форма горла. Можно выделить две группы кувшинов. К первой из них относятся сосуды крупных размеров, часто без орнамента, в функциональном отношении принадлежащие, по-видимому, к тарным для переноски и хранения воды или иных жидких продуктов. Во вторую группу определены пышно декорированные сосуды, судя по всему, выполняющие функцию столовой посуды (кувшины средних размеров и группа маленьких кувшинчиков). Такие сосуды в большинстве случаев подвергались лощению и украшались разнообразным орнаментом.

Четвертая по численности группа сосудов – кринки и кружки (11 % от общего числа). Сосуды в основном с цилиндрическим горлом. Кринки, в отличие от всех остальных сосудов, имеют более пышный и разнообразный орнамент. Также эти сосуды отличаются тщательной отделкой поверхно-

сти лощением. В функциональном отношении они относятся к парадной столовой посуде и достаточно часто употреблялись в быту, о чем свидетельствуют многочисленные находки их обломков. Криночки маленьких размеров с ручками могли использоваться в качестве кружек, кринки больших – для хранения жидких продуктов или выставления их на стол. Кружки, в отличие от криночек, не орнаментировались. Малое их количество и хорошая сохранность говорит о том, что такая столовая форма была достаточно редкой.

Самая малочисленная группа – миски, чаши и блюда (10,4 % от общего числа сосудов). Все сосуды отделывались тщательно лощением как снаружи, так и внутри, и могли использоваться в различных целях, главным образом как столовая посуда. В отличие от мисок, которые вообще не орнаментировались, чаши и блюда имеют украшения по бортику, это говорит об их парадном предназначении.

В функциональном отношении гончарный керамический комплекс Рождественского городища состоит из кухонной, тарной и столовой посуды. При этом сосуды столового назначения преобладают и составляют более 42 %. Вторая и третья по численности группа – кухонные горшки – 37 % и крупная тарная посуда — 21%.

ОБЪЕКТ	ОБЩЕЕ КОЛ-ВО СОСУДОВ	ФОРМЫ								
		хумы	корчаги	горшки	кувшины	кринки	кружки	миски	чаши	блюда
Раскоп IV	212	22	24	104	31	17	5	1	8	6
Раскоп I	55	4	7	11	16	7	-	-	3	4
Раскоп II	23	3	4	3	9	2	-	2	-	-
Раскоп V	23	1	2	3	4	4	-	3	4	-
Раскоп VI	13	-	1	-	7	1	-	-	3	-
ВСЕГО	**326**	**30**	**38**	**121**	**67**	**31**	**5**	**6**	**18**	**10**

Таблица 4. Планиграфическое распределение основных категорий булгарской гончарной посуды

Раскоп IV дал подавляющее количество сосудов и содержал все основные категории булгарской гончарной посуды, как кухонной и тарной, так и практически все формы столовых парадных сосудов. В большом количестве представлена кухонная посуда – горшки, кувшины и корчаги. Все остальные раскопы содержат в основном тарную и столовую посуду, кухонные горшки присутствуют в незначительном количестве. Из столовой посуды на этих раскопах не встречаются кружки.

Все виды гончарной посуды формовались в основном из теста первого состава – из тонкоотмученной глины с примесью песка. Из теста более грубого с примесью толченой раковины и шамота формовались в основном только кухонные горшки и крышки. Сопоставление цвета и формы показывает, что большинство сосудов серого цвета – это горшки. Красный и коричневый цвет характерен для кувшинов и корчаг. Формы столовой посуды также ярко окрашены в оттенки красных цветов.

Существенную роль в украшении гончарной керамики имеет орнамент. Он весьма разнообразен. На рассмотренных материалах насчитывается более 20 различных элементов (рис.124, 125-126); большинство элементов употребляется самостоятельно, кроме того, они образуют 31 вариант различных сочетаний по два, три, четыре орнаментальных элемента.

Таким образом, значительная группа сосудов украшалась сложными узорами из нескольких элементов. Композиции, выполненные в несколько приемов отличались богатством и разнообразием.

Наиболее распространенным является линейный орнамент в одну-три и более линий (рис.125/1-2), нередко в сочетании с волной (рис.126/1-5) и с другими мотивами.

Следующим по распространенности является орнамент из ямочных вдавлений, обычно представленных в сочетании с другими элементами, особенно часто в сочетании с горизонтальными параллельными линиями (рис.125/14-21; 126/ 6-11).

Волнистый орнамент составляет третью группу по распространеннос-

ОРНАМЕНТ / ФОРМЫ	ЛИНЕЙНЫЙ	ВОЛНИСТЫЙ	ГРЕБЕНЧАТЫЙ	РЕЗНОЙ (КАННЕЛЮРЫ)	РЕЗНОЙ (ФАСКИ)	РИФЛЕНИЕ	ЯМОЧНЫЕ ВДАВЛЕНИЯ	НАСЕЧКИ И НАКОЛЫ	ЗАПЯТЫЕ	ЗАШТРИХОВАННЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ	НАЛЕПЫ НА РУЧКАХ	РЕЛЬЕФНЫЙ ВАЛИК	СЛИВ	ЛОЩЕНИЕ
Горшки	+	+	+	+			+		+			+		+
Корчаги	+					+					+	+		+
Кувшины	+	+		+		+	+	+			+	+	+	+
Кринки	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+
Кружки	+													+
Миски	+	+												+
Чаши	+					+								+
Блюда	+					+	+							+
Крышки	+	+	+			+	+	+						+

Таблица 5. Связь элементов орнамента с формами сосудов

ти и отличается большим многообразием (рис.125/3-8). Встречается волна в одну-две и более линий, характер волн также многообразен: от пологой плавной до сжато острой или "зыбчатой", с сильным наклоном или в виде набегающей волны. Часто волнистый орнамент сочетается кроме линейного с ямочными вдавлениями и гребенчатым штампом (рис.126/10-12).

Гребенчатый штамп используется обычно сочетании с другими элементами, в особенности с линейным орнаментом (рис.124/4; 124/12; 125/9-11, 13).

Встречаются, помимо основных элементов орнамента, узоры в виде насечек и наколов самых различных форм и размеров (рис.125/14-20). Имеются пышные узоры из вертикальных каннелюр в сочетании с линейным и волнистым орнаментом (рис.126/13-17).

Меньше всего распространены узоры в виде врезных полосок – фасок, волют и заштрихованных треугольников, линий в виде зигзагов. Орнамент с такими элементами встречается в единичных случаях.

Все формы сосудов покрывались орнаментом, однако не в равной степени. Среди горшков орнаментировано менее трети всего количества сосудов, сосуды других форм орнаментировались чаще. Чаще всех и наиболее пышно украшалась столовая посуда, в особенности кринки.

Из табл.5 видно, что линейный и волнистый орнаменты имеются почти на всех формах посуды. Рифление также типично для всех форм. Ямочные вдавления более характерны для горшков, кувшинов и кринок. "Запятые" характерны исключительно для горшков. Резной же орнамент каннелюрами, фасками и заштрихованными треугольниками встречается главным образом на кринках, кувшинах и реже на горшках и совсем не встречается на других формах. Налепы на ручках имеются только на корчагах, кувшинах и кринках. Налепной валик характерен для сосудов этих же форм и еще на горшках.

Разнообразнее всего покрывались орнаментом кринки и кувшины. Поверхность всех форм без исключения обрабатывалась лощением, но в неравной степени. Наиболее часто лощилась поверхность столовой посуды, менее всего – поверхность кухонных горшков.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ БУЛГАРСКОЙ КЕРАМИКИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Комплекс признаков, свойственный керамике памятников Волжской Булгарии и выделенный на материале гончарной керамики Рождественского городища, показал наличие двух ярко выраженных этнокультурных групп.

Основная и наиболее многочисленная этнокультурная группа керамики Рождественского городища – **общеволжскобулгарская** (группа I по Т.А. Хлебниковой). Такая керамика ремесленного производства сформована на ручном гончарном круге, характеризуется мелким запесоченным составом глиняного теста, с незначительными примесями шамота и дробленной раковины; горнового, преимущественно хорошего обжига, большей частью оттенками красного и коричневого цвета; лощеной поверхностью, разнообразными формами кухонной, тарной, столовой посуды, а также сосудами специального назначения; налепными украшениями и пышной орнаментацией, где наиболее типичными являются резной линейный и волнистый орнамент, гребенчатый штамп, каннелюры и редкий орнамент в виде заштрихованных треугольников, фасок и волют. В коллекции представлено довольно много образцов парадной посуды, произведенной в мастерских Биляра. Эти сосуды отличаются своеобразными "пуговичными" налепами на ручках и вдоль венчика.

Выделяется комплекс керамики **"типа Джуке-Тау"** (XIII этнокультурная группа по Т.А. Хлебниковой). Такая керамика представлена фрагментами горшковидной керамики серого цвета. Характеризуется большим содержанием кварцевого песка и черепком с темной прослойкой. Керамика не лощеная, форма чашевидная и горшковидная круглодонная, с более примитивной техникой формовки. Характерным признаком группы является орнамент, имеющий этномаркирующую специфику: многорядная частая волна со специфичным наклоном влево, нанесенная обычно по плечику (рис.115/25).

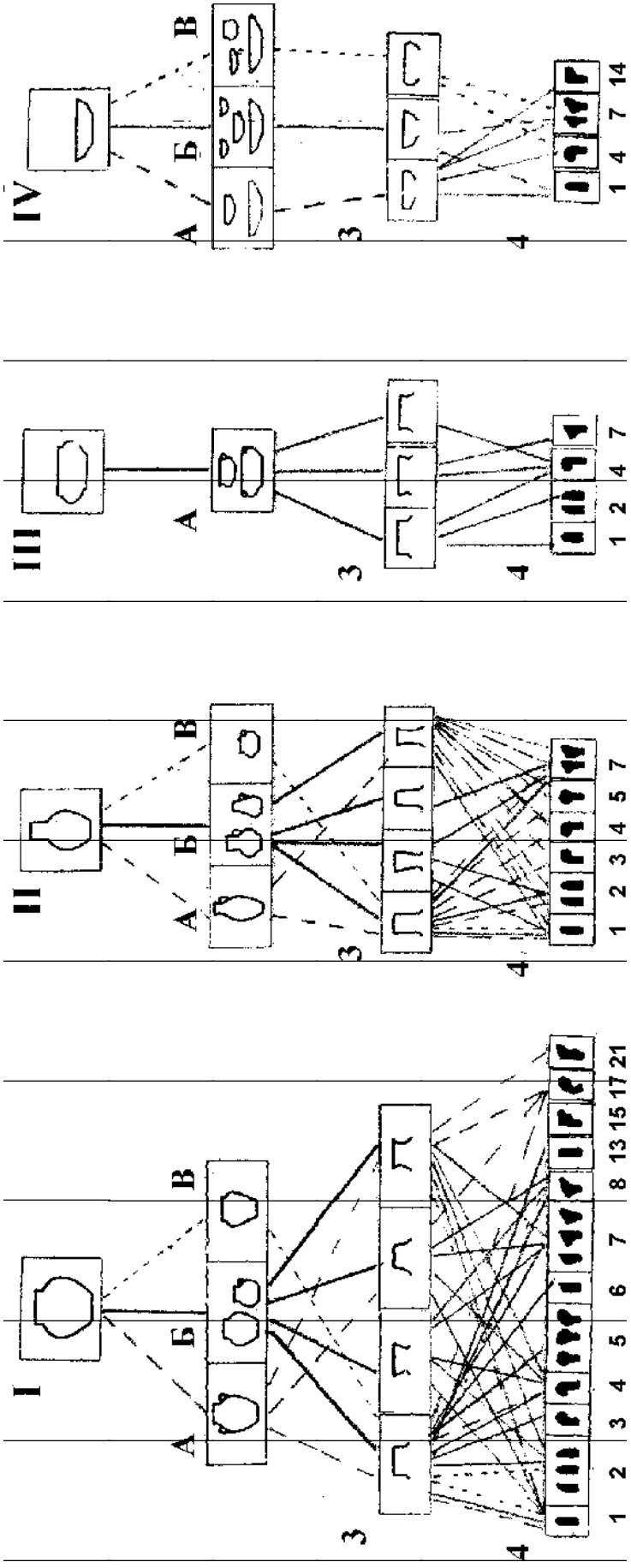

Таблица 6. Классификационная схема булгарской гончароной неполивной керамики Рождественского комплекса

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Фрагменты керамических сосудов представлены в 76% погребений. Иногда в одном погребении находилось до 3 сосудов. В ряде случаев сосуд располагался за пределами могильной ямы, обычно – в ее изголовье.

Всего на могильнике собраны фрагменты 82 сосудов, из которых 12 найдены за пределами могильных ям. Подавляющее большинство керамических сосудов выполнено методом ручной лепки, только 2 сосуда (из погр. №115 – рис.129/23 и из междумогильного пространства), изготовленные на гончарном круге, являются сосудами булгарского ремесленного производства.

Поскольку погребальная посуда сохраняется полнее, чем на городище, ей можно дать более подробную характеристику.

В составе глиняного теста преобладают растительные примеси, песок, шамот, мелкотолченая раковина встречена только в 23% сосудов. Поверхность сосудов гладкая, заглажена мягким предметом или рукой. Качество обжига большинства сосудов низкое, в двух случаях в погребениях были встречены остатки не обожженных сосудов. Применялся костровой обжиг, цвет сосудов неровный – от темно-серого до коричневого различных оттенков. Некачественный обжиг свидетельствует о том, что для использования в погребальном обряде посуда изготавливалась специально.

Сосуды преобладают миниатюрные, с диаметром по венчику 6-12 см. Более крупные сосуды с диаметром по венчику 14-18 см составляют всего 17%, они, как правило, отличаются более качественным обжигом, вероятно, в данном случае при захоронении использовалась обычная бытовая посуда.

Все сосуды круглодонные, округлобокие, с наибольшим расширением в средней части сосуда.

Для проведения замеров сосудов учитывались следующие параметры: $Д^1$ – диаметр горловины у венчика, $Д^2$– диаметр наибольшего сужения горловины, $Д^3$ – диаметр наибольшего расширения тулова, Н – общая высота тулова.

Для характеристики общей формы сосудов проводилась корреляция двух соотношений – общей высоты (Н) к наибольшему расширению тулова ($Д^3$), а также диаметра по венчику ($Д^1$) к наибольшему расширению тулова. Дополнительно анализировалось соотношение высоты шейки ($Н^1$) к общей высоте сосуда (Н). Данная характеристика возможна только по целым формам (43 сосуда).

Все сосуды Рождественского могильника, по аналогии с посудой городища, относятся к группе 1 – ГОРШКИ И ЧАШИ.

В данной группе согласно корреляции, позволившей оценить сосуды в целом, их вытянутость, раздутость, были выделены три основных типа сосудов: горшки – при $Н > 0{,}8\ Д^3$, чаши – при $Н < 0{,}8\ Д^3$.

Тип 1 – горшки (3 сосуда, 6,9% от выборки, рис.127/7, 128/11, 129/15). У данных сосудов $Н = 0{,}83\text{-}0{,}84\ Д^3$. К горшкам также явно относятся сосуды неполной формы (рис.127/6,20). Соотношение $Д^1:Д^3$ для данных сосудов укладывается в пределы 0,84-0,96, таким образом, горло является более узким по сравнению с наиболее раздутой частью тулова или приблизительно равно ему. По высоте шейки по отношению к общей высоте сосуда среди

горшков выделяются два варианта.

Вариант 1 – с низкой шейкой, H^1:H = 0,12-0,14 (рис.127/6,7, рис.128/11).

Вариант 2 – с шейкой средней высоты, H^1:H = 0,18 (рис.127/20, рис.129/15).

Тип 2 – чаши (40 сосудов, 93,1% от выборки). У данных сосудов H = 0,43-0,79 $Д^3$. Соотношение $Д^1$:$Д^3$ для данных сосудов укладывается в пределы 0,8-1,03, таким образом, чаши по данному соотношению не отличаются от горшков. По высоте чаши делятся на три подтипа, внутри которых наблюдаются варианты по высоте шейки.

Подтип 2.1 – высокие чаши (7 сосудов, рис.128/5, 7, 21-23, 25; рис.129/12) – H = 0,72-0,79 $Д^3$.

Вариант 1 – с низкой шейкой, H^1:H = 0,15 (14%, рис.128/7).

Вариант 2 – с шейкой средней высоты, H^1:H = 0,17-0,18 (28,5%, рис.128/5, 23).

Вариант 3 – с относительно высокой шейкой, H^1:H = 0,21-0,26 (57%, рис.128/21-22, 25; рис.129/12).

Таким образом, для данного подтипа наиболее характерна высокая шейка.

Подтип 2.2 – чаши средней высоты (21 сосуд, рис.127/2, 8, 9, 10, 12, 21, 27, 30; рис.128/4, 8, 12, 13-14, 17-19, 24; рис.129/2, 10, 11, 14) – H = 0,6-0,68 $Д^3$.

Вариант 1 – с низкой шейкой, H^1:H = 0,11-0,15 (23,8%, рис.127/2, 8, 12; рис.128/8,17).

Вариант 2 – с шейкой средней высоты, H^1:H = 0,16-0,18 (38,1%, рис.127/9, 10; рис.128/4, 12, 14, 19, рис.129/2,11).

Вариант 3 – с относительно высокой шейкой, H^1:H = 0,2-0,25 (38,1%, рис.127/21, 27, 30; рис.128/18, 24; рис.129/14).

Подтип 2.3 – низкие мискообразные чаши (12 сосудов, рис.127/1, 14, 25, 26, 31, 32; рис.128/9, 16; рис.129/1, 8, 9, 19) — H = 0,43-0,58 $Д^3$.

Вариант 1 – с низкой шейкой, H^1:H = 0,09-0,15 (16,6%, рис.127/25, 31).

Вариант 2 – с шейкой средней высоты, H^1:H = 0,16-0,18 (66,7%, рис.127/1, 14, 26, 32; рис.128/9, 16; рис.129/1, 9).

Вариант 3 – с относительно высокой шейкой, H^1:H = 0,2-0,24 (16,6%, рис.129/8, 19).

Таким образом, для Рождественского могильника наиболее характерными являются профилированные круглодонные чаши с округлобоким туловом, отогнутой наружу средней или относительно высокой шейкой.

Среди чаш выделяются два экземпляра с относительно высокой цилиндрической шейкой и со скошенным вовнутрь венчиком (рис.129/18, 19), которые относятся к группе VII (по Т.А. Хлебниковой) [Хлебникова 1984, с.106]. Один сосуд имеет по шейке характерную для данной группы своеобразную "веревочную" орнаментацию со спаренными вдавлениями, направленными в противоположные стороны – в виде "косички" (рис.129/19), дополненную по плечику вертикальными отпечатками гребенчатого штампа. У второго сосуда по шейке нанесены 7 рядов обычного шнура, по плечику резной решетчатый орнамент, образующий ряд ромбов, по центру которых – круглые наколы (рис.129/18).

Остальные сосуды оформлены типично для средневековой керамики Пермского Предуралья.

Венчики сосудов округлые или плоские, слегка отогнутые наружу. Ок-

руглые венчики встречаются без орнаментации (рис.127/1-13, рис.129/15), с ямочными вдавлениями по внешнему краю (рис.127/14, 21; рис.129/14), с защипами по внешнему краю (рис.127/11, 15, 17, 19, 20, 25, 27, 28-32), с оттисками гребенчатого штампа (рис.129/1, 2, 6, 7, 9, 11). Плоские венчики также встречаются не орнаментированные (рис.128/1-4, 6-7), с защипами по внешнему краю (рис.127/26, 32; рис.129/22), с ромбическими вдавлениями по внешнему краю (рис.128/5, 8-11, 15), с овальными вдавлениями по внешнему краю (рис.128/12-13, 16-22), с оттисками гребенчатого штампа в виде "личинки" (рис.128/24-25), с оттисками гребенчатого штампа (рис.129/3-5, 10, 12, 24), с косой насечкой (рис.128/23).

Орнаментация на тулове сосудов встречена в 72,2% случаев. Орнаментальные ряды располагаются по шейке, по плечику и одновременно по шейке и плечику.

По шейке сосуды обычно оформлены 3-9 рядами шнура (34% сосудов). В одном случае (рис.128/21) над шнуровым орнаментом помещен ряд резной косой решетки; в одном случае по шейке нанесены вертикальные отпечатки гребенчатого штампа (рис.128/7); в двух случаях шейка орнаментирована горизонтальными резными линиями (рис.129/7, 17).

Среди орнаментов, наносимых по плечику сосудов, преобладают вертикальные или наклонные отпечатки простого гребенчатого штампа (13,9% всех сосудов; рис.127/7, 13, 24, 276; рис.128/7, 16, 23; рис.129/2-3, 15, 24), зигзагообразный гребенчатый орнамент (11,3%; рис.127/26-28, 30, 32; рис.128/3; рис.129/12, 13, 21), подковообразный гребенчатый штамп (10,1%; рис.127/16, 31; рис.128/2, 6, 15; рис.129/6, 7, 9). Реже встречаются кольцевидный гребенчатый штамп (3,7%; рис.127/32, рис.128/20,22; рис.129/25), вертикальные и наклонные отпечатки серповидного гребенчатого штампа (5%; рис.127/19, 22-23; рис.129/10), вертикальные и наклонные отпечатки гребенчатого штампа в виде "личинок" (6,3%; рис.127/25; рис.128/20, 24-25; рис.129/11), двойные ряды круглых или полукруглых наколов (6,3%; рис.127/11; рис.128/9, 12, 18-19), решетчатый штамп (3,7%; рис.129/20-22); резной орнамент в виде горизонтальной "елочки" (1,2%; рис.128/21), зигзагообразных линий (1,2%; рис.129/17), косой решетки (1,2%; рис.129/18). У одного миниатюрного сосуда (рис.128/7) на наиболее раздутой части тулова помещены две ручки в виде подтреугольных налепов с круглыми отверстиями небольшого диаметра.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА

На Рождественском археологическом комплексе достаточно широко представлены фрагменты металлической посуды. Среди них преобладают обломки стенок, ушки и дужки медных котлов (51 экз.). Известны фрагменты чугунной посуды (6 экз.), фрагмент бронзовой чашечки.

Группа 1 – МЕДНАЯ ПОСУДА (рис.130/1-4, 6-13, 16; рис.131, рис.132/7-9).

Наиболее частой находкой являются куски медных пластин разного размера и толщины — фрагменты стенок котлов. На ряде фрагментов прослеживается использование для изготовления сосудов таких технологичес-

ких приемов, как проковка пластин, сварка "в зубец", фальц, клепка. Все сохранившиеся фрагменты венчиков загнуты и отогнуты наружу. Сосуды снабжались медными ушками, сделанными из квадратного, реже круглого в сечении дрота, согнутого в верхней части дугой. В одном случае (рис.131/10) ушко изготовлено из витого дрота. Равновеликие концы ушек разведены под углом и раскованы для одной заклепки (тип "в" по К.А. Руденко [Руденко 2000, с.74]). В ушках закреплялись железные дужки (рис.132/7-9) в виде серповидной полосы прямоугольного сечения с загнутыми вверх концами. По всем характерным особенностям медные сосуды Рождественского археологического комплекса могут быть отнесены к котлам типа М-4 (по К.А. Руденко [Руденко 2000, с.29-32]) – котлы в основном цилиндрической формы, емкостью от 2 до 12 л, по форме напоминающие современные кастрюли. Широкий отогнутый венчик котлов типа М-4, по мнению К.А. Руденко, говорит об использовании деревянных крышек, которые удобно было класть на такую поверхность [Руденко 2000, с.68]. Датируются котлы данного типа XII – первой половиной XIII века, во второй половине XIII в. их массовое производство прекратилось, хотя отдельные экземпляры подобных сосудов пережиточно бытовали и в XIV в. [Руденко 2000, с.32]. Котлы типа М-4 с начала XII в. вытеснили все другие формы котлов и получили чрезвычайно широкое распространение на территории Волжской Булгарии, в Пермском Предуралье, Удмуртии, Посурье, Западной Сибири. Известны такие котлы и на Севере европейской части России и на Руси [Руденко 2000, с.29-32,42].

Группа 2 – ЧУГУННАЯ ПОСУДА (рис.132/1-6).

На Рождественском археологическом комплексе встречены фрагменты литых чугунных сосудов, вероятно, котлов. По фрагментам венчиков можно судить о том, что среди них представлены сосуды, как минимум, четырех типов.

Тип 1 – фрагменты сосудов с шаровидным туловом без шейки, с отогнутым наружу узким венчиком. Диаметр по венчику 17-19 см (рис.132/1-2). Данные фрагменты принадлежат поздним чугункам, которые, вероятно, связаны с д. Постаногово.

Тип 2 – фрагменты сосудов с вертикальными стенками без шейки, с загнутым и отогнутым наружу венчиком (рис.132/4, 6).

Тип 3 – фрагмент сосуда с вертикальными стенками, с прямым, выдвинутым вперед венчиком, с ручкой в виде подтреугольной скобы круглого сечения (рис.132/5).

Тип 4 – фрагмент ушка чугунного котла, по конструкции аналогичный ушкам керамических котлов, распространенных в Прикамье в XIII-XIV вв. (рис.132/3).

Чугунные котлы встречаются преимущественно на булгарских и чияликских памятниках золотоордынского времени, в большей степени они распространились с первой четверти XIV в. [Руденко 2000, с.37, 84]. Причем чугунные изделия на территории Булгарского царства представлены исключительно котлами. Достаточно большой процент таких изделий свидетельствует об их широком распространении в быту. Хотя, судя по письменным источникам, стоимость чугуна как сырья была довольно высока [Руденко 2000, с.26].

Прототипами булгарских чугунных котлов в какой-то степени стали мон-

гольские чугунные котлы полусферической формы на ножках с дуговидными ручками, отлитыми на венчике [Руденко 2000, с.84].

В Пермском Предуралье кроме Рождественского археологического комплекса фрагменты чугунных котлов обнаружены на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Группа 3 – БРОНЗОВАЯ ПОСУДА (рис.130/17) представлена фрагментом бронзовой чашечки с орнаментом, образованным мелкими полушарными выступами.

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ОБКЛАДКАМИ

На Рождественском археологическом комплексе, особенно в языческой части могильника, встречено довольно много серебряных и медных обкладок, которыми оформлялся венчик деревянных сосудов. В отдельных случаях сохранились и остатки древесины (рис.134/8, 9, 12, 14).

По сохранившимся фрагментам венчиков можно предположить, что деревянные сосуды были преимущественно небольших размеров, по форме напоминали лепные горшки, толщина стенок составляла 0,4-1 см. Судя по материалам могильника, венчик деревянного сосуда обычно оформлялся четырьмя металлическими обоймочками.

Группа 1 – СЕРЕБРЯНЫЕ ОБОЙМЫ (рис.134/12-14). Встречены в 13 погребениях и междумогильном пространстве могильника. Представляют собой тонкую прямоугольную пластину шириной 0,7-1,5 см, согнутую пополам и снабженную круглыми или треугольными отверстиями для одного или двух гвоздей. Пластины крепились к деревянному сосуду с помощью небольших медных гвоздиков круглого сечения с округлой или овальной шляпкой.

Группа 2 – МЕДНЫЕ ОБОЙМЫ (рис.130/4-5, 14-15; рис.134/8, 10-11). Известны по материалам городища. В ряде случаев медные обоймы аналогичны серебряным, но встречаются и обоймы в виде более широких пластин (до 4 см), которые, вероятно, использовались на сосудах больших размеров (рис.134/8).

Судя по тому, что в материалах погребений встречаются исключительно серебряные, а на городище медные обоймы, можно предположить, что небольшие сосудики с серебряными обкладками венчика выполняли функцию парадных или ритуальных, а обычная бытовая деревянная посуда разных размеров оформлялась медными обкладками.

Аналогичные металлические обкладки известны в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.40/24-25, 27-28]. На территории Пермского Предуралья они широко представлены в материалах Огурдинского и Степаново плотбище могильников.

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА

На Рождественском городище встречено около 2 десятков фрагментов стенок стеклянных сосудов и один фрагмент венчика.

Тип 1 – фрагмент высокого цилиндрического горла сосуда из бесцветного зеленоватого стекла (рис.133/4); верх украшен толстым накладным валиком-жгутом, диаметр отверстия 2 см, толщина стекла 5мм.

Фрагменты сосудов с аналогичными венчиками широко представлены в Волжской Булгарии, например, в Болгаре. Бутыли с таким горлом появляются в XI в. и бытуют до начала XIII в [Полубояринова 1988, с.204].

ФРАГМЕНТЫ БУРДЮКОВ

На Рождественском городище встречено три предмета из кости, которые интерпретируются нами как детали бурдюков.

Группа 1 – КОСТЯНЫЕ ТРУБКИ (горлышки бурдюков?) (2 экз., рис.133/1-2). Трубки подтреугольного сечения шириной 1,5 см, с диаметром внутреннего отверстия 1-1,4 см. Одна трубка прямая, другая – с расширением на конце. С одной стороны на трубках отмечаются нарезки.

Подобные костяные горлышки бурдюков известны в салтово-маяцкой культуре, например, аналогичные предметы представлены в катакомбах 57, 101 Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, с.144, рис.81]. Бурдюки изготавливались из цельных овечьих шкур или сшитых кожаных емкостей [Плетнева 1989, с.145].

Группа 2 – ПРОБКА БУРДЮКА? (рис.133/3). Грубо вырезанный из кости предмет с цилиндрической ножкой и округлым набалдашником.

УТВАРЬ ИЗ ЛЫКА

На раскопе II Рождественского городища обнаружен крупный фрагмент плетеного изделия из лыка (цв. вкл. Е/1). Изделие было изготовлено способом простого прямого переплетения из полос лыка шириной 1,3-1,5 см. Это может быть фрагмент какой-либо утвари (корзины, кошелки) или лаптя.

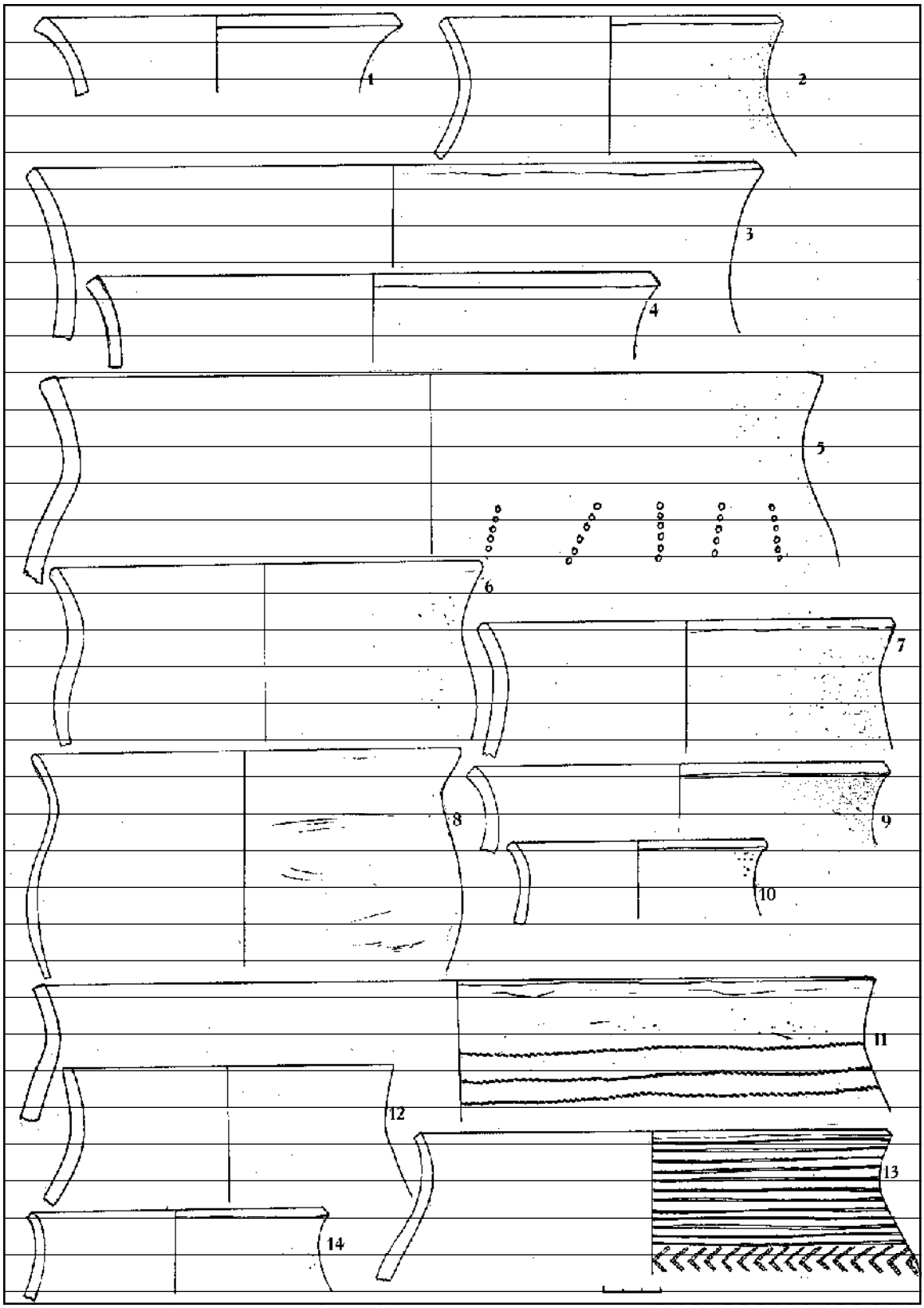

Рис. 90. Лепная керамика Рождественского комплекса. Горшки

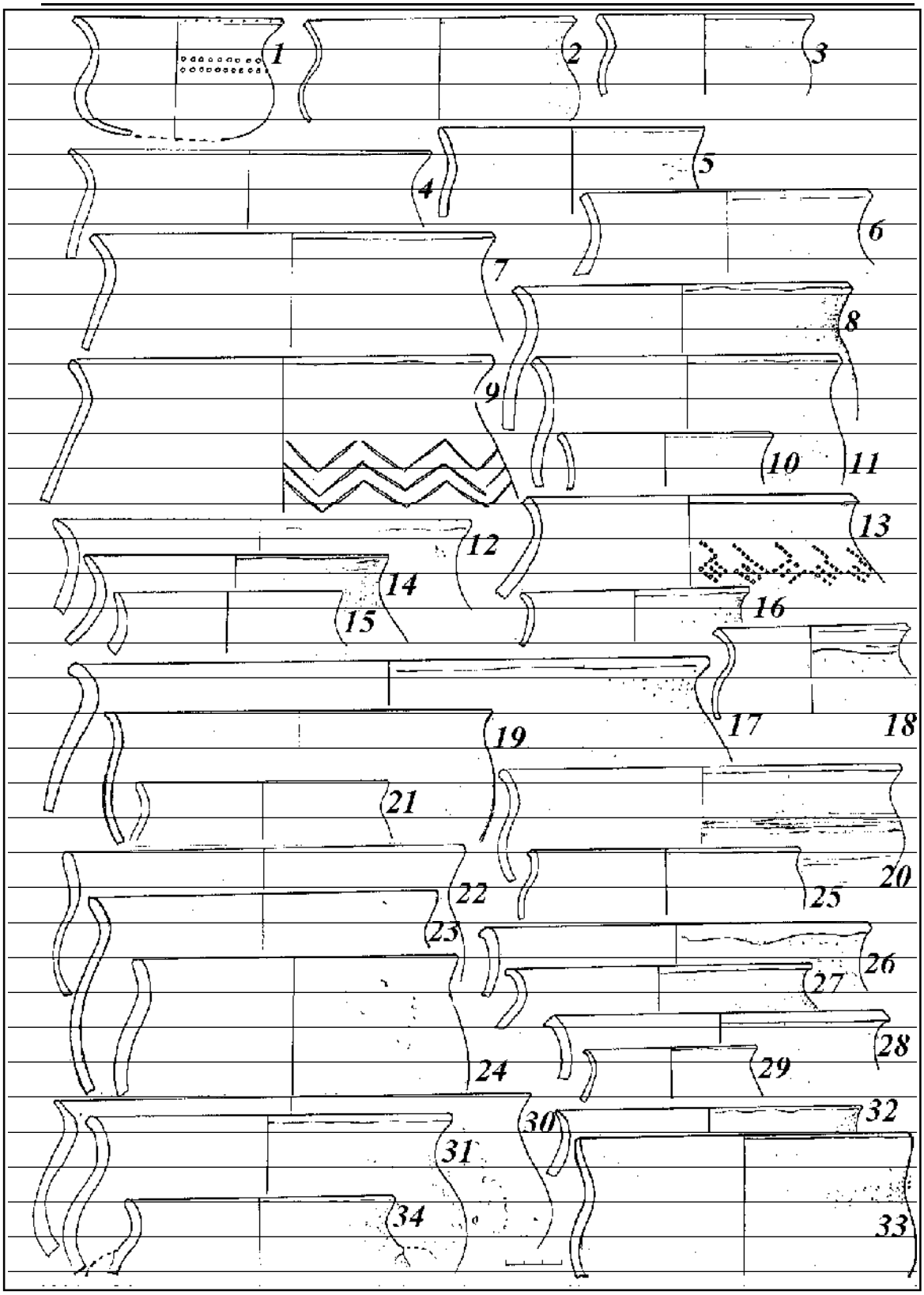

Рис. 91. Лепная керамика Рождественского комплекса. Горшки, чаши

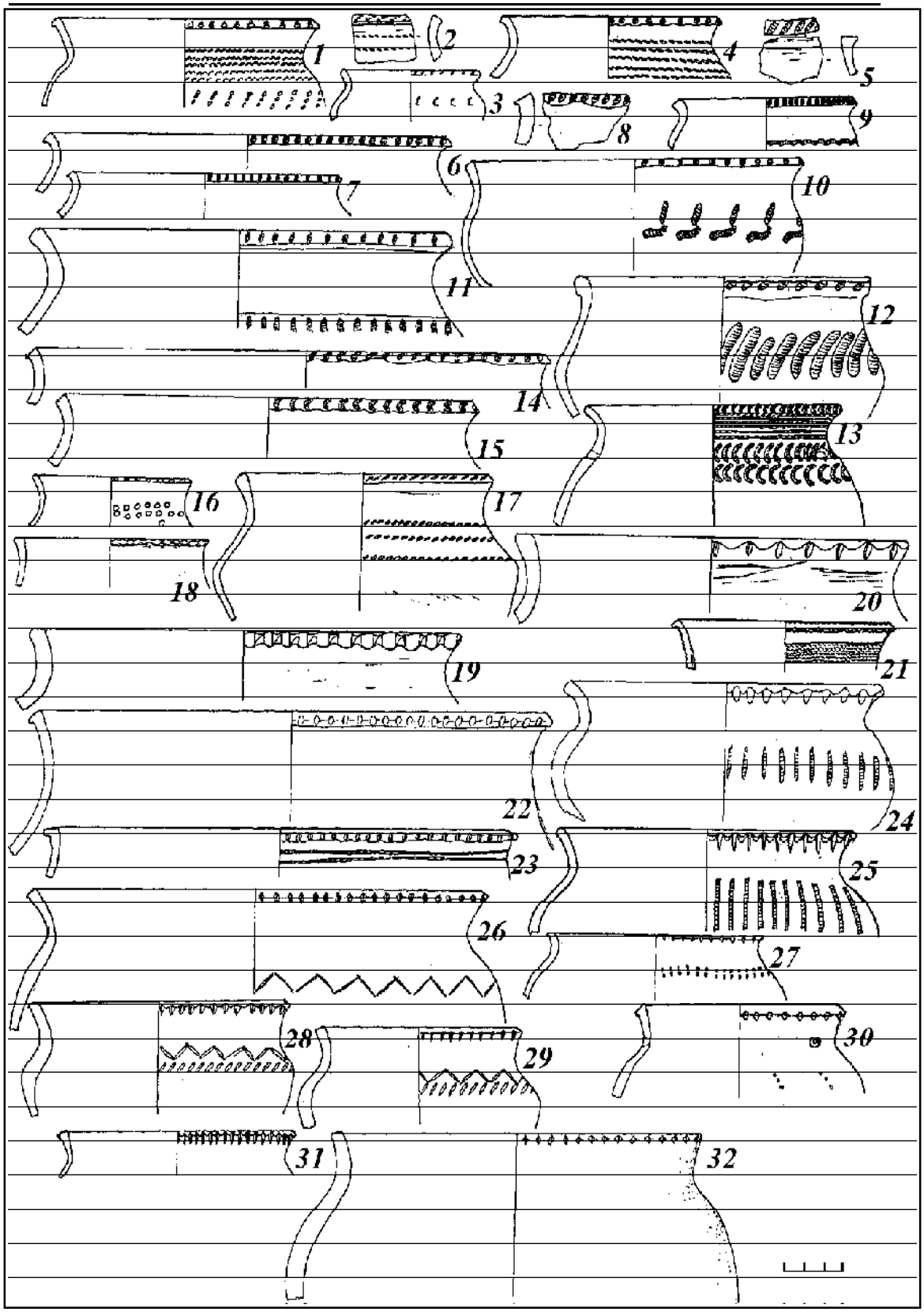

Рис. 92. Лепная керамика Рождественского комплекса. Горшки, чаши

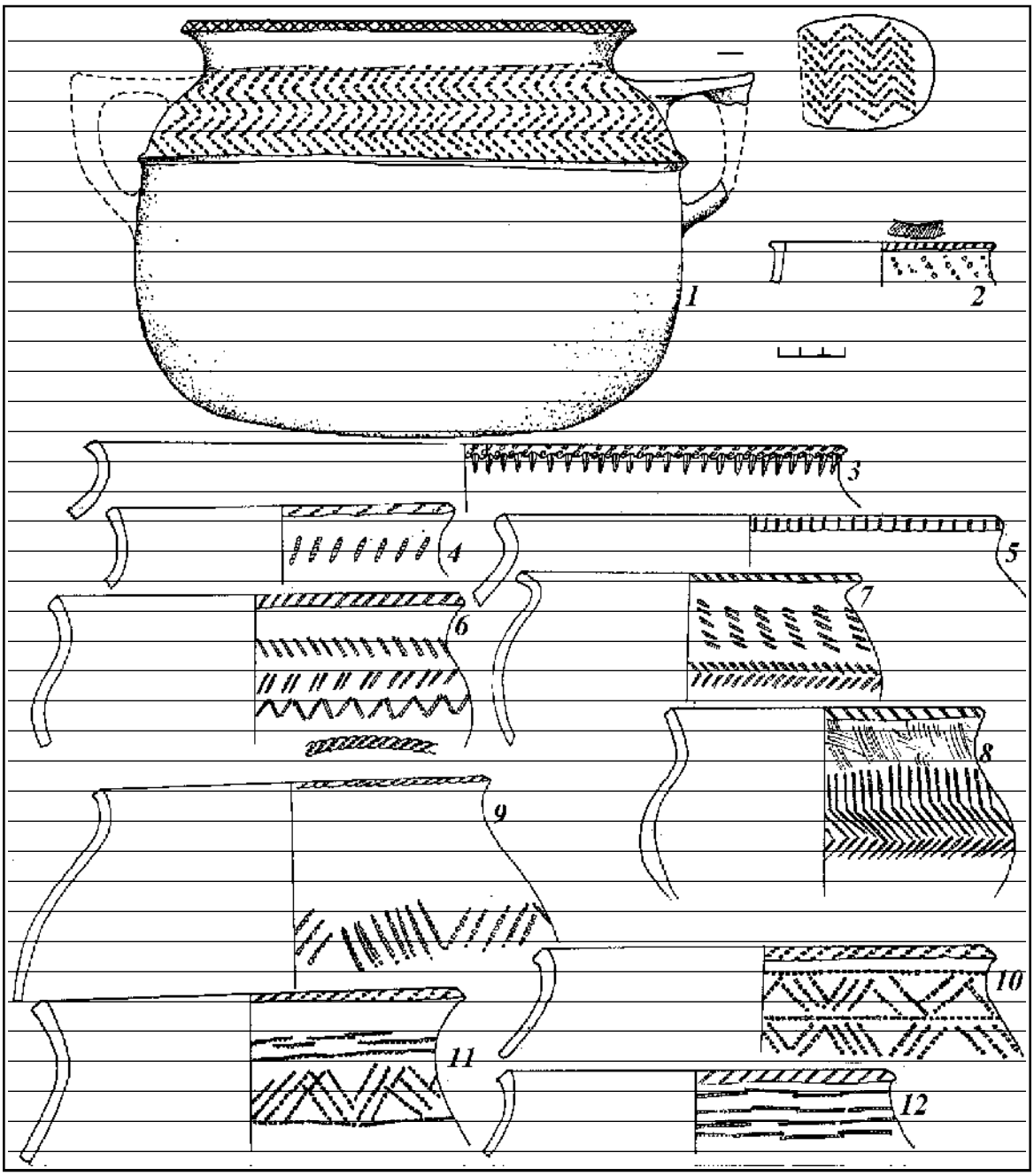

Рис.93.Горшки лепные

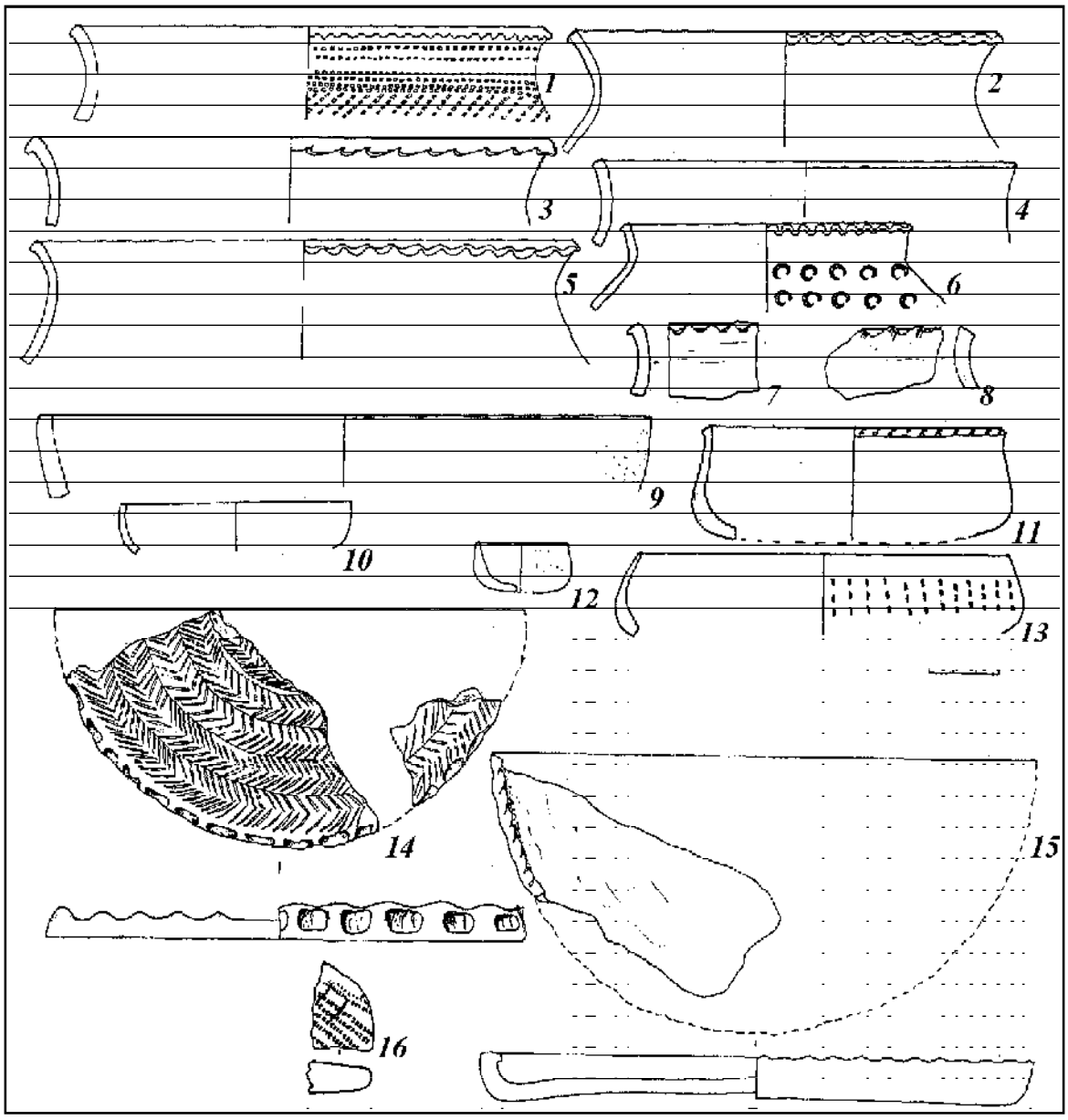

Рис.94. Горшки, миски, сковорода (15), блюда, крышки (14, 16) лепные

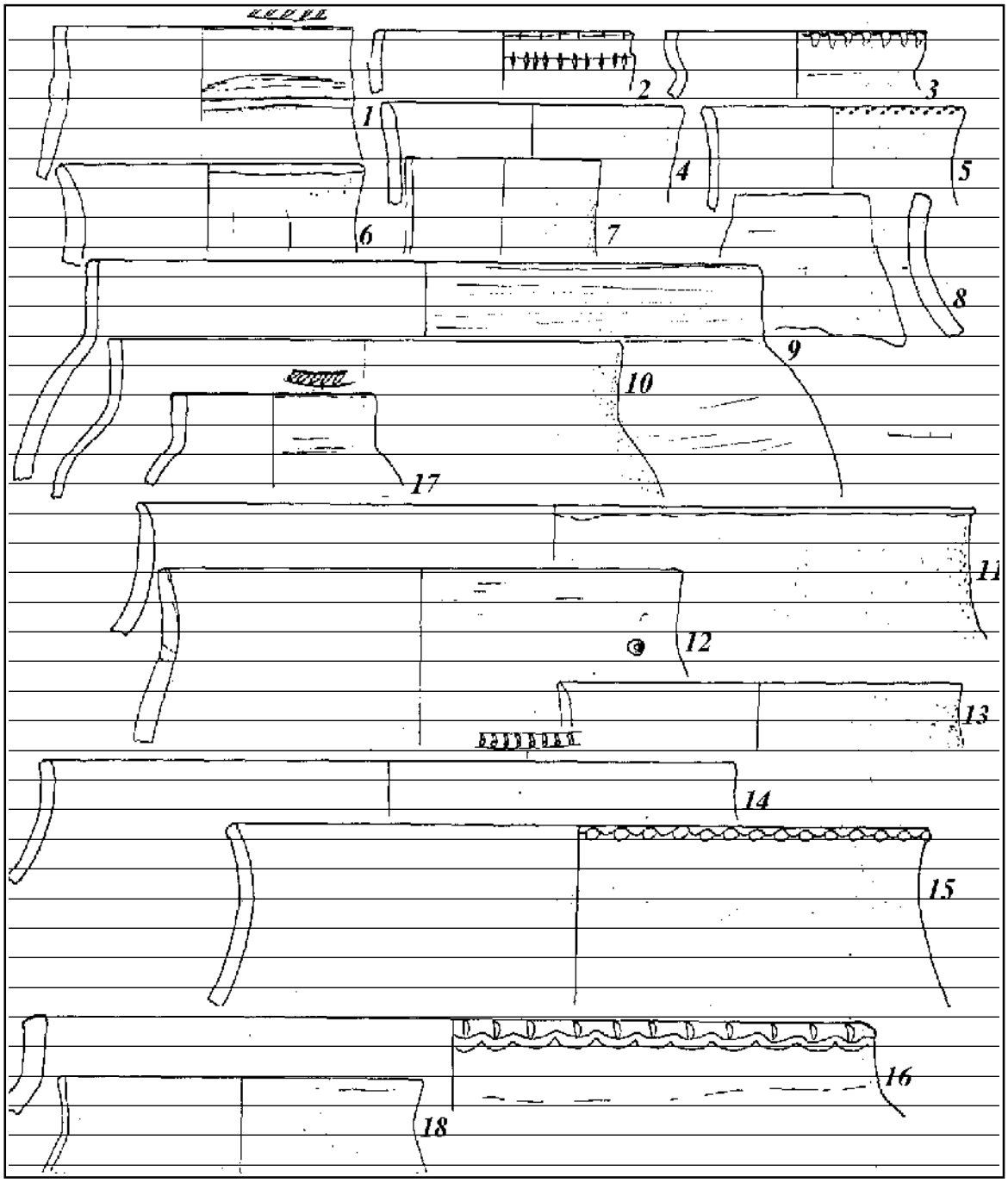

Рис. 95. Горшки лепные

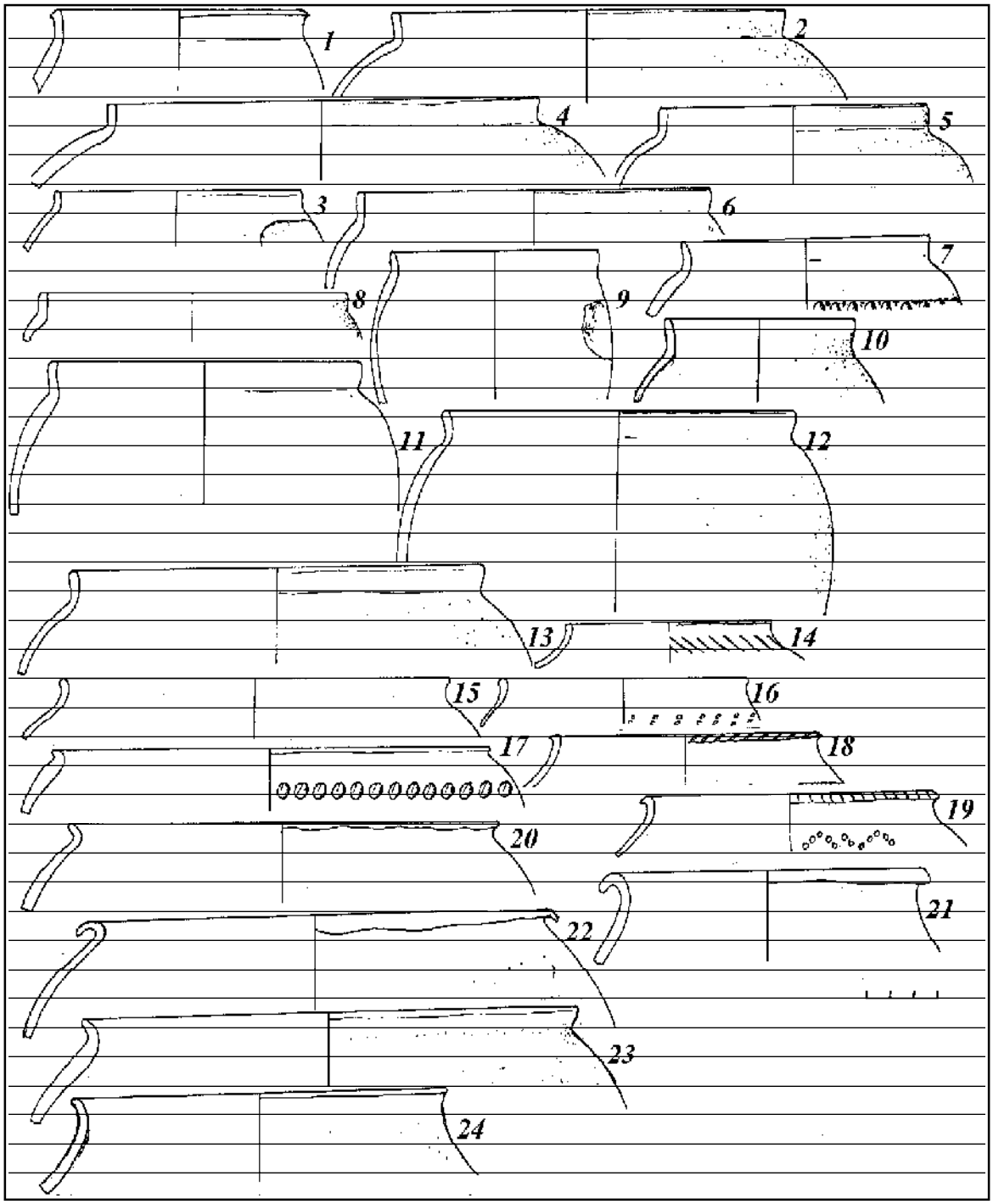

Рис.96. Горшки лепные

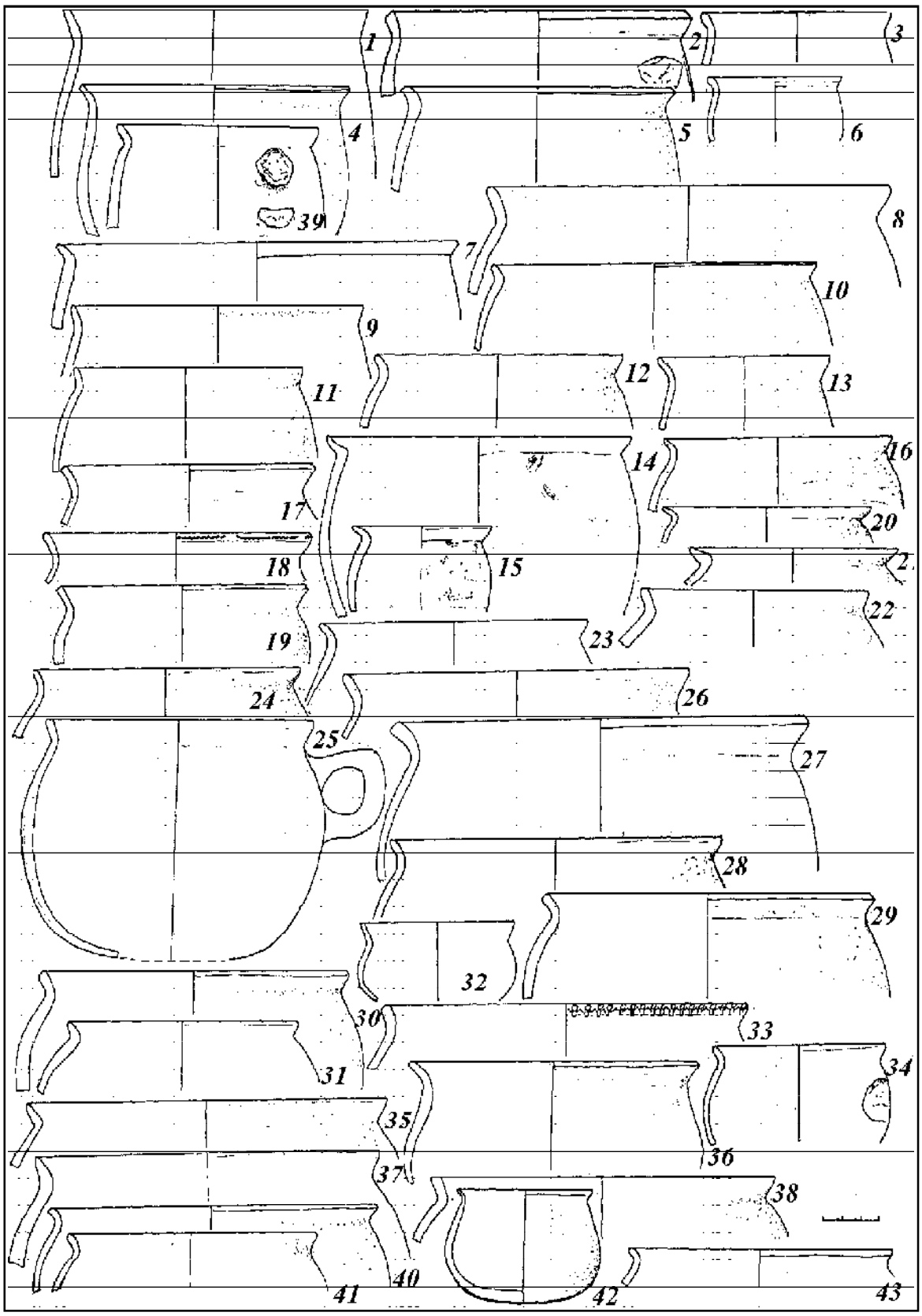

Рис.97. Горшки лепные

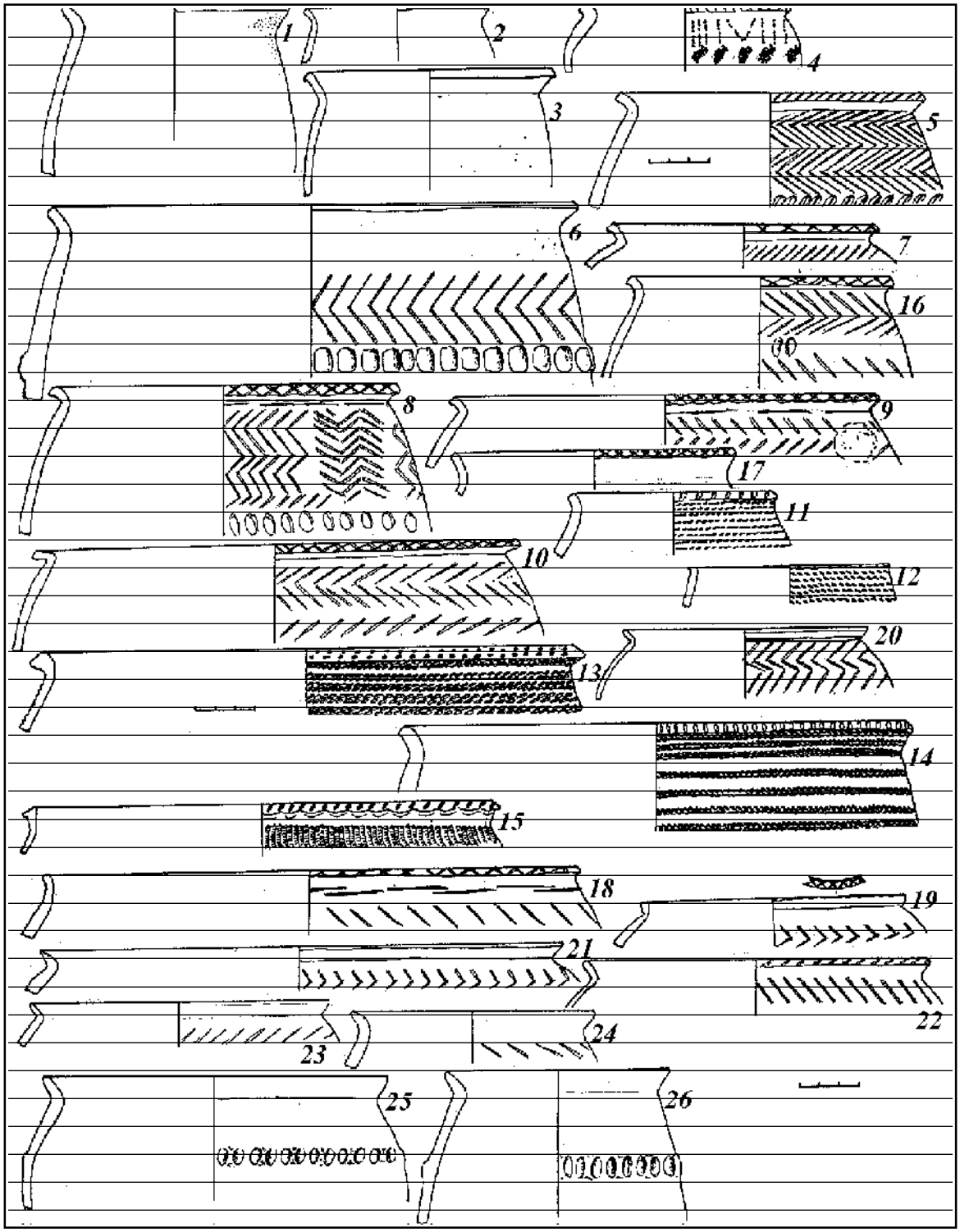

Рис.98. Гошки лепные

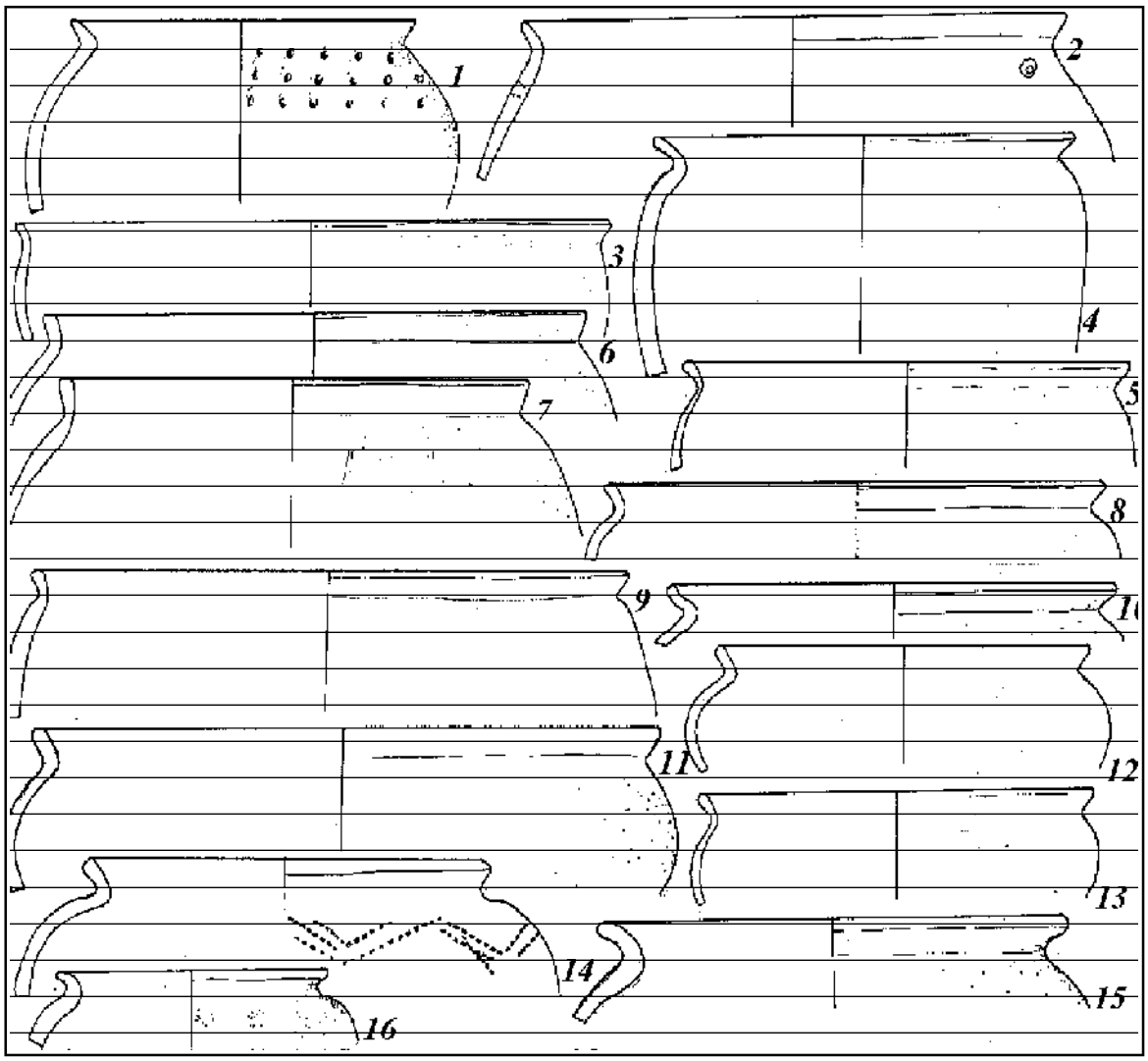

Рис.99. Горшки лепные

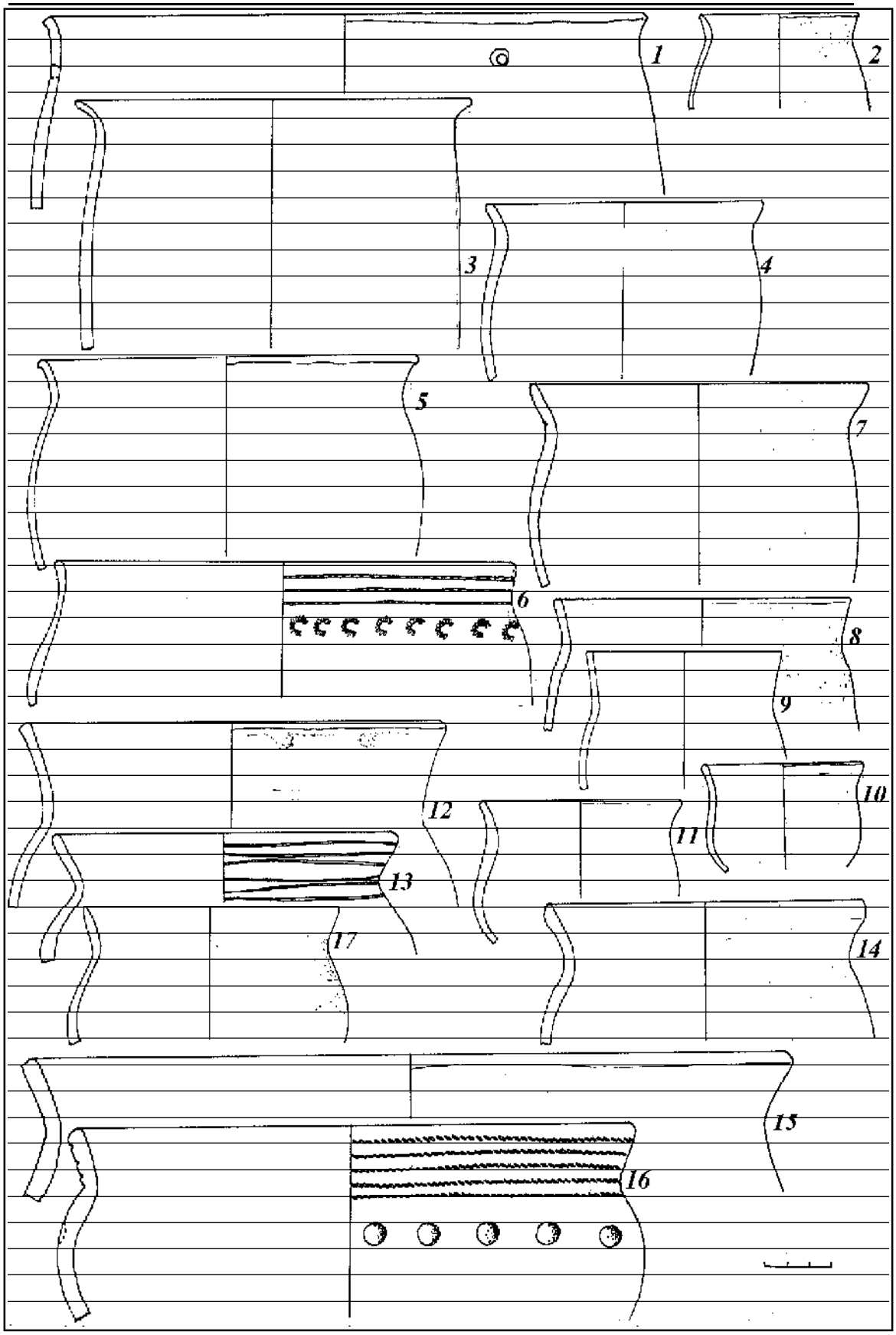

Рис.100. Горшки и чаши лепные

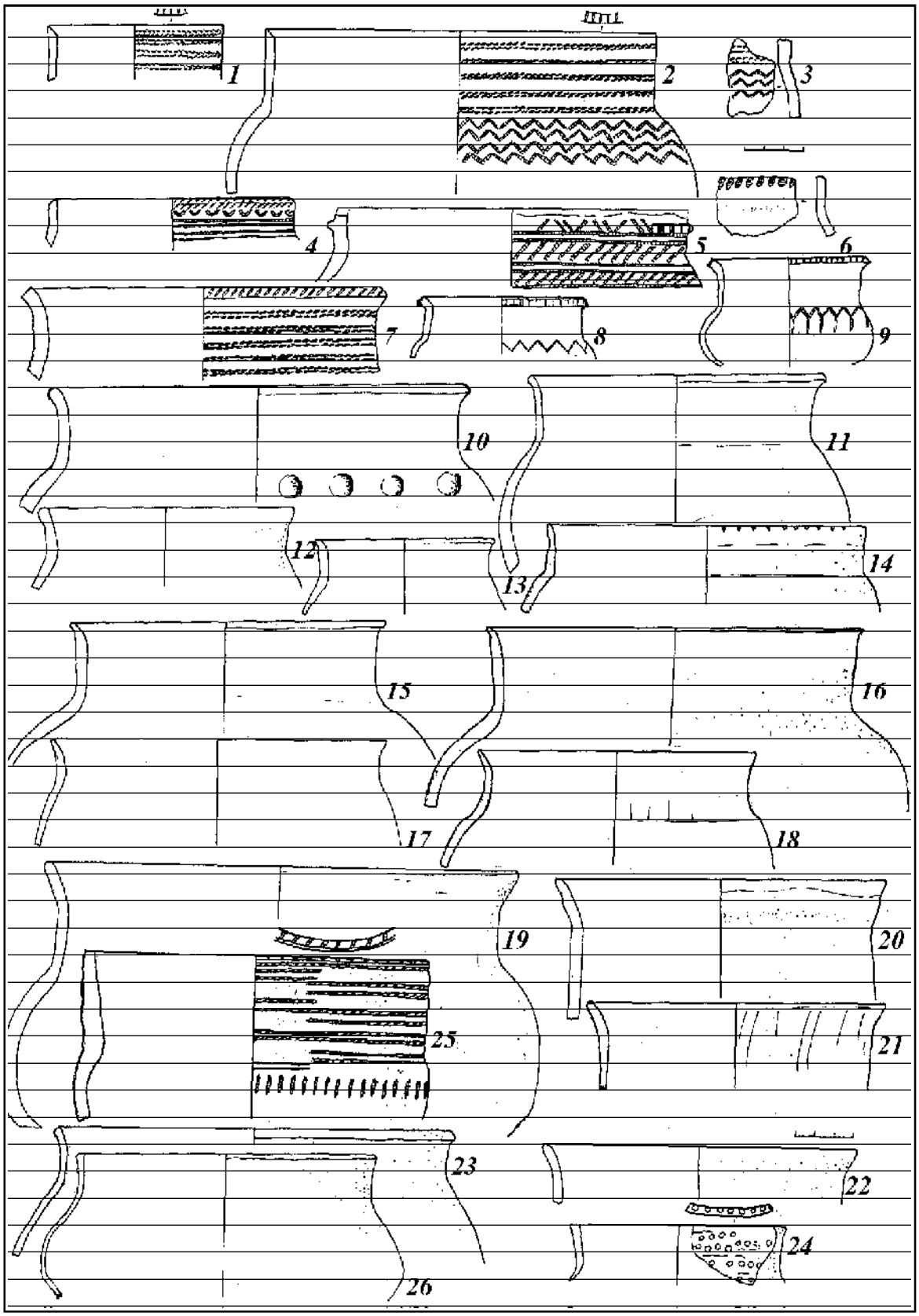

Рис.101. Горшки и чаши лепные

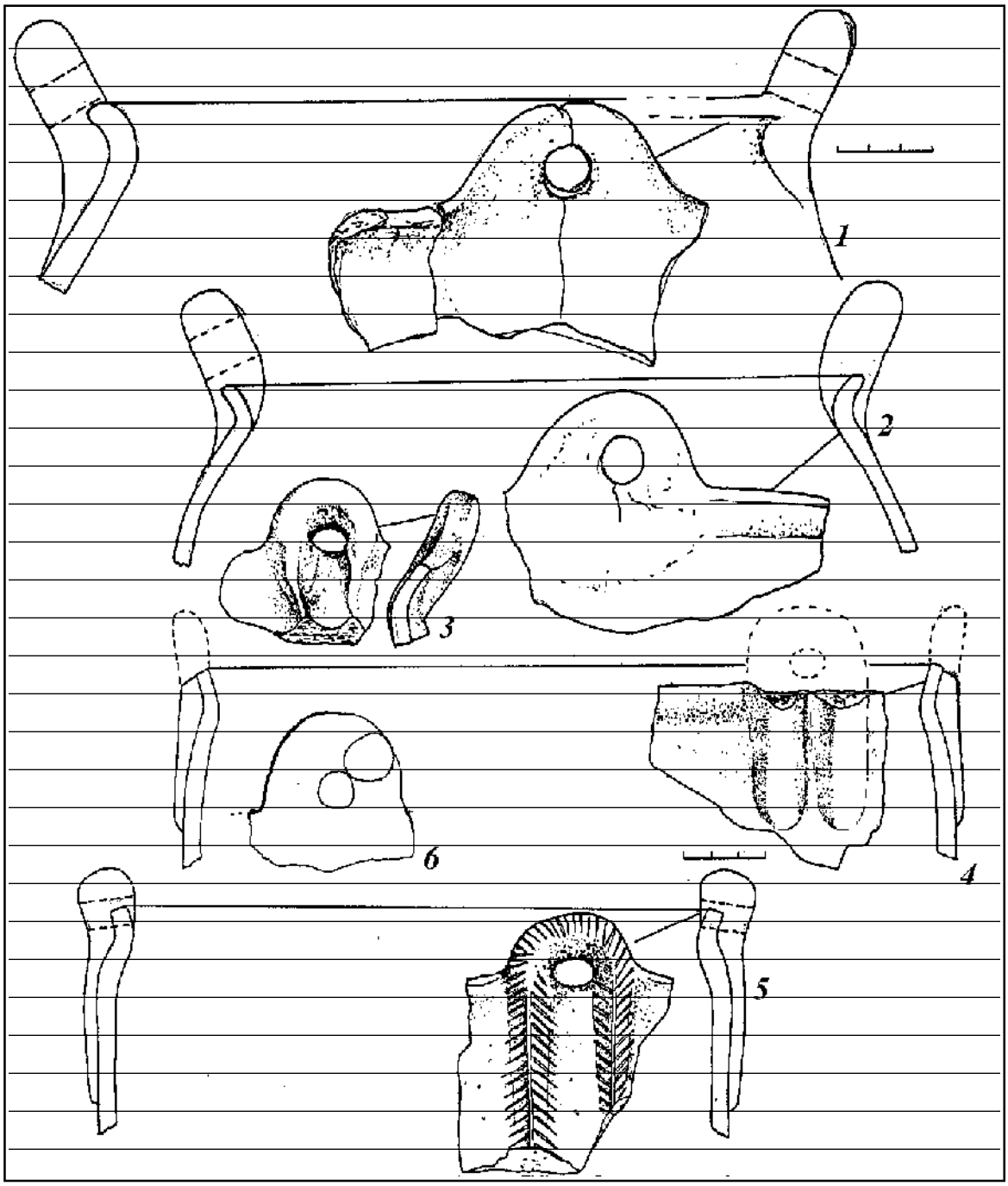

Рис. 102. Котлы кнрамические лепные

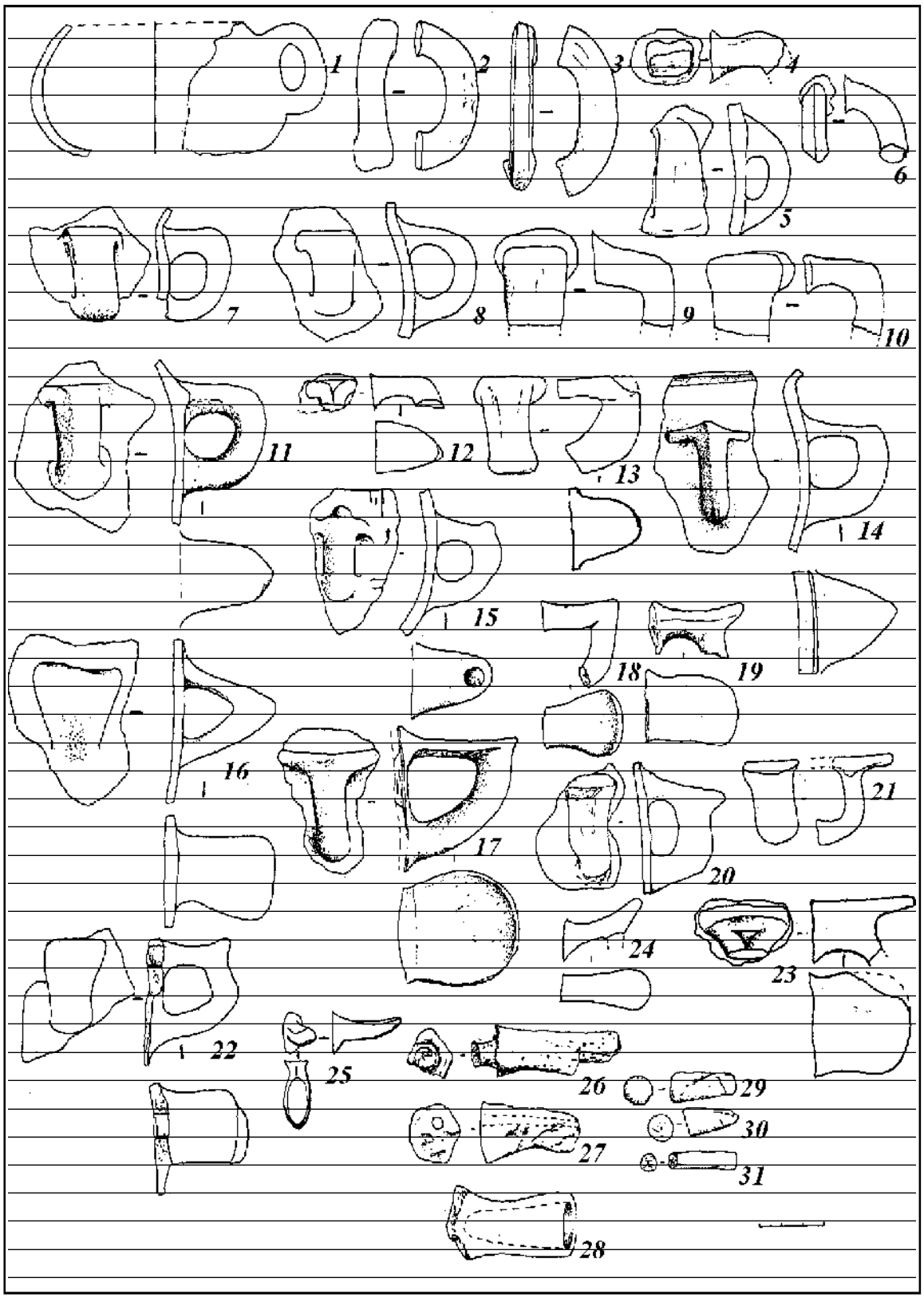

Рис. 103. Ручки лепных сосудов

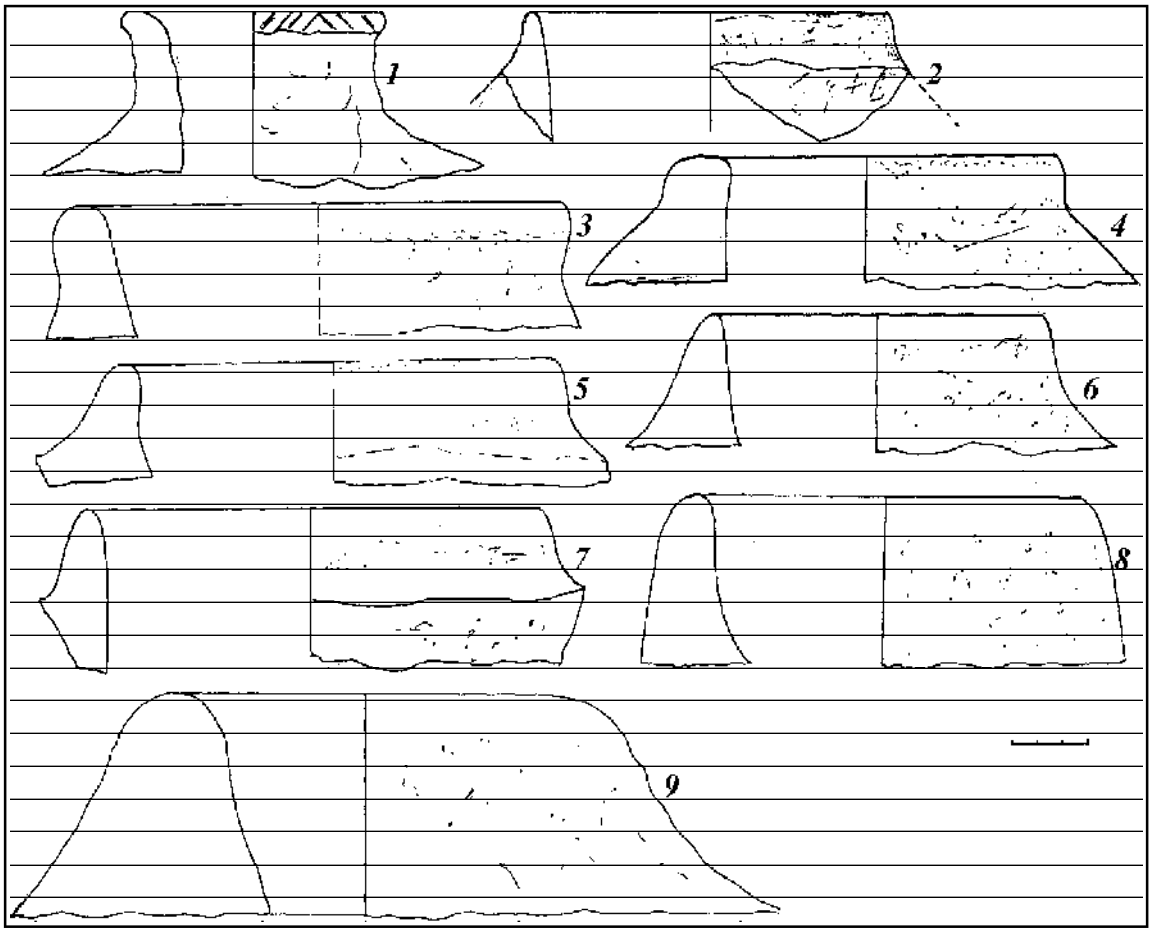

Рис. 104. Подставки-валики лепные

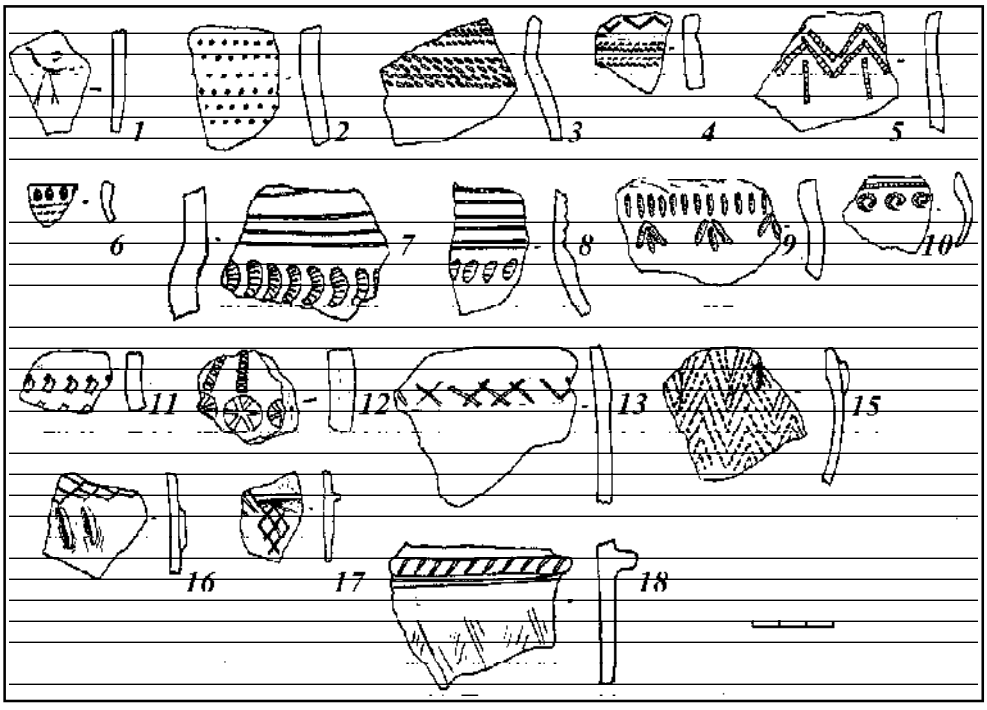

Рис. 105. Фрагменты орнаментированных лепных сосудов

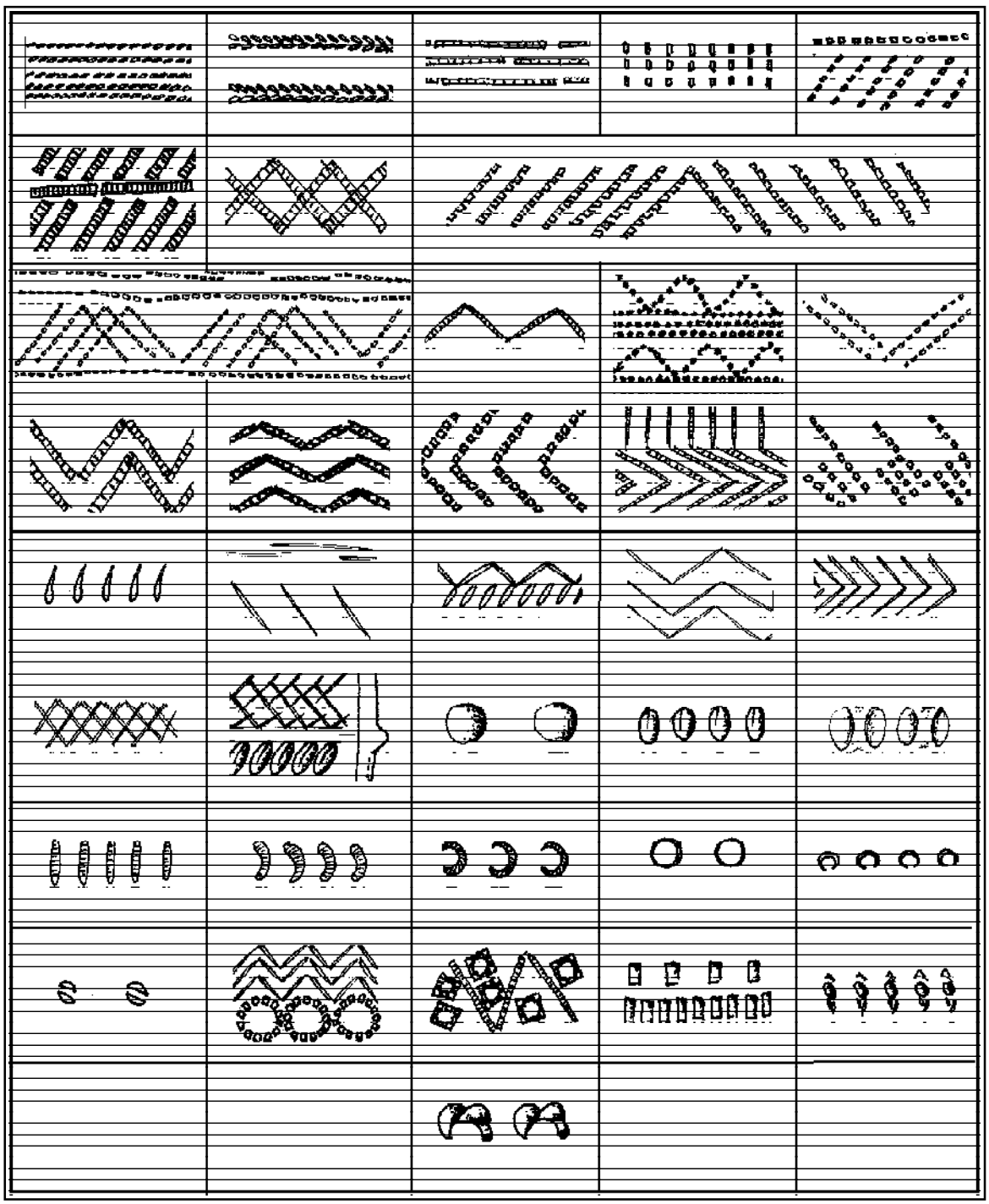

Рис. 106. Элементы и композиции орнаментов лепной керамики Рождественского комплекса

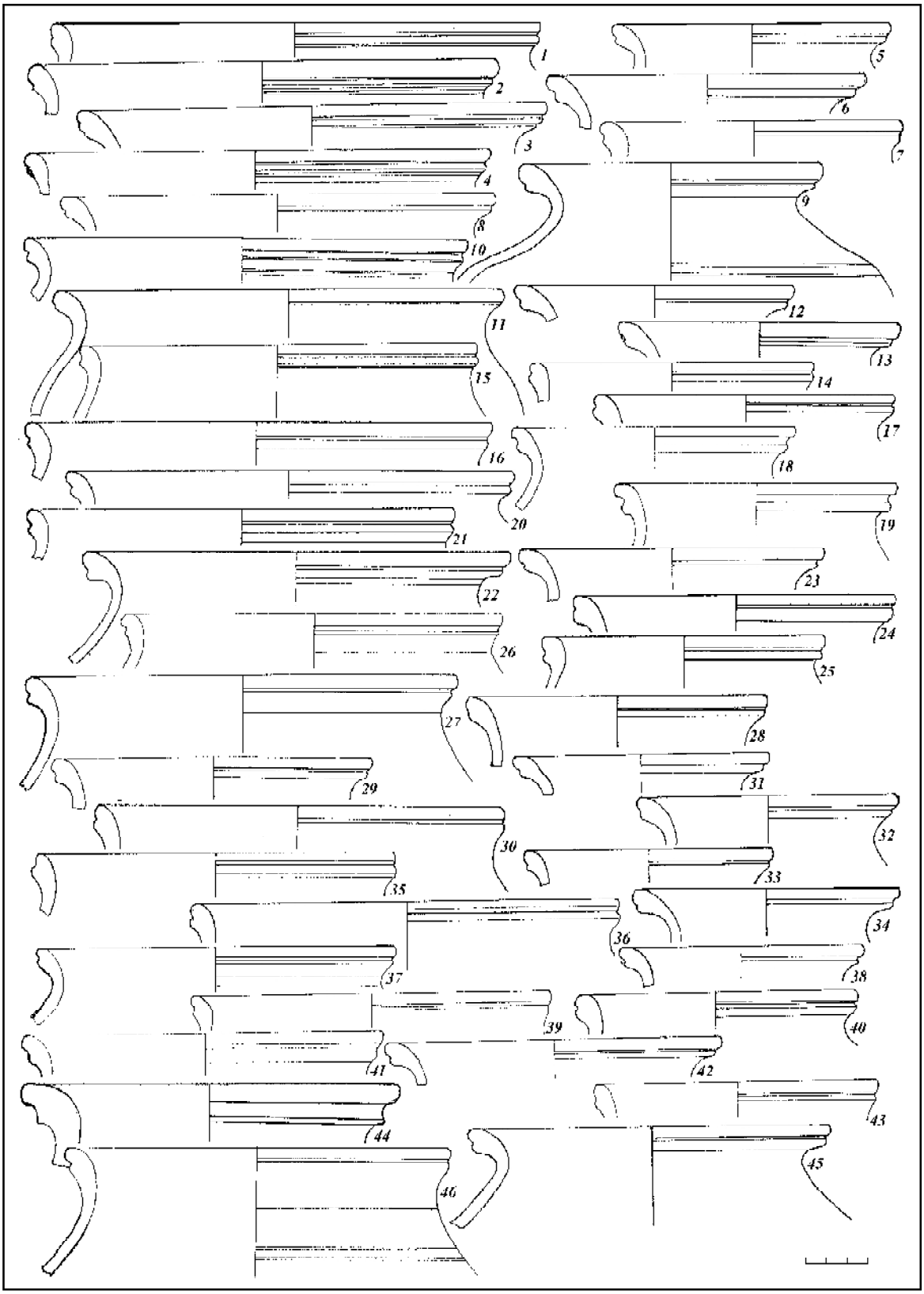

Рис.107 .Корчаги и хумы

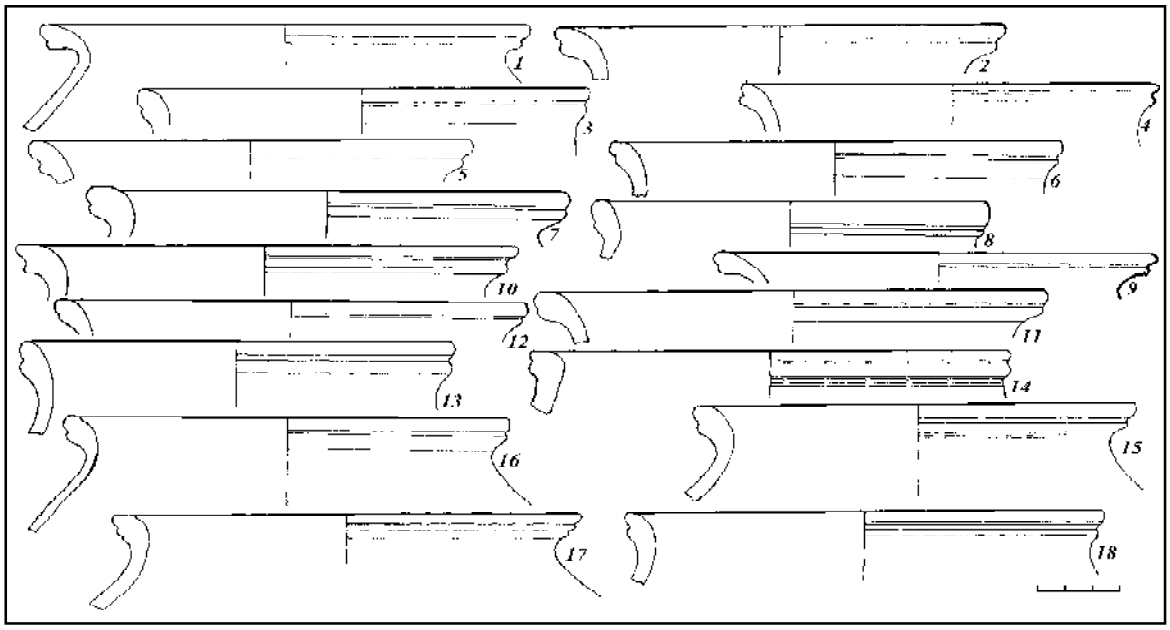

Рис. 108. Корчаги и хумы

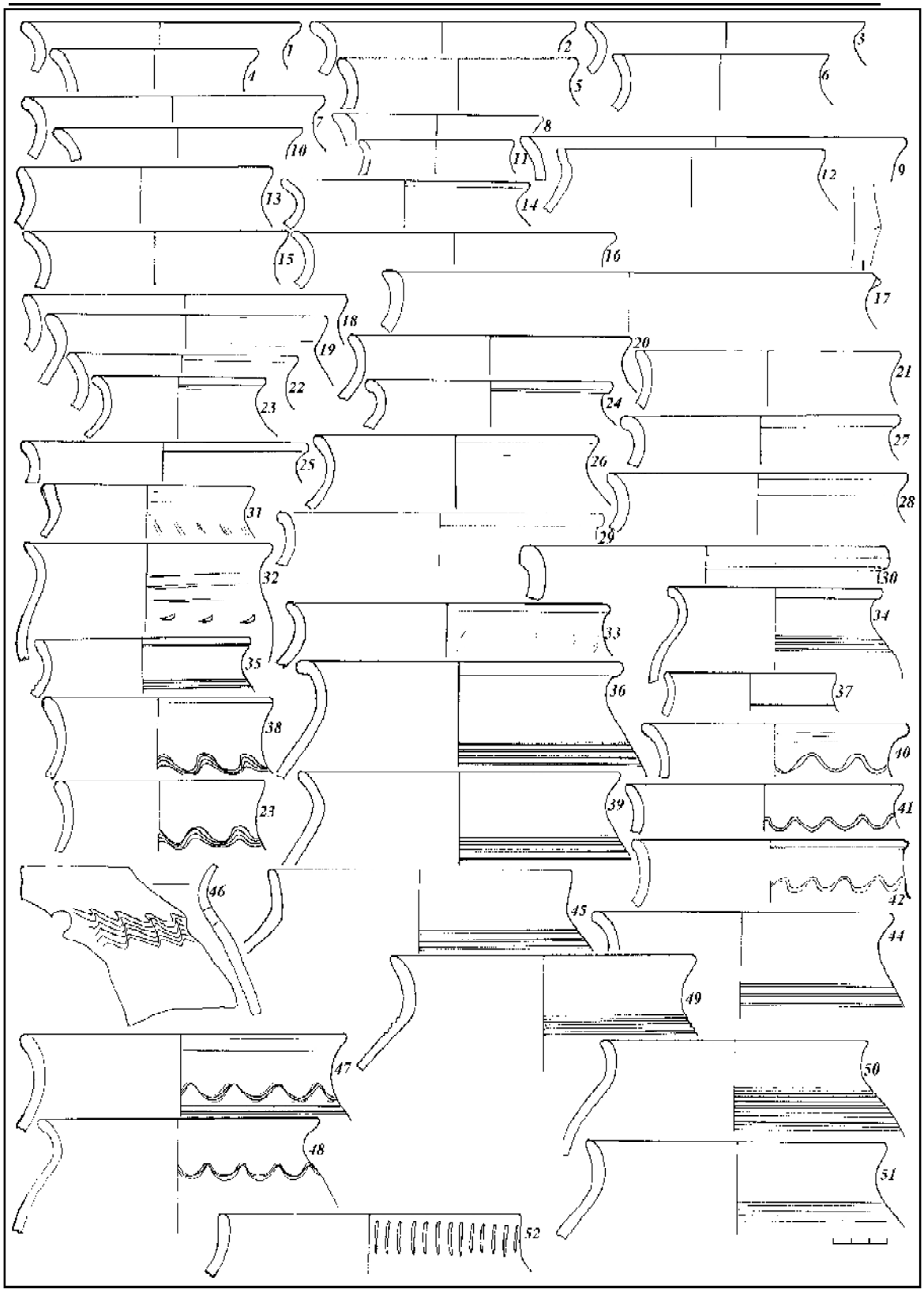

Рис. 109. Горшки

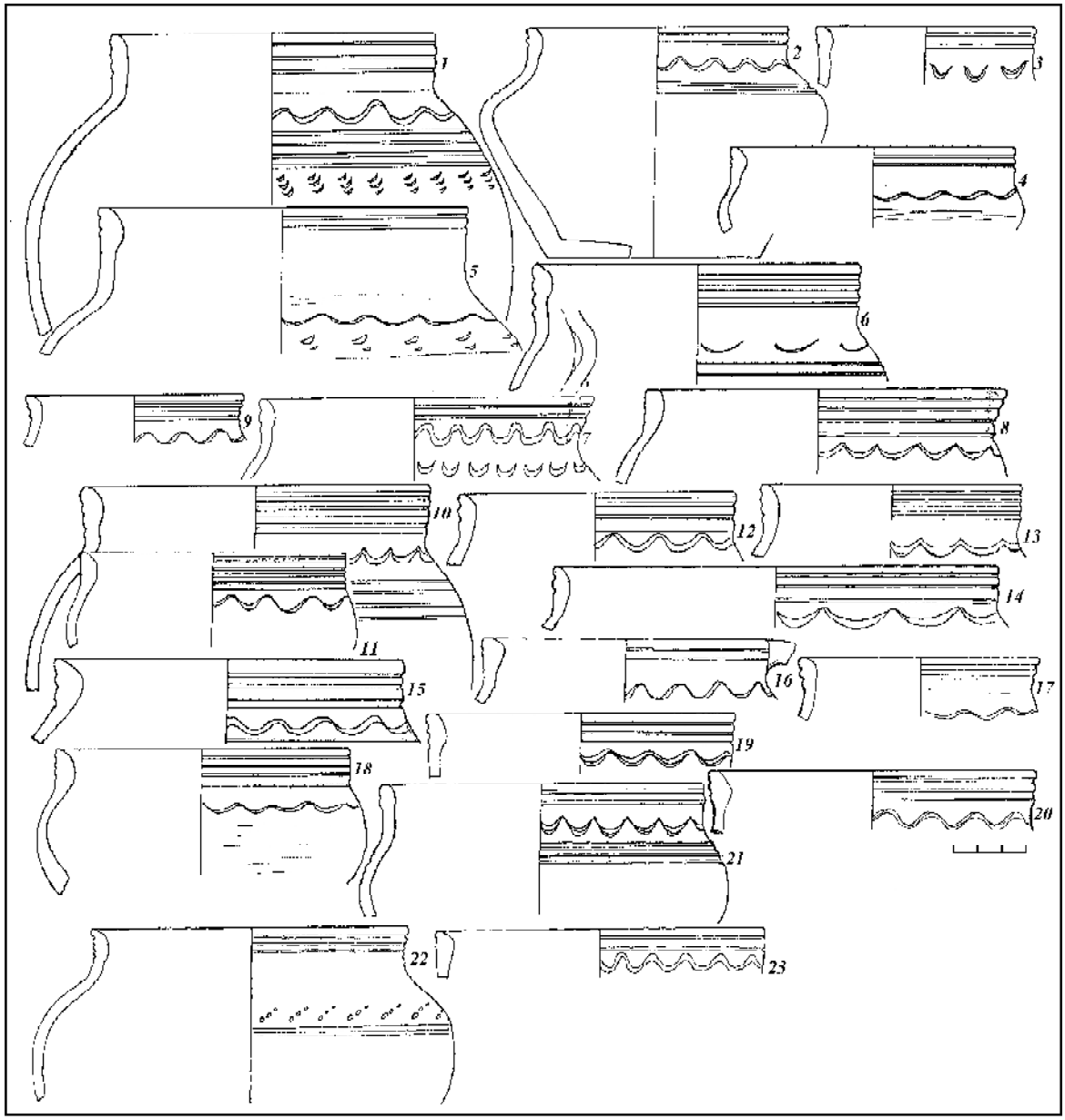

Рис.110. Горшки

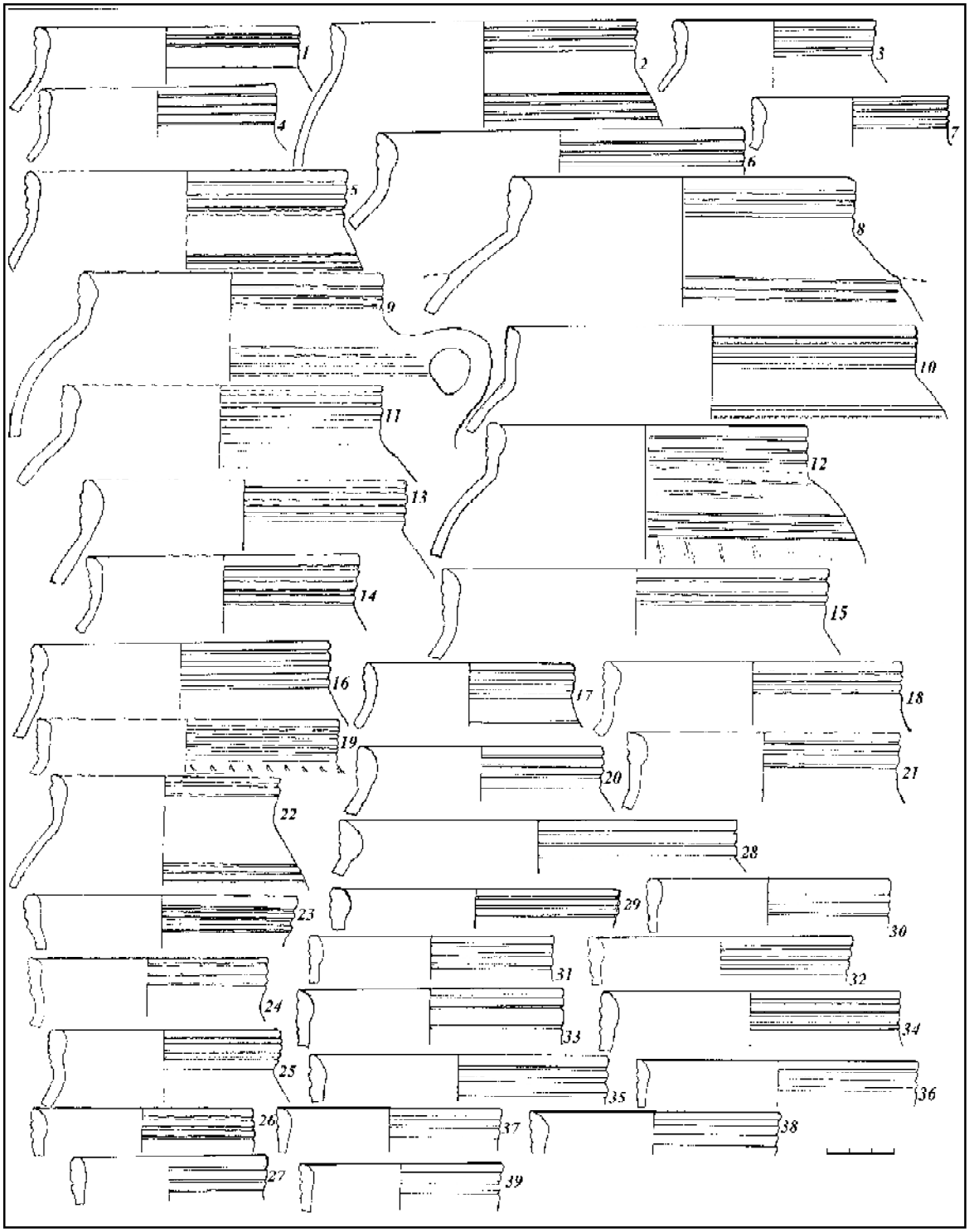

Рис.111. Горшки

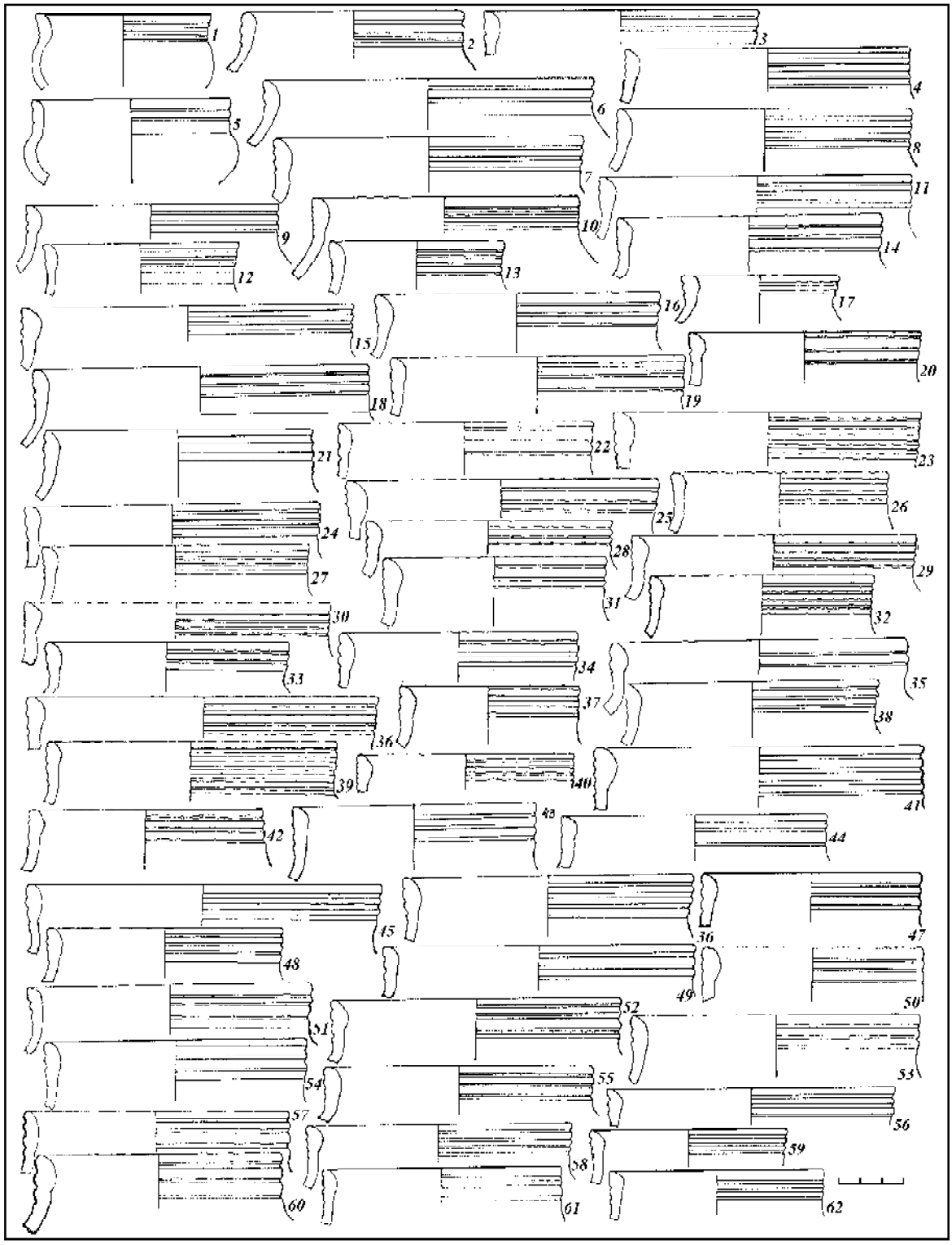

Рис.112. Горшки

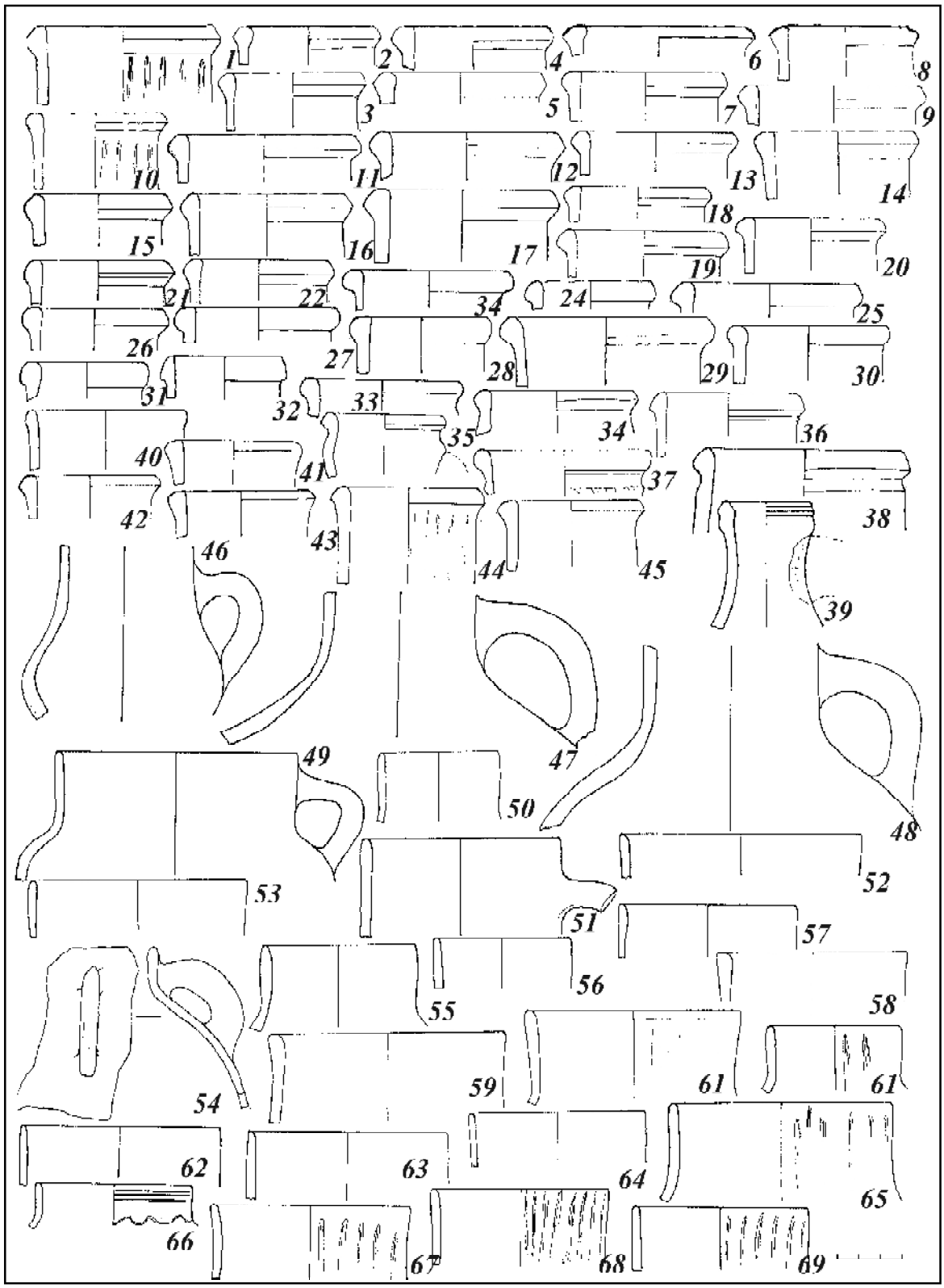

Рис. 113. Кувшины

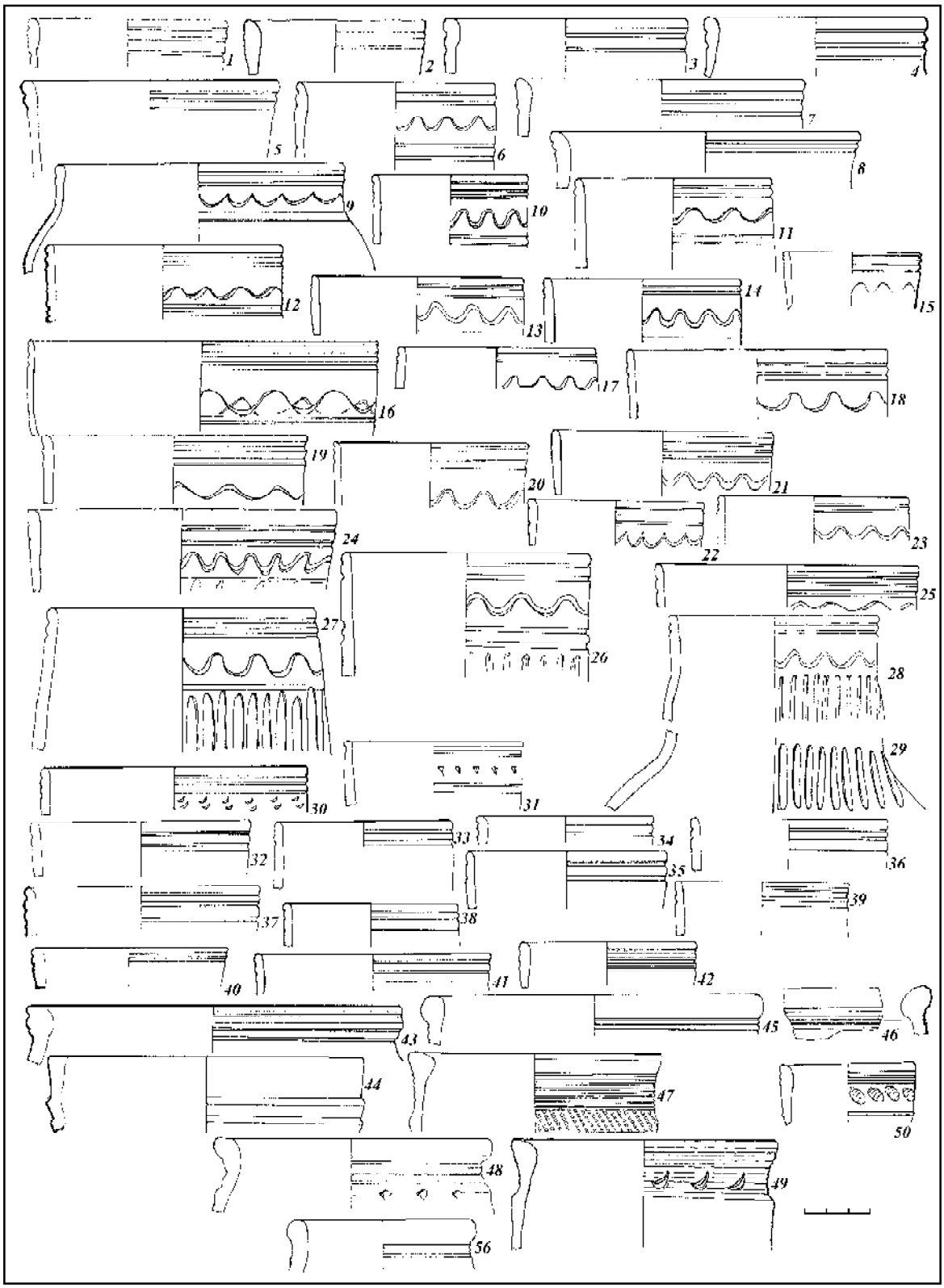

Рис. 114. Кувшины и кринки

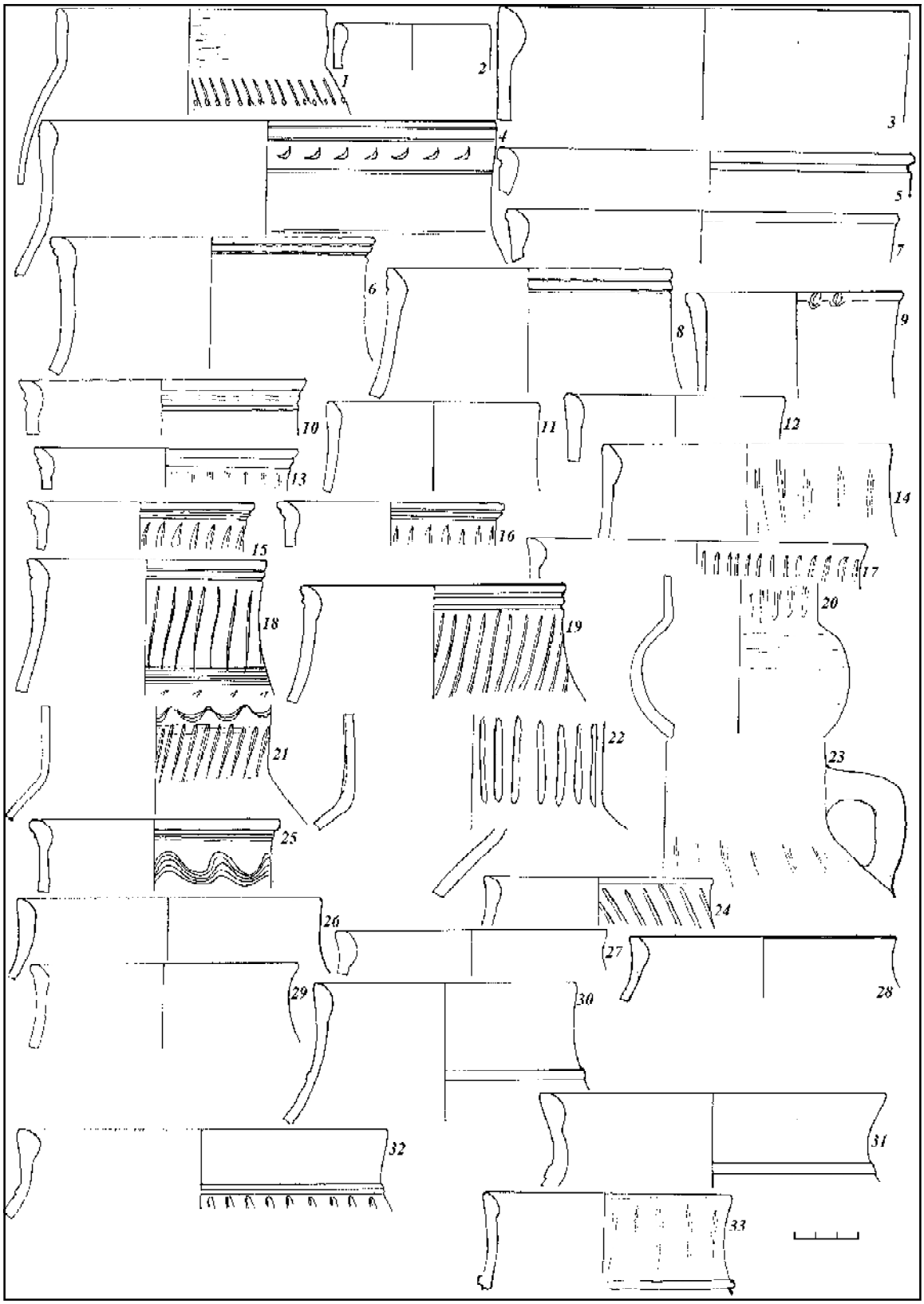

Рис. 115. Кувшины и кринки

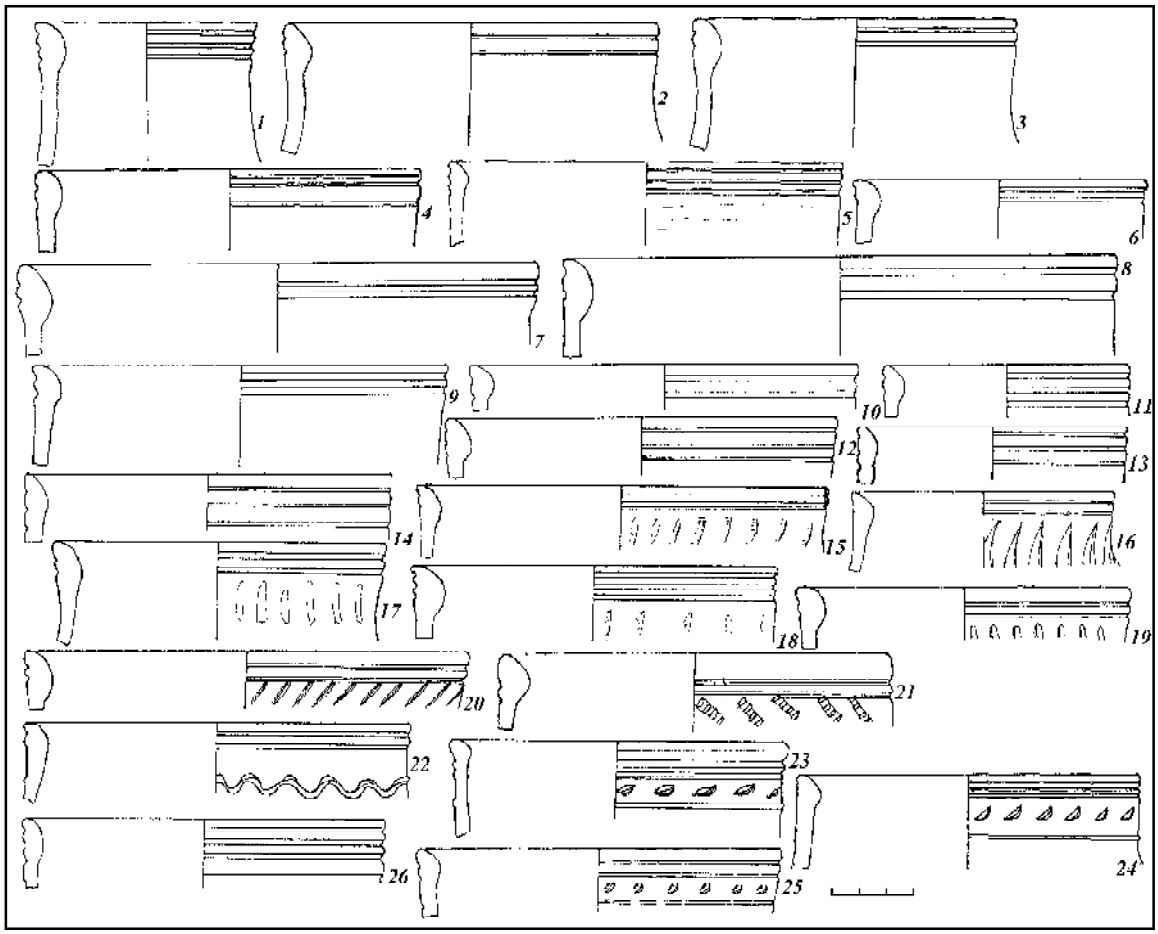

Рис. 116. Кувшины и кринки

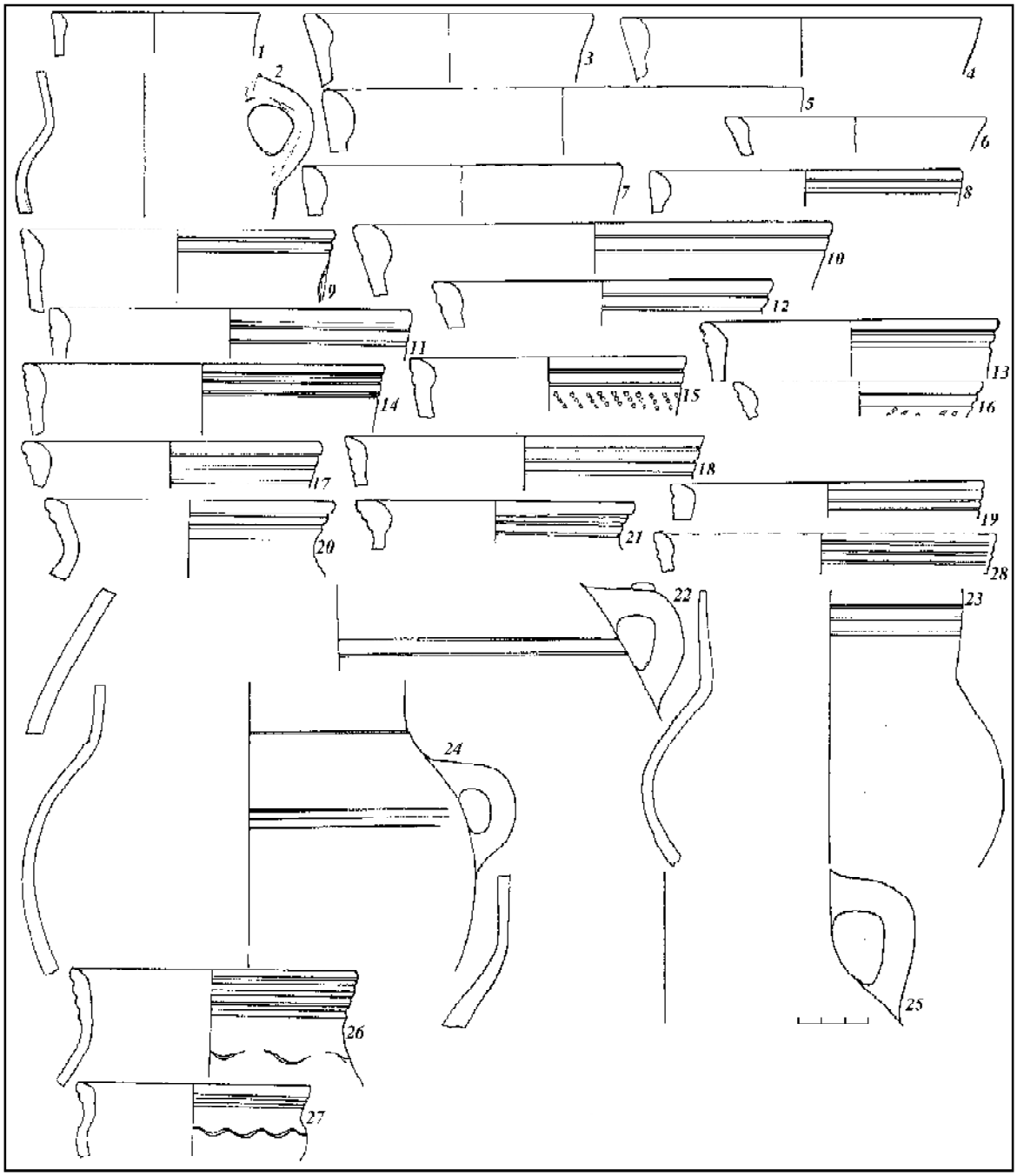

Рис. 117. Кувшины и кринки

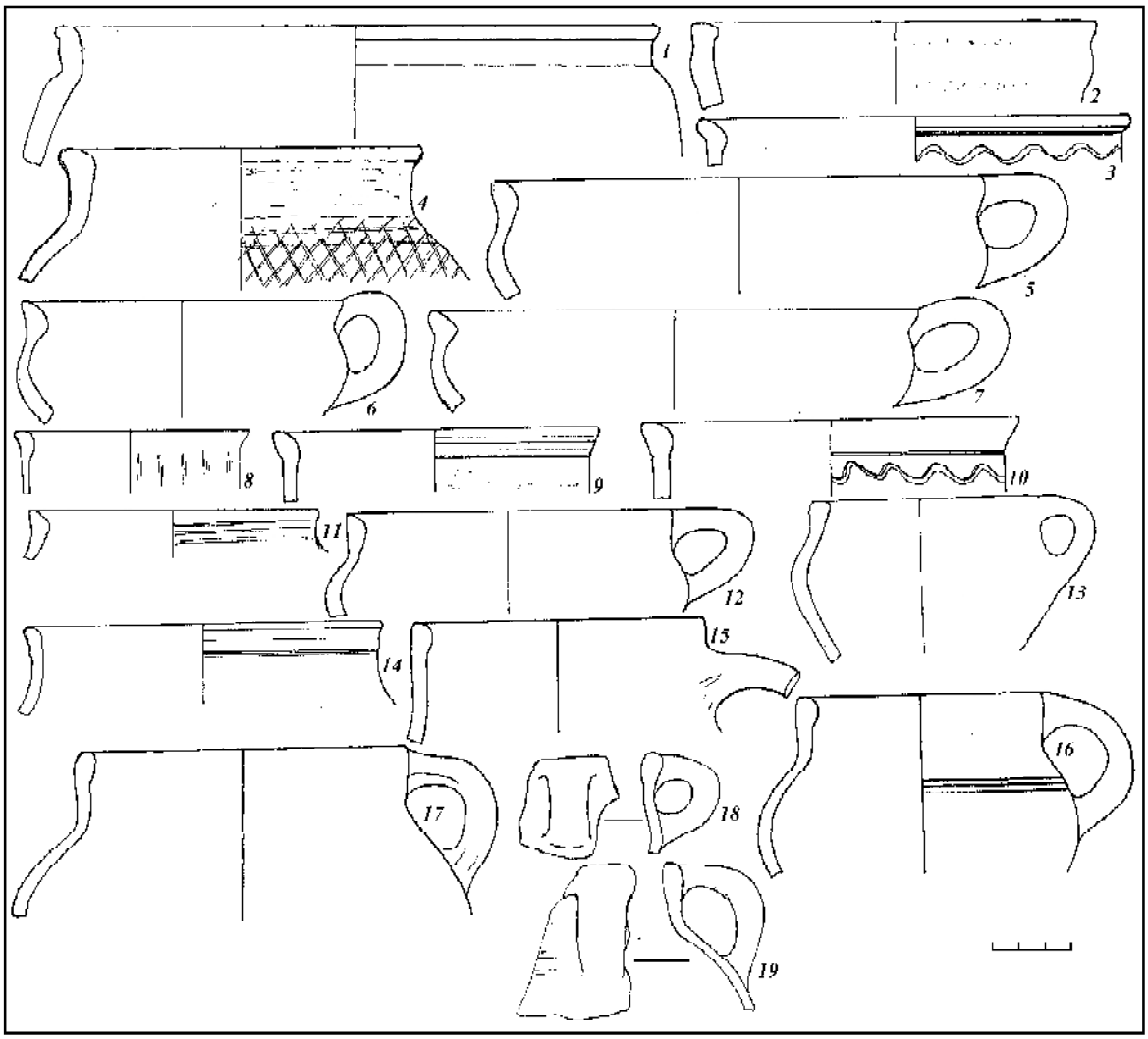

Рис.118. Кружки и кринки

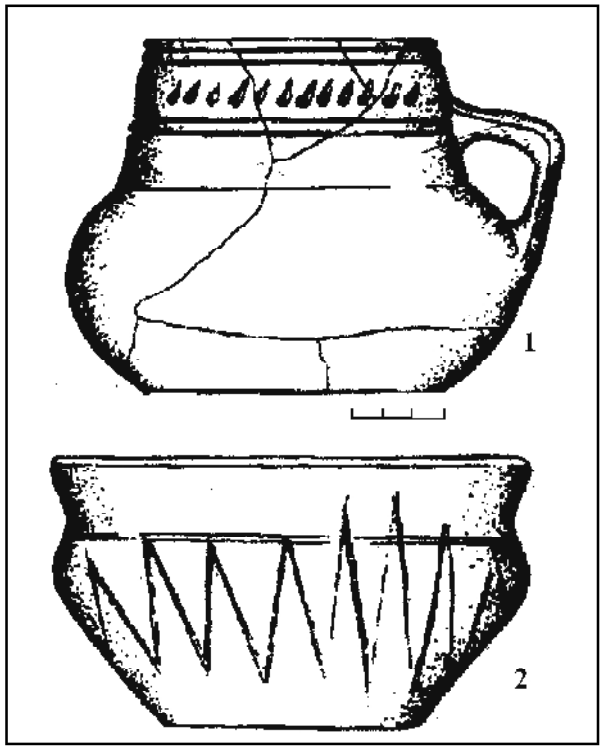
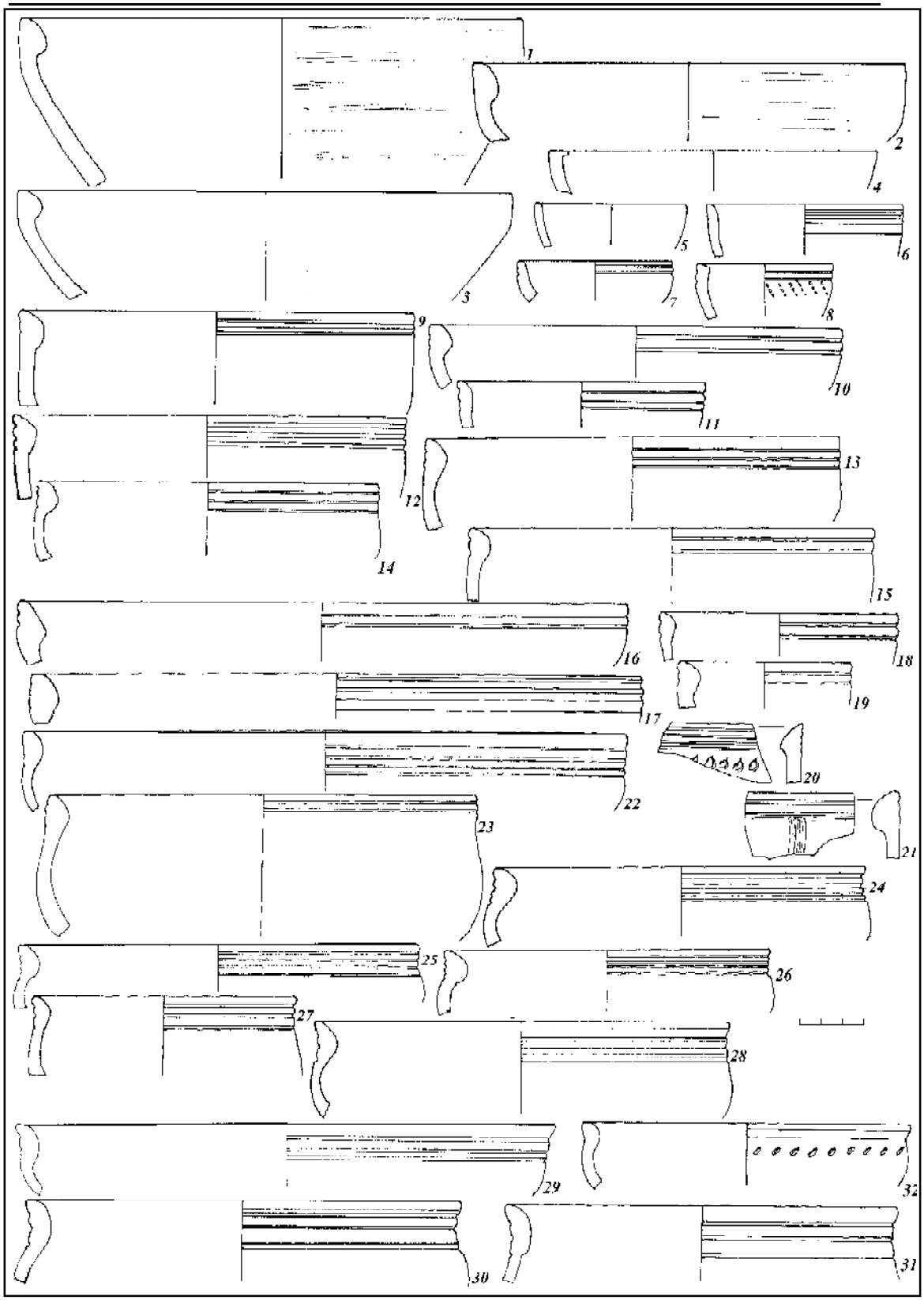

Рис. 119. Кружка и миска. Раскоп №1 1985 года

Римс. 120. Чаши и миски

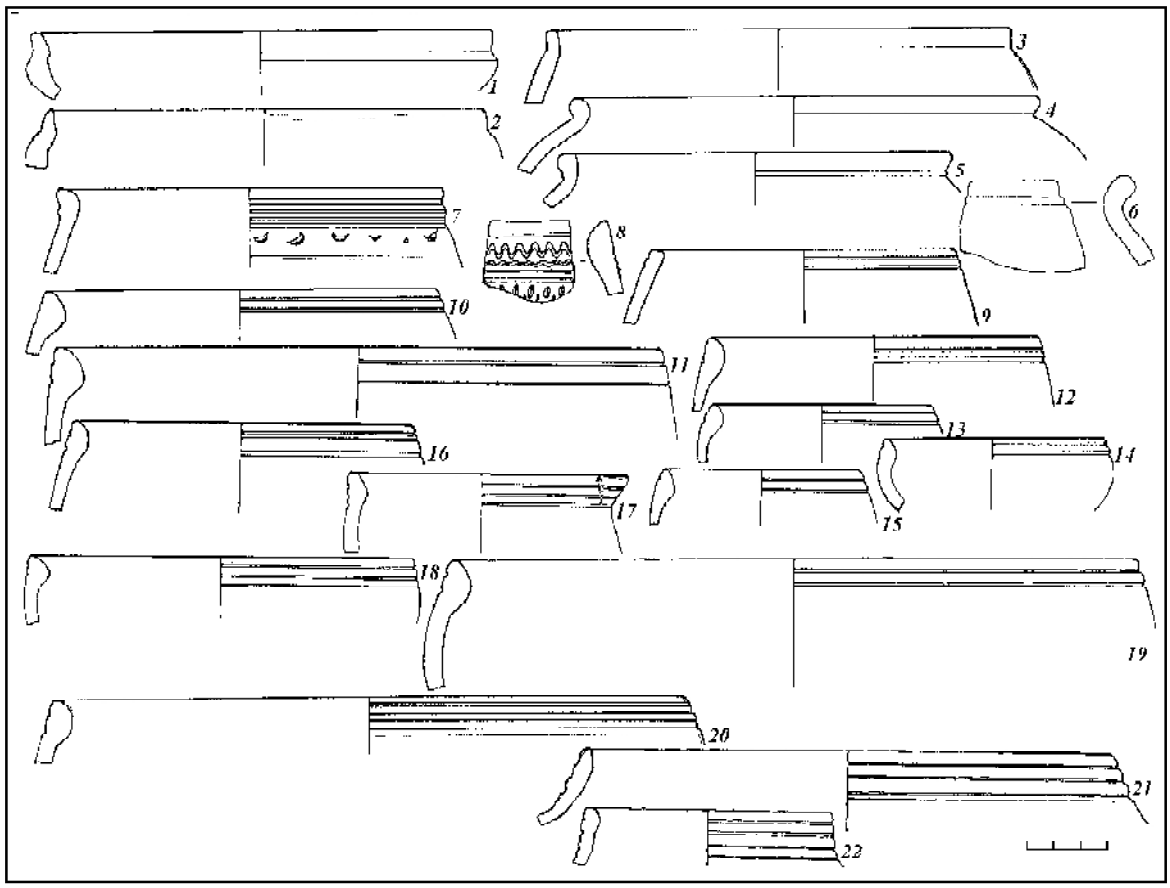

Рис. 121. Чаши и блюда

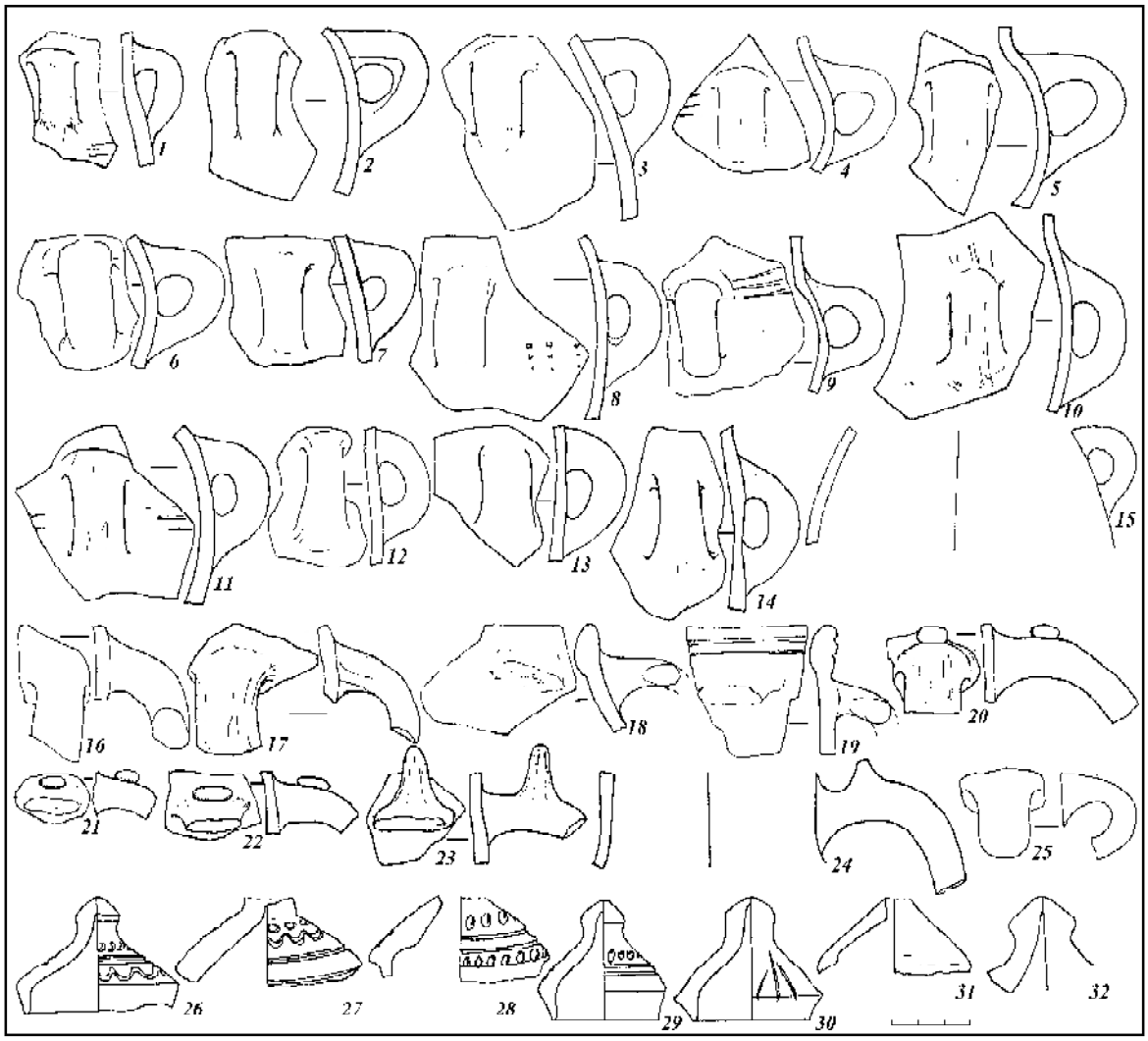

Рис.122. Крышки и ручки булгарских сосудов

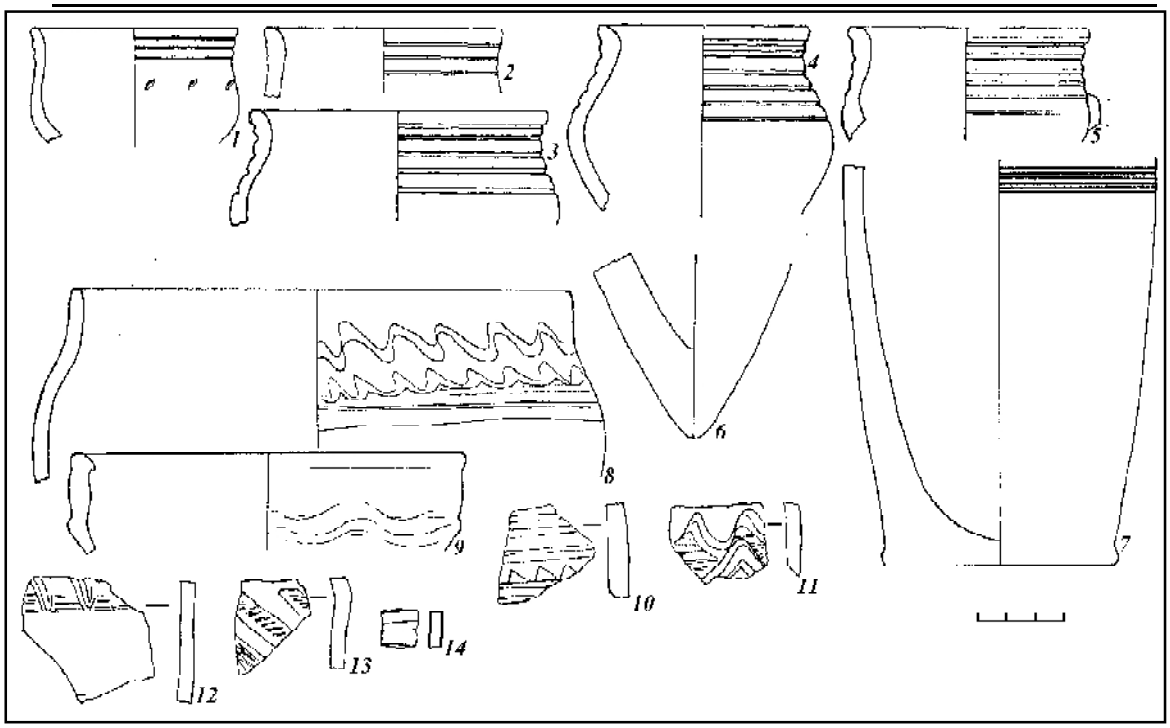

Рис. 123. Специальные и поливные сосуды: 1, 4, 5 - чернильницы, 6-сфероконус, 7-тувак

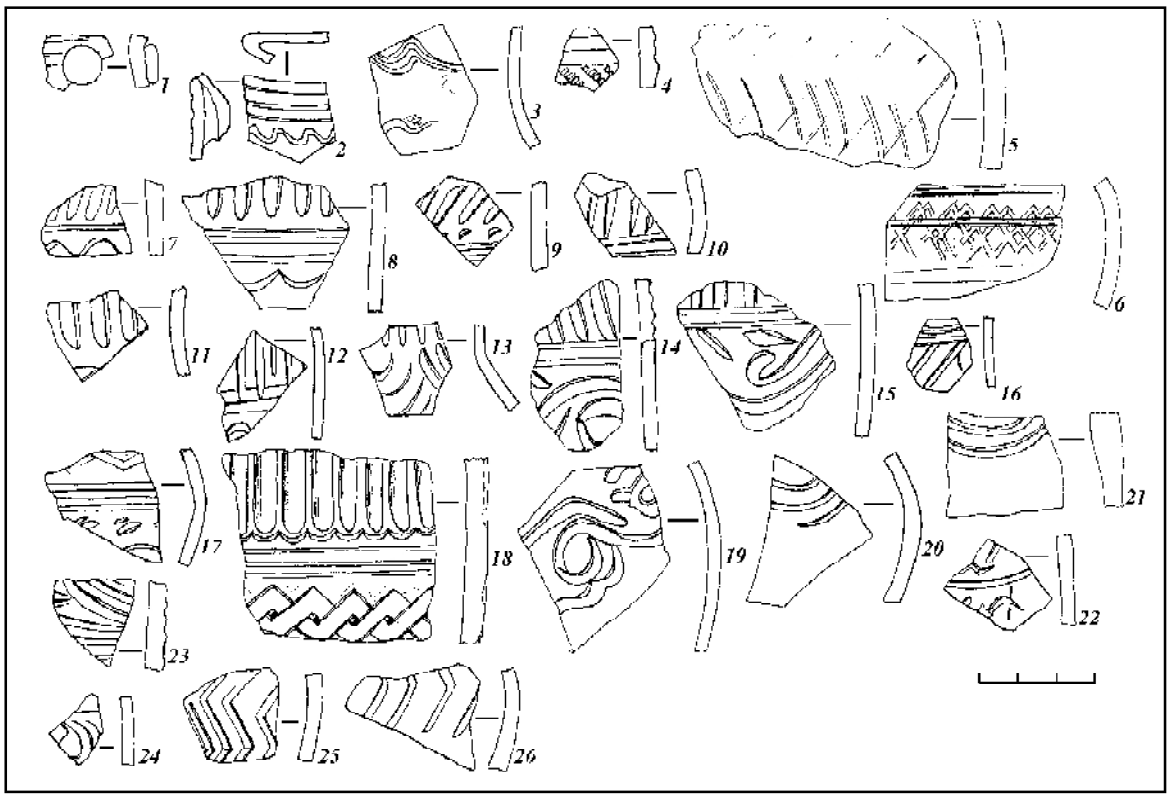

Рис. 124. Орнаментированные фрагменты булгарских сосудов

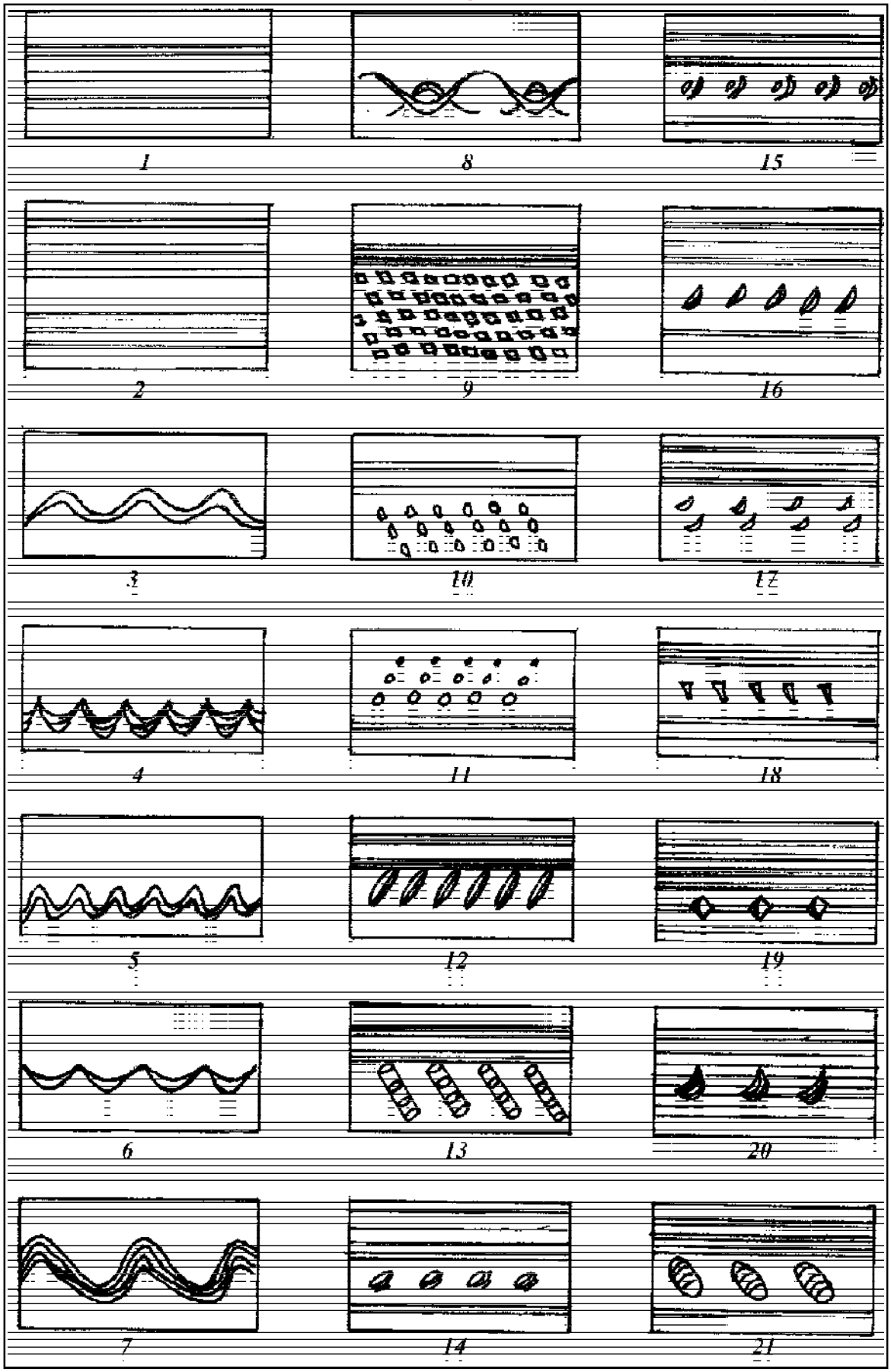

Рис.125 . Элементы орнамента гончарной посуды Рождественского комплекса

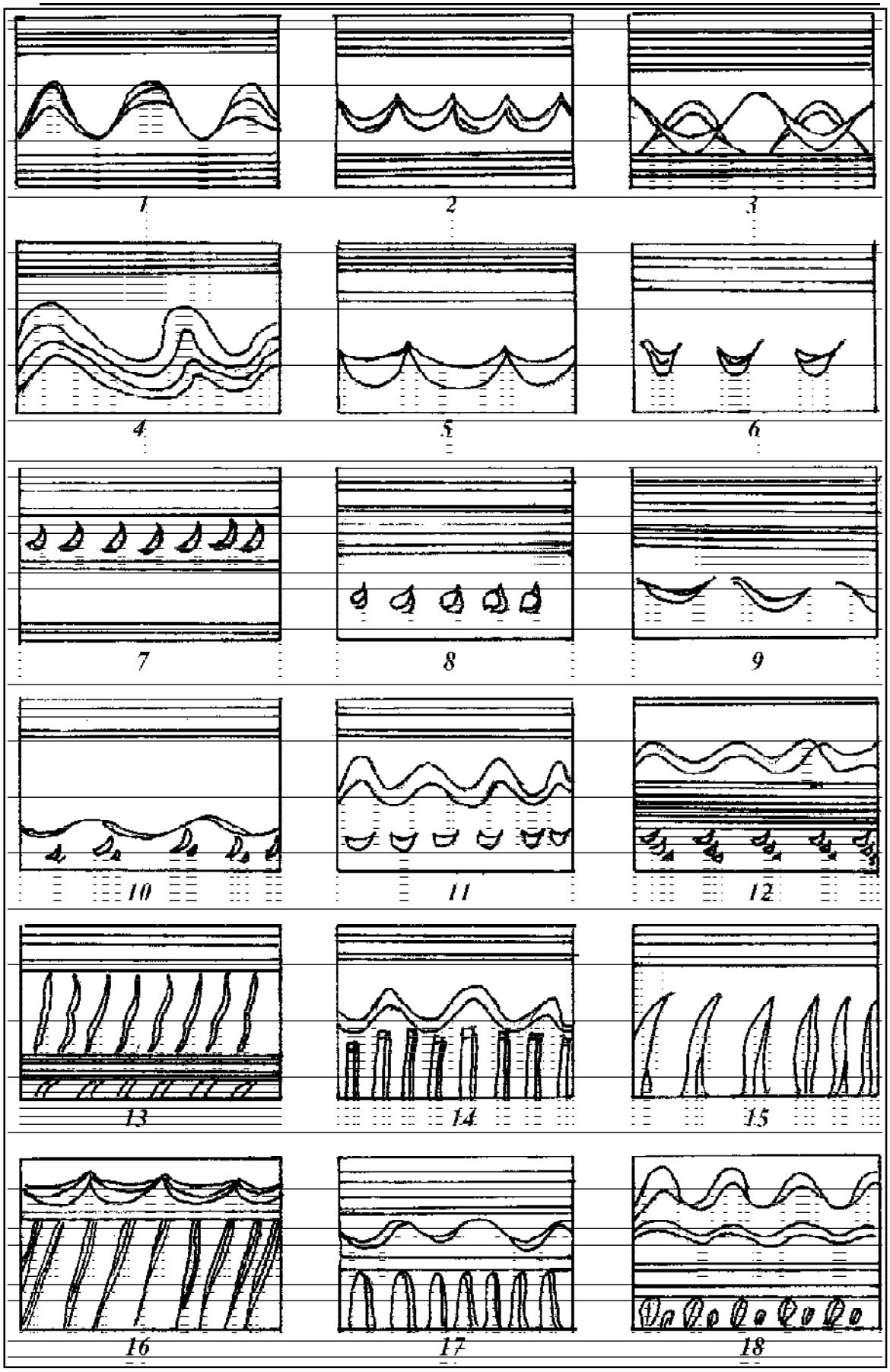

Рис.126 .Основные орнаментальные композиции булгарской керамики Рождественского комплекса

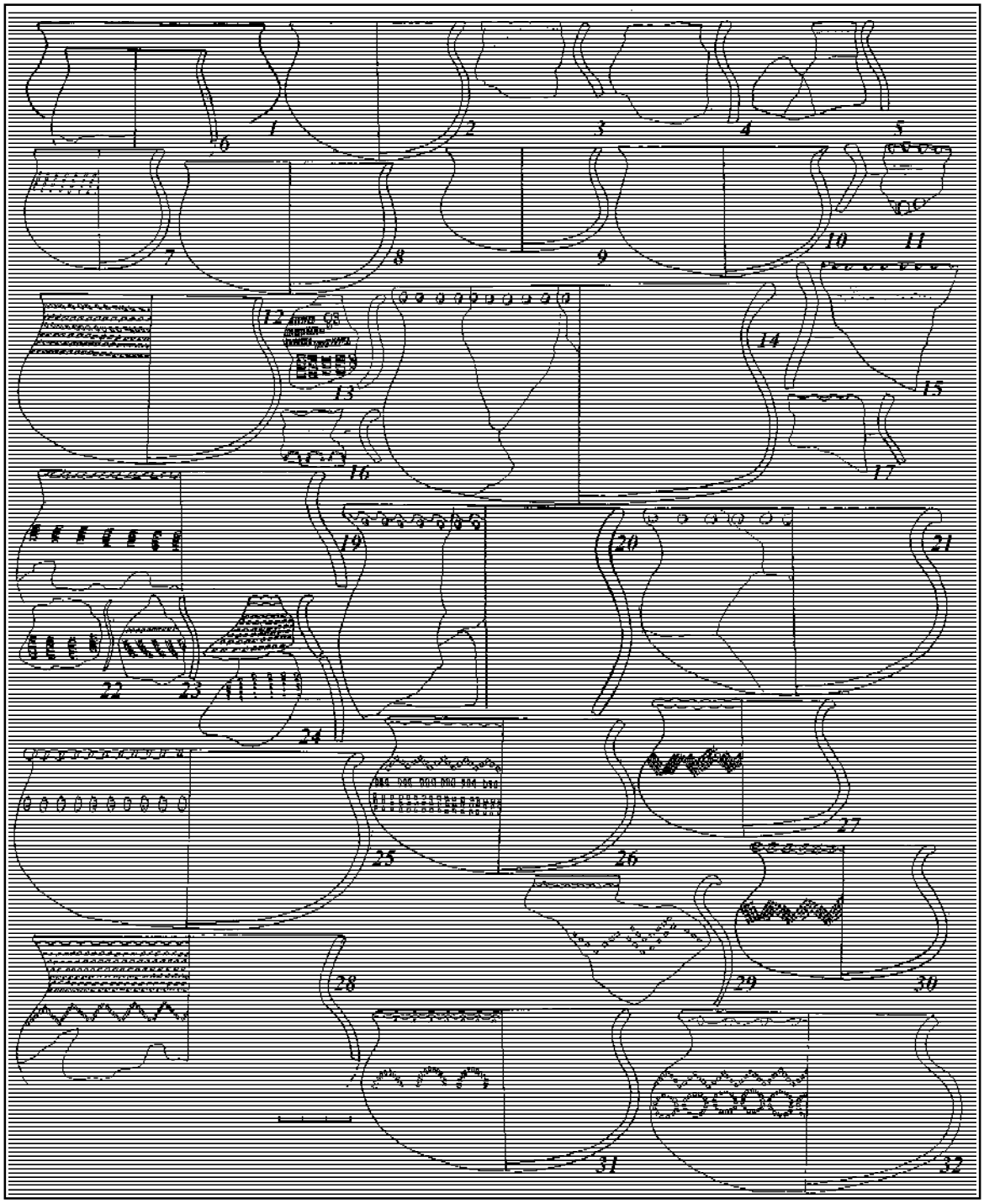

Рис.127 . Погребальная керамика Рождественского могильника

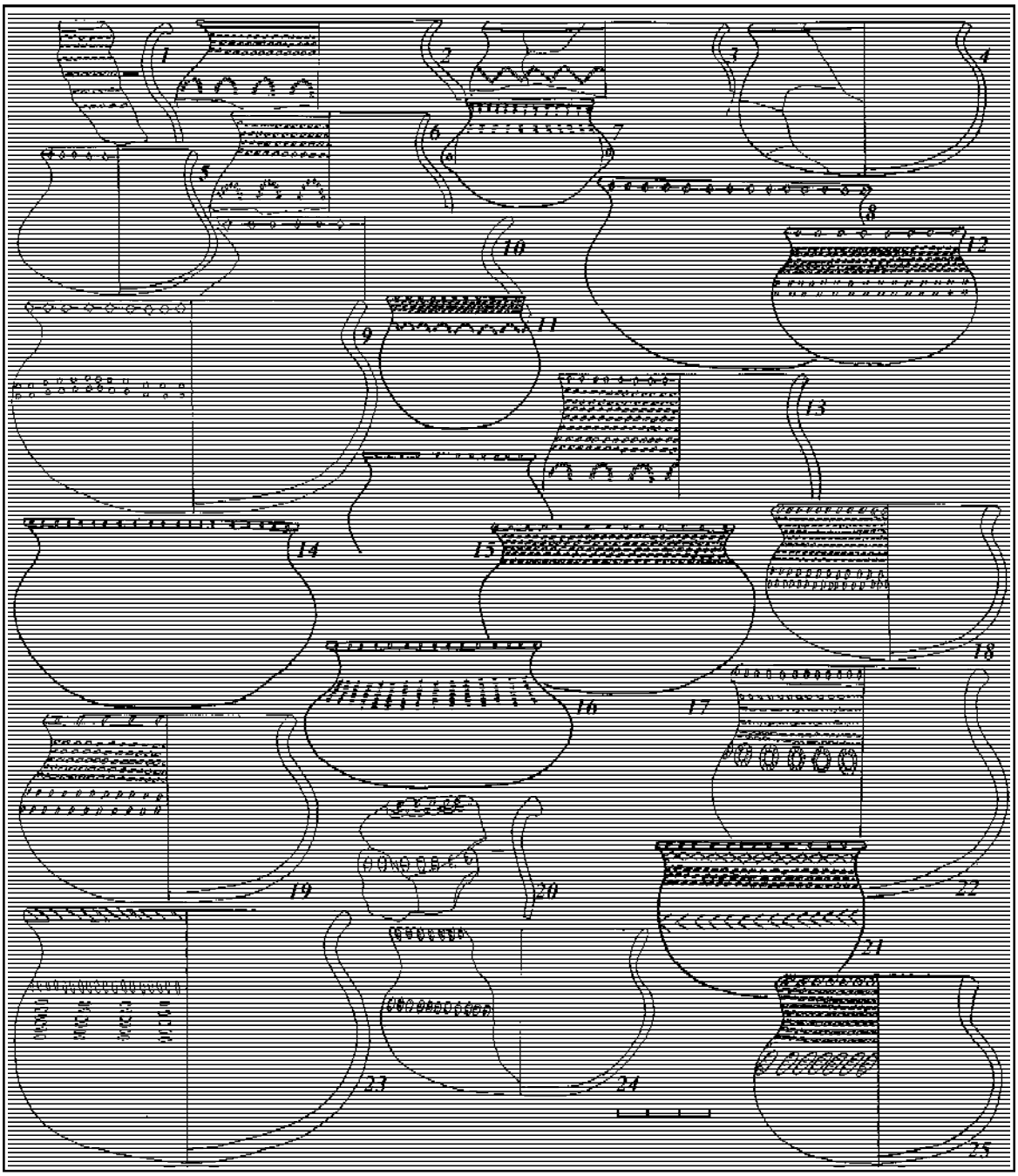

Рис.128 . Погребальная керамика Рождественского могильника

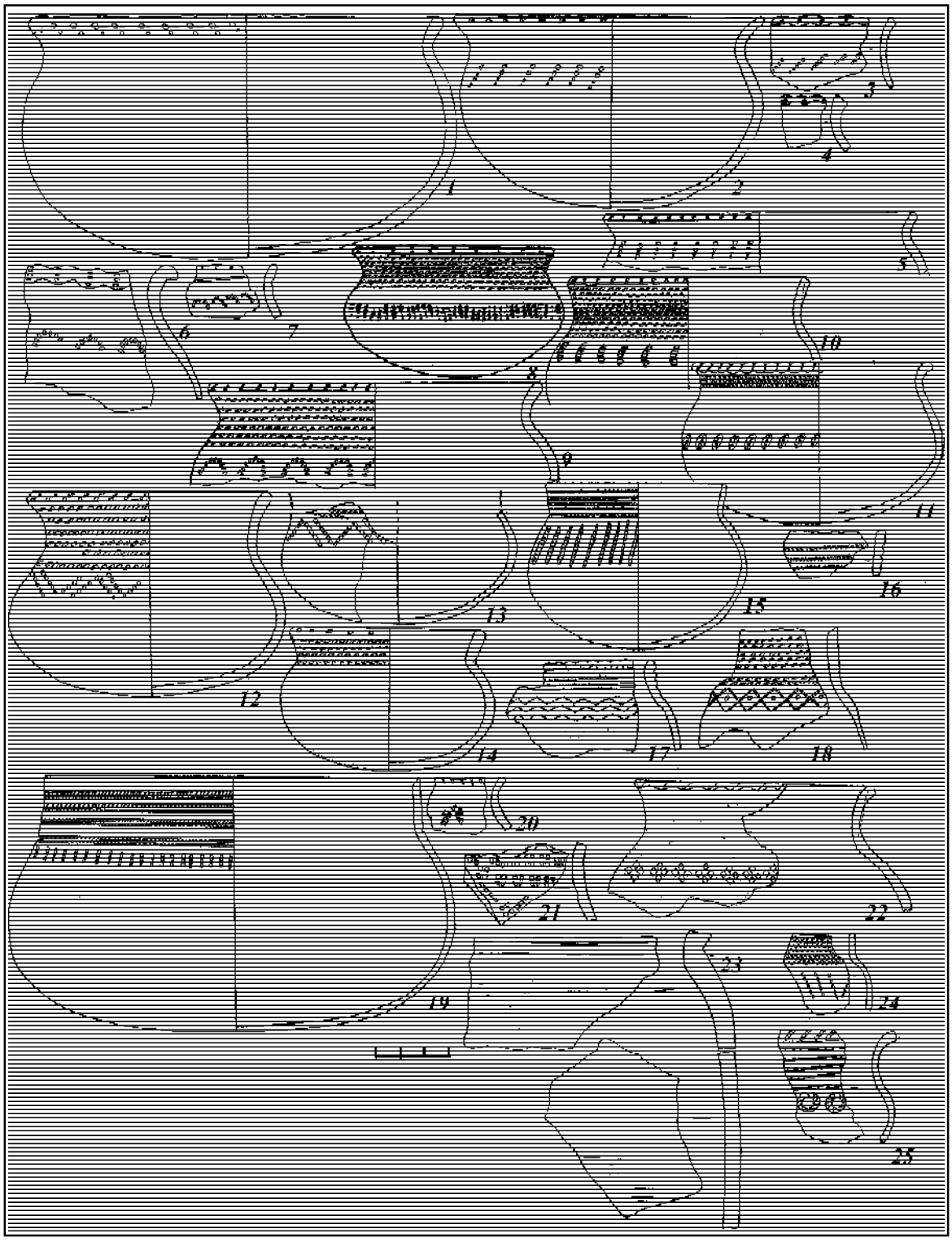

Рис. 129. Погребальная керамика Рождественского могильника

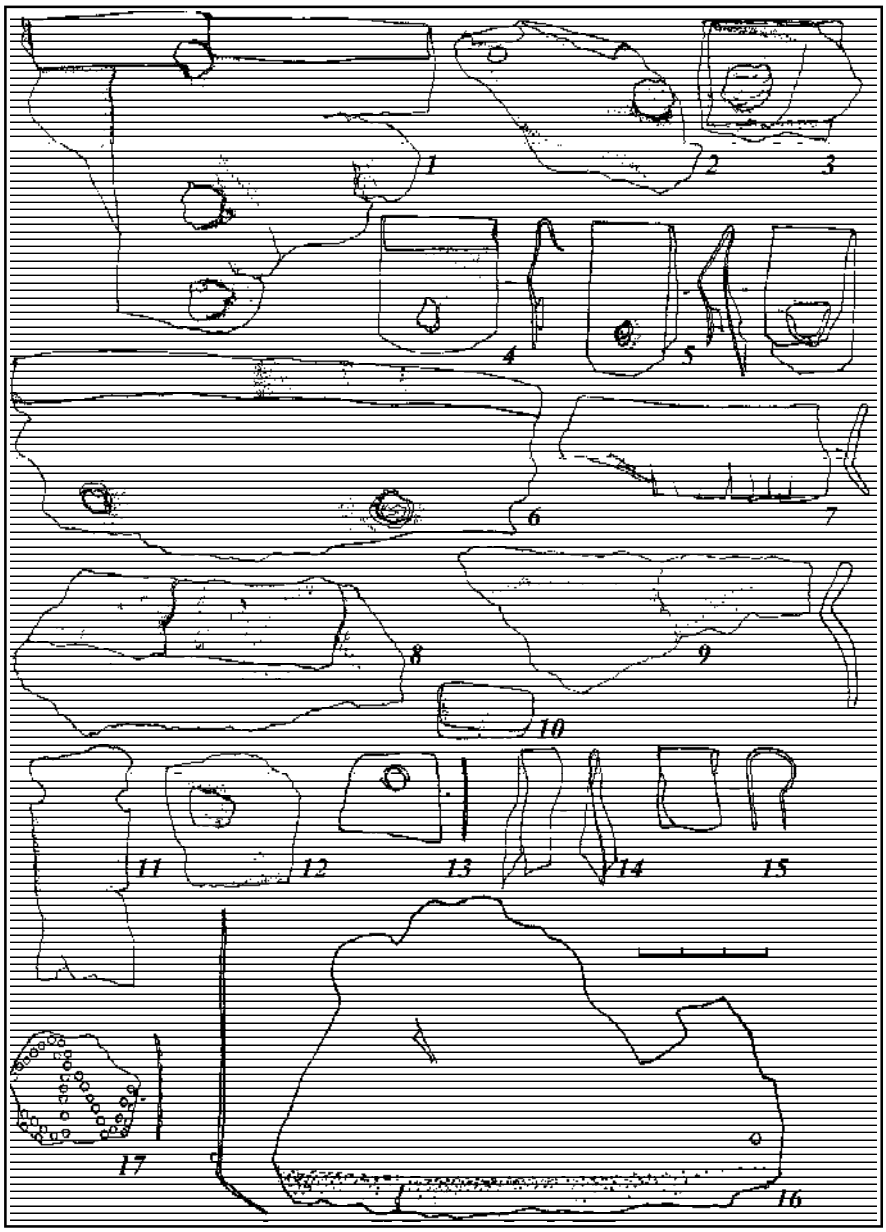

Рис. 130. Детали металлических сосудов

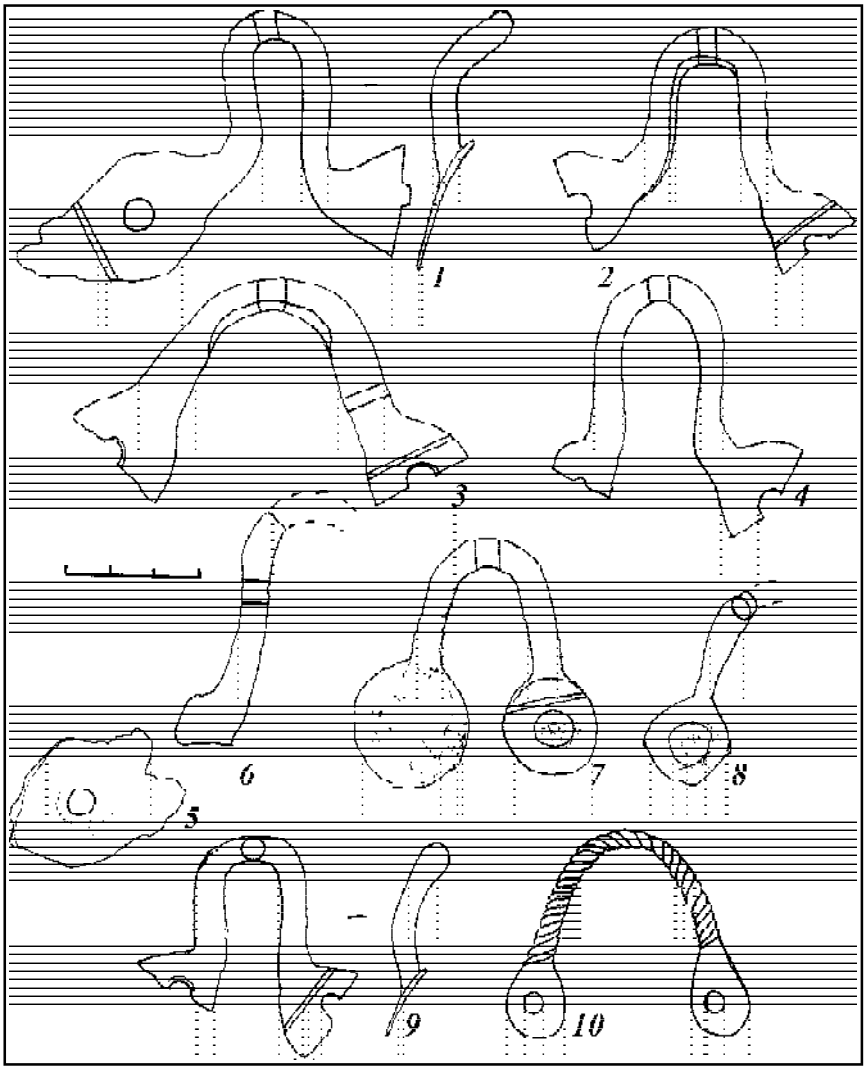

Рис.131. Ушки медные от котелков и ведер

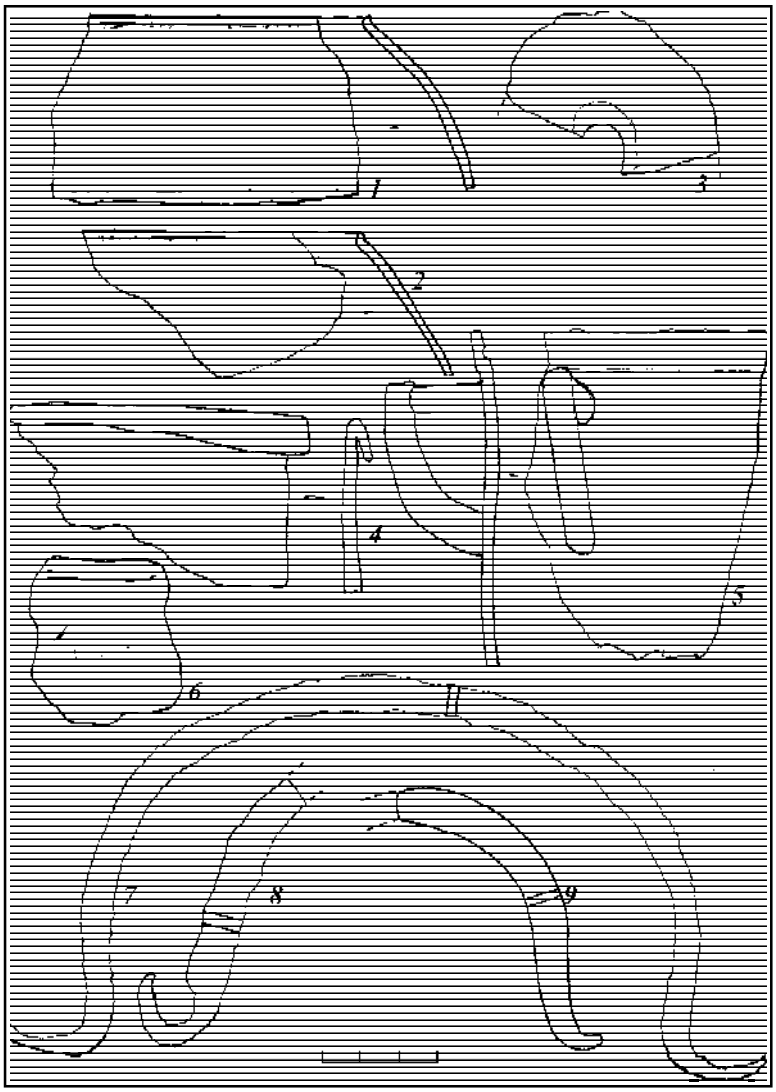

Рис. 132. Фрагменты чугунных сосудов и железные дужки от керамических и медных котлов

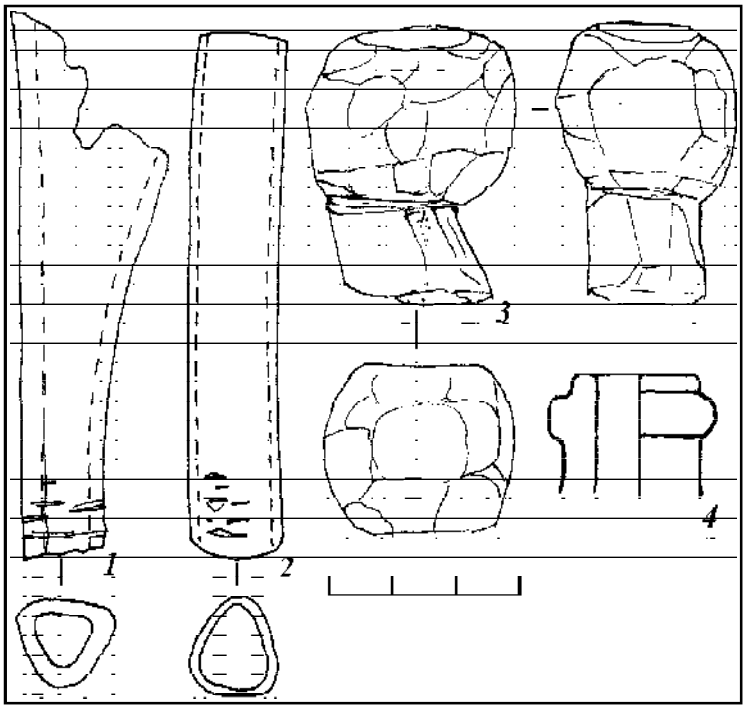

Рис. 133. Детали бурдюков (кость) и фрагмент стеклянного сосуда (4)

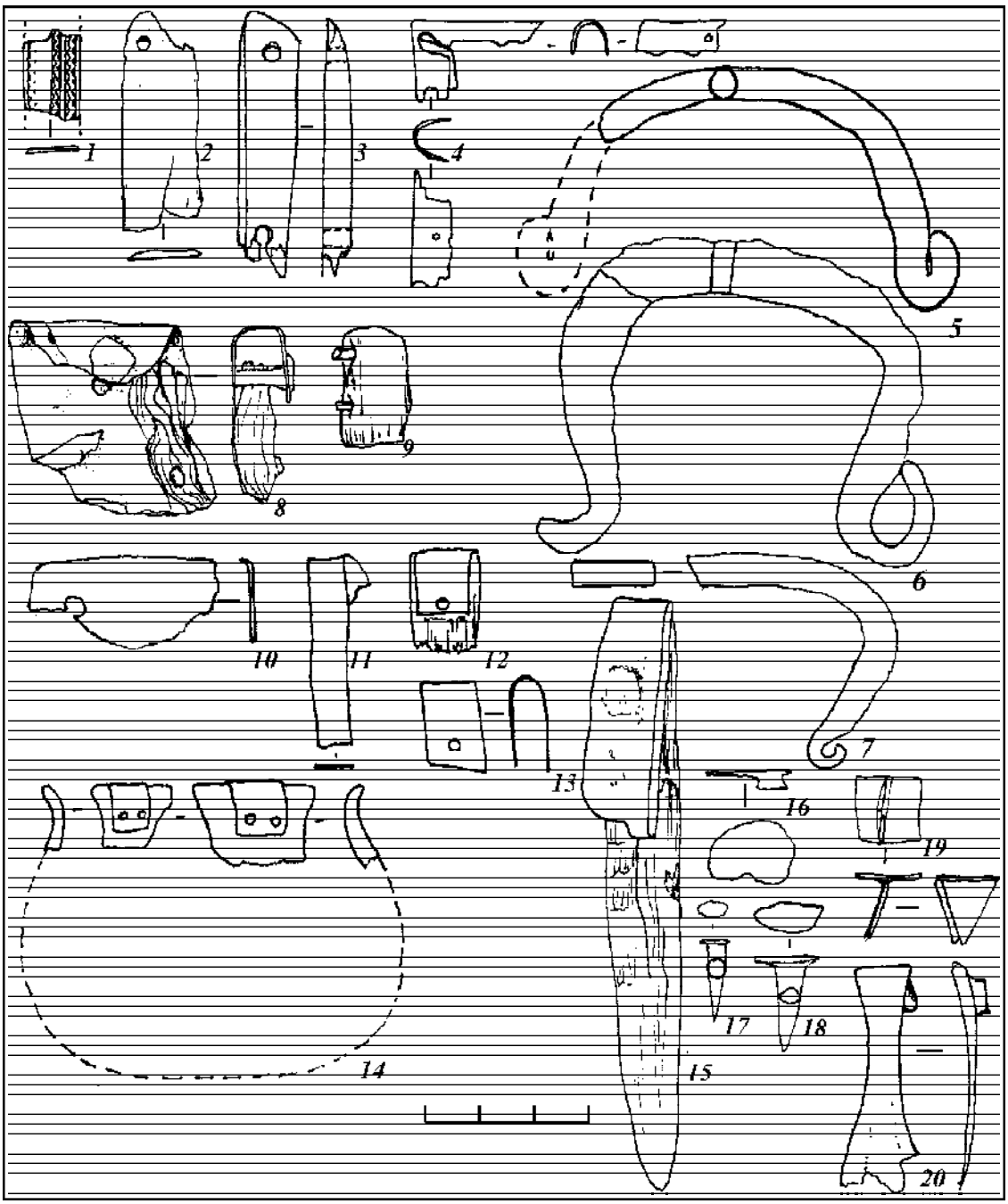

Рис. 134. Детали деревянных сосудов и шкатулок (1-7)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

Земледельческие орудия представлены наконечниками мотыг и пашенных орудий (ральниками).

Группа 1 – НАКОНЕЧНИКИ МОТЫГ (5 экз., рис.135/1-5). Все они происходят из языческих погребений Рождественского могильника. Это орудия, изготовленные из железных пластин, у которых края верхней половины согнуты таким образом, что образуют вертикальную трубицу с несомкнутыми краями. Рабочая часть у мотыжек несколько расширяется и заканчивается прямым рабочим краем. Длина их составляет 5-9 см, ширина лопасти 3,5-4,6 см, длина трубицы 3-6 см.

Аналогичные по форме и размерам мотыжки появляются с VI в. на Средней Волге, в Прикамье и Волго-Окском междуречье [Йовков 1978. С.221], и широко распространяются в конце I – начале II тыс. н. э. в хозяйстве финно-угорских народов Волго-Камья [Генинг 1979, табл.VI/2; Иванова 1978, с.61, табл.III; Петербургский 1975, рис.3/1,5].

В Пермском Предуралье такие мотыжки известны в Урьинском и Аверинском могильниках, на Коновалятском селище в материалах IX-X вв. [Голдина 1985, табл.XXXIII/17,37; XLIV/33; Голдина, Кананин 1989, рис.61/19]. По мнению Р.Д. Голдиной, мотыгу насаживали на коленчатую рукоять и использовали для рыхления гарей и палов [Голдина 1985, с.146].

Мотыжки наряду с пашенными орудиями довольно широко были распространены и у волжских булгар [Культура Биляра 1985, табл.II/8-10; Йовков 1978, с.219-221]. Они служили для садово-огородных работ и других хозяйственных целей [Культура Биляра 1985, с.18.]. Представлены они на Варнинском могильнике в Удмуртии [Семенов 1980, табл.XVIII/5-7] и на городище Иднакар, хотя, по мнению М.Г. Ивановой, имеют очень маленькие размеры, для того чтобы обрабатывать землю, но при условии хорошей заточки они могли использоваться для обработки дерева в качестве тесел. На Иднакаре мотыжки встречены преимущественно в верхнем горизонте XI-XIII вв., лишь две находки могут быть твердо датированы X веком [Иванова 1998, с.100, рис.37/2-4].

Ареал втульчатых мотыжек близкого типа охватывает также Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь, где они встречаются, в частности, у кочевников, имея универсальное назначение: для вскапывания земли, обработки дерева, добывания и обтесывания мягкого камня [Йовков 1978, с.221].

Группа 2 – НАКОНЕЧНИКИ ПАШЕННЫХ ОРУДИЙ (6 экз., рис.135/6-11). По форме все они относятся к широколопастным симметричным ральникам с плечиками и умеренно заостренным или округлым рабочим концом. Длина ральников 14-21 см, средняя ширина втулки колеблется в пределах 6-11 см, отношение длины наконечника и длины втулки составляет 2,3-4,7. Отношение длины втулки и лопасти 1,3-3. Наибольшая

ширина лопасти приходится на ее верхнюю треть, отношение длины к наибольшей ширине лопасти колеблется в пределах 0,75-1,6. Втулки либо имеют равную ширину по всей длине (рис.135/6, 8, 11), либо слегка расширяются к тыльной части (рис.135/7, 9-10). Лопасть в продольном сечении в одном случае прямая (рис.135/8), у большинства экземпляров вдоль рабочего края имеется наварка. По мнению специалистов, такие наконечники предназначались для разновидностей однорукояточных прямогрядильных рал, и могли работать в наклонном положении и положении, близком к горизонтальному, с разрезанием пласта заточенными боковыми гранями и острием снизу [Краснов 1987, с.55,101].

В Пермском Предуралье наиболее ранние наконечники пашенных орудий встречаются не ранее X в., например, на Лаврятском городище (раскопки А.М. Белавина). Факты более раннего появления подобных орудий зафиксированы на соседних территориях. Например, в бассейне р. Чепцы на городище Гурьякар ральники встречены в нижних слоях с гривнами глазовского типа, датирующимися IX-X веками. С монетами X в. они встречены на городище Дондыкар [Иванова 1998, с.96]. Однако отсутствие ральников в погребениях X-XI вв. Рождественского могильника, где встречаются мотыжки, свидетельствует о том, что на этой территории пашенные орудия появились не ранее конца XI века. И если находки наконечников пашенных орудий на памятниках азелинской и именьковской культур доболгарского времени отражают процесс распространения пашенного земледелия в бассейне р. Чепцы еще до приходя туда булгарского населения одновременно с появлением пашенных орудий у восточных славян [Иванова 1998, с.96], то на территорию Пермского Предуралья пашенное земледелие было привнесено несколько позже либо с соседних чепецких земель, либо от волжских булгар.

А.Н. Сарапулов и Д.В. Шмуратко провели статистический анализ погребений, сопровождающихся земледельческими орудиями, в частности, включая погребения Рождественского могильника, и пришли к любопытным выводам. В выборке X-XI в. (Рождественский могильник) и в выборке XII-XIV вв. (могильники Телячий Брод, Антыбарский) присутствуют разные виды земледельческих орудий: в первом случае это мотыги, во втором – наконечники рал. Однако сопровождающий инвентарь в анализируемых комплексах чрезвычайно близок: топор, наконечники стрел, детали поясной гарнитуры (пряжки, накладки, поясные привески). Полученная статистическая модель, по мнению авторов, является дополнительным свидетельством использования мотыг в качестве земледельческих орудий в допашенный период и еще раз наглядно показывает, что переход к пашенному земледелию происходит не ранее второй половины XI – рубежа XI-XII веков [Сарапулов, Шмуратко 2006. С.152-154].

Орудия для уборки урожая, такие как серпы и косы, на Рождественском археологическом комплексе на сегодняшний день не известны.

Орудия переработки урожая представлены фрагментами каменных жерновов и зернотерки. Все они обнаружены в ямах 5 и 6 раскопа IV.

Группа 1 — ЖЕРНОВА – круглые каменные диски из крупнозернистого песчаника – по своему устройству и применению относятся к ручным мельницам (цв. вкл. Е/3). Обнаруженные фрагменты принадлежат 4 дискам.

Фрагменты двух дисков диаметром 30 см из темно-серого крупнозер-

№1, раскоп III, горизонт I, участок М/19, гл. 0,19-0,20 м., пакет №259			
№	Образцы	кол-во	%
1	Ячмень обыкновенный	38	36,5
2	Полба – двузеренка	34	32,7
3	Пшеница мягкая	30	28,8
4	Овес посевной	2	1,9
Общее		104	100
№2, раскоп III, горизонт I, гл. 0,20 м., пакет №409			
№	Образцы	кол-во	%
1	Полба – двузеренка	44	36,1
2	Ячмень обыкновенный	42	34,4
3	Пшеница мягкая	36	29,5
Общее		122	
№3, раскоп III, горизонт I, участок Ы/10, гл. 0,35 м., пакет №121			
№	Образцы	кол-во	%
1	Ячмень обыкновенный	7	46,7
2	Рожь посевная	5	33,3
3	Овес посевной	2	13,3
4	Полба – двузеренка	1	6,7
Общее		104	100
В слипшихся зернах и их осколках вышеперечисленных культур соотношение видов примерно такое же			
№4, раскоп III, горизонт I, участок Ы/10, гл. 0,35 м			
№	Образцы	кол-во	%
1	Овес посевной	80	69
2	Ячмень обыкновенный	36	31
Общее		104	100
Всего по Рождественскому городищу			
1	*Ячмень обыкновенный*	*123*	*34,4*
2	*Овес посевной*	*84*	*23,6*
3	*Полба – двузеренка*	*79*	*22,1*
4	*Пшеница мягкая*	*66*	*18,5*
5	*Рожь посевная*	*5*	*1,4*
Общее		*357*	*100*

Таблица 7. Состав зерна из раскопок Рождественского городища.

нистого песчаника со следами пребывания в огне составляли одну мельницу. Нижний камень, более массивный, толщиной у внешнего края 5 см имел углубление в центре диаметром 20 см и внутреннее отверстие диаметром 5 см. Верхний камень толщиной 3,5 см имел внутреннее отверстие диаметром 4 см.

Несколько фрагментов камней принадлежали третьему диску из серо-коричневого зернистого песчаника диаметром 34 см, толщиной в центральной части 9 см с отверстием диаметром 6 см.

Фрагмент четвертого камня из мелкозернистого серо-коричневого

песчаника принадлежал диску диаметром 32 см толщиной 6,5 см.

Ручные мельницы хорошо известны в районах развитого земледелия, в частности на Руси [Рыбаков 1948], в Волжской Булгарии [Йовков 1976]. Известны на Золотаревском поселении в Посурье [Белорыбкин 2001, с.95-96]. На чепецких территориях жернова появились еще в период раннего средневековья на городищах поломского времени, но наиболее широко они распространились в начале II тыс. н.э. [Иванова 1998, с.99], когда они появляются и на памятниках Пермского Предуралья. На городище Иднакар найдено около 100 жерновов [Иванова 1998, с.99].

Группа 2 – ЗЕРНОТЕРКА (?). Помимо фрагментов каменных дисков правильной формы, среди камней в указанных ямах обнаружен фрагмент плиты неправильной формы без отверстия длиной 20 см, шириной 11 см, толщиной 3,5 см. Плита из серо-коричневого мелкозернистого песчаника имела гладкую сильно сработанную рабочую поверхность.

С Рождественского городища были взяты образцы зерна, обнаруженного в скоплениях на раскопе III. Анализ образцов проведен профессором Удмуртского государственного университета В.В. Туганаевым. Результаты представлены в табл. 7.

Существенную роль в хозяйстве жителей Рождественского городища играло **животноводство**. Анализ костей, проведенный П.А. Косинцевым по материалам раскопок 1985, 1990-1993, 1997 гг., показал, что кости домашних животных составляют 57% от общего числа костей. Среди них преобладающими являются кости крупного рогатого скота — 37%, широко представлены кости лошади — 27%. Показательным является достаточно высокий процент — 18% — костей мелкого рогатого скота, что в совокупности с находками ножниц для стрижки овец свидетельствует о широком использовании шерсти. Кости свиньи составляют 1,8% (2 особи). Столь малое количество костей этого животного объясняется тем, что часть населения Рождественского городища было булгарами-мусульманами, не употребляющими свинину в пищу. К примеру, на городище Анюшкар, где вскрыта примерно аналогичная площадь памятника, кости свиньи составляют около 10% от костей домашних животных (по определению П.А. Косинцева, см. табл.8).

Кости северного оленя составляют 13,5%. Находки элементов оленьей упряжи свидетельствуют об использовании оленей в качестве ездовых животных, например, в торговых караванах. На Анюшкаре, который не играл столь важной роли в транзитной торговле, встречены кости всего одной особи северного оленя (2,2%). Кости собаки составляют1,8%.

Для характеристики особенностей ведения сельского хозяйства важен также анализ возраста забиваемых животных (табл.9, 10). Показательным является то, что среди костей лошади подавляющее большинство – 62,5% принадлежит взрослым и старым особям, что свидетельствует о преимущественном использовании этого животного в качестве транспортного и тяглового, а не в качестве источника мясной пищи.

Среди костей крупного рогатого скота 55% принадлежит особям старше 30 месяцев. Это является свидетельством того, что в животноводстве было развито мясомолочное направление. По нашему предположению, широкое употребление в пищу молока начинается в Пермском Предуралье в X-XI вв., о чем свидетельствует увеличение возраста забиваемых животных и рас-

Вид животного	раскоп					
	1	1-3 (1981, 1985)	2	3	4	5-6
Крупный рогатый скот	145/11*	156/10	9/5	10/1	162/13	4/1
Мелкий рогатый скот	10/2	22/4	4/4	1/1	57/9	-
Лошадь	74/3	144/11	8/5	10/1	187/11	1/1
Свинья	3/1	-	-	-	3/1	-
Собака	-	11/1	-	-	-	2/1
Северный олень	2/1	8/4	10/8	3/1	1/1	-

Таблица 8. Соотношение видов домашних животных (определение П.А. Косинцева)

Возраст	экз.*
молодые	0/3
полувзрослые	1/1
взрослые	4/8
старые	0/7
Всего, экз.	24

*Таблица 9. Соотношение возрастных групп лошадей из Рождественского городища по состоянию зубной системы (определение П.А.Косинцева). Примечания: здесь и далее * в числителе – верхняя челюсть, в знаменателе – нижняя.*

Возраст (месяцы)	Рождественское гор.
	экз.
Старше 30	1/5
18 -30	0/1
6 -18	-
До 6	0/2
Всего, экз.	9

Таблица 10. Возрастной состав крупного рогатого скота из Рождественского городища по состоянию зубной системы (определение П.А. Косинцева)

пространение специализированной посуды для хранения, употребления молока и приготовления молочных продуктов. Это культурное новшество получило распространение, в первую очередь, среди населения городищ [Крыласова, 2007, с.320].

Предметы животноводства представлены скребницей, ножницами для стрижки овец, замком для конских пут.

Группа 1 — СКРЕБНИЦА – (1 экз., рис.6/А). Известна по рисунку из Дневника Теплоуховых [Дневник Теплоуховых. С.663]. Имеет вид скрюченной лапы с 4 пальцами, изготовленной из толстой железной пластины. Длина около 20 см, максимальная ширина 6 см. Аналогичные скребницы встречаются на булгарских памятниках [Культура Биляра 1985, с.25, табл.VI/1-6]. Использование скребниц свидетельствует о регулярном (правильном) коневодстве.

Группа 2 — НОЖНИЦЫ – (4 экз., фрагменты, рис.136/1-4). Все они железные и относятся к типу пружинных, то есть таких, у которых узкие лезвия на тонких стержнях соединены широким пружинным кольцом. У одного экземпляра (рис.136/4) стержни перекручены. Размеры ножниц можно установить только приблизительно из-за их фрагментарности. Два экземпляра (рис.136/1, 4) принадлежат крупным ножницам (более 20 см длиной), 1 экземпляр – маленьким (около 14 см длиной), 1 экземпляр – средним (около 16 см длиной). Подобные ножницы встречаются преимущественно на памятниках Руси [Колчин 1959, рис.46], реже в Волжской Болгарии [Культура Биляра 1985, с.26, табл.VI/7; Казаков 1991, с.80], а также и у финно-угорских народов [Белорыбкин 2001, с.93]. Использовались они для стрижки овец, хотя могли применяться и для иных целей.

Анализ железных предметов Рождественского городища из раскопок Ю.А. Полякова 1981 г., проведенный А.П. Зыковым, показал, что лезвие пружинных ножниц (ан. 768) изготовлено по схеме трехслойного пакета: в центре полоса неравномерно науглероженной сырцовой стали, по бокам – железные. Для упрочения изделия использован наклеп [Зыков 1987, с.151].

Фрагмент замка для конских пут описан в разделе "Замки".

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Важную роль в хозяйстве продолжала играть охота. Судя по анализу костей, проведенному П.А. Косинцевым (табл. 11), среди костей диких животных, представленных на Рождественском городищ, определяются: кости лося – 8,5%, бобра – 12, куницы – 10,9, лисицы и зайца – по 4,8, белки – 3,6, выдры – 2,4, барсука и медведя – по 1,2%. Кости боровой и водоплавающей дичи составляют 15,8%. Таким образом, среди костей диких животных подавляющее большинство составляют кости пушных промысловых животных, присутствие большого числа которых на поселении объясняется использованием их в качестве амулетов, для изготовления манков, игольников и других предметов. Обычно же мясо пушных животных, за исключением зайца и бобра, в пищу не употреблялось, и тушки разделывались прямо в лесу. Непосредственно с целью использования мяса добывались только лось и птица.

Предметы охоты представлены многочисленными железными и костя-

Вид животного	раскоп					
	1	1-3 (1981, 1985)	2	3	4	5-6
Лось	7/1	7/2	1/1	2/1	14/1	1/1
Бобр	6/1	14/3	1/1	3/1	15/4	-
Лисица	1/1	3/2	-	-	1/1	-
Белка	-	2/1	-	1/1	1/1	-
Заяц	-	4/1	2/2	1/1	-	-
Куньи	-	-	8/8	-	1/1	-
Выдра	-	1/1	-	-	-	1/1
Барсук	-	-	-	-	1/1	-
Медведь	-	2/1	-	-	-	-
Птица	2	5	-	1	5	-
Рыба	7	1	6	-	5	7
Амфибия	-	-	-	-	1	-

Таблица 11. Соотношение видов диких животных (по определению П.А. Косинцева)

ными наконечниками стрел, которые рассматриваются в разделе "снаряжение лучника", а также костяными манками.

Группа 1 – МАНКИ-ПИЩАЛКИ – (8 экз., рис.137/1-5), по определению П.А. Косинцева, изготовлены из бедренных костей куницы. Манки-пищалки и свистульки, использовавшиеся при охоте на боровую дичь, широко представлены на многих средневековых поселениях Пермского Предуралья. Например, на городище Анюшкар таких предметов найдено 54 экземпляра [Ленц 2002, с.229]. Аналогичные манки, которые, по мнению М.Г. Ивановой, использовались для охоты на рябчиков, известны в большом количестве на городище Иднакар в Удмуртии [Иванова 1998, с.150, рис.59]. Интересно, что такой манок, найденный крестьянами в размытом обрыве склона Рождественского городища и переданный Н.Н. Новокрещенных, был им без доли сомнения определен как "свисток для подманки рябчиков" [Новокрещенных 1898, л.13], вероятно, в конце XIX в. подобные предметы еще использовались охотниками.

Большое количество костей и чешуи рыб, встреченных в слое и хозяйственных ямах городища, свидетельствует о том, что продукты рыболовства широко употреблялись в пищу местными жителями. Причем обнаружено довольно много просверленных рыбьих позвонков, которые использовались в качестве амулетов.

Предметы рыболовства представлены рыболовными крючками, острогами и баграми.

Группа 1 – РЫБОЛОВНЫЕ КРЮЧКИ – (10 экз., рис.138/1-9, 11).

Все они изготовлены из железа, имеют крупные размеры и довольно совершенную форму. По наличию или отсутствию бородки и способу крепления с лесой они подразделяются на ряд типов.

Тип 1 – крючки близкого к современным вида – с бородкой и петлей на противоположном конце (2 экз., рис.138/1, 9).

Тип 2 – крючки с бородкой без петли для крепления к лесе (6 экз., рис.138/2-7). Противоположный конец этих крючков, как правило, приплюснут (рис.138/2-5).

Тип 3 – крючки без бородки и без петли (2 экз., рис.138/8, 11).

Длина крючков составляет 4-13 см, ширина цевья – 2,5-4,5 см. Такие значительные размеры крючков свидетельствуют о том, что они применялись для ловли крупной рыбы. Это подтверждается и анализом костей с городища, среди которых преобладает русский осетр, встречается щука, сазан и окуневые.

Группа 2 – ОСТРОГА (1 экз., рис.138/10). Железный наконечник остроги длиной 9,5 см имеет квадратный в сечении черенок, сужающийся на конце, забивавшемся в рукоять, и на противоположном рабочем конце острие с сильно оттянутым жалом длиной 4,5 см. Аналогичные остроги известны на Белоозере в слоях X-XIII вв. [Голубева 1973, с.192, рис.70/11; Захаров 2004, рис.171], на Изборском городище [Седов 1975, рис.2/19].

Группа 3 – БАГОРИК (1 экз., рис.138/12). Железный наконечник багра длиной 9 см представляет собой толстую пластину прямоугольного сечения, загнутую под прямым углом в месте крепления к рукояти. На конце багор разделяется на два острых шипа круглого сечения, один из которых прямой, второй – дугообразно отогнут.

ОРУДИЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ

Эта категория инструментов представлена в коллекции Рождественского археологического комплекса разнообразными орудиями труда кузнецов, бронзолитейщиков и ювелиров.

Группа 1 – ЗУБИЛА (9 экз., рис.139/1-2, 5-9) – режущие инструменты в форме клина. При работе зубилом по нему наносят ряд ударов молотком. Все зубила, предназначенные для холодной рубки металлов, представляют собой прямоугольные в сечении цельнометаллические стержни, имеющие в нижней рабочей части лезвие (жало), а в верхней – площадку для удара молотком.

Тип 1 – кузнечные или слесарные зубила (2 экз., рис139./1-2). Ширина лезвия 1,8 и 4,2 см. Один экземпляр (рис.139/1) представлен фрагментарно, длина второго – 9 см.

Тип 2 – ювелирные зубила (7 экз., рис.139/3-7). Эти зубила имеют такую же конструкцию, как кузнечные, но отличаются меньшими размерами. Длина одного экземпляра (рис.139/3) составляет 8 см, длина остальных – 4-5 см, ширина лезвия 0,5-1 см. Такие зубила предназначались для обрубания пластин металла, проволоки, нанесения некоторых видов орнамента, обработки фактуры поверхности изделий [Древняя Русь 1985. С.264].

Группа 2 – БОРОДКИ (8 экз., рис.139/8-16) — инструменты, предназначенные для пробивания в металлических изделиях сквозных отверстий

различной конфигурации. Бородки имеют форму удлиненного стержня с немного заостренным концом круглого, треугольного, квадратного или подпрямоугольного сечения.

Тип 1 – бородки с рабочим концом подквадратного сечения (5 экз., рис.139/8-9, 13-15).

Подтип 1.1 – в виде стержня длиной 9-12 см, сужающегося книзу. Расплющенный верх этих бородков свидетельствует о том, что удары молотком наносились непосредственно по стержню (2 экз., рис.139/8-9).

Подтип 1.2 – в виде стержня длиной 8-9 см, сужающегося книзу и приплющенного вверху (3 экз., рис.139/13-15). Остатки древесины на отдельных экземплярах (рис.139/13-14), свидетельствуют о том, что такие бородки снабжались деревянной рукоятью.

Тип 2 – бородки с рабочим концом подпрямоугольного сечения (2 экз., рис.139/10-11). Оба они маленькие, длиной 3,5-5 см, расплющенные вверху.

Тип 3 – бородок с рабочим концом круглого сечения (1 экз., рис.139/16). Стержень длиной 8 см заострен внизу, кверху сплющивается, вероятно, он был снабжен деревянной рукоятью.

Тип 4 – бородок с рабочим концом треугольного сечения (1 экз., рис.139/12). Стержень длиной 9 см вверху квадратного сечения со следами ударов молотком.

Интересно, что все предметы данной группы с приплющенной верхней частью, снабжавшиеся деревянной рукоятью, обнаружены в погребениях Рождественского могильника. Возможно, эти предметы имели универсальный характер.

Группа 3 – ЮВЕЛИРНЫЙ МОЛОТОЧЕК (1 экз., рис.139/17). Ювелирные молоточки небольших размеров, предназначенные для различных операций, могли иметь самые разные формы. Например, в Древней Руси известны молоточки большие и маленькие, широкие с одной стороны и узкие с другой, длинные и тонкие молотки, закругленные вверху и т. п. [Древняя Русь 1985, с.263]. Молоточек из Рождественского городища имеет маленький округлый обушок с круглым отверстием для рукояти и удлиненную клювообразную рабочую часть. Вероятно, он мог употребляться в качестве пунсона-чекана при операциях тиснения и штамповки.

Группа 4 – ЮВЕЛИРНЫЕ ЩИПЧИКИ (1 экз., рис.139/18) с плоскими губами изготовлены из сложенной вдвое пружинящей бронзовой полосы. Они могли употребляться при разнообразных операциях, в том числе, например, при изготовлении скани и зерни, в процессе декорирования ювелирных изделий.

Группа 5 – ТИГЛИ (12 экз., рис.140). При раскопках Рождественского городища встречено большое количество фрагментов глиняных тиглей, в том числе и со следами меди, которые использовались для расплавления меди и сплавов на ее основе. Среди них частичной реконструкции формы подлежат 12 экземпляров. Тесто тиглей в разломе черного или темно-серого цвета. Внешняя поверхность пористая, ошлакованная, иногда с корольками меди. Тигли подразделяются на несколько форм.

Тип 1 – конические (2 экз., рис.140/1-2). Диаметр 4,7-10 см, предполагаемая высота 6-10 см. Эта форма технологически наиболее целесообразная, поэтому она просуществовала у народов Европы начиная с бронзового века до современности [Древняя Русь 1985, с.262]. Такие тигли широко встре-

чаются в Прикамье, например, на городище Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.82/13,15], являются наиболее характерными для чепецких территорий. На городище Иднакар они составляют большинство [Иванова 1998, с.134]. Преобладали они и на русских памятниках [Древняя Русь 1985, с.262, табл.104/14-16].

Тип 2 – чашевидные (2 экз., рис./7,9). Диаметр устья 5-10 см, высота 2,5-5 см.

Такие тигли встречены на городище Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.82/10], на Еманаевском городище [Лещинская 1988, с.90-94, рис.7/1-3], на Белоозере в слоях X-XIII веков [Голубева 1973, рис.47/8].

Использование чашевидных тиглей характерно для более ранних эпох, при расплавлении меди в открытых очагах [Культура Биляра 1985, с.86], такие тигли особенно удобны для плавления малых количеств металла [Голубева 1973, с.135]. Чашевидные тигли-плошки могли использоваться и в стеклоделии для плавления небольших порций стеклянной массы [Щапова 1983, с.79, рис.16].

Тип 3 – подцилиндрические с округлым дном (5 экз., рис./3-6, 8). Диаметр устья 2,5-9 см, высота 3-4 см.

Подцилиндрические тигли характерны для булгарских бронзолитейщиков [Культура Биляра 1985, с.86], Л.А. Голубева считала их характерными для Прикамья X-XII вв. [Голубева 1973, с.135]. По наблюдениям Н.В. Рындиной, узкие высокие сосуды с нешироким устьем ограничивали до минимума доступ воздуха к расплавленному металлу и затрудняли его окисление; выплеск металла в таких тиглях был значительно меньше, чем в чашевидных [Рындина 1963, рис.214]. Однако, как можно наблюдать по имеющимся реконструкциям тиглей Рождественского городища, они имеют подцилиндрическую форму, но значительно ниже, чем подобные тигли из Волжской Булгарии [Культура Биляра 1985, табл.XXXIII]. Подобные мини-тигли объемом меньше 10 куб. см известны в Новгороде, Пскове и других древнерусских городах в слоях XII-XIII вв. [Древняя Русь 1985, с.262].

Тип 4 – керамические сосуды (3 экз., рис.140/10-12) с диаметром по венчику 14-19 см. Сильно ошлакованная поверхность этих сосудов свидетельствует об их возможном использовании для плавки металла, в стеклодельном или гончарном производстве. Например, известно, что в стеклоделии в качестве тиглей чаще всего использовались горшки небольших объемов [Щапова 1983, с.79].

Таким образом, разнообразие размеров и форм тиглей, встреченных на Рождественском городище, может свидетельствовать об их специализированном назначении. Миниатюрные тигли, вероятно, принадлежали ювелирам, и предназначались для расплавления металла при изготовлении украшений. Более крупные могли использоваться для заливки бронзы одновременно в несколько литейных форм, а наиболее объемные сосуды могли быть предназначены для переплавки большого количества бронзы при подготовке полуфабрикатов и слитков на экспорт. Среди литейных форм имеется фрагмент для отливки слитков в виде прутков (рис.141/5). Формы для отливки таких слитков известны также на городищах Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц) и Иднакар [Иванова 1996, рис.53/1-2,4-6].

Группа 6 – ЛЬЯЧКИ (12 экз., рис.142). Льячки – глиняные сосуды ложковидной формы, применялись для разлива по формам горячего ме-

талла. Все льячки, встреченные на Рождественском городище, ложковидные с открытым верхом, с носиком для слива и массивной втулкой для захвата клещами или соединения с рукоятью. По форме ложки выделяется два типа.

Тип 1 – овальные в плане (3 экз., рис.142/1-3). Дно ложечки также имеет округлые очертания. Размеры ложечки 1,8-2,5 см х 2,5-4 см, высота 2-2,3 см. Длина втулки около 2 см.

Подобные льячки широко распространены на севере Восточной Европы, в финской среде [Голубева 1973, с.135]. Они были наиболее массовым типом и в Древней Руси [Древняя Русь 1985, с.262, табл.104/5-7], встречены в Кичилькосьском могильнике X-XI вв. [Савельева 1968, табл./37], известны у марийцев XII-XIII вв. [Архипов 1986, рис.33/6-8].

Тип 2 – подтрапециевидные в плане (6 экз., рис.142/7-12). Дно и стенки ложечки прямые. Размеры ложечки 2-3,5 см х 2,5-4 см, высота 1,8-2,8 см. Длина втулки 1,5-3 см. Такая форма не имела широкого распространения. Подобная, но несколько более массивная форма льячек преобладает на Еманаевском городище на Вятке [Лещинская 1988, с.90, рис.6].

3 экземпляра сохранились фрагментарно, и их трудно отнести к тому или иному типу.

Интересно, что в Волжской Булгарии льячки встречаются очень редко. Многие булгарские тигли имеют носики для слива, и возможно, что заливка металла в литейные формы производилась непосредственно из тиглей [Культура Биляра 1985. С.84]. Редкими являются находки льячек и на городище Иднакар, где при наличии более 500 тиглей встречено всего 6 льячек [Иванова 1998, с.137].

Группа 7 – ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ (10 экз., рис.141/1-10). Одним из основных приемов изготовления изделий из цветных металлов в эпоху средневековья было литье в формы. Все встреченные на Рождественском городище формы относятся к составным, о чем свидетельствует наличие на всех экземплярах литников. Составные формы обычно имели 2 створки, с тщательно притертыми друг к другу плоскостями. Для обеспечения неподвижности створок в процессе работы обычно использовали свинцовые или деревянные штыри, вставлявшиеся в отверстия, просверленные по углам створок. Такие отверстия наблюдаются на одной целой створке формы из коллекции Теплоуховых (рис.141/1). Применение составных форм давало возможность получения качественных отливок без необходимости трудоемкой последующей обработки изделий. В составных формах отливались плоские, объемные и пустотелые предметы, с орнаментом, подражающим зерни и скани, гравировке и тиснению, с ушками и петлями, сквозными отверстиями и т.п. Для получения сквозных отверстий на створках прорезались цилиндрические каналы, в которые вставляли стержни [Город Болгар 1996, с.162-163]. Такие каналы отмечаются на двух формах для изготовления шаровидных привесок (рис.141/8, 9). В составных формах можно было одновременно отливать несколько изделий (напр., рис.141/1), что повышало производительность труда бронзолитейщиков и, соответственно, удешевляло стоимость продукции.

Створки литейных форм из рождественской коллекции можно разделить на односторонние (6 экз., рис.141/3-4, 7-10) и двусторонние (4 экз., рис.141/1-2, 5-6). У двусторонних форм литейные гнезда располагаются на

двух противоположных плоскостях.

Подгруппа 1 – глиняные (1 экз., рис.141/8). Подпрямоугольная односторонняя форма размерами 2,2 х 2,7 см, толщиной 0,9 см, предназначенная для отливки шаровидной привески с рубчатым туловом и петлей, орнаментированной насечками. В центре петли – сквозное отверстие для стержня. Форма сохранилась целиком, отверстия для штырей, соединяющих створки, на ней отсутствуют. Вероятно, в процессе работы створки обматывались проволокой или веревкой. Техника литья в глиняные формы была наиболее распространена в IX-XI вв., причем плоские двусторонние глиняные формы, изготовленные по восковым моделям или по оттискам образцового готового изделия, появились в XI в. [Древняя Русь 1985, с.261-262].

Подгруппа 2 – каменные (9 экз., рис.141/1-7, 9-10). Изготовлены из мягких пород камня – известняка или сланца. Каменные формы являются наиболее сложными и технологически совершенными, чем глиняные.

Тип 1 – формы для изготовления плоских изделий (5 экз., рис.141/2-4, 6-7) – поясных накладок (рис.141/2, 3, 6, 7), привесок-лапок (рис.141/4, 6).

1 – фрагмент литейной формы в виде неправильного подтрапециевидного бруска размерами 3 х 6 см, толщиной 0,8 см (рис.141/2). На одной стороне вырезано два гнезда для отливки круглых накладок с псевдоскань ю, к одному из них подведен литник, у второго литник отломлен. На другой стороне незавершенное гнездо для круглой накладки. Такие круглые накладки известны в материалах поздних могильников Пермского Предуралья, например, в погр.№ 5 могильника Телячий Брод, датирующегося XIII-XIV веками.

2 – фрагмент литейной формы в виде неправильного подпрямоугольного бруска размерами 3,3 х 4,3 см, толщиной 0,8 см (рис.141/3). Обратная сторона плитки неровная. На форме имеется одно гнездо для отливки кольцевидной накладки с перемычкой, к которому подведен литник. Кроме того, на рабочей поверхности формы вырезано изображение шестиконечной звезды без литника. На сломе на боковой стороне формы наблюдается след канала, вероятно, от отверстия для штифта.

3 – фрагмент литейной формы в виде бруска неправильной подчетырехугольной формы размерами 3 х 5,5 см, толщиной 1,5 см, на трех сторонах которого вырезаны углубления для отливки прутков-слитков бронзы (рис.141/5).

4 – литейная форма в виде квадратной плитки со сторонами 4 см, толщиной 0,7 см (рис.141/4). Обратная сторона гладкая. На плитке вырезаны два гнезда для отливки привесок-лапок, располагающихся напротив друг друга, к обоим подведены литники. Между гнездами – желобок, который мог использоваться для отливки округлых прутков-заготовок.

5 – литейная форма в виде подпрямоугольной плитки размерами 2,5 х 4,5 см толщиной 0,3-0,5 см (рис.141/7). На обратной стороне сохранилась галечниковая корка. На плитке вырезаны два гнезда для отливки квадратных накладок с решетчатым орнаментом, к обоим подведены литники, расположенные напротив друг друга.

6 – фрагмент двусторонней подтрапециевидной литейной формы размерами 3 х 5 см, толщиной 0,6 см (рис.141/6). На одной стороне вырезаны гнездо в виде полушаровидного углубления и гнездо для отливки привески-лапки, к обоим гнездам подведены литники, расположенные напротив друг

друга. На другой стороне имеется гнездо для отливки кольцевидной накладки с перемычкой, к которому подведен литник, второе гнездо, расположенное напротив, сохранилось плохо, вероятно, это было гнездо для отливки привески-лапки. Сбоку на этой стороне сохранился также фрагмент гнезда для отливки шаровидной привески.

7 – фрагмент литейной формы размерами 1,5 х 2,5 см, толщиной 1 см (рис.141/9), на котором отмечается фрагмент гнезда для отливки привески с ушком, внутри которого проделано сквозное отверстие для стержня.

8 – фрагмент литейной формы размерами 1,7 х 2,3 см, толщиной 0,6 см (рис.141/10), на котором сохранились желобки для отливки прутков круглого сечения и фрагмент сквозного отверстия.

Тип 2 – форма для изготовления полых шаровидных привесок технологией литья "навыплеск". При такой технологии в собранную литейную форму, состоящую обычно из двух створок, имеющую один верхний широкий или несколько более узких литников и один нижний короткий литник для выпуска металла, наливали расплавленный металл и тут же выпускали его через нижнее отверстие. Часть металла при соприкосновении с каменными стенками формы застывала тонким слоем, а остальной металл вытекал, оставляя внутри отливаемого предмета пустоту [Древняя Русь 1985, с.263]. Литье "навыплеск" требует особой конструкции литейных форм. Н.В. Рындиной на древнерусских формах прослежена устойчивая закономерность в длине литников. Металл, заливавшийся в форму через длинный литник, поступал в литейное гнездо под большим давлением, за счет чего равномерно растекался по всей полости формы и заполнял малейшие детали. Небольшая длина и широкий диаметр выходного литника способствовали быстрейшему выплеску избыточного металла до его остывания и затвердения в форме [Рындина 1963, с.260-261].

Именно такая форма, по конструктивным особенностям полностью соответствующая техническим требованиям, предъявляемым к формам для литья "навыплеск", известна на Рождественском городище. Форма двусторонняя, размерами 6 х 6,5 см, толщиной 1 см (рис.141/1). На одной стороне три гнезда для отливки полых шаровидных привесок с круглыми петлями, к каждому из которых подведен узкий литник, внизу – один узкий литник для выпуска металла. На другой стороне — три аналогичных гнезда с одним широким литником, внизу – узкий литник для выпуска металла. По углам плитки имеются 4 сквозных отверстия для штифтов, скрепляющих половинки формы.

Время освоения технологии литья "навыплеск" точно не определено, однако исследователи считают, что в Волжской Булгарии это произошло несомненно в домонгольский период. Обычно его относят к XII в. [Культура Биляра 1985, с.92].

Формы происходят преимущественно с раскопа II, лишь по одному экземпляру встречено на раскопах I и V. Вероятно, именно здесь на городище располагался ремесленный центр.

Группа 8 – МАТРИЦЫ (2 экз., рис.141/12-13). Матрицы-штампы использовались ювелирами при изготовлении тисненых накладок и бляшек.

Подгруппа 1 – металлические. Обычно матрицы бывают изготовлены из сплавов на основе меди (латуни и бронзы). На лицевой (рабочей) стороне – неглубокий рельефный орнамент, обычно – различные растительные ком-

позиции. Оборотная сторона, как правило, слегка вогнута, без видимых следов ударов по ней [Культура Биляра 1985, с.100]. При тиснении либо тонкую пластинку металла накладывали на подушку из вара, смолы или свинца, укрепленную на специальной мягкой (деревянной) наковальне, наставляли на нее матрицу, ударяя по которой получали рельефный оттиск на пластинку; либо лист металла закладывали между матрицей с выпуклым рисунком и подушкой, по которой наносились удары [Рындина 1963, с.222-223, 262-266]. Второй способ использовался при тиснении более сложных изделий, в том числе, тонких рельефных бляшек. На Рождественском городище представлены матрицы как для первого, так и для второго способов.

Тип 1 – квадратная матрица со сторонами 1,5 см, толщиной 0,3 см (1 экз., рис.141/12). По углам – круглые выступы, орнамент состоит из центрального ромба, окруженного растительной композицией. Оборотная сторона слегка вогнута. Матрица сильно стерта от многократного использования.

Тип 2 – овальная матрица размерами 2,5 х 3 см, толщиной 0,2 см (рис.141/13). На лицевой стороне выпуклый рельефный растительный орнамент. На оборотной стороне петля, которая, вероятно, предназначена для жесткого крепления матрицы на деревянной наковаленке.

Подгруппа 2 – каменная (цв. вкл. Н/6). В подъемном материале с городища известно изделие из желтоватого полупрозрачного камня (агат?) с резным рельефным изображением медведя в жертвенной позе (хранится в музее Фроловской средней школы Карагайского района Пермского края). Судя по форме, данный предмет вполне мог являться матрицей для изготовления известных поясных накладок с медведем. Хотя, возможно, что данный предмет имел какое-то культовое назначение.

У булгар наиболее ранние матрицы относятся к X-XI вв. [Смирнов 1951, с.121].

Наличие обширного ассортимента орудий металлообработки, а также большого количества шлаков, фрагментов криц, разнообразных изделий и заготовок (рис.142а) свидетельствует о высоком уровне развития железоделательного, кузнечного и ювелирного ремесла среди жителей Рождественского городища.

Анализ железных предметов Рождественского городища из раскопок Ю.А. Полякова 1981 г., проведенный А.П. Зыковым, свидетельствует о высоком уровне железообработки. По своим основным характеристикам он близок уровню других регионов Восточной Европы. В кузнечной продукции ремесленников намечается определенная стандартизация в изготовлении некоторых видов изделий (в частности, ножей). Кузнецы начала II тыс. н.э. владели всеми основными приемами обработки черных металлов: свободной ручной ковкой, кузнечной сваркой, термическими и термохимическими способами упрочения изделий. Металл большинства проковок отличается небольшим количеством шлаковых включений и, как правило, мелким зерном, что говорит о совершенстве ковки. Весьма интересен тот факт, что 100% выборки Рождественского городища составляли сварные конструкции. Значительная часть этих конструкций представлена вещами, где кузнечная сварка использована для повышения эксплуатационных качеств орудий (трехслойный пакет, вварка и наварка стальных лезвий). При-

менение этих передовых для средневековья технологических схем зафиксировано на ножах и лезвиях ножниц. Среди исследованных ножей трехслойные пакеты составляют большинство – 60 и 30% соответственно. Для примера, на Саламатовском городище и Антыбарском могильнике ножи с такой структурой немногочисленны. В производстве ножей технология трехслойного пакета (и ее дальнейшее развитие – вварка стального лезвия) распространилась в начале II тыс.н.э. на огромных пространствах севера Восточной Европы. Нет никаких оснований вещи с такой технологией изготовления из родановских памятников относить к какому-либо западному импорту. Их многочисленность, особенности изготовления многих из них, а именно использование пакетированного сырья в боковых полосах и основах клинков, свидетельствуют о местном производстве таких ножей.

Степень применения термической обработки в рождественской выборке достигает до 100% изделий, способных ее воспринять. Это также характерно для кузнечного ремесла других районов Восточной Европы, где термообработка была обязательной заключительной операцией для всех качественных стальных проковок. Зафиксированные способы термической обработки достаточно разнообразны: закалка в различных средах (жесткой и мягкой), возможно, закалка с последующим отпуском [Зыков 1987, с.153-155].

Свидетельством высокого уровня развития бронзолитейного и ювелирного производства на Рождественском городище также служат не только ремесленные инструменты, но и многочисленные готовые изделия, находки бракованных отливок (рис.141/11, 14), разнообразные заготовки, фрагменты круглой в сечении, граненой, витой и расплющенной бронзовой и серебряной проволоки (рис.142а/1-14/), большое количество медных шлаков. Возможно, что на городище располагался один из центров местного предуральского ювелирного дела, находившегося под влиянием булгарской ремесленной школы. Не исключено, что именно с этим центром связана часть оригинальных ювелирных изделий из Рождественского (Волгинского) клада (см. соотв. раздел книги).

ОРУДИЯ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Группа 1 – ТОПОРЫ (11 экз., рис.143/1-7, 9-12). Топоры являются основным орудием деревообработки, хотя могли использоваться и для иных целей. Рубка и теска топором являлись самыми распространенными операциями в технике обработки дерева.

Подгруппа 1 – проушные (7 экз., рис.143/1-7).

Тип 1 – топор, лезвие которого, плавно расширяясь в обе стороны, составляет более 1/2 к общей длине орудия (категория Б по билярской классификации) (1 экз., рис./1). Длина 16 см, ширина лезвия 9,5 см. Топор с округлым обухом и двумя парами заостренных и несколько оттянутых щековиц. Характерной особенностью топоров этого типа, включая и топор из Рождественского городища, являются небольшие размеры при относительно широком лезвии. Такие топоры могли использоваться для столярных и бондарных работ, но не исключено, что они могли применяться и в боевых целях [Культура Биляра 1985, с.40].

Тип 2 – широколезвийные топоры (4 экз., рис./2-5) с выемкой и опущенным лезвием, у которых ширина лезвия относится к общей длине орудия примерно как 1:2 или чуть менее. Они имеют уплощенный обух, подтреугольный (острием вниз) проух.

Подтип 2.1 — с одной парой заостренных щековиц, оттянутых в сторону топорища (тип BIIIб по билярской классификации). Общая длина этих топоров 14-17,4 см. Эти небольшие топоры могли использоваться как столярно-бондарный инструмент. Не исключено их применение как боевых орудий [Культура Биляра 1985, с.49].

Подтип 2.2 – с парой слегка скошенных боковых щековиц (1 экз., рис./6). Длина 15 см, ширина лопасти 6,8 см. По форме он сходен с топором типа BIIIг из коллекции Биляра [Культура Биляра 1985, с.49, табл.XVI/4], с древнерусскими топорами XI-XII вв. [Кирпичников 1966, с.37, табл.XVI/3].

Подтип 2.3 – с парой прямых боковых щековиц. Общая длина орудия составляет 15,5 см, ширина лопасти – 6,5 см. этот топор имеет сходство с топором типа BIIIв из билярской коллекции [Культура Биляра 1985, с.49, табл.XVI/5], подобные топоры с закругленным обухом известны на удмуртских памятниках начала II тысячелетия н.э. [Иванова 1978, табл.II/4]. Схожие древнерусские рабочие топоры X-XII вв. отличаются более массивным и широким лезвием.

Последние два подтипа топоров, судя по незначительным размерам, вероятно, служили орудиями столяра. Проушные топоры с выемкой и опущенным лезвием на Руси в период с X по XIII в. были самым массовым типом [Древняя Русь 1985, с.255. Табл.97/1-7].

Анализ железных предметов Рождественского городища из раскопок Ю.А. Полякова 1981 г., проведенный А.П. Зыковым, показал, что обух топора (ан.769) имеет многослойную ферритную структуру [Зыков 1987, с.151].

Подгруппа 2 – втульчатые топоры (4 экз., рис./9-12). Втульчатые топоры со слегка расширяющимся книзу лезвием, так называемые топоры-кельты, длиной 12-17 см, не имеют угла отклонения оси лезвийной части от оси втулки. Такие топоры с древности преобладали в основном в лесной зоне. В частности, они находят широкие аналогии в материалах поломской культуры [Семенов 1980, табл.XVI/1-7], известны на ломоватовских могильниках, таких как Баяновский, Аверинский, Русиновский [Голдина 1985, с.58, табл.XXVIII/1-3; Голдина, Кананин 1989, рис.58/1-2]. Втульчатые топоры, наряду с проушными, встречены на городище Иднакар [Иванова 1998, с.100, рис.3/2], на Варнинском могильнике [Семенов 1980, табл.XVI/1-7]. Несколько более развитые образцы с заметным углом отклонения оси лезвийной части от оси втулки происходят из погребений второй половины IX – первой четверти X в. Танкеевского могильника [Казаков 1971, с.103, табл.VII/12-13]. В XI в. такие топоры, видимо, выходили из употребления [Казаков 1991, с.86].

Поскольку большинство топоров происходит из богатых мужских погребений Рождественского могильника, можно предположить, что они использовались, главным образом, как боевые. Во многих топорах сохранились остатки деревянного топорища и железные клинья. Один клин (рис.143/8) происходит с раскопа IV городища.

Группа 2 – ТЕСЛО (1 экз., рис.143/13). Железное тесло имеет сомкнутую трубчатую втулку длиной 6 см диаметром 3 см и широкое подтреу-

гольное лезвие шириной 7 см, боковые стороны лезвия отогнуты, за счет чего режущее лезвие имеет полуовальную форму.

Тесла являются вторым по значению универсальным орудием для обработки древесины. Теска (отеска) теслом или топором находила широкое применение в технике обработки дерева. В отличие от мотыжек, тесла имеют следы заточки с внутренней стороны лезвия, что отмечается и на экземпляре с Рождественского городища. Втульчатые тесла, рассчитанные на работу одной рукой, имели легкое лезвие и небольшую коленчатую рукоятку. Подобные тесла, судя по аналогиям с Биляра, могли использоваться для выдалбливания бортей и мелких слесарных работ [Культура Биляра 1985, с.50-54, табл.XVII].

Группа 3 – НАСТРУГИ (2 экз., рис.143/14-15) в виде небольшой скобы клиновидного в рабочей части сечения. Длина лезвия у одного экземпляра 8 см, у другого – 3,6 см. Аналогичные предметы известны в Биляре [Культура Биляра 1985, с.56, табл.XXI/4], на Иднакаре [Иванова 1998, с.109, рис.35/8]. Лезвие наструга похоже на маленький прямолинейный скобель с отходящими вверх ручками. Это лезвие вставлялось ручками в деревянную колодку и закреплялось клиньями, фиксируя, таким образом, необходимую толщину стружки. Этим инструментом строгать было гораздо легче, а главное, всегда можно было брать стружку определенной толщины, регулируя железку. Поверхность изделия получалась более гладкой, чем при обработке скобелем. Ширина лезвия, а следовательно, и ширина стружек колебалась от 5 до 9 см. Железки от настругов широко представлены в древнерусских материалах, например в Новгороде, на Райковецком, Сарском городищах и других памятниках [Древняя Русь 1985, с.257].

Группа 4 – ДОЛОТО (1 экз., рис.144/1) представляет собой цельнометаллический стержень длиной 18 см внизу прямоугольного, вверху квадратного сечения. Ширина жала 1,5 см. Аналогичные долота известны на территории Волжской Булгарии, где они несколько отличаются от древнерусских [Культура Биляра 1985, с.54, табл.XX/1-4].

Долота использовались для долбления пазов и выемов.

Группа 5 — СТАМЕСКИ (2 экз., рис.144/5-6). Инструменты для вырезания пазов, снабжались деревянной рукоятью.

Тип 1 – стамеска с прямым лезвием шириной 1,5 см (1 экз., рис.144/6). Ее противоположный уплощенный конец, развернутый в перпендикулярной плоскости к плоскости лезвия, вероятно, вставлялся в деревянную рукоятку. Общая длина 9 см, длина рабочей части 5 см.

Тип 2 – стамеска с выемчатым лезвием (1 экз., рис.144/5). В виде цельнометаллического стержня длиной 9,5 см, нижняя рабочая часть которого круглого сечения, верхняя — уплощенная для удобства присоединения рукояти.

Группа 6 – СВЕРЛА (3 экз., рис.144/2-4).

Тип 1 – перовидные сверла в виде металлического стержня с плоским черенком длиной 12,5 и 15,5 см для крепления деревянной рукоятки в верхней части и заостренным пером ложковидной формы с двумя острыми режущими гранями шириной 1 см в нижней рабочей части (2 экз., рис.144/2-3). Верхней частью черенок сверла вставляли в деревянную рукоятку Т-образной формы [Древняя Русь 1985, с.257].

Тип 2 – сверло в виде четырехгранного стержня толщиной 0,3-0,5 см,

длиной 7 см с плоским щитком в середине (1 экз., рис.144/4). Такие сверла-дрели с лучковым приводом предназначенные для изготовления отверстий малого диаметра, бытовали в XII-XIII вв. на Руси [Колчин 1959, с.67; Древняя Русь 1985, с.271, табл.111/2]. Подобные сверла известны на Золотаревском поселении в Посурье [Белорыбкин 2001, с.89, рис.54/10], в городе Болгаре [Город Болгар 1988, с.238, рис.104/6]. Они могли применяться как в деревообработке, так и в косторезном производстве [Город Болгар 1988, с.238, рис.104/6; Древняя Русь 1985, с.271].

Группа 7 – РЕЗЦЫ (5 экз., рис.144/7-11).

Тип 1 – резец с прямым заточенным режущим краем, снабженный вверху ушком для крепления рукояти (1 экз., рис.144/7). Длина 7 см, ширина рабочей части 0,5 см.

Тип 2 — небольшие резцы, закругленные внизу (2 экз., рис.144/8-9), с прямым заточенным режущим краем. Стержень подквадратного сечения длиной 5-7 см. По всей видимости, применялись для вырезания выемок. Один экземпляр в верхней части имеет два "ушка", вероятно, для крепления рукояти (рис.144/8). Подобные резцы из коллекции Болгара рассматриваются как косторезные орудия [Город Болгар 1988, с.238, рис.104/4].

Тип 2 – резцы-ложкари (2 экз., рис.144/10-11) сделаны из железного стержня длиной 9-10 см с крючком на конце в виде тонкой пластины. Рабочая изогнутая часть имеет двустороннее лезвие. Подобные резцы применялись для обработки внутренних объемов небольших деревянных изделий, преимущественно ложек. Они бытовали на Руси [Древняя Русь 1985, с.258], в Волжской Булгарии [Казаков 1984, рис.43; Город Болгар 1996, рис.8], у финно-угорских народов [Белорыбкин 2001, с.92; Савельева 1987, с.51] в течение длительного времени.

Группа 8 – ГВОЗДИ (62 экз., рис.134/16-19; рис.145/1-26) наиболее широко применялись для соединения деревянных деталей в изделиях или сооружениях.

Подгруппа 1 – железные (58 экз., рис.145/1-26). Железные гвозди являются одной из массовых находок на средневековых памятниках. Они колеблются по длине от малых, длиной 2-4 см, до больших, длиной до 14 см. По форме сечения стержня все они одинаковые – имеют квадратное или прямоугольное сечение. Встречен лишь один фрагмент гвоздя круглого сечения (рис.145/26). Заостряется гвоздь плавно от острия вдоль стержня до головки.

Тип 1 – собственно гвозди в виде стержня с плоской расплющенной шляпкой (18 экз., рис.145/6-18, 25-26).

Подтип 1.1 – с круглой или овальной шляпкой (13 экз., рис.145/6, 8-13, 16-17, 25-26). Большинство гвоздей данного подтипа имеют достаточно большие размеры. Специально выкованные широкие шляпки таких гвоздей, достигающие в диаметре до 2,5 см, были рассчитаны на большую нагрузку. По мнению Е.П. Казакова, такие гвозди могли применяться в плотничьем деле, и их можно определить в качестве строительно-крепежных [Казаков 1991, с.66].

Подтип 1.2 – с подпрямоугольной и квадратной шляпкой (4 экз., рис.145/7, 14-15, 18).

Тип 2 – костыли, у которых шляпкой служит загнутый конец стержня (32 экз., рис.145/1-5). Длина таких гвоздей колеблется от 2 до 10 см, но

наиболее широко представлены стандартные костыли длиной 6-7 см. Технология изготовления костылей была упрощенной – зажав в тисках подтреугольный вытянутый стержень прямоугольного сечения, кузнец ударом вбок формировал на верхней части головку. Костыли были предназначены в основном для сколачивания досок. В частности, в Волжской Булгарии они применялись для изготовления гробовищ [Халикова 1976, с.39-59]. Так и на Рождественском археологическом комплексе большинство костылей (23 экз.) происходит из погребений мусульманского могильника (рис.41/5), 1 экз. – из языческого могильника.

Тип 3 – плоские гвозди Т-образной формы (8 экз., рис.145/19-24). Эти гвозди, как правило, имеют небольшую длину – 3-5 см, реже достигают 6-7 см. Такие гвозди использовались, в частности, для прибивания подков [Казаков 1991, с.66; Белорыбкин 2001, с.71].

Близки гвоздям и **железные заклепки** (2 экз., рис.145/27-28) в виде стержня круглого сечения с широкой расплющенной овальной головкой, которые после забивания их в стенку изделия незначительной толщины с обратной стороны расплющивались, придавая жесткость креплению.

Подгруппа 2 – медные (4 экз., рис.134/16-19).

Тип 1 – гвозди в виде короткого (1,5-2 см) стержня круглого сечения с расплющенной округлой шляпкой (3 экз., рис.134/16-18).

Тип 2 – гвоздь-заклепка, свернутый из тонкой пластины с заостренными концами (1 экз., рис.134/19).

Медные гвозди и заклепки, судя по сохранившимся фрагментам изделий (рис.134/8-9), использовались для крепления металлических обойм на края деревянных сосудов, а также, возможно, при изготовлении небольших деревянных предметов, таких как ларцы и шкатулки.

Группа 9 – СКОБЫ (3 экз., рис.142а/15-16; рис.145/29-31). Двушипные железные скрепы-скобы квадратного или прямоугольного сечения применялись для скрепления деревянных торцевых узлов или продольных швов [Древняя Русь 1985, с.258].

Тип 1 — маленькая скоба с расширенной по центру соединительной планкой длиной в 4 см (рис.145/30) могла использоваться как лодочная.

Тип 2 — более крупные скобы в виде согнутого П-образно прямоугольного в сечении прутка шириной до 1 см, с соединительной планкой 8-10 см (рис.145/29, 31). Эти скобы могли использоваться как строительные [Древняя Русь 1985, с.258; Казаков 1991, с.68].

Тип 3 – скобы, согнутые П-образно из широкой подтреугольной пластины толщиной 0,5 см таким образом, что один забиваемый в дерево конец был широкий, другой – узкий (рис.142а/15-16/). Свидетельством использования данных предметов в качестве скоб могут являться остатки древесины на одном экземпляре (рис.142а/16).

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОРУДИЯ

Группа 1 – НОЖИ (169 экз., рис.146-150). Ножи среди орудий труда являются одной из самых распространенных категорий на городище, широко представлены они и на могильнике. 146 экз. ножей имеют достаточную сохранность для их классификации, остальные фрагменты представляют

собой верхнюю часть лезвия.

По своему функциональному назначению ножи делятся на две подгруппы: хозяйственно-универсальные и специализированные.

Подгруппа 1 — хозяйственно-универсальные ножи (131 экз., рис.146-147а). К ним относят ножи с прямой или чуть опущенной к острию спинкой, но само острие не опускается ниже оси черешковой части ножа [Культура Биляра 1985, с.56]. Лезвия ножей в сечении клиновидные.

Тип 1 – с четким переходом от черенка к клинку со стороны спинки и лезвия (113 экз.). По форме перехода от черенка к клинку, по мнению Е.П. Казакова, могут быть выделены следующие разновидности: 1 – с четким прямоугольным переходом с обеих сторон, в том числе и с пластинчатым перекрестием при переходе от рукояти к черенку (на Рождественском городище 1 экз., рис.148/18), 2 — с пологим переходом с обеих сторон, 3 — с резким переходом со стороны спинки и пологим со стороны лезвия и наоборот.

Подтип 1.1 – клинок плавно закругляется со стороны лезвия и завершается слабо выраженным острием (71 экз., рис.146, 147, 147а). Размеры от 7 до 22 см в длину, ширина клинка у несточенных экземпляров от 1 до 1,6 см. Такие наиболее массовые ножи широко применялись для разнообразных хозяйственных и бытовых нужд. Длинные узкие ножи (рис. 146/1, 3), близкие к русским "засапожным" [Колчин 1959, с.55, рис.43/В], по предположению Е.П. Казакова, могли применяться и для забоя животных [Казаков 1991, с.77, рис.30/35], по своим параметрам могут быть отнесены к **боевым ножам**.

Подтип 1.2 – клинок закругляется на конце (6 экз., рис. 148/1-4, 13). Размеры: длина 7-13 см, ширина лезвия 1-1,2 см. Такие ножи, вероятно, можно отнести к специализированным столовым. По мнению историков материальной культуры, обеденные ножи с концами овальной тупой формы распространились в Европе уже с периода средневековья [Ковалев 1993, с.13-14], откуда эта форма вполне могла проникнуть и в Прикамье.

Подтип 1.3 – с широким клинком листовидной формы, и лезвие и спинка скругляются к острию (12 экз., рис.148/5-12,16-17).

Вариант 1 – ножи, напоминающие обычные хозяйственные, но с более широким клинком; длина 7-15 см, ширина клинка 1,4-1,9 см (10 экз., рис.148/5-12).

Вариант 2 – широкие листовидные ножи с округлой спинкой (2 экз., рис.148/16-17); длина 10-14 см, ширина клинка 2,7-3 см.

По мнению Е.П. Казакова, такие ножи могли использоваться для разрезания кожи [Казаков 1991, с.77, рис.30/25]. Подобные ножи, схожие с хозяйственными, но с более коротким и широким полотном и слегка искривленным лезвием, использовались в качестве сапожных на Руси [Древняя Русь 1985, с.270, табл.110/5]. И.А. Закирова относит подобные ножи к косторезному инструментарию [Город Болгар 1988, рис.104/1]. А.М. Белавин считает, что данные ножи находят аналогии среди медорезных ножей, и по сей день представленных в инструментарии пчеловодов [Белавин 2007, с.226].

Тип 2 – без перехода от черенка к спинке клинка, со стороны лезвия – прямой или плавный переход (13 экз., рис.149/1-13). Такие ножи, по мнению Е.П. Казакова, предположительно являются бритвами, но могли использоваться и как медицинские инструменты [Казаков 1991, с.77-78, рис.30/28-30].

Тип 3 – без перехода от черенка к лезвию клинка, со стороны спинки прямой или плавный переход (3 экз., рис.149/16-18).

Тип 4 – без перехода от черенка к клинку (2 экз., рис.149/14-15). И.А. Закирова рассматривает подобные ножи, как инструменты косторезов [Город Болгар 1988, с.238. рис.104/2].

Таким образом, многие хозяйственно-универсальные ножи могли использоваться и в качестве инструментов кожевенников, косторезов. Нож служил и универсальным орудием обработки дерева в малых объемах.

Анализ железных предметов Рождественского городища из раскопок Ю.А. Полякова 1981 г., проведенный А.П. Зыковым, показал, что ножи изготовлены по трем технологическим схемам.

Шесть ножей сделано по схеме трехслойного пакета (ан. 757-759, 762-764). В качестве центральной полосы одного (ан. 764) использовалась сырцовая неравномерно науглероженная сталь, а остальных – среднеуглеродистая сталь. У трех орудий (ан. 757-759) для боковых полос использовались многослойные железные заготовки, а у одного ножа (ан.762) одна из полос сделана из неравномерно науглероженной стали. Все изделия этой группы имеют следы термообработки: структуру мартенсита (ан. 757-759, 764), мартенсита и троостита (ан. 762), сорбита (ан. 763). Возможно, к этой группе относился и нож, изготовленный из заготовки, сваренной из полосы малоуглеродистой стали (0,2-0,3% углерода), проходящей через центр клинка, и трех железных полос. Не исключено, что мастер в данном случае использовал принцип трехслойного пакета, но допустил ошибку в выборе сырья для центральной полосы.

Два ножа сделаны по технологии вварки стальных лезвий в железную основу клинков (ан. 760-761). Лезвия их сохранили следы закалки – структуру мелкоигольчатого мартенсита. Один нож (ан. 756) изготовлен из двухслойной заготовки, сваренной из полос сырцовой стали и железа [Зыков 1987, с.148].

Подгруппа 2 – ножи специального назначения (13 экз., рис.148/14-15; рис.150/1-11).

Тип 1 – рабочие ножи для резьбы по дереву, или столярные. Для них характерна изогнутая спинка, ось черешка проходит выше конца лезвия (8 экз., рис.150/1-8). Размеры: длина 10,5-17,5 см, ширина лезвия 1-1,2 см.

Тип 2 – ножи для обработки кожи и кости (5 экз., рис.148/14-15, рис.150/9-11).

Подтип 2.1 — клинок прямой со стороны лезвия, со слабо выраженным уступом при переходе к черешку. "Горбатая" спинка клинка, с плавным уступом, переходит в тупой на конце черешок (2 экз., рис.148/14-15). Размеры: длина 9-11 см, ширина лезвия 1,4-1,7 см. Подобные ножи, но без уступов при переходе лезвия к черешку, известны в коллекции Биляра [Культура Биляра 1985, с.57, табл.XXV/1-2] и на других булгарских памятниках. Они могли использоваться для обработки и орнаментации костяных изделий [Казаков 1991, с.78].

Подтип 2.2 – ножи с лезвием, отходящим под углом вверх от оси черешка (3 экз., рис.150/9-11).

Вариант 1 – клинок длиной 8 см, шириной 1 см плавно переходит в широкий черешок, дугообразно изгибающийся под углом вверх (1 экз., рис.150/9). Подобные ножи, но с черешком, расположенным под углом к

лезвию, известны в коллекции Биляра [Культура Биляра 1985, с.57, табл.XXV/4-5]. Такие ножи с коленчатой черенковой рукоятью на Руси использовались как сапожные. Такими ножами было удобно раскраивать кожу, резать движениями от себя [Древняя Русь 1985, с.270, табл.110/2].

Вариант 2 – ножи с короткими (3-4 см) клинками листовидных очертаний со слабо выраженными уступами при переходе к черешку. Аналогичный нож найден в слое X в. Биляра [Культура Биляра 1985, с.57, табл.XXV/3], найдены подобные ножи и на других поселениях Волжской Булгарии [Казаков 1991, с.77]. Несмотря на незначительные размеры, этот тип напоминает сапожные ножи, известные по новгородским материалам [Колчин 1959, рис.43/Г, с.56]. С другой стороны, подобные ножи известны в женских погребениях Танкеевского могильника, и вполне вероятно их использование в женском ремесле или каких-то гигиенических целях [Казаков 1971, с.102, табл.VI/8, 10].

Подгруппа 3 – рукояти ножей (19 экз., рис.150/12-28, 31).

Тип 1 – деревянные. Вероятно, наиболее распространенными были деревянные рукояти, остатки которых в отдельных случаях фиксируются на черешках железных ножей (рис.148/1, 7, 15). В погр.№ 26 Рождественского могильника рукоять с обкладкой из меди сохранилась целиком (рис.56/11). Она имеет форму цилиндра длиной 6 см, толщиной 2 см. Верхний конец аккуратно срезан в форме полусферы. Обкладка представляла собой медную пластину, целиком покрывающую рукоять, завершающуюся валиком с тремя "поясками" в месте перехода рукояти к клинку. В данном погребении сохранились и остатки деревянных ножен с медной обкладкой, оформленной аналогично обкладке рукояти. В материалах городища также известны медные пластинчатые обоймы от деревянных ножен (рис.150/29-30). Подобные деревянные рукояти с аналогичным оформлением из бронзы известны на Кичилькосьском могильнике X-XI века [Савельева 1968, табл.IV/32].

Деревянные рукояти иногда украшались **медными обоймами** (4 экз., рис.150/25-28), представлявшими собой узкую полоску металлической пластины, обернутую вокруг рукояти в месте ее перехода к клинку; диаметр обойм 1,3-1,7 см. Ножи с сохранившимися серебряными и медными обкладками и фрагментами рукоятей известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). В коллекции имеется и железная обойма, которая могла использоваться на рукояти ножа (рис.150/24).

Аналогичные бронзовые обоймы (яйцевидные муфты) известны, например, в материалах Белоозера [Захаров 2004, рис.119/8-9].

Тип 2 – костяные (13 экз., рис.150/12-23).

Подтип 2.1 – цельные (4 экз., рис.150/12-15) цилиндрические или овальные в сечении с высверленной серединой для укрепления черешка.

Вариант 1 – рукоять в виде прямого полированного стержня овального сечения с фигурным навершием, образованным плавной линией в виде "арки" (1 экз., рис.150/12). Длина рукояти 8 см, толщина 1 см. Аналогичные рукояти широко представлены в коллекциях Биляра [Культура Биляра 1985, табл.XXXI/1-2, 7-9, 15-16, 23], Болгара, в Саркеле-Белой Веже [Город Болгар 1988, с.221, тип I 2Б, рис.96/5], в Пермском Предуралье – на городище Анюшкар [Ленц 2002, рис.70/3].

Вариант 2 – рукоять в виде вытянутого конуса длиной 9 см, толщиной внизу 1,1 см (1 экз., рис.150/13).

Вариант 3 – рукояти из необработанной кости (2 экз., рис.150/14-15). Одна длиной 10 см, толщиной 1-2 см, вторая длиной 5 см, толщиной 0,8-1,8 см.

Подтип 2.2 – составные (9 экз., рис.150/16-23).

1 – центральные элементы в виде трубочек (6 экз., рис.150/17-22). Их длина варьируется от 1 до 3 см, диаметр от 1 до 2 см. Аналогичные известны в материалах городищ Анюшкар [Ленц 2002, рис.70/12], Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.83/31].

2 – навершие (1 экз., рис.150/16) в виде цилиндра длиной 3 см, диаметром 1,7 см, верх которого выполнен в виде слабо выступающего конуса. Аналогичные известны в материалах городища Анюшкар [Ленц 2002, рис.70/9].

3 – затыльники (2 экз., рис.150/23) – миндалевидные пластинки толщиной 0,5 см с круглым срединным отверстием и заштрихованной тыльной стороной. Затыльники крепились на торце деревянной или костяной рукояти ножа. Затыльники имеют широкие аналогии в Волжской Болгарии и на Руси [Город Болгар 1988, с.222, рис.97/1-3]. Хорошо известны и в Пермском Предуралье, в частности, на городище Анюшкар [Ленц 2002, рис.70/6-7].

Группа 2 – ТОЧИЛЬНЫЕ КАМНИ (рис.151). Одним из видов механической обработки металла кузнецами и слесарями было обтачивание изделий на наждачных камнях. У большинства качественных изделий после кузнечной ковки поверхность обрабатывалась на камне, а у некоторых изделий конструктивные элементы формы вытачивали простым или фигурным камнем. Это был единственный вид технологической операции холодной обработки черного металла, не считая обработки напильником [Древняя Русь 1985, с.250]. В повседневной жизни также необходимо было производить заточку ножей, различных других орудий и оружия, для чего использовались оселки.

Подгруппа 1 – точильный круг (1 экз., рис.151/1) диаметром 8,4 см, толщиной 1,5 см с центральным отверстием диаметром 3 см. Точильный круг с ручным или ножным приводом являлся важным приспособлением в кузнечной мастерской. Такие круги известны в Новгороде [Древняя Русь 1985, с.250].

Подгруппа 2 – оселки (20 экз., рис.151/2-19, 21-22). Представляют собой сильно стертые бруски или плитки из мелкозернистого серого песчаника. Часть ровных плиток, вполне вероятно, являются фрагментами верхних створок двусоставных литейных форм (рис.151/20). Песчаниковая плитка с желобком (рис.151/13), вероятно, служила в процессе изготовления древков стрел.

Группа 3 – ШИЛЬЯ И ИХ РУКОЯТИ (22 экз., рис.152). Шилья использовались как универсальный инструмент в шорном и сапожном ремеслах, а также для различной другой работы дома и в мастерской, в условиях военного похода и охотничьего промысла. Поэтому шилья довольно часто присутствуют в погребальном инвентаре. Их обычно делали с длинными уплощенными черенками, на которых крепились рукояти из дерева или рога.

Подгруппа 1 – шилья (17 экз., рис.152/6-20).

Тип 1 – шилья в виде прямого стержня, слегка сужающегося в сторону рабочей части, длиной 9-11 см. Заточенный рабочий конец квадратного сечения, верхняя часть – прямоугольного сечения (3 экз., рис.152/6-8).

Тип 2 – шилья в виде стержня длиной 10 см, плавно расширяющиеся в центральной части (2 экз., рис.152/9-10). Рабочий конец квадратного се-

чения, верхняя часть — прямоугольного.

Тип 3 – шилья небольших размеров – длиной 5-9 см, с заостренным рабочим концом и уплощенным ромбовидным черенком прямоугольного сечения (10 экз., рис.152/11-19).

Вариант 1 – с рабочим концом квадратного сечения (9 экз., рис.152/11-19).

Вариант 2 – с рабочим концом круглого сечения (1 экз., рис.152/20).

Аналогичные типы шильев имеют широкое распространение, как на Руси, так и в Волжской Булгарии [Казаков 1991, с.79]. Подобные известны и на городище Иднакар, но там преобладают шилья с острием круглого сечения [Иванова 1998, с.109].

Подгруппа 2 – рукояти шильев (6 экз., рис.; рис.5/1; рис.152/1-5), среди них 3 экз. из раскопок Ю.А. Полякова и А.М. Белавина представляют собой незавершенные заготовки (рис.152/1-2, 5). Все они имеют Т-образную форму. Обычно в выступах рукоятей просверливались два сквозных отверстия. Кроме того, известны еще и футляры на острие шила в виде костяной трубочки с двумя выступами вверху, также снабженными сквозными отверстиями. При помощи кожаных ремешков, продеваемых в отверстия, футляр и рукоять скреплялись вместе и подвешивались к поясу. В таком виде их было безопасно носить при себе в условиях походной жизни. Шилья с рукоятями и футлярами представлены в материалах Белоозера [Голубева 1973, с.126].

Тип 1 – с прямой спинкой (4 экз., рис.5/1; рис.152/3-4, рис.152/5 — заготовка). Готовые экземпляры имеют на концах сквозные отверстия.

Вариант 1.1 – поверхность рукояти покрыта циркульным орнаментом (1 экз., рис.152/3).

Вариант 1.2 – поверхность рукояти покрыта точечным орнаментом (1 экз., рис.152/4).

Вариант 1.3 – лицевая поверхность заготовки рукояти обведена по контуру двойной резной линией, в центре – крест (1 экз., рис.152/5).

Вариант 1.4 – на торцевой площадке рукояти из раскопок Н.Н. Новокрещенных прочерчена тамга, представляющая собой стилизованное изображение сохи (1 экз., рис.5/1).

Рукояти шильев широко распространены на памятниках Пермского Предуралья в материалах X-XI вв. [Крыласова, 2007, с.233-235].

Тип 2 – с выпуклой спинкой (2 экз., рис.152/1-2, заготовки; цв. вкл. О/6) – типы 2-3 по Н.Б. Крыласовой. Такие рукояти преобладают в слоях XI-XIV вв. [Крыласова, 2007, с.232-235].

Подобные рукояти известны на многих памятниках Прикамья [Смирнов 1952, табл.XVI/10], в частности, на городищах Анюшкар [Ленц 2002, с.227, рис.70/8], Родановом [Талицкий 1951, с.28], Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.77/2]. Представлены у финно-угров [Халиков, Безухова 1960, рис.36/4; Архипов 1973, рис.63/3, 5; Савельева, Королев 1990, рис.10/4; Иванова 1998, с.162, рис.66/1-4, 6-7, 14], в Биляре [Культура Биляра 1985, табл.XXXII/1-3], на Белоозере, в Новгороде, в слоях славянского периода в Саркеле [Голубева 1973, с.126-128, рис.45/1, 3, 5; Сорокин 1959, с.162, рис.14/11], известны также в Норвегии и Дании [Голубева 1973, с.128]. Не смотря на такое широкое распространение данного вида изделий, большинство исследователей связывают истоки роговых рукоятей шильев Т-образной формы с тер-

риторией Прикамья. Возможно, причиной их популярности было удобство использования в условиях охоты и военного похода [Седых, Макарова 2001, с.98].

Судя по сохранившимся следам на отдельных изделиях, существовали и деревянные рукояти шильев.

ОРУДИЯ ДЛЯ ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВ

Группа 1 – РАЗБИЛЬНИКИ (40 экз., рис.153/1-2), применялись для разминания кожаных ремней. Разбильники для широких ремней делались преимущественно из метаподий лошади. Средняя часть костей сильно сработана, большая часть разбильников из коллекции сломана в центральной, наиболее стертой части. Для размягчения узких ремешков и шнурков использовались просверленные бычьи лопатки [Ленц 2002, с.227].

Группа 2 – ОРУДИЯ ДЛЯ ПЛЕТЕНИЯ.

Подгруппа 1 – кочедыки (55 экз., рис.154-157). Орудия в виде уплощенных, овальных в сечении или трехгранных палочек с заостренным и несколько приподнятым рабочим концом использовались для плетения корзин, лаптей, сумок, сетей и других изделий из бересты, лыка, луба, кожи и прутьев. Изготавливались они из ребер и расколотых трубчатых костей крупных животных. Например, анализ ряда подобных предметов с Рождественского городища, проведенный П.А. Косинцевым, показал, что для изготовления кочедыков применялись главным образом метаподи крупного рогатого скота и лошади. Кочедыки различаются размерами, соотношением длины и ширины, степенью заостренности, оформлением [Ленц 2002, с.225-226]. Большинство предметов имеют либо отверстия для привешивания, либо подрезку для привязывания шнурка. Орнаментированных предметов сравнительно немного, они составляют всего 7% от общего количества кочедыков. На этих изделиях, которые отличаются более завершенной формой и тщательной полировкой, представлен резной орнамент в виде косой решетки (2 экз., рис.154/1-2), елочки (2 экз., рис.154/4, 12), зигзага (1 экз., рис.153/13). На 3 экземплярах имеется тамга (рис.154/5, 8; рис.155/10).

Подгруппа 2 – костяные иглы (11 экз., рис.159/6-15: 28). Судя по крупным размерам (длина 6,5-9,5 см, толщина в районе ушка 0,5-1 см), они могли использоваться в основном для плетения сетей, для шитья эти иглы слишком толстые. Согласно определению П.А. Косинцева, для изготовления игл использовались, преимущественно, лучи осетровых.

Группа 3 – ОСТРИЯ, ПРОКОЛКИ, ШВЕЙНЫЕ ИГЛЫ (42 экз.).

Подгруппа 1 – острия (5 экз., рис.158/1-5), нередко обозначены в литературе как костяные шилья или проколки, включают в себя острия из рога оленя, обычно изготовлявшиеся из глазного отростка.

Тип 1 – длинные отростки рога, заточенные с острого конца, на противоположном конце – неглубокое отверстие неясного назначения, так как в нем невозможно закрепить черешок какого-либо орудия (3 экз., рис.158/1-3). Один экземпляр (рис.158/3) тщательно заполирован, другие отличаются грубостью обработки.

Тип 2 – отростки рога, подточенные на конце, противоположном острию, вероятно для вставки во втулку (2 экз., рис.158/4-5). Один экземпляр

имеет сквозное отверстие в верхней части (рис.158/4).

Подобные находки широко распространены на евразийских степных памятниках. Большинство исследователей сходятся во мнении, что роговые острия, хотя не исключено их использование в качестве рукоятей ножей и плетей, вероятнее всего применялись для развязывания узлов и, наряду с шилом, для расширения отверстий в ремнях. Инструмент этот был необходим охотнику, особенно конному, и входил в набор портупеи вместе с ножом и огнивом, что подтверждают находки из мужских захоронений [Флерова 1996, с.279]. Костяные или роговые острия были также необходимой принадлежностью при плетении из кожаных ремешков [Флерова 1996, с.281].

Подгруппа 2 – проколки (28 экз., рис.158/6-9, рис.159/21, 23, 25-27, 29-30) менее универсальное орудие по сравнению с шилом, применялись, очевидно, только в домашнем хозяйстве.

Тип 1 — (21 экз., рис.158/6-9) наиболее примитивные подручные инструменты в виде грифельных костей лошади, коровы, лося, реже – отростков рога лося и северного оленя, ребер крупного рогатого скота (определение П.А. Косинцева), обработка которых заключалась лишь в небольшой подправке острия и заточке. Они легко ломались, поэтому, по мнению Г.Т. Ленц, в целом виде их можно было использовать только для работы с мягкими материалами – войлоком или берестой. Для работы с кожей тонкие концы грифельных костей отламывались, оставшаяся часть заострялась [Ленц 2002, с.227].

Тип 2 – тонкие заостренные куски более прочных трубчатых костей мелких животных и птиц (5 экз., рис.159/21, 23, 25-27), вероятно, использовались в качестве проколок при шитье изделий из кожи. Такие проколки зачастую встречаются внутри игольников из бедренных костей куницы (определение П.А. Косинцева), снабженных отверстием для привешивания в верхней части (рис.159/20-24). Подобные игольники хорошо известны на территории Пермского Предуралья, в частности, на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Тип 3 – более тщательно обработанные проколки с площадкой для заглаживания швов (2 экз., рис.159/29-30). Со стороны "лопаточки" у обоих экземпляров имеется небольшой треугольный вырез. Один экземпляр (рис.159/29) снабжен круглым отверстием.

Подгруппа 3 – швейные иглы (14 экз., рис.159/16-19) – стальные иглы длиной 3,5-6,5 см, толщиной от тонких (менее 1 мм) до толстых (0,3 см), по конструкции совершенно сходны с современными ручными швейными иглами. Они слегка приплюснуты в районе ушка и заострены с противоположной стороны. Техника изготовления стальных игл была довольно сложной и очень трудоемкой. Овладеть такой техникой мог только специализированный кузнец, у которого должны были быть специальные микрорезцы, бородки и другие инструменты [Древняя Русь 1985, с.253-254].

Аналогичные иглы на территории Пермского Предуралья известны на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц), селище Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой).

Группа 4 – ОРУДИЯ ДЛЯ ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА.

Подгруппа 1 – пряслица (59 экз., рис.160-163) – утолщенные диски с отверстием. Пряслица – единственная категория орудий для прядения, представленная на Рождественском археологическом комплексе. Прясли-

це надевалось на нижний конец веретена и служило для усиления вращательного момента веретена при скручивании нити [Древняя Русь 1985, с.267].

Тип 1 – костяные (2 экз., рис.160/1-2) в виде полушария, представляющего собой срез эпифиза бедренных костей крупных животных, диаметром 4-4,5 см с просверленным центральным отверстием. Аналогичные пряслица использовали в этнографическое время ханты. А.А. Попов отмечал, что такие большие и в то же время легкие пряслица надевали на веретено, предназначенное не для прядения растительных волокон и шерсти, а для ссучивания нитей из этих материалов, а также сухожилий и волоса [Попов 1955, с.89, 93]. Аналогичные пряслица известны на городище Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.78/5].

Тип 2 – каменные (2 экз., рис.160/3, 15) из серого шифера.

Вариант 1 — в виде плоского диска диаметром 3 см толщиной 0,7 см, украшено орнаментом из резных радиальных линий (рис.160/3).

Вариант 2 – в виде диска эллипсовидного сечения диаметром 3.5 см, толщиной 1,5 см (рис.160/15).

Тип 3 – изготовленные из стенок керамических сосудов – лепных и гончарных (11 экз., рис.160/4-14) в виде плоских дисков неправильной формы диаметром 2,5-4 см, толщиной 0,5-1,3 см, диаметр центральных отверстий 0,5-0,8 см.

Тип 4 – лепные глиняные (32 экз., рис.161-162).

Подтип 4.1 – овально-подпрямоугольного сечения (22 экз., рис.162). Диаметр 1,8-5,8 см, толщина 0,7-2,2 см, диаметр центрального отверстия 0,3-1,5 см. Аналогичные пряслица широко представлены, например, на городище Шудьякар [Голдина, Кананин 1989, рис.78/1-4], встречены на Аверинском могильнике [Голдина, Кананин 1989, рис.61/2, 4-5], на Варнинском могильнике [Семенов 1980, табл.XIX/1,3].

Подтип 4.2 — эллипсовидного сечения (5 экз., рис.161/1-5). Диаметр 3,5-5 см, толщина 1,5-2,3 см, диаметр центрального отверстия 0,8-1,3 см. Аналогичные известны на Варнинском могильнике [Семенов 1980, табл.XIX/4-5].

Вариант 1 – гладкие (рис.161/1-4).

Вариант 2 – с узким желобком по внешнему ребру (рис.161/5).

Подтип 4.3 – биконические (5 экз., рис.161/6-10). Диаметр 2-5,5 см, толщина 0,9-1,8 см, диаметр центрального отверстия 0,6-1,2 см.

Вариант 1 – с острым внешним ребром (рис.161/6). Аналогичные встречены на Аверинском могильнике [Голдина, Кананин 1989, рис.61/3].

Вариант 2 – вдоль внешнего ребра уплощенная площадка (рис.161/7-10).

Экземпляры данного подтипа подражают по форме пряслицам, изготовленным на гончарном круге.

Тип 5 – пряслица, изготовленные на гончарном круге (12 экз., рис.163). Диаметр 2,3-4 см, толщина 1,2-2,5 см, диаметр центрального отверстия 0,5-0,9 см.

Подтип 5.1 – овально-подпрямоугольного сечения (рис.163/2).

Подтип 5.2 – биконические (рис.163/1, 3-12).

Подгруппа 2 — костяные блоки горизонтального ткацкого станка (2 экз., рис.159/1-2).

Тип 1 – в виде кольца на подпрямоугольном держателе с отверстием для крепления, применялись для удержания ремизок в вертикальном положении (1 экз., рис.159/1).

Аналогичные блоки в большом количестве представлены в коллекции городища Иднакар [Иванова 1998, с.154, рис.81/9-11; 83/6], известны на городищах Весья-Кар [Семенов 1985а, рис.10/12], Анюшкар [Ленц 2002, рис.69/4].

Тип 2 – в виде "коромыслица" с выемкой для движения веревки, являлись деталями ткацкого станка, передающими нитям возвратно-поступательное движение.

Аналогичные блоки представлены в коллекции городищ Иднакар [Иванова 1998, с.154, рис.81/13-14; 83/1-3], Весья-Кар [Семенов 1985а, рис.8/13], Анюшкар [Ленц 2002, рис.69/1-2], селища Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина).

На Руси конструкция блоков аналогичного назначения иная – они представляют собой "коромыслица" с отверстиями в центре и на концах. К среднему отверстию привязывали тягу, идущую вверх к поднебнику, а за крайние отверстия или выемки привязывали нити от двух разных нитов [Древняя Русь 1985, с.268]. Подобные блоки, которые на Руси носят название "собачки", известны на городище Весья-Кар в Удмуртии [Семенов 1985а, рис.13/10]. Однако "собачки" характерной для Прикамья конструкции известны, например, в материалах Белоозера [Захаров 2004, рис.242].

Горизонтальные ткацкие станки появились в Западной Европе в конце XII в., с XIII в. начинается их широкое распространение [Древняя Русь 1985, с.268].

Подгруппа 3 — челноки конической формы (3 экз., рис.159/3-5). Аналогичные челноки известны в коллекции городища Иднакар [Иванова 1998, с.154, рис.83/7], на Белоозере в слоях X-XIII вв. [Голубева 1973, рис.45/2].

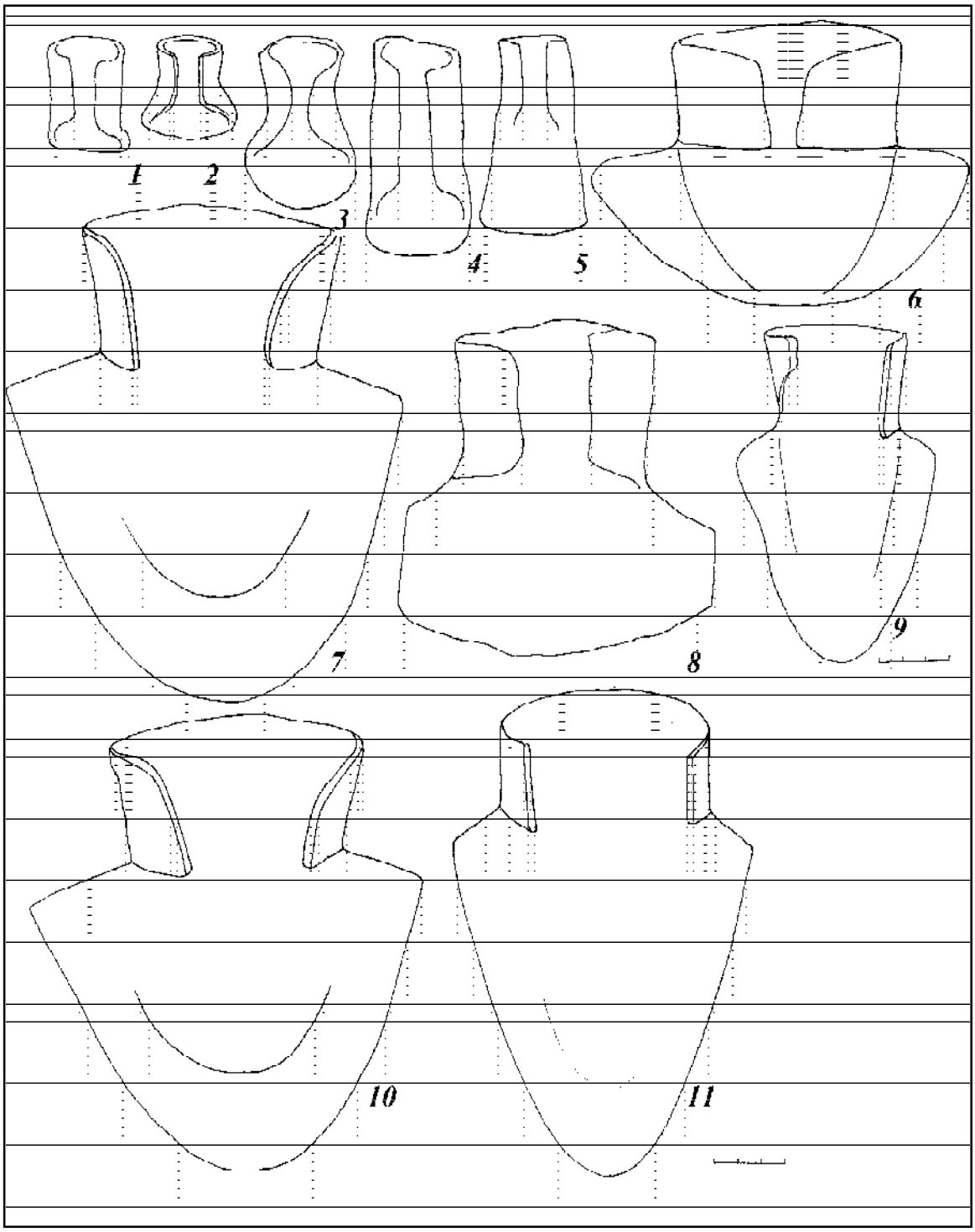

Рис. 135. Мотыжки и ральники железные

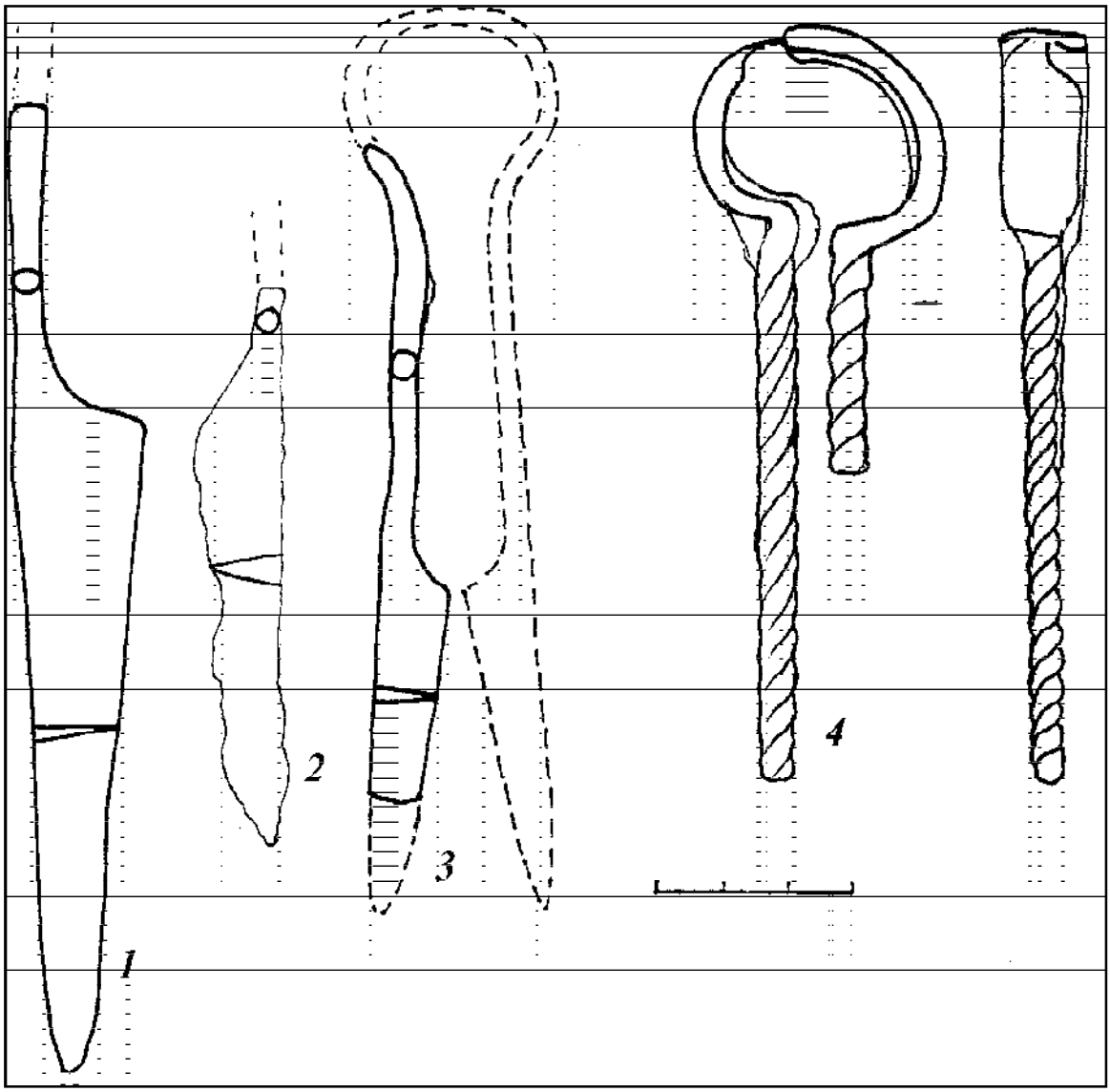

Рис. 136. Ножницы железные

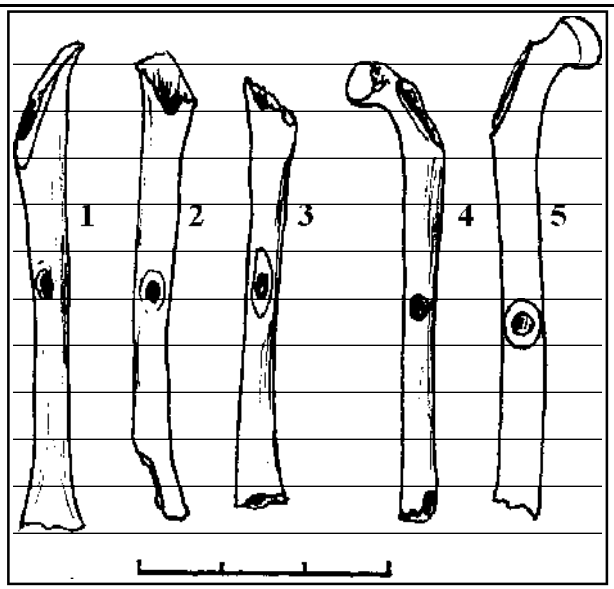

Рис. 137. Манки костяные

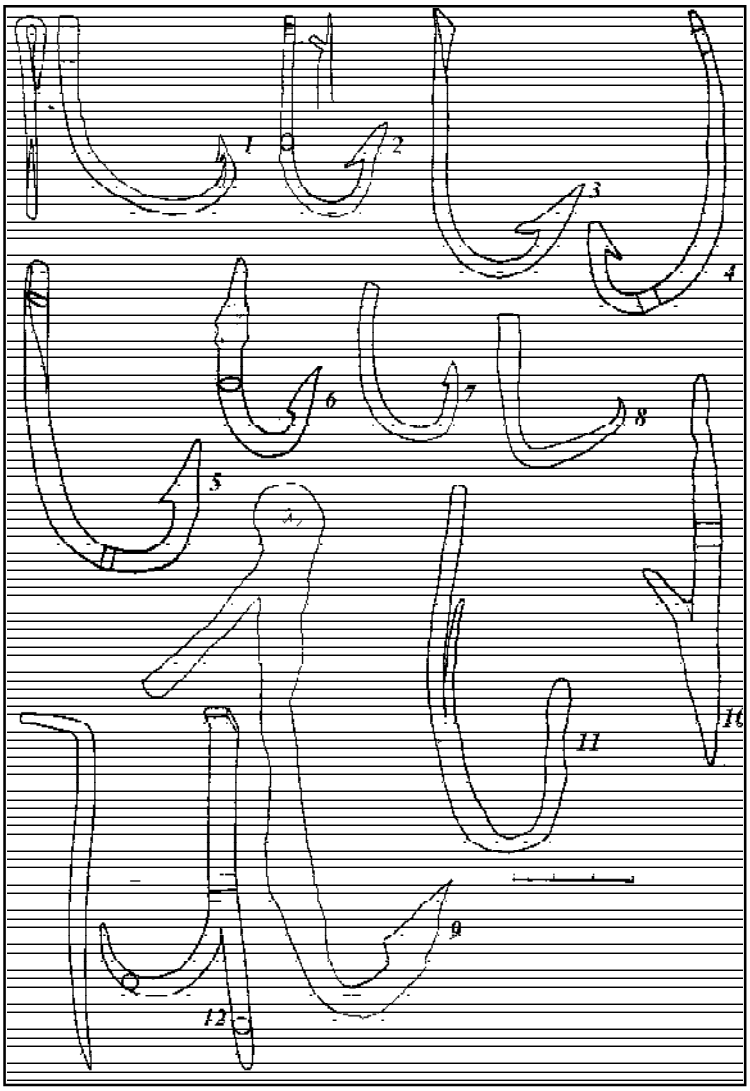

Рис. 138. Крючки рыболовные, острога (10), багорик (12) железные

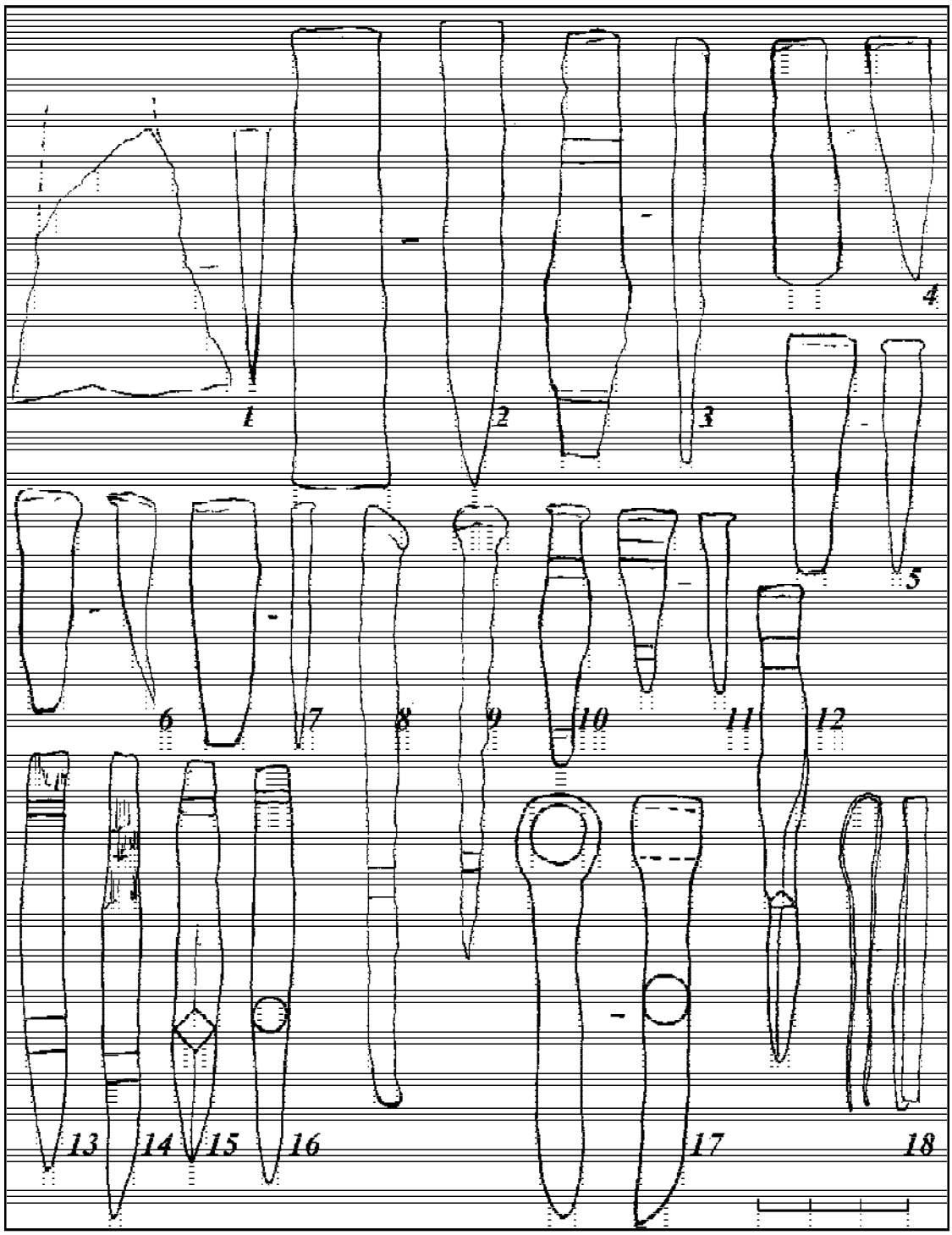

Рис. 139. Орудия металлообработки

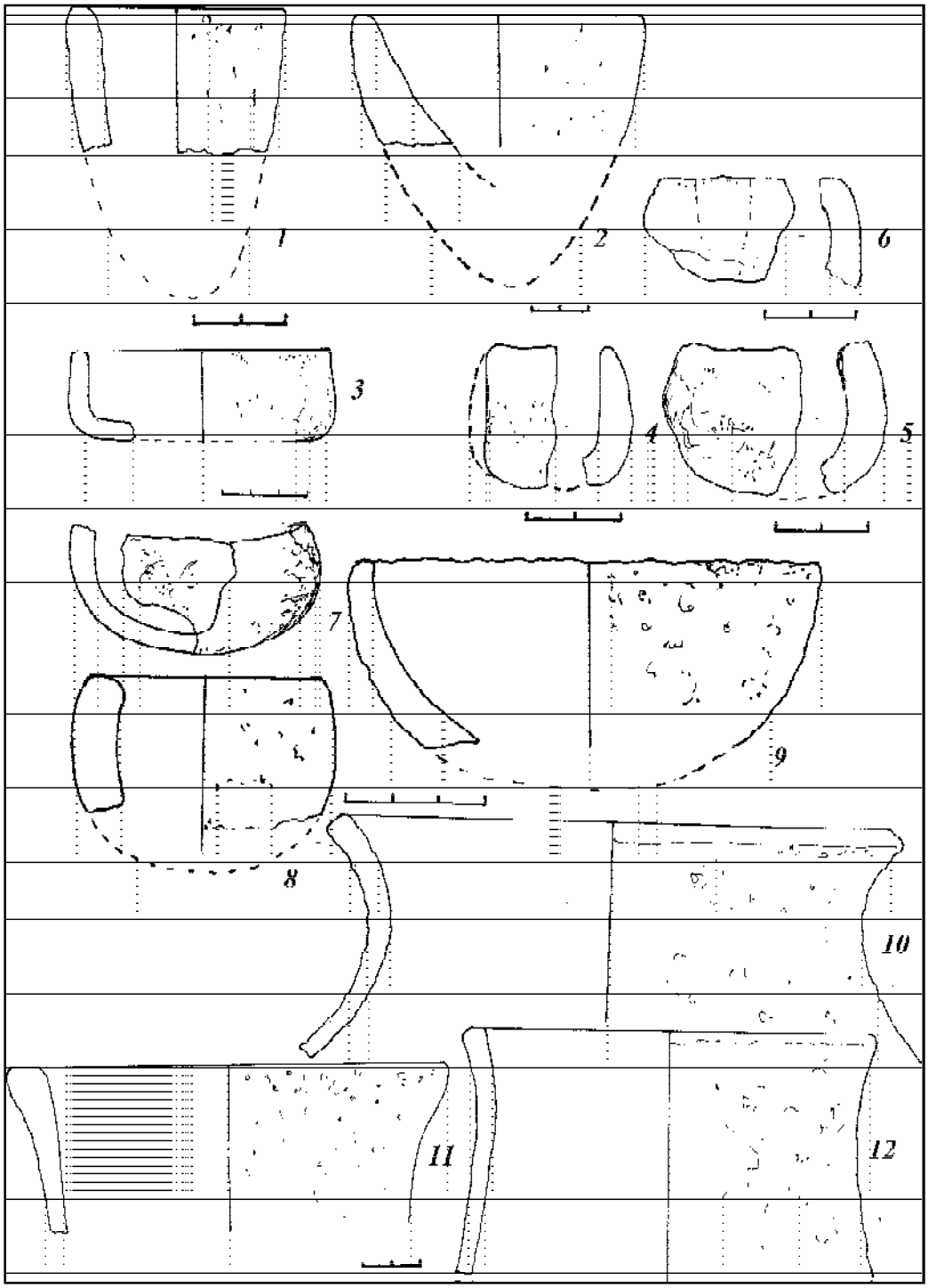

Рис. 140. Тигли

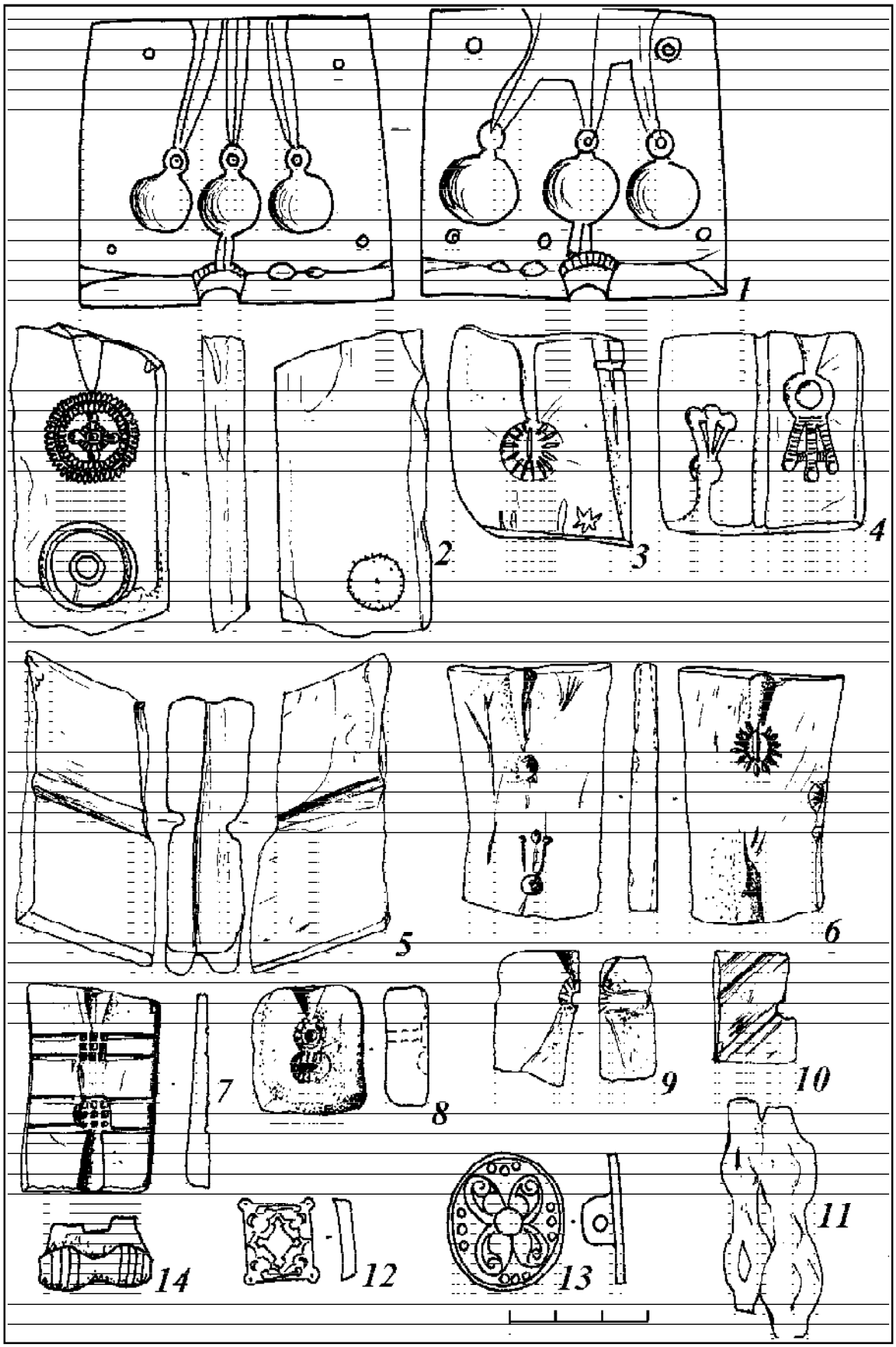

Рис.141. Формы литейные и матрицы. Материал: 1-7, 9-10 - камень, 8 - глина, 11-14 - бронза

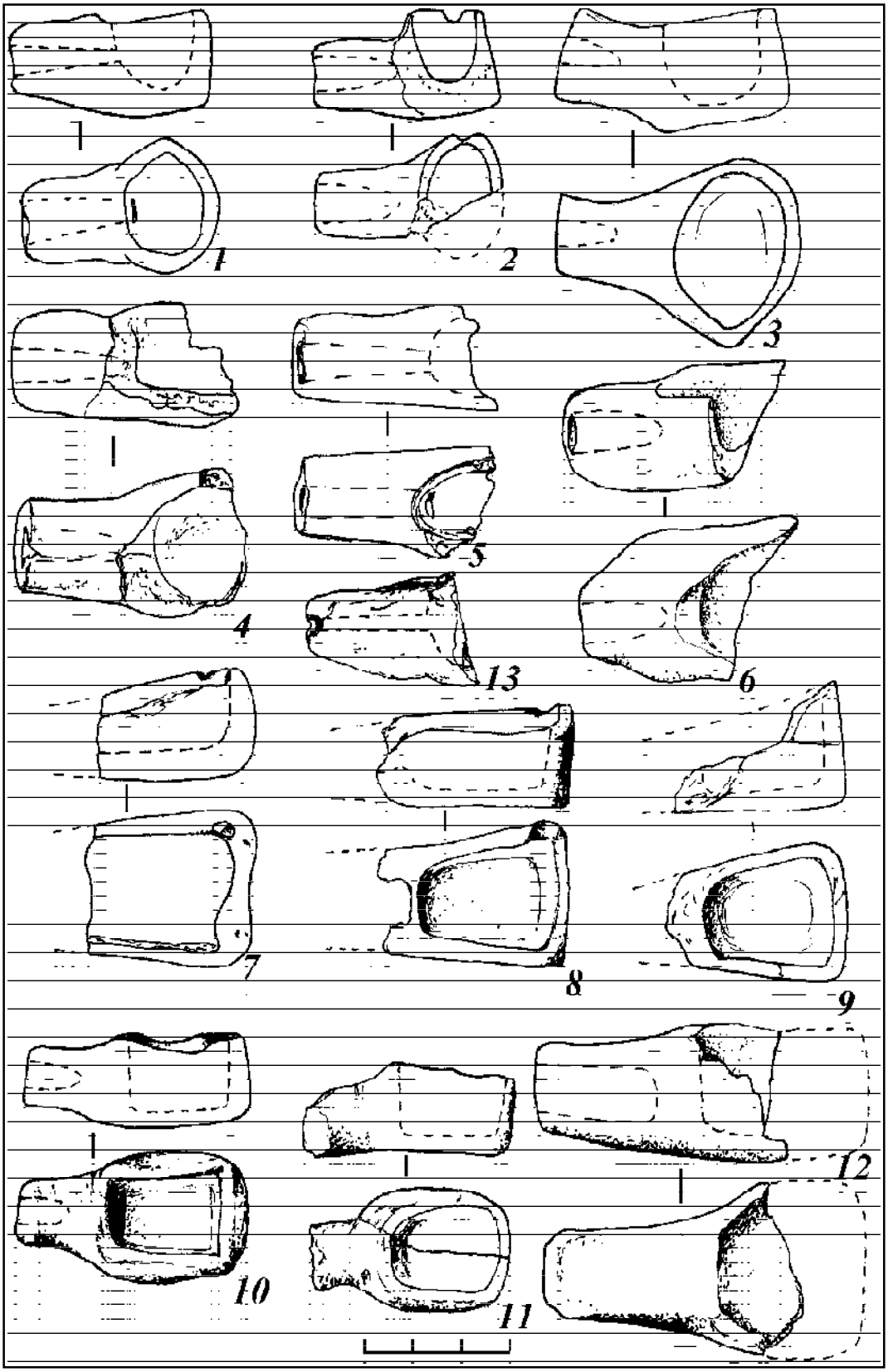

Рис. 142. Льячки

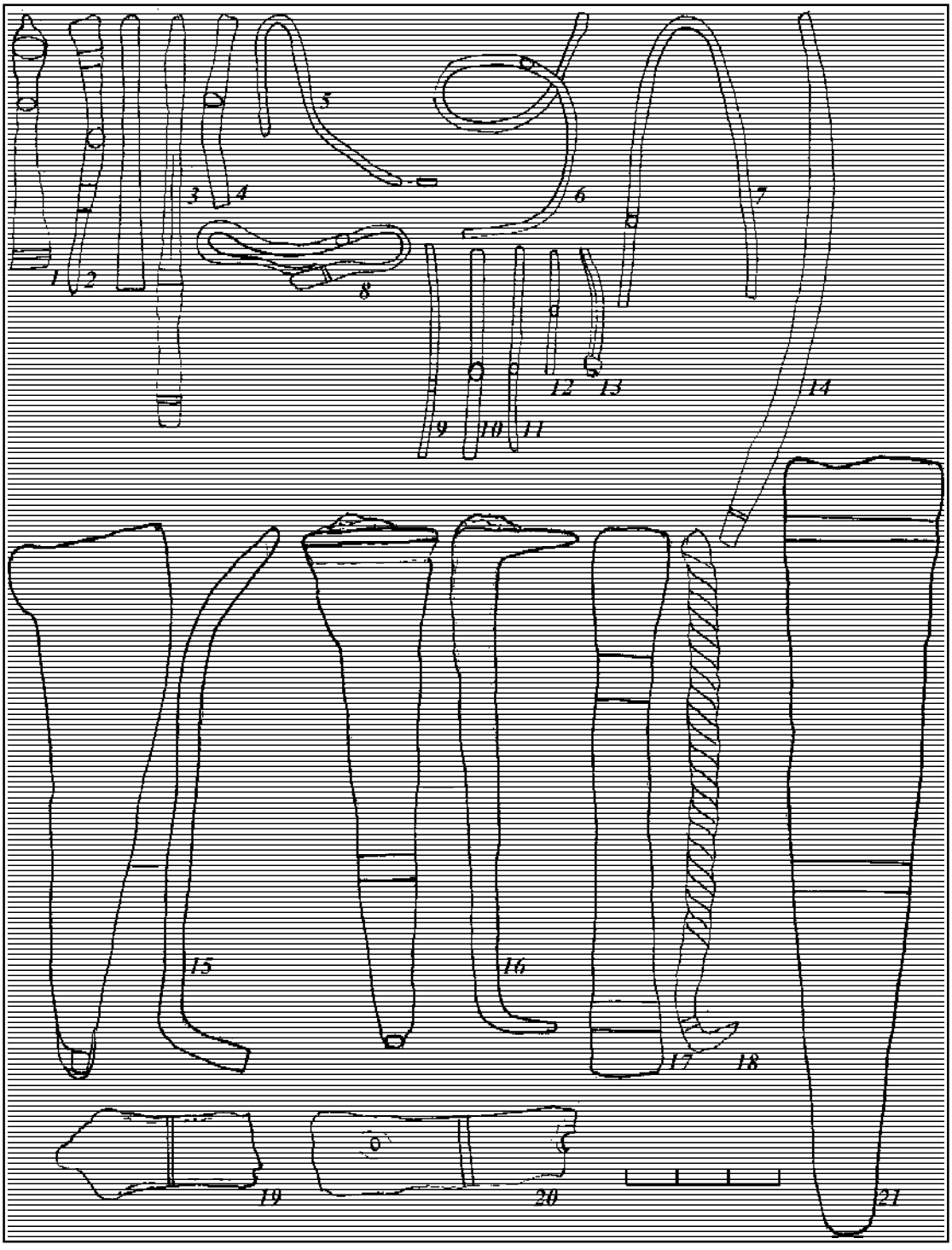

Рис. 142а. Отходы ювелирного производства, скобы, фрагменты железных изделий. Материал: 6, 7, 12, 13 - серебро; 1-5, 8, 14 - бронза; остальное - железо

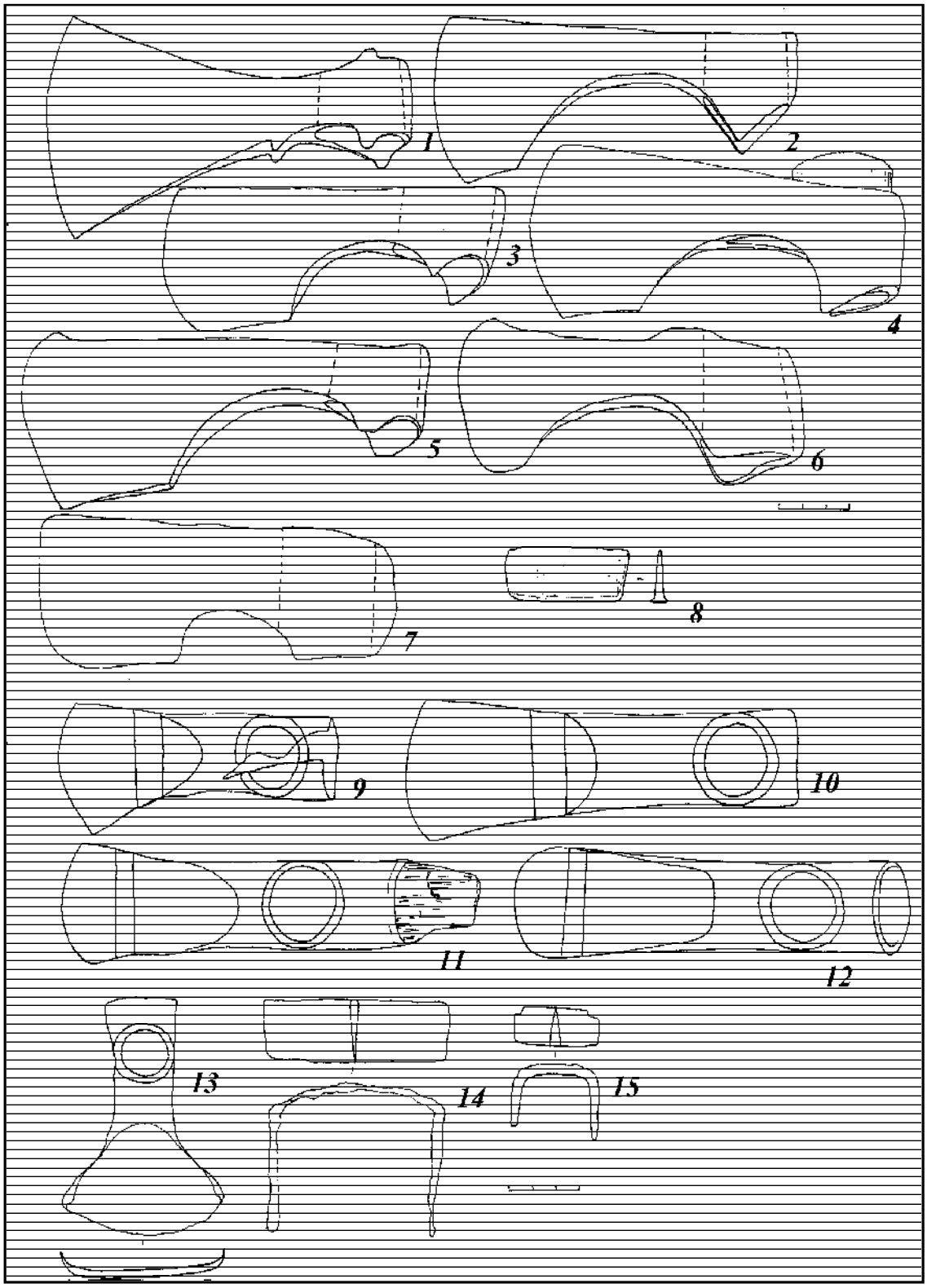

Рис. 143. Топоры,клин (8), тесло (13), наструги (14-15) железные

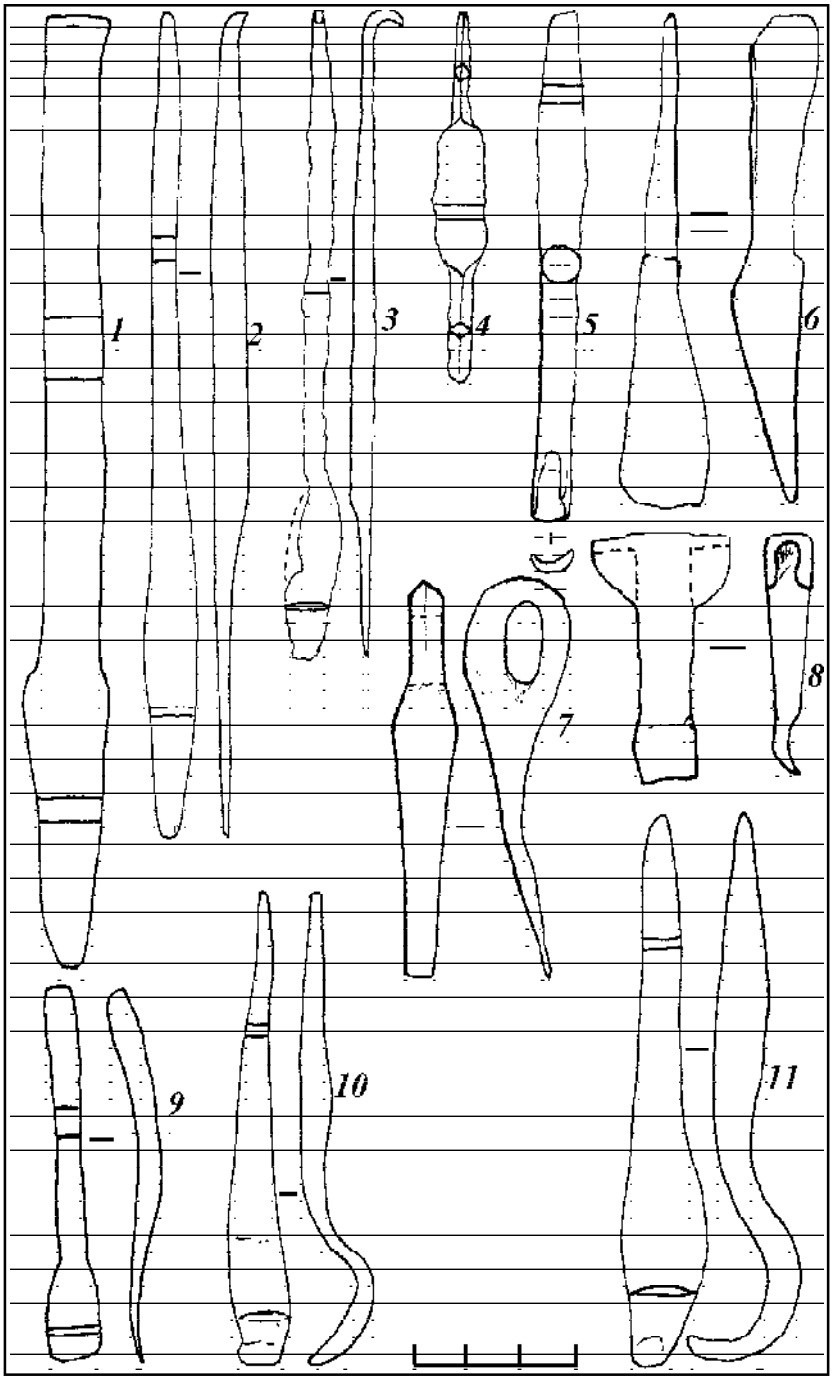

Рис.144. Орудия деревообработки

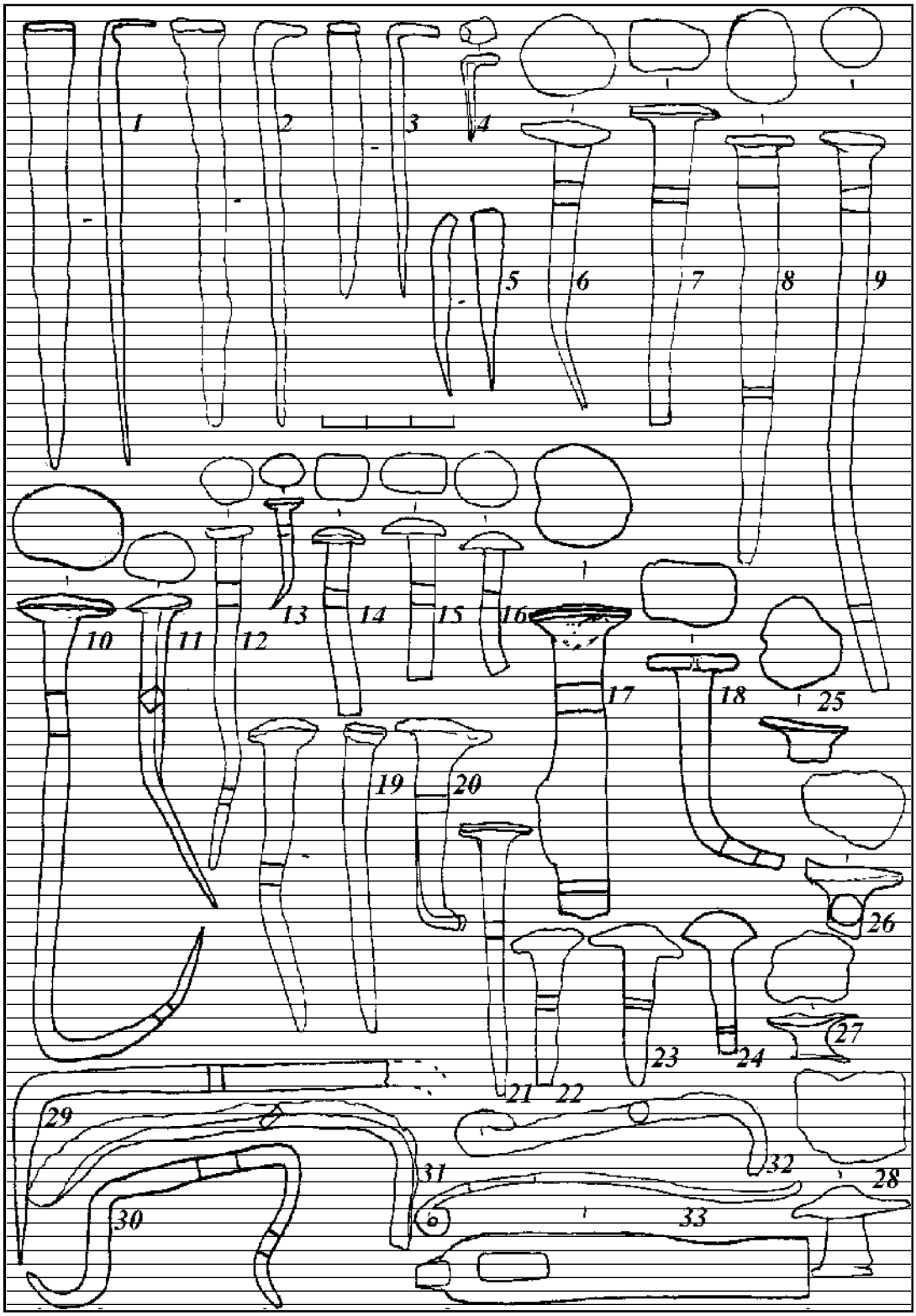

Рис. 145. Скобяные изделия

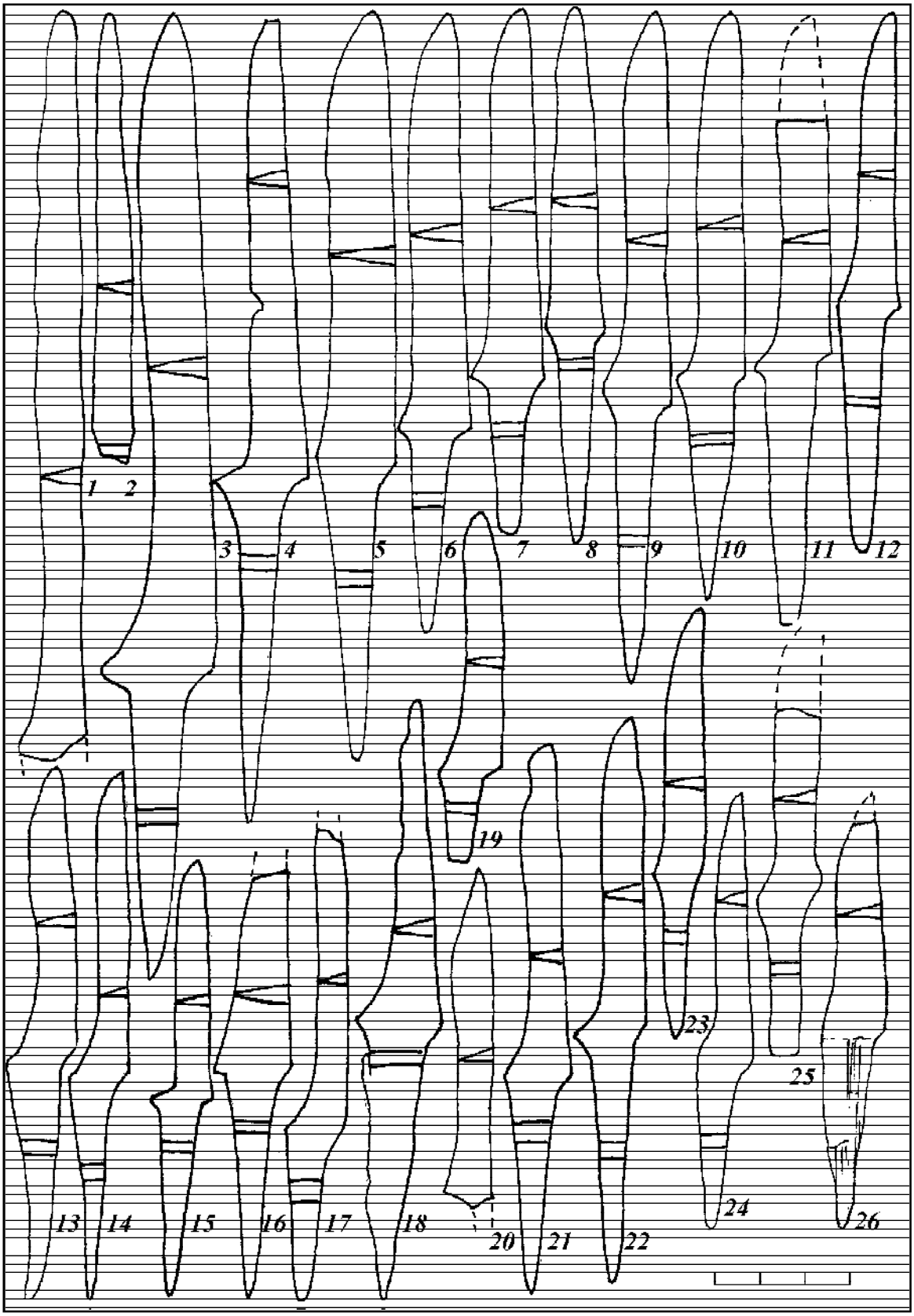

Рис.146. Ножи железные хозяйственно-универсальные

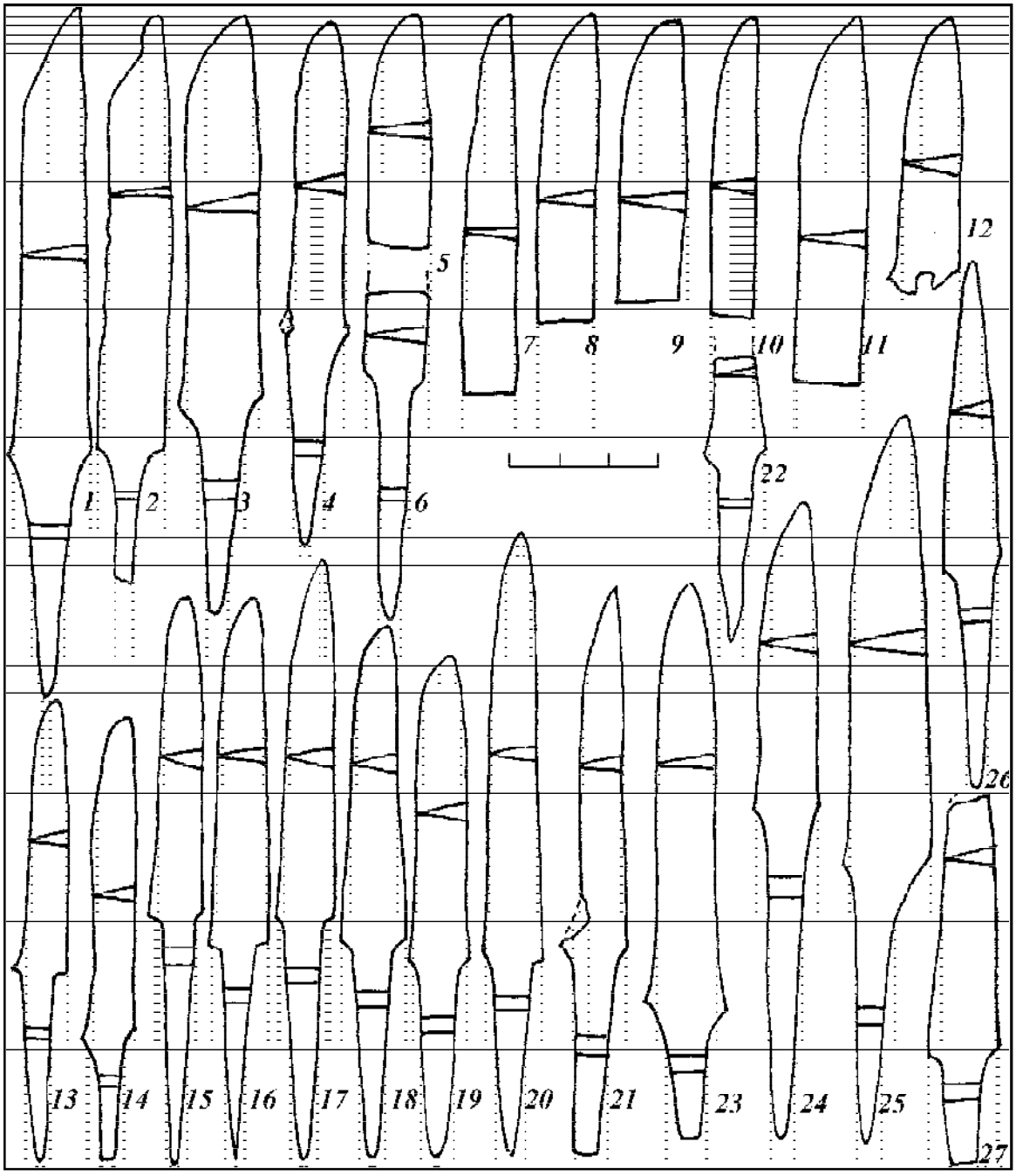

Рис. 147.Ножи железные хозяйственно-универсальные

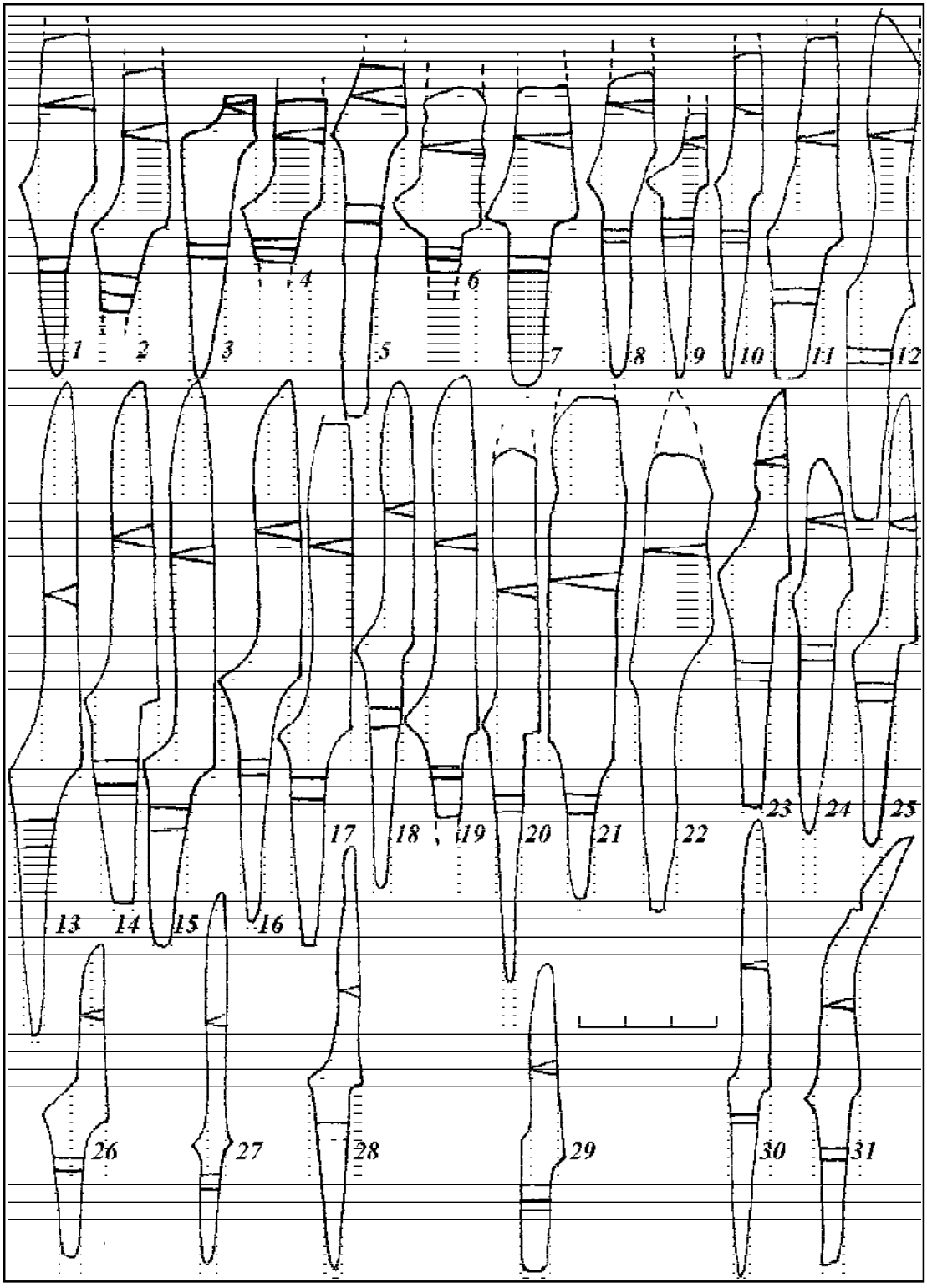

Рис. 147а. Ножи железные хозяйственно-универсальные

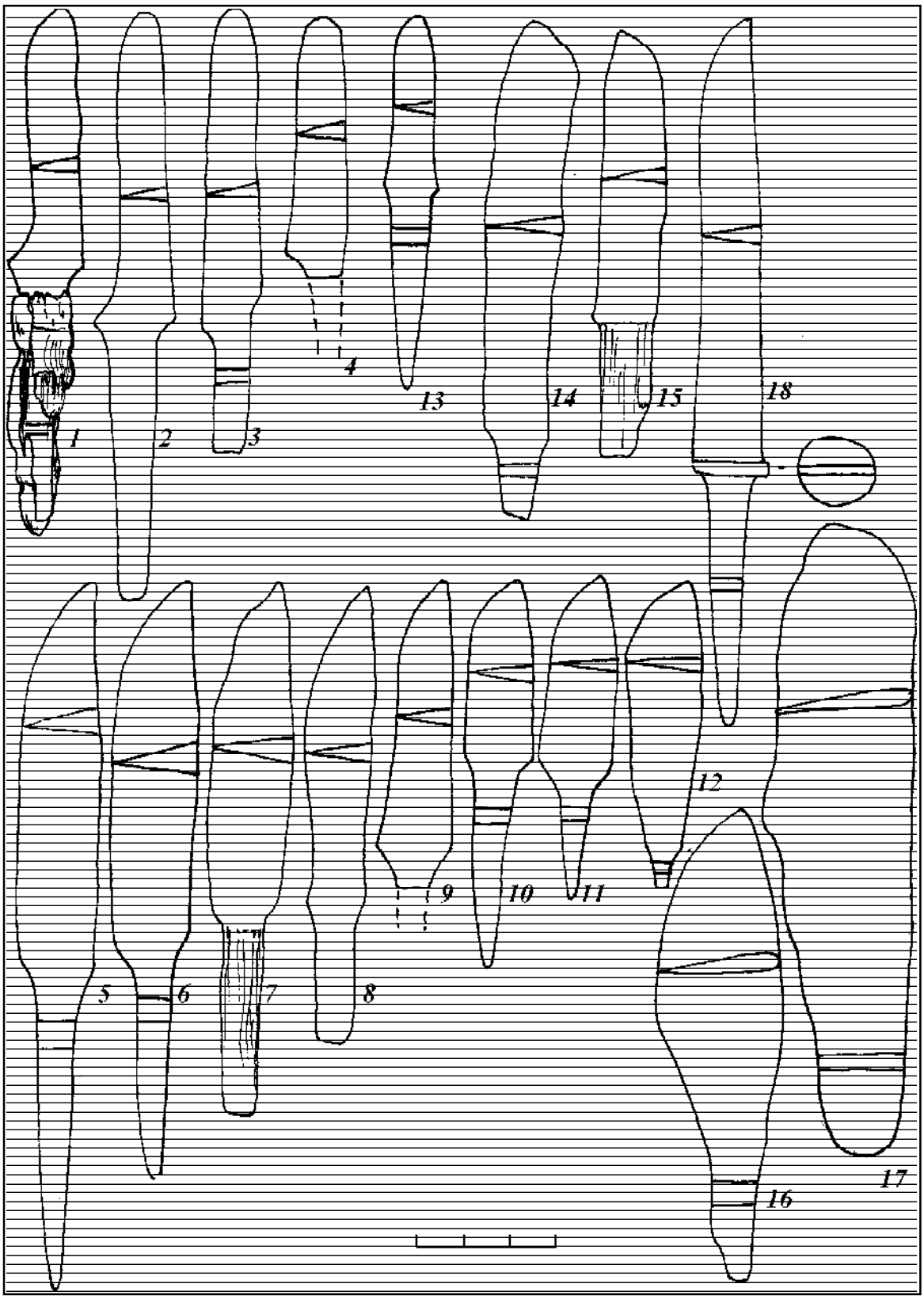

Рис. 148. Ножи хозяйственые (5-12), столовые (1-4, 13)

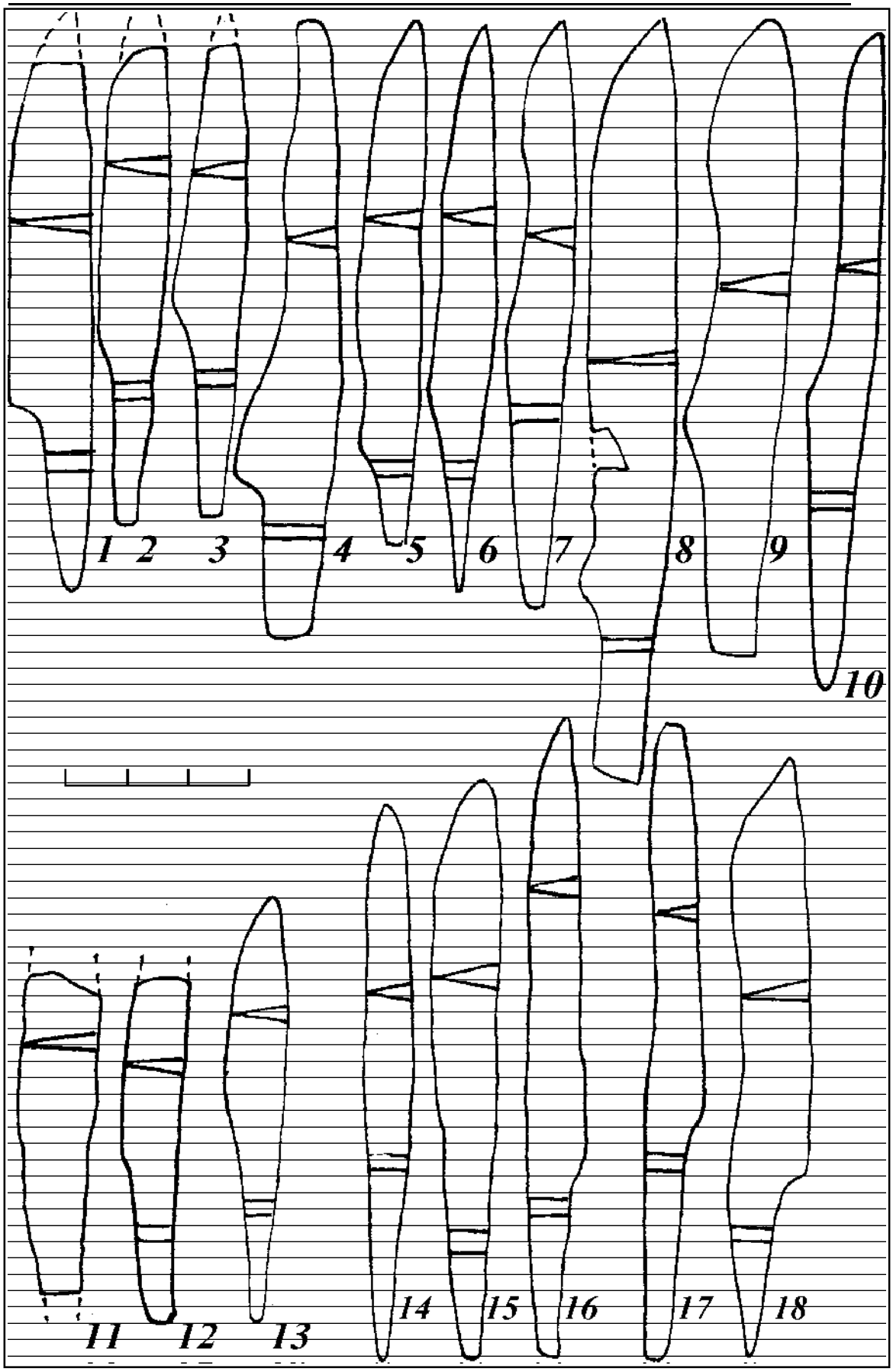

Рис. 149. Ножи разные

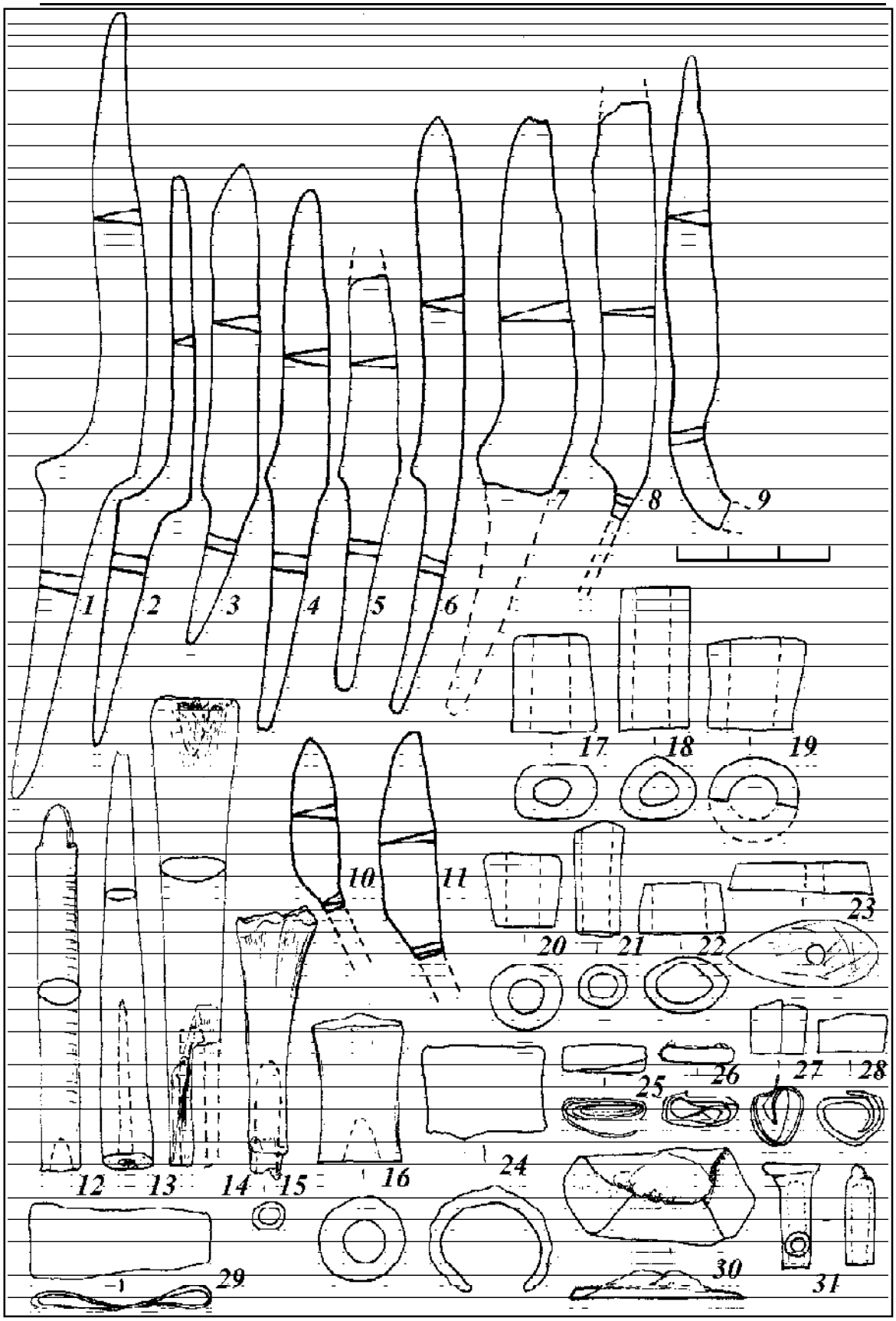

Рис. 150. Ножи разные, детали рукоятей. Материал: 1-11, 24 - железо, 12-23 - кость, рог, 25-31 - медь, бронза

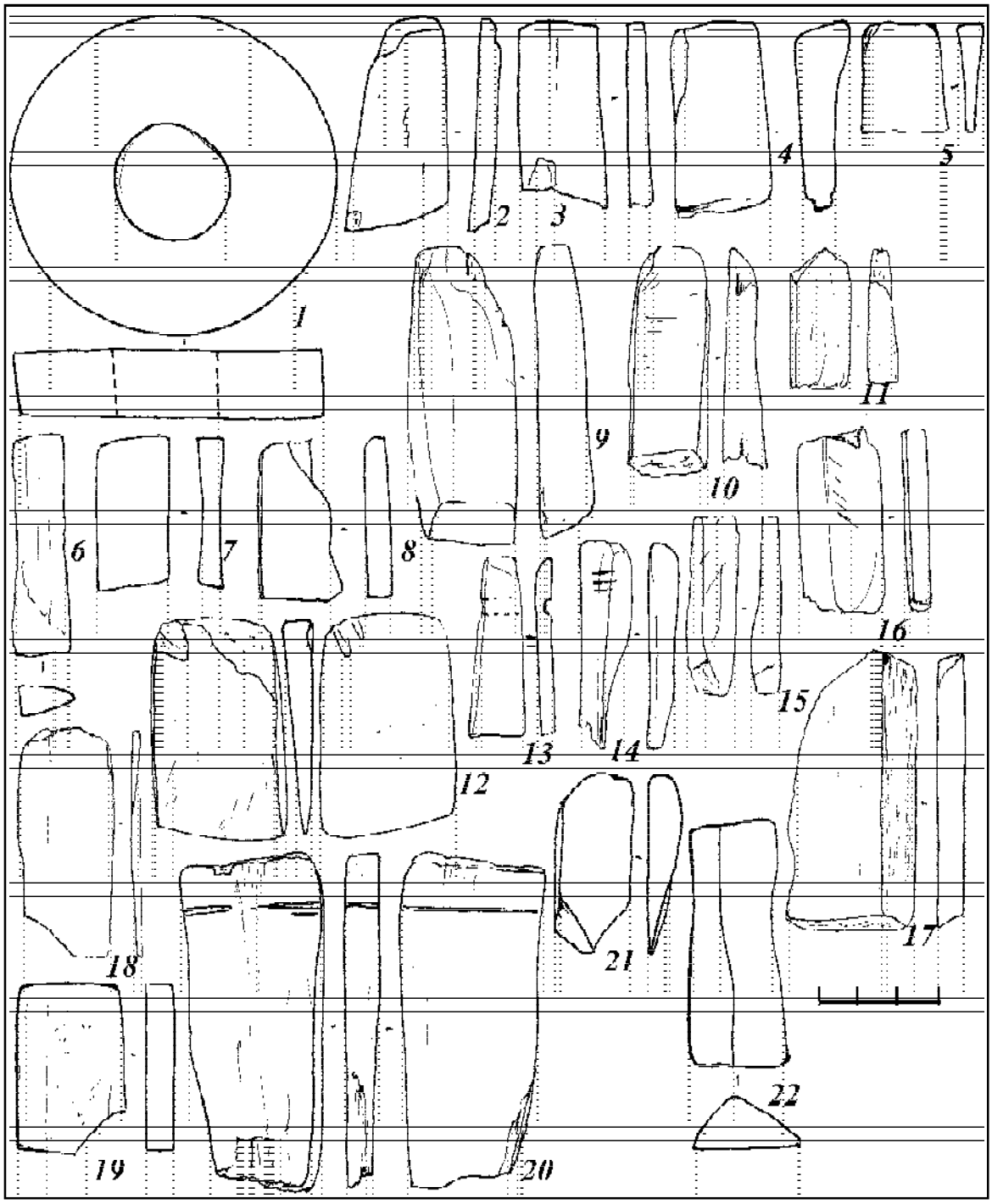

Рис.151. Точильный круг, оселки, правило для древков стрел, фрагменнт литейной формы (20). Материал - серый плитчатый песчаник

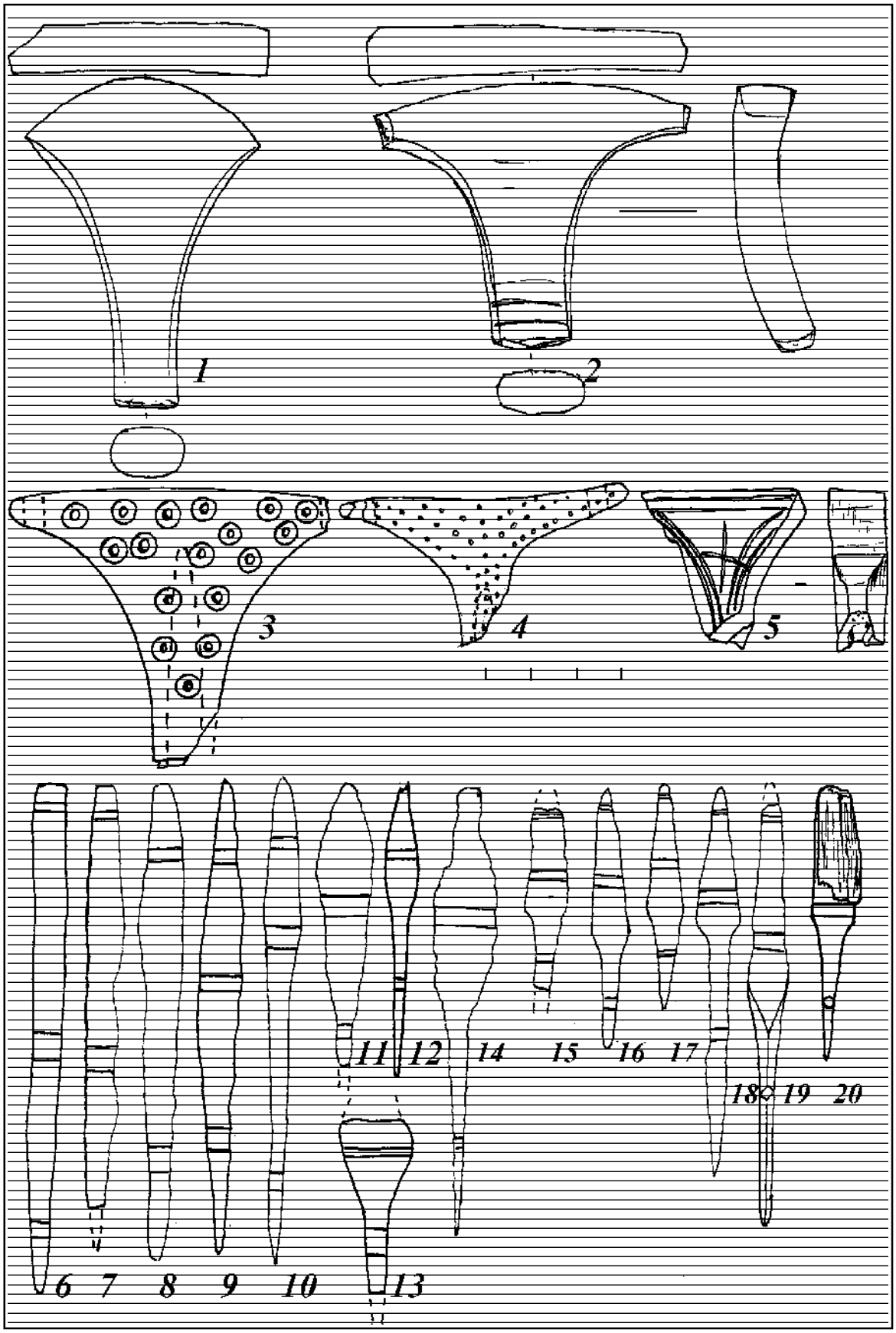

Рис.152. Шилья и ручки для них.Материал: 1-5 - рог, остальное - железо

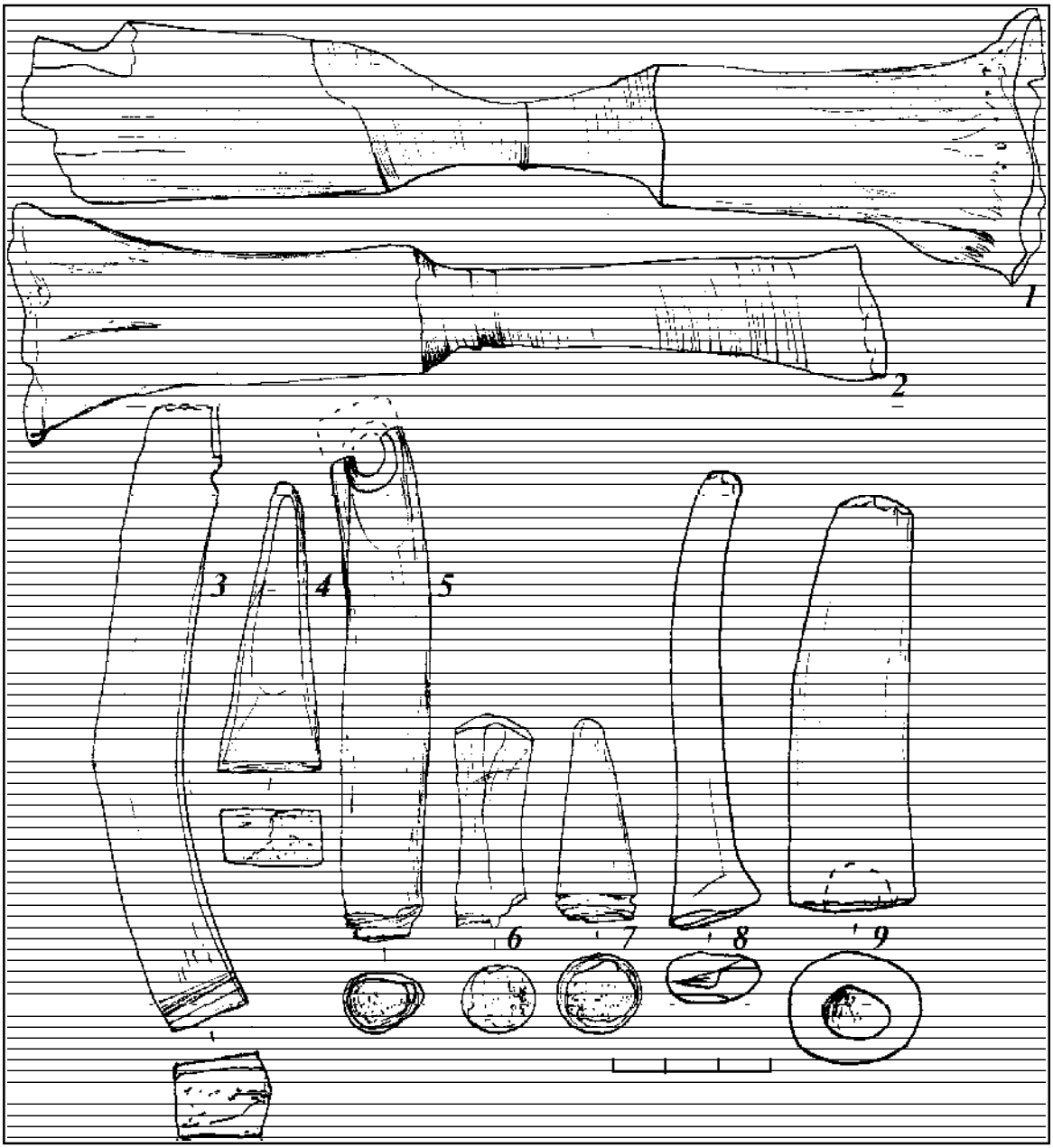

Рис.153. Разбильники и рукояти, кость, рог

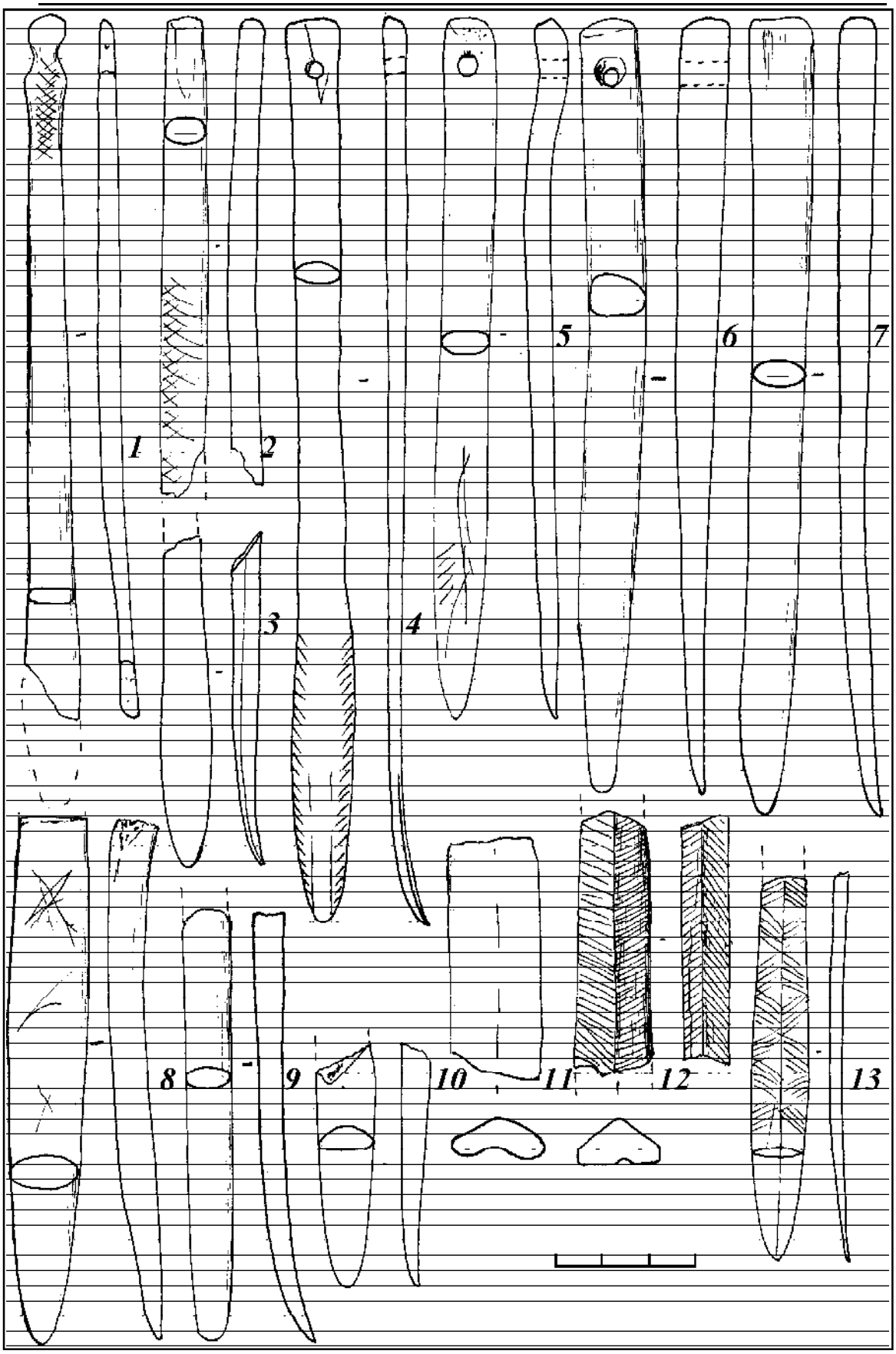

Рис. 154. Кочедыки (кость, рог)

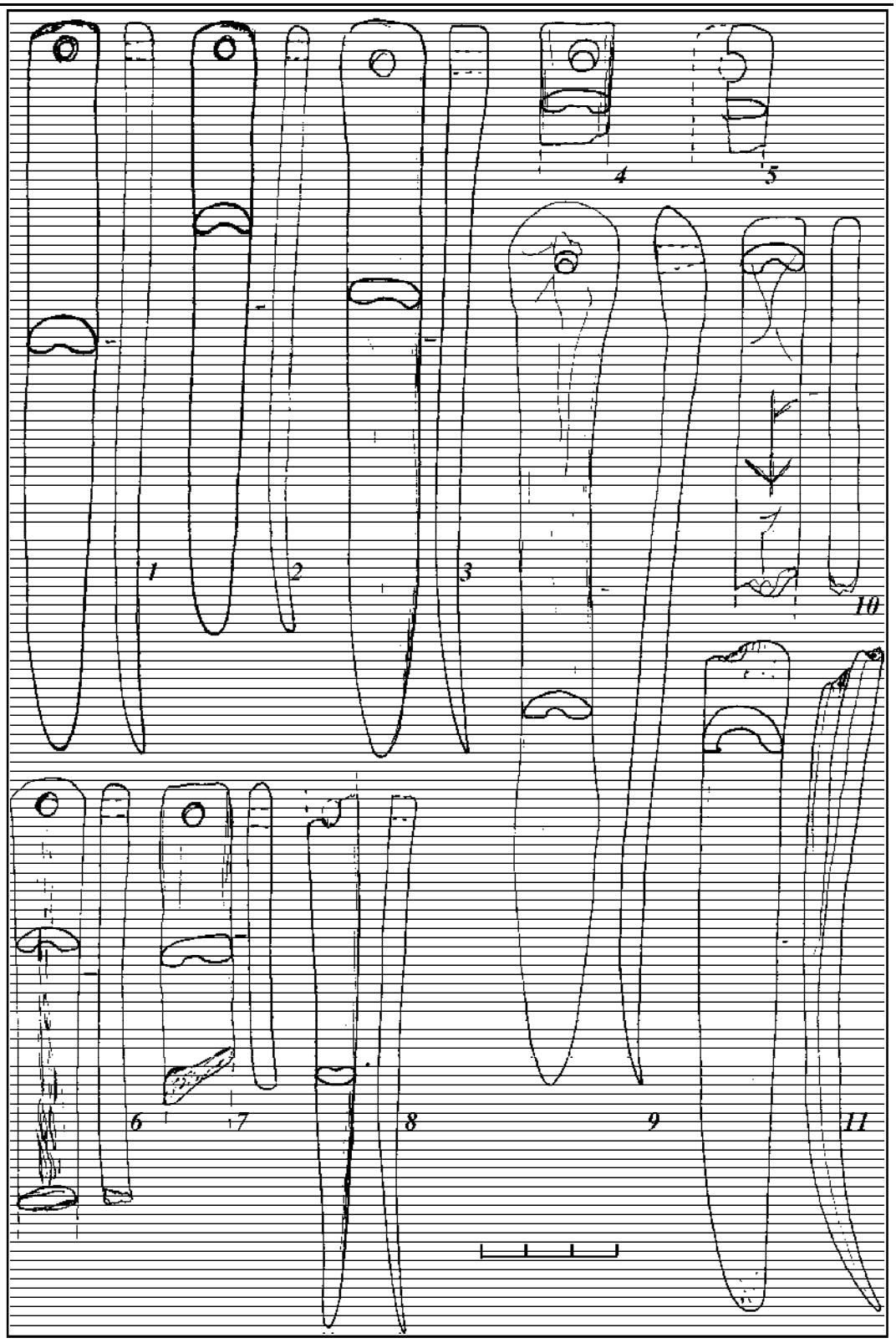

Рис. 155. Кочедыки.

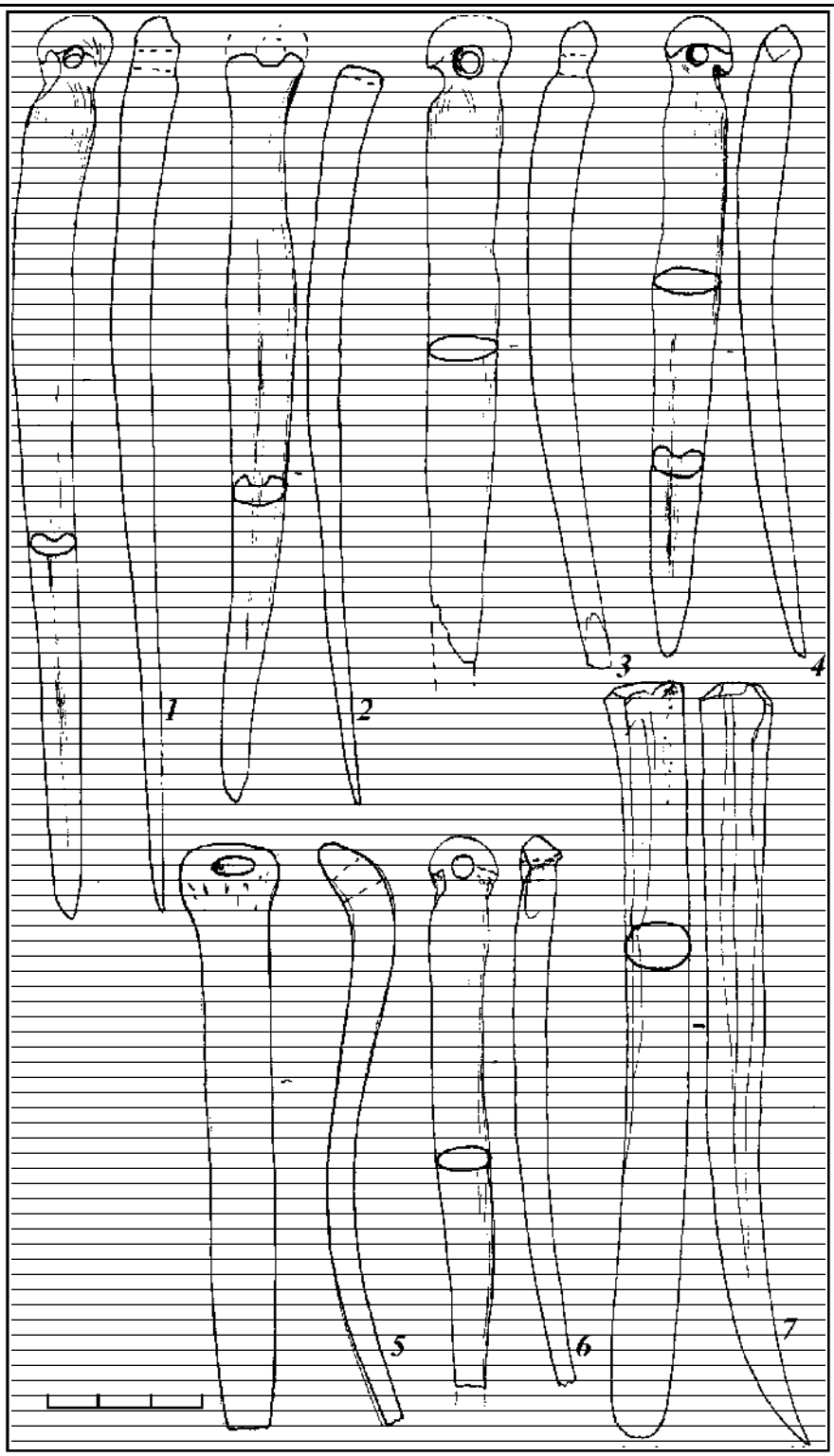

Рис. 156. Кочедыки

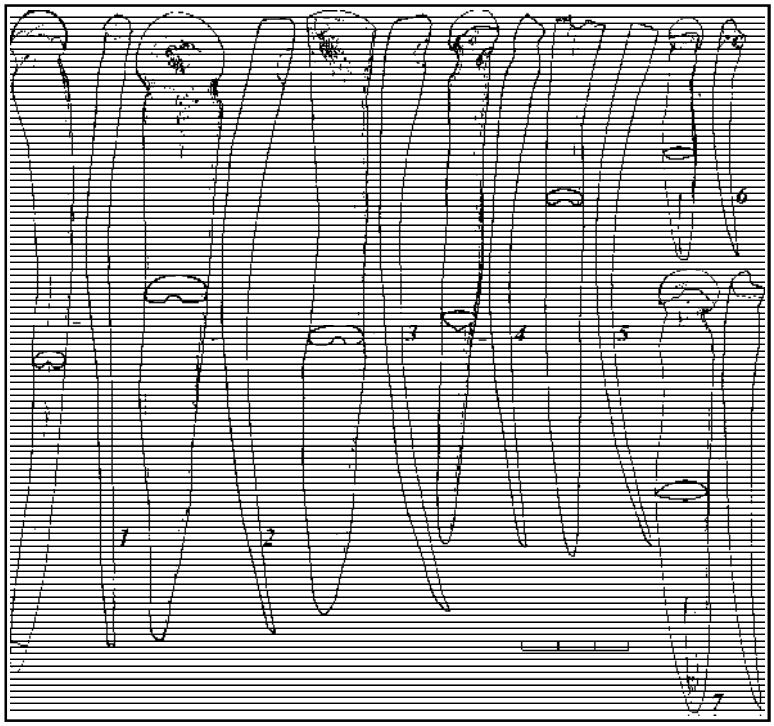

Рис. 157. Кочедыки

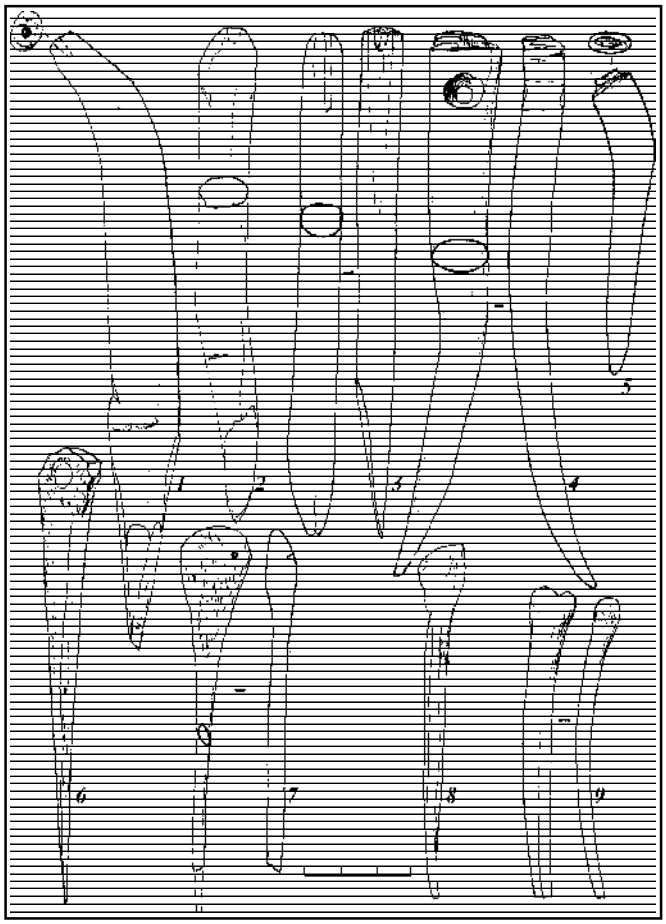

Рис. 158. Острия и проколки

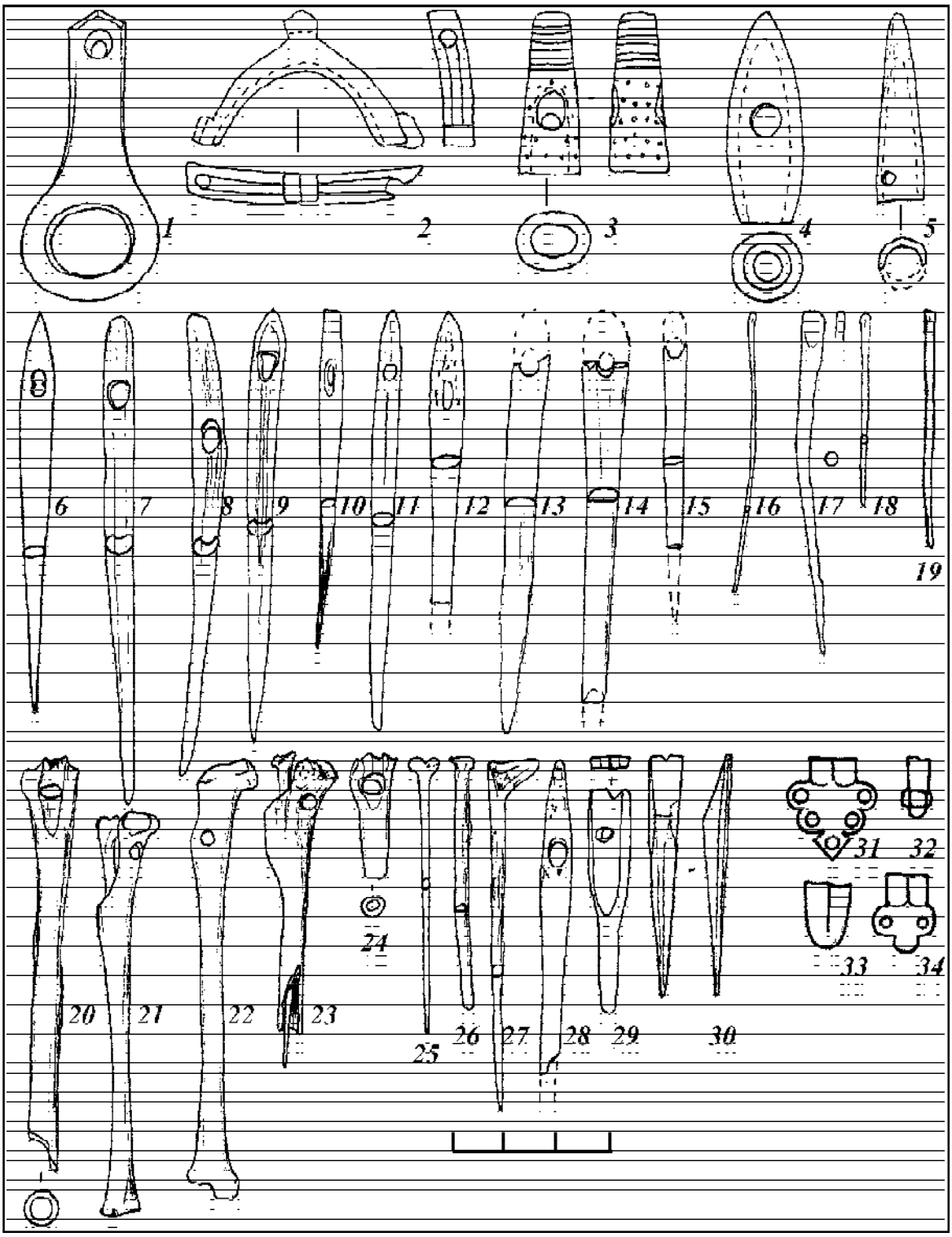

Рис. 159. Швейные и ткацкие принадлежности (1-2 - блоки-ремизки; 3-5 - челноки; 6-19, 25-30 - иглы; 20-24, 31-34 - игольники. Материал: 16-19 - сталь, 31-34 - бронза, остальное кость, рог

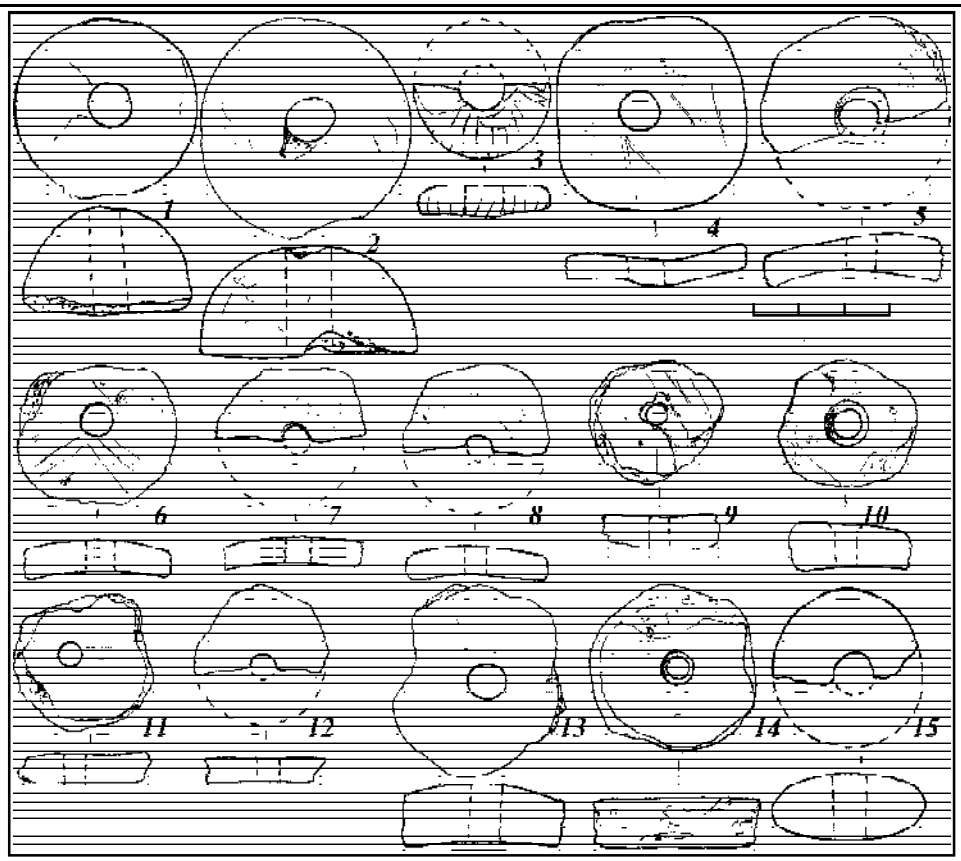

Рис.160. Пряслица костяные (1-2), керамические из стенок сосудов и каменные (3,15 - серый шифер)

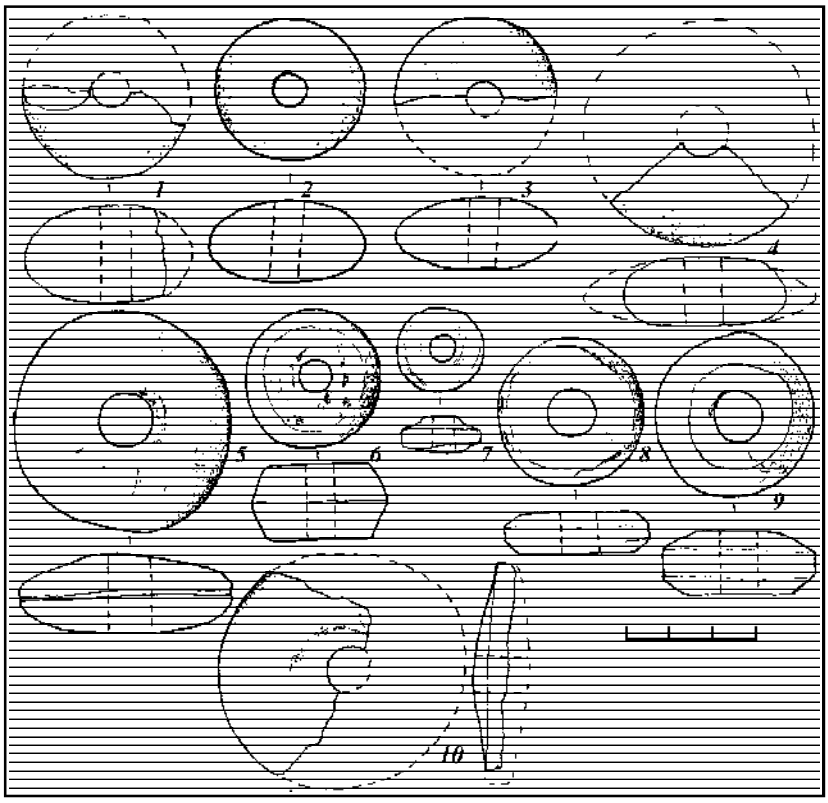

Рис. 161. Пряслица глиняные лепные

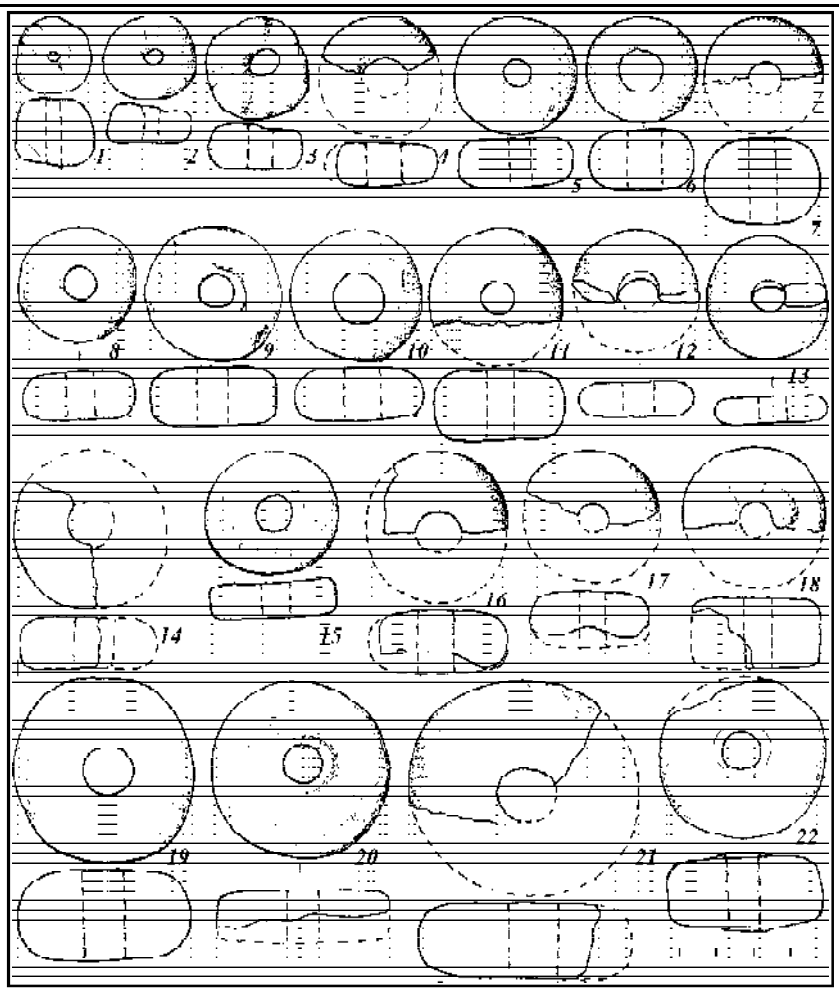

Рис. 162. Пряслица глиняные лепные

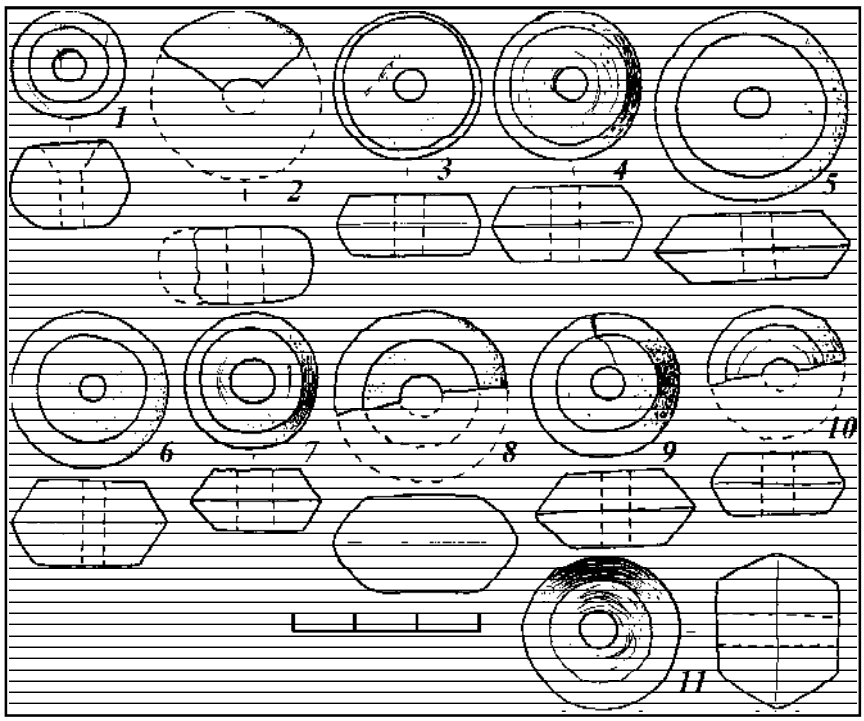

Рис. 163. Пряслица глиняные гончарные

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

В задачу данного раздела входит публикация и классификация предметов вооружения из Рождественского городища и могильника. На Филипповском городище никаких предметов вооружения, кроме единственного наконечника стрелы, не найдено.

В рождественских коллекциях представлены почти все виды средневекового вооружения, что позволяет составить определенное представление о вооружении населения Волго-Камья раннесредневековой поры в целом. Здесь имеется и оружие ближнего боя (рубящее, колющее, ударное), и оружие дальнего боя (метательное), и защитные средства. К оружию ближнего боя из материалов комплекса относятся сабли, наконечники копий и втоки к ним, топоры, кистени. Метательное оружие представлено различными деталями луков и наконечниками стрел, предохранительными приспособлениями, применявшимися при стрельбе из лука, деталями колчанов и налучий. В меньшей степени представлены предметы, относящиеся к защитному вооружению, — это обрывки кольчуг и детали пластинчатых доспехов.

Ставя целью классификацию и хронологическое определение предметов вооружения из коллекций Афкулы, мы считаем, что это лишь первая ступень в разработке проблем истории военного дела племен Пермского Предуралья. Будучи важной частью материальной культуры любого древнего и современного народа, весьма чувствительной к изменениям, происходившим в социально-экономической, этно-культурной и военно-политической жизни общества, оружие является ценным историческим источником для решения вопросов реконструкции истории того или иного народа в целом. Публикация предметов вооружения из раскопок Рождественского комплекса даст возможность исследователям реконструировать комплекс боевых средств средневекового воина из Предуралья, тактику ведения боя, уровень развития военного искусства.

Богатая коллекция предметов вооружения из Рождественского археологического комплекса по сию пору оставалась не систематизированной, а в публикации попали лишь отдельные вещи. Так, некоторые из них были опубликованы еще в 1902 г. А.А. Спицыным в книге "Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых". В советское время А.П. Смирнов в своем труде по истории древних и средневековых племен Поволжья и Прикамья опубликовал несколько предметов из Рождественского городища [Смирнов 1952]. В 1953 г. несколько наконечников стрел и два топора были опубликованы В.А. Обориным в статье о Рождественском городище и могильнике [Оборин 1953, рис.1, 2]. А.Ф. Медведев в сводной работе о ручном метательном оружии Восточной Европы в VIII—XIV вв. широко представил находки из разных поселений и могильников Прикамья, в том числе, ряд предметов из Рождественского городища, находящихся в коллекции Теплоуховых [Медведев 1966]. Комплес метательного вооружения из раскопок комплекса опубликован А.М. Белавиным и А.В. Даничем [Белавин 2005, с. 159-164; Белавин, Данич 2006, с.25-37].

ОРУЖИЕ ДАЛЬНЕГО БОЯ (МЕТАТЕЛЬНОЕ)

К нему относятся: остатки сложных луков, наконечники стрел, предохранительные пластинки, детали налучий и колчанов.

ДЕТАЛИ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА

В Евразии периода средневековья лук и стрелы получили широкое распространение. У многих народов лесной полосы Европы и Азии лук и стрелы были основным оружием охоты и войны вплоть до Нового и Новейшего времени.

Из-за плохой сохранности органических материалов, за исключением кости, находки целых луков в средневековой археологии чрезвычайно редки, а в нашей коллекции их нет совсем. Прикамский, как и булгарский, сложносоставной лук, надо думать, принципиально не отличался от древнерусских. Формы, конструкция и детали древнерусских луков убедительно реконструированы А.Ф. Медведевым [Медведев 1966]. Судя по известным изображениям сложносоставного лука, археологическим и этнографическим данным, он имел форму, напомиающую букву "М" с плавными перегибами. Основа его конструкции, так называемая "кибить", состояла из двух тщательно обделанных деревянных планок, как правило, из различных пород дерева, что придавало конструкции большую прочность и эластичность. Концы лука изготавливались, видимо, отдельно из более прочных пород дерева и соединялись с концами основы лука с помощью рыбьего клея или сухожильных нитей. Длина такого лука, судя по публикациям древнерусского и булгарского вооружения, со спущенной тетивой доходила до 150—170 см, а иногда до 190 см.

К сожалению, все эти части лука до нас не дошли. Сохранились лишь костяные или роговые **НАКЛАДКИ-ПЛАСТИНЫ**, которые скрепляли некоторые важные детали и придавали жесткость и прочность негнущимся частям лука. Концы лука снабжались, преимущественно, так называемыми концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы. Иногда же на каждом конце лука было по две накладки, тоже с вырезом для тетивы, которые прикреплялись не сверху, как в первом случае, а с боков. По две костяные накладки крепились также в средней части лука с боков рукояти, там, где опасность перелома была особенно велика. И, наконец, срединная фронтальная накладка, служившая для усиления упругости середины лука, приклеивалась с внутренней (нижней) стороны лука, обращенной к тетиве.

Перечисленные детали сложносоставных луков в нашей коллекции представлены единичными экземплярами (см. рис.164/8-11), концевых накладок нет.

Срединные боковые накладки имели слегка изогнутую подовальную форму с округленными концами и вырезом в виде квадратной скобки. В нашей коллекции имеется одна целая и один обломок такой накладки (рис.164/8, 9) из раскопов I и III на Рождественском городище. Ширина целой накладки 25 мм, толщина 3 мм, длина 131 мм. С внутренней стороны пластины плоские, с глубокой штриховкой, а внешняя сторона выпуклая,

гладкая. Впрочем, все накладки имеют сплошную штриховую нарезку на внутренней (нижней) поверхности для более прочного приклеивания их к деревянной основе лука. Прямых аналогий такой форме накладок не найдено, однако известные древнерусские, булгарские (билярские), половецкие и кимакские образцы имеют близкую слегка изогнутую форму, правда без выреза. Близки по форме накладки из Манякских и Лагеревских курганов Южного Урала. Накладки с прямоугольным вырезом известны у уйгр и у племен тюхтякской культуры IX-X вв. [Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, рис.30/30]

Из Рождественского городища (раскоп II, яма №13) происходит два обломка лопатокообразных концов **срединной фронтальной накладки** (рис. 164/10-11), имеющие аналогии среди материалов Новгорода второй половины XII в. [Медведев 1959, рис.8/2-6], Биляра X-XII вв. [Культура Биляра, табл.XLV/1]. Один из обломков накладки имеет на гладкой внешней стороне тамгу в виде пятиугольной звездочки. Задняя сторона накладок имеет многочисленные глубокие продольные нарезки для лучшего приклеивания.

Эти накладки крепились с внутренней стороны рукояти лука узкими концами друг к другу. По мнению А.Ф. Медведева, они "были обработаны сперва из одного куска кости (рога лося), а затем уже разрезаны на две симметричные половины". Такой разрез делали для того, чтобы длинная накладка не препятствовала вибрации рогов лука во время стрельбы, и чтобы они не ломались [Медведев 1959, с.144]. Срединные накладки с лопаткообразными концами были распространены в Древней Руси, у кочевников южнорусских степей [Плетнева 1973, табл.XV/ 2, 3], в памятниках Южной Сибири начала II тысячелетия н. э. и позже. По Л.Р. Кызласову, накладки с двумя большими лопаткообразными расширениями на концах были известны от Центральной Азии и Южной Сибири до западных границ Руси; типологически они восходят к узким центральным накладкам на сложных луках уйгурского типа, а через них — к лукам гуннского типа.

Судя по приведенным материалам, детали сложносоставного лука из рождественской коллекции относятся, очевидно, к типу, широко распространенному у многих народов и племен, населявших обширный восточноевропейский регион. По наблюдениям Д.Г. Савинова, в начале II тыс. н. э. происходит определенная унификация лука, связанная с преобладанием кимако-кыпчакской культурной традиции в военном деле [Савинов 1981, с.161-162].

ДЕТАЛИ КОЛЧАНОВ И НАЛУЧИЙ

Костяные петли для подвешивания, орнаментированные пластинки-накладки, железные крючки — довольно многочисленны.

Колчаны имели, как правило, цилиндрическую или слегка уплощенную форму с небольшим расширением у днища для наконечников стрелы, и у горловины — для предохранения оперения стрел от повреждений. Они делались чаще всего из бересты, дерева и кожи и дополнительно укреплялись орнаментированными костяными накладками. Костяные петли у горловины служили для подвешивания колчана к поясу или ношения его через плечо. Петли привязывались к вертикальной деревянной планке, вставлен-

ной внутрь колчана, или к широким ремням, которым обвязывали колчан. При помощи ремешков с железными крючками на конце нижняя часть колчана кренилась к ноге всадника, чтобы колчан не болтался и не мешал при быстрой верховой езде. "Крючок на днище колчана — характерный признак того, что этот колчан принадлежал конному лучнику" [Медведев 1966, с.20].

Костяные петли, аналогичные колчанным, но заметно изогнутые в основании, вероятно, были приспособлением для подвешивания налучий. Деревянный каркас налучий, обтянутый кожей, иногда тоже украшали орнаментированными пластинками.

В материалах из Афкулы имеется обломок костяной петли для подвешивания налучья (рис.164/12), костяная орнаментированная накладка на колчан (рис.164/13) и фрагмент роговой пластины с отверстиями и шишечкой на конце – деталь шнура от колчана (?) (рис.164/16).

Петля на налучье имеет изогнутую спинку и основание, большое отверстие для ремешка расположено в наиболее широкой части пластины, в верхней её половине. Аналогии имеются в коллекции из раскопок Биляра [Культура Биляра, табл. XLVI/2], такой тип петель был наиболее распространенной формой в домонгольской Волжской Булгарии.

Костяная накладка на колчан в виде длинной и узкой костяной пластины, её ширина 12 мм, толщина 2-4 мм, длина сохранившейся части доходит до 158 мм. Спинка пластины украшена насечкой, имитирующей косоплетку, найдена на раскопе II на глубине 157 см. Такие пластины обрамляли края колчана, и завершались у горловины петлей дугообразной формы с большим отверстием для ремешка (типа Б1 по билярской типологии).

Колчанные крючки аскизского типа представлены двумя образцами.

Типом К-4 (по классификации К.А. Руденко — [Руденко 2001]) объемным, прямоугольным, с фигурными "перетяжками" и соединительным кольцом. Переход к отверстию для кольца декорирован в виде головки животного (рис.213/12). Такие крючки могли использоваться в сочетании с накладками типа Б18 [Руденко 2001, рис.31/14-18, 28]. Крючок крепился на нижний ремешок колчана при помощи заклепок, расположенных на широкой пластинчатой части. Происходит из коллекции Теплоуховых.

Типом К-5 (по классификации К.А. Руденко — [Руденко 2001]): железным, кованым из дрота прямоугольного сечения. С одной стороны петелька для кольца (рис.170/7), происходит из раскопа V с глубины 45 см (слой XI-XII веков). Кольцо круглого сечения диаметром 35 мм. Второй конец стержня согнут, образуя крюк с утолщением в виде шишечки на окончании. Аналогии в материалах XII-XIII вв. в Волжской Булгарии (Центральное Закамье).

Оригинальным предметом аскизского типа предстает железная **наременная обойма с фигурной петлей** (рис.213/1) из раскопа I. На наш взгляд, такая обойма могла служить для зацепления колчанного крюка или топора. На близость к аскизскому кругу указывают следы медной инкрустации на сложнофигурной выпуклой поверхности обоймы. Конструктивная близость имеется в предметах железной гарнитуры из погребения 28 Руткинского древнемарийского могильника [Архипов 1986].

Интерес представляют **S-видные железные шайбы** (рис.213/14, 19, 27), известные в конструкции колчанов у кочевников. Наши экземпляры происходят в основном с раскопа I.

Все эти детали входят в набор вещей аскизского типа, достаточно широко представленных в материалах домонгольской Волжской Булгарии, Древней Руси, в чепецких памятниках, и связаны как с культурным влиянием всадников-аскизов, так и с их непосредственным пребыванием в указанных землях. Аскизские предметы бытовали в Предуралье, скорее всего, на протяжении всего домонгольского периода.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Для предохранения рук и пальцев при стрельбе из лука применялись различные приспособления, которые также имеются в рождественской коллекции.

Из Рождественского городища известна заготовка **костяного щитка**, предназначенного для предохранения большого пальца или запястья левой руки от удара тетивы. Щиток имеет форму неправильного овального желоба с закругленными углами (80 х 35 мм) (рис.164/14). Предмет найден на раскопе V в слоях XII-XIII вв. на глубине 35 см. На раскопе II найдено **костяное кольцо,** изготовленное из части трубчатой кости, ширина кольца 15 мм, внешний диаметр 27 мм (рис.164/17). Такие кольца использовались как защита пальцев лучника от повреждений при натягивании тетивы.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Стрела – снаряд, который метали из лука или самострела, состоит из наконечника, древка и оперения. Оперения стрел в древности и в средние века, как правило, выполняли из перьев птиц, и они обычно не сохраняются в культурных отложениях. Другие части стрел сохраняются лучше, особенно наконечники, поэтому они представляют собой весьма распространенные находки на поселениях и в погребениях Предуралья.

Древко стрелы – редкая находка. На Рождественском комплексе деревянных изделий почти не найдено, остатки деревянных древков стрел на их железных наконечниках найдены в 13 погребениях могильника. Причем в ряде случаев можно замерить диаметр древков. Так, в погр. №21 длина сохранившейся части древка составляет 61 мм, а диаметр — 7 мм; в погр.№ 103 диаметр сохранившейся части древка — 8 мм; в погр. № 61 диаметр сохранившейся части древка — 10 мм, а длина сохранившейся части — 21 мм. По определению, сделанному кафедрой ботаники ПГПУ, эти древки изготовлены из дерева хвойной породы. Диаметр древков известных образцов древнерусских стрел, также составлял 7-10 мм. Кроме того, в материалах раскопа IV (яма № 2, горн) на Рождественском городище имеется фрагмент песчаникового бруска с полукруглым желобком (рис.151/13) радиусом 5 мм. Аналогичные предметы, иногда ошибочно называемые "выпрямителями стрел", известны на Руси, в Волжской Булгарии, а также у многих народов Восточной Европы и Азии, и употреблялись для шлифовки древков стрел. Таким образом, можно утверждать, что стрелы произво-

дились непосредственно на городище. Длина стрелы должна была соответствовать пропорциям тела и силе каждого лучника и длине лука, поэтому, вероятно, подбиралась индивидуально.

Ушко стрелы – также весьма редкая находка. Обычно ушко просто вырезалось на противоположном наконечнику конце древка, однако в Восточной Европе с эпохи поздней бронзы появились вставные ушки из кости или рога. Ушко необходимо для упора стрелы в тетиву, без него стрела соскакивала бы с тетивы. В нашей коллекции имеется одно костяное ушко стрелы (рис.164/15) с глухой втулкой, внутренним диаметром 7 мм, длина изделия — 39 мм, глубина выреза — 13 мм, ширина — 6 мм. Ушко найдено на раскопе II в 1991 г. в яме № 13 вместе с обломками срединной фронтальной накладки на лук. Полной аналогией нашему предмету является костяное ушко из Сувара [Медведев 1966, табл. 11/10].

В коллекции из Рождественского археологического насчитывается 35 костяных и 158 железных **наконечников стрел** самых разнообразных форм и назначений. Из них 27 экз. происходят из сборов на Рождественском городище разного времени (в основном, из коллекции Теплоуховых), остальные обнаружены на городище и могильнике в процессе раскопок. Незначительная часть их учтена А.Ф. Медведевым при создании типологии наконечников стрел народов Восточной Европы.

В нашей работе, преследующей цель создать типологию костяных и железных наконечников стрел Рождественского городища и могильника, учтены все материалы, известные к настоящему времени. Для изучения взяты только те наконечники стрел, которые не утратили своей первоначальной формы и в силу этого могут быть систематизированы, все они приведены в иллюстрациях.

Основные принципы классификации наконечников стрел разработаны в трудах А.Ф. Медведева [Медведев 1966], Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов 1966], Ю.С. Худякова [Худяков 1975], Ф.Ш. Хузина[Культура Биляра 1985, с.131-171]. Большой массив железных наконечников стрел из разных памятников Волжской Булгарии систематизирован в работе К.А. Руденко [Руденко 2000, с.47-127]. В своей работе мы следуем за указанными авторами. Особую ценность для систематизации рождественских наконечников стрел имеет фундаментальное исследование А.Ф. Медведева. Мы опираемся на его типологию. Причины такого подхода понятны. В Пермском Предуралье были распространены те же типы наконечников стрел, какие употреблялись в Древней Руси, Волжской Булгарии, у финно-угорских племен Восточной Европы или у кочевников южнорусских степей. Номера типов в тексте указаны по А.Ф. Медведеву. Из огромного количества наконечников стрел, обнаруженных не только в Рождественском комплексе, но и в других средневековых памятниках Пермского Предуралья, практически невозможно выделить чисто "прикамскую" форму — все они были в той или иной степени известны и в сопредельных областях. Вероятно, А.Ф. Медведев был прав, когда писал, что оружие "всегда было более международным, чем другие предметы материальной культуры. Новые его виды, более совершенные и эффективные, появлявшиеся у того или иного народа, значительно быстрее заимствовались и распространялись у соседних народов, чем украшения или орудия труда" [Медведев 1966а, с.51].

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Костяные наконечники (рис.166) по способу насада делятся на два отдела: А — втульчатые, Б — черешковые.

ОТДЕЛ А. Втульчатые наконечники стрел.

Таких костяных наконечников стрел в рождественской коллекции найдено 5 экземпляров.

Тип 1 — пулевидные (3 экз., рис.166/25-27). Длина 30-38 мм, внешний диаметр втулки 8-12 мм, вес 3-5 г, глубина втулки 12-22 мм. Верхний срез плоский. Предназначались для стрельбы по пушным животным, при этом предохраняли шкурки от повреждений – оглушали мелкого зверька и сбивали его на землю. Пулевидные костяные наконечники стрел, в том числе, и с плоской головкой, известны на Руси, Волжской Булгарии, у кочевников Поволжья в материалах VIII-XIV веков. В Предуралье они известны в коллекциях чепецких памятников и на Кыласовом (Анюшкар) городище. Многочисленны в Биляре (более 80 экз.), там же есть их заготовки [Смирнов 1951, рис.86].

Тип 2 — томары с трехгранным фигурным острием (1 экз., рис.166/29). Длина 39 мм, внешний диаметр втулки 18 мм, вес 25 г. Употреблялись на охоте и в бою. Аналогии имеются в Биляре и на ряде памятников Руси, А.Ф. Медведевым такой тип наконечников датирован XI – первой половиной XIII веков [Медведев 1966, с.87].

Тип 9 (у Медведева не отмечен) — втульчатый с массивной четырехлопастной головкой (рис.166/28). Длина 74 мм, длина пера 36 мм, внешний диаметр втулки 23 мм, внутренний диаметр 13 мм, вес 64 г, между втулкой и головкой — перехват. Таких наконечников более нигде не встречено, на наш взгляд, он мог служить наконечником стрелы для самострела.

ОТДЕЛ Б. Черешковые наконечники стрел.

Черешковые наконечники, в отличие от втульчатых, которые надевались на древко, вбивались в торец или вставлялись в расщеп древка, а затем крепились обмоткой. При этом могли использоваться разные виды органического клея. В средневековье в Пермском Предуралье, как и в Восточной Европе в целом, большинство наконечников стрел было именно черешковыми.

Костяные наконечники стрел трехгранного, ромбического или линзовидного сечения. Черешки таких наконечников, как правило, плоские и прямоугольные в сечении, в нашей коллекции имеется один наконечник с круглым сечением черешка, один — с квадратным, один — с неправильно ромбическим сечением. Формы острия килевидные или клиновидные, имеется два двушипных наконечника (рис.166/9, 16). Размеры наконечников от 45 до 132 мм. Один из наконечником орнаментирован перекрещивающейся насечкой (рис.166/6). Большинство черешковых костяных наконечников из рождественской коллекции относится к типу 7 по А.Ф. Медведеву. Встречено также костяное подражание плоским ромбическим железным наконечникам стрел (рис.166/21).

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Все железные наконечники по способу насада делятся на два отдела: А — втульчатые, Б — черешковые. Первый из них и в Булгарии, и на Руси, и в Прикамье употреблялся чрезвычайно редко, а второй имел широкое распространение по всей Восточной Европе. По форме сечения пера наконечники стрел подразделяются на три основные группы: I — трехлопастные, II — плоские, III — граненые (бронебойные). Кроме того, каждая из указанных групп подразделяется на типы по форме пера, соответствующие, как правило, определенному функциональному назначению. По более мелким деталям, имеющим иногда хронологическое значение, внутри типов могут быть выделены варианты или разновидности. Всего железных наконечников стрел найдено 158, из них в погребениях и междумогильном пространстве могильника – 73, 1 – на Филипповском городище, остальные на Рождественском городище.

ОТДЕЛ А. Втульчатые наконечники стрел. Таких железных наконечников стрел в рождественской коллекции нет.

ОТДЕЛ Б. Черешковые наконечники стрел.

Группа I — ТРЕХЛОПАСТНЫЕ ЧЕРЕШКОВЫЕ.

Отличительной особенностью этой группы наконечников являются 3 лопасти, расположенные симметрично на продольной оси. Функционально они предназначались для поражения незащищенного противника.

В нашей коллекции такие наконечники немногочисленны. Они представляют большой интерес, прежде всего, как датирующий материал, ибо верхний хронологический предел их бытования относится к X веку. Во второй половине X в. трехлопастные наконечники постепенно выходят из употребления в связи с появлением и распространением защитного вооружения.

Тип 20а (у Медведева не отмечен) — ланцетовидный с расширением в нижней трети длины пера (1 экз., рис.169/24). Длина 86 мм, длина пера 46 мм, максимальная ширина пера 7 мм. Подобные были в употреблении у южных кочевников Восточной Европы [Медведев 1966, с.60] и Сибири, а также у народов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине I тыс. н. э. Близкие аналогии имеются в Больше-Тарханском [Генинг, Халиков 1964, т.XII/19], Танкеевском, Больше-Тиганском могильниках, в Биляре [Культура Биляра, табл.L/10]. Судя по известным памятникам, наконечники стрел подобного типа выходят из употребления во второй половине X века.

Группа Iа — ЧЕТЫРЕХЛОПАСТНЫЕ ЧЕРЕШКОВЫЕ (у Медведева не отмечены).

Отличительной особенностью этой группы наконечников являются 4 лопасти, расположенные симметрично на продольной оси. Функционально они предназначались для поражения защищенного противника, и могут быть условно отнесены к бронебойным.

Тип 27 а — граненый с упором, непропорционально ромбической голов-

кой из 4 лопастей (2 экз., рис.169/21). Общая длина – 65 мм, длина пера – 25 мм, максимальная ширина пера – 5 мм, черешок круглый в сечении. Оба экземпляра происходят из сборов Ф.А. Теплоухова.

Тип 27 б — граненый с упором и перехватом при переходе от треугольной головки из 4 лопастей к упору (1 экз., рис.169/22). Общая длина – 52 см, длина пера – 24 мм, упор ромбический в сечении, черешок в сечении круглый. Происходит из нижнего горизонта раскопа I Ю.А. Полякова. Вероятно, X век.

Группа II — ПЛОСКИЕ ЧЕРЕШКОВЫЕ.

В данную группу входит значительное количество наконечников стрел. Все они имеют в поперечном разрезе вид узкой вытянутой линзы или сильно сплющенного ромба. Функционально предназначались для поражения незащищенного панцирем противника (с упором), а также как охотничьи (без упора).

Тип 28 — одношипные. Длина – 60-80 мм, длина пера – 40-60 мм, ширина пера 8-14 мм (8 экз., рис.167/1, 2, 10). В Восточной Европе известны в незначительном количестве, в том числе, в некоторых средневековых памятниках Прикамья (Кудымкар, Вакино). По А.Ф. Медведеву, они использовались в домонгольское время, начиная примерно с XI в. [Медведев 1966, с.62]. 6 экз. найдено в погребениях Рождественского могильника (№49-2 экз., № 59-2 экз., №103, №111) второй половины X-XI вв., два экземпляра — на городище.

Тип 29 — двушипные без упора – (4 экз., рис.167/7, 8, 11, 12). Длина – 72-105 мм, длина пера – 34-65 мм. Судя по А.Ф. Медведеву, для более раннего времени характерны наконечники с коротким пером, а позже они становятся крупнее и с черешком, заостренным книзу. Наконечники этого типа были в употреблении с глубокой древности до XIVвека. В Прикамье имеются многочисленные аналогии со средневековых памятников. Может считаться одним из наиболее распространенных местных типов наконечников стрел.

Тип 31 — двушипные с короткими шипами и с упором (2 экз., рис.167/5). Длина – 60 мм, длина пера – 39 мм, ширина пера – 22 мм, черешок в сечении круглый. Оба экземпляра найдены в погр. № 102 и № 107 XI века. Судя по А.Ф. Медведеву, такие наконечники были наиболее распространены в предмонгольское время. Оружиеведы высказывают мнение, что подобные наконечники характерны для предмонгольских кочевников Приуралья. В Пермском Предуралье встречены в Гуринском могильнике.

Тип 32 — (по А.Ф. Медведеву). Наконечники с боковыми выступами. Длина около 80-85 мм (черешок у одного обломлен), длина пера 50-60 мм, наибольшая ширина 16-20 мм, черешок плоский. Найден в 2 экз. на Рождественском могильнике (один в погребении № 103) (рис.167/3-4). Очень близок наконечникам предыдущего типа по форме пера. По А.Ф. Медведеву, были распространены в то же время.

Тип 33 — (по А.Ф. Медведеву). Килевидные вытянутые с наибольшим расширением в средней трети длины пера. Общая длина 65-79, длина пера 28-46 мм, ширина пера 10-19 мм, черешок плоский. Один наконечник происходит из погр. № 124 (рис.168/23) и 4 экз. — с городища (рис. 167/14;

27-28; 168/7). Наконечники данного типа широко распространены на Руси в XII — перв. пол. XIII века. Известны на городище Анюшкар.

Тип 37 — треугольные. Длина 74 мм, длина пера 44 мм, ширина пера 32 мм, черешок плоский. Найдены в погр. № 21, 61, 98, 124 (рис.167/9). Были распространены с VIII по XIV в. включительно. Известны в Каневском могильнике.

Тип 40 — ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера. Общая длина 67-96 мм, длина пера 43-65 мм, ширина 16-20 мм, черешки круглого сечения. Найдено 2 экз. на городище (рис.167/29-30). Были распространены с X по XIV в. включительно. Известны на городище Анюшкар.

Тип 46 — ромбовидные новгородского типа. Общая длина 68-102 мм, длина пера 38-63 мм, ширина 14-23 мм, черешок плоский или круглый. Характерная особенность этого типа – отсутствие упора для древка стрелы. Появились они в Прикамье на рубеже нашей эры. Подобные наконечники широко применялись в северной полосе Восточной Европы до конца XIII века. Найдены на городище – 10 экз. и на могильнике – 18 экз. (рис.167/19, 21-23; 168/11, 15, 17-21; 24-25).

Тип 47 — ромбические без упора. Общая длина 47-97 мм, длина пера 26-64 мм, ширина 18-31 мм, черешки плоские. Найдено 46 экз., из них 10 на городище и 36 на могильнике (рис.168/1-7; 9-10; 12-14; 16; 22). Перо наконечника в форме правильного ромба с прямыми сторонами и плечиками. Встречаются с VIII по XIV в. включительно только в северной полосе Восточной Европы. В Пермском Предуралье известны в погр. № 35 Урьинского могильника, в погр. № 5 Плёсинского могильника, на Вакинском селище.

Тип 48 — ромбические с упором. Общая длина 45-80 мм, длина пера 30-43 мм, ширина 13-21 мм, черешок круглый. Найдено 3 экз. на городище (рис.167/ 24; 31-32). Наконечники с упором у А.Ф. Медведева датируются IX-XIV веками [Медведев 1966, с. 68]. Такие наконечники были широко распространены на всей территории европейской части России. В Пермском Предуралье встречены на городищах Анюшкар и Кудымкарском. Распространены в Волжской Болгарии.

Тип 48а — ромбические с упором (у А.Ф. Медведева отсутствует). Общая длина 65 мм, длина пера 39 мм, ширина 21 мм, сечение пера – сильно приплюснутый ромб. Тип представлен в 2 экз. на городище и в погр. № 38 могильника (рис.167/1). Существовали с IX по XIV век. Аналогии известны на городище Анюшкар, в городах Руси, Болгарии.

Тип 51 — (по А.Ф. Медведеву) — ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера.

Подтип а — без упора. Общая длина 71 мм, длина пера 40 мм, ширина пера 25 мм, черешок круглый в сечении. Один экземпляр происходит с городища (рис.167/ 20).

Подтип б — с упором. Общая длина 71-84 мм, длина пера 35-53 мм, ширина пера 18-23 мм, черешок круглый в сечении. Представлены в 2 экз. на городище (рис.167/25-26) и в погр. № 55, 61, 90, 127 могильника (рис.168/ 8). Были распространены на юге России и Прикамье в X-XIV веках. В Прикамье встречены на Кудымкарском городище и городище Анюшкар.

Тип 54 — срезни треугольные.

Подтип а — без упора. Общая длина 49 мм, длина пера 18 мм, ширина 15 мм, черешок плоский (рис.168/26).

Подтип б — с упором. Общая длина 57 мм, длина пера 25 мм, ширина 15 мм, черешок круглого сечения (рис.168/27). Были распространены с IX по XIV век. Оба подтипа представлены единичными экземплярами с городища.

Тип 55 — секторовидные срезни. Общая длина 49 мм, длина пера 27 мм, ширина 18 мм, черешок круглого сечения. Один экземпляр данного типа встречен на городище (рис.168/25). Были распространены только на юго-западе древней Руси с IX по XI вв., преимущественно в X-XI веках. В Прикамье редки.

Тип 59 — двурогие срезни без упора. Общая длина 67 мм, ширина пера 24 мм, черешок плоский. Один экземпляр данного типа происходит с городища (рис.167/13). Были в употреблении в X-XI вв. в Приладожье, в Прикамье и Ярославском Поволжье. Известны на городище Анюшкар и Кудымкарском городище, в целом в Прикамье редки.

Тип 61 — остролистные.

Подтип а — с упором. Общая длина 70 мм, длина пера с шейкой 50 мм, длина пера 35 мм, ширина 11 мм, черешок плоский (рис.168/3). Датируется X-XIII веками.

Подтип б — без упора. Общая длина 56 мм, длина пера 32 мм, ширина 11 мм (рис. 168/ 4). Датируется VIII-XI веками. В Пермском Предуралье подобные наконечники известны на Каневском, Загарском могильниках, Вакинском селище, городище Анюшкар.

Тип 63 — лавролистные. Общая длина 64-82 мм, длина пера 49-60 мм, ширина 18 мм, черешок плоский. Найдено 7 экз.: на могильнике в погр. №49 – 2 экз., погр. №59 – 2 экз., погр.№103 – 1 экз., погр.№111 – 1 экз. (рис.167/2), один наконечник происходит с городища (рис.167/1). Наконечники с упором распространены с IX в. до позднего средневековья по всей территории Восточной Европы.

Тип 65 — листовидные с наибольшим расширением у острия. Общая длина 68-86 мм, длина пера 25-55 мм, ширина 18-24 мм, черешки круглые в сечении. Найдено 5 экз. на городище (рис.167/15-18). Данные наконечники были распространены в VIII (?) — перв. пол. XI веков. В Пермском Предуралье известны в Каневском могильнике.

Тип 71 — фигурнолистные или пламевидные. Общая длина 88 мм, длина пера 65 мм, ширина 21 мм, сечение пера ромбовидное или линзовидное. Два наконечника данного типа происходят из коллекции Теплоуховых (рис. 167/33; 168/2). По рассказам местных школьников, в 1979 г. в одном из логов под городищем был найден костяк с лепным сосудом, в черепе торчал наконечник подобного типа. Датируется с конца IX и до начала XI века. Основной период их потребления приходится на IX-X века. В Прикамье редки, встречены еще на Вакинском селище и Анюшкаре. Пламевидные наконечники не характерны для Прикамья, и принесены сюда болгарами.

Тип 71-а (у А.Ф. Медведа не отмечен) — мечевидный. Длина не известна (черешок обломлен), длина пера 91, ширина 18 мм. На пере имеются две симметричные выемки на расстоянии 10 мм от черешка. Найден в погр. № 121 (рис.167/6).

Группа III. ГРАНЕНЫЕ (БРОНЕБОЙНЫЕ) НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ.

К этой группе относятся все наконечники с массивной головкой или остриём, поперечное сечение которых имеет вид ромба или квадрата.

Тип 78 — ланцетовидный ромбического сечения.

Подтип а — общая длина 52 мм, длина боевой головки 40 мм, ширина 6-8 мм, черешок в сечении круглый. Известен один наконечник из коллекции Теплоуховых (рис.169/12).

Подтип б — общая длина 55 мм, длина боевой головки 37 мм, ширина 6 мм, сечение в виде сильно приплюснотого ромба. Известен один наконечник из коллекции Теплоуховых (рис.169/20). Были распространены в период XI-XIV веков. По мнению А.Ф. Медведева, такие наконечники широко употреблялись в Европе в XIII-XIV веках [Медведев 1966, с. 80]. В Прикамье известны еще на Кудымкарском городище.

Тип 91 — бронебойные с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой. Общая длина 52-77 мм, длина головки 19-26 мм, ширина 7-12 мм, черешок в сечении круглый. Известно 5 экз. с городища (рис.169/14-17) и один, самый крупный, с Филиповского городища (рис.169/18). Датируются X-XIV веками. В Прикамье встречены еще на городище Анюшкар, в Чердынском районе. Данные наконечники широко использовались для пробивания шлемов, панцирей и других доспехов. Судя по погнутым черешкам, попали в слой городищ в результате боевого применения.

Тип 84 — бронебойные с короткой пирамидальной головкой ромбического сечения и длинной шейкой круглого сечения. Общая длина около 60 мм (черешок обломлен), длина головки с шейкой 45 мм, длина боевой головки 19 мм, ширина 10 мм, черешок в сечении ромбический. Найден один экз. на городище (рис.13/13). Такие наконечники были распространены в X — нач. XI веков.

Тип 89 — пирамидальный ромбического сечения с шипами и круглой шейкой. Общая длина 62 мм, длина головки 29 мм, ширина 8 мм, черешок в сечении круглый. Известен один наконечник по коллекции Теплоуховых (рис. 169/19). По мнению А.Ф. Медведева, данные наконечники датируются XIII-XIV веками [Медведев 1966, с. 82].

Тип 92 — бронебойный с короткой массивной боевой головкой квадратного или ромбического сечения и длинным черешком.

Подтип а — боевая головка квадратного сечения. Общая длина 73 мм, длина головки 30 мм, ширина грани 5 мм, черешок круглого сечения. Найден в единственном экземпляре на городище (рис.169/10).

Подтип б — боевая головка ромбического сечения. Общая длина 60 мм, длина головки 16 мм, ширина 12 мм, черешок ромбического сечения. Известен в одном экземпляре с городища (рис.169/11). Оба подтипа датируются XII — перв. пол. XIII века.

Тип 95 — узкий шиловидный наконечник ромбического сечения и перехватом у черешка. Общая длина 77 мм, длина острия 53 мм, наибольшая ширина 8 мм, черешок круглого сечения. Известен один экземпляр с городища (рис.169/9). Это типичный противокольчужный наконечник. Подобные были распространены в VIII-XIV веках. В Прикамье наконечник такого типа известен еще в Каневском могильнике.

Тип 93 — шиловидный квадратного сечения без упора. Общая длина 85 мм, длина головки 41 мм, наибольшая ширина 9 мм, черешок круглый. Встречен в 2 экз. на городище (рис.169/8). Наконечники данного типа были распространены в X-XIV веках. На нашем городище, судя по изогнутости черешка, – результат боевого применения.

Тип 76 — пирамидальные трёхгранные. Общая длина 41 мм, длина боевой головки 23 мм, ширина грани 10 мм. Встречен в погр. №110 могильника (рис.169/23). Такие наконечники распространяется со вт. пол. XI до XIV вв. включительно. Арабы использовали стрелы с подобными наконечниками для пробивания железных доспехов и деревянных щитов.

Тип 76а — (У Медведева не отмечен) с шаровидным окончанием круглой головки. Общая длина 59 мм, длина боевой головки 21 мм, диаметр 9 мм. Роль упора выполняли два выступа. Наконечник обнаружен на городище в одном экземпляре (рис.169/29). Вероятно, это какое-либо местное изобретение.

Тип 100 — долотовидные. Общая длина 89 мм, длина пера 50 мм, ширина 8 мм, черешок круглый. Найден в одном экземпляре на городище (рис.169/ 28). Можно датировать XI—началом XIII века. Так датировал данный тип и А.Ф. Медведев. Рассматриваемые наконечники являются наиболее характерным типом оружия домонгольских булгар. В Прикамье найдены еще на Кудымкарском городище и на Анюшкаре.

Тип 102 — пулевидный круглого сечения. Общая длина 46 мм, длина боевой головки 12 мм, диаметр 7 мм. Встречен в одном экземпляре на городище (рис./169/30). Были распространены только в XII-XIV веках. Головка у нашего экземпляра сильно сплющена, черешок загнут, очевидно, это результат боевого применения.

Группа IV. НАКОНЕЧНИКИ САМОСТРЕЛОВ.

Тип 1 — двушипные.

Подтип а — массивный наконечник с линзовидным сечением пера. Общая длина 104 мм, длина пера 32 мм, ширина 25 мм, черешок плоский. Найден в одном экземпляре на городище (рис.167/12).

Подтип б — узкий бронебойный наконечник с ромбовидным сечением пера. Общая длина 139 мм, длина пера 35 мм, ширина 7 мм, черешок круглого сечения. Найден в одном экземпляре на городище (рис.169/6). Острие погнуто в результате боевого применения.

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Оружие ближнего боя предназначалось для поражения противника в рукопашном бою. От умелого применения различных видов оружия ближнего боя в индивидуальных схватках в значительной степени зависел исход сражения в целом. Оружие ближнего боя определяло в конечном счете и уровень развития военного дела, поскольку являлось важнейшим в системе вооружения, и достаточно быстро совершенствовалось.

Оружие ближнего боя принято делить на клинковое (мечи, сабли, кинжалы) и древковое (копья, пики, топоры, булавы, кистени).

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ

Это оружие было самым дорогим, характерным прежде всего для профессиональных воинов, и в Предуралье встречается относительно редко. Судя по имеющимся письменным источникам, в Предуралье клинковое оружие ввозилось булгарскими купцами. Так, ал-Мукаддаси, приводя обширный список товаров, вывозимых булгарами в различные страны, упоминает стрелы, мечи и кольчуги. Гарнати сообщает, что болгары ввозят в Вису сабли, изготовленные в мусульманских странах, и не имеющие никаких украшений и рукоятей — "одни клинки, в том виде, в котором они выходят из рук кузнецов". Однако это не исключает и производство клинкового оружия местными кузнецами.

При раскопках Рождественского комплекса не было найдено целых образцов клинкового оружия, однако на могильнике в 1991 г. в междумогильном пространстве был найден **фрагмент сабельного клинка** длиной 31 см с односторонней заточкой, ширина фрагмента 3 см, с одной стороны имеются следы неглубокого дола. Толщина фрагмента 5 мм. Сказать что-то более определенное о типе сабли невозможно, тем более что к моменту публикации фрагмент утерян и имеется только архивный рисунок.

В коллекции имеются две **гарды**, происходящие из раскопок Рождественского городища. Одна из них явно местного производства (рис.164/6), представляет собой небольшое прямое перекрестье длиной 50 мм, один конец которого расширяется, по середине имеется овальное отверстие, вероятно, повторяющее форму черенка рукояти. Аналогий такому изделию не найдено, происходит предмет из раскопа V 1992 г. с глубины 50 см. Второе перекрестье относится к типу гард с ромбическим расширением на середине длины (рис.164/7). В центре оставлено овальное отверстие, повторяющее форму обоймы на клинке, в которое вварена железная пластина с отверстием, повторяющим форму черенка. Длина перекрестья 100 мм. Подобные перекрестья (тип III по А.Н. Кирпичникову) относятся к типу распространенному в Европе в период XI-XIII вв. [Кипричников 1966, с.69-70], по мнению И.Л. Измайлова, такого типа перекрестья наиболее характерны для продукции оружейников Волжской Булгарии [Измайлов 1997, с.26-30]. Данный предмет найден в 1985 г. на раскопе I на глубине 35 см.

Среди ножей, найденных при раскопках комплекса, выделяется группа длинных узких ножей (рис.146/1, 3) до 22-24 см в длину, близких к русским "засапожным" [Колчин 1959, с.55. рис.43/В], вполне возможно их применение в качестве **боевых ножей**.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ

Оно представлено топорами универсального типа (они описаны в разделе "Орудия труда"), наконечниками копий и втоками от их древков, а также ушком от цепа.

Наконечники копий (рис.170/1-4) все втульчатые. Три из них относятся к двушипным, их длина от130 до 260 мм, длина пера от 30 до 55 мм, один из них имеет несомкнутый в нижней части втулки шов. По мнению исследовате-

лей, они использовались в IX-XII вв. преимущественно как охотничье оружие [Кирпичников 1966а, с.17, тип VII].

Один из наконечников относится к типу с широким листовидным пером и воронкообразной втулкой (рис.170/4). Его длина 140 мм, ширина пера 33 мм, длина пера 75 мм, диаметр втулки 18 мм. Перо имеет ромбическое сечение с ребром жесткости по середине. Прямые аналогии имеются в материалах Биляра [Культура Биляра, табл. LX, 8]. Наше копье найдено в раскопе V 1992 г. на глубине 50 см.

В коллекции имеется тонкая бронзовая пластина прямоугольной формы с 6 заклепками (рис.170/8), найденная на раскопе II в яме №5 на глубине 168 см. Такие пластины использовались в Прикамье для украшения древков копий, и размещались рядом с втулкой, вероятно, для крепления бунчуков. Аналогии таким пластинам, размещенным под втулкой наконечников на древке, имеются в материалах IX-X вв. Редикарского могильника (раскопки А.М. Белавина 1996 г.).

Вток от копья (рис.170/6) найден в междумогильном пространстве могильника. Такие втоки, представляющие собой свернутую в виде длиной узкой воронки железную пластину с обработанным швом, использовались весь период средневековья. Длина втока 115 мм.

Ушко от **цепа или кистеня** (рис.170/5) найдено в погр. №111 могильника. Его длина 85 мм, диаметр петли 35 мм. По данным А.Н. Кирпичникова, кистени или боевые цепы были распространены в Восточной Европе в XII-XIII веках.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Защитное вооружение, включающее разного вида доспехи, шлем, щит и другие приспособления, предназначается для защиты воина от поражения в бою.

При раскопках Рождественского комплекса обнаружены фрагмент кольчуги (рис.164/1-3) и панцирные пластины (рис.164/4-5).

Кольчуга представлена обрывками кольчужного полотна классического сварного типа. Кольчужные кольца делались из проволоки диаметром 1-2 мм круглого или квадратного сечения. Найдено несколько уплощенных колец. Есть фрагмент, где сочетаются разные по сечению и диаметру кольца. Кольчужные кольца встречены диаметром от 7 до 17 мм, преобладают кольца диаметром 12 мм. В полотнах, как правило, одно кольцо держит четыре других. Кольчужный доспех был распространен по всей Восточной Европе и в Зауралье длительное время.

Панцирные пластины представлены двумя пластинами оригинальной формы с трапециевидным завершением, длина пластин 60 мм, максимальная ширина 45 мм, толщина 3 мм, на пластинах по два отверстия – в верхней и нижней части пластины. Одна пластина найдена на раскопе V на глубине 10 см, вторая на раскопе I в яме № 56 на глубине 100 см. Аналогии имеются на Золотаревском городище в Пензенской области [Белорыбкин 2001, рис.80/21].

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ

Представлено удилами (21 экз.) и их частями (отдельными звеньями и кольцами – 44 экз.), а также многочисленными украшениями уздечки. **Удила** (18 экз.) представлены в основном удилами IV типа [Кирпичников 1973, рис.4], состоящими из двух подвижных звеньев и двух колец (рис.171/1-2, 12 и др.). Это наиболее массовый и универсальный тип удил Восточной Европы периода средневековья, распространенный в IX-XIV веках. Звенья, как правило, равноплечны, что является, по мнению специалистов, признаком удил такого типа X-XII веков. Имеется два образца с грызлами разной длины, что характерно для XII-XIV вв., разница между грызлами составляет 15 мм. Глубина залегания удил разная – от 1 метра до приповерхностного слоя.

Интерес представляют удила, происходящие из коллекции Теплоуховых, типа IVa (рис.171/10) с двойными кольцами на концах грызел. Большие кольца служили для прикрепления оголовья, малые — для крепления повода. Такие удила известны в Восточной Европе в VII — нач. X века.

Встречены 3 экз. удил типа VI – так называемые кольчатые удила без перегиба, грызла которых состояли из одного изогнутого стержня (рис.171/8; рис.172/2-3). Наиболее характерны такие удила для кочевников IX-XI вв., а в XII в. они постепенно вышли из употребления. Наиболее сохранившиеся удила такого типа найдены на Рождественском городище в раскопе I на глубине 95 см (рис.171/8). Еще двое таких удил найдены в погребениях №65 (рис.172/2) и №128 (рис.172/3).

В коллекции Теплоуховых имеется **костяная псалия** (рис.180/3). При раскопках Рождественского городища Ю.А. Поляковым найден **ледоходный конский шип** XI-XIII вв. (рис.172/13), аналогии ему известны на Руси и в Волжской Булгарии, впрочем, он может считаться и **древолазным шипом** и свидетельствовать о **занятиях бортничеством**. Имеется одна целая (коллекция Теплоуховых) и обломок железных подков (рис.172/14-15) типа, характерного, по сведениями А.Н. Кирпичникова, для домонгольского периода.

Распределители ремней оголовий и узды в коллекции из Афкулы представлены 5 предметами (рис.172/7-10). Круглые бронзовые диаметром 3-3,5 см с выпуклиной в середине и тремя подовальными прорезями. Оба экземпляра из коллекции Теплоуховых, аналогии имеются в Биляре, Булгаре [Полякова 1996, рис.69/4], на разных памятниках Предуралья, Сибири, Руси. Датируются такие распределители достаточно широко, IX-XI веками. Один экземпляр распределителя, орнаментированный гроздьями из трех выпуклин, дополнялся тремя накладками на концы ремешков (рис.172/9), оформленными аналогично распределителю. Эти дополнительные накладки известны как гантелевидные (по Е.П. Казакову) – в виде крупного полушария, соединенного с гроздью из трех более мелких полушарий. Аналогичные встречены на Танкеевском могильнике в Татарстане [Казаков 1992, с.168, тип XIVБ2; рис.60/117]. Один такой набор из белой бронзы происходит из погребения № 25, второй из серебра из коллекции Теплоуховых. Аналогии разспределителям имеются в курганах Южного Урала.

X-образный бронзовый разделитель с выпуклиной в центре (рис.172/10)

происходит из раскопа II 1993 г. на Рождественском городище. Аналогии имеются в Булгаре, на памятниках кочевников XIII-XIV вв. из южнорусских степей.

Из прочих предметов снаряжения всадника и коня отметим железный предмет треугольной формы: на пластине с двумя отверстиями для крепления расположена дротовая пластина, сходящаяся на острый угол (рис.172/11). Предмет представлен в коллекции Теплоуховых среди материалов Рождественского городища. Возможно, что это некая **основа для султанчика** на конское оголовье или головной убор, какие были распространены в Южной Сибири.

Весьма оригинальным предметом, впервые встреченным в Пермском Предуралье, является **крюк для продергивания седельных ремней** и для шнуровки (рис.172/12), найденный на раскопе V Рождественского городища. Абсолютные аналогии ему известны среди аскизских древностей, среди находок на Золотаревском комплексе, в Новгороде, Новогрудке, на городище Слободка [Руденко 2001, рис 26/29-31; рис.27; рис.30/14], где они, по мнению И.Л. Кызласова, являются прямым свидетельством пребывания аскизских всадников.

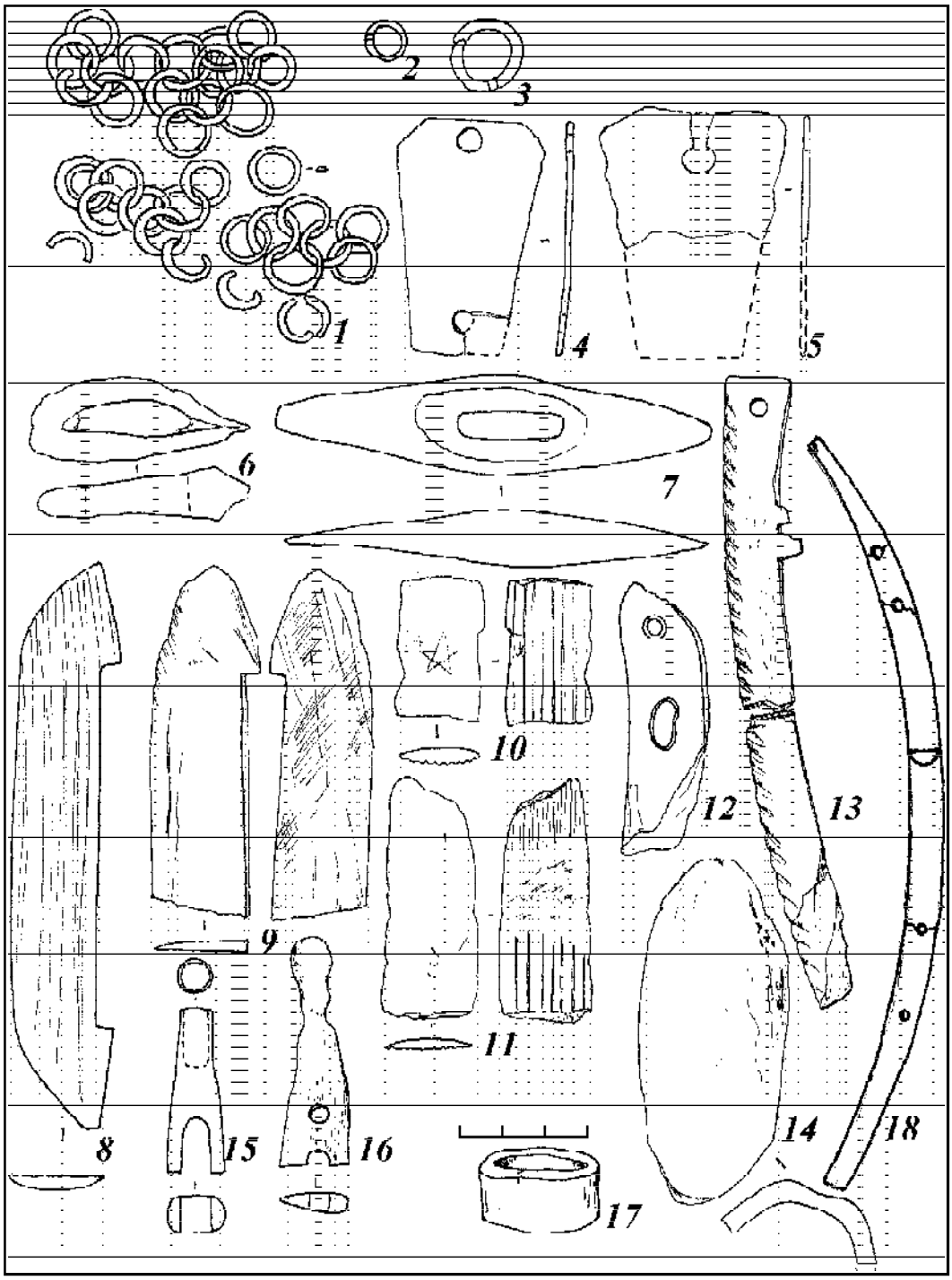

Рис. 164. Детали защитного снаряжения (1-5), гарды (6-7), части сложного лука, ушко стрелы (15), предохранительный щиток (14), предохранительное кольцо (17). Материал: 1-7 - железо, остальное кость, рог

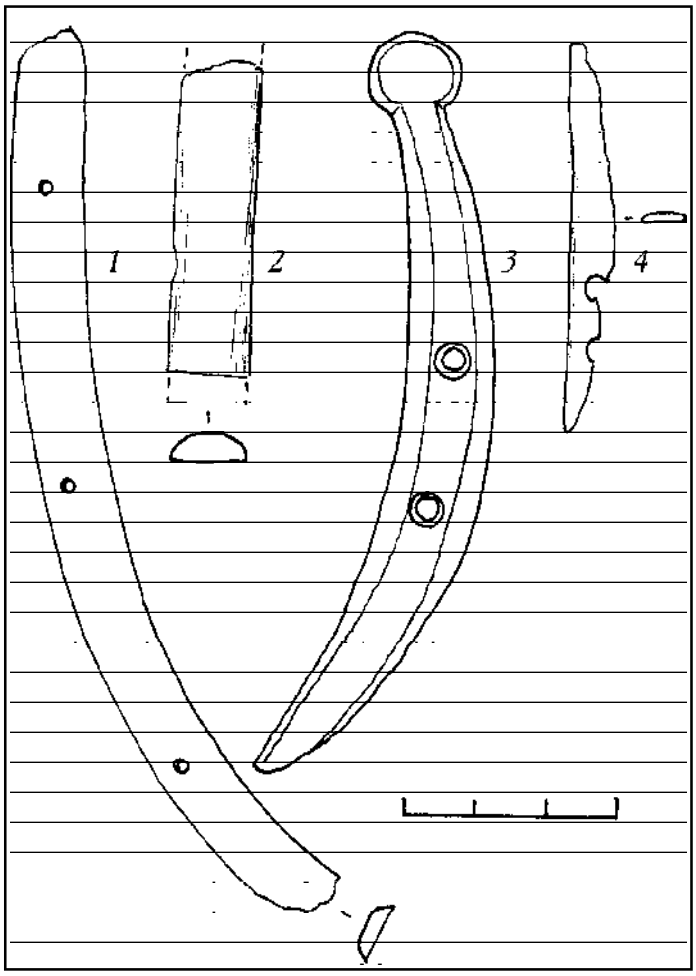

Рис. 165. Детали сложного лука

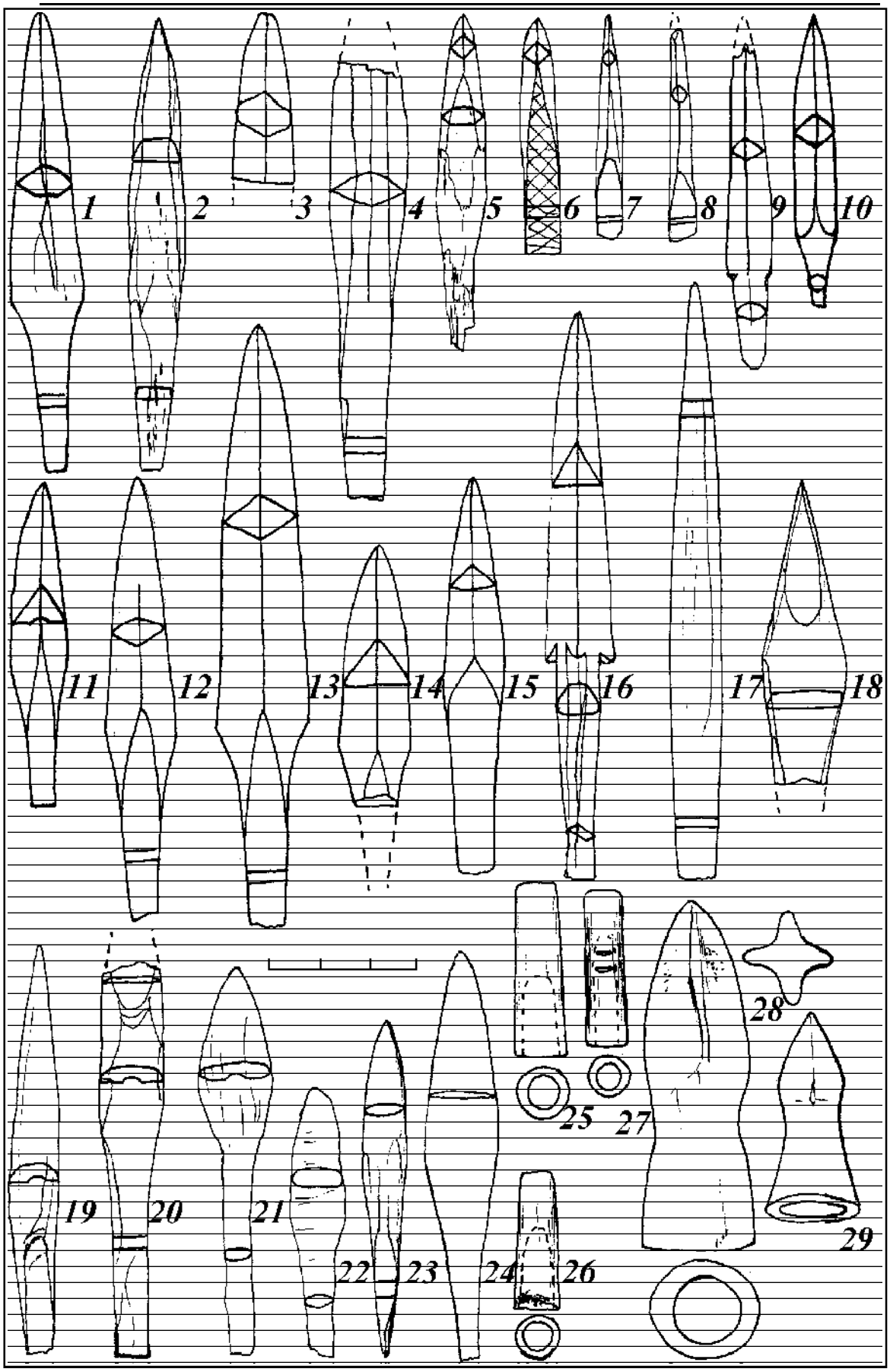

Рис.166. Костяные наконечники стрел

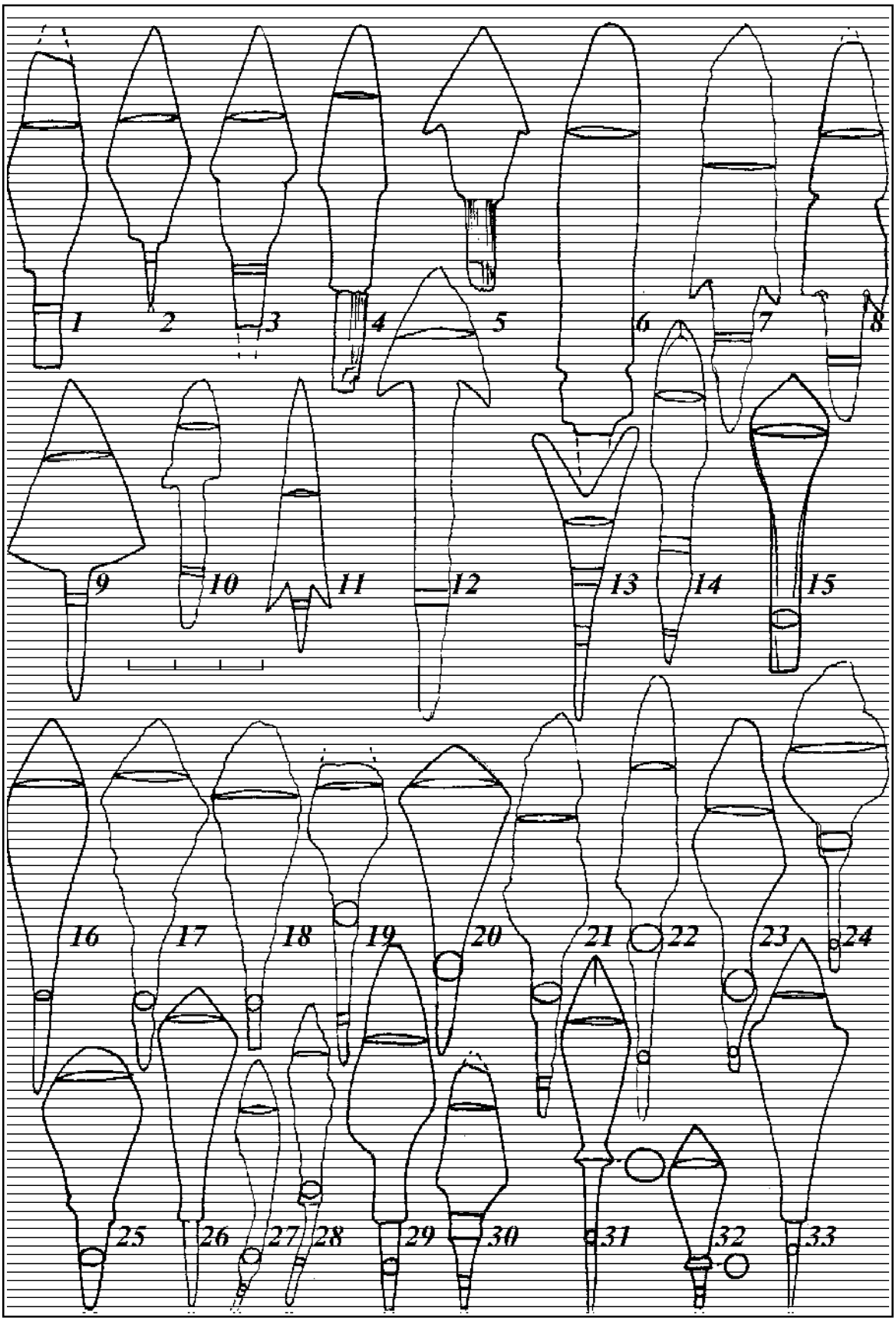

Рис.167. Железные наконечники стрел

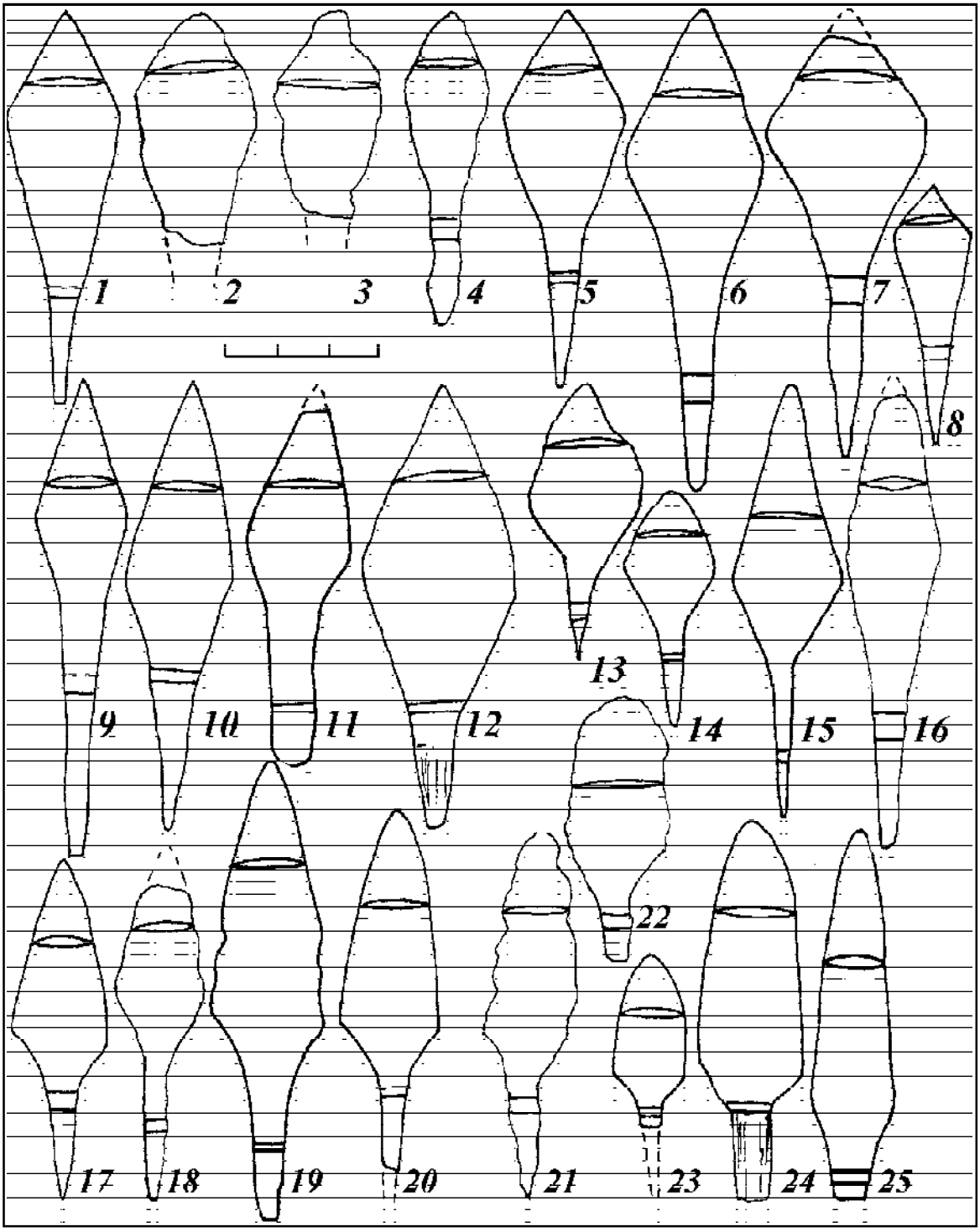

Рис. 168. Железные наконечники стрел

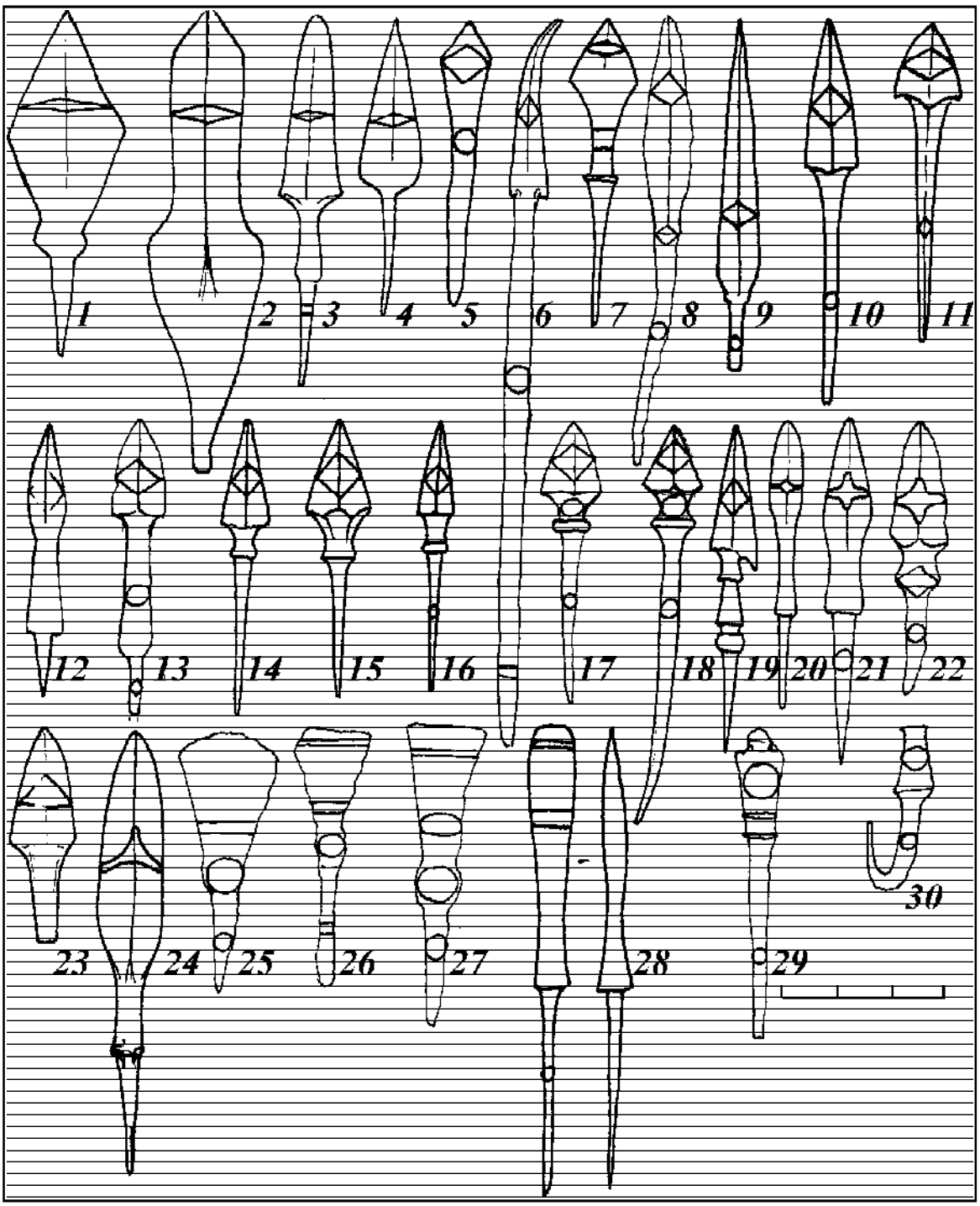

Рис. 169. Железные наконечники стрел

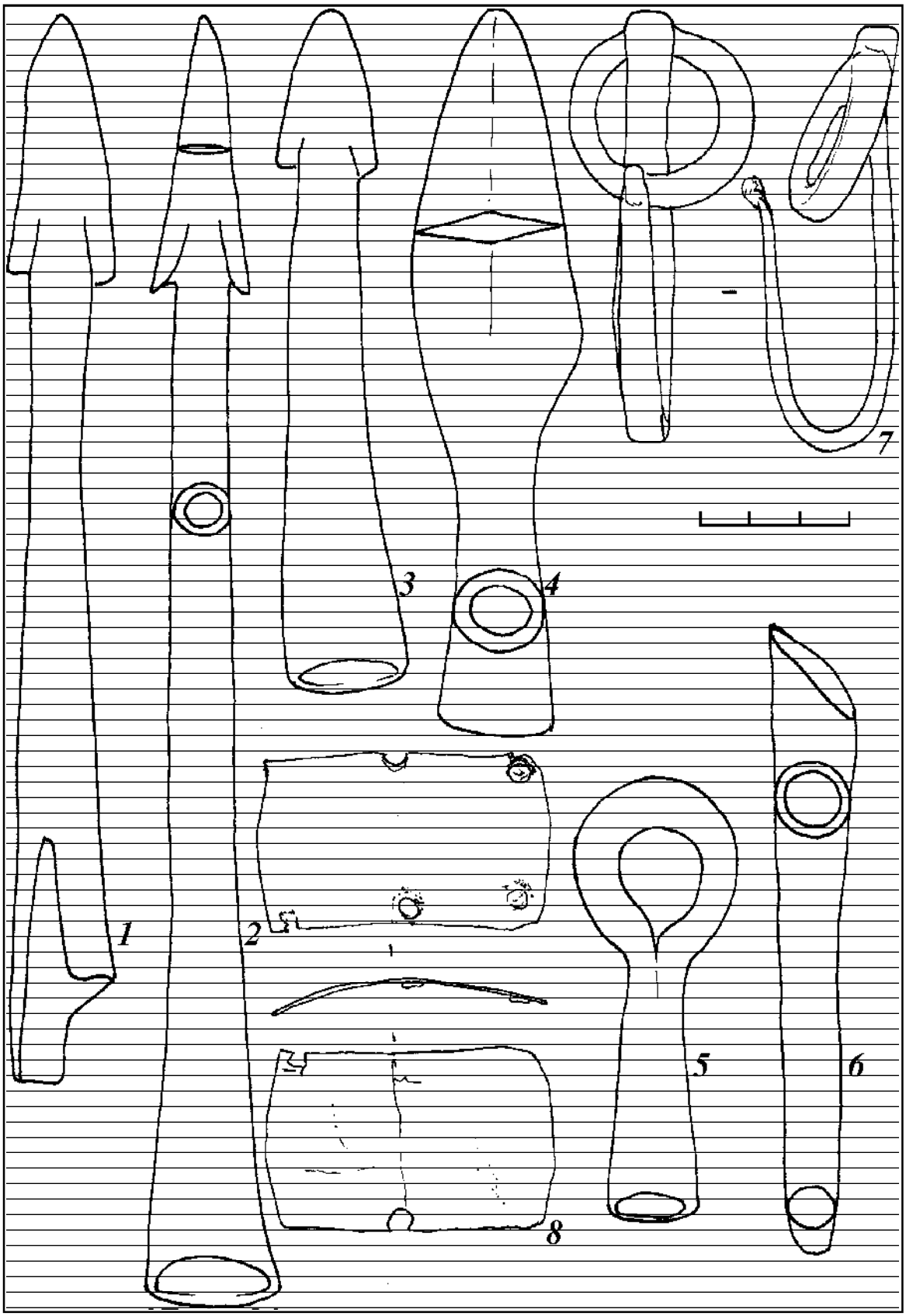

Рис.170. Наконечники копий, ушко от кистеня (5), вток (6), колчанный крюк (7), пластина декоративная (8). Материал: 8 - бронза, остальное железо

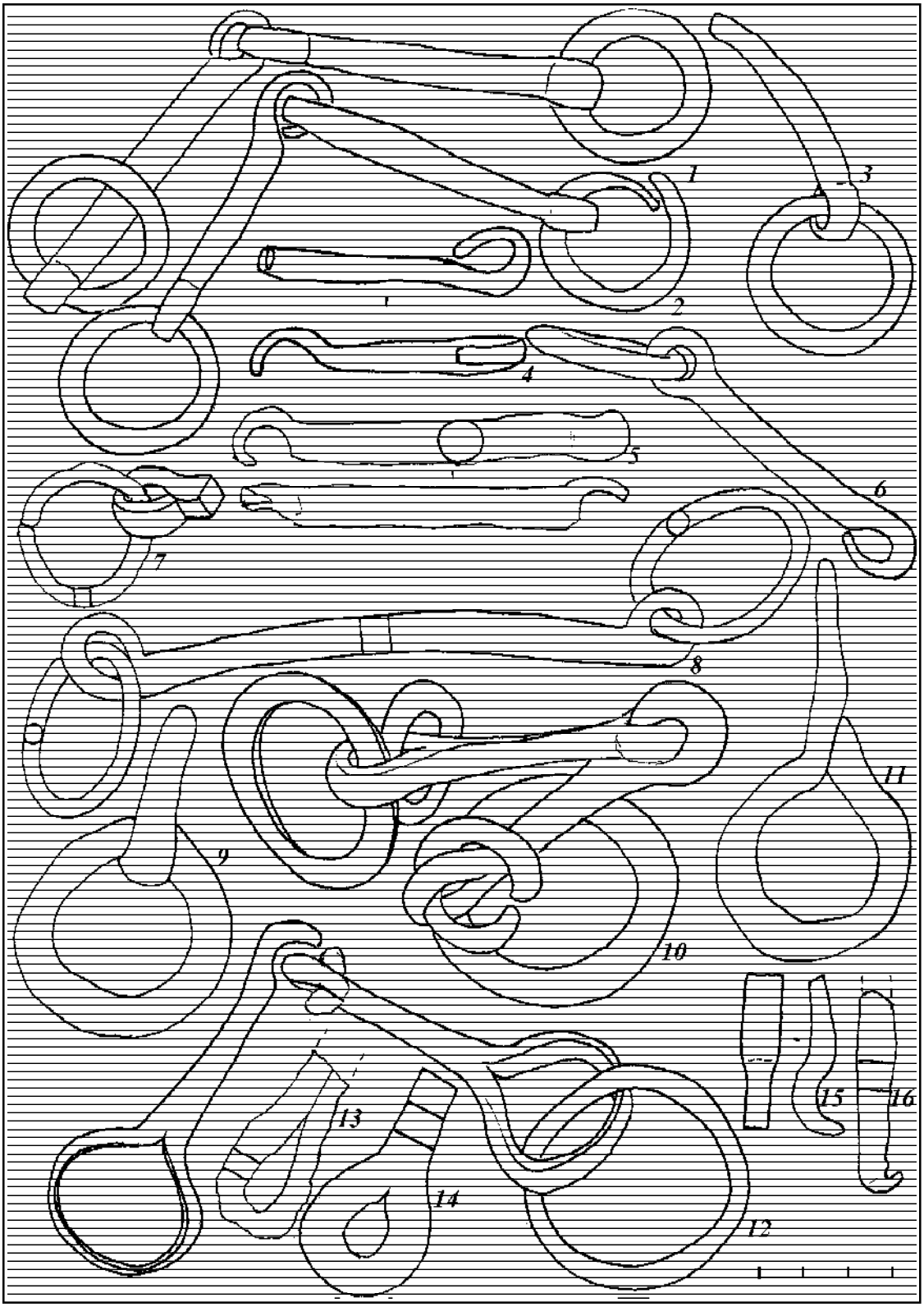

Рис. 171. Удила железные и их обломки

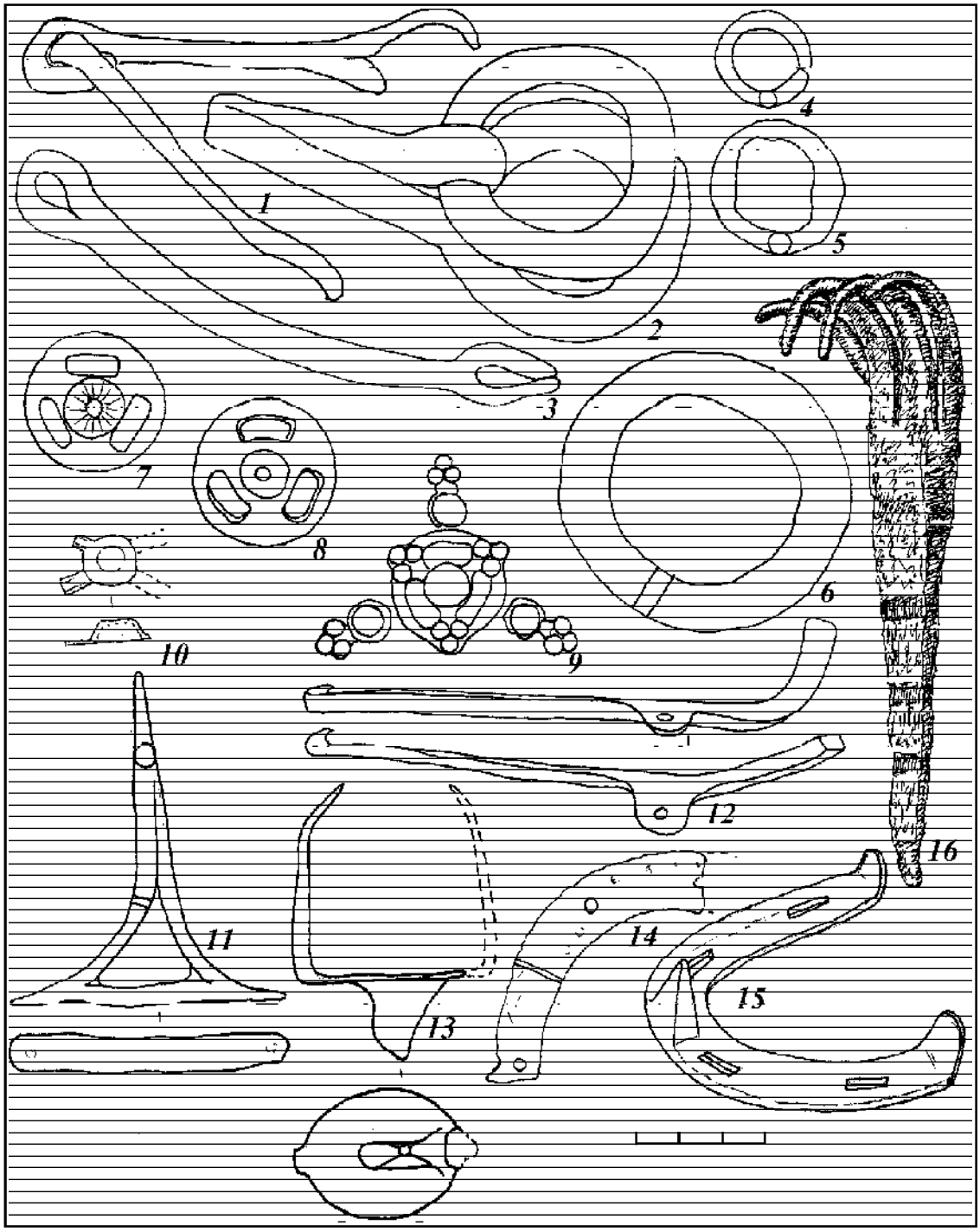

Рис. 172. Детали конского снаряжения

ПРЕДМЕТЫ БЫТА

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ОСВЕЩЕНИЯ

Эта категория вещей представлена двумя предметами, оба из которых происходят с раскопа IV – фрагментом керамического масляного светильника и деталью хороса (рис.173).

Фрагмент серо-глиняного булгарского **гончарного светильника** принадлежит к типу светильников в виде низкой глиняной плошки с носиком-желобком и петельчатой ручкой [Крыласова, 2007, с.195]. Такие светильники с X в. получили широкое распространение в Волжской Булгарии и продолжали там широко использоваться на протяжении всего домонгольского периода, несколько реже встречаются и в слоях золотоордынского времени [Кокорина, 2002, с.145].

Хоросы – подвесные светильники в виде металлических обручей в один-три яруса, предназначенные для установки свечей, использовались с X-XII вв. в храмах, реже в парадных палатах знати. **Деталь хороса** с Рождественского городища (рис.173/1; цв. вкл. П/4) представляет собой уплощенный симметричный предмет, верхние концы которого оформлены в виде расцветающего бутона, в центре — сквозное отверстие. Аналогичный предмет, обнаруженный в золотоордынском Увеке [Полубояринова 1978, с.100-101, рис.31], возможно, отлит с рождественским в одной форме. Фрагменты хоросов известны также на Камаевском городище XIV-XV вв. на территории Волжской Булгарии [Фахрутдинов 1984, рис.24] и на Руси. Дата новгородских находок – середина XII-XIII вв. [Полубояринова 1978, с.100], в Старой Рязани детали хоросов представлены в материалах середины XI – начала XIII в. [Даркевич, Борисевич 1995, табл.82/1, 93/12-13, 146/1-3]. В Волжской Булгарии хоросы с такими деталями использовались как осветительный прибор в мечетях. Наличие его детали на Рождественском городище в сочетании с находками фрагментов муравленной черепицы, применяемой для покрытия крыш мечетей, наличие мусульманского кладбища, явно указывают на возможное нахождение мечети на Рождественском городище. С уверенностью можно говорить о том, что это – самая ранняя мечеть в Пермском Предуралье.

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

Кресала (или огнива) – это приспособление для добывания огня, представляющее собой стальную пластинку, служившую для удара о кремень при высекании искры. Кресала принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, выполненных в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства [Гопак 1986, с.425,427].

Для высечения огня требовалось железо, кремень и трут. Поэтому

полный комплекс элементов огнива включал в себя железное или биметаллическое кресало, кремень и (иногда) трубочку для трута.

На Рождественском археологическом комплексе собрано 54 кресала, 9 кремней и 5 трубочек для трута, которые происходят с Рождественского городища и языческого могильника. На могильнике элементы огнива представлены в 17,3% погребений. Для примера, у поздних кочевников Восточной Европы X-XIV вв. кресала обнаружены в 13% погребений [Евгалевский, Потемкина 2000, с.183], а в древнерусских языческих подкурганных захоронениях Южной Руси IX-XIII вв. они составляют всего 2% [Моця 1993, с.28].

Среди кресал выделяется 2 отдела – железные и биметаллические.

СТАЛЬНЫЕ КРЕСАЛА

Группа 1 – ОДНОЛЕЗВИЙНЫЕ.

Подгруппа 1 — калачевидные. Данные кресала получили свое названия из-за наличия двух своеобразно изогнутых рукоятей, что делает изделие похожим на калач. Кресала подобного вида были распространены чрезвычайно широко. В зависимости от времени и места их распространения они имели свои особенности. Общая форма их может напоминать треугольник, овал и даже прямоугольник, рукояти могут находиться на значительном расстоянии друг от друга или смыкаться и иметь большую или меньшую степень изогнутости. Иногда концы так изогнуты, что примыкают к основанию, образуя подобие буквы "В".

Большинство исследователей основным признаком для классификации калачевидных кресал считает наличие или отсутствие выступа (язычка) на ударной части лезвия. Хотя отмечается, что среди калачевидных кресал можно также выделить группы с прямыми концами рукоятей и группы с загнутыми наружу, утолщенными или оформленными завитками концами [Евгалевский, Потемкина 2000, с.183].

Для коллекции Рождественского археологического комплекса, как и в целом для калачевидных кресал, распространенных на средневековых памятниках Пермского Предуралья, наиболее целесообразным является выделение типов по форме концов рукоятей, так как эти типы, на наш взгляд, имеют различия в датировке.

Тип 1 – овально-подтреугольные (21 экз., рис.174а/1-14; цв. вкл. П/5) (тип AI.1.2 по общей классификации кресал Пермского Предуралья [Крыласова 2007, с.131]). Большинство кресал данного типа имеют сравнительно небольшие размеры – от 4,5 до 7,5 см в длину, лишь одно из них достигает в длину 9 см. Высота их разная в зависимости от угла наклона концов рукояти к рабочей части. Характерной особенностью предметов данного типа является то, что у их рукоятей концы имеют завитки или утолщения. В одном случае (рис./4) концы рукояти украшены парными утолщениями. В большинстве случаев концы рукоятей смыкаются или почти соприкасаются. Согласно общепринятой типологии предметы данного типа можно разделить на два подтипа – с язычком и без язычка.

Подтип 1.1 — с язычком (16 экз., рис.174а/1-11). Язычок имеет подтреугольную, иногда плавную дуговидную форму, он, как правило, небольшой,

а у некоторых экземпляров (рис.174а/10-11) едва прослеживается.

Подтип 1.2 – без язычка (5 экз., рис.174а/12-15). Характерным для кресал данного подтипа является отсутствие язычка на лезвии, других существенных отличий от кресал подгруппы 1а не отмечено.

Аналогичные кресала обоих подтипов характерны также для таких Прикамских могильников, как Огурдинский, Степаново плотбище, Агафоновский, они встречены на городищах Анюшкар, Шудьякар и других памятниках Пермского Предуралья. Датируются они второй полов. X – первой полов. XI веков. Эта датировка основана, главным образом, на основании корреляционных таблиц и абсолютных дат погребений Рождественского языческого могильника [Крыласова 2003, с.91-92]. Такова же датировка подобных кресал и на соседних территориях: в Волжской Булгарии, Марийском Поволжье, Удмуртском Предуралье, на Вычегде [Крыласова 2007, с.131].

Тип 2 – треугольные (4 экз., рис.174а/16-19) (тип AI.1.3 по общей классификации кресал Пермского Предуралья [Крыласова 2007, с.133]). Кресала данного типа имеют в длину от 6,5 до 9 см. Характерной особенностью изделий данного типа является наличие прямых слегка приостренных концов рукоятей. Лишь в одном случае (рис.174а/17) один из концов рукояти выполнен в виде небольшого заостренного крючка. Кресала данного типа также делятся на два подтипа.

Подтип 2.1 – с язычком (2 экз., рис.174а/16,17).

Подтип 2.2 – без язычка (2 экз., рис.174а/18,19;). Характерным для кресал данного подтипа является то, что они имеют более широкое лезвие и короткие концы рукояти.

Калачевидные кресала данного типа характерны для более позднего времени. Три из них происходят с раскопа V Рождественского могильника, возле которого на пашне собрана значительная коллекция предметов, датирующихся XII-XIII веками. Подобные кресала характерны для таких памятников, как Антыбарский, Аверинский I, Телячий Брод могильники, где они сопровождали погребения XII-XIV вв. [Крыласова 2007, с.135].

По типологии Б.А. Колчина, калачевидные кресала с язычком соответствуют 1 типу, раннему варианту, по Г.А. Федорову-Давыдову – типам Б-I и Б-II; по Э.А. Савельевой — типу 1, варианту I-А, по А.В. Евгалевскому - Т.М. Потемкиной — типу 1, варианту 1.

Калачевидные кресала с язычком имеют многочисленные аналогии. Они широко распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы и в Азии вплоть до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования довольно широкое. В древнерусских памятниках они представлены в основном в слоях X – третьей четверти XII в., хотя в небольшом количестве использовались вплоть до середины XIV в. У поздних кочевников Восточной Европы они также представлены в погребениях с X по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.183, 200, рис.6].

Калачевидные кресала без язычка распространены почти так же широко, как и кресала с язычком. Первые калачевидные кресала без язычка известны еще в VIII-IX вв., пик их бытования приходится на XIII-XIV вв., а на некоторых памятниках они встречаются даже в XVI веке. У поздних кочевников Восточной Европы они функционировали с XII по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.185, 200, рис.6].

На территории Пермского Предуралья калачевидные кресала как с язычк-

ком, так и без него обычно встречаются на одних и тех же памятниках вместе без каких-либо хронологических различий. Причем эта ситуация продолжается вплоть до середины XIX в., когда в быту Прикамского крестьянства по-прежнему продолжали широко использоваться калачевидные кресала как с язычком, так и без него [Крыласова 2007, рис.84].

Подгруппа 2 – однолезвийные с одной рукоятью (1 экз., рис.174/7). Кресало представляет собой пластину длиной 8 см, с одной стороны загнутую петлей. Ширина пластины у петли 1,5 см, на конце – 2 см.

Подобные кресала в Пермском Предуралье известны только на селище Телячий Брод и Родановом городище [Крыласова 2007, с.139]. Такие кресала рассматриваются исследователями как характерные предметы курганной культуры юго-восточного Приладожья X – начала XI вв., но на ряде памятников они сохранялись несколько дольше – до первой трети XII в. [Кочкуркина 1973, с.45; Лесман 1981, с.100].

Подгруппа 3 – однолезвийные трапециевидные (2 экз., рис.174/5, 6). Кресала представляют собой пластину трапециевидной формы (длина 5,3 см, ширина рабочего края – 1,8 см; длина 7 см, ширина рабочего края 2,5 см), верх которой оформлен в виде загнутой петли. Данные кресала относятся к разновидности кресал, изредка встречающихся только "в бесспорных восточнославянских памятниках" [Голубева 1965, с.258-259]. Такие находки происходят с городища Хотомель (Брянская обл.), Новотроицкого городища (Сумская обл.), Гнездовского могильника (Смоленская обл.) и Староладожского городища [Рябинин 1994, с.47-48, рис.24/12].

Группа 2 – ДВУЛЕЗВИЙНЫЕ.

Подгруппа 1 — овальные.

Тип 1 – овально-заостренные (2 экз., рис.174/1, 2).

Подтип 1.1 – пластина миндалевидной формы с вырезом в центре. Размеры: длина 12 см, ширина 2,3 см (1 экз., рис.174/1).

Подтип 1.2 – пластина в виде вытянутого овала с короткой овальной прорезью в центре, завершающейся круглыми вырезами. Размеры: длина 9,5 см, ширина 2,5 см (1 экз., рис.174/2).

По типологии Б.А. Колчина, такие кресала относятся к типу 2 (овально-заостренные), по классификации Г.А. Федорова-Давыдова — к типу А-III, по Э.А. Савельевой — к типу 2, вариантам 1-А и 1-Б, по А.В. Евгалевскому - Т.М. Потемкиной — к типу 3, варианту 2.

Аналогичные кресала были распространены практически по всей Северной и Восточной Европе [Евгалевский, Потемкина 2000, с.187].

В Кичилькоськом могильнике перми вычегодской подобные кресала датируются X-XI вв. [Савельева 1971, табл.22/9]. Широкое распространение они получили в XII-XIII, а наиболее позднее из известных относится к XVI веку. У поздних кочевников Восточной Европы они встречаются со второй половины XIII по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.188, 200, рис.6].

Вполне возможно, что данные кресала являются незавершенными заготовками, у которых не обрублены заостренные боковые концы, как у овальных кресал с усеченными боковыми концами, которые имели широкое распространение в Пермском Предуралье [Крыласова 2007, с.142].

Тип 2 – овально-подпрямоугольные (2 экз., рис.174/3, 4).

Подтип 2.1 — короткое кресало (дл. 6 шириной 3 см) (1 экз., рис.174/3).

Подобные кресала соответствуют по классификации А.В. Евгалевско-

го - Т.М. Потемкиной — типу 4, варианту 2.

Они распространены в разных районах Руси, на Каме и Волге [Евгалевский, Потемкина 2000, с.189]. У поздних кочевников Восточной Европы такие кресала бытовали со второй половины XIII по XIV в. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.200, рис.6].

Подтип 2.2 – длинное кресало (длиной 9, шириной 3,5 см) (1 экз., рис.174/4; цв. вкл. П/5).

Кресала этого подтипа соответствуют по классификации Б.А. Колчина типу 5, Э.А. Савельевой — типу 4, Г.А. Федорова-Давыдова — типу А-I, А.В. Евгалевского - Т.М. Потемкиной — типу 4, варианту 1.

Подобные кресала имеют многочисленные аналогии среди древнерусских памятников Северной и Южной Руси, в Белоруссии, у балтов, карелов, в вымской культуре. Датируются кресала 2 и 3 типа с XII по XIV вв., а период их наибольшего распространения – XIII-XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.188-189, 200, рис.6].

Наиболее ранние овально-подпрямоугольные кресала обнаружены в катакомбе 145 Дмитриевского археологического комплекса салтово-маяцкой культуры, который датируется VIII – началом X в. [Плетнева 1989, р.93, рис.45], а также в Каргаполье в комплексе с вещами конца X – начала XII вв. [Макаров 1982, с.85, рис.3/13], на памятнике, связанном, по мнению Н.А. Макарова, с финскими племенами, у которых прямоугольные кресала появились в период, предшествующий эпохе викингов.

Разнообразные формы железных кресал, представленные в материалах Рождественского археологического комплекса, имеют широкие аналогии. При этом многие исследователи традиционно придерживаются точки зрения о происхождении их из крупных ремесленных центров Руси или Волжской Болгарии. Однако В.И. Завьялов, исследовавший серию кресал родановской культуры, отметил, что лишь незначительная часть из них изготовлена по четкой рациональной технологии. Эти кресала можно признать импортными изделиями. Основная же масса кресал, изготовленная из неравномерно науглероженной стали, – продукция местных кузнецов. Исследователь отмечает, что на территории Прикамья очень быстро распространились древнерусские формы кресал, хотя для этой категории железных предметов форма не имеет столь важного значения, как для орудий труда. Он считает, что в данном случае имеет место влияние моды в кузнечном ремесле, когда кузнецы родановской культуры перенимали не только новые, более прогрессивные типы орудий труда, но и новые формы предметов быта [Завьялов 1988, с.148-150].

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КРЕСАЛА

В X – первой половине XI в. в Прикамье были широко распространены стальные кресала с бронзовой рукоятью. Рабочая часть этих кресал постепенно переходит по вертикали в массивные фигуры животных и птиц. Причем скульптурные фигурки не были просто декоративным дополнением изделия. Скорее наоборот, кресало с его функциональностью подчинялось пластическому образу анималистического характера. Такого рода древние предметы, сделанные в виде животного или его части, характери-

зуются исследователями как изделия повышенной функциональности. Кроме выполнения утилитарного и эстетического назначения, они считались, согласно представлениям первобытного анимизма, живыми помощниками и покровителями их владельцев, т. е. вместе с утилитарной и эстетической выполняли оберегательно-магическую функцию [Косменко 1984, с.21-23].

Классификация биметаллических кресал Рождественского археологического комплекса представлена в соответствии с уточненной классификацией этой категории изделий [Крыласова 2007, с.145-176], основанной на классификации Голубевой [Голубева 1964], которая была дополнена в связи с выявлением новых типов.

ОТДЕЛ 1 – с зооморфными рукоятями (22 экз., рис.175).

Группа 1 – С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОДНОГО ЖИВОТНОГО (по Голубевой I группа).

Подгруппа 1 – рукояти с сюжетами, изображающими животное в полный рост в профиль, смотрящее вперед (Подгруппа BI.1.1 [Крыласова 2007, с.145]).

Тип 1 — (3 экз., рис.175/1-3) рукояти кресал изображают припавшее на передние лапы бескрылое фантастическое животное, в котором комбинируются отдельные части разных животных (Подтип BI.1.1.2.2 [Крыласова 2007, с.148]). По Голубевой эти кресала отнесены к I группе 5 и 6 типам. Имея в распоряжении только фрагменты рукоятей из коллекции Теплоуховых, она одно изображение интерпретировала как зайца, припавшего на передние лапы, ссылаясь на аналогии с рукоятью из могильника у с.Ново-Никольского (Голая сопка) на Иртыше [Чернецов 1957, табл. XXXVII,1] и пряжкой из Тобольского музея [Appelgren-Kivalo 1915, рис.28]. Рукоять типа 6 по Голубевой (тип "е" по Клеве) отнесена ею к неясному изображению зверя. На наш взгляд, туловище зверей со всех трех рукоятей, судя по пропорциям и оформлению лап с выделенными тремя когтями, принадлежит волку или хищнику из семейства кошачьих. На туловище косыми насечками обозначена шкура. У шеи в одном случае (рис.173/2) изображен поясок с насечками, в одном случае (рис.175/1) – схематическое изображение стрелки или летящей птицы, напоминающее один из видов тамги, распространенной на территории Прикамья. Животное (рис.175/1) имеет длинный пушистый хвост. Морда на одном изделии (рис.175/1), судя по аналогиям в зооморфных изображениях, схожа с медведем, на втором (рис.175/3) – слишком стилизована, а на третьем отсутствует. Глаз оформлен в виде выпуклого кружка. Форма ушей (рис.175/1) схожа с изображением ушей лося. Судя по одному целому и двум фрагментам изделий, можно предположить, что на всех трех кресалах животное было изображено в позе подготовки к прыжку. В целом поза животного и его длинные уши позволяют согласиться с Голубевой в том, что на данных рукоятях изображен заяц, но некоторые детали, такие, например, как длинный пушистый хвост, свидетельствуют о том, что перед нами какое-то иное животное. В одном случае вдоль основания рукояти расположена горизонтальная полоса из выпуклых кружков (рис.175/2).

Рукояти отлиты по восковой модели. Голубева датирует их концом IX - первой половиной X в. [Голубева 1964, с.123].

Подгруппа 2 – животное, повернувшееся назад и кусающее свой хвост (Подгруппа BI.1.2 [Крыласова 2007, с.149]).

Тип 1 – на Рождественском археологическом комплексе известен один предмет данной подгруппы — фрагмент рукояти с изображением передней половины туловища хищника из семейства кошачьих (1 экз., рис.175/4). Голова животного, повернутая назад, имеет удлиненную раскрытую пасть, глаз, изображенный точкой, маленькие округлые уши. На фрагменте сохранились две передние лапы. Туловище животного украшено орнаментом из углубленных овалов. Судя по характерным деталям, данная рукоять кресала может быть отнесена к типу 4 группы 1 (по Л.А. Голубевой – барс, обернувшийся назад и кусающий собственный хвост [Голубева 1964, с.122]).

Группа 2 – С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАРЫ ЖИВОТНЫХ ПО ПРИНЦИПУ ЗЕРКАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ (тип b по Клеве, II группа по Голубевой, группа BI.2 [Крыласова 2007, с.152]).

Подгруппа 1 – (1 экз., рис.175/5) – ***на рукояти изображение двух фантастических животных на задних лапах, повернутых друг к другу*** (Подтип BI.2.1.1.4 [Крыласова 2007, с.155]). Фантастические животные аналогичны животным с рукоятей кресал 1 типа 1 подгруппы (рис.175/1). Между мордами животных — овальная петля для подвешивания кресала. В центре основания рукояти — треугольное отверстие, обрамленное тремя орнаментальными полосами – гладкой, псевдовитой и с "перлами"; животные опираются лапами на этот треугольник. Вдоль нижнего края основания – горизонтальная орнаментальная полоса из "перлов". Можно предположить, что изображаемое животное, комбинирующее черты медведя, пушного зверя (бобра?), зайца (кресало с Рождественского могильника), является образом какого-либо фантастического существа, не имевшего строго канонизированного изображения, например, мамонта.

Подгруппа 2 – (1 экз., рис.175/6) – ***рукоять изображает две фигуры медведей до половины туловища с поднятыми соединенными лапами*** (по Голубевой тип 3, тип BI.2.1.2 [Крыласова 2007, с.156]). В месте соединения морд животных — округлая петля для привешивания. Лапы медведей и орнаментальная полоса вдоль основания огнива оформлены кантами из "перлов".

Аналогичные кресала известны на территории Пермского Предуралья, на Печоре, в Приобье, в землях веси [Крыласова 2007, с.156]. Все кресала отлиты в разных литейных формах, вероятно, по восковой модели [Голубева 1964, с.124].

Подгруппа 3 – ***коньковые*** (13 экз.). Поскольку рукояти этого типа по стилю оформления имеют много общего с рукоятями 2 типа, Л.А. Голубева по аналогии интерпретировала животных, изображенных на них, как медведей. Но, на наш взгляд, несмотря на значительную стилизацию ряд особенностей, прослеживающихся в некоторых экземплярах, позволяет расценивать этих животных как коней. Общие характеристики типа – длинные изящные шеи животных, наклоненные друг к другу, образуют круглые отверстия под ними; в большинстве случаев рты коней раскрыты и соприкасаются верхними и нижними челюстями, образуя круглое или ромбовидное отверстие для привешивания. В центре основания рукояти, как правило, имеется треугольное, ромбическое или круглое отверстие.

Тип 3.1 — (1 экз., рис.175/7) – с реалистичным изображением голов животных с обозначением ушей и глаз, изображением гривы (тип BI.2.1.3 [Крыласова 2007, с.156-157]). По стилю оформления головки животных очень близки биконьковым подвескам прикамского типа с той лишь разницей,

что развернуты они не в разные стороны, а навстречу друг другу. Кресало оформлено вдоль основания орнаментальной полосой из круглых выпуклин.

По Голубевой такие рукояти относятся ко II группе 4 типу. Такие кресала наиболее широко представлены на территории Среднего Предуралья, в Марийском Поволжье, известны на Печоре, в Приобье, на территории Волжской Булгарии [Крыласова 2007, рис.69].

Тип 3.2 — (11 экз., рис.175/8-14) (по Голубевой II группа типы 5 и 6). Рукояти гладкие, головы коней сильно стилизованы, однако на отдельных экземплярах (напр., фрагменты кресал из разрушенных погребений Рождественского могильника) отчетливо выделены морды, уши, лоб и подбородок животных, абсолютно аналогично изображаемым на биконьковых подвесках X в. (тип BI.2.1.4 [Крыласова 2007, с.161]). Орнаментация представлена только одной или двумя полосами вдоль основания рукояти.

Вариант 1 — (2 экз., рис.175/8-9). Вслед за Голубевой, в этот вариант нами выделены предметы с круглыми отверстиями между мордами животных (подтип BI.2.1.4.1 [Крыласова, 2007, с.161]). Рукояти отлиты в жестких формах. Датируются по Голубевой второй половиной – концом X века [Голубева 1964, с.126].

Вариант 2 — (9 экз., рис.175/10-13). Раскрытые рты животных образуют отверстие в виде ромба (подтип BI.2.1.4.3 [Крыласова 2007, с.162]).

Кресала данного варианта датируются второй половиной X – нач. XI вв. [Голубева 1964, с.126]. Они были, судя по всему, самыми распространенными из биметаллических кресал. Отливались они в односторонних жестких формах, чем достигалась их стандартность. Причем на Рождественском городище зафиксировано местное производство кресал данного варианта, свидетельство чему является наличие незавершенной сломанной отливки из темной бронзы, с не вырубленными затеками металла (рис.175/13) [ПОКМ, инв.№ 7650/МК845; Оборин 1953, с.169; Голубева 1964, с.126, рис.5].

Тип 3.3 — (1 экз., рис.175/14; подтип BI.2.1.4.2б [Крыласова 2007, с.162]). Отличается более изящными пропорциями и большей степенью стилизации. Вдоль шеи и головы коньков проложен узкий гладкий желобок, основание рукояти украшено орнаментальным поясом с косой насечкой, в основании расположено ромбическое, а между мордами коньков – треугольное отверстие, контуры рукояти не заглаженные, как у остальных образцов, а имеют четкую геометричную окантовку. Отверстие для привешивания у данного экземпляра расположено не между мордами коньков, а оформлено над ними в виде округлой петли. Еще одно существенное отличие данного предмета заключается в том, что он изготовлен не из золотистой, а из белой бронзы. Изготовление украшений из белой бронзы стало популярным в Прикамье со второй половины XI в., поэтому можно считать, что данное кресало является одним из наиболее поздних вариантов биметаллических кресал.

Группа 3 – ТРЕХФИГУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ. На Рождественском могильнике представлена кресалом подгруппы BI.3.1 [Крыласова 2007, с.166] – (1 экз., рис.175/16) с изображением схематической антропоморфной фигуры по пояс, к которой склонились две хищные птицы (вторая птица отломана). Фигура в центре имеет овальную голову без обозначения лица, длинные руки, похожие на крылья, с тремя пальцами. Птица с мощными лапами, большим клювом, у нее обозначен глаз и крыло, на котором косой штриховкой показаны перья, хвост соединяется с основанием рукояти.

Вдоль основания расположена горизонтальная полоса из крупных выпуклых кружков (Подтип BI.3.1.3.2.2 [Крыласова 2007, с.168]).

Кресала данной группы получили наиболее широкое распространение на территории Среднего Предуралья, в Марийском Поволжье и Приобье [Крыласова 2007, с.169].

Группа 4 – КОМПОЗИЦИЯ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ФИГУР – ДВА ВСАДНИКА – (1 экз., рис.175/17). На Рождественском археологическом комплексе известно кресало с рукоятью, на первый взгляд, содержащей схематичные изображения двух водоплавающих птиц, плывущих навстречу друг другу. У одной птицы, которая наполовину обломлена, обозначено крыло с насечками, изображающими перья. Между птицами – арка, оформленная по верхнему краю в виде трилистника. В основании рукояти – четыре отверстия неправильной формы. Данная рукоять, судя по характерным особенностям, несомненно, является местным подражанием известному типу биметаллических кресал с двумя всадниками (IV группа по Голубевой). Классическая композиция — это два всадника с длинными носами, едущие навстречу друг к другу. Такие кресала наиболее характерны для западных финнов, они найдены в Финляндии, Норвегии, Латвии, у веси на Белоозере [Голубева 1964, с.130, рис.2/14-15]. В целом Голубева относит этот тип огнив ко второй половине X – началу XI века [Голубева 1964, с.130].

На территории Восточной Европы кресал с изображением двух всадников известно довольно много, но лишь немногие их образцы могут быть отнесены к стандартным типам, выделяющимся в западной археологии, большинство предметов представляют собой искаженные отливки, почти утратившие сходство с оригиналом. Не случайно в альбоме А.А. Спицина сломанная фигурка дорисована как уточка [Спицин 1902, табл.XXXIX/22].

ОТДЕЛ 2 – с пластинчатой бронзовой рукоятью (1 экз., рис.175/18; цв. вкл. П/7). Данное кресало представляет собой прямоугольную стальную полосу длиной 7 см, шириной 1,4 см, обернутую бронзовой пластиной шириной 0,9 см, украшенной четырьмя орнаментальными группами, состоящими из 7 вертикальных полос. Данное кресало происходит из верхнего слоя Рождественского городища и относится, вероятно, к более позднему времени, чем остальные биметаллические кресала.

Археологи относят биметаллические кресала к устойчивому этноопределяющему признаку финно-угорских культур эпохи раннего средневековья. Будучи предметом международной торговли, они известны по всему северу Европы. Появились они в конце IX в., а в период конца IX – начала XI вв. стремительно распространились на обширных территориях от Урала до Скандинавии. Вопрос об их происхождении до сих пор остается не выясненным. Н. Клеве [Cleve 1929] и Э.Кивикоски [Kivikoski 1939] относили эти огнива к характерным изделиям эпохи викингов и, признавая их восточное ("пермское") происхождение, не исключали возможности и других центров производства. Л.А. Голубева полагает, что подобные кресала изготовлялись в Прикамье финно-угорскими мастерами и попадали на далекий запад торговым путем через Сухону, Вычегду, Белоозеро и Ладогу [Голубева 1964, с.115-132]. Разнообразные бронзовые изделия с зооморфным декором с конца IX в. получают широкое распространение по обоим склонам Уральских гор и в Приобье. Набор таких вещей здесь наиболее разнообразен, и, вероятно, место формирования изделий в стиле зооморфной плас-

тики тяготеет к Северному Уралу [Карачаров 2002, с.127-128]. Широкое распространение серийных вещей (а также вещей, изготовленных по одной мастер-модели), высокая технологичность отливок свидетельствуют о вероятной немногочисленности производственных центров литья. Сложность выявления этих центров обусловлена тем, что к этому периоду изменилась техника изготовления бронзовых изделий: вместо литья в опоках доминирующим становится литье по выплавляемым (утрачиваемым) моделям [Карачаров 2002, с.127]. И большинство известных рукоятей биметаллических кресал отлиты по восковой модели. Поэтому формы для отливки подобных изделий отсутствуют. Исключение составляют только рукояти кресал с изображением двух стилизованных конских голов, соприкасающихся мордами, которые, по мнению Голубевой, отливались в жестких (каменных ?) односторонних формах [Голубева 1964, с.128]. Такие формы пока тоже нигде не найдены, но наличие в материалах Рождественского археологического комплекса бракованной отливки рукояти кресала (рис.175/13) может свидетельствовать о том, что здесь существовал один из центров по изготовлению предметов зооморфной пластики, и в том числе – биметаллических кресал [Голубева 1964, рис.5].

ТРУБИЦЫ ДЛЯ ТРУТА

Трубицы для трута представляют собой металлические пластины, согнутые в трубочку, с несомкнутыми краями. Они также разделяются на 2 отдела по материалу – железные и бронзовые.

Группа 1 – ЖЕЛЕЗНЫЕ — трубочка длиной 8, диаметром 1 см. На одном конце – круглое отверстие (рис.174/8; цв. вкл. П/6).

Группа 2 — БРОНЗОВЫЕ — трубочки длиной 2-4,5 см, диаметром 0,6-1 см (4 экз., рис.174/9-12).

Аналогичная трубочка встречена в погр. № 76 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

КРЕСАЛЬНЫЕ КРЕМНИ

Кресальные кремни (9 экз., рис.174/13-17; цв. вкл. П/6), как правило, имеют подтреугольную или нуклиевидную форму, размеры их в длину 2-5,5 см, в ширину – 2,5-1,3 см. Большинство изготовлены из серого кремня, за исключением двух экземпляров из погр. № 122, которые сделаны из сердолика. Кресальные кремни встречены в четырех погребениях, причем только в одном случае (погр. №98) кремень находился в комплекте с железным кресалом, а также трубочкой для трута и сумочкой. В остальных случаях кремни представлены без кресал, в погребениях № 104 и 122 их было 2-3. Это дает возможность предполагать, что кроме способа высечения искры ударом камня о сталь мог существовать и архаичный способ высечения искры ударом камня о камень.

Как и у многих других народов, у жителей Рождественского городища кресало является сугубо мужским атрибутом. Большинство кресал этого

	22	23	36	37	38	43	47	68	69	90	98	100	102	103	104	110	119	120	122	127
Кресало железное	+		+	+	+	+		+	+	+	+			+		+		+		+
Кресало биметаллическое		+										+	+				+	+		
Кресальные кремни						+	+				+				+				+	
Трубица для трута											+									
Поясная сумочка										+	+									
Предметы поясной гарнитуры	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+
Височные кольца											+					+	+	+	+	
Бусы (стеклянные, каменные)	+		+		+	+		+	+	+	+	+	+		+				+	+
Бронзовые бусы, пронизки		+		+	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Монеты, монетовидн. подвески		+		+						+				+				+		
Иные подвески				+	+	+		+	+	+	+	+		+	+				+	+
Шаровидные привески					+	+	+				+	+	+				+	+	+	
браслет	+										+									
нож		+		+	+	+			+		+	+		+	+	+	+	+		
Наконечники стрел	1		1		1	1	1	1?		1	1		1	1		1		1		1
топор			+	+									+			+	+	+		
Орудия труда			+				+				+		+?	+		+?	+?	+		
Сосуд (керамич., деревянный)				+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+		+	+	

Табл. 12. Соотношение погребального инвентаря в погребениях с кресалами.

типа происходит из погребений, которые по составу инвентаря можно отнести к мужским (кресала из погр. № 36, 37, 38, 110, 120), два – из женских (погр. № 100, 127), а у части погребений половую принадлежность по составу инвентаря определить невозможно. У поздних кочевников Восточной Европы наблюдается подобная картина — лишь в трех случаях (из 293) кресла встречены в погребениях с женским инвентарем; около десятка погребений имели смешанный инвентарь [Евгалевский, Потемкина 2000, с.201].

Элементам огнива в погребениях в подавляющем большинстве случаев сопутствовали (табл.12) предметы поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней) и поясных привесок (бронзовые бусы и пронизки), достаточно широко представлены также стеклянные и каменные бусы и различного рода подвески, что в целом для мужских погребений могильников Пермского Предуралья нехарактерно и затрудняет определение половой принадлежности погребальных комплексов. Из железных предметов в большинстве из погребений с огнивами встречены ножи и наконечники стрел, достаточно часто присутствуют орудия труда. Как некую особенность следует отметить, что в 6 погребениях с кресалами (30%) обнаружены топоры, которые всего встречены в 9 погребениях языческой части могильника (8,6%). Большинство погребений с кресалами сопровождалось сосудами. Сравнительно немного погребений с височными кольцами и браслетами. Височные кольца встречены в 5 погребениях с кресалами (25%), в то время как в целом по могильнику они обнаружены в 21 погребении (20,1%); браслеты — в 2 погребениях (10%), а в целом по могильнику в 16 погребениях (15,3%).

У разных народов, кочевых и оседлых, зафиксированных этнографически, кресало носилось на поясе в специальном мешочке или футляре, либо просто заворачивалось в ткань. На Рождественском могильнике элементы огнива в двух случаях сопровождались поясными сумочками. На ряде биметаллических кресал обнаружены отпечатки ткани.

Большинство калачевидных овально-подтреугольных кресал происходит с раскопа I Рождественского могильника, комплекс вещей из которого в целом датируется второй половиной X – первой половиной XI века. Несколько кресал имеют абсолютную датировку: кресало из погр. № 37 найдено в комплексе с вислой печатью Владимира Святославовича (978-1015), из погр. № 90 — с дирхемом Мансур ибн Нуха (961-976 гг.), из погр. № 103 — с динарием Этельреда II (Англия, 978-1013 гг.), кресало из погр.№ 120 обнаружено с тремя фрагментами плохо сохранившихся дирхемов X века. Кресало такого типа с Рождественского городища найдено в нижнем слое на гл. — 0,75 м. Таким образом, овально-подтреугольные калачевидные кресала можно отнести к периоду наивысшего расцвета Рождественского городища – второй половине X – XI векам.

Тем же временем датируется и короткое овально-подпрямоугольное кресало, происходящее из погр. № 98, которое относится к началу XI века.

Этой же хронологической группе соответствуют биметаллические кресала, два из которых имеют абсолютную дату: кресало из погр. № 23 найдено с дирхемом наср ибн Ахмада (934/935 г.), из погр. № 120 – с тремя дирхемами X века.

Ко второй хронологической группе конца XI-XIII вв. принадлежат подтреугольные калачевидные кресала с прямыми приостренными концами,

пластинчатые кресала, двулезвийные кресала. Три калачевидных подтреугольных кресала (рис.174а/16-19) обнаружены в поздней части могильника, где на пашне собрана значительная коллекция предметов, датирующихся XII-XIII веками. Одно кресало происходит из подъемного материала с этой части могильника, а два из раскопа V, заложенного там в 1997 году. Можно утверждать, что прямые концы рукоятей калачевидных кресал из Рождественского археологического комплекса характерны для более позднего этапа его существования. Кресала с городища обнаружены в верхних слоях на глубине 0,2-0,5 м.

Таким образом, представления большинства исследователей, основанные на новгородских датировках, предложенных Б.А. Колчиным, по которым калачавидные кресал с язычком относятся к X-XI в., в последней четверти XI в. сменяются калачевидными кресалами без язычка, а с XII в. вытесняются овальными, далеко не всегда соответствуют действительности. Как видно по материалам Рождественского археологического комплекса, наличие или отсутствие язычка у калачевидных кресал здесь не является хронологическим признаком, а таковым выступает форма и особенности оформления концов рукояти. Что касается овально-подпрямоугольных кресал, то, на наш взгляд, распространенная точка зрения об их древнерусских корнях вызывает сомнение, так как данные кресала гораздо раньше появляются в салтово-маяцкой культуре, а от нее, как и многие другие предметы материальной культуры, заимствуются финно-угорским населением Пермского Предуралья.

СУМОЧКИ

Фрагменты поясных сумочек и кошельков встречены в 13% погребений Рождественского могильника и на городище. Сумочки, вероятно, использовались для хранения элементов огнива и других мелких предметов, которые необходимо было иметь под рукой. Чаще всего сумочки изготавливались из кожи, реже плелись из бересты или луба. На некоторых железных кресалах из Рождественского могильника сохранились отпечатки ткани, что свидетельствует и о существовании тканевых мешочков-кошельков.

Сумочки подвешивались на пояс с помощью кожаных ремешков или шнурков. В одном случае (рис./8) на поясе в месте крепления сумочки находилось два бронзовых кольца, в другом – две выпуклые накладки-пуговицы.

Группа 1 – КОЖАНЫЕ КОШЕЛЬКИ с краями, скрепленными с помощью металлических обоймочек. В отдельных случаях под обоймочками сохранилась кожа в два слоя.

Тип 1 – края кошелька были обрамлены двумя тонкими медными пластинами, скрепленными с помощью штифтов (1 экз., рис.176/1; цв. вкл. П/6).

Тип 2 – края кошелька обрамлены маленькими пластинчатыми медными обоймочками, заходящими друг на друга наподобие чешуек (3 экз., рис.176/2-4).

Подтип 2.1 – обоймочки подпрямоугольные со скругленными краями (1 экз., рис.176/2).

Подтип 2.2 – обоймочки с расширенными округлыми окончаниями (2 экз., рис.176/3-4).

Сумочки, обрамленные по краям бронзовыми обоймочками, являются довольно характерным элементом волго-уральского раннесредневекового мужского костюма [Казаков 1971, с.135, табл.VIII/12; Halikova, Kazakov 1977, Vlc,8; Архипов 1973, с.156-159, рис.46,49; Иванов 1952, с.196, табл.XII/1-2; Измайлов 2000, с.78, рис.1/1]. По погребениям с монетами Танкеевского могильника они датируются X в. [Казаков 1992, рис.91/п.96/1], известны в материалах Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. IX/6]. Вместе с тем, это была довольно широко распространенная, хотя и немногочисленная находка для многих археологических памятников Восточной и Северной Европы. Обнаружены такие сумочки и их детали в погребениях Бирки, особенно много их в Венгрии "эпохи Арпадов" [Graslund 1984, с.146-151; Birka I. Taf.128-136, abb.16; The Ancient... 1996, Fig.94,155,186,207,444].

Группа 2 – КОЖАНЫЕ СУМОЧКИ.

Подгруппа 1 — сумочки, украшенные по нижнему краю или по горловине "бахромой".

Тип 1 – сумочки украшены по горловине "бахромой" из узких кожаных ремешков с мелкими гладкими сердцевидными накладками и наконечниками ремней (2 экз., рис.176/5, 7). Интересно, что такие накладки и наконечники встречены главным образом именно в составе украшений поясных сумочек (рис.176/5, 7, 10)

Подтип 1.1 — (1 экз., рис.176/5) горловина сумочки, от которой сохранились крупные фрагменты кожи, украшена квадратными прорезными накладками, преимущественно гладкими, а на лицевой стороне справа и слева группами по 3 орнаментированные накладки. В прорезях накладок были закреплены узкие кожаные ремешки, каждый из которых имел вверху маленький гладкий наконечник ремня, а внизу – две маленькие сердцевидные накладки. В центре сумочки на ее лицевой стороне сохранились два перекрещенных ремешка с накладками и наконечником, как на ремешках бахромы – это, вероятно, остатки застежки сумки.

Подтип 1.2 – "бахрома" из трех ремешков находилась только на лицевой стороне сумочки (1 экз., рис.176/7). Вероятно, к нижнему краю сумочки крепились ремешки с пронизками-колокольчиками и бубенчиком, как у сумочки следующего типа.

Тип 2 – (1 экз., рис.176/6) к нижнему краю сумочки, от которой сохранились крупные фрагменты кожи, было прикреплено 6 петелек из кожаного шнура, на которые нанизаны спиралевидные пронизки и грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. Аналогичная петелька с бубенчиком входила и в состав украшений сумочки следующей подгруппы (рис.176/11). На лицевой стороне сумочки поверх кожи сохранился фрагмент узкого ремешка с сердцевидной накладкой и наконечником, возможно, от застежки сумочки, а также две пронизки колокольчика на шнурках, которые могли являться украшением как самой сумочки, так и пояса, на котором она была подвешена.

Подгруппа 2 – лицевая сторона сумочек украшена шумящими умбоновидными подвесками (4 экз., рис.176/8-11).

Тип 1 – в центре крупная подвеска с 5 привесками, по бокам от нее – две меньшие по размеру с тремя привесками. Подвески были нанизаны с помощью петель на обороте на кожаный шнурок, который крепился на поверхность сумочки (2 экз., рис.176/8, 10).

Тип 2 – в центре нешумящая умбоновидная подвеска, по бокам — две небольшие с тремя петлями для привесок. Выше – очковидная подвеска с тремя петлями для привесок и большой петлей вверху, через которую, вероятно, продергивался ремешок, закрывающий сумочку (1 экз., рис.176/9).

Тип 3 – лицевая сторона сумочки украшена тремя однотипными шумящими умбоновидными подвесками (1 экз., рис.176/11). Нижний край сумочки украшали петелька с бубенчиком и три колоколовидные пронизки на ремешках.

Подгруппа 3 – сумочки с фигурными застежками (2 экз., рис.176/12-13). В погр. №118 и межмогильном пространстве были найдены две застежки в виде коробочки трапециевидного сечения с отверстиями сверху и по бокам. Коробочка помещена на ажурной пластине с изображением пары смотрящих друг на друга конских головок с обеих сторон. На месте глаз коньков помещены штифты, с помощью которых застежка крепилась на поверхность сумочки. Застежка из погр. №118 очень плохой сохранности (рис./176/12), но под ней сохранился фрагмент кожи, расположенный между пластиной застежки и железной пластиной, предназначенной, очевидно, для более жесткого крепления застежки. Аналогичная застежка известна в материалах Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Кожаные сумочки, украшенные металлическими накладками и привесками, в Пермском Предуралье пока известны только по материалам Рождественского могильника, где их детали сохранились в совокупности. Возможно, такие сумочки имели в X-XI вв. более широкое распространение, о чем можно судить по широкой встречаемости металлических элементов, применявшихся для их декорирования. Сумочка, очень похожая на рождественские, известна в материалах из раскопок Дубовского могильника в Марийском Поволжье [Архипов 1984, рис.22/1]. По верхнему краю она была украшена трапециевидными накладками с прорезью, вероятно, в прорези были продеты шнурки со спиралевидными пронизками, которые свисали наподобие бахромы. Такое оформление подобно сумке из погр. №48 Рождественского могильника. По нижнему краю сумочки из Дубовского могильника на колечках были подвешены бубенчики, аналогично рождественским сумочкам второго типа подгруппы 1. Посередине на кожаной ленточке, очевидно, по всей ширине сумки крепились привески-лапки [Архипов 1984, с.128-129], что в какой-то степени сближает ее оформление с рождественскими сумочками, украшенными шумящими умбоновидными подвесками с лапчатыми привесками.

Группа 3 – СУМОЧКИ ИЗ БЕРЕСТЫ И ЛЫКА (3 экз., рис.176/14-15).

Тип 1 – берестяная сумочка была сплошь покрыта накладками из тонкой серебряной фольги, преимущественно в виде тлена, за счет чего и удалось зафиксировать ее остатки. Сохранилось только несколько таких накладок (рис.176/14), которые, вероятно, были наклеены на поверхность сумочки.

Тип 2 – сумочка, плетенная из полос лыка, по верхнему краю была украшена квадратными неорнаментированными накладками с прорезью и подпрямоугольными медными пластинками. Такие же пластинки покрывали лицевую поверхность сумочки, что способствовало ее частичной сохранности (1 экз., рис.176/15).

Фрагменты еще одной берестяной сумочки зафиксированы при разборке погребения № 79. Внутри нее находилась низка бронзовых бус.

ШКАТУЛКИ

Шкатулки представлены костяными накладками, медными обкладками, ручками, замками.

Группа 1 – КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ (3 экз., рис.134/1-3).

Все накладки из кости, которые, по мнению Г.Т. Ленц, могли служить для украшения шкатулок, представлены во фрагментах.

Тип 1 – в виде плоской прямоугольной (?) пластины (2 экз., рис.134/1-2)

Подтип 1.1 – с резным орнаментом из прямых и волнистых линий (1 экз., рис.134/1).

Подтип 1.2 – неорнаментированная, с одной стороны – небольшое круглое отверстие для штифта (1 экз., рис.134/2).

Тип 2 – фрагмент подтрапециевидной плоско-выпуклой пластины с круглыми отверстиями на концах (1 экз., рис.134/3).

Группа 2 – МЕДНЫЕ ОБКЛАДКИ ВЕРХА ШКАТУЛКИ (3 экз., рис.134/4). Обкладки из тонкой пластины с отверстиями для штифтов, найденные в погр. №126 Рождественского могильника, были расположены в форме прямого угла, и, вероятно, служили для окантовки верха деревянной шкатулки.

Группа 3 – ЖЕЛЕЗНЫЕ РУЧКИ (3 экз., рис.134/5-7). Все они имеют "С"-видную форму и концы, загнутые петлей.

Тип 1 – из круглого в сечении дрота (1 экз., рис.134/5).

Тип 2 – плоская (1 экз., рис.134/6).

Тип 3 – из широкого, прямоугольного в сечении дрота, утончающегося на конце (1 экз., рис.134/7).

Подобные ручки известны на булгарских селищах X-XIII веков [Казаков 1991, с.91, рис.33/6-12].

Группа 4 – фрагмент БРОНЗОВОГО ЗООМОРФНОГО ЗАМОЧКА с кружковым орнаментом (рис.177/1). По мнению Е.П. Казакова, такие замочки использовались для запирания шкатулок [Казаков 1991, с.91]. Зооморфные бронзовые замочки в виде львов, баранчиков, бычков хорошо известны в булгарских древностях как домонгольского времени, так и золотоордынского периода [Город Болгар 1996, с.248-152]. Определить тип находки из Рождественского городища затруднительно, так как она представлена фрагментарно.

ЗАМКИ И КЛЮЧИ

Группа 1 – ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗАМКИ.

Тип 1 — на Рождественском городище обнаружено 19 фрагментов железных навесных замков, которые относятся к вертикальным двухцилиндровым пружинным замкам (рис.178). Такие замки, по мнению Е.П. Казакова, могли предназначаться для запирания жилых домов, хозяйственных сооружений, сундуков, ларцов [Казаков 1991, с.70]. Характерным для этих замков является наличие скрепленных между собой пластиной большого и малого цилиндров и запирающей дужки. В большой цилиндр вставлялся запорный механизм, в донной части большого цилиндра располага-

лась прорезь для ключа.

Наиболее широко представлены фрагменты запирающих дужек, зачастую с остатками пружины (рис.178/3-13).

Наиболее полно сохранились только два замка (рис.178/1-2). По ним и по фрагментам цилиндров (рис.178/14-19) видно, что тулово большого цилиндра чаще всего оформлялось 1-3 выпуклыми валиками снизу и сверху. Лишь в одном случае встречены фрагменты тулова цилиндра, украшенного вертикальными прямыми и волнистыми выпуклыми линиями (рис.178/18).

Такие замки, относящиеся, по классификации Б.А. Колчина, к типу В, в Новгороде появились в XII в., а в первой половине XV в. начали выходить из употребления [Колчин 1982, с.160]. Замки данного типа имели массовое распространение на территории Волжской Булгарии [Казаков 1991, с.74].

В этой конструкции лопасть ключа, сжимающая пружины замка, расположена под углом 90 градусов к стержню ключа [Колчин 1982, с.160].

Тип 2 – на городище был также найден фрагмент дужки навесного горизонтального цилиндрического замка с подвижной дужкой (рис.178/8). Такие замки, по мнению многих исследователей, предназначались для лошадиных пут [Халиков 1981, с.103; Белорыбкин 2001, с.78].

Группа 2 – ЖЕЛЕЗНЫЕ КЛЮЧИ (10 экз., рис.177).

Тип 1 — коленчатые ключи с фигурным концом, которые использовались в замках типа В (по Колчину), представленных на городище (9 экз., рис.177/1-9).

Тип 2 – плоский ключ с фигурным окончанием (1 экз., рис.177/10). Этот ключ соответствует наиболее древнему типу цилиндрических замков с продольной ключевой щелью (тип А по Б.А. Колчину). Такие замки были известны на Руси уже в IX-X, широко применялись в XI-XII вв., а в середине XIII в. постепенно вышли из употребления [Колчин 1982, с.160].

Группа 3 – ДВЕРНОЙ КРЮЧОК (1 экз., рис.145/32) изготовлен из круглого в сечении дрота. Один его конец "Г"-образно изогнут, на другом сделана петля. Длина крючка 7 см, толщина дрота 0,5 см. Аналогичный крючок обнаружен в Болгаре в слое золотоордынского времени [Город Болгар 1996, с.253].

Группа 4 – ПЕТЛЯ ДЛЯ ДВЕРНОГО ЗАМКА (1 экз., рис.145/33) в виде железной слегка изогнутой пластины длиной 9 см шириной до 1,5 см с прямоугольным отверстием для пробоя на сужающемся конце, закрученном в спираль.

ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ

Среди предметов гигиены, распространенных в период средневековья, известны копоушки, ногтечистки, зеркала, гребни, туалетные коробочки, щипчики. В Рождественском археологическом комплексе из этих вещей представлены только гребни, копоушки и туалетные коробочки. Поскольку предметы это многофункциональные, и зачастую сложно определить их первостепенное значение, копоушки и туалетные коробочки рассматриваются в разделе, посвященном украшениям костюма.

Гребни Рождественского городища, которых представлено 16 экз., можно разделить на две группы: односторонние и двусторонние.

Группа 1 – ОДНОСТОРОННИЕ ГРЕБНИ.

Тип 1 — гребень с зооморфной спинкой (1 экз., фрагмент, рис.179/1). Подпрямоугольный, первоначальные размеры 5,8 х 4,5 см, толщина — 0,2 см. Частые зубцы шириной ок. 2 мм пропилены на длину 1,5 см. Спинка гребня была украшена парой сильно стилизованных головок коней, развернутых в противоположные стороны. Промежуток между шеей конька и основой гребня оформлен в виде круглого отверстия диаметром 1 см, между головками коней расположен арочный выступ с отверстием для привешивания.

Зооморфные гребни с изображением двух коньков хорошо известны в финно-угорских древностях IX-X веков. Наиболее представительная коллекция подобных гребней собрана на городище Иднакар в Удмуртии [Иванова 1998, с.162-170]. Для Прикамья наиболее характерны гребни, у которых головки коней сильно стилизованы, нередко выражены лишь плавной линией верхней части спинки, условным изображением ушей и морды; прорези под головками коней подчеркивают очертания нижней челюсти. Гребень с Рождественского городища несколько отличается по стилистике оформления конских головок. Изящные длинные шеи коней, круглые отверстия под ними, сближают гребень с бронзовыми коньковыми рукоятями кресал, которые по материалам Рождественского археологического комплекса датируются второй половиной X – началом XI в. [Крыласова 2003, с.92]. Таким образом, зооморфный гребень с Рождественского городища, очевидно, относится к завершающему периоду их бытования в Прикамье.

Тип 2 — арочные гребни (6 экз., 3 – относительно полные, 3 – фрагменты, рис.179/2-7). Имеют подпрямоугольную или слегка подтрапециевидную форму, полукруглую (арочную) спинку с небольшим круглым отверстием для привешивания. Размеры: ширина от 3 до 3,7 см, высота от 4,6 до 6,2 см. Изготовлены из равномерно плоских ровных пластин толщиной 2-4 мм (рис.179/2-3, 6), или из слегка изогнутых, сужающихся кверху и книзу пластин с максимальной толщиной в центральной части 3-5 мм (рис.179/4-5, 7). Длина зубцов разная в зависимости от общей высоты гребня, составляет примерно около половины от этой высоты (2-2,8 см). Зубцы частые, шириной 1-2 мм.

Подтип 2.1 — не орнаментированные (3 экз., рис.179//2-4).

Подтип 2.2 — орнаментированные циркульным орнаментом, представляющим три треугольника из сгруппированных по три мелких кружков диаметром ок. 2 мм, выстроенных в одну линию (2 экз., рис.179/5-6). Орнамент нанесен на обе поверхности гребня.

Подтип 2.3 — орнаментированные циркульным орнаментом из трех кружков диаметром 5 мм, выстроенных в одну линию (рис.179/7). Орнамент нанесен на обе поверхности гребня.

Гребни арочной формы довольно широко представлены на средневековых поселениях Пермского Предуралья. Встречаются они и на соседних территориях, но значительно реже. Так, в многочисленной коллекции гребней с городища Иднакар имеется только два подобных гребня [Иванова 1998, с.170]. Единичные экземпляры арочных гребней известны и на территории Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.142-143; Закирова 1988, с.230; Руденко 2004, рис.3/78].

Тип 3 — складные наборные гребни-расчески с футляром (4 экз., фрагменты, рис.179/12-15). Основу расчесок составляет ровная прямоугольная

пластина шириной 1,5-1,8, толщиной ок. 1 мм, с частыми тонкими зубцами длиной до 0,7 мм (рис.179/12, 15). Спинка расчески с обеих сторон украшалась тонкими орнаментированными накладками с дугообразно выгнутыми спинками, прикрепленными с помощью медных штифтов (рис.179/12, 14). Зубцы расчески закрывались футляром (рис.179/13). Накладки расчесок и футляров из коллекции Рождественского городища орнаментированы несложным геометрическим орнаментом из прямых вертикальных и горизонтальных линий в сочетании с косыми насечками.

Подобные расчески в большом количестве встречаются на северо-западе Восточной Европы, в финских и славянских древностях лесной зоны европейской части России X-XI вв., и являются продукцией городского ремесла. Внешний вид и техника изготовления расчесок значительно отличают их от остальных видов гребней, распространенных в Прикамье. Вероятно, расчески проникли на Рождественское городище вместе с другими предметами древнерусского импорта, которые начинают появляться с XI века. Посредниками в этой торговле могли служить булгарские купцы. На территории Волжской Болгарии также известны единичные находки подобных расчесок [Казаков 1992, с.197, рис.70/3].

Группа 2 – ДВУСТОРОННИЕ ГРЕБНИ.

Тип 1 — двусторонние цельные (4 экз., рис.179/8-11). Гребни подпрямоугольной или трапециевидной формы с двумя рядами зубцов на противоположных сторонах пластины. Изготовлены из толстых пластин, утончающихся к месту расположения зубцов; толщина пластин в центральной части 0,4-0,9 см. С одной стороны зубцы редкие шириной до 2 мм, с другой стороны — частые шириной до 1 мм. Длина зубцов 1,2-2,5 см. Размеры и пропорции всех гребней данной группы разные: ширина в центральной части от 3,2 до 5 см, высота от 4,5 до 6,5 см. Отношение высоты к ширине от 2:1 (рис.179/8) до 1:1 (рис.179/10). Боковые стороны гребней прямые, слегка расширяющиеся в сторону расположения частых зубцов. Два гребня имеют на боковой стороне круглые отверстия для привешивания. Один гребень (рис.179/10) орнаментирован с обеих сторон горизонтальными полосами, расположенными по границе пропила зубцов, и имеет на лицевой отполированной стороне тамгу в виде летящей птицы.

Подобные двусторонние гребни широко распространены на древнерусских памятниках. По классификации Б.А. Колчина, они относятся к типам Д и Л (трапециевидные и прямоугольные с прямыми боковыми сторонами). В Новгороде такие гребни появились в самом конце X в., бытовали весь XI в., а в первой половине XII в. начали исчезать [Колчин 1982, с.164]. Исследователи Волго-Камья традиционно относят подобные гребни к предметам древнерусского импорта. Но на наш взгляд, такие гребни вполне могли быть и продукцией местных косторезов, подражающих древнерусским образцам. Древнерусские гребни отличают более изящные пропорции, плавные слегка вогнутые боковые стороны, наличие орнаментации.

Тип 2 — двусторонний наборный (1 экз., фрагмент, рис.179/16) — фрагмент двустороннего гребня с костяной накладкой. Сопоставление этого фрагмента с известными типами подобных гребней позволило определить, что он относится к типу К по классификации Б.А. Колчина [Колчин 1982, рис.5]. Этот тип отличается прямоугольной формой, прямыми боковыми сторонами, ширина его равняется 1/2 длины. Продолговатая костяная на-

кладка, прикрепленная к гребню на медных штифтах, занимает пространство в середине гребня между рядами зубцов. Гребень из коллекции Рождественского городища изготовлен из пластины толщиной 0,4 см, утончающейся в сторону зубцов. Ширина гребня – 5 см, соответственно, длина его, вероятно, составляла 10 см.

Двусторонние наборные гребни согласно новгородской хронологии относятся к XII-XIII векам. Гребни типа К датируются началом XII – началом XIV вв. [Колчин 1982, с.165-166, рис.5].

По мнению исследователей, процесс изготовления гребней, требующий целого набора специализированных инструментов, указывает на выделение в X в. косторезного производства в особую отрасль [Фехнер 1963, с.39]. Изготовляемые сериями эти изделия в X-XI вв. широко применялись в качестве товара. С XI в. и в Прикамье косторезное дело вышло, вероятно, на уровень ремесла. Гребни массового ремесленного производства имели более простые формы – арочные и трапециевидные. К сожалению, пока в Прикамье не обнаружено достоверных доказательств существования ремесленного центра по производству костяных изделий, и, в частности, гребней. Однако не возникает сомнений в том, что имеющиеся предметы X-XII вв. являются местными изделиями. Можно предполагать, что и на территории самого Рождественского городища имелись ремесленники-косторезы, которые удовлетворяли спрос местного населения на предметы гигиены и, одновременно, традиционные амулеты, а возможно, даже поставляли отдельные свои изделия (в частности, арочные гребни) на соседние территории.

Арочные гребни, встречающиеся на многих памятниках Урало-Поволжского региона, совершенно отсутствуют на территории Руси и в Северо-Западной Европе, на территориях, заселенных финскими племенами. Наиболее широко арочные гребни представлены на памятниках Пермского Предуралья, и возможно, возникли именно здесь. Единичные гребни подобной формы встречались на этой территории еще в ананьинскую эпоху и могут считаться традиционными для местного населения. Все гребни арочной формы имеют отверстия для привешивания, очевидно, они продолжали использоваться как амулеты в составе накосников, так же как в прежние времена коньковые гребни.

Двусторонние гребни функционировали параллельно с арочными. Судя по простоте их отделки, они, вероятно, были в большей степени утилитарными. Однако наличие отверстий на двух предметах свидетельствует, что и этот тип гребней мог использоваться в составе амулетов, дополняющих костюм.

То, что гребни имели важное сакральное значение, подтверждается наличием среди Прикамских средневековых материалов амулетов, изображающих гребни, но не имеющих практического назначения. Так, с Рождественского городища происходит один из немногих известных в Прикамье бронзовых гребней-амулетов [Дневник Теплоуховых, с.707] (рис.194/25). Спинка его оформлена, как у коньковой подвески второй половины X в., а нижняя часть имитирует зубцы гребня.

Из раскопок Рождественского городища происходит костяной амулет подтрапециевидной формы размерами 2 х 2 см с ромбовидным навершием и насечками по нижнему краю, имитирующими зубцы гребня (возможно и то, что данный амулет вырезан из сломанного гребня). С одной стороны,

этот предмет имеет некоторое сходство с булгарскими мусульманскими амулетами, служившими разделителями четок [Белавин А.М. 2000, с.123], но, с другой стороны, это, несомненно, изображение гребня (рис.194/22, 195). Хотя, возможно, что для изготовления амулета был использован сломанный гребень, от которого сохранились нарезки зубьев.

ПУГОВИЦЫ

В качестве застежек одежды могли применяться как разного рода шаровидные и гирьковидные привески, так и пуговицы. На Рождественском городище собрано 33 экземпляра костяных пуговиц.

Группа 1 – КОСТЫЛЬКОВЫЕ (экз., рис.180/1, 3-5, 17). Костыльковые пуговицы имеют продолговатую форму и отверстие или перемычку в центре для крепления к одежде.

Подгруппа 1 – из необработанных костей животных (43 экз., рис.180/1) — в виде просверленной семаноидной (челночной) кости лошади (определение П.А. Косинцева). Из них 7 экз. происходит из раскопок Н.Н. Новокрещенных

Такие пуговицы в Пермском Предуралье массово представлены на городищах Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Купросском [Белавин 1999а, рис.4/4], Саламатовском (раскопки А.М. Белавина), на селище Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой).

Подгруппа 2 – в виде костыльков из обработанных костей (4 экз., рис.3-5, 17).

Тип 1 – коромыслообразная округлая в сечении заполированная кость с круглым отверстием в центре (1 экз., рис.180/3). Возможно, что это костяная псалия.

Тип 2 – веретеннообразные с перемычкой в центре, концы оформлены в виде конусов (3 экз., рис.180/4-5, 17). 1 экз. – незавершенная заготовка (рис.180/17).

Подтип 2.1 – короткая (дл. 4 см), в центре и на концах орнаментирована полосками (1 экз., рис.180/4).

Подтип 2.2 – длинная (дл. 6 см) не орнаментированная (1 экз., рис.180/5).

Пуговицы 2-го типа известны в Болгаре [Город Болгар 1988, рис.102/27], в Белоозере X – начала XI веков [Голубева 1973, рис.38/15; Захаров 2004, рис.223/1].

Группа 2 – КРУГЛЫЕ ПЛОСКО-ВЫПУКЛЫЕ (в виде усеченного конуса) с отверстием в центре, украшенные на выпуклой поверхности резным циркульным орнаментом, на оборотной стороне – один циркульный кружок (1 экз., рис.180/6).

Аналогичные пуговицы из Тетюшского раннебулгарского могильника IX-X вв. встречены в верхней части груди погребенных [Казаков 1992, с.205, рис.73/50-53]. Такие пуговицы известны и на других булгарских памятниках: Танкеевском могильнике [Казаков 1992, рис.65/40-41], в Болгаре [Город Болгар 1988, с.232]. Встречены на Золотаревском поселении VIII-XIII вв. в Посурье [Белорыбкин 2001, с.49], в Нижнем Поволжье [Федоров-Давыдов 1966, рис.12, тип Б-1], на территории Удмуртии в материалах X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.64/2], на Белоозере [Захаров 2004, рис.223/4-5]. Подобные пуговицы

имели массовое распространение в Закавказье [Крым... 2003, табл.192/3-5, 8-20, 22, 26-28, 32, 36], у половцев XII в. [Степи Евразии... 1981, рис.83/24-25].

БУЛАВКИ

На Рождественском городище найдены две костяные булавки для скрепления верхней одежды. Они представляют собой длинные иглы круглого сечения, завершающиеся фигурной головкой с отверстием. Эти иглы могли служить и в качестве шпилек для закрепления прически или для прикалывания кудели.

Тип 1 – игла длиной 12 см завершается крупной подпрямоугольной головкой овального сечения с круглым отверстием в центре (рис.180/15).

Данный предмет имеет большое сходство с новгородскими писаламистилосами (тип 1 по Б.Б. Овчинниковой), которые изготавливались преимущественно из кости и имели прямоугольную или трапециевидную лопаточку, как правило, со сквозным отверстием. Костяные писала данного типа являются древнейшими в хронологическом ряду и датируются серединой X – первой половиной XI века. Кроме Новгорода аналогичные писала встречены в Пскове, Изборске, в Латвии и Древней Карелии [Овчинникова 2000, с.47, рис.1/2, 3, 8, 9].

Тип 2 – игла длиной 8,5 см завершается фигурной головкой, состоящей из шарика с крестовидным прочерченным орнаментом и ромбовидной петли с круглым сквозным отверстием (рис.180/16).

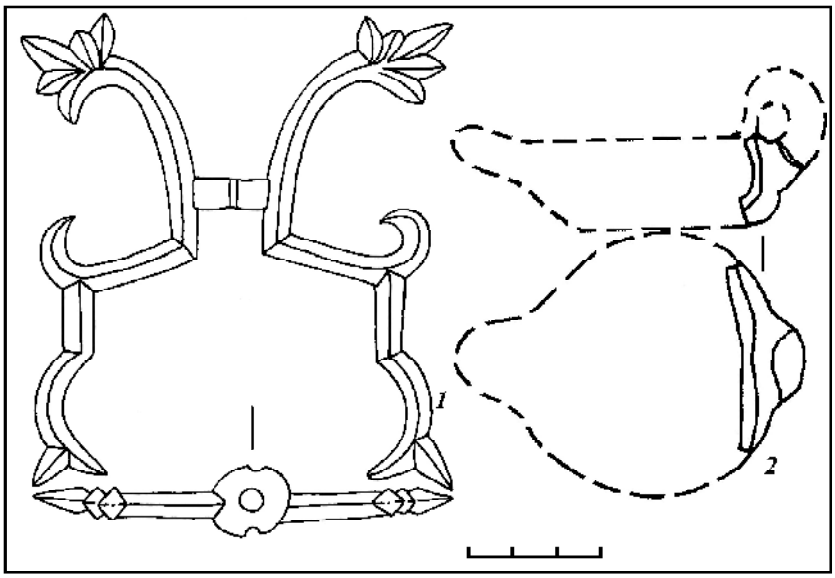

Рис. 173. Бронзовая деталь хороса (1), глиняный светильник (2)

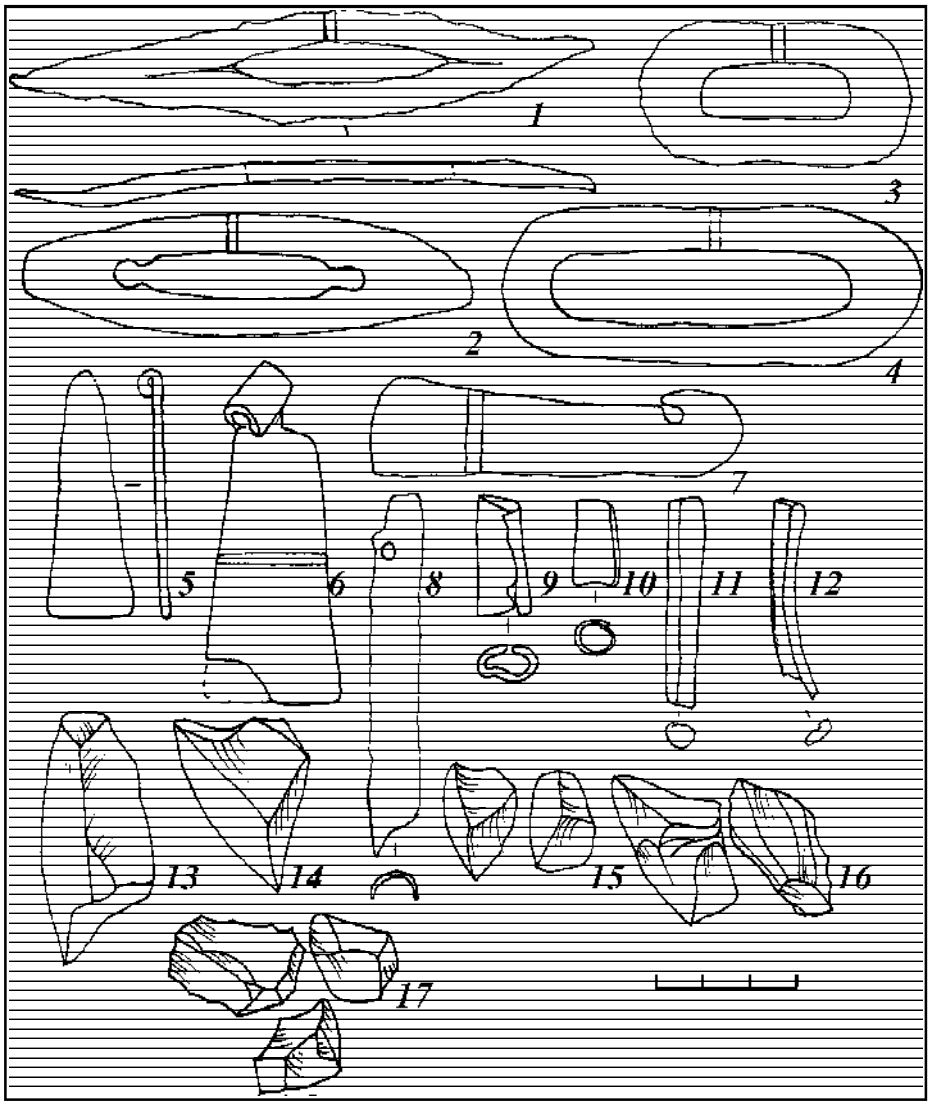

Рис. 174. Кресала железные (1-7), трубицы для трута железная (8) и бронзовые (9-12), кресальные кремни (15 - сердолик, остальное кремень)

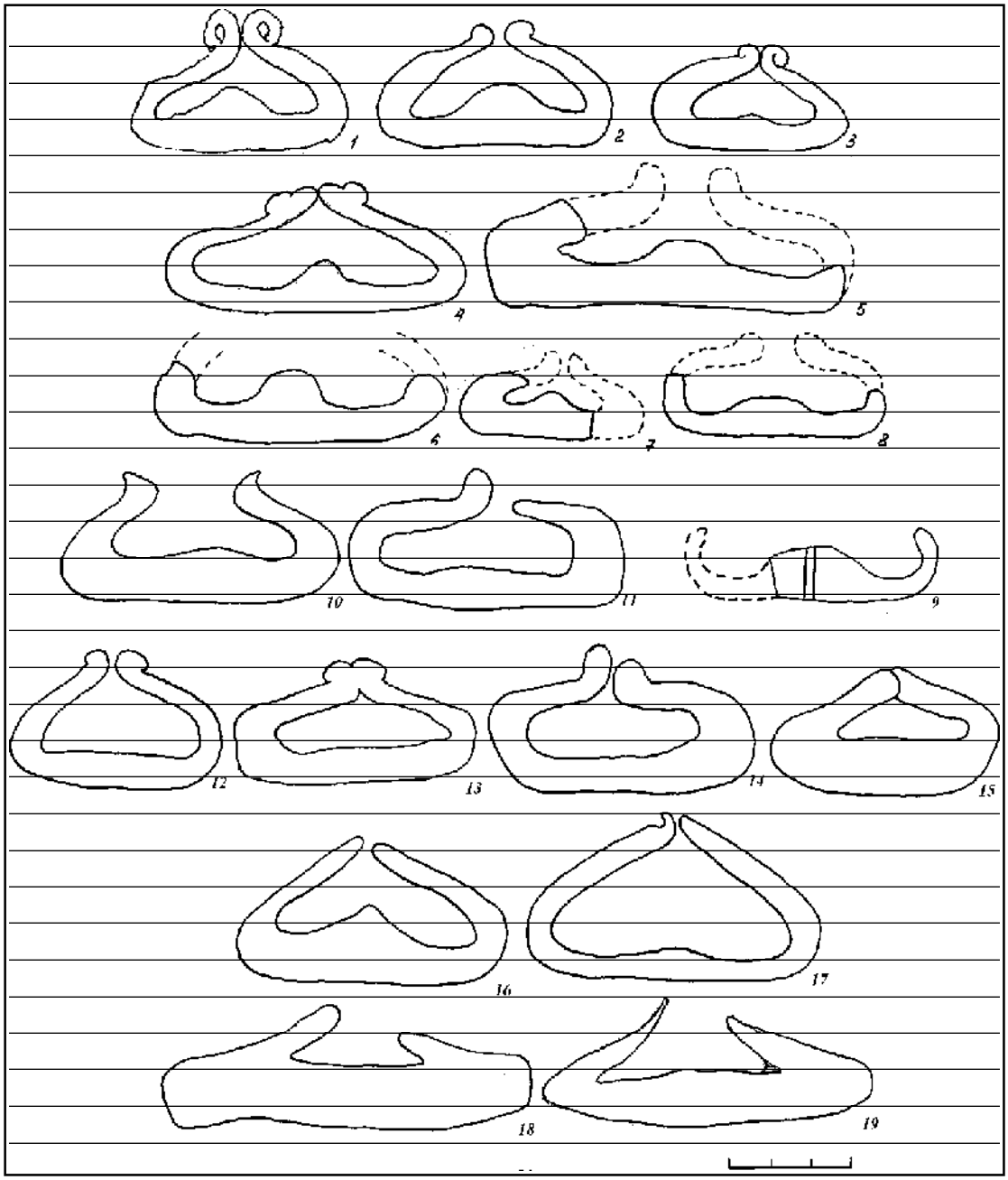

Рис. 174а. Кресала железные калачевидные

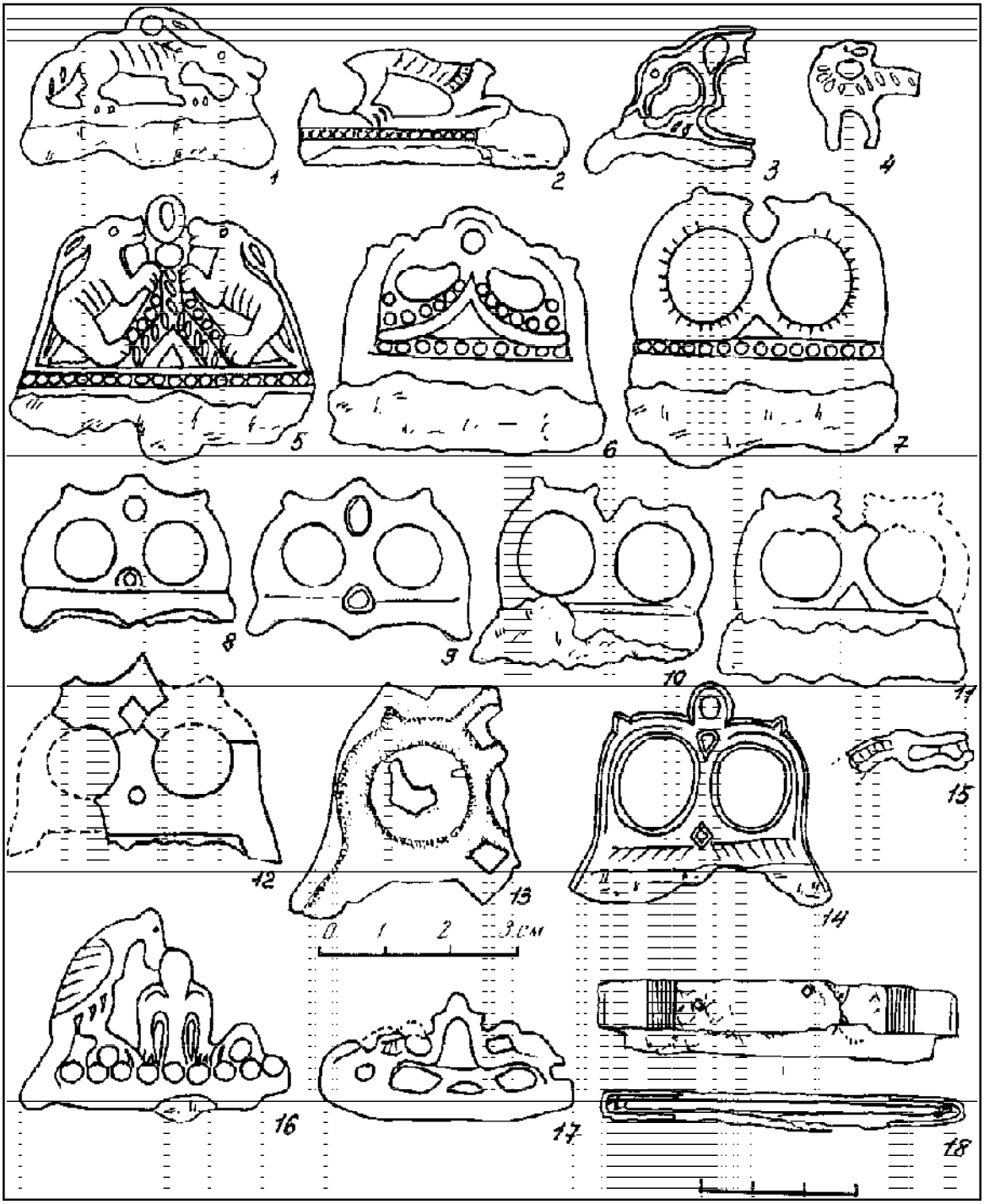

Рис. 175. Кресала биметаллические

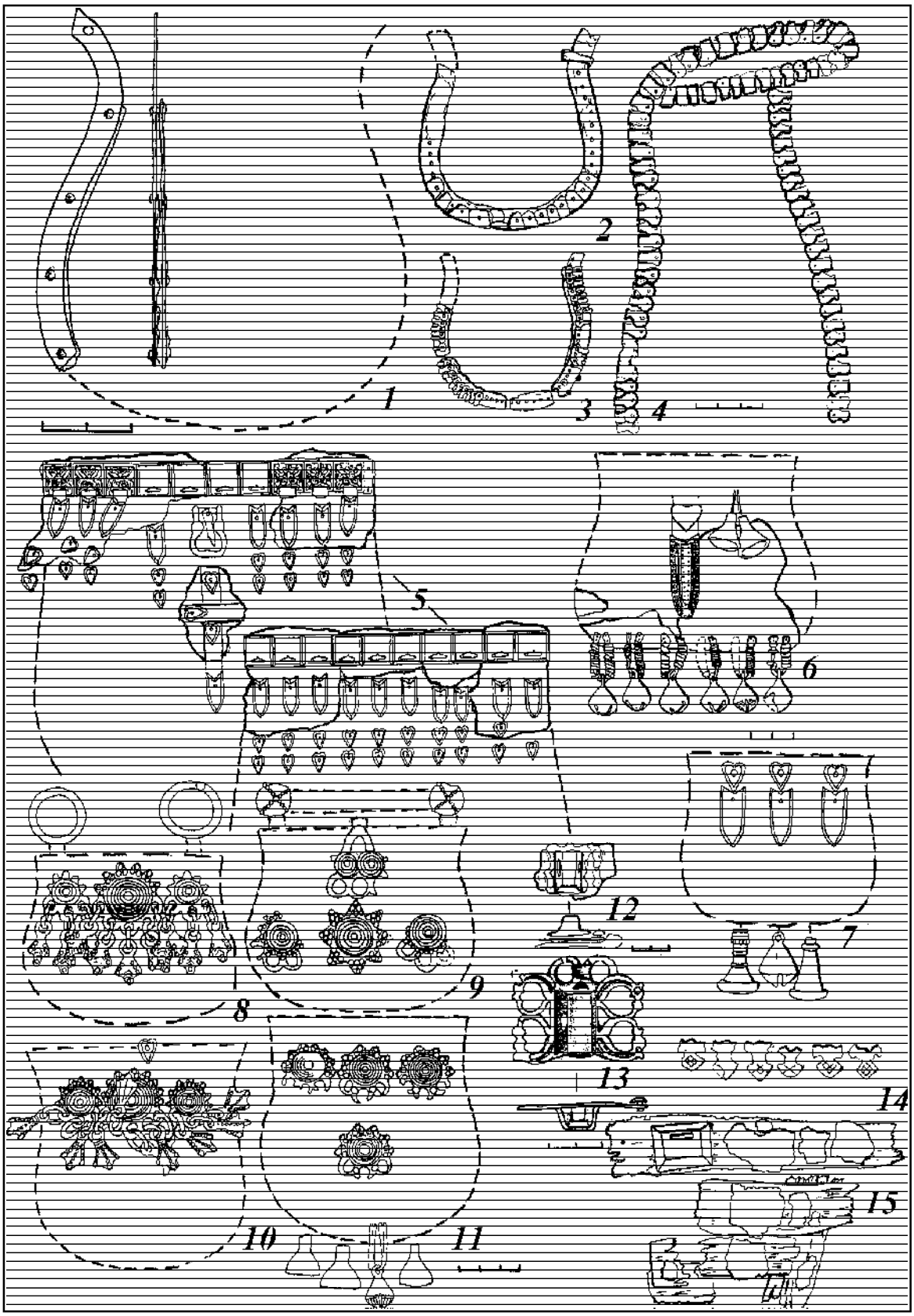

Рис. 176. Сумочки и кошельки

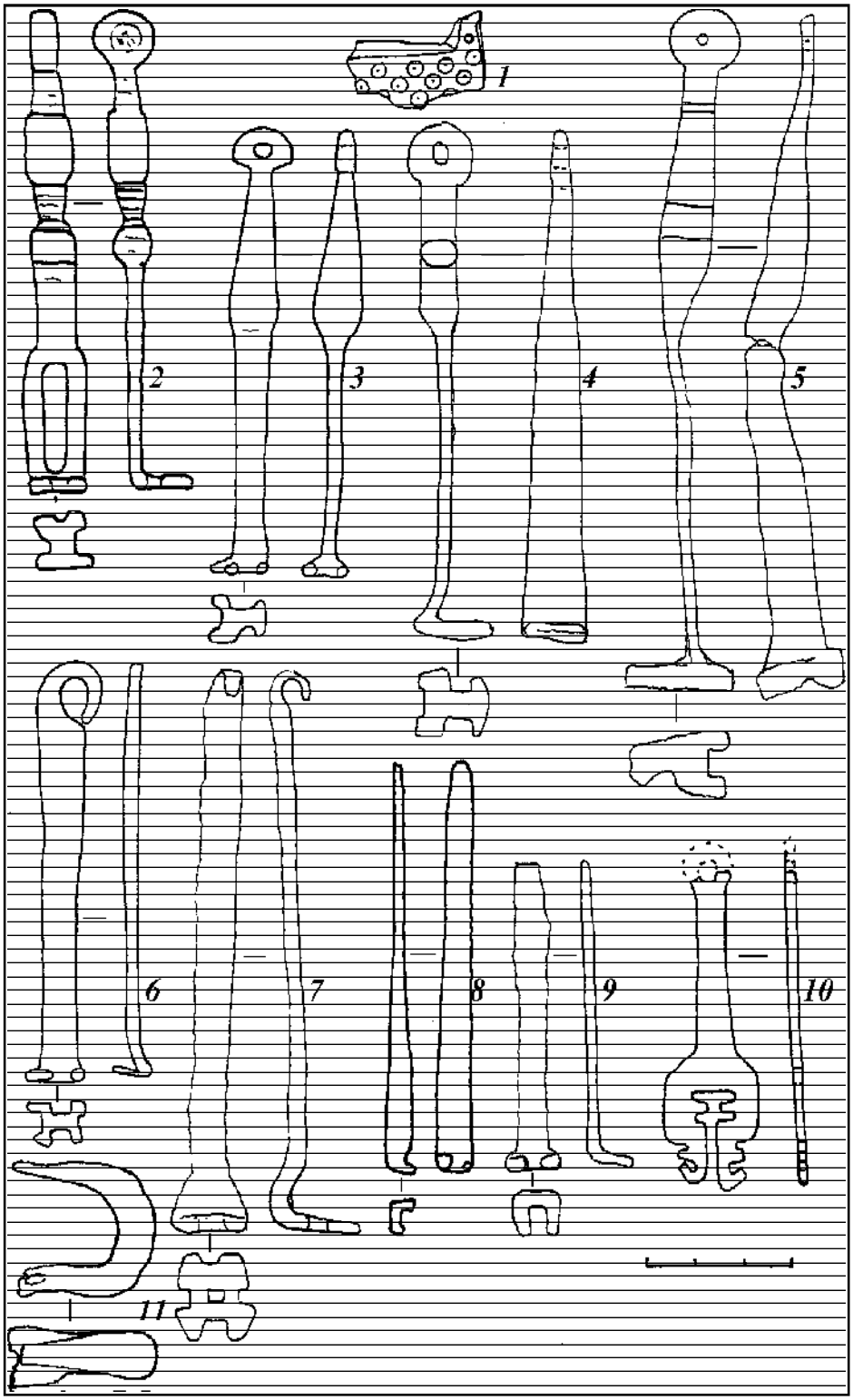

Рис. 177. Ключи и детали замков (1, 11). Материал: 1 - бронза, остальное железо

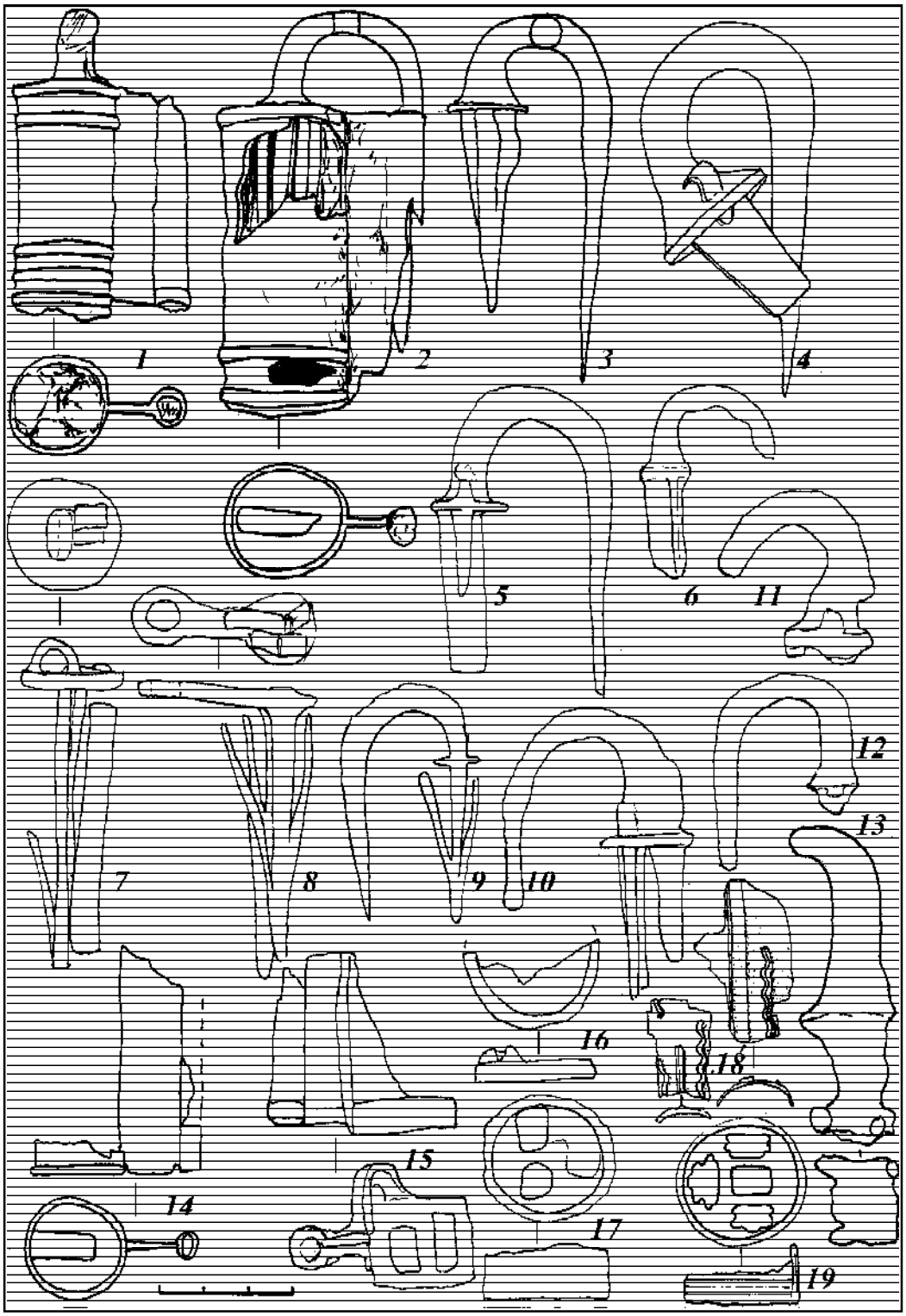

Рис. 178. Замки и детали замков

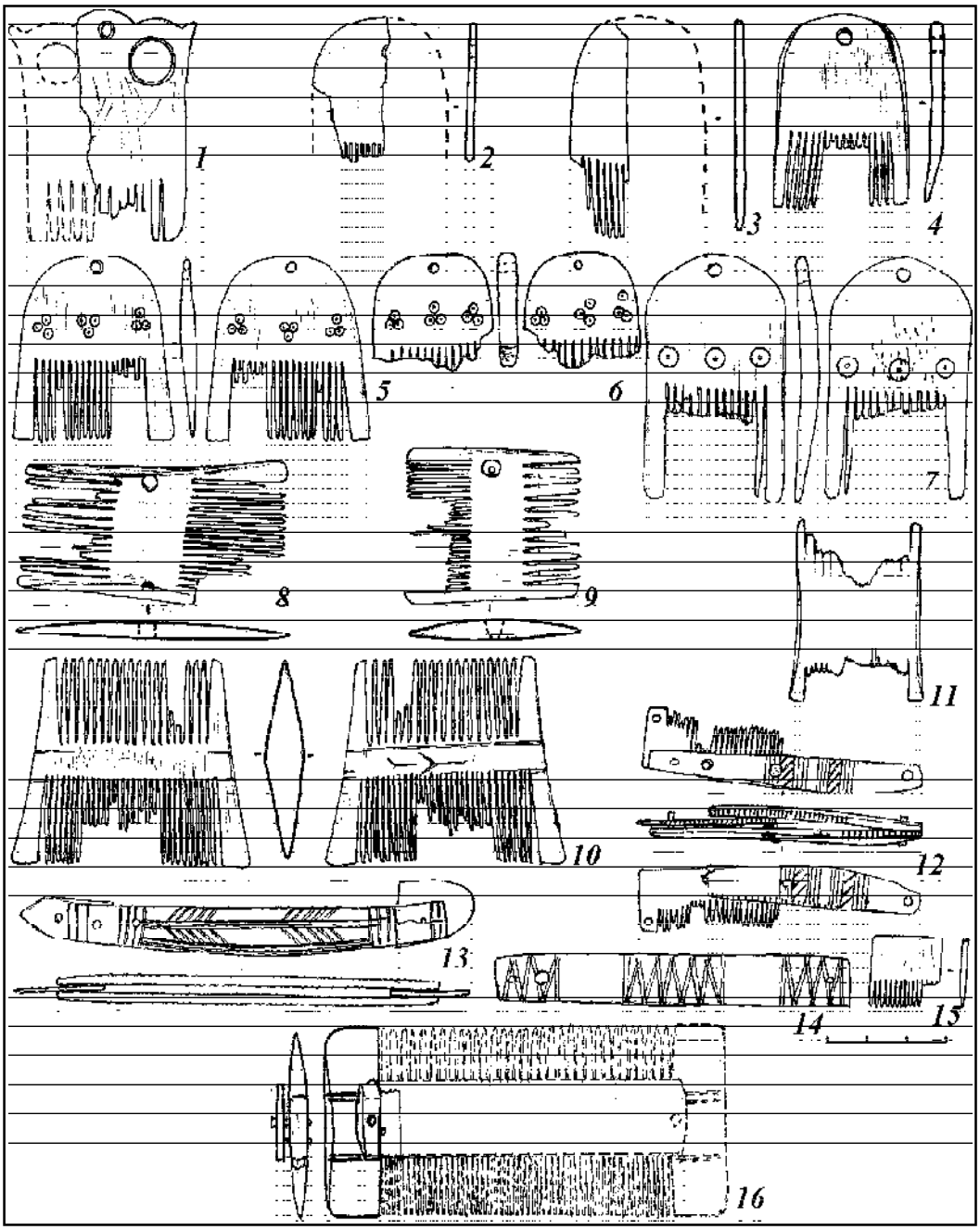

Рис. 179. Гребни и расчески

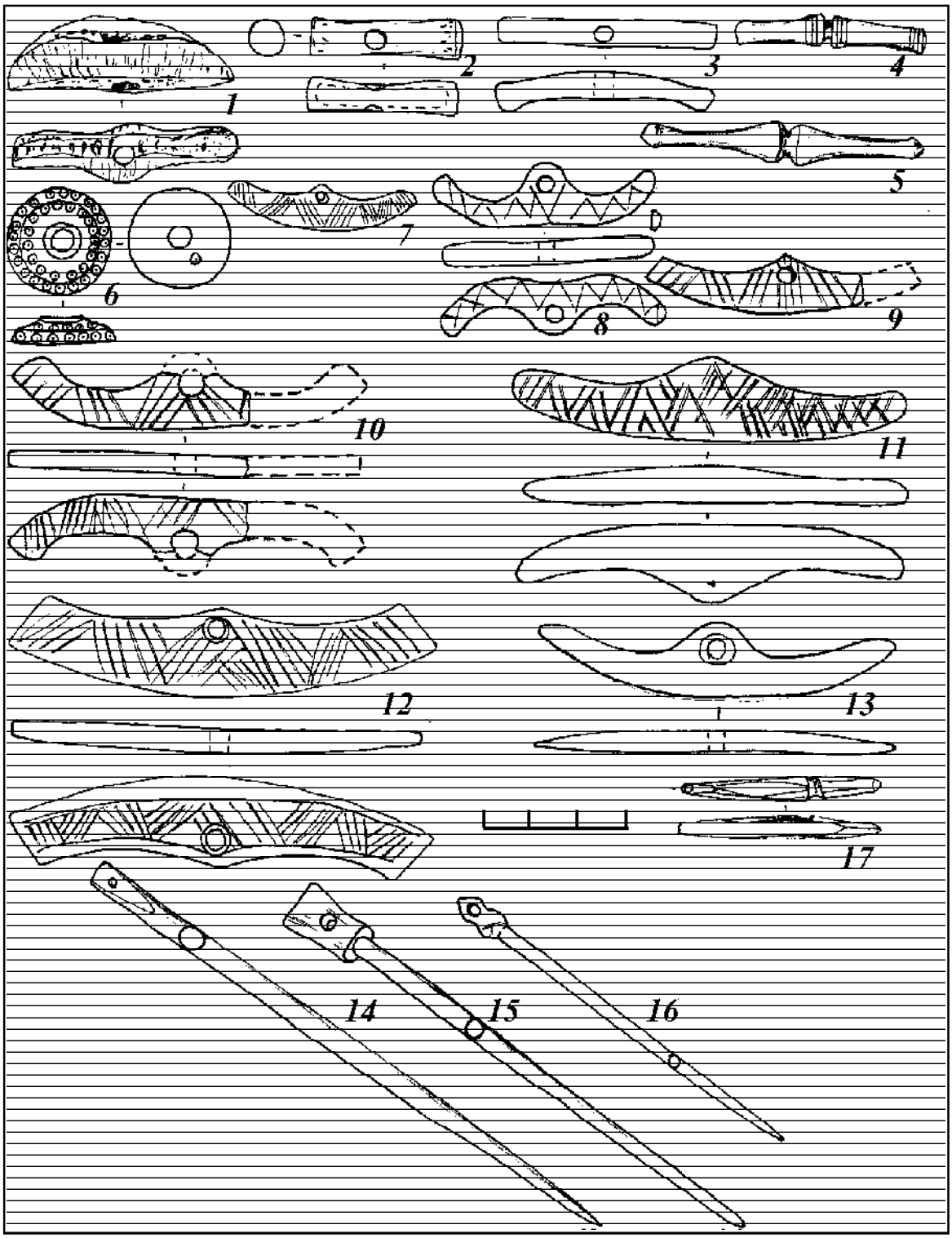

Рис. 180. Пуговицы и булавки

УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ КОСТЮМА

ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ

Височные подвески (серьги) из бронзы, серебра и золота представлены в основном в материалах могильника, где они встречены как в мужских, так и в женских погребениях по одному или по два экземпляра. Иногда в одном погребении представлены височные подвески разных типов. Всего обнаружено 47 предметов этой категории.

Тип 1 – с кольцом овальной или подтреугольной формы, завершающимся гроздьевидной привеской (4 экз., рис.181/1-4). Все экземпляры из серебра.

Подтип 1.1 – цельнолитое, гроздь из крупных шаровидных выступов, над гроздью – подтреугольный выступ. На кольце – небольшие выступы-ограничители (1 экз., рис.181/1).

Подтип 1.2 – цельнолитое, гроздь бипирамидальной формы с псевдозернью по ребрам. Над гроздью – подтреугольный выступ с пирамидкой из псевдозерни (1 экз., рис.181/2).

Подтип 1.3 – цельнолитое, бипирамидальная гроздь покрыта псевдозернью, над гроздью подтреугольный выступ с пирамидкой псевдозерни, на кольце – ограничители в виде валиков и пирамидка псевдозерни вверху сбоку (1 экз., рис.181/3).

Подтип 1.4 – фрагмент гроздьевидной привески в виде пирамидки из зерни (1 экз., рис.181/4).

Ранние формы подобных подвесок начали распространяться в Пермском Предуралье в конце VIII-IX в. [Голдина 1985, табл.II/13-20] под влиянием салтовских прототипов. В этот же период они становятся типичными для чепецких памятников [Иванов 1998, с.67]. Подвески (серьги) данного типа считаются характерными для поломско-ломолватовских и кушнаренковских памятников, но вообще подвески с гроздьевидным напуском и пирамидкой зерни на кольце находят параллели на памятниках лесной полосы IX-XI вв. от Урала до Оки, хорошо известны на раннебулгарских могильниках [Казаков 1992, с.72,175]. Подвески, представленные на Рождественском комплексе, относятся к наиболее характерному типу X века [Голдина, Кананин 1989, рис.71/5-6].

Тип 2 – серебряная позолоченная подвеска с круглым проволочным кольцом и полой грушевидной (сфероконической) привеской (1 экз., рис.181/5). Кольцо на заходящих друг за друга концах витое. Грушевидная привеска украшена двойными поясками скани и треугольниками зерни, вверху завершается гладким шариком, увенчанным пирамидкой из крупной зерни.

Такие подвески традиционно считаются изделиями булгарских ювелиров [Федорова 1990, с.135; Иванов 1998, с.131], однако массовость находок этих предметов на территории Пермского Предуралья, находка поврежденной отливки такой подвески на городище Иднакар [Иванова 1998, с.210, рис.54/3] свидетельствуют о том, что они производились и местными ремесленниками. Подвески данного типа известны на раннебулгарских могильниках IX-X вв.

[Казаков 1992, с.176], в Пермском Предуралье и на Чепце они также распространяются с IX в. [Голдина 1985, табл.I/19-23; Иванов 1998, рис.19/8] и продолжают использоваться до XII в.; по материалам верхнекамских могильников они датируются X веком [Голдина, Кананин 1989, рис.71/1].

Тип 3 – проволочные (23 экз., рис.181/6-19).

Подтип 3.1 – в виде круглого кольца небольшого диаметра (диаметром 1-1,3 см) (2 экз., рис.181/6 – золото, 7 – серебро).

Подтип 3.2 – в виде круглого кольца среднего диаметра (диаметром 2-2,5 см).

Вариант 1 – из гладкой проволоки круглого сечения (20 экз., рис.181/8-11; 7 экз. – бронзовые, 3 экз. – серебряные, 1 экз. – золотое (цв. вкл.Р/8)).

Вариант 2 – кольцо из витой бронзовой проволоки (1 экз., рис.181/12).

Подтип 3.3 – в виде овального кольца из бронзовой проволоки (1 экз., рис.181/13).

Подтип 3.4 – в виде подтреугольного кольца (4 экз., рис.181/14-16; 2 экз. – бронзовые, 2 экз. — серебряные).

Подтип 3.5 – в виде грушевидного кольца (4 экз., рис.181/17-19; 3 экз. – серебряные, 1 экз. – золотое (цв. вкл. Р/9)).

Проволочные кольца, особенно круглые, имели чрезвычайно широкое распространение как во времени, так и по территории. По мнению Е.П. Казакова, датировать их можно только по комплексам вещей [Казаков 1991, с.114].

На территории Пермского Предуралья такие кольца становятся массовыми еще в ломоватовское время [Голдина 1985, табл./1-12], к тому же периоду относятся кольца из Большетиганского и Танкеевского могильников [Казаков 1992, рис.21/1-3; 63/1-4]. Для второй половины X – XI вв. проволочные кольца в Пермском Предуралье, на территории Волжской Болгарии [Казаков 1991, рис.40/1-21], на территории Удмуртии [Иванов 1998, рис.62/1-4], на р. Выми [Савельева 1968, табл.IV/2], да и на многих других финно-угорских и славянских территориях, становятся преобладающими, причем кроме круглых и овальных появляются кольца подтреугольной и грушевидной формы, имитирующие калачевидные. Последние известны на чепецких памятниках, например, на городище Иднакар [Иванова 1998, с.139, рис.55/16,23, 56/20-22], на Варнинском могильнике в комплексах IX-X вв. [Семенов 1980, табл.I/11], на марийском могильнике IX-XI вв. Нижняя Стрелка [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.183, рис.10/13], в Пермском Предуралье – на Огрудинском и Степаново плотбище могильниках (раскопки Н.Б. Крыласовой, А.В. Данича).

Тип 4 – калачевидные (19 экз., рис.181/20-34). В нижней части плоская основа в виде полумесяца, в верхней – овальная или подтреугольная дужка. Ю.А. Подосенова выделила среди калачевидных височных украшений три группы по технологии изготовления.

А) литые, основной материал – бонза. Изготовлены в односторонней форме по оттиску постоянной модели или, вероятнее всего, готового украшения.

Б) проволочно-кованые, основной материал серебро, золото. Проволоку сгибали в виде овала или треугольника (см. аналогичные проволочные кольца), затем нижнюю часть полученного кольца расковывали до округлой формы, которой с помощью подрезки придавали форму серповидного щитка.

В) сборные, основной материал – серебро. Дужка изготавливалась из

проволоки и сгибалась в петлю, к ее раскованным концам припаивался серповидный щиток, вырезанный из раскованного листа серебра. Такие украшения обычно дополнялись скано-зерневым декором и позолотой [Подосенова, 2006, с.166-167].

В материалах Рождественского археологического комплекса преобладают подвески групп А и Б. По форме подвесок мы выделили несколько подтипов:

Подтип 4.1 – "полумесяц" с отогнутыми наружу рожками (1 экз., рис.181/20; бронза).

Подтип 4.2 – основа и дужка образуют форму овала, слегка зауженного вверху (4 экз., рис.181/21-24).

Вариант 1 – основа занимает 2/3 кольца (2 экз., рис.181/21 – золотое неорнаментированное (цв. вкл. Р/7), 22 – бронзовое, украшенное подтреугольными вдавлениями).

Вариант 2 – основа занимает 1/2 кольца (2 экз., рис.181/23-24, серебро). 1 экз. – не орнаментировано, 1 экз. – основа обрамлена гладким бордюром, украшена орнаментом в виде треугольников псевдозерни. Подобная подвеска имеется в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 4.3 – основа и дужка образуют треугольник со скругленными углами, основа занимает 1/2 кольца (4 экз., рис.181/25-28).

Вариант 1 – неорнаментированное (1 экз., рис.181/28, серебро). С одной стороны основа слегка выступает за пределы общей формы.

Вариант 2 – неорнаментированное, дужка частично витая (1 экз., рис.181/25, серебро).

Вариант 3 – на основе прочерчены треугольники, возможно – разметка под зернь (1 экз., рис.181/26, серебро).

Вариант 4 — основа обрамлена выпуклым бордюром с имитацией плетения, украшена треугольниками псевдозерни (1 экз., рис.181/27; цв. вкл. О/8, бронза).

Подтип 4.4 – основа и дужка образуют грушевидную форму (11 экз., рис.181/29-34).

Вариант 1 – неорнаментированные (3 экз., рис.181/30 — золото, 31 — серебро).

Вариант 2 – основа орнаментирована по центру кружками (1 экз., рис.181/29, серебро).

Вариант 3 – по нижнему краю основы – циркульный орнамент (1 экз., рис.181/32, серебро). Аналогичные подвески с циркульным орнаментом имеются в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 4 – основа обрамлена сканью и украшена треугольниками зерни, в большинстве случаев фон основы позолочен (6 экз., рис.181/33-34).

Серебряные калачевидные височные подвески, выполненные в технике, характерной для булгарских ювелиров, получили широкое распространение не только на территории Пермского Предуралья, но на территории Удмуртии в материалах X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.62/8-9,11], в Западной Сибири и в Приобье в XI-XIV вв. [Угорское наследие 1994, № 261-262; Барсова гора 2002, рис.3], в материалах конца X-XII вв. на р. Вычегде и Выми [Савельева 1987, рис.37/29; Истомина 1992, рис.1/2], в марийских древностях XII-XIII вв. [Архипов 1986, с.21, рис.15/16-17]. В Пермском Предуралье

встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

В целом калачевидные подвески хорошо известны на территории Пермского Предуралья в Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой) могильниках. Широко представлены они и на Чепецких памятниках X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.62/6-11].

По мнению Э.А. Савельевой, калачевидные серьги имеют булгарское происхождение [Савельева 1987, с.124]. Но в настоящее время их местный прикамский характер не вызывает сомнения у исследователей [Макаров 1989, с.54-55]. Клад серебряных неорнаментированных калачевидных серег и форма для изготовления литых серег этого типа с имитацией скано-зернового орнамента найдены на городище Иднакар [Иванова 1998, с.138-139, рис.54/1-2].

Калачевидные подвески (серьги) были также широко распространены в X-XII вв. у пермских [Савельева 1987, с.124, рис.33/1-3,12-13, 37/29; Королев 1997, рис.43/6], и верхневолжских финнов [Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984, с.203, рис.5/7; Архипов 1984, с.142, рис.8/4-6; Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.182-183, рис.10/11-12], известны у веси [Финно-угры и балты...1987, табл. XVIII/5], в Приобье [Семенова 2001, табл.50/8; Барсова гора 2002, рис.14]. Изредка встречаются и на булгарских памятниках, куда, по мнению Е.П. Казакова, были привнесены от соседей [Казаков 1991, с.114, рис.40/30-31], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.41/7, 46/19], у корелы [Кочкуркина 1981, табл.3/4], в Приладожье [Голубева 1973, с.46].

Тип 5 – круглая подвеска с полой напускной бусиной, украшенной треугольниками зерни (1 экз., рис.181/35). Нижняя часть кольца с внешней и внутренней стороны окантована зернью.

ГРИВНЫ

Гривны не пользовались популярностью среди местного населения. В погребениях могильника не найдено ни одного предмета этой категории. Одна гривна обнаружена при раскопках городища, еще один фрагмент находится в коллекции Теплоуховых. По крайней мере, о 6 серебряных гривнах глазовского типа сохранились упоминания в исторических источниках – они были обнаружены крестьянами при распашке полей. Судьба трех из них не известна. Другие три были куплены С. Ешевским, что подтверждается публикацией в Пермском сборнике [Ешевский 1859, табл.I/3; табл.II/7; табл.III/10]. Но эти гривны происходят не с самого городища или могильника, а из клада, обнаруженного неподалеку, в д. Волгино.

Тип 1 – бронзовая гривна круглого сечения, слегка утолщающаяся в средней части. На одном из сохранившихся концов – простой крючок (1 экз., рис.188/18). Подобные гривны известны в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.IV/1-2,5], в марийских древностях XII-XIII вв. [Архипов 1986, с.22, отдел IV].

Тип 2 – фрагмент бронзовой рубчатой гривны т.н. "глазовского типа" (рис.188/20). Такие гривны имели широкое распространение в урало-поволжском регионе.

ФИБУЛЫ

Фибулы, используемые в качестве нагрудных застежек для верхней одежды, также не характерны для костюма местных жителей. Редкими они были и на территории бассейна р. Чепцы [Иванов 1998, с.96). Это отличает костюм указанных территорий от костюма поволжских и прибалтийских финнов, для которых фибулы являются типичным элементом.

Всего на Рождественском комплексе обнаружено 3 фибулы (интересно, что один фрагмент фибулы на рис.198/32 найден при раскопках городища, а второй происходит из коллекции Теплоуховых).

Группа 1 – НЕШУМЯЩИЕ ФИБУЛЫ (2 экз., рис.198/31-32).

Тип 1 – подковообразная фибула из дрота круглого сечения. На концах и по бокам – 4 цилиндрических утолщения. Игла в виде изогнутой подтреугольной пластины (1 экз., рис.198/31; цв. вкл. Ж/1).

Тип 2 – подковообразная фибула из пластины, согнутой углом, на концах – граненые ромбовидные выступы (1 экз., рис.198/32).

Это изделие относится к так называемым "фибулам карельского типа", которые имели широкое распространение в юго-восточном Приладожье и Прионежье в X – начале XI в. [Кочкуркина 1989, с.265, рис.83/8-10], известны на Белоозере [Захаров 2004, рис.82/8]. Аналогичные фибулы встречены на городище Шудьякар в материалах XI-XII вв. [Голдина,Кананин 1989, рис.72/11], в Весьякарском и Маловенижском могильниках X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.60/5,7], в вымском могильнике Шойнаты II [Савельева, Королев 1990, рис.16/4].

В Пермском Предуралье подобная фибула встречена на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Группа 2 – ШУМЯЩАЯ (1 экз., рис.198/30). Фибула в виде сплошного плоского кольца, состоящего из двух валиков с имитацией оплетки проволокой. В нижней части кольца – 6 кольцевидных петель, перемежающихся шариками псевдозерни, для крепления привесок-колокольчиков на щитковых цепочках. Верхняя часть кольца украшена треугольными лучами из псевдозерни. На внутренней стороне кольца сбоку – арочная петля для иглы. Игла в виде тонкой изогнутой подтреугольной пластины.

Подобные фибулы характерны для костюма поволжских финнов IX – начала XI вв., единично встречаются и на раннебулгарских памятниках [Казаков 1992, с.180, рис.64/10). Г.А. Архипов приводит и более поздние варианты подобных фибул из марийских могильников, датирующиеся, по его мнению, XII-XIII вв. [Архипов 1986, рис.25/4-5].

КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ

Этот вид украшений, очевидно, не пользовался популярностью среди местного населения. Встречено всего 23 предмета, относящихся к данной категории.

Тип 1 – спиралевидные кольца в 1-4 витка из проволоки круглого сечения (4 экз., рис.182/1-4, 1 экз. – серебро, остальные — бронза).

Спиральновитые бронзовые и серебряные перстни были широко рас-

пространены у финно-угров и балтов в X-XI веках [Седова 1981, с.122]. Особенно популярны они были у мордвы [Смирнов 1952, с.124, табл.XXX/6, 9]. Подобные перстни известны в материалах Варнинского могильника VIII-XI вв. [Иванов 1998, рис.1-2], в вымских и вычегодских могильниках конца X – XII вв. [Савельева 1968, табл.II/13; Истомина 1992, рис.1/12, 2/34; Королев 1997, рис.44/9].

В Пермском Предуралье спиральновитые перстни получили распространение в XI-XII вв. на памятниках Верхней Камы [Голдина, Кананин 1989, рис.72/9], известны на Саламатовском (раскопки А.М.Белавина) и Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) городищах.

Тип 2 – пластинчатые бесщитковые неорнаментированные перстни (3 экз., рис.182/5-6, серебро).

В Пермском Предуралье такие перстни характерны для материалов Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой), известны на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Пластинчатые бесщитковые перстни из бронзы известны на булгарских селищах [Казаков 1991, с.125, рис.33/17-18], орнаментированные серебряные в вымских древностях конца X-XI веков [Савельева 1987, рис.37/12]. Аналогичные перстни встречены на Белоозере [Голубева 1973, с.142, рис.51/10; Захаров 2004, рис.90/24].

Тип 3 – пластинчатые щитковые перстни (5 экз., рис.182/13-17).

Подтип 3.1 – с прямоугольным щитком, орнаментированным тройными вертикальными полосками, в центре каждой – линия кружков (1 экз., рис.182/13, бронза).

В Пермском Предуралье аналогичные перстни известны на Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина).

Подтип 3.2 – с овальным щитком (4 экз., рис.182/14-17).

Вариант 1 – в центре три полушарные выпуклости, при переходе к кольцу – крестики, кольцо по краям обрамлено полосками (1 экз., рис.182/14, бронза).

Вариант 2 – в центре горизонтальный ряд из 5 точек (1 экз., рис.182/15, серебро).

Вариант 3 – в центре – квадрат черни с чеканным растительным орнаментом, по бокам от него – чеканные композиции растительного орнамента (1 экз., рис.182/16, серебро).

Вариант 4 – в центре квадрат с изображением двух переплетенных овалов (замкнутая плетенка). Внутри рисунка — чернь (1 экз., рис.182/17, серебро).

Пластинчатые щитковые перстни получили распространение на Руси в XII-XIII вв. и широко бытовали на северо-западе Восточной Европы [Сумина 1999, с.183]. При этом новгородские перстни обычно изготавливались из бронзы [Савельева 1987, с.129]. Подобные перстни из серебра были широко распространены и на территории Волжской Болгарии [Город Болгар 1996, отдел Б-II]. По мнению А.М. Белавина, особенностью булгарских щитковосрединных перстней является зачернение фона и золочение прочерченного рисунка, излюбленный сюжет оформления — замкнутая плетенка и растительный орнамент [Белавин 1992, с.147]; именно такие особенности имеют перстни из Рождественского археологического комплекса. Известны такие перстни в Посурье [Белорыбкин 2001, с.52, рис.30/5-8,11-

12], в Западной Сибири [Угорское наследие 1994, № 277-278], являются распространенным украшением в вымских могильниках, где датируются XIII-XIV вв. [Савельева 1987, с.129, рис.3-9,12-15; 37/113].

Тип 4 – овальнощитковый перстень с "усами" (1 экз., рис.182/7, серебро).

Эти широко известные "усатые" перстни массово представлены в древностях поволжских финнов IX-XII вв., но наибольшее распространение они имели в X-XI вв. [Алихова 1958, рис.1/39; Архипов 1973, с.34-35, рис.37/1; Иванов 1952, табл.XIV/2; XX/2; XXII/3; Смирнов 1952, с.127, табл.XXX/3, 5; Спицин 1901, табл.XXIV/8-9; XXVII/13; XXIX/7; Циркин 1987, с.56, рис.25, 26]. Они также часты в русских и прибалтийско-финских памятниках [Кочкуркина 1989, с.268, рис.84/8; Недошивина 1967, с.257-258, рис.31/5-7; Голубева, Кочкуркина 1991, рис.37/6]. Встречаются в вымских древностях конца X-XI вв. [Савельева 1987, рис.34/1; 37/7]. Но для Пермского Предуралья и бассейна р. Чепцы такие перстни являются редкостью [Голдина, Кананин 1989, рис.46/17; Спицин 1902, табл.XV/2; Иванов 1998, с.96, рис.39/3; Семенов 1985, рис.2/21].

Тип 5 – на месте щитка – серебряное полушарие, орнаментированное сканью и треугольниками зерни, со вставкой из стекла или сердолика (рис.182/9; цв. вкл. Р/4-6).

Подобные полушария ("колпачки") довольно часто встречаются на памятниках Пермского Предуралья XI в., например, на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Куль-Поз Косинского р-на КПАО (коллекция КПОКМ, № 140). Известны аналогичные предметы в Приобье, на Вычегде [Истомина 1999, рис.11/5].

Но только раскопки Рождественского и Огурдинского могильников позволили определить место их использования. Полушарие припаивалось на медную основу и снабжалось двумя медными дужками. В отдельных случаях удалось зафиксировать следы медного тлена или отсоединившиеся дужки.

Перстни с украшением в виде полушария со скано-зерневым орнаментом, но иной композиции, известны в курганах Волго-Клязьминского междуречья [Седов 1982, табл.LIX/28].

Подтип 5.1 — полушарие диаметром 2-2,5 см (5 экз., рис.182/9).

Подтип 5.2 — полушарие диаметром 1,5 см (1 экз., рис.182/10).

Тип 6 – литые бронзовые перстни с круглым щитком, имитирующим по орнаментации перстни типа 5 (3 экз., рис.182/11-12).

Подтип 6.1 – в центре щитка – кольцевидный валик с насечками, к которому сходятся вершинами 7 треугольников псевдозерни (1 экз., рис.182/11).

Подтип 6.2 – щиток обрамлен двойной выпуклой полосой с насечками, по центру – двойная полоса с насечками, ориентированная вдоль кольца, от которой в стороны расходятся треугольники псевдозерни (2 экз., рис.182/12).

Тип 7 – цельнолитой серебряный перстень со вставкой из синего стекла, закрепленной четырьмя захватами (1 экз., рис.182/8).

Данные перстни т.н. "салтовского типа", вероятно, имеют южное происхождение и активно использовались в качестве импортируемого товара. Такие перстни массово встречаются на Большетиганском, Танкеевском, Тетюшском раннеболгарских могильниках [Казаков 1992, рис.22/15; 61/15; 73/42]. Множество аналогий таким изделиям имеется на памятниках Вос-

точной Европы и Паннонии IX-X веков [Казаков 1992, с.205]. На соседних территориях они известны в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.38/7; 44/12; 51/15], на поломско-чепецких памятниках [Иванова 1998, с.139; рис.55/17-18; Иванов 1998, рис.19/20; 48/2-3, 8-10].

БРАСЛЕТЫ

На городище и могильнике обнаружено 30 браслетов из бронзы и серебра.

Группа 1 – ПЛОСКИЕ (17 экз., рис.183).

Подгруппа 1 – пластинчатые (13 экз., рис.183/1-4, 9-14). Вырезаны из тонкой бронзовой или серебряной пластины.

Тип 1 – с круглым расширением на концах (4 экз., рис.183/1-4).

Подтип 1.1 – расширение на концах диаметром 2,3 – 3,3 см (3 экз., рис.183/1-3).

Вариант 1 – неорнаментированный (1 экз., рис.183/3, серебро).

Вариант 2 – орнаментирован по краям кружковым орнаментом (1 экз., рис.183/2, бронза).

Вариант 3 – браслет украшен тремя продольными желобками, между которыми – ряды циркульных кружков, круглое расширение на конце обрамлено двумя рядами циркульных кружков, один кружок – в центре (1 экз., рис.183/1, бронза).

Аналогичные браслеты известны в Прикамье на Агнафоновском II могильнике в материалах XI в. [Голдина, Ютина 1987, с.45, рис.2/58], на Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина), в материалах Мрясимовских курганов Южного Урала XI-XII вв. [Мажитов 1981, рис.74/6], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.2/33].

Подтип 1.2 – неорнаментированное расширение на конце диаметром 1,2 см, браслет украшен двумя продольными линиями, между которыми – ряды кружков (1 экз., рис.183/4, бронза).

Тип 2 – узкие пластинчатые браслеты с прямыми концами (6 экз., рис.183/9-11).

Подтип 2.1 – неорнаментированные (5 экз., рис.183/9-10, бронза). Аналогичные известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подтип 2.2 – на одном конце кружковый орнамент (1 экз., рис.183/11, бронза).

Тип 3 – с прямыми расширяющимися концами (3 экз., рис.183/12-14).

Подтип 3.1 – из толстой пластины, по краям – ряды кружков, на конце – три ряда кружков (1 экз., рис.183/12, бронза).

Подтип 3.2 – из тонкой пластины, в центральной части петля в виде завитка, на конце – треугольник из кружков (1 экз., рис.183/13, бронза).

Подтип 3.3 – по краям ряды зерни, на конце – три ряда зерни, от которых отходит перпендикулярно короткая полоса, завершающаяся треугольником зерни (1 экз., рис.183/14, серебро).

Пластинчатые браслеты с расширяющимися, прямо срезанными концами появляются на территории Пермского Предуралья еще в ломоватовское время [Голдина 1985, табл.IV/27], подобные браслеты известны на

булгарских селищах X-XIII вв. [Казаков 1991, с.122], в материалах чепецких памятников VIII-XII веков [Иванов 1998, рис.46/7; Семенов 1985, рис.3/7-9].

Подгруппа 2 – литые бронзовые (4 экз., рис.183/5-8).

Тип 1 – имитирующие ювелирные браслеты со сканью и вставками на концах (3 экз., рис.183/5-7).

Подтип 1.1 – поверхность браслета украшена выпуклыми валиками с косой насечкой, имитирующими скань, концы в виде ромбов из псевдозерни, во внешних углах которых — полушарные выпуклости, имитирующие вставки, обрамленные псевдозернью (1 экз., рис.183/5).

Подтип 1.2 — поверхность браслетов украшена выпуклыми валиками с косой насечкой, имитирующими скань, концы в виде кружков с полушарными выпуклостями в центре, обрамленными валиком с насечками (2 экз., рис.183/6-7).

Браслеты этого типа на территории Пермского Предуралья известны в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой), из дореволюционных сборов в Чердынском уезде [Дневник Теплоуховых, с.644/В]. Они встречены также на территории Удмуртии в материалах X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.64/10; Семенов 1985, рис.3/10], в Биляре [Руденко 2004, рис.1/31], в Белоозере [Голубева 1973, рис.5/14], в могильнике у Барсова городка в Приобье [Барсова гора 2002, рис.17]. Форма для отливки подобных браслетов известна в Поочье [Никольская 1981, рис.48/4].

Тип 2 – поверхность браслета гладкая, на концах ребристое квадратное расширение (1 экз., рис.183/8).

Группа 2 – ПРУТКОВЫЕ (дротовые) (13 экз., рис.184). Все браслеты этой группы бронзовые.

Подгруппа 1 – округлого сечения (8 экз., рис.184/1-5, 11).

Тип 1 – неорнаментированные (6 экз., рис.184/1-4).

Подтип 1.1 – с прямо срезанными концами (4 экз., рис.184/1, 4).

Подтип 1.2 – с закругленными концами (1 экз., рис.184/2).

Подтип 1.3 – с приостренными концами (1 экз., рис.184/3).

Браслеты подобного типа широко встречаются на памятниках Пермского Предуралья, например, на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой). Они хорошо известны на раннебулгарских памятниках IX-X вв. [Казаков 1992, рис.22/16-17], и в более поздних булгарских материалах X-XI вв., например, в Биляре [Руденко 2004, рис.2/24, 3/1], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.21/2; 34/5-6,31,33,35; 40/17; 41/6], в материалах Варнинского могильника IX-X вв. [Семенов 1980, табл.II/25], остаются массовыми и в более позднее время [Казаков 1991, рис.41/1-9].

Тип 2 – с кружковым орнаментом (1 экз., рис.184/5). Аналогичные браслеты имеются в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Тип 3 – псевдовитой (1 экз., рис.184/11). Подобные браслеты известны в материалах Большетиганского могильника IX-X веков [Казаков 1992, рис.22/26].

Подгруппа 2 – граненые (5 экз., рис.184/6-10).

Тип 1 – трехгранные (2 экз., рис.184/6-7) с прямо срезанными концами.

Подтип 1.1 – неорнаментированный (1 экз., рис.184/6).

Подтип 1.2 – с кружковым орнаментом на концах (1 экз., рис.184/7).

Подобные браслеты известны на Огурдинском могильнике в Пермском Предуралье (раскопки Н.Б. Крыласовой), на Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов 1985, рис.3/3].

Тип 2 – с линзовидным сечением и двумя гранями, не орнаментированный, с приостренными концами (1 экз., рис.184/8).

Тип 3 – шестигранные (2 экз., рис.184/9-10). С прямо срезанными концами.

Подтип 3.1 — не орнаментированный (1 экз., рис.184/9).

Подтип 3.2 — с кружковым орнаментом на концах (1 экз., рис.184/10).

Такие браслеты являются характерными для памятников Пермского Предуралья IX — начала XI вв., известны в поломских могильниках IX-X вв. [Генинг 1962, с.42, табл.II/9; Иванов 1998, рис.19/9; Семенов 1980, табл.II/33-34; Семенов 1985, рис.3/1-2; Семенов 1985а, рис.13/3], раннебулгарских могильниках IX-X вв. [Казаков 1992, рис.22/18; 62/1-2; 73/43], в курганах Южного Урала IX-X веков [Мажитов 1981, рис.44/8; 56/5]. Браслеты, продолжающие традиционные раннебулгарские изделия ломоватовского происхождения, известны на булгарских памятниках X-XI вв. [Казаков 1991, с.122; Хузин 1999, рис.7/7-8], на могильниках Марийского Поволжья [Архипов 1973, с.144, рис.31]. Во второй половине XI в. они выходят из употребления.

ЦЕПОЧКИ

В материалах как могильника, так и городища в большом количестве представлены фрагменты цепочек (149 экз.), которые использовались для крепления привесок к шумящим подвескам, для подвешивания к поясу ножен (напр., в погр. № 26), а также в составе украшений кос, в частности, для скрепления кос за спиной, чтобы они не перевешивались на грудь и не мешали в повседневной работе. Цепочки, главным образом, изготавливались из золотистой и белой бронзы, редко из меди или серебра. Всего в составе шумящих украшений и в обрывках встречено 151 цепочка и разделители цепочек.

Группа 1 – ПРОСТЫЕ ЦЕПОЧКИ (87 экз., рис.185/1-5). К этой группе относятся цепочки со звеньями, представляющими овальное или круглое кольцо. Типы выделены по количеству колец в одном звене.

Тип 1 – с одним кольцом в звене (84 экз., рис.185/1-3).

Подтип 1.1 – звенья в виде крупного (длиной до 1-1,5 см) овального кольца из толстой проволоки (75 экз., рис.185/1, 3).

Вариант 1 – простая цепочка (74 экз., рис.185/1).

Вариант 2 – вовнутрь цепочки продет кожаный шнур, что придает ей оригинальную декоративную фактуру (1 экз., рис.185/3).

Подтип 1.2 – звенья в виде овального или круглого кольца небольшого диаметра из тонкой проволоки (9 экз., рис.185/2).

Цепочки данного типа имели широкое распространение как во времени, так и в пространстве.

Тип 2 – с двумя кольцами в звене (1 экз., рис.185/4). Аналогичные известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), I Измерском селище [Казаков 1991, рис.46/19], на Починковском марийском

могильнике [Архипов 1986, рис.17/20]. Такие цепочки были распространены у веси в XI-XII вв. [Финно-угры и балты... 1987, табл.XVII/17], известны на Белоозере [Захаров 2004, рис.78/8-9].

Тип 3 – с тремя кольцами в звене (1 экз., рис.185/5) – фрагмент серебряной цепочки. Подобные цепочки представлены в материалах булгарских селищ X-XIII вв. [Казаков 1991, рис.45/14]; в Пермском Предуралье известны на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой, на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Простые цепочки встречаются в составе шумящих украшений, начиная с VII в. [Голдина, Кананин 1989, рис.68/33], и до XI в. остаются преобладающими. В марийских могильниках они также преобладали в IX-XI вв., но встречались в составе украшений головы и в XII-XIII веках [Архипов 1973, с.129; 1986, с.27].

Группа 2 – С ВОСЬМЕРКООБРАЗНЫМИ ЗВЕНЬЯМИ (6 экз., рис.185/6-8, 13). Звено состоит из двух колец, расположенных в одной плоскости.

Тип 1 – звенья в виде простой "восьмерки" (1 экз., рис.185/6).

Тип 2 – с псевдовитой центральной частью (5 экз., рис.185/7-8,13).

Подтип 2.1 – с узкой "витой" перемычкой между кольцами звена (2 экз., рис./7). Фрагмент звена подобной цепочки обнаружен во время раскопок Н.Н. Новокрещенных (рис./10).

Подтип 2.2 – с широкой "витой" перемычкой между кольцами звена (4 экз., рис.185/8, 13).

Вариант 1 – "витки" не орнаментированы (3 экз., рис.185/8).

Вариант 2 – "витки" с прямыми насечками (1 экз., рис.185/13).

Цепочки с восьмеркообразными звеньями были наиболее характерны для прикамских древностей VIII-IX вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.69/24, 28; рис.70/18], но отдельные их пережитки могли сохраняться и более длительное время, и именно они послужили прототипом для щитковых цепочек. Такие цепочки встречаются в составе финно-угорских украшений до XII в. [Финно-угры и балты... 1987, табл.XVII/12; Захаров 2004, рис.78/23-24].

Группа 3 – СО ЩИТКОВЫМИ ЗВЕНЬЯМИ (52 экз., рис.185/9-12, 14-19). Звено представляет собой кольцо, переходящее в верхней части в плоский щиток, на оборотной стороне которого – петля, перпендикулярная щитку. При наборе таких звеньев щитки, примыкая почти вплотную друг к другу, образуют сплошную декоративную полосу.

Тип 1 – плоский гладкий удлиненный щиток состоит из соединения трех кругов (1 экз., рис.185/19).

Тип 2 – с плоским гладким щитком округлой формы (2 экз., рис.185/14).

Тип 3 – щиток подпрямоугольной формы шириной менее диаметра кольца (31 экз., рис.185/10, 12, 15, 16).

Подтип 3.1 – щиток украшен гладкими горизонтальными "поясками" (17 экз., рис.185/10).

Подтип 3.2 – щиток украшен горизонтальными "поясками" гладкими и с насечками (14 экз., рис.185/12, 15, 16).

Вариант 1 – в центре и в нижней части щитка – узкие "пояски" с прямыми насечками (1 экз., рис./12).

Вариант 2 – в центре щитка – широкий пояс с прямыми насечками

(12 экз., рис.185/15).

Вариант 3 – в центре щитка – широкий пояс с косой решеткой (1 экз., рис.185/16).

Тип 4 — с подтреугольным щитком, плавно переходящим в кольцо (17 экз., рис.185/9, 11, 17-18).

Подтип 4.1 — щиток украшен гладкими горизонтальными "поясками" (7 экз., рис.185/9).

Подтип 4.2 — щиток украшен горизонтальными "поясками": вверху гладкими, внизу — с прямыми насечками (9 экз., рис.185/11).

Подтип 4.3 — щиток украшен горизонтальными "поясками" с прямыми насечками (2 экз., рис.185/17-18).

Щитковые цепочки получили свое распространение с середины XI в., и стали преобладающими в шумящих украшениях вплоть до XIV в., как показывают материалы таких поздних памятников, как селище и могильник Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой).

Группа 4 – РАЗДЕЛИТЕЛИ ЦЕПОЧЕК (6 экз., рис.185/20-25). Разделители цепочек использовались в составе сложных шумящих подвесок, у которых, как показывают аналогии из сохранившихся полностью шумящих украшений, найденных на территории Пермского Предуралья, длинные цепочки в центре или ближе к концу делились на две. Разделители цепочек имеют в нижней части два кольца, а в верхней – одно, как правило (за искл. рис.185/25), повернутое перпендикулярно к плоскости щитка и остальных двух колец.

Тип 1 – с "розеткой" между кольцами (3 экз., рис.185/20-21, 25).

Подтип 1.1 – розетка с волнистым краем и полушарным выступом в центре (1 экз., рис.185/25).

Подтип 1.2 – розетка с полушарным выступом, окруженным выпуклыми "лепестками" (1 экз., рис.185/20).

Подтип 1.3 – розетка с полушарным выступом, окруженным насечками, расходящимися лучами от центра. По бокам розетки по два луча в виде валиков с насечками (1 экз., рис.185/21).

Аналогичные разделители известны в могильниках Юганского Приобья (тип 38, вариант 7 по В.И. Семеновой) [Семенова 2001, табл.47/7].

Тип 2 – между кольцами – подтреугольный щиток, подобный щиткам цепочек, украшенный гладкими "поясками" и с насечками (3 экз., рис.185/22-24).

Подтип 2.1 – разделитель, отлитый целиком, выглядит как соединение двух щитковых звеньев цепочки, украшенных гладкими горизонтальными "поясками". В месте "соединения" щитков – три ромба из псевдозерни (1 экз., рис.185/22).

Подтип 2.2 – щиток разделителя цельный вверху раздваивается книзу. У верхнего кольца – валик с прямыми насечками, под которым по бокам щитка – два треугольника ложной зерни. Нижняя часть щитка украшена двойными "поясками" с прямыми насечками (1 экз., рис.185/23).

Подтип 2.3 – с цельным щитком, в центральной части которого – 2 "пояска" с прямыми насечками, остальная поверхность покрыта гладкими "поясками" (1 экз., рис.185/24).

ПОДВЕСКИ И ПРИВЕСКИ

Характерной особенностью Пермского Предуралья является использование большого количества разнообразных подвесок, которые особенно преобладали в женском костюме. Не является в этом плане исключением и Рождественский археологический комплекс, на котором найдено 247 подвесок. Еще более широко представлены привески, которые могли быть элементами шумящих подвесок, но могли использоваться и как самостоятельные украшения в составе ожерелий, поясных привесок, для оформления сумочек, в качестве височных украшений. Их встречено 391 экземпляр. Большинство подвесок и привесок имели сакральное значение и выступали в качестве амулетов. Имеются и собственно амулеты, главным образом из просверленных костей животных, которых представлено 59 экземпляров. Ряд подвесок, как, например, костыльки и якорьки, ложки и копоушки, имели и утилитарное значение. Разнообразные функции зачастую настолько тесно переплетаются в одном предмете, что их сложно разграничить. Поэтому решено все предметы, объединяющим признаком которых является наличие приспособления для подвешивания в костюме, отнести к категории подвесок и привесок (исключение составляют только гребни и биметаллические кресала, рассматривающиеся в соответствующих разделах).

Группа 1 – УМБОНОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ (31 экз., рис.186; цв вкл. Ж/5, О/8). Их особенностью является то, что основа состоит из одного, двух, трех или пяти умбонов – выпуклых конусов, поверхность которых покрыта спиралевидным орнаментом или плотными рядами концентрических кругов.

Тип 1 – в центре основы – один крупный умбон, обрамленный треугольными лучами, украшенными псевдозернью (21 экз., рис.186/1-8). Как показывают материалы Рождественского могильника, такие подвески использовались, главным образом, для украшения поясных сумочек. Крепились они с помощью петли, расположенной на оборотной стороне подвески, сквозь которую продевался ремешок. В некоторых случаях на один ремешок нанизывалось 2-3 подвески.

Подтип 1.1 – шумящие, в нижней части основы имеют петли для крепления привесок в виде лапок водоплавающих птиц, которые присоединялись к основе с помощью одного звена простой цепочки (19 экз., рис.186/1-6).

Вариант 1 – подвески небольшого размера (диаметром до 2 см) с тремя петлями для привесок и пятью гладкими треугольными лучами в верхней части основы (2 экз., рис.186/1).

Вариант 2 – подвески средних размеров (диаметром до 2,5 см) с тремя петлями для привесок и шестью треугольными лучами с псевдозернью в верхней части основы (13 экз., рис.186/2-4).

Вариант 3 – крупные подвески (диаметром до 3,5 см) с пятью петлями для привесок и 8-ю треугольными лучами с псевдозернью в верхней части основы (4 экз., рис.186/5-6).

Подтип 1.2 – нешумящие (2 экз., рис.186/7-8).

Вариант 1 – крупная подвеска (диаметром 3,2 см) с основой в виде крупного умбона, обрамленного со всех сторон 8 треугольными лучами с псевдозернью (1 экз., рис.186/7; цв. вкл. Ж/10).

Вариант 2 – фрагмент крупной подвески (диаметром 2,8 см), имитирующей умбоновидную (1 экз., рис.186/8): основа в виде слабовыпуклой пластины, в центре которой круг с плотной спиралью, по внешнему краю – небольшие колечки. Крепление, как и у умбоновидных подвесок – в виде петли на оборотной стороне основы.

Умбоновидные подвески 1 типа начали распространяться в Пермском Предуралье и на Чепце с IX в. [Голдина, Кананин 1989, рис.70/29; Иванов 1998, рис.19/15; Семенов 1985, рис.4/5,7,8-10], но наиболее массово встречаются в X-XI веках По мнению В.А. Оборина, этот тип украшений, не имеющий прототипов в раннеломоватовских древностях, является не местным по происхождению. Более ранние плоские прототипы таких подвесок известны в могильниках Марийского Поволжья, где они служили украшением обуви [Оборин 1970, с.23].

В Пермском Предуралье такие подвески широко представлены, например, на городищах Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) и Саламатовском (раскопки А.М. Белавина), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подобные подвески известны также на вымских могильниках X – XI вв. [Савельева 1968, табл.II/3,IV/27; Савельева 1987, рис.30/19,23,27-28], на могильниках Марийского Поволжья IX-XI вв. [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.183, рис.10/19]. Единичные экземпляры встречаются в Волжской Булгарии [Валиуллина 1999, рис.1/2; Руденко 2004, рис.2/26, 42, 43].

Тип 2 – основа подвески состоит из двух горизонтально расположенных умбонов (4 экз., рис.186/9-12).

Подтип 2.1 – в нижней части основы – две петли для привесок, петля для крепления подвески оформлена в виде арки, концы которой, расширяющиеся книзу, украшены горизонтальными "поясками" (1 экз., рис.186/9).

Подтип 2.2 – в нижней части основы три крупных кольцевидных петли для привесок, петля для крепления подвески подтреугольной формы. По бокам подвески – два треугольных выступа (1 экз., рис.186/10).

Подобная подвеска, но с более богатой орнаментацией, известна на Омутницком могильнике IX-XII веков [Семенов 1985, рис.4/12].

Подтип 2.3 – в нижней части основы – три небольших кольцевидных петли для привесок-лапок, прикрепленных с помощью одного звена простой цепочки; петля для крепления подвески в виде горизонтального овала (1 экз., рис.186/11).

Подтип 2.4 – в нижней части подвески – три полукруглые петли для привесок, которые первоначально, вероятно, представляли собой литые бубенчики, оформленные в верхней части щитком как у щитковых звеньев цепочек; впоследствии утраченная центральная привеска была заменена привеской-лапкой (1 экз., рис.186/12). Между петлями привесок и вокруг умбонов – "лучики" из треугольников псевдозерни, петля для крепления подвески каплевидной формы с двумя припаянными шариками зерни сбоку.

Аналогичные подвески найдены на городище Иднакар [Иванова 1998, рис.57/21], на Верхней Каме [Голдина,Кананин 1989, рис.72/15], в марийских могильниках Выжумском III и Нижняя Стрелка [Архипов 1986, рис.25/7; Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.183, рис.10/18], в Биляре [Руденко 2004, рис.2/41].

В целом подвески 2 типа (т. н. "очковидные" с петелькой) широко пред-

ставлены в составе финно-угорских древностей северной части Восточной Европы, но преобладают на памятниках Пермского Предуралья и р. Чепцы. Довольно широко такие подвески использовались в костюме костромских финнов и у марийцев IX-XI вв. [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.51, рис.10/10,24,25; с.183, рис.10/17,18]. Наиболее ранние их варианты датируются IX в., основная часть относится уже к началу II тыс. н.э. [Иванов 1998, с.70], главным образом, к X в. [Голдина, Кананин 1989, рис.71/16]. Подвески подтипа 2.4 более поздние – XI-XII веков [Голдина, Кананин 1989, рис.72/15].

Тип 3 – основа состоит из трех небольших умбонов, размещенных в виде треугольника, направленного вершиной вверх (4 экз., рис.186/14-17).

Подтип 3.1 – с двумя петлями для привесок, петли для крепления подвесок – кольцевидной формы (2 экз., рис.186/14-15).

Вариант 1 – подвеска без дополнительных украшений, привески – литые бубенчики с одной прорезью, удлиненная шейка которых покрыта гладкими и с прямыми насечками "поясками" (1 экз., рис.186/14).

Вариант 2 – в местах соединения умбонов – шарики псевдозерни. Несохранившиеся привески крепились с помощью щитковых цепочек (1 экз., рис.186/15).

Подтип 3.2 – с тремя петлями для привесок, петли для крепления подвесок – кольцевидной формы (2 экз., рис.186/16-17).

Вариант 1 – по бокам в месте соединения умбонов – треугольники псевдозерни, один шарик зерни припаян к петле для крепления подвески. Привески в виде шаровидных бубенчиков с одной прорезью, украшенных двумя "поясками" с косыми насечками, крепятся к основе с помощью одного звена щитковой цепочки (1 экз., рис.186/16).

Вариант 2 – в местах соединения умбонов – шарики псевдозерни; умбоны украшены "поясками" с насечками (1 экз., рис.186/17).

Тип 4 – основа состоит из пяти умбонов, расположенных в виде треугольника, обращенного вершиной вверх (1 экз., рис.186/18). Привески крепились с помощью щитковых цепочек.

Наиболее ранние формы треугольных подвесок, составленных из спиральных кружков, появились еще в булгаро-салтовских древностях VIII-IX веков [Казаков 1992, рис.13/33]. Подобные подвески были распространены на памятниках Пермского Предуралья и р. Чепцы IX-XI веков [Иванов 1998, с.98]. В Пермском Предуралье эти подвески наиболее широко представлены на таких памятниках, как Мало-Аниковский (коллекция ЧКМ), Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) могильниках, городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Они находят многочисленные аналогии в поволжско-финских материалах с V-VI по XII-XIII вв. [Архипов 1973, рис.23/16-17; Горюнова 1961, рис.22/4, 39/3, 42/2; Иванов 1952, табл.VI/7; Розенфельд 1982, рис.7/12-19, 8/1, 3,13-14, 9/30, 33, 10/7-8; Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.185, рис.12/15]. В XI-XII вв. подвески данных типов получили также широкое распространение в юго-восточном Приладожье и Прионежье, у води, веси, перми вычегодской [Кочкуркина 1989, с.277, рис.90/9; Голубева, Кочкуркина 1991, рис.38/21-22; Финно-угры и балты 1987, табл.X/7, XVII/12, LVII/5; Савельева 1987, рис.30/24-26], известны в Волжской Болгарии [Генинг,Халиков 1964, табл.XVI/1; Руденко 2004, рис.4/4-5], в Приобье [Чернецов 1957, табл.XLI/1,4], в Финляндии [Мей-

нандер 1979, рис.13].

Подвески 3-4 типов из Рождественского археологического комплекса, судя по особенностям оформления и наличию щитковых цепочек, распространяются с середины XI века.

Тип 5 – основа подвески состоит из пяти маленьких сильно выпуклых умбонов с шариками на концах; по бокам подвески в местах соединения умбонов – шарики псевдозерни; в нижней части основы – три петли для привесок, петля для крепления подвески оформлена в виде треугольника, повернутого вниз вершиной (1 экз., рис.186/13).

Группа 2 – БИКОНЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ (25 экз., рис.187; цв. вкл. Ж/9, О/8). Основу подвесок составляют две конские головки на длинных изогнутых шеях, развернутые в противоположные стороны.

Подгруппа 1 – нешумящие (2 экз., рис.187/1, рис.194/23).

Тип 1 – (1 экз., рис.187/1). Фрагмент подвески, который по характерным особенностям оформления головок коней и орнаментации хорошо соотносится с известными нешумящими коньковыми подвесками, которые Л.А. Голубева отнесла к IV типу, I варианту, и датировала концом VIII – серединой IX века [Голубева 1966, с.92]. Массивные головы коней с ушами, обозначенными треугольниками, выделенными глазами и ноздрями, сливаются с основой. Между шеями коней внизу – треугольное отверстие. Основа (судя по известным целым экземплярам) завершается тремя крупными кругами, внизу каждого из которых – по три грозди из мелких кружков. Орнаментация в виде полос с прямыми насечками. Петля для крепления подвески в виде сильно выступающей арки с небольшим круглым отверстием, под которым – треугольник псевдозерни. Подобные подвески известны на Кудымкарском могильнике VIII-IX вв. [Оборин 1970, с.16], Большетиганском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.22/7], Стерлитамакском могильнике Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.50/16]. Интересно, что подобные подвески со слегка измененной орнаментацией встречаются в Западной Сибири в материалах XII-XIII веков [Угорское наследие 1994, № 296].

Тип 2 – (1 экз., рис.194/23) подвеска с реалистично выполненными головами коней, сливающимися с основой, обозначены глаза, насечками показана грива. В центре основы – две прорези в виде треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Петля для крепления подвески, размещенная между шеями коньков, оформлена в виде арки с овальным отверстием. Нижняя часть подвески, отделенная зигзагообразной линией, покрыта вертикальными желобками и имитирует зубья гребня.

Подобные подвески на территории Пермского Предуралья известны у с. Пятигорье, в Мелехинском, Мало-Аниковском [Голубева 1979, с.60-61], Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) могильниках. По мнению Л.А. Голубевой, они датируются второй половиной IX — первой половиной X века. Встречены подобные подвески и на раннебулгарском Танкеевском могильнике, в Биляре и Булгаре [Казаков 1992, рис.65/11; рис.79/27-28; Руденко 2004, рис.2/57-58].

Подгруппа 2 – шумящие (23 экз., рис.187/2-17). В нижней части основы имеют отверстия или петли для привесок.

Тип 1 – подвески небольшого размера с тремя отверстиями для привесок внизу основы, головы коней стилизованные, без обозначения деталей, не

соединяются с основой. Без прорези в центре основы (4 экз., рис.187/2-4).

Подтип 1.1 – неорнаментированные. Петля для крепления подвески оформлена в виде слабо выступающей арки с круглым отверстием, размещенной между шеями коньков (2 экз., рис.187/3-4).

Подтип 1.2 – шеи коньков выполнены в виде слабовыпуклых валиков с горизонтальными насечками. Между головами коней – отверстие для крепления подвески, оформленное в виде кольца (2 экз., рис.187/2). У одного экземпляра сохранились привески-лапки, присоединенные к основе с помощью одинарных звеньев простой цепочки.

Подобные подвески, но с круглой прорезью в центре основы, имеются в материалах Большетиганского могильника IX-X веков [Казаков 1992, рис.21/77].

Тип 2 – подвески, имеющие в центре основы прорези в виде двух треугольников, обращенных друг к другу вершинами (2 экз., рис.187/5-6). Петли для крепления подвесок оформлены в виде колечек.

Подтип 2.1 – головки коней реалистичные, с обозначением глаз, насечками показана грива, по бокам от центральных прорезей также насечки (1 экз., рис.187/5). Из-за отсутствия нижней части подвески сложно сказать, сколько было привесок и соединялись ли морды коней с основой.

Подтип 2.2 – головы коньков более стилизованные, грива обозначена насечками, центральные прорези обрамлены линиями псевдозерни (1 экз., рис.187/6). В нижней части основы 5 отверстий для привесок с сохранившимися простыми цепочками из пяти звеньев.

По Оборину, такие подвески появляются в поздних погребениях Урьинского, Деменковского, Харинского, Мальцевского могильников IX в., а в X в. получают наибольшее распространение [Оборин 1970, с.16-17].

Тип 3 – подвески, имеющие в центре основы прорези в виде соединения двух обращенных друг к другу вершинами треугольников или круга и треугольника (в виде "замочной скважины") (16 экз., рис.187/7-16).

Подтип 3.1 – пространство вокруг центральной прорези ограничено вертикальными и горизонтальными линиями с псевдозернью (6 экз., рис.187/7-9).

Вариант 1 – (2 экз., рис.187/7) относительно реалистичные головы коней не соединены с основой, гривы обозначены короткими валиками, ограниченными гладкой полосой, проходящей вдоль шей коньков, пространство под этой полосой покрыто насечками. Сверху и снизу от центральной прорези – горизонтальные ряды псевдозерни, нижняя часть основы отделена гладкой горизонтальной линией. Внизу основы – 6 колечек для привесок-колокольчиков, присоединенных к основе на простых цепочках. Петля для крепления подвески оформлена в виде невысокой арки с круглым отверстием, помещенной между шеями коньков.

Вариант 2 – (1 экз., рис.187/8) реалистичные головки коней с глазами в виде кружков, гривами, обозначенными насечками, соединены с основой короткими стержнями. Прорезь в виде "замочной скважины" оконтурена дополнительной линией, по бокам от нее – две вертикальные полосы с псевдозернью. Нижняя часть основы, отделенная орнаментальной полосой псевдозерни, имеет 6 отверстий для привесок-лапок, прикрепленных на простых цепочках. Петля для крепления подвески оформлено в виде арки с круглым отверстием.

Вариант 3 – (3 экз., рис.187/9) реалистичные головки коней с обозна-

ченными глазами и гривами, соединены с основой короткими стерженьками с насечками. Отверстие в центре оконтурено дополнительной линией и заключено в прямоугольник из линий псевдозерни. Нижняя часть основы, отделенная рядом псевдозерни, имеет 6 отверстий для привесок-лапок, присоединенных на простых цепочках. Петля для крепления подвески в виде трапециевидного выступа с круглым отверстием.

Подтип 3.2 – реалистичные головки коней с обозначенными глазами и гривами. По бокам от центральной прорези – орнамент в виде прямой решетки. Нижняя часть подвески, отделенная горизонтальной полосой с прямыми насечками, имеет 6 отверстий для привесок (6 экз., рис.187/10-13).

Вариант 1 – головы коньков не соединены с основой. Петля для крепления подвески в виде слабо выступающей арки с подтреугольным отверстием. Привески-колокольчики присоединены на простых цепочках. Сохранившиеся два колокольчика разные, вероятно заменялись взамен утраченных. Один более ранний – гладкий конусовидный, другой более поздний – цилиндрический с трубчатой шейкой, украшенный по шейке и по нижнему краю гладкими "поясками" (1 экз., рис.187/10).

Вариант 2 – головки коней соединяются непосредственно с основой. Петля для крепления подвески оформлена в виде арки с овальным отверстием (2 экз., рис.187/12).

Вариант 3 – головки коней соединяются с основой с помощью коротких стерженьков. Петля для крепления подвески подтрапециевидной формы с круглым отверстием. Сохранившиеся привески на одном экземпляре – гладкие конусовидные колокольчики со вздутием при переходе к кольцу, и лапки, присоединенные к основе с помощью простых цепочек (рис.187/11, 13).

На территории Пермского Предуралья подвески данного подтипа встречены на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц). Такие подвески известны и в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.V/2], на городище Иднакар [Иванова 1998, рис.55/32], в Биляре и Болгаре [Руденко 2004, рис.2/51-53,55, рис.4/3].

Подтип 3.3 – центральное отверстие в виде "замочной скважины" оконтурено орнаментальной полосой псевдозерни (3 экз., рис.187/14-16).

Вариант 1 – фрагмент верхней части подвески: реалистичная головка с обозначением глаз и гривы. Орнаментальная полоса вокруг центрального отверстия оконтурена двойной линией, внутри полосы редко расположенные шарики псевдозерни. Петля для крепления подвески в виде выступающей арки с круглым отверстием (1 экз., рис.187/14).

Подобная подвеска с Аверинского могильника датируется XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/23], аналогичная подвеска встречена на территории КПАО (коллекция КПОКМ, № 150).

Известны такие подвески и в булгарских древностях [Казаков 1992, рис.79/24], в Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.4/19], на Барсовой горе [Барсова гора 2002, рис.34]. В материалах Западной Сибири аналогичные подвески датируются XIII-XIV вв. [Угорское наследие 1994, № 294].

Вариант 2 – относительно реалистичные головы коньков соединены с основой стерженьками, украшенными насечками. Орнаментальная полоса псевдозерни оконтуривает центральное отверстие по бокам и снизу.

В нижней части подвески – 6 овальных отверстий для привесок. Петля для крепления подвески оформлена в виде стилизованной головы человека с круглым отверстием вверху (1 экз., рис.187/15).

Вариант 3 – головы коньков реалистичные, с тщательно проработанными глазами и ушами, обозначенной гривой. Орнаментальная полоса, окружающая центральное отверстие по бокам и снизу, ограничена двойной линией, внутри полосы — редко расположенные шарики зерни. В нижней части подвески, отделенной линией псевдозерни, 6 овальных отверстий для привесок, крепившихся на простых цепочках. Петля для крепления подвески оформлена в виде головы человека с круглым отверстием наверху, с реалистичным изображением личины (1 экз., рис.187/16).

Биконьковые подвески типа 3 имели массовое распространение на территории Пермского Предуралья. Они представлены на Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина), в нижнем слое городища Анюшкар, датированном монетой X в., на Кудымкарском городище. Этот тип продолжает бытовать на протяжении XI в., в частности, именно в это время встречаются подвески подтипа 3.3 вариантов 2-3 с изображением человеческой личины между шеями коньков [Оборин 1970, с.17]. Реже подвески 3 типа встречаются на соседних территориях: на памятниках Волжской Болгарии [Казаков 1992, рис.64/12, 79/22-25, 80/14; Руденко 2004, рис.4/2], в Вотчинском и Усть-Сысольском могильниках на Вычегде [Истомина 1999, рис.11/6; Королев 1997, рис.43/4], в Юго-Восточном Приладожье [Седов 1982, табл. LVIII/4], на могильниках Барсов городок [Голубева 1966, с.88, рис.7/14,16], Пылаевском [Кутаков, Старков 1997, рис.15], на святилище Вороний Камень в Зауралье [Мищенко 2001, рис.2/18].

В целом цельнолитые реалистичные биконьковые подвески В.А. Оборин считает характерной особенностью украшения женского костюма в родановской культуре [Оборин 1970, с.18-19]. Подобного рода подвески встречаются на обширной территории, как это показано Л.А. Голубевой [Голубева 1962, с.60, рис.5]. Однако в Пермском Предуралье они являются наиболее массовыми, подтверждением чему являются и материалы Рождественского комплекса, где биконьковые подвески составляют 10,2 % всех подвесок.

Тип 4 – (1 экз., рис.187/17) сильно стилизованная подвеска, основа которой состоит из круглого стержня, согнутого в виде прямоугольной рамки, конца стержня отогнуты, образуя "головки", на которых зернышками псевдозерни обозначены уши. По внешнему краю рамки – украшение из треугольников псевдозерни. В нижней части основы – 3 кольца для привесок, между кольцами – треугольники псевдозерни. Привески в виде гладких конусовидных колокольчиков крепятся на щитковых цепочках. Петля для крепления подвески оформлена в виде круглого кольца.

Подобные подвески типичны для поломско-чепецких древностей X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.55/17], встречены также на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/10]. В Пермском Предуралье подвески подобного типа известны на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Группа 3 – АРОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ (8 экз., рис.188/1-8; цв. вкл. Ж/4, О/8).

Тип 1 – небольшая арочная подвеска со слегка расширенной нижней частью основы, в которой имеются три отверстия для привесок, крепив-

шихся на простых цепочках. Основа украшена пятью выпуклостями, расположенными в форме трапеции. По внешнему краю подвески бордюр в виде валика с насечками, нижняя часть основы отделена двумя рядами псевдозерни (1 экз., рис.188/8).

Тип 2 – подвески в форме полуовала, литые из золотистой или белой бронзы, выполнены в технике имитации косоплетки, характерной для древностей поволжских и пермских финнов. На территории Прикамья такие подвески, как и предшествующие им ажурные арочные подвески прикамского типа с изображением ростка, использовались в качестве накосников. Такие подвески снабжались отверстием сбоку на основе, предназначенным для шнурка или цепочки, соединяющей косы. Привесками служили шаровидные бубенчики или колокольчики, сплошь покрытые "поясками" гладкими и с насечками, которые крепились на щитковых цепочках.

Подтип 2.1 — подвески оконтурены широким валиком, имитирующим плотно оплетенный проволокой каркас; внутри этой "рамки" — композиция из трех небольших умбонов со спиралевидным орнаментом, расположенных в форме треугольника (4 экз., рис.188/1-4).

Вариант 1 – с четырьмя кольцами для привесок (1 экз., рис.188/1). Внешний край основы обрамлен бордюром из ложной зерни.

Вариант 2 – с тремя кольцами для привесок (3 экз., рис.188/2-4). По внешнему краю обрамлены псевдовитым бордюром.

Аналогичные подвески на территории Пермского Предуралья встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), на верхнекамских могильниках [Голдина, Кананин 1989, рис.51/15], на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Антыбарском могильнике (раскопки Г.Т. Ленц), селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина). Известны подобные подвески также в Посурье [Белорыбкин 2001, с.49], на Чепце [Иванов 1998, рис.32/5].

Подтип 2.2 – нижняя часть подвески с тремя кольцами для привесок отделена от основы широким валиком, имитирующим оплетенный проволокой стержень; в центре подобным полукруглым валиком выделена композиция из полушарных выпуклостей, которая обрамлена "лучами" из коротких "перевитых" валиков (3 экз., рис.188/5-7).

Вариант 1 – центральная композиция в виде трех выпуклостей с концентрическими кругами (1 экз., рис.188/5).

Вариант 2 – в центре – одна полушарная выпуклость (2 экз., рис.188/6-7).

Самая ранняя арочная подвеска с непрорезной основой, подобная подвескам из Рождественского археологического комплекса, найдена на Лаврятском городище и датируется В.А. Обориным XI в. [Оборин 1970, с.21]. Такие подвески были распространены на поздних средневековых памятниках Пермского Предуралья (городище Анюшкар, Кудымкарском городище). По материалам верхнекамских могильников арочные подвески 2 типа датируются XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/12,20].

Подобные арочные подвески известны в Болгаре [Руденко 2004, рис.4/8], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. и Озельском могильнике рубежа XII-XIII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/13; Кленов 1999, рис.3/8-9], на вымских могильниках в материалах XI-XIV вв. [Савельева

1987, рис.31/5-11, 45; Савельева, Королев 1990, рис.12/1, 3], в могильниках Юганского Приобья (тип 38, варианты 2, 4, 6 по В.И. Семеновой) [Семенова 2001, табл.47], единичные экземпляры встречены на Ортинском городище на р. Печоре [Овсянников 1997, табл.I/4].

Группа 4 – КРУГЛЫЕ ПОДВЕСКИ (7 экз., рис.188/10-15, рис.189/2).

Подгруппа 1 – нешумящие (6 экз., рис.188/10-15).

Тип 1 – подвески, украшенные в центре круглой вставкой, сканью и треугольниками зерни (2 экз., рис.188/10, 11).

Подтип 1.1 – (1 экз., рис.188/10) серебряная подвеска с позолоченным фоном, в центре – круглый шатон для вставки, обрамленный сканью, по контуру – три пояса скани, остальное пространство занято 10-ю треугольниками зерни, ориентированными вершинами к центру. Подвеска была напаяна на медную основу с ушком, от которой сохранился тлен.

Аналогичная подвеска известна на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/5]. В целом скано-зерневые серебряные круглые подвески со звездчатым орнаментом из треугольников зерни находят аналогии на круглых подвесках и металлических матрицах для их изготовления из Булгарии [Валеев 1969, табл.32/13; Культура Биляра 1985, табл. XXXVII/3].

Подтип 1.2 – (1 экз., рис.188/11) – цельнолитая подвеска из золотистой бронзы с ушком, имитирующая вышеописанную ювелирную серебряную подвеску: в центре – имитация круглой вставки, от которой в стороны расходятся три треугольника псевдозерни, край подвески обрамлен псевдосканью, у бордюра – три треугольника псевдозерни, ориентированные к центру.

Аналогичная подвеска найдена в Омутницком могильнике XI-XIII вв. на территории Удмуртии [Иванов 1998, рис.63/5; Семенов 1985, рис.4/29]. Бронзовая подвеска, близкая по типу, встречена также в погр. №10 Починковского марийского могильника XII-XIII вв. [Архипов 1986, с.39, рис.24/12].

Тип 2 – монетовидные подвески (9 экз., рис.188/12-14, 19).

Подтип 2.1 — тонкие круглые серебряные пластины диаметром 2,3-3 см с тисненым розетковидным орнаментом. Пластины припаивались на медную основу с ушком, на манер того, как в период VIII-X вв. крепились восточные серебряные монеты, использующиеся местным населением в качестве подвесок.

Вариант 1 – фрагмент монетовидной подвески с изображением в центре цветка с листовидными лепестками, между лепестками – радиальные лучи. Край подвески обрамлен тройной гладкой линией (1 экз., рис.188/12).

Вариант 2 – в центре цветок с округлыми лепестками. Центр цветка в виде кружка с радиальными лучами, в каждом лепестке – концентрические кружки. Подвеска обрамлена каймой в виде полосы с насечками (1 экз., рис.188/13).

Вариант 3 – в центре кружок, обрамленный линией псевдозерни; от центра радиально расходятся чередующиеся лучи из рядов псевдозерни и выпуклые подтреугольные лепестки. Подвеска обрамлена псевдозернью (1 экз., рис.188/14).

Подобные подвески известны как на территории Пермского Предуралья, так и на р. Чепце в материалах X-XI вв. [Семенов 1980, табл. VI/15].

Подтип 2.2 – круглые крупные (диаметром 3,5-5 см) серебряные

пластины с двумя отверстиями для крепления, на манер того, как крепились серебряные монеты второй половины X – первой половины XI вв. (6 экз., рис.188/19; цв. вкл. Р/1-2).

Аналогичные монетовидные подвески известны на городище Иднакар [Иванова 1998, рис./55/27], в марийских древностях XII-XIII веков [Архипов 1986, рис.22/27].

Тип 3 – круглая подвеска из низкокачественного серебра с изображением рыцаря в длинной одежде с зубчатым подолом, перетянутой поясом. Волнистые полоски на одежде свидетельствуют о том, что это, вероятно, доспех. В правой руке рыцаря копье, в левой – миндалевидный орнаментированный щит. По краю подвески – кайма из кружочков и псевдозерни (1 экз., рис.188/15; цв. вкл. Н/2).

Аналогичная подвеска "Федор-воин" известна в материалах Золотаревского поселения в Посурье [Белорыбкин 2001, с.23, рис.11/8] и в материалах XIV в. из Полоцка.

Тип 4 — фрагмент круглой литой бронзовой подвески с рельефным растительным орнаментом (1 экз., рис.188/16).

Подобные подвески встречены на памятниках корелы [Кочкуркина 1981, табл.22/13, 25/2-3].

Подгруппа 2 – шумящая круглая подвеска – лицевая пластина медальона-коробочки (1 экз., рис.189/2) с 6 петлями для привесок в нижней части основы. В круг основы, обрамленной валиком с косыми насечками, вписана композиция из животных и птиц. Центральная фигура композиции – шагающий лось с ветвистыми рогами. На спине лося – крупная хищная птица (орел?) с раскрытыми крыльями. Над головами лося и орла – три водоплавающие птицы, выстроившиеся друг за другом. Перед передними ногами лося – хищная птица (сокол?). За лосем следуют два пушных зверька.

Шумящие медальоны-коробочки получили широкое распространение в Пермском Предуралье в IX – начале XI века. Их ранние прототипы в виде гладких нешумящих коробочек на цепочках появились еще в ломоватовских памятниках VI-VII веков. Для памятников IX-XI вв. характерны шумящие медальоны-коробочки с орнаментацией из насечек, кружков, овалов или зооморфных композиций [Оборин 1970, с.22]. Композиция оформления лицевой пластины, представленная на рождественском медальоне, достаточно редкая. Аналогичные предметы встречены в Пермском Предуралье на Редикарском могильнике [Крыласова 2007, рис.119/24-26].

Группа 5 – КОЛЬЦЕВИДНЫЕ ШУМЯЩИЕ ПОДВЕСКИ (2 экз., рис.188/9, рис.189/6).

Тип 1 – подвеска в виде кольца, украшенного насечками. Вверху арочная петля с круглым отверстием для крепления подвески, внизу – 4 кольцевидные петли для привесок, ориентированные перпендикулярно к плоскости подвески (1 экз., рис.189/6).

Подобные подвески известны еще в болгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/27].

Тип 2 – подвеска, основа которого состоит из широкого валика с имитацией оплетки проволокой, вокруг – узкий гладкий валик (рис.188/9). В центральной части кольца – три треугольника псевдозерни, ориентированные вершинами к центру, по контуру кольца – треугольные лучики с имитацией зерни. Кольцевидная петля для крепления подвески ориентирована перпен-

дикулярно к ее плоскости. В нижней части основы – три круглые петли, расположенные не по центру, а со сдвигом на один бок. Такое размещение петель обусловлено, вероятно, тем, что две петли служили для крепления привесок, а крайняя боковая — для цепочки, соединяющей косы.

Аналогичная подвеска найдена в междумогильном пространстве Огурдинского могильника в Пермском Предуралье (раскопки Н.Б. Крыласовой), подобная известна также в могильнике у Барсова городка в Приобье [Барсова гора 2002, рис.27].

Группа 6 – КОЛЕСОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ (5 экз., рис.189/1, 3-4).

Тип 1 – ажурная подвеска в виде колеса, внутри которого 5 колец, расположенных в форме прямого креста (1 экз., рис.189/1).

Подобные подвески известны в булгарских древностях, где по материалам Танкеевского могильника они датируются рубежом IX-X вв. [Казаков 1992, рис.70/16-18, 95/52], в бассейне р. Чепцы [Первухин 1896, табл. XXII]. Е.П. Казаков относит их к категории культовых предметов, т.к. большинство исследователей склонны видеть в них солярные символы [Казаков 1992, с.200], однако, как указывает автор, у сибирских народов еще до недавнего времени подобные подвески применялись как амулеты от болезней сердца [Казаков 1984, с.152-153].

Тип 2 – ажурные подвески в виде "штурвала" (4 экз., рис.189/3-4). В центре небольшая выпуклость, от которой расходятся 4 коротких стерженька, образующие прямой крест. Вокруг плоскость с тремя концентрическими кругами, от которой в стороны расходятся 6 округлых выступов; в верхнем – отверстие для крепления подвески.

Подтип 2.1 – концентрические круги на плоскости покрыты насечками (2 экз., рис.189/3).

Подтип 2.2 – насечками покрыт только внешний круг, выпуклость в центре квадратная с кружком посередине (2 экз., рис.189/4).

Колесовидные подвески 2 типа широко распространились в Пермском Предуралье с VIII в. [Голдина, Кананин 1989, рис.60/15]. Р.Д. Голдина относит их к группе наиболее типичных предметов деменковской стадии ломоватовской культуры конца VII-VIII веков [Голдина 1985, с.129]. Такие подвески встречены, например, на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц), могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина).

Группа 7 – ЛУННИЦЫ (2 экз., рис.188/17, рис.189/5).

Тип 1 – в центре – реалистичное изображение человеческой личины, от которой расходятся два полукруглых "рога", украшенных по краям бордюром с косыми насечками (1 экз., рис.189/5).

Подвески-лунницы данного типа появляются в Пермском Предуралье на деменковской стадии ломоватовской культуры в конце VII-VIII вв. [Голдина 1985, с.129].

Тип 2 – (1 экз., рис.188/17) фрагмент литой подвески из золотистой бронзы с имитацией скани: по контуру – "косички" из двух рядов "скани", от центра радиально расходятся лучи, ограниченные еще одним рядом скани. Вдоль внешнего бордюра – редко расположенные крупные зерна "зерни". На концах "рогов" лунницы – имитация вставок, обрамленных "сканью".

Данная лунница, вероятно, является предметом русского импорта. В. Гольмстен отмечала, что большинство лунниц происходит из западной половины России, из курганов с характерными славянскими вещами,

а в финских могильниках они являлись исключением и попадали туда под влиянием славян [Гольмстен 1914, с.98].

Группа 8 – ПЛАНЧАТЫЕ ШУМЯЩИЕ ПОДВЕСКИ (3 экз., рис.189/7, 9, 13).

Тип 1 – фрагмент подвески в виде длинной узкой горизонтальной подпрямоугольной планки с рубчатым орнаментом в виде "елочки", снабженной в нижней части основы круглыми отверстиями для привесок (сохранилось 8 отверстий) (1 экз., рис.189/7). На обороте основы – петли для крепления подвески.

Наиболее ранние подвески такого типа встречаются в Пермском Предуралье еще на деменковской стадии ломоватовской культуры в конце VII-VIII вв. [Голдина 1985, рис.16/91].

Тип 2 – маленькая горизонтальная подпрямоугольная подвеска с двумя петлями для подвешивания в верхних углах и четырьмя отверстиями для привесок внизу основы. Нижняя часть основы отделена рядом маленьких цилиндрических выступов (1 экз., рис.189/13).

Тип 3 – подвеска в виде вертикальной подпрямоугольной планки, украшенной полушарными выпуклостями, сгруппированными в три ромба, выстроенные в ряд; по бокам подвески – по три кольцевидные петли для привесок-лапок, прикрепленных с помощью одного звена щитковой цепочки (1 экз., рис.189/9; цв. вкл. Ж/6). На обороте основы – петли для крепления подвески. Подобная подвеска известна в материалах Биляра [Руденко 2004, рис.2/45].

Группа 9 – ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ШУМЯЩАЯ ПОДВЕСКА-ПРОНИЗКА (1 экз., рис.189/8). Подвеска в виде горизонтальной трубчатой пронизки, имитирующей спиралевидную, с тремя кольцевидными петлями для привесок-лапок, прикрепленных с помощью одного звена щитковой цепочки. По верхнему краю – три выступа в виде треугольников псевдозерни.

Подобные подвески, которые, по мнению Л.А. Голубевой, использовались в качестве игольников, появились еще в болгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/35], и получили распространение в Пермском Предуралье с IX века [Голдина, Кананин 1989, рис.70/31]. Встречаются в поломско-чепецких памятниках VIII-XII вв. [Иванов 1998, рис.59/5-8], в материалах Белоозера до середины XI века [Захаров 2004, рис.70/5, 262/38]. По мнению Е.П. Казакова, шумящие подвески с трубчатыми щитками наиболее характерны для мордовских, муромских и мерянских древностей X – первой половины XI вв., а на памятниках Марийского Поволжья и на Верхней Каме они фиксируются значительно реже [Казаков 1992, с.182].

Группа 10 – ОРНИТОМОРФНЫЕ ПЛОСКИЕ ПОДВЕСКИ (3 экз., рис.189/10-12).

Подгруппа 1 – нешумящие (2 экз., рис.189/10-11).

Тип 1 – крупная плоская подвеска в виде плывущей птицы с длинной шеей, украшенной орнаментом в виде "елочки"; дугообразной линией выделено крыло, обрамленное вертикальной линией псевдозерни, с обозначением перьев; голова завершается звериной мордой с округлым носом с обозначением ноздрей и закрытой пастью (1 экз., рис.189/10). На спине – арочная петля с круглым отверстием для крепления подвески.

Среди разнообразия плоских птицевидных подвесок на Русском Севере

отсутствуют более или менее похожие на рождественскую. Исключение составляют подвески в виде одноглавых птиц типа IV из Белоозера [Захаров 2004, рис.67/11]. Сходные по форме и орнаментации подвески известны в Приобье, например, в Барсовом городке [Барсова гора 2002, рис.20,37].

Тип 2 – небольшая плоская подвеска в виде петушка с веерным хвостом, на котором обозначены перья, с длинной шеей, небольшой головой с выступом, имитирующим гребешок; под шеей – орнаментальная полоса с косыми насечками (1 экз., рис.189/11). В центре туловища – круглое отверстие для крепления подвески.

Подгруппа 2 – шумящая (1 экз., рис.189/12) плоская подвеска в виде плывущей водоплавающей птицы. По контуру подвески – невысокий рельефный валик, рельефными полосками покрыты хвост и шея, небольшой выпуклостью обозначен глаз. В нижней части основы – две петли для привесок-лапок, на спине – арочная петля для крепления подвески. По Л.А. Голубевой, эта подвеска относится к категории "плоских подвесок с рельефным литым орнаментом и шумящими привесками", которые являются наиболее характерными для Костромского, Ивановского и Кинешемского Поволжья, где, очевидно, их и производили и откуда они распространялись по Волжскому торговому пути в область мари, удмуртов, Волжскую Булгарию и Прикамье [Голубева 1979, с.23].

В могильниках юго-восточного Приладожья и Прионежья пластинчатые подвески в виде гуся или утки появляются в материалах X – начала XI в., но наибольший их расцвет приходится на более позднее время [Кочкуркина 1989, с.266, рис.83/13]. Рождественская уточка (рис.189/12), судя по привескам, не может быть датирована позднее середины XI века. Подобные подвески-птички известны в материалах поломско-чепецких памятников XI-XIII вв. [Иванов 1998, рис.57/3-6], в марийских могильниках XII-XIII вв. [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.185, рис.12/7].

По классификации Е.А. Рябинина, орнитоморфные подвески Рождественского археологического комплекса могут быть отнесены к группе 1 "пластинчатых изображений одноголовых птиц", типу V "птицевидных подвесок без ажурных прорезей". Большинство таких подвесок, по его мнению, происходит из северных славяно-чудских областей древнерусского государства, а за его пределами – с территории Прикамья [Рябинин 1981, с.18-19]. Временем появления таких подвесок считается XII в., наибольшее распространение их приходится на XIII в., встречаются и в XIV веке.

Группа 11 – КРЕСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ (2 экз., рис.189/15-16).

Тип 1 – фрагмент крупной бронзовой крестовидной подвески с расширяющимися лучами, украшенными на конце тремя полушарными выпуклостями, такая же выпуклость – в центре, на верхнем луче – петля для крепления подвески (1 экз., рис.189/15). Аналогичная подвеска найдена в Прикамье в д. Старица [Макаров 1997, рис.6/23]. Эти подвески т.н. "скандинавского типа" были достаточно широко распространены на территории Северной Европы в X-XII вв., встречаются и в северорусских землях.

Тип 2 – фрагмент небольшого серебряного креста, лучи которого имеют лилиевидное завершение (крест-тельник с трехчастными концами), украшены ромбами и полосками. На верхнем луче – петля для крепления подвески (1 экз., рис.189/16).

Аналогичные подвески известны на булгарских селищах [Руденко 2002,

рис.58/15], в большом количестве представлены в материалах Белоозера [Захаров 2004, с.164-165, рис.42].

Группа 12 – ТОПОРОВИДНАЯ ПОДВЕСКА (1 экз., рис.189/14) или подвеска-лопаточка — плоская подвеска из золотистой бронзы, в центре которой – ромб с выпуклым валиком по краю, внизу – трапециевидное расширение в виде лопаточки, также обрамленное рельефным валиком, в верхней части — три концентрических кружка, в центральном из которых – отверстие для крепления подвески.

Подобные подвески найдены в Пирозере и Юго-Восточном Приладожье, в Корбальском могильнике на Ваге, в Нефедовском могильнике на Русском Севере [Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984, с.203-204, рис.5/12; Макаров 1997, с.148, табл.139/24; Финно-угры и балты... 1987, табл.XVII/16, 18]. Л.А. Голубева рассматривала их как позднюю модификацию приладожских подвесок-ключей [Голубева 1987, с.59-60,265, табл.XVII/16,18], однако значительно большее сходство они обнаруживают с ажурными подвесками с треугольным щитком, изданными той же исследовательницей [Голубева 1979, с.52, табл.22/4-6, 8, 10]. По мнению Н.А. Макарова, оба этих типа родственны и сформировались в северорусских областях в XI-XII вв. под влиянием металлопластики Волго-Камья [Макаров 1997, с.148].

Группа 13 — ПОДВЕСКА СО ЗНАКОМ РЮРИКОВИЧЕЙ (1 экз., цв. вкл. Р/10) — в виде литой серебряной пластины трапециевидной формы размерами 55 х 24-28 мм. Пластина снабжена ушком, в которое продето серебряное кольцо диаметром 20 мм из проволоки круглого сечения диаметром до 2 мм. Вес подвески вместе с кольцом 10, 950 г. Лицевая сторона подвески определяется по оформлению основания ушка в виде головки животного с длинными ушами. Петелька отлита заодно с подвеской. Глаза и уши на изображении животного прочеканены. На лицевой стороне подвески нанесено изображение трезубца, выполненное чеканкой по предварительно процарапанному рисунку, следы которого прослеживаются в виде тонких царапин, местами выходящих за пределы прочеканенных линий. Изображение трезубца парадное: все линии тщательно проработаны, боковые зубцы выполнены в виде клинков мечей с долом, центральный зубец — в виде пики с треугольными выступами у основания. Нижняя часть трезубца украшена узором из валют. Основание трезубца имеет треугольный выступ, в углах основания наблюдаются углубления, выбранные узким штихилем, со следами черни в них. На углах треугольного выступа пробиты сквозные отверстия диаметром 2 и 1,5 мм.

На оборотной стороне подвески нанесено изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. Меч изображен вертикально, рукоятью к основанию трапеции. По оформлению рукояти он близок к реальным прототипам X в. (тип 9 по А.Н. Кирпичникову). Подчеркнут дол лезвия. Лезвие плавно переходит в изображение молота бога Тора, которое занимает всю верхнюю часть оборотной стороны пластины. Характер нанесения ихображения аналогичен описанному выше. Оборотная сторона подвески имеет следы постоянного ношения в виде потертостей на петельке пластины.

По общепринятой классификации княжеских знаков, описываемый трезубец принадлежит Владимиру Святославовичу, и может датироваться 978-1015 гг. [Крыласова 1995, с.192-197].

Группа 14 — ПОДВЕСКА СО ВСАДНИКОМ (1 экз., фр., рис.198/17; цв. вкл. Р/3). На Рождественском могильнике обнаружен обломок серебряной подвески, относящейся к группе предметов, получивших в историографии наименование "всадница на змее" или "пермский всадник". На обломке представлена профильная голова коня с проработанными деталями: гривой, ушком, глазом, ртом, ноздрей. Шея покрыта орнаментом из чередующихся гладких и рубчатых поясков. На обломке на шее коня сохранился фрагмет руки всадника, на носу — слом, свидетельствующий о наличии дугообразного основания (змеи), являющегося неотъемлемой деталью подвесок данной группы.

По мнению Л.А. Голубевой, родиной подвесок со всадником является Прикамье [Голубева 1979, с.41-42]. Здесь они известны на Вакинском селище, Загарском, Вереинском, Баяновском, Степаново плотбище могильниках, Купросском, Анюшкар городищах ([Голубева 1979, с.42], раскопки А.В. Данича, Г.Т. Ленц). Много таких подвесок известно на территории Удмуртского Предуралья: на городищах Дондыкар, Иднакар, Качкашурском, Варнинском могильниках, в б. Глазовском уезде, Рябиновском кладе [Иванов 1998, рис.56/1-7]. Известны они и в могильниках Марийского Поволжья, в Танкеевском могильнике на территории Волжской Булгарии, в землях веси в Приладожье, в Зауралье и Западной Сибири [Никитина 2002, цв.вклейка; Рябинин 1981, табл.XI/6; Угорское наследие 1994, № 73, 157; Карачаров 1993, рис.3/14; Голубева 1979, с.42; Казаков 1992, рис.95/36]. Е.П. Казаков считает, что данные фигурки изображают "небесного всадника" Мир-Сусне-Хума на представителе "нижнего мира" – змее [Казаков 2001, с.160]. Основной период бытования данных подвесок приходится на X-XI вв. [Голубева 1987, с.59].

Группа 15 – КОСТЫЛЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ (30 экз., рис.180/7-13; рис.190/1-5, 8-15, 18-19). Подвески этой группы имели в первую очередь не декоративное, а утилитарное значение. "Рога" костыльков закреплялись в волосах, в специальных петлях на поясе при подвешивании накосников, ножен и прочих предметов.

Подгруппа 1 – костяные (7 экз., рис.180/7-13). Плоские подвески в виде дугообразной планки, на внутренней стороне которой в подтреугольном выступе просверлено круглое отверстие для подвешивания. Большинство подвесок сильно заполировано от частого использования. Кроме одного экземпляра (рис.180/13), подвески с одной или обеих сторон украшены зигзагообразным орнаментом, составленным из одинарных линий (рис.180/8) или групп по несколько линий (рис.180/7, 9, 10-12).

Тип 1 – со скругленными концами, выступ для отверстия также закругленный (5 экз., рис.180/7-8, 10-11, 13).

Подтип 1.1 – маленькие (дл. 4-4,5 см). Могли использоваться в качестве пуговиц (2 экз., рис.180/7-8).

Подтип 1.2 – средних размеров (дл. 7,5-8 см) (3 экз., рис.180/10-11, 13).

Вариант 1 – орнаментированные (2 экз., рис./10-11). У одного экземпляра (рис./11) отверстие только намечено, но не просверлено насквозь, и орнаментация нанесена только на одну сторону, т.е. – это заготовка.

Вариант 2 – неорнаментированные (рис.180/13).

Тип 2 – с прямо срезанными концами, выступ для отверстия приостренный (2 экз., рис.180/9,12).

Подтип 2.1 – маленькая (дл. 6 см).

Подтип 2.2 – крупная (дл. 9 см).

Подобные костяные "костыльки" известны на памятниках Верхней Камы XIII-XIV вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.73/23], на городищах Юсьвенском (раскопки КАЭЭ), Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), селище Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина).

Тип 3 – концы оформлены треугольными выступами, петля подпрямоугольная (1 экз., из раскопок Н.Н. Новокрещенных, рис.5/2).

Подгруппа 2 – бронзовые (23 экз., рис.190/1-5,8-15,18-19).

Тип 1 – в виде удлиненного прутка с небольшой арочной петлей для крепления подвески в центре (16 экз., рис.190/1-4, 8-13, 18-19).

Подтип 1.1 – в виде прямого прутка с утолщениями на концах (6 экз., рис.190/1-4, 11).

Вариант 1 – неорнаментированные, утолщения на концах в виде шариков (3 экз., рис.190/1-2).

Вариант 2 – поверхность покрыта насечками или валиками, утолщения на концах в виде шариков (2 экз., рис.190/4,11).

Вариант 3 – поверхность покрыта насечками, утолщения на концах в виде грозди из шариков (1 экз., рис.190/3).

Подвески вариантов 2,3 известны в материалах Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском могильников (раскопки Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Подтип 1.2 – в виде дугообразного прутка с утолщением на концах (10 экз., рис.190/8-10,18-19).

Вариант 1 – неорнаментированные, утолщения на концах плавные, не выделенные (5 экз., рис.190/8-10).

Вариант 2 – в центре под петлей украшение в виде двух миндалевидных лепестков, утолщения на концах в виде шариков (1 экз., рис.190/18).

Вариант 3 – поверхность покрыта косыми насечками, утолщения на концах в виде шариков (1 экз., рис.190/19).

Подобные дугообразные костыльковые подвески известны в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), городища Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Костыльковые подвески 1 типа появляются в болгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/52] и получают массовое распространение на памятниках Пермского Предуралья и на Чепце начиная с IX в. [Голдина, Кананин 1989, рис.70/25,30; Иванов 1998, рис.19/16]. Подобные подвески известны на Большетиганском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.21/50-51], на городище Иднакар [Иванова 1998, рис.55/29], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/4].

Тип 2 – в виде короткого прутка с утолщениями на концах, в центре которого удлиненная петля с круглым отверстием для подвешивания (7 экз., рис.190/5, 14-15).

Подтип 2.1 – утолщения на концах плавные, невыделенные, петля подтреугольной формы (6 экз., рис.190/5, 14).

Аналогичные подвески встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 2.2 – утолщения на концах в виде шариков, петля каплевидной формы (1 экз., рис.190/15).

Подобные подвески известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.VI/27].

Группа 16 – ЯКОРЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ (23 экз., рис.190/6-7, 16-17, 20-32). Якорьковые подвески использовались, главным образом, аналогично костыльковым: якорек закреплялся в петле из шнура на поясе или в другом месте костюма. Но, в отличие от костыльковых, якорьковым подвескам присуща большая декоративность, некоторые кроме отверстия для крепления основного предмета (ножен, низки накосника и пр.) дополнялись боковыми петлями для шумящих привесок, а отдельные экземпляры использовались исключительно в качестве украшений.

Подгруппа 1 – одноякорьковые (22 экз., рис.190/6-7, 16-17, 20-31).

Тип 1 – нешумящие (4 экз., рис.190/6-7, 28-29).

Подтип 1.1 — с короткой шейкой при переходе к петле (2 экз., рис.190/6-7).

Вариант 1 – плоская гладкая якорьковая подвеска, петля с подтреугольным завершением (1 экз., рис.190/6).

Вариант 2 – литая подвеска, имитирующая согнутый в виде якорька пруток, украшенный по внутреннему краю насечками (1 экз., рис.190/7).

Подтип 1.2 – с длинной шейкой при переходе к петле (2 экз., рис.190/28-29).

Вариант 1 — литая подвеска, имитирующая согнутый в виде якорька пруток, украшенный косыми насечками, образующими "елочку"; концы якорька короткие (1 экз., рис.190/28).

Подобная подвеска, но с дополнительными кольцами для привесок, известна на Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов 1985, рис.4/23].

Вариант 2 – шейка в виде круглого в сечении стержня, сплошь покрытого гладкими "поясками", перемежающимися линиями "шашечек" (1 экз., рис.190/29).

Подвеска подобного типа найдена в погр.№48 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Тип 2 – шумящие (18 экз., рис.190/16-17, 20-27, 30-31).

Подтип 2.1 – с двумя петлями для привесок (2 экз., рис.190/20-21), фрагменты, верхняя часть отсутствует. Тонкая шейка переходит в расширенное подтреугольное основание с петлями, между которыми – треугольники псевдозерни. Привески-лапки крепятся с помощью одного звена щитковой цепочки.

Вариант 1 – основание гладкое (1 экз., рис.190/20).

Вариант 2 – основание покрыто горизонтальными полосками (1 экз., рис.190/21).

Подтип 2.2 – с тремя отверстиями для привесок на расширенном подтреугольном основании (2 экз., рис.190/16-17). Фрагменты, якорьки отсутствуют.

Вариант 1 – гладкая (1 экз., рис.190/17).

Вариант 2 – в центре основания подтреугольное углубление (1 экз., рис.190/16).

Аналогичные подвески известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подтип 2.3 – с тремя петлями для привесок, расположенными в форме треугольника вершиной вниз (14 экз., рис.190/22-25, 30-31).

Вариант 1 – гладкие подвески с утонченной шейкой (2 экз., рис.190/22).

Вариант 2 – гладкие подвески с плоской овальной шейкой (3 экз., рис.190/23).

Вариант 3 – подвески с плоской овальной шейкой, на концах якорьков – маленькие кружки, по бокам шейки – орнаментальные полосы с насечками (3 экз., рис.190/24).

Вариант 4 – подвески с плоской овальной шейкой, на концах якорька – маленькие кружки, соединенные линией, проходящей вдоль якорька, в центральной части шейки – овал, заштрихованный горизонтальными насечками (3 экз., рис.190/25). У одного экземпляра сохранились боковые шумящие привески-лапки.

Вариант 5 — литая подвеска, имитирующая согнутый в виде якорька пруток, украшенный косыми насечками, образующими "елочку"; на концах якорька – маленькие кружки, соединенные линией, проходящей вдоль якорька (1 экз., рис.190/27).

Вариант 6 – удлиненная шейка в виде круглого в сечении стержня сплошь покрытого горизонтальными "поясками" (1 экз., рис.190/30).

Вариант 7 – шейка со вздутием в центре сплошь покрыта "поясками" гладкими и с насечками, по бокам украшена шариками псевдозерни (1 экз., рис.190/31).

Подвески данного подтипа в Пермском Предуралье встречены на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц), в д. Егва КПАО (коллекция КПОКМ, № 2815/3).

Они известны на Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов 1985, рис.4/22], на вымском Кичилькосьском I могильнике [Савельева 1987, рис.30/22], на вычегодских могильниках XI-XII вв. Шойнаты II и Чежтыягском могильнике [Королев 1997, рис.47/22; Истомина 1992, рис.1/13], на Ортинском городище в бассейне р. Печоры [Овсянников 1997, табл. I/6-7], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.58/40], единичные предметы обнаружены в курганах дреговичей [Седов 1982, табл.XXIX/30], на Белоозере [Захаров 2004, рис.69/7], на поселении Атымья I в Зауралье [Морозов, Сериков 1999, рис.5/12].

Одноякорьковые подвески А.П. Смирновым датировались X-XIII в. на основании комплексов вещей из случайных сборов (Рождественское городище, Вакинское селище и др.)[Смирнов 1930, с.114]. Однако В.А. Оборин, опираясь на хорошо датированные монетами комплексы из Бояновского, Загарского, Редикарского, Урьинского, Плесинского, Мелехинского могильников, ранних слоев городищ Анюшкар и Лаврятского, пришел к выводу, что в период X-XI вв. они еще не использовались, и вошли в употребление только в XI-XIV вв., о чем свидетельствуют материалы Троицкого, Искорского городищ, верхних слоев городища Анюшкар, Мало-Аниковского могильника и др. [Оборин 1970, с.14]. Новые материалы позволили уточнить время появления якорьковых подвесок — IX в. [Голдина 1985, табл. XVII/25, 26, 54]. Раскопки Рождественского могильника показали, что большинство форм одноякорьковых подвесок относится к X-XI вв., а к более позднему периоду могут быть отнесены только подвески вариантов 6-7 подтипа 2.3. По материалам верхнекамских могильников одноякорьковые подвески также датируются X веком [Голдина, Кананин 1989, рис.71/11].

Подгруппа 2 – биякорьковая (1 экз., рис.190/32). Биякорьковые подвески представляют собой два якорька с длинной цилиндрической шейкой, между которыми размещена плоская прямоугольная пластина, внизу основы – петли для шумящих привесок. Такие подвески являются нагрудным украшением, которое крепилось с помощью якорьков за петли на одежде или шнурке, надетом на шею. Ни по внешнему виду, ни, особенно, по функциональному значению эти подвески не могут быть сопоставлены с реалистичными биконьковыми шумящими подвесками "прикамского типа", которые использовались преимущественно в качестве накосников, реже – поясных подвесок. Поэтому, на наш взгляд, точка зрения В.А. Оборина о том, что биякорьковые подвески являются дальнейшим развитием биконьковых, ошибочна. Прототипом биякорьковых подвесок послужили подвески с трапециевидным щитком и двумя "крючками" в верхних углах в виде стилизованных конских головок, характерные для костюма поволжских финнов IX – начала XI веков. Аналогии им известны и на раннебулгарских памятниках [Казаков 1992, с.180, рис.64/5]. По Оборину, биякорьковые подвески датируются XII-XIV вв. [Оборин 1970, с.15].

Рождественская подвеска представляет собой два якорька, концы которых украшены кружками, а в месте соединения – треугольниками псевдозерни, цилиндрические шейки якорьков украшены группами гладких "поясков" чередующимися с "поясками" с косыми насечками. Сбоку на шейках треугольные выступы, покрытые псевдозернью. Прямоугольная пластина между якорьками покрыта тремя горизонтальными валиками с имитацией оплетки проволокой, чередующиеся с двойными рядами псевдоскани. По нижнему краю основы – 7 кольцевидных петель для привесок-колокольчиков сплошь покрытых "поясками" гладкими и с насечками, которые крепятся на одном звене щитковой цепочки.

В Пермском Предуралье такие подвески известны на Городищенском городище [Белавин 1986, рис.4/22]. Аналогичные подвески известны в материалах XII в. вычегодских [Королев 1997, рис.43] и вымских могильников [Савельева 1987, рис.37/79], однако Э.А. Савельева отмечает, что шумящие украшения не относятся к числу специфических вымских украшений, и биякорьковые подвески на этой территории имеют прикамское происхождение [Савельева 1987, с.109]. Единичные экземпляры биякорьковых подвесок известны на территории Волжской Болгарии [Руденко 2004, рис.2/22].

Группа 17 – ПОДВЕСКИ-ЛОЖКИ (8 экз., рис.191). Ложки из Рождественского археологического комплекса, с одной стороны, по своим размерам, форме и глубине черпака вполне могли использоваться для практических целей, с другой стороны, все металлические ложки, обнаруженные в погребениях, использовались в качестве амулетов в костюмных комплексах, а маленькие металлические ложки с отверстиями для шумящих привесок, несомненно, являлись, в первую очередь, именно амулетами. Что же касается костяных ложек, то, по мнению исследователей, занимающихся изучением изделий из этого материала, они также были слишком ценными для повседневного применения и использовались, вероятно, только для употребления ритуальной пищи. В остальное время такие ложки носили в костюме как амулеты, о чем свидетельствует наличие на большинстве из них отверстий или перемычек для привязывания шнурка. Поэтому мы с полным на то основанием можем рассматривать данную категорию вещей в разделе подвесок.

Подгруппа 1 – костяные (1 экз., рис.191/1). Ложка средних размеров (дл. 10 см) с черпаком подтреугольной формы с закругленными нижними углами и приостренным верхним – при переходе к рукояти (ширина до 4,5 см); рукоять у черпака округлая в сечении, к концу сплющивается и расширяется. На конце отверстие для подвешивания.

Ложки аналогичной формы известны в материалах Белоозера [Захаров 2004, рис.224/1-2].

Подгруппа 2 – бронзовые (7 экз., рис.191/2-8). Бронзовые подвески-ложки, которые, судя по фигурно оформленной рукояти, выполняли функции амулетов, получили распространение на территории Пермского Предуралья и на Чепце с конца VIII-IX в. [Голдина, Кананин 1989, рис.69/23; Иванов 1998, рис.19/12], в раннебулгарских могильниках и курганах Южного Урала они представлены в материалах IX-X вв. [Казаков 1992, рис.22/5; Мажитов 1981, рис.22/6]. На памятниках лесного Зауралье встречаются в X-XIII вв. [Викторова 1968, табл.III/8; Угорское наследие 1994, № 114].

Тип 1 – с горизонтально вытянутым овальным черпаком (5 экз., рис.191/2-3, 6-8).

Подтип 1.1 – средних размеров, с уплощенной вытянутой подтреугольной рукоятью, сужающейся к черпаку (2 экз., рис.191/2-3). У сохранившегося полностью экземпляра рукоять вверху украшена насечками в виде "елочки" и снабжена овальным отверстием для подвешивания (цв. вкл. Ж/8). Ложка входила в состав поясной привески из погр. № 26, представлявшей собой низку из спиралевидных пронизок и бронзовых бус, раздваивающуюся книзу, и завершающуюся на одном конце ложкой, на другом – колокольчиком.

Подтип 1.2 – маленькие, с плоской широкой продолговатой рукояткой, завершающейся тремя круглыми петлями, расположенными в форме треугольника (центральная петля – для подвешивания, боковые – для шумящих привесок) (3 экз., рис.191/6-8).

Вариант 1 – рукоять неорнаментированная, сплошная (1 экз., рис.191/6).

Вариант 2 – рукоять с продолговатой прорезью в центре (2 экз., рис.191/7-8). В одном случае (рис.191/7) стерженьки по бокам прорези украшены горизонтальными насечками.

Аналогичная ложка известна в материалах Чашкинского II селища [Белавин 1987, рис.3/11].

Ложки с подобной формой черпака известны в материалах Западной Сибири XIII-XIV вв. [Угорское наследие 1994, № 36-37], но наиболее типичны они для Пермского Предуралья [Крыласова 2007, рис.28].

Тип 2 – с вертикально вытянутым овальным черпаком (1 экз., рис.191/5). Рукоять отломлена. Черпак на внешней стороне орнаментирован горизонтальной линией, проходящей в центре поперек, от которой лучами расходятся прямые желобки.

Тип 3 – пластинчатая овально-подтреугольная рукоять ложки с круглым отверстием для подвешивания, черпак отломлен (1 экз., рис.191/4).

Группа 18 – ПОДВЕСКИ-КОПОУШКИ (17 экз., рис.192; цв. вкл. О/3, 5). Копоушки (уховертки) – предмет гигиены, предназначенный для чистки ушей. Но они применялись не только для гигиенических целей, их использовали в качестве подвесок, в ряде территорий носили в составе ожерелий. Материалы могильников Пермского Предуралья свидетельствуют, что

женщины носили копоушки в составе накосников на правой косе, их форма и орнаментация свидетельствуют о наличии в данном утилитарном предмете магической и декоративной функций. Большинство костяных копоушек орнаментировано с одной или с двух сторон в технике, которую называют прочерченным орнаментом [Арматынская 1995]. Копоушки из бронзы, в большей степени, чем костяные, воплощающие магические и эстетические представления, орнаментированы все.

Прикамские копоушки, как правило, представляют собой узкие тонкие пластинки прямоугольного, треугольного, реже круглого или квадратного сечения с ложечкой на одном конце и небольшим круглым отверстием на другом.

Подгруппа 1 – костяные (13 экз., рис.192/1-11, 16-17).

Тип 1 – с уплощенной подпрямоугольной или подтрапециевидной рукоятью, как правило, треугольного сечения, реже пластина сохраняет естественную форму кости (10 экз., рис.192/1-2, 4-11). На нижнем конце рукояти – подтреугольное сужение, завершающееся миниатюрной ложечкой, на верхнем – петля с отверстием для крепления подвески. По боковым сторонам рукояти в большинстве случаев вверху и внизу короткими прорезами обозначены лапки. В целом копоушка напоминает развернутую шкурку пушного зверька.

Подтип 1.1 – петля для крепления подвески оформлена в виде стилизованной головы зверька – вверху округлая, по бокам – треугольные выступы-ушки с плавными выемками книзу (3 экз., рис.192/1, 5, 7).

Вариант 1 – неорнаментированная (1 экз., рис.192/7).

Вариант 2 – с орнаментом из заштрихованных треугольников на лицевой стороне (1 экз., рис.192/1).

Вариант 3 – с флажковым орнаментом на лицевой стороне (1 экз., рис.192/5).

Подтип 1.2 – петля для крепления подвески подтреугольная (3 экз., рис.192/3-4, 9).

Вариант 1 – лицевая сторона украшена флажковым орнаментом, на оборотной стороне – тамга (1 экз., рис.192/4).

Вариант 2 – с орнаментом из заштрихованных треугольников (1 экз., рис.192/3).

Вариант 3 – с орнаментом в виде "елочки" на лицевой стороне (1 экз., рис.192/9). В верхней части рукояти по бокам – два круглых отверстия, вероятно, для шумящих привесок, по аналогии бронзовым копоушкам, которые имеют и подобную орнаментацию. Такие же отверстия прослеживаются и на фрагменте костяной копоушки (рис.192/8) с утраченными верхней и нижней частью, которая также украшена орнаментом в виде пары "елочек".

Подтип 1.3 – с подпрямоугольной петлей для крепления (1 экз., рис.192/10). Орнаментирована заштрихованными полукругами на лицевой стороне.

Подтип 1.4 – с округлой петлей для крепления (1 экз., рис.192/11). Копоушка, вероятно, изготовлена из обломка какого-то другого изделия, о чем свидетельствует несимметрично расположенный орнамент в виде полосы, выделенной вертикальными линиями, внутри которой размещены кружки с точкой в центре (циркульный орнамент), и отсутствие обычного

для копоушек ребра на лицевой стороне. Внутренняя поверхность ложечки ребристая.

Тип 2 – с ромбовидной плоской рукоятью (1 экз., рис.192/16), украшенной орнаментом в виде "елочки". Верхняя и нижняя части отломлены.

Тип 3 – рукоять в виде стержня квадратного сечения, слегка расширяющегося кверху (1 экз., рис.192/17), по трем граням украшена флажковым орнаментом. Петля для крепления подквадратная, сплющенная. Шейка при переходе к ложечке круглого сечения, ложечка обломлена.

Подгруппа 2 – бронзовые литые (4 экз., рис.192/12-15). Такие копоушки на памятниках Пермского Предуралья встречаются гораздо реже костяных. Они известны, например, на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц). Металлические копоушки известны и на чепецких памятниках, где также являются единичными [Иванова 1998, рис.55/30]. Довольно распространенными плоские металлические копоушки были у веси в X-XIII вв., но они имеют иное оформление [Финно-угры и балты... 1987, табл.XVII/3, 13-14, 21].

Тип 1 – с плоскими прямыми подпрямоугольными рукоятями, орнаментированными "елочкой" (3 экз., рис.192/12-14). У одного экземпляра (рис.192/13) верхняя часть отсутствует, в остальных случаях петля для крепления подвески округлая, по бокам от нее расположены две арочные слабовыпуклые петли с круглыми отверстиями для фиксации привесок-лапок, крепящихся на одном звене простой цепочки.

Вариант 1 – в центре рукояти – вертикальная полоса, вокруг нее – валики, образующие "елочку" (1 экз., рис.192/12).

Вариант 2 – (1 экз., рис.192/14) в центре рукояти вертикальная полоса, вокруг нее насечки, образующие "елочку", по контуру подвески – невысокий валик. Ложечка округлая, с выемкой. Колокольчик на звене щитковой цепочки более поздний и, вероятно, был присоединен к подвеске находчиками, сдавшими ее Теплоухову.

Вариант 3 – фрагмент копоушки, вероятно, также шумящей (1 экз., рис.192/13). В центре рукояти вертикальная полоса из псевдозерни, вокруг нее насечки, образующие "елочку".

Тип 2 – с плоской овальной рукоятью, переходящей внизу в отогнутую вперед миниатюрную ложечку с тонкой шейкой, украшенной гладкими "поясками" (1 экз., рис.192/15). Центральная часть рукояти украшена двумя косичками псевдоскани и обрамлена треугольниками псевдозерни. Петля для крепления подвески обрамлена псевдозернью, ниже нее – каплевидная площадка, ограниченная псевдосканью, внутри которой – розетка из псевдозерни. Ниже этой площадки по бокам – два кольца для привесок, которые крепились на щитковых цепочках.

Копоушки с плоской планчатой рукоятью получили широкое распространение на территории расселения восточных финно-угров, в Северо-Западном и Юго-Восточном Приладожье, особенно в X-XIII вв. [Салангина 1998, с.23]. Большинство исследователей считает копоушки характерным финно-угорским предметом, и их наличие среди инвентаря захоронений в славянских могильниках рассматривают как основу для отнесения последних к финно-угорским погребениям [Седых, Макарова 2001, с.97].

Родиной плоских копоушек считается бассейн Верхней Камы – территория поломско-чепецкой, ломоватовской и родановской культур. Наиболее

ранние их типы в Пермском Предуралье получили распространение еще в VIII-IX веках [Голдина 1985, табл. XXXII/1-5]. Среди них преобладают копоушки из кости. Большинство костяных копоушек находит аналогии на городище Иднакар, где собрана наиболее представительная коллекция предметов этой категории [Иванова 1998, рис.67-68]. Подобные копоушки встречаются также на булгарских памятниках [Казаков 1991, рис.46/17-19; Казаков 1992, рис.70/10].

Под влиянием восточных финно-угров этот тип изделий получил распространение в Посурье [Белорыбкин 2001. С.42], в Приладожья, где пластинчатые копоушки треугольного сечения появились только во второй половине X в., а наибольшее распространение получили в XI-XII веках [Кочкуркина 1989, с.280]. С X в. плоские костяные копоушки получили широкое распространение в Волго-Клязьминском междуречье, где они появились уже как готовый, сформировавшийся тип, но от своих камских прототипов отличались простотой и некоторой грубостью отделки [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.49]. В Тимеревском археологическом комплексе в Ярославском Поволжье в X-XI вв. также известны копоушки прикамского типа, которые вышли их обихода так же внезапно, как и появились, исследователи связывают их появление с миграцией групп населения Прикамья [Седых, Макарова 2001, с.98-99]. В единичных экземплярах костяные копоушки с пластинчатой рукоятью представлены в материалах Белоозера [Захаров 2004, рис.227/3-5]. Были распространены подобные копоушки и в материалах IX-XI вв. Марийского Поволжья [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/2-3,6].

Группа 19 – КАПЛЕВИДНЫЕ ПОЛЫЕ ПОДВЕСКИ (13 экз., рис.193/1-9). Крупные подвески (дл. 3-4,5 см) в виде половинки полой вытянутой капли с круглой петлей для подвешивания вверху. Судя по материалам могильника, использовались в качестве украшения головы (височные украшения ?).

Тип 1 – неорнаментированная, вытянутая подовальная (1 экз., рис.193/1). Подобная встречена на Омутницком могильнике IX-XII в. на Чепце [Семенов 1985, рис.3/35].

Тип 2 – орнаментирована в нижней части тулова тремя горизонтальными полосками (1 экз., рис.193/2).

Аналогичные подвески известны на памятниках лесного Прииртышья, где они использовались до XI-XIII вв. [Могильников 1968, с.283, рис.6/7], на Пылаевском могильнике в Зауралье [Кутаков, Старков 1997, рис.15].

Тип 3 – верхняя часть тулова, отделенная от нижней горизонтальным желобком, граненая (1 экз., рис.193/3).

Аналогичные подвески встречены на могильнике Селянино Озеро в Пермском Предуралье [Белавин 1992, рис.1/8], на памятниках IX-X вв. в хазарском селе Саркеле [Артамонов 1958, рис.30], на территории Башкирии [Садыкова 1962, табл.IV/1-2], в Хрипуновском могильнике в Притоболье [Матвеева 1997, рис.9/7-8 10-13]. Вероятно, местом их производства была Волжская Булгария, где встречено наибольшее количество предметов данной группы, каплевидные подвески с граненой верхней частью известны в Биляре, на Мурзихинском селище [Руденко 2002, рис.58/17; Руденко 2004, рис.1/9].

Тип 4 – нижняя часть тулова, отделенная тремя горизонтальными полосками, покрыта вертикальными линиями (4 экз., рис.193/4-5). Шейка

у петли оформлена одинарным валиком.

Подтип 4.1 – горизонтальные полоски в виде валиков, вертикальные – в виде глубоких желобков (3 экз., рис.193/4; цв. вкл. Ж/11).

Подтип 4.2 – полоски в виде тонких линий (1 экз., рис.193/5).

Подвески этого типа получили довольно широкое распространение. Известны в курганах Южного Урала [Степи Евразии... 1981, рис.90/48], могильниках Причерноморья XI-XIII вв. [Крым... 2003, табл.97/22,24].

Тип 5 – с расширенным, близким к полушарию, туловом, украшенным орнаментом из каплевидных фигур (2 экз., рис.193/6). Шейка у петли оформлена двойным валиком.

Такой орнамент был наиболее характерным для булгарских подвесок данного типа [Казаков 1991, с.118, рис.40/44-50], отмечен на подвесках из курганов Южного Урала XI-XII вв. [Мажитов 1981, рис.74/8], в Хрипуновском могильнике в Притоболье [Матвеева 1997, рис.9/1,4].

Каплевидные подвески типов 1-5 находят широкие аналогии на памятниках Волжской Болгарии. По погребениям с монетами Танкеевского могильника они датируются X веком [Казаков 1992, рис.91/п.72/18]. Каменная литейная форма для отливки таких подвесок встречена в Болгаре [Город Болгар 1996, рис.56/7]. Подобные подвески известны в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.46/21]. На территории Пермского Предуралья они известны на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильниках.

Тип 6 – с туловом в виде полушария, покрытым рельефными валиками, расходящимися лучами от петли для крепления подвески. По бокам и внизу – три петельки (3 экз., рис.193/7-9).

Подтип 6.1 – диаметром 1,3 см, валики на тулове гладкие, по бокам и внизу петли в виде колечек (1 экз., рис.193/7).

Подтип 6.2 – диаметром 1,7 см, гладкие валики на тулове перемежаются волнистыми линиями, петли по бокам и внизу в виде арок с маленьким круглым отверстием. Петля для крепления подвески повернута перпендикулярно плоскости подвески, отделена "поясом" с косыми насечками (1 экз., рис.193/8).

Подтип 6.3 – диаметром 2 см, валики на тулове гладкие, в центральной части – с косыми насечками, петли по бокам и внизу в виде арок с маленьким круглым отверстием. Петля для крепления подвески отделена "поясом" с зигзагом (1 экз., рис.193/9).

Подвески аналогичного типа известны на территории Пермского Предуралья в материалах Мало-Аниковского могильника [Белавин 1992, рис.1/9].

Группа 20 – ПОДВЕСКИ-АМУЛЕТЫ (64 экз., рис.193/10-13, рис.194/3-22, 24).

Подгруппа 1 – костяные (58 экз., рис.194/3-22). Подвески-амулеты в виде просверленных раковин, костей рыб и животных.

Тип 1 – раковина каури (1 экз., рис.194/3). Три подвески из морских раковин упоминаются также в каталоге выставки археологических коллекций 1894 года [Каталог... 1894, с.11].

Тип 2 – просверленные позвонки рыб (31 экз., рис.194/4-6). По определению П.А. Косинцева, в качестве амулетов использовались преимущественно позвонки белорыбицы, реже щуки.

Тип 3 – просверленные нижние челюсти куницы (определение П.А. Косинцева) (9 экз., рис.194/7-9).

Тип 4 – просверленный клык медведя (1 экз., рис.194/10).

Тип 5 – просверленный коготь медведя (1 экз., рис.194/11).

Тип 6 – просверленные резцы крупного рогатого скота (определение П.А. Косинцева) (10 экз., рис.194/12-16).

Тип 7 – просверленные необработанные кости – бабки, лопатка и пр. (4 экз., рис.194/17-20).

Тип 8 – просверленный отросток рога северного оленя с кружковым орнаментом (1 экз., рис.194/21).

Тип 9 – костяная подвеска в виде трапециевидной пластины, по нижнему краю которой – короткие вертикальные нарезы, имитирующие зубцы гребня (возможно, пластина вырезана из сломанного гребня), вверху – ромбический выступ для привязывания шнурка, на котором с лицевой и оборотной стороны прочерчены кресты, которые, вероятно, являются метками для отверстия, но нельзя исключать и символическое значение данных значков (1 экз., рис.194/22). На лицевой стороне амулета прослеживается прочерченное изображение всадника на коне, скачущем в правую геральдическую сторону, под копытами коня – солярные знаки, над головой всадника справа – изображение, которое может быть интерпретировано как летящая птица или натянутый лук со стрелой. За конем летит хищная птица (рис.195; цв. вкл. Н/3)). Данное изображение имеет много общего с распространенным на круглых металлических подвесках-медальонах образом, известным в литературе, как "сокольничий". По мнению А.М. Белавина, данный образ можно соотнести с популярным у обских угров персонажем – культурным героем, небесным всадником, имеющим множество имен, но наиболее известным как Мир-Сусне-Хум [Белавин 2004, с.331-337].

На оборотной стороне амулета в левом верхнем углу просматривается нечеткое изображение, напоминающее крест с загибающимися вправо концами (разновидность свастики).

Амулеты из просверленных костей животных, птиц и рыб — частая находка на многих средневековых памятниках Пермского Предуралья. Аналогичные амулеты известны на памятниках Верхней Камы – Аверинском могильнике, городище Шудьякар и др. [Голдина, Кананин 1989, рис.64/18; рис.77/5,7; рис.78/9-11], на городище Анющкар (раскопки Г.Т. Ленц), Чашкинском II селище (раскопки А.М. Белавина), селище Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина). Подобные наборы амулетов представлены на городище Иднакар в Удмуртии [Иванов 1998, рис.80], на Белоозере [Захаров 2004, рис.225]. Встречены такие амулеты на Большетиганском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.22/1-3], в Биляре [Руденко 2004, рис.1/34-36]. Трапециевидные амулеты, по внешнему облику схожие с приведенным **типом 9**, хорошо известны в Волжской Булгарии домонгольского времени, где использовались как **исламский амулет** в составе четок.

Подгруппа 2 – бронзовые (5 экз., рис.193/10-13). Подвески в виде имитации медвежьего клыка.

Тип 1 – петля для подвешивания оформлена в виде выступа с тонким сквозным отверстием (2 экз., рис.193/10, 12). Неорнаментированные.

Тип 2 – петля для подвешивания кольцевидная (3 экз., рис.193/11, 13).

Подтип 2.1 – неорнаментированные (2 экз., рис.193/12).

Подтип 2.2 – "клык" отделен двойной полоской, от которой расходятся лучи (1 экз., рис.193/13).

Клыковидные бронзовые подвески в Пермском Предуралье известны с IX в. [Голдина, Кананин 1989, рис.70/20]. Клыковидные подвески, аналогичные рождественским, на территории Пермского Предуралья встречены, например, в материалах Огурдинского (раскопки Н.Б.Крыласовой) и Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) могильников. Подобные амулеты существовали у салтовцев [Плетнева 1967, рис.47], ранних булгар [Генинг, Халиков 1964, табл.XV] и мордвы в VIII-XI вв. [Готье 1941, табл.7; Белорыбкин 2001, с.48].

Подгруппа 3 – каменные (1 экз., рис.194/23). Уплощенная подвеска в виде ромба из синего полупрозрачного камня. Украшена полосками, расходящимися лучами от петли для привешивания.

Аналогичная лазуритовая подвеска найдена в половецком погребении у с. Малая Терновка в Запорожской области [Толочко 1999, с.152, рис.38/2], подобные лазуритовые подвески известны и в кочевнических комплексах X-XIII в. в Самарском Заволжье [Васильева 2000, табл.8/7-11]. Данные подвески характерны для женских погребений половецкого времени конца XI-XII веков [Степи Евразии... 1981, рис.84/14-18; Толочко 1999, рис.38/3-4].

Группа 21 – ПРИВЕСКИ-ЛАПКИ (102 экз., рис.196/1-20). Привески изображают перепончатые лапки водоплавающих птиц. Привески данной группы являются наиболее типичными для материалов IX – начала XI вв. Пермского Предуралья. Они имеют свою характерную форму, отличающуюся от подобных привесок других культур [Оборин 1970, с.24]. На Рождественском археологическом комплексе привески-лапки составляют 26% всех привесок.

Подгруппа 1 – бронзовые (96 экз., рис.196/1-15, 20).

Тип 1 – петля для привешивания в одной плоскости с привеской (89 экз., рис.196/1-12, 20).

Подтип 1.1 – реалистичные лапки небольших размеров (дл. 2-2,5 см) с рельефно выделенными пальцами (79 экз., рис.196/1-8).

Вариант 1 – пальцы в виде гладких валиков с выпуклостями на концах (23 экз., рис.196/1-3).

Вариант 2 – пальцы в виде рельефных валиков, покрытых прямыми насечками или псевдозернью, выпуклости на концах – шаровидные (43 экз., рис.196/4, 6-7).

Вариант 3 – боковые пальцы в виде линий из псевдозерни, в центре – орнамент в виде елочки (12 экз., рис.196/5).

Вариант 4 – пальцы в виде линий из псевдозерни, перепонки украшены орнаментом из дуг (1 экз., рис.196/8).

Аналогичные привески-лапки применялись в составе шумящих украшений костромских финнов XII в. [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.64/5].

Подтип 1.2 – небольшие (дл. 1,7 см) стилизованные лапки (9 экз., рис.196/9-11).

Вариант 1 – гладкие плоские привески, пальцы в виде округлых выступов (5 экз., рис.196/9).

Вариант 2 – по внешнему контуру – выпуклый бордюр (3 экз., рис.196/10).

Вариант 3 – концы пальцев обозначены полушарными выступами (1 экз., рис.196/11).

Подтип 1.3 – стилизованная привеска-лапка средних размеров (дл. 2,5 см) с поверхностью, покрытой косой решеткой (1 экз., рис.196/12). Аналогичные привески использовались в составе шумящих украшений, найденных на Урьинском и Мало-Аниковском могильниках [Голдина 1985, табл.XIV/8].

Подтип 1.4 – стилизованная крупная (дл.3,2 см) ажурная лапка. Пальцы в виде полос с косыми насечками завершаются концентрическими кружками. Петля для привешивания оформлена в виде фигурного ромба (1 экз., рис.196/20). Подобные привески-лапки известны на раннебулгарских памятниках IX-X вв. [Казаков 1992, рис.21/47,77].

Привески-лапки 1 типа получают широкое распространение на памятниках Пермского Предуралья в X веке. Они встречены на таких памятниках, как Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Огурдинский (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильники, городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Саламатовское городище (раскопки А.М. Белавина), селище Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина).

Тип 2 – петля для привешивания перпендикулярна плоскости подвески (6 экз., рис.196/13-15).

Подтип 2.1 – крупные (дл. 2,5-3 см) реалистичные лапки с рельефно обозначенными пальцами (5 экз., рис.196/13-14).

Вариант 1 – неорнаментированные (4 экз., рис.196/13).

Вариант 2 – пальцы покрыты прямыми насечками, перепонки украшены тремя рядами вертикальных насечек (1 экз., рис.196/14).

Подобные привески появляются еще в болгаро-салтовских [Казаков 1992, рис.13/29] и ломоватовских древностях VIII-IX веков [Голдина 1985, табл.XVII/20-21]. В материалах могильников Верхней Камы такие привески датируются IX-X веками [Голдина, Кананин 1989, рис.70/29, рис.71/16]. Подобные привески известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), на городище Иднакар [Иванова 1998, рис.55/25], в Омутницком могильнике [Семенов 1985, рис.4/2-3,6-12,14,17-18,36-38]. Аналогичные привески использовались в составе шумящих украшений костромских финнов VII-XII вв., марийцев IX-XI вв. [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.51, рис.10/10,25; с.64, рис.16/6; с.65, рис.17/15; с.186, рис.10/17-19], известны в Белоозере [Захаров 2004, рис.72].

Подтип 2.2 – небрежно выполненная стилизованная крупная (дл. 3 см) лапка с четырьмя пальцами (1 экз., рис.196/15).

Подгруппа 2 – свинцово-оловянистые (6 экз., рис.196/16-19). Ажурные плоские лапки.

Тип 1 – лапки небольших размеров (дл. 1,8 см) (5 экз., рис.196/16-18).

Подтип 1.1 – неорнаментированные (1 экз., рис.196/16).

Подтип 1.2 – пальцы и перемычки между ними с прямыми насечками, концы пальцев в виде полушарных выпуклостей (3 экз., рис.196/17).

Тип 2 – фрагмент крупной подвески-лапки, сплошь покрытой горизонтальными насечками (1 экз., рис.196/19).

Ажурные привески-лапки появляются на памятниках Пермского Предуралья в конце XI века. На Рождественском городище встречены формы для их отливки (рис.141/4, 6). Наиболее массовыми они являются на

селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б.Крыласовой) и Антыбарском могильнике (раскопки Г.Т. Ленц), датирующихся XII-XIV веками. Ажурные лапки получили широкое распространение на территории Западной Сибири в XIII-XV вв. [Угорское наследие 1994. № 147-150]. Встречаются и в вымских древностях XII в. [Савельева 1987, рис.37/74].

Группа 22 – ПРИВЕСКИ-КОЛОКОЛЬЧИКИ (54 экз., рис.196/21-37). Литые из золотистой или белой бронзы.

Тип 1 – в виде простого конуса (12 экз., рис.196/21-25).

Подтип 1.1 – крупные (дл. 2,5 см) в виде гладкого конуса (1 экз., рис.196/25).

Подтип 1.2 – мелкие (дл. 1,5 см) в виде расширенного короткого гладкого конуса (2 экз., рис.196/24).

Аналогичные известны в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.38/9].

Подтип 1.3 – мелкие (дл. 1,5 –2 см) (9 экз., рис.196/21-23).

Вариант 1 – по нижнему краю валик (7 экз., рис.196/21).

Вариант 2 – по нижнему краю 4 полоски (1 экз., рис.196/22).

Вариант 3 – по нижнему краю и под петлей – ряды псевдозерни (1 экз., рис.196/23).

Подобные привески-колокольчики использовались в составе шумящих украшений в IX – начале X вв. как на памятниках Пермского Предуралья [Голдина 1985, табл.XIV/6-7, 9, 12; XV/14, 17-18, 21; Голдина, Кананин 1989, рис.70/17-18], так и на раннебулгарских памятниках [Казаков 1992, рис.21/66-67, 69], на Чепце [Семенов 1985, рис.4/39-40, 41], в Белозерье [Захаров 2004, рис.71].

Тип 2 – средних размеров (дл. 1,7-2,3 см) в виде сочетания двух конусов, у петли выпуклый валик (5 экз., рис.196/26-28).

Тип 3 – средних размеров (дл.2,5 см) с цилиндрическим туловом, плавно переходящим к петле (1 экз., рис.196/29).

Тип 4 – с цилиндрическим туловом, сужающимся кверху и переходящим в цилиндрическую шейку (36 экз., рис.196/30-37).

Подтип 4.1 – тулово украшено горизонтальными полосками, шейка гладкая (2 экз., рис.196/30).

Подтип 4.2 – тулово гладкое, шейка украшена горизонтальными полосками (6 экз., рис.196/31-32).

Вариант 1 – нижний край тулова украшен "пояском" с прямыми насечками (4 экз., рис.196/31).

Вариант 2 – тулово гладкое (2 экз., рис.196/32).

Подтип 4.3 – тулово и шейка сплошь покрыты "поясками" гладкими и с насечками (28 экз., рис.196/33-37).

Вариант 1 – шейка короткая (15 экз., рис.196/33-34).

Вариант 2 – шейка удлиненная с выпуклостью (13 экз., рис.196/35-37).

Колокольчики, украшенные "поясками" гладкими и с насечками, характерны для вымских древностей конца X-XIV веков [Савельева 1987, рис.29]. Подобные колокольчики массово представлены на селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой), Антыбарском могильнике (раскопки Г.Т. Ленц), датирующихся XII-XIV вв., встречены на Городищенском городище [Белавин 1986, рис.4/14,20], городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Подобные привески-коло-

кольчики хорошо известны в могильниках Юганского Приобья в материалах XIII-XIV вв. (тип 28 по В.И. Семеновой) [Семенова 2001, с.70, табл.46/28].

Группа 23 – ПРИВЕСКИ-БУБЕНЧИКИ (68 экз., рис.196/38-54). Литые из золотистой или белой бронзы.

Подгруппа 1 – тонкостенные (77 экз., рис.196/38-49).

Тип 1 – шаровидные с одной прорезью (17 экз., рис.196/38-42, 44, 49).

Подтип 1.1 – неорнаментированные (7 экз., рис.196/38, 44).

Вариант 1 – средних размеров (диаметром 1,5 см) (6 экз., рис.196/38).

Вариант 2 – крупные (диаметром 2 см) (1 экз., рис.196/44).

Подтип 1.2 – в средней части тулова – горизонтальные полоски (7 экз., рис.196/39-41).

Вариант 1 – средних размеров (диаметром 1,5 см) с одной полоской (4 экз., рис.196/39).

Вариант 2 – с тремя полосками (3 экз., рис.196/40-41) мелкие (диаметром 1,3 см) и крупные (диаметром 1,8 см).

Шаровидные бубенчики с одной прорезью и тройным пояском, судя по новгородским материалам, появляются в последней четверти XI в. и распространены до второй половины XIII века [Седова 1981, с.156]. Известны в поломско-чепецких памятниках X-XIII веков [Иванов 1998, рис.56/16].

Подтип 1.3 – в нижней части тулова – вертикальные насечки (3 экз., рис.196/42, 49).

Вариант 1 – крупные (диаметр 2 см) насечки в виде глубоких желобков (1 экз., рис.196/42).

Вариант 2 - средних размеров (диаметр 1,7 см), насечки тонкие (2 экз., рис.196/49).

Шаровидные бубенчики с одной прорезью представлены широко, по новгородским аналогиям они датируются концом XI – нач. XII в. [Колчин 1958, с.110; Седова 1959, с.237]. На территории Пермского Предуралья такие бубенчики известны на памятниках Верхней Камы XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/10], в материалах Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинского (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильников. Они были распространены на территории Удмуртии на памятниках X-XIII вв. [Иванова 1998, рис.55/10; 56/17; Иванов 1998, рис.56/11,16], в Саркеле в комплексах X-XI вв. [Артамонова 1963, с.57], в мордовских и марийских памятниках VIII-XIV вв. [Алихова 1959; Белорыбкин 2001, с.48; Архипов 1986, с.26], на территории лесного Прииртышья [Могильников 1968, с.283].

Тип 2 – крупные (диаметром 2,3 см) шаровидные с крестовидной прорезью (1 экз., рис.196/43). Края вдоль прорези украшены двойными полосками.

Шаровидные бубенчики с крестовидной прорезью в нижней части и орнаментированными лопастями характерны для древностей второй половины X – первой половины XI вв. Приладожья и Владимирских курганов [Кочкуркина 1989, с.266], аналогичные бубенчики известны также на Омутницком могильнике в Удмуртии [Семенов 1985, рис.3/28].

Тип 3 – бипирамидальные (грушевидные) с крестовидной прорезью (59 экз., рис.196/45-48).

Подтип 3.1 – неорнаментированные (32 экз., рис.196/45-46).

Вариант 1 – мелкие (дл. 1,8 см) (2 экз., рис.196/45).

Вариант 2 – средних размеров (дл. 2,5 см) (30 экз., рис.196/46).

Подтип 3.2 – нижняя часть, отделенная двойной полоской, орнаменти-

рована вертикальными насечками (27 экз., рис.196/47-48).

Вариант 1 – мелкие (дл. 1,7 см) (18 экз., рис.196/48; цв. вкл. Ж/12).

Вариант 2 – крупные (дл. 2,7 см) (9 экз., рис.196/47; цв. вкл. Ж/13).

Такие бубенчики массово встречаются на многих памятниках Восточной Европы. По новгородским материалам они датируются серединой X – серединой XII вв. [Седова 1981, с.156]. Встречены на булгарских селищах [Казаков 1991, с.119, рис.40/56-57], на поломско-чепецких памятниках X-XIII вв. [Иванова 1998, рис.55/9,11; Иванов 1998, рис.56/8-10; Семенов 1985, рис.3/26-28], на Кищилькосьском могильнике середины X-XI вв. на р. Выми [Савельева 1968, табл.II/13], на Вотчинском могильнике X-XI вв. на р. Вычегде [Истомина 1999, рис.12/1-2]. В Приобье грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью продолжают использоваться до XII-XIII вв. [Могильников 1968, с.283]. Известны такие бубенчики в могильниках Причерноморья XI-XIII вв., в кочевнических древностях XII-XIV вв. в Крыму [Крым... 2003, табл.50/12; 51/1-2; 97/23], у половцев XII в. [Степи Евразии... 1981, рис.83/28-29].

На территории Пермского Предуралья крестопрорезные грушевидные бубенчики массово представлены на Степаново плотбище и Огрудинском могильниках (раскопки А.В.Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Подгруппа 2 – толстостенные (21 экз., рис.196/50-54). Имеют небольшое шаровидное тулово с одной прорезью.

Тип 1 – с гладким туловом, соединенным с кольцевидной петлей (6 экз., рис.196/51). Аналогичные бубенчики известны на Верхней Каме в материалах XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/2].

Тип 2 – тулово переходит в цилиндрическую шейку, сплошь покрытую "поясками" гладкими и с насечками (13 экз., рис.196/50, 53-54). Такие бубенчики на Верхней Каме также датируются XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/1], встречены на Чашкинском II селище [Белавин 1987, рис.3/15].

Подтип 2.1 – тулово гладкое (7 экз., рис.196/50).

Подтип 2.2 – в центральной части тулова горизонтальный валик (5 экз., рис.196/53).

Подтип 2.3 – в центральной части тулова – группа горизонтальных "поясков" гладких и с насечками (1 экз., рис.196/54).

Тип 3 – тулово переходит в щиток, покрытый гладкими и с насечками горизонтальными полосками (2 экз., рис.196/52), аналогичным щиткам цепочек. По материалам памятников Верхней Камы подобные бубенчики датируются XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/15]. Встречены на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильниках, Омутницком могильнике IX-XII вв. на Чепце [Семенов 1985, рис.4/42-44].

Литые толстостенные бубенчики, украшенные "поясками" гладкими и с насечками, являются специфическими вымскими изделиями. Как отмечает Э.А. Савельева, такие бубенчики представлены на всех вымских могильниках, за исключением Веслянского II, с конца X-XI вв., а наибольшее распространение получают в XII-XIV вв. [Савельева 1987, с.88].

Группа 24 – ГИРЬКОВИДНЫЕ ПРИВЕСКИ (40 экз., рис.196/55-61).

Цельнолитые в виде гирек. Использовались в составе сложных украшений и в качестве пуговиц, как показывают, например, материалы Тетюшского болгарского могильника [Казаков 1992, с.205].

Подгруппа 1 – бронзовые (39 экз., рис.196/55-60)

Тип 1 – шаровидные (19 экз., рис.196/55, 58-59).

Подтип 1.1 – с маленьким шариком (диаметром до 0,4 см) (3 экз., рис.196/55).

Подтип 1.2 – с шариком средних размеров (диаметром 0,8 – 1 см) (16 экз., рис.196/58-59).

Подтип 1.3 – с крупным шариком (диаметром 1,4 см), тулово которого сплошь покрыто псевдозернью (1 экз., рис.196/60).

Тип 2 – тулово представляет собой сочетание конуса и полушария (19 экз., рис.196/56-57).

Подтип 2.1 – неорнаментированные (5 экз., рис.196/56).

Подтип 2.2 – нижняя часть орнаментирована радиальными лучами (14 экз., рис.196/57).

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, шаровидные и грушевидные подвески-пуговицы были распространены на обширной территории в течение длительного времени [Федоров-Давыдов 1966, рис.12]. Подобные привески появились в IX–X в. на раннебулгарских памятниках [Казаков 1992, рис.21/61-62], по погребениям с монетами Танкеевского могильника датируются X веком [Казаков 1992, рис.91/п.1100/2-3]. Подобные подвески-пуговицы встречаются в курганах Южного Урала IX-XII вв. [Мажитов 1981, рис.44/7; 73/8], среди материалов Саяно-Алтая VIII-XIV вв. [Степи Евразии 1981, рис.73], на мордовских памятниках [Белорыбкин 2001, с.49], в материалах конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/16], в вымских древностях конца X – XI вв. [Савельева 1987, рис.37/24], на Белоозере [Захаров 2004, рис.106].

Подгруппа 2 – свинцово-оловянистые (1 экз., рис.196/61). Верхняя часть тулова украшена горизонтальными полосками, нижняя – каплевидными лепестками, расходящимися от шаровидного выступа. На Рождественском городище найдена литейная форма для изготовления подобных привесок (рис.141/8).

Группа 25 – ПОЛЫЕ ШАРОВИДНЫЕ ПРИВЕСКИ (127 экз., рис.196/62-68).

Подгруппа 1 – бронзовые (126 экз., рис.196/62-67).

Тип 1 – в виде толстостенного шарика с вырезанной задней частью. В нижней части тулова – шаровидный выступ, в центральной части тулова – рельефный валик с прямыми насечками, на шейке – валик с прямыми насечками (1 экз., рис.196/62).

Тип 2 – тонкостенные половинки шариков с плоской кольцевидной петлей. В ожерельях и в составе других украшений использовались попарно, образуя шарик из не спаянных между собой половинок (125 экз., рис.196/63-67).

Вариант 1 – маленькие (диаметром 0,8 см) неорнаментированные, при переходе к петле короткая шейка (19 экз., рис.196/63).

Вариант 2 – маленькие (диаметром 0,8-0,9 см) неорнаментированные, без шейки при переходе к петле (60 экз., рис.196/64).

Вариант 3 – маленькие (диаметром 0,9 см), орнаментированы в нижней части, отделенной двойной полоской, радиальными насечками (60 экз., рис.196/65).

Вариант 4 – средних размеров (диаметром 1,3 см) с ребристым туловом, завершающимся шаровидным выступом (3 экз., рис.196/66).

Вариант 5 – крупная (диаметром 1,5 см) с туловом, украшенным косой решеткой, завершающимся полушарным выступом (1 экз., рис.196/67).

Полые шаровидные привески были широко распространены на памятниках Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.119; Руденко 2004, рис.1/7-8], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.38/8,11; 41/4-5; 44/5-6; 47/6; 61/18-19], на чепецких памятниках [Иванова 1998, рис.55/1-2; рис.56/6; Семенов 1985, рис.3/31,33,36,37], известны в Вотчинском могильнике X-XI вв. на р. Вычегде [Истомина 1999, рис.12/4], в Хрипуновском могильнике в Притоболье [Матвеева 1997, рис.9/2]. На территории Пермского Предуралья массово представлены в материалах Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинского (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильников.

Подгруппа 2 – свинцово-оловянистые (1 экз., рис.196/68). Тулово, разделенное в центре двойной горизонтальной полосой, орнаментировано вертикальными полосками. Петля с насечками.

ПОЯСНОЙ НАБОР

В составе поясного набора традиционно выделяются накладки, наконечники ремней и пряжки (цв. вкл. Ж/2-3), хотя, как свидетельствуют материалы прикамских могильников и, в частности, Рождественского могильника, к поясным наборам здесь относятся и привески в виде низки бронзовых пронизок и бус с колокольчиком или бубенчиком на конце.

На Рождественском археологическом комплексе найдено 1463 накладки, 150 наконечников ремня, 90 пряжек из цветных металлов.

ПРЯЖКИ ПОЯСНЫЕ

Традиционно по способу прикрепления к ремню поясные пряжки делятся на три группы: рамчатые, восьмеркообразные и щитковые.

Группа 1 – РАМЧАТЫЕ ПРЯЖКИ. Ремень у таких пряжек крепился прямо к кольцу.

Тип 1 – с дуговидным передним краем и прямоугольным задним (4 экз., рис.197/14-15).

Подтип 1.1 – передний край рамки овальный с небольшой выемкой для язычка (1 экз., рис.197/14).

Подтип 1.2 – передний край в виде плоского полукруга с небольшим подтреугольным выступом в центральной части, украшен насечками (3 экз., рис.197/15).

Подобные пряжки известны в славянских древностях конца XI – начала XII вв. [Седова 1981, с.144; рис.56/2], в Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.127-128, рис.43/6-7], в погребениях тюркоязычных кочевников Восточной Европы XI-XII вв. [Федоров-Давыдов 1966, с.44], на территории марийского Поволжья [Архипов 1986, рис.31/16]. В Пермском Предуралье аналогичная пряжка имеется в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Группа 2 – ВОСЬМЕРКООБРАЗНЫЕ ПРЯЖКИ. Ремень крепился к пряжке при помощи прямоугольного приемника.

Подгруппа 1 — язычок крепится непосредственно к перемычке между рамкой и приемником, в отдельных случаях место крепления язычка оформлено в виде короткого тонкого стержня (рис.197/7, 9, 18-22, 31).

Тип 1 – с овальной рамкой и узким прямоугольным приемником (12 экз., рис.197/1-3, 7-9, 24).

Подтип 1.1 – неорнаментированные (7 экз., рис.197/1-3,7). Подобные пряжки распространились в Пермском Предуралье с IX в. [Голдина 1985, табл. IX/1,3-6,9-12; Голдина, Кананин 1989, рис.70/11]. Встречаются на Большетиганском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.20/104-105, 108], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.42/6, 25; 47/16], в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. XI/3, 5, 10].

Подтип 1.2 – овальная рамка орнаментирована насечками (4 экз., рис.197/8-9).

Подобные пряжки также получают широкое распространение в Пермском Предуралье с IX в. [Голдина 1985, табл./2,13; Голдина, Кананин 1989, рис.70/6); известны в курганах Южного Урала [Мажитов 1981, рис.42/14], в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. XI/13-15], в марийском могильнике IX-XI вв. Нижняя Стрелка [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/19], в Биляре [Руденко 2004, рис.1/15]. Но наиболее характерны они для XI-XII вв., и широко представлены как на территории Пермского Предуралья, так и на чепецких памятниках [Иванова 1998, с.139, рис./57/16].

Подтип 1.3 – рамка и приемник орнаментированы насечками (1 экз., рис.197/24).

Подобные пряжки известны на территории Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/4,18], в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.118, рис.10].

Тип 2 – с лировидной рамкой и узким прямоугольным приемником (21 экз., рис.197/16-23).

Подтип 2.1 – рамка в виде широкой гладкой пластины (19 экз., рис.197/17-22).

Вариант 1 – в месте фиксации язычка на рамке небольшое углубление (1 экз., рис.18). Аналогичные пряжки в Пермском Предуралье получили распространение с IX в. [Голдина, Кананин 1989, рис.70/8], известны на памятниках Южного Приуралья [Кригер, Железчиков 1980, с.301, рис.1], на территории Волжской Болгарии [Город Болгар 1996, с.202, рис.66/7].

Вариант 2 – в месте фиксации язычка на рамке фигурное "лилиевидное" украшение (16 экз., рис.197/20-22). Подобные пряжки встречаются на широкой территории Восточной Европы и Средней Азии. Они считаются характерными для славянских древностей XI–XII веков [Седова 1981, с.114, рис.56], хорошо известны в Волжской Болгарии [Казаков 1991, рис.43/9; Руденко 2002, рис.58/11], в Марийском Поволжье [Архипов 1986, рис.31/14-15]. На территории Пермского Предуралья подобные пряжки имеются в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Селянино Озеро [Макаров 1997, рис.7/2], на Купросском городище [Белавин 1999а, рис.5/14-15].

Подтип 2.2 – рамка в виде узкой пластины (2 экз., рис.197/16, 23).

Вариант 1 – рамка гладкая (рис.197/16).

Вариант 2 – рамка орнаментирована насечками (рис.197/23).

Подобные пряжки известны на территории Волжской Болгарии [Город Болгар 1996, с.202, рис.66/8], Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/3].

Тип 3 – прямоугольные (2 экз., рис.197/30-31). В месте фиксации язычка – углубление.

Подтип 3.1 – неорнаментированная (рис.197/30).

Подтип 3.2 – по нижнему краю рамки – насечки (рис.197/31).

Подобные пряжки в Пермском Предуралье известны в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича). Такие пряжки встречаются на территории Волжской Болгарии [Казаков 1991, рис.43/4-5; Руденко 2002, рис.58/9] и Руси, где по новгородским материалам они датируются первой четвертью XI – второй половиной XII вв. [Седова 1981, с.144, рис.56/3], известны в Омутницком могильнике IX-XII в. в Чепецком бассейне [Семенов 1985, рис.6/6], встречены на Таманском городище в Причерноморье в материалах конца XI – второй половины XII в. [Крым... 2003, табл.69/40].

Подгруппа 2 – между рамкой и приемником – прямоугольная площадка с отверстием для крепления язычка. Отверстие имеет круглую, овальную или прямоугольную форму.

Тип 1 – с овальной рамкой (8 экз., рис.197/4-6, 10-13).

Подтип 1.1 – приемник и площадка образуют фигуру в форме трапеции (7 экз., рис.197/4-5, 10-13).

Вариант 1 – площадка неорнаментированная (3 экз., рис.197/5, 11). Как разновидность, рамка может быть орнаментирована насечками (рис.197/11). Подобные пряжки известна на Огурдинском могильнике XI в. (раскопки Н.Б. Крыласовой), в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. XI/16].

Вариант 2 – площадка орнаментирована горизонтальными полосками (2 экз., рис.197/4, 10). Разновидность – рамка орнаментирована насечками (рис.197/10). Аналогичные пряжки известны в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 3 – площадка орнаментирована горизонтальными поясками с насечками (1 экз., рис.197/12).

Вариант 4 – площадка орнаментирована горизонтальным поясом с насечками, по периметру приемника и рамки орнаментальная полоса с насечками (1 экз., рис.197/13). Аналогичные пряжки встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), в д. Дойнар Юсьвинского р-на КПАО (коллекция КПОКМ, № 112).

Подтип 1.2 – приемник и площадка образуют прямоугольник (1 экз., рис.197/6). Площадка орнаментирована горизонтальным поясом с насечками. Аналогичная пряжка известна в материалах городища Острая грива (коллекция СКМ).

Тип 2 – с лировидной рамкой (4 экз., рис.197/25-28).

Подтип 2.1 – узкий прямоугольный приемник отделен от рамки площадкой в виде узкой "шейки" с насечками по бокам (2 экз., рис.197/25-26).

Подобная пряжка известна на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/11]. Аналогичные пряжки известны

в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 2.2 – приемник и площадка в виде трапеции, орнаментированы горизонтальными полосками (1 экз., рис.197/27).

Аналогичная пряжка имеется в материалах погр.1 кургана 6 Карана-евских курганов Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1991, рис.60/26].

Подтип 2.3 – приемник и площадка в форме прямоугольника, площадка по краям орнаментирована рядами полушарных выпуклин, в центре – композицией из пяти концентрических кружков (1 экз., рис.197/28).

Подобная пряжка найдена в погр. №76 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Тип 3 – с пятиугольной рамкой, на прорезной площадке – стилизованное изображение головы медведя (1 экз., рис.197/29). Подобные пряжки широко представлены в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича). Единичные экземпляры известен в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. XI/17], в могильнике Шойнаты II [Савельева, Королев 1990, рис.10/6; Королев 1997, рис.50/5]. Пряжки аналогичного типа с подобным сюжетом, но с изображением медведя, выполненном в более высоком рельефе, известны на территории Западной Сибири [Угорское наследие 1994, № 84-85], где они датируются VIII-X веками. В Пермском предуралье довольно широкая серия подобных пряжек происходит из погребений Баяновского могильника (раскопки А.В. Данича).

В целом, пряжки описанной подгруппы только в единичных экземплярах встречены в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.20/8; 60/26], на корельском городище Паасо [Кочкуркина 1981, табл.9/38], в Варнинском могильнике [Семенов 1980, табл.□XI/16-17], на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/11] и могут считаться изделиями, характерными для Рождественского археологического комплекса, где они составляют 14,5% от всех пряжек.

Группа 3 – ЩИТКОВЫЕ ПРЯЖКИ. Имеют щиток в виде плоской пластины, которая крепится к ремню с помощью штифтов.

Тип 1 – с подтреугольным щитком, рамки овальные (5 экз., рис.198/1-3).

Подтип 1.1 – с неорнаментированным подтреугольным щитком (3 экз., рис.198/1).

Подтип 1.2 – подтреугольный щиток в виде сдвоенного сердечка (2 экз., рис.198/2-3).

Вариант 1 – неорнаментированная (рис.198/2).

Вариант 2 – щиток обрамлен бордюром из ложной зерни, в центре композиция из сердечка и завитков (рис.198/3).

Пряжки с подтреугольным щитком известны в материалах кочевнических курганов Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.15/2].

Тип 2 – с подпрямоугольным щитком, рамки овальной и лировидной формы (11 экз., рис.198/4-8, 13-14, 22-24).

Подтип 2.1 – задний конец щитка с небольшим округлым выступом в центральной части (5 экз., рис.198/4-5, 22-23). Не орнаментированные. Пряжки подобной формы известны на территории Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/16].

Подтип 2.2 – тыльный конец щитка оформлен в виде "ласточкиного хвоста". По периметру щитка бордюр из ложной зерни (1 экз., рис.198/6). Аналогичные пряжки известны в материалах Танкевского могильника в Та-

тарстане [Казаков 1992, с.99, рис.33].

Подтип 2.3 – задний конец щитка приострен (2 экз., рис.198/7, 13).

Вариант 1 – щиток украшен простым растительным орнаментом (рис.198/7).

Вариант 2 – периметр щитка и рамка украшены рядами ложной зерни, в центре щитка – сложный растительный орнамент (рис.198/13).

Подобные пряжки встречаются на Вымских памятниках XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.35/1-2], в Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.129, рис.43/13-14; Город Болгар 1996, рис.66/17], где они датируются IX-X вв., на территории Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/15], в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.84, рис.2].

Подтип 2.4 – тыльный конец щитка прямой (3 экз., рис.198/8, 14, 24).

Вариант 1 – боковые стороны щитка орнаментированы рядами полушарных выпуклин (рис.198/8).

Вариант 2 – по бокам щитка – два круглых отверстия (рис.198/14).

Вариант 3 – углы щитка дополнены округлыми выступами (рис.198/24).

На территории Волжской Болгарии, по мнению Е.П. Казакова, такие пряжки датируются IX-X вв. [Казаков 1991, с.129, рис.43/11; Город Болгар 1996, рис.66/14-15]. Известны подобные пряжки и в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.81, рис.9].

Тип 3 – с вытянутым закругленным сзади щитком. Рамки овальные (6 экз., рис.198/9-12, 25).

Подтип 3.1 – с орнаментом в виде чередующихся ромбов и кругов, образованных линиями из ложной зерни (2 экз., рис.198/9, 12).

Подтип 3.2 – с решетчатым орнаментом из ромбов (3 экз., рис.198/10-11).

Подтип 3.3 – неорнаментированная. Пряжка служила для крепления к поясу бронзовой шумящей треугольной подвески, украшенной треугольниками ложной зерни, с четырьмя кольцами для крепления шумящих привесок (рис.198/25). Аналогичные подвески найдены в п.№3 Починковского могильника в Марийском Поволжье [Архипов 1986, рис.24/5], в кургане у д. Абакумово на р. Сорогоже, подобные подвески являются характерными и для поломско-чепецких памятников [Иванов 1998, рис.29/10,12; Иванова 1998, с.143; рис.58]. Л.А. Голубева интерпретировала их как подвески камского типа (Голубева 1973, рис.5/4, рис.6/1]. Такие подвески использовались как нагрудные украшения, однако в данном случае подвеска, вероятно, была использована как украшение пояса, так как традиции использования шумящих нагрудных украшений в Пермском Предуралье не существовало.

Пряжки с закругленным сзади щитком известны на территории Волжской Болгарии, где они датируются IX-X вв. [Казаков 1991, с.129, рис.43/10; Город Болгар 1996, рис.66/16].

Тип 4 – со щитком в виде стилизованного трилистника. Рамки овальные и лировидные (8 экз., рис.198/15-21).

Подтип 4.1 – орнаментированные (6 экз., рис.198/15-18).

Подтип 4.2 – не орнаментированные (2 экз., рис.198/19-21).

Аналогичные пряжки на территории Пермского Предуралья известны в материалах Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинского могильников (раскопки Н.Б. Крыласовой). Они широко представлены на территории Волжской Болгарии, например, в Болгаре и Биляре [Город

Болгар 1996, рис.66/18; Руденко 2004, рис.1/14], в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.88]. Поясной набор с подобной пряжкой встречен на могильнике Владышево II в Вологодской области. Для памятников северной периферии Древней Руси находки таких поясных наборов чрезвычайно редки [Макаров, Меснянкина 2004, с.214, рис.2/12].

Цельнолитые пряжки со щитком получили распространение в Пермском Предуралье с IX в. [Голдина 1985, табл. VIII; Голдина, Кананин 1989, рис.70/1-3, 5]. Большинство их разновидностей находит широкие аналогии в средневековых древностях Восточной Европы VIII-XI вв. [Савельева 1987, с.140-141; Город Болгар 1996, с.218].

Как показали наблюдения, в большинстве случаев пряжки были снабжены узкими тонкими слегка изогнутыми медными или бронзовыми язычками. Но, вероятно, такие язычки часто ломались или отсоединялись от пряжки, о чем свидетельствуют находки таких язычков отдельно от пряжек (рис.198/28-29). Поэтому их нередко заменяли язычками из железа (рис.198/21, 22, 30), дерева (рис.197/14) и даже толстой кожи (рис.197/15).

НАКЛАДКИ

Поясные накладки – одна из наиболее массовых категорий украшений, как на городище, так и на могильнике. Они отличаются большим разнообразием форм и орнаментации. Различаются накладки и по размерам. Анализ поясной гарнитуры из погребений Рождественского могильника показал, что накладки крупных размеров использовались для украшения основного ремня, а мелкие – для поясных привесок.

Основанием для выделения групп поясных накладок является материал, из которых они изготовлены. Всего выделено 3 группы: бронзовые, серебряные и свинцово-оловянистые (железные накладки рассмотрены в разделе, посвященном поясной гарнитуре аскизского типа).

Группа 1 — БРОНЗОВЫЕ НАКЛАДКИ. Все бронзовые накладки литые со шпеньками или петлями, с помощью которых они крепились к ремню. Типы среди них выделены по форме.

Тип 1 – квадратные (181 экз., рис.199/1-12, /52-54).

Подтип 1.1 – прорезные (177 экз., рис.199/2-12).

Прорезь в нижней части накладки, предназначенная для крепления ремешков поясных привесок, сумочек, ножен и пр., имеет овальную, подпрямоугольную, сердцевидную форму. Накладки различаются по орнаментации:

Вариант 1 – неорнаментированные (81 экз., рис.199/2). Подобные накладки встречены в десяти погребениях Рождественского могильника, причем в погр. № 48, 90, 118, 102 они составляли наборы, включающие от 6 до 24 накладок.

Аналогичные накладки известны на Аверинском и Щукинском могильниках на Верхней Каме [Голдина, Кананин 1989, рис.49/11-12,14], Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском могильниках (раскопки Н.Б. Крыласовой), на Чепце [Иванов 1990, рис.9/36; Семенов 1980, табл.XII/41], на Большетиганском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.20/44-45],

в Болгаре (Город Болгар 1996, рис.68/1], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.18/1, 26/16, 30/5, 32/1а, 34/13, 40/26], на могильнике Нижняя Стрелка в Марийском Поволжье [Казаков 2000, рис.5/11], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/17].

Вариант 2 – с геометрическим орнаментом из ромба и фигур в виде буквы "S" (9 экз., рис.199/3). Встречены в трех погребениях, в погр. № 83 составляли набор из 6 экземпляров.

Подобные накладки известны в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/19], в Омутницком могильнике IX-XII вв. в Удмуртии [Семенов 1985, рис.5/17-19].

Вариант 3 – с орнаментом из трех "выпуклин" (6 экз., рис.199/4).

Вариант 4 – с орнаментом в виде решетчатого ромба (1 экз., рис.199/5).

Вариант 5 – с "Ж"-образным орнаментом (57 экз., рис.199/6-11). Встречены в 11 погребениях, в погр. № 47, 99 и 126 составляли наборы по 4-5 экземпляров. Накладки, относящиеся к данному варианту, имеют отличия в особенностях начертания центральной фигуры и оформления окружающего пространства. Нижние линии могут быть оформлены в виде петель (рис.199/6-7) или завитков (рис.199/8-10), иногда фигура имеет дополнительные завитки, придающие ей более "растительный" вид (рис.199/9-10). Особенно значительно переработан в растительный "Ж"-образный орнамент на накладках с сумочки из погр.№ 48 (рис.199/11). Пространство вокруг центральной фигуры нередко заполнялось короткими насечками.

Аналогичные накладки известны на территории Пермского Предуралья на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском могильниках (раскопки Н.Б. Крыласовой), на Б. Кочинском городище (коллекция КПОКМ), на городище Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц).

Вариант 6 – с орнаментом в виде стилизованного трилистника (1 экз., рис.199/12). Аналогичные накладки встречены на Качкашурском могильнике в Удмуртии [Иванов 1990, рис.9/37], в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.85, рис.6]. В Пермском Предуралье известны на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Подтип 1.1 – непрорезные (4 экз., рис.199/1; 200/52-54).

Вариант 1 — гладкая неорнаментированная накладка (1 экз., рис.199/1). Аналогичные встречены на Качкашурском могильнике IX-XIII вв. в Удмуртии [Иванов 1990, рис.9/35].

Вариант 2 – маленькая квадратная накладка, орнаментированная рядами полушарных выпуклостей, сгруппированных по 3 (1 экз., рис.200/54). Аналогичные известны в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.XII/46]; на территории Пермского Предуралья подобные встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 3 – подквадратная накладка, орнаментированная четырьмя лепестками, расположенными в виде креста. Между лепестками – ряды ложной зерни. Поле лепестков покрыто насечками (1 экз., рис.200/52). Подобные накладки в древностях Приладожья и Прионежья датируются X — началом XI в. [Кочкуркина 1989, рис.88/8].

Вариант 4 – подквадратная накладка небольшого размера, вдоль двух противоположных сторон – плавные округлые выемки, в центре – крупный полушарный выступ, по углам – треугольники ложной зерни (1 экз., рис.200/53). Аналогичные накладки в Пермском Предуралье известны на

могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой).

Тип 2 – прямоугольные (2 экз., рис.199/13-14).

Подтип 2.1 – прямоугольная неорнаментированная накладка, обрамленная бордюром, украшенным насечками (1 экз., рис.199/13).

Подтип 2.2 – прямоугольная накладка, с трех сторон украшенная бордюром с насечками, с четвертой стороны – небольшим треугольным выступом. Поле накладки орнаментировано овалом с "елочкой" и двумя косоугольными четырехугольниками (1 экз., рис.199/14).

Тип 3 – в виде "французского" геральдического щита (40 экз., рис.199/15-26). В погребении № 86 обнаружен набор из 17 накладок данного типа (рис.73; рис.199/24). "Щиток" накладок имеет прямые или слегка вогнутые боковые стороны и сердцевидный или подтреугольный выступ в верхней части (расположение прорезей на накладках показывает, что "щиток" крепился к поясу в перевернутом виде).

Подтип 3.1 – прорезные (15 экз., рис.199/15-21). Прорезь имеет овальную или сердцевидную форму, на отдельных накладках (рис.199/20-21) нижняя часть прорези оформлена в виде круглого в сечении прутка, отлитого вместе с накладкой. По особенностям орнаментации в данном подтипе выделяется 3 варианта.

Вариант 1 – неорнаментированное поле "щитка" обрамлено бордюром из насечек или ложной зерни (2 экз., рис.199/15-16). Аналогичные накладки известны в булгарских древностях [Руденко 2001, рис.1/1; Казаков 1992, рис.60/55-56], на могильнике Нижняя Стрелка в Марийском Поволжье [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/20; Казаков 2000, рис.5/2]. В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 2 – в центральной части "щитка" расположен крупный овал (4 экз., рис.199/17-18).

Вариант 3 – в центральной части "щитка", обрамленной бордюром из ложной зерни, помещено стилизованное изображение трилистника (10 экз., рис.199/19-20). Подобные накладки известны в могильнике Качкашур в Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/22], в Пермском Предуралье — на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 3.2 – непрорезные (у отдельных экземпляров данных накладок на поверхности отмечаются кусочки напаянного металла, что свидетельствует о возможном использовании этих накладок для крепления каких-либо приспособления к поясу (рис.199/34-35)).

Вариант 1 – крупная щитовидная накладка украшена тремя полосами, расходящимися лучами (рис.199/22).

Вариант 2 – накладки украшены геометрическим орнаментом из ромбов (4 экз., рис.199/23).

Вариант 3 – поле "щитка" украшено сложным растительным орнаментом (19 экз., рис.199/24-26).

Тип 4 – в виде "испанского" геральдического щита (по Казакову – "полуовальные") (22 экз., рис.199/27-33).

Подтип 4.1 – прорезные (17 экз., рис.199/30-33). Прорезь имеет овальную или сердцевидную форму. Все накладки данного подтипа имеют форму полуовала.

Вариант 1 – в центре "щитка" изображение простого стилизованного трилистника (2 экз., рис.199/30). Аналогии имеются на булгарских селищах [Казаков 1991, с.133, тип А1114], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/21].

Вариант 2 – в центральной части щитка, обрамленной бордюром из ложной зерни или насечек – три кружка или ромбика, расположенные треугольником (14 экз., рис.199/31-32). Аналогичные накладки на территории Пермского Предуралья известны на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Вариант 3 – с растительным орнаментом (1 экз., рис.199/33).

Подтип 4.2 – непрорезные (5 экз., рис.199/27-29). Накладки подпрямоугольной формы с одной закругленной стороной. В центральной части щитка, обрамленной бордюром из ложной зерни или насечек, – растительный орнамент.

Е.П. Казаков относит накладки данного типа к X-XI вв., и считает большинство из них продукцией булгарских ремесленников [Казаков 1991, с.133]. Аналогичные накладки в единичных экземплярах встречены на Белоозере, где они датируются до конца XI в. [Захаров 2004, рис.96/42, рис.263/30].

Тип 5 – в виде "варяжского" геральдического щита (171 экз., рис.199/34-42), выпуклые, как черепаховый панцирь.

Подтип 5.1 – нижняя сторона прямая, боковые стороны плавно скругляются, создавая треугольно-подпрямоугольную форму. Украшены бордюром из ложной зерни и растительным "бабочковидным" орнаментом (52 экз., рис.199/34-35).

Вариант 1 – прорезные (17 экз., рис.199/35).

Вариант 2 – непрорезные (35 экз., рис.199/34).

Аналогии известны в вымских древностях конца X-XI вв. [Савельева 1987, с.136, тип 5, рис.36/1, 3; рис.37/21], единичные экземпляры встречаются в Волжской Болгарии, например, в Биляре [Казаков 1991, рис.44/54; Руденко 2004, рис.1/14], в Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/31], в Белоозере [Голубева 1973, рис.51/7].

Подтип 5.2 – в нижней части накладки – выемка, в целом форма близка к сердцевидной (119 экз., рис.199/36-42). Как показали материалы могильника, накладки данного подтипа обычно использовались для оформления основного ремня пояса, реже – поясных привесок, на ремень они крепились таким образом, что острый конец накладки помещался в выемку следующей.

Вариант 1 – с бордюром из ложной зерни и "бабочковидным растительным орнаментом (77 экз., рис.199/36-37). В погребениях № 49, 81, 90, 111 такие накладки составляли наборы от 5 до 7 экземпляров. Данный вариант накладок стандартен в оформлении, но в нем выделяется два вида – удлиненных пропорций (рис.199/36) и более широкие и короткие (рис.199/37). Аналогии известны в Вымских могильниках, где они датируются концом X-XI вв. [Савельева 1987, с.136, тип 4, подтип 2, рис.36/5-6, 37/19], единичные экземпляры встречаются в Кузьминском могильнике в Удмуртии [Иванов 1998, рис.51/31], на Мурзихинском селище в Волжской Булгарии [Руденко 2002, рис.58/36], в могильнике у Барсова городка в Приобье [Барсова гора

2002, рис.28], на Белоозере [Захаров 2004, рис.96/59].

Накладки подтипа 5.1 и варианта 1 подтипа 5.2 массово встречаются в Пермском Предуралье на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Антыбарском (раскопки Г.Т. Ленц) могильниках, селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой), Саламатовском (раскопки А.М. Белавина), Купросском [Белавин 1999а, рис.5/4-5], Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) городищах, Чашкинском II селище (раскопки А.М. Белавина).

Вариант 2 – поле наладки заполнено поясками ложной зерни или поясками с насечками (8 экз., рис.199/38-40). 6 экземпляров составляли набор в погр. № 79 (рис.70; рис.199/38). Форма для отливки накладок данного типа известна в коллекции Биляра [Культура Биляра 1985, табл. XXXVI/1].

Вариант 3 – поле накладки украшено растительным орнаментом в виде стилизованного трилистника (34 экз., рис.199/41-42). Подобные накладки в погребении № 76 составляли набор из 10 экземпляров.

Аналогичные накладки известны на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р.Вычегде [Истомина 1992, рис.1/7]; на территории Пермского Предуралья встречены на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Тип 6 – пятиугольной формы (141 экз., рис.199/43-60).

Подтип 6.1 – прорезные (11 экз., рис.199/43-47). Имеют прорези овальной и подчетырехугольной формы.

Вариант 1 – форма накладки близка к сердцевидной, однако по способу использования и пропорциям она близка к предметам данного типа. Накладки гладкие, неорнаментированные, в нижней части имеют прорези подчетурехугольной формы с заостренным выступом вверху (3 экз., рис.199/43). Данные накладки входили в набор из погр.№ 28 (рис.56).

Вариант 2 – гладкая пятиугольная накладка украшена тремя полушарными выпуклинами, расположенными треугольником (2 экз., рис.199/44). Накладки входили в набор из погр. № 25 (рис.55).

Вариант 3 – в центральной части накладок – стилизованное изображение трилистника, в некоторых случаях обрамленное бордюром из ложной зерни или насечек (6 экз., рис.199/45-47). Аналогичные накладки известны в Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подтип 6.2 – непрорезные (130 экз., рис.199/48-60).

Вариант 1 – обрамлены бордюром из ложной зерни или насечек, в нижней части – фигура в виде "сердечка", в центре поля – растительный орнамент (35 экз., рис.199/48-52). 6 таких накладок (рис.199/51) входили в состав набора из погр. № 79 (рис.70). Аналогичные накладки единично встречаются на Белоозере [Захаров 2004, рис.96/52-53].

Вариант 2 – крупная пятиугольная накладка с растительным орнаментом (1 экз., рис.199/53).

Вариант 3 – крупная пятиугольная накладка с треугольными выступами по боковым углам и в нижней части. Орнаментирована фигурами в виде полумесяцев, расположенными в зеркальном отражении. Внешние "полумесяцы" заполнены рядами ложной зерни (5 экз., рис.199/54).

Аналогичные накладки на территории Пермского Предуралья встречены на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича,

Н.Б. Крыласовой). Подобные накладки известны также в могильнике Шойнаты II на Вычегде [Савельева, Королев 1990, рис.16/1; Королев 1997, рис.46/18], в чепецком Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/34].

Вариант 4 – подпятиугольные фигурные накладки, украшенные орнаментом из концентрических кругов и овалов, дополненным простыми завитками. На нижней и боковых сторонах в выемках – небольшие полушарные выступы (69 экз., рис.199/55-58). В погр. № 114 63 экземпляра подобных накладок (рис.199/55-56) входили в состав поясных привесок (рис.83).

Вариант 5 – накладки орнаментированы мелкими полушарными выступами, ромбами, полоской с насечками (20 экз., рис.199/59-60). В перевернутом виде напоминают стилизованное изображение личины. Различаются два вида – удлиненных пропорций (14 экз., рис.199/60) и более широкие и короткие (6 экз., рис.199/59). В погребениях № 64 и 71 по 9 таких накладок входили в состав поясных наборов (рис.65; рис.67), в погр. № 64 одновременно присутствовали накладки обоих видов.

Поясной набор из подобных накладок встречен на могильнике Владышево II в Вологодской области. Для памятников северной периферии Древней Руси находки таких поясных наборов чрезвычайно редки [Макаров, Меснянкина 2004, с.214, рис.2/7-13].

Тип 7 – подсердцевидные (65 экз., рис.199/61-69).

Подтип 7.1 – в виде "сердечка" с полукруглым выступом в выемке (7 экз., рис.199/67-69).

Вариант 1 – гладкая накладка с круглым отверстием в центре, в выемке сердечка – большой полукруглый выступ с орнаментом в виде треугольника, у основания выступа – маленькие "петельки" (1 экз., рис.199/67). Обнаружена в составе поясного набора в погр. № 100 (рис.78). Аналогии имеются в венгерских древностях [The ancient Hungarians 1996, с.318, рис.2].

Вариант 2 – гладкая неорнаментированная накладка с маленьким полукруглым выступом в выемке "сердечка" (4 экз., рис.199/68).

Вариант 3 — накладка с маленьким полукруглым выступом в выемке "сердечка" обрамлена бордюром из ложной зерни, в центре – стилизованное изображение древа жизни (2 экз., рис.199/69). Аналогичные накладки известны на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/8], в венгерских древностях [The ancient Hungarians 1996, с.81, рис.9; с.103, рис.37]. В Пермском Предуралье такие накладки известны на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 7.2 – форма накладок представляет собой соединение двух "сердечек" (52 экз., рис.199/61-66).

Вариант 1 – орнаментированы повторенным дважды изображением трилистника (8 экз., рис.199/61). В погр. № 85 они составляли набор поясной привески из 7 экземпляров (рис.73).

Вариант 2 — накладки украшены геометрическим орнаментом из ромбов 9 экз., рис.199/62), аналогичным орнаменту на щитовидных накладках варианта 2 подтипа 3.2 (рис.199/23). В погр. № 55 они составляли один набор с упомянутыми щитовидными накладками (рис.62).

Аналогичные накладки известны в материалах Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Вариант 3 – неорнаментированные накладки, в местах соединения "сердечек" и в выемке – небольшие полушарные выступы (41 экз., рис.199/

63-66). Имеют несколько разновидностей, отличающихся пропорциями и оформлением внешнего края. В погр.№ 100 в поясной набор входило по 6 накладок разных пропорций (рис.78; рис.199/63-64), в погр. №92 (рис.75) — 18 экз. узких (рис.199/65), 10 – широких (рис.199/66).

Накладки аналогичной формы встречаются в булгарских материалах (Казаков 1991, с.130, рис.44/27,30,55; Город Болгар 1996, рис.67/21), в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1991, рис.60/4,22], на территории Удмуртии [Иванов 1990, рис.9/15,17-19; Иванов 1998, рис.51/19], в Марийском Поволжье [Казаков 2000, рис.5/13]. Хорошо известны подобные накладки и в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.141, рис.3]. В Пермском Предуралье такие накладки известны на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой).

Тип 8 – сердцевидные (581 экз., рис.199/71-109).

Подтип 8.1 – прорезные (151 экз., рис.199/74-81, 85-86). Имеют прорези круглой, овальной и сердцевидной формы, которые, очевидно, в отличие от прорезей описанных выше накладок, играли только декоративную функцию.

Вариант 1 – неорнаментированные (146 экз., рис.199/74-77, 85-86). Различается два вида – крупные и мелкие. Крупные сердцевидные накладки могли использоваться как для оформления основного ремня, так и для привесок, мелкие применялись для украшения поясных привесок и сумочек. В погребениях № 50, 48, 90, 99, 102, 118 в состав наборов входило от 4 до 37 подобных накладок.

Вариант 2 – неорнаментированные с бордюром из ложной зерни (1 экз., рис.199/78).

Вариант 3 – с простым орнаментом в виде "уголка" (4 экз.), образованного тремя кружками (рис.199/79), ромбом с завитками (рис.199/80), решетчатым ромбом (рис.199/81).

Прорезные сердцевидные накладки известны на Аверинском (Голдина, Кананин 1989, рис.50/9-10), Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильниках в Пермском Предуралье; на Большетигнанском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.20/19-20], в Болгаре [Город Болгар 1996, рис.67/23], в курганах Южного Урала IX-XI вв. [Мажитов 1981, рис.41/17-18; 71/6], на чепецких памятниках [Иванов 1990, рис.9/2,6,9; Семенов 1985, рис.5/9], в Марийском Поволжье [Казаков 2000, рис.5/17], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/16], на Белоозере до конца XI в. [Захаров 2004, рис.96/46-47, рис.263/29].

Подтип 8.2 – непрорезные (430 экз., рис.199/71-73, 82-84, 87-109).

Вариант 1 – неорнаментированные (72 экз., рис.199/71-72, 82-84). Различаются по размерам и особенностям оформления края. В погр. № 55, 81, 99 от 4 до 21 подобных накладок входили в состав поясных наборов.

Аналогии имеются в Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.134, тип AV1], на территории Марийского Поволжья [Архипов 1986, рис.31/22], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1991, рис.58/36; 60/13,24], на чепецких памятниках [Иванов 1990, рис.9/1; Семенов 1985, рис.5/5-6], в Вотчинском и Усть-Сысольском могильниках на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/11, 13; Королев 1997, рис.43/2], на Белоозере [Захаров 2004, рис.96/45]. Аналогичные накладки на территории Пермского Предуралья встречены на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Кры-

ласовой).

Вариант 2 – с бордюром из ложной зерни (7 экз., рис.199/73, 101). Подобные известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), на Измерском селище [Казаков 1991, с.134, тип AV2], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1991, рис.58/33,37], на Качкашурском могильнике IX-XIII вв. [Иванов 1990, рис.9/3] и Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/10-11] в Удмуртии.

Вариант 3 — в центре накладки – овальное углубление (6 экз., рис.199/87).

Вариант 4 — с кружковым орнаментом (2 экз., рис.199/97-98).

Вариант 5 — с "Ж"-образным орнаментом (6 экз., рис.199/93), аналогичным орнаменту на квадратных накладках варианта 5 подтипа 1.2 (рис.199/9).

Вариант 6 — в центре накладки "сердечко" со вписанным в него ромбом с завитками (158 экз., рис.199/89, 91, 100, 102, 103, 106, 108). Выделяются разновидности по пропорциям и особенностям оформления внешнего края. В погребениях № 49, 81, 90, 112, 126 от 6 до 41 экземпляров подобных накладок входили в состав наборов поясных привесок.

Вариант 7 — со стилизованным изображением трилистника (166 экз., рис.199/88, 90, 92, 94-95, 99, 104-105, 107). Выделяется несколько разновидностей по пропорциям, особенностям орнамента и оформлению внешнего края. В погр. № 20, 62, 99 составляли наборы от 5 до 11 экземпляров.

Аналогии известны на Верхней Каме в материалах XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/3], на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Многочисленные аналогии известны на памятниках Волжской Болгарии, например, на Большетигнанском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.20/17], в Болгаре [Город Болгар 1996, рис.67/19-20], в вымских древностях конца X-XI вв. [Савельева 1987, с.36, тип 4, подтип 1; рис.36/16; 37/18], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/20], на Белоозере [Захаров 2004, рис.96/48-50], в курганах Южного Урала X-XI вв. [Мажитов 1981, рис.71/5], на Качкашурском могильнике IX-XIII вв. [Иванов,1990, рис.9/8] и Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/12] в Удмуртии, в могильнике у Барсова Городка [Барсова гора 2002, рис.29], в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.81, рис.9; с.103, рис.37].

Вариант 8 – с растительным орнаментом (13 экз., рис.199/96, 109). Аналогичная накладка встречена на Мурзихинском селище в Волжской Булгарии [Руденко 2002, рис.58/35].

Пояс, "украшенный множеством медных блях, сделанных на подобие сердечек", найденный на Рождественском городище, был преподнесен жителями д. Постаногово в 1770 г. капитану Н.П. Рычкову, который по их поводу написал, что они "являют простоту древнего художества и грубый вкус тогдашнего века народов" [Рычков 1772, с.74].

Сердцевидные накладки имеют чрезвычайно широкий ареал распространения. Они встречены во многих памятниках VIII-XI вв. Восточной Европы, Сибири и Средней Азии [Город Болгар 1996, с.218]. Большинство сердцевидных накладок, встреченных на Рождественском археологическом

комплексе, имеют аналогии в венгерских древностях и на памятниках Волжской Болгарии, где, по мнению Е.П. Казакова, они датируются X-XI веками [Казаков 1991, с.135].

Тип 9 – с привесками (27 экз., рис.200/1-9).

Подтип 9.1 – с привеской в виде кольца (25 экз., рис.200/1-6, 9). В нижней части основы – петелька для крепления кольца. Подобные накладки распространились в Пермском Предуралье с IX в. под влиянием салтовских прототипов, и широко использовались еще и на протяжении X века [Голдина, Кананин 1989, рис.70/21-23; 71/8].

Вариант 1 – основа в виде полукруга с зубчатым краем, обрамленным пояском с насечками. В центре основы – 4 круглых отверстия, расположенных в форме квадрата (1 экз., рис.200/1). Происходит из погр. № 25 могильника. Аналогичные накладки известны на Аверинском [Голдина, Кананин 1989, рис.50/23], на Танкеевском могильниках [Казаков 1992, рис.60/32].

Вариант 2 – основа в виде стилизованного трилистника с изображением трилистника в центре. В выемках внешнего края – мелкие полушарные выступы. Кольцо из витой проволоки (1 экз., рис.200/2). Происходит из погр. № 79 могильника. Подобные накладки известны в материалах Танкеевского могильника в Татарстане [Казаков 1992, рис.60/33-34]. В Пермском Предуралье встречены на Аверинском и Щукинском могильниках на Верхней Каме [Голдина, Кананин 1989, рис.50/24], на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 3 – основа подтреугольная, украшена ромбами (рис.200/3). 18 экземпляров данных накладок служили для украшения основного ремня в поясном наборе из погр. № 81 могильника (рис.71).

Вариант 4 – основа круглая с бордюром из насечек (4 экз., рис.200/4-6). Разновидность – простой орнамент из кружка с завитками (рис.200/4).

Подобные накладки известны на верхнекамских могильниках [Голдина, Кананин 1989, рис.50/35].

Вариант 5 – основа подквадратная с закругленными углами и небольшими выемками по бокам (1 экз., рис.200/9).

Подтип 9.2 – с петлями для крепления шумящих привесок (2 экз., рис.200/7-8).

Вариант 1 – неорнаментированная основа в виде двух соединенных между собой кругов, между кругами – крупная овальная петля (1 экз., рис.200/7). Крепление к поясу с помощью петли. Происходит из погр. № 51 могильника.

Вариант 2 – основа круглая, обрамленная бордюром из ложной зерни, в центре – крупный полушарный выступ с четырьмя мелкими шариками вокруг. Основа дополнена двумя кольцевидными петлями для шумящих привесок. На оборотной стороне накладки – петля для крепления к ремню (1 экз., рис.200/8).

Тип 10 – зооморфные — со стилизованным изображением морды животного (41 экз., рис.200/10-16).

Подтип 10.1 – мелкие накладки, изображающие мордочку животного (рис.200/10-15). Как и мелкие сердцевидные накладки, использовались для оформления поясных привесок, иногда входили в один набор с сердцевидными накладками. Накладки с личинами известны на памятниках Пермского Предуралья и р. Чепцы с IX века [Голдина, Кананин 1989, рис.70/26-27;

Семенов 1980, табл. XIII/10].

Вариант 1 – с помощью плавных выпуклостей обозначен длинный нос, щеки, подтреугольными или округлыми выступами показаны уши (27 экз., рис.200/10, 13-14). Разновидности: без обозначения глаз (18 экз., рис.200/10), глаза каплевидной формы с точкой в центре (1 экз., рис.200/13), глаза овальной формы (8 экз., рис.200/14).

Аналогичные накладки широко представлены на Измерском селище в Волжской Болгарии, там же найдена литейная формочка и бракованная отливка с подобными накладками [Казаков 1991, с.137; рис.19/2]. Известны такие накладки в материалах марийского могильника IX-XI вв. Нижняя Стрелка [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/23]. На территории Пермского Предуралья подобные накладки встречены на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильниках.

Вариант 2 – с помощью углублений выделены глаза, рот и подбородок (2 экз., рис.200/11). По форме аналогичны крупным пятиугольным накладкам-личинам варианта 5 подтипа 6.2 (рис.199/59-60).

Вариант 3 – с помощью выемок выделен длинный нос, глаза обозначены точками, вдоль щек – полосы с насечками (8 экз., рис.200/12).

Такие накладки известны на Огрудинском и Степаново плотбище могильниках (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Вариант 4 – стилизованная "мордочка" представляет собой круг, обрамленный полосой с насечками, с двумя небольшими округлыми выступами, имитирующими уши (3 экз., рис.200/15). Аналогичные накладки известны на Измерском селище [Казаков 1991, с.130, рис.44/89], в марийском могильнике IX-XI вв. Нижняя Стрелка [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/24].

Подтип 10.2 – накладка напоминает "личину" насекомого с большими каплевидными "глазами", между которыми расположен полукруглый выступ, заполненный ложной зернью (1 экз., рис.200/16).

Аналогичные накладки известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), в Марийском Поволжье [Архипов 1986, рис.31/18].

Тип 11 – круглые (124 экз., рис.200/17-29, 31).

Подтип 11.1 – кольцевидные плоские. Имеют в центре круглое отверстие (41 экз., рис.200/17-21).

Вариант 1 – неорнаментированные (5 экз., рис./20). Обнаружены в погр. № 92.

Аналогии известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), в Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.132. Тип Б111; Город Болгар 1996, рис.67/6], в курганах Южного Урала IX-X веков [Мажитов 1981, рис.42/1].

Вариант 2 – с кружковым или циркульным орнаментом (34 экз., рис.200/17-19). В погр. № 86 в состав поясного набора входило 30 подобных накладок (рис.73; рис.200/19).

В Биляре найдена литейная форма для отливки подобных накладок [Культура Биляра 1985, табл. XXXV/2]. Аналогии известны в Вымских могильниках [Савельева 1987, с.136, тип 3, рис.35/50].

Вариант 3 – накладка с бордюром из полосы с насечками, от центра к бордюру прочерчены "лучи" (2 экз., рис.200/21).

Подтип 11.2 – круглые плоские (8 экз., рис.200/22-24).

Вариант 1 – не орнаментированная (1 экз., рис.200/22).

Подобные накладки известны на территории Волжской Болгарии [Казаков 1992, рис.20/1; Город Болгар 1996, рис.67/2], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.40/29], в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. XIII/26-27].

Вариант 2 – с бордюром из ложной зерни (1 экз., рис./23). Из погр. № 67 могильника.

Вариант 3 – в центре небольшая выпуклость, окруженная радиально расходящимися овальными выпуклостями (6 экз., рис.200/24). Аналогичные известны на селищах Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.132, тип А114].

По мнению Е.П. Казакова, круглые накладки являются изделиями булгарских ремесленников и относятся к домонгольскому периоду [Казаков 1991, с.132-133].

Подтип 11.3 – выпуклые круглые накладки-пуговки (75 экз., рис.200/25-29, 31). Накладки данного подтипа отличаются особенностью крепления – они с помощью петелек нанизывались на кожаный шнур, который крепился к основному ремню.

Вариант 1 – розетковидные (55 экз., рис.200/25-27). В центре выпуклый умбон или полушарие, завершающееся шаровидным выступом, поле умбона покрыто рядами ложной зерни или вытянутыми овалами, расходящимися от центра, как лепестки. Накладка обрамлена рядом полушарных выступов. В погребениях № 49 и 90 встречено соответственно 4 и 7 подобных накладок, которые входили в состав поясных привесок.

Аналогичные накладки на территории Пермского Предуралья массово представлены на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Антыбарском (раскопки Г.Т. Ленц) могильниках, селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т.Ленц). Такие накладки известны в Вымских могильниках, где они датируются X-XII вв. [Савельева 1968, табл. II/1; Савельева 1987, с.136, тип 3, рис.35/48, 37/33].

Вариант 2 – накладки в виде полушария, в центре – кружок, от которого крестообразно расходятся в стороны 4 линии из ложной зерни (2 экз., рис.200/28). Обнаружены в погр. № 77 (рис.69). Аналогичные известны на Качкашурском могильнике IX-XIII вв. [Иванов 1990, рис.9/40] и Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/3-4] в Удмуртии.

Вариант 3 – накладка в виде полушария, в центре – кружок, вокруг которого в виде лепестков расположены 6 ромбов из ложной зерни (1 экз., рис.200/29). Подобные накладки известны на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/15].

Вариант 4 – накладки в виде умбона, завершающегося шаровидным выступом, поверхность покрыта поясками, имитирующими витую проволоку (17 экз., рис.200/31). Аналогичные накладки широко представлены в Вымских могильниках, где они датируются концом X – XI вв. [Савельева 1987, с.136, тип 2, рис.35/46, рис.37/4]. На территории Пермского Предуралья такие накладки встречены на Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой) могильниках.

Тип 12 – накладки, представляющие собой соединение небольших по-

лушарий (17 экз., рис.200/32-33,38-41).

Подтип 12.1 – накладки-заклепки в виде гладкого полушария диаметром 0,7 см, крепление на шпеньке (4 экз., рис.200/39).

Подобные известны на булгарских селищах [Казаков 1991, с.132, тип А113], на могильнике Нижняя стрелка IX-XI вв. в Марийском Поволжье [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/19; Казаков 2000, рис.5/8], на Белоозере [Захаров 2004, рис.96/7-12]. В Пермском Предуралье встречаются на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласововой).

Подтип 12.2 – соединение двух небольших гладких полушарий с небольшими шаровидными выступами в центре, крепление на шпеньках (1 экз., рис.200/40).

Подтип 12.3 – соединение трех полушарий (4 экз., рис.200/33, 38).

Вариант 1 – три гладкие полушария образуют фигуру в виде полумесяца, крепление на шпеньках (3 экз., рис.200/38). Подобные накладки найдены на Большетигнанском могильнике IX-X вв. [Казаков 1992, рис.20/53], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.18/2к], в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.XIII/3], на Кичилькосьском II могильнике [Савельева 1987, рис.36/26]. В Пермском Предуралье подобные известны на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 2 – три полушария, соединенные в виде треугольника, орнаментированы концентрическими кружками. Крепление в виде петли (1 экз., рис.200/33). Подобные накладки известны на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.1/21], в Пермском Предуралье – на могильниках Антыбарском (раскопки Г.Т. Ленц) и Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Подтип 12.4 – соединение четырех полушарий (8 экз., рис.200/32,41).

Вариант 1 – гантелевидные (по Е.П. Казакову) – в виде крупного полушария, соединенного с гроздью из трех более мелких полушарий (6 экз., рис.200/32). Аналогичные накладки встречены на Танкеевском могильнике в Татарстане [Казаков 1992, с.168, тип XIVБ2; рис.60/117].

Вариант 2 – подквадратные накладки, состоящие из четырех соединенных полушарий (2 экз., рис.200/32). Подобные накладки известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Тип 13 – в виде полумесяца с двумя полушарными выступами по бокам (15 экз., рис.200/34-37). Подобные накладки получили распространение в Пермском Предуралье еще с IX века [Голдина, Кананин 1989, рис.70/28].

Подтип 13.1 – не орнаментированные (5 экз., рис.200/34-35).

Вариант 1 – один "полумесяц" (1 экз., рис.200/34). Аналогичные известны в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.15/6,12; 30/7; 32/1г; 34/38], в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.XIII/2], в Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/35], на I Измерском селище [Казаков 1991, с.138, тип АХ12].

Вариант 2 – в виде соединения двух "полумесяцев" (4 экз., рис.200/35). Аналогичные известны на могильнике Нижняя Стрелка в Марийском Поволжье [Казаков 2000, рис.5/6].

Подтип 13.2 – орнаментированные в центральной части "лучиками" из выпуклых овалов (10 экз., рис.200/36-37).

Вариант 1 — один "полумесяц" (9 экз., рис.200/36). Происходят из погр. № 56 (рис.62).

Вариант 2 — в виде соединения двух "полумесяцев" (1 экз., рис.200/37). Аналогичные накладки на территории Пермского Предуралья встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича). Известны подобные накладки в марийском могильнике IX-XI вв. Нижняя Стрелка [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/16]. Форма для отливки накладок данного типа известна в коллекции Биляра [Культура Биляра 1985, табл. XXXIV/6].

Тип 14 – фигурные (17 экз., рис.199/70, 200/42-46, 51, 56). Это, как правило, единичные предметы, не имевшие широкого распространения.

Подтип 14.1 – крупная накладка в виде круга, заполненного геометрическим орнаментом, окруженного "пламевидными" лучами (1 экз., рис.199/70).

Подтип 14.2 – небольшая накладка-лилия с орнаментом в виде ромба с лучами (1 экз., рис.200/42). Аналогичные накладки известны на Большетиганском [Казаков 1992, рис.20/11], Щукинском [Голдина, Кананин 1989, рис.50/13], Варнинском могильниках [Семенов 1980, табл.XIII/11].

Подтип 14.3 – каплевидные накладки с растительным орнаментом (3 экз., рис.200/43).

Подтип 14.4 – небольшие накладки в виде нераспустившегося цветка (8 экз., рис.200/44).

Подтип 14.5 – неорнаментированная накладка в виде трилистника (1 экз., рис.200/45).

Подтип 14.6 – накладка в виде "бантика" (1 экз., рис.200/46). Подобные накладки известны на территории Пермского Предуралья в материалах Мало-Аниковского могильника [Дн. Теплоуховых, с.644/Г], в погр. №101 Огрудинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подтип 14.7 – подпрямоугольная накладка с выступами в виде цветов лилии (1 экз., рис.200/51). Аналогичные накладки известны на Измерском I селище и в могильниках Марийского Поволжья [Казаков 1991, с.139, рис.44/91; Казаков 2000, рис.5/7]. Подобные накладки из серебра широко встречаются в венгерских могильниках, где они использовались для оформления колчанов [The ancient Hungarians 1996, с.74, рис.6; с.76, рис.1]. На территории Пермского Предуралья такие накладки встречены в могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 14.8 – крупная плоская накладка в виде треугольника с фигурным выступом, по краю орнаментирована насечкой (1 экз., рис.200/56).

Группа 2 – СЕРЕБРЯНЫЕ НАКЛАДКИ.

Тип 1 – штампованные из тонкой пластины (14 экз., рис.200/47-49).

Подтип 1.1 – накладки из тонкой серебряной пластины с отверстиями для крепления.

Вариант 1 – круглые (4 экз., рис.200/47). Из поясного набора погр. № 36. Аналогичные накладки известны в поясных наборах из курганов Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.18/1].

Вариант 2 – щитовидные (4 экз., рис.200/48). 2 такие накладки входили в поясной набор погр. № 36, наряду с вышеописанными круглыми (рис.57).

Накладки из тонкой серебряной пластины с отверстиями для крепления применялись для украшения поясов в Венгрии [The ancient Hungarians

1996, с.316, рис.4; с.412, рис.2], в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1991, рис.18/1, 58/16-17]. Подобной конструкции накладки из бронзы известны на Лаишевском селище в Татарстане [Руденко 2001, рис.1/32]. В корельском могильнике Кекомяки найдена шейная лента с подобными серебряными пластинками [Кочкуркина 1981, табл.19/17].

Подтип 1.2 – накладки тисненые из серебряной фольги "грибовидной" формы с орнаментом в виде решетчатого ромба (6 экз., рис.200/49). Такими накладками, значительная часть которых сохранилась только в виде тлена, была украшена сумочка из погр. № 96 (рис.176/14). Способ крепления не ясен, возможно, эти накладки были наклеены на поверхность сумочки. Литые серебряные накладки подобной формы известны в материалах венгерских могильников, где они использовались для оформления колчанов [The ancient Hungarians 1996, с.76, рис.1; с.105, рис.40].

Тип 2 – квадратная ювелирная накладка, украшенная сканью и зернью (1 экз., рис.200/55).

Группа 3 – СВИНЦОВО-ОЛОВЯНИСТЫЕ НАКЛАДКИ.

Тип 1 – круглая выпуклая накладка-пуговка в виде умбона, покрытого поясками с насечками, в центре – шаровидный выступ (1 экз., рис.200/30).

Тип 2 – круглая кольцевидная плоская накладка с перемычкой в центре, кольцо украшено насечками (3 экз., рис.200/50).

Подобные накладки, судя по наличию на Рождественском городище литейных форм для их отливки (рис.141/3, 6) изготавливались на месте и начали производиться с XI-XII века. Подобная литейная форма найдена и в Биляре [Культура Биляра 1985, табл. XXXV/2]. Накладки этого типа получили широкое распространение на памятниках Пермского Предуралья в XIII-XIV вв., о чем свидетельствуют материалы верхнекамских могильников [Голдина, Кананин 1989, рис.73/3], селища и могильника Телячий Брод, Антыбарского, Плотниковского могильников, Саламатовского городища (раскопки А.М. Белавина, Г.Т. Ленц, Н.Б. Крыласовой). Подобные накладки известны и в материалах Чиргинского могильника X-XIII вв. в Удмуртии [Иванов 1998, рис.55/16], на Мурзихинском селище в Волжской Булгарии [Руденко 2002, рис.58/18].

НАКОНЕЧНИКИ РЕМНЕЙ

Данная категория принадлежностей поясной гарнитуры различается большим разнообразием форм, размеров, орнаментации. Все изделия, относящиеся к наконечникам ремней, литые из бронзы с креплением с помощью шпеньков (железные наконечники ремней рассматриваются в разделе, посвященном изделиям аскизского типа). Они имеют вытянутую продолговатую форму. Большинство наконечников лишь слегка выпуклые; у предметов с необычным рельефом на рисунке показана боковая проекция.

За основу классификации взята форма изделий, пропорции и орнаментация послужили для выделения подтипов и вариантов.

Группа 1 – НАКОНЕЧНИКИ МЕЧЕОБРАЗНОЙ ФОРМЫ (6 экз., рис.201/1, 3-5).

Тип 1 – верхний конец (основание) расширенный, противоположный

конец приострен (рис.201/1, два экз. происходят из раскопок Н.Н. Новокрещенных, рис.5/8). Основание украшено горизонтальными полосками, по центру наконечника – щелевидная прорезь.

Тип 2 – мечеобразный (по Голдиной) (1 экз., рис.201/3).

Тип 3 – основание расширено, противоположный конец оформлен в виде трилистника (рис.201/4).

Наконечники (накладки) трех вышеперечисленных типов использовались в наборах поясов неволинского типа. Датируются они VII-VIII вв. [Голдина, Водолаго 1990, табл.LXVII-LXVIII]. Эти предметы происходят из коллекции Теплоуховых и раскопок Н.Н. Новокрещенных. Возможно, они обнаружены на раннем участке городища, к настоящему моменту смытом р. Обвой, т. к. в процессе раскопок XX в. предметов столь раннего времени не встречалось.

Тип 4 – основание оформлено в виде трилистника, противоположный конец – каплевидный (рис.201/5). Наконечник выпуклый, граненый. По мнению К.А. Руденко, подобные предметы. известные и на территории Волжской Булгарии, являются подражанием железной поясной гарнитуре аскизского типа, и могут быть датированы XI-XII веками.

Группа 2 – С АЖУРНОЙ ОСНОВОЙ, ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ КРУГАМИ С КРЕСТАМИ В ЦЕНТРЕ (1 экз., рис.201/2).

Группа 3 – НАКОНЕЧНИКИ ПРОДОЛГОВАТОЙ ФОРМЫ с прямым или вогнутым основанием, овальным или приостренным окончанием.

Тип 1 – верхний конец наконечника прямой, нижний – закругленный (9 экз., рис.201/6-7, 25-26, 55-56).

Подтип 1.1 – неорнаментированные (4 экз., рис.201/6-7). Размеры: 1,3-1,5 х 3,2-3,5 см. Аналогичные известны на территории Волжской Булгарии на I Семеновском селище и в Биляре [Казаков 1991, рис.43/24; Руденко 2004, рис.1/22], в курганах Южного Урала X-XI вв. [Мажитов 1981, рис.71/3].

Подтип 1.2 – с простым геометрическим орнаментом (2 экз., рис.201/25-26). Мелкие наконечники размером 0,9 х 2-2,3 см.

Вариант 1 – слегка расширяющийся кверху наконечник с орнаментом в виде ромба с завитками (рис.201/20). Подобные наконечники подтреугольной формы известны в материалах Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.139, рис.43/26-26].

Вариант 2 – верхний край обрамлен полосой с насечками, в центре и в нижней части – кружки, с расходящимися от них радиально лучами (рис.201/26).

Подтип 1.3 – с растительным орнаментом в виде плетенки (3 экз., рис.201/55-56). Накладки небольшого размера 1,3-1,6 х 2,8 см.

Тип 2 – верхний конец оформлен в виде "ласточкиного хвоста", нижний – закругленный или закругленно-приостренный (100 экз., рис.201/8, 10-11, 13-24, 27-43, 46-48, 50-61).

Подтип 2.1 – неорнаментированные наконечники (23 экз., рис.201/8, 22-24).

Вариант 1 – крупный наконечник (1,5 х 4,3 см) с круглым отверстием в верхней части (2 экз., рис.201/8).

Вариант 2 – маленькие наконечники (0,6-0,9 х 2-2,3 см) с небольшим округлым отверстием в верхней части (19 экз., рис.201/22-23).

Подобные предметы известны в материалах Волжской Болгарии [Ка-

заков 1991, с.140, рис.43/34], Марийского Поволжья X-XI вв. [Архипов 1984, с.156, рис.22], на Вычегде [Королев 1997, рис.43/3]. На территории Пермского Предуралья аналогичные наконечники встречены на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой).

Вариант 3 – небольшой наконечник (1 х 2,7 см) без отверстий (1 экз., рис.201/24).

Подтип 2.2 – со стилизованным изображением личины (1 экз., рис.201/10). Размер 1,8 х 3,8 см.

Подтип 2.3 – с орнаментом в виде трех концентрических кружков, расположенных в линию (1 экз., рис.201/11). Размер 1,5 х 3,5 см. На территории Пермского Предуралья аналогичные наконечники встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 2.4 – наконечники с геометрическим орнаментом в виде продольных линий (32 экз., рис.201/13-15, 44).

Вариант 1 – средних размеров (1,3 х 3,8 см), по внешнему краю – бордюр из ложной зерни, в центре – три продольные полосы (2 экз., рис.201/13). Подобный наконечник известен в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.XIV/10].

Вариант 2 — средних размеров (1,2 х 3,8 см), по внешнему краю – бордюр из ложной зерни, в центре – линии из кружков (28 экз., рис.201/14). Это один из самых распространенных вариантов наконечников ремней как в Прикамье, так и на соседних территориях. Аналогии известны на верхнекамских могильниках в материалах XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/14], на селище и могильнике Телячий Брод (раскопки А.М.Белавина, Н.Б. Крыласовой), на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой). Они хорошо известны на территории Волжской Болгарии, например, в Болгаре и Биляре [Город Болгар 1996, рис.66/32; Руденко 2004, рис.1/24], на вымских памятниках XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.37/38].

Вариант 3 – средних размеров (1,2 х 3,8 см), поле наконечника покрыто продольными линиями с насечками (1 экз., рис.201/15).

Вариант 4 – крупный (1,8 х 5? см) с гладким бордюром и центральным ребром, вдоль боковых сторон – ряды из ложной зерни (1 экз., рис.201/44).

Подтип 2.5 – наконечники средних размеров (1-1,3 х 3,2-4 см) с геометрическим решетчатым орнаментом в виде композиции из ромбов (15 экз., рис.201/16-21, 30-31).

Вариант 1 – по внешнему краю — бордюр с насечками (9 экз., рис.201/16-17, 21, 31).

Вариант 2 – по внешнему краю – бордюр из ложной зерни (4 экз., рис.201/18-20).

Вариант 3 – с гладким бордюром (2 экз., рис.201/30).

Наконечники с аналогичным орнаментом известны в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. XIII/13] и вымских могильников [Савельева 1987, рис.35/38]. На территории Пермского Предуралья аналогичные наконечники встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), на городищах Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т. Ленц) и Купросском (раскопки А.М. Белавина).

Подтип 2.6 – мелкий наконечник (0,9 х 1,7 см) с орнаментом в виде стилизованной личины (1 экз., рис.201/27).

Подтип 2.7 – наконечники средних размеров (1 х 3 см) с растительным

орнаментом: в нижней части полураспустившийся "цветок", в верхней – ромб, соединенные таким образом, что вдоль боковых сторон наблюдаются крупные полукруги (4 экз., рис.201/28-29).

Подтип 2.8 – наконечники средних размеров (1,2-1,4 х 4 см) орнаментированы плетенкой из поясков ложной зерни (2 экз., рис.201/33-34). Аналогии известны на Качкашурском могильнике IX-XIII вв. в Удмуртии [Иванов 1990, рис.9/43]. Наконечники с подобной орнаментацией известны в кочевнических погребениях XII-XIV вв. в Крыму [Крым... 2003, табл.51/11-14].

Подтип 2.9 — наконечники орнаментированы растительной плетенкой (13 экз., рис.201/35-43).

Вариант 1 — средних размеров (1-1,4 х 2,7-4,2 см) (12 экз., рис.201/35-42). Наконечник, аналогичный изображенному на рис.201/42, встречен в погр. №101, аналогичные изображенному на рис.201/32 – в погр. №71 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б.Крыласовой) и в погр. №23 могильника у Барсова городка [Барсова гора 2002, рис.31].

Вариант 2 – крупный наконечник (2,8 х 6 см) (1 экз., рис.201/43). Аналогичные наконечники известны в Биляре [Руденко 2004, рис.1/19], в Болгаре [Город Болгар 1996, рис.66/30], в погр.1 кургана 6 Лагеревских курганов IX-X вв. Южного Урала [Мажитов 1981, рис.38/12].

Подтип 2.10 – крупные наконечники (2,2 х 5 см) с бордюром из ложной зерни и сложным растительным орнаментом (2 экз., рис.201/48-49). На территории Пермского Предуралья аналогичные наконечники встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича). Аналогичный наконечник происходит из погр.№ 23 могильника у Барсова городка [Барсова гора 2002, рис.30].

Подтип 2.11 – крупные наконечники (1,8-2,3 х 5 см) с плетенкой из двойных жгутов, дополненной розетками из ложной зерни (6 экз., рис.201/52-54).

Вариант 1 – без бордюра (1 экз., рис.201/53).

Вариант 2 – с бордюром, покрытым насечками (4 экз., рис.201/52).

Вариант 3 – с бордюром из ложной зерни (1 экз., рис.201/54).

Аналогичные наконечники ремней известны в вымских древностях XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.37/37].

Подтип 2.12 – наконечник средних размеров (1,2 х 3 см) с орнаментом из стилизованных трилистников (1 экз., рис.201/55). Аналогичный наконечник найден в погр. №648 Танкевского могильника [Казаков 2001, рис.1/18].

Подтип 2.13 – наконечники средних размеров, орнаментированные композицией из каплевидных фигур, кружков и сердечек (6 экз., рис.201/56-59). Подобные наконечники известны в материалах Волжской Болгарии [Казаков 1991, с.140, рис.43/35] и Марийского Поволжья X-XI вв. [Архипов 1984, с.156, рис.22].

Тип 3 – с заостренным нижним краем (6 экз., рис.201/9, 12, 32, 45-47). Наконечники этого типа в основном крупные и высокие (достигают в толщину 0,5 см).

Подтип 3.2 – верхний край оформлен в виде сердцевидного выреза. В верхней части неорнаментированного гладкого наконечника – прорезь в виде сердечка (1 экз., рис.201/9).

Подтип 3.3 – верхний край волнистый, орнаментирована двумя крупными четырехлепестковыми цветами (1 экз., рис.201/12). Аналогичные на-

конечники известны в венгерских могильниках [The ancient Hungarians 1996, с.204, рис.2].

Подтип 3.4 – узкий удлиненный наконечник (1,2 х 5,3 см), верхний край прямой, орнаментация не читается (1 экз., рис.201/32).

Подтип 3.5 – широкие толстые наконечники (2 х 4 см) (2 экз., рис.201/45-47), верхний край в одном случае (рис.201/45) с неглубокой плавной выемкой, в другом (рис.201/46) – с маленьким выступом. Орнамент из растительных элементов и крупных концентрических кругов в центре. Аналогичный наконечник встречен в Биляре [Руденко 2004, рис.1/21].

Подтип 3.6 – крупный наконечник (1,8 х 5,3 см), орнаментированный в центре продольными линиями, в верхней и нижней части – растительными элементами (1 экз., рис.201/47).

Тип 4 – подсердцевидные (7 экз., рис.201/64-68).

Подтип 4.1 – мелкий наконечник (0,9 х 2,5 см) вытянутой сердцевидной формы с орнаментом в виде стилизованного трилистника, обрамленного рядами ложной зерни (2 экз., рис.201/64).

Подтип 4.2 – фигурные наконечники (1,2-1,5 х 2,2-3 см) удлиненной сердцевидной формы со сложным растительным орнаментом (4 экз., рис.201/65-67). Аналогичные наконечники известны в Марийском Поволжье [Архипов 1986, рис.17/48], в Посурье на Золотаревском поселении в слое X-XIII вв. [Белорыбкин 2000, рис.9/2].

Подтип 4.3 – наконечник условно подсердцевидной формы со стилизованным изображением жучка (1 экз., рис.201/68).

Тип 6 – подпрямоугольный наконечник (1,4 х 2 см) с небольшой выемкой в верхней части и полушарным выступом в нижней (1 экз., рис.201/50). Орнаментирован аналогично наконечникам подтипа 2.10 (рис.201/48-49). На территории Пермского Предуралья аналогичные наконечники встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Тип 7 – подтреугольный наконечник (1,3 х 3,3 см) с небольшой треугольной выемкой вверху. Верхние края загнуты в виде обоймы, нижняя часть крепится на шпеньках (1 экз., рис.201/60). Орнаментирован аналогично наконечникам подтипа 2.13 (рис.201/56-59). Аналогичные наконечники известны на территории Волжской Булгарии [Город Болгар 1996, рис.66/33], в могильнике Нижняя Стрелка в Марийском Поволжье [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.184, рис.11/13,19; Казаков 2000, рис.5/8]. На территории Пермского Предуралья такие наконечники встречены на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Тип 8 – маленький овальный наконечник (1 х 3 см) (1 экз., рис.201/61), орнаментирован аналогично наконечникам подтипа 2.11 (рис.201/52-54).

***

Представленные на Рождественском археологическом комплексе поясные пряжки в большинстве своем имеют широкий ареал распространения и появились в Прикамье благодаря связям с жителями территорий салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – начала X века. Восьмеркообразные пряжки и цельнолитые пряжки с длинной, иногда орнаментированной пластиной и овальным кольцом стали характерными для при-

камских территорий еще со второй половины VIII-IX вв. [Голдина, Кананин 1989, с.87].

Большинство поясных накладок и наконечников ремней, представленных в коллекции Рождественского археологического комплекса, выполнены в едином стиле, и имеют общую исходную территорию. Аналогичные поясные наборы имеют чрезвычайно широкое распространение от Алтая до Венгрии.

Для изготовления накладок и наконечников ремней применялась техника, характерная для волжско-булгарской бронзолитейной школы второй половины X – первой половины XI века. Они происходят либо из болгарских ремесленных центров, таких как Семеновское и Измерское селища, либо из местных центров, где работали как булгарские мастера, так и их ученики из коренных жителей. Одним из таких центров могло являться и Рождественское городище. Если анализировать стилистику изделий, то обращает на себя внимание преобладание мотива трилистника. Как отмечают исследователи, мотив трилистника генетически связан с салтово-маяцкими древностями [Гаврилина 1991]. По мнению К.А. Руденко, можно предполагать принадлежность набора к единому декоративному стилю, характерному для обширного региона и обусловленному модой X в. [Руденко 2001, с.183].

Возникнув в среде кочевников, детали поясной гарнитуры были заимствованы финно-угорским племенами, где появляются собственные интерпретации известных предметов этой категории. Так, например, широко распространенные не только в Рождественском археологическом комплексе, но и на других памятниках Пермского Предуралья квадратные накладки с "Ж"-образным орнаментом (рис.199/6-11) являлись, вероятно, местным развитием издавна известной формы накладок.

Наличие бронзовых поясных наборов в большинстве погребений средневековых могильников Пермского Предуралья и, в частности, Рождественского могильника, свидетельствует о "сакрализации" наборных поясов на этой территории. Когда же с середины XI в. бронзовая гарнитура утратила свое главенствующее положение, и более чем на столетие "в моду" вошли железные украшения ремня [Руденко 2001, с.185], жители нашего региона, не принявшие новой "моды", вынуждены были самостоятельно обеспечивать себя бронзовыми деталями пояса и искать новые истоки для их художественного облика. Вероятно, под влиянием с запада появляются многочисленные изделия известных ранее форм, но с орнаментацией нового типа, в которой преобладают разного рода "решетки" и "плетенки" (рис.198/9-12; рис.199/5, 81; рис.201/16-21, 30-31, 52-54). Своего рода инновацией стали накладки-пуговки (рис.200/25-31). Истоки подобного рода накладок, вероятно, следует искать на чепецкой территории, где еще в IX в. распространились оригинальные пояса с круглыми пуговицевидными бляшками, украшенными различными узорами из перекрещивающихся валиков, пирамидок зерни, спиралей и т.п. Ремень представлял собой полоску кожи, шириной чуть больше диаметра круглых бляшек. Бляшки размещались по ремню, с обратной стороны закрепляясь через петельки узким кожаным шнурком, проходящим вдоль всего пояса, иногда аналогичным образом – через задние петельки – на ремне дополнительно помещались умбоновидные шумящие подвески [Иванов 1998, с.72, рис.21]. По мнению А.Г. Иванова, рассматриваемые пояса, датирующиеся концом I – началом II тыс. н. э., име-

ют местное, чепецкое, происхождение и представляют своеобразную инновацию с более ранних прототипов, т. к. ремни с аналогичным креплением пуговицевидных бляшек известны в Прикамье и Среднем Поволжье уже в ананьинскую эпоху [Иванов 1998, с.72-73]. Жители Рождественского городища могли заимствовать подобные пояса непосредственно с соседней Чепецкой территории. Но многочисленные аналогии накладок-пуговиц в вымских могильниках, а также наличие в погребениях с подобными накладками других вещей вымского облика, свидетельствуют о привнесении подобных изделий выходцами с вымских территорий. С середины XI в. широкое распространение получают выпуклые щитовидные накладки, среди которых особенно преобладают накладки с "бабочковидным" орнаментом (рис.199/34-37). Наиболее многочисленные аналогии подобного рода накладки находят на вымских могильниках в погребениях XI века [Савельева 1997, рис.37/19,21]. Можно предположить, что эти накладки проникли в Пермское Предуралье с вымским населением. Однако их широкое использование на нашей территории вплоть до XIV в. без каких-либо изменений формы и орнаментации говорит о местном производстве этих предметов. К тому же, по мнению Э.А. Савельевой, на территорию Европейского Северо-Востока они проникают из Прикамья [Савельева 1987, с.142]. Накладки данного типа происходят, в основном, из погребений Кичилькосьского могильника, который, по мнению Э.А.Савельевой, значительно отличается от других вымских средневековых могильников и более близок могильникам Поволжья и Прикамья [Савельева 1968, с.267-268].

ПРОНИЗКИ

Одной из особенностей костюма средневекового населения Пермского Предуралья было широкое использование низок из бронзовых пронизок и бус. Такие низки служили в качестве поясных привесок как женских, так и мужских поясов, в составе накосников, реже – в составе нагрудных украшений.

На Рождественском археологическом комплексе также представлено большое количество всевозможных пронизок (1248 экз.).

ОТДЕЛ 1 – литые трубчатые пронизки.

Группа 1 – НЕПРОРЕЗНЫЕ ТРУБЧАТЫЕ ПРОНИЗКИ.

Подгруппа 1 – одночастные пронизки-бусины (565 экз., рис.202/1-22).

Тип 1 – цельнолитые (477 экз., рис.202/1-18).

Подтип 1.1 – зонные, средних размеров (76 экз., рис.202/1-4).

Подобные бусы получили распространение еще в болгаро-салтовских древностях VIII – первой половины IX в. [Казаков 1992, рис.13/8], аналогичные известны в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.VII/56-58,60], в Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/1,3], на городище Иднакар [Иванова 1998, рис.56/1], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/25], на Белоозере [Захаров 2004, рис.104/2-3]. На территории Пермского Предуралья известны в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Подтип 1.2 – шаровидные средних размеров (25 экз., рис.202/5).

Такие бусы хорошо известны по материалам Танкеевского могильника [Казаков 1992, рис.63/26], встречены в Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/2].

Подтип 1.3 – шаровидные с "воротничками" у отверстия (37 экз., рис.202/6-8, 18).

Вариант 1 – средних размеров с гладкими "воротничками", (9 экз., рис.202/8).

В Пермском Предуралье такие бусы довольно широко представлены на верхнекамских могильниках, где датируются X в. [Голдина, Кананин 1989, рис.71/7], на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подобные бусы также появились еще в болгаро-салтовских древностях VIII – первой половины IX в. и продолжали использоваться ранними булгарами в X в., что подтверждается погребениями с монетами из Танкеевского могильника [Казаков 1992, рис.13/9; 63/25; рис.91/п.110/1]. Аналогичные бусы встречены в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.VII/62-63], в Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/12], на Чежтыягском и Вотчинском могильниках конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/5; Истомина 1999, рис.10/24], в могильниках Юганского Приобья [Семенова 2001, рис.19].

Вариант 2 – средних размеров, "воротнички" с псевдозернью (2 экз., рис.202/6). Аналогичные представлены на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/10].

Вариант 3 — средних размеров, "воротнички" с косой насечкой (22 экз., рис.202/7). В Пермском Предуралье подобные бусы известны на памятниках Верхней Камы X в. [Голдина, Кананин 1989, рис.71/4], на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой).

По погребениям с монетами Танкеевского могильника такие бусы датируются X в. [Казаков 1992, рис. 91/п. 390/2]. Аналогичные бусы также встречены на Чепце в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл. VII/64], в Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/11]; на городище Иднакар известны неразделенные отливки аналогичных бронзовых бусин, не изъятых из глиняных форм [Иванова 1998, с.134, рис.56/12], на городище Весья-Кар найдена каменная литейная формочка для отливки бус данного варианта [Семенов 1985а, рис.14/8].

Вариант 4 – крупные, "воротнички" с прямой насечкой (4 экз., рис.202/18). Подобные бусы встречены в Омутницком могильнике IX-XII веков [Семенов 1985, рис.5/18].

Подтип 1.4 – "флакончатые" (341 экз., рис.202/9-12, 14-17).

Вариант 1 – гладкие (275 экз., рис.202/11, 14-16). Выделяются разновидности по длине трубочек у отверстий и по размерам.

Вариант 2 – с не орнаментированным у отверстий "воротничком". Выделяются разновидности по размерам (62 экз., рис.202/9, 17).

Вариант 3 – средних размеров, с "воротничком" у отверстий и туловом, орнаментированным поясками гладкими и с косой насечкой (3 экз., рис.202/10).

Вариант 4 – средних размеров, без "воротничков", тулово орнаменти-

ровано гладкими поясками (1 экз., рис.202/12).

Подобные бусы хорошо известны на прикамских памятниках, таких, как Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинский могильники (раскопки Н.Б. Крыласовой), городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Бусы-"флакончики" считаются характерной особенностью памятников юго-восточного Приладожья и Прионежья X – первой половины XI вв. [Кочкуркина 1989, с.265, рис.83/5]. С.И. Кочкуркина предложила рассматривать их в качестве этнически определяющего признака приладожской, главным образом, оятской веси [Кочкуркина 1968, с.76]. Н.В.Трухина считает их характерными также для белозерской веси [Трухина 1966, с.135]. У веси бусы-"флакончики" носили в составе ожерелий, низки таких бус могли заменять нагрудную цепь, использоваться в составе поясных привесок [Голубева 1973, с.38-39]. По материалам Рождественского могильника устанавливается, что такие бусы также могли входить в состав поясных привесок и ожерелий, но наиболее широко они использовались в составе накосников.

Бронзовые бусы-"флакончики" встречаются в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.38/14], на поломско-чепецких памятниках X-XIII вв. [Иванова 1998, рис.56/2-5; Иванов 1998, рис.56/13,15; Семенов 1980, табл.VII/61; Семенов 1985, рис.5/6,15-16], в вымских материалах XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.37/45], в Вотчинском могильнике на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/23].

Подтип 1.5 – биконические, средних размеров (2 экз., рис.202/13). Такие бусы известны на Танкеевском могильнике (Казаков 1992, рис.63/27), в материалах IX-X вв. Варнинского могильника [Семенов 1980, табл.VII/55,59], на Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/8], на вычегодском могильнике Шойнаты II [Королев 1997, рис.49/4,7], на Белоозере [Захаров 2004, рис.104/8].

Тип 2 – двусоставные шаровидные (84 экз., рис.202/19-22). Половинки крупных (диаметром 1,5 см) бусин в виде полушарий спаяны между собой в центральной части тулова. Так как бусы данного типа тонкостенные, вовнутрь, во избежание деформации, зачастую помещалась глиняная бусина-каркас.

Подтип 2.1 – с гладкими "воротничками" у отверстий (74 экз., рис.202/19, 21-22).

Вариант 1 – неорнаментированные (72 экз., рис.202/19). Подобные бусы массово представлены в Пермском Предуралье в материалах Степаново плотбище и Огурдинского могильников (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), Плеховского могильника (коллекция СКМ), городища Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Такие бусы встречаются на вычегодских могильниках [Королев 1997, рис.49/16], в Приобье [Барсова гора 2002, рис.15].

Вариант 2 – в месте соединения полушарий – пояски с насечками (1 экз., рис.202/21). Такие бусины в единичных экземплярах представлены на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Вариант 3 – тулово орнаментировано концентрическими кружками (1 экз., рис.202/22). Аналогичные бусы в единичных экземплярах встреча-

ются в вымских могильниках в материалах конца X-XI вв. [Савельева 1987, рис.37/20], на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 2.2 – с "воротничками", орнаментированными насечкой (10 экз., рис.202/20).

Подгруппа 2 – многочастные трубчатые пронизки со вздутиями (399 экз., рис.202/23-62).

Тип 1 – пронизки с гладкими вздутиями, плавно переходящими к трубке (130 экз., рис.202/23-28).

Подтип 1.1 – с двумя вздутиями (94 экз., рис.202/23-25).

Подтип 1.2 – с тремя вздутиями (34 экз., рис.202/26-27).

Подтип 1.3 – с четырьмя вздутиями (2 экз., рис.202/28).

Пронизки этого типа на территории Пермского Предуралья представлены на памятниках Верхней Камы [Голдина, Кананин 1989. Рис.54/45], на Степаново плотбище и Огурдинском могильниках (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на Саламатовском (раскопки А.М. Белавина) и Кыласовом (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) городищах. Известны в Биляре [Руденко 2004, рис.2/13-14,16], в чепецком Омутницком могильнике IX-XII вв. [Семенов 1985, рис.5/26-27], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/5], в вымских материалах XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.37/57], на памятниках веси X – первой половины XI в. [Голубева 1973, рис.4/25-26; Финно-угры и балты… 1987, табл.XVII/22], повсеместно встречаются в Юганском и Нижнем Приобье (тип 16-1 по В.А. Семеновой) [Чернецов 1957, табл. XXIX/3-4, XXXII/13-14; Семенова 2001, табл.48/16-1].

Тип 2 – пронизки с гладкими вздутиями, резко переходящими к трубке (120 экз., рис.202/29-34).

Подтип 2.1 – с двумя вздутиями (34 экз., рис.202/30-31)

Подтип 2.2 – с тремя вздутиями (75 экз., рис.202/32-33).

Подтип 2.3 – с четырьмя вздутиями (11 экз., рис.202/34).

Подтип 2.4 – с 8 вздутиями (2 экз., рис.202/29).

Аналогичные пронизки известны в материалах Степаново плотбище и Огурдинского могильников в Прикамье (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), Пылаевского могильника в Зауралье [Кутаков, Старков 1997, рис.15], Белоозера [Захаров 2004, рис.76/1].

Тип 3 – с гладкими вздутиями, перемежающимися гладкими "поясками" (46 экз., рис.202/35-45).

Подтип 3.1 – с одним вздутием, ограниченным с обеих сторон несколькими "поясками" (9 экз., рис.202/41).

Подтип 3.2 – с двумя вздутиями (13 экз., рис.202/35-36, 40, 42).

Вариант 1 – вздутия перемежаются одним широким "поясом" (3 экз., рис.202/35).

Вариант 2 – вздутия перемежаются группами из двух "поясков" (2 экз., рис.202/36).

Вариант 3 – вздутия перемежаются широкими "поясками", в центральной части трубки – группа из пяти узких "поясков" (1 экз., рис.202/40).

Вариант 4 – вздутия перемежаются группами из 6-7 "поясков" (7 экз., рис.202/42).

Подтип 3.3 – с тремя вздутиями (21 экз., рис.202/37, 43-44).

Вариант 1 – вздутия перемежаются группами из двух "поясков" (2 экз.,

рис.202/37).

Вариант 2 – вздутия перемежаются группами из 4-8 "поясков" (19 экз., рис.202/43-44).

Подтип 3.4 – с четырьмя вздутиями (6 экз., рис.202/38-39, 45).

Вариант 1 – вздутия перемежаются группами по два "пояска" (2 экз., рис.202/38).

Вариант 2 – вздутия перемежаются группами по 1-3 широких "пояска" (2 экз., рис.202/39).

Вариант 3 – вздутия перемежаются группами по 6-8 "поясков" (2 экз., рис.202/45).

Наиболее ранние пронизки данного типа появляются в болгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/10]. Такие пронизки — наиболее массовые в материалах ломоватовских, поломских [Генинг 1973, табл.V/4-8; Семенов 1980, табл.VII/65-69; Семенов 1985, рис.5/29,31-32, 34-36], верхнекамских могильников [Голдина, Кананин 1989, рис.54/33-36,46-50], в материалах X – начала XI вв. Степаново плотбище и Огурдинского могильников (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой). Встречаются такие пронизки на булгарских памятниках, в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1981, рис.40/19-21], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/1], в вымских материалах конца X-XI вв. [Савельева 1987, рис.37/15,26]. Аналогичные пронизки характерны и для Зауралья, в частности, широко встречаются в могильниках Юганского Приобья (тип 16-2-5 по В.И. Семеновой) [Семенова 2001, табл.48/16-2-5]. Известны пронизки данного типа и в древностях веси [Финно-угры и балты... 1987, табл.XVII/27]. Хотя, как отмечает Е.П. Казаков, за пределами Пермского Предуралья такие пронизки все же фиксируются значительно реже [Казаков 1992, с.176].

Тип 4 – пронизки со вздутиями, перемежающимися парными "пояскаами" с прямыми насечками (22 экз., рис.202/46-48).

Подтип 4.1 – с двумя вздутиями (6 экз., рис.202/46).

Подтип 4.2 – с тремя вздутиями (9 экз., рис.202/47).

Подтип 4.3 – с четырьмя вздутиями (7 экз., рис.202/48).

Аналогичные пронизки известны на могильниках Степаново плотбище и Огурдинском (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой) в Пермском Предуралье, в Вотчинском и Усть-Сысольском могильниках на Вычегде [Истомина 1999, рис.10/37-38; Королев 1997, рис.43/10], в Биляре [Руденко 2004, рис.2/14].

Тип 5 – пронизки со вздутиями, поверхность которых сплошь покрыта гладкими "поясками" (31 экз., рис.202/49-52).

Подтип 5.1 – с двумя вздутиями (7 экз., рис.202/49).

Подтип 5.2 – с тремя вздутиями (16 экз., рис.202/50-51).

Подтип 5.3 – с четырьмя вздутиями (8 экз., рис.202/52).

В Пермском Предуралье такие пронизки известны на могильниках Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). На Рождественском городище была встречена бракованная отливка пронизки данного типа, что говорит об их местном производстве (рис.141/14). Подобные пронизки известны также на Чежтыягском могильнике на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/1-2], Кичилькосьском I могильнике на р. Выми в мате-

риалах конца XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.29/75].

Тип 6 – пронизки, орнаментированные чередующимися гладкими "поясками" и "поясками" с насечками (52 экз., рис.202/53-56, 62).

Подтип 6.1 – с двумя округлыми неорнаментированными вздутиями, перемежающимися "поясками" гладкими и с насечками (2 экз., рис.202/53).

Подтип 6.2 – биконические гладкие вздутия перемежаются "поясками" гладкими и с насечками (3 экз., рис.202/54-55).

Вариант 1 – с двумя вздутиями (1 экз. рис.202/55).

Вариант 2 – с тремя вздутиями (2 экз., рис.202/54).

Подтип 6.3 – с тремя узкими округлыми вздутиями, орнаментированными насечкой (1 экз., рис.202/56).

Подтип 6.4 – с тремя небольшими вздутиями сплошь, как и трубочка, покрытые "поясками" гладкими и с насечками (2 экз., рис.202/62).

Пронизки, аналогичные данному типу, известны на Чежтыягском могильнике на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/2], на Кокпомъягском могильнике на р. Выми конца XI-XII вв. [Савельева 1987, рис.29/78]. По материалам верхнекамских могильников они датируются XIII-XIV веками [Голдина, Кананин 1989, рис.73/9],

Подгруппа 3 – трубчатые пронизки без вздутий (11 экз., рис.202/63-66).

Тип 1 – неорнаментированные (3 экз., рис.202/63-64).

Подтип 1.1 – в виде гладкой трубочки (1 экз., рис.202/63).

Подтип 1.2 – с валиками на концах (2 экз., рис.202/64). Аналогичные известны в материалах Аверинского, Щукинского [Голдина, Кананин 1989, рис.54/22-23], Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) могильников в Пермском Предуралье, Варнинского [Семенов 1980, табл. VII/47-48] и Омутницкого могильников [Семенов 1985, рис.5/37] в Удмуртии, в материалах веси [Финно-угры и балты... 1987, табл. XVII/26].

Тип 2 — орнаментированные (8 экз., рис.202/65-66).

Подтип 2.1 — с гладкими "поясками" (6 экз., рис.202/65).

Подтип 2.2 — концы и центральная часть орнаментированы группами гладких "поясков", пространство между ними – полосой, оплетающейся спиралью вокруг трубочки (2 экз., рис.202/66). Аналогичные пронизки известны на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

В целом нешумящие непрорезные трубчатые пронизки относятся к общим для всего Прикамья типам. Они широко распространены и на памятниках Перми вычегодской [Савельева 1987, с.92]. Ранние прототипы трубчатых пронизок восходят к ломоватовской культуре. Они представлены в Агафоновском [Голдина, Королева, Макаров 1980, с.140, рис.6/218, 225, 235, 238, 241] и других ломоватовских могильниках VIII-IX веков. Встречаются они и в раннеродановских памятниках IX-XI веков [Оборин 1970, табл.18/11-13]. На вымских памятниках они датируются XI-XII в., отдельные типы доживают до XIII века [Савельева 1987, с.93].

Группа 2 – ПРОНИЗКИ С ПРОРЕЗНЫМИ ВЗДУТИЯМИ.

Подгруппа 1 – нешумящие (44 экз., рис.202/57-61).

Тип 1 – с крупными гладкими округлыми вздутиями, на поверхности которых — миндалевидные вертикальные прорези; пространство между вздутиями покрыто группами гладких "поясков" (36 экз., рис.202/57-59).

Подтип 1.1 – с одним вздутием (15 экз., рис.202/57).

Подтип 1.2 – с двумя вздутиями (21 экз., рис.202/58-59).

Аналогичные пронизки в Пермском Предуралье массово встречаются на Огрудинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Плеховском (коллекция СКМ) могильниках, встречены на Саламатовском (раскопки А.М. Белавина) и Купросском [Белавин 1999а, рис.5/13] городищах, в Коми-Пермяцком автономном округе (коллекция КПОКМ, № 133). На Рождественском городище обнаружена бракованная отливка такой пронизки, что свидетельствует об их местном производстве (рис.141/11). Такие пронизки известны также в Биляре [Руденко 2004, рис.2/9-11,19-20], на Омутницком могильнике IX-XII вв. в Удмуртии [Семенов 1985, рис.5/33], на Кичилькосьском могильнике середины X – XI вв. на р. Выми [Савельева 1968, табл.II/5, III/7, IV/16], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р.Вычегде [Истомина 1992, рис.4/1-5], в Белоозере [Захаров 2004, рис.76/3], на могильнике у Барсова городка в Приобье [Барсова гора 2002, рис.14].

Тип 2 – с гладкими прорезными вздутиями; пространство между вздутиями покрыто группами "поясков" гладких и с насечками (1 экз., рис.202/60). Данный экземпляр пронизки завершен с одной стороны кольцом, что в целом для пронизок не характерно.

В Пермском Предуралье аналогичные пронизки встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), на Саламатовском городище (раскопки А.М. Белавина). Довольно частой находкой подобные изделия являются на вымских и вычегодских памятниках [Савельева 1987, с.86, 90-91, 93, рис.29, 80; Королев 1997, рис.47/18, 48/3, 49/18]. В единичных экземплярах они встречаются на булгарских памятниках [Казаков 1991, рис.40/68; Руденко 2004, рис.2/8, 12], в курганах Южного Урала [Степи Евразии...1981, рис.90/67], на Русском Севере [Макаров 1997, табл.141/17], известны на памятниках лесного Зауралья X-XIII вв. [Викторова 1968, табл.III/7].

Тип 3 – крупные прорезные вздутия и пространство между ними сплошь покрыты "поясками" гладкими и с насечками (7 экз., рис.202/61).

Пронизки с прорезными вздутиями характерны, в основном, для позднеродановских памятников XII-XV веков [Бадер, Оборин 1958, рис.55/8]. Аналогичные пронизки в вымских могильниках датируются рубежом XI-XII веков [Савельева 1987, рис.37/48].

Подгруппа 2 – шумящие (11 экз., рис.202/71-73). Крупные пронизки со вздутиями сплошь покрытые "поясками" гладкими и с насечками, дополненные петлями для крепления шумящих привесок.

Тип 1 – с одним вздутием (2 экз., рис.202/72-73).

Подтип 1.1 – в центральной части вздутия – две петли (1 экз., рис.202/72).

Подтип 1.2 – в нижней части вздутия – четыре петли (1 экз., рис.202/73).

Тип 2 – с двумя вздутиями, две петли помещены на трубке между вздутиями в центральной части пронизки (9 экз., рис.202/71).

В Пермском Предуралье шумящие пронизки с прорезными вздутиями встречены на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), в д. Бачманово в Косинском районе и в д. Пальник Плесинского с/с КПАО (коллекция КПОКМ, № 106, № 62).

По мнению Л.А. Голубевой, такие пронизки характерны для Прикамья XII-XIII вв. [Голубева 1973, с.43]. Э.А. Савельева также считает, что труб-

чатые пронизки с ушками для шумящих привесок связаны своим происхождением с поздним этапом родановской культуры [Савельева 1987, с.93]. Однако она не отрицает и возможности их изготовления в бассейне р. Выми, так как многие варианты таких пронизок выполнены с помощью технологических приемов, характерных для вычегодских пермян [Савельева 1987, с.94]. Шумящие пронизки были распространены на вычегодских и вымских памятниках в XII-XIV веках [Савельева 1987, с.93; Королев 1997, рис.49/19]. Подобные пронизки характерны и для Западной Сибири [Финно-угры... 1987, табл.XV/14,20,24; LVIII/12], например, представлены на памятниках лесного Зауралья X-XIII вв. [Викторова 1968, табл.III/7], в могильнике у Барсова городка в Приобье [Барсова гора 2002, рис.13], в Сайгатинском IV могильнике [Очерки...1999, рис.19/7], в могильниках Юганского Приобья (тип 17-4 по В.И.Семеновой) [Семенова 2001, с.76, табл.48/17-4], на городище Янычково в Зауралье [Морозов,Панина 1997, рис.1/2]. Единичные пронизки данного типа известны на территории Волжской Булгарии, например, в Биляре [Руденко 2004, рис.2/17-18,34].

ОТДЕЛ 2 – спиралевидные трубчатые пронизки. Пронизки в виде трубочки, свитой из проволоки (71 экз., рис.202/67-70).

Такие пронизки появляются в булгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/11], они широко распространены на памятниках Пермского Предуралья, на памятниках Марийского Поволжья [Архипов 1973, с.134, рис.20/1, 7], на территории Удмуртии [Иванова 1998, рис.57/1-8; Семенов 1980, табл. VII/72-73; Семенов 1985, рис.5/38-41], в материалах конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/1,5; Королев 1997, рис.43/12, 47/15, 49/8, 11, 12, 20], у западных финнов, в Белоозере [Захаров 2004, рис.75].

Тип 1 – из сплющенной проволоки (13 экз., рис.202/67).

Тип 2 – из круглой в сечении проволоки (57 экз., рис.202/68-69).

Тип 3 – из перевитой проволоки (1 экз., рис.202/70).

ОТДЕЛ 3 – фигурные пронизки.

Группа 1 – КОЛОКОЛОВИДНЫЕ ПРОНИЗКИ. Пронизки-колокольчики использовались в качестве завершающих на поясных привесках, внутри колокольчика скрывался узел, фиксирующий низку. Помимо своей практической функции пронизки-колокольчики обладали и сакральным значением.

Подгруппа 1 – нешумящие пронизки с подцилиндрическим туловом, плавно переходящим к удлиненной трубчатой шейке (20 экз., рис.203/1-12).

Тип 1 – неорнаментированные (14 экз., рис.203/1-6).

Подтип 1.1 – крупные (высота 2,5-3 см, диаметр тулова до 2,5 см) с плавным переходом от тулова к шейке (4 экз., рис.203/1-3). Подобные пронизки известны в булгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/32], в поломско-чепецких материалах X-XIII вв. [Иванов 1998, рис.56/12; Семенов 1985, рис.3/16], в материалах веси X-XII веков [Финно-угры и балты...1987, табл. XVII/31].

Подтип 1.2 – мелкие (высота 1,3-1,5 см, диаметр тулова до 1,5 см) с плавным переходом от тулова к шейке (6 экз., рис.203/4). Аналогичные колокольчики известны на Белоозере [Захаров 2004, рис.74/4-5].

Подтип 1.3 – мелкие (высота 2 см, диаметр тулова 1 см) с резким переходом от тулова к шейке, шейка завершается широким "воротничком" (2 экз., рис.203/5).

Подтип 1.4 – средних размеров (высота 2-2,5 см, диаметр тулова 1,8 см) с плавным переходом от тулова к шейке, шейка и нижний край тулова оформлены узкими валиками с косой насечкой (2 экз., рис.203/6). Аналогичные известны на Омутницком могильнике IX-XII вв. на Чепце [Семенов 1985, рис.3/14].

Тип 2 – орнаментированные "поясками" гладкими и с насечками (6 экз., рис.203/7-12).

Подтип 2.1 – крупные (высота 3 см, диаметр тулова – 2,5 см), группой "поясков" украшена нижняя часть тулова (1 экз., рис.203/7).

Подтип 2.2 – средних размеров (высота 2 см, диаметр тулова 2 см), шейка и нижняя часть тулова орнаментированы группами "поясков" (2 экз., рис.203/8-9).

Подтип 2.3 – мелкие (высота 1,3-1,5 см, диаметр тулова – 1,2-1,5 см), сплошь покрытые "поясками" (3 экз., рис.203/10-12).

Подгруппа 2 – нешумящие пронизки с конусовидным туловом (79 экз., рис.203/13-51).

Тип 1 – тулово в виде простого конуса (36 экз., рис.203/13-30).

Подтип 1.1 – верхняя часть оформлена валиком (5 экз., рис.203/13, 21).

Вариант 1 — крупные (высота 4,3 см, диаметр нижней части тулова 2 см) (1 экз., рис.203/13).

Вариант 2 – мелкие (высота 1,5 см, диаметр нижнего края тулова 1,5 см), валик вверху отделен от тулова узкой шейкой (4 экз., рис.203/21).

Пронизки этого подтипа известны в могильниках Юганского Приобья (тип 15 по В.И. Семеновой) [Семенова 2001, табл.48/15].

Подтип 1.2 – верхний и нижний край оформлены гладкими одинарными валиками (рис.203/14-18).

Вариант 1 – крупные (высота 3,5-5, диаметр нижней части тулова 2,3-2,7 см) (3 экз., рис.203/14-15) 1 экз. происходит из раскопок Н.Н. Новокрещенных, рис.5/9).

Вариант 2 – средних размеров (высота 2.5, диаметр нижней части тулова 1,7 см) (10 экз., рис.203/16).

Вариант 3 – мелкие (высота 1,3-1,5 см, диаметр нижней части тулова 0.9-1,5 см) (4 экз., рис.203/17-18).

Пронизки-колокольчики данного подтипа широко представлены в материалах могильников Степаново плотбище и Огурдинского (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на Саламатовском (раскопки А.М. Белавина), Б. Кочинском (коллекция КПОКМ, № 89, 490) Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) городищах.

Подтип 1.3 – средних размеров (высота 1,5-2 см, диаметр нижней части тулова 1,5-1,7 см), верхний и нижний край тулова оформлены узкими одинарными валиками с прямыми насечками (2 экз., рис.203/19-20).

Подтип 1.4 – вверху оформлены двойным валиком (5 экз., рис./22-26).

Вариант 1 — мелкие (высота 1,5 см, диаметр нижнего края тулова 1 см), (1 экз., рис.203/22), нижний край гладкий.

Вариант 2 – средних размеров (высота 2,7 см, диаметр нижнего края тулова 1,7 см), нижний край оформлен одинарным гладким валиком (1 экз., рис.203/23).

Вариант 3 – средних размеров (высота 2,7-2,8 см, диаметр нижнего края тулова 2 см), нижний край оформлен 2-3 валиками и орнаментом из

полукругов (2 экз., рис.203/24-25).

Вариант 4 – средних размеров (высота 2,3 см, диаметр нижнего края тулова 1,3 см), нижний край оформлен 4-мя валиками, гладкими и с прямыми насечками (1 экз., рис.203/26).

Подтип 1.5 — вверху оформлены тройным валиком (4 экз., рис./27-29).

Вариант 1 – средних размеров (высота 2,7 см, диаметр нижнего края тулова 1,7 см), нижний край оформлен гладким валиком и "юбочкой" с орнаментом из дуг (1 экз., рис.203/27).

Вариант 2 – средних размеров (2,3-2,5 см, диаметр нижнего края тулова 1,5-2 см), нижний край оформлен парными гладкими валиками (3 экз., рис.203/28-29). Аналогичная пронизка представлена на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 1.6 – крупная (высота 4,2 см, диаметр нижнего края тулова 1.5 см), верхний и нижний край тулова оформлены группами из нескольких "поясков", внизу один "поясок" с косыми насечками (1 экз., рис.203/30). Аналогичная пронизка известна в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подобные пронизки-колокольчики получили распространение еще в булгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/30-31, 90/п.749/4], ломоватовских и поломских памятниках этого же периода [Голдина 1985, табл.XXII/1-21; Иванов 1998, рис.19/19; Семенов 1980, табл.VII/26-33]. Встречаются они и в более позднее время в курганах Южного Урала IX-X вв. [Мажитов 1991, рис.63/9], в поломско-чепецких древностях X-XIII веков [Иванов 1998, рис.56/14].

Тип 2 – тулово в виде конуса соединено с удлиненной трубчатой шейкой (43 экз., рис.203/31-51).

Подтип 2.1 – мелкие (высота 1 см, диаметр нижнего края тулова 1 см), гладкие (2 экз., рис.203/31).

Подтип 2.2 – верхний край оформлен одинарным валиком (11 экз., рис.203/32-35).

Вариант 1 – мелкая (высота 1,5 см, диаметр нижнего края тулова 1,7 см), нижний край оформлен рядом псевдозерни (1 экз., рис.203/32).

Вариант 2 – средних размеров (высота 2,5 см, диаметр нижнего края тулова 1,5 см), края оформлены широкими валиками (6 экз., рис.203/33). Аналогии известны на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц).

Вариант 3 – мелкие (высота 1,7, диаметр нижнего края тулова 1 см), края оформлены широкими валиками (3 экз., рис.203/34). Аналогичная пронизка известна в материалах могильника Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Вариант 4 – мелкая (высота 1,3 см, диаметр нижнего края тулова 1 см), нижний край оформлен тремя гладкими "поясками" (1 экз., рис.203/35).

Подтип 2.3 – трубка сплошь покрыта поясками и валиками, гладкими и с насечками (29 экз., рис.203/36-51).

Вариант 1 – мелкие (высота 1-2 см, диаметр нижнего края тулова 0,7-0,8 см), тулово гладкое (2 экз., рис.203/36-37).

Вариант 2 – средних размеров (высота 2,5-2,8 см, диаметр нижнего края тулова 1,3-2 см), нижний край оформлен широким валиком (6 экз., рис.203/38-40).

Вариант 3 – мелкие (высота 1,3-1,8 см, диаметр нижнего края тулова 1-1,4 см), нижний край оформлен широким гладким валиком (рис.203/41-46).

Вариант 4 – нижний край оформлен тройными чередующимися гладкими "поясками" и с насечками (6 экз., рис.203/47-51). Разновидности: мелкие и средних размеров.

Пронизки-колокольчики, подобные колокольчикам подтипа 2.3, находят наиболее широкие аналогии в древностях Перми вычегодской X-XII вв. [Савельева 1971, с.212/12; Истомина 1992, рис.2/37, 4/1, 3, 5; Королев, рис.53/8-12]. Единичные находки таких пронизок известны на булгарских селищах, в Биляре [Казаков 1991, рис.40/65; Руденко 2004, рис.2/21], на Белоозере [Захаров 2004, рис.74/3].

В Пермском Предуралье отдельные экземпляры подобных колокольчиков известны на верхнекамских могильниках, где они датируются XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.72/5], представлены в материалах могильников Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича) и Огурдинского (раскопки Н.Б. Крыласовой), на городище Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т. Ленц), на территории КПАО, в частности, на Б. Кочинском городище (коллекция КПОКМ, № 96, 129).

Подгруппа 3 – нешумящие пронизки с шаровидным туловом (6 экз., рис.203/52-55). Мелкие (высота 1,4-1,8 см, диаметр наиболее раздутой части тулова 1,3-1,5 см). Тулово в виде гладкого усеченного шарика, переходящего в цилиндрическую шейку, сплошь покрытую "поясками" гладкими и с насечками. На верхнекамских могильниках подобные пронизки датируются XIII-XIV веками [Голдина, Кананин 1989, рис.73/2]. Встречены на Огурдинском могильнике XI века (раскопки Н.Б. Крыласовой).

Подгруппа 4 – шумящие колоколовидные пронизки (4 экз., рис.203/56-59).

Тип 1 – с подцилиндрическим гладким туловом, плавно переходящим к удлиненной трубчатой шейке. Края оформлены широкими гладкими валиками. К нижнему краю припаяно два овальных кольца для крепления шумящих привесок (1 экз., рис.203/56). Крупная (высота 3 см, высота нижнего края тулова 2,3 см).

Аналогичные пронизки на территории Пермского Предуралья известны в материалах Эсперова городища (коллекция СКМ), а за ее пределами – на Золотаревском поселении в Посурье [Белорыбкин 2001, рис.29/39], Выжумском II могильнике [Архипов 1986, рис.26/5б].

Тип 2 – конусовидная средних размеров (высота 2 см, диаметр нижнего края тулова 1,5 см), с гладким туловом, оформленным по краю широкой полосой, к которой по бокам припаяны два овальных кольца для шумящих привесок. Верхний край оформлен четырьмя узкими гладкими валиками (1 экз., рис.203/57).

Подобные пронизки известны в материалах XII-XIII вв. вымских могильников [Савельева 1987, рис.31/13-15]. В XII-XIII вв. они появляются в материалах Приладожья и Белозерья [Голубева 1973, с.43, рис.4/2; Захаров 2004, рис.70/2], у заволочской чуди [Назаренко 1984, рис.1/5], у марийцев [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.185, рис.12/9], единичные экземпляры встречены в Биляре [Руденко 2004, рис.2/30-31].

Тип 3 – конусовидные средних размеров (высота 2,3 см, диаметр нижней части тулова 1-1,2 см), тулово украшено треугольниками псевдозерни и

"поясками" гладкими и с насечками. В верхней части тулова шаровидное утолщение, в нижней – две петли, отлитые вместе с пронизкой, между которыми – треугольник псевдозерни. Снабжены привесками-бубенчиками на щитковых цепочках (2 экз., рис.203/58-59), наличие которых позволяет датировать данные изделия периодом не ранее середины XI века. Аналогичные предметы типичны для поломско-чепецких памятников X-XIII вв.[Иванов 1998, рис.55/10-11,13-15], для древностей XII в. костромских финнов [Финно-угры Поволжья и Приуралья... 1999, с.64, рис.16/2,3].

Ранние формы шумящих пронизок-колокольчиков распространились в Пермском Предуралье еще на деменковской стадии ломоватовской культуры в конце VII-VIII вв., а в IX в. появились первые их разновидности, орнаментированные псевдозернью [Голдина 1985, рис.16/90, табл.XVII/40]. Шумящие колоколовидные пронизки известны и в материалах марийских и мерянских могильников X-XIII веков [Архипов 1986, с.37-38].

Группа 2 – ФЛАКОНОВИДНЫЕ ПРОНИЗКИ (18 экз., рис.204/1-7). Такие пронизки имеют стандартную форму и размеры (высота 6-6,5 см, максимальная ширина 2-2,3 см). Их приплюснутое тулово подтрапециевидной формы завершается короткой трубочкой, украшенной гладкими "поясками". Внутри "флакона" помещался узел кожаного шнурка. Флаконовидные пронизки могли использоваться в качестве игольников, о чем свидетельствуют остатки сплавленного железа внутри отдельных экземпляров.

Тип 1 – с решетчатым орнаментом (14 экз., рис.204/1-4).

Подтип 1.1 – с прорезным решетчатым орнаментом, образованным по центральной оси – ромбами, по бокам – треугольниками. Дополнительная орнаментация отсутствует (10 экз., рис204/1).

Подтип 1.2 – с ажурным решетчатым орнаментом, образованным прорезанными по центральной оси ромбами, обведенными двойной прочерченной линией. Решетчатый орнамент обрамлен орнаментальной полосой с косыми насечками (2 экз., рис.204/2).

Подтип 1.3 – с ажурным решетчатым орнаментом, образованным прорезанными по центральной оси ромбами, по бокам – треугольниками, обведенными прочерченными тройными линиями. Решетчатый орнамент обрамлен орнаментальной полосой, по бокам имитирующей скань, в верхней части – зернь (1 экз., рис.204/3).

Самая распространенная в Пермском Предуралье форма флаконовидных пронизок с ажурным решетчатым орнаментом возникает на урьинской стадии конца VIII-IX в. [Голдина 1985, рис.16/122]. Этот тип флаконовидных пронизок продолжал функционировать вплоть до начала XI века. Флаконовидные пронизки с ажурным решетчатым орнаментом встречены на большинстве прикамских памятников X – XI вв. – на Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б. Крыласовой), городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), в д. Загарье (Дневник Теплоуховых, с.621). Аналогии им известны на раннебулгарских памятниках X в. [Казаков 1992, рис.65/37], на территории Башкирии [Мажитов 1981, с.94, рис.50/17-18], на памятниках Удмуртии VIII-XII вв. [Иванов 1998, рис.47/23-24]. Ажурная флаконовидная пронизка с решетчатым орнаментом, но с тремя шумящими привесками снизу, встречена на Пылаевском могильнике в Зауралье [Кутаков, Старков 1997. Рис.15]. Но, тем не менее, наиболее характерны они были для территории Пермского Предуралья.

Подтип 1.4 – с непрорезным решетчатым орнаментом, образованным треугольниками псевдозерни, расположенными вдоль боковых сторон и направленных остриями к центру, образуя по центральной оси ромбы (1 экз., рис.204/4). Аналогичные пронизки известны в Пермском Предуралье на Саламатовском (раскопки А.М. Белавина) и Кыласовом (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) городищах, в д. М. Серва (коллекция КПОКМ, №67), в д. Мальцева (Дневник Теплоуховых, с.161).

Тип 2 – с орнаментом в виде "ёлочки" (3 экз., рис.204/5-7).

Подтип 2.1 – орнамент образован прорезными желобками в виде дуг (1 экз., рис.204/5). Подобная пронизка известна на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Подтип 2.2 – орнамент образован прорезанными желобками в виде "уголков", по бокам обрамлен рядами небольших полушарных выпуклин (2 экз., рис.204/6).

Подтип 2.3 – орнамент образован прорезанными желобками в виде "уголков", обрамлен двумя полосами с косыми насечками, по нижнему краю – ряд наклонных выпуклых овалов. Пронизка дополнена четырьмя петлями для шумящих привесок. С одной стороны сохранились привески в виде конусовидных колокольчиков, присоединенных к основе с помощью одного овального звена простой цепочки (1 экз., рис.204/7).

Ранние формы флаконовидных пронизок получили свое распространение в Прикамье еще на деменковской стадии ломоватовской культуры в конце VII-VIII вв. [Голдина 1985, рис.16/90а]. Экземпляры с петлями для привесок, вероятно более поздние, известны в Зауралье и на Верхней Волге [Чернецов 1957, с.212, табл. XXIII/6; Нефедов 1899, табл.II/10]. По мнению В.И. Семеновой, в Юганское Приобье такие пронизки проникли в XII-XIII вв. с р. Вычегды [Семенова 2001, с.76]. Хотя, судя по цепочкам и привескам, рождественская шумящая флаконовидная пронизка не может быть датирована позднее середины XI века.

Группа 3 – ПРОНИЗКИ "САМОВАРЧИКИ". Эти пронизки, вероятно, представляющие собой туалетные сосудики, состоят из двух половинок в виде полушария с петлями по бокам и ножкой с круглой площадкой в центре. На круглой площадке ножки – два отверстия; через них и боковые петли продергивались шнурки, передвигая вдоль которых половинки "самоварчика" можно было открывать и закрывать сосудик. Все встреченные в материалах Рождественского археологического комплекса "самоварчики" однотипные (3 экз., рис.204/8; цв. вкл. Ж/8): в месте соединения полушарий – орнаментальная полоса из "перлов", тулово украшено двойными вертикальными линиями, расходящимися лучами от центра полушария, вокруг основания "ножки" – орнаментальная полоса с косыми насечками.

Ранние формы пронизок-самоварчиков появились в булгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. [Казаков 1992, рис.13/38]. Такие пронизки известны в Волжской Болгарии, на территории Удмуртии в материалах VIII-XII вв. [Иванов 1998, рис.47/25]. В Пермском Предуралье пронизки-"самоварчики" встречены на Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Баяновском (раскопки А.В. Данича), Мало-Аниковском (Дневник Теплоуховых, с.669), Загарском могильниках, в с. Майкор (Дневник Теплоуховых, с.646), на Анюшкаре [Крыласова 2007, рис.120].

Группа 4 – СКУЛЬПТУРНЫЕ ОРНИТОМОРФНЫЕ ПРОНИЗКИ.

Подгруппа 1 – костяные (2 экз., рис.204/9-10). В виде плывущей водоплавающей птицы (по М.Г. Ивановой – конька) с изогнутой шейкой и небольшой головой, на которой просматриваются небольшие выпуклости, имитирующие глаза или уши. Подобные пронизки широко представлены на городище Иднакар [Иванова 1998, рис.77], встречены на Большетиганском могильнике IX-X веков [Казаков 1992, рис.22/4].

Подгруппа 2 – бронзовые (12 экз., рис.204/11-22).

Тип 1 – пронизки-"уточки" (3 экз., рис.204/11-13) в виде плывущей утки.

Подтип 1.1 – с гладким туловом, обрамленным по нижнему краю валиком, маленькая голова изображена стилизованно, в виде крючка (1 экз., рис.204/11). По классификации Л.А. Голубевой, относится к 1 варианту 1 типа, который представлен на памятниках Татарстана, в Волго-Вятском междуречье, в Посурье и Прикамье [Голубева 1979, с.10].

Подтип 1.2 – тулово обрамлено по нижнему краю валиком, по бокам с помощью таких же валиков обозначены крылья, на голове четко выделен клюв, в основании пронизки – две петли для привесок-лапок (2 экз., рис.204/12-13). По Л.А. Голубевой, такие пронизки относятся ко 2 варианту 2 типа шумящих уточек. Большинство таких пронизок встречено на северо-западе Восточной Европы X-XI вв. [Голубева 1079, с.17]. В могильниках Юго-Восточного Приладожья и Прионежья аналогичные уточки встречаются в материалах X – начала XI в., некоторые доживают до середины XI века [Кочкуркина 1989, с.266, рис.83/15]. Известны подобные пронизки и в могильниках Юганского Приобья (тип 3 по В.А. Семеновой), наряду с более характерными для этой территории прорезными полыми пронизками-уточками [Семенова 2001, табл.48/3].

По мнению Л.А. Голубевой, новый этап развития полых подвесок-птичек, связанный с появлением у них петель и шумящих привесок, начался в Прикамье [Голубева 1979, с.17]. Наиболее ранние пронизки-уточки с привесками-лапками появляются в поломско-ломоватовских древностях IX века [Иванов 1998, рис.19/11]. По погребениям с монетами Танкеевского могильника пронизки, аналогичные рождественским, датируются X в. [Казаков 1992, рис.91/п.1100/7], известны в поломско-чепецких памятниках XI-XIII веков [Иванов 1998, рис.57/7]. В Пермском Предуралье аналогичные пронизки встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В.Данича).

Тип 2 – пронизка, изображающая кукушку (?): по бокам в виде дуговидных линий обозначены крылья, спинка и удлиненный хвост покрыты поперечными полосками. По бокам на основании пронизки – две петли для шумящих привесок (2 экз., рис.204/14,22). Аналогичные пронизки известны на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/2].

Тип 3 – пронизки-"барашки" (5 экз., рис.204/15-19). Отличаются сравнительно небольшими размерами. На голове у сохранившихся целиком экземпляров – два выступа, имитирующих уши или рога. В нижней части пронизки спереди – две петли для привесок.

Подтип 3.1 – сильно стилизованная пронизка (1 экз., рис.204/15). Тулово в нижней части украшено горизонтальными "поясками", имитирующими навитую проволоку, голова в виде крючка из проволоки, с припаянными "зернами", имитирующими рожки. Отверстие в центре тулова дополнено короткой трубочкой, покрытой "поясками". Сзади на тулове кольцевидная

петля, имитирующая хвост.

Подтип 3.2 – тулово украшено горизонтальными "поясками" с прямыми насечками, хвост в виде загнутого вверх "крючка", голова не сохранилась (1 экз., рис.204/16).

Подтип 3.3 – вдоль нижнего края пронизки – широкий гладкий валик, голова не сохранилась (1 экз., рис.204/17).

Подтип 3.4 – вдоль основания пронизки широкая полоса с волнистым верхним краем, голова с тупым округлым носом и двумя округлыми выступами, имитирующими рожки (1 экз., рис.204/18).

Подтип 3.5 – вдоль основания тулова – три горизонтальных "пояска", хвост в виде загнутого вверх "крючка", шея орнаментирована горизонтальными "поясками" – гладкими и с насечками. Голова с заостренной мордой и острыми "рожками" (1 экз., рис.204/19).

Пронизки этого типа в Пермском Предуралье встречены на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Чашкинском II селище [Белавин 1987, рис.3/12]. Они также известны в поломско-чепецких древностях XI-XIII вв. [Иванов 1998, рис.57/8; Семенов 1985, рис.4/14-18], в Биляре [Руденко 2004, рис.2/35-38], в Северо-Западной Руси, например, в могильниках XI-XII вв. бассейна р. Шелони, Гдовского, Лужско-Оредежского регионов [Пронин 1988, рис.22/4; 24/10], в Приобье [Барсова гора 2002, рис.12], в материалах Западной Сибири XIII-XIV веков [Угорское наследие 1994, № 298; Морозов, Сериков 1999, рис.5].

Тип 4 – пронизки-"петушки" (2 экз., рис.204/20-21). На голове явно прослеживается изображение гребешка, обозначены глаза. В нижней части основы спереди – две петли для привесок.

Подтип 4.1 – (1 экз., рис.204/20) — по нижнему краю тулова – валик с прямыми насечками, короткая шея покрыта горизонтальными "поясками" – гладкими и с насечками. Глаза в виде небольших выпуклостей.

Подтип 4.2 – (1 экз., рис.204/21) – вдоль нижнего края тулова – 4 "пояска" гладких и с косыми насечками, массивный хвост выполнен в виде крючка, длинная массивная шея покрыта гладкими горизонтальными "поясками", имитирующими навитую проволоку. Сохранилась одна из привесок – фрагмент бубенчика на одном звене щитковой цепочки.

Такие пронизки, по Л.А. Голубевой, относятся к 3 варианту 2 типа шумящих птицевидных подвесок [Голубева 1979, с.17].

Подобные пронизки известны в Поветлужье в XI – начале XII вв. [Голубева 1979, с.17], на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде [Истомина 1992, рис.4/2,4-5], на Ыджидьельском могильнике на р.Выми [Савельева 1987, рис.30/6], в материалах поломско-чепецких памятников XI-XIII вв. [Иванов 1998, рис.57/2]. В Пермском Предуралье подобные пронизки известны на могильнике Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича).

Группа 5 – СКУЛЬПТУРНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ (1 экз., фрагмент, рис.204/23). Полая пронизка в виде присевшего хищника семейства кошачьих. Аналогичная пронизка в Пермском предуралье встречена в погр. №102 Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой). Подобные пронизки характерны для таежных культур Западной Сибири первой половины IX-XII вв., особенно для Приобья [Барсова гора 2002, рис.4; Семенова 2001, табл.48/10-1; Угорское наследие 1994, с.95, №132; Морозов, Сериков 1999, рис.5/10, 11, 13, 16]. Они также встречены на Ортинском горо-

дище на р. Печоре, которое рассматривается авторами раскопок как один из племенных центров народа сиирти, культура которого генетически связана с культурой племен Нижней Оби, Северного Приуралья и Зауралья [Овсянников 1997, табл.I/3]. На данном городище многие предметы находят аналогии на Рождественском археологическом комплексе.

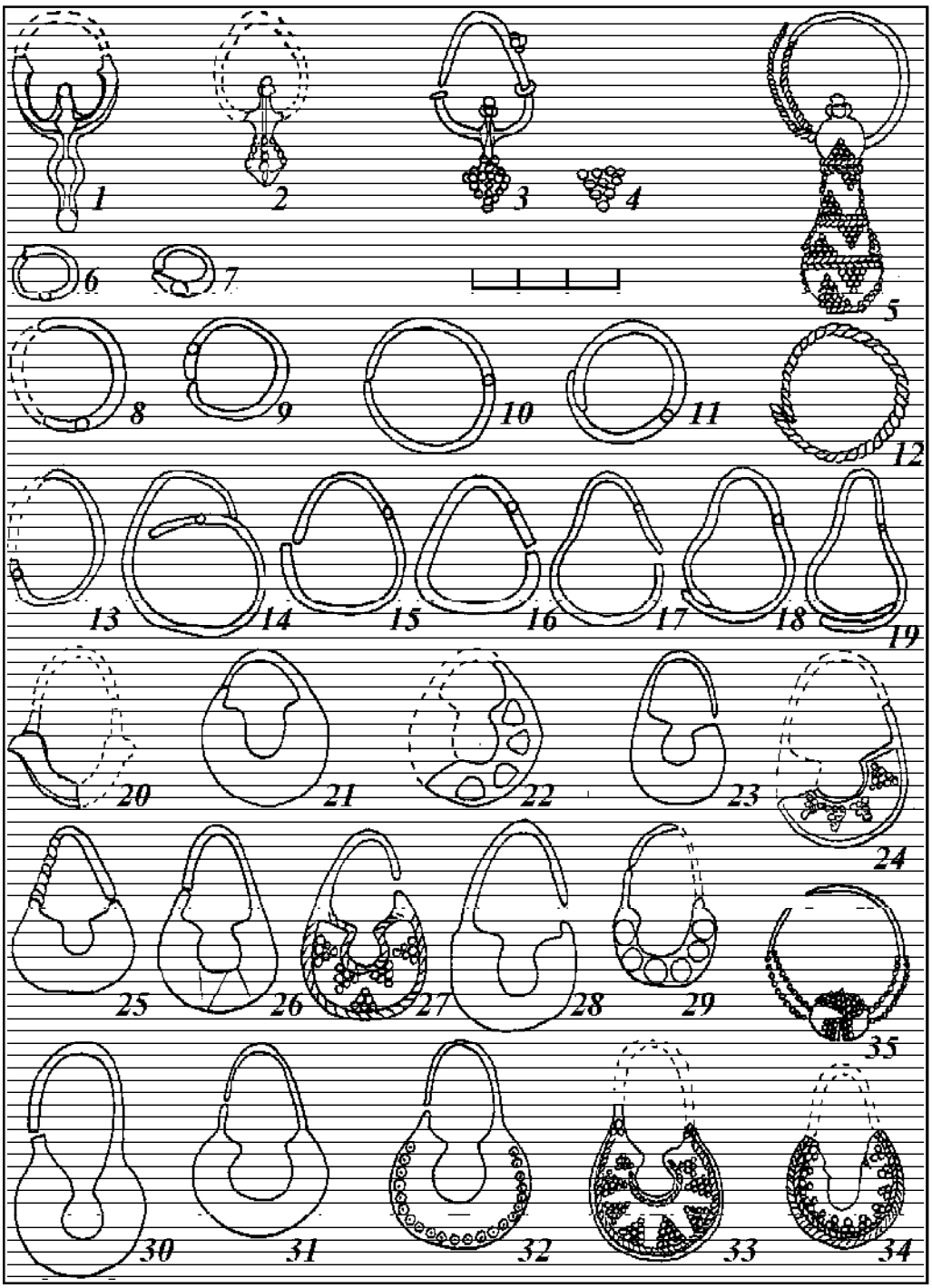

Рис. 181. Височные кольца и серьги. Материал: 1-4, 7, 9, 10, 15-18, 22-26, 28, 29, 31, 32, 35 - серебро; 5, 33, 34- серебро, позолота; 6, 11, 19, 21, 30 - золото; 8, 12, 13, 14, 20, 27 - бронза

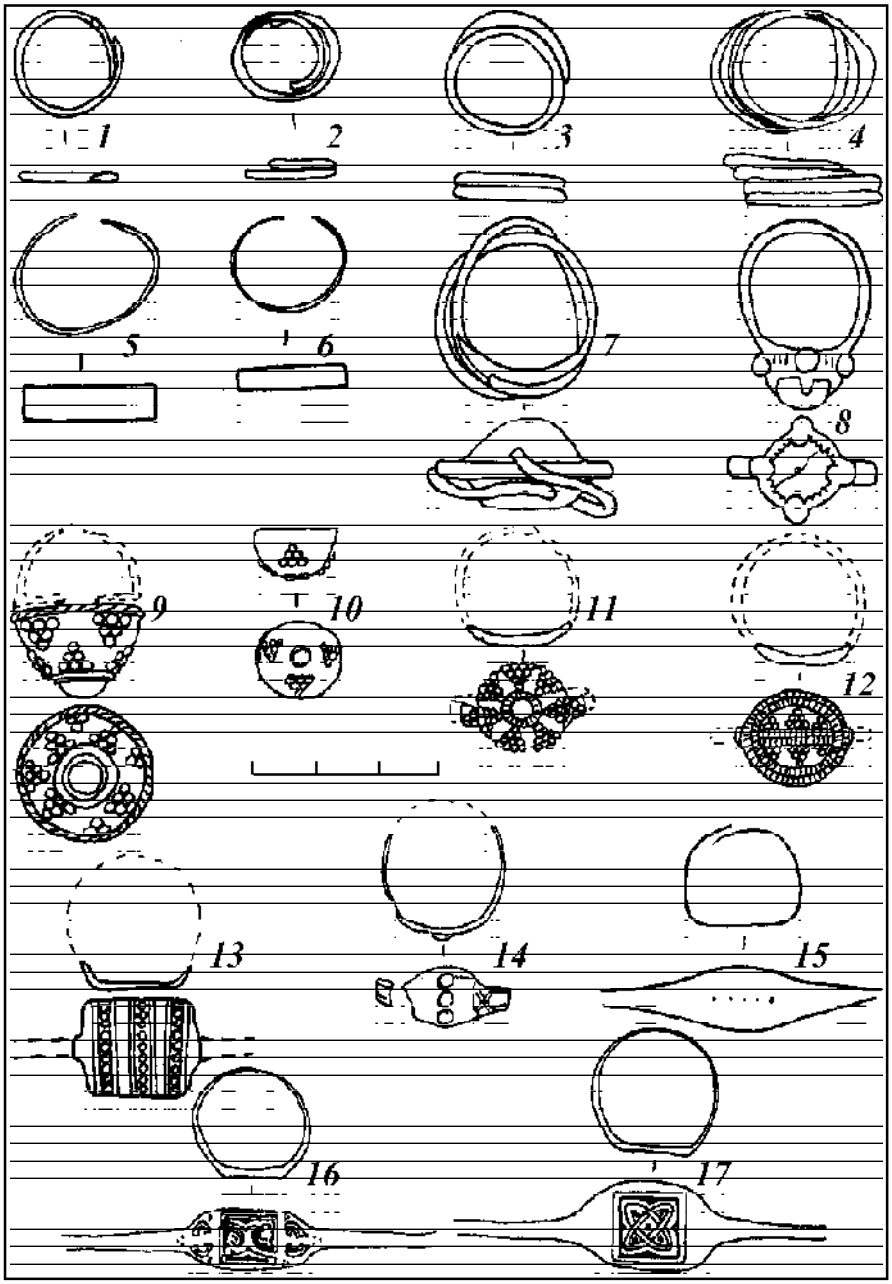

Рис. 182. Кольца и перстни. Материал: 1, 2, 4, 13-14 - бронза; 3, 5, 6, 7, 15- серебро; 8 - серебро, синее стекло; 9, 10 - серебро, позолота; 16-17 - серебро, чернь.

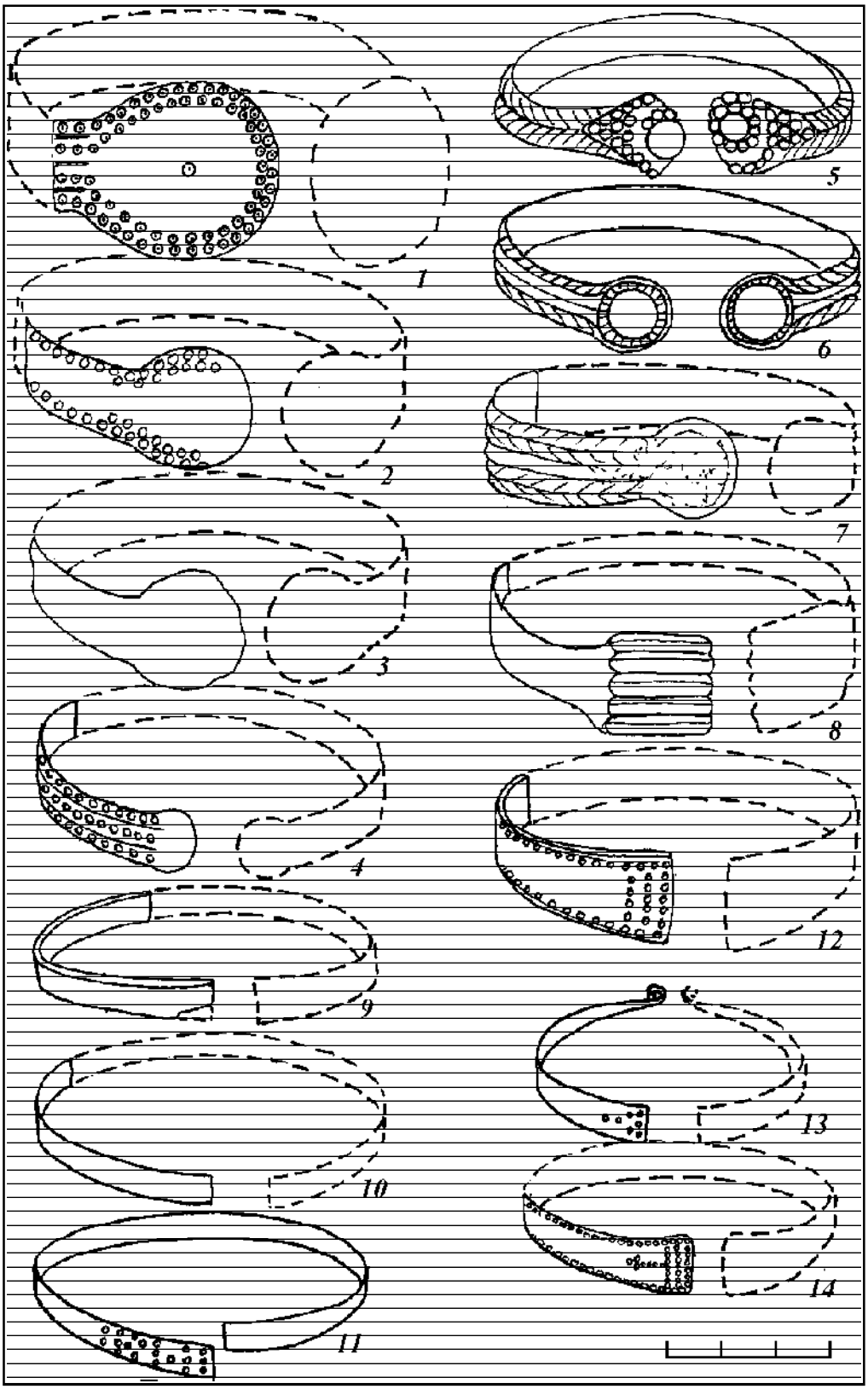

Рис. 183. Браслеты пластинчатые. Материал: 3,14 - серебро, остальное - бронза

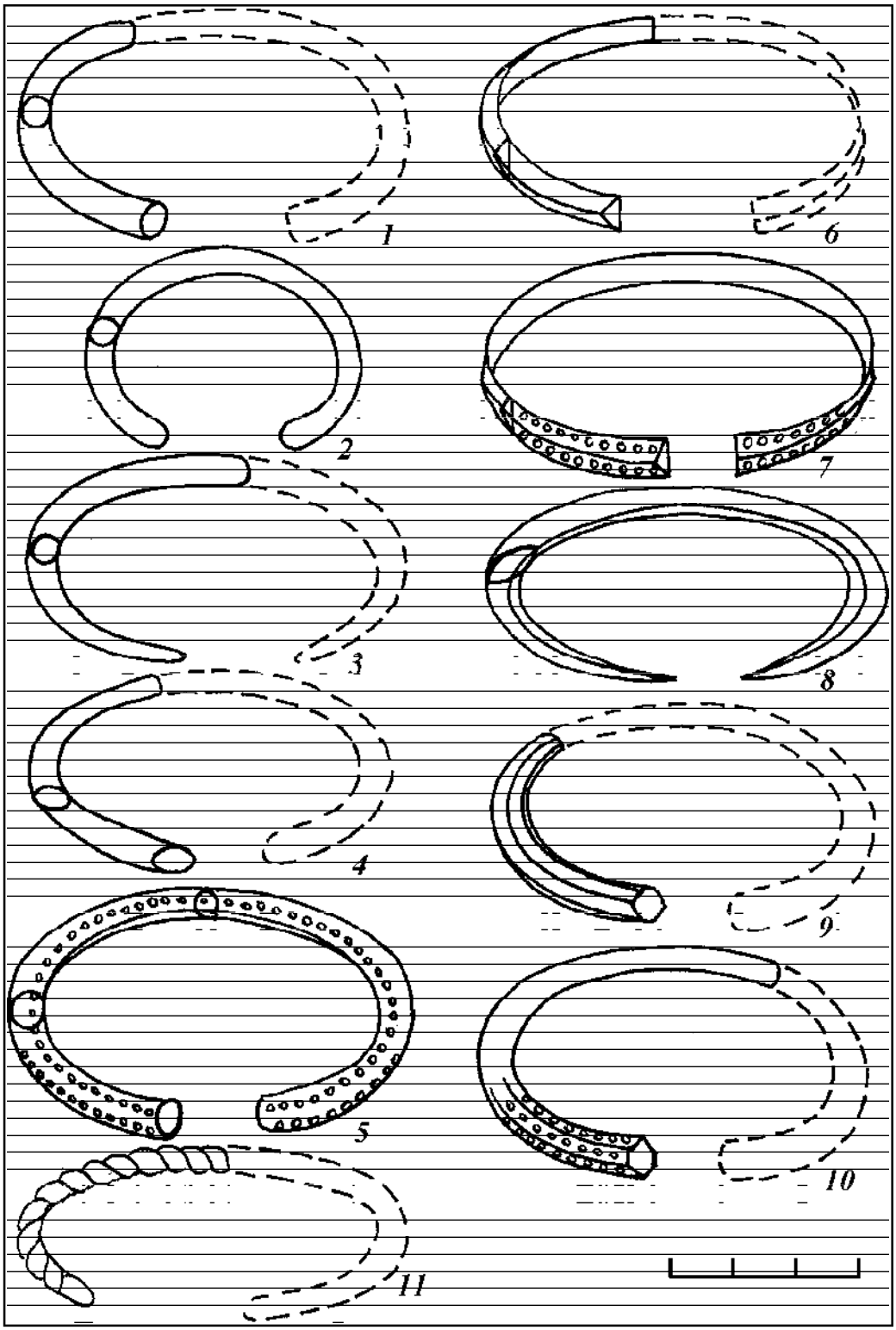

Рис. 184. Браслеты дротовые, бронзовые

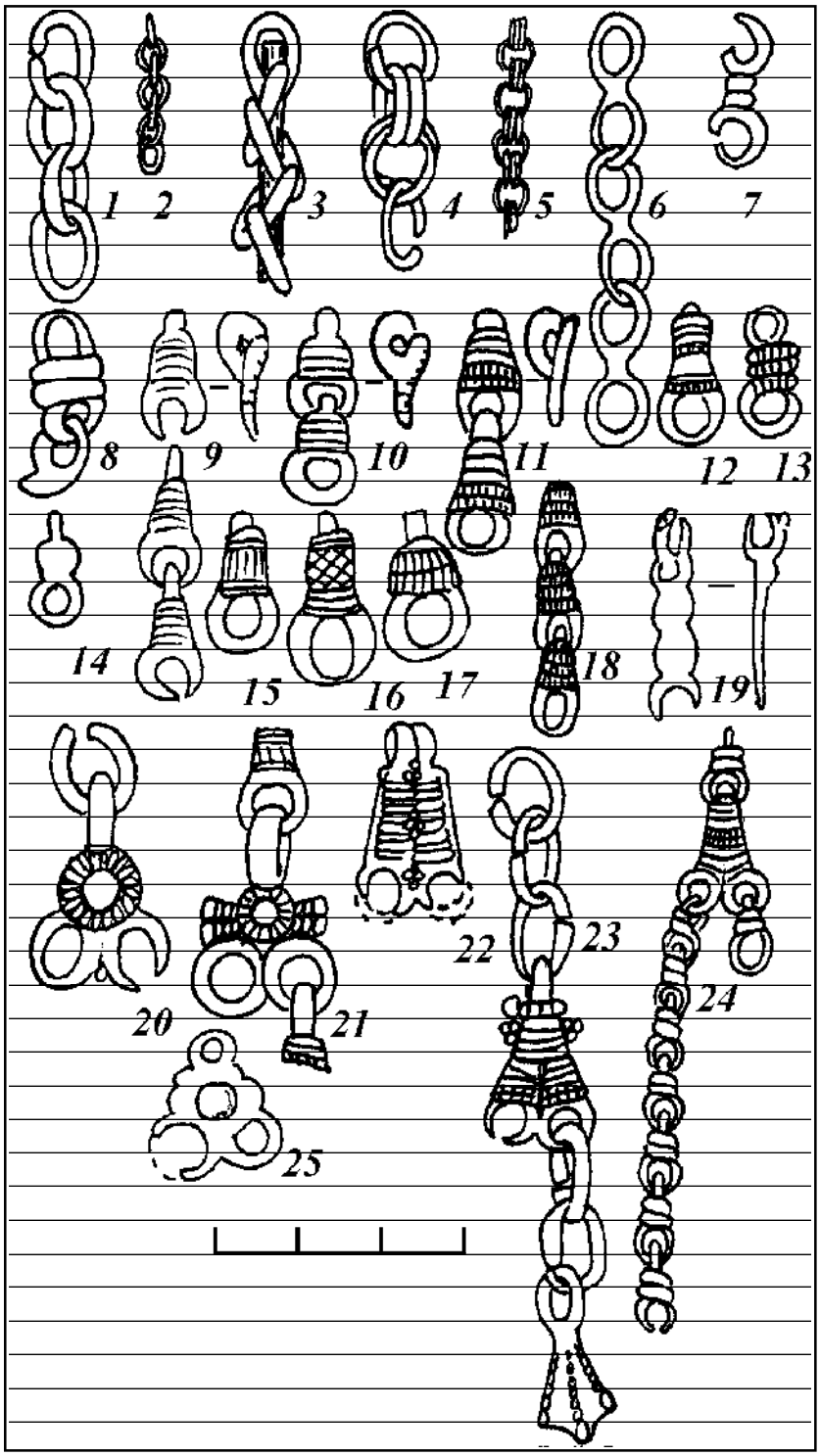

Рис. 185. Фрагменты цепочек, разделители цепочек. Материал: 5 - серебро, остальное - бронза

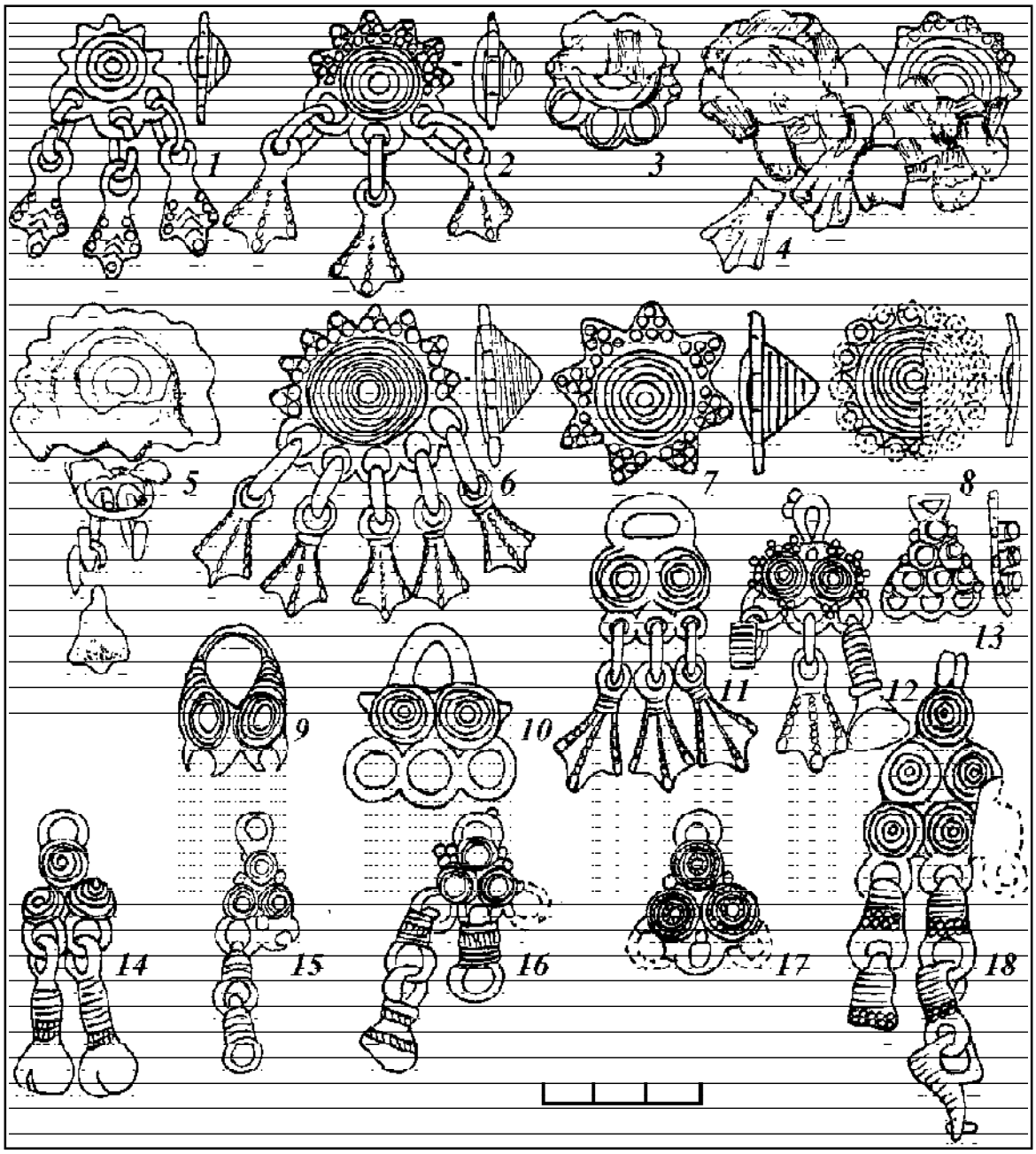

Рис. 186. Подвески умбоновидные бронзовые

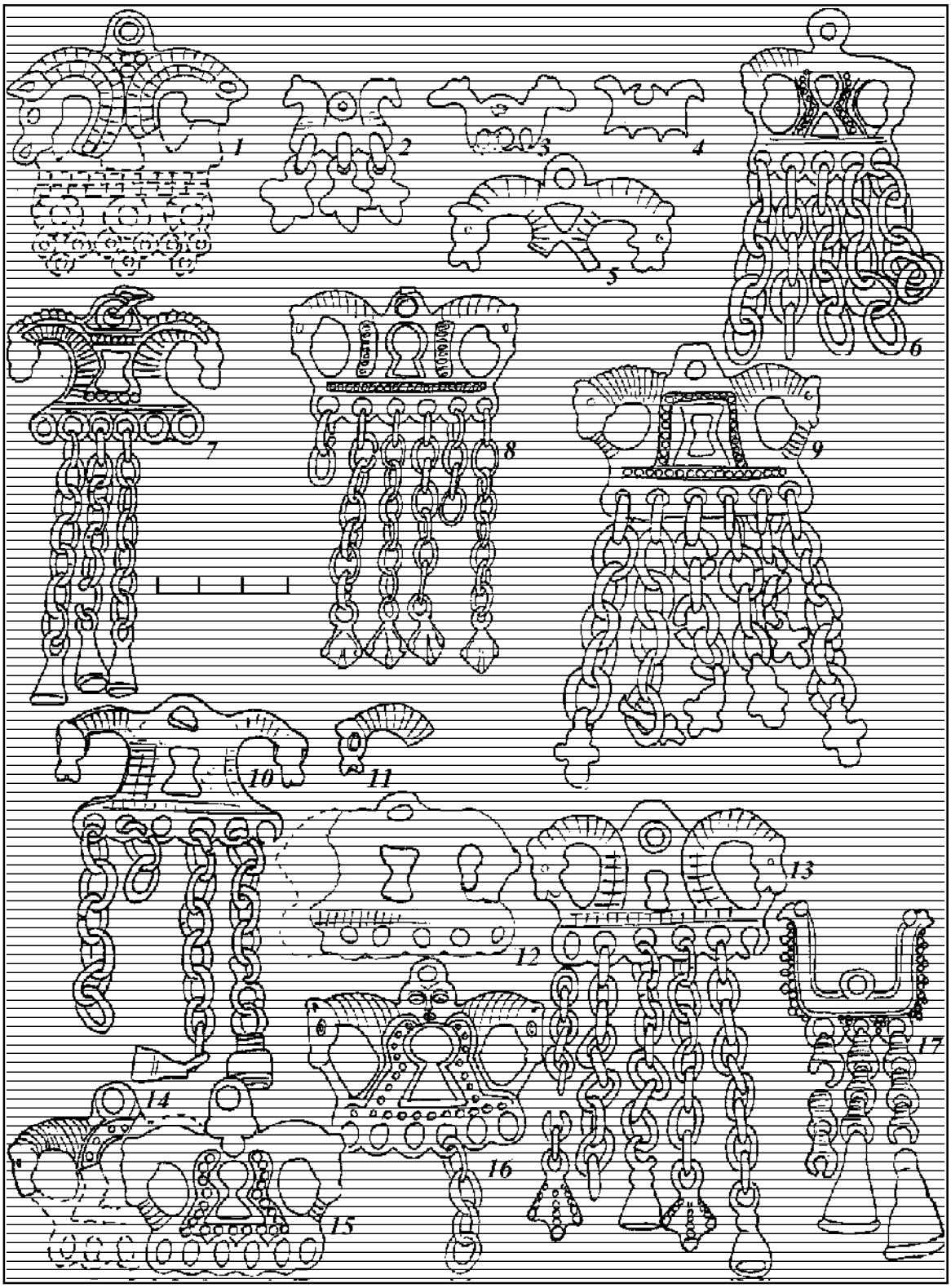

Рис. 187. Подвески биконьковые бронзовые

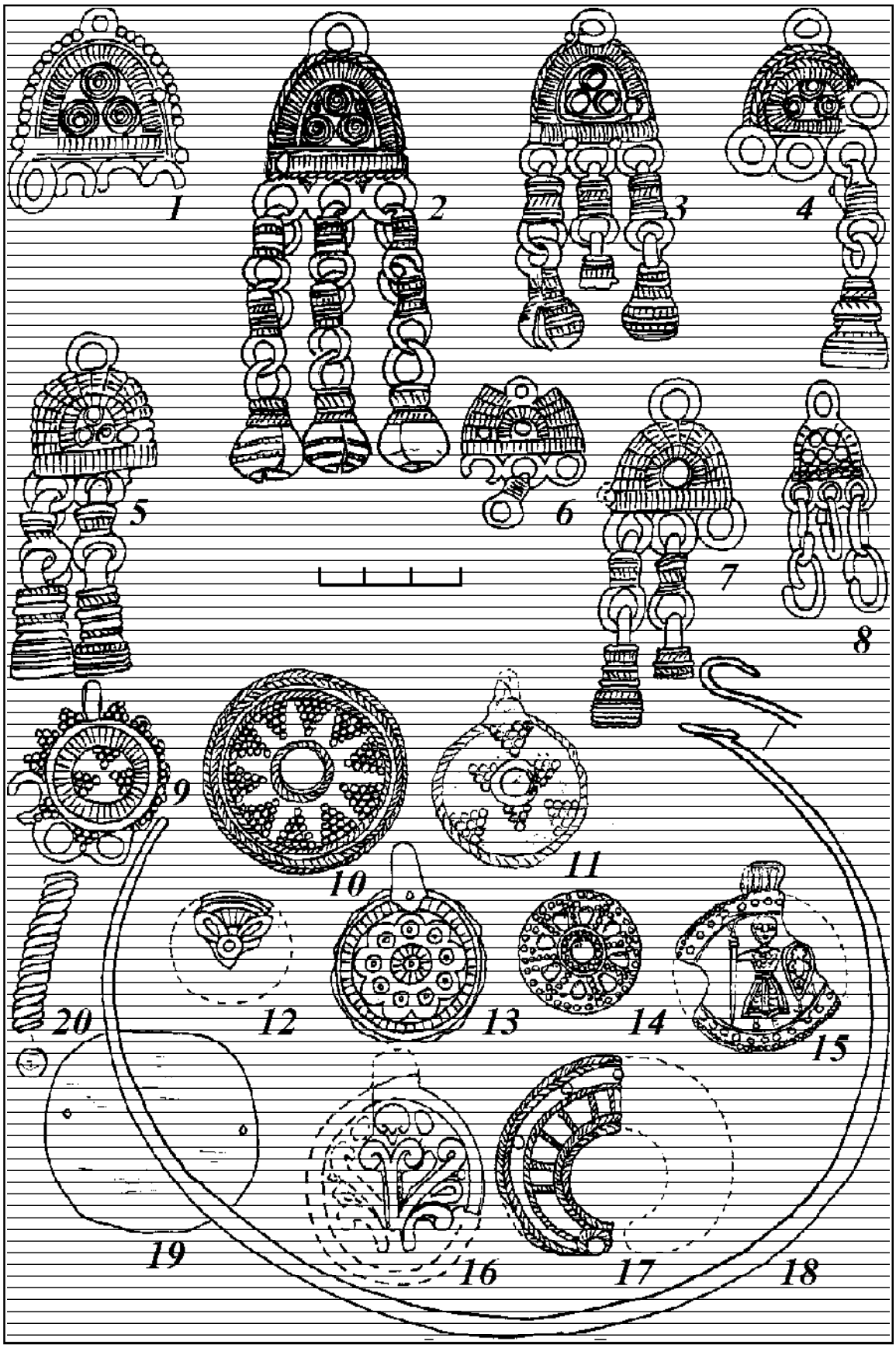

Рис. 188. Подвески арочные, подвески круглые, лунница (17), гривны (18, 20). Материал: 12-15, 19 - серебро; 10 - серебро, позолота; остальное - бронза

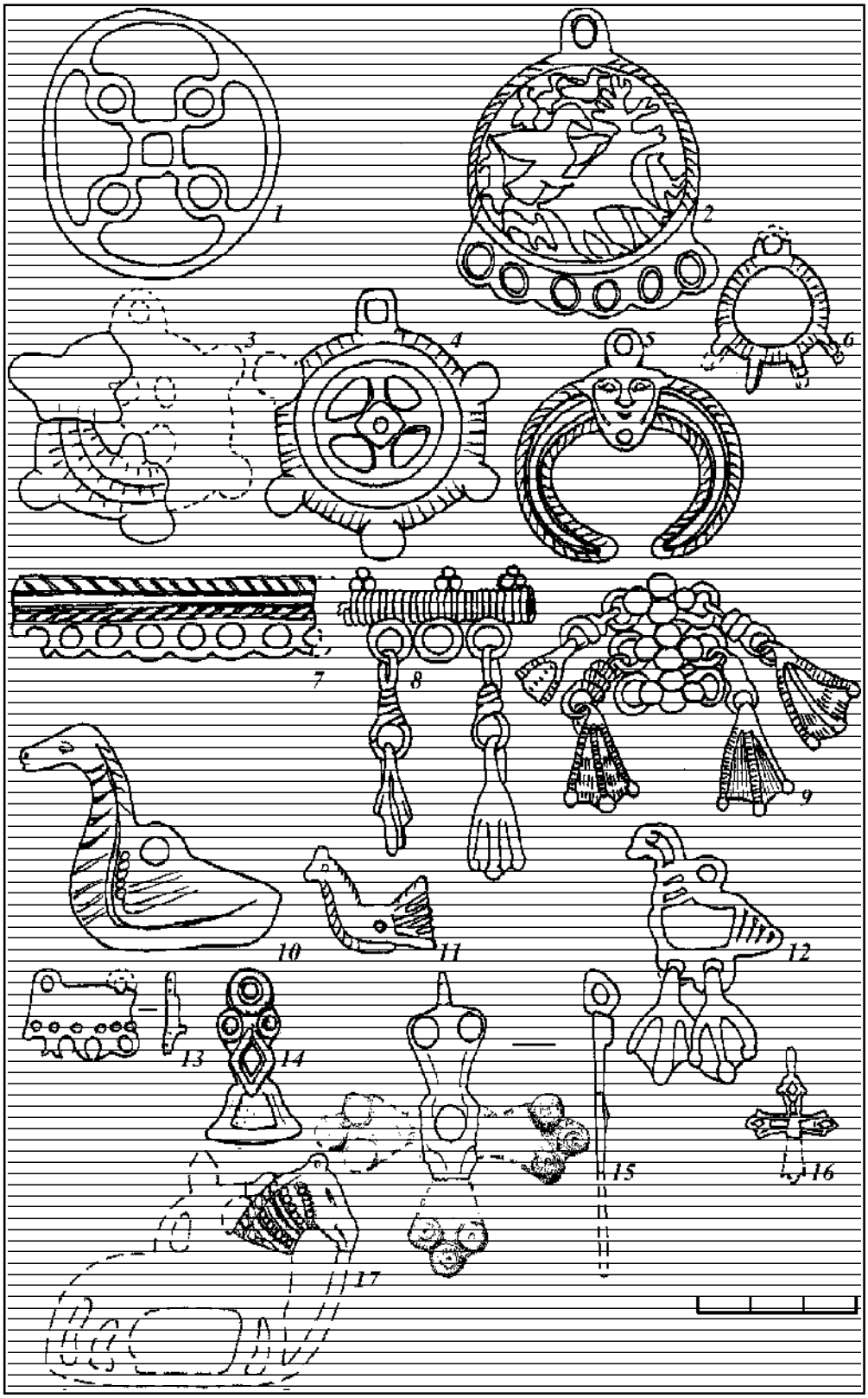

Рис. 189. Подвески. Материал: 16-17 - серебро, остальное - бронза

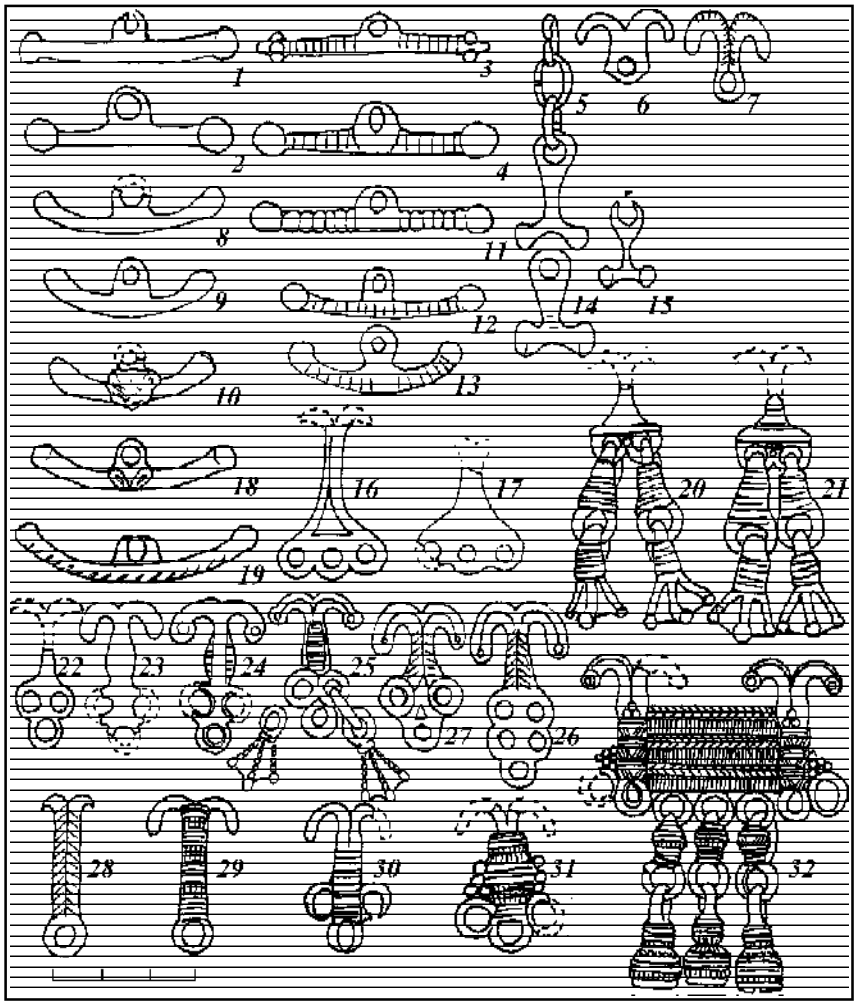

Рис. 190. Подвески костыльковые и якорьковые бронзовые

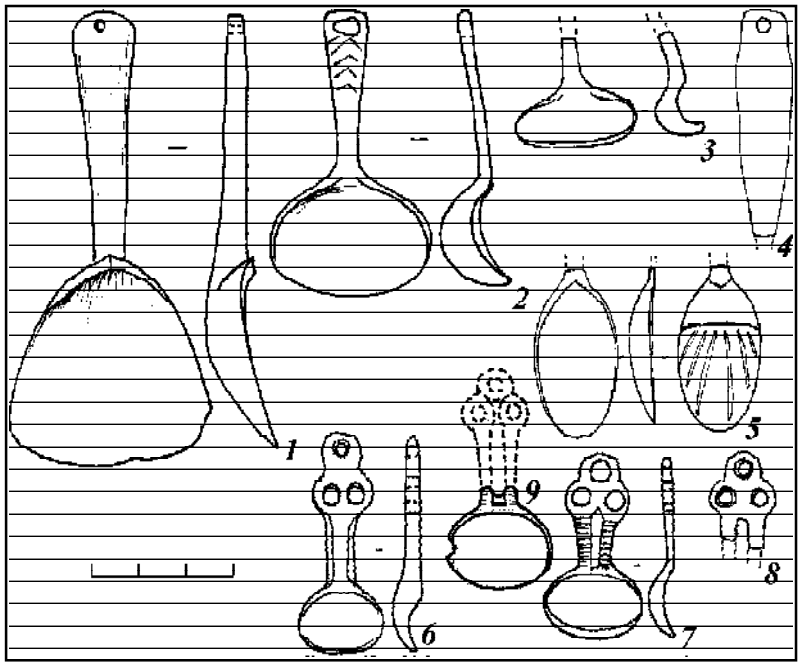

Рис. 191. Подвески-ложечки. Материал: 1 - кость, остальное - бронза

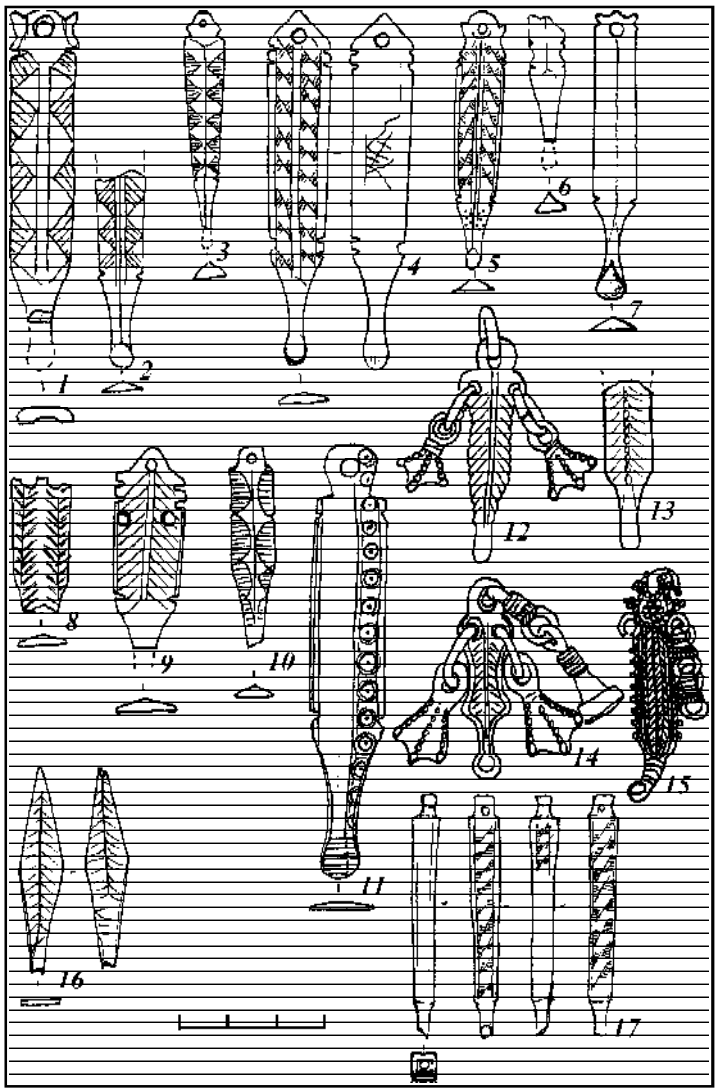

Рис. 192. Подвески-копоушки. Материал: 12-15 - бронза, остальное - кость

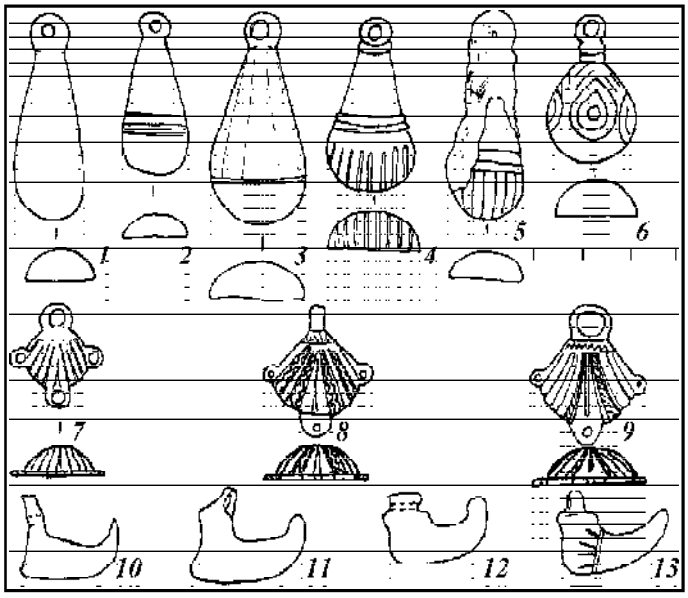

Рис. 193. Каплевидные и клыковидные подвески, бронза

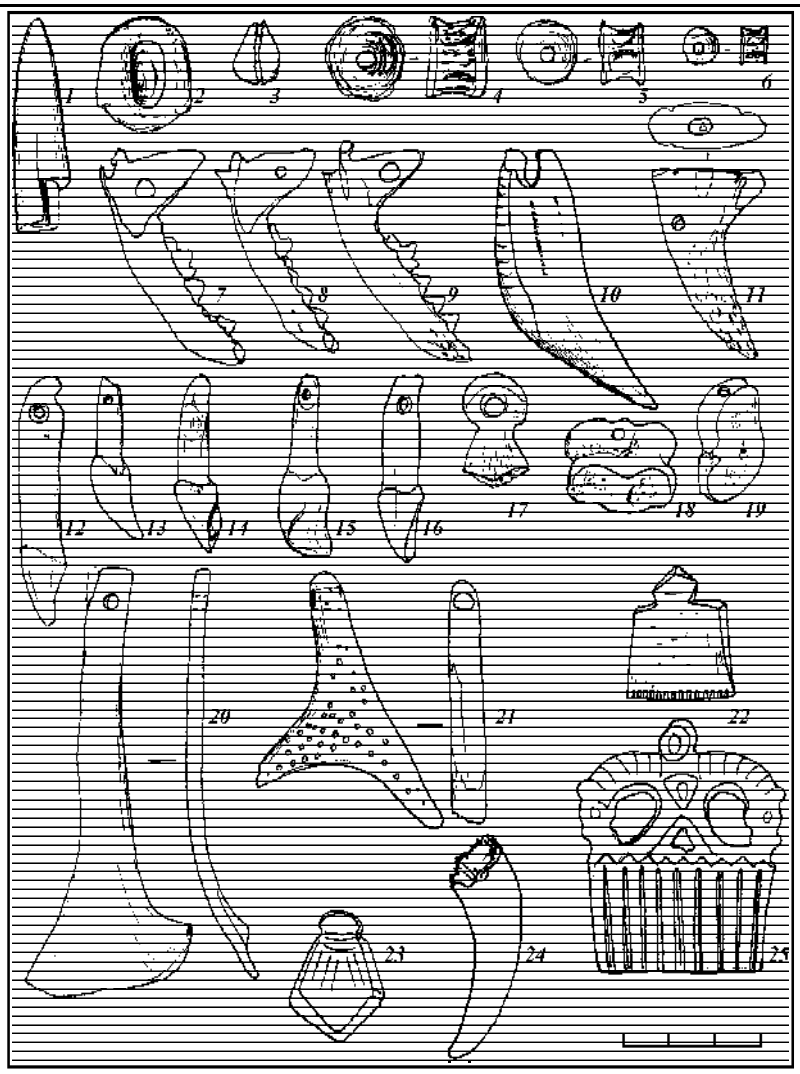

Рис. 194. Подвески-амулеты. Материал: 1,2 - белемниты; 3- раковина; 4-6 - позвонки рыб; 7-9 - челюсти куницы; 10,11 - клык и коготь медведя; 12-16 - резцы крупного рогатого скота; 17-20 - необработанные кости домашних животных; 21- рог северного оленя; 22 - кость; 23 - лазурит; 24 - коготь волка, 25 - бронза

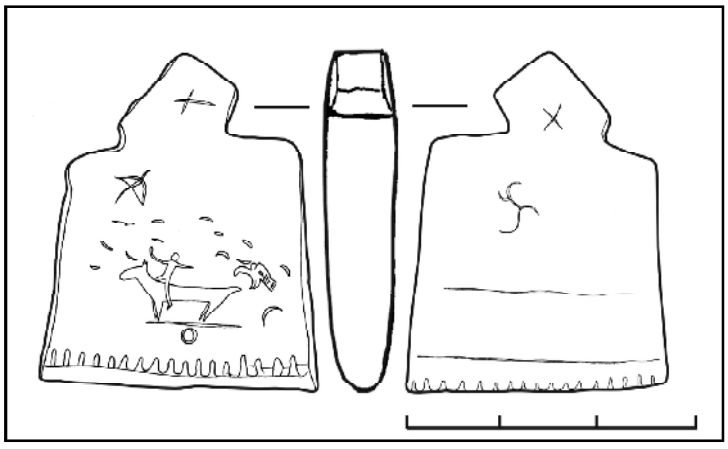

Рис. 195. Амулет (рис.194/22) увеличенный. Кость

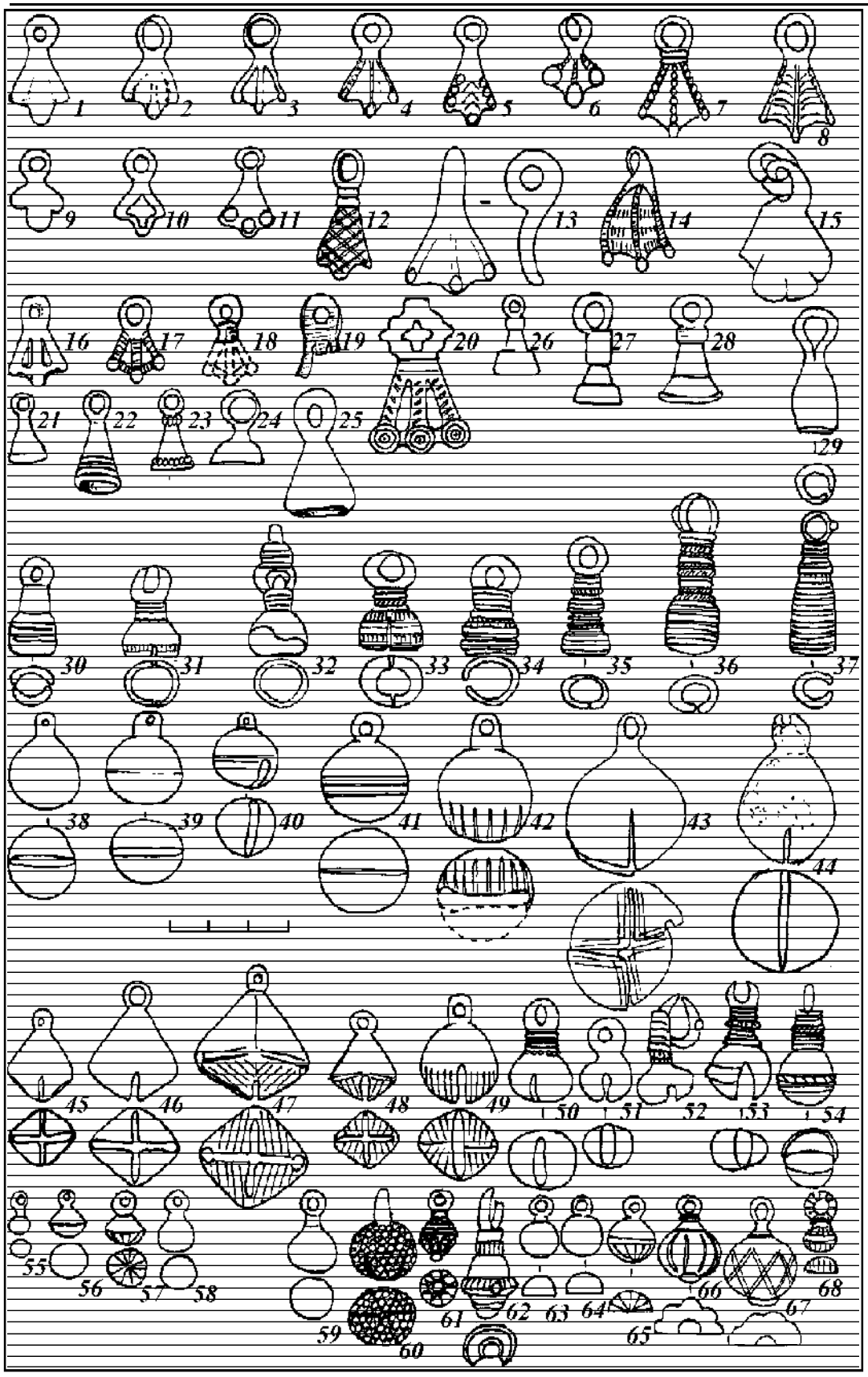

Рис. 196. Привески разные. Материал: 16-20, 68 - свинцово-оловянистый сплав; остальное - бронза

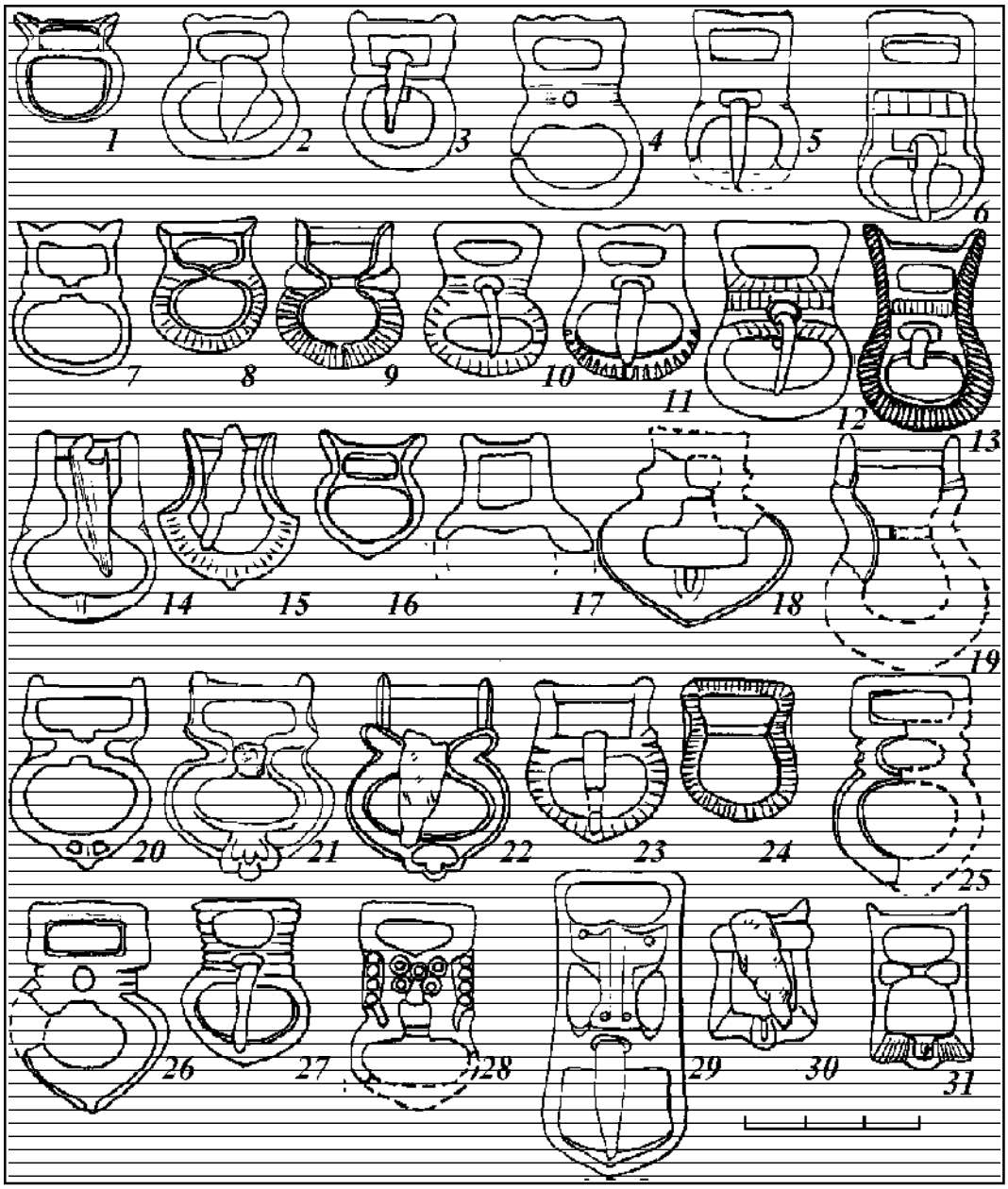

Рис. 197. Пряжки поясные бронзовые

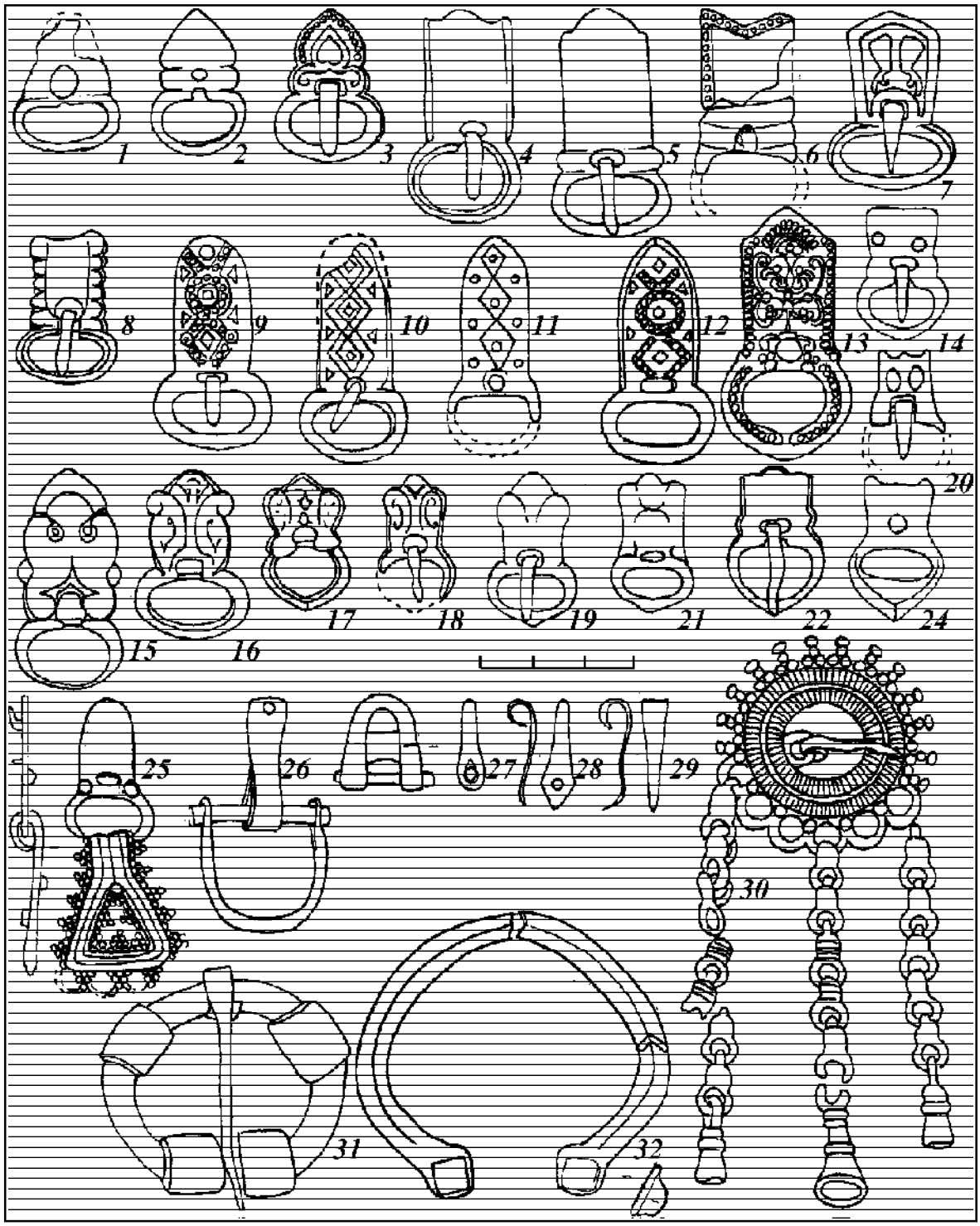

Рис. 198. Пряжки и фибулы бронзовые

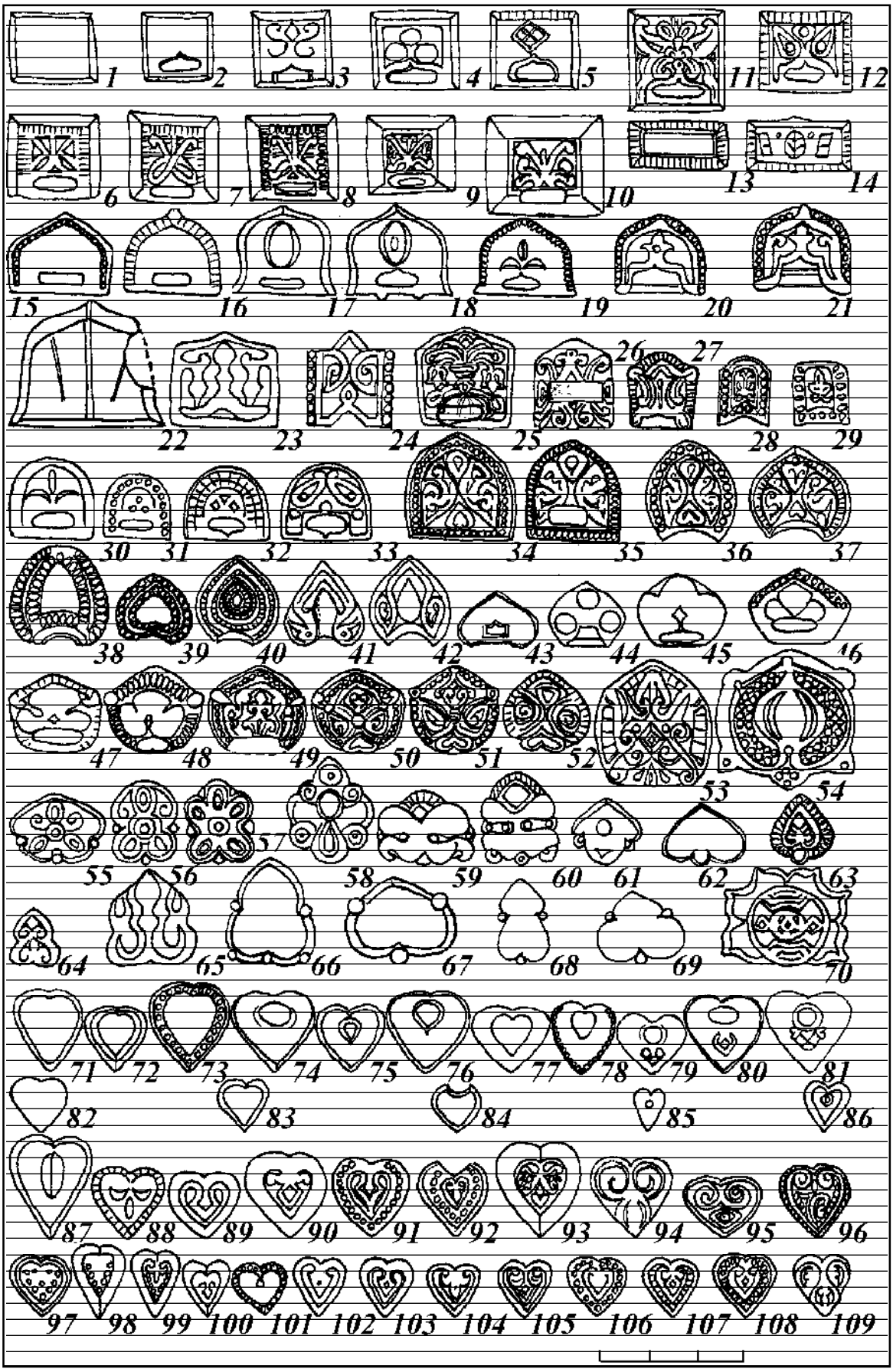

Рис. 199. Накладки ременные бронзовые

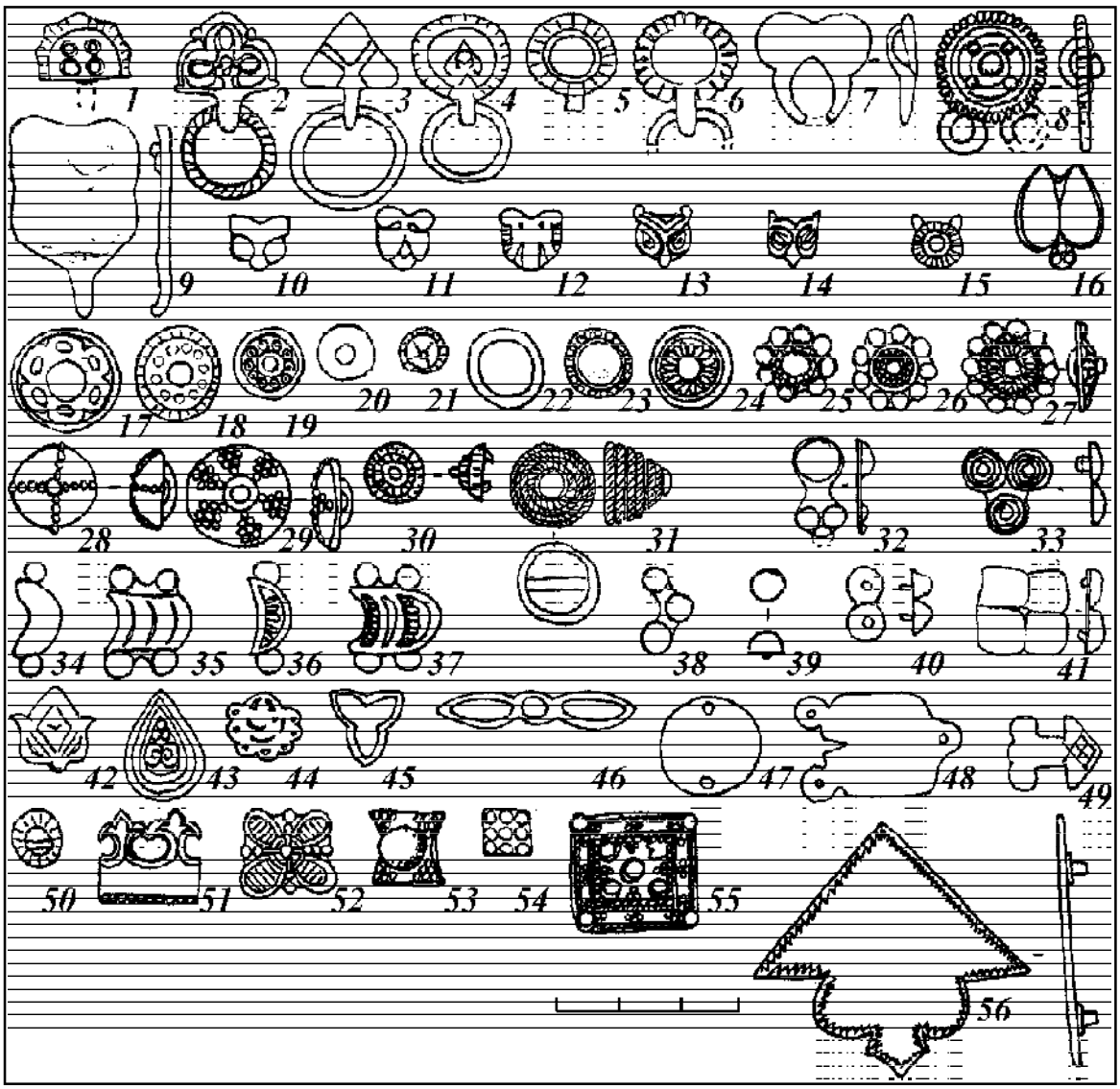

Рис. 200. Накладки ременные. Материал: 47-49, 55 - серебро; 30, 50 - свинцово-оловянистый сплав; остальное - бронза

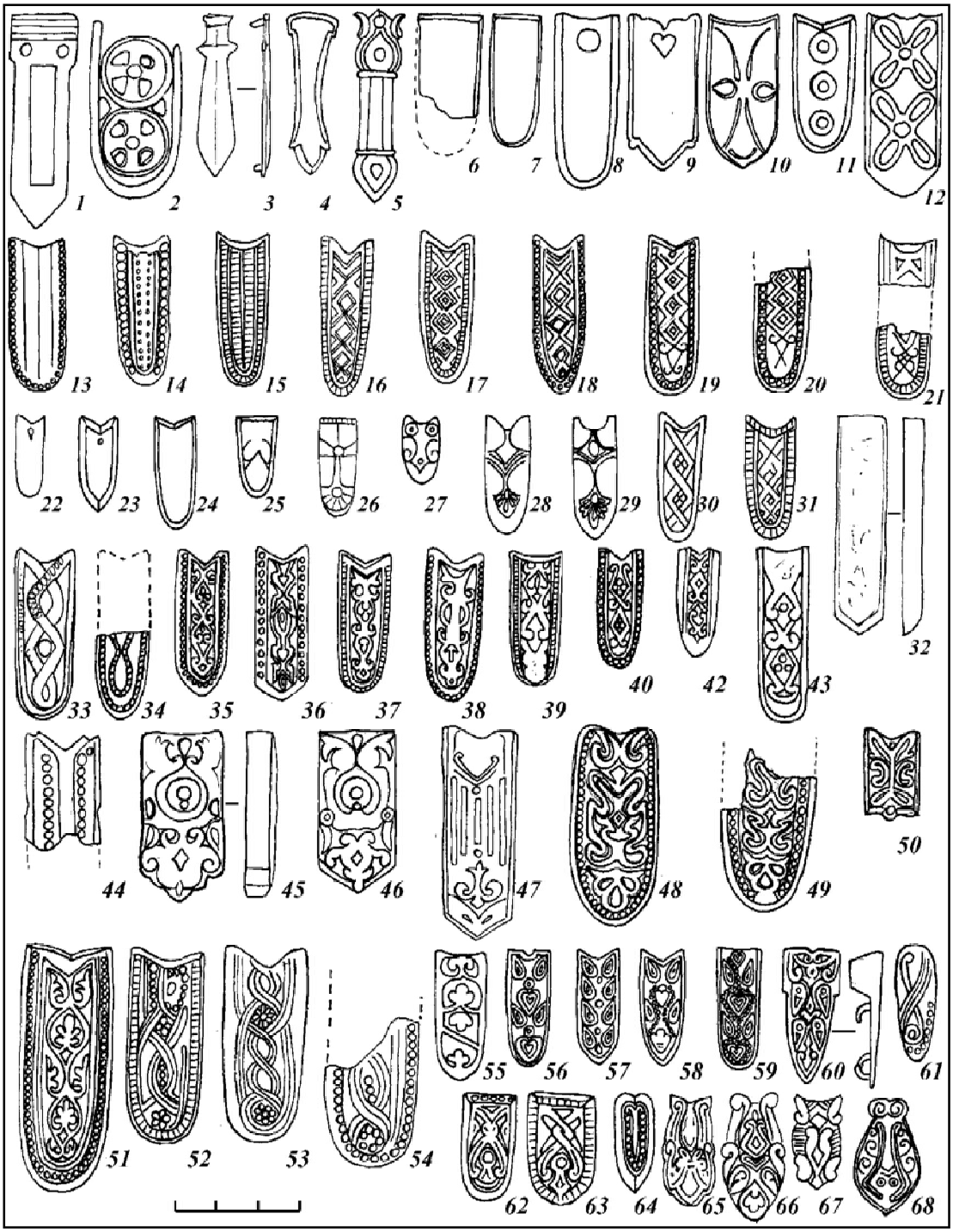

Рис. 201. Наконечники ремней бронзовые

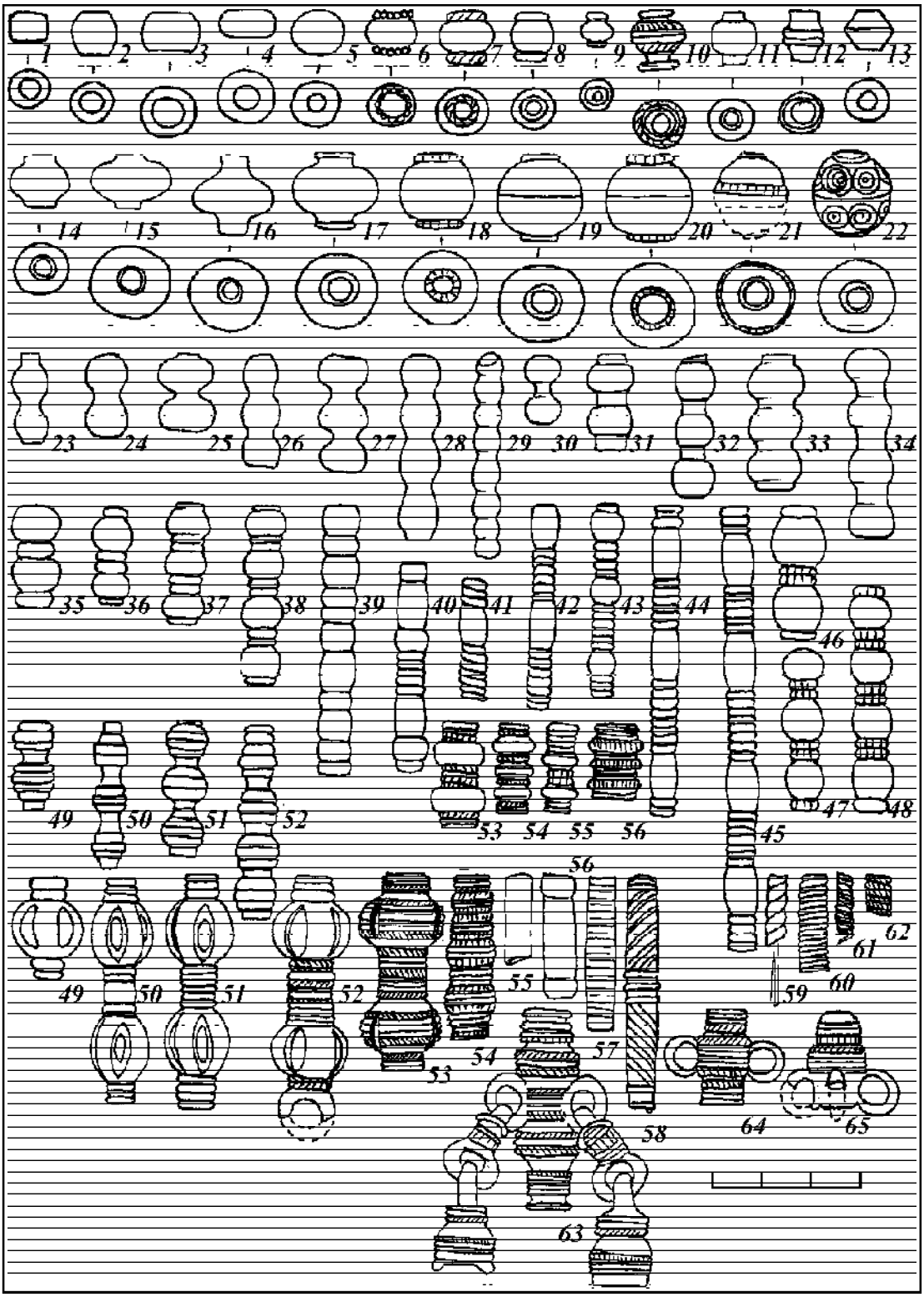

Рис. 202. Пронизки бронзовые

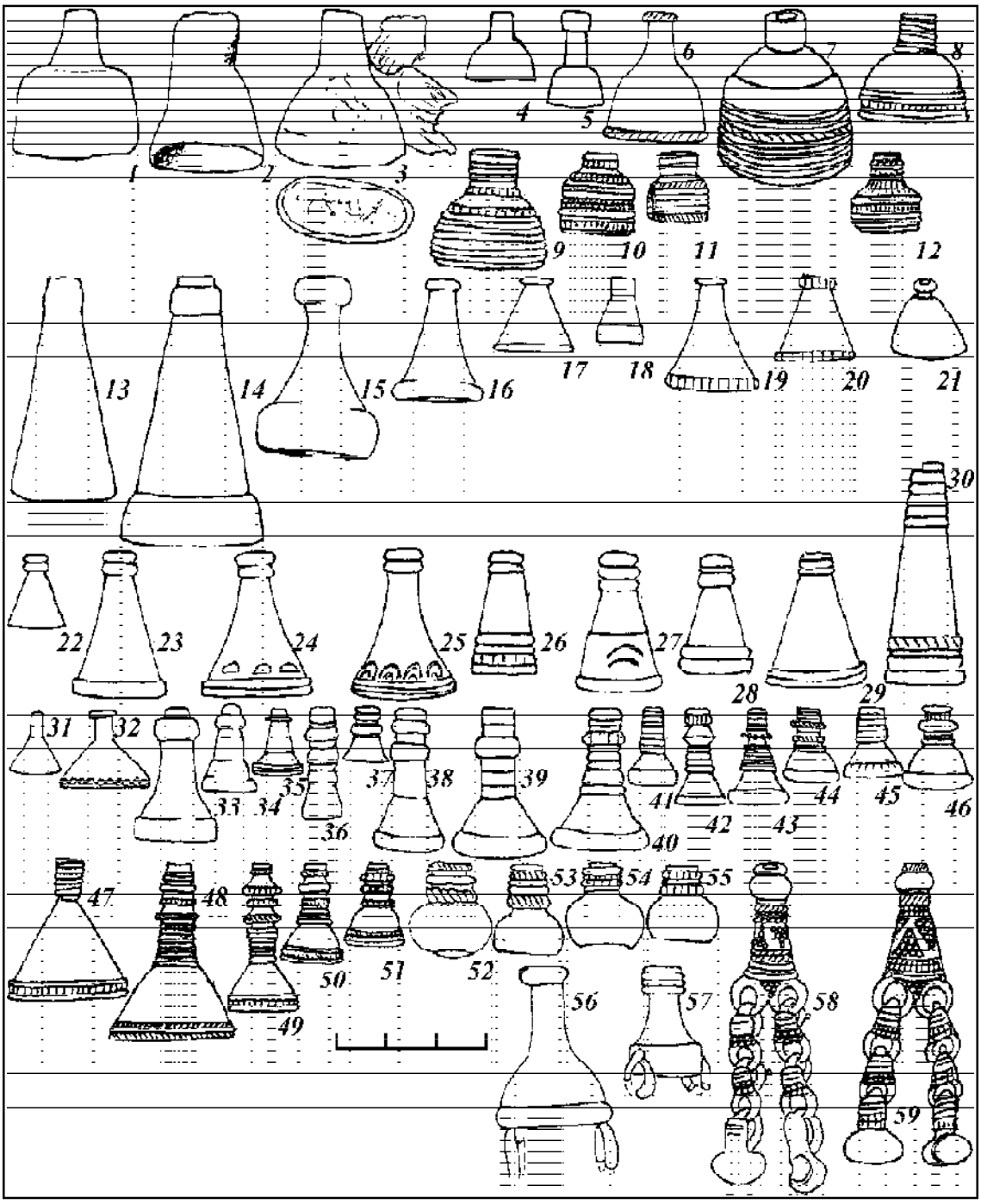

Рис. 203. Пронизки бронзовые

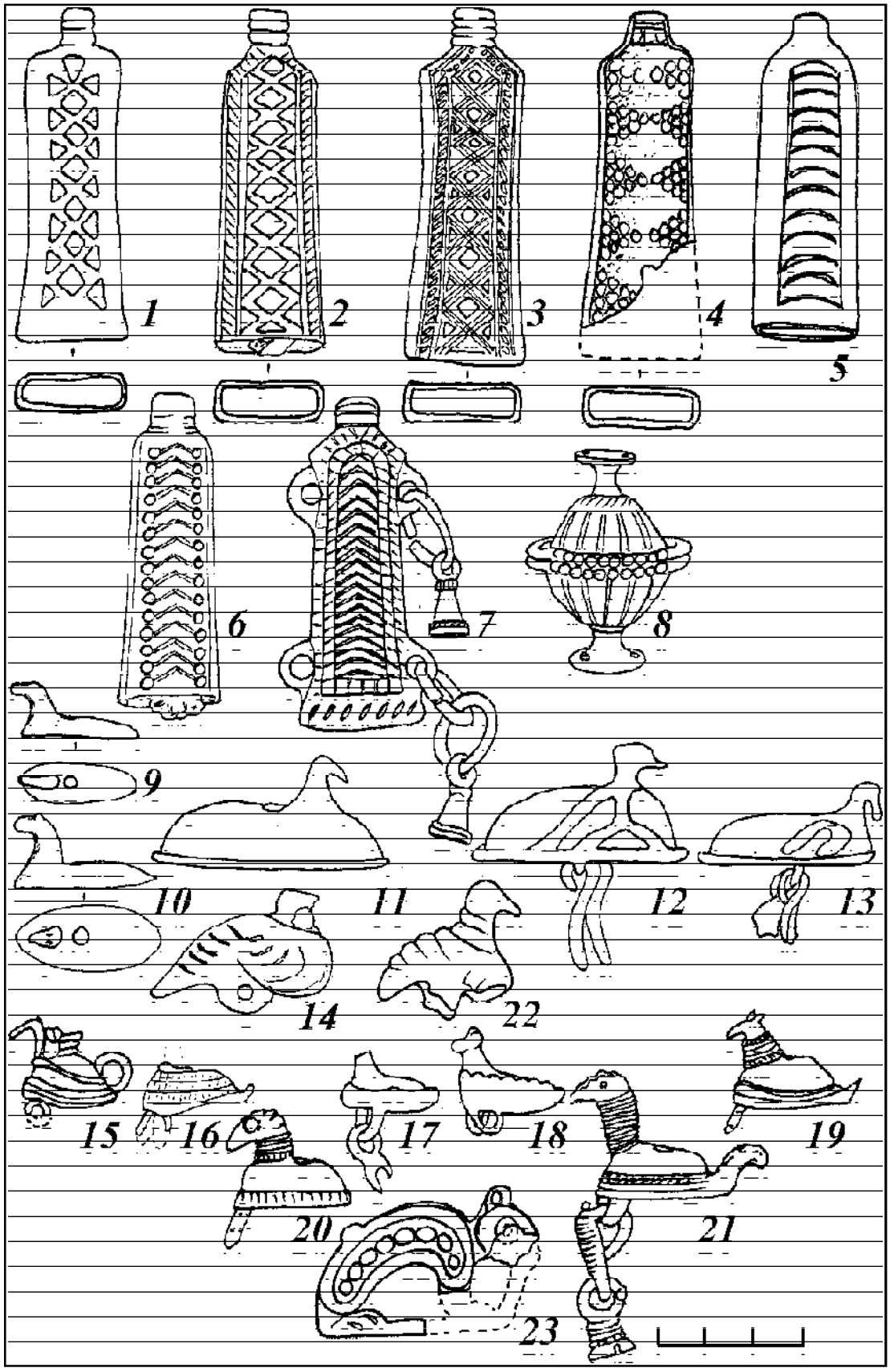

Рис. 204. Пронизки флаконовидные и фигурные бронзовые

ИГРУШКИ

Игрушки – это объекты, изготовленные из различных материалов, которые используются ребенком в качестве элементов действия в своей игре. В процессе игр детьми во все времена использовались игрушки, сделанные взрослыми или изготовленные самостоятельно. В коллекции из раскопок Рождественского комплекса собрана большая серия разнообразных игрушек. Впервые в археологии Пермского Предуралья игрушки как особая часть духовного и материального мира средневекового населения региона была выделена Н.Б. Крыласовой в 2001 году [Крыласова 2001, с.33-39]. Значимость игрушек определяется не только изучением досуга древнего населения, но и изучением процесса трудового воспитания детей в древнем обществе, процесса их социализации через игру. Таким образом, мы имеем возможность наглядно изучать элементы древней педагогики традиционных обществ.

Следуя классификации, предложенной этнографами [Аркин 1935, с.22], мы разделили игрушки, встреченные на Рождественском городище на две группы.

Группа 1 – ОБРАЗНЫЕ ИГРУШКИ. В эту группу включены куклы и инвентарь для игры с ними.

Подгруппа 1 – керамические статуэтки (куклы) (18 экз., рис.205-207; цв. вкл. П/1).

На Рождественском городище среди керамических изделий выявлены предметы, представляющие собой вытянутую пирамиду, или конус. Изготовлены они из глиняной массы, характерной для лепных керамических изделий Пермского Предуралья: плохо промешанная глина с примесями песка, дресвы, шамота. Цвет изделий от светло-коричневого до серого, что также сближает их с массовой лепной посудой. Отличие составляет только отсутствие в глиняном тесте толченой раковины. Отдельные предметы выполнены очень качественно, поверхности их ровные, тщательно заглаженные, но ряду предметов необходимая форма была придана наспех, небрежно.

Тип 1 — предметы пирамидальной формы (16 экз., рис.205-206, 207/1-2, 5). В этом типе выделяется несколько подтипов, различающиеся особенностями оформления верхней или нижней части предмета.

Подтип 1.1 — фрагмент вытянутой пирамиды со стилизованным изображением ног (1 экз.; рис.205/1).

Подтип 1.2 — усеченные пирамиды, завершающиеся в верхней части клювовидным выступом (6 экз.; рис.205/2-5, рис.206/1-2, 4). На отдельных поделках клювовидный выступ выделен отчетливо (рис.205/3-4, рис.206/1), на других – слегка намечен. По внешнему облику эти фигурки очень напоминают одетые в меховую одежду с капюшоном куклы акань обских угров [Мифологическое время 2003, с.33]. На ряде предметов данного подтипа вдоль боковых сторон отмечаются продольные желобки (рис.205/3-4, рис.206/4), которые ассоциируются со спускающимися по плечам длинными косами. На одном предмете (рис.205/4) на лицевой и боковых сторонах

прослеживается нерегулярный орнамент из маленьких кружков, нанесенный, вероятно, соломинкой. Отпечатки подобных кружков фиксируются и на других предметах данной подгруппы (рис.205/3, рис.206/1), причем в одном случае кружками, вероятно, обозначены глаза (рис.205/3). Один предмет украшен орнаментом из каплевидных вдавлений (рис.205/5).

Подтип 1.3 – фрагмент усеченной пирамиды с уплощенной верхней частью (1 экз.; рис.206/3). На сохранившемся фрагменте нижняя часть, отделенная поперечной резной полосой, украшена резными дугообразными линиями и "галочками", и напоминает подол одежды со складками.

Подтип 1.4 — усеченные пирамиды, завершающиеся вверху округлой площадкой с небольшим вдавлением (2 экз.; рис.206/6-7).

Подтип 1.5 — вытянутые пирамиды, слегка скругленные вверху (1 экз., рис.207/1).

Помимо этого встречены фрагменты нижней части статуэток, которые невозможно отнести к выделенным подгруппам (рис.206/5, 8, рис.207/2, 5). Один из этих фрагментов украшен вертикальными рядами ногтевидных вдавлений (рис.206/5), другой – вертикальными рядами небольших ямок (рис.206/8), еще один – вертикальными резными линиями(рис.207/2). Несмотря на различие орнаментации, во всех случаях мы наблюдаем изображение подола одежды со складками, а на одном фрагменте (рис.206/8) – застежки.

Тип 2 — предметы конусовидной формы (2 экз.; рис.207/3-4). Предметы данного типа представлены во фрагментах, поэтому судить об их полном облике невозможно. Один предмет (рис.207/3) украшен пышным орнаментом, нанесенным ногтем. В верхней части ногтевидные отпечатки расположены горизонтальными рядами, а в нижней – плотными вертикальными рядами, что, опять же, напоминает подол одежды. Второй предмет вылеплен крайне грубо, на нем имеется глубокая ямка, выдавленная палочкой (рис.207/4).

Аналогий этим поделкам, за исключением предмета со стилизованным изображением ног, который можно сопоставить с русскими глиняными игрушками [Голубева 1973, с.167], за пределами Пермского Предуралья не известно. Здесь они встречены на городище Анюшкар (раскопки В.А.Оборина, Г.Т. Ленц), Чашкинском II селище (раскопки А.М. Белавина), селище Запоселье I (раскопки Н.Б. Крыласовой), Родановом городище (раскопки М.В. Талицкого), подобные фигурки из камня известны на селище Телячий Брод (раскопки Н.Б. Крыласовой). Они могут являться культовыми предметами. Но более интересным является предположение об использовании рассматриваемых предметов как детских игрушек [Крыласова 2004, 321-330].

У народов коми и обских угров для удовлетворения потребности девочек в игре в "дочки-матери" существовали особые куклы акань (окань), которые представляли из себя в одежде некоторое подобие женщин, но без человеческих голов, туловища и конечностей. Вместо подобия человеческой головы употребляется верхняя челюсть утиного или тарпаньего клюва, которая пришивается к прямоугольному кусочку сукна, образующему "тело" куклы. Куклу одевают в меховой халатик, причем к утиному клюву иногда привешивается пара веревочных женских кос [Харузина 1912, с.129-130].

Таким образом, мы видим, что у народов Урала существовали игрушечные куклы, почти лишенные антропоморфных черт, что характерно и для

родановских "статуэток". Правда, в нашем случае "куклы" изготовлены из глины, а известные по этнографическим материалам окань преимущественно были из ткани. Однако в древности вполне могли использоваться и иные материалы для изготовления игрушек, в том числе и глина. У некоторых народов Сибири дети лепили игрушки из глины и хлебного мякиша, но в большей степени изображение животных из глины и теста характерно для земледельческих народов [Динцес 1936, с.14]. Воспоминания о бытовании некогда глиняных кукол акань сохранились в коми-зыряском фольклоре, причем в сказках процесс изготовления глиняной акань выступает метафорой зачатия ребенка [Шарапов В.Э., 2002].

На глиняных родановских статуэтках все характерные черты кукол-игрушек: предельную стилизацию человеческой фигуры, отсутствие изображения головы и лица; клювовидный выступ на части предметов можно сопоставить с использованием клюва птиц для воспроизведения лица куклы. То, что для изготовления этих предметов использована глина, объяснимо широким употреблением этого материала, который в Сибири со временем перестал использоваться. По свидетельству этнографов, куклы окань делились по одежде и размерам на детей, женщин и мужчин. Возможно, именно с этим связаны различие в оформлении верхней части и разные размеры глиняных предметов из Пермского Предуралья.

По этнографическим материалам известно, что к игре в куклы относился целый комплекс других предметов: маленькие сумочки и мешочки для хранения кукольного имущества, подушки и одеяльца, разнообразная утварь, кукольные платки. В быту взрослых все эти предметы делали женщины, которые с раннего детства прививали своим дочерям навыки изготовления одежды и утвари [Федорова 1988, с.88], считалось, что девочка, умеющая хорошо делать игрушки, будет в будущем хорошей хозяйкой и мастерицей" [Рейнсон-Правдин 1949, с.123]. Характерно, что на тех же участках раскопов, где были встречены глиняные "статуэтки", обнаружено и довольно много экземпляров игрушечной посуды, изготовленной детьми [Крыласова 2001, с.33-38], которая могла использоваться вместе с куклами во время игры в "дочки-матери".

Подгруппа 2 – игрушечная посуда. На Рождественском городище обнаружено 9 керамических сосудиков, отнесенных нами к разряду игрушек (рис. 208/1-9; цв. вкл. П/2).

Тип 1 — сосудики горшковидной и чашевидной формы с умеренно раздутым туловом, раструбообразной горловиной, округлым венчиком. Дно округлое или уплощенное. По внешнему виду эти сосудики напоминают лепные горшки 1 типа, широко представленные в материалах Рождественского археологического комплекса и характерные в целом для родановской культуры.

1 (рис.208/2) — маленький круглодонный сосудик неправильной чашевидной формы из красной глины. Размеры: высота 23 мм, диаметр наиболее раздутой части туловища 28 мм, диаметр шейки 24 мм, диаметр по венчику 30 мм. Примесь в составе глиняного теста не наблюдается. Сосудик изготовлен методом вытягивания стенок из шарика, в результате дно получилось толстое — до 8 мм, стенки имеют толщину 4 мм, венчик — 2-3 мм. Внутренняя часть сосудика заглажена относительно тщательно, имеет конусовидные очертания, полученные при вдавлении указательным пальцем

и "подщипывающих", вытягивающих движениях при изготовлении сосудика. Наружная часть изделия неровная, местами прослеживаются нечеткие отпечатки пальцев. Венчик неровный, округлый, слегка отогнут наружу, можно предположить наличие попытки оформить его пальцевыми защипами. Обжиг обычный для местной лепной керамики. На внутренней части сосудика наблюдается нагар, снаружи на дне — следы копоти.

2 (рис.208/4) — фрагмент небольшого круглодонного сосудика неправильной чашевидной формы с сильно отогнутым венчиком. Размеры: высота 40 мм, диаметр наиболее раздутой части тулова 51 мм, диаметр шейки 40 мм, диаметр венчика 47 мм. Сосуд изготовлен из светло-коричневой глины с незначительным количеством растительных примесей, методом вытягивания стенок из глиняного шарика. Здесь заметна попытка создать внутренний объем сосуда, в результате чего внутренняя часть сосуда получила неправильные цилиндрические очертания. В процессе изготовления сосудика в стенки была вытянута не вся глина из заготовки, в результате чего днище получилось очень массивным и толстым — до 15 мм, стенки в средней части сосуда — до 8-10 мм, венчик — до 3 мм. Стенки не заглажены ни внутри, ни снаружи, покрыты наплывами глины, не затертыми трещинами, отпечатками ногтей, нечеткими отпечатками пальцев диаметром до 10 мм. Обжиг неравномерный.

3 (рис.208/3) – маленький круглодонный сосудик горшковидной формы. Размеры: высота 22 мм, диаметр наиболее раздутой части тулова 27 мм, диаметр шейки 25 мм, диаметр венчика 26 мм. Изготовлен из красно-коричневой глины без примесей. В процессе формовки сосудика из глиняной массы, глина распределена относительно равномерно по стенкам и днищу. Толщина стенок – 5 мм, днища – 3 мм, венчик более тонкий – 2 мм, округлый. Поверхность не заглажена, на ней видны четкие отпечатки пальцев диаметром 6-7 мм. Обжиг обычный.

4 (рис.208/6) – фрагмент небольшого сосудика горшковидной формы. Размеры: диаметр наиболее раздутой части тулова 57 мм, диаметр шейки 45 мм, диаметр венчика 50 мм. Венчик округлый. Сосудик выполнен относительно качественно из светлой серо-коричневой глины с примесями растительности и песка. Хотя наблюдается неравномерное распределение глиняной массы по стенкам и днищу – толщина стенок колеблется от 4 до 10 мм, и наличие на стенках отпечатков пальцев небольшого диаметра. Обжиг обычный.

5 (рис.208/1) – фрагмент маленького горшковидного сосудика с ручкой. Диаметр наиболее раздутой части тулова 40 мм, шейки – 33 мм, венчика – 35 мм. Венчик прямой. Сосудик из коричневой глины без примесей, глина распределена по стенкам равномерно, толщина стенок – 3 мм. На внешней поверхности отчетливо видны отпечатки пальцев диаметром 6 мм. Сосудик был снабжен петлевидной ручкой. Обжиг обычный.

Тип 2 – сосудики цилиндрической и усеченно-конической формы с уплощенным дном, округлым или плоским венчиком, напоминающие по форме медные и глиняные котлы, распространившиеся в Пермском Предуралье с XII в., которые, судя по погребальным материалам, носили престижный характер.

1 (рис.208/5) — маленький плоскодонный сосудик неправильной цилиндрической формы. Размеры: высота 30 мм, диаметр у днища 28 мм,

у венчика — 29 мм. Сосудик изготовлен из красновато-коричневой глины методом вытягивания стенок из глиняной заготовки. Внутренняя часть сосуда, образованная за счет вдавления указательным пальцем, имеет конусовидную форму. Дно массивное, толстое — до 11 мм, стенки в средней части сосуда — 6-8 мм, венчик — 4-5 мм. Стенки неровные, однако, отмечается попытка их загладить, на них отсутствуют незамазанные трещины, наплывы, видны лишь неглубокие ямки от пальцев и в одном месте — отпечаток ногтя. У сосуда отмечается попытка оформить венчик — он плоский, с орнаментом в виде резных насечек. Обжиг обычный. На наружной и внутренней стороне сосудика видны следы нагара.

2 (рис.208/8) — фрагмент маленького круглодонного сосудика баночной формы. Размеры: высота 28 мм, диаметр 42 мм. Сосудик серого цвета, характерного для большей части прикамской керамики. Изготовлен методом вытягивания стенок из глиняного шарика. Толщина дна — 5 мм, стенок в средней части тулова — 8 мм, стенок у венчика — 4 мм. Венчик не оформлен. Стенки неровные, однако заметны попытки загладить их снаружи пальцами, так как на наружной стороне сосудика видны нечеткие отпечатки пальцев и ногтей. Изнутри сосуд формировался и заглаживался с помощью пучка травы, что подтверждает наличие характерных следов. Внутренняя емкость сосуда в результате приобрела цилиндрическую форму. Обжиг обычный. На дне сосудика отмечаются следы нагара.

3 (рис.208/7) – фрагмент сосудика усеченно-конической формы, сужающегося кверху, с уплощенным дном, округлым венчиком. Диаметр у днища – 48 мм, по венчику – 40 мм. Толщина стенок 6-10 мм, днища – 5 мм. Изготовлен из светлой серо-коричневой глины с примесью песка. Поверхность заглажена неровно. Обжиг обычный.

Тип 3 — круглодонный сосудик в виде ложечки со сливом и с фрагментом рукояти (рис.208/9). Размеры: высота 15 мм, диаметр венчика 26 мм. Изделие изготовлено из желто-коричневой глины без примесей методом вытягивания стенок из глиняного шарика. Толщина дна 5 мм, стенок — 4 мм, венчика — 2-3 мм. Слив образован с помощью "прищипывания" и вытягивания части венчика, отступает за пределы общего диаметра на 8 мм, ширина его — 14 мм. Рукоять в виде глиняного жгутика диаметром 7 мм была прилеплена к изделию отдельно, а не вытянута из общего куска глины. Сосудик неровный, несимметричный, стенки его, хотя и заглажены, имеют следы пальцев, ногтей. На внутренней поверхности сосудика остался незаглаженный участок поверхности. Обжиг обычный. Следов нагара не обнаружено.

Наличие ряда характерных особенностей позволяет относить данные изделия к игрушкам. Во-первых, все они имеют настолько маленькие размеры, что невозможно предположить их практическое использование в быту. Не могли они использоваться и в культовых целях, поскольку все известные культовые сосудики имеют более крупные размеры, да и в местах находки этих предметов не наблюдается следов жертвоприношений или иных проявлений культовой обрядности. Во-вторых, все эти предметы явно изготовлены неопытной рукой — они неровные, несимметричные, глина из заготовки вытянута неравномерно по всему изделию — большая ее часть осталась в области дна, за счет чего днище получилось несоразмерно толстое, а стенки слишком тонкие; внутренняя емкость сосудов в большинстве случаев

почти не проработана и представляет собой лишь небольшое конусовидное углубление, выдавленное пальцем. В-третьих, на всех сосудах имеются более или менее четкие отпечатки пальцев, которые соответствуют ребенку в возрасте 5-6 лет. То же самое можно сказать и о внутренних углублениях ряда предметов — диаметр их в нижней точке настолько мал, что палец взрослого человека туда не помещается.

Таким образом, это, несомненно, детские поделки, большая часть которых является кукольной "посудкой". Исключение составляет только предмет в виде ложечки, который отличается по форме от остальных. С одной стороны, это может быть изображение какого-либо предмета домашней утвари типа черпака. Такие предметы в действительности обычно изготавливались из дерева, поэтому по археологическим материалам нам не известны. Но, если сравнивать этот предмет с имеющимися в нашем распоряжении археологическими находками, то он наиболее близок по форме ложкам-льчкам, которые использовались в бронзолитейном производстве. Таким образом, этот предмет либо принадлежит к категории посуды, как и остальные, и использовался в играх "дочки-матери", либо является игрушечным "инструментом", применявшимся в более сложных играх, копировавших производственную деятельность взрослых. Бронзолитейное дело вплоть до X в. оставалось у финно-угров женским занятием. Так, известны погребения женщин-бронзолитейщиц, сопровождающиеся производственным инструментарием [Голубева 1984]. Поэтому можно считать все описываемые игрушки девичьими.

Наличие нагара на внешней, а иногда и на внутренней стороне игрушечных сосудиков позволяет предположить, что в процессе игры девочки пытались готовить пищу не "понарошку", а на настоящей печи, ставя на нее свое кукольное варево рядом с горшками, где готовилась пища для семьи.

Аналогичные маленькие сосудики имеются в составе керамического комплекса городища Иднакар в Удмуртии [Иванова 1995, с.83, рис.5-1,5,10]. В материалах Белоозера также обнаружены лепные поделки из глины – миниатюрные чашечки, лепешки и небольшой шарик, которые, по мнению С.Д. Захарова, вероятнее всего, представляли собой детские игрушки [Захаров 2004, рис.260]. Отдельные экземпляры чашечек имеют большое сходство с игрушечной посудкой Рождественского городища [Захаров 2004, рис.260/3].

Группа 2 – ДВИГАТЕЛЬНЫЕ (МОТОРНЫЕ) ИГРУШКИ – инвентарь для подвижных игр.

Подгруппа 1 – альчики для детской игры в "бабки" (по современной терминологии). Для игры употреблялись астрагалы домашнего скота (рис.208/10-12). По участию в игре альчики делятся на два типа – простые и утяжеленные (биты).

Тип 1 – альчики без груза. И.А. Закирова выделяет среди них плоские, сточенные с обеих сторон, и несточенные [Город Болгар 1988, с.233]. Несточенных астрагалов в остеологической коллекции Рождественского городища представлено более десятка, но по ним сложно сказать, использовались они для игры, или нет.

Тип 2 – утяжеленные альчики (биты), также бывают сточенные и цельные, с грузом из металлических штырей или просверленными отверстиями

для заливки свинцом. На Рождественском городище встречено 3 экз. таких костей (рис.208/10-12) с отверстиями.

Аналогичные кости хорошо известны в материалах булгарских селищ и городищ [Казаков 1991, с.157, рис.50/11,14-15,17], причем один отлитый по оттиску образец в виде астрагала барана целиком свинцовый [Казаков 1991, рис.50/9], на Белоозере [Захаров 2004, рис.245]. Большое количество таких "бабок" имеется в погребениях X в. Киевского некрополя [Каргер 1958, табл.XVIII]. Среди них есть и "биты" — астрагалы, залитые свинцом.

Подгруппа 2 – керамические шары. На Рождественском городище обнаружено 9 глиняных обожженных шарика диаметром 11-50 мм.

Шарики небольшого диаметра (рис.209/3, 6-9) могли использоваться как ядра для пращи. Подобные шарики в большом количестве встречены, например, на Лаврятском городище (раскопки А.М. Белавина), известны и на других памятниках Пермского Предуралья.

Но крупные шары (рис.209/1, 2, 4, 5), вероятно, представляют собой инвентарь для игр. Игры, в которых используются тяжелые шары, известны и в наше время (например, бильярд, гольф и пр.), логично допустить существование игр, при которых необходимо было загонять шар в лунку, и в древности.

Группа 3 – ЗВУКОВЫЕ (СЕНСОРНЫЕ) ИГРУШКИ. К этой группе исследователи относят разного рода трещотки, погремушки, жужжалки, бубенцы и т. д. [Аркин 1935, с.22].

Представлена предметом в виде просверленной фаланги животного (?) (1 экз., рис.180/2; цв. вкл. П/3).

Аналогичные предметы (брунчалки) хорошо известны в древнерусских древностях. Например, в Новгороде в слоях XI-XV вв. их собрано более трех десятков. Согласно этнографическим данным Западной и Восточной Европы – это детские музыкальные игрушки, которые являются аэрофонами, т. е. духовыми инструментами, издающими фырчащий звук при вращении на туго натянутых нитках [Поветкин 1990, с.187].

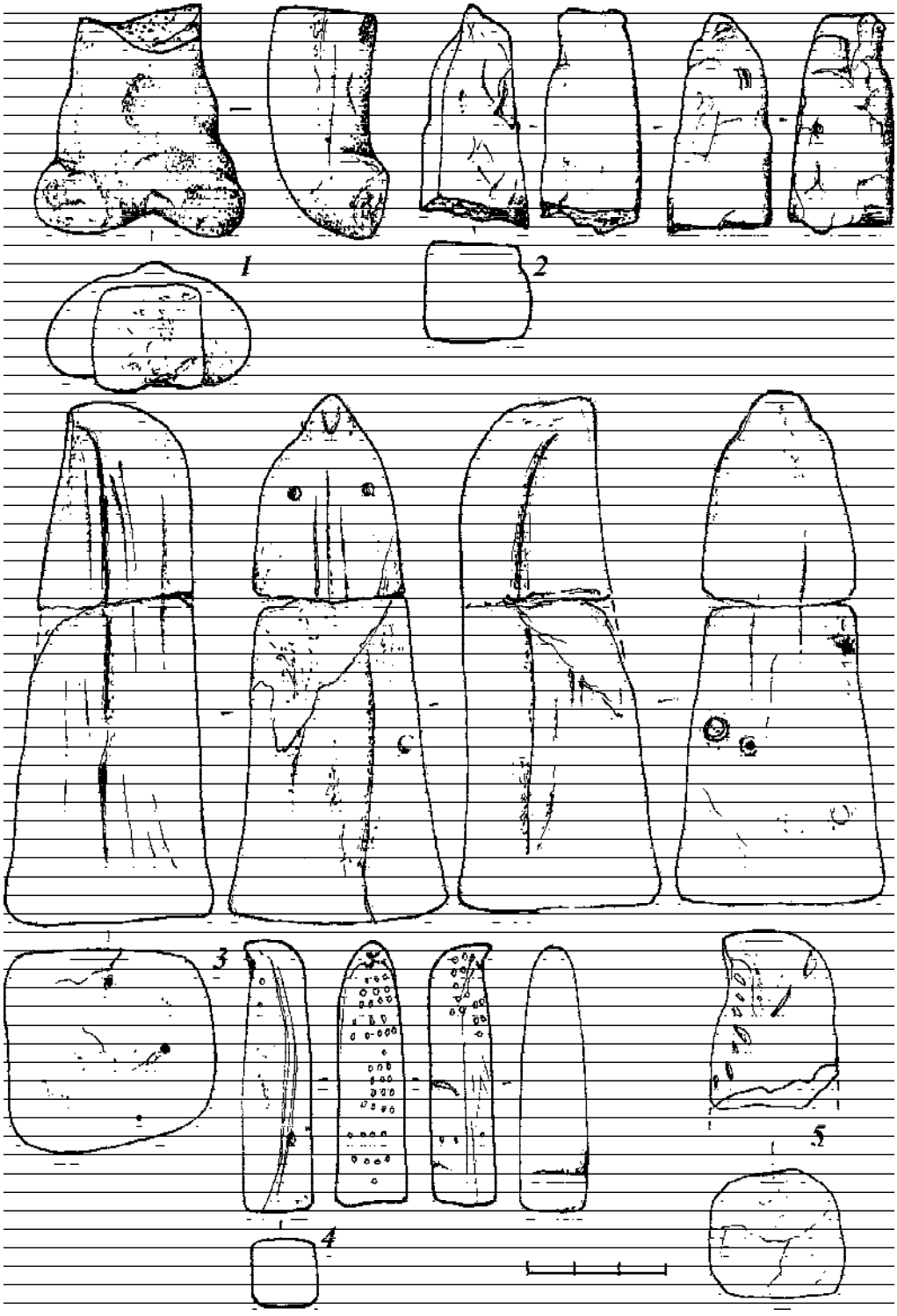

Рис. 205. Керамические статуэтки (куклы)

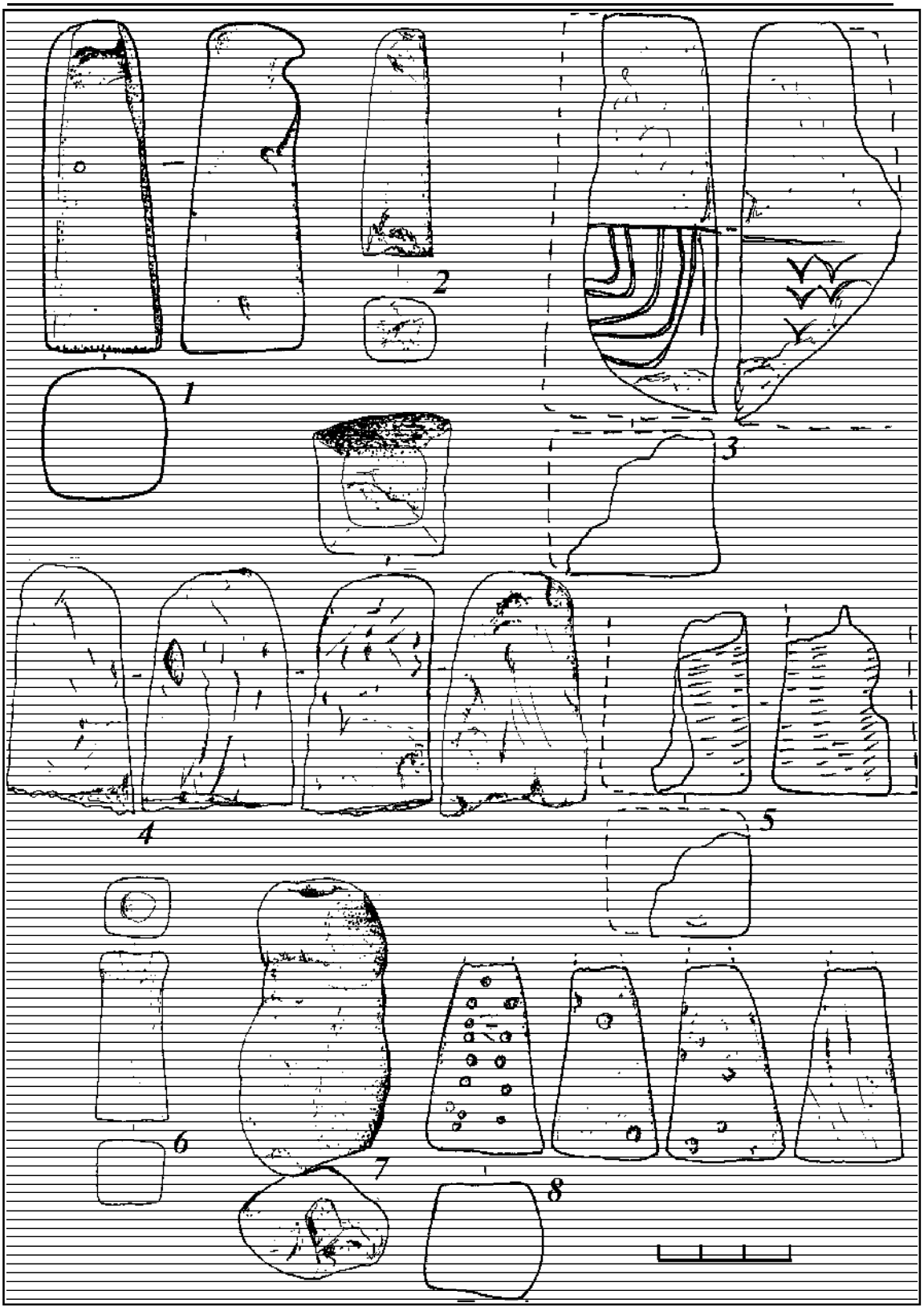

Рис. 206. Керамические статуэтки (куклы)

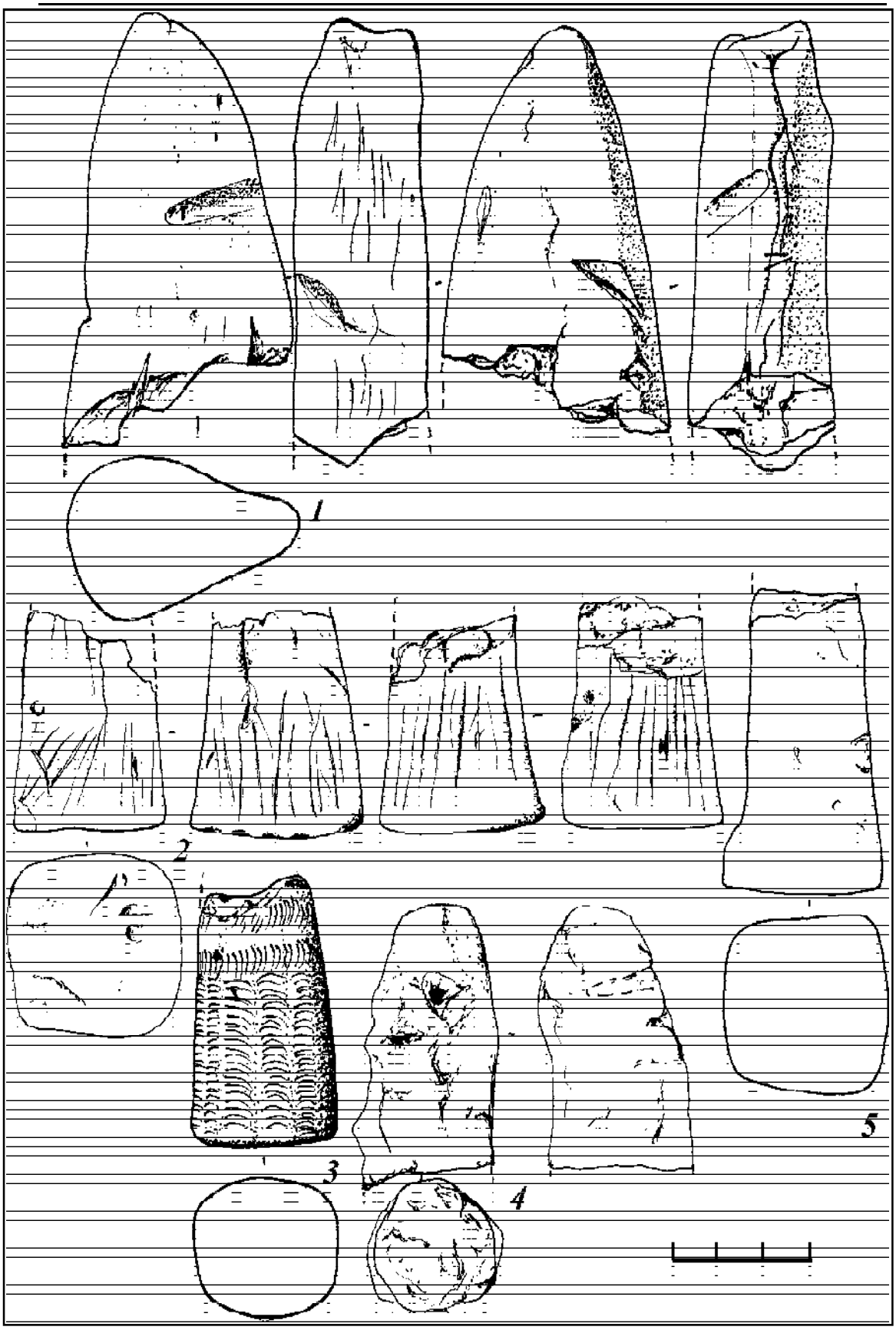

Рис. 207. Керамические статуэтки (куклы)

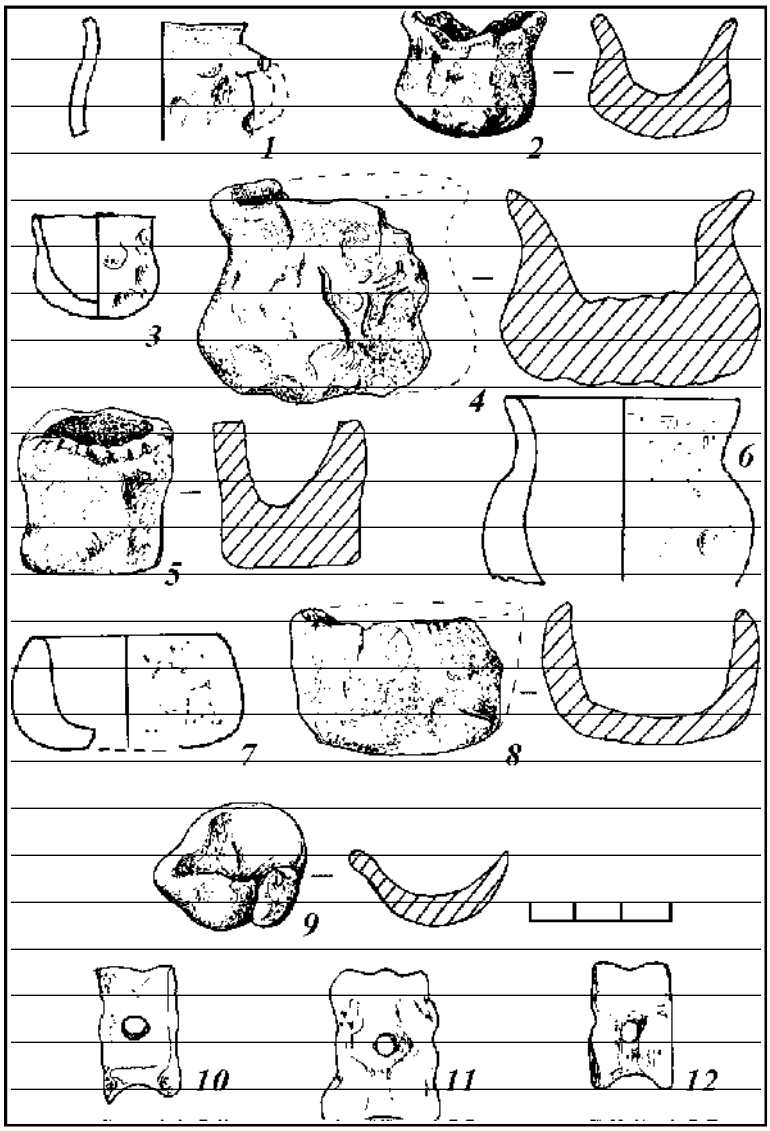

Рис. 208. Игрушечная посудка и "альчики" (10-12)

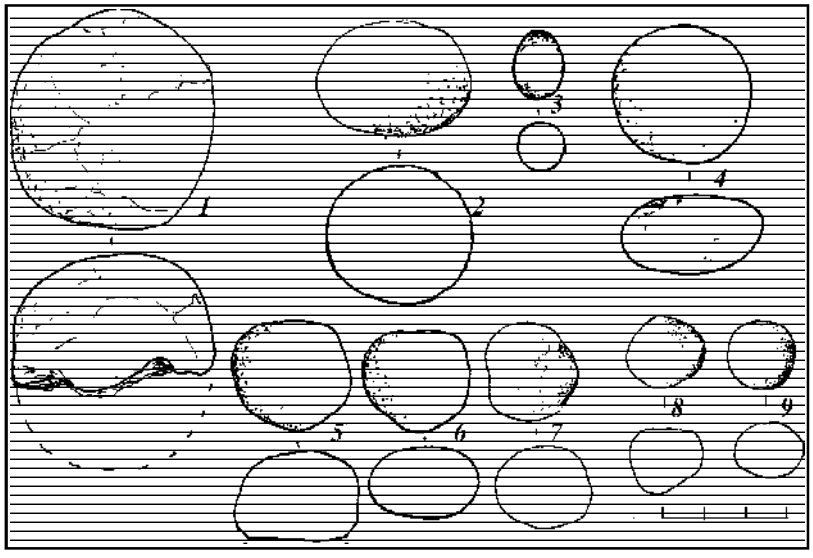

Рис. 209. Керамические шары

КУЛЬТОВЫЕ ВЕЩИ

К данной категории предметов можно было бы отнести множество вещей из коллекции Рождественского археологического комплекса, такие как разнообразные амулеты, подвески-ложечки, подвески-копоушки, биметаллические кресала и пр., однако эти многофункциональные предметы рассматриваются в иных разделах, здесь же речь пойдет о предметах исключительно культового и ритуального назначения, к которым относятся погребальные маски и бронзовая плакетка с изображением животных.

Группа 1 – ПОГРЕБАЛЬНЫЕ МАСКИ (3 экз., рис.210). Одна маска происходит из коллекции Теплоуховых, опубликована в альбоме А.А. Спицина [Спицин 1902]. В настоящее время маска хранится в фонде драг. металлов ПКМ (рис.210/1; цв. вкл. Н/4). Ф.А. Теплоухов дал следующее описание этой находки: "Серебряная пластина в виде маски, 1/3 отломлена. Судя по закруглению, пластинка достигала до 10,5 см в длину и до 9,5 см в ширину и имела овальные очертания. Толщина ее не превышает 0,3 мм, к краям пластина толще, заметно, что она приготовлена весьма примитивным способом, а именно путем расплющивания какой-нибудь серебряной вещи. На краях имеются 3 дырочки 1 мм в диаметре, из чего видно, что маска была пришита к чему-либо мягкому. Маска имеет небольшую общую выпуклость, но впадины по сторонам носа и у глаз придают ей плоский вид. Нос прямой, почти без переносицы, т.к. довольно выпуклые брови почти соприкасаются между собой. На месте глаз овальные прорези. Маска добыта из земли при копании ямы для столба в д. Постаноговой Рождественской волости Соликамского уезда, по смежности с городищем на р. Обве" [Теплоухов 1893, с.30-31]. На поверхности маски просматривается прочерченный рисунок — тамга (?).

В процессе раскопок Рождественского языческого могильника в погребениях №52 и №76 обнаружены еще две подобные маски (рис.210/2-3). Они также изготовлены из тонкой серебряной пластины, сохранились фрагментарно. Представляют собой маски-личины овальной формы размером приблизительно 11 х 15 см, по краю маски из погр. №52 наблюдаются круглые отверстия для крепления к погребальному покрывалу, под маской из погр. № 76 сохранились остатки такого покрывала из тонкой шелковой ткани – тафты.

На масках четко обозначены черты лица – прямой выпуклый нос вытянутой трапециевидной формы, рот в виде овальной прорези, на маске из погр. №52 слегка выпуклые глаза каплевидной формы обозначены чернью, на маске из погр. №76 линия бровей обозначена прямым сгибом, под которым вычеканены выпуклые узкие глаза, на всех масках выделены скулы. На маске из погр. №52 на носу чернью нанесен ряд круглых точек, возможно, имитирующих татуировку (рис.210/3; цв. вкл. Н/5).

Подобные маски довольно широко представлены в могильниках Пермского Предуралья в погребениях X-XI вв. — Огурдинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Плесинском, Редикарском, Мало-Аниковском (раскопки В.А. Оборина), Баяновском (раскопки А.В. Данича). Аналогичные маски известны также в Танкеевском могильнике в Татарстане [Казаков 1992, с.200]. В более раннее время использовались маски, состоящие из отдельных

наглазников и наротников, также нашитых на ткань, они известны в Стерлитамакском могильнике в Башкирии, Деменковском, Горбунятском, Бродовском, Баяновском могильниках Верхнего Прикамья [Казаков 1968, с.231-235]. Е.П. Казаков определяет назначение масок, опираясь на этнографические материалы угорских народов. По его мнению, маска, с одной стороны, изображала лицо "души-тени", и вместе с тем служила показателем богатства умершего и его родственников, так как серебряные лицевые покрытия всегда присутствуют в наиболее богатых погребениях [Казаков 1968, с.239].

Группа 2 – КУЛЬТОВАЯ ПЛАКЕТКА (1 экз., рис.211; цв. вкл. Н/1). Ажурная плакетка неправильной округлой формы, окаймленная гладким выпуклым бордюром, отлита из бронзы в невысоком рельефе, характерном для изделий пермского звериного стиля. Оборотная сторона – гладкая. На плакетке в центре помещено изображение медведя, окруженное другими животными – на спине медведя "стоят" росомаха и бобр, над бобром плывущая утка и рыба, слева от медведя – лось, справа – куница, под ногами медведя – лиса. Под ногами лисы и между фигурами лося и росомахи – головы неопределенных животных.

Аналогичная плакетка, возможно, отлитая в той же форме, известна в подъемном материале с Роданова городища. Разница состоит только в том, что на туловище медведя с Роданова городища прочерчен косой крест.

Данные плакетки по сюжету отличаются от известных предметов пермского звериного стиля. Вероятно, они относятся к более позднему времени и, судя по всему, являются знаком, символизирующим союз племен, в котором руководящую роль играло племя с тотемом-медведем.

Группа 3 – БЕЛЕМНИТЫ (3 экз., рис.194/1-2). Окаменевшие остатки беспозвоночных морских моллюсков, которые в народе назывались "чертов палец", встречены в культурном слое городища не случайно. Их необычная форма привлекала внимание людей, они приносили их в свой дом и использовали в качестве талисманов и даже как лекарственное средство. Например, Г.М. Давлетшин приводит сведения о том, что белемниты использовались как биологическое лекарство от разных болезней. Порошок из белемнитов пили, предварительно смешав с дождевой водой, им присыпали раны [Давлетшин 2004, с.323].

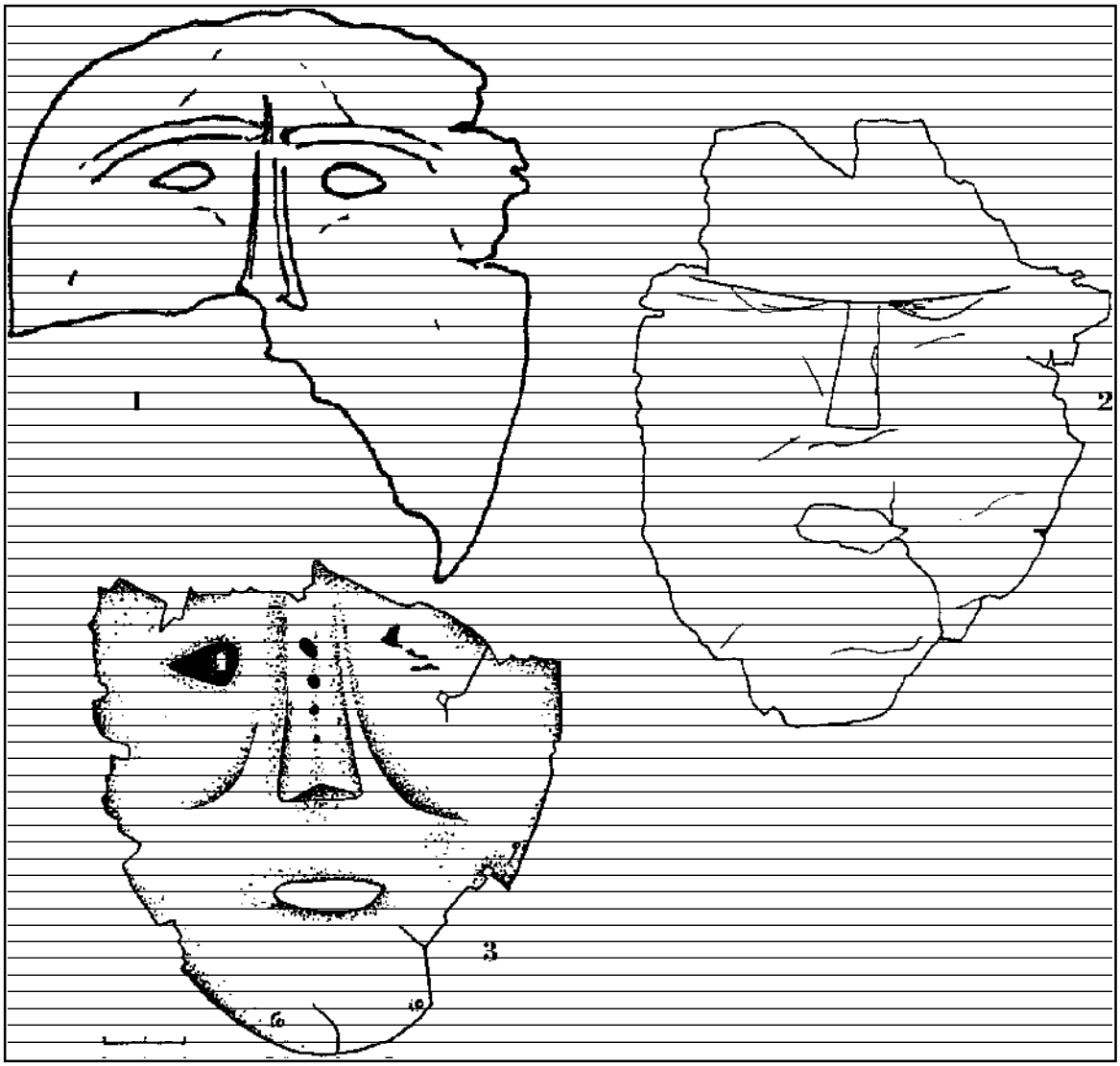

Рис. 210. Погребальные маски. Материал: 1-2 - серебро, 3 - серебро, чернь

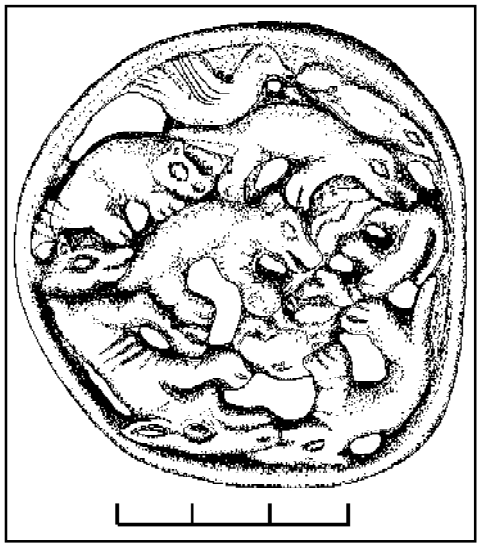

Рис. 211. Культовая плакетка, бронза

ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Древнехакасское государство, объединившее в IX-XIII вв. народы Саяно-Алтайского нагорья от Иртыша до Байкала, оставило яркий след в истории Евразии. В археологии это государство представлено выразительным и легко различимым материальным комплексом аскизской археологической культуры, которая принадлежала прямым предкам современного хакасского народа [Кызласов 1983].

Отличительной особенностью аскизских древностей служит широкое распространение железных изделий характерной формы, часто украшенных инкрустацией и аппликацией из серебра, меди и, реже, золота. Эти изделия использовались как украшения сбруи коня и снаряжения воина-всадника, и обычно объединены в наборы общим узором. Изделия эти настолько своеобразные, что легко опознаются среди комплекса традиционных украшений иных культур.

В последнее десятилетие XX столетия аскизские древности в силу своей выразительности и заметности, как это справедливо отмечает И.Л. Кызласов, выделены в материалах средневековых археологических культур на огромной территории Евразии – от Прииртышья до Подунавья. Аскизские древности представлены, по меньшей мере, в 10 древнерусских городах и селищах, практически во всех булгарских поселениях, на поселениях буртас, древней мордвы, в материалах чепецкой археологической культуры. Часть аскизских предметов попала на земли финно-угров и славян в результате торговой деятельности самих алтайских тюрок или волжских булгар, часть попала вместе с отрядами аскизских всадников, которые могли выполнять торговые или военно-дипломатические функции.

Вероятно, в Волжской Булгарии имелись постоянные древнехакасские поселения – фактории, дипломатические представительства, торговые кварталы. Исследования К.А. Руденко убедительно демонстрируют влияние традиции носителей аскизской культуры на производство в Волжской Болгарии изделий поясной и упряжной гарнитуры [Руденко 2001]. Таким образом, аскизские изделия из Предуралья, вслед за Руденко, можно разделить на две сюжетно-стилистические группы — собственно аскизскую и камскую. Последняя связана с производством изделий аскизского типа и по аскизским мотивам мастерами Волжской Булгарии. При этом изделия камской группы могли воспроизводить аскизские предметы не только в железе, но и в бронзе и меди (рис.212/18-22), так как такая традиция была более близка представлениям камских угров и финнов, для продажи которым ремесленники Булгарии изготавливали в массовом количестве предметы поясной гарнитуры, а также в кости (рис.212/23).

После выявления большого количества аскизских и подобных им изделий в материалах Волжской Булгарии и чепецкой археологической культуры возник вопрос о возможном наличии аскизских предметов и в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья.

В материалах Рождественского городища обнаружено 39 предметов, в коллекции Рождественского могильника — 1 предмет, относящиеся к аскизскому типу. В коллекции частей поясной и упряжной гарнитуры Рождественского городища аскизские предметы составляют заметную часть — 11,4 %.

Аскизские предметы представлены обломками и целыми железными пряжками, накладками, крючком, привесом, деталями седла. Для систематизации материалов была принята классификация и типология, предложенная К.А. Руденко [Руденко 2000], это делает наши материалы полностью сопоставимыми с опубликованными аскизскими коллекциями из памятников Поволжья, Южного Урала и Удмуртского Предуралья.

Пряжки представлены рамчатыми пряжками (рис.212), фрагментами щитковых пряжек (рис.213/4, 5, 7, 8, 16, 17), рамкой (рис.213/13) и щитками (рис.213/2, 3, 20) от шарнирных пряжек.

ОТДЕЛ А — рамчатые пряжки (рис.212).

Тип 1 — прямоугольные и квадратные *варианты: а)* – с расплющенной передней частью (рис.212/9), *б)* с рамкой квадратного или прямоугольного сечения (рис.212/3, 7, 11). Пряжки достаточно крупных размеров от 2,5 х 3 см до 6 х 5 см. Такие пряжки чаще всего использовались в качестве подпружных, особенно это касается крупных экземпляров, и их ширина соответствует ширине подпружного ремня в 3-5 см. В то же время, рамчатые пряжки небольших размеров (2,5 х 3 см) могли использоваться и как поясные или портупейные, что видно из материалов Больше-Тарханского могильника в Поволжье и чепецких могильников. Пряжки такого типа имеют широкую дату – VIII-XIII века. На Рождественском городище найдена, кроме железных, еще и костяная пряжка подобного типа с тщательно вырезанным внутренним язычком (рис.212/23).

Тип 3 — круглые, диаметром 2,3-7 см (рис.212/1, 2, 18-22), такие пряжки использовались как стременные или подпружные [Кирпичников 1973, рис.43/8]. Круглые железные пряжки имеют широкую дату бытования.

Тип 4 — вытянутые, встречен *вариант в)* – подтрапециевидная с округлой передней частью (рис.212/4, 12). Такие изделия имеют дату IX-XIII вв. и встречены в Среднем Поволжье, в Мрясимовских и Муракаевских курганах Южного Урала [Мажитов 1981, рис. 73-7; 74-12], в Качкашурском могильнике в Удмуртии. В курганах Южного Урала такие пряжки найдены в составе конских оголовий, однако, чаще они использовались как подпружные или для крепления колчана.

Тип 5 — вытянутые и сдавленные с боков, *вариант а)* – с округлой передней частью (рис.212/6, 10, 14), *вариант б)* – с заостренной передней частью (рис.212/5, 13). Подобные пряжки могли использоваться как пряжки из конской упряжи и как поясные в XI-XII вв., аналогии им имеются в материалах Волжской Болгарии [Руденко 2001, табл.III – 16, 17, 18, 20].

ОТДЕЛ Б – щитковые пряжки.

Тип 3 — круглорамчатые с длинным прямоугольным щитком (рис.213/4, 5, 7 и обломки рамок от этого типа-? рис.213/16, 17). На Рождественском городище встречен только *вариант а)* – с длинным узким щитком со шлемовидным завершением. Подобные пряжки датируются серединой XI – началом XII в. по аналогиям в Волжской Булгарии [Руденко 2001, табл. IV], в материалах памятников оглахтинского этапа аскизской культуры [Кызласов 1983, табл. XII-23,24].

Тип 4 — круглорамчатые с широким прямоугольным щитком и сердцевидным завершением (рис.213/8). Такие пряжки известны в Волжской Булгарии, где датируются домонгольским временем.

Пряжки отдела Б использовались как в бытовом костюме, так и в конской упряжи, они наиболее характерны для древностей Южной Сибири и представляются изделием собственно аскизских мастеров.

ОТДЕЛ В – щитковые шарнирные пряжки.

Тип 1 — фигурнорамчатые с луковицевидной рамкой представлен находкой рамки (рис.213/13). Луковицевидные рамки характерны для пряжек конца XI-XII веков. Аналогии им представлены в материалах Булгарии [Руденко 2001, табл.VI, VII], в Поветлужье, Пензенском крае. Имеются два щитка от таких пряжек с сердцевидным и шлемовидным завершением (рис.213/3, 20).

Один щиток (рис.213/2) может относиться к **типу 2** — фигурнорамчатых пряжек с вильчатым завершением щитка. Пряжки отдела В использовались в костюме.

Наибольший интерес представляют щитки, украшенные декоративными деталями – перетяжками, поперченными насечками, вогнутой с боков средней частью. На щитке со шлемовидным завершением (рис.213/20) имеются следы инкрустации медью. Вильчатое окончание щитка (тип 2) характерно для ряда других изделий булгарского производства. По данным Руденко, пряжки отдела В на южно-сибирских памятниках не встречаются, что выдает в них продукцию булгарских мастеров, и изделия могут быть отнесены к предметом камско-булгарского "аскизоидного" типа. Мода на шарнирные пряжки закончилась к концу XII века.

Накладки на ремень представлены также достаточно разнообразно. Все они имеют штифты, с помощью которых крепились к ремню. В соответствии с типологией К.А. Руденко, наши накладки делятся на отделы по форме щитка и на типы по деталям декора и оформлению.

ОТДЕЛ А – плоские округло-овальные накладки.

Этот отдел представлен накладкой, которую можно отнести к **типу 3** — в виде 4-лепестковой розетки со сквозными отверстиями и с ушком для кольцевой привески (рис.213/26). Такие накладки известны в Булгарии [Руденко 2001, табл.VI, VII], в составе находок из Золотаревского комплекса Пензенского края. Прямые аналогии им имеются в комплексах оглахтинского времени малиновского этапа аскизской культуры [Кызласов 1983, табл. XXXIII-8, 9].

ОТДЕЛ Б – прямоугольные и квадратные накладки.

Тип 2 – накладки с фигурным основанием представлены ***подтипом б)*** объемная, со шлемовидным концом, слегка сдавленная в середине и вильчатым основанием (рис.213/2) и обломком накладки такого типа (рис.213/22). Обе накладки богато декорированы кружково-циркульным орнаментом, перетяжками, инкрустацией медью. К этому же типу может быть отнесена накладка с каплевидным окончанием (рис.213/6) и накладка со шлемовидным окончанием (рис.213/11) со следами серебряной инкрустации. Близка к ним по виду богато декорированная кружковым орнаментом и гравировкой накладка с каплевидным концом и прямоугольной выемкой в основании, её можно отнести *к **подтипу в).***

Аналогии накладкам типа 2 имеются в древностях мордвы и Булгарии

XI-XII веков. Эти накладки использовались как ременное украшение, как наконечники поясного ремня или наконечники концевых ремешков упряжи.

Тип 9 (?) – накладка прямоугольного сечения, сдавленная с боков в середине, с вильчатым окончанием и кольцом в основании (рис.213/23). Такие накладки хорошо известны как распределители ремня конской упряжи. Аналогичные формы распределителей известны на памятниках аскизской культуры, аналогии имеются также и на памятниках Булгарии X-XII веков.

Тип 15, *подтип в)* – объемная широкая, с декоративной перетяжкой и четким делением декоративного поля (рис.213/24) и кольцом. Такие накладки служили, скорее всего, для тройного соединения ремня в легкой уздечке X века. Аналогичные накладки существовали в аскизской культуре в конце X-XII вв. [Кызласов 1983, с.33], часто встречаются в аскизских материалах из Волжской Булгарии [Руденко К.А 2001, табл.XVII/14, 15].

Тип 19 — "очковидные" (рис.213/15, 18) — ***подтип б)*** с круглыми концами, выделенным центром и петлей. По мнению большинства исследователей аскизских древностей, накладки такого типа являются оригинальными для Волжской Булгарии, но распространены и в древностях аскизов, где, по мнению И.Л. Кызласова, считаются формой, "отражающей влияние запада" [Кызласов 1983, с.35]. В Сибири и в Булгарии распространены во второй пололвине XI – начале XII веков. Использовались в уздечном наборе в сочетании с крючками (рис.213/12).

ОТДЕЛ Г – треугольные накладки.

Представлены 3 экземплярами объемных накладок **типа 4** – с выемкой в основании и выступом на конце, многочисленные аналогии имеются в Булгарии [Руденко 2001, табл.XXII – 23-30]. Такие накладки имели декоративные функции, Е.П. Казаков предполагает их широкое применение в качестве поясных.

ОТДЕЛ Д – фигурные накладки.

Представлен плоской прямоугольной накладкой с отверстиями, небольшим выступом в окончании и раздвоенно-выпуклым основанием (рис.213/9). Накладки такого типа в Булгарии не отмечены, а плоские фигурные накладки в целом характерны для украшений упряжи в домонгольское время.

Крючки представлены **типом К-4** — объемным, прямоугольным, с фигурными "перетяжками" и соединительным кольцом. Переход к отверстию для кольца декорирован в виде головки животного (рис.213/12). такие крючки могли использоваться в сочетании с накладками типа Б18 [Руденко 2001, рис.31/4-18, 28].

Оригинальным предметом предстает железная **наременная обойма с фигурной петлей** (рис.213/1), на наш взгляд, такая обойма могла служить для зацепления колчанного крюка или топора. На близость к аскизскому кругу указывают следы медной инкрустации на сложнофигурной выпуклой поверхности обоймы. Конструктивная близость имеется в предметах железной гарнитуры из погр.№ 28 Руткинского древнемарийского могильника [Архипов 1986]. Еще одна наременная обойма с арочновидной петлей и следами медной инкрустации не имеет аналогий, но выполнена в общем стиле "аскизского" вида (рис.213/30).

Интерес представляют **S-видные железные шайбы** (рис.213/14, 19, 27),

известные в конструкции колчанов у кочевников.

В коллекции имеется железный предмет треугольной формы: на пластине с 2 отверстиями для крепления расположена дротовая пластина, сходящаяся на острый угол (рис.172/11). Возможно, что это некая **основа для султанчика** на головной убор, какие были распространены в Южной Сибири.

Весьма оригинальным предметом, впервые встреченным в Пермском Предуралье, является **крюк для продергивания седельных ремней и для шнуровки** (рис.172/12). Абсолютные аналогии ему известны среди аскизских древностей и среди находок на Золотаревском комплексе, в Новгороде, Новогрудке, на городище Слободка [Руденко 2001, рис 26, ф.29-31; рис. 27; рис.30, ф.14], где они, по мнению И.Л. Кызласова, являются свидетельством пребывания хакасских всадников.

Таким образом, набор находок аскизского типа в материалах Рождественского археологического комплекса весьма разнообразен. Большая часть предметов относится к деталям и украшениям конской упряжи, и могла быть предметом торговли. На это указывает большое количество предметов аскизского облика, изготовленных в соответствии с этой модой мастерами Волжской Булгарии. Поэтому такие предметы можно смело относить к результату булгарской торговли. Однако наличие собственно аскизских предметов, украшенных инкрустацией, и крюка для шнуровки, который был непременной принадлежностью аскизского всадника, заставляет думать о том, что в XI-XII вв. хакасы могли бывать на Рождественском городище в составе торговых караванов или с собственными торговыми или военно-дипломатическими миссиями.

Сосредоточение большей части находок аскизского круга на раскопах I, II и V, находящихся на краю прибрежного обрыва площадки Рождественского городища, указывает на возможное расположение "хакасского двора" на территории этого поселения.

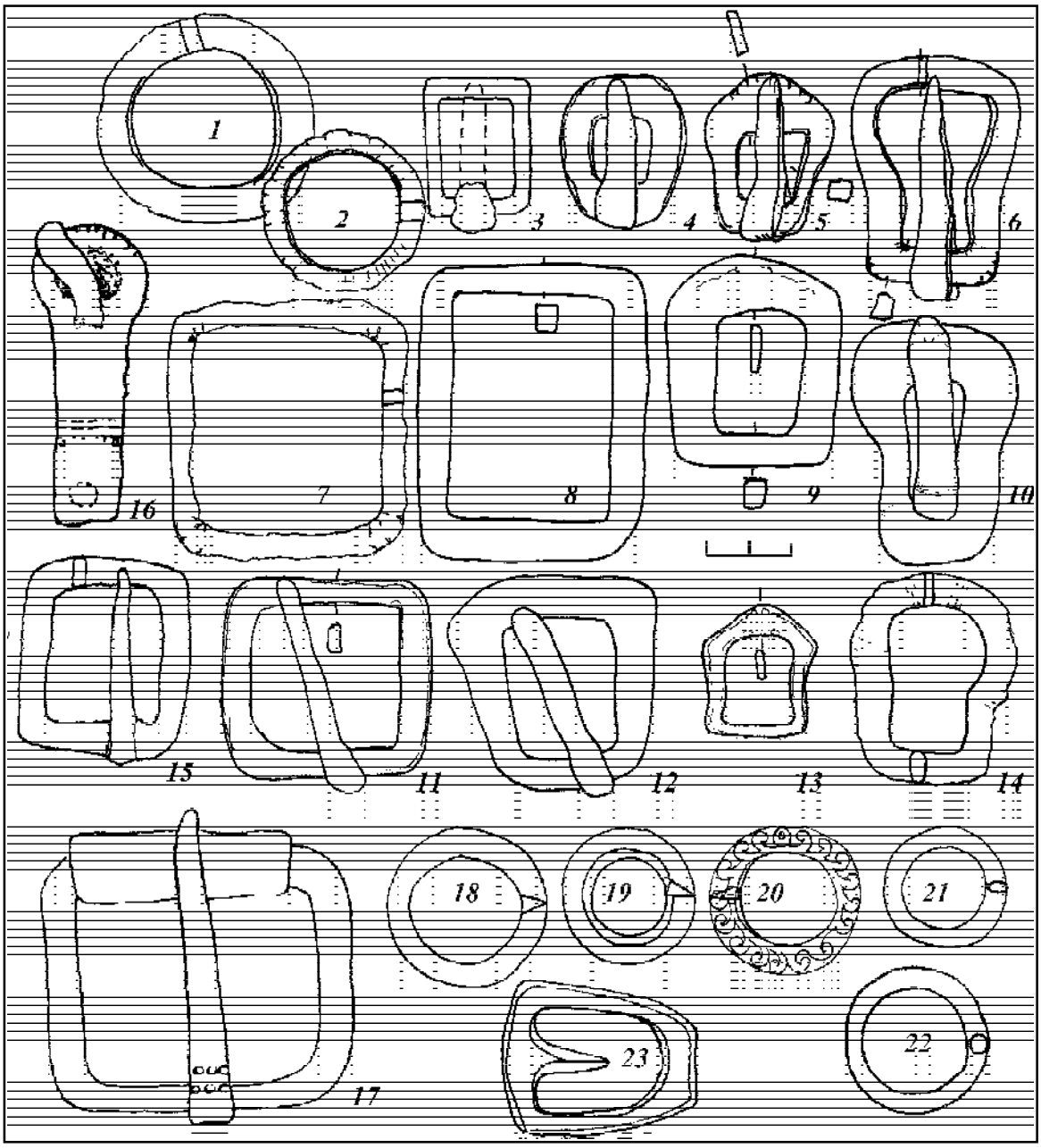

Рис. 212. Пряжки "аскизского" типа. Материал: 18-22 - медь; 23 - кость; остальное - железо

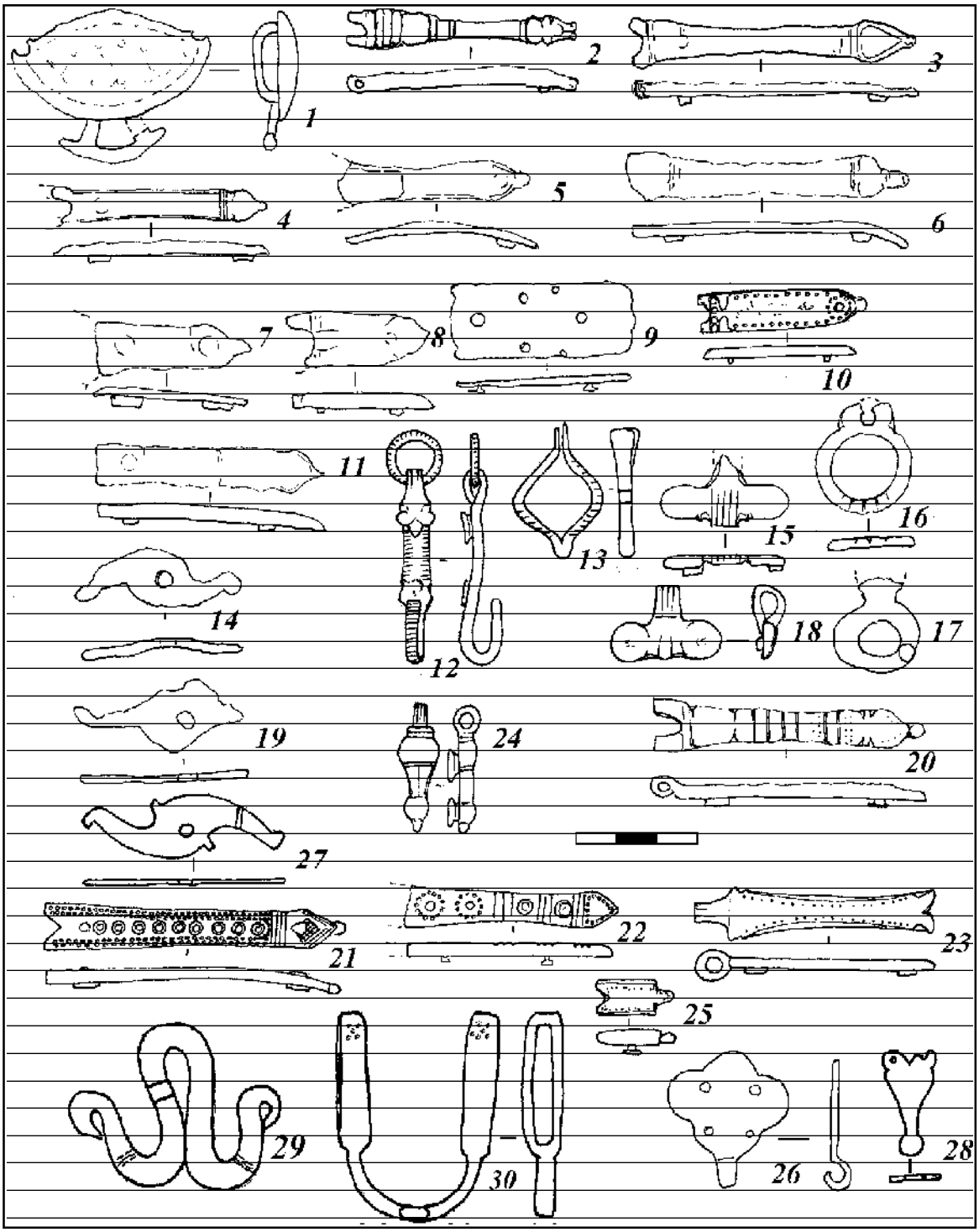

Рис.213. Щитковые пряжки и их детали, накладки "аскизского типа", крючки, шайбы, обоймы. Железо, инкрустация медью

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ

О том, что Рождественское городище являлось важным торговым пунктом, свидетельствуют многочисленные находки купеческого торгового инструментария: весов, весовых гирек, а также деталей и замочков сундучков, используемых для перевозки ценных грузов, свинцовой пломбы для опечатывания связок мехов, монет.

Группа 1 – ВЕСОВЫЕ ГИРЬКИ (15 экз., рис.5/11; рис.214/1-14, 18). В коллекции Рождественского городища представлены весовые гирьки из железа и бронзы.

Подгруппа 1 – кубические (третья группа по классификации В.Л. Янина [Янин 1956, с.173-174] (1 экз., рис.214/14) — железная гирька с размером граней 14 мм. Кубические гирьки X – начала XIII вв. имеют широкие аналогии в материалах таких известных памятников Волжской Булгарии, как Измерское, Семеновское селища [Казаков 1991, с.151], Билярское городище [Хузин 2001, с.239; Валеев 1995, с.80]; известны они и на территории Пермского Предуралья.

Подгруппа 2 – сферические боченковидные (первая группа по классификации В.Л. Янина) [Янин 1956, с.173].

Тип 1 – с округлыми боками (3 экз., рис.214/10-12). Железные гирьки диаметром 17-23 мм, высотой 9-15 мм. Меньшая гирька имеет свинцовую сердцевину.

Тип 2 – биконические (1 экз., рис.214/13). Железная гирька диаметром 18 мм, высотой 16 мм.

Гирьки этой подгруппы широко известны не только на территории Булгарии, но и на всем протяжении волжского торгового пути [Валеев 1995, с.86]. Такие гирьки достаточно широко представлены и в материалах Пермского Предуралья. Распространение их начинается с X в., и они продолжают использоваться в торговых операциях в золотоордынский период.

Подгруппа 3 – шайбовидные (10 экз., рис.5/11; рис.214/1-9). Железные и бронзовые гирьки в виде металлических пластинок, скрученные в плотную спираль, с отверстием в центре. Диаметр от 22 до 29 мм, высота от 3 до 10 мм. На территории Волжской Булгарии шайбовидные гирьки представляют собой цельный плоский металлический кружок. Гирьки в виде спирали можно считать местным прикамским вариантом шайбовидных гирек. Именно эта группа гирек являлась наиболее типичной для Пермского Предуралья, подобные гирьки встречены на городищах Анюшкар (раскопки Г.Т. Ленц), Саламатовском (раскопки А.М. Белавина), селище Телячий Брод (раскопки А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой) и многих других памятниках. Гирька в виде бронзовой спирали присутствовала в богатом погребении Огурдинского могильника (раскопки Н.Б. Крыласовой).

По весовым нормам гирьки Рождественского городища делятся на ряд типов, свидетельствующих о распространении тех или иных денежно-весовых норм в домонгольский период.

Тип 1 – гирьки, составляющие по весу фракции иракского ратля в 409,512 г.

Известно, что куфические монеты начали чеканиться именно из расчета веса иракского ратля [Янин 1956, с.204; Валеев 1995, с.80]. В коллекции из Рождественского городища представлено 6 гирек, соотносимых с весом иракского ратля: одна (биконическая, 27,4 г) – в 1/15, одна (боченковидная, 20,8 г) – в 1/20, три (шайбовидные, 13,75 г-14,85 г) – в 1/30, одна (шайбовидная, 10,7 г) – в 1/40 ратля в 409,512 г. Эти гирьки соотносятся также и с монетами Рождественского могильника, относящимися к 895-923 гг. н. э., вес которых составляет 2,7-2,8; 3,1 г.

Тип 2 – гирьки, соотносящиеся по весу с мискалем в 4,26 г.

1/96 иракского ратля в 409,512 г составляет мискаль в 4,26 г, который был широко распространен на территории Волжской Булгарии [Федоров-Давыдов 1957, с.247-248; Валеев 1995, с.81]. С весом этого мискаля соотносятся 4 гирьки – 3 шайбовидные, одна боченковидная. Они приближены к 3, 4, 5, 7 мискалям. Гирьки данного типа соотносятся также с монетами из Рождественского могильника весом в 2-2,2 г и в 4,2-4,25 г 910-976 гг. нашей эры.

Тип 3 – гирьки, соотносящиеся по весу с мискалем в 4,68 г.

Распространение в домонгольский период получает и мискаль в 4,68 г, который равен 1/72 египетско-римского фунта [Валеев 1995, с.82-83; Хинц 1970, с.13; Культура Биляра 1985, с.109]. С этим мискалем соотносится 4 гирьки – 2 шайбовидные, боченковидная и кубическая. Они приравниваются к 2, 4, 7 мискалям в 4,68 г.

Имеющийся в нашем распоряжении монетный материал по весу можно распределить на 2 условные группы:

1 группа включает 5 монет весом 2,7 г, 2,8 г, 3,1 г. Эти монеты соотносятся с весом иракского ратля примерно как 1/150, а с гирьками 1 типа как 1/5, 1/7 и 1/10. Такие монеты могут быть отнесены к классическим дирхемам весом в 2,96 г, составляющим 7/10 мискаля в 4,26 г. Эти монеты относятся к периоду с 895 по 923 г. нашей эры.

2 группа включает 2 монеты весом 4,2, 4,25 г приблизительно равные 1 мискалю в 4,26 г, и 4 монеты весом 2, 2,15, 2,2 г, равные половине мискаля. Эта группа монет относится к периоду 916-976 годов.

Таким образом, по результатам исследования денежно-весовой системы по материалам Рождественского археологического комплекса, можно сделать вывод о том, что в конце IX – начале X в. в основе денежно-весовой системы находился иракский ратль весом в 409,512 грамма. К этому периоду относятся гирьки весом в 1/5, 1/20, 1/30, 1/40 иракского ратля и монеты весом 2,7-3,1 г, составляющие примерно 1/140 иракского ратля.

С конца первого десятилетия X в. начинает распространяться денежно-весовая система, в основе которой был мискаль в 4,26 г., составляющий 1/96 иракского ратля. Эта система просуществовала на протяжении всего X века. К этому периоду относятся гирьки весом в 3,4,5,7 мискалей и монеты весом в 1 мискаль и 1/2 мискаля.

Датировка гирек совпадает и с датировкой слоев на Рождественском городище, хотя ряд из них мог относиться и к более позднему времени, т. к. городище функционировало до XIII века.

Наряду с этим довольно широко были распространены гири, соотносящиеся с мискалем 4,68 г, составляющим 1/72 египетско-римского фунта.

В целом денежно-весовая система, изученная по материалам Рожде-

Внешний вид	Вес	Отношение к иракскому ратлю	Отношение к мискалю в 4,26 г	Отношение к мискалю в 4,68 г	Отношение к монетам 1 гр. 2,7-3,1 г	Отношение к монетам 2 гр. 4,25; 2-2,2 г
	10,7 г	1/40	-	-	4/1	-
	13,25 г	1/30	-	-	5/1	-
	14,5 г	1/30	-	-	5/1	-
	14,8 г	1/30	-	-	5/1	-
	20,8 г	1/20	-	-	7/1	-
	27,4 г	1/15	-	-	10/1	-
	12,7 г	-	3/1	-	-	3/1 6/1

Внешний вид	Вес	Отношение к иракскому ратлю	Отношение к мискалю в 4,26 г	Отношение к мискалю в 4,68 г	Отношение к монетам 1 гр. 2,7-3,1 г	Отношение к монетам 2 гр. 4,25; 2-2,2 г
	17,3 г	-	4/1	-	-	4/1 8/1
	22,85 г	-	5/1	-	-	5/1 10/1
	30,55 г	-	7/1	-	-	7/1 14/1
	9,9 г	-	-	2/1	-	-
	18,1 г	-	-	4/1	-	-
	32,7 г	-	-	7/1	-	-
	33,45 г	-	-	7/1	-	-

Таблица13. Весовое соотношение гирек Рождественского городища.

ственского археологического комплекса, совпадает с денежно-весовой системой, распространенной в Волжской Булгарии, что не удивительно, т.к. торговые операции местного населения Пермского Предуралья осуществлялись преимущественно через булгарских купцов.

Группа 2 – ДЕТАЛИ ВЕСОВ для малых взвешиваний.

Подгруппа 1 – чашки весов (2 экз., рис.214/17). Медные чашки полусферической формы диаметром 8 см, высотой 3,5 см. По верхнему краю имеют 4 отверстия. Подобные чашки хорошо известны в материалах Волжской Булгарии [Культура Биляра 1985, с.106].

Подгруппа 2 – фрагмент штатива складных весов (1 экз., рис.214/16). Бронзовая пластина толщиной 1,5 мм загнутая на одном конце под прямым углом, на другом конце имеющая сердцевидное расширение с двумя сквозными отверстиями. Аналогичные пластины входили в состав весов для малых взвешиваний, обнаруженных при раскопках Кирменского городища в Татарстане [Нигамаев 2004, с.90, рис.102/1].

Группа 3 – СВИНЦОВЫЙ ГРУЗИК-ПЛОМБА (1 экз., рис.214/15) диаметром 2,5 см полусферической формы со сквозным отверстием в центре диаметром 0,3 см. Поверхность оформлена расположенными крестообразно выпуклыми ребрами.

Многочисленные свинцевые грузики известны в Волго-Камье с раннеболгарского времени на протяжении всего периода существования Волжской Булгарии. Известны такие предметы и в Средней Азии, и на территории Древней Руси. Их назначение до сих пор считается неясным [Город Болгар 1996, с.247-248]. Есть упоминания о том, что они использовались для опечатывания связок мехов, использовавшихся в роли средства обращения [Культура Биляра 1985, с.110-113].

Интересно, что свинцовый грузик с Рождественского городища, несмотря на внешнее сходство с подобными предметами из Волжской Болгарии, не находит там аналогий. Разнообразие форм булгарских грузиков невелико и сводится к вариантам конической, усеченно-конической и кружковой форм [Город Болгар 1986, с.247]. Полусферический грузик из Рождественского городища, возможно, является местным типом, так же, как и шайбовидные гирьки.

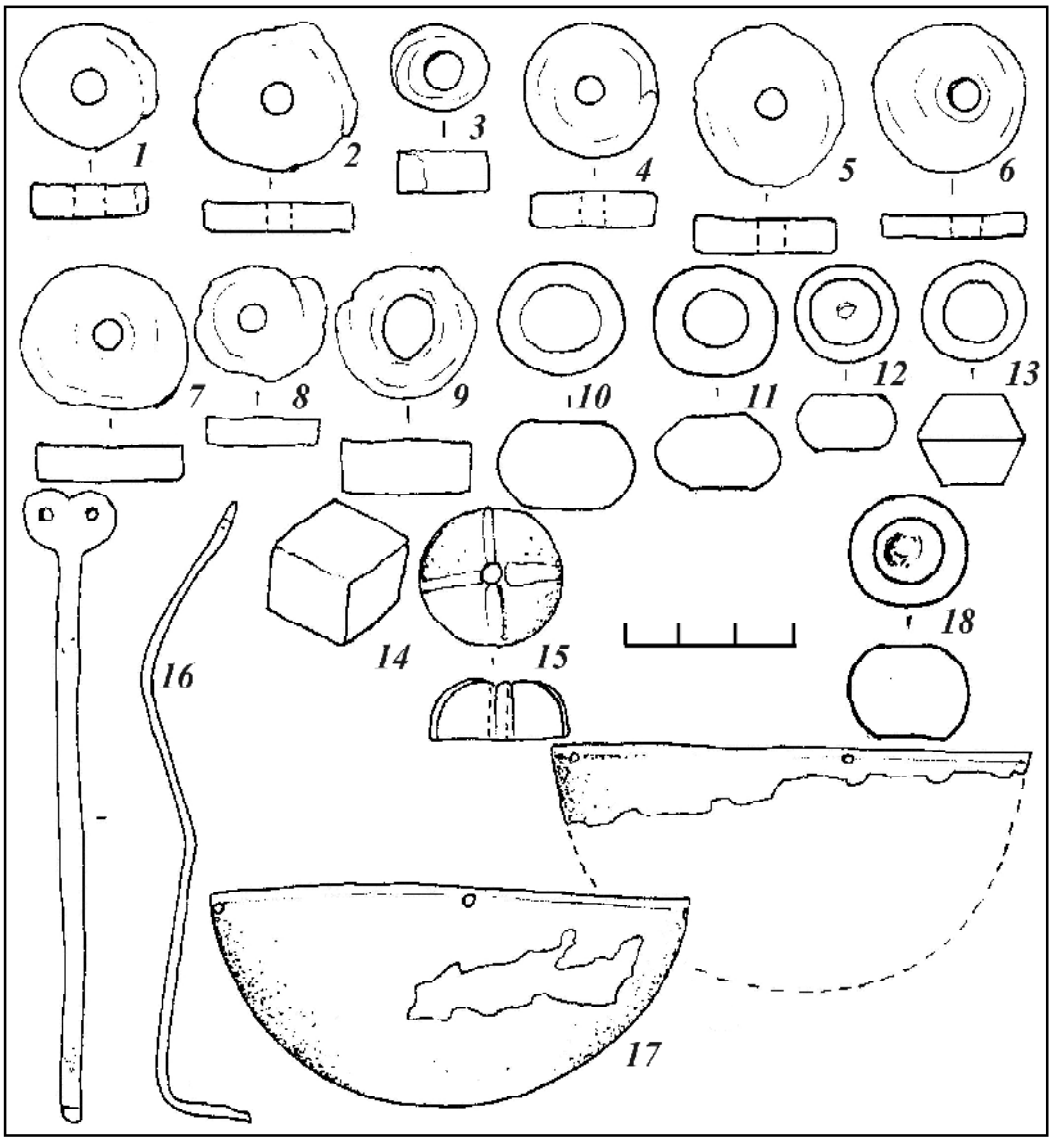

Рис. 214. Торговый инвентарь

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КЛАД – ВОЛГИНСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ

Во 2-й книжке Пермского сборника, издававшегося Д. Д. Смышляевым, помещены рисунки и заметки проф. С.В. Ешевского о серебряных предметах, найденных в 1851 г. в количестве 5,5 фунтов, крестьянином Рождественской вол., Соликамского у., и поступивших потом в Лазаревский институт восточных языков в Москве [Ешевский 1860 с.35-38]. Вещи найдены, как сказано в статье, крестьянином Ипполитом Ужеговым при обработке непаханого еще поля, почти на самой поверхности земли. Придавая уже тогда значение обстоятельствам, при которых делаются подобные находки, профессор Ешевский сожалеет, что из полученных им сведений не видно, где именно найдены вещи: на месте ли древнего поселения (Рождественское городище), или же найденные древности не находятся ни в какой видимой связи с последним. Ужеговым были найдены следующие предметы (рис.215):

1. "Серебряная тарелка или мелкое блюдо, весом 1 фунт 21 золотн. Дно покрыто выбитыми или вытисненными золочеными орнаментами в виде цветов, сделанными вглубь. В средине медальон, в котором между двумя кругами на золоченом фоне изображен выпукло олень с тамгою или тавром на задней ноге. За оленем дерево, растущее на каком-то возвышении. Поддонник припаян, работа довольно грубая". То же блюдо изображено в "Русских Древностях" г.г. гр. Толстого и Кондакова, которые относят его к Сасанидским сосудам. Напротив того, проф. Аспелин, ввиду грубости работы, полагает, что это блюдо может считаться местным Пермским изделием.

2. Три серебряных витых обруча (шейные гривны), двух рисунков, каждый длиною около 1 1/4 арш. "На одном из них, — говорит проф. Ешевский, — около девятигранной пуговицы, каким она заканчивается с обоих концов, находится подвижное кольцо из серебряной витой проволоки, обернутой в четыре раза. Другой из них, разломанный на двое, оканчивается с одной стороны крючком, с другой пуговицей". Как видно по рисунку, последний обруч, или гривна, собственно не витой, а украшен, подобно найденным в Калгановском кладе, спиральною нарезкой и имеет такой же крючок и пуговицу.

3. Цепь из 16 серебряных проволок, весом 43 золотн., и длиною 14 вершков. С каждого конца приделано по серебряному же наконечнику, состоящему из трех шаров, на которых по гладкому золоченому фону размещены ободочки из витой проволоки и треугольные украшения из мелких шариков, очень обыкновенные как на пермских, так и на камско-волжских древностях.

4. Два полумесяца или венчика, весом каждый в 4 золотн. Характер украшений один и тот же, как на них, так и на наконечниках цепи. Те же ободки из крученой проволоки, те же треугольники, составленные из шариков, тот же золоченый фон. По середине каждого был вставлен камень, или стекло зеленоватого цвета, и с внутренней, вогнутой части подвеска из шарика, прикрепленного к кольцу.

5. Серебряная дощечка, в форме топорика, до 13,5 см длиной покрытая

листом басебнаго серебра, на котором по золоченому фону такие же украшения, что и на венчиках. По середине три камня, из которых один потерян. С одной стороны дощечка загнута в трубочку, для проволоки или шнурка, которыми она подвешивалась" [Теплоухов 1895, с.14-15].

Кроме того, по свидетельству проф. Ешевского, с этими же вещами было найдено два куска серебра: один весом в 20 золотн. без всяких следов обработки, и другой в 1 фунт. 80 1/2 золотн. Последний был с одной стороны покрыть письменами, вырезанными вглубь. По словам проф. Ешевского, бывший профессор монгольского языка в Казани А.В. Попов отозвался, что письмена, по-видимому, китайские иероглифические.

В Дневнике Теплоуховых на л. 352 (тетрадь XVI) вклеена записка младшего брата Ф.А. Теплоухова — А.А. Теплоухова — о выясненных им 2 апреля 1889 г. обстоятельствах находки клада Ипполитом Ужеговым. Из записки следует, что в 1851 г. Ужегов получил за сданный клад 100 рублей серебром и 50 рублей серебром награды (500 руб. ассигнациями)[РА ИИМК ф.48, д.1-2, тетр. XVI, л. 352]. И хотя во время встречи с Александром Теплоуховым Ужегову было уже 84 года, он очень хорошо помнил все обстоятельства находки и состав клада [Теплоухов 1895, с.15]. Александру Теплоухову удалось установить со слов Ужегова, что найдены они не на Рождественском городище, как полагал это публикатор клада профессор С.В. Ешевский, а верстах в 3 от него в верховьях ручья Лаштовка близь д.Волгиной Рождественской волости. Таким образом, точнее Рождественский клад было бы именовать "Волгинским", однако он вошел в археологическую литературу под названием, данным при первой его публикации.

Помимо предметов, описанных Ешевским и Теплоуховым в цитируемых статьях, в состав клада, как следует из "Дневника", по словам Ужегова, входили еще: "Серебряный чудской образок, согнутый вдвое величиной в 1/3 листа, а внутри вставлена береста; треугольные серебряные пластины и небольшие кусочки серебра".

К сожалению, исследовать материалы клада не представляется возможным, так как вся коллекция была украдена из Лазаревского института еще в 1860-х годах, по словам Я.Р. Аспелина, "во время какой-то перестройки".

Тем не менее, можно попытаться определить дату комплекса вещей.

Во многих кладах восточного, в том числе и болгарского, серебра, которые, безусловно, являются результатом болгарской торговли, гривны "глазовского" типа соседствуют с бесспорно болгарскими ювелирными изделиями (бляхи, серьги, височные кольца). Яркими примерами такого рода сочетания изделий являются рассматриваемый Рождественский (Волгинский) клад, Редикарские клады 1883 и 1908 гг. из Пермской губернии, Рябиновский клад из Глазовского района Удмуртии. Находки серебряных гривен глазовского типа столь многочисленны, что заставляют думать о том, что данные гривны были не просто отличительным знаком вождей или какой-либо другой категории знати, как это было, например, на Руси, а, скорее всего, представляли собой средства платежа булгарских торговцев при расчете с жителями Предуралья и других территорий. Об этом свидетельствует и весьма непрезентабельный вид многих известных гривен, и достаточно широкий ареал их распространения. Массовые находки гривен сделаны на территориях, тесно связанных с болгарами (Удмуртское и Пермское Предуралье). Находки гривен "глазовского" типа имеются в материалах

древнемарийских могильников (например, погр.№5 Веселовского могильника), в мерянских могильниках (например, Сарский могильник); в древностях мордвы (91 находка), ливов, корелы, веси; в Западной Сибири (Барсова гора, Кинтусовский могильник) и на Южном Урале, где они сопровождаются, как правило, находками вещей болгарского или приуральского типов; в Приладожье и Швеции, где гривны найдены вместе с дирхемами. В целом "глазовские" гривны имеют широкую дату от IX до XIII вв., однако гривны из рассматриваемого "клада" могут быть датированы XI-XIII вв., так как на одной из них имеется перевить из тонкой сканой серебряной проволочки, а у девятигранной пуговицы-застежки имеется подвижное кольцо из этой же проволоки, обмотанной на 4 раза. Аналогичный прием известен на височных кольцах и подвесках булгарской работы XI-XIII веков. Подобная техника перевити окончаний сканой проволокой известна на гривне из д. Глебова на поле Круглом в Чердынском районе (ЧКМ, №112). Такая же гривна со сканой перевитью найдена на Чепце, и также признается булгарской по происхождению XI-XIII веков [Иванов 1998, с.133].

Топоровидные привески, несколько напоминающие топорик-секиру, или, как их трактуют некоторые исследователи (Э.А. Савельвеа), – привески-налобники с элипсовидным окончанием – хорошо известны в материалах Предуралья и Западной Сибири. Их поверхность богато украшена пирамидками и ромбиками зерни, они имеют сканые пояски, в центральной части привески укреплены шатоны для вставок. По особенностям техники исполнения зерни (крупная и мелкая), наличию шатонов, их следует датировать XI-XIII веками. В Предуралье топоровидные привески-амулеты известны от бассейна Чепцы (Пудвай, Сороково, Чемшай и другие — всего 5 находок) до бассейна Вычегды и Ямало-Ненецкого округа — Ямгортский клад [Лещенко, 1971]. Из находок в Пермском Предуралье необходимо отметить находку в д. Мартыново [Спицын, 1902, табл. XXXIV], находку из Антыбарского могильника (раскопки Г.Т. Ленц). Всего в Пермском Предуралье таких находок (в том числе, в обломках) в составе кладов и с городищ и могильников известно более десятка.

Среди болгарских нагрудных украшений особое место занимают привески-лунницы. Два таких украшения имеются в составе Рождественского (Волгинского) клада. Возможно, что лунницы каким-либо образом связывались у болгар с мусульманской символикой. Происхождение этого типа украшений исследователи объясняют арабским влиянием, через болгар лунницы попали и к древнерусским ювелирам.

В XII-XIII вв. лунницы получают дополнительные элементы украшений: различные шумящие привески на цепочках, различной формы вставки (Антыбары, Вильгорт); поверхность некоторых лунниц украшается колечками-розетками из сканых проволочек (техника такого украшения представлена в Бутаевском кладе в Волжской Болгарии), появляется чернение.

Лунницы были серийным изделием болгарских ювелиров. Так, идентичные лунницы из рассматриваемого клада явно сделаны в одной мастерской. Подвески-лунницы известны в материалах чепецкой культуры: так, лунницы со вставками найдены в материалах XI-XIII вв. Кузьминского могильника. Щиток их часто позолочен, украшен зернью и сканью в виде пирамидок и розеток, некоторые лунницы с Чепцы имеют квадратные шатоны для вставок. Известны лунницы с зернью, сканью, шатонами, золотыми

прокладками и в материалах Ыджыдельского, Кокпомъягского и Ветьюсского могильников вымской археологической культуры Северного Предуралья. Через Пермское Прикамье такие предметы проникали и в Приобье. Серебряные скано-зерневые лунницы с шатонами для вставок датируются Т.А. Хлебниковой временем наивысшего расцвета болгарского ювелирного ремесла — XI-XII веками [Хлебникова, 1963].

Плетеные гривны-цепи из тонких серебряные проволочек также хорошо известны в импортных материалах из Предуралья. Такая цепь с шарообразными филигранными наконечниками и прикрепленной к ним топоровидной привеской найдена в погребении №74 Кичилькосьского I могильника в республике Коми. Датировка таких цепей — XII-XIII века.

Одним из крайне редких в Предуралье предметов является найденный в составе "клада" кусок китайского ямба "полтопора" Сунского времени.

Таким образом, Рождественский (Волгинский) "клад" может быть датирован XII-XIII веками.

* * *

Многие клады обнаружены при пахоте практически на поверхности земли и, по мнению многих исследователей, являются остатками покинутых святилищ. Возможно, что они не были закопаны в землю, а остались на местах старых, покинутых святилищ, которые и в дальнейшем продолжались оставаться неприкосновенными для местного населения [Талицкий 1951, с. 64; Островский 2001, с.39]. В состав этих кладов входят как предметы торевтики, так и монеты, украшения. Большая часть "восточной" серебряной посуды, из известных в Прикамье кладов, использовалась в культовых целях – как в качестве атрибутов божества, так и в качестве специальной посуды для жертвенной или обрядовой трапезы, и как хранилище более мелких приношений. Круглые блюда в культовой практике служили выражением солярного культа. В случае, когда блюдо принадлежало идолу, оно могло быть "вместилищем его души" или своеобразной "кольчугой". Монета или круглое серебряное (белое) изделие на туловище деревянного или металлического изображения символизирует принадлежность фигурки к миру живых существ [Гемуев, Салагаев 1989, стр. 62].

Рождественский (Волгинский) "клад" может быть признан остатками такого угорского святилища XII-XIII веков. На культовый характер места указывает присутствие в составе вещевого комплекса крупного серебряного "чудского образка", описанного в Записке о Волгинском кладе в Дневнике Теплоуховых [РА ИИМК ф.48, д.1-2, тетр. XVI, л. 352].

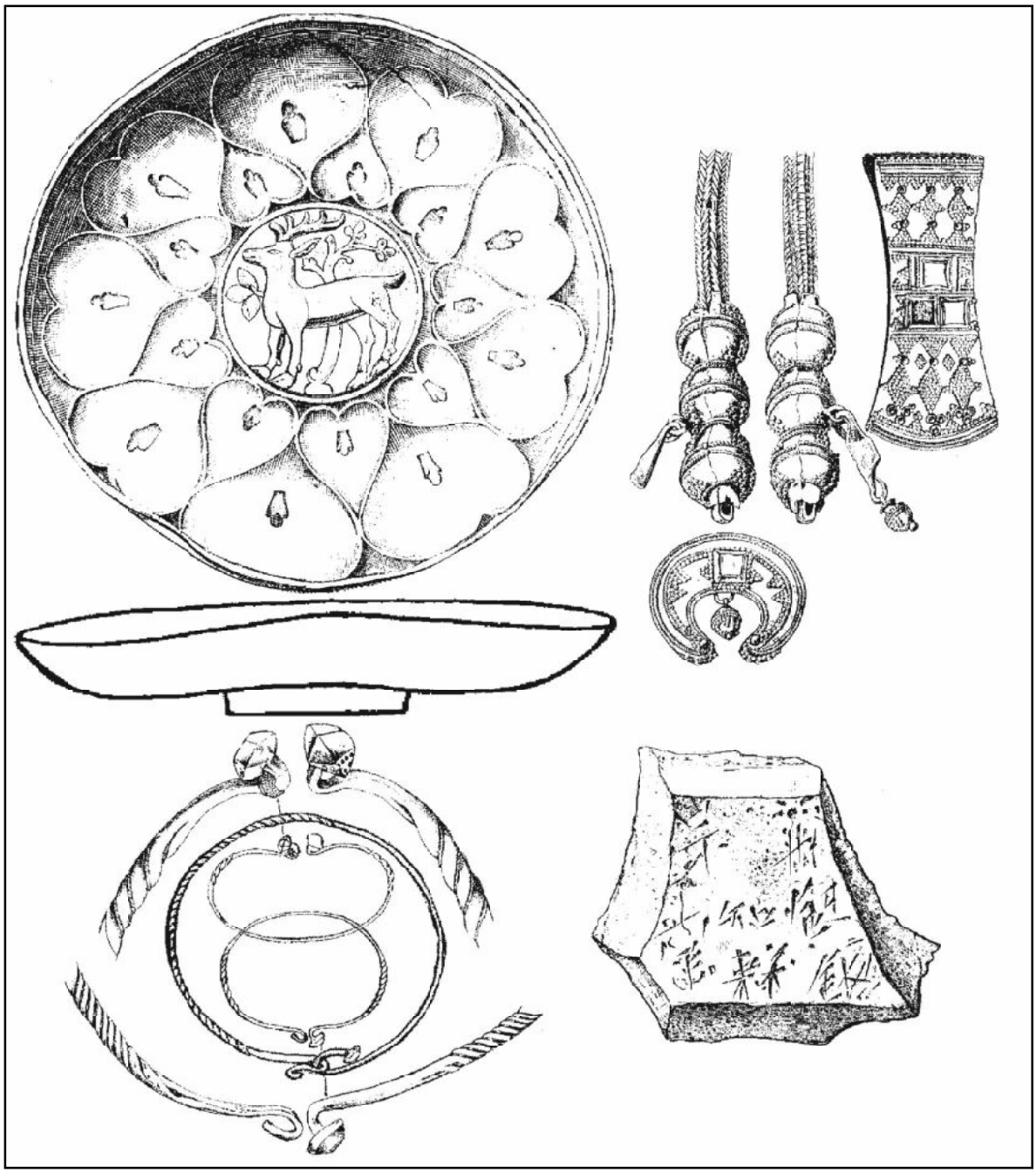

Рис. 215. Материалы Рождественского клада - Волгинского святилища по С.В. Ешевскому

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ДРЕВНЯЯ "КАСАБА АФКУЛА" (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

История возникновения и ранних стадий существования города в средневековой Европе — одна из центральных проблем медиевистики в последние десятилетия. Экономические и социальные предпосылки появления города, его функции и взаимодействие с округой, его топографические и демографические особенности исследуются историками, экономистами, археологами [The Medieval City. New Haven, L., 1978; Ястребицкая 1979, с. 271-302; Ennen 1979; Носов 2002, с.5-42], в том числе, и в Волжской Булгарии [Хузин 2001]. Особое внимание ученых привлекают процессы градообразования в регионах, где влияние античной культуры отсутствовало почти полностью [Карлов 1976, с. 271-302] (как и было в Волго-Камье). Именно в бессинтезных районах Европы, где традиции городской жизни начали формироваться во второй половине I тыс. н. э., возможно выявить и исследовать начальные этапы градообразования, характер раннегородских поселений и их эволюцию, а также становление системы поселений [Мельникова, Петрухин 1986, с. 271-302].

По очень точному замечанию Б.А. Рыбакова, рождение города – это длительный процесс, и исследователь, за редчайшим исключением, не может определить время рождения собственно самого города, то есть ту грань, которая отделяет протогородской этап от уже собственно города. Однако эта мысль смущает некоторых исследователей, считающих, что город возникает сразу уже в готовом виде, противопоставленный сельскому поселению как центр (ремесленный, военный, политический, духовный и пр.) аграрной округи, как некое место "перераспределения прибавочного продукта". Кроме того, сам термин "протогород," или "ранний город," также вызывает возражение [Фроянов, Михайлова 1999, с. 228-236.]. Однако этот термин кажется вполне уместным как определение некого "эмбриона города" [Седов 2002.]. Судьба его такая же, как и у любого другого эмбриона, – при благоприятных условиях он может созреть во вполне здоровый организм; может развиться, напротив, в больное и хилое образование, не имеющее перспектив; а может и просто погибнуть, так и не перейдя стадию эмбриона. Этому "эмбриону" присущи основные черты развитого города, часть из которых уже приобрела некие почти законченные формы, иная находится еще в зачаточном состоянии и может проявиться (или не проявиться) при стечении исторических обстоятельств. При этом, вероятно, следует обсуждать, какие именно черты явно могли проявляться у протогорода в тех или иных этнокультурных и этнополитических условиях у разных народов Восточной Европы, а не спорить о возможности или невозможности употребления данной научной дефиниции, как делают это уже упоминавшиеся И.Я. Фроянов и И.Б. Михайлова в отношении урбанизационного процесса на Руси и П.А. Корчагин и А.Ф. Мельничук относительно путей возникновения городов в Предуралье. Точка зрения И.Я. Фроянова уже неоднократно критиковалась исследователями как некая марксистская модель, из которой стыдливо изъято понятие "феодализм" [Носов, Горюнова, Плохов 2005, с.20-21].

Нечто подобное высказано и П.А.Корчагиным и А.Ф. Мельничуком, считающими, что центральным положением в определении "город—негород" должно стать наличие у города перераспределительной функции, причем, судя по приведенному ими определению этой функции, она сверхкомплексная и включает в себя производящую, торгово-транзитную, государственно-административную, военную и иные стороны. Это ведет указанных авторов к уже известному определению города как центра некой сельскохозяйственной округи, в котором перераспределяется прибавочный продукт, прежде всего, сельского хозяйства [Корчагин, Мельничук 2003, с.60-61].

О каком прибавочном продукте, отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь, например, на раннем этапе существования такого крупного города (раннего города, протогорода – как угодно. – *А.Б.*) домонгольской Руси, как Старая Рязань, ведь, судя по археологическим данным, она возникла на век раньше окруживших ее потом деревень [Даркевич 1994, с.43]? Почти аналогичная ситуация связана и с рождением столицы Волжской Булгарии – Великого города — и ряда других городов Волго-Камья. Становится понятным, что в указанном регионе именно возникновение города влекло заселение территории и развитие на ней сельскохозяйственного производства. О прямом сельскохозяйственном производстве практически во всех городах, и малых, и больших, на Руси и в Булгарии говорят многочисленные находки лемехов сох и сабанов, мотыг, серпов, ручных жерновов. Наличие сосредоточия ремесла также зачастую характерно для селищ – неукрепленных специализированных на том или ином производстве поселений. Таковыми были Семеновское и Измерское селище в Волжской Болгарии, Запосельское и Чашкинское селища в Пермском Предуралье и иные памятники.

В качестве основного пути возникновения раннегородских (протогородских) центров в Волго-Камье, таким образом, может быть признан путь формирования торговых поселений, участвующих в дальней транзитной торговле и являющихся её опорными пунктами. Вероятно, что протогород отличается от обычного сельскохозяйственного поселения чем-то иным: например, наличием среди его жителей представителей иных народов и стран (в том числе имеющих свои кладбища и места отправления культов и обрядов), относительно большим количеством импортов, иной, более высокой, бытовой культурой и рядом других признаков, уже выделенных различными авторами, обсуждавшими эту проблему (см., например, обзоры проблемы, сделанные Е.Н. Носовым [Носов 2002] или ранее В.П. Даркевичем [Даркевич 1994, с.43-60]).

Особенности протогорода (раннего города) в Предуралье можно проследить на примере крупнейшего средневекового археологического комплекса памятников – Рождественского.

* * *

Весьма вероятно, что Рождественский археологический комплекс можно ассоциировать с "касабой Афикул" (Афилун, Афтакун, Аваколь, Афкула, Акикул) в 20 днях пути от Булгара на север перед странами Чулыман (Джулман, Джулыман, Чулман), Сибир (Себер) и Ибир (Ибер, Ибыр) или в их южных пределах. Об этом нам уже неоднократно доводилось писать [Белавин, Крыласова 1995; Белавин 1997, с.166-171; Белавин 1999, с. 161-173;

Белавин 2000; Белавин 2006, с.26-28; Белавин 2006а, с.111-114] и убедительно данное положение никем из специалистов не оспорено. Среди населения Рождественского комплекса в X-XIV вв. присутствует большая группа булгарских ремесленников и торговцев, оставивших после себя не только гончарные горны, торговый инструментарий, пломбы для товара, но и могильник, в котором погребения совершены с достаточно точным соблюдением исламской кыблы. Для исполнения последнего условия необходимо посещение (проживание) этого населенного пункта исламскими священниками – специалистами в расчете времени молитв, направлений по сторонам света и прочем. Наличие в материалах комплекса достаточно выразительной коллекции древностей "аскизского типа", в том числе седельного крюка, указывает на посещение (проживание) этого пункта древними хакасами. Наличие в коллекции европейской монеты, китайского ямба в материалах Волгинского святилища (клада), древнерусских изделий, в том числе, верительного знака с тамгами Владимира I и его приемного сына и соправителя Олава Трюгвассона, указывает на широкие международные связи населения Рождественского комплекса, осуществляемые, в том числе, и местными жителями. Все это указывает на совершенно особую роль данного населенного пункта как в истории и экономике средневекового Предуралья, так и в истории мировых торговых путей средневековья. Последнее обстоятельство делает возможным появление сведений о данном населенном пункте в письменных источниках.

Арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (Умари) (1331 г.) упоминается касаба ("маленький городок," по-персидски) Афикула, в 20 днях пути от Булгара на север, то есть в пределах страны Чулман (Джулман), земля и город Чулман, расположенный севернее Афикула, города Сибир (Себер), Ибир (Ибер).

Ал-Омари приводит рассказ странствующего купца Хасана Эрруми (ар-Руми): "...потом я расспросил об этом Мусада, определителя времени [молитв] в Булгаре. Мы исчислили ее, сказал он (т. е. Мусуд), посредством астрономических инструментов и нашли, что она (длится) 4 и 1/2 часа с небольшим. Это крайняя убыль ночного времени там. Что касается касабы Афикула, то мы [и там] делали наблюдения над ними и нашли, что "самая короткая ночь там [длится] 3 и 1/2 часа, [следовательно] короче булгарской ночи на один час. Между Булгаром и Акикулом, говорит он, расстояние 20 дней обыкновенной ходьбы. Слово "касаба", по терминологии персов, значит маленький город. За Акикулом, говорил он, (следуют) Сибир и Ибир, потом за ними земля Чулыман..."[Тизенгаузен 1884, с.237-238]. Краткость летней ночи, особенно в период 20-х чисел июня – начала июля, весьма характерна для Верхнего Прикамья. Как свидетельствуют данные метеорологии, в районе Перми в это время ночь составляет не более 3-4 часов, а темное время в период летнего солнцестояния не превышает 1,5 часов. Авторы могут с уверенностью подтвердить это и личными многолетними наблюдениями на Рождественском городище.

Ал-Омари сообщает: "Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера". При этом Чулыман размещается примерно там же, где ранее находилась Вису.

"Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то приезжает к городу Каракоруму... Когда путешественник, — писал ал-Омари, — едет на Запад, то приезжает в землю русских"... Страна Чулыманская, по данным ал-Омари, примыкает одной стороной к землям башкир, другой стороной к странам сибирским, т. е. территориально это совпадает с Верхним Прикамьем. Касаба Афикула — столица этой страны. На наш взгляд, топоним Афикула можно понимать из тюркских (в персидском переложении) Афу, Ашу — "поворот" и Кула, Кала — "башня, крепость", т. е. как "Поворотная крепость". Возможно, что такой перевод покажется лингвистической вольностью, однако он вполне соответствует характеру торговли болгар, которые ездили с товарами до этого места, а дальше торговали местные купцы. Сведения ал-Омари имеют высокую степень достоверности, об этом свидетельствует его оригинальный тройной метод проверки данных устных расспросов, а также его работа с материалами архивов, что ему позволяла должность государственного секретаря при египетском султане.

Название Чулыман, заменившее название Вису, знакомо и магрибинскому путешественнику Ибн Баттуте (вторая половина XIV в.). Баттута, как в свое время Гарнати, сам бывал в Булгаре с тем, чтобы увидеть краткость ночи в этих широтах, что казалось ему невероятным. Он свидетельствует, что на Чулыман ездят болгары, а далее товары возят уже сами чулыманские купцы, они торгуют с Йурой. Таким образом "купцы чулыманские" из торговых партнеров болгар превращаются в их посредников при взаимодействии последних с народами Севера (Страной Мрака, Йурой), куда теперь с болгарскими товарами ездят "купцы чулыманские".

Последнее упоминание "касабы Афикула" относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедиста ал-Калкашанди — "Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город — небольшой Афтакун". В то же время (рубеж XIV-XVвв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает египтянин Ибн Халдун.

Попытка соотнести Афкулу-Афтакун со средневековой Вяткой, проделанная с названием Вятка, точнее – с формой типа *Вяткино (село) / *Вяткин (городок) [Напольских] может быть признана неудачной, но не с точки зрения лингвистики, а с точки зрения археологических и исторических фактов. Это понятно хотя бы из того, что термин Вятка в качестве названия населенного пункта утвердился лишь в XVIII столетии, в период средневековья данный город (а речь в восточных источниках идет именно о городе) именовался Хлынов. Вряд ли имя Хлынов могло трансформироваться в Афтакун-Афаткун. Кроме того, в древнем Хлынове, который достаточно много изучался Л.П. Гуссаковским и Л.Д. Макаровым, нет ни мусульманских могильников, ни "аскизских" предметов, никаких иных признаков важной роли этого пункта в восточной торговле. Ведущую роль в связях средневекового города Хлынов/Вятка и всей "Земли Вятской" играли связи с древнерусскими землями [Макаров 2006, с.132], и эта территория не вписывается в существовашую в X-XIV веках систему международной транзитной торговли как какая-либо опорная территория системы.

Таким образом, Рождественский комплекс – единственный в средневековом Пермском Предуралье пункт, который мы можем достаточно достоверно связать с упомянутым в письменных источниках объектом, названном современниками городом.

Первым весьма важным отличием комплекса от основной массы средневековых городищ и даже комплексов (например, Редикарский), является его **трехчленность**: детинец (цитадель) – укрепленный город – неукрепленный посад (рис.1). Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленовское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина, укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к весьма распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии. Подобная схема известна и на Руси. Так, с двух укрепленных площадок (позже известных как Кром и Средний город) начиналась история Старой Рязани, так же изначально выглядели Туров, Новогрудок и другие города и городки Руси.

Достаточно велики размеры жилой части комплекса – более 70 тыс. кв. м (не считая площади незаселенного Шиловского лога, разделяющего Филипповское и Рождественское городища). И хотя, по мнению большинства исследователей, размеры не могут являться существенным критерием для выделения городов даже в бессинтезной зоне, которой была лесная Восточная Европа, для Предуралья они имели определенное значение. По своей площади Рождественский комплекс является **наиболее значительным** поселенческим объектом средневекового Предуралья. Безусловно, в нашем случае можно говорить, что величина обитаемой части поселения явно выделяла его из массы синхронных поселений в глазах современников. Сопоставимым по размеру комплексом является только Чердынский, состоящий из Вятского и Троицкого городищ.

Важным критерием, выделяющим Рождественский комплекс из прочего ряда средневековых прикамских поселений, является наличие на нем признаков **средоточия различных ремесленных производств**. И, если в отношении косторезного дела (на Рождественском городище изучена землянка костореза) еще можно высказывать некие сомнения о выделении его в ремесло, то в отношении гончарства (3 булгарских гончарных горна и обилие — более 61% — булгарской гончарной керамики), сребродения и ювелирного производства (серебряная и бронзовая проволока, литейные формы, бракованные и незавершенные изделия, инструментарий ювелира), бондарного (наличие специализированного инструмента) и стеклодения (бракованные бусы, куски стеклянной массы в виде спекшихся палочек-заготовок) нет никаких сомнений. Заметим, что ряд этих ремесел являлись городскими как на Руси, так и в Волжской Булгарии (ювелирное и стеклоделие). Массовое производство гончарной посуды отмечается и в сельской местности Волжской Булгарии, но в Пермском Предуралье гончарные горны известны только на двух крупных городищах (Рождественское и Анюшкар) и, безусловно, могут маркировать городское ремесло.

Важным фактором, выделяющим Рождественский комплекс, является наличие среди находок на нем свинцовых пломб и гирек, типичных для булгарских торговцев, деталей весов для монетных взвешиваний, самих монет (восточных, булгарских, европейских) и купеческого верительного знака, выдаваемого иноземным купцам на право торговли на Руси, обнаруженного в 1991 г. в погребении № 37 рубежа X-XI веков.

Здесь уместно остановиться на данном знаке, хотя эта находка уже получила достаточно обширную историографию. Знак был опубликован автором находки – одним из авторов настоящей книги [Крыласова 1995, с.192-197], а затем неоднократно обсуждался специалистами в области сфрагистики [Белецкий 1996, с.35-40; Белецкий 2000, с.69-70; Белецкий 2004, с.258-259].

Подвеска со знаком Рюриковичей представляет собой литую пластину трапециевидной формы с подвижным колечком для ношения. На лицевой стороне подвески нанесено парадное изображение трезубца; его боковые зубцы выполнены в виде клинков мечей с долом, а центральный зубец — в виде пики с треугольными выступами в основании. Подобных парадных геральдических подвесок известно не более трех десятков, на Урале и в Прикамье эта находка единственная. По общепринятой классификации княжеских знаков описываемый трезубец принадлежит Владимиру Святославовичу (период правления 978-1015 г.), и такие знаки-подвески использовались лишь при его правлении. На оборотной стороне подвески нанесено изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. Меч изображен рукоятью к основанию трапеции. По оформлению рукояти он близок к реальным прототипам X в. (тип 9, по определению А.Н. Кирпичникова). Лезвие меча плавно переходит в изображение молота бога Тора, которое занимает всю верхнюю часть оборотной стороны пластины. Знаки в виде мечей, имеющие военно-дружинный характер, и молоты бога Тора, считающиеся скандинавским этническим индикатором, встречаются довольно часто. Но изображение, в котором сочетаются меч и молот, является пока уникальным.

По мнению А.А. Молчанова, подобные подвески были верительными знаками лиц, уполномоченных для выполнения миссий разного рода [Молчанов 1986]. В соответствии с договором между Владимиром и болгарами 1006 г. такие "печати для ношения" были выданы болгарским купцам для свободной торговли на Руси. Можно, таким образом, предполагать, что данный знак был собственностью т. н. "купца чулманского" — одного из торговых посредников болгар из числа коренного населения Прикамья, который и погребен в могиле № 37 [Крыласова 1995, с.196-197; Белавин 200, с.152; Белецкий 2000, с.69-70]. Скандинавский знак, помещенный на оборотной стороне подвески из Рождественского могильника, вероятно, имел в скандинавских землях значение, аналогичное знаку Рюриковичей на Руси. С.В. Белецким этот знак был убедительно связан с Олавом Трюггвасоном, приемным сыном Владимира Святого [Белецкий 1996, с.35-40].

К сожалению, ряд авторов делают на основании находки в Прикамье подвески со знаком Рюриковичей совершенно невероятные выводы. Так, например, Е.А. Мельникова считает, что: "можно предполагать с большой долей уверенности, что данное погребение принадлежит княжескому дружиннику скандинавского происхождения" [Мельникова 1999, с.85], под князем имеется в виду Великий князь Киевский, и Е.А. Мельникова считает находку подвески убедительным доказательством прямых связей Киева и Прикамья. Еще более необоснованное предположение высказывают В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский. Они пишут следующее: "Прямых подтверждений о подчинении поволжских и пермских финнов Руси (исключая мери), равно как и о даннических отношениях, практически нет. Исключение составляет находка подвески с древнерусским княжеским знаком из Рождественского могильника в Пермской области, которая могла принадлежать

представителю местной верхушки коми-пермяков, связанной торговыми и **данническими** отношениями с Русью" [Петрухин, Раевский 1998, с. 124] (разрядка наша. — *Н.К.*). Таким образом, если верить указанным авторам, Верхнее Прикамье на рубеже X-XI вв. было если не частью Руси, то, во всяком случае, их прямым данником, и здесь находились представители великокняжеской администрации. К.А. Руденко считает эту геральдическую подвеску "специальным знаком собственности" русских купцов, внедрившихся на торговый рынок Прикамья почему-то во второй трети XI века [Руденко 2007, с. 72].

Безусловно, приведенные высказывания свидетельствуют как о слабом представлении ряда авторов о прикамском средневековье, так и о невнимательном прочтении публикаций специалистов. Подчеркнем, что данная подвеска является торговым верительным знаком, она давала право торговли как на Руси, так, вероятно, и в Скандинавии (во всяком случае, на территории Ладожской волости), а распространение таких знаков почти исключительно за пределами собственно древнерусской территории подчеркивает их предназначение для иноземных, а не для древнерусских купцов.

Достаточно **большое количество торгового инструментария**, в том числе поломанного, поэтому выброшенного, свидетельствует о проживании на городище купцов, занимающихся дальней транзитной торговлей. Находки предметов аскизского облика, включая обломки и целые железные пряжки, накладки, крючки, привески, детали седла, крюка для продергивания седельных ремней и для шнуровки, который был непременной принадлежностью древнехакасского всадника, заставляют утверждать, что в XI-XII вв. на Рождественском городище в составе торговых караванов или с собственными торговыми или военно-дипломатическими миссиями могли бывать и древние хакасы, так же, как они бывали в ряде малых и больших городов Руси и Булгарии. Возможно, что именно эти всадники были охранниками булгарских торговых караванов на Русь, в страну Вису, страну Чулман, в Сибирь и Среднюю Азию. Таким образом, комплекс, безусловно, был опорным пунктом международной транзитной торговли.

От большинства иных городищ и археологических комплексов прикамского средневековья Рождественский выделяется и **выраженным разноплеменным (разноэтничным и разным в этнокультурном отношении) населением**. Керамика кинтусовского типа с сильно профилированными венчиками, украшенная фигурными штампами (рис.92/10; 105/1, 9, 11, 16); лепная керамика с характерным для чепецкой культуры треугольным и рамчатым штампом в орнаменте (рис.105/12, 17; 91/13; 129/20-22); запесоченная с уплощенным дном и украшенная отпечатками гребенчатого штампа керамика вымской культуры (рис. 92/1-3, 17; 93/3-12); круглодонная с подцилиндрошейной горловиной украшенная веревочным орнаментом постпетроромская (этнокультурные группы VII и VIII по Т.А.Хлебниковой) керамика (рис. 101/1-9; 129/17-19) свидетельствуют о проживании на городище представителей разных финно-угорских этносов Урала и Поволжья. В определенной мере о проживании на городище выходцев из соседних с Пермским Предуралье финно-угорских территорий говорят и материалы языческого могильника. Имеется ряд погребений с нехарактерным для родановского могильника набором инвентаря: 2 погребения содержат поясные наборы

и бубенчики, имеющие аналогии в вымских древностях; в 1 погребении обнаружена шумящая фибула, характерная для поволжских финнов. Наличие булгарского населения маркируется обильными находками булгарской столовой и, главное, кухонной посуды. На проживание на городище булгар-мусульман указывают находки мусульманских костяных амулетов и мечетного бронзового светца (часть хороса). Наличие мусульманского домонгольского могильника, непосредственно примыкающего к оборонительным сооружениям Рождественского городища, является бесспорным свидетельством проживания булгар на городище. Краниологическая серия Рождественского мусульманского могильника может быть охарактеризована как брахикранная, что отличает её от местных финно-угорских долихо-мезокранных типов и сближает с краниологией собственно булгарских серий (измерской, билярской и др.). По затёкам зубной эмали у черепов из мусульманских погребений определяется склонность к монголоидности. Эти наблюдения также сближают рождественскую серию с билярской.

Материальная культура Рождественского комплекса характеризует совсем иное, **более высокое качество жизни его населения**. На городище выявлено 4 срубных жилища. Они и остальные жилища и хозяйственные постройки освещались масляно-жировыми лампочками булгарского типа, на употребление в интерьерах мебели указывают столовые валики-подставки из обожженной глины, о переходе к новому типу печи свидетельствуют находки глиняных конфорок [Крыласова 2005, с.77-78]. Роговые расчески с орнаментированными футлярами, орнаментированные роговые гребни, большое количество сундучных замков и ключей к ним также являются приметой городской, иной, чем на других поселениях, жизни.

В какой-то степени Рождественский комплекс, включающий в себя Волгинское языческое святилище, расположенное в 1,5-2 км от городища (в науке известное как Рождественский (Волгинский) клад (1851 г.), в составе которого были серебряный сосуд, китайский серебряный ямб "полтопора", различные серебряные украшения булгарского типа), являлся и важным **полирелигиозным центром**. Наряду с языческим святилищем на территории комплекса возможно существовала мечеть или молитвенный дом мусульман, с которым связан упомянутый выше хорос. Недаром Ал-Омари в связи с Афикулой упоминает рассказ Хасана Эрруми (ар-Руми) о поездке в Афикулу исламского астронома для расчета времени молитв. Таким образом, Рождественский комплекс еще и точка первичного проникновения ислама в Прикамье.

Итак, на примере Рождественского комплекса можно выделить следующие признаки, выделяющие этот пункт (имевший в глазах современников-знатоков статус небольшого города) из числа прочих поселений: сложная трехчленная структура, относительно крупный размер заселенной части и архитектурная выразительность укреплений (особенно цитадели), существование ряда сложных ремесленных производств, полиэтничность и поликультурность населения, имеющего более высокий уровень жизни, чем основная масса жителей иных поселений, и явные признаки включения в систему международной транзитной торговли.

Такие признаки города (в т. ч. и раннего), как военный и административный центр сельской округи, чисто ремесленный характер поселения и прочие признаки, обычно выделяемые сторонниками упрощенно-социоло-

гических схем процесса урбаницазии, здесь, как видно, не представлены. Более того, сельской округи у комплекса нет вовсе, а ближайшее родановское поселение (Козьмодемьянское селище) находится в 15 км. Не является Рождественский комплекс и племенным центром, поскольку он возник как пункт колонизации из разных мест Урала и Поволжья. Невозможно объяснить появление Рождественского комплекса и в результате развития процесса общественного разделения труда. На таком "определяющем" пути урбанизации настаивают, например, А.Ф.Мельничук и П.А. Корчагин [Корчагин, Мельничук 2003, с. 61], на наш взгляд, это чрезмерная модернизация в понимании экономики того времени, когда даже в крупнейших государствах, соседях Прикамья, господствовало натуральное хозяйство, а населению даже "стольных градов" был не чужд сельскохозяйственный труд. Впрочем, и на Рождественском комплексе найдено более десятка ральников и мотыжек, жернова и другие сельскохозяйственные орудия и орудия рыбной ловли и охоты.

Вопросы социальной, экономической и культурной роли и позиции крупных укрепленных населенных пунктов средневекового Предуралья в русле дискуссии об особенностях и путях градообразовательных процессов в лесной зоне Восточной Европы уже неоднократно рассматривались на ряде полевых симпозиумов, научных конференций, а так же в ряде статей и монографий. Наиболее активно эти проблемы обсуждаются в работах М.Г. Ивановой, Ф.Ш.Хузина, А.З. Нигамаева. Регулярные раскопки таких крупных Предуральских памятников как городища Иднакар, Анюшкар, Рождественское не оставляют сомнений в том, что их материалы вполне актуальны для рассмотрения процессов урбанизации в Восточной Европе. По мнению М.Г.Ивановой [Иванова 1998], одним из плодотворных путей процесса градообразования в Предуралье был путь формирования полифункциональных центров локальных этносоциальных образований (племенных или межплеменых центров). Эта модель градообразовательного процесса убедительно обоснована ею на примере городища Иднакар – крупнейшего укрепленного памятника чепецкой археологической культуры.

На наш взгляд, еще одним определяющим мотивом раннего этапа урбанизационного процесса в Предуралье мог быть путь возникновения торговых городов-факторий, опорных центров международной транзитной торговли по Камскому торговому пути. Роль катализатора процесса урбанизации здесь принадлежит, таким образом, торговцам булгарским и "чулыманским", столицей последних как раз и был Рождественский археологический комплекс, "касаба Афикула" – "Поворотная крепость," до которой ездили мусульманские торговцы и откуда их товары в страну Йура и страну "Мрака" везли финно-угорские "чулымане". Предуралье, таким образом, демонстрирует те же самые процессы, что и финно-угорские территории северной части Великого Волжского пути, где примерно по такой же схеме возникли Белоозеро, Волок Ламский и другие небольшие древнерусские "грады" — опорные пункты древнерусской торговой и хозяйственной колонизации. Безусловно, прав Н.А. Макаров, считающий, что возникновение городских центров в слабозаселенных и плохо освоенных в сельскохозяйственном отношении территориях является нормальным явлением на Северо-Востоке Европы, и "может рассматриваться вполне продуктивной моделью градообразования" [цит. по Носов, Горюнова, Плохов 2005, с. 27].

* * *

Рождественский комплекс стал складываться на рубеже IX-X вв., и уже к концу X столетия превратился в важный пункт международной транзитной, т. н. "восточной", торговли на Камском торговом пути.

Сформировавшаяся к началу X в. как государство Волжская Булгария превратилась в мощный этнокультурный ареалообразующий фактор. В культурную, экономическую, политическую орбиту этого государства оказались постепенно втянуты практически все территории Предуралья. Булгары на деле создали и многие столетия поддерживали крупную международную систему Восточной торговли, являясь фактически торговыми воротами Европы в сношениях с Ближним и Дальним Востоком и Сибирью. Угорские народы Предуралья были федератами булгар, юридически считались их подданными и платили в казну этого государства налоги. В Пермском и Удмуртском Предуралье возникает несколько торговых факторий со смешанным тюрко-угро-финнским населением. Поскольку булгары в X в. уже были мусульманами, то они несли с собой и это культурно-идеологическое влияние — в Предуралье фиксируется несколько мусульманских могильников, возможные остатки мечетей, в письменных источниках упоминаются поездки исламских проповедников в Верхнее Прикамье. Высокая степень контроля со стороны государства, крайне заинтересованного в развитии этой торговли, позволяла сделать булгарский участок международной торговли весьма безопасным, что также привлекало большое количество торговцев. На X-XIV вв. приходится период расцвета Камского торгового пути, по которому осуществлялось движение торговых грузов, мигрантов в обоих направлениях и культурное воздействие Булгарии на население Пермского Предуралья. Камский торговый путь использовался купцами во все сезоны на протяжении нескольких столетий, причем движение осуществлялось летом по воде и по суше, а в зимнее время могли использовать застывшую Каму (Чулман) в качестве зимника. Если движение по воде было сезонным, и имело определенные территориальные ограничения (судовой караван мог двигаться лишь там, где позволяла осадка судов, ширина русла реки и т.п.), то в движении по суше и по речному льду подобных препятствий было значительно меньше.

В нижних частях культурного слоя ярко выделяются сосуды баночной формы с округло-уплощенным дном, с короткой резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком (85 экз., рис. 91/9; 92/26, 28, 29; 94/14; 97; 98; 99/1-9; 100/1-7). Судя по характерной резной и шнуровой орнаментации, данный тип сосудов возник на основе неволинских традиций. Подобные сосуды на территории Пермского Предуралья наиболее хорошо известны в материалах Саламатовского городища и селища Телячий Брод на р. Усьве в Посучовье, где, по мнению исследователей, считаются свидетельством миграции сюда неволинских племнен после распада данной культуры. Возможно, что переселение на берега Обвы какой-то группы позднего неволинского (или постневолинского чусовского) населения стало первотолчком к возникновению Рождественского комплекса памятников. На возможную роль этого населения в основании комплекса указывают и находки элементов поясной гарнитуры неволинского облика, собранные на Рождественском городище еще Н.Н. Новокрещенных и

Ф.А. Теплоуховым. На наш взгляд, уже неоднократно высказанный в печати [Белавин 1990, с.125-127; Белавин 1999а, с.73-85], неволинские и ломоватовские племена составляли основу т.н. "булгарских эсегел" — смешанных угорских или угорско-финских племен, активно освоивших нижнекамское левобережье, в том числе, и центральные районы Волжской Болгарии, еще в IX — начале X веков. Очевидно, широкое и разнонаправленное переселение неволинских и постневолинских (чусовских) племен привело к тому, что достаточно близкое по происхождению и месту былого обитания население, единое в этнокультурном плане, расселилось на обширных территориях, и продолжало поддерживать между собой те или иные контакты. Вероятно, именно это обстоятельство сделало возможным легкое и быстрое вхождение верхнекамских территорий и племен в болгарскую часть международной торговой системы — Камский торговый путь.

Наивысший расцвет Рождественского комплекса приходится на период X-XIII веков. В XIII-XIV вв. жизнь на комплексе продолжалась, однако в коллекции вещей XII-XIV вв. значительно меньше, чем предметов X-XI веков. Связано это, прежде всего, с тем обстоятельством, что основная часть многочисленных деталей костюма, украшений, наиболее выразительные предметы вооружения и орудия труда происходят из погребений языческого могильника, на котором широкими раскопками изучена лишь часть, датированная X-XI веками. Именно в силу этого обстоятельства вещи данного времени составляют основную массу публикуемой коллекции. С другой стороны, XIII-XIV вв. представляют собой общую для археологии Прикамья и Предуралья типологическую и хронологическую лакуну, что связано, вероятно, как с погрешностью хронологии этого позднего периода, которая в отсутствие серий ракдиокарбонных дат во многом опирается еще на хронологическую систему, выстроенную более столетия назад А.А. Спицыным, так и с редкостью памятников XIII-XIV вв., что указывает на определенное запустение территорий Предуралья после монгольского нашествия и в результате ухода из Предуралья угров. Однако предметы XIII-XIV вв. все же представлены в коллекции в достаточно большом количестве, что указывает на активное развитие жизни на этом месте в данное время. К поздним находкам относятся: желтые, черные и синие биусеченноконические бусы и некоторые другие типы бус, местом производства которых была Русь, Средняя Азия и Орда; ряд бронебойных наконечников стрел, калачевидные кресала подтреугольной формы и двулезвийные овальные и подпрямоугольные кресала, двусторонние наборные гребни, керамические котлы и сосуды с ручками и уплощенным дном, поливная посуда ордынского типа, свинцово-оловянистые накладки и привески, а также формы для их отливки. Наиболее выразительными предметами XIII-XIV вв. являются: фрагмент зооморфного замочка, бронзовый хорос ордынского времени, серебряная подвеска с фигурой "Федора-воина". Таким образом, и в XIII-XIV вв. комплекс продолжал существовать как опорный пункт международной торговли.

В отсутствие дат, полученных с применением методов естественных наук, основанием для определения абсолютной хронологии Рождественского комплекса служат находки трех десятков монет, сделанные во время исследований комплекса. Наиболее ранние монеты относятся к середине 90-х гг. IX в., наиболее поздние — к первой трети XIV столетия. Таким

образом, период активной жизни на памятнике и выполнение им роли опорного торгового пункта можно отнести к первой четверти X – второй половине XIV века.

Что стало причиной гибели комплекса? Болгария была сильно ослаблена в результате чумы 1346-1350-х г., а Предуралье (Северное и Пермское) было задето чумой, распространявшейся вдоль торговых путей, и поразившей дважды (в 1352 и 1363г.) европейский северо-восток. Предуралье пострадало во время походов Тохтамыша в 1391 г. на Вятку и Тимура в 1395 году. Смутные упоминания данных походов в эти Северные для жителей Востока края имеются в письменных источниках. Так, Шериф-ад-ди Йезди, описывая поход Тимура 1395 г., сообщает: "Победоносное войско (Тимура) с этой стороны реки дошло до того места... и ограбило все. Место это недалеко от Страны Мрака". Поскольку свидетельств гибели комплекса в результате вражеского нападения не выявлено, следует предполагать иные причины его гибели, например, экономические или эпидемические.

Повторное заселение этих мест приходится на конец XV — первую половину XVI века. Появившиеся здесь предки коми-пермяков, осваивающие бассейн Обвы в XV в., застали уже разрушенное и давно покинутое людьми городище. Его состояние и дало основание для возникновения пермяцкого названия Сисыкор (Сисикор) — "гнилое, старое городище". Вероятно, не позже первой половины XVI в. возникает починок Постаногово (Пыстаногова), расположенный на территории Рождественского могильника неподалеку от вала Рождественского городища. Следы могильника в это время уже были не видны на поверхности, и возникновению русско-пермяцкого поселения здесь как будто ничего не препятствовало. Поселиться же на площадках городищ было нельзя, так как здесь было явно "чудское" языческое место. О ранней дате возникновения починка свидетельствует находка монеты – серебряной копейки Ивана IV 1535-1538 гг. – сделанная неподалеку от вала Рождественского городища на поле. И хотя впоследствии жители Постаногово при рытье ям и строительстве хозяйственных сооружений регулярно находили человеческие кости из погребений языческого могильника, это не стало препятствием для продолжения жизни в починке. Территория городища использовалась в качестве пашни. Лишь в середине XX столетия люди вновь покидают территорию комплекса, который с тех пор безраздельно принадлежит археологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.Б. КРЫЛАСОВА
КОМПЛЕКС НОВОГО ВРЕМЕНИ
(Материалы д. Постаногово)

На языческом Рождественском могильнике прежде располагалась небольшая деревенька Постаногово (Пыстаногово, Пастаногово). На плане Н.Н. Новокрещенных она обозначена маленьким прямоугольником (рис.5) [Новокрещенных 1897] как раз в том месте, где располагался раскоп I, разрабатывавшийся на протяжении ряда лет нашей экспедицией (рис.1). В 1949 г. В.А. Оборин и В.П. Денисов застали на месте деревни свиноферму [Оборин 1953, с.165], которая, вероятно, располагалась южнее раскопа I, где площадка выровнена и срыт значительный слой земли, в результате чего могильник на этом месте, скорее всего, уничтожен. На месте прежней деревни в настоящее время наблюдаются ямы на месте подполов и колодцев, место расположения деревни обозначают также старые тополя. Гумно, расположенное у западной границы Рождественского городища, возле которого производил раскопки мусульманского могильника Н.Н. Новокрещенных, фиксируется в виде ровной подпрямоугольной площадки.

На раскопе I Рождественского могильника во время раскопок 1990 г. были обнаружены остатки бани (рис.216). Она располагалась в восточной части могильника на краю распадка на участках 62-63/III-V. На глубине 0,1-0,25 м от поверхности были обнаружены три белых тесаных камня (известняк) от фундамента постройки, четвертый камень, судя по всему, располагался за границами раскопа. По расположению камней можно сделать вывод, что постройка имела подпрямоугольную форму размерами 1,70 х 1,35 м, ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. В западной части сооружения обнаружен развал печи-каменки, сложенной из обломков того же белого камня. Камни занимали площадь 0,45 х 0,5 м. С четырех сторон от скопления камней располагалось по паре кованных железных гвоздей четырехугольного сечения, которые лежали остриями по направлению к центру скопления. Один гвоздь находился у восточной границы скопления. Очевидно, эти гвозди скрепляли деревянную опалубку печи, которая имела вид прямоугольного короба размерами 0,4 х 0,45 м. У ЮВ угла развала каменки найден фрагмент стенки русского гончарного сосуда. В центре скопления камней находились фрагменты чугунных полос и обломки железной плиты с круглым отверстием, вокруг которого было приварено кольцо из железной пластины шириной 0,04 м.

Во время раскопок Рождественского археологического комплекса была собрана небольшая коллекция предметов, относящихся ко времени существования д. Постаногово, которая также представляет интерес в археологическом плане. Поздние вещи имеются и в коллекции Теплоуховых.

©Крыласова Н.Б., 2008

В.А. Обориным и В.П. Денисовым во время разведки на пашне и на зачистках также были обнаружены русская керамика, медное кольцо и поливной изразец XVII в. [Оборин 1953, с.163].

Довольно широко представлена русская поливная и неполивная керамика XVII-XIX вв. (рис.218), незначительное количество которой происходит с раскопов на городище, а наибольшая ее концентрация наблюдалась на раскопе I могильника, где располагалась деревня.

О времени существования д. Постаногово наилучшим образом свидетельствуют монеты. В 1992 г. возле вала городища была обнаружена серебряная копейка Ивана Грозного новгородского монетного двора чеканки 1535-1538 гг. [Вильданов 2000, с.25]. На территории могильника при раскопках было найдено три серебряные копейки-чешуйки, одна из которых была определена как копейка Михаила Федоровича Романова XVII в. [Крыласова 1992], а также медная монета достоинством в 2 копейки времен Петра I.

Среди иных вещей представлены украшения и предметы быта.

При раскопках могильника обнаружено несколько фрагментов и одна целая серебряная серьга (рис.217/8) изготовленная из проволоки круглого сечения, изогнутой в виде знака "?", на которую в нижней части нанизаны круглая хрустальная и каплевидная аметистовая бусины, а над ними – круглая серебряная пластина, украшенная кольцевидным орнаментом с насечками.

В коллекции Теплоуховых имеется две плоские бронзовые ажурные подвески от серег (рис.217/3-4). Щитки подтреугольной формы по нижнему

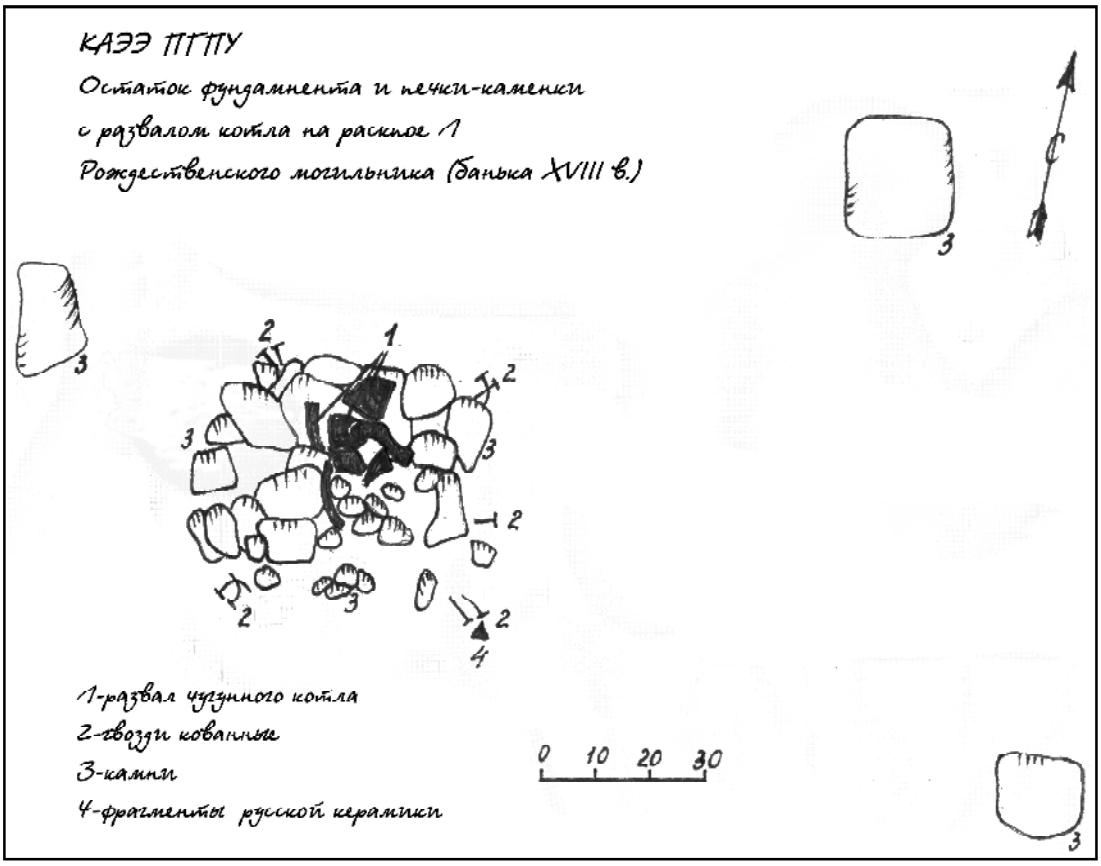

Рис.216. Остатки сооружения XVIII в. на рскопе №1 Рождественского могильника (баня)

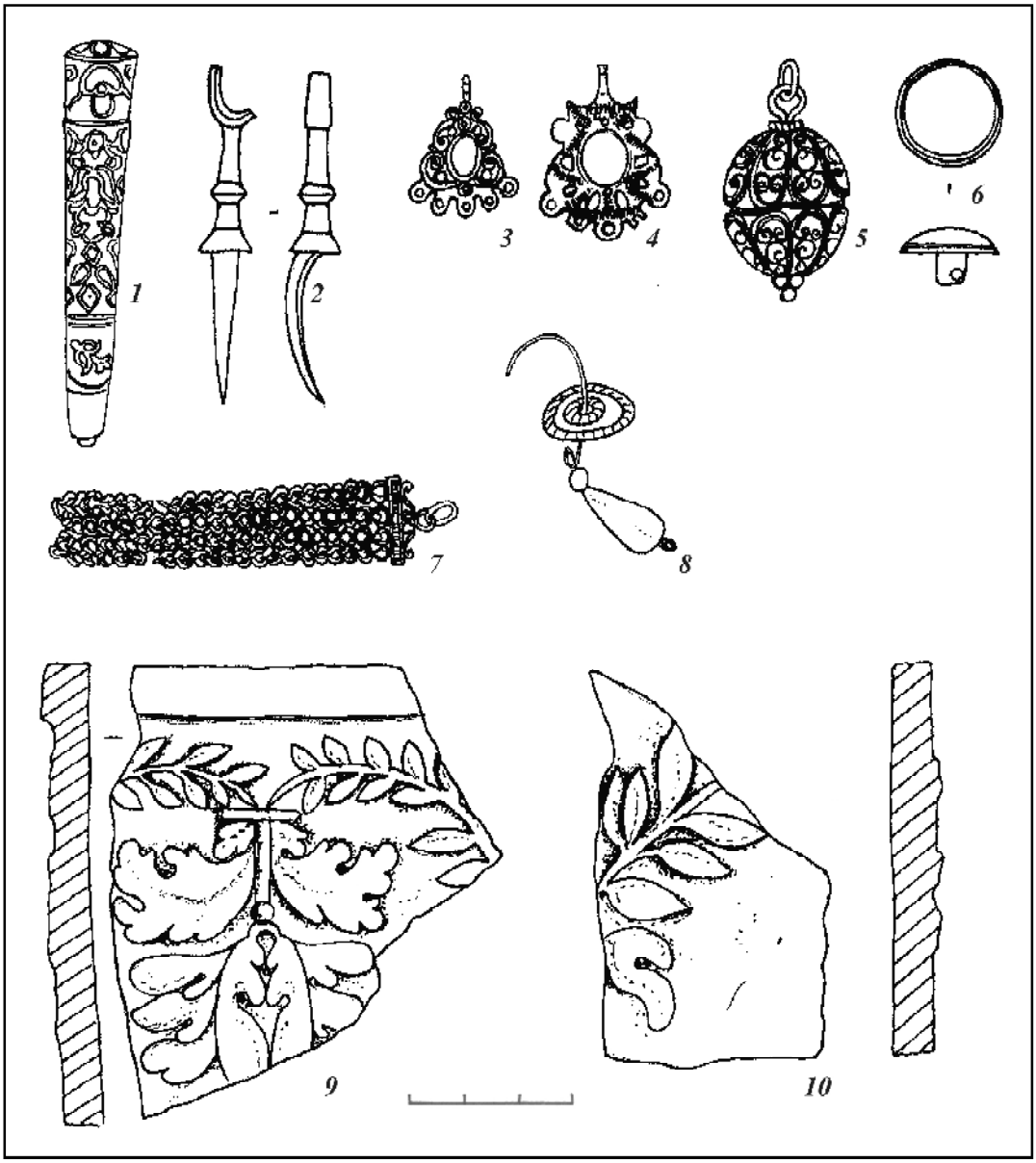

Рис. 217. Комплекс находок нового времени из раскопок Рождественского городища и могильника

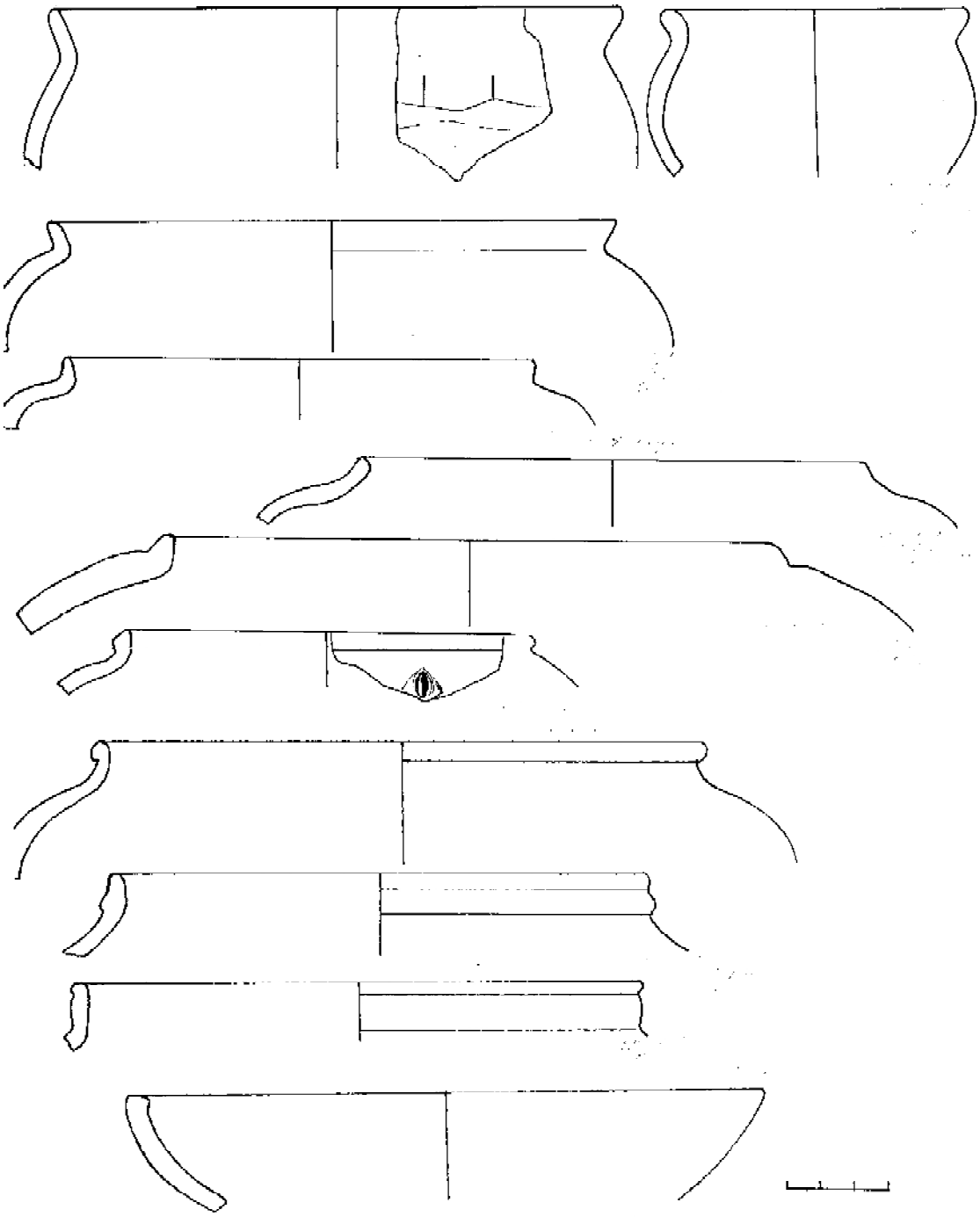

Рис. 218. Русская керамика XVII-XIX веков из раскопок Рождественского могильника (вещевой комплекс д.Постаногово)

краю имеют по пять петелек для привесок, в центре – овальное отверстие, обрамленное в одном случае завитками растительного орнамента (рис.217/3), в другом – овальными прорезями, между которыми поле заполнено насечками (рис.217/4). Подобные серьги, т.н. "голубцы", появились в XVI-XVII веках. В них, по мнению П.И. Уткина, главную часть декоративного украшения представляет мотив летящей птицы. В сложном узоре плоских серег мотив птицы почти пропадает, теряется в завитках орнамента, но такие серьги сохраняют целостность общего силуэта благодаря камню, помещенному с центральной прорези на стерженьке, и привескам из перламутра, бисера или металла. Такие плоские прорезные серьги имели несколько разновидностей: с эмалью, в технике ажурной скани и пр. [Уткин 1970, с.67]. Подобные серьги имеются в русских материалах XVI-XVII вв. [Гольтберг, Мишуков, Платонова, Постникова-Лосева 1967, с.79], в булгарской коллекции А.Ф. Лихачева [Суслова 1980, табл.V/4,5], на позднесредневековых памятниках Сибири XVII-XVIII вв. [Кренке 1984, рис.2/10], в удмуртских могильниках XVI-XVIII вв. [Шутова 1992, с.21]. Аналогичные предметы широко представлены в прикамских материалах XVII-XIX вв. (коллекции ПОКМ).

Фрагмент бронзового плетеного украшения (браслет?) из коллекции Теплоуховых (рис.217/7) состоит из проволочных звеньев, на каждом из которых на лицевой стороне изделия небольшой цилиндрический выступ. Край украшения оформлен декоративной пластиной с завитками и петлей с одним звеном цепочки.

В коллекции Теплоуховых имеется также крупная бронзовая яйцевидная пуговица, выполненная в технике филиграни (рис.217/5). Подобные пуговицы были самым распространенным видом украшений русской одежды в XVII веке. Они имели чрезвычайно разнообразные формы и размеры, художественные приемы их изготовления также были разнообразны. У горожан были распространены серебряные и золотые пуговицы, для деревенских жителей они делались из меди и олова. Пуговицы зачастую превосходили по стоимости саму одежду, что заставляло относиться к ним бережно, перешивать с одной одежды на другую. Поэтому, как считает П.И. Уткин, затруднительно точно определить время изготовления таких пуговиц. Много пуговиц переходило по наследству от XVI века. В XVIII в. пуговицы XVI-XVII вв., сделанные в технике ажурной скани, переделывались на серьги, всевозможные застежки, запонки. Однако пик их производства приходится все же на XVII в., когда существовали ремесленники-ювелиры, занимающиеся изготовлением какого-либо одного вида украшений, и известно, что были мастера, специализирующиеся на пуговицах [Уткин 1970, с.76-78].

Круглая гладкая выпуклая пуговица с петлей на обратной стороне имеет аналогии в удмуртских могильниках XVI-XIX вв. [Шутова 1992, с.26].

Из бытовых предметов наибольший интерес представляет игольник из коллекции Теплоуховых в виде конусовидного футляра с крышкой, выполненный в технике перегородчатой эмали (рис.217/1). Имеется в коллекции фрагмент бронзовой вилки (рис.217/2). При раскопках могильника обнаружены фрагменты чугунной печной заслонки с рельефным растительным орнаментом (рис.217/9,10). Такие изделия были распространены в Прикамье со второй половины XVIII по начало XX века.

Таким образом, деревня Постаногово существовала, по меньшей мере, с XVI в. до первой половины XX века.

С.И. АБДУЛОВА

БУСЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО КОМПЛЕКСА

Коллекция бус Рождественского археологического комплекса весьма интересна и достойна специального рассмотрения. Большая часть настоящей статьи будет посвящена именно описанию бус. Во второй части определим происхождение различных видов бус, и на этой основе попытаемся выявить возможные торговые связи населения, оставившего данный комплекс.

В состав коллекции входят 1833 экз. стеклянных, каменных и глиняных бус. Наибольшее их количество происходит из погребений Рождественского могильника (85,3 %). В различном составе (от 1 до 457 экз.) бусы встречены в 57 погребениях. Часть бус происходит из межмогильного пространства (11,5%) и незначительная часть коллекции происходит из раскопок городища (3,2%).

Классификация бус Рождественского комплекса (см. цв. вкл. 3)

Группа: СТЕКЛО
Разряд: Стеклянные бусы из тянутой трубочки
Подразряд: Из однослойной трубочки
ОТДЕЛ: Монохромные
ЖЕЛТЫЕ

4. Желтые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/1). Зонные бусы, изготовленные техникой членения тянутой трубочки, редко встречаются где-либо кроме Верхнего Прикамья [Голдина, Кананин 1989, с. 71]. Аналогичные бусы встречены в комплексах конца IV – IX вв. неволинской культуры, более крупные – в комплексах VII-VIII вв. той же культуры [Голдина 2002, рис.2].

5. Желтые зонные многочастные бусы (цв. вкл. 3/2). Аналогичные бусы обнаружены в памятниках неволинской культуры VII-VIII вв. [Голдина 2002, рис.2].

6. Желтые лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/3). Аналогии желтым лимоновидным бусам представлены в кочевнических памятниках [Федоров-Давыдов 1966, с.72]. По русским аналогиям такие бусы датируются X – началом XI в. [Щапова 962, с.173-174]. Такие бусы известны в Саркеле [Львова 1959, с.324], в Новгороде до середины XI в. [Колчин 1958, с.104], в могильнике Белой Вежи [Львова 1959, с.329–331], в аланских могильниках XI-XII вв., в домонгольском слое Древней Казани [Кальмер 2000, с.55], в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в материалах I Семеновского селища [Валиулина С.И., 2000, с. 54], в памятниках неволинской культуры VII-VIII вв. [Голдина 2002, рис.2]. В целом на территории Северной и Восточной Европы их принято датировать X-XI вв., хотя в виде исключения они встречаются среди находок начала XII в. в Северной Европе [Кальмер 2000, с.55].

7. Желтые лимоновидные многочастные бусы (цв. вкл. 3/4). Данный тип бус имеет такой же широкий ареал распространения, как и одночастные бусы.

©Абдулова С.И., 2008

11. Желтый бисер (цв. вкл. 3/5) представлен в двух вариантах: в виде обрезков трубочек и в обкатанном виде с закругленными краями. Данный тип весьма широко представлен в Старой Ладоге в слоях с IX по XI вв. [Рябинин 1982, с.167; Львова 1968, с.83, 96], в памятниках неволинской культуры конца VI-VI вв. [Голдина 2002, рис.5], в погребальных памятниках северных удмуртов XI-XIII вв. [Иванова 1992, с.47], в кочевнических памятниках [Федоров–Давыдов 1966, с.72], в Новгороде в слоях X-XII вв. [Щапова 1956, с.171], в Саркеле [Львова 1959, с.325], в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в Золотоордынских памятниках [Бусятская 1976, с.62; Бусятская 1973, с.222].

13. Желтые ребристо-лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/6). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в Старой Ладоге в слоях с X в. [Львова 1968, с.88], в Новгороде, где они датируются X-XI вв. [Щапова 1956, с.176], в комплексах неволинской культуры VIII-IX вв. [Голдина 2002, рис.5].

ЗЕЛЕНЫЕ

15. Зеленые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/7). Как уже упоминалось выше, зонные бусы, изготовленные техникой членения тянутой трубочки, редко встречаются где-либо, кроме Верхнего Прикамья [Голдина, Кананин 1989, с.71]. Аналогичные бусы обнаружены в материалах памятников неволинской культуры, где они встречаются с VI по VIII в. [Голдина 2002, рис.2/30].

16. Зеленые зонные двучастные бусы (цв. вкл. 3/8). Аналогичные бусы встречаются в комплексах VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, с.2].

17. Зеленые лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/9). В целом лимоновидные бусы имели очень широкое распространение на территории всей Восточной Европы. Но аналогии бусам зеленого цвета встречены нами пока только на территории Поднепровья в VIII-IX вв. [Школьникова 1978] и на территории старой Ладоги в слое X в. [Львова 1968, с.88].

19. Зеленые бочонкообразные бусы (цв. вкл. 3/10).

20. Зеленые цилиндрические бусы (цв. вкл. 3/11). Аналогичные бусы встречаются в комплексах VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.2].

21. Зеленые бусы в виде трубочек (цв. вкл. 3/12). Аналогичные бусы встречаются на юге Западной Сибири (Причулымье) [Беликова 1996, с.265], в слоях IX в. в Старой Ладоге [Львова 1968, с.90].

22. Зеленый обкатанный бисер с закругленными краями (цв. вкл. 3/13). Зеленый бисер представлен в слоях IX-XI вв. в Старой Ладоге [Львова 1968, с.86], в слоях X и частично XI в. в Новгороде [Колчин 1958, с.104], в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в комплексах IV-VI вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5].

24. Зеленые ребристо-лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/14). Аналогичные бусы встречены в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.9].

25. Зеленая буса в виде шестиугольной призмы (цв. вкл. 3/15). Призматические зеленые трубочки, хотя и в малом количестве, встречаются в слоях IX в. в Старой Ладоге [Львова 1968, с.90]. Такие бусы были известны еще в первой половине I тыс. н. э. в Южных районах Восточной Европы:

в Крыму в погребениях I-V вв., на Северном Кавказе – в погребениях IV-IX вв., в начале X века в Чехии и Моравии [Львова 1968, с.90].

СИНИЕ

26. Синие зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/16). Аналогичные бусы обнаружены в памятниках неволинской культуры конца VII-VIII вв. [Голдина 2002, рис.2]. Такие бусы характерны для X и частично для XI в. в Новгороде [Колчин 1958, с.104].

28. Синие лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/17). Аналогичные бусы представлены в кочевнических памятниках [Федоров-Давыдов 1966, с.72], в памятниках неволинской культуры VIII-IX вв. [Голдина 2002, рис.5], особенно многочисленны эти бусы в слоях VIII-IX вв. Старой Ладоги [Львова 1968, с.88].

29. Синие лимоновидные многочастные бусы (цв. вкл. 3/18). Данный тип бус широко представлен в слоях средневековой Ладоги [Рябинин 1982, с.169], особенно в слоях VIII-IX вв. [Львова 1968, с.88], в кочевнических памятниках [Федоров-Давыдов 1966, с.72], в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5].

31. Синяя короткая цилиндрическая буса (цв. вкл. 3/19). Аналогичные бусы обнаружены в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.9].

32. Синие бусы в виде трубочки (цв. вкл. 3/20). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154]. Бусы в виде тонких длинных трубочек известны в золотоордынских городах Поволжья [Бусятская 1976, с.40]. Единичные находки таких трубочек есть в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.72], в слоях IX в.Старой Ладоги [Львова 1968, с.90].

33. Синий бисер (цв. вкл. 3/21) представлен в двух вариантах: не обкатанные обрезки трубочки и бисер со сглаженными краями. Синий бисер является одним из преобладающих типов бус в средневековой Ладоге [Рябинин 1982, с.167], где он распространен с IX по XI вв. [Львова 1968, с.86]. Аналогии данному типу бус представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в Золотоордынских памятниках [Бусятская 1976, с.62], в памятниках неволинской культуры IV-VIII вв. [Голдина 2002, рис.5].

36. Синие лимоновидно-ребристые бусы (цв. вкл. 3/22). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154], в Старой Ладоге [Львова 1968, с.88], в Новгороде, где они датируются X-XI вв. [Щапова 1956, с.176], в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5].

ФИОЛЕТОВЫЕ

38. Фиолетовые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/23). Аналогичные бусы встречаются в комплексах конца IV-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.6], в Новгороде такие бусы встречаются в слоях XII в. [Колчин 1958, с.104].

39. Фиолетовые лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/24). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154].

40. Фиолетовые бусы в виде трубочки (цв. вкл. 3/25). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154]. Бусы в виде тонких длинных трубочек известны в золотоордынских городах Поволжья [Бусятская 1976, с.40]. Единичные находки таких трубочек есть в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.72].

ЧЕРНЫЕ

41. Черные лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/26). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154].

42. Черная лимоновидная многочастная буса (цв. вкл. 3/27). Аналогичные бусы представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154].

43. Черный бисер в виде обрезков трубочек (цв. вкл. 3/28). Данный тип представлен в погребальных памятниках северных удмуртов XI-XIII вв. [Иванова 1992, с.47], в Золотоордынских памятниках Поволжья [Бусятская 1976, с.62; Бусятская 1973, с.222].

КОРИЧНЕВЫЕ

45. Коричневая лимоновидная одночастная буса (цв. вкл. 3/29).

ГОЛУБЫЕ

46. Голубые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/30). По мнению исследователей Р.Д. Голдиной и О.П. Королевой, в Верхнем Прикамье данные бусы существовали в период с конца VII по XI в. [Голдина, Королева 1983]. Аналогичные бусы обнаружены в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.222].

47. Голубые лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/31).

48. Голубая лимоновидная многочастная буса (цв. вкл. 3/32).

49. Голубой бисер со сглаженными краями (рис. 1/33). Аналогичные бусы обнаружены в слоях IX-XI вв. Старой Ладоги [Львова 1968, с.86], в слоях X и частично XI в. в Новгороде [Колчин 1958, с.104], в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.222].

50. Голубая ребристо-зонная одночастная буса (цв. вкл. 3/34).

БЕЛЫЕ

54. Белые лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/35). Молочно-белые бусы такой формы встречаются в слоях X в. в Старой Ладоге [Львова 1968, с.88].

55. Белые лимоновидные многочастные бусы (цв. вкл. 3/36). Двучастные бусы встречаются в слоях X в. в Старой Ладоге [Львова 1968, с.88].

57. Белый бисер (рис. 1/37). Белый бисер в небольшом количестве представлен в слоях IX-XI вв. средневековой Ладоги [Рябинин 1982, с.167], в комплексах конца IV-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.6], Золотоордынских памятниках Поволжья [Бусятская 1976, с.62].

БЕСЦВЕТНЫЕ

59. Бесцветные полупрозрачные лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/38). Аналогии представлены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.154].

61. Бесцветная прозрачная ребристо-зонная буса (рис. 1/39). Подобные бусы известны в слоях X в. Старой Ладоги [Львова 1968, с.88].

62. Бесцветные прозрачные лимоновидно-ребристые бусы (цв. вкл. 3/40).

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы из тянутой трубочки

Подразряд: Из двухслойной трубочки

ОТДЕЛ: Монохромные

66. Зеленые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/41).

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы из тянутой трубочки

ОТДЕЛ: Полихромные

Вид орнамента: Полосатые

72. Продольно-полосатые округло-зонные одночастные бусы (равноширокие полоски, равномерно расположенные по всему телу бусины) (цв. вкл. 3/42). Наиболее частый вариант расцветки – коричневые полоски на желтом фоне, кроме того, встречается орнаментация в виде черных и коричневых полосок на белом фоне. Аналогичные бусы представлены на памятниках Юго-Восточной Европы IV-IX вв. [Деопик 1961, рис.5]. Черно–белые и желто-черные подобные бусы обнаружены в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.3].

73. Продольно-полосатые многочастные зонные бусы (цв. вкл. 3/43).

74. Лимоновидные одночастные продольно-полосатые бусы (коричневые или зеленые полоски на белом или желтом фоне) (цв. вкл. 3/44). Аналогичные бусы встречены в Болгаре [Полубояринова 1988, с.157], в Старой Ладоге в слоях X-XI вв. [Львова 1968, с.85], в Новгороде в слоях X – первой половины XI вв. [Колчин 1958, с.104] и Белоозере в X – первой половине XI вв. [Голубева 1973, табл.32], а также в деревенских курганах северо-восточной и северо-западной Руси X-XI вв. [Фехнер 1959, с.167, рис.5]. Аналогичные бусы были обнаружены в материалах I Семеновского селища [Валиулина 2000, с.54], в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5].

75. Продольно-полосатые лимоновидные многочастные бусы (цв. вкл. 3/45). Представлены те же варианты расцветок, что и в типе 74; кроме того, обнаружен экземпляр с голубыми полосками на белом фоне. Территория распространения аналогична территории, представленной в предыдущем типе.

76. Биконическая продольно-полосатая буса (черные полоски на белом фоне) (цв. вкл. 3/46).

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы из трубочки, изготовленной способом навивки стеклянной массы на стержень

ОТДЕЛ: Монохромные

КРАСНЫЕ

83. Красные зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/47).

ЖЕЛТЫЕ

85. Желтые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/48). Аналогичные бусы обнаружены в материалах I Семеновского селища [Валиулина 2000, с.56], Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.157].

86. Желтые зонные многочастные бусы (цв. вкл. 3/49). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище [Полубояринова 1988, с.166].

87. Желтые короткие цилиндрические бусы (цв. вкл. 350).

88. Желтая эллипсоидная буса (цв. вкл. 3/51).

89. Желтые ребристо-зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/52). Аналогичные бусы известны в Болгаре, в Саркеле, начиная со слоев X в., в курганах северо-восточной и северо-западной Руси X — начала XIII вв. [Полубояринова 1988, с.169].

ЗЕЛЕНЫЕ

90. Зеленые зонные одночастные бусы (рис. 1/53). Аналогичные бусы обнаружены в материалах I Семеновского селища [Валиулина 2000, с.56], в материалах Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.165].

91. Зеленые зонные многочастные бусы (цв. вкл. 3/54). Аналогичные

бусы известны на Болгарском городище [Полубояринова 1988, с.166].

92. Зеленая бочонкообразная буса (цв. вкл. 3/55). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище [Полубояринова 1988, с.165].

95. Зеленые ребристо-зонные одночастные (цв. вкл. 3/56). Аналогии встречаются в могильниках юго-восточной Европы VIII-IX вв. [Деопик 1961, с.218].

308. Зеленые ягодовидные бусы (цв. вкл. 3/57).

СИНИЕ

97. Синие зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/58). Аналогичные бусы встречаются в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.73], в материалах Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.165]. Синие прозрачные бусы такого типа встречаются на Руси (например, в слоях X-XI вв. в Ярополче, в XII-XIII вв. в Новгороде), в Средней Азии, подобные бусы есть в аланских могильниках [Полубояринова 1988, с.165], в комплексах конца VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.9].

98. Синие зонные многочастные бусы (цв. вкл. 3/59). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище, причем на данном памятнике присутствует много бракованных экземпляров [Полубояринова 1988, с.165].

100. Синие бочонкообразные бусы (цв. вкл. 3/60). Аналогичные бусы известны в материалах Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.165].

102. Синие ребристо-зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/61). Аналогичные бусы известны в Болгаре, в Саркеле, начиная со слоев X в., в курганах северо-восточной и северо-западной Руси X — начала XIII вв. [Полубояринова 1988, с.169].

103. Синие ребристо-зонные многочастные бусы (цв. вкл. 3/62). Все бусы данного типа имеют очень тонкие стенки и большой диаметр отверстия.

104. Синие ребристо-лимоновидные одночастные бусы (цв. вкл. 3/63) .

106. Синие ягодовидные бусы (цв. вкл. 3/64).

ЧЕРНЫЕ

109. Черные зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/65). Аналогичные бусы обнаружены в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.218], в позднекочевнических курганах [Федоров–Давыдов 1966, с.73], в материалах Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.165]. Бусы, аналогичные крупным бусам данного типа, встречаются в комплексах конца VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.2].

110. Черная зонная многочастная буса (цв. вкл. 3/66). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище, в Саркеле, Серенске [Полубояринова 1988, с.166].

111. Черная цилиндрическая длинная буса (цв. вкл. 3/67).

112. Черные цилиндрические с усеченно-коническими фасками бусы (рис. 1/68).

113. Черная эллипсоидная буса неправильной формы (цв. вкл. 3/69). Аналогии обнаружены в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.218].

ГОЛУБЫЕ

114. Голубые зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/70). Аналогии обнаружены в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.219].

115. Голубые зонные двухчастные бусы (цв. вкл. 3/71).

118. Голубой бисер с обкатанными краями (цв. вкл. 3/72).

120. Голубые ребристо-зонные бусы (цв. вкл. 3/73). Аналогии встречаются в могильниках юго-восточной Европы VIII-IX вв. [Деопик 1961, с.218].

БИРЮЗОВЫЕ

121. Бирюзовая зонная двухчастная буса (цв. вкл. 3/74) .

БЕЛЫЕ

122. Белые непрозрачные зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/75). Аналогии известны на Болгарском городище [Полубояринова 1988, с.165].

123. Белые цилиндрические бусы (цв. вкл. 3/76).

126. Бесцветная ребристо-зонная буса (цв. вкл. 3/77).

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы из трубочки, изготовленной способом навивки стеклянной массы на стержень

ОТДЕЛ: Полихромные

Орнамент: Полосатые

127. Черная зонная буса с одной поперечной полосой в центральной части бусы (цв. вкл. 3/78).

129. Цилиндрические бусы с неравномерными волнистыми полосками, покрывающими все тело бусы (цв. вкл. 3/79).

Орнамент: Глазчатые

133. Зонные одночастные бусы с одноцветными глазками (цв. вкл. 3/80). Аналогичные бусы обнаружены в Золотоордынских памятниках [Бусятская 1976, с.62]. Глазчатые бусы такого типа с синей или зеленой основой с голубыми, синими, желтыми, зелеными глазками достаточно широко распространены в Старой Ладоге [Рябинин 1982, с.169]. Глазчатые бусы с синей и желтой основами с желтыми и оранжевыми глазками представлены в материалах могильников юго-восточной Европы VIII-IX вв., в Салтовском могильнике [Деопик 1961, рис.5]. Аналогичные бусы с коричневой и черной цветами основы встречаются среди бус X века в Средней Азии на территории Ферганской области [Архаров, Усманова 1963, с.88].

135. Шарообразные бусы с глазками в виде концентрических кругов (цв. вкл. 3/81). Наиболее распространены черный и зеленый цвет основы.

136. Зонные одночастные бусы с глазками в виде концентрических кругов (цв. вкл. 3/82). Следы производства аналогичных бус были обнаружены в Средней Азии на городище Афрасиаб [Боброва 1949, с.121-123]. Аналогичные бусы встречены в могильниках Северного Кавказа, где они бытовали с VII по IX вв. [Деопик 1959, с.57], в материалах могильников юго-восточной Европы VI-IX вв. [Деопик 1961, рис.5]. Подобные бусы с белой, синей и черной основами обнаружены в комплексах VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.3], в домонгольском слое Древней Казани [Кальмер 2000, с.55].

139. Зонные одночастные бусы с мозаичными глазками (цв. вкл. 3/83). Аналогичные бусы были обнаружены на Измерском селище [Валиулина 2000, с.57], в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.221], в могильниках Северного Кавказа, где они бытовали с VI по IX вв. [Деопик 1959, с.57], в могильниках юго-восточной Европы [Деопик 1961, рис.5]. В позднекочевнических курганах встречаются желтые, черные и синие бусы с белыми, красными и коричневыми глазками в обрамлении "ресничек" [Федоров-Давыдов 1966, с.73].

140. Цилиндрические бусы с мозаичными глазками (цв. вкл. 3/84).

141. Зонно-бугристые бусы с выпуклыми мозаичными глазками (цв. вкл. 3/85). Аналогии представлены в материалах Болгарского городища X-XI вв. [Полубояринова 988, с.159]. Желтые и черные бусы такого типа встречаются в Белоозере в слоях X – начала XI в. [Голубева 1973 с.182]. Желтые и бирюзовые непрозрачные глазчатые бусы такого типа присутствуют на северном Кавказе в погребениях VIII-IX вв. [Полубояринова 1988, с.159]. Красные бусы обнаружены в комплексах конца VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.2].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы из выдутой трубочки

ОТДЕЛ: Монохромные

ЗЕЛЕНЫЕ

144. Зеленая эллипсоидная буса (цв. вкл. 3/86).

145. Зеленые бочонкообразные бусы с валиками (цв. вкл. 3/87).

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы из однослойной тянутой палочки

ОТДЕЛ: Полихромные

Орнамент: Пятнистые

153. Кубообразная голубая буса с белым бесформенным пятном (цв. вкл. 3/88).

155. Синие параллелепипедные бусы с белыми пятнами ромбической формы (цв. вкл. 3/89). По свидетельствам М.В. Фехнер, такие бусы были равномерно распределены по всей территории северо-западной и северо-восточной Руси в X-XI вв. [Фехнер 1959, с.170].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы, изготовленные путем сварки многослойных тянутых палочек

ОТДЕЛ: Полихромные

Орнамент: Мозаичные

159. Мозаичные зонные бусы (цв. вкл. 3/90). Аналогичные бусы встречены в могильниках Северного Кавказа, где, как уже отмечалось выше, желто-красно-зеленая окраска считается характерным датирующим признаком VIII-IX вв. [Деопик 1959, с. 57], в памятниках ранних болгар на Самарской Луке [Матвеева 1997, с.75], в могильниках юго-восточной Европы [Деопик 1961, рис.5], в комплексах различного времени неволинской культуры [Голдина 2002, рис.3, 8, 9]. Аналогичные бусы из одного мозаичного стерженька встречаются в Старой Ладоге в слоях второй половины VIII – первой половины IX вв., в Скандинавии (погребения IX в. в Бирке) [Львова 1968, с.67-68].

162. Мозаичная цилиндрическая буса (цв. вкл. 3/91). Подобные бусы встречены в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.9]. Похожие бусы обнаружены в слое X в. Старой Ладоги, в могильниках VIII-IX вв. Северного Кавказа, Крыма и Подонья [Львова 1968, с.70].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы, изготовленные путем сгибания полосы

ОТДЕЛ: Монохромные

ЖЕЛТЫЕ

164. Желтые зонные бусы (цв. вкл. 3/92). Аналогичные бусы встреча-

ются в комплексах конца VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.3].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы, изготовленные способом навивки стеклянной массы на стержень

ОТДЕЛ: Монохромные

ЖЕЛТЫЕ

173. Желтые биусеченноконические бусы (цв. вкл. 3/93). Аналогичные бусы встречаются в материалах позднекочевнических курганов [Федоров-Давыдов 1966, с.73], Болгарского городища, в Золотой Орде XIII-XIV вв. [Полубояринова 1988, с.167].

175. Желтая грушевидная буса (цв. вкл. 3/94).

ЗЕЛЕНЫЕ

180. Зеленые биусеченноконические бусы (цв. вкл. 3/95). Аналогичные бусы были распространены в слоях X-XI вв. в Новгороде [Колчин 1958, с.104].

СИНИЕ

182. Синие шарообразные бусы (цв. вкл. 3/96).

185. Синие биконические бусы (цв. вкл. 3/97).

186. Синие биусеченно-конические бусы (цв. вкл. 3/98). Аналогичные бусы известны в слоях X-XI вв. в Новгороде [Колчин 1958, с.104], в материалах XIII-XIV вв. Болгарского городища, в Золотой Орде [Полубояринова 1988, с.167].

188. Синие кольцевидные бусы (цв. вкл. 3/99). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище. Ю.Л. Щапова склонна считать их бусами византийского происхождения XI в. [Полубояринова 1988, с.166].

189. Синяя кольцевидная буса со слабо выраженной поперечной гранью (цв. вкл. 3/100).

ФИОЛЕТОВЫЕ

193. Фиолетовая биусеченноконическая буса (цв. вкл. 3/101).

ЧЕРНЫЕ

195. Черные биусеченноконические бусы (цв. вкл. 3/102). Аналогичные бусы известны в золотоордынских материалах XIII-XIV вв., в слоях Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.167].

196. Черные кольцевидные бусы (цв. вкл. 3/103).

ГОЛУБЫЕ

198. Голубые шарообразные бусы (цв. вкл. 3/104).

200. Голубые биусеченноконические бусы (цв. вкл. 3/105). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище [Полубояринова 1988, с.167].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: стеклянные бусы, изготовленные способом навивки

ОТДЕЛ: Полихромные

Орнамент: Полосатые

203. Шарообразные бусы с орнаментом в виде тройной поперечной полосы в центре ядра (цв. вкл. 3/106). Аналогичные бусы обнаружены в Золотоордынских памятниках [Бусятская 1976, с.62], в позднекочевнических курганах встречаются зеленые и коричневые бусы с белыми или желтыми нитями [Федоров-Давыдов 1966, с.74], в материалах памятников Северного Кавказа [Федоров-Давыдов 1966, с.74].

207. Зонные бусы со спиралевидным орнаментом (рис. 1/107).

208. Цилиндрические коричневая и черная бусы с белыми спиральными полосками (рис. 1/108).

Орнамент: Глазчатые

214. Зонно-бугристые одночастные бусы с двумя симметричными выступающими одноцветными глазками (цв. вкл. 3/109).

215. Черные зонно-бугристые одночастные бусы с тремя выступающими глазками в виде концентрических кругов (так называемые "подтреугольные") (цв. вкл. 3/110).

219. Желтая цилиндрически-бугристая буса с выступающими одноцветными глазками зеленого цвета (цв. вкл. 3/111).

Сложный орнамент

223. Зонно-бугристые бусы с глазчато-восьмерковидно-линейным орнаментом (цв. вкл. 3/112). Аналогичные бусы были обнаружены в материалах Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников, I Семеновского селища [Валиулина 2000, с.53, рис.1, с.54], Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.157-158], в курганах древней Руси X-XI вв. [Фехнер 1959, рис.5].

224. Бочонкообразная с валиками буса с растительным выступающим орнаментом в виде колосьев (цв. вкл. 3/113). Похожие бусы публикует М.В. Фехнер в материалах северо-восточной и северо-западной Руси, относящихся к XI — началу XIII вв. [Фехнер 1959, с.169, рис.6].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы, изготовленные вырезанием

ОТДЕЛ: Монохромные

СИНИЕ

229. Синие бусы в виде куба или параллелепипеда со срезанными углами (цв. вкл. 3/114). Аналогичные бусы встречены в памятниках ранних болгар на Самарской Луке [Матвеева 1997, с.75], в могильниках юго-восточной Европы [Деопик 1961, с.218], в материалах Болгарского городища [Полубояринова 1988, с.180], в Старой Ладоге в слое X [Львова 1968, с.82], в Поломском могильнике [Львова 1976, с.54], в комплексах VI-VII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.6].

230. Синие бипирамидальные бусы с четырехугольным основанием (цв. вкл. 3/115). Аналогии обнаружены в материалах Селитренного городища [Бусятская 1973, с.218].

ГОЛУБЫЕ

231. Голубые бусы в виде куба со срезанными углами (цв. вкл. 3/116). Аналогичные бусы обнаружены в комплексах VI–VII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.6], в слоях IX–X вв. в Старой Ладоге [Львова 1968, с.90].

Группа: СТЕКЛО

Разряд: Стеклянные бусы, изготовленные вырезанием

ОТДЕЛ: Полихромные

Орнамент: Глазчатые

235. Оранжевая в виде куба со срезанными углами буса с красно-бело-синими глазками в виде концентрических кругов (цв. вкл. 3/117).

236. Оранжевые в виде призмы с усеченно-пирамидальными фасками бусы с красно-бело-синими глазками в виде концентрических кругов (цв. вкл. 3/118). Граненые глазчатые бусы появляются в юго-восточной Европе

в V-VII вв. [Деопик 1961, с.223]. Подобные бусы известны в Среднем Приобье (могильник Рёлка VI–VIII вв.) [Чиндина 1977, с.194].

Группа: СТЕКЛО И МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ФОЛЬГА

Разряд: Бусы, изготовленные техникой членения тянутой трубочки

ОТДЕЛ: Монохромные

252. Лимоновидные многочастные с синим внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/119). Аналогичные бусы встречаются в комплексах VII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.8].

253. Зонные одночастные с коричневым внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/120).

254. Зонные многочастные с коричневым внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/121). Двучастные аналогичные бусы встречаются в комплексах конца VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5], в слоях VIII-X вв. Старой Ладоги, где наибольшая их концентрация приходится на слои IX в. [Львова 1968, с.80–82].

255. Лимоновидные одночастные с коричневым внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/122).

258. Зонные одночастные с бесцветным внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/123). Подобные бусы встречаются на юге Западной Сибири (Причулымье) [Беликова 1996, с.265], в комплексах конца VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5]. Изредка они встречаются в курганах северо-западной и северо-восточной Руси X-XI вв. [Фехнер 1959, с.158-159, рис.3] и в Старой Ладоге [Львова 1968, с.80-82].

259. Зонные многочастные с бесцветным внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/124). Аналогичные бусы встречены в могильниках юго-восточной Европы VI-IX вв. [Деопик 1961, с.221, рис.4], на юге Западной Сибири (Причулымье) [Беликова 1996, с.265], в курганах Древней Руси X-XII вв. [Фехнер 1959, с.163], в домонгольском слое Древней Казани, в салтово-маяцкой культуре северо-восточного украинского варианта [Кальмер 2000, с.55]. Аналогичные трехчастные крупные бусы встречаются в комплексах VI-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.7], трехчастные мелкие — в комплексах VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.9]. Они широко встречаются в слоях VIII-X вв. Старой Ладоги, но наибольшая их концентрация приходится на слои IX в. [Львова 1968, с.80–82]. В целом бусы этого типа в большом количестве были распространены в конце VIII – начале IX веков в северо–западной и северной Европе, а также восточной Европе [Кальмер 2000, с.55].

260. Лимоновидные одночастные бусы с бесцветным внешним слоем (цв. вкл. 3/125).

261. Лимоновидные многочастные с бесцветным внешним слоем бусы (цв. вкл. 3/126). Аналогичные бусы встречены в могильниках юго-восточной Европы VI-IX вв. [Деопик 1961, с.221, рис.4]. Массовой находкой они являются для слоев VIII-X вв. Старой Ладоги, но наибольшая их концентрация приходится на слои IX в. [Львова 1968, с. 80-82].

Группа: КАМЕНЬ

Подгруппа: Сердолик

ОТДЕЛ: Монохромные

267. Шарообразные бусы (цв. вкл. 3/127). Шарообразные сердоликовые бусы имеют очень широкий ареал распространения. Они обнаружены

в материалах Болгарского городища, Селитренного городища [Полубояринова 1991, с.22], в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.74], в курганах северо-восточной и северо-западной Руси в X-XI вв. [Фехнер 1959, с.152, 172], в слоях VIII-X вв. Старой Ладоги [Давидан 1988, с.114], в комплексах VI-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.8], в шведском могильнике Бирка IX-X вв. [Давидан 1988, с.114]. Мелкие шарообразные бусы в большом количестве встречены в могильнике Белой Вежи (посл. треть X-XI вв.) [Артамонова 1963, с.62]. В небольшом количестве мелкие бусы присутствуют в домонгольском слое Древней Казани, с точки зрения Й. Кальмера, небольшой диаметр и слегка неправильная форма шара являются свидетельствами в пользу их датировки VIII в. [Кальмер 2000, с.55]. На Северном Кавказе эта форма преобладает в погребениях VI-VII вв. [Деопик 1961, с.231]. Очень многочисленны эти бусы в Салтовском могильнике и в Баклинском могильнике (Крым) [Полубояринова 1991, с.22]. Аналогичные бусы встречены в различных районах Средней Азии [Полубояринова 1991, с.34].

268. Зонные одночастные бусы (цв. вкл. 3/128). Следует отметить, что нередко в публикациях зонные сердоликовые бусы не отделяют от шарообразных бус. В связи с этим упоминания о них достаточно редки. По свидетельству М.Д. Полубояриновой, уверенно говорить о наличии таких бус можно в Болгаре (золотоордынский слой) и позднеантичном Хорезме (Топрак-Кала) [Полубояринова 1991, с.34]. Аналогичные бусы упоминаются и в погребальных памятниках северных удмуртов XI-XIII вв. [Иванова 1992, с.46], в комплексах VI-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.8].

269. Цилиндрическая буса (цв. вкл. 3/129). Аналогичные бусы обнаружены в курганах северо-западной и северо-восточной Руси в X-XI вв. [Фехнер 1959, с.174]. Цилиндрические бусы встречаются на ряде памятников Средней Азии, в Болгаре, в могильниках Северного Кавказа VIII-IX вв. [Полубояринова 1991, с.24], в погребальных памятниках северных удмуртов XI-XIII вв. [Иванова 1992, с.46], в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.74].

275. Бусы в виде параллелепипеда со срезанными углами (цв. вкл. 3/130). Подобные бусы обнаружены в комплексах конца VII-VIII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.4]. Аналогичные бусы также широко были распространены в Старой Ладоге в слоях X века, в могильнике Бирка [Давидан 1988, с.113-114]. Аналогичные бусы обнаружены на Селитренном городище, Болгарском городище [Полубояринова 1991, с.29], в могильниках юго-восточной Европы [Деопик 1961, с.210], в Танкеевском могильнике [Казаков 1991, табл.XXII], в Поломском могильнике [Львова 1973, с.83]. По материалам курганов северо-восточной Руси они датируются IX – началом XII вв. [Фехнер 1959, с.176]. По мнению М.Д. Полубояриновой, наиболее поздний случай даты для такого типа бус относится к находкам из Хорезма на поселении Дарьяк-Куль (XII-XIII вв.) [Полубояринова 1991, с.29].

276. Биусеченно-пирамидальные бусы (цв. вкл. 3/131). Аналогичные бусы встречены в памятниках Волжской Болгарии и Золотой Орды [Полубояринова 1991, с.28]. М.В. Фехнер включает такие бусы в число многогранных, имевших общую дату X-XIII вв. [Фехнер 1959, с.176].

277. Бипирамидальные бусы (цв. вкл. 3/132). Бипирамидальные бусы очень часто встречаются в древнерусских древностях, по данным А.В. Ар-

циховского, у всех славянских племен, кроме новгородских словен, они составляли от 50 до 63,7 % всех каменных бус [Арциховский 1926, с.52]. В курганах северо-восточной Руси они встречаются в XI-XII вв. [Фехнер 1959, с.152, 154]. Данные бусы обнаружены в Новгороде в слоях XII-XIII вв. [Колчин 1958, с.170]. Аналогичные бусы обнаружены на территории Волжской Болгарии – на городище Болгар (включая золотоордынские слои), в болгарском слое Золотаревского поселения в Поволжье [Белорыбкин 1991, с.39], в Суваре [Полубояринова 1991, с.27], в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.75], в комплексах конца VIII-IX вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.5]. Встречены такие бусы в курганах Южного Урала XI-XII вв. [Мажитов 1981, с.162], в могильнике Белой Вежи [Артамонова 1963, с.62], в погребальных памятниках северных удмуртов XI-XIII вв. [Иванова 1992, с.46], на Северном Кавказе в могильниках VIII-IX вв. [Деопик 1961, с.210]. В более позднее время (вплоть до XIV века) аналогичные бусы встречаются в материалах памятников Средней Азии [Полубояринова 1991, с.27].

278. Биусеченно-пирамидальные бусы с граненым пояском (цв. вкл. 3/133). По свидетельству М.Д. Полубояриновой, сердоликовые бусы такой формы достаточно редки, в единичных случаях встречаются на Болгарском городище [Полубояринова 1991, с.29]. Аналогичные бусы встречены в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.75].

279. Бусы в виде восьмиугольной призмы (цв. вкл. 3/134). Аналогичные бусы известны достаточно широко. Они встречаются в вятических курганах и в ряде других славянских захоронений X-XI вв. [Арциховский 1938, с.37, 145]. В слоях X века они встречены в Старой Ладоге [Львова 1968]. В курганах Южного Урала они относятся к VIII-XII вв. [Мажитов 1981, с.281]. Обнаружены подобные бусы также в домонгольском слое Древней Казани [Кальмер 2000, с.56], в Болгаре и золотоордынских городах [Полубояринова 1991, с.25-26], в болгарском слое Золотаревского поселения в Поволжье [Белорыбкин 1991, с.39], в материалах IX-X вв. Танкеевского могильника [Казаков 1978, табл.XXII], в погребальных памятниках северных удмуртов XI-XIII вв. [Иванова 1992, с.46]. Достаточно часто встречаются они в Средней Азии [Брыкина 1974, с.93-95]. По мнению М.Д. Полубояриновой, существование таких бус в Восточной Европе ограничено IX-XI вв. [Полубояринова 1991, с.25-26]. Следует отметить, что сердоликовые бусы, находимые в Прикамье, отличаются от европейских украшений крупными размерами и, скорее всего, ближе к бусам из Средней Азии, где они бытовали в течение всего домонгольского периода [Полубояринова М1991, с.25-26].

Группа: КАМЕНЬ

Подгруппа: сердолик

ОТДЕЛ: полихромные

280. Шарообразные бусы с белым орнаментом в виде смыкающихся полукругов, объединенных поперечной линией, в центре каждого полукруга располагается по четырёхлепестковой розетке (2 экз.) (цв. вкл. 3/135);

Сердоликовые бусы с белым орнаментом известны на Востоке еще с эпохи энеолита. Их изготавливали в Индии вплоть до середины XIX века. В разное время ремесленниками создавались разные типы орнамента, различия имеют и локальный характер – разные провинции Индии поставляли по-разному орнаментированные бусы [Полубояринова 1991, с.32]. Сердоликовые бусы с белым орнаментом были распространены на территории

Восточной Европы с рубежа нашей эры. Однако аналогий представленным у нас типам орнамента мы обнаружить не смогли.

284. Сердоликовая каплевидная плосковыпуклая подвеска (цв. вкл. 3/136).

Группа: КАМЕНЬ

Подгруппа: Хрусталь

285. Шарообразные бусы (цв. вкл. 3/137). Аналогичные бусы представлены в материалах Болгара и Золотой Орды [Полубояринова 1991, с.33], в позднекочевнических курганах [Федоров-Давыдов 1966, с.75], в курганах вятичей [Арциховский 1938, с.39]. Крупные хрустальные бусы такой формы широко распространены в курганах северной Руси X-XII вв. [Фехнер 1959, с.185]. В Новгороде эти бусы встречены в слоях X-XI вв. [Колчин 1958, с.105]. Обнаружены подобные бусы и в аланских памятниках [Деопик 1963, с.142-143]. Аналогичные бусы встречены также в могильнике Белой Вежи (X-XI вв.), в Танкеевском могильнике [Казаков 1971, с.123], в комплексах конца VI в. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.2]. Присутствуют аналогии и с бусами, обнаруженными на юге Западной Сибири [Беликова 1996, с.265, рис.100].

286. Зонные бусы (цв. вкл. 3/138). Аналогичные бусы найдены в материалах Селитренного городища, в Хорезме в памятнике XII-XIII вв., на городищах старого Мерва в комплексе XI-XIII вв. [Полубояринова 1991, с.34], в комплексах конца VI-VII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.2].

287. Бочонкообразная буса (рис. 1/139).

289. Цилиндрические с усеченно-коническими фасками бусы (цв. вкл. 3/140).

290. Бусы в виде плит со срезанными углами (цв. вкл. 3/141). Такой тип бус М.В. Фехнер считает наиболее распространенным среди хрустальных бус на Руси в IX-XII вв. [Фехнер 1969, с.156, 183]. Присутствуют такие бусы в материалах Танкеевского могильника [Казаков 1978, табл.XXII], в материалах Селитренного городища [Полубояринова 1991, с.36], в комплексах VI-VII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.6], в Средней Азии [Полубояринова 1991, с.34].

291. Хрустальные бипирамидальные бусы, слегка усеченные (цв. вкл. 3/142). Подобные бусы в небольшом количестве встречены в курганах вятичей [Арциховский 1938, с.40], в курганах северо-восточной и северо-западной Руси они встречаются в материалах X-XII вв. [Фехнер 1969, с.182], в материалах аланских памятников X-XIII вв. [Деопик 1963, с.144], на Болгарском городище [Полубояринова 1991, с.36], в комплексах конца VI-VII вв. неволинской культуры [Голдина 2002, рис.2].

292. Призматические (восьмиугольные) с усеченно-пирамидальными фасками бусы (рис. 1/143).

294. Бочонкообразные фасетированные бусы (цв. вкл. 3/144). Аналогичные бусы обнаружены в Болгаре [Полубояринова 1991, с.36–37], в могильнике Белой Вежи, в Танкеевском могильнике [Полубояринова 1991, с.37].

298. Призматическая с усеченно-пирамидальными фасками буса (цв. вкл. 3/145).

299. Буса сложной формы на основе шара с поперечным желобом и биусеченноконическими фасками (цв. вкл. 3/146).

300. Буса сложной формы на основе двух пирамид разной величины,

одна из которых (большая) является усеченной, другая (меньшая) примыкает к ней (цв. вкл. 3/147).

Группа: КАМЕНЬ

Подгруппа: янтарь

301. Зонные янтарные бусы (цв. вкл. 3/148). Зонные янтарные бусы присутствуют в могильнике Белой Вежи [Артамонова 1963, рис.49/5], в Новгороде в слоях XI-XV вв. [Колчин 1958, с.106], в Старой Ладоге, Пскове, Старой Руссе, начиная с X века, один экземпляр найден в Болгаре [Полубояринова 1991, с.42].

302. Шарообразная буса (цв. вкл. 3/149). Янтарные бусы шарообразной формы встречаются на территории северо-восточной Руси, в Биляре, на территории Болгарского городища, в могильниках Крыма и Черноморского побережья Кавказа VIII-IX вв., в могильнике Белой Вежи [Полубояринова 1991, с.42].

* * *

В составе бус, обнаруженных на комплексе, преобладают бусы, изготовленные из стекла, — они составляют 73,88% всего количества бус. Достаточно большую часть коллекции составляют бусы, изготовленные из стекла и металлической фольги, такие бусы составляют 16,03% всей коллекции. На долю каменных приходится 9,59% всех бус. Среди каменных бус преобладают сердоликовые (61,9% каменных бус), в заметном количестве присутствуют хрустальные (34,7%), в небольшом количестве — бусы из янтаря (3,4%).

Большая часть стеклянных бус произведена техникой членения тянутой стеклянной основы-трубочки с применением дополнительных операций, прежде всего, сжимание щипцами, реже деление пером тела бусы на округлые равные доли. Бусы из тянутой основы в данной коллекции составляют около 77% стеклянных бус. Около 21% бус изготовлены на индивидуальной основе с помощью навивки стеклянной массы на стержень. Из них 2,5% — это бусы, окончательная форма которым была придана вырезанием. Также небольшая часть бус (около 2%) изготовлена смешанным образом: основа — тянутая трубочка, которой окончательная форма придана индивидуально — вырезанием. Также в эту группу входит небольшая часть глазчатых бус, изготовленных на массовой основе, но орнаментированных индивидуально.

Среди стеклянных бус абсолютно преобладают монохромные бусы (91,5% бус). Если говорить об одноцветных бусах, то можно отметить, что некоторые цвета явно преобладают в данной коллекции, а именно: желтый (39,69% одноцветных бус), зеленый (25,88%), синий (11,63 %). Встречены также бусы белого (7,66%), черного (6,38%), голубого (3,54%), коричневого (3,7%), фиолетового (0,8%) и красного (0,72%) цветов.

Орнаментированные стеклянные бусы составляют 8,5% всех бус. При этом преобладают следующие виды орнаментов: продольно-полосатый (33,93% орнаментированных бус), который встречен в основном на лимоновидных бусах, и орнамент из глазков, выполненных в виде 2-3 концентрированных разноцветных кругов (20% орнаментированных бус), который, как правило, представлен в сглаженном виде на зонных бусах. В небольшом количестве встречены также бусы с мозаичным орнаментом и мозаично-глазчатые бусы.

Среди стеклянных бус с металлической фольгой представлены различные категории, выделенные по цвету внешнего слоя. В основном преобладают бусы с бесцветным внешним слоем (82,66% бус с фольгой). Представлен также коричневый цвет внешнего слоя (15,64%), синий (1,02%) и желтый (0,68%). Преобладающей формой у таких бус является лимоновидная (80,36% бус с фольгой).

При анализе форм бус, представленных в коллекции, становится ясно, что преобладающей является лимоновидная форма, представленная в одночастном и многочастном вариантах. Такие бусы составляют 29,79% стеклянных одноцветных бус, 32,18% стеклянных орнаментированных бус и 80,36% бус с металлической фольгой. Следующей по частоте встречаемости является зонная форма, она обнаружена в 15,79% одноцветных стеклянных бус, в 44,88% стеклянных орнаментированных бус и в 19,06% бус с металлической фольгой. Зонная форма представлена и в каменных бусах (70,78 % каменных бус).

Самым многочисленным видом бус на памятнике является зонный бисер, он составляет 14% бус. Однако встречен он только на могильнике и имеет там очень низкую частоту встречаемости (обнаружен всего в 3 погребениях), при этом большая его часть вообще сосредоточена в одном погребении.

Следующим по численности видом бус являются лимоновидные одночастные бусы с металлической фольгой и бесцветным внешним слоем (9,1% всех бус). На могильнике они при этом имеют и высокую частоту встречаемости (обнаружены в 22,8% погребений). В материалах присутствует также большое количество желтых лимоновидных одночастных бус (8,61% всех бус). Этот вид также имеет большую частоту встречаемости (36,84%). Следующим по численности видом является желтый бисер (6,7% всех бус). Однако этот вид, также как и зеленый бисер, имеет низкую частоту встречаемости, он обнаружен в 3 погребениях (два из них — те же, в которых обнаружен зеленый бисер). Также весьма заметным видом бус являются желтые лимоновидные многочастные бусы (6,1% всех бус). Этот вид имеет и высокую частоту встречаемости на могильнике (33,33%).

Заканчивая описание ведущих видов бус данного комплекса, хотелось бы отметить те виды бус, процентное содержание которых хотя и невелико, но зато высока частота их встречаемости на могильнике. Среди них следующие виды: желтые зонные одночастные бусы, зеленые зонные одночастные бусы, синие лимоновидные многочастные бусы, черные зонные одночастные бусы, зонные многочастные бусы с металлической фольгой и бесцветным внешним слоем, сердоликовые шарообразные.

Таким образом, для данного памятника наиболее характерными можно считать следующие виды бус: лимоновидные одночастные бусы с металлической фольгой и бесцветным внешним слоем, стеклянные желтые лимоновидные одночастные и многочастные бусы.

Хотелось бы также отметить некоторое различие коллекций, собранных на могильнике и городище. Приводим эти отличия (выше давались сведения в целом по комплексу, однако в связи с тем, что подавляющее большинство бус коллекции собрано на могильнике, получается, что вышеприведенные данные отражают, в основном, ситуацию на могильнике).

Во-первых, в материалах городища значительно выше процент содержания каменных бус (25% против 9,6% на могильнике). При этом значи-

тельно больше янтарных бус (33,3% от количества каменных бус против 3,4% на могильнике).

Если сравнивать технологии производства стеклянных бус, преобладающие на памятниках, то можно сделать вывод о том, что в коллекциях бус городища преобладают бусы, изготовленные индивидуально, техникой навивки стеклянной массы на стрежень, они составляют 87,2% стеклянных бус. В материалах могильника преобладают бусы, изготовленные массово.

Значительно больший процент составляют в материалах коллекций с городища и орнаментированные бусы (35,9% против 8,5%). Следует отметить, что самые распространенные типы бус могильника здесь практически незаметны. Бусы с металлической фольгой (16,03% на могильнике) здесь вообще не встречены. Лимоновидная форма бус (22,5% бус могильника) здесь представлена в 1,6% бус.

Описание ожерелий

В материалах могильника обнаружены скопления бус, которые можно интерпретировать как ожерелья, в связи с тем, что они располагались рядами, в порядке их ношения. Особое внимание привлекает погр.№ 58, в котором обнаружены ожерелье и деталь накосника из двух низок бус.

Ожерелье из погр.№ 58 (рис. 63) состоит из 8 сердоликовых призматических бус достаточно больших размеров, мозаичной цилиндрической бусы, продольно-полосатой бипирамидальной бусы, двух зеленых и синей бусы зонной формы. Перечисленные бусы лежали в порядке их ношения в составе ожерелья. Кроме того, к ожерелью относятся 11 одночастных и 6 многочастных желтых бус формы, которая близка к зонной. Таким образом, ожерелье состоит из 24 стеклянных и 8 каменных бусин.

По всей видимости, данное ожерелье является весьма дорогим, так как, помимо массовых типов (желтых зонных), оно содержит и редкие экземпляры. Призматические бусы изготовлены из индийского полосчатого сердолика, который был достаточно редким и дорогим материалом в Верхнем Прикамье в средние века. Цилиндрическая мозаичная бусина, состоящая из множества многоцветных стерженьков, встречена в материалах комплекса в единственной экземпляре. При этом, в материалах Верхнего Прикамья данного времени близких аналогий не обнаружено. То же самое можно сказать и о бипирамидальной полосатой бусине достаточно большого размера.

В составе ожерелья, безусловно, первое место занимают сердоликовые бусы. Они идут подряд, отделяемые друг от друга одной стеклянной бусиной. По объему они составляют около половины ожерелья. Если рассматривать бусы не просто как украшение, а как часть обереговой системы, то эти бусы, несомненно, занимают здесь особое место.

Бусы, находящиеся в составе данного ожерелья, могли совместно существовать в конце X — начале XI веков.

Деталь накосника из погр. № 58 (рис.63). В этом же погребении обнаружены две низки бус, которые интерпретированы Н.Б. Крыласовой как часть накосника. Бусы также лежали в порядке их ношения, в каналах отверстий некоторых из них были обнаружены остатки волосяной нити. В состав этого украшения входит 112 экз. бус. Большую часть из них составляют лимоновидные бусы с металлической фольгой с бесцветным вне-

шним слоем (82 экз.) и коричневым внешним слоем (14 экз.). Кроме того, здесь обнаружены синие лимоновидные одночастные (5 экз.) и многочастная (1 экз.) бусы, двухчастная лимоновидная продольно-полосатая бусина, черные лимоновидные одночастные (8 экз.) и хрустальная зонная бусы. Кроме бус в состав накосника также входили бронзовые бусы, пронизки и серебряные колечки.

Бусы, входящие в данный накосник, совместно могли сосуществовать в конце X — начале XI веков. Как видно, эта дата совпадает с датировкой ожерелья.

Следует отметить, что помимо прочего материала в данном погребении обнаружено 3 серебряных дирхема, которые, по определению И.Г. Добровольского, датированы 908/909, 909/910, 919/920 годами [Крыласова, Бочаров, Бочарова 1997, с.124]. Соблюдая традиционную корректировку даты, погр. № 58 можно датировать последней четвертью X века. Очевидно, что и ожерелья могут быть датированы также. Следовательно, дата попадания ожерелий в погребение — конец X века.

Ожерелье из погр. № 94 состоит из 47 экз. бус. Большая часть бус - сердоликовые округло-зонные (20 экз.). Кроме того, в ожерелье входят желтые лимоновидные (7 экз.) и зонные (2 экз.) бусы, черные зонные (7 экз.), зеленые зонные одночастные (5 экз.), многочастные лимоновидные продольно-полосатой формы (2 экз.), цилиндрическая поперечно-полосатая и бусы с металлической фольгой (2 экз.). Кроме того, в ожерелье входили бронзовые шаровидные привески.

Данное ожерелье можно датировать X-XI веками.

Происхождение бус

Приступая к рассмотрению данного вопроса, необходимо отметить, что еще недавно все бусы, находимые в Прикамье, считались предметом импорта. Хотя З.А. Львовой высказывалось предположение, что в Верхнем Прикамье существовал собственный центр по производству стеклянных бус [Львова 1961], это мнение в научной среде не утвердилось. Раскопки Рождественского городища 1997 г. дали нам фрагмент стеклянной массы голубого цвета (цв. вкл. И/7), который можно воспринимать как сырье для изготовления бус. Таким образом, появилось первое косвенное свидетельство возможного производства бус на Рождественском городище. К сожалению, из-за прекращения дальнейших раскопок других данных не имеется.

При характеристике происхождения бус следует начать, очевидно, с наиболее массовых типов бус.

Одним из наиболее массовых видов бус являются бусы лимоновидной формы различных цветов (прежде всего желтого) одночастные и многочастные, изготовленные техникой членения тянутой трубочки. Бусы такого типа известны на протяжении всего I и в начале II тыс. на территории всей Восточной Европы. На территории Верхнего Прикамья они встречаются в комплексах VIII-XI вв. [Голдина, Королева 1983, с.58]. По мнению Ю.Л.Щаповой, лимоновидные бусы, особенно желтого цвета, характеризуют производства Средиземноморья и Ближнего Востока, скорее всего, районы Сирии и Египта [Щапова 1962, с.119]. Вслед за ней большинство исследователей относят их к предметам восточного экспорта. По наблюдению З.А. Льво-

вой, многочастные лимоновидные бусы, бисер и другие бусы серийного производства в X веке широко распространены в северных и центральных районах Восточной Европы, а на юге и юго-востоке Восточной Европы исчезают. Данные наблюдения в сочетании с изучением материалов раскопок в Старой Ладоге приводят З.А. Львову к выводу о существовании собственного центра производства стеклянных бус на массовой основе в Старой Ладоге [Львова 1968, с.88].

Таким образом, для данного вида бус возможно производство в двух центрах — либо на территории севера Восточной Европы (Старая Ладога), либо на территории Ближнего Востока. Следует также отметить, что на территории Волжской Болгарии их также обнаружено достаточно большое количество [Полубояринова 1988, с.154]. Кроме того, на территории Волжской Болгарии, на Семеновском I селище в X-XI вв., по мнению Е.П. Казакова, также производились бусы этого вида [Казаков 1991, с.148].

В одном ряду с бусами, описанными выше, стоят и лимоновидные полосатые бусы (прежде всего желтые с коричневыми полосками).

Весьма многочисленными в представленной коллекции являются бусы с металлической фольгой. Они изготавливались на тянутой основе, обычно бесцветной и прозрачной, и поверх фольги покрывались тонким прозрачным или полупрозрачным слоем стекла бесцветного, иногда желто-коричневого, редко — желтого или синего цветов. Большая часть таких бус имеет лимоновидную одночастную или многочастную форму и средние размеры (0,5-0,7 см. высотой). М.В. Фехнер показывает, что такие бусы на территории восточной Европы встречаются очень широко с X до начала XII ввека. При этом территория распространения этих бус совпадает с территорией распространения дирхема, что косвенно может свидетельствовать о восточном происхождении бус [Фехнер 1959]. В средние века, по мнению того же исследователя, основные центры по производству этих бус находились на территории Ближнего Востока. В качестве другого источника этих бус можно назвать Византию, где техника их производства была на достаточно высоком уровне, особенно в Константинополе [Фехнер 1959, с.158]. Экспорт этих бус шел, по-видимому, через Волжскую Болгарию [Валиулина 1996, с.145-147], хотя в самой Булгарии таких бус обнаружено немного [Полубояринова 1988, с.157].

Следует отметить, что и на Руси с XI века появляются золото-стеклянные мастерские, но отличить бусы русского производства достаточно легко уже по внешнему виду: это бусы цилиндрической, бочонкообразной и биконической форм. В нашей коллекции присутствует лишь одна бусина, несомненно, русского производства — бочонкообразная с двумя прямоугольными листочками фольги, не смыкающимися между собой.

Очень многочисленным в материалах комплекса является бисер, изготовленный из тянутой трубочки. При этом представлен и "рубленый" бисер (часто косо отсеченные куски стеклянной трубочки, не обкатанные), и бисер со сглаженными краями. Несколько экземпляров бисера (голубого и черного цветов) изготовлены путем навивки. В комплексах Верхнего Прикамья бисер встречается с V по XI века [Голдина, Королева 1983, с.59]. С рубежа нашей эры рубленый бисер известен очень широко. Весьма многочисленнен он в Старой Ладоге, особенно в слоях X века [Львова 1968, с.87], в Новгороде X — первой половины XI веков [Щапова 1956, с.172]. З.А. Львова

указывает, что на памятниках X-XI вв. районов юга и юго-востока Европы бисер не встречается [Львова 1968, с.87]. Таким образом, вероятно, "рубленый" бисер мог происходить из северных районов Восточной Европы.

Достаточно многочисленны в представленной коллекции и бусы более простой формы — зонные. При этом в коллекции имеются зонные бусы, как изготовленные из тянутой трубочки, так и изготовленные техникой навивки стеклянной массы на стержень. Можно отметить весьма характерную особенность — в раскопанной части городища преобладают стеклянные бусы, изготовленные техникой навивки стеклянной массы, а на могильнике — техникой членения тянутой трубочки. Зонные бусы индивидуального производства являются, скорее всего, бусами либо византийского, либо русского производства, так как именно такая традиция характерна для этих производств [Щапова 1972, 1962]. Следует отметить, что и цветовая гамма этих бус (зеленые, черные, голубые) совпадает с излюбленными цветами этих производств. Желтые зонные бусы из стекла плохого качества тоже следует отнести в эту группу. Датировать эти бусы, по всей видимости, стоит XI веком.

Описывая возможное происхождение бус, не следует ограничиваться массовым материалом. Рассмотрим те виды бус, которые встречены в небольшом количестве, но могут быть весьма показательны в плане их происхождения.

В коллекции присутствует некоторое количество так называемых "ягодовидных" бус с тонкими стенками зеленого и синего цветов, которые С.И. Валиулина относит к бусам византийского производства, и четко датирует XI веком. К византийским относится и бусина параллелепипедной формы с орнаментом в виде белых ромбов, датируется она также XI веком.

Глазчатые бусы данной коллекции, хотя их количество относительно невелико, весьма разнообразны. Большая часть их них (например, красные и желтые с мозаичными глазками зонной формы, зонные коричневые с желтыми глазками, синие зонные с глазками из бело-синих кругов, черные с белыми 8-образными полосками и мозаичными глазками) имеют аналогии на памятниках Волжской Булгарии — Измерском и I Семеновском селищах, которые являлись производственными центрами. Некоторые глазчатые бусы имеют аналогии на Северном Кавказе [Деопик 1963].

Важным для рассмотрения является вопрос о происхождении каменных бус. Месторождения многих цветных минералов, имеющиеся на Урале, в средние века, по-видимому, не разрабатывались. Поэтому, скорее всего, все изделия из камня были либо привозными, либо изготавливались на месте из привозного сырья. По выражению М.Д. Полубояриновой, сокровищницей всего континента в течение нескольких тысячелетий являлись страны Передней и Юго-Восточной Азии — Иран, Афганистан, Индия [Полубояринова 1991, с.106]. Достаточно долгое время в научной литературе осуществлялась попытка доказать русское происхождение сердоликовых бус. Однако М.Д. Полубояринова, основываясь на анализе форм, ареале распространения и времени распространения сердоликовых бус в Восточной Европе убедительно доказывает, что практически все они шли из Средней Азии или через нее [Полубояринова 1991, с.106-107].

В изучаемой коллекции представлены и сердоликовые бусы с белым узором, нанесенным на камень с помощью раствора поташа. По мнению

некоторых исследователей [Голдина, Королева 1983], такие бусы происходят из Ирана, так как рисунки напоминают знаки, вырезанные на сасанидских геммах. По утверждению М.Д. Полубояриновой, такие бусы изготавливались в Индии еще с эпохи энеолита и до XIX века. В разное время ремесленники создавали разные типы орнаментации, различия имеют и локальный характер — разные провинции поставляли по-разному орнаментированные бусы. Мы, к сожалению, не можем установить точный источник наших бус, так как полных аналогий представленному типу орнамента не обнаружили. Определение места производства данных бус имеет принципиальное значение, так как сердоликовые бусы иранского производства проникали через Кавказ, а бусы индийского производства — через Волжскую Болгарию.

Автор статьи склоняется к той точке зрения, что, по крайней мере, большая часть сердоликовых бус коллекции Рождественского комплекса имеет индийское происхождение (на это указывает и внешний вид сердолика — характерный полосчатый).

Основная масса хрустальных бус тоже, скорее всего, являются предметом восточного экспорта, хотя часть их могла поступать и из Южной Руси [Фехнер 1961].

Янтарные бусы поступали, вероятно, из Новгорода через посредничество Волжской Булгарии [Валиулина 1999, с.143]. Кроме того, вполне вероятно, что часть бус производилась из привозного янтаря непосредственно в мастерских Волжской Булгарии [Валиулина 1999, с.143-144].

Таким образом, материалы коллекции позволяют сделать вывод о том, что большая часть бус Рождественского комплекса происходит с территории Ближнего Востока (Сирия, Палестина, Египет), Передней и Юго-Восточной Азии (Иран, Индия). Часть бус могла происходить с территории севера Восточной Европы (Старая Ладога, Новгород). Некоторая часть бус была явно произведена в Византии. При этом приток бус из Руси и Византии увеличивается в начале XI в., до этого преобладают ближневосточные бусы. В любом случае все эти бусы (кроме северорусских) поступали на территорию Верхнего Прикамья через посредничество Волжской Булгарии. Часть же их была произведена непосредственно в ее мастерских.

Таким образом, на основании анализа происхождения стеклянных и каменных бус можно сделать вывод о том, что в торговых связях населения, оставившего Рождественский комплекс, большую роль играла Волжская Булгария.

Анализ коллекции позволяет также подтвердить датировку памятников. Изученые на могильнике погребения по бусинному материалу могут быть датированы X-XI веками. Основная масса бус из раскопок городища датируется X-XIII веками.

Р.Ф. ВИЛЬДАНОВ
МОНЕТЫ ИЗ СБОРОВ И РАСКОПОК НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ В КАРАГАЙСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В 1997 г. в отдел археологии Пермского областного краеведческого музея (ныне Пермского краевого музея) передана на постоянное хранение коллекция, собранная Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного педагогического университета (КАЭЭ ПГПУ) в результате многолетних сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края. В состав коллекции входят 26 монет, опубликованных нами в 2000 году [Вильданов 2007, с. 20-25, 78, 79].

Основную часть нумизматического материала составляют арабские дирхемы начала X в. (24 шт.), обнаруженные при раскопках Рождественского могильника:

1. Погр. №23 – Саманиды, Наср ибн Ахмад, с именем халифа ал-Мукатдира, Самарканд, 934/935 г., хорошая сохранность, имеются 2 отверстия.

2. Погр. №48 – Саманиды, подражание куфическому дирхему, X век, хорошая сохранность, имеются 3 отверстия (цв. вкл. К/2).

3. Погр. №52 – Саманиды, 10 век, 1/2 монеты (цв. вкл. К/3).

4. Погр. №53 – Волжские Болгары, эмир Бармин, аш-Шаш, 308 г.х. 894/895 г., хорошая сохранность, 3 отверстия (цв. вкл. К, 4).

5. Погр. №54 – Аббасиды, ал-Мутадид, аш-Шаш, 281 г.х. 894/895 г., хорошая сохранность, 2 отверстия (цв. вкл. К/5).

6. Погр. №54 – Саманиды, Наср ибн Ахмад. Самарканд, 311 г.х. 923/924 г., хорошая сохранность, 2 отверстия (рис. 1/6).

7. Погр. №55 – Аббасиды, ал-Мутадит, аш-Шаш, 282 г.х. 895/896 г., хорошая сохранность, 3 отверстия (рис. 1/7).

8. Погр. №58 – Саманиды, Наср ибн Ахмад, 307 г.х. 916/917 г., удовлетворительная сохранность (цв. вкл. К/8).

9. Погр. №58 – Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 296 г.х. 919/920г., хорошая сохранность, 1 отверстие (цв. вкл. К/9).

10. Погр. №58 – Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 304 г.х. 908/909 г., удовлетворительная сохранность, графитти в виде креста, вероятно, современного происхождения (цв. вкл. К/10).

11. Погр. №61 – Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 297 г.х. 909/910 г., удовлетворительная сохранность, 3 отверстия (цв. вкл. К/11).

12. Погр. №63 – Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 290 г.х. 902/903 г., удовлетворительная сохранность, 3 отверстия (цв. вкл. Л/12).

13. Погр. №67 – Саманиды, Абд ал-Малин ибн Мух, 954-961 гг., 2 отверстия (цв. вкл. Л/13).

14. Погр. №74 – неопределяемый куфический дирхем, X век, расколот на два обломка, плохая сохранность (цв. вкл. Л/14).

15. Погр. №78 – неопределяемые куфические дирхемы, X век, четыре резаны в 1/4 дирхема и три мелких фрагмента от разных дирхемов, некото-

© Вильданов Р.Ф., 2008

рые из фрагментов имеют отверстия (цв. вкл. Л/15).

16. Погр. №81 – Саманиды, Наср ибн Ахмад, аш-Шаш, 317 г.х. 928/929 г., два отверстия (цв. вкл. Л/16).

17. Погр. №82 – Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш. 289 г.х. 901/902 г., два отверстия, край обломан (цв. вкл. Л/17).

18. Погр. №87 – Волжская Болгария, Михаил ибн Джадар, 918 – 921 гг., край обломан, двойной реверс (цв. вкл. Л/18).

19. Погр. №90 – Саманиды, Мансур ибн Нух, 961 – 976 гг., два отверстия, сильные потёртости (цв. вкл. Л/19).

20. Из междумогильного пространства. Буиды, Фахр ад-Даула, 37? г.х. 976-997 гг., сохранность хорошая, 1 отверстие (цв. вкл. Л/20).

21. Из междумогильного пространства. Саманиды, Нух ибн Наср, 33? г.х. 943-954 гг., резана 1/2 дирхема, 1 отверстие (цв. вкл. Л/21), большой интерес представляет графитти (цв. вкл. М/29).

22. Из междумогильного пространства. Саманиды, Наср ибн Ахмад, 307 г.х. 919/920 г., 1/2 дирхема, 1 отверстие (цв. вкл. М/22).

Основной корпус этих монет был опубликован авторами раскопок по определению, сделанному И.Г. Добровольским [Крыласова, Бочаров, Бочарова 1997, с.124], за исключением двух дирхемов из междумогильного пространства, позднее также определённых И.Г. Добровольским:

23. Саманиды, имя эмира, город непонятны, 2-я пол. X в, край обломан (цв. вкл. М/23);

24. Обломок буидского дирхема, X в. (цв. вкл. М/24).

* * *

В 1997 г. при раскопках погр. №103 Рождественского могильника обнаружен обломок (1/3) серебряного денария (цв. вкл. М/*27*). На лицевой стороне монеты в линейном кольце помещен профильный портрет монарха в диадеме влево. Между центральным линейным кольцом и точечным кольцом по краю монеты легенда — + [ÆÐELRÆ] D REX AN[GL] - — *лат.* Этельред король Англии. На оборотной стороне монеты в точечном кольце помещен маленький крест с расширяюшимися концами, между правым и нижним концами креста помещена буква "E". Между центральным линейным кольцом и точечным кольцом по краю монеты легенда – + [?] M±O þIL [TV] – *лат.* ..... мо[нетарий] Wilton. Монета нами определена как англо-саксонский пенни с титулом и именем Этельреда II Неблагоразумного (Æþelred Unræd, Ethelred the Unready - * 975; † 23. April 1016), короля Англии из Саксонской династии, правившего в 978-1013, 1014-1016 годов. Тип монеты – Last Small Cross, по каталогам – North 777; SCBC 1154 [North 1980, №777; Seaby 1936 – 2007, №1154]. Место чеканки – город Вилтон (Wilton). Время чеканки – между 1009-1017 гг. К сожалению, имя монетария осталось за пределами сохранившегося фрагмента монеты. Эти пенни вошли во всемирную историю нумизматики под названием "Датские деньги" или данегельды – от древнеанглийского Danegeld, так как в большом количестве чеканились англо-саксонскими королями для выплаты дани норманнам – данам (викингам), с тем, чтобы они не разоряли побережье Англии [Fengler, Heinz, Gierow 1982, S.78].

Основная часть находок английских монет и их подражаний на тер-

ритории древней Руси обнаружены в кладах и могильниках на псковских и новгородских землях, а источником их поступления в основном являлась прибалтийская торговля. По сведениям Б.В. Кёне, в Пермской губернии, в разных имениях графа Строганова, находили англосаксонские монеты, но всегда в небольшом количестве [Кёне 1852, с. 20, №13]. Англо-саксонские монеты X-XI вв. были найдены в 1851 г. в окрестностях г. Чердыни и при раскопках Чаньвинской пещеры [Остроумов 1926]. Английский денарий Эдуарда Исповедника (1042-66 гг.) обнаружен в погр. №267 Агафоновского II могильника [Голдина, Ютина 1987, с.47].

В августе 2007 г. при раскопках памятника археологии "Сартаково 1, могильник", расположенного в Чердынском районе Пермского края, на участке XL/42 раскопа V, обнаружена серебреная монета, определённая нами как англо-саксонский пенни Этельреда II (Тип монеты – Last Small Cross). Место чеканки – город Тетфорт (Thetford). Время чеканки – между 1009-1017 годами. Монетарий – Палей (Palei) ранее не известен. По пенни Этельреда II, не имеющего следов износа, за исключением припаянного бронзового ушка, в совокупности с другими монетами – по сильно вытертым в результате длительного обращения дирхемам X в. и изрядно потертому оболу Оттона и Адельгейды (991-995 гг.), удалось установить довольно четкую датировку исследованных погребений – самый рубеж X-XI веков.

Благодаря сотрудникам отдела археологии Пермского краевого музея В.П. Денисову и Н.В. Кулябиной, нам была предоставлена редкая возможность познакомиться с коллекцией из почти 40 серебряных монет, приобретенных в 2007 г. частным лицом у жителей Чердынского района. Все монеты получены в результате незаконных раскопок древних могильников – очень ценные показания этого человека приобщены к материалам уголовного дела, возбуждённого по фактам грабительских раскопок родановских могильников. Почти 80% монет в представленной коллекции составляют арабские дирхемы X в. – сильно вытертые, с отверстиями. Три монеты – даже не монеты, но довольно точные местные литые подражания арабским дирхемам и сасанидским драхмам. Оставшуюся часть коллекции составляют западные серебряные денарии, из которых только четыре являются пенни англосаксонского короля Этельреда II. Поскольку монеты специально не выбирались, а были приобретены все, сколько было у продавца в наличии, нам представляется, что данная коллекция с той или иной степенью достоверности отражает процентный состав монетного серебра, поступавшего в Верхнее Прикамье в X-XI веках. Хотя, находок монет Этельреда II на территории Верхнекамья должно быть значительно больше. И вот почему.

С пришествием к власти Этельреда Неблагоразумного закончилась полуторовековая эпоха процветания Англии и начался очередной период ожесточенных войн с датчанами. Имя Этельред, как и многие другие староанглийские имена, имело свое значение – оно означало "добрый совет". Таким образом, словочочетание Ethelred the Unready со старого английского языка переводится как "неблагоразумный добрый совет". Этельред II был человеком вялым и неспособным к мужественным поступкам. Вельможи не слушались его и творили произвол. Беззаконие и самоуправство распространились повсюду. В начале 90-х гг. X в. корабли норманнов стали приставать к берегам Англии, прибрежные города подверглись опустоши-

тельным набегам. Король Этельред со своими вельможами не нашел ничего лучшего, как предложить викингам серебро в количестве, равном ценностям, которые датчане рассчитывали получить от грабежа. В то время под названием "датские деньги" существовала подать, собираемая на содержание войск, охранявших берег от норманнов. Эти деньги и предложил король в виде дани завоевателям. А те не отказались, и на первый раз им было выплачено 10 тысяч фунтов серебра, с условием, что они удалятся из Англии. Викинги действительно отплыли, но вскоре возвратились в гораздо большем числе, чтобы получить большую сумму, и потребовали 16 тыс. фунтов серебра... через несколько лет сумма откупа от норманнов дошла до 48 тысяч фунтов серебра [Ann Williams 2003].

Именно потребностью в огромном количестве серебряной монеты для выплаты дани датчанам и норвежцам объясняется большое количество монетных типов (всего 11) и богатое разнообразие имен монетариев на монетах Этельреда II. Если до 973 г. денарии выпускались на 27 денежных дворах, то в годы правления Этельреда II работало свыше 80 монетных дворов [Dolley 1978, c. 115-133].

По обряду погребения и вещевому материалу языческая часть Рождественского могильника (изученная раскопом №1) может быть датирована последней четвертью X – первой четвертью XI веков. Нумизматический материал в этой части могильника представлен поздними арабскими дирхемами, часть из которых — резаны, т. е. единицы северной русской денежно-весовой системы, и англосаксонским пенни, источником поступления которых в Верхнее Прикамье являются новгородские земли. Уже в начале XI в. подворья новгородских купцов существовали на шведском острове Готланд, крупном центре балтийской торговли, где во времена викингов в IX-XI вв. наступил экономический расцвет. Богатые клады, относящиеся к этому времени, на о. Готланд представлены англосаксонскими пенни, германскими пфеннигами, арабскими дирхемами с незначительной примесью сасанидских драхм и различными изделиями из восточного серебра. Клады до середины X в. на о. Готланд представлены исключительно арабскими дирхемами, и лишь во второй половины X столетия в кладах начинают появляться серебряные денарии.

Уж не на остров ли Готланд свозили новгородцы добытое ушкуйниками "серебро закаменское", взамен заморских товаров?

* * *

В переданной в 1997 г. в Пермский краевой музей коллекции 25-й монетой является джучидский дирхем, найденный при сборах подъёмного материала возле вала Рождественского городища в 1992 г. (цв. вкл. *М/25*). На лицевой стороне монеты помещена искажённая трёхстрочная арабская надпись, прочитанная нами как السلطان محمد//اوزبك خان//العادل – *араб.* "Султан Мохаммед Узбек-Хан справедливый". На оборотной стороне монеты, в несколько строк, помещён текст, прочитанный нами как ٧٢٣ ضرب سراى المحروسه سنة – *араб.* "Чекан Сарая Богохранимого (Защищённого) год 723". Цифры, обозначающие год чеканки, вырезаны наоборот (3-2-7). При относительно грубом исполнении надписей, текст лицевой и оборотной стороны украшен изящно исполненным растительным орнаментом, искусно впле-

тенным между буквами, что, из-за некоторой потёртости монеты, несколько затрудняет чтение надписей. Монета определена нами как дирхем хана Узбека (712-741 / 1312-1342). Год чеканки – 1323. Место чеканки – Сарай.

Начало исследованию комплекса памятников около с. Рождественск было положено известным археологом и коллекционером А.Е. Теплоуховым в 1869 году, и большая часть находок из окрестностей с. Рождественск поступала в собрание Теплоуховых [Спицин 1902, с. 53-70]. Часть этой обширной коллекции впоследствии была передана в музей истории Пермского госуниверситета.

По сообщению Ф.А. Теплоухова, "На Рождественском городище, Солик. у., весьма обильного остатками чудской культуры более позднего времени, найдена джучидская монета Бату или Берке-хана, относящаяся к 1251-1259 гг." [Теплоухов 1894, с. 272].

В 1989 г., в ходе определения и систематизации нумизматического собрания ПГУ [Вильданов 1989, 10 янв.], среди предметов, относящихся к коллекции Теплоуховых, нами выявлена джучидская монета, явно происходящая с Рождественского археологического комплекса (цв. вкл. *М/26*). На её лицевой стороне помещено изображение тамги каракорумского каана Мунке в виде двухконечной вилки с завитушкой на рукоятке. Под тамгой располагаются остатки надписи "Верховный". На оборотной стороне – изображение тамги в виде двухконечной вилки без завитушки в середине (по-видимому, это – тамга хана Бату), и обозначение места чеканки: надпись "Чекан" над тамгой и "Булгара" внизу. Монета соответствует весовой норме в 1,24 г., характерной для серебряных монет, чеканенных с именем Мунке в Булгаре [Мухамадиев 2005, с. 105, 106].

По времени эта монета принадлежит к началу собственной чеканки Чингизидов, и датируется периодом правления каана Мунке (1251-1257гг.) [Мухамадиев 1983, с. 44].

После прихода в 1257 г. к власти хана Берке, монеты Бату с именем каана Мунке были запрещены. При Берке чеканились монеты от имени каана Ариг-Буги, при этом монеты Мунке и Ариг-Буги встречаются в кладах вместе. Следовательно, в конце 1250-х гт. они обращались параллельно, и исчезли из обращения перед выпуском следующих групп в 1260-х годах. С этими более поздними монетами, уже собственно джучидскими, монеты великих каанов, чеканенные в Болгаре, никогда в кладах не встречаются [Федоров-Давыдов 1987, с. 164].

С учетом сравнительно короткого периода нахождения этой монеты в обращении, можно сделать предположение о существовании устойчивых отношений между обитателями Рождественского городища и джучидским Болгаром в 60-е годы XIII века. Находка монеты с именем хана Узбека, выпущенной после денежно-весовой реформы 20-х гг. XIV в., свидетельствует о продолжении подобных связей с Золотой Ордой и спустя столетие. Свидетельством устойчивых отношений, существовавших в XIV в. между Поволжьем и Верхним Прикамьем, являются известные нам находки джучидских и среднеазиатских монет, происходящие с территории Пермского края.

В 1851 г. было вырыто в одном из имений графа Строганова в Чердынском уезде (вероятно, в Лологской даче, т. е. Юксеевской или Гаинской волостях) несколько золотоордынских монет Хызр-Хана 761 г.х. (1373 г.)

и гулагидских Абу-Саид-Хана 716-729 г.х. (1328-1332 гг.) [Теплоухов 1894, с.272; Арх. Макарий 1856, с.229]. В ходе археологических раскопок, проводимых отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета под руководством к. и. н. Крыласовой Натальи Борисовны, на селище Телячий Брод в г. Чусовом Пермского края, в 2003 г. на раскопе II(8), участок III/33, на глубине 0,3 м обнаружена джучидская монета, на лицевой стороне которой содержится украшенная растительным орнаментом надпись, прочитанная нами как ا– لسالطان العار ل // جا ذی بك خا [ن] *араб.* – "Султан справедливый Джанибек хан". На оборотной стороне помещена надпись, прочитанная нами как ٨۴٧ ض ب س یک // ا ی ا جک — *араб.* "Чекан Сарая Нового года 748". Монета определенна нами как серебряный дирхем Джанибека I (1342 - 1357 гг.), чеканенный в г. Сарай-ал-Джедид в 748 г.х. (1347/1348). В 1955 г. В.А. Обориным были закончены пятилетние раскопки городища Анюшкар (Кыласово) в Ильинском районе на р. Иньве. При раскопках найдены подвеска с подражанием арабскому диргему X в. и медная хорезмийская монета конца XIV в. (Определение С.А. Яниной) [Бадер, Оборин 1960, с.31].

В разное время на Рождественском городище были найдены арабские монеты Зияриди Вашмегира Джорджана 338 г. Хиджры (944-967гг.) с двумя дырочками (определение Ф.А. Теплоухова), две неопределённые монеты, а также брактеат эмира Насра II (1301-1320 гг.). Последняя находка позволила В.А. Оборину отнести верхнюю дату Рождественского городища к XIV в. [Оборин 1953, с. 177]

* * *

В 1857 г. крестьянин Ипполит Ужегов при обработке непаханого поля на вершинах ручья Лаштовки, вблизи д. Волгиной Рождественской волости Соликамского уезда Пермской губернии, в 3-х верстах от Рождественского городища, почти на самой поверхности земли обнаружил клад серебряных предметов весом 5 1/2 фунтов (2, 250 кг).

Рождественский клад поступил на хранение в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Описание и изображения предметов из клада были опубликованы профессором С. Ешевским во II-м томе Пермского сборника [Ешевский 1860, с. 35-40]. Но уже в 1876 г. И.К. Аспелин на III-м Международном конгрессе востоковедов в Петербурге сообщил, что этот клад был украден в 1868 году из Лазаревского института [Aspelin 1876, с.412].

Вопрос о точном месте и обстоятельствах находки клада удалось разрешить А.А. Теплоухову, который в 1889 году встретил находчика И. Ужегова, тогда уже 84-летнего старца. [Теплоухов 1894, с. 261]

Поскольку Рождественский клад, несомненно, имеет отношение к Рождественскому археологическому комплексу, для нас представляет немалый интерес входящий в состав клада китайский серебряный весовой слиток (цв. вкл. *М/30*). Такие слитки в русской литературе часто называют "ямбами" – это русское название слитка происходит от самого распространенного китайского названия серебряных ляней "юаньбао" (yuanbao). Так как у слитка, имевшего когда-то характерную для сунских слитков форму двустороннего топора, отсутствует равная половина, в литературе он получил дополнительное название "полтопора". По своей форме рождественс-

кий ямб датируется эпохой Сун, временем государства, существовавшего в Китае с 960 по 1279 годы.

Не менее известен второй китайский ямб "полтопора", найденный на территории Пермского края. В 1914 году в деревне Чигироба Чердынского уезда Пермской губернии найден серебряный китайский весовой слиток (лян) XII-XIII веков. Сегодня чигиробский ямб – единственный в нашей стране слиток Сунского времени (960-1279), имеющий характерную для слитков той эпохи форму двустороннего топора. Он когда-то был разрублен поперек на две примерно равные части, при этом Государственному Эрмитажу, где он хранится сейчас, досталась нижняя часть. За свою теперешнюю форму он, как и рождественский слиток, носит название "полтопора" [Ивочкина 1987, с. 78-79]. Вместе с ямбом в чигиробском кладе находились русский монетный слиток – рубль черниговского типа и двенадцать обрезков серебряных вещей [Ильин 1921, с. 40, №169].

Удивительное сходство между двумя половинками сунского "топора", примерно одинаковое время поступления этих слитков на берега Камы, невольно наводит на мысль о вероятной принадлежности этих двух половинок когда-то единому слитку-топору. Но из-за утраты рождественского слитка проверить это предположение вряд ли удастся.

Находки на Рождественском археологическом комплексе и в его окрестностях джучидских и среднеазиатских монет, серебряного весового слитка ляна, называемого ямбом, изготовленного на Сунском монетном дворе и выполнявшего в XII-XIII веках роль международной торговой монеты, являются материальным свидетельством существовавших когда-то устойчивых, прямых или опосредованных, торговых отношений между обитателями Рождественского городища и территориями, связанными с Великим шелковым путём.

* * *

В XV в. в край начинает поступать монета московской чеканки, занимающая с середины XV в. и до реформы 1535 г. господствующее положение в товарном обороте Верхнего Прикамья.

Последняя монета из коллекции с Рождественского комплекса — серебряная копейка, найденная в 1992 г. возле вала городища. Она определена нами как копейка Ивана Грозного новгородского денежного двора чеканки 1535 — 1538 гг. (цв. вкл. *М/28*). По систематизации монет, предложенной А.С. Мельниковой, монета относится к типу 9/12 [Мельникова 1989, с.255, табл.4, тип.9-12].

На её лицевой стороне изображение "ездеца" с копьём в точечном ободке. На обороте — 5-строчная надпись "**NS \ ВЄЛІК \ ГДРЬВ \ СЄѦ-РҮ \ СИ**". Отсутствие потёртостей, хорошо различимые надпись и мелкие детали изображения свидетельствуют о незначительном времени ее нахождения в обращении. С ранней историей д. Постаногова связана еще одна находка русской серебряной монеты, обнаруженной в 1991 г. при раскопках Рождественского могильника. Она была определена авторами раскопок как копейка Михаила Федоровича Романова. [Крыласова 1991, с.15].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Белавин, А.М., 1986. Отчет об археологических исследованиях в Карагайском районе Пермской области в 1985 г. / А.М. Белавин. – Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Белавин, А.М., 1991. Отчет о раскопках Рождественского городища на р. Обва в 1990 г. / А.М. Белавин. – Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Белавин, А.М., 1992. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермской области в 1991 г. / А.М. Белавин. – Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Белавин, А.М., 1993. Отчет о раскопках Рождественского городища в 1992 г. / А.М. Белавин. – Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Белавин, А.М., 1994. Отчет о раскопках Рождественского и Филипповского городищ в 1993 г. / А.М. Белавин. – Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Донесение учителя Соликамского уезда Ильи Любимова. — ГАПО, ф.42.

Донесение штатского смотрителя Николая Матвеева г-ну Директору училища Пермской губернии. — ГАПО, ф.672, оп.1, д.261.

Крыласова, Н.Б., 1991. Отчет о раскопках Рождественского могильника и Филипповского городища в 1990 г. / Н.Б. Крыласова. — Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Крыласова, Н.Б., 1992. Отчет о раскопках Рождественского могильника на р.Обва в 1991 г. / Н.Б. Крыласова. — Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Крыласова, Н.Б., 1993. Отчет о раскопках Рождественского могильника на р.Обва в 1992 г. / Н.Б. Крыласова. — Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Крыласова, Н.Б., 1994. Отчет о раскопках Рождественского могильника на р.Обва в 1993 г. / Н.Б. Крыласова. — Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Крыласова, Н.Б., 1998. Отчет о раскопках могильника и городища у с. Рождественск Карагайского района Пермской области в 1997 г. / Н.Б. Крыласова. — Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Новокрещенных, Н.Н., 1897. К исследованиям Пермской губернии (отчет). Рукопись. — Архив ИИМК, ф.1, 1898 г., д.№29.

Письмо Василия Волегова Грацинскому И.Ф., 1848 г. — ГАПО, ф.672, оп.1, д.261.

Письмо Константина Чернова Теплоухову Ф.А. — ГАПО, ф.613, оп.2, д.523.

Поляков, Ю.А., 1982. Отчет о раскопках Рождественского городища в 1981 г. / Ю.А. Поляков. – Пермь. — Архив МАЭ ПГПУ.

Рождественская отказная книга главного управления заводами Всеволожских 1785 г. — ГАПО, ф.176, оп.1, д.74.

Спицын, А.А., 1901. Сводка сведений о древностях Пермской губернии / А.А. Спицин. — Рукопись, ок. 1901. — РА ИИМК, ф.5, д.175.

Халиков, А.Х., 1962. Отчет о полевых археологических исследованиях в Татарской АССР в 1961 г. / А.Х. Халиков. – Казань. — РА ИА РАН.

Чернов, К.Н. 1880. — Архив ПОКМ, д. 1195/2 от 12 июня 1880.

Литература:

Алихова, А.Е. и др., 1959. Из древней и средневековой истории мордовского народа / А.Е. Алихова и др. — Саранск.

Аркин, Е.А., 1935. Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры / Е.А. Аркин. – М.: Гос.центр. иссл. ин-т охраны здоровья детей и подростков. – 94 с.

Артамонов, М.И., 1958. Саркел-Белая Вежа / М.И. Артамонов // МИА. — № 62.

Артамонова, О.А., 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи / О.А. Артамонова // Тр.Волго-Донской археологической экспедиции. МИА, № 109. — С.9-215

Архимандрит Макарий, 1856. Памятники древности в Пермской губ. / Макарий // ЗАО. Т. VIII. – Спб.

Архаров, И., Усманова, З., 1963. Бусы из Кувы / И.Архаров, З.Усманова // Археология Средней Азии. — Т. VI. — Вып. 200.

Архипов, Б.А., 1973. Марийцы IX-X вв. К вопросу о происхождении народа / Б.А. Архипов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 200 с.

Архипов, Б.А., 1984. Дубовский могильник / Б.А. Архипов // Новые памятники археологии Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края. Вып.8. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С.113-159.

Архипов, Г.А., 1986. Марийцы в XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья) / Б.А. Архипов. — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 163 с.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1960. Очерк работы Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 годах / О.Н. Бадер, В.А. Оборин // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. – Пермь: Перм. кн. изд-во. – С. 31.

Бадер, О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947-1952) / О.Н. Бадер // Учен. зап. Перм. гос ун-та. — Т.1X, вып.3. — Харьков. — С.3-88.

Барсова гора, 2002. — Сургут.

Белавин, А.М. и др., 1988. Археологические памятники бассейна р. Чусовой / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, А.Г. Милиаскарова, А.А. Терехин. – Чусовой: Музей истории р. Чусовой. – 50 с.

Белавин, А.М., 1986. Городищенское городище на р. Усолке / А.М. Белавин // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: УлГУ. – С.130-142.

Белавин, А.М., 1987. Производственные поселки у финно-угров в конце I — начале II тыс. н. э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) / А.М. Белавин // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.: межвуз. сб. – Йошкар-Ола: МарГУ. – С.117-130.

Белавин, А.М., 1990. О раннем этапе болгаро-пермских контактов/ А.М. Белавин // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань: КНЦ АН СССР. — С. 125-130.

Белавин, А.М., 1992. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X-XIII вв. / А.М. Белавин // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – С.142-148.

Белавин, А.М., 1994. Раскопки Рождественского городища / А.М. Белавин // Археологические открытия 1993 г. — М: Наука. — С.164-165.

Белавин, А.М., 1995. Особенности градообразовательного процесса в средневековом Прикамье / А.М. Белавин // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: Матер. Всерос. науч.-практич. конф. — Березники: БФ ПГТУ. — С.21-22.

Белавин, А.М., 1997. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья / А.М. Белавин // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. — Екатеринбург: НПЦ ОПИК. — С.152-158.

Белавин, А.М., 1999. Внешние и внутренние экономические и этнокультурные контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому комплексу) / А.М. Белавин // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Предуралья. — Ижевск-Глазов: Удм ИИЯЛ УрО РАН. — С.65-73.

Белавин, А.М., 1999а. Купросское городище в Коми-Пермяцком округе / А.М. Белавин // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.3. — Екатеринбург: НПЦ ОПИК. — С. 189-195.

Белавин, А.М., 1999б. Об этнической принадлежности так называемых "булгарских эсегел" / А.М. Белавин // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. — ЕКазань: АН РТ. — С. 73-85.

Белавин, А.М., 2000. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) / А.М. Белавин // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Матер. науч. конф. — Ижевск. — С. 325-328

Белавин, А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях / А.М. Белавин. – Пермь: ПГПУ. – 200 с.

Белавин, А.М., 2000. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века / А.М. Белавин // Средневековая Казань: возникновение и развитие. — Казань: ИИ АНТ. — С. 122-127.

Белавин, А.М., 2001. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути / А.М. Белавин // Великий Волжский путь: матер. круглого стола и Междунар. науч. семинара. — Казань: АНТ-РАН. — С. 140-144.

Белавин, А.М., 2001. О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья/ А.М. Белавин // Труды КАЭЭ ПГПУ: сб. науч. работ. Вып. 1-2. — Пермь: ПГПУ. — С.108-111.

Белавин, А.М., 2001. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли / А.М. Белавин // Древние ремесленники Приуралья. — Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН. — С. 139-147.

Белавин, А.М., 2003. Аскизские предметы в Пермском Предуралье / А.М. Белавин // Международное (16 Уральское) археологическое совещание: матер. междунар. науч. конф. — Пермь: ПГУ. — С.138-139.

Белавин, А.М., 2003. Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса) / А.М. Белавин // Труды КАЭЭ. Вып. 3. — Пермь: ПГПУ. — С.72-79.

Белавин, А.М., 2004. К вопросу об изображениях Мир-Сусне-Хума из

Прикамья и Зауралья / А.М. Белавин // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. — Ижевск. — С. 241-249.

Белавин, А.М., 2005. Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья / А.М. Белавин // Путями средневековых торговцев. — Пермь: ПГПУ. — С. 4-17.

Белавин, А.М., 2005. Комплекс метательного оружия из раскопок Рождественского археологического комплекса на р.Обва / А.М. Белавин // Современный музей как важный ресурс развития города и региона. — Казань: Школа. — С.110-122.

Белавин, А.М., 2007. О "медовой составляющей" в палеоэкономике Пермского Предуралья / А.М. Белавин // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: Проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.В. Сальникова. — Уфа. — С.222-229.

Белавин, А.М., 2007. Проблемы раннего этапа урабанизации в Волго-Камье / А.М. Белавин // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 4. — Пермь: ПГПУ. — С.4-12

Белавин, А.М., Богданова, Е.В., 2006. Булгарская керамика Рождественского городища / А.М. Белавин, Е.В. Богданова // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. Вып.1. — Пермь: ПГПУ. — С.37-73.

Белавин, А.М., Голдобин, А.В., Ленц, Г.Т., 1986. Раскопки Рождественского городища / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, Г.Т. Ленц // Археологические открытия 1985 г. — М: Наука. — С.216.

Белавин, А.М., Данич, А.В., 2006. Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса / А.М. Белавин, А.В. Данич // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып.1. — Пермь: ПГПУ. — С.25-37.

Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., 1995. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Уржумка. Научный журнал ЧГПИ. — №1. – Челябинск. — С.5-15.

Белавин, А.М., Нечаев, О.А., 1994. Раскопки средневековых городищ в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, О.А. Нечаев // Археологические открытия Урала и Поволжья: сб. статей. — Йошкар-Ола: ИЯЛИ при СМ республики Марий-Эл. — С.54-56.

Белецкий, С.В., 1996. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника / С.В. Белецкий // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. — Старая Ладога, 22-23 декабря 1996 г. — СПб.

Белецкий, С.В., 2000. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X-XI вв. / С.В. Белецкий // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. — СПб.: С.-ПбГУКИ. —120 с.

Белецкий, С.В., 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков / С.В. Белецкий // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб.: СПб ИИ РАН "Нестор-История". – С.243-320.

Беликова, О.Б., 1996. Среднее Причулымье в X-XIII вв. / О.Б. Беликова. — Томск: Изд-во Томского ун-та. — 272 с.

Белорыбкин, Г.А., 1991. Золотаревское поселение / Г.А. Белорыбкин. –

СПб.-Пенза: ПГПУ. — 198 с.

Белорыбкин, Г.Н., 2000. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье / Г.Н. Белорыбкин // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. – Казань: ГМРТ. – С.128-150

Боброва, А.С., 1949. Бусы из Афрасиаба. Следы производства глазчатых стеклянных бус в Средней Азии / А.С. Боброва // КСИИМК. — Вып. 30. — С. 121-123.

Бочаров, И.В. и др., 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса / И.В. Бочаров, Е.О. Бочарова, Н.Б. Крыласова // Охранные археологические исследования на среднем Урале. — Вып. 1. — С.101-124.

Брыкина, Г. А., 1974. Карабулак / Г.А. Брыкина. — М.

Брюхова, Н.Г., 2006. Антропологический материал Рождественского могильника / Н.Г. Брюхова // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. — Вып. 1. — Пермь: ПГПУ. — С.145-148.

Бусятская, Н.Н., 1973. Стеклянные изделия Селитренного городища / Н.Н. Бусятская // Советская археология. — № 1. – С. 217-225.

Бусятская, Н.Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.) / Н.Н. Бусятская // Средневековые памятники Поволжья. — М. — С.38-72.

Валеев, Р.М., 1995. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков / Р.М. Валеев. – Казань: Фест. – 159 с.

Валеев, Ф.Х., 1969. Орнамент казанских татар / Ф.Х. Валеев. — Казань.

Валиулина, С., 1999. Международная торговля Биляра по археологическим материалам / С.И. Валиулина // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. — Казань. – С.140-154.

Валиулина, С.И., 1996. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников / С.И. Валиулина // Культуры Евразийских степей вт. пол. I тыс. н.э. – Самара. – С. 134-147.

Валиулина, С.И., 2000. Стеклянные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII вв. / С.И. Валиулина // Славяне, финно–угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. — СПб.: ИПК "Вести", 2000. — С. 51-64.

Васильева, И.Н., 2000. Кыпчаки (половцы) в Самарском Заволжье / И.Н. Васильева // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука. – С.281-292.

Викторова, В.Д., 1968. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н. э. / В.Д. Викторова // УЗ ПГУ. № 191 / Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь: ПГУ. – С.240-256.

Вильданов, Р.Ф., 1989. Видели ли вы настоящий клад? / Р.Ф. Вильданов // Пермский университет. — № 3. — 10 января.

Вильданов, Р.Ф., 2000. Монеты в хронологии Рождественского археологического комплекса / Р.Ф. Вильданов // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. – Пермь: ПОКМ. — С.20-26, 78-79.

Вологдин, А.А., 1930. Река Обва / А.А. Вологдин // Материалы по изучению Камского Приуралья. — Вып. II. – Пермь. – С.3-5.

Гемуев, И.Н., Салагаев, А.М. 1986. Религия народа манси: культовые места XIX-XX века / И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. — Новосибирск.

Генинг, В.Ф., 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. / В.Ф. Генинг // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. Вып. 3. – Свердловск: УрГУ. – С.7–111.

Генинг, В.Ф., 1965. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения / В.Ф. Генинг // Acta archaeologica Academia Scientiarum Hungaricae. — Budapest. — Т.17.

Генинг, В.Ф., 1979. Могильник чепецкой культуры у дер. Весьякар (IX-XII вв.) / В.Ф. Генинг // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. — Ижевск.

Генинг, В.Ф., Халиков, А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге / В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. — М.: Наука. – 200 с.

Голдина, Е.В., 2002. О хронологии бус неволинской культуры / Е.В. Голдина // Социально–исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. — Ижевск: Удмуртский дом. — С. 82-102.

Голдина, Р.Д., 1968. К вопросу о своеобразии неволинский памятников бассейна р. Сылвы / Р.Д. Голдина // УЗ ПГУ, № 191 / Труды Камской археологической экспедиции. — Пермь: ПГУ. — С.87-98.

Голдина, Р.Д., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья / Р.Д. Голдина, О.П. Королева // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху: сб. науч. тр. — Ижевск: УдГУ. — С. 40-72.

Голдина, Р.Д., Кананин, В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы / Р.Д. Голдина, В.А. Кананин. – Свердловск: УрГУ. – 215 с.

Голдина, Р.Д., Ютина, Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) / Р.Д. Голдина, Т.К. Ютина // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – С.39–61.

Голубева, Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями / Л.А. Голубева // СА. — № 3. – С.115-132.

Голубева, Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы / Л.А. Голубева // Новое в советской археологии. МИА. — № 130. – М.: Наука. – С.257-260.

Голубева, Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья / Л.А. Голубева // СА. № 3. – С.80-99.

Голубева, Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. / Л.А. Голубева. – М.: Наука. – 212 с.

Голубева, Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров / Л.А.Голубева // САИ. — Вып. Е1-59. – 112 с.

Голубева, Л.А., 1984. Женщины-литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) / Л.А. Голубева // СА. — № 4.

Голубева, Л.А., 1987. Марийцы / Л.А. Голубева // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука. – С.107-115.

Голубева, Л.А., Варенов А.Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями / Л.А. Голубева, Л.А. Варенов // РА. — № 4. – С.94-109.

Голубева, Л.А., Кочкуркина, С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.) / Л.А. Голубева, С.И. Кочкуркина. – Петрозаводск: КарНЦ АН СССР.– 198 с.

Гольтберг, Т. и др., 1967. Русское золотое и серебряное дело XVI-XX веков. / Т. Гольтберг, Ф. Мишуков, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева. — М.

Гопак, В.Д., 1986. Железообрабатывающее ремесло / В.Д. Гопак // Археология Украинской ССР. Т.3. – Киев: Наукова Думка. – С.417-428.

Горюнова, Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья / Е.И. Горюнова // МИА. — № 94. – 267 с.

Готье, Ю.В., 1941. Альбом древностей мордовского народа / Ю.В. Готье. — Саранск.

Давидан, О.И., 1988. Скарабей из Старой Ладоги / О.И. Давидан // АСГЭ. – № 22.

Давлетшин, Г.М., 2004. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа / Г.М. Давлетшин. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 430 с.

Деопик, В.Б., 1959. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. / В.Б. Деопик // СА. – № 3. – С. 48-65.

Деопик, В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. / В.Б. Деопик // СА. № 3. – С. 202-232.

Деопик, В.Б., 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI-X вв. / В.Б. Деопик // МИА. № 114. – С. 122-148.

Динцес, Л.А., 1936. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития / Л.А. Динцес. – М.-Л.: АН СССР. – 110 с.

Евгалевский, А.В., Потемкина, Тат.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья / А.В. Евгалевский, Т.М. Потемкина // ДАС. Вып.6. – Донецк.

Евгалевский, А.В., Потемкина, Тат.М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы / А.В. Евгалевский, Т.М. Потемкина // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДГУ. – С.181-209.

Ешевский, С., 1859. Пермские древности, хранящиеся в Москве в Лазаревском институте восточных языков / С. Ешевский // Пермский сборник. Кн.1-2. – М. – С.33-46.

Завьялов, В.И., 1988. Черная металлообработка у древних коми-пермяков / В.И. Завьялов // Новые археологические памятники камско-вятского междуречья: межвуз. сб. – Ижевск: УдГУ. – С.129-161.

Зыков, А.П., 1987. Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тыс. н.э. / А.П. Зыков // Новые археологические исследования на территории Урала. – Ижевск: УдГУ. – С.145-155.

Иванов, А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья / А.Г. Иванов. – Ижевск. – 308 с.

Иванов, П.П., 1952. Материалы по истории мордвы VIII-IX вв. / П.П. Иванов. – Моршанск. – 232 с.

Иванова, М.Г., 1978. Земледелие северных удмуртов в начале тысячелетия н.э. / М.Г. Иванова // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. — Ижевск.

Иванова, М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. / М.Г. Иванова. — Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. — 184 с.

Иванова, М.Г., 1998. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. / М.Г. Иванова. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – 294 с.

Иванова, Т.В., 1995. Редкие виды лепной посуды городища Иднакар / Т.В. Иванова // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. — Ижевск.

Ивочкина, Н.В., 1987. К истории эрмитажного собрания китайских слитков (ямбов) / Н.В. Ивочкина // Нумизматика в Эрмитаже: сб. науч. тр. –

Л. — С. 72-82.

Измайлов, И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Болгарии X – нач. XIII вв. / И.Л. Измайлов. — Казань-Магадан. – 213 с.

Измайлов, И.Л., 2000. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение / И.Л. Измайлов // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: доклады Междунар. науч. симпозиума по вопр. археологии и истории. – СПб.: ИПК "ВЕСТИ". – С.79-86.

Ильин, А.А., 1921. Топография кладов серебряных и золотых слитков / А.А. Ильин // Труды нумизматической комиссии. 1. РАИМК. — Пг.

Истомина, Т.В., 1992. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника / Т.В. Истомина // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – С.127-136.

Истомина, Т.В., 1999. Вотчинский могильник / Т.В. Истомина // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – С.76-102.

Йовков, С.М., 1976. Жернова Волжской Булгарии / С.М. Йовков // СА. — № 2. – С.249-251.

Йовков, С.М., 1978. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии / С.М. Йовков // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука. – С.219-233.

Казаков, Е.П., 1968. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (Об одном элементе погребального обряда) / Е.П. Казаков // УЗ ПГУ № 191 / Труды Камской археологической экспедиции. — Пермь: ПГУ. — С.230-239.

Казаков, Е.П., 1971. О башкирско-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии / Е.П. Казаков // АЭБ. — Т.IV. — Уфа.

Казаков, Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника / Е.П.Казаков // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Северного Поволжья. – Казань. – С.94-155.

Казаков, Е.П., 1984. О проявлении сибирских культов в средневековых древностях Прикамья / Е.П. Казаков // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. — Омск.

Казаков, Е.П., 1991. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы / Е.П. Казаков. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 176 с.

Казаков, Е.П., 2000. Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) / Е.П. Казаков // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. — СПб. – С.87-99.

Казаков, Е.П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских булгар IX-XI вв. / Е.П. Казаков // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). — Т.2. – Самара: Сам. обл. ист.-краев. музей. – С.170-179.

Казаков, Е.П., 2004. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория / Е.П. Казаков // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: СКМ. – С.121-129.

Кальмер, Й., 2000. Ранние бусы из раскопок древней Казани / Й. Кальмер // Средневековая Казань: возникновение и развитие. — Казань: Мастер-Лайн. — С. 54-55.

Каргер, М.К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной

культуры древнерусского города. — Т. I / М.К. Каргер. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – 579 с.

Карлов, В.В., 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) / В.В. Карлов / / Русский город (историко-методологический сборник). — М. — С. 271-302.

Каталог выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края, устроенной Пермской Ученой Архивной Комиссией и Пермской Комиссией Уральского общества Любителей Естествознания в Перми 6-19 июня 1894 г., 1894. — Пермь. — 17 с.

Кене, Б.В., 1852. Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России / Б.В. Кене // Записки Императорского Археологического Общества. Т.4. — СПб. – С.20.

Кирпичников, А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ, вып.Е-1-36. – М. – 200 с.

Кирпичников, А.Н. 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 2, Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ, вып.Е-1-36. – М.-Л. – 214 с.

Кирпичников, А.Н. 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3, Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ, вып.Е-1-36. — М. — 180 с.

Кирпичников, А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ, вып. Е1-36. — М. – 190 с.

Кленов, М.В., 1999. Озельский могильник / М.В. Кленов // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. — Сыктывкар.

Ковалев, Н.И., 1993. Почему самовар поет? Рассказы о простых вещах / Н.И. Ковалев. — Спб.: Лениздат. — 95 с.

Кокорина, Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв. / Н.А. Кокорина. – Казань: ИА РАН, ИИ АНТ. – 383 с.

Колчин, Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) / Б.А. Колчин // МИА. — № 65. – С.7-120.

Колчин, Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей / Б.А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М: Наука. – С.156-177

Корзухина, Г.Ф., 1977. Об Одине и кресалах Прикамья / Г.Ф. Корзухина // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука.

Королев, К.С., 1997. Население Средней Вычегды в древности и средневековье / К.С. Королев. – Екатеринбург: КНЦ УрО РАН. – 196 с.

Корчагин, П.А., Мельничук, А.Ф., 2003. "Протогород": а была ли проблема? / П.А. Корчагин, А.Ф. Мельничук // Вестн. Пермск. ун-та. — Вып. 4, История. — Пермь: ПГУ. – С.55-65.

Кочкуркина, С.И., 1968. Оятские могильники X-XI вв. / С.И. Кочкуркина // СА. — № 2.

Кочкуркина, С.И., 1973. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. / С.И. Кочкуркина. – Л. – 150 с.

Кочкуркина, С.И., 1981. Археологические памятники Корелы / С.И. Кочкуркина. — Л.: Наука. – 160 с.

Краснов, Ю.А., 1987. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А. Краснов. — М. – С.197.

Кренке, Н.А., 1984. Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири / Н.А. Кренке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. –

Томск: ТГУ. – С.137-145.

Кригер, В.А., Железчиков, Б.Ф., 1980. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области / В.А. Кригер, Б.Ф. Железчиков // СА. — № 1.

Крыласова, Н.Б., 1994. Раскопки Рождественского могильника в Верхнем Прикамье / Н.Б. Крыласова // Археологические открытия 1993 г. – М.: Наука

Крыласова, Н.Б., 1995. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника / Н.Б. Крыласова // РА. — № 2. – С.192–197.

Крыласова, Н.Б., 2000. Древнерусские изделия в материалах Рождественского могильника в Пермской области / Н.Б. Крыласова // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. — Екатеринбург.

Крыласова, Н.Б., 2000а. Реконструкция поясных сумочек прикамских племен (по материалам могильников X–XI вв.) / Н.Б. Крыласова // Оборинские чтения: матер. археологических конф. – Пермь: ПОКМ. – С.26-29.

Крыласова, Н.Б., 2001. Реконструкция костюма по материалам Рождественского и Огурдинского могильников X–XI вв. / Н.Б. Крыласова // Археология и этнография Среднего Приуралья. — Вып.1. – Березники. – С.122-137.

Крыласова, Н.Б., 2001. Средневековый костюм Верхнего Прикамья как индикатор этнокультурных связей по Камскому торговому пути / Н.Б. Крыласова // Великий Волжский путь: матер. круглого стола и Междунар. науч. семинара. – Казань: АНТ РАН. – С.146-152.

Крыласова, Н.Б., 2001. Элементы воспитания и обучения у средневекового населения Пермского Предуралья на примере детских игрушек / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ. — Вып.1-2: сб. науч. работ. – Пермь: ПГПУ. – С.33-38.

Крыласова, Н.Б., 2002. Основные элементы "общебулгарского" костюма X–XI вв. по материалам Рождественского могильника в Пермском Предуралье / Н.Б. Крыласова // Великий Волжский путь. История формирования и развития. – Казань: ИИ АНТ. – С.89-105.

Крыласова, Н.Б., 2003. Элементы огнива Рождественского археологического комплекса / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ. — Вып. III. – Пермь: ПГПУ. – С.79–103.

Крыласова, Н.Б., 2004. Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей / Н.Б. Крыласова // Путями средневековых торговцев. – Пермь: ПГПУ. – С.47-57.

Крыласова, Н.Б., 2004а. Керамические статуэтки из средневековых поселений Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УДИИЯЛ. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – С.261-269.

Крыласова, Н.Б., 2005. Керамические валики (новая категория вещей, выделенная на средневековых городищах Пермского Предуралья) / Н.Б. Крыласова // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Кудымкар: Адм. КПАО. – С.77-78.

Крыласова, Н.Б., 2006. К вопросу об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как "Один и вороны"/ Н.Б. Крыласова // РА. — № 4. – С.64–74.

Крыласова, Н.Б., 2007. Археология повседневности / Н.Б. Крыласова. –

Пермь: ПГПУ. — 352 с.

Крыласова, Н.Б., 2007. Зооморфные роговые гребни в материальной культуре Севера Восточной Европы / Н.Б. Крыласова // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. – Новосибирск: Изд-во Ин. археологии и этнографии СО РАН, 2007. – С.73-81.

Крыласова, Н.Б., 2007. Хронология кресал Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Известия ЧНЦ УрО РАН. — № 1. – Челябинск.

Крыласова, Н.Б., Белавин, А.М., 2000. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: матер. науч. конф. — Ижевск. — С.325-328.

Крыласова, Н.Б., Белавин, А.М., Ленц, Г.Т., 2002. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Прикамье / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, Г.Т. Ленц // Великий Волжский путь. История формирования и развития. — Ч. II. — Казань. — С.106-119.

Крыласова, Н.Б., Белавин, А.М., Ленц, Г.Т., 2003. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Прикамье / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, Г.Т. Ленц // Труды КАЭЭ ПГПУ. — Вып.III. — Пермь: ПГПУ. — С.56-71.

Крыласова, Н.Б., Бочарова, Е.О., Бочаров, И.В., 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса / Н.Б. Крыласова, Е.О. Бочарова, И.В. Бочаров // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып.1. — Екатеринбург: Изд-во "Екатеринбург". – С.101-125.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв., 2003. — М.: Наука. — 533 с.

Кулаков, В.И., 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V-XI вв. / В.И. Кулаков // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. — Вып.2. — СПб.

Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. – М.: Наука. – 216 с.

Кутаков, Ю.М., Старков, А.В., 1997. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) / Ю.М. Кутаков, А.В. Старков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.1. – Екатеринбург: Мин. культ. Св. об-ти. – С.130-147.

Кызласов, И.Л., 1983. Аскизская культура / И.Л. Кызласов // САИ. — Вып. Е3-18. — М.: Наука. – 128 с.

Ленц, Г.Т., 2002. Косторезное производство в Верхнем Прикамье / Г.Т. Ленц // Очерки по археологии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – С.217-243.

Ленц, Г.Т., 2004. Гребни городища Анюшкар / Г.Т. Ленц // Путями средневековых торговцев. – Пермь: ПГПУ. – С.58-77.

Лесман, Ю.М., 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада / Ю.М. Лесман // КСИА, № 166. – М.: Наука. – С.98-103.

Лещенко, В.Ю., 1971. Восточные клады на Урале в VII-XIII вв (По находкам художественной утвари) / В.Ю. Лещенко: дис. канд. ист. наук. — Л. — РА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 2-д, № 110, 111, 112.

Лещинская, Н.А., 1988. Исследования Еманаевского городища / Н.А. Лещинская // Новые археологически е памятники Камско-Вятского междуречья. — Ижевск.

Лобанов, Н.А., 1989. Некоторые бытовые находки из Пскова / Н.А. Лобанов // КСИА. — Вып.195. – М.: Наука. – С.80-85.

Львова, З.А., 1959. Стеклянные бусы и браслеты из Саркела – Белой Вежи / З.А. Львова // МИА. № 75. – С. 329-331.

Львова, З.А., 1961. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII-XIII вв. / З.А. Львова. – Л.: ГЭ.

Львова, З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги / З.А. Львова / / АСГЭ. № 10. — С.64-94.

Львова, З.А., 1973. Бусы I Поломского могильника, часть 1 / З.А. Львова // АСГЭ, вып. 15. – С. 83-105.

Мажитов, Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. / Н.А. Мажитов. – М.: Наука. – 164 с.

Макаров, Л.Д., 1997. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I — начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) / Л.Д. Макаров // Шведы и Русский Север. — Киров. – С.39-57.

Макаров, Л.Д., 2006. Связи Вятской земли в XII-XV вв. по археологическим материалам / Л.Д. Макаров // Finno-Ugrica. — № 9. — Казань: ИИ АНТ. – С.131-143.

Макаров, Н.А., 1982. Средневековый могильник Попово в Каргаполье / Н.А. Макаров // КСИА. Вып.195. – М.: Наука.

Макаров, Н.А., 1989. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси / Н.А.Макаров // Новые исследования по этногенезу удмуртов. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – С.51–64.

Макаров, Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. / Н.А. Макаров. — М. – 368 с.

Матвеева, Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке / Г.И. Матвеева. – Самара: СГУ. – 225 с.

Матвеева, Н.П., 1997. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья / Н.П. Матвеева // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск.

Медведев, А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого / А.Ф. Медведев // МИА. — № 65. — М. – С.121-191.

Медведев, А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII-XIV вв. / А.Ф. Медведев // САИ. — Вып.Е1-36. — М. – 184 с.

Медведев, А.Ф., 1966а. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе / А.Ф. Медведев // СА. — №2. – С. 50-60.

Мейнандер, К.Ф., 1979. Биармы / К.Ф. Мейнандер // Финно-угры и славяне. — Л.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) / А.С. Мельникова. – М.: Финансы и статистика. — С.255.

Мельникова, Е.А. 1999. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы/ Е.А. Мельникова // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. — Казань: Мастер-Лайн. – С.80-94.

Мельникова, Е.А., Петрухин, В.Я., 1986. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандина-

вия) / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // История СССР. — № 5.

Мищенко, О.П., 2001. К вопросу о происхождении, хронологии и сакральном значении медных и бронзовых изделий со святилищ в Среднем Зауралье / О.П. Мищенко // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып.4. — Екатеринбург: Мин-во. культ. Свердл. обл. — С.140-150.

Могильников, В.А., 1968. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. н.э. / В.А. Могильников // УЗ ПГУ. №191. — Пермь: ПГУ. — С.269-191.

Молчанов, А.А. 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские "Jartegnir" / А.А. Молчанов // Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докладов. — Ч.1. — М.

Морозов, В.М., Панина, С.Н., 1997. Городище Янычково / В.М. Морозов, С.Н. Панина // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып.1. — Екатеринбург: НПЦ по охране и использов. памятников истории и культуры Свердл. обл. — С.76-90.

Морозов, В.М., Сериков, Ю.Б., 1999. Средневековый комплекс поселения Атымья I / В.М. Морозов, Ю.Б. Сериков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып.3. — Екатеринбург: Мин-во культ. Свердл. обл. — С.175-182.

Мухамадиев А.Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система (XII-XV вв.). — М.: Наука. — 188 с.

Мухамадиев А.Г., 2005. Древние монеты Казани. — Казань: Татар. кн. Изд-во. — 200 с.

Назаренко, В.А., 1984. Новый памятник заволочской чуди / В.А. Назаренко // Новое в археологии СССР и Финляндии. — Л.

Назаренко, В.А., Овсянников, О.В., Рябинин, Е.А., 1984. Средневековые памятники чуди заволочской / В.А. Назаренко, О.В. Овсянников, Е.А. Рябинин // СА. — № 4.

Напольских, В.В., 2006. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. / В.В. Напольских // Вопросы ономастики. — № 3. — Екатеринбург. — С.65-75.

Недошивина, Н.Г., 1967. Перстни / Н.Г. Недошивина // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.: тр. ГИМ. — Вып.43. — М. — С.253-274.

Нефедов, Ф.Д., 1899. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1893 и 1895 гг. / Ф.Д. Нефедов // МАВГР. — Т. 3.

Новокрещенных, Н.Н., 1901. Археологические исследования в западной части Пермской губернии / Н.Н. Новокрещенных // Труды Пермской ученой архивной комиссии. — Вып. 4. — Пермь.

Носов, Е.Н., 2002. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) / Е.Н. Носов // Исторические записки. — Вып.5 (123). — М. — С.5-42.

Носов, Е.Н., Горюнова, В.М., Плохов, А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения / Е.Н. Носов, В.М. Горюнова, А.В. Плохов. — СПб. — 404 с.

ОАК, 1900. Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1897 г. — СПб.

Оборин, В.А., 1953. Рождественское городище и могильник / В.А. Оборин // УЗ ПГУ. — Т.1X, вып.3. — Харьков: Харьк. ГУ. — С.161-177.

Оборин, В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья / В.А. Оборин // ВАУ. — Вып.9: Памятники ломоватовской культуры. – Свердловск: УрГУ. – С.3-29.

Оборин, В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль / В.А. Оборин. – Пермь: Перм. кн. изд-во. – 190 с.

Оборин, В.А., 1999. Коми-пермяки / В.А. Оборин // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ. – С.255-298.

Оборин, В.А., Балашенко, Л.А., 1968. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья / В.А. Оборин, Л.А. Балашенко // УЗ ПГУ. — № 191/ Труды камской археологической экспедиции. – Пермь: ПГУ. – С.28-48.

Овсянников, О.В., 1997. Русский Север: культуры и традиции северной тайги и тундры в позднем железном веке / О.В. Овсянников // Шведы и Русский Север. — Киров.

Овчинникова, Б.Б., 2000. Писала-стилосы Древнего Новгорода X-XV вв. / Б.Б. Овчинникова // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. — Екатеринбург. — С.45-105.

Островский, С.Л., 2001. К систематике причин выпадения кладов серебра в средневековом Предуралье / С.Л. Островский // Труды КАЭЭ ПГПУ. — Вып.I-II – Пермь. — С.39-42.

Остроумов И.Г., 1926. Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы / И.Г. Остроумов // Пермский краеведческий сборник. – Вып. II. – Пермь.

Очерки истории традиционного землепользования хантов, *1999.* — Екатеринбург: Тезис. — 216 с.

Пастушенко, И.Ю., 2002. История изучения так называемой "сылвенской" культуры / И.Ю. Пастушенко // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. — Ижевск.

Первухин, Н.Г., 1896. Опыт археологических исследований Глазовского уезда Вятской губернии / Н.Г. Первухин // МАВГР. — Т.II. – М. – С.13-127.

Петербургский, И.М., 1975. Орудия земледелия мордвы в I – начале II тысячелетия н.э. / И.М. Петербургский // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Тр.НИИЯЛИЭ Морд АССР. — Вып.48. — Саранск.

Петренко, В.П.., 1984. Финно-угорские элементы в культуре Средневековой Ладоги / В.П. Петренко // Новое в археологии СССР и Финляндии. – Л.: Наука. – С.83-90.

Петрухин, В.Я., Раевский, Д.С. 1998. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — М.

Плетнева, С.А., 1958. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях / С.А. Плетнева // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. — Т.I. МИА. — № 62. – М.-Л.: АН СССР. – С.151-226.

Плетнева, С.А., 1967. От кочевий к городам / С.А. Плетнева // МИА. — № 142. — М.

Подосенова, Ю.А., 2006. Калачевидные височные украшения Пермского Предуралья: технология изготовления, происхождение и распространение / Ю.А. Подосенова // Пятые Берсовские чтения. — Екатеринбург: СОКМ. — С.166-171.

Полубояринова, М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде / М.Д. Полубо-

яринова. – М.: Наука. – 134 с.

Полубояринова, М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища / М.Д. Полубояринова // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. — М.: Наука. – С.151-219

Полубояринова, М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды / М.Д. Полубояринова. — М.: ИА АН СССР. — 112 с.

Попов, А.А., 1955. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия / А.А. Попов // СМАЭ. — Вып. XVI.

Рейнсон-Правдин, А.Н., 1949. Игра и игрушка народов Обского Севера / А.Н. Рейнсон-Правдин // СЭ. — № 3. – С.109-132.

Розенфельдт, Р.Л., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. / Р.Л. Розенфельдт. — М.

Руденко, К.А., 2000. Датировка находок "аскизского" круга из Волжской Булгарии / К.А. Руденко // Аскизские древности в средневековой истории Евразии: матер. Всерос. науч.-практич. конф. – Казань: ГМРТ. — С.48-127.

Руденко, К.А., 2001. Поясной набор с VI Алексеевкого селища в Татарстане / К.А. Руденко // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). — Т.2. — Самара.

Руденко, К.А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. / К.А. Руденко. — Казань: Заман.

Руденко, К.А., 2004. О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI-XIV вв. / К.А. Руденко // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. — Йошкар-Ола: МарНИИ. — С.148-159.

Руденко, К.А., 2007. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура / К.А. Руденко. – Казань: НМРТ. – 244 с.

Рыбаков, Б.А., 1948. Ремесло древней Руси / Б.А. Рыбаков. — М. – 792 с.

Рындина, Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X-XV вв. / Н.В. Рындина // МИА, № 117. – М. — С.200-268.

Рычков, Н.П., 1772. Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства / Н.П. Рычков. — СПб.

Рябинин, Е.А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. / Е.А. Рябинин // Археология СССР. САИ. — Вып. Е 1-60. – Л.: Наука. – 123 с.

Рябинин, Е.А., 1982. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973 – 1975 гг.) / Е.А. Рябинин // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. — С. 165-173.

Рябинин Е.А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) / Е.А. Рябинин // Новые источники по археологии Северо-Запада. – СПб.: ИИМК РАН. – С.5-59.

Савельева, Э.А., 1968. Средневековый могильник в верховьях Выми (Коми АССР) / Э.А. Савельева // УЗ ПГУ. № 191 / Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь: ПГУ.

Савельева, Э.А., 1971. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми / Э.А. Савельева. – М.: Наука. – 224 с.

Савельева, Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э.А. Савельева. – Л.: ЛГУ. – 200 с.

Савельева, Э.А., Королев, К.С., 1990. По следам легендарной чуди /

Э.А. Савельева, К.С. Королев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во. – 128 с.

Савинов, Д.Г., 1981. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции / Д.Г. Савинов // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск.

Садыкова, М.Х., 1962. Новые памятники железного века Башкирии // Археология и этнография Башкирии. — Т.I. — Уфа.

Салангина, С.В., 1998. Копоушки Прикамья. Вопросы хронологии и этнической принадлежности / С.В. Салангина // Проблемы хронологии волжских болгар: тез. — Казань.

Сарапулов, А.Н., Шмуратко, Д.В., 2006. Статистический анализ земледельческого инвентаря средневековых погребальных памятников Пермского Предуралья / А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко // Музей и наследие коми-пермяков в пространстве Пермского края. — Кудымкар.

Седов, В.В., 1975. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. / В.В. Седов // Средневековые древности Восточной Европы. КС. — № 144. — М.

Седов, В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов // Археология СССР. – М.: Наука. – 327 с.

Седов, В.В., 2002. Изборск – протогород / В.В. Седов. — М.: ИА РАН. – 97 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.) / М.В. Седова. – М.: Наука. – 196 с.

Седых, В.Н., Макарова, В.В., 2001. Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н.э. по материалам из кости (предварительное сообщение) / В.Н. Седых, В.В. Макарова // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. – СПб.: Старолад. музей-зап. – С.95–99.

Семенов, В.А., 1980. Варнинский могильник / В.А. Семенов // Новый памятник поломской культуры. – Ижевск: НИИ при СовМин УдАССР. – С.5–135.

Семенов, В.А., 1985. Омутницкий могильник / В.А. Семенов // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: НИИ при СовМин УАССР. – С.92-118.

Семенов, В.А., 1985а. Городище Весья-Кар / В.А. Семенов // Материалы средневековых памятников Удмуртии. — Устинов.

Семенов, В.А., 1988. Тольенский могильник IX – начала X в. / В.А. Семенов // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – С.25-58.

Семенова, В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья / В.И. Семенова. – Новосибирск: Наука. – 296 с.

Смирнов, А.П., 1951. Волжские булгары / А.П. Смирнов // Труды ГИМ. — Вып.XIX. — М. – 275 с.

Смирнов, А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / А.П. Смирнов // МИА. — № 28. – М.: АН СССР. – 276 с.

Сорокин, С.С., 1959. Железные изделия Саркела–Белой Вежи / С.С. Сорокин // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. — Т.II. / МИА. — № 75. –М.-Л.: АН СССР. – С.135-139.

Спицын, А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы / А.А. Спицин // МАР. — № 25. — СПб.

Спицин, А.А, 1902. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых / А.А. Спицин // МАР. — №26. – СПб.: Имп. Арх. комиссия. – 110 с.

Спицин, А.А., 1915. Археологический альбом / А.А. Спицин // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. — Т. XI. – Пг.

Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981 // Археология СССР. – М.: Наука. – 304 с.

Сумина, А.И., 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья / А.И. Сумина // Археологический сборник / Тр. ГИМ. — Вып.111. — М.

Суслова, С.В., 1980. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. / С.В. Суслова. — М.

Талицкий, М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. / М.В. Талицкий // МИА. — №22. – М.: АН СССР. – 192 с.

Теплоухов Ф.А., 1894. Выставка древностей Пермского края в Перми в 1894 г. / Ф.А. Теплоухов // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. – Пермь. – С.9-17.

Теплоухов Ф.А., 1895. Древности пермской чуди из серебра и золота и торговые пути / Ф.А. Теплоухов // Пермский Край. — Т.III. – С. 245-290.

Теплоухов, Ф.А., 1893. Древности Камской чуди в виде баснословных людей и животных / Ф.А. Теплоухов // Пермский край. Т.II. – Пермь.

Толочко, П.П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев: Абрис. – 198 с.

Трухина, Н.В., 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X-XII вв. / Н.В. Трухина // Археологический сборник / Труды ГИМ. — Вып. 40. — М.

Уткин, П.И., 1970. Русские ювелирные украшения / П.И. Уткин. — М.

Фахрутдинов, Р.Г., 1984. Очерки по истории Волжской Булгарии / Р.Г. Фахрутдинов. – М.: Наука. – 216 с.

Федорова, Е.Г., 1988. Ребенок в традиционной мансийской семье / Е.Г. Федорова // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука. – С.81-84.

Федорова, Н.В., 1990. Болгарские сканные украшения Зауралья / Н.В. Федорова // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – С.131-141.

Федоров-Давыдов, Г.А., 1957. О болгарских гирьках из собрания Государственного музея ТАССР / Г.А. Федоров-Давыдов // СА. — № 1.

Федоров–Давыдов, Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. — М.: МГУ. — 276 с.

Федоров-Давыдов, Г.А., 1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара / Г.А. Федоров-Давыдов // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука. – С.158-204.

Фехнер, М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М.В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 38. – С. 149-224.

Фехнер, М.В., 1963. Изделия косторезного производства / М.В. Фехнер // Ярославское Поволжье X-XI вв. — М. – С.39-42.

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999. — Ижевск.

Фроянов, И.Я., Михайлова, И.Б., 1999. Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) / И.Я. Фроянов, И.Б. Ми-

хайлова // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. — СПб. — С.228-236.

Халиков, А.Х., 1981. Семеновский клад железных изделий / А.Х. Халиков // Из истории ранних булгар. – Казань: КФ АН СССР. – С.102-108.

Халиков, А.Х., Безухова, Е.А., 1960. Материалы к древней истории Поветлужья / А.Х. Халиков, Е.А. Безухова. – Горький: Горьк. гос. ист.-культ. музей-заповедник. – 60 с.

Халикова, Е.А., 1976. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. / Е.А. Халикова. — Казань: КГУ. – 160 с.

Харузина, В., 1912. Игрушка у малокультурных народов / В. Харузина // Игрушка, ее история и значение. – М. – С.85–92.

Хинц, В., 1970. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему / В. Хинц. — М.

Хлебникова, Т.А. 1963. Еще одна находка булгарских ювелирных изделий / Т.А. Хлебникова // СА. — № 1. – С.133-135.

Ходзевич, Л.П., Шавкунов, Э.В., 1990. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока / Л.П. Ходзевич, Э.В. Шавкунов. – Владивосток.

Хузин Ф.Ш., 2001. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИИ АНТ. – 480 с.

Хузин, Ф.Ш., 1995. Великий город на Черемшане / Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИЯЛИ АНТ. – 224 с.

Хузин, Ф.Ш., 1999. Древняя Казань и проблемы ее возникновения / Ф.Ш. Хузин // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. — Казань. – С.196-226

Хузин, Ф.Ш., 2001. Булгарский город в X начале XIII вв. — Казань: ИИ АНТ. – 480 с.

Циркин, А.В., 1987. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. / А.В. Циркин. — Красноярск.

Чернецов, В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. / В.Н. Чернецов // МИА, 58. — С.136-245

Чиндина, Л.А., 1977. Могильник Рёлка на средней Оби / Л.А. Чиндина. – Томск: ТГУ. – 194 с.

Шарапов, В.Э., 2002. Акань / В.Э. Шарапов // Мифология коми. — Режим доступа: http // www.komi.com

Шарифуллин, Р.Ф., 1984. Исследования IV Билярского могильника в 1979 г. / Р.Ф. Шарифуллин // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань: КФ АН СССР. – С.65-82.

Школьникова, Н.А., 1978. Стеклянные украшения конца I тыс. н.э. на территории Приднестровья / Н.А. Школьникова // СА. – № 1. – С. 97-104.

Шутова, Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников / Н.И. Шутова. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – 264 с.

Щапова, Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода / Ю.Л. Щапова // МИА. – № 26. – С.164-179.

Щапова, Ю.Л., 1962. О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю.Л. Щапова // СА. — № 2. – С. 81-96.

Щапова, Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси / Ю.Л. Щапова. — М.: Изд-во МГУ. — 215 с.

Янин, В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья.

Домонгольский период / В.Л. Янин. — М.: МГУ. – 207 с.

Ястребицкая, А.Л., 1979. Предгородские и раннегородские поселения в средневековой Европе (обзор) / А.Л. Ястребицкая // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма: реф. сб. — Ч. 1. — М. — С. 271-302.

Appelgren-Kivalo, H., 1915. Kansallisuusmaarayksista muinaistieteessa / H. Appelgren-Kivalo // Finskt museum. — XXII.

Arbman, H., 1943. Birka I. Die Grabe. Text / H.Arbman. – Uppsala.

Cleve, N., 1929. Finlandska fornsaker. 2. Eldstal med bronsfaste / N. Cleve // Finskt Museum. — XXXVI. – S.51-60.

Aspelin J.K., 1876. De la civilisation prehistorique des peuples permiens / J.K. Aspelin // Travaux de la 3-e session du Congres international des Orientalisten. — St. — Petersbourg. —Vol.II, №28. — P. 412.

Aspelin J.K., 1878. De la civilisation prehistorique des peuples permiens et de leur commerce avec l'orient. Leid / J.K. Aspelin // Tire du vol. II des Travaux de la 3-e session du Congres international des Orientalisten.

Dolley, R.H., 1978. M., 'An Introduction to the Coinage of Æþelred II', in Ethelred the Unready: Papers from the Millenary Conference, ed. D. Hill. — Oxford. — Pp. 115–133.

Ennen, E., 1979. The Medieval Town / E. Ennen. — Amsterdam.

Fengler, Heinz, Gerhard Gierow und Willy Unger: transpress Lexikon Numismatik. 3., bearbeitete und erweiterte Aufl., Berlin: transpress VEB Verlag fur Verkehrswesen, Berlin, 1982. Hermann Dannenberg: Die deutschen Munzen der sachsischen und frankischen Kaiserzeit. 4 Bande. 1 Tafelband. Berlin 1876-1905. XLI, 1020 Seiten, 121 Tafeln.

Graslung, A.-S., 1984. Beutel und Taschen / A.-S. Graslung // Birka II:I. Systematische Analysen der Graberfunde. — Stockhgolm. — S.119-124.

Halikova, E.A., Kazakov, E.P., 1977. Le cimetriere de Tanceevka / E.A. Halikova, E.P. Kazakov // Les anciens Hongrois el les ethies voisines a I'Est. – Budapest.

Kivikoski, E., 1937. Studien zu Birkas Handel im cstlichen Ostseegebiet / E. Kivikoski // Acta archaeologica. — VIII.

Kivikoski, E., 1939. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet / E. Kivikoski // SMA — XLIII. – 268 s.

Kivikoski, E., 1951. Die Eisenzeit Finniands / E. Kivikoski. – Helsinki.

Kokovski, A., 1985. Die Feuerstahlwerkzenge der Pszeworskkultur / A. Kokovski // Memoires Archeologiques. – Lublin.

Ksks, P., 1969. Ett ryttareldstel. Nordsvensk forntid / P. Ksks // Skytteanska samfundets handlingar 6. – Umee.

The Ansient Hungarians, 1996. — Budapest.

The Medieval City, 1978. — New Haven. — L.

***Æþelred** the Unready, 2003.* The ill-counselled king. By Ann Williams. — London-New York: Hambledon and London.

North, J.J., 1963. English Hammered Coinage, 1st Edition, Volume 1; Op.cit., 1980; Op.cit. 1994; *Seaby, B.A., 1936.* Ltd.; Catalogue of the Coins of Great Britian and Ireland, Edition; Op.cit. 1938, Edition, 1938; Seaby, Herbert Allen; Standard Catalogue of the Coins of Great Britian and Ireland, 1945 Edition; 1945; Op.cit. 1947 Edition, 1947; Op.cit. 1949 Edition, 1949; Op.cit. 1954 Edition, 1954; Op.cit. 1956 Edition, 1956; Op.cit. 1958 Edition, 1958;

Op.cit. 1960 Edition, 1960; Seaby, Herbert Allen; Standard Catalogue of British Coins, Part 1, 1st Edition; 1962; Op.cit. 2st Edition; 1963; Op.cit. 3rd Edition; 1964; Op.cit. 4rd Edition; 1965; Op.cit. 5th Edition; 1966; Op.cit. 6th Edition; 1967; Op.cit. 7th Edition; 1967; Seaby, Herbert Allen; Standard Catalogue of British Coins, Parts 1 & 2, 8th Edition; 1969; Op.cit. 9st Edition; 1970...; Op.cit. to 42st Edition; 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук
АНТ – Академия наук Татарстана
АНРТ – Академия наук республики Татарстан
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИХМ – Березниковский историко-художественный музей им.Коновалова
БНЦ – Башкирский научный центр
БФ – Башкирский филиал
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИТИС – Государственный институт театрального искусства
ДГУ – Донецкий государственный университет
ДТ – Дневник Теплоуховых
ИА – Институт археологии
ИИ – Институт истории
ИИиА – Институт истории и археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
ИПК – издательско-полиграфический комплекс
ИЭ – Институт этнографии
ИЯ – Институт языкознания
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГУ – Казанский государственный университет
КНЦ АН СССР – Казанский научный центр АН СССР
КНЦ РАН – Коми научный центр РАН
КПОКМ – Коми-пермяцкий окружной краеведческий музей им. Субботина-Пермяка
КПООН – коми-пермяцкий отдел общественных наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КТ – коллекция Теплоуховых
КФ – Коми филиал
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
МарГУ – Мерийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ ПГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья Пермского государственного педагогического университета
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НИИ при Сов.Мин.УдАССР – Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской автономной советской социалистической республики
НМРТ – Национальный музей республики Татарстан
ОАК – Отчеты Археологической комиссии
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПФ – Пермский филиал
РА – Рукописный архив
РАН – Российская академия наук
РТ – Республика Татарстан
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СОКМ - Свердловский областной краеведческий музей
СО – Сибирское отделение
СССР – Союз советских социалистических республик
СтИАиАМЗ – Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды института этнографии
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
УЗ – Ученые записки
УНЦ – Уфимский научный центр
УрО – Уральское отделение
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЧКМ – Чердынский краеведческий музей
ЧНЦ – Челябинский научный центр

УКАЗАТЕЛЬ К РИСУНКАМ

В указателе приняты следующие сокращения: PI, PII, PIII, PIV, PV, PVI – соответствующие раскопы Рождественского городища, РМ – раскоп I Рождественского могильника, м/м – междумогильное пространство раскопа I Рождественского могильника, РМ-PV раскоп V Рождественского могильника, 1308/… - номер по коллекционной описи 1981 г (раскопки Ю.А. Полякова, опись утеряна), КТ – коллекция Теплоуховых.

Рис.90 Лепная керамика Рождественского комплекса. Горшки							
1	PII-Яя/612 гл.-0,4м	*5*	PIV-Яма2-горн	*9*	1308/1045	*13*	PIV-Яма2-горн
2	PII-Я/7, гл.-0,3м	*6*	PII-Я/7, гл.-0,3м	*10*	PII-Яя/11, гл.-0,2м	*14*	PIV-Ь"/27, гл.-0,9м
3	PII-Яя/8, гл.-0,5м	*7*	PII-Я/9, гл.-0,3м	*11*	PII-Я/12, гл.-0,3м		
4	1308/962	*8*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*12*	1308/1132		

Рис.91 Лепная керамика Рождественского комплекса. Горшки, чаши							
1	PII-Яма2, гл.-1м	*10*	PII-Яма2, гл.-1м	*19*	1308/1030	*28*	1308/963
2	1308/265	*11*	PII-Яя/10, гл.-0,2м	*20*	1308/?	*29*	PI-О/24, гл.-0,1м
3	1308/987	*12*	PII-Я/8, гл.-0,2м	*21*	PII-Яма4, гл.-0,2м	*30*	PI-О/27, гл.-0,3м
4	1308/?	*13*	PII-Я/8, гл.-0,2м	*22*	PII-Яя/10, гл.-0,2м	*31*	PII-Яма2, гл.-0,2м
5	1308/341	*14*	1308/1007	*23*	PI-Ч/25, горн	*32*	PIV-Ь"/25, гл.-0,3м
6	PII-Ы/5, гл.-0,9м	*15*	PIV-Ч"/23, гл.-0,1м	*24*	1308/1109	*33*	1308/1063
7	PI-О/27, гл.-0,8м	*16*	PII-Ы/10, гл.-0,3м	*25*	PI-Н/17, гл.-0,5 м	*34*	PIV-Ь"/27, гл.-1,4м
8	PI-О/24, гл.-0,4м	*17*	PIV-Щ"/25, гл.-0,4м	*26*	1308/?		
9	PV	*18*	PIII	*27*	PIV-Яма2-горн		

Рис.92 Лепная керамика Рождественского комплекса. Горшки, чаши							
1	PII-Я/12, гл.-0,3м	*9*	PII-Ы/9, гл.-0,1м	*17*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*25*	PII-Щ/4, гл.-1,5м
2	PII-Я/5, гл.-0,9м	*10*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*18*	PII-Ы/9, гл.-0,3м	*26*	PII-Яя/10, гл.-0,2м
3	PII-Яя/10, гл.-0,2м	*11*	PII-Яя/12, гл.-0,2м	*19*	PII-Я/12, гл.-0,2м	*27*	PV-уч.Х, гл.-0,2м
4	PII-Я/12, гл.-0,3м	*12*	PII-Ы/5, гл.-0,9м	*20*	PIII-Г/18, гл.-0,4м	*28*	PII-Яма2, гл.-0,2м
5	1308/288	*13*	PII-Я/9, гл.-1м	*21*	PII-Яя/5, гл.-1м	*29*	PII-Яма2, гл.-0,2м
6	1308/394	*14*	PIII	*22*	PII-Я/7, гл.-0,3м	*30*	PII-Яя/5, гл.-1,3м
7	PII-Э/3, гл.-0,3м	*15*	1308/?	*23*	1308/553	*31*	PII-Я/13, гл.-0,3м
8	PIII-Э/18, гл.-0,4м	*16*	PII-Ы/10, гл.-0,3м	*24*	1308/1024	*32*	PII-Э/15, яма1

Рис.93 Горшки лепные							
1	PIV-Ь"/26, гл.-1,2м	*4*	PII-Э/12, гл.-0,80м	*7*	PII-Ю/3, гл.-0,9м	*10*	PII-Я/30, гл.-0,8м
2	PII-Щ/2, гл.-0,5-0,6м	*5*	PVI-Л/38, гл.-0,1м	*8*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*11*	PII-Я/30, гл.-0,7м
3	PII-Э/12, гл.-0,12м	*6*	PII-Я/5, гл.-0,9м	*9*	PII-Я/30, гл.-0,7м	*12*	PII-Яма4

Рис.94 Горшки, миски, сковорода (15), блюда, крышки (14, 16) лепные							
1	1308/1176	*5*	PII-Яма4, гл.-0,4м	*9*	PIV-Щ"/25, гл.-0,4м	*13*	1308/?
2	PII-Э/12, гл.-0,8м	*6*	PII-Яя/13, гл.-1,3м	*10*	PVI-Н/43, гл.-0,7м	*14*	1308/1049
3	PII-Яя/6, гл.-1м	*7*	1308/1065	*11*	PVI-Н/43, гл.-0,7м	*15*	1308/318
4	PII-Ы/5, гл.-1,3м	*8*	PII-Я/12, гл.-0,2м	*12*	PII-Яма2	*16*	PII-Э/1, гл.-1,4м

Рис.95 Горшки лепные							
1	PIII-Н/18, гл.-0,4м	*6*	PII-Яя/8, гл.-0,5м	*11*	PIV-бровка	*15*	PII-Яя/13, гл. -0,7м
2	PIV-Ь"/24, гл. -1,2м	*7*	1308/1119	*12*	PII-Яя/13, гл.-1,1м	*16*	PII-Яя/11, гл. -0,2м
3	PII-Я/12, гл.-0,2м	*8*	PII-Яя/13, гл. -1,1м	*13*	PIV-Щ"/22, гл.-0,6м	*17*	PIV-Ч"/23, гл. -0,3м
4	PII-Ш/16, гл.-0,7м	*9*	PII-Ы/2, гл.-1,3м	*14*	PV-квXXIV, гл.-0,5м	*18*	PIII-М/17, гл.-0,5
5	PII-Яя/8, гл.-0,5м	*10*	PII-Яя/13, гл.-1,1м				

Рис.96 Горшки лепные

1	PII, Я/12, гл.-0,5м	*7*	PIV-Ц"/22, гл. -0,4м	*13*	PIV-Ш"/25, гл. -0,8м	*19*	PII-Ю/10, гл.-0,2
2	PIV-Ч"/24, гл. -0,8м	*8*	PIV-Яма2-горн	*14*	PIV-Ь"/26, гл. -0,8м	*20*	PII-Яя/13, гл.-0,4
3	PIV-Яма2-горн	*9*	PIV-Щ"/24, гл. -0,8м	*15*	PIV-Ч"/23, гл.-0,8м	*21*	PIV-Ь"/27, гл.-1м
4	PIV-Щ"/26, гл.-0,7м	*10*	PIV-Яма2-горн	*16*	PVI-М/46, гл.-0,1	*22*	1308/1116
5	PIII-Ч/16, гл.-0,4м	*11*	PI	*17*	PI-Яма2	*23*	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м
6	PIV-Ч"/23, гл.-0,8м	*12*	PIV-Яма2-горн	*18*	PII-Яма4	*24*	PIV-Ц"/22, гл.-0,6м

Рис.97 Горшки лепные

1	1308/463	*11*	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м	*21*	PIV-Ь"/22, гл.-0,9м	*31*	PIII-М/17, гл.-0,4
2	1308/1064	*12*	PIV-Ь"/26, гл.-0,9м	*22*	PIV-Ь"/26, гл.-0,7м	*32*	PII-Яя/12, гл.-0,9м
3	PI-Ц/23, гл.-0,4	*13*	PII-Я/8, гл.-0,2м	*23*	PI	*33*	PII-Я/12, гл.-0,2м
4	PII-Ы/9, гл.-0,3	*14*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*24*	PI-Ы/5, гл.-0,2м	*34*	PI-Щ/5, гл.-0,2м
5	PI-С/22, гл.-0,4	*15*	PI-Р/22, гл.-0,2м	*25*	PIV-Ь"/24, гл.-0,7м	*35*	PIV-Ь"/26, гл.-1,2м
6	1308/324	*16*	PI-С/22, гл.-0,2м	*26*	PII-Яма4	*36*	PII-Я/8, гл.-0,3м
7	PIV-Ь"/26, гл. -0,7м	*17*	PI-Ю/3, гл.-0,2м	*27*	1308/1126	*37*	PII-Э/6, гл.-1м
8	PIV-Ь"/26, гл. -0,9м	*18*	PI-Я/5, гл.-0,9м	*28*	PIV-Ъ"/27, гл.-1,4м	*38*	PIV-Ч"/23, гл.-0,8м
9	1308/?	*19*	PIV-гл.0,2м	*29*	PIV-Ш"/22, гл.-0,4м		
10	PIV-Ч"/23, гл. -0,8м	*20*	PI-С/22, гл.-0,3	*30*	PIV-Щ"/25, гл.-0,9м		

Рис.98 Горшки лепные

1	PIV-Яма2-горн	*8*	PI-Яма1	*15*	PII-Э/10, гл.-0,3м	*21*	PIV-Ь"/26, гл.-0,5м
2	1308/800	*9*	PIV-Ъ"/27, гл. -1,4м	*16*	PIV-Ь"/27, гл.-1,1м	*22*	PV, соор.1, гл.-0,4
3	PII-Ю/5, гл.-0,5м	*10*	PI-Р/17, гл.-0,5	*17*	PIV-горн	*23*	PIV-Ь"/26, гл.-0,5м
4	PII-Э/14, гл.-0,2м	*11*	PII-Ю/10, гл.-0,3м				
5	PII	*12*	PII-Ю/5, гл.-1м	*18*	PII-Я/30, гл.-0,2м	*24*	PIV-Ь"/22, гл.-0,9м
6	PIII-Р/18, гл.-0,3	*13*	PIII-М/17, гл.-0,3	*19*	PIV-Щ"/25, гл.-0,7м	*25*	PIV-Ц"/22, гл.-0,6м
7	PIV-Ь"/23, гл.-1м	*14*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*20*	PII-Ы/14, гл.-0,2м	*26*	PIV-Ц"/22, гл.-0,6м

Рис.99 Горшки лепные

1	PIV-Ь"/27, гл.-0,9м	*5*	PIV-Ь"/25, гл.-0,8м	*9*	PIV-бровка	*13*	PIV
2	PI-Щ/6, гл.-0,2м	*6*	PIV-Ь"/26, гл.-0,9м	*10*	PIV-Ч"/26, гл. -0,5м	*14*	PII-Я/30, гл.-0,4м
3	PII-Яма4	*7*	PIV-Ь"/25, гл.-0,8м	*11*	PIV-Ч"/24, гл. -0,7м	*15*	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м
4	PIV-бровка	*8*	PIV-Ш"/26, гл.-0,6м	*12*	PIV-Ь"/26, гл. -0,9м	*16*	PIV-Ь"/24, гл.-0,8м

Рис.100 Горшки и чаши лепные

1	PII-Яма4	*5*	PIV-Ч"/24, гл.-0,8м	*9*	1308/?	*13*	PVI-Л/43, гл.-0,7м
2	PII-Яма4	*6*	PV-Яма3, гл.-1,4м	*10*	PIII, гл.-0,2	*14*	PII-Я/12, гл.-0,3м
3	PII-Я/13, гл.-0,2м	*7*	PVI-М/38, гл.-0,3м	*11*	PII-Ю/13, гл.-0,2м	*15*	PII-Яма 1, гл.-1,6 м
4	PII-Ы/15, гл.-0,2м	*8*	1308/669	*12*	PII-Я/7, гл.-0,2м	*16*	PII-Яма2, гл.-1м
						17	PIV-Ь"/25, гл.-0,8м

Рис.101 Горшки и чаши лепные

1	PII-Яя/12, гл.-0,8м	*7*	PII-Я/13, гл.-0,4м	*13*	PI-Б´/60, гл.-0,4м	*19*	PII-Я/8, гл.-0,2м
2	PV, уч.XXI, гл.-0,4м	*8*	PII-Я/13, гл.-0,4м	*14*	PI-Яма27, гл.-0,2м	*20*	1308/?
3	PII-Я/13, гл.-0,3м	*9*	PII-Э/12, гл.-0,8м	*15*	PII-Яма2, гл.-0,2м	*21*	PI-О/24, гл.-0,2м
4	PII-Э/14, гл.-0,7м	*10*	PII-Яя/13, гл.-1м	*16*	PII-Яма2, гл.-0,2м	*22*	PII-Яма1, гл. -0,2м

5	PII-Ю/9, гл.-0,3м	*11*	PV, Яма3, гл.-0,7м	*17*	PII-Я/12, гл.-0,3м	*23*	PII-Яма2, гл. -0,3м
6	PI-Б/61, гл.-0,2м	*12*	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	*18*	PIV-Ь"/23, гл. -1,2м	*24*	PII-Очаг, гл.-1,4м

Рис.102 Котлы лепные					
1	PIV-Ь"/26, гл.-0,7м	*3*	PIV-Ч"/22, гл.-1м	*5*	PIV-Щ"/23, гл.-1м
2	PIV-Щ"/22, гл.-0,6м	*4*	PIV-Ш"/22, гл.-0,6м	*6*	КТ/11375/81

Рис.103 Ручки лепных сосудов							
1	1308/?	*7*	PIV-Щ"/25, гл.-0,9м	*13*	PV-Яма3, гл.-0,8м	*19*	PIV-бовка
2	PIV-Ь"/27, гл. -1м	*8*	PIV-Яма2-горн	*14*	PIV-Ч"/22, гл.-0,9м	*20*	PI-Ы/62, гл.-0,2м
3	PIV-Щ"/25, гл. -0,7м	*9*	PI-Ы/64, гл.-0,2 м	*15*	PIV-Ш"/23, гл.-0,7м	*21*	PIV-Щ"/22, гл.-0,7м
4	PIV-Щ"/27, гл. -0,4м	*10*	PIV-Щ"/22, гл.-0,4м	*16*	PIV-Ч"/22, гл.-1м	*22*	PV-соор.1, гл.-0,9 м
5	PIV-Щ"/26, гл. -0,7м	*11*	PIV-Яма2-горн	*17*	PIV-Щ"/23, гл.-0,9м	*23*	PIV-Ь"/26, гл.-0,8м
6	PIV-Ь"/26, гл. -0,3м	*12*	PIV-Щ"/23, гл. -0,9м	*18*	PV-соор.1, гл. -0,7м	*24*	PI-С/27, гл.-1м

Рис. 105 Фагменты орнаментированных лепных сосудов							
1	PIV-Ч"/23, гл.-0,4 м	*6*	PII-Щ/2, гл. -0,4м	*11*	PII-Ы/3, гл.-0,4м	*15*	PIV-Ь"/27, гл.-1,02м
2	PIII-Г/16, гл.-0,4м	*7*	1308/330	*12*	PI-О/20, гл.-0,1м	*16*	PIV-Ь"/27, гл.-0,2м
3	PI-Ы/65, гл.-0,2м	*8*	PI-М/18, гл. -0,1м	*13*	PIV-Яма2-горн, гл. -0,9м	*17*	PIV-Яма2-горн, гл.-0,9м
4	PII-Я/12, гл.-0,2м	*9*	PI-Э/61, гл. -0,36м	*14*	PII-Яма2	*18*	PVI-Л/43-Яма1
5	PI-Т/25, гл.-0,1м	*10*	PI–П22, гл. -0,4м				

Рис.107 Корчаги и хумы							
1	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*13*	PIV-Щ"/24, гл. -1,2м	*25*	PV-уч.VIII, гл. -0,2м	*37*	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м
2	PIV-Щ"/22, гл. -1,15м	*14*	PIV-Ь"/26, гл.-0,5м	*26*	PIV-С"/26, гл.-1,2м	*38*	PIV-Ш"/25, гл. -0,5м
3	PIV-Ч"/24, гл. -0,7м	*15*	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	*27*	PIV-Яма2-горн	*39*	PIV-Щ"/25, гл. -0,8м
4	PIV-Ь"/24, гл. -0,9м	*16*	PIV-Ч"/24, гл. -0,9м	*28*	PIV-Щ"/24, гл. -1,1м	*40*	PIV-Яма2-горн
5	PIV-Щ"/26, гл. -0,7м	*17*	PIV-Щ"/25, гл. -0.7м	*29*	PIV-Ь"/23, гл.-0,1м	*41*	PIV-Щ"/25, гл. -0,8м
6	PIV-Ч"/23, гл. -0,1м	*18*	PIV-Щ"/23, гл. -0,2м	*30*	PIV-Ь"/27, гл.-0,9м	*42*	PIV-Яма2-горн
7	PII-Ю/14, гл.-0,1м	*19*	PIV-Щ"/23, гл. -0,2м	*31*	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*43*	PIV-Б"/25, гл. -0,5м
8	PVI-Л/43-Яма1	*20*	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*32*	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*44*	PII-Яя/13, гл. -0,2м
9	PIV-Яма2-горн	*21*	PIV-Щ"/23, гл. -0,7м	*33*	PIV-Щ"/22, гл. -0,8м	*45*	PIV-Р"/26, гл. -1,1м
10	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*22*	PIV-Ь"/27, гл.-0,6м	*34*	PIV-Ч"/24, гл. -0,3м	*46*	PIV-Щ"/24, гл. -0,8м
11	PIV-Яма2-горн	*23*	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*35*	PIV-Ч"/29, гл. -0,3м		

12	PIV-Щ"/22, гл. -0,4м	*24*	PV-уч.XIV, гл. -0,2м	*36*	PIV-Ъ"/27, гл. -1,4м		

Рис.108 Корчаги и хумы

1	PIV-Ь"/27, гл.-0,6м	*6*	PIV-Ь"/23, гл. -0,6м	*11*	PIV-Яма2-горн	*16*	PIV-Яма2-горн
2	PIV-Ь"/27, гл.-0,8м	*7*	PII-Ы/3, гл.-0.4м	*12*	PIV-Ш"/26, гл.-0,6м	*17*	PIV-Яма2-горн
3	PIV-Ь"/25, гл.-0,6м	*8*	PIV-Ь"/23, гл.-1м	*13*	PIV-Щ"/22, гл.-0,6м	*18*	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м
4	PIV-Щ"/23, гл. -0,4м	*9*	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м	*14*	PIV-Яма2-горн		
5	PIV-Ь"/26, гл.-0,9м	*10*	PVI-Л/40, гл.-0,1м	*15*	PIV-Яма2-горн		

Рис.109 Горшки

1	PIV-Ч"/24, гл. -0,7м	*14*	PIV-Ь"/23, гл. -0,9м	*27*	PIV-Ь"/25, гл. -0,5м	*40*	PIV-Щ"/23, гл. -0,7м
2	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	*15*	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	*28*	PIV-Щ"/24, гл. -0,8м	*41*	PIV-Яма2-горн
3	PIV-Яма2-горн	*16*	PII-Яя/12, гл. -1,7м	*29*	PIV-Яма2-горн	*42*	PIV-Яма2-горн
4	PIV-Ь"/24, гл. -0,9м	*17*	PII-Яя/12, гл. -1,5м	*30*	PIV-Яма2-горн	*43*	PIV-Щ"/23, гл. -0,8м
5	PIV-Яма2-горн	*18*	PIV-Ш"/27, гл. -1,1м	*31*	PI-Ы/65, гл.-0,2м	*44*	PIV-Яма2-горн
6	PIV-Яма2-горн	*19*	PIV-Ь"/27, гл.-0,2м	*32*	PIV-Яма2-горн	*45*	PIV-Яма2-горн
7	PIV-Яма2-горн	*20*	PIV-Яма2-горн	*33*	PIV-Ч"/22, гл. -0,6м	*46*	PIII-М/17, гл.-0,5м
8	PIV-Щ"/24, гл.-1м	*21*	PIV-Ь"/26, гл.-1,2м	*34*	PIV-Ь"/27, гл. -0,4м	*47*	PIV-Яма2-горн
9	PIV-Яма2-горн	*22*	PIV-Ь"/23, гл.-0,9м	*35*	PIV-Щ"/24, гл. -0,8м	*48*	PIV-Ч"/23, гл. -0,4м
10	PIV-Ь"/23, гл. -0,9м	*23*	PIV-Яма2горн	*36*	PIV-Щ"/26, гл.-1м	*49*	PIV-Яма2-горн
11	PIV-Ч"/22, гл.-1м	*24*	PIV-Ь"/27, гл.-0,6м	*37*	PIV-Ь"/23, гл. -0,4м	*50*	PIV-Ъ"/27, гл. -1,4м
12	PIV-Ь"/27, гл. -0,7м	*25*	PIV-Ь"/26, гл.-1м	*38*	PII-Ю/15, гл. -0,2м	*51*	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м
13	PIV-Щ"/25, гл. -0,7м	*26*	PIV-Ч"/24, гл. -0,7м	*39*	PIV-Яма2-горн	*52*	PIV-Щ"/26, гл. -0,5м

Рис.110 Горшки

1	PIV-Ь"/27, гл. -0,6м	*7*	PIV-Щ"/22, гл. -0,7м	*13*	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	*19*	PV-Л/49, -0,27м
2	PIV-Ч"/24, гл. -0,8м	*8*	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м	*14*	PIV-Ш"/24, гл. -0,9м	*20*	PII-Яма4-Я/13, гл. -0,3м
3	PIV-Ш"/27, гл. -0,6м	*9*	PIV-Щ"/26, гл. -0,4м	*15*	PIV-Щ"/24, гл. -1,2м	*21*	PIV-Ь"/27, гл.-0,9м
4	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	*10*	PIV-Ь"/27, гл. -0,6м	*16*	PIV-Ш"/26, гл. -0,6м	*22*	PI-Яма 17/85
5	PIV-Ь"/27, гл. -0,7м	*11*	PIV-Ъ"/27, гл. -1,4м	*17*	PIV-Ь"/27, гл.-0,8м	*23*	PIV-Щ"/22, гл.-0,7м
6	PIV-Ш"/27, гл. -0,4м	*12*	PIV-Ъ"/27, гл.-1м	*18*	PIV-Щ"/27, гл.-1м		

Рис.111. Горшки

1	PIV-Щ"/27, гл.-1м	*11*	PIV-Яма2-горн	*21*	PIV-Яма2-горн	*31*	PIV-Ч"/23, гл.-1м
2	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м	*12*	PIV-Ь"/26, гл. -0,3м	*22*	PIV-Ч"/24, гл. -0,3м	*32*	PIV-Щ"/22, гл. -0,3м

3	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	13	PIV-Ч"/23, гл. -0,6м	23	PIV-Ь"/26, гл. -1,15м	33	PIV-Ь"/22, гл.-0,9м
4	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	14	PIV-Ь"/26, гл. -0,6м	24	PIV-Щ"/26, гл.-1м	34	PIV-Яма2-горн
5	PIV-Ь"/27, гл. -0,7м	15	PIV-Яма2-горн	25	PII-ЬI/3, гл.-0,2м	35	PIV-Яма2-горн
6	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	16	PIV-Яма2-горн	26	PIV-Ш"/25, гл. -0,5м	36	PIV-Яма2-горн
7	PIV-Ь"/27, гл.-1м	17	PI-Н/22, гл.-0,2м	27	PIV-Ь"/21, гл.-1м	37	PIV-Щ"/23, гл. -1,15м
8	PIV-Щ"/26, гл. -0,2м	18	PIV-Ь"/23, гл. -0,9м	28	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	38	PIV-Яма2-горн
9	PIV-Щ"/25, гл. -1,2м	19	PV-Л/41, гл.-0,3м	29	PIV-Ь"/26, гл.-1м	39	PIV-Ь"/27, гл.-1м
10	PIV-Ь"/27, гл.-0,4м	20	PII-Э/5, гл.-0,4м	30	PIV-Ч"/23, гл.-1м		

Рис.112. Горшки

1	PIV-Щ"/22, гл. -0,3м	17	PIV-Яма2-горн	33	PIV-Яма2-горн	49	PIV-Ь"/24, гл.-0,7м
2	PIV-Ь"/23, гл. -0,8м	18	PIV-Щ"/24, гл. -0,3м	34	PIV-Яма2-горн	50	PIV-Щ"/25, гл. -0,6м
3	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	19	PIV-Щ"/24, гл. -0,6м	35	PIV-Ь"/26, гл.-1м	51	PIV-Ь"/24, гл.-0,9м
4	PIV-Щ"/22, гл. -1,15м	20	PIV-Ь"/22, гл. -1,15м	36	PIV-Щ"/22, гл. -1,15м	52	PIV-Яма2-горн
5	PIV-Яма2-горн	21	PIV-Щ"/22, гл. -1,15м	37	PIV-Яма2-горн	53	PIV-Ь"/27, гл.-1м
6	PIV-Ь"/23, гл. -0,6м	22	PIV-Ь"/27, гл.-1м	38	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м	54	PIV-Яма2-горн
7	PIV-Ч"/26, гл. -0,5м	23	PIV-Яма2-горн	39	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м	55	PIV-Щ"/24, гл. -1,2м
8	PIV-Щ"/23, гл. -0,7м	24	PIV-Ш"/23, гл. -0,9м	40	PIV-Ш"/25, гл.-1м	56	PIV-Яма2-горн
9	PIV-Щ"/23, гл. -1м	25	PIV-Ш"/22, гл. -0,8м	41	PII-Э/3, гл.-0,3м	57	PIV-Ь"/27, гл.-1м
10	PIV-Ь"/23, гл. -0,9м	26	PIV-Ь"/23, гл. -0,9м	42	PIV-Ь"/27, гл.-0,9м	58	PIV-Ь"/27, гл.-0,7м
11	PIV-Яма2-горн	27	PIV-Ь"/27, гл. -1м	43	PIV-Щ"/24, гл.-1м	59	PIV-Ь"/22, гл.-1,1м
12	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	28	PII-Э/3, гл.-0,5м	44	PIV-Щ"/25, гл. -0,7м	60	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м
13	PIV-Ь"/23, гл. -0,6м	29	PIV-Ь"/27, гл. -1м	45	PIV-Ч"/26, гл.-0,5м	61	PIV-Щ"/23, гл. -1,15м
14	PIV-Ь"/26, гл.-1м	30	PIV-Ш"/22, гл. -0,8м	46	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	62	PIV-Ь"/27, гл.-0,7м
15	PIV-Ь"/22, гл. -0,5м	31	PIV-Щ"/24, гл. -0,5м	47	PIV-Яма2-горн		
16	PIV-Щ"/24, гл. -0,5м	32	PIV-Ь"/27, гл. -1м	48	PIV-Ь"/27, гл.-1м		

Рис.113. Кувшины и кринки

1	PIV-Яма2-горн	18	PV-уч.XXXIII, гл. -0,4м	35	PIV-Ь"/27, гл. -1,15м	52	PII-Ю/1. Гл.-0,5м
2	PIV-Щ"/22, гл. -1,1м	19	PIV-Ь"/24, гл.-0,9м	36	PIV-Ь"/27, гл. -1,15м	53	PIV-Ч"/23, гл.-1м
3	PIV-Яма2-горн	20	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м	37	PIV-Р"/27, гл. -1,1м	54	PII-Т/23, гл.-0,4м

4	PIV-Ь"/27, гл. -1,1м	*21*	PIV-Ь"/24, гл.-0,8м	*38*	PIV-Яма2-горн	*55*	PIV-Ь"/22, гл. -0,8м
5	PIV-Ь"/27, гл. -1,15м	*22*	PIV-Ь"/27, гл.-1,15м	*39*	PI-Ф/25, гл.-0,1м	*56*	PIV-Ш"/27, гл.-1м
6	PIV-Ь"/23, гл. -0,1м	*23*	PII-Э/12, гл.-0,1м	*40*	PIV-Щ"/23, гл. -1,15м	*57*	PIV-Ш"/27, гл.-1м
7	PIV-Яма2-горн	*24*	PIV-Щ"/22, гл.-0,7м	*41*	PIV-Ь"/23, гл. -0,1м	*58*	PIV-Яма2-горн
8	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м	*25*	PIV-Щ"/22, гл.-1,1м	*42*	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	*59*	PIV-Яма2-горн
9	PIV-Щ"/26, гл. -0,7м	*26*	PIV-Ш"/23, гл.-0,8м	*43*	PIV-Ь"/22, гл. -1,15м	*60*	PIV-Ч"/24, гл. -0,6м
10	PIV-Ч"/23, гл. -0,2м	*27*	PVI-М/41, гл.-0,1м	*44*	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	*61*	PIV-Ь"/23, гл. -0,7м
11	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	*28*	PIV-Р"/26, гл.-0,6м	*45*	PIV-Ь"/22, гл. -0,9м	*62*	PIV-Яма2-горн
12	PIV-Ч"/23, гл. -0,2м	*29*	PIV-Ш"/26, гл.-0,3м	*46*	PII-Ю/11, гл. -0,2м	*63*	PIV-Ч"/24, гл. -0,3м
13	PIV-Ч"/23, гл. -0,2м	*30*	PIV-Щ"/24, гл.-0,8м	*47*	PIV-Ь"/27, гл. -0,5м	*64*	PIV-Яма2-горн
14	PIV-Ш"/25, гл. -0,3м	*31*	PV-уч.XXXVII, гл.-0,2м	*48*	PIV-Яма2-горн	*65*	PIV-Яма2-горн
15	PVI-М/42, гл. -0,1м	*32*	PVI-М/38, гл.-0,1м	*49*	PIV-Ь"/22, гл. -0,9м	*66*	PII-Ы/15, гл.-0,2м
16	PII-Ы/4, гл.-0,5м	*33*	PIV-Ь"/24, гл.-0,8м	*50*	PI-С/27, гл.-0,2м	*67*	PVI-Л/43, гл.-0,7м
17	PIV-Яма2-горн	*34*	PIV-Ь"/27, гл.-1м	*51*	PIV-Яма2-горн	*68*	PIV-Ь"/23, гл. -0,1м
						69	PIV-Щ"/24, гл. -1,15м

Рис.114. Кувшины и кринки

1	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м	*14*	PIV-Яма2-горн	*27*	PIV-Яма2-горн	*40*	PIV-Яма2-горн
2	PIV-Ь"/23, гл.-0,1м	*15*	PIV-Ч"/23, гл. -0,1м	*28*	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м	*41*	PIV-Ь"/24, гл.-1м
3	PIV-Щ"/22, гл.-1м	*16*	PIV-Ь"/22, гл. -0,3м	*29*	PIV-Ь"/27, гл. -0,8м	*42*	PIV-Ь"/24, гл.-1м
4	PIV-Ч"/24, гл.-0,8м	*17*	PIV-Ь"/27, гл. -1,1м	*30*	PI-Ф/21, гл.-0,2м	*43*	PIV-Яма2-горн
5	PIV-Щ"/22, гл.-0,6м	*18*	PIV-Яма2-горн	*31*	PIV-Ш"/24, гл. -0,6м	*44*	PV-уч.VI, гл.-0,4м
6	PIV-Щ"/24, гл.-0,4м	*19*	PIV-Ь"/27, гл. -1,1м	*32*	PIV-Ш"/23, гл. -0,7м	*45*	PV-уч.XXX, гл. -0,2м
7	PIV-Щ"/24, гл.-0,5м	*20*	PIV-Яма2-горн	*33*	PIV-Ь"/27, гл. -0,1м	*46*	PIV-Ь"/24, гл.-0,9м
8	PIV-Щ"/24, гл.-0,7м	*21*	PIV-Яма2-горн	*34*	PIV-Ь"/26, гл. -0,7м	*47*	PIV-Щ"/23, гл. -0,7м
9	PIV-Щ"/26, гл.-0,7м	*22*	PIV-Щ"/26, гл. -0,9м	*35*	PIV-Щ"/22, гл. -0,7м	*48*	PIV-Яма2-горн
10	PIV-Ш"/25, гл.-0,8м	*23*	PIV-Ч"/24, гл. -0,6м	*36*	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	*49*	PIV-Ь"/24, гл.-0,7м
11	PII-Яма1-Я/13, гл. -0,6м	*24*	PIV-Ь"/24, гл. -0,9м	*37*	PIV-Щ"/22, гл. -0,7м	*50*	PII-Ы/3, гл.-0,4м
12	PII-Я/7, гл.-0,4м	*25*	PVI-Л/43, гл.-0,5м	*38*	PIV-Щ"/22, гл. -0,7м	*51*	PV-соор.1, гл. -0,7м
13	PIV-Ш"/25, гл. -0,9м	*26*	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м	*39*	PIV-Ь"/27, гл. -0,5м		

Рис.115. Кувшины и кринки							
1	PII-Яма30	10	PIV-Ь"/22, гл.-0,9м	19	PIV-Ч"/23, гл.-0,2м	28	PIV-Ь"/24, гл. -1м
2	PVI-М/41, гл.-0,2м	11	PIV-Яма2-горн	20	PIV-Ч"/29, гл.-0,3м	29	PIV-Яма2-горн
3	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	12	PIV-Яма2-горн	21	PIV-Щ"/22, гл.-1,15м	30	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м
4	PIV-Ь"/25, гл. -0,9м	13	PIV-Яма2-горн	22	PIV-Ь"/23, гл.-0,7м	31	PIV-Ь"/22, гл. -0,6м
5	PIV-Щ"/23, гл. -0,4м	14	PIV-Ч"/24, гл. -0,7м	23	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	32	PII-Э/1, гл.-1,3м
6	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	15	PIV-Щ"/26, гл. -0,7м	24	PIV-Ь"/24, гл.-0,5м	33	PIV-Ь"/27, гл.-1м
7	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	16	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	25	PI-Ы/65, гл.-0,1м		
8	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	17	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	26	PI-П/21, гл.-0,2м		
9	PIV-Ш"/26, гл. -0,7м	18	PIV-Яма2-горн	27	PIV-Ь"/24, гл.-0,6м		

Рис.116. Кувшины и кринки							
1	PIV-Ь"/23, гл.-0,7м	8	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	15	PIV-Ь"/23, гл.-0,2м	22	PIV-Яма2-горн
2	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	9	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м	16	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	23	PIV-Ь"/23, гл. -0,9м
3	PIV-Ь"/26, гл.-1м	10	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	17	PIV-Ь"/24, гл.-1,2м	24	PIV-Ь"/24, гл. -0,9м
4	PIV-Ь"/27, гл.-1,1м	11	PIV-Ь"/26, гл.-0,9м	18	PIV-Ш"/27, гл.-0,2м	25	PIV-Яма2-горн
5	PIV-Ь"/24, гл.-0,9м	12	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	19	PI-Я/56, гл.-0,3м	26	PIV-Ь"/27, гл. -1м
6	PIV-Ь"/24, гл.-0,7м	13	PIV-Ь"/24, гл.-0,7м	20	PIV-яма2-горн		
7	PIV-Ш"/23, гл.-0,2м	14	PIV-яма2-горн	21	PI-Ю/63, гл.-0,3м		

Рис.117. Кувшины и кринки							
1	PIV-Ь"/27, гл. -1,2м	8	PI-Э/60, гл.-0,3м	15	PIV-Ь"/23, гл. -0,8м	22	PIV-Яма2-горн
2	PII-Я/12, гл.-0,3м	9	PIV-Ь"/24, гл.-0,5м	16	PIV-Щ"/26, гл. -0,7м	23	PIV-Щ"/24, гл. -0,8м
3	PIV-Ь"/27, гл.-1м	10	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м	17	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м	24	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м
4	PIV-Ь"/27, гл. -1,1м	11	PV-уч.XXXIV, гл. -0,2м	18	PIV-Ь"/25, гл. -0,8м	25	PIV-Щ"/26, гл.-1м
5	PIV-Яма2-горн	12	PVI-М/41, гл.-0,2м	19	PIV-яма2-горн	26	PIV-Ь"/27, гл.-1м
6	PIV-Ь"/27, гл. -0,7м	13	PIV-Ш"/23, гл. -0,9м	20	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м	27	PIV-Ш"/26, гл.-0,7м
7	PIV-Ш"/25, гл. -0,2м	14	PIV-Ш"/23, гл. -0,9м	21	PIV-Ш"/23, гл. -0,8м	28	PVI-Л/40, гл.-0,2м

Рис.118. Кружки и кринки							
1	PIV-Щ"/26, гл. -0,4м	6	PII-Ы/7, гл.-0,2м	11	PIV-Ч"/23, гл.-0,3м	16	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м
2	PVI-М/43, гл.-0,2м	7	PIV-Ч"/26, гл. -0,1м	12	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	17	PIV-Ь"/27, гл. -0,4м
3	PI-В/58, гл.-0,2м	8	PIV-Ь"/27, гл. -0,5м	13	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м	18	PIV-яма2-горн
4	PI-Ы/66, гл.-0,3м	9	PII-Ы/3, гл.-0,4м	14	PIV-яма2-горн	19	PIV-яма2-горн
5	PIV-Ь"/23, гл.-0,7м	10	PIV-Ь"/27, гл.-0,4м	15	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м		

Рис.120. Чаши и миски							
1	PIV-Щ"/26, гл.-0,9м	*9*	PIV-Ь"/27, гл. -0,3м	17	PIV-Яма2-горн	*25*	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м
2	PIV-Ь"/27, гл. -1м	*10*	PIV-Ь"/27, гл. -0,6м	18	PIV-Ь"/23, гл. -0,5м	*26*	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м
3	PIV-Ь"/27, гл.-0,7м	*11*	PIV-Ь"/23, гл. -0,1м	19	PIV-Ь"/26, гл. -0,8м	*27*	PIV-Ш"/27, гл.-0,3м
4	PV-уч.X, гл.-0,2м	*12*	PIV-Ь"/27, гл.-1м	20	PIV-О"/26, гл. -1,2м	*28*	PIV-Ь"/22, гл.-0,5м
5	PIV-Щ"/24, гл.-0,8м	*13*	PIV-Ь"/26, гл. -0,8м	21	PIV-бровка	*29*	PII-Я/7, гл.-0,2м
6	PVI-Яма1-Л/43	*14*	PIV-Ч"/24, гл. -0,8м	22	PIV-С"/26, гл. -0,4м	*30*	PIV-Ч"/22, гл.-0,5м
7	PIV-Щ"/22, гл.-0,5м	*15*	PIV-Ъ"/27, гл.-1м	23	PIV-Ъ"/27, гл.-1м	*31*	PIV-бровка
8	PV-уч.XXXII, гл. -0,2м	*16*	PIV-Щ"/23, гл. -0,8м	24	PIV-Ь"/26, гл. -0,1м	*32*	PV-уч.XXVIII, гл. -0,1м

Рис.121. Чаши и блюда							
1	PIV-Ь"/23, гл.-0,1м	*7*	PIV-Ч"/23, гл. -0,3м	*13*	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м	*19*	PIV-Яма2-горн
2	PV-западная бровка	*8*	PII-Э/3, гл.-0,2м	*14*	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м	*20*	PIV-Ь"/27, гл.-0,7м
3	PV-уч.IV-гл.-0,2м	*9*	PIV-Ч"/23, гл. -0,1м	*15*	PIV-Ь"/26, гл.-0,8м	*21*	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м
4	PV-Яма5	*10*	PIV-Ь"/26, гл.-1м	*16*	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м	*22*	PIV-Щ"/22, гл. -0,5м
5	PV-уч.V-гл.-0,2м	*11*	PIV-Ь"/22, гл. -0,5м	*17*	PIV-Ь"/27, гл.-0,6м		
6	PV-очаг соор.1, гл. -0,35м	*12*	PIV-Яма2-горн	*18*	PIV-Ь"/27, гл.-0,7м		

Рис.122. Крышки и ручки булгарских сосудов							
1	PIV-Ч"/25, гл. -0,4м	*9*	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м	*17*	PIV-Р"/27, гл. -1,1м	*25*	PIV-Ь"/23, гл.-0,7м
2	PIV-Ш"/25, гл. -0,9м	*10*	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м	*18*	PIV-Ь"/23, гл. -0,7м	*26*	PIV-Ш"/23, гл. -0,4м
3	PIV-Яма2-горн	*11*	PIV-Яма2-горн	*19*	PIV-Ь"/24, гл. -0,8м	*27*	PIV-яма2-горн
4	PIV-Яма2-горн	*12*	PIV-П"/27, гл. -1,05м	*20*	PIV-яма2-горн	*28*	PIV-яма2-горн
5	PIV-Ь"/23, гл. -0,7м	*13*	PIV-Ш"/26, гл. -0,7м	*21*	PIV-яма2-горн	*29*	PIV-Щ"/26, гл. -0,3м
6	PI-Н/21, гл.-0,4м	*14*	PIV-Щ"/24, гл. -0,9м	*22*	PIV-яма2-горн	*30*	PIV-Щ"/24, гл. -0,5м
7	PIV-Ь"/23, гл.-0,7м	*15*	PIV-Щ"/22, гл.-0,7м	*23*	PII-Э/10, гл.-0,3м	*31*	PIV-яма2-горн
8	PIV-Яма2-горн	*16*	PIV-Ь"/22, гл.-0,7м	*24*	PV-Яма2	*32*	PIV-яма2-горн

Рис.123 Специальные и поливные сосуды: 1,4,5 – чернильницы, 6 – сфероконус, 7 – тувак							
1	PIV-Т"/26, гл.-2,7м (вал)	*5*	PIV-Ь"/23, гл.-0,3м	*9*	PIV-Ь"/23, гл.-0,5м, св.корич. с желт.рис.	*13*	PIV-Яма1, кашин с гол. поливой, с темно-синей полосой
2	PIV-Ь"/27, гл.-0,1м	*6*	PIV-Ь"/27, гл.-0,6м	*10*	PI-Р/25, гл.-0,4м, св.корич. с желт. рис.	*14*	PIV-Ш"/23, гл.-0,2м, кашин с гол. поливой, с темно-синей полосой
3	PIV-Щ"/23, гл.-0,3м	*7*	PIV-Яма2-горн	*11*	PI-У/28, гл.-0,1м, зеленовато-серая с бурым рис.		Фрагменты со светло-корич. поливой: PII-Яя/12, гл.-0,1м; PIV-Яма2-горн

4	PIV-Ь"/27, гл.-1,2м (черная)	*8*	PI-А"/60, гл.-0,1м, св.коричневая полива с желт. Рис.	*12*	PIV-щ"/26, гл. -0,1м,св.корич. с желт. рис.		Муравленная: PIV-Ш"/27, гл.-0,1м: PIV-Щ"/23, гл.-0,1; PII-Ю/5-гл.-0,2м

Рис.124. Орнаментированные фрагменты булгарских сосудов

1	PIV-Яма2-горн	*8*	PIV-Ь"/27, гл. -0,3м	*15*	PIV-Ш"/25, гл. -0,7м	*22*	PV- бровка
2	PIV-Яма2-горн	*9*	PIV-Ь"/28, гл. -0,9м	*16*	PIV-Ь"/23, гл. -0,5м	*23*	PII-Яя/5, гл. -0,3м
3	PII-Ю/15, гл.-0,2м	*10*	PVI-Л/39, гл. -0,1м	*17*	PIV-Ь"/27, гл. -0,9м	*24*	PIV-Ш" 24. гл. -0,3м
4	PII-Яма30 (серая)	*11*	PIV-Яма2-горн	*18*	PIV-Щ"/26, гл. -0,7м	*25*	PIV-Яма2-горн
5	PII-Яма30 (серая лощеная)	*12*	PIV-Ч"/24, гл. -0,6м	*19*	PIV-Яма2-горн	*26*	PIV-Ь"/26. гл. -0,5м
6	PII-Яма30(серая, ангоб, лощение)	*13*	PIV-Ш"/25, гл. -0,5м	*20*	PIV-Ь"/23, гл. -0,8м		
7	PIV-Щ"/23, гл.-0,5м	*14*	PIV-Яма2-горн	*21*	PIV-Щ"/22, гл. -0,6м		

Рис.127. Погребальная керамика Рождественского могильника

1	РМ-м/м	*9*	П.21	*17*	П.63	*25*	П.96
2	П.28	*10*	П.91	*18*	РМ-м/м	*26*	П.71
3	П.68	*11*	П.32	*19*	П.73	*27*	П.21
4	П.91	*12*	П.105	*20*	П.107	*28*	П.73
5	П.65	*13*	РМ-м/м	*21*	П.106	*29*	П.78
6	П.73	*14*	П.106	*22*	П.63	*30*	П.76
7	П.34	*15*	П.38	*23*	П.55	*31*	П.84
8	П.21	*16*	П.59	*24*	П.80	*32*	П.90

Рис.128. Погребальная керамика Рождественского могильника

1	П.118	*7*	П.55	*13*	П.120	*19*	П.111
2	П.126	*8*	РМ-м/м	*14*	П.44	*20*	П.64
3	П.65	*9*	П.79	*15*	П.123	*21*	П.27
4	П.63	*10*	П.67	*16*	П.55	*22*	П.61
5	П.70	*11*	П.43	*17*	П.50	*23*	П.115
6	П.82	*12*	П.103	*18*	П.93	*24*	П.113
						25	П.65

Рис.129. Погребальная керамика Рождественского могильника

1	П.99	*7*	РМ-м/м	*13*	РМ-м/м	*19*	П.83
2	П.77	*8*	РМ-м/м	*14*	РМ-м/м	*20*	П.104
3	П.71	*9*	П.117	*15*	П.68	*21*	РМ-м/м
4	П.110	*10*	П.87	*16*	РМ-м/м	*22*	П.109
5	П.85	*11*	РМ-м/м	*17*	РМ-м/м	*23*	П.116
6	П.81	*12*	РМ-м/м	*18*	П.44	*24*	П.122

Рис.130. Детали металлических сосудов

Рис.130. Детали металлических сосудов							
1	PIV-Ш"/22, гл. -0,7м	*6*	PIV-Ч"/22, гл. -0,4м	*11*	PIV-Ь"/23, гл. -0,8м	*16*	1308/232
2	PII-Яма2, гл. -0,19м	*7*	PIV-Щ"/24, гл.-0,7м	*12*	PII-Яма2, гл. -0,96м	*17*	РМ-м/м
3	PIV-Яма2-горн, гл.-1,85м	*8*	PI-П/28, гл. -0,36м	*13*	PIV-Ч"/22, гл. -0,24м	Мелкие фрагменты: PI-Р/25, гл.-0,4м; PI-Т/20, гл.-0,5м; PI-О/24, гл.-0,33м; PI-С/20, гл.-0,42м; PIV- Ь"/26, гл.-0,8м; PIV-бровка(3экз.); PIV-Щ"/26, гл.-0,6м; PIV-Ч"/22, гл.-0,24м; PIV-Щ"/27, гл.-0,3м; PII-Э/14, гл.-0,4м; PII-Ю/11, гл.-0,05м; PII-Ы/9, гл.-0,3м; PIII-М/17, гл.-0,1м; PV-уч.XXXIV, гл.-0,02м; PV-Яма5, гл.-0,4м; PV-Яма3, гл.-0,4м; PV-Яма3, гл.-1,3м	
4	PII-Ы/5, гл.-0,15м	*9*	PII-Ю/14, гл. -0,1м	*14*	PIV- Ч"/27, гл. -0,2м		
5	PI-А"/гл.-0,8м	*10*	PII-Ы/7, гл. -1,2м	*15*	PII-Ю/5, гл. -0,6м		

Рис.131. Ушки медные от котелков и ведер							
1	PIV-Ч"/22, гл.-0,6м	*4*	PII-Ю/4, гл.-0,34м	*7*	PII-Щ/4, гл.-0,45м	*10*	КТ
2	PII-Яма2, гл.-0,19м	*5*	PI-А"/54, гл.-1,6м	*8*	PIV-Щ"/26, гл.-0,6м		
3	PV-Яма4, гл.-0,33м	*6*	PI-Б"/57, гл.-1,2м	*9*	РГ/?		

Рис.132. Фрагменты чугунных сосудов и железные							
1	PIV-Х"/26, гл.-0,1м	*4*	РМ-м/м	*7*	РГ/?		
2	PVI-М/40, гл.-0,13м	*5*	РГ/?	*8*	PV-уч.XXIII, гл.-0,2м		
3	PIII-Р/16, гл.-0,7м	*6*	РМ-п.78	*9*	КТ-11375/80		

Рис.133. Детали бурдюков и фрагмент стеклянного сосуда (4)							
1	PIV-Щ"/22, гл.-0,3м	*2*	PII-Ш/16, гл.-0,2м	*3*	PII-Я/13, гл.-0,12м	*4*	PI-Ы/62, гл.-0,8м

Рис.134. Детали деревянных сосудов и шкатулок							
1	PII-Ю/65, гл.-0,3м	*5*	PII-,/2, гл.-1м	*10*	PIV	*14*	РМ - п.114
2	PV-Яма 4, гл. -0,34м	*6*	PVI-Яма1-Л/43, гл. -1,08м	*11*	PIV	*15*	PIV
3	1308/?	*7*	PIV	*12*	РМ-п.37		
4	РМ-п.126	*8*	PI-С/27, гл.-0,2м	*13*	РМ-п.49(4экз.), РМ-п.70(2экз.), РМ-п.74, РМ-п.93		

Рис.135. Мотыжки и ральники железные							
1	РМ-п.120	*4*	РМ-п.78	*7*	РГ	*10*	РГ
2	РМ-п.59	*5*	РМ-п.61	*8*	PII-яма 9, гл.-0,9м	*11*	КТ
3	РМ-п.47	*6*	РГ	*9*	PI		

Рис.136. Ножницы железные							
1	1308/1171	*2*	PI, А"57, гл.-1,11м	*3*	1308/746	*4*	1308/?

Рис.137. Крючки рыболовные, острога (10), багорик (12) железные							
1	PIV	*4*	PII-Я/3, гл.-0,9м	*7*	PIII-Н/17, гл.-0,1м	*10*	PIII-О/21, гл. -0,05м
2	PII-Э/14, гл.-0,02м	*5*	1308/?	*8*	PM-PV	*11*	PIV
3	КТ	*6*	1308/?	*9*	PII-Яма4-Я/12, гл.-0,55м	*12*	КТ

Рис.138. Манки костяные									
1	PII-Я/6, гл.-1,05м	*2*	PII-Яя/10, гл.-0,83м	*3*	PII-Ы/9, гл.-1м; PII-Ю/3, гл.-1,75м; PII-Щ/3, гл.-1,6м; КТ	*4*	PIII-С/18, гл.-0,1м	*5*	PI-Я/57, гл. -1,1

Рис.139. Орудия металлообработки							
1	PV-Яма3, гл.-0,5м	*6*	PII-Яя/12, гл.-0,3м	*11*	1308/818	*15*	PM-м/м
2	PIV	*7*	PII-Ю/10, гл.-0,35м	*12*	1308/552	*16*	PM-п.47
3	PV-Яма3, гл.-0,17м	*8*	PII-Я/11, гл.-0,03м	*13*	PM-п.70	*17*	PII-Г/22, гл.-0,14м
4	PIV; 1308/156	*9*	PI-Я/57, гл.-0,83м	*14*	PM-п.120	*18*	PI-Яма3, гл.-0,66м
5	PIV	*10*	PII-Яя/7, гл.-0,35м				

Рис.140. Тигли							
1	1308/828	*4*	PII-Ю/7, гл.-0,87м	*7*	PV-соор.1, гл.-0,35м	*10*	PI-Яма17
2	PV-Яма3, гл.-0,8м	*5*	PI-Ю/62, гл.-0,4м	*8*	PII-Ы/3, гл.-0,3м	*11*	PI-С/22, гл. -1,4м
3	PII-Э/2, гл.-0,9м	*6*	PV-уч.XXVII, гл.-0,18м	*9*	PII	*12*	PI-С/22, гл. -1,2м

Рис.141.Формы литейные и матрицы							
1	КТ	*5*	PII-Яя/13, гл.-1,83м	*9*	PII-Э/3, гл.-0,03м	*13*	PV-уч.II, гл.-0,3м
2	КТ-11375/600	*6*	PI-Я/57, гл.-1,1м	*10*	PII-Яя/9, гл.-0,2м	*14*	КТ
3	КТ	*7*	PIII-П/18, гл.-1,3м	*11*	PII-Яя/5, гл.-1,45м		
4	КТ	*8*	PII-Я/11, гл.-0,15м	*12*	РГ-подъемный материал		

Рис.142. Льячки							
1	PII-Яя/6, гл.-0,85м	*5*	1308/911	*9*	PII-Э/6, гл.-0,47м	*13*	PI-Ю/57, гл. -0,55м
2	PII-Яя/5, гл.-1,35м	*6*	PII-Я/10, гл.-0,4м	*10*	PII-Яя/9, гл.-0,2м		
3	PI-Т/20, гл.-0,6м	*7*	1308/829	*11*	PIV		
4	PI-Р/24-Яма3, гл.-0,6м	*8*	PI-Ы/64-Яма4, гл.-0,5м	*12*	PI-Ю/57, гл.-0,62м		

Рис.142а. Отходы ювелирного производства, скобы, фрагменты железных изделий					
1	1308/544	*4*	1308/786	*7*	PV-уч.XXXII, гл.-0,35м
2	1308/837	*5*	PIII-М/16, гл.-0,6м	*8*	1308/?
3	1308/764	*6*	PIV-Ч"/23, гл.-0,3м	*9*	PII-Я/14, гл.-0,04м

Рис.143. Топоры, клин (80, тесло (13), наструги (14,15) железные							
1	КТ	*5*	PM-п.110	*9*	PM-п.36	*13*	PI-Э/66, гл.-0,5м
2	PM-м/м	*6*	PM-п.117	*10*	PM-п.37	*14*	PV, яма 3, гл.-0,1м
3	PM-п.119	*7*	PM-п.78	*11*	PM-п.59	*15*	PVI-Л/43, гл.-0,28м
4	PM-п.102	*8*	PIV	*12*	PM-п.120		

Рис.144. Орудия деревообработки							
1	PM-п.65	*4*	PI-Я/55, гл.-1,1м	*7*	PIV	*10*	PM-п.120
2	КТ	*5*	PIV-Н/41, гл.-0,02м	*8*	PI-Э/64, гл.-0,15м	*11*	PM-п.128
3	PII-Я/8, гл.-0,23м	*6*	PII-Я/11, гл.-0,08м	*9*	1308/685		

Рис.145. Скобяные изделия

1	1308/?	*10*	1308/?	*19*	PI-П/21, гл.-0,2м	*28*	PI-В′/38, гл. -0,33м
2	PV-уч.XXIII, гл. -0,25м; PIV; Мусульм.мог.–23экз.	*11*	PIV	*20*	PV-уч.XXXIX, гл. -0,19м; PV-бровка; PVI-Л/43, гл.-1,03м	*29*	PI-Н/22, гл. -0,1м
3	PM-PV; PII-Э/7, гл.-0,17м; PV-уч.XI, гл.-0,5м; PIV	*12*	PIV-Ь"/26, гл. -0,3м	*21*	PV-уч.XXXII, гл. -0,2м; PII-Ю/13, гл. -0,03м	*30*	PI-Г/23, гл. -0,9м
4	PI-Я/62, гл.-0,29м	*13*	PIV-Щ"/22, гл. -0,57м	*22*	PV-уч.XXXII, гл. -0,2м;	*31*	PII-Яма2, гл. -0,5м
5	PIV-Ч"24, гл.-0,3м	*14*	PIV	*23*	PM-PI –м/м	*32*	PII-Яма2, гл. -0,5м
6	PII-Э/7, гл.-0,17м; PVI-М/40, гл.-0,23м; PI-Н/22, гл.-0,2м	*15*	PIV	*24*	1308/514	*33*	PI-А′/58, гл. -0,25м
7	PIV	*16*	PIV	*25*	1308/840; 1308/803		
8	PV-уч.XXIII, гл.-0,17м	*17*	PII-Щ/27, гл.-1,3м	*26*	PIV		
9	PI-П/21, гл.-0,2м	*18*	1308/851	*27*	PII-Ю/4, гл.-0,24м		

Рис. 146. Ножи железные хозяйственно-универсальные

1	PI-В′/62, гл. -0,05м	*9*	PM-п.110, 125	*17*	1308/?	*25*	PM/п.29
2	PII-Э/14, гл. -0,35м	*10*	PM-PV	*18*	PI-Э/22, гл.-0,5м	*26*	PM-п.58
3	PIV-Ь"/25, гл. -0,43м; PIII-Н/17, гл. -0,21м	*11*	PM-м/м	*19*	1308/822		+23 фрагмента верхней части острия ножей
4	PIV-Ш"/27, гл.-0,6м	*12*	1308/570	*20*	PIV-Щ"/22, гл.-1,15м		
5	PI-Яма1-В′/59, гл. -0,15м	*13*	1308/788	*21*	PI-Г/26, гл.-0,4м		
6	PII-Я/13, гл.-0,15м	*14*	PI-Г/23, гл. -0,8м	*22*	1308/549		
7	PII-Ю/13, гл.-0,1м; PI-Я/55, гл. -0,9м	*15*	1308/756	*23*	1308/573		
8	PII-Э/13, гл.-0,5м	*16*	1308/1161	*24*	PM-подъемный материал; п.113; п.116		

Рис.147. Ножи железные хозяйственно-универсальные

1	1308/831	*9*	1308/537	*17*	PVI-М/41, гл.-0,58м	*25*	PI-П/16, гл. -0,1м
2	PIV-Щ"/25, гл.-0,7м	*10*	1308/844	*18*	PII-Э/14, гл.-0,18м	*26*	PII-Э/13, гл. -0,05м
3	1308/?	*11*	1308/1177	*19*	PII-Ю/7, гл.-0,25м	*27*	PII-Ы/13, гл. -0,2м; PII-Ю/3, гл. -0,27м
4	1308/?	*12*	1308/765	*20*	PГ/?		
5	1308/518	*13*	1308/?	*21*	PIV-Щ"/25, гл.-0,5м		

6	1308/755	14	1308/?	22	PIV-Щ"/26, гл.-0,12м		
7	1308/537	15	PII-Ы/13, гл.-1,05м; PIII-П/16, гл.-0,2м	23	PI-Т/27, гл.-0,05м		
8	1308/?	16	PII-Э/13, гл.-0,21м; PI-А"/55, гл.-0,9м	24	PII-Яя/9, гл.-0,55м		

Рис.147а. Ножи железные хозяйственно-универсальные

1	PII-Яя/12, гл.-0,2м	9	PI-Я/61, гл.-0,2м	17	PI-С/27, гл.-0,86м	25	PII-Я/8, гл.-0,22м
2	1308/826	10	PIV	18	PI-Щ/64, гл.-0,08м	26	КТ; PV-уч.XIV, гл. -0,27м
3	1308/1172	11	PI-П/24, гл.-0,3м	19	PV-соор.1, гл. -0,4м	27	PII-Я/11, -0,02м
4	1308/754	12	PII-Э/15, гл.-0,11м	20	PIV	28	PII-Э/3, гл.-0,62м
5	1308/?	13	PII-Ы/2, гл.-0,76м	21	PI-С/20, гл.-0,2м	29	PI-А"/56, гл.-1,2м
6	PIV-Ь"/22, гл. -0,65м	14	PI-Я/62, гл.-0,15м	22	РМ-м/м	30	PV, соор.1, гл. -0,7м
7	PI-Э/58, гл.-0,11м	15	PI-Н/21, гл.-0,33м	23	1308/868	31	1308/787
8	PI-Ы/66, гл.-0,3м	16	PV-Яма5, гл.-0,62м	24	PII-П/20, гл.-0,2м		

Рис.148. Ножи хозяйственные (5-12), обеденные (1-45,13)

1	PII-Щ/3, гл.-0,34м	6	PIV	11	PII-Ю/2, гл.-1,01м	15	PV-Яма3, гл.-0,9м
2	PII-Яма2, Э/13, гл. -1,2м	7	PI-Н/27, гл. -0,05м	12	1308/552	16	PIII-Н/16, гл.-0,2м
3	PII-Э/7, гл.-0,37м	8	PII-Щ/4, гл.-1,5м	13	PII-Э/13, гл.-0,18м	17	PII-Ы/9, гл.-0,45
4	PII-Ы/2, гл.-0,76м	9	PII-Ы/4, гл.-1,25м	14	PV-уч.VI, гл.-0,34м	18	РМ-п.37
5	PV, уч.V, гл.-0,18м	10	PIII-Т/17, гл.-0,4				

Рис.149. Ножи разные

1	PI-Ц/24, гл.-0,8м	6	PII-Э/8, гл.-0,22м	11	PI-С/20, гл.-0,18м	15	РМ-п.111
2	РМ-м/м	7	РМ-п.43, п.68, п.77	12	PI-П/23, гл.-0,03м	16	РМ-PV; РГ91-II/710
3	РМ-п.102, п.109	8	РМ-п.38	13	PII-Яя/14, гл.-0,25м	17	PII-Щ/17, гл.-0,5м
4	РМ-п.94	9	PIV-Ь"/22, гл. -0,58м	14	РМ-м/м	18	PVI-Л/43, гл.-0,07м
5	PII-Э/13, гл. -0,19м	10	PI-В'/59, гл.-0,2м				

Рис.150. Ножи разные, детали рукоятей

1	РГ/91 подъемный материал	9	PII-Ю/14, гл.-0,28м	17	PII-Ю/5, гл. -1,35м	25	PI-Ю/64, гл.-0,1м
2	PII-Я/10, гл.-0,1м	10	1308/751	18	PIV-Щ"/26, гл. -0,6м	26	PI-Яма1-В'/59, гл.-0,15м
3	PII-Яма2, гл.-1,02м	11	1308/783	19	PII-Э/6, гл. -0,55м	27	PIV-Ь"/25, гл. -0,8м
4	PII-Ы/10, гл.-0,57м	12	PI-Н/21, гл.-0,33м	20	PII-Э/14, гл. -0,25м	28	КТ
5	PI-Ю/64, гл.-0,1м	13	1308/770	21	PII-Яя/10, гл. -0,4м	29	PI-Я/5, гл.-1,6м
6	PV-Ю/9, гл.-0,32	14	PII-Яя/6, гл.-1,5м	22	PV-соор.1, гл. -0,7м	30	PII-Щ/4, гл.-1,6м
7	1308/1168	15	PI-Б"/57, гл.-1,5, гл.-1,4	23	PIV-Щ"/26, гл. -0,6м; КТ-11375/42	31	PIII-М/17, гл.-0,4м
8	PII-Ю/2, гл.-0,6м	16	PII-Э/14, гл.-0,25м	24	PII-Я/14, гл.-0,04м		

Рис.151. Точильный круг, оселки, правило для древков стрел, фрагмент литейной формы (20). Материал – серый плитчатый песчаник

1	PII-Ш/17, гл. -0,5м	*7*	1308/777	*13*	PIV-Яма2-горн, гл. -1,85м	*19*	PIV
2	1308/781	*8*	1308/?	*14*	PI-П/25, гл.-0,06м	*20*	PIV-Яма2-горн
3	PII-Я/3, гл.-0,5м	*9*	PV-Яма5, гл. -0,59м	*15*	PI-Р/23, гл.-0,1м	*21*	PII-Щ/3, гл. -0,93м
4	PII-Я/1, гл.-0,9м	*10*	PIII-М/18, гл.-1,4м	*16*	PIII-Р/21, гл.-1,8м	*22*	PIII-О/21, гл. -0,5м
5	1308/854	*11*	PI-Ч/23, гл.-0,1м	*17*	PVI-Л'/39, гл. -0,58м		
6	1308/1152	*12*	PI-Т/23, гл.-0,2м	*18*	PII-Яя/13, гл. -1,18м		

Рис.152. Шилья и ручки для них

1	PII-Ш/16, гл.-0,5м	*6*	1308/753	*11*	PI-Я/66, гл.-0,12м	*16*	PIV; КТ
2	PI-Ц/27, гл.-0,2м	*7*	PI-О/25, гл.-1,4м	*12*	1308/?	*17*	PV-Яма5, гл. -0,55м
3	PI-С/21, гл.-0,2	*8*	PIV-Ь"/26, гл.-0,7м; PII-Ы/4, гл.-0,91м	*13*	PIII-М/18, гл.-0,17	*18*	PII, гл.-0,23м
4	PII-Ю/1, гл-1,4м	*9*	PIV-Ч"/22, гл.-0,25	*14*	PIV	*19*	PI-А"/56, гл.-0,72
5	PII-Яя/10, гл.-0,4м	*10*	PIV	*15*	PII-Я/14, гл.-0,15м	*20*	1308/?

Рис.153. Разбильники и рукояти

1	PIV-Ч"/24, гл.-0,3м	*4*	PII-Ы/10, гл.-0,5 м	*7*	PII-Яя/10, гл.-0,4м		
2	PII-Яя/6, гл.-0,5м; PI (8экз.); PII (24 экз.); PIV (1 экз.); PV(1 экз.); КТ (4 экз.)	*5*	PII-Ы/8, гл.-1,15 м	*8*	PII-Щ/4, гл.-1,85м		
3	PII-Ы/3, гл.-1,78м	*6*	PII-Ю/5, гл.-0,5 м	*9*	PII-Ю/2, гл.-1,1м		

Рис. 154. Кочедыки (кость, рог)

1	PI-Н/21, гл.-0,54м	*5*	PII-Ю/2, гл.-1,1 м	*9*	PII-Э/14, гл.-0,57м	*13*	PII-Э/14, гл. -0,67м
2	PVI, учXXI, гл.-0,87м	*6*	PII-Щ/3, гл.-1,05 м	*10*	PII-Я/7, гл.-0,17м		
3	1308/574	*7*	PII-Я/12, гл. -0,29м	*11*	PIV		
4	PII-Ю/4, гл.-0,9м	*8*	PII-Я/12, гл. -0,29м	*12*	PII-Яя/7, гл.-0,4м		

Рис.155. Кочедыки

1	PII-Щ/2, гл.-1,05м	*4*	PII-Яя/5, гл.-1,75 м	*7*	PII-Яя/9, гл.-0,45м	*10*	PI-Ы/63, гл.-0,15м
2	PII-Я/4, гл.-1,75м PII-Щ/4, гл.-0,8м	*5*	PII-Э/14, гл.-0,2м	*8*	PII-Ю/6, гл.-0,8м	*11*	PI-Ч/23, гл.-0,5м
3	КТ-11375/538; КТ-11375/537	*6*	РГ	*9*	PIII-П/24, гл.-0,12м PIV		

Рис.156. Кочедыки

1	PII-Ы/3, гл.-0,79м; PII-Э/6, гл.-1,15м; PIV	*3*	PII-Э/7, гл.-0,5 м	*5*	PI-М/22, гл.-0,5м	*7*	1308/898
2	PII-Ю/5, гл.-0,58м; PII-Э/6, гл.-1,1м;	*4*	PII-Э/2, гл.-1,05м	*6*	PII-Ю/4, гл.-0,9м		

	РII-Ю/6, гл.-1,25м;						

Рис. 157. Кочедыки

1	РII-Ю/7, гл.-0,52м; РII-Я/7, гл.-0,4м; РII-Яма2, гл.-0,15м; РII-Я/9, гл.-0,15м; РII-Ы/7, гл.-0,3м	*3*	РI-Я/57, гл.-0,6м	*5*	1308/511; 1308/562; 1308/839; 1308/850; 1308/852; 1308/1148	*7*	РII-Э/14, гл. -0,5м;
2	РII-Я/12, гл.-0,35м	*4*	РII-Э/5, гл. -1,65м; РII-Яя/5, гл. -0,3м; РII-Ю/14, гл. -0,35м; РI-С/20, гл. -1,44м; РII-Ы/5, гл. -0,9м	*6*	РII-Ю/8, гл. -0,57м; РII-Ю/7, гл. -0,88м; РII-Яя/5, гл.-1,2м; РII-Ы/5, гл. -0,9м; РII-Я/6, гл. -1,43м;		

Рис.158. Острия и проколки

1	КТ	*4*	РII-Э/9, гл.-0,35	*7*	РII-Щ/2, гл.-0,73м
2	РII-Э/9, гл.-0,35м	*5*	РII-Ю/4, гл.-1,1м	*8*	РII-Я/5, гл.-0,6м; РIV-Щ"/26, гл.-0,96м
3	РI-Ц/25-гл.-0,8 м	*6*	РII-Ш/17, гл.-1,2м, +15 экз. с РII	*9*	РII-Яя/13, гл.-0,45м

Рис.159. Швейные и ткацкие принадлежности (1,2 – блоки ремизки; 3-5 – челноки; 6-19, 25-30 – иглы; 20-24, 31-34 – игольники). Материал: 16-19 – сталь, 31-34 – бронза, остальное – кость, рог

1	КТ-11375/553	*9*	РIV-Щ"/27, гл. -0,4м	*17*	РII-Ю/7, гл. -0,05м	*25*	РII-Ю/5, гл. -0,5м
2	РII-Яя/9, гл.-0,65м	*10*	РII-Яя/13, гл. 0,42м	*18*	РI-С/21, гл. -0,18м; РI-Яма3, гл. -0,8м; РI-Щ/66, гл. -0,7м; РV-соор.1, гл. -0,65м; РII-Яма5, гл. -0,43м; РII-Щ/4, гл. -0,38м; РII-Яма2, гл. -0,15м; РII-Яма2, гл. -0,5м; РII-Яма2, гл. -0,35м	*26*	РI-Я/55, гл. -0,8м
3	РII-Щ/2, гл.-0,85м	*11*	РII-Э/6, гл.-0,45м	*19*	РГ92/285; РII-Я/12, гл. -0,35м	*27*	РII-Ю/6, гл. -0,3м
4	РV-уч.XXXVII, гл. -0,29м	*12*	РII-Яма5-Я/13, гл.-0,55м	*20*	РII-Я/6, гл.-1,2м	*28*	РI-Г/26, гл. -0.1м
5	РII-Э/13, гл.-0,08м	*13*	РII-Яя/13, гл. -0,3м	*21*	РII-Яма2, гл. -0,8м	*29*	РII-Я/5, гл. -0,9м
6	1308/895	*14*	РII-Яя/7, гл. -0,35м	*22*	РII-Э/6, гл. -0,48м	*30*	РII-Яма16-Яя/13

7	PII-Щ/2, гл.-0,7м	*15*	PIV-Яма2-горн	*23*	PI-А"/57, гл. -0,75м		
8	PIV-Яма2-горн	*16*	PII-Яя/13, гл. -0,42м	*24*	PII-Яя/6, гл. -0,6м		

Рис.160. Пряслица костяные (1-2), керамические из стенок сосудов и каменные (3,15 – серый шифер)

1	РГ/?	*5*	PIV-Щ"/24, гл. -0,4м	*9*	PV-Яма5, гл. -0,48м	*13*	6/937-подъемный материал
2	PV-уч.I, гл. -0,45м	*6*	PII-Яма4-Я/13	*10*	PIV-Щ"/24, гл. -0,4м	*14*	PI- Яма3-Г/21, гл.-0,4м
3	PI-Т/23, гл. -0,2м	*7*	PIV-Ь"/23, гл. -0,7м	*11*	PV-уч.III, гл.-0,3м	*15*	PII-Ю/10, гл.-0,4м
4	PII, Ю/5, гл.-0,58м	*8*	PII-Яма4-Я/13	*12*	PI-Ю/59, гл. -0,31м		

Рис.161. Пряслица глиняные лепные

1	PII-горн, гл.-0,5м	*4*	1308/?	*7*	PIV-Ч"/24, гл.-0,7м	*10*	PIV-Яма2, гл.-1,85м
2	PI-С/27, гл.-0,55м	*5*	PI-А"/55, гл.-1,36м	*8*	PII-Яма2-Э/13, гл.-1,02м		
3	PV-уч.XXXIX, гл.-0,19м	*6*	PI-Ы/65, гл. -0,25м	*9*	PI-В'/59, гл.-0,9м		

Рис.162. Пряслица глиняные лепные

1	PII-Э/15, гл.-0,19м	*7*	P-уч.XXXI, гл.-0,45м	*13*	РМ-п.58	*19*	РМ-п.81
2	PV-уч.III, гл.-0,4	*8*	1308/608	*14*	1308/866	*20*	PIV-Яма2-горн, гл.-1,85м
3	PIV-Яма2-горн, гл.-1,85м	*9*	PIV-Ь"/26, гл.-0,6м	*15*	PIV-Яма2-горн, гл.-1,85м	*21*	PIV-Ч"/22, гл. -0,6м
4	PIII-М/18, гл.-0,3м	*10*	PI-В"/55, гл.-0,6м	*16*	PI-Ы/65, гл.-0,25м	*22*	1308/502
5	PIV-Ь"/26, гл.-0,6м	*11*	PIV-Яма2-горн, гл.-1,85м	*17*	PIV-Яма2-горн, гл.-1,85м		
6	КТ-11375/47	*12*	РМ-п.34	*18*	PI-Э/66, гл.-0,65м		

Рис.163. Пряслица глиняные гончарные

1	КТ-11375/541	*4*	PIV-Щ"/26, гл.-0,4м	*7*	PII-Я/13, гл.-0,3м	*10*	PIV-Щ"/26, гл. -0,35м
2	PII-Ы/5, гл.-0,4	*5*	PIV-Ш"/23, гл.-0,4м	*8*	PIV-Ш"/23, гл.-0,4м	*11*	PI-М/22, гл.-0,91м
3	PIV-Ь"/27, гл. -1,71м	*6*	PIV-Ш"/23, гл.-0,3м; КТ	*9*	PIV-Щ"/26, гл.-0,3м	*12*	PIV-Ч"/26, гл.-0,6м

Рис.164. Детали защитного снаряжения (1-5), гарды (6-7), части сложного лука, ушко стрелы (15), предохранительный щиток (14), предохранительное кольцо (17). Материал: 1-7 железо, остальное кость, рог

1	PIV-Ч"/24, гл. -0,92м	*6*	PV-уч.XXVI, гл. -0,5м	*11*	PII-Яя/13, гл.-0,55	*16*	PII-Э/6, гл. -0,48м
2	PIV-Ч"/24, гл. -0,6м; PI-Э/63, гл.-0,2м	*7*	PIII-М/18, гл. -0,56м	*12*	КТ	*17*	PII-Яя/8, гл. -0,6м
3	PV-coop.1, гл. -0,6м	*8*	PIII-М/21, гл. -0,3м	*13*	PII-Ю/5, гл.-1,57м		
4	PV-уч.XLVI, гл.-0,1м	*9*	PI-Ю/66, гл. -0,22м	*14*	PV-уч.XXXIII, гл. -0,35м		

5	PI-Я/56, гл.-1м	*10*	PII-Яя/13, гл. -0,55	*15*	PI-Ч/23, Яма1, гл. -0,5		

Рис.165. Детали сложного лука							
1	PV-Яма3, гл.-1,3м	*2*	PVI-Л/40, гл.-0,24м	*3*	КТ	*4*	PV-Яма3, гл.-0,5м

Рис.166. Костяные наконечники стрел							
1	PII-Ю/1, гл.-1,6м	*9*	PIV-Ь"23, гл.-0,8м	*17*	КТ-11375/551	*25*	PI-Э/63, гл.-0,08м
2	PII-Я/5, гл.-0,6м	*10*	PII-Щ/3, гл.-1,25м	*18*	PII-Р/3, гл.-0,4м	*26*	PIV-Ч"/23, гл. -0,35м; КТ-11375/323
3	1308/1195	*11*	PII-Э/3, гл.-1,15м	*19*	PII-Я/10, гл.-0,4м	*27*	PV-соор.1, гл. -0,3м
4	1308/743	*12*	PI-С/27, гл.-0,1м	*20*	PII-Ю/10, гл. -0,35м	*28*	PII-Ю/8, гл.-0,22м
5	PII-Яя/10, гл.-0,08м	*13*	PI-Б'/12, гл.-0,3м	*21*	PIV-Ь"/26, гл.-0,7м	*29*	КТ
6	PII-Э/13, гл.-0,8м	*14*	КТ-11375/543	*22*	PII-Яя/12, гл.-0,6м		
7	PII-Яя/13, гл.-0,8м	*15*	КТ-2экз.	*23*	PI-В"/57, гл.-1,5м		
8	PII-Яя/13, гл.-0,95м	*16*	PII-Э/13, гл.-1.1м	*24*	КТ-11375/544		

Рис.167. Железные наконечники стрел							
1	1308/?	*11*	КТ	*21*	PV-Яма5, гл.-1,45м	*31*	1308 ?
2	PM-п.49(2экз.); PM-п.59 (2экз.); PM-п.103; PM-п.111	*12*	PIV-Щ"22, гл.-0,35	*22*	PI-Я58, гл.-0,18м	*32*	PII-Э 18, гл. -0.4м
3	PM-м/м	*13*	PII-Ы/5, гл.-0,35м	*23*	PIII-П/18, гл.-0,13м	*33*	КТ-11375/[illegible]
4	PM-п.103	*14*	PI-Р/20, гл.-0,5м	*24*	PV-уч.XXXVI, гл.-0,13м		
5	PM-п.102; PM-п.107	*15*	1308/868	*25*	1308/785		
6	PM-п.121	*16*	1308/853; PII-Ы/3, гл.-0,93м	*26*	КТ-11375/545		
7	PV-Яма3, гл. -0,9м	*17*	PI-Я55, гл.-1,6м	*27*	PII-Э/12, гл.-0,4м		
8	PI'/?	*18*	PII-Я/7, гл.-0,05м	*28*	PI-Ю/66, гл.-0,22м		
9	PM-п.21; PM-п.61; PM-п.98; PM-п.124	*19*	PII-Э/12, гл.-0,04м	*29*	PI-Щ/24, Яма2, гл.-0,4м		
10	PII-Ы/13, гл. -0,7м	*20*	6/979	*30*	1308/842		

Рис.168. Железные наконечники стрел							
1	PM-м/м; PM-п.47; PM-п.93; PM-п.96; PM-п.124 (3экз.); Рм-п.108 (2экз.)	*8*	PM-п.55; PM-п.61; PM-п.90; PM-п.127	*15*	PI-Яма1-Г/23, гл. -0,9м	*22*	PII-Э/4, гл.-0,57м
2	PI-Я/55, гл.-1,7м	*9*	PM-м/м (2экз.); PM-п.110 (2экз.); PM-п.125	*16*	PIV-С"/26, гл.-2,71м	*23*	PM-п.124
3	PM-м/м	*10*	PM-м/м (2экз.); PM-п.21; PM-п.41; PM-п.59; PM-п.70; PM-п.73;	*17*	PM-м/м (2экз.); PM-п.23; PM-п.41; PM-п.61 (3 экз.); PM-п.73; PM-п.88;	*24*	PM-п.65

			РГ93/358		РМ-РV (2экз.); КТ-11375/698		
4	РII-Э/7, гл.-0,3м; КТ-11375, 632	*11*	РII-Ш/17, гл.-0,12м	*18*	РII-Ю/8, гл.-0,65м	*25*	1308/571
5	РМ-м/м (4экз.); РМ-п.21; РМ-п.44; РМ-п.82 (2экз.); Рм-п.93; РМ-п.96; РМ-п.116(2экз.) РМ-п.124	*12*	РМ-п.82	*19*	РII-Щ/17, гл.-0,1м		
6	1308/?	*13*	1308/856	*20*	РМ-м/м; РМ-п.23; РМ-п.36; РМ-п.59; РМ-п.93; РМ-п.117		
7	1308/?	*14*	6/?	*21*	РII-Я/8, гл.-0,12м		

Рис.169. Железные наконечники стрел

1	РМ-п.38 (2 экз.); КТ-11375/691; КТ-11375/547	*9*	РI-Я/5, гл.-0,2м	*17*	РV, уч.XXX, гл.-0,9м	*25*	РV-уч.XXIX, гл. -0,14м
2	КТ	*10*	1308/?	*18*	6/879	*26*	РII-Я/14, гл.-0,2м
3	КТ	*11*	1308/86	*19*	КТ-11375/693	*27*	РII-Я/12, гл.-0,05м
4	КТ	*12*	КТ-11375/704	*20*	КТ	*28*	РI-Яма1, Г/23, гл.-0,3м
5	РМ-п.55; РМ-п.56	*13*	РVI-Л/43, гл.-0,13м	*21*	КТ-11375/690; КТ-11375/695	*29*	РIV-Щ"26, гл. -0,35м
6	РI-Р"/56, гл. -1,2м	*14*	КТ-11375/689; КТ-11375/635	*22*	РГ/?	*30*	РII-Э/3, гл.-0,54м
7	КТ-11375/691	*15*	КТ-11375/630	*23*	РМ-п.110		
8	КТ-11375/700; РV-соор.1, гл. -0,55	*16*	РI-Г/25, Яма3, гл.-0,4м	*24*	КТ		

Рис.170. Наконечники копий, ушко от кистеня (5), вток (6), колчанный крюк (7), пластина декоративная (8). Материал: 8 – бронза, остальное железо

1	РМ-п.49	*3*	РМ-п.78	*5*	РМ-п.111	*7*	РV-уч.XI, гл.-0,45м
2	РМ-п.61	*4*	РМ-РV	*6*	РМ-м/м	*8*	РII-Я/5, гл.-1,68м

Рис.171. Удила железные и их обломки

1	КТ-11375/560	*5*	РV-соор.1, гл.-0,41м	*9*	РМ-п.121	*13*	РVI-М/42, гл.-0,24м
2	КТ-11375/563	*6*	КТ-11375/562	*10*	КТ-11375/561	*14*	РII-Щ/4, гл.-0,57м
3	КТ-11375/566	*7*	РII-Ы/3, гл.-0,37м	*11*	РМ-РV	*15*	РIV-Щ"/26, гл.-0,62м
4	1308/512	*8*	РI-Ю/66, гл.-0,95м	*12*	КТ-11375/574	*16*	РV-уч.XXXIII, гл.-0,2м

Рис.172. Детали конского снаряжения

1	КТ-11375/559	*5*	РМ-м/м; РМ-п.36; РМ-п.70; РМ-п.118; РМ-п.120; РМ-п.124; КТ	*9*	РМ-п.25; КТ	*13*	1308/108
2	РМ-п.65	*6*	РМ-п.90	*10*	РII-Э/2, гл.-0,13м	*14*	РV-Яма2, гл.-0,85м
3	РМ-п.128	*7*	КТ-11375/18-30	*11*	КТ		

4	РМ-м/м	*8*	КТ	*12*	PV-Яма5, гл.-0,73м		

Рис.174а. Кресала железные калачевидные

1	PIV-П"/26, гл.-0,75м	*6*	РМ-п.36; РМ-п.69	*11*	РМ-п.37	*16*	РМ-PV
2	РМ-м/м	*7*	РМ-п.103	*12*	РМ-п.38	*17*	РМ-PV
3	РМ-м/м(2экз.); РМ-п.121	*8*	РМ-п.22, РМ-п.110	*13*	РМ-м/м	*18*	РМ-подъемный материал
4	КТ	*9*	РГ-подъемный материал	*14*	РМ-п.43; РМ-п.90	*19*	КТ
5	РМ-п.127	*10*	РМ-п.68; РМ-п.69	*15*	РМ-п.120		

Рис.174. Кресала железные (1-7), трубицы для трута железная (8) и бронзовые (9-12), кресальные кремни (15 - сердолик, остальное – кремень)

1	PIV	*6*	PI-С/27, гл.-0,53м	*11*	РМ-п.98	*16*	РМ-п.122
2	PII-Я|2, гл.-0,55м	*7*	РГ	*12*	PII-Яма2, гл.-0,61м	*17*	РМ-п.114
3	PV-П|24, гл.-0,2м	*8*	PV-уч.XXXII, гл.-0,2м	*13*	РМ-п.47		
4	РМ-п.98	*9*	РМ-м/м	*14*	РМ-п.43		
5	PII, Яя12, гл.-0,4м	*10*	РМ-м/м	*15*	РМ: п.98		

Рис.175. Кресала биметаллические

1	РМ-м/м	6	РМ-п.119	11	РМ-м/м(3экз.), РМ-п.23; КТ	16	РМ-п.120
2	КТ	7	РМ-п.100	12	КТ	17	КТ
3	КТ	8	КТ	13	КТ	18	PII-Яя/7, гл.-0,3м
4	КТ	9	КТ	14	РМ-м/м		
5	РМ-п.102	10	КТ	15	РМ-п.25		

Рис.176. Сумочки и кошельки

1	PII-Яя/5, гл.-1,7м	*5*	РМ-п.48	*10*	РМ-п.111	*14*	РМ-п.96
2	РМ-п.98	*6*	РМ-жертв.	*11*	РМ-жертв.	*15*	РМ-п.21
3	РМ-п.24	*7*	РМ-п.90	*12*	РМ-п.118		
4	РМ-п.83	*8*	РМ-п.92	*13*	РМ-м/м		

Рис.177. Ключи и детали замков (1,11). Материал: 1 – бронза, остальное - железо

1	КТ	*4*	PV-Яма 3, гл.-0,33м	*7*	PII-Э/2, гл.-0,6м	*10*	КТ
2	PII-Ф/18, гл.-0,6м	*5*	PII-Э2, гл.-0,6м	*8*	1308/775		
3	КТ	*6*	КТ	*9*	PV-уч.XXXII, гл.-0,32м		

Рис.178. Замки и детали замков

1	1308/?	*6*	PIII-П/18, гл. -0,13м	*11*	PI-Я/54, гл.-0,6м	*16*	PIII-П 18. гл. -0,13м
2	1308/?	*7*	PIV	*12*	PII	*17*	PII-Ю 10. гл. -0,09м
3	PII-III/17, гл.-0,23м	*8*	PI-Ю/57, гл.-0,1м	*13*	1308/329	*18*	PI-С 27, гл. -0,09м
4	КТ	*9*	PIV	*14*	PI-С/27, гл.-0,04м	*19*	КТ
5	PIV	*10*	PIV	*15*	PV-уч.XLVI, гл.-0,2м		

Рис.179. Гребни и расчески

1	PII-Я/3, гл.-0,9м	*5*	PI-А'/56, гл. -1,7м	*9*	PII-Ю/4, гл.-0,85м	*13*	PII
2	PII-Щ/4, гл. -1,1м	*6*	PI-А'/56, гл. -1,6м	*10*	PII	*14*	PII-Щ/3, гл.-0,3м
3	PII-Ю/2, гл.	*7*	PI-Я'/55, гл.	*11*	1308/?	*15*	PII-Ю/3, гл.-0,5 м

	-1,2 м		-0,9м				
4	PII-Ю/3, гл.-0,8м	*8*	1308/?	*12*	PII-ЯмаIV, Я/13, гл.-0,43м	*16*	PII-Я/2, гл.-0,4 м

Рис.180. Пуговицы и булавки							
1	РГ – 30 экз., КТ	*6*	PII-Ю/5, гл. -0,35м	*11*	1308/?	*16*	PIII-П/18, гл.-0,13м
2	PV-Яма3, гл.-1,65м	*7*	PII-Яя/5, гл. -0,35м	*12*	PI-Б'/56, гл.-1,6м	*17*	PI-Я/29, гл.-0,3м
3	КТ	*8*	1308/106	*13*	1308/560		
4	PI-Ю/5€, гл.-0,25м	*9*	КТ	*14*	PII-Яя/7, гл.-0,35м		
5	PI-А'/56, гл.-1,6м	*10*	КТ	*15*	PV-Яма 4, гл.-0,72м		

Рис.181. Височные кольца и серьги. Материал; 1-4, 7, 9-10, 15-18, 22-26, 28-29, 31-32, 35 – серебро; 5, 33-34 – серебро, позолота; 6, 11, 19, 21, 30 – золото; 8, 12-14, 20, 27 - бронза							
1	КТ	*10*	РМ-п.23; РМ-п.115, п.122, РМ-п.124	*19*	РМ- п.54	*28*	РМ-п.109
2	КТ	*11*	РМ-п.53, п.89	*20*	КТ	*29*	РМ- п.27
3	РМ-п.26	*12*	КТ	*21*	РМ- п.120	*30*	РМ- м/м; РМ- п.113
4	КТ	*13*	PII-Я/8, гл.-0,23м	*22*	PII-Яя/6, гл. -1,45м	*31*	РМ-п.120
5	КТ	*14*	PIV; КТ	*23*	РМ-п.78	*32*	РМ-п.44
6	РГ-подъемный материал	*15*	РМ-п.54	*24*	PII-Яя/5, гл. -1,7м	*33*	КТ-(5экз.)
7	РМ-п.70	*16*	РМ-п.79	*25*	РМ- п.98	*34*	РМ-п.115
8	РМ-м/м; РМ-п.113	*17*	РМ-м/м	*26*	РМ- м/м	*35*	КТ
9	РМ-п.58(2экз.); РМ-п.119	*18*	РМ-п.53 РМ-п.94	*27*	РМ- п.81		

Рис.182. Кольца и перстни. Материал: 1,2,4,13-14 – бронза; 3,5,6-7,15 – серебро; 9-10 – серебро, позолота; 16-17 – серебро, чернь							
1	PII-Э/6, гл.-0,8м	*6*	PIV; РМ-п.67	*11*	КТ	*16*	PII-Я/13, гл. -0,45м
2	PVI-М/39, гл. -0,07м	*7*	РМ-п.118	*12*	КТ(2экз.)	*17*	PII-Э/13, гл. -0,3м
3	РМ-п.116	*8*	РМ-м/м	*13*	РМ-м/м		
4	PII-Э/1, гл.-0,1м	*9*	РМ-м/м, РМ-п.34, РМ-п.91, РМ-п.92, РМ-п.102	*14*	РМ-п.116		
5	РМ-п.41	*10*	КТ	*15*	1308/?		

Рис.183. Браслеты пластинчатые. Материал: 3, 14 – серебро, остальное - бронза							
1	КТ	*5*	РМ-п.55	*9*	PII-Ы/1, гл.-0,83; КТ	*13*	PV-Яма3, гл.-0,3м
2	РМ-м/м	*6*	РМ-п.92	*10*	РМ-п.75;РМ-п.99; РМ-п.111	*14*	PII-Э/6, гл.-0,83м
3	РМ-м/м	*7*	PII-Щ/4, гл.-1,2м	*11*	РМ-п.48		
4	РМ-п.27	*8*	РМ-м/м	*12*	РМ-п.23		

Рис.184. Браслеты дротовые, бронзовые							
1	РМ-м/м(2экз.)	*4*	РМ-м/м; РМ-п.121	*7*	РМ-м/м	*10*	РМ-п.91
2	РМ-п.78	*5*	РМ-п.58	*8*	РМ-п.98	*11*	РМ-п.121
3	РМ-п.64	*6*	РМ-п.44	*9*	РМ-п.82		

*Рис.185. Фрагменты цепочек, разделители цепочек. Материал; 5 – серебро, остальное бронза**							
1	PI-Я/56, гл.-1,3м; PVI-Л/39, гл.-0,27м; PIV (3 экз.); PII-Ю/6, гл.-0,78м; PII-Э/4, гл.-1,2м; PIII-П/19, гл.-0,21м; PII-Яя/5, гл.-1,65м; PI-А′/56, гл.-0,12м; РМ-м/м(13экз.), п.26(2экз.), п.35, п.70, п.74, п.77(2экз.), п.79, п.81, п.92(3экз.), п.100, п.108, п.111(3экз.), п.122, п.127, жертв.(2экз.); КТ-(31экз.)	*7*	КТ	*13*	РМ-п.35	*19*	КТ
2	PII-Я/5, гл.-0,88м; РМ-м/м (3экз.), п.25, п.39, п.41, п.113, п.125	*8*	РМ-м/м, п.35; КТ	*14*	РМ-п.35, п.109	*20*	КТ
3	РМ-м/м	*9*	PII-Щ/3, гл.-1,3м; PII-Щ/1, гл.-2,05м; РМ-м/м; КТ-(4экз.)	*15*	РГ-подъемный материал; РМ-м/м; КТ-(10экз.)	*21*	КТ
4	РМ-п.111	*10*	PV-уч.XI, гл.-0,45м; PI-Ю/61, гл.-0,2м; PI-Ю/60, гл.-0,27м; РМ-м/м (5экз.), п.85, п.109; КТ-(7экз.)	*16*	КТ	*22*	РМ-м/м
5	PII-Ю/6, гл.-0,78м	*11*	PIV; РМ-п.43; КТ-(7экз.)	*17*	КТ	*23*	КТ
6	РМ-п.26	*12*	КТ	*18*	PII-Ю/4, гл.-0,31м	*24*	КТ
						25	РМ-м/м

Рис.186. Подвески умбоновидные бронзовые							
1	РМ-п.92 (2экз.)	*6*	PII-Я/7, гл.-0,4м; РМ-м/м, п.92, п.111; КТ-(2экз.)	*11*	КТ	*16*	КТ
2	PII-Яя/9, гл.-1,65м, PIII-П/19, гл.-0,21м, PII-Я/5, гл.-1,65м (2экз.),; PI-А′/56, гл.-0,12м: РМ-п.77 (2экз.); РМ-п.111 (2экз.)	*7*	РМ-п.77	*12*	РМ: мм	*17*	КТ
3	PII-Ы/2, гл.-1,55м	*8*	PIII-Н/18, гл.-0,3м; КТ	*13*	КТ	*18*	PIV
4	PII-Щ/2, гл.-1,6м (2 экз.)	*9*	КТ	*14*	КТ		
5	PII-Ю/2, гл.-1,3м	*10*	РМ-п.77	*15*	КТ		

Рис.187. Подвески биконьковые бронзовые							
1	РМ-м/м	*6*	РМ-п.35	*11*	КТ	*16*	КТ
2	PI-Ю/56, гл.-0,15м; РМ-м/м	*7*	РМ-п.26 (2экз.)	*12*	PII-Ы/15, гл.-0,25м; КТ	*17*	РМ-м/м
3	КТ	*8*	КТ	*13*	РМ-п.100; КТ-		

* цепочки из шумящих подвесок считаются как 1 экз.

					(2экз.)		
4	КТ	*9*	РМ-м/м; КТ-(2экз.)	*14*	КТ		
5	РМ-п.127	*10*	КТ	*15*	РМ-п.128		

Рис.188. Подвески срочные, подвески круглые, лунница (17), гривны (18, 20). Материал: 12-15, 19 – серебро; 10 – серебро, позолота; остальное - бронза

1	РІ-Ю/59, гл.-0,2м	*6*	РМ-п.85	*11*	РІІ-Ы/4, гл.-0,75м	*16*	КТ
2	РГ-подъемный материал	*7*	КТ	*12*	РМ-п.113	*17*	РМ-п.97
3	КТ	*8*	КТ	*13*	РМ-п.105	*18*	РІІ-И/16, гл-0,3м
4	КТ	*9*	КТ	*14*	КТ	*19*	РМ-п.37 (3экз.), РМ-п.88 (3экз.)
5	КТ	*10*	РМ-м/м	*15*	КТ	*20*	КТ

Рис.189. Подвески. Материал: 16-17 – серебро; остальное - бронза

1	КТ	*5*	КТ	*9*	РМ-п.35	*13*	КТ
2	КТ	*6*	КТ	*10*	КТ	*14*	КТ
3	РМ-п.100, п.114	*7*	КТ	*11*	КТ	*15*	КТ
4	КТ-(2экз.)	*8*	КТ	*12*	РМ-м/м	*16*	РМ-РV, м/м
						17	РМ-м/м

Рис.190. Подвески костыльковые и якорьковые бронзовые

1	РІІ-Яя/9, гл.-0,85м	*9*	РІІ-Э/2, гл.-0,13м; РМ-п.79; КТ	*17*	РМ-м/м	*25*	РМ-м/м; КТ-(2экз.)
2	РМ-п.41; КТ	*10*	РІІ-Э/2, гл.-1,25м	*18*	КТ	*26*	РМ-п.127
3	РМ-п.25	*11*	РМ-п.55	*19*	КТ	*27*	РМ- м/м
4	РМ-п.101	*12*	РМ-мм	*20*	КТ	*28*	РМ- п.74
5	КТ	*13*	РМ-м/м (2экз.)	*21*	КТ	*29*	КТ
6	КТ	*14*	РМ-п.94(2экз.); РМ-п.122/2; КТ	*22*	КТ-(2экз.)	*30*	КТ
7	РМ-м/м	*15*	КТ	*23*	РМ- м/м; КТ-(2экз.)	*31*	КТ
8	РМ-п.103	*16*	РМ-п.96	*24*	РМ-п.118; КТ-(2экз.)	*32*	КТ

Рис.191. Подсвески-ложечки. Материал: 1 – кость, остальное - бронза

1	РІІ-Я/5, гл. –1,36м	*3*	КТ	*5*	КТ	*7*	КТ
2	РМ-п.26	*4*	КТ	*6*	КТ	*8*	КТ

Рис.192. Подвески-копоушки

1	РІ-Н/22, гл.-0,53м	*6*	РІІ-Э/6, гл. –0,1м	*11*	РІІ-Яя/21, гл. –0,83м	*16*	1308/762 - РІІ
2	РІ-Ю/55, гл.-1,4м	*7*	РІІ-Ю/4, гл. –1,28м	*12*	РМ-м/м	*17*	РІ-С/25, гл. -0,12м
3	РІІ-Ямз-Э/12, гл. –0,65м	*8*	РІІ-Э/13, гл. –0,65м	*13*	КТ		
4	РІІ-Яя/6, гл. –0,1м	*9*	1308/741 – РІІ	*14*	КТ		
5	РІІ-Э/12, гл.-0,1м	*10*	РІІ-Ю/4, гл. –1,5м	*15*	КТ		

Рис.193. Каплевидные и клыковидные подвески

1	РІV; РМ-м/м	*5*	РІІ-Ы/3, гл. -2,05м	*9*	КТ	*13*	РМ-п.85
2	РМ-м/м	*6*	РМ-м/м (2экз.)	*10*	КТ		
3	КТ	*7*	КТ	*11*	РМ-м/м; КТ		
4	РМ-м/м; РМ-п.50 (2экз.)	*8*	КТ	*12*	РІІ-Щ/3, гл.-0,9м		

Рис.194. Подвески-амулеты. Материал: 1-2 – белемниты; 3 – раковина; 4-6 – позвонки рыб: 7-9 – челюсти куницы; 10-11 – клык и коготь медведя; 12-16 – резцы крупного рогатого скота; 17-20 – необработанные кости домашних животных; 21 – рог северного оленя; 22 – кость; 23 – лазурит; 24 – коготь волка; 25 - бронза

1	PII-Э/14, гл. -057м	*8*	PIV	*15*	PII-Ы/3, гл.-2,03м; 1308/?	*22*	PV-уч.XL, гл. -0,13м
2	PI-А′/58, гл. -0,19м	*9*	РГ-(7экз.)	*16*	PII-Ф/18, гл.-0,4м	*23*	КТ
3	PII-Э/10,гл. –0,35м	*10*	PV-Яма5, гл. –0,6м	*17*	PII-Э/9, гл.-0,82м	*24*	КТ
4	РГ-(8 экз.)	*11*	PV-Яма5, гл. –0,75м	*18*	PI-Я/56, гл.-1,4м	*25*	PIII-Н/18, гл. -0,2м
5	РГ-(15 экз.)	*12*	PI-Я/54, гл. -1,2м	*19*	PII-Яма5-Я12, гл. –0,45м		
6	РГ-(7 экз.)	*13*	PII-Яя/6, гл. -0,6м; КТ-(4экз.)	*20*	PII-Яма2-Э/13, гл. –0,51м		
7	PII-Ю/6, гл.-1,63м	*14*	PII-Э/6, гл. –0,7м	*21*	PIV		

Рис.196. Привески разные. Материал: 16-20, 58 – свинцово-оловянистый сплав, остальное – бронза

1	PII-Ы/15, гл.-0,09м; PI-А′/55, гл.-0,5м; PII-Э/6, гл. -0,9м; PII-Яя/5, гл. -1,25м; PIV-М/40, гл. -0,55м; PII-Ю/7, гл.-0,05м; РМ-м/м; КТ(6экз.)	*18*	PI-Ш/25-Яма3, гл.-0,4м	*35*	PII-Я/15, гл. -0,25м; PVI-Л/43, гл. -0,09м; КТ-(5экз.)	*52*	КТ-(2экз.)
2	PIV; PII-Э/4, гл.-1м	*19*	КТ	*36*	РМ- м/м; КТ	*53*	КТ-(5экз.)
3	КТ-(9экз.)	*20*	КТ	*37*	КТ-(4экз.)	*54*	КТ
4	PII-Э/15, гл. -0,08м; PII-Яя/8, гл. -0,08м; PII-Э/6, гл.-1,03м; PIV; РМ-м/м (4экз.); РМ-п.70; п.87; КТ-(24экз.)	*21*	РМ-п.26 (6экз.); КТ	*38*	PII-Э/9, гл.-0,8м; РМ- м/м (2экз.); РМ-п.125; КТ-(2экз.)	*55*	РМ-п.38, п.47, п.118
5	РМ-п.92 (11экз.); КТ	*22*	PI-Ю/57, гл.-0,1м	*39*	PII-Яма5-Ю/14, гл.-0,35м; PII-Э/3, гл.-0,6м; PI-А′/55, гл.-1,5м; РМ-м/м	*56*	РМ-м/м, п.34, п.53, п.79; КТ
6	РМ- м/м	*23*	КТ	*40*	PV-Яма3, гл.-0,3м;	*57*	РМ- м/м, п.34, п.35, п.41,

	(2экз.)				КТ		п.44(2экз.), п.73, п.75, п.81; КТ-(4экз.)
7	КТ-(7экз.)	24	КТ-(2экз.)	41	PIV	58	PII-Ы/2, гл.-1,35м; PII-Э/4, гл.-1,05м
8	КТ	*25*	PIII-П/20, гл.-0,5м	*42*	КТ	*59*	PI-А´/57, гл.-1,1м; PII-Яя/7, гл.-1,6м; РМ-м/м (2экз.); РМ-п.88(3экз.); КТ-(7экз.)
9	РМ-м/м (2экз.); РМ-п.79 (2экз.); КТ	*26*	РМ-п.41	*43*	PIV; РМ- п.104	*60*	РМ-м/м
10	РМ-м/м (2экз.): РМ-п.38	*27*	КТ	*44*	PII-Э/3, гл.-1,3м	*61*	КТ
11	РМ- п.41	*28*	PI-Ю/55, гл.-0,61м; КТ-(2экз.)	*45*	PII-Ы/3, гл.-2,05м; PII-Щ/4, гл.-1,6м	*62*	КТ
12	КТ	*29*	КТ	*46*	Pi-Ю/56, гл.-0,62м; PI-Я/59, гл.-0,08м; PII-Э/13,гл.-0,9м; PII-Яма2-Ю/13, гл.-0,12м; PII-Яя/13,гл.-0,75м; РМм/м (3экз.); РМ-п.43, п.47, п.50, п.51, п.68 80/1, 90/1, 91/1, 101/3, 105/2, 109/2, 113/2, 128/1, жертв./4	*63*	PII-Яя6, гл.-0,55м; РМ-м/м (8экз.); РМ-п.28, п.79, п.125(3экз.); КТ-(5экз.)
13	PI-А´/55, гл. -0,8м; РМ- м/м; КТ-(2экз.)	*30*	PVI-Л/43, гл. -0,1м; КТ	*47*	РМ: мм/3, п.52/2, п.111/1, п.113/2; КТ/1	*64*	РГ90-1/191, РГ91-2/693; РМ: мм/4, пп.26/1, 29/1, 43/3, 67/1, 71/5, 73/6, 76/4, 79/1, 86/1, 87/1, 91/3, 92/2, 98/1, 99/1, 100/1, 102/1, 107/1, 113/9, 116/1, 122/2, 124/1, 128/1; КТ/5
14	РМ- п.35	*31*	PII-Ы/3, гл.-0,33м; КТ-(3экз.)	*48*	РМ: мм/4, пп.44/1, 69/1, 71/1, 103/1, 105/2, 113/1, 114/1, жертв./2; КТ/4	*65*	РМ: мм/3, пп.29/1, 59/2, 84/9, 94/13, 96/6, 100/8, 102/1, 105/1, 113/6, 118/1, 119/1, 122/1; КТ/7
15	PVI-Л/38, гл. -0,09м	*32*	РМ-м/м; КТ	*49*	РМ: мм/2	*66*	РМ: мм/1, п.29/1, п.51/1
16	КТ	*33*	PIV; PI-Ю/53, гл.-0,15м; КТ-(11экз.)	*50*	РМ: мм/2; КТ/5	*67*	РМ: п.76/1
17	КТ-(3экз.)	*34*	PII-Э/3, гл.-0,18м; КТ	*51*	РГ92-5/98; КТ/5	*68*	КТ/1

Рис.197. Пряжки поясные бронзовые

1	PII-Яя/5, гл.-1,25м; КТ-(2экз.)	*9*	РГ	*17*	РМ-п.47	*25*	КТ
2	РМ-м/м; КТ	*10*	РМ-п.92	*18*	КТ	*26*	РМ-п.100
3	РМ-м/м	*11*	РМ-м/м(2экз.)	*19*	КТ	*27*	РМ-м/м
4	РМ-м/м	*12*	РМ-п.127	*20*	РМ-п.116; КТ-(4экз.)	*28*	РМ-м/м
5	PII-Э/10, гл.-0,5м	*13*	РМ-п.77	*21*	РМ-м/м	*29*	РМ-м/м
6	РМ-п.27	*14*	РМ-п.48	*22*	РМ-п.125; КТ-(8экз.)	*30*	РМ-п.115
7	РМ-п.126	*15*	РМ-п.99; КТ-(2экз.)	*23*	РМ-п.43	*31*	КТ
8	PV-уч.IX-л.-0,4м; КТ-(2экз.)	*16*	КТ	*24*	РМ-м/м		

Рис.198. Пряжки и фибулы бронзовые

1	РГ-подъемный материал; РМ-м/м; КТ	*9*	РМ-м/м	*17*	РМ-п.28	*25*	КТ
2	РМ-п.92	*10*	РМ-м/м; КТ	*18*	РМ-п.23	*26*	РМ-п.114
3	РМ-п.86	*11*	РМ-м/м	*19*	РМ-м/м; КТ	*27*	КТ
4	РМ-м/м	*12*	КТ	*20*	РМ-м/м	*28*	РМ-п.127
5	РМ-м/м; КТ	*13*	КТ	*21*	РМ-м/м	*29*	PVI-М/41, гл.-0,75м
6	РМ-п.48	*14*	РМ-м/м	*22*	КТ	*30*	РМ-п.109
7	РМ-п.79	*15*	РМ-п.114	*23*	РМ-п.25	*31*	РМ-п.36
8	РМ-п.22	*16*	РМ-п.67	*24*	РМ-мм	*32*	PII-Яма2-Ы/14, гл.-0,65м; КТ

Рис.199. Накладки ременные бронзовые

1	РМ-м/м	*29*	КТ-(2экз.)	*56*	РМ-п.114(37экз.)	*83*	РМ-п.55(4экз.), п.83
2	РМ-м/м(16экз.), п.21, п.48(24экз.), п.72, п.75, п.90(10экз.), п.102(6экз.), п.108(2экз.), п.110, п.112, п.118(13экз.); КТ-(5экз.)	*30*	PII-Ы/15, гл.-0,09м; РМ-м/м	*57*	РМ-м/м(4экз.), п.35	*84*	РМ-м/м, п.61(2экз.), п.69; КТ(3экз.)
3	РМ-п.50, п.67, п.83(6экз.); КТ	*31*	РМ-п.81	*58*	КТ	*85*	РМ-м/м, п.96, п.99(4экз.), п.102(8экз.); КТ-(8экз.)
4	РМ-м/м(2экз.), п.22(3экз.), п.34	*32*	PII-Яма2, -1,15м; РМ-м/м(2экз.), п.128; КТ-(9экз.)	*59*	РМ-п.64(6экз.)	*86*	РМ-м/м(7экз.), п.48(11экз.), п.50(4экз.), п.95, п.102(4экз.), п.103, п.118(3экз.), п.122(3экз.); КТ-(3экз.)
5	РМ-п.111	*33*	РМ-м/м	*60*	РМ-м/м, п.44, п.64(3экз.), п.71(9экз.)	*87*	РМ:м/м, п.75(5экз.)

6	РМ-м/м	*34*	РГ90/506, РГ93-2/134, РГ93/352; РМ: мм/8, пп.47, П.49(2экз.), п.78(6экз.); 107, 108; КТ-(13экз.)	*61*	РМ-м/м, п.85(7экз.)	*88*	РМ-п.70, п.71
7	РМ-м/м, п.52, п.71, п.99(5экз.), п.107, п.126(4экз.); КТ	*35*	РГ-PIV; РМ-м/м(4экз.); КТ-(12экз.)	*62*	РМ-м/м(3экз.), п.28, п.55(3экз.), п.101(2экз.)	*89*	РМ-м/м
8	РМ-м/м(16экз.), п.99(2экз.); КТ-(2экз.)	*36*	РМ-м/м(23экз.), п.47(3экз.), п.49(5экз.), п.50, п.59, п.68, п.81(6экз.), п.111(7экз.); КТ-(23экз.)	*63*	РМ-п.100(6экз.)	*90*	РМ-м/м
9	РМ-м/м(4экз.), п.28, п.47(4экз.), п.49, п.72	*37*	РМ-м/м(2экз.), п.90(5экз.)	*64*	РМ-м/м, п.100(6экз.)	*91*	РМ-м/м(3экз.), п.112(7экз.); КТ
10	РМ-м/м(4экз.); КТ	*38*	РМ-п.79(6экз.)	*65*	РМ-п.92(18экз.)	*92*	КТ-(3экз.)
11	РМ-п.48(6экз.)	*39*	КТ	*66*	РМ-п.92(10экз.)	*93*	РП-Ш/4, гл. -0,95м; РМ-м/м(2экз.), п.28; КТ-(2экз.)
12	РМ-м/м(2экз.), п.86(7экз.), п.99(2экз.), п.102, п.103, п.111(8экз.); КТ-(2экз.)	*40*	КТ	*67*	РМ-п.100	*94*	РМ-п.111
13	РМ-п.56	*41*	РП-Яма2-Э/13, гл.-1,17м; РМ-м/м(2экз.)	*68*	РМ-п.28(3экз.), п.128	*95*	КТ
14	РМ-п.59	*42*	РП-Б/57, гл.-0,2м; РМ-м/м(8экз.), п.59, 76(10экз.); КТ	*69*	КТ-(2экз.)	*96*	КТ
15	КТ	*43*	РМ-п.28(3экз.)	*70*	КТ	*97*	РМ-м/м
16	РМ-п.88	*44*	РМ-п.25(2экз.)	*71*	РМ-м/м(7экз.), п.56(2экз.), п.81(21экз.)	*98*	РМ-м/м
17	РМ-п.72, п.75, п.124	*45*	РМ-м/м, п.43,п.49	*72*	РМ-м/м(7экз.)	*99*	РМ-м/м/2; КТ
18	РМ-п.64	*46*	РМ-м/м	*73*	РМ-м/м(2экз.), п.88	*100*	РМ-м/м
19	РМ:мм/2, п.70/2, п.71/1	*47*	РМ-п.114; КТ	*74*	РМ-м/м(4экз.), п.90(37экз.)	*101*	РМ-м/м, п.28, п.38; КТ
20	РМ-п.121	*48*	РVI-Л/38, гл.-0,09м; РМ-м/м, п.23(2экз.)	*75*	РМ-м/м(2экз.)	*102*	РМ-м/м, п.99(2экз.), п.126(6экз.)
21	РМ-м/м(2экз.); КТ-(2экз.)	*49*	РМ-м/м(2экз.)	*76*	РМ-м/м(7экз.), п.48(11экз.), п.50(4экз.), п.95, п.102(4экз.), п.103, п.118(5экз.), п.122(3экз.); КТ-(3экз.)	*103*	РМ-м/м(6экз.), п.56(2экз.), п.81(21экз.)
22	КТ/1	*50*	РV-Яма4, гл.-	*77*	РМ-м/м/2	*104*	РП-Ю/7, гл.

			0.75м; РМ-м/м(16экз.), п.80; КТ-(3экз.)				-0,9м(2экз.); РМ-м/м(13экз.), п.62(5экз.), п.99(6экз.), п.102(11экз.), п.103, п.112
23	РМ:мм/1, п..55/3	*51*	РМ:п.79/6; КТ	*78*	РМ-м/м	*105*	РМ-м/м(14экз.), п.93(3экз.), п.125, п.126
24	РМ:п.86/17	*52*	РМ:м/м	*79*	РМ-п.22(2экз.)	*106*	РМ-м/м(2экз.); КТ-(3экз.)
25	КТ/1	*53*	РМ:м/м	*80*	РМ: п.34	*107*	РП-Ю/11, гл. -0,12м; РП-Я/8, гл. -0,85м; РП-Щ/4, гл. -0,73м; РV-бровка(6экз.); РМ-м/м(49экз.), п.20(9экз.), П.47, п.63; КТ-(28экз.)
26	РМ-п.79	*54*	РІ-Р/22, гл.-0,2м; РМ-м/м(2экз.), п.72; КТ	*81*	КТ	*108*	РІ-Т/20, гл. -0,32м; РГ91-РІ-Т/20, гл.-0,5м; РП-Ю/14, гл. -0,05м; РМ-м/м(4экз.), п.38, п.49(12экз.), п.90(41экз.); КТ-(41экз.)
27	КТ	*55*	РМ:п.114/26	*82*	РМ-м/м(4экз.), п.99(4экз.), п.118; КТ-(13экз.)	*109*	РП-Э/14, гл. -0,57м; РМ-м/м, п.40(9экз.); КТ
28	РП-Ю/14, гл.-0,08м; РП-Ы/2, гл.-1,35м						

Рис.200. Накладки ременные. Материал: 47-49, 55 – серебро; 30, 50 – свинцово-оловянистый сплав, остальное – бронза

1	РМ-п.25	*15*	КТ-(3экз.)	*29*	РМ-м/м	*43*	РМ-п.90(3экз.)
2	РМ-п.79	*16*	КТ	*30*	КТ	*44*	РМ-м/м, п.85(7экз.)
3	РМ-п.81(18экз.)	*17*	РМ-м/м	*31*	РМ-м/м(2экз.), п.101(6экз.), п.112(8экз.); КТ	*45*	РМ-м/м
4	РМ-п.25(2экз.)	*18*	РП-Яя/5, гл.-0,75м	*32*	РМ-м/м, п.25(4экз.), п.39	*46*	РМ-п.79
5	РМ-м/м	*19*	РМ-п.67, п.71, п.86(30экз.)	*33*	КТ	*47*	РМ-п.36(4экз.)
6	РМ-м/м(2экз.)	*20*	РМ-п.92(5экз.)	*34*	РМ-м/м	*48*	РМ-п.36(2экз.); КТ-(2экз.)
7	РМ-п.51	*21*	РМ-м/м(2экз.)	*35*	РМ-м/м(2экз.); КТ(2экз.)	*49*	РМ-п.96(6экз.)
8	КТ	*22*	КТ	*36*	РМ-п.56(9экз.)	*50*	КТ-(3экз.)

9	РП-Ю/4, гл. -2,03м	*23*	РМ-п.67	*37*	КТ	*51*	КТ
10	РМ-м/м(13экз.), п.23(5экз.)	*24*	РМ-м/м; КТ-(5экз.)	*38*	РМ-м/м(2экз.); КТ	*52*	КТ
11	РМ-м/м, п.124	*25*	РП-Ю/6, гл.-1,43м; РМ-м/м(6экз.), п.49(4экз.), п.79, п.90(7экз.), п.125; КТ-(14экз.)	*39*	РМ-п.23(2экз.), п.101; КТ	*53*	КТ
12	РП-Э/64, гл. -0,15м; РМ-п.28(5экз.); КТ-(2экз.)	*26*	РП-Ю/14, гл.-0,05м; РП-Яя/10, гл.-0,3м; РМ-м/м(8экз.), п.40; КТ-(7экз.)	*40*	РМ-п.56	*54*	КТ
13	КТ	*27*	КТ-(3экз.)	*41*	РМ-м/м(2экз.)	*55*	КТ
14	КТ/8	*28*	РМ-п.77/2	*42*	РМ-п.25	*56*	КТ

Рис.201. Наконечники ремней бронзовые

1	КТ	*18*	КТ	*35*	КТ-(5экз.)	*52*	РМ-м/м
2	КТ	*19*	КТ	*36*	РМ-п.102	*53*	РМ-м/м
3	КТ	*20*	РМ-м/м; КТ	*37*	РМ-п.112, п.126	*54*	РМ-м/м
4	КТ	*21*	РМ-п.125; КТ	*38*	РМ-м/м	*55*	РМ-м/м
5	КТ	*22*	РМ-п.113; КТ	*39*	РМ-п.107	*56*	РМ-м/м(2экз.)
6	РП-Щ/4, гл.-1,3м; РМ-п.55/1	*23*	РМ-п.48(12экз.), п.90(3экз.), п.102; КТ	*40*	РМ-п.93	*57*	РМ-м/м
7	РМ-м/м; КТ	*24*	РМ-п.55	*41*	РМ-п.62	*58*	РМ-п.86(3экз.)
8	РМ-м/м, п.102	*25*	РМ-м/м	*42*	РМ-п.101	*59*	РМ-п.86
9	РМ-п.90	*26*	РМ-м/м	*43*	КТ	*60*	РМ-м/м
10	РМ-п.67	*27*	РМ-м/м	*44*	РП-Ы/13, гл.-0,93м	*61*	РМ-м/м
11	РМ-п.55	*28*	РМ-п.67	*45*	КТ	*62*	КТ
12	РМ-п.100	*29*	РМ-п.86(3эз.)	*46*	РМ-м/м	*63*	РМ-м/м, п.28
13	РМ-м/м(2экз.)	*30*	РМ-мм; КТ	*47*	КТ	*64*	КТ-(2экз.)
14	РI-Э/64, гл.-0,2м; РП-Щ/4, -1,27м; РП-Щ/4, гл.-1,12м; РV-уч.I, гл.-0,32м; РМ-м/м(4экз.), п.40, п.49, п.71, п.83, п.90(2экз.), п.91, п.98,п.126, жертв.; КТ-(10экз.)	*31*	РМ-п.81; КТ-(2экз.)	*48*	КТ	*65*	РМ-м/м
15	РМ-п.127	*32*	РП-Щ/2, гл.-1,13м	*49*	КТ	*66*	РМ-п.63
16	РМ-м/м; КТ	*33*	КТ	*50*	РМ-п.63	*67*	КТ
17	РМ-м/м; КТ	*34*	Р-Ю/66, гл.-0,8м	*51*	КТ-(4экз.)		

Рис.202. Проколки бронзовые

1	РМ-м/м, п.67	*20*	РМ-м/м(5экз.), п.76(5экз.)	*39*	РМ-м/м(2экз.)	*58*	РП-Яя/5, гл. -1,35м; РМ-м/м; КТ
2	РI-Ю/54, гл.-0,05м; РМ-м/м(8экз.), п.27(2экз.), п.28(5экз.), п.29, п.34(3экз.), п.38(2экз.), п.49, п.58(4экз.), п.61(2экз.), п.73, п.74(2экз.),	*21*	КТ	*40*	РМ-м/м	*59*	РГ-подъемный материал; РМ-м/м(5экз.), п.79, п.99, п.128; КТ-(9экз.)

	п.81, п.82(2экз.), п.91, п.96, п.120; КТ-(10экз.)						
3	РМ-м/м, п.34(3экз.), п.49, п.75	*22*	КТ	*41*	РII-Э/9, гл.-0,55м; РМ-м/м, п.75, п.85; КТ-(5экз.)	*60*	РМ-п.119
4	РМ-м/м(2экз.), п.28, п.53(6экз.), п.58(5экз.), п.61, п.63, п.109, п.122, п.126	*23*	РII-Э/1, гл.-1,45м; РI-Щ/66, гл.-0,27м; РIV-Ф"/26, гл.-2,03м; РII-Э/12, гл.-0,08м; РI-Ы/66, гл.-0,05м; РII-Э/4, гл.-0,12м; РМ-м/м(2экз.), п.74, п.88	*42*	РIV-(2экз.); РМ-м/м; КТ-(4экз.)	*61*	РГ-подъемный материал; РII-Э/5, гл.-0,5м; РМ-м/м; КТ-(4экз.)
5	РМ-м/м, п.41(23экз.), п.113	*24*	РI-А'/59, гл.-0,39м; РII-Ы/2, гл.-0,85м; РII-Я/11, гл.-0,17м; РIV; РII-Ы/3, гл.-0,62м; РII-Ю/10, гл.-0,32м; РМ-м/м(8экз.), п.29, п.62, п.72, п.76, п.77, п.85(2экз.), п.102(2экз.), п.113, п.116, п.125(6экз.); КТ	*43*	РV-уч.XXIX, гл.-0,16м; РМ-м/м; КТ-(7экз.)	*62*	КТ-(2экз.)
6	РМ-м/м, п.124	*25*	РI-А'/55, гл.-0,65м; РV-уч. XXXIX, гл.-0,13м; РМ-м/м(6экз.), п.22, п.35(4экз.), п.93, п.97(11экз.), п.102, п.105(2экз.), п.111, п.113, п.122(2экз.); КТ-(13экз.)	*44*	РV-уч.XII, гл.-0,2м; КТ-(3экз.)	*63*	РI-О/25, гл.-0,1м
7	РI-Ю/58, гл.-0,11м; РII-Э/3, гл.-0,6м; РМ-п.34(7экз.), п.37, п.39, п.49, п.63, п.70, п.93(2экз.),	*26*	РII-Щ/3, гл.-0,08м; РV-уч.XII, гл.-0,2м;	*45*	КТ-(2экз.)	*64*	РМ-п.79(2экз.)

	п.111; КТ-(5экз.)		РМ-м/м(10экз.), п.34(2экз.), п.79, п.119				
8	РМ-м/м(7экз.), п.93, п.95	*27*	РI-Р/27, гл.-0,03м; РМ-м/м(6экз.), п.103, п.111(2экз.), п.119; КТ-(7экз.)	*46*	РМ-м/м, п.91; КТ-(4экз.)	*65*	КТ-(6экз.)
9	РМ-м/м, п.63	*28*	РМ-м/м; КТ	*47*	РI-Я/61, гл.-0,15м; РIV; РМ-м/м(2экз.), п.26, п.105, п.113; КТ-(2экз.)	*66*	КТ-(2экз.)
10	КТ-(3экз.)	*29*	РI-Ю/65, гл. -0,3м; РМ-м/м	*48*	РI-У/21, гл.-0,24м; РII-Яма2, гл.-1,37м; РIII-О/20, гл.-0,47м; РМ-м/м(2экз.), п.57, п.127	*67*	РГ-РII; РМ-м/м, п.26(3экз.), п.58(2экз.), п.76(5экз.); КТ
11	РII-Э/2, гл.-1,8м; РII-Ш/2, гл.-1,3м	*30*	РII-Ю/6, гл. -1,1м; РМ-м/м(3экз.), п.29, п.48, п.55, п.57, п.87, п.112, п.127; КТ-(21экз.)	*49*	РМ-м/м; КТ-(6экз.)	*68*	РI-Э/66, гл. -0,3м(2экз.); РМ-п.58, п.62, п.76(4экз.), п.87, п.113(4экз.), п.115, п.126(4экз.), п.127
12	РМ- м/м	*31*	РII-Э/3, гл. -0,98м; РIV	*50*	РVI-Л/39, гл.-0,58м; РМ-м/м	*69*	РМ-п.25, п.26(5экз.), п.34, п.47, п.58(5экз.), п.62, п.75, п.76, п.87, п.88, п.95, п.109(2экз.), п.125(2экз.), п.126, жертв.(12экз.); КТ-(3экз.)
13	РМ-п.61, п.109	*32*	РI-Я/54, гл. -1,26м; РII-Яя/5, гл. -0,67м; РIV; РI-В'/58, гл. -0,18м; РI-Э/63, гл. -0,12м; РМ-м/м(7экз.), п.47(3экз.), п.67, п.103, п.118, п.119, п.127, п.128	*51*	РГ-РI; РМ-м/м, п.99; КТ-(11экз.)	*70*	РМ-п.113
14	РМ-м/м(13экз.), п.53(4экз.),	*33*	РII-Я/3, гл.	*52*	РМ-	*71*	РМ-м/м;

	п.58(8экз.), п.61(3экз.)2, п.63, п.64(3экз.), п.69(2экз.), п.70(2экз.), п.72(2экз.), п.73(4экз.), п.75, п.76(7экз.), п.77(2экз.), п.83(3экз.), п.87(3экз.), п.88(3экз.), п.94(16экз.), п.99(3экз.), п.100(2экз.), п.102(2экз.), п.107, п.108(2экз.), п.112, п.116, п.120, п.122, п.125(3экз.), п.127(2экз.); КТ-(11экз.)		-1,5м; РМ-м/м(6экз.), п.96, п.116, п.127; КТ-(41экз.)		м/м(4экз.); КТ-(4экз.)		КТ-(8экз.)
15	РМ-м(4экз.), п.34(4экз.), п.35, п.44, п.56, п.70(7экз.), п.74(34экз.),п.75(2экз.), п.79(3экз.), п.89(2экз.), п.92(6экз.), п.100(2экз.), п.111, п.122(3экз.), п.124; КТ-(13экз.)	*34*	РМ-м/м(4экз.), п.99, п.118, п.120; КТ-(3экз.)	*53*	КТ-(2экз.)	*72*	КТ-1
16	РII-Ю/1,гл.-0,38м; РII-Я/12, гл.-0.11м; РМ-м/м(13экз.), п.22(12экз.), п.34(2экз.), п.39(2экз.), п.53(14экз.), п.56, п.58, п.61, п.64, п.77(3экз.), п.81(20экз.), п.99, п.107, п.113(2экз.), п.125(2экз.); КТ-(4экз.)	*35*	РМ-м/м(2экз.), п.77	*54*	КТ-(2экз.)	*73*	КТ/1
17	РII-Э/12, гл.-0,3м; РМ-м/м(6экз.), п.22, п.34(6экз.), п.41(15экз.), п.44, п.53(13экз.), п.58, п.79(11экз.), п.91, п.99, п.104, п.107, п.124	*36*	РII-Э/3, гл. -0,58м; РМ-м/м	*55*	КТ/1		
18	РМ-мм, п.91 (3экз.)	*37*	РI-Ю/61, гл. -029м; РV-Яма3, гл. -0,48м; РМ-м/м(5экз.), п.101, п.108, п.119; КТ-(11экз.)	*56*	КТ/1		
19	РIII-Р/17, гл.-0,17м; РII-Ю/6, гл.-0,4м; РI-Ю/56, гл.-0,22м; РII-Яма5, гл.-0,35м; РI-Я/58, гл.-0,62м; РII-Э/13, гл.-0,2м; РМ-м/м(2экз.), п.27, п.35, п.41(5экз.), п.50, п.53(3экз.), п.61, п.68(20экз.), п.81, п.89, п.91(3экз.), п.98(4экз.), п.96, п.101, п.105, п.107(9экз.), п.109(2экз.), п.118, п.122 (5экз.), п.126 (2экз.), п.127	*38*	КТ-(2экз.)	*57*	РГ97/429, РГ97/479, РГ93-2/95, РГ93/136, РГ90/386, РГ91-2/760; РМ: мм/1, п.105/2; КТ/6		

Рис.203. Пронизки бронзовые

1	РII-Э/5, гл.-0.4м; КТ	*16*	РI-Б'/59, гл.-0,4м, РI-	*31*	РМ-п.79;	*46*	РМ-м/м;

			Р/24, гл.-021м; РМ-м/м (2экз.), РМ-п.71; КТ- (5экз.)		КТ		КТ
2	РІ-Т/21, гл.-0,08м	*17*	РМ: п.87/1, п.108/1	*32*	РМ-п.75	*47*	КТ
3	РІІ-Щ/2, гл.-2,3м	*18*	РМ: п.50/1; КТ/1	*33*	РІ-Я/61, гл.-0,15м; РМ-п.90, п.126 (4экз.)	*48*	КТ
4	РМ-м/м (3экз.); РМ-жертв.(2экз.); РМ-п.99	*19*	РМ: мм/1	*34*	РМ-м/м, п.125; КТ	*49*	РМ-м/м; КТ
5	РІІ-Щ/2, гл.-1,2м; РМ-п.26	*20*	РМ: п.75/1	*35*	РІІ-Ы/4, гл.-0,9м	*50*	КТ
6	РМ-п.34 (2экз.)	*21*	РМ: п.103/1; КТ/3	*36*	КТ	*51*	КТ
7	КТ	*22*	РМ: мм/1	*37*	РМ-м/м	*52*	РМ-п.112 (3экз.)
8	КТ	*23*	РМ: мм/1	*38*	РМ-м/м	*53*	РМ-м/м
9	КТ	*24*	РМ: мм/1	*39*	РМ-м/м; КТ-(3экз.)	*54*	РМ-м/м
10	КТ	*25*	КТ/1	*40*	РМ-п.90	*55*	РМ-м/м
11	РІІ-Ы/4, гл.-0,25м	*26*	КТ/1	*41*	РМ-м/м(4экз.)	*56*	РМ-п.115
12	КТ	*27*	РМ: мм/1	*42*	КТ	*57*	РМ-п.53
13	КТ	*28*	РМ: мм/1, п.108/1	*43*	РІ-А′/55, -0,06м; РМ-м/м; КТ	*58*	КТ
14	КТ	*29*	КТ/1	*44*	РІІ-Яя/14, гл. -0,35м; РМ-п.125, п.127	*59*	КТ
15	РІ-О/23, гл.-0,8м; РV-Яма1, гл.-0,75м; РV-Яма3, гл.-0,55м; РМ-м/м	*30*	КТ/1	*45*	РІ-Э/54, гл.-0,3м; КТ-(2экз.)		

Рис.204. Пронизки флаконовидные и фигурные бронзовые							
1	РМ-м/м (5экз.), п.37, п.117, п.125; КТ-(2экз.)	*7*	РГ-РІ	*12*	РМ-м/м	*17*	РМ-м/м
2	РМ-м/м; КТ	*8*	РМ-м/м (2экз.), п.29	*13*	РМ-м/м	*18*	РМ-м/м
3	РМ-м/м	*9*	РІІІ-М/16, гл. -0,2м	*14*	РІ-О/27, гл. -0,07м	*19*	КТ
4	РГ-подъемный материал	*10*	РІІ-Яя/7, гл. –1,32м	*15*	КТ	*20*	КТ
5	КТ	*11*	РМ-п.78	*16*	КТ	*21*	КТ
6	РМ-п.103; КТ					*22*	РМ-п.62

Рис.205. Керамические статуэтки (куклы)									
1	РІІ-Я/4, гл. -1,5 м	*2*	РІІ-Ю/4, гл.-1,78 м	*3*	РІІ-Ю/5, гл.-1,56-1,74 м	*4*	РІІ-Ю/4, гл. -1,3 м	*5*	РІІ-Э/12, гл.-0,12 м

Рис.206. Керамические статуэтки (куклы)							
1	РІІ-Я/9, бровка	*3*	РІІІ-О/21, яма	*5*	РІІ-С/22, гл.-0,6м	*7*	РІІ-Ю/9, гл.-0,37 м
2	РІІ-Щ/1, гл.-0,91 м	*4*	РІІ-Э/3, гл.-0,85 м	*6*	РІІ-Ю/5, гл.-1,35 м	*8*	РІІ-Я/5, гл.-1,5м

Рис.207. Керамические статуэтки (куклы)

1	PII-Щ/4, гл.-2,1 м	*2*	PII-Я/5, гл.-1,5 м	*3*	PII-Щ/3, гл.-2,8 м	*4*	PII-Яя/10, гл.-0,55 м	*5*	PII-Яя/5, гл.-1,4 м

Рис.208. Игрушечная посудка и "альчики"

1	PIV-Яма 4, гл. -1,85 м	*4*	PVI-М/XXXIX, гл.-0,5 м	*7*	PI-Т/25, гл. -0,1 м	*10*	PII-Яма 4-Я/12, гл.-0,37м
2	PI-Б'/59, гл.-0,3 м	*5*	PIII-М/16, гл.-0,62 м	*8*	PI-А'/58, гл. -0,49 м	*11*	1308/913
3	PII-Ю/14, гл. -0,2 м	*6*	PIV-Яма 4, гл.-1,6 м	*9*	PII-Э/5, гл.-0,47 м	*12*	1308/912

Рис.209. Керамические шары

1	PI-Яма20, гл.-1м	*4*	1308/845	*7*	PI-Ю/64, гл.-0,08м		
2	PIV-Ь"/24, гл.-0,3м	*5*	1308/1150	*8*	PI-П/25, гл.-0,42м		
3	1308/500	*6*	1308/?	*9*	PI-П/25, гл.-0,4м		

Рис.212. Пряжки "аскизского" типа. Материал: 18-22 – бронза, 23 – кость, остальное - бронза

1	РМ-м/м	*9*	РМ-п.54	*17*	1308/?	*25*	РМ-п.92 (2экз.)
2	PI-Э/66, гл.-0,77м; КТ-11375/567	*10*	РМ-м/м	*18*	PII-Р/8, Яма8, гл.-0,4м		
3	РМ-м/м	*11*	PII-Ю/10, гл.-0,35	*19*	PI-Н/21, гл.-0,43м		
4	КТ-11375/570	*12*	РМ-п.53	*20*	РГ97/199		
5	PII-Щ/17, гл.-1,5м	*13*	РМ-м/м	*21*	РМ-м/м; РМ-п.118		
6	РМ-м/м	*14*	КТ-11375/569	*22*	РМ-п.92		
7	КТ-11375/568; РМ-п.128	*15*	РГ93/283	*23*	РМ-м/м; КТ-11375/7-16		
8	РМ-м/м; КТ-11375/572	*16*	КТ	*24*	РМ-м/м (2экз.)		

Рис.213. Щитковые пряжки и их детали, накладки "аскизского" типа, крючки, шайбы, обоймы

1	РМ-мм	*9*	PII-Ы/4, гл.-0,9м	*17*	КТ	*25*	КТ
2	PIV-Ч"/24, гл.-0,32м	*10*	PII-Э/5, гл.-0,55м	*18*	КТ	*26*	PV-С/25, гл. -0,07м
3	PII-Яма2-Ы/13, гл.-0,73м	*11*	КТ	*19*	КТ	*27*	PIV
4	PIV	*12*	PII-Э/5, гл.-0,53м	*20*	КТ	*28*	PIV
5	КТ	*13*	PII-Э/6, гл.-0,55м	*21*	PII-Ы/5, гл.-0,1м	*29*	КТ
6	PI-Г/23, гл.-0,7м	*14*	РГ90/971	*22*	КТ	*30*	PII-Щ/27, гл. -0,2м
7	1308/308	*15*	PI-Я/57, гл.-0,85м	*23*	КТ		
8	PII-Э/13, гл.-0,21м	*16*	PV-Яма4, гл. -0,52м	*24*	PI-Ю/60, гл.-1,2м		

Рис.214. Торговый инвентарь

1	PI-Ф/23, гл.-0,25 м	*6*	PI-Я/57, гл.-0,25м	*11*	КТ-11375/618	*16*	PII
2	PI-Б"/56, гл.-1.6м	*7*	PV, соор.1. гл.-0,4м	*12*	КТ-11375/617	*17*	КТ-11375/615-16
3	PII-Э/2, гл.-0.74м	*8*	PI-Т/27, гл.-0,53м	*13*	КТ-11375/619	*18*	1308/527
4	КТ-11375/47-4	*9*	PI-Т/24, гл.-0,08м	*14*	PIV-Ь"/23, гл.-0,8м		
5	PV, гл.-0,12м	*10*	PIV	*15*	КТ-11375/47		

Рис.217. Комплекс находок нового времени из раскопок Рождественского городища и могильника							
1	КТ	*4*	КТ	*7*	КТ	*10*	РМ –м/м
2	КТ	*5*	КТ	*8*	РМ –м/м		
3	КТ	*6*	PI-T/23, гл.-0,23м	*9*	РМ –м/м		

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПЛЕКСА И ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ 6
ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА 14
ПЛАНИГРАФИЯ РАСКОПОВ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ И ФИЛИППОВСКОМ ГОРОДИЩАХ 36
ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА 79
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА 79
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ФИЛИППОВСКОГО ГОРОДИЩА 82
НЕКРОПОЛИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА 86
МУСУЛЬМАНСКИЙ МОГИЛЬНИК 87
ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТНЫХ ОСТАНКОВ МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА 92
ЯЗЫЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК 95
ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ РАСКОПА I РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА 102
ПОСУДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА 174
ЛЕПНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА 175
ОРНАМЕНТАЦИЯ ЛЕПНОЙ ПОСУДЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА 183
РУЧКИ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ 187
КРЫШКИ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ 188
ПОДСТАВКИ-"ВАЛИКИ" ДЛЯ КРУГЛОДОННОЙ ПОСУДЫ 188
ГОНЧАРНАЯ ПОСУДА 189
СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОСУДЫ 199
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ БУЛГАРСКОЙ КЕРАМИКИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА 203
ПОГРЕБАЛЬНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА 205
МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА 207
ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ОБКЛАДКАМИ 209
СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА 209
ФРАГМЕНТЫ БУРДЮКОВ 210
УТВАРЬ ИЗ ЛЫКА 210
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ 252
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ 252
ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБНОЙ ЛОВЛИ 257
ОРУДИЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ 259
ОРУДИЯ ДЕРЕВООБРАБОТКИ 266
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОРУДИЯ 270
ОРУДИЯ ДЛЯ ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВ 276
ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ 307
ОРУЖИЕ ДАЛЬНЕГО БОЯ (МЕТАТЕЛЬНОЕ) 308
ДЕТАЛИ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА 308
ДЕТАЛИ КОЛЧАНОВ И НАЛУЧИЙ 309
ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ 311
НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ 311
КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ 313
ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ 314
ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ 319
КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ 320
ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ 320
ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ 321

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ... *322*
ПРЕДМЕТЫ БЫТА ... **333**
ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ОСВЕЩЕНИЯ ... *333*
ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ ... *333*
СТАЛЬНЫЕ КРЕСАЛА ... 334
БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КРЕСАЛА ... 337
ТРУБИЦЫ ДЛЯ ТРУТА ... 342
КРЕСАЛЬНЫЕ КРЕМНИ ... 342
СУМОЧКИ ... *345*
ШКАТУЛКИ ... *348*
ЗАМКИ И КЛЮЧИ ... *348*
ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ ... *349*
ПУГОВИЦЫ ... *353*
БУЛАВКИ ... *354*
УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ КОСТЮМА ... **363**
ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ ... *363*
ГРИВНЫ ... *366*
ФИБУЛЫ ... *367*
КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ ... *367*
БРАСЛЕТЫ ... *370*
ЦЕПОЧКИ ... *372*
ПОДВЕСКИ И ПРИВЕСКИ ... *375*
ПОЯСНОЙ НАБОР ... *406*
ПРЯЖКИ ПОЯСНЫЕ ... 406
НАКЛАДКИ ... 411
НАКОНЕЧНИКИ РЕМНЕЙ ... 424
ПРОНИЗКИ ... *430*
ИГРУШКИ ... **467**
КУЛЬТОВЫЕ ВЕЩИ ... **478**
ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ... **481**
ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ... **488**
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КЛАД – ВОЛГИНСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ ... **493**
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ДРЕВНЯЯ "КАСАБА АФКУЛА" (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ) ... **498**
ПРИЛОЖЕНИЕ ... **510**
Н.Б. КРЫЛАСОВА КОМПЛЕКС НОВОГО ВРЕМЕНИ (Материалы д. Постаногово) ... *510*
С.И. АБДУЛОВА БУСЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО КОМПЛЕКСА ... *515*
Р.Ф. ВИЛЬДАНОВ МОНЕТЫ ИЗ СБОРОВ И РАСКОПОК НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ В КАРАГАЙСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ ... *536*
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... **543**
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ... **563**
УКАЗАТЕЛЬ К РИСУНКАМ ... **565**

Summary

"Ancient Afkula: Archaeological Complex near the Village of Rozhdestvensk" is a substantial monograph, in which Andrey Belavin and Natalya Krylasova summarize research on one of the unique objects of medieval archaeology of Perm Region.

Rozhdestvenskiy archaeological complex includes Rozhdestvenskoe fortified settlement, Philippovskoe fortress, unfortified area out of the barrage of Rozhdestvenskiy settlement, Muslim and pagan burial grounds and Volginskiy treasure (sanctuary).

The complex attracted researchers as far back as the 19th century. At that time first descriptions and plans were made up, first finds were collected at the site and first excavations were held. Large-scale excavations on the site were carried out in 1980-1990-s. They resulted in substantial body of information on the structure of cultural layer, planigraphy, characteristics of domestic and production buildings of Rozhdestvenskoe fortified settlement, peculiarities of fortification systems of Rozhdestvenskoe and Philippovskoe settlements, funeral rites of burial grounds. A representative collection of various artifacts of material culture was gathered. The monograph presents detailed analysis and interpretation of the full body of information accumulated through the 19th and 20th centuries. This adds to the value of the book from the source study perspective. The given publication opens the "Archaeology of Perm Region: Collected Archaeological Sources" series, conceived by the researchers of Kamskaya Archaeological and Ethnographical Expedition. The series plans to summarize the results of excavations on a number of important sites, which have been researched in the course of 25 year history of the expedition.

Rozhdestvenskiy archaeological complex is unique in many ways. Practically all categories of medieval artifacts of material culture of the Permian Cis-Urals are represented there. Therefore the monograph provides a sample of the whole Perm Region medieval archaeology. Lack of rigorous summarizing research devoted to this historical period adds to the value of the book.

Rozhdestvenskiy archaeological complex is one of the medieval Cis-Urals protocities. It was known in oriental written sources of the 13th-14th centuries as "Afkula settlement". It provides a vivid example of the peculiarities of early urbanization of the Permian Cis-Urals. Sets of specialized tools, numerous remains of production facilities and a wide range of handicraft items prove the settlement to be an important centre of crafts. The finds of trade tools and various imported items show that it was also a significant trading centre. Interpretation of the finds from Rozhdestvenskoe fortified settlement and burial grounds shows that the population was large in number and various in terms of ethnic composition and religious views. A separate Muslim burial ground and Muslim amulets provide evidence for permanent residence of Muslims, originating from Volga Bulgaria. A substantial number of artifacts from Askiz region indicates that ancient Khakasses visited the territory, possibly convoying caravans. The natives of the territory together with the migrants from the banks of Sylva, Cheptsa, Vym constituted pagan Finno-Ugric population. In comparison to neighbouring places Rozhdestvenskoe fortified settlement is marked by higher levels of material

well-being and even striving for comfortable living conditions. It is seen thanks to the finds of specific "status" artifacts, expensive imported tableware for special occasions and a variety of items of handicraft industry for personal hygiene and everyday life. At the same time Rozhdestvenskoe settlement did not redistribute agricultural and craft produce between the centre and neighbourhood. In fact, the settlement did not have agricultural neighbourhood as such. The population satisfied its basic needs by farming, animal husbandry, hunting and fishing. From the middle of the 11th century transition to ploughing cultivation of land resulted in the emergence of big granary pits and hand-operated millstones. It is very likely that animal husbandry satisfied the population's need in meat food as bones of wild animals among kitchen remains are rare. Hunting was trade oriented as fur was one of the principal goods for trading with southern countries.

Rozhdestvenskiy archaeological complex sprung up on the borderline of the 9th-10th centuries and disappeared in the end of the 14th century. For about two hundred years the site was empty. Then a small new settlement was founded there. Later it developed into Postanogovo village, which existed from the 16th-17th century up to the middle of the 20th century. A range of artifacts of material culture connected with this settlement is also of interest and is presented in a separate part of the monograph.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ
Свод археологических источников
Выпуск I

Белавин Андрей Михайлович
Крыласова Наталья Борисовна

ДРЕВНЯЯ АФКУЛА:
археологический комплекс у с.Рождественск

Монография

Ancient Afkula:
Archaeological Complex near the Village of Rozhdestvensk

Редактор *Е.Е. Покровская*
Корректор *Л.Г. Щуплецова*
Технический редактор *О.А. Зуева*
Перевод на английский язык *Д.К. Чулаков*

ИБ № 270

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 1426 от 23.04.2004
Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Подписано в печать 30.01.2008. Формат 60x90/8
Бумага ВХИ. Набор компьютерный. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 79,0. Уч.-изд. л. 57,3.
Тираж 500 экз.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 238-63-12

Заказы можно направлять по адресу:
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, научный отдел ПГПУ
тел./факс(342)212-70-19

"Издательский дом “Пресс-тайм”"
614025, г. Пермь, ул. Героев Хасана, 105
тел. (342) 219-80-33

Белавин Андрей Михайлович
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Древней и Средневековой истории России, научный руководитель КАЭЭ ПГПУ.

Крыласова Наталья Борисовна
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ПФ ИИиА УрО РАН, заведующая Музеем археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГПУ.